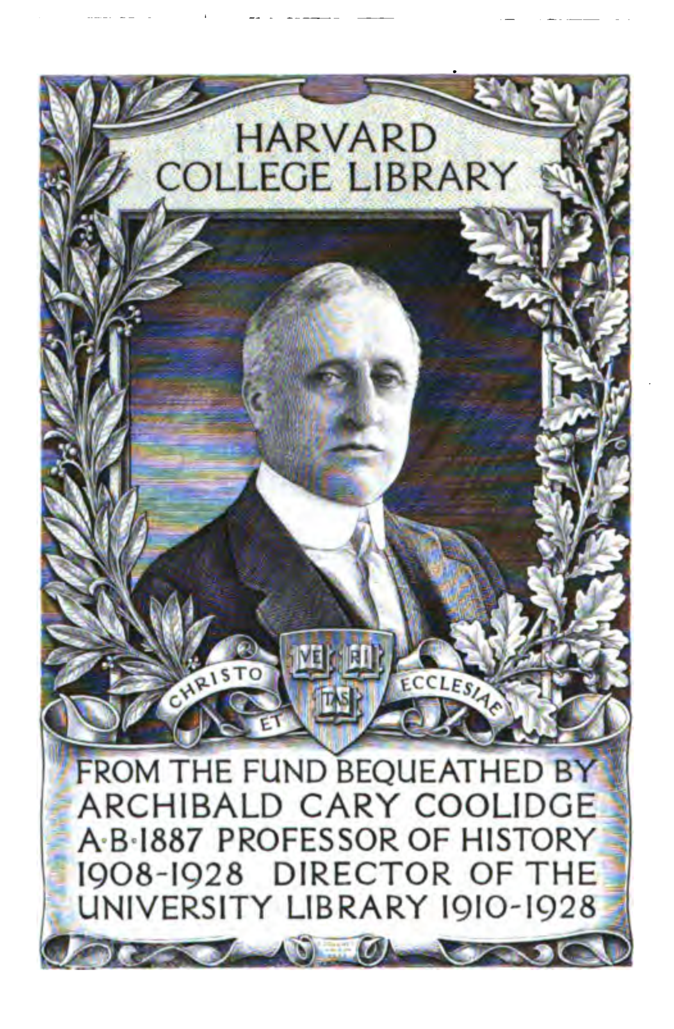
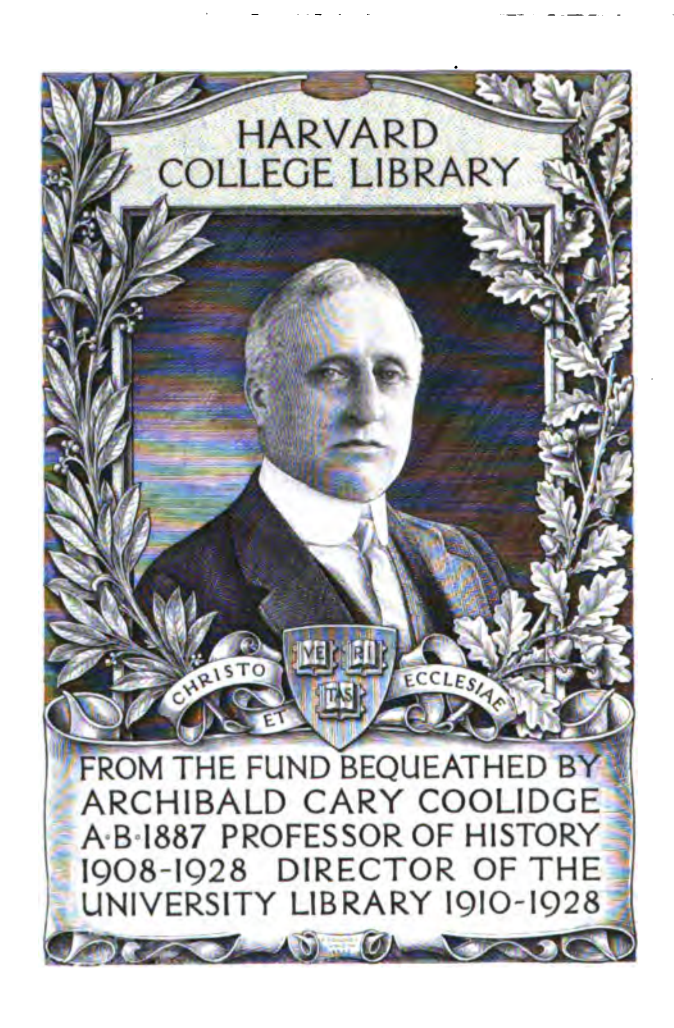

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1907.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

СЕСТРЫ.

(Повѣсть.)

I.

За послѣдніе полгода Марьѣ Ивановнѣ попадались все тяжело больные, которые не выздоравливали, а, промучившись на ея глазахъ дни и недѣли, умирали «послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни», какъ гласили публикаціи въ газетахъ. Про Марью Ивановну такъ и говорили въ общинѣ:

— Ну, если ее посылаютъ,—стало быть, капутъ.

Это была, конечно, чистая случайность: и у другихъ сестеръ паціенты нерѣдко умирали, а у Марьи Ивановны выздоравливали; но послѣдніе полгода были для нея въ самомъ дѣлѣ несчастливы.

Марьѣ Ивановнѣ приходилось большую часть времени проводить у постели больного или гдѣ-нибудь поблизости отъ нея. Особенно тяжелы были ночи, когда съ часу на часъ ожидали кончины больного и въ домѣ вѣяло смертью. Марья Ивановна усаживалась въ сосѣдней комнатѣ, чтобы не безпокоить больного свѣтомъ, и вязала кружева, чутко прислушиваясь къ каждому звуку. Ея блѣдное и неподвижное, точно эмалированное, лицо и вся ея фигура въ бѣломъ чехлѣ наводили на мысль о чемъ-то мертвенномъ, и странными казались старательно сдѣланныя завитушки надъ ея чистымъ, гладкимъ, низкимъ лбомъ.

Въ комнатахъ стояла тревожная, оторопѣлая тишина. Шипѣлъ керосинъ въ лампѣ, трещало что-то за обоями, слышались подавленные вздохи и шопоты и осторожныя: «тсъ! тсъ!» Марья Ивановна вставала, подходила къ кровати больного, поправляла подушки и опять возвращалась на свое мѣсто. По временамъ ее начинала сковывать дремота: руки съ шитьемъ падали на колѣни, и Марья Ивановна медленно раскачивалась на стулѣ въ забытьи, не переставая

слышать чуткимъ ухомъ всѣ подозрительные звуки, которые казались ей тогда то черезчуръ близкими, то слишкомъ далекими и смутными.

Но вотъ изъ комнаты больного доносились стоны или предсмертный бредъ, или какое-то клокотанье. Марья Ивановна вздрагивала, широко раскрывала глаза и бросалась къ постели, чтобы присутствовать при агоніи. Крестясь, она смотрѣла въ широко раскрытые глаза умирающаго, измученные или обезумѣвшіе, видѣла застывшее въ нихъ выраженіе ужаса, привычнымъ взглядомъ опредѣляла близость смерти. «Отходитъ», шептала она окружающимъ и осѣняла себя неторопливымъ, старательнымъ крестомъ; потомъ вставляла въ руки умиравшаго зажженную восковую свѣчу, сама тоже брала свѣчу и начинала читать своимъ безстрастнымъ голосомъ отходную среди вздоховъ и слезъ людей, тоже стоящихъ съ зажженными свѣчами.

Съ такимъ же безстрастнымъ, дѣловымъ и увѣреннымъ видомъ помогала Марья Ивановна на панихидахъ и похоронахъ. Минуты, когда она, покончивъ съ погребальными хлопотами, ѣхала съ кладбища на поминки, были наиболѣе пріятными въ ея жизни. Она чувствовала тогда смутную радость бытія, смотрѣла по сторонамъ съ особеннымъ любопытствомъ и все какъ будто ждала для себя отъ жизни чего-то необычнаго; въ ея карихъ глазахъ, всегда такихъ холодно-разсудительныхъ, вспыхивалъ тогда жадный блескъ, и она казалась въ эти минуты моложе своихъ двадцати семи лѣтъ. Хотѣлось какъ-то развернуться, выскочить изъ своей привычной черствой колеи, забыть о вздохахъ, лѣкарствахъ, заботахъ и разныхъ слащаво-утѣшительныхъ словахъ, которыя ей такъ часто приходилось говорить своимъ больнымъ.

Но когда, помянувъ покойника и получивъ надлежащую плату, а иногда и подарокъ, Марья Ивановна прощалась съ хозяевами и выходила на улицу, все ея оживленіе пропадало, лицо становилось озабоченнымъ и какъ бы деревяннымъ. Ей было не то горько, не то скучно отъ мысли, что всѣ эти люди, съ которыми она пережила столько тревожнаго, остались чужими для нея, какъ тѣ кресла, гдѣ она просидѣла столько томительныхъ ночей, подстерегая смерть, подкрадывавшуюся къ ея несчастному паціенту. Съ ней были ласковы, ее привѣчали, ее посвящали въ интимныя стороны семьи, къ ней обращались за совѣтами; то и дѣло слышалось: «голубушка, Марья Ивановна!...» «милая сестра!...» «какъ вы посовѣтуете, сестрица?...» И вдругъ: «прощайте, Марья Ивановна!...» Захлопнулась дверь, и сразу точно провалились въ какую-то трещину и люди съ ихъ привѣтливостью, и обстановка, съ которой сестра успѣвала

свыкнуться, и памятныя ей кресла. Она разомъ дѣлалась совершенно ненужной,—даже, какъ казалось ей, непріятной для родныхъ умершаго, потому что съ ней связывалось столько тяжелыхъ воспоминаній; одинъ уже этотъ красный крестъ на ея груди говорилъ всѣмъ о чемъ-то зловѣщемъ.

И чѣмъ чаще приходилось ей испытывать чувство отчужденности отъ всѣхъ, тѣмъ сильнѣе мучило ее желаніе устроить *свое* гнѣздо, имѣть свою квартиру, свои стулья, столы, постель, посуду. Въ общинѣ, гдѣ она жила, все было казенное: даже почти все ея время и силы принадлежали не ей, а общинѣ. Ходить по чужимъ людямъ, спать на чужой постели—это значило для Марьи Ивановны не жить, а «мыкаться».

Послѣ каждой продолжительной практики община давала ей отпускъ дня на два, на три, и эти праздные дни были самыми безпокойными для Марьи Ивановны. На нее тогда нападала мечтательность, и притомъ—самая однообразная, прозаическая, безкрасочная: ей все мерещились собственные столы, диваны, цвѣты на окнахъ, собственная прислуга и все обзаведеніе. — «Когда-жъ я поживу-то, наконецъ?» думала она, и ей сейчасъ же рисовалась своя кухня и своя собственная кухарка. Если она помышляла о мужѣ и дѣтяхъ, то скорѣе—какъ объ обычномъ придаткѣ къ собственной квартирѣ и хозяйству. Ей пришлось видѣть на своемъ вѣку столько несчастныхъ семей, что мысль о мужѣ и дѣтяхъ мало привлекала ее. Выдти замужъ было, на ея взглядъ, необходимо, такъ какъ устроить гнѣздо безъ помощи мужа не представлялось ей возможнымъ: имѣть свой уголъ—это важнѣе всего, а мужъ, дѣти, семейныя радости и заботы—это ужъ роскошь, иногда пріятная, иногда ненужная, а чаще всего—вредная.

II.

Въ дни отпуска она заходила прежде всего къ матери, не старой еще, но болѣвшей всѣми болѣзнями, поразительно худой, желчной и нервной. Анна Анкудиновна жила на окраинѣ города, въ дрянной комнатѣ, безобразно узкой и длинной, похожей на коридоръ. Она много лѣтъ служила въ прислугахъ у доктора Ивана Степановича, но вотъ уже второй годъ, какъ обезсилила и принуждена была уйти съ мѣста.

Вечеръ. На стѣнѣ горитъ маленькая жестяная лампочка. На ней —самодѣльный абажуръ изъ газетнаго листа, который тлѣетъ подъ угълъ закопченаго стекла лампы. Въ комнатѣ—смѣшанный запахъ

паленой бумаги и іодоформа. На столѣ шипитъ крошечный самоваръ съ продавленнымъ бокомъ: этотъ самоваръ былъ данъ еще Аннѣ Анкудиновнѣ въ приданое. Въ окно, поверхъ бѣлой, давно не мытой занавѣски, глядитъ темный зимній вечеръ.

Марья Ивановна съ матерью сидятъ за самоваромъ, вздыхаютъ и, дуя на блюдечко, неторопливо отливаютъ въ себя жиденькій чай. Въ углу сидитъ на табуретѣ братъ Марьи Ивановны, Павелъ, молодой человѣкъ, съ правильнымъ, даже красивымъ, только ужъ черезчуръ бѣлесоватымъ и неподвижнымъ лицомъ. Онъ служилъ въ переплетной и тогда помогалъ матери, но теперь онъ давно безъ мѣста и проводитъ свои дни, сидя на табуреткѣ и то вытягивая, то поджимая подъ себя ноги.

— Истиранилъ онъ меня,—жалуется Анна Анкудиновна: сидитъ, какъ пень, весь день. Такъ бы, кажется, схватила полѣно да и...

Сама она не можетъ жить безъ дѣла; какъ бы больна ни была, а все гоношится: то пойдетъ куда-нибудь постирать, то черезъ силу полы вымоетъ, то шьетъ на кого-нибудь... Видъ празднаго человѣка терзаетъ ее.

— Вѣдь вотъ Иванъ Степанычъ опредѣлилъ было его сторожемъ въ больницу,—продолжаетъ Анна Анкудиновна,—а онъ пожилъ три дня, да опять на свою табуретку, постылый!

Иванъ Степановичъ былъ главнымъ докторомъ больницы. Онъ доставалъ Аннѣ Анкудиновнѣ, по старой памяти, работу, лѣчилъ ее и заботился объ ея семьѣ: онъ-то и помѣстилъ Марью Ивановну въ общину.

— Ты хоть бы Ивана Степаныча постыдился,—говоритъ брату Марья Ивановна.

Павелъ пощипываетъ свою жиденькую бѣлокурую бородку и загадочно усмѣхается, словно хочетъ сказать: «Мы знаемъ, что знаемъ». Мать и сестра отчитываютъ его, а онъ сидитъ на своемъ табуретѣ невозмутимо и неподвижно, какъ сфинксъ, и только время отъ времени оттопыриваетъ губы и издаетъ какое-то многозначительное:

— Бу-бу-бу... Поживемъ,—увидимъ... Бу-бу-бу...

Съ нѣкоторыхъ поръ въ головѣ его укоренилась какая-то таинственная идея, которая окрыляла его, вопреки всему; точно онъ зналъ навѣрное, что не сегодня-завтра должно произойти нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ всѣ эти мелочныя нужды, заботы, разсчеты... А до тѣхъ поръ онъ терпѣливо сидѣлъ на табуретѣ, съ которымъ какъ будто сросся, и ждалъ.

— Кладъ ты, что ли, нашелъ?—спрашиваетъ мать, вся подергиваясь отъ сдержаннаго негодованія.

— Бу-бу-бу...

— Да будетъ тебѣ бубукать-то, лѣшій! Хлопочи въ дворники.

— Эта часть для насъ не подходящая,—возражаетъ Павелъ, таинственно усмѣхаясь въ свои бѣлобрысые усы.

— Тьфу, прокаженный!!

Въ голосѣ ея почти всегда слышались или горечь, или ропотъ, или дрожь негодованія. Казалось, она дошла до послѣднихъ предѣловъ терпѣнія: еще минута,—и она умретъ отъ гнѣва и боли... Но проходили минуты, часы, дни, годы, а она все жила, все мыкалась,—и становилось непонятнымъ, откуда берутся силы въ этой давно изможденной и надорванной женщинѣ? Иногда ее билъ по цѣлымъ часамъ страшный кашель, отъ котораго лицо ея синѣло и обильный потъ выступалъ на лбу; тогда Марья Ивановна останавливала на ней привычный взглядъ сестры милосердія, заботливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ точно какой-то казенный, и мысленно говорила себѣ:

— «Вотъ помретъ мамаша,—похоронить не на что будетъ, какъ слѣдуетъ». Впрочемъ, она иной разъ высказывала это и вслухъ, и мать не только не обижалась на нее, но даже цѣнила высоко такую заботливость о себѣ.

III.

По праздникамъ къ Аннѣ Анкудиновнѣ приходила младшая дочь, Софья, жившая въ мастерицахъ у портнихи. Съ перваго взгляда она была очень похожа на сестру: такое же матово-блѣдное лицо, какъ у Марьи Ивановны, такія же брови дугой, каріе глаза и довольно большой ротъ; обѣ были одинаково худы и стройны... Но при всемъ внѣшнемъ сходствѣ, это были совершенно разныя лица, разные люди. Старшая степенно ходила, солидно молчала и плотно сжимала свои блѣдныя губы; глаза ея были подернуты какою-то тусклой озабоченностью, голосъ былъ черезчуръ ровенъ и разсудителенъ: казалось, что она безпрерывно и добросовѣстно выполняетъ какую-то повинность, требуя того же и отъ другихъ... Младшая находилась постоянно въ какомъ-то безпокойствѣ или возбужденіи; выраженіе лица ея поминутно мѣнялось, глаза то загорались задорнымъ огонькомъ, то смотрѣли тревожно и испуганно, точно подозрѣвали скрытую опасность; въ нихъ какъ будто сидѣла рядомъ дѣтская необузданная егозливость, кокетливость своенравной натуры и угрюмый скептицизмъ человѣка, видавшаго всякіе виды. А изъ всего этого получалось впе-

чатлѣніе чего-то крайне безпокойнаго, шалаго и, вмѣстѣ, привлекательнаго по своей искренности.

Какъ только распахивалась съ шумомъ дверь и въ комнату влетала Софья,—всегда въ какой-нибудь особенной шляпкѣ или модной кофточкѣ, но худыхъ башмакахъ,—Анна Анкудиновна сейчасъ же враждебно настораживалась и подозрительно слѣдила за каждымъ жестомъ, за каждымъ словомъ дочери; Софья чувствовала это и держала себя неестественно: безцѣльно суетилась, некстати хохотала, манерничала. Анна Анкудиновна при видѣ этого коробилась, раздражалась и спѣшила засадить дочь за работу. Она не признавала праздниковъ: по ея мнѣнію, если бѣдный человѣкъ хочетъ прожить честно и соблюсти себя, онъ долженъ каждую минуту работать и каждую копейку держать на строгомъ счету; безъ этого избалуешься и пропадешь.

Софья, шившая цѣлую недѣлю у портнихи, садилась, скрѣпя сердце, за работу. Если у Анны Анкудиновны не болѣли глаза, она тоже шила, поучая въ то же время дочь, какъ надо вести себя. Софья слушала этотъ пропитанный горечью и надорванный голосъ, и выраженіе ея лица дѣлалось мало-по-малу такимъ же, какъ у сестры: непріятно озабоченнымъ и безжизненнымъ; такъ же сжимались губы, такъ же сдвигались брови, глаза смотрѣли холодно и упрямо.

Иногда Софья опаздывала къ матери, и тогда Анна Анкудиновна съ яростью набрасывалась на нее. Она подозрѣвала въ головѣ дочери тоже какія-то секретныя мысли, нелѣпыя и возмутительныя, какъ у Павла: вѣдь и Софья усмѣхалась такъ же загадочно, какъ Павелъ; вѣдь и она какъ будто ждала чего-то или разсчитывала на что-то, неизвѣстное для Анны Анкудиновны; портниха, хозяйка Софьи, говоритъ, что не замѣчала за ней ничего «такого», но вѣдь извѣстно, что всѣ врутъ и трудно по нынѣшнимъ временамъ встрѣтить честнаго человѣка. Почему Софья какъ-то особенно вертитъ хвостомъ? Почему отъ нея пахнетъ иной разъ духами?

Марья Ивановна при матери мало разговаривала съ сестрой и только косилась на ея платье, шляпку, манеры, да поджимала губы... Но когда Софья провожала ее въ общину, или Марья Ивановна провожала Софью къ портнихѣ, у нихъ дорогой шли оживленныя бесѣды.

— Ты съ кѣмъ это по бульварамъ шляешься?—сердито спрашивала Марья Ивановна.

— Когда?

— А на прошлой недѣлѣ. Сама видѣла.

— Это усатенькій такой?

— Бѣгу къ доктору, смотрю: на бульварѣ подъ ручку разгуливаетъ.

— Кто? Докторъ-то?

— Не докторъ, а ты... съ своимъ усатымъ.

— Онъ меня ужиномъ угощалъ.

— Что-о?

— Я ему усы сожгла. Вотъ смѣху-то было!

— Какъ это «сожгла»?

— А такъ... Поднесла ему спичку закурить, да нарочно усы и подпалила.

— Ты ополоумѣла?

— Ухъ, какъ озлился! Все плевалъ... Хотѣлъ въ полицію идти; ну, а потомъ ничего:—обошелся.

— Ты, знать, совсѣмъ безъ совѣсти стала, Софья? Съ кавалерами—по трактирамъ?...

— А чѣмъ мой хуже твоего Бабулькина?

— Ты мнѣ такихъ словъ не смѣй говорить. Петръ Архипычъ—человѣкъ пожилой, солидный... Тутъ все—по закону.

— Замужъ за него норовишь... за такого губастаго?

— Дура! Я хочу своимъ честнымъ домомъ прожить, а у тебя пакости на умѣ.

— У всякой Машки свои замашки.

— Молчи лучше!

Марью Ивановну раздражали разныя хлесткія словечки и прибаутки, которыми сестра все чаще уснащала свою рѣчь, и ея неестественно разбитныя манеры, дѣлавшія ее похожей на «уличную». Если извозчикъ кричалъ ей: «Барышня, вотъ прокачу на рѣзвой!»—Софья сейчасъ же отвѣчала ему въ тонъ: «На рѣзвой, да не трезвый», или ворчала: «что дорогу загородилъ, гужеѣдина?» Ея вертлявая походка и взглядъ, которыми она обмѣнивалась съ мужчинами, оскорбляли Марью Ивановну.

— Съ тобой стыдно по улицѣ ходить,—говорила она.

— Такъ ступай къ своему губастому, прохлажайся съ нимъ.

— Погоди: ужъ дождешься ты отъ мамаши!

— Фискалить хочешь?

— Тьфу!

Случалось, Марья Ивановна заговаривала съ сестрой о Богѣ, о душѣ, о «томъ свѣтѣ». Богъ представлялся ей какимъ-то формалистомъ-чиновникомъ, требующимъ прежде всего, чтобы во всемъ былъ соблюденъ установленный порядокъ и форма: у него всякая мелочь на счету, и всякое лыко въ строку; онъ не только строгъ, но угрюмъ

и придирчивъ и занятъ главнымъ образомъ обуздываніемъ человѣческаго баловства. Если прожить честно, по закону, то тебя впустятъ въ райскую ограду; а если не соблюдешь себя, угодишь въ пекло. Даже о райской жизни Марья Ивановна говорила своимъ обычнымъ резонерскимъ тономъ, и не было замѣтно, чтобы мысль о раѣ радостно волновала ее; когда же заводила рѣчь объ адѣ, то невольно оживлялась и рисовала иногда дѣйствительно страшную картину.

Софья внимательно выслушивала ее, а потомъ говорила въ раздумьи:

— Адъ-то, можетъ, и есть на томъ свѣтѣ, а чтобы рай былъ... Наврядъ!

— Что-жъ ты, умнѣе писанія, что ли?—возмущалась Марья Ивановна.

Софья не любила думать о божественномъ и загробномъ; однако колокольный звонъ и церковное пѣніе волновали ее, поднимая въ ней серьезныя и печальныя мысли, неясныя, но трогательныя и такія жуткія; надъ плащаницей же она плакала такъ искренно и горько, точно сейчасъ только на ея глазахъ убили дорогого ей человѣка... А когда ей случалось бывать на отпѣваньяхъ, «Со святыми упокой» переворачивало въ ней всю душу, такъ что, по выходѣ изъ церкви, она долго не могла придти въ себя, и долго еще губы ея дрожали и лицо нервно подергивалось.

IV.

Разъ въ недѣлю, а иногда и чаще, Марья Ивановна ходила въ гости къ Бабулькину, Петру Архиповичу. Познакомились они годъ тому назадъ, когда Марья Ивановна ухаживала за больнымъ отцомъ Бабулькина.

Старикъ долго боролся со смертью. Агонія была очень тяжелая... Умирающій все шире и шире раскрывалъ ротъ, стараясь вобрать въ себя побольше воздуху, и дышалъ рѣдко, тяжко, съ какимъ-то зловѣщимъ свистомъ: казалось, онъ судорожно карабкался на крутую гору, задыхаясь и изнемогая... Чтобы облегчить ему послѣднія минуты, Марья Ивановна взяла маленькій образокъ, висѣвшій надъ кроватью, и положила его на обнаженную грудь старика. Все было приготовлено ею заранѣе: и свѣчи, и образокъ, и псалтырь; все дѣлалось по строго выработанной программѣ, и на лицѣ сестры милосердія было написано, что все идетъ пока, какъ слѣдуетъ. Она и крестилась, и кланялась, и держала свѣчу съ такимъ видомъ, точно говорила: «Вотъ держите свѣчку такъ, какъ я держу, кладите кресты такъ, какъ я кладу,—и все будетъ хорошо».

Грудь умирающаго судорожно поднялась нѣсколько разъ и опустилась, какъ будто крошечный образокъ нестерпимо давилъ ее. Широко раскрытый ротъ сталъ неподвижнымъ и только часто-часто дышалъ... Въ груди что-то переливалось и булькало.

Въ комнату набились какія-то старухи: всѣ въ черномъ, всѣ охаютъ, всхлипываютъ, причитаютъ. Петръ Архиповичъ только что покончилъ съ четвертой бутылкой пива и заснулъ, какъ былъ разбуженъ и очутился передъ постелью умирающаго, среди слезъ, воздыханій, испуганныхъ лицъ. Одна Марья Ивановна сохранила среди общей растерянности присутствіе духа: она стояла у изголовья и размѣреннымъ дѣловымъ голосомъ читала псалтырь. Петръ Архиповичъ, сонный и нетрезвый, долго не могъ опомниться и усиленно таращилъ мутные глаза на стройную фигуру сестры милосердія, въ бѣломъ балахонѣ, съ краснымъ крестомъ на груди. Передъ его глазами мелькали то бутылочные ярлыки, то обрывки нелѣпыхъ сновъ, отъ которыхъ онъ еще не совсѣмъ очнулся,—а ровный металлическій голосъ сестры звучалъ отчетливо и безстрастно, внося порядокъ во весь этотъ тяжелый сумбуръ и наводя на присутствующихъ какую-то успокоительную полудремоту.

— Вотъ такая могла бы на всю жизнь успокоить...—шевельнулось въ одурманенной головѣ Петра Архиповича.

Впечатлѣніе это еще болѣе укрѣпилось въ немъ, когда Марья Ивановна такъ увѣренно, истово, даже красиво схоронила старика: и панихида, и похороны, и поминки—все прошло такъ гладко и прилично, что Петръ Архиповичъ невольно залюбовался «сестрой». Онъ просилъ ее зайти къ нему, чтобы водворить въ квартирѣ порядокъ, разобраться въ обильномъ скарбѣ, оставшемся послѣ отца и вообще поприсодѣйствовать ему; Марья Ивановна исполнила все, какъ нельзя лучше, и хотѣла проститься навсегда съ хозяиномъ, но Петръ Архипычъ удержалъ ее за руку и таинственно шепнулъ:

— Вы захаживайте, сестрица; можетъ, у насъ съ вами большое дѣло выйдетъ.

И прибавилъ еще таинственнѣе:

— Теперь я самъ себѣ голова.

Дѣйствительно, со смертью отца онъ становился полнымъ хозяиномъ и домовладѣльцемъ. Марья Ивановна поняла это и продолжала бывать у Бабулькина, интересуясь не столько имъ лично, сколько его домомъ. Самъ по себѣ Петръ Архиповичъ не былъ особенно привлекателенъ: приземистая фигура, съ длиннымъ «лошадинымъ» лицомъ, черной бородой съ просѣдью, густыми черными бровями, толстыми губами и большими оттопыренными ушами. Волосы у него

были всегда смѣшно взъерошены, красные кроличьи глаза смотрѣли мутно и растерянно моргали. Ходилъ онъ дома въ стоптанныхъ плисовыхъ сапогахъ, потому что у него ноги зябли, и все время вздыхалъ такъ тягостно, что могъ на кого угодно нагнать хандру. Домъ тоже нельзя было назвать особенно красивымъ или благоустроеннымъ; казалось, онъ былъ приспособленъ главнымъ образомъ для мышиныхъ потребностей, потому что изобиловалъ дырами, щелями и прогнившими половицами. Но всетаки это былъ цѣлый домъ со всѣми принадлежностями: съ воротами, дворомъ, дворникомъ и жильцами, даже съ собачьей конурой. Стать хозяйкой цѣлаго дома—это былъ идеалъ Марьи Ивановны. А Бабулькинъ, какъ нарочно, нѣтъ-нѣтъ да и заговоритъ о семейной жизни, о томъ, что пора ему стать «осѣдланымъ» человѣкомъ. Потомъ ужъ онъ прямо заявлялъ, что «лучше Марьи Ивановны, все равно, не найдешь». А однажды выразился такъ:

— Когда мы съ тобой обженимся, я позову Матрену и прикажу ей: «Вотъ тебѣ, Матрена, хозяйка, а меня, стало-быть, не смѣй больше отнюдь ничѣмъ безпокоить».

Всѣ ждали этой свадьбы: и Марья Ивановна, и Анна Анкудиновна, и Софья, и кухарка Бабулькина, и самъ Бабулькинъ; тѣмъ не менѣе прошло около года, а дѣло не подвигалось. Въ Марьѣ Ивановнѣ выросло двоякое чувство къ Бабулькину: какъ «женихъ», какъ будущій мужъ ея и какъ домовладѣлецъ, онъ заключалъ въ себѣ для нея что-то священное, почти мистическое, но какъ Петръ Архиповичъ Бабулькинъ, всклокоченный, нескладный, вѣчно мямлящій, онъ возбуждалъ въ ней вражду и брезгливость.

V.

Праздникъ. Звонятъ къ вечернѣ.

Бабулькинъ, вставъ отъ послѣобѣденнаго сна, сидитъ въ столовой съ измятымъ лицомъ и припухшими вѣками; передъ нимъ бутылка пива. На другомъ концѣ стола—самоваръ; передъ самоваромъ—Марья Ивановна съ напудреннымъ лицомъ и завитушками. Отправляясь въ гости или на прогулку, она подвивается, притирается, пудрится, дѣлая все это съ неизмѣнно дѣловымъ видомъ. По ея убѣжденію, дѣвушка, перешагнувъ за 25 лѣтъ, должна «наводить на себя красоту»: этого требуетъ приличіе, порядокъ и хорошій тонъ. Какъ сестра милосердія, она ходитъ съ краснымъ крестомъ на груди; какъ дѣвушка, имѣющая въ виду выйти замужъ, она прикрашиваетъ себѣ лицо: и то, и другое одинаково естественно въ ея глазахъ,

какъ давно установившаяся форма. И Бабулькинъ смотритъ на это точно такъ же: «Отчего не навести на себя глянецъ, коли черезъ это лицу поправка?»

— Если вы не прочь раздѣлить со мною мою скромную... мм... обстановку...—мямлитъ Бабулькинъ, продолжая разговоръ.

— Каждый разъ одно и то же!—раздражается Марья Ивановна.—Цѣльный годъ эту канитель тянемъ.

Петръ Архиповичъ смущенно мигаетъ. Его свалявшаяся борода торчитъ набокъ, нечесанные волосы топорщатся въ разныя стороны, бумажныя манжеты сползаютъ съ рукъ.

— Давайте, поговоримъ о будущихъ горизонтахъ...—лопочетъ онъ, грузно навалившись локтями на столъ и кривя ротъ отъ зѣвоты.

— Надоѣло ужъ мнѣ языкъ-то трепать,—сухо возражаетъ Марья Ивановна.

Она смотритъ исподлобья на сонную, шершавшую фигуру Петра Архиповича и замѣчаетъ презрительно:

— Ишь, размазался по столу!

— Одинъ—въ палатѣ, а другой—въ халатѣ,—говоритъ неизвѣстно къ чему Бабулькинъ и прдолжительно зѣваетъ.

Наступаетъ молчаніе, Марья Ивановна хмурится и нервно теребитъ скатерть.

— Долго мы еще будемъ съ тобою прохлаждаться?—спрашиваетъ она, и слышно, какъ въ голосѣ ея кипитъ желчь.

Они говорятъ между собою то на *вы*, то на *ты*, и въ этомъ опять сказывается какая-то обидная неопредѣленность.

— Да вотъ мнѣ обѣщаютъ мѣсто бухгалтера,—бормочетъ Бабулькинъ:—какъ получу бухгалтера, такъ мы съ тобой тѣмъ же часомъ...

— Какого еще бухгалтера? Вѣдь ты самъ говорилъ, что служишь бухгалтеромъ?

Бабулькинъ смотритъ на нее оторопѣло, утюжитъ кверху бороду, ловитъ ее языкомъ и старается лизнуть; такъ поступаетъ онъ всегда въ затруднительныхъ случаяхъ.

— Да, я служу...—мычитъ онъ нерѣшительно и умолкаетъ.

Марью Ивановну бѣситъ то, что до сихъ поръ не можетъ разоб...атъ путемъ, какую должность занимаетъ Бабулькинъ, какъ велико е... жалованье и каковы, вообще, его намѣренія? И чѣмъ дальше они з...акомы, тѣмъ меньше она понимаетъ, что за человѣкъ Бабулькинъ: г...упый онъ или не глупый, вретъ онъ или говоритъ правду, привяз...къ ли къ ней или равнодушенъ? Она даже не можетъ различить,

когда Петръ Архиповичъ пьянъ и когда трезвъ; въ сущности онъ почти никогда не бываетъ пьянъ, но зато почти никогда не бываетъ и трезвъ. Если бы онъ былъ пьяницей, онъ не ходилъ бы ежедневно на службу: его бы давно прогнали изъ конторы; съ другой стороны, если бы онъ былъ трезваго поведенія, глаза его не были бы всегда такъ мутны, а рѣчи—такъ вздорны; положимъ, онъ водки не пьетъ, но зато у него всѣ углы заставлены пустыми бутылками изъ-подъ пива.

— Поменьше бы суслили,—говоритъ она, кивая на бутылку: дѣло-то было бы лучше.

— Это я такъ только...—мямлитъ Бабулькинъ и испускаетъ тягостный вздохъ.

Опять молчаніе. Марья Ивановна сидитъ съ плотно сжатыми губами, и видъ у нея почти грозный; Бабулькинъ въ смущеніи лижетъ бороду.

— Ваше отъ васъ не уйдетъ,—произноситъ онъ, надумавшись, и тяжко вздыхаетъ.

— Давайте лучше въ «66» играть,—возражаетъ брезгливо Марья Ивановна, потомъ достаетъ сама изъ стола карты и угрюмо сдаетъ.

Играютъ долго и молча. Бабулькинъ время отъ времени кладетъ карты, уходитъ въ спальню, и оттуда слышится булькапье или щелканье пробки.

Марья Ивановна смотритъ въ это время въ его карты и всегда выигрываетъ, послѣ чего торопится получить съ «жениха» деньги. Плутовать и обыгрывать Бабулькина она считаетъ въ порядкѣ вещей: долженъ же онъ хоть чѣмъ-нибудь заплатить ей за то, что она ходитъ къ нему, разговариваетъ, разливаетъ чай. Вѣдь это все равно, что за больнымъ ходить.

— Однако, ты меня нагрѣла,—говоритъ Бабулькинъ, отдавая Марьѣ Ивановнѣ деньги, и при этомъ хочетъ схватить ее за подбородокъ, но она сердито уклоняется.

Вечеромъ приходятъ гости: рыженькій Онуфрій Семеновичъ, толстый Олифантовъ, съ «клюквеннымъ» носомъ, весельчакъ Дудкинъ и еще кто-нибудь изъ сослуживцевъ Бабулькина. Всѣ они любезничаютъ съ Марьей Ивановной, всѣ смотрятъ на нее такъ, точно хотятъ сказать: «Гм... гм... понимаемъ». Они называютъ Марью Ивановну за глаза «канарейкой» и «сюжетомъ», а подъ пьяную руку отпускаютъ на ея счетъ непристойныя шуточки.

Чаще всѣхъ бываетъ Дудкинъ, молодой приказчикъ, голубоглазый, бѣлозубый, съ прямымъ проборомъ на головѣ и усиками стрѣл-

ками, которые онъ кокетливо пощипываетъ. Онъ то и дѣло хохочетъ, обнажая зубы до самыхъ десенъ, хлопаетъ Бабулькина по животу, называетъ его «папашей» и особенно галантерейно расшаркивается передъ Марьей Ивановной. Иногда онъ приноситъ съ собой большую гармонику, на которой отлично играетъ русскія пѣсни, и тогда Марья Ивановна засиживается у Бабулькина до поздняго вечера, слушая музыку. При этомъ она впадаетъ въ то тревожное повышенное настроеніе, какое испытываетъ, возвращаясь послѣ похоронъ съ кладбища; она какъ будто молодѣетъ, какъ будто ждетъ чего-то необычнаго, смутно волнуется, и глаза ея становятся живыми, блестящими, какъ у Софьи.

Дудкинъ, какъ бы дурачась, цѣлуетъ иногда Марью Ивановну тайкомъ отъ Бабулькина. Это смущаетъ ее и сердитъ, потому что «дѣвушка должна себя соблюдать». Она бранится, а Дудкинъ только скалитъ на нее свои ослѣпительные зубы да покручиваетъ усики.

Прощаясь вечеромъ съ Бабулькинымъ, Марья Ивановна каждый разъ чувствуетъ глухое раздраженіе противъ «жениха»; а когда неуклюжая Матрена захлопываетъ за ней дверь крыльца и какъ-то обидно звонко щелкаетъ ключомъ, въ Марьѣ Ивановнѣ закипаетъ жгучая ненависть къ Петру Архиповичу.

Иногда она, посидѣвъ нѣсколько минутъ, вдругъ молча срывается съ мѣста и бѣжитъ въ переднюю одѣваться. Бабулькинъ растерянно топчется передъ ней, упрашиваетъ посидѣть, а она молчитъ, стиснувъ зубы и не глядя на хозяина.

— Тяжелый у тебя характеръ, тяжелый!—вздыхаетъ Бабулькинъ.

Марья Ивановна хлопаетъ дверью и уходитъ, не простясь съ Бабулькинымъ, и долго еще идетъ по улицѣ съ крѣпко стиснутыми губами, съ мрачной складкой на лбу, вспоминая съ отвращеніемъ о жалкой конурѣ матери, о скучной общинѣ, о привередливыхъ больныхъ и о всей своей бездомовной, неуютной жизни.

VI.

Характеръ у Марьи Ивановны, въ самомъ дѣлѣ, становился тяжелымъ. Въ общинѣ она начала огрызаться,—особенно, когда тамъ разговаривали объ ея «женихѣ». Слухи о Бабулькинѣ проникли въ общину съ тѣхъ поръ, какъ онъ однажды зашелъ туда съ пьяныхъ глазъ «навѣстить сестрицу». Тогда смотрительница сдѣлала Марьѣ Ивановнѣ жестокій выговоръ, а сестры не давали ей проходу своими насмѣшками и экивоками. Отношенія ея въ общинѣ стали натянутыми, и ея положеніе тамъ дѣлалось со дня на день тяжелѣе.

И съ больными Марья Ивановна была уже не попрежнему: часто теряла терпѣніе, отвѣчала срыву, глядѣла иногда волкомъ. Стали поступать въ общину жалобы, и если бы не Иванъ Степановичъ, ее, можетъ быть, прогнали бы за ея «характерность».

Дома тоже начались столкновенія. Прежде Марья Ивановна охотно бесѣдовала съ матерью о Бабулькинѣ. Вопросъ о замужествѣ Марьи Ивановны обсуждался ими вполнѣ откровенно, дѣловито и хозяйственно. Бабулькинъ даже сдѣлалъ Аннѣ Анкудиновнѣ два визита, причемъ одинъ разъ принесъ ей коробку монпасье, а въ другой разъ—копченаго сига. Теперь Марья Ивановна отвѣчала на разспросы матери угрюмо и односложно или раздражительно молчала; Анна Анкудиновна сердилась и прикрикивала на нее: «Чего морду-то скосоротила? Съ тобой мать говоритъ».

Но особенно возмутило Анну Анкудиновну то, что дочь заговорила съ ней о богадѣльнѣ.

— Подъ заборомъ, какъ собака, помру, а не пойду въ твою богадѣльню!—кричала внѣ себя Анна Анкудиновна.—Тебѣ копейки для меня жалко? Такъ не нужно мнѣ ничего: въ уголъ переѣду, черные сухари буду ѣсть, а въ богадѣльню не позволю упехтать себя!

Напрасно доказывала ей Марья Ивановна, что въ богадѣльнѣ будетъ спокойнѣе: Анна Анкудиновна рвала и метала, пока не разразилась страшнымъ кашлемъ. Въ ней глубоко сидѣло отвращеніе ко всему чужому, казенному; она предпочитала ходить на грубую поденную работу, ѣсть впроголодь, лишь бы только имѣть свой собственный уголъ. Марья Ивановна знала это отлично по себѣ самой: ей тоже была противна казенная обстановка общины; она заговорила о богадѣльнѣ просто потому, что упала духомъ и уже мало вѣрила въ возможность устроиться «своимъ хозяйствомъ».

Послѣ этого разговора отношенія ея съ матерью стали холоднѣе: Анна Анкудиновна начала теперь коситься на нее такъ же подозрительно, какъ на младшую дочь, а Марья Ивановна стала рѣже бывать у матери.

Съ сестрой у нея вышло еще хуже. Однажды вечеромъ она шла отъ «жениха», сердитая и разстроенная, и встрѣтилась съ Софьей, которая гуляла подъ руку со студентомъ. Софья весело закивала ей, но Марья Ивановна насупилась и отвернулась, а потомъ, придя къ матери, разсказала ей объ этой встрѣчѣ. Анна Анкудиновна при первомъ же свиданіи отхлестала Софью по щекамъ, послѣ чего сама разразилась истерическими слезами и рухнула въ постель.

Софья съ тѣхъ поръ къ матери не заходила. Портниха прислала за ней къ Аннѣ Анкудиновнѣ дѣвочку: значитъ, и у хозяйки ея не

было. Никто не зналъ, гдѣ ее искать. Анна Анкудиновна плакала и проклинала себя, свою судьбу, и портниху, и студента, и все на свѣтѣ.

Наконецъ, Марьѣ Ивановнѣ, которая каждый день ѣздила за докторомъ для своей больной барыни, посчастливилось встрѣтить сестру на улицѣ. Софья, расфранченая, ѣхала на лихачѣ съ офицеромъ. Она повернулась къ Марьѣ Ивановнѣ, трюхавшей на извозчичьей клячѣ, показала ей кулакъ и крикнула:

— Езуитка!

Узнавъ о томъ, что вышло съ Софьей, Анна Анкудиновна окончательно слегла въ постель. Пріѣзжалъ Иванъ Степановичъ, многозначительно покачалъ головой и сказалъ:

— Теперь лежи смирно, Анкудиновна, да сердцу воли не давай, а то на столъ попадешь, подъ бѣлую скатерть.

VII.

Были сумерки. Марья Ивановна сидѣла у себя въ общинѣ и вязала крючкомъ кружева для бѣлья, назначаемаго себѣ въ приданое. Это было всегда ея любимой работой въ досужее время, и прежде она занималась этимъ съ удовольствіемъ. Но теперь, когда надежда на Бабулькина сильно поколебалась въ ней, она уже не соединяла съ своимъ крючкомъ прежнихъ отрадныхъ мыслей и вязала только по старой привычкѣ, изнывая въ то же время отъ холодной скуки.

— Сестра, васъ тамъ какая-то барыня спрашиваетъ,—доложила ей горничная.

Марья Ивановна вышла на крыльцо и увидала Софью, подъѣхавшую на лихачѣ. Стройная, модно одѣтая, въ новенькихъ перчаткахъ, она казалась элегантной дамой.

— Я сердитая, да отходчивая,—молвила она, кивая сестрѣ.— Поѣдемъ кататься,—прибавила она скороговоркой.—Соври тамъ что-нибудь, у себя въ общинѣ.

Марья Ивановна была и ошеломлена, и заинтригована, и даже немножко тронута незлобивостью сестры. Она сказала смотрительницѣ, что за ней прислала ея барыня, которая недавно выздоровѣла. Сказала она такъ искренно и невозмутимо, что смотрительница тотчасъ отпустила ее.

— Соврала что-нибудь?—спросила Софья, когда онѣ съ сестрой выѣхали на улицу.

— Извѣстное дѣло,—равнодушно отвѣтила Марья Ивановна.— У насъ всѣ врутъ: ужъ такой порядокъ. Въ общинѣ нельзя не врать.

Потомъ, покосившись на нарядъ сестры, спросила вполголоса:

— Ты это что же теперь? На какомъ положеніи?

— Такъ... Человѣкъ одинъ есть,—беззаботно сказала Софья и тотчасъ же пустилась разсказывать сестрѣ о своихъ «любвяхъ».

Она всегда была въ кого-нибудь влюблена, кого-нибудь обожала. То носится съ «помощникомъ»:

— Ахъ, вотъ, если бы ты видѣла помощника нашего! Вотъ красота!...

— Какого помощника?

— Пристава... Кажется, душу отдала бы!...

То влюбится въ монашенку: «бѣлая, вся въ черномъ, а голосокъ тоненькій-претоненькій. Чисто, ангелъ!»

Теперь она обожала студента, съ которымъ встрѣтила ее Марья Ивановна.

— Какъ стишки говоритъ: вѣкъ бы слушала! И деликатный такой: слова гнилого не скажетъ... Читалъ онъ мнѣ книжку или стишокъ—не помню: такъ жалостно... мочи нѣтъ!... Да вотъ уѣхалъ, постылый... Каждый день объ немъ реву.

А Марья Ивановна молчала и думала: «Зачѣмъ я поѣхала съ ней? Срамъ одинъ!» Впрочемъ, нужно же было дознаться, какъ живетъ теперь Софья, остался ли въ ней еще стыдъ, или она послѣдній растеряла? Но на всѣ разспросы Марьи Ивановны, у кого она живетъ, Софья только смѣялась и говорила:

— Такъ... одинъ господинъ пожилой...

Или начинала разсказывать о подружкѣ, которую на-дняхъ схоронили.

— Кто такая была?—сухо спросила Марья Ивановна.

— Проститутка. Молоденькая совсѣмъ... Страсть, жалко дѣвчонку... Дома ее били, въ заведеніи били; потомъ была у одного пьяницы на содержаніи: тотъ тоже билъ ее, чѣмъ ни-попадя... И умерла-то на улицѣ: кровь горломъ пошла... Это мой... пожилой... похоронилъ ее.

Марья Ивановна слушала сестру, поджавъ губы, и думала: «Зачѣмъ меня понесло кататься съ ней? И знакомыя-то у нея все какія... Чистый срамъ!»

А Софья между тѣмъ расчувствовалась: глаза и носъ были у нея красны, лицо нѣжно и скорбно.

— Эхъ, Лелька, Лелька!—говорила она, и въ голосѣ ея дрожала печаль.—Все мечтала найти хорошаго человѣка. «Я, говоритъ, тогда всѣ эти глупости брошу». Вотъ-те и «хорошій человѣкъ»! Ей бы жить да жить... Семнадцатый годъ только дѣвчонкѣ пошелъ...

— Порядочная дѣвушка никогда себя не потеряетъ,—сказала съ неожиданнымъ ожесточеніемъ Марья Ивановна.

— Да кто для тебя «порядочныя»-то?—возразила Софья, сверкнувъ глазами на сестру.—Знать, только тѣ вотъ, на которыхъ я у портнихи платья шила? У иной рожа осколкомъ, а она цѣльный часъ передъ зеркаломъ миніатюрится. Для нея, бывало, ночи напролетъ сидишь: спина болитъ, глаза болятъ. А она пріѣдетъ примѣрять, такъ ломается-ломается надъ тобой. «Вы мнѣ фигуру испортили!» Такъ бы и плюнула!

— Стало быть, честная жизнь тебѣ не по вкусу пришлась?—спросила Марья Ивановна брюзгливо, пропустивъ мимо ушей слова сестры.

— Ты опять за свое? Стой, кучеръ! Стой, дуракъ!

Лихачъ остановился.

— Вылѣзай!—крикнула Софья сестрѣ.—Не хочу съ тобой! Пошла къ лѣшему!

Марья Ивановна, поблѣднѣвъ отъ оскорбленія, вылѣзла изъ пролетки.

— Грыжа этакая!—сказала ей Софья.

— Безстыжая!—процѣдила сквозь зубы Марья Ивановна и быстро пошла прочь.

— Ступай въ свой рай, а я прямо въ адъ покачу!—крикнула съ хохотомъ Софья.—Пошелъ, лихачъ! Скорѣй, не жалѣй лаптей!

VIII.

Анна Анкудиновна лежала на постели и охала. За послѣднее время она еще больше осунулась и какъ-то странно затихла: уже не кипѣла раздраженіемъ, не бранилась, не проклинала все и всѣхъ... Марья Ивановна растирала ей грудь французскимъ скипидаромъ и, между дѣломъ, пилила брата, сидящаго въ своемъ углу на табуретѣ.

Павелъ тоже поосунулся и пообносился; но прежняя загадочная усмѣшка не покидала его усовъ, какъ будто повисшихъ уныло. На всѣ доводы и попреки сестры онъ отвѣчалъ невозмутимо: «Не тѣ времена нынче», или, оттопыривъ губы, производилъ ими свое обычное: «бу-бу-бу».

— Какія «времена», дурацкая твоя голова?—вскидывалась на него Марья Ивановна.—Всѣ вы дармоѣдничаете только. Я бы выдрала всѣхъ васъ хорошенько!

Она разумѣла революціонеровъ, забастовщиковъ и всякихъ безпокойныхъ людей. Прежде, слыша о забастовкѣ, она говорила разсудительно:

— Понятно, каждому хочется, какъ бы получше.

Теперь же она относилась съ ожесточеніемъ ко всякому протесту и своеволію, причемъ сваливала въ одну кучу и протестующихъ рабочихъ, и студентовъ, и хулигановъ, и либераловъ:

— Всѣхъ въ одинъ мѣшокъ—и въ воду!

— Ошибаешься въ своихъ размѣрахъ,—возражалъ снисходительно Павелъ.—Вы съ матерью—люди стараго завѣта и не можете взять въ понятіе всего кругозора...

Онъ старался выражаться поизысканнѣе, и это было особенно несносно для Марьи Ивановны, какъ какое-то вредное юродство. Она приготовилась уже высмѣять его хорошенько, но въ эту минуту вошла Матреша, кухарка Бабулькина.

— Петръ Архипычъ помираютъ,—сообщила она слезливо.—Просятъ Марью Ивановну къ себѣ.

— Какъ «помираютъ»? Что ты!—заволновалась Марья Ивановна.

— А такъ, что вовсе даже лежатъ... Просятъ—поскорѣича...

Черезъ полчаса Марья Ивановна входила въ спальню Бабулькина, гдѣ онъ лежалъ на постели подъ теплымъ одѣяломъ и жалобно кряхтѣлъ. На подоконникѣ, среди непочатыхъ, отпитыхъ и выпитыхъ пивныхъ бутылокъ, стояло множество лѣкарственныхъ пузырьковъ и баночекъ.

— Что съ вами?—въ испугѣ спросила Марья Ивановна.

— Да вотъ голова что-то... и въ животѣ какъ-то неудобно.

— А Матрена сказала: «помираетъ».

— А какже?—возразила Матрена, стоявшая въ дверяхъ съ руками подъ фартукомъ.—Видите, лежитъ пластомъ?

— Ступай въ кухню, дура,—сказалъ Бабулькинъ.

Матрена въ недоумѣніи ушла. Марья Ивановна, сразу оживившись, тотчасъ принялась за дѣло: разспросила подробно Петра Архипыча о болѣзни, пересмотрѣла съ видомъ знатока пузырьки и банки, мимоходомъ пересчитала число выпитыхъ бутылокъ и спросила Бабулькина, какой докторъ его лѣчитъ? Оказалось, что Бабулькинъ боится докторовъ хуже смерти и лѣчитъ себя самъ тѣми лѣкарствами, которыя остались послѣ покойнаго отца; а такъ какъ онъ не можетъ рѣшить, что̀ въ особенности помогаетъ, то глотаетъ по немножку изъ всѣхъ пузырьковъ. Марья Ивановна выбранила его и взялась лѣчить по-своему, то-есть велѣла Матренѣ убрать подальше лѣкарства и убавила порціи пива.

Вскорѣ Бабулькину стало легче, но ему такъ понравилось лежать на постели и разсказывать «сестрицѣ» о своихъ многочисленныхъ

недугахъ, что онъ продолжалъ нарочно кряхтѣть, охать и говорить разслабленнымъ голосомъ. Ему пріятно было смотрѣть, какъ Марья Ивановна привычной рукой поправляетъ подушки, открываетъ и закрываетъ форточку, пробуетъ, нѣтъ ли у больного жара. Ея нетороплнвыя, увѣренныя движенія и дѣловитость во всемъ вновь покоряли его сердце. Въ головѣ его, слегка отдохнувшей отъ пива, опять мелькала мысль: «да, такая можетъ на всю жизнь успокоить», и онъ, глядя на Марью Ивановну, проводилъ языкомъ по губамъ, точно смакуя что-то вкусное.

Марья Ивановна, въ свою очередь, чувствовала, какъ эта мнимая болѣзнь сближаетъ ихъ, и продолжала усердно ходить за Бабулькинымъ. Она ежедневно забѣгала къ нему и изъ общины, и съ практики, причемъ вездѣ говорила, что ей необходимо навѣстить больную мать. Она забѣгала и къ матери, но только затѣмъ, чтобы поговорить съ нею о Бабулькинѣ. Теперь обѣ онѣ съ матерью были опять полны надеждъ на лучшее, опять разговаривали съ прежней откровенностью, опять были на дружеской ногѣ. Анна Анкудиновна даже подбодрилась и стала вставать съ постели, а Павелъ даже просилъ сестру похлопотать для него черезъ Бабулькина о какомъ-нибудь «мѣстишкѣ».

— Я бы послужилъ гдѣ-нибудь, пока что...—говорилъ онъ, и Марью Ивановну уже не раздражало теперь это его загадочное— «пока что».

Бабулькинъ окончательно вошелъ во вкусъ болѣзни. Хотя онъ началъ аккуратно ходить на службу, но каждый день, вернувшись изъ конторы и пообѣдавъ, заваливался на постель и охалъ, поджидая Марью Ивановну.

Дудкинъ, навѣщавшій его, давился со смѣху, слушая разслабленный голосъ Бабулькина или глядя, какъ Марья Ивановна помогаетъ больному повертываться съ боку на бокъ. Въ сущности, онъ навѣщалъ не Бабулькина, а Марью Ивановну; когда ея не бывало, онъ, выпивъ наскоро бутылку пива, говорилъ хозяину: «Прощай, упокойникъ! Покойся, прахъ, до радостнаго утра», и уходилъ въ тр актиръ. Когда же заставалъ Марью Ивановну, онъ ходилъ за нею по пятамъ, провожалъ ее, скалилъ на нее свои ослѣпительные зубы, вы разительно пощипывалъ усики и говорилъ ей:

— Ежели бы теперь была зима, я бы безпремѣнно бросился въ пр рубь.

— Ишь, какой горячій,—шутила Марья Ивановна и называла ег «утопленникомъ».

Никогда еще она не была такой оживленной, даже игривой. Съ

Бабулькинымъ дѣло было почти слажено: онъ даже подарилъ ей колечко съ бирюзой и серьги «почти брилліантовыя». Внутренно она уже прощалась съ общиной, и тамъ чувствовали это; смотрительница говорила про нее сестрамъ: «Ну, эта у насъ только до Пасхи пробудетъ», а Марья Ивановна говорила то же самое матери. И Бабулькинъ мямлилъ что-то о красной горкѣ, и Анна Анкудиновна бредила ею, и даже Матрена, упоминая про красную горку, какъ-то особенно прищуривала свой косой глазъ.

Съ Дудкинымъ Марья Ивановна обращалась теперь гораздо развязнѣе, какъ человѣкъ, увѣренный въ себѣ и въ своемъ будущемъ. Когда онъ говорилъ ей, смѣясь глазами: «Вы ухаживайте за «папашей», а я буду ухаживать за вами»,—она чувствовала какое-то щекотанье въ сердцѣ и отвѣчала съ тяжеловѣснымъ кокетствомъ, вдругъ проявившимся въ ней:

— Очень пріятно. Сдѣлайте такое ваше одолженіе.

IX.

— Христосъ Воскресе! Съ праздникомъ!

— Воистину...

Бабулькинъ всталъ не безъ труда изъ-за стола, уставленнаго пасхальными яствами, и троекратно чмокнулъ Марью Ивановну мокрыми отъ пива губами, послѣ чего поспѣшилъ сѣсть.

Въ ту же минуту какая-то низенькая, шарообразная, темная фигура быстро и беззвучно выскользнула изъ комнаты, точно по полу прокатился черный узелъ или огромный мячъ.

— Это кто же такая?—спросила Марья Ивановна, поджимая губы.

Бабулькинъ въ смущеніи собралъ бороду въ кулакъ и лизнулъ ее языкомъ.

— Садись, гостья будешь,—сказалъ онъ.

Но Марья Ивановна не садилась. Она пытливо вглядывалась въ кроличьи глаза Петра Архиповича и чувствовала что-то недоброе.

— Кто эта трамбовка?—повторила она свой вопросъ почти грозно.

Бабулькинъ испуганно и оторопѣло смотрѣлъ на нее. Марья Ивановна догадалась. Она вдругъ вспомнила, какъ Матрена бормотала что-то о свахѣ, которую будто бы прогналъ отъ себя Петръ Архиповичъ; вспомнила, что Бабулькинъ уже больше недѣли не охаетъ, не лежитъ и не жалуется на болѣзнь, что онъ встрѣчаетъ ее за послѣднее время какъ-то растерянно и сердится, когда она отнимаетъ у него пиво.

— Сваха была?—сказала Марья Ивановна, буравя Петра Архиповича негодующимъ взглядомъ.

— Бери,—говоритъ,—за себя молоденькую, чтобы она смотрѣла на тебя, какъ на ягоду,—лопоталъ Бабулькинъ, силясь придать всему шутливый оборотъ.

— Какую «молоденькую?» Откуда?

Марья Ивановна сдѣлала шагъ къ нему и, блѣдная, остановилась противъ Бабулькина; для праздника она больше обыкновеннаго напудрилась и казалась оттого еще блѣднѣе.

— Вѣдь старику почему пріятно жениться на молоденькой?—продолжалъ Бабулькинъ, видимо струхнувъ, но все еще стараясь обратить дѣло въ шутку.—А потому, что молоденькая... она—и жена, и ребенокъ вмѣстѣ...

— А это что?—сказала Марья Ивановна, едва переводя духъ отъ гнѣва и суя подъ носъ Бабулькину его колечко, надѣтое на безымянный палецъ.

— У тебя лицо въ чемъ-то вымазано,—проговорилъ окончательно смутившійся Бабулькинъ, отодвигаясь отъ Марьи Ивановны.

Это ужъ совсѣмъ взбѣсило ее. Не помня себя, схватила она со стола ложку и сильно ударила ею по лбу Петра Архиповича.

— Тяжелый у тебя характеръ. Скверный у тебя характеръ,—бормоталъ Бабулькинъ, потирая лобъ; потомъ вышелъ, заплетаясь ногами, изъ комнаты, и скоро послышалось звонкое щелканье откупориваемой пробки.

Марья Ивановна сидѣла на стулѣ и плакала. Она говорила себѣ, что надо встать и уйти изъ этого проклятаго дома, но тутъ же вспоминала, что съ общиной ей придется скоро разстаться, а жить съ матерью и тѣсно, и не на что. Кстати припомнились и разныя недавнія обиды: какъ смотрительница назвала ее при сестрахъ «невѣстой безъ мѣста, курицей безъ насѣста»; какъ на похоронахъ ея послѣдняго паціента посадили ее въ линейку вмѣстѣ съ богадѣлками, а на поминкахъ помѣстили между какой-то салопницей и просвирней. Ее то разъѣдало истерическое ожесточеніе противъ всѣхъ, и ей хотѣлось крикнуть во весь голосъ: «не позволю! жива не буду, [illegible]ли...», то ныло въ ней жалкое чувство сиротливости, отъ котораго [illegible]а вся сжималась и холодѣла.

Вдругъ она замѣтила, что въ дверяхъ стоитъ Матрена, держа [illegible]ки подъ фартукомъ, и смотритъ на нее съ презрительнымъ состра[illegible]чіемъ. Марья Ивановна вспыхнула, утерла глаза и, потупивъ го[illegible]зу, пошла, какъ побитая собака, искать Бабулькина.

Онъ лежалъ на постели, жевалъ яблоко и смотрѣлъ въ потолокъ; на лбу его виднѣлась довольно крупная шишка.

— Простите меня, Петръ Архипычъ, что я съ вами, какъ послѣдняя невѣжа...—проговорила Марья Ивановна, почти не разжимая губъ.

Онъ молчалъ и съ видимымъ усиліемъ жевалъ яблоко, стараясь попасть въ него остатками двухъ-трехъ зубовъ.

— Вы сами довели меня до этого,—продолжала она плаксиво:— за всѣ мои заботы-попеченія вы мнѣ вдругъ этакій камуфлетъ...

— Ты хочешь... меня... акцептовать?—произнесъ Бабулькинъ, съ трудомъ ворочая языкомъ.

Марья Ивановна не понимала этого слова, да врядъ ли и самъ онъ понималъ; но оно ему понравилось, и онъ нѣсколько разъ повторилъ: «акцептовать... да, акцептовать». Потомъ онъ посмотрѣлъ на покорное, заискивающее лицо Марьи Ивановны и сказалъ строго, почти грубо:

— Дай мнѣ папиросу... Вонъ тамъ, на столѣ.

Марья Ивановна подала.

— Закури!

Марья Ивановна закурила.

— Вставь мнѣ въ ротъ... Живо!

Марья Ивановна вставила.

— Это видишь?

Онъ указалъ на шишку.

— Давайте, Петръ Архипычъ, я вамъ пятачокъ приложу...

— Нѣтъ, тутъ не пятачокъ. Личное оскорбленіе... Матрена— свидѣтель... А ты хочешь меня акцептовать?

Папироса выскользнула у него изо рта и запуталась въ бородѣ; Бабулькинъ жалобно свистнулъ носомъ, а вслѣдъ за тѣмъ началъ похрапывать.

Марья Ивановна вышла въ столовую и, пригорюнившись, сѣла къ окну. Ея заплаканное въ завитушкахъ лицо было теперь очень жалкимъ и непривлекательнымъ, и она какъ будто чувствовала это: когда въ комнату входила неизвѣстно зачѣмъ Матрена, она торопливо отвертывалась и дѣлала видъ, что смотритъ въ окно. Матрена шумно вздыхала и медленно-медленно уходила.

Начинало смеркаться. Бабулькинъ продолжалъ храпѣть, а Марья Ивановна все сидѣла у окошка, не смѣя тронуться съ мѣста. У нея было такое ощущеніе, какъ будто надъ головой ея нависла страшная бѣда: стóитъ только пошевелиться, и это страшное обрушится на нее. Она вспоминала свои сны, встрѣчи, примѣты,—и все казалось

ей зловѣщимъ. Тогда она начинала молиться на виднѣвшуюся вдали колокольню; губы ея что-то шептали, а въ головѣ сидѣла фигура свахи, похожая на огромную жирную мышь... «Подлячка!»—мелькало у нея въ головѣ. Она спохватывалась и принималась ожесточенно молиться на колокольню,—а передъ глазами стояла шишка, вздувшаяся на лбу Петра Архиповича, и молитва не шла на умъ.

Продребезжалъ въ передней звонокъ. Марья Ивановна вздрогнула, торопливо достала изъ кармана пудру и стала пудрить лицо. Вошелъ Дудкинъ. Онъ былъ въ бѣломъ галстукѣ, въ рукѣ держалъ цилиндръ, взятый имъ гдѣ-то напрокатъ «для визитаціи». По глазамъ его видно было, что онъ успѣлъ сдѣлать не одинъ визитъ.

— А, сестрица милосердная!—воскликнулъ онъ весело и сталъ безъ счету христосоваться съ Марьей Ивановной.

Вышелъ, кряхтя и пошатываясь, Бабулькинъ, похристосовался съ гостемъ и сѣлъ къ столу. Матрена зажгла лампу и принесла пиво. Оба—и хозяинъ, и гость—поспѣшно глотали водку рюмку за рюмкой, точно торопясь куда-то; потомъ принялись за пиво.

— Сестрица, выпейте для праздника,—сказалъ Дудкинъ.

— Выпей для тошноты,—прибавилъ Бабулькинъ.

Марья Ивановна поколебалась, потомъ налила въ рюмку портвейну и выпила; но отъ другой рѣшительно отказалась.

— Видишь ты эту штуку?—сказалъ Бабулькинъ, указывая вилкой съ омаромъ на свой лобъ.—Это вонъ она изувѣчила.

Онъ принялся разсказывать со всѣми подробностями, какъ было дѣло, а Дудкинъ лопался со смѣху, мялъ шишку и опять хохоталъ, твердя, что «хоть бородавка, а всетаки прибавка». Но Бабулькинъ казался обиженнымъ и говорилъ, стуча по столу:

— Она хочетъ меня акцептовать! Будь свидѣтелемъ. Невѣстой моей нареклась... А развѣ я дѣлалъ ей пре...под...ложеніе?

Марья Ивановна заплакала, а Дудкинъ, смѣясь, схватилъ ее въ охапку.

— Плюньте на «папашу!»—кричалъ онъ, обдавая ее запахомъ водки и пива.—Окажите лучше мнѣ преферансъ!

Марья Ивановна вырвалась изъ его объятій и уже направилась въ переднюю, чтобы уйти, но мысль о чемъ-то страшномъ, поджидающемъ ее за порогомъ этого дома, приковала ее къ мѣсту.

«Значитъ, я такъ и останусь въ дурахъ? Значитъ, мнѣ попрежнему мыкаться?»—думала она, и холодная злоба къ Бабулькину охватывала ее. Видя, какъ онъ, низко склонясь надъ тарелкой, жуетъ что-то беззубымъ ртомъ, она испытывала непреодолимое желаніе какъ-нибудь побольнѣе оскорбить его, отмстить ему за цѣлый годъ

напрасныхъ ожиданій. Мысль, что этотъ домъ, эта обстановка, этотъ убранный по праздничному столъ и цвѣты на окнахъ и буфетный шкапъ, полный посуды, и эта уютная лампа надъ столомъ никогда не будутъ принадлежать ей,—эта мысль поднимала въ ней безсильное бѣшенство.

Она не ушла, а сидѣла въ углу и отъ раздраженія кусала носовой платокъ.

Дудкинъ все подливалъ хозяину и чокался съ нимъ. Петръ Архиповичъ пилъ, твердя коснѣющимъ языкомъ: «Акцептовать меня?.. Нѣтъ, шалишь! Не на того напала!»

Вдругъ онъ съѣхалъ подъ столъ. Марья Ивановна вскрикнула и бросилась поднимать его.

— Оставьте!—сказалъ Дудкинъ, удерживая ее за талію.—Ему хорошо подъ столомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Бабулькинъ, побормотавъ немного, мирно захрапѣлъ. Храпѣла и Матрена въ кухнѣ. Часы пробили 11, 12... Марья Ивановна чокалась съ Дудкинымъ и пила портвейнъ. Глаза ея неестественно блестѣли, завитушки растрепались. Дудкинъ обнималъ ее за талію и говорилъ:

— Бросьте вы папашку: отъ него, какъ отъ собаки—кулебяки.

Марья Ивановна была, какъ въ чаду, но сквозь этотъ чадъ не переставала ощущать какую-то огромную обиду и глухое озлобленіе противъ человѣка, храпящаго подъ столомъ. «Вотъ же тебѣ!—мысленно говорила она, опрокидывая въ себя новую рюмку.—Пропадай все пропадомъ!»

Вставъ, по обыкновенію, рано утромъ, Матрена нашла хозяина подъ столомъ: онъ храпѣлъ на полу среди окурковъ и апельсинныхъ корокъ. Она пошла въ спальню и ахнула: на хозяйской постели спали Дудкинъ съ Марьей Ивановной.

X.

Павелъ, по совѣту доктора, выставилъ въ комнатѣ матери раму и попробовалъ отворить окно; но вмѣсто свѣжаго весенняго воздуха со двора полетѣла въ комнату какая-то необыкновенно черная пыль, и потянуло зловоніемъ. Пришлось закрыть окошко.

Анна Анкудиновна лежала въ забытьи. Съ тѣхъ поръ, какъ до нея дошли изъ общины нехорошіе слухи о Марьѣ Ивановнѣ, ей сдѣлалось хуже, и она уже не вставала съ постели.

Иванъ Степановичъ сидѣлъ у стола и писалъ рецепты. Теперь

онъ каждый день навѣщалъ Анну Анкудиновну, и лицо его съ каждымъ разомъ становилось все болѣе озабоченнымъ.

— Мнѣ бы, Иванъ Степанычъ, какое-нибудь мѣстишко, пока что...—сказалъ Павелъ съ своего табурета.

Докторъ приподнялъ брови и продолжалъ молча писать.

— Другіе вотъ воруютъ или еще что...—говорилъ глухимъ голосомъ Павелъ.—А я не могу идти на такой компромиссъ...

Докторъ прищурилъ лѣвый глазъ и продолжалъ писать.

— Не мѣшай Иванъ Степанычу,—строго замѣтила Софья.

Она сидѣла на постели, въ ногахъ у матери, и чинила какое-то бѣлье. Недѣлю тому назадъ братъ разыскалъ ее и сообщилъ ей, что матери совсѣмъ плохо, а Марья пропала. Софья заплакала и въ тотъ же день забѣжала къ матери. Анна Анкудиновна обрадовалась ей, но отъ слабости не могла говорить, а только гладила дочь по головѣ. На другой день Софья совсѣмъ переселилась къ матери и принялась ухаживать за ней съ увлеченіемъ, чуть не со страстью. Когда ея «пожилой человѣкъ», недовольный отсутствіемъ Софьи, пріѣхалъ къ ней и вызвалъ ее черезъ дворника въ сѣни, онъ не сразу узналъ ее: совсѣмъ другое лицо, другіе глаза!... Смотрѣла она серьезно, озабоченно, а морщинка между бровями и сжатыя губы придавали ей какое-то скорбное выраженіе.

— Сонька, ты чего-жъ это?...—началъ было «пожилой человѣкъ».

— Ступай, ступай домой!—перебила его Софья такимъ суровымъ и повелительнымъ тономъ, что онъ оторопѣлъ и остался съ открытымъ ртомъ у захлопнутой двери.

Докторъ написалъ рецептъ и послалъ Павла въ аптеку; потомъ обратился къ Софьѣ:

— А изъ васъ могла бы выдти хорошая сидѣлка. Право.

Софья покраснѣла отъ удовольствія. Вотъ уже нѣсколько дней какъ она стала обожать Ивана Степановича... Она знала доктора съ дѣтства, когда еще Анна Анкудиновна служила у него, но тогда онъ внушалъ ей только почтеніе и страхъ; а теперь онъ казался ей добрѣе, умнѣе и прекраснѣе всѣхъ на свѣтѣ. Ей нравились его добро-д[illegible]шно-насмѣшливые глаза, такіе глубокіе и проницательные, нравил[illegible]сь золотыя очки на нихъ, прелестными казались густые вьющіеся [illegible] русые волосы, его молчаливость, и ровный мягкій голосъ, и ка[illegible]я-то благородная простота въ обращеніи. Ее трогала нѣжная за[illegible]ливость, съ какою докторъ относился къ Аннѣ Анкудиновнѣ, и та [illegible]душевность, съ какою онъ встрѣтилъ ее, Софью: вѣдь онъ отлично з[illegible]лъ, что она «потеряла себя», а говорилъ съ нею такъ, будто она

ему равная; и выходило это у него такъ непринужденно, что она сама сейчасъ же настроилась «на благородный ладъ».

— Вы чудесно ходите за больною,—продолжалъ докторъ.—Я не ожидалъ, чтобы у васъ было столько сноровки и терпѣнія...

Дверь скрипнула, и на порогѣ появилась неожиданно Марья Ивановна. Она была въ шляпкѣ съ цвѣтами и въ новой щегольской кофточкѣ; лицо ея было скрыто подъ густымъ вуалемъ.

— Что мамаша?—начала она почти шопотомъ.

Докторъ остановилъ ее жестомъ. Софья замахала на сестру руками, потомъ вышла съ ней за дверь.

— Нельзя безпокоить мамашу: Иванъ Степанычъ запретилъ... Она въ забытьяхъ теперь...—прошептала Софья съ тѣмъ заботливымъ, дѣловымъ видомъ, съ какимъ недавно еще Марья Ивановна охраняла покой своихъ больныхъ.

— Выдемъ въ сѣни,—сказала Марья Ивановна, замѣтивъ квартирную хозяйку, пожиравшую ее любопытнымъ взглядомъ.

Въ сѣняхъ Марья Ивановна откинула вуаль, и Софья увидала передъ собой нарумяненное, набѣленное лицо и впалые, подрисованные глаза.

— Что мамаша? Помираетъ?—спросила Марья Ивановна, смотря въ уголъ.

Голосъ ея какъ будто огрубѣлъ, а отъ всей ея фигуры вѣяло угрюмой холодностью.

— Мамаша плоха... Наврядъ выживетъ... А ты какъ же теперь?

Марья Ивановна молча смотрѣла въ уголъ и что-то обдумывала. Софья знала уже отъ Матрены, что сестра разошлась съ Бабулькинымъ и связалась съ Дудкинымъ, который «снялъ для нея комнату», но ей хотѣлось услыхать отъ самой Марьи Ивановны откровенное признаніе.

— Все съ своимъ... какъ его?... съ Дудкинымъ?

— А ну его къ лѣшему!—сказала Марья Ивановна съ сердцемъ.—Шантрапа!

«Ого!»—подумала Софья.

— Стало быть, ты теперь съ другимъ?

Марья Ивановна скользнула по сестрѣ мрачнымъ взглядомъ.

— Прощай,—молвила она отрывисто.—Завтра опять приду навѣстить.

Она спустила вуаль и, шумя юбками, торопливо пошла съ лѣстницы.

XI.

Матери она больше не видала: Анна Анкудиновна скончалась въ ту же ночь.

Сестры шли рядомъ за гробомъ и молчали, погруженныя въ свои мысли; съ кладбища онѣ ѣхали тоже вмѣстѣ и тоже молчали: обѣимъ было не до разговоровъ. Только на прощанье, цѣлуясь съ сестрой, Софья спросила:

— Какъ же ты живешь теперь, Маша?

— А такъ...—сумрачно отвѣтила Марья Ивановна, смотря въ сторону; потомъ, помолчавъ, прибавила ожесточенно:—Деньги копить надо—вотъ что...

XII.

Съ тѣхъ поръ сестры не видались.

Софья поступила сидѣлкой въ больницу Ивана Степановича. Она старается изъ всѣхъ силъ угодить доктору и, слыша его похвалы, чувствуетъ себя счастливой и гордой. Больные любятъ ее, потому что она очень сердобольна и, кромѣ того, умѣетъ поддерживать въ нихъ духъ.

«Какая сидѣлка-то у насъ занятпая!...»—говорили про нее больные.

Докторъ все убѣждаетъ ее поступить въ общину, но Софья не хочетъ, отговариваясь тѣмъ, что въ общинѣ скучно. На самомъ дѣлѣ, ей не хочется уходить отъ Ивана Степановича, котораго она обожаетъ больше прежняго. Она смутно чувствуетъ, что если не будетъ видѣть его каждый день, какъ теперь, то и больные ей скоро надоѣдятъ, и она опять пустится «на улицу». И здѣсь на нее нападаетъ иногда хандра и тянетъ на улицу; но придетъ Иванъ Степановичъ, посмотритъ на нее сквозь очки своими добрыми проницательными глазами, пошутитъ съ ней или ласково пожуритъ ее за что-нибудь, — и опять она ходитъ бодрая, оживленная, неутомимая. Мысль, что она дѣлаетъ дѣло, близкое сердцу Ивана Степановича, наполняетъ ее какимъ-то особеннымъ чувствомъ: теплымъ и горделивымъ.

А Марья Ивановна «копитъ». Она живетъ на иждивеніи «пожилого человѣка», который снимаетъ для нея комнату; но ее покидаетъ мечта о собственной квартирѣ и собственномъ хозяйствѣ. Ради этого она измѣняетъ потихоньку «пожилому человѣку» и, тайкомъ отъ него, носитъ деньги въ сберегательную кассу. «Гуляла» она и съ рыженькимъ Онуфріемъ Семеновичемъ, и съ толстымъ Олифанто-

вымъ, и съ другими солидными людьми. «Гуляетъ» она все съ тѣмъ же дѣловитымъ и безстрастнымъ видомъ, съ какимъ прежде ходила за больными и снаряжала ихъ на тотъ свѣтъ. Степенность ея многимъ нравится, и сбереженія ея въ кассѣ растутъ.

Комнату свою она держитъ въ образцовомъ порядкѣ: бѣлье всегда чистое, цвѣты политы, и пахнетъ курительной свѣчкой. Она притирается, пудрится и подвивается еще съ большимъ стараніемъ, чѣмъ прежде, такъ какъ теперь форма и порядокъ особенно требуютъ этого. И одѣвается она щеголеватѣе прежняго—не потому, чтобы ей нравилось это, а все ради того же порядка: она лично предпочла бы перевести свои шляпки и кофточки на наличныя и снести ихъ въ кассу.

Настроеніе ея большею частью угрюмо-дѣловое, такъ какъ она ни на минуту не забываетъ, что ей все еще приходится «мыкаться»; настоящая жизнь наступитъ для нея только тогда, когда она станетъ «сама себѣ хозяйка»: сниметъ квартиру и станетъ отдавать комнаты съемщикамъ. А до тѣхъ поръ... «копить, копить!»

Первое время ее мучило сознаніе, что она—«нечестная» и что ей теперь страшно «къ батюшкѣ на исповѣдь идти». Но скоро она стала говорить себѣ, какъ человѣкъ дѣловой и разсудительный: «Что съ возу упало, то пропало»,—и эта мысль, что потеряннаго не вернешь, странно успокаивала ее. Она невольно смотрѣла на себя, какъ на поѣздъ: разъ ужъ онъ переведенъ на другіе рельсы, онъ и долженъ по нимъ идти; если прежде порядокъ требовалъ, чтобы она себя всячески соблюдала, то теперь тотъ же порядокъ требуетъ, чтобы она, не стѣсняясь, «копила». Когда она станетъ сама себѣ хозяйкой и поведетъ честную жизнь, тогда и грѣхи свои отмолитъ и исполнитъ все, что нужно по уставу.

Но иногда во время безсонницы ее мучитъ воспоминаніе объ адѣ. О раѣ она какъ-то не думаетъ, но адъ живо рисуется ей. Смотря со страхомъ въ темноту и прислушиваясь къ удушливому храпу «пожилого человѣка», Марья Ивановна не можетъ отдѣлаться отъ мысли, что адъ уже разѣваетъ на нее свою черную бездонную пасть, что его никакими средствами не избѣжать, такъ какъ онъ—вездѣ и всюду: живешь—адъ, умираешь—адъ, помрешь—тоже адъ. Онъ—и спереди, и сзади, и вблизи, и вдали... И нѣтъ ничего, кромѣ ада. «Господи Іисусе...»—шепчетъ Марья Ивановна, крестясь въ темнотѣ, и силится перевести свои мысли на житейское: высчитываетъ, сколько ей остается еще прикопить, сколько надо затратить на все обзаведеніе и гдѣ выгоднѣе снять квартиру, чтобы жильцы не переводились. «Студентовъ хорошо бы пускать, да они, пожалуй, платить не бу-

дутъ»,—размышляетъ Марья Ивановна, но мысль объ адѣ врѣзывается насильно во всѣ ея разсчеты и поглощаетъ ихъ вмѣстѣ съ квартирой, «домашнимъ столомъ» и самой Марьей Ивановной.

Холодѣя отъ страха, она зажигаетъ свѣчу и сидитъ, скорчившись, въ постели до тѣхъ поръ, пока не ударятъ къ заутренѣ. Тогда она тихонько одѣвается и бѣжитъ въ церковь... Возвращается оттуда, успокоенная, и по дорогѣ трезво обсуждаетъ смѣту предстоящихъ расходовъ.

«Вотъ тоже хорошо кухмистерскую открыть, ежели за это съ умомъ взяться...—думаетъ она.—Только дѣло это больно хлопотливое. Ужъ и не знаю, какъ...»

Н. Тимковскій.

МУММА

Разсказъ.

I.

Мумма волновалась уже нѣсколько дней, волновалась, по обыкновенію, не за себя, а за другихъ. Муммѣ Богъ далъ доброе сердце, которое служило источникомъ безконечныхъ страданій. Глядя на ея круглое, румяное лицо, никто бы не подумалъ, сколько эта женщина перенесла.

Да, Мумма волновалась...

«Ахъ, ужъ это мнѣ десятое сентября...»—повторяла она про себя и угнетенно вздыхала.

Особенно грустно было то, что прежде это былъ такой веселый день, а потомъ съ каждымъ годомъ молодое веселье таяло, смѣняясь нароставшей тоской.

Сентябрьскій денекъ выдался кисленькій, съ мелкимъ назойливымъ дождемъ. Окна отпотѣли. Въ Петербургѣ такіе дни производятъ особенно унылое впечатлѣніе, точно въ окна на васъ кто-то смотритъ заплаканными глазами.

Непріятности начались съ утра. Мумма поднялась рано, когда всѣ еще спали. Ей было за пятьдесятъ; когда-то бѣлокурые волосы проросли сѣдиной, старческое ожирѣніе скрыло всякую фигуру, что̀ при небольшомъ ростѣ выходило очень некрасиво, но у нея оставались живыми каріе большіе глаза и почти молодая бодрость движеній. Она коротко стригла волосы, что ее молодило. Мумма до сихъ поръ не знала устали. Кстати, ее звали Капитолиной Евграфовной, а Муммой называли дѣти.

Непріятности подготовлялись съ вечера. Во-первыхъ, пріѣхалъ изъ провинціи старшій сынъ Вадимъ. Боже мой, сколько заботъ, труда и надеждъ было вложено въ этого человѣка, а онъ не только

не оправдалъ ихъ, а остался жалкимъ неудачникомъ. Кажется, ужъ всѣ системы воспитанія были примѣнены, всѣ послѣднія слова педагогіи были использованы, и это только для того, чтобы получился «человѣкъ двадцатаго числа», кое-какъ пристроившійся въ акцизъ. Какъ всѣ неудачники, онъ женился очень рано, студентомъ, а потомъ жена его бросила, и онъ привезъ двухъ своихъ дѣтей, Олега и Игоря, къ матери.

— Что я съ ними буду дѣлать, Мумма,—говорилъ онъ.—Я цѣлый день на службѣ, матери нѣтъ, а ты по натурѣ насѣдка... Вотъ тебѣ благодарный матеріалъ.

Мы уже сказали, что Мумма была добра, и приняла на воспитаніе внучатъ безъ слова, даже со слезами на глазахъ. Она всетаки безумно любила своего неудачнаго Вадима, въ которомъ видѣла свою молодость. Притомъ, мальчики уже были въ школьномъ возрастѣ, и въ Муммѣ проснулось желаніе воспитывать. О, она цѣлую жизнь занималась воспитаніемъ, и вы ее навѣрно встрѣчали на всѣхъ собраніяхъ разныхъ педагогическихъ кружковъ, на лекціяхъ, выставкахъ, актахъ и бесѣдахъ. Мумма глубоко вѣрила въ то, что только при помощи воспитанія можно пополнить всѣ пробѣлы и недочеты человѣческой природы и создать ту новую породу людей, о которой мечтала еще великая Екатерина.

Семья Туразовыхъ состояла изъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. О старшемъ Вадимѣ мы уже говорили, а младшій, Ярославъ, еще учился въ университетѣ. Старшая дочь, извѣстная въ семьѣ подъ кличкой «Нинка-буржуйка», была давно замужемъ за биржевымъ маклеромъ, который презиралъ семью жены за ея интеллигентность, потому что самъ могъ думать только о деньгахъ. Мумму возмущало до глубины души, что ея дочь можетъ любить такого человѣка и еще больше—быть счастливой. Младшая дочь Лія находилась въ критическомъ возрастѣ «дѣвушки на взлетѣ», какъ дразнили ее братья, слѣдившіе за каждымъ ея шагомъ, который велъ къ ловлѣ жениха. Это была миловидная дѣвушка, кончившая гимназію и побывавшая на всевозможныхъ курсахъ. Она отличалась какой-то странной апатіей и почти не интересовалась ничѣмъ, что дѣлалось кругомъ. Это очень огорчало Мумму. Много ли хорошихъ, выигрышныхъ лѣтъ у каждой дѣвушки, и проспать ихъ безсовѣстнымъ образомъ... Мумма невольно вспоминала свою бурную, веселую молодость, когда каждый день являлся цѣлымъ капиталомъ.

Когда Вадимъ пріѣзжалъ въ гости, онъ разыгрывалъ какого-то хозяина. Все критиковалъ, дѣлалъ недовольное лицо и, вообще, какъ говорится—фыркалъ. Впрочемъ, онъ это дѣлалъ только при матери,

а при отцѣ сдерживался. Сегодня онъ всталъ поздно и долго ворчалъ на горничную, а потомъ вышелъ въ столовую съ такимъ видомъ, точно его только что вытащили изъ воды.

— Поздравляю...—лѣниво протянулъ онъ, здороваясь съ матерью.—Сегодня у тебя, кажется, особенно отличный день?

— Именно?

— Мыслящему реалисту исполнилось шестьдесятъ лѣтъ... Это немножко много для серьезнаго человѣка.

— Именно?

— Какъ это тебѣ сказать, Мумма... Въ шестьдесятъ лѣтъ, какъ говорятъ вѣжливо китайцы, порядочные люди уже раскланиваются съ здѣшнимъ міромъ для будущаго блаженства.

— Негодяй...

— Нѣтъ, серьезно... Потомъ, Мумма, я считаю, что вы просто живете на мой счетъ. Отецъ ничего не зарабатываетъ, и вы преспокойно проѣдаете мое наслѣдство. Вѣдь наслѣдниковъ насъ двое: я и Ярославъ. Вотъ и посчитай сама, что̀ намъ стоитъ содержать васъ двоихъ. Мыслящій реалистъ не привыкъ ни въ чемъ себѣ отказывать...

Мумма смотрѣла расширенными глазами на своего любимца и не находила словъ для отвѣта. Господи, что же это такое, наконецъ? Бываютъ границы и шуткамъ... Мыслящимъ реалистомъ въ семьѣ называли отца, Андрея Гаврилыча, какъ стараго шестидесятника, и находили это очень смѣшнымъ. У бѣдной Муммы появились даже слезы на глазахъ.

Вадимъ продолжалъ нервничать и безжалостно изводилъ мать. По наружности онъ не походилъ ни на мать, ни на отца,—длинный, вихлястый, весь какой-то сѣрый. Его вытянутое лицо, едва тронутое чахлой растительностью, всегда имѣло раздражительное выраженіе.

— Вотъ что, Вадимъ,—заговорила Мумма, собравшись съ силами.—Я не понимаю, зачѣмъ ты пріѣхалъ?

— Какъ зачѣмъ? Выправлять тятенькины именины... Вѣдь у васъ все на купеческую руку, хотя вы и считаете себя интеллигентами, а по купечеству должно уважать родителевъ. Да и посмотрѣть на мыслящихъ реалистовъ интересно...

— Немного ужъ ихъ осталось, и ты напрасно смѣешься, Вадимъ... Да, каждый годъ собирается все меньше и меньше. Ты не можешь себѣ представить, какъ это тяжело и грустно, когда убываютъ такіе дорогіе и близкіе люди, а остающіеся въ живыхъ ждутъ своей очереди. Прошлой зимой умеръ Егоровъ... Помнишь, такой высокій, худой?

— Что-то такое помню...

— Ахъ, какой былъ человѣкъ!... Какая чудная, свѣтлая душа... Потомъ весной почти въ одно время умерли Погодаевъ и Никоновъ. Лѣтомъ умерла Елена Ивановна Грекова, съ которой мы вмѣстѣ жили въ Вилюйскѣ... Ракитинъ разбитъ параличомъ, у Бурцева грудная жаба... Какіе все люди!..

— Безсмертіе, Мумма, не обязательно—это, во-первыхъ, а во-вторыхъ, удѣлъ всякой рухляди—уничтожаться въ свое время.

— Ты меня оскорбляешь, Вадимъ... Ты самъ отецъ и долженъ понимать, какъ тяжело переносить оскорбленія отъ дѣтей.

— Это ужъ законъ природы: черная неблагодарность потомковъ...

Игорь и Олегъ воспользовались пріѣздомъ отца и дѣдушкиными именинами и не пошли въ гимназію. Они проспали чуть не до самаго завтрака, потомъ принялись шалить и кончили ожесточенной дракой, потребовавшей вмѣшательства бабушки.

— Дѣти, какъ вамъ не стыдно?! — возмущалась Мумма, появляясь въ дверяхъ дѣтской въ позѣ римскаго трибуна.—Вы забываете, что вы ужъ большіе..

— Мумма, я тебѣ стихи сегодня напишу,—говорилъ Олегъ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, занимавшій въ семьѣ постъ поэта.

— Хорошо, хорошо... Одѣвайтесь и не дурачьтесь. Стыдно.

Студентъ Ярославъ еще спалъ въ своей комнатѣ, потому что вернулся домой только въ пять часовъ.

— Мумма, съ именинникомъ!—кричали сорванцы, когда бабушка ушла въ коридоръ.

II.

«Мыслящій реалистъ» сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ креслѣ съ колесами. У него былъ ревматизмъ сочлененій, и двигаться онъ могъ съ величайшимъ трудомъ. По наружности это былъ почти цвѣтущій мужчина, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ. Плотный, широкій въ плечахъ, съ типичнымъ русскимъ лицомъ. Длинные сѣдые волосы придавали ему профессорскій видъ.

Стѣны кабинета сплошь были заняты полками съ книгами. Въ пр.. гѣнкахъ между ними висѣли портреты знаменитостей шестидеся.. тхъ годовъ. Громадный письменный столъ занималъ почти поло.. комнаты и былъ заваленъ тѣмъ ненужнымъ хламомъ, какой на-.. ѣтся только на письменныхъ столахъ.

..зговоръ въ столовой велся настолько громко, что «мыслящій ре.. тъ» могъ кое-что слышать, а объ остальномъ догадываться. Он.. ..ько пожималъ плечами и думалъ вслухъ:

— Вотъ негодяй... а?

Ему всегда было обидно, когда дѣти начинали вышучивать Мумму, а теперь, кромѣ обиды, явилось еще сожалѣніе. Въ домѣ давно установился слишкомъ свободный тонъ, благодаря убѣжденію Муммы, что нельзя стѣснять дѣтскую свободу. Теперь приходилось переносить результаты такого воспитанія. Положимъ, въ присутствіи отца дѣти сдерживались, но было тѣмъ хуже, что они такъ много себѣ позволяли съ матерью. Много разъ «мыслящій реалистъ» хотѣлъ прекратить всѣ эти выходки, но, какъ настоящій русскій человѣкъ, ограничивался мелкими вспышками, а потомъ себя же чувствовалъ виноватымъ по нѣскольку дней. Возмущенный поведеніемъ Вадима, Андрей Гаврилычъ покатился на своемъ креслѣ въ столовую съ твердымъ намѣреніемъ раздѣлать негодяя на всѣ корки, но по дорогѣ вспомнилъ, что онъ сегодня имениннивъ и что въ такіе дни всетаки неудобно поднимать семейныя исторіи. Въ концѣ-концовъ всѣхъ больше огорчилась бы та же Мумма, души не чаявшая въ своемъ первенцѣ.

«А ну его къ чорту, негодяя»,—рѣшилъ именинникъ, вкатываясь въ столовую.

Къ завтраку собралась вся семья. Ярославъ очень походилъ фигурой и наружностью на отца, хотя и старался подражать старшему брату по части недовольства. Вышла изъ своей комнаты Лія, немного заспанная и апатичная. Прибѣжали Олегъ и Игорь, счастливые тѣмъ, что не пошли въ свою гимназію. Послѣдней пріѣхала Нинка-буржуйка, высокая и костлявая дама, походившая на брата Вадима

— Ну, вотъ мы и всѣ собрались, дѣти,—говорила Мумма, чтобы сказать что-нибудь.

— А Анатолій Денисовичъ?—перебилъ ее Олегъ, поглядывая на покраснѣвшую Лію.

— Онъ днемъ занятъ и пріѣдетъ только вечеромъ,—коротко объяснила Мумма, сдерживая волненіе.—Я говорю про свою семью, а онъ не членъ нашей семьи.

Всѣ переглядывались, сдерживая улыбки, и Андрей Гаврилычъ догадался, что отъ него что-то скрываютъ.

— Мнѣ этотъ вашъ Анатолій Денисовичъ совсѣмъ не нравится,—брезгливо замѣтила Нинка-буржуйка.—Онъ и на мужчину не походитъ... Такъ, слизнякъ какой-то.

— Ну, ужъ это ты того: «ахъ, оставьте!»—авторитетно проговорилъ Ярославъ.

— Анатолій Денисычъ—геній!—съ азартомъ вмѣшался Олегъ и даже покраснѣлъ отъ волненія.—Да, геній...

— Да?—иронически удивилась Нинка-буржуйка.—Скажите, по-

жалуйста, а я-то, глупая, и не замѣчала... Не могу не отдать ему справедливости, что онъ удивительно искусно скрываетъ свою геніальность.

Андрей Гаврилычъ не вмѣшивался въ споръ и только улыбался. Мумма замѣтила, что Лія смотритъ на отца и тоже начинаетъ улыбаться. Послѣднее задѣло ее за живое.

— Анатолій Денисычъ пишетъ громадное сочиненіе...—вызывающе проговорила она, глядя на мужа.—Да-съ, сочиненіе.

— А можно узнать, о чемъ онъ именно пишетъ?—спросилъ Андрей Гаврилычъ, продолжая улыбаться.

— Онъ... онъ не изъ того сорта людей, которые, какъ курица, высидятъ какого-нибудь болтуна и будутъ кричать на всю улицу.

— Онъ намъ читалъ нѣкоторые отрывки, Мумма,—поддержалъ мать Ярославъ.—Дѣйствительно, геніально... Но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ права прежде времени раскрывать основныя идеи его труда.

— Скрытый геній, какъ бываетъ скрытая теплота,—съязвила Нинка-буржуйка.—Съ этимъ ничего не подѣлаешь... Остается вѣра, какъ во всѣ чудеса.

— И даже очень глупо!—вспылилъ Ярославъ.—Анатолій Денисычъ не виноватъ, что есть такіе люди, то-есть женщины, которыя... которыя...

— Я договорю за тебя,—перебила Нинка-буржуйка,—«которыя глупы, какъ пробка». Да?

— Мадамъ, не смѣю съ вами спорить...

— Господа, довольно,—вступилась Мумма.—Вы начинаете говорить другъ другу дерзости, а это плохое доказательство въ спорахъ.

Несмотря на ея старанія потушить огонь, непріятный разговоръ о геніи поднимался съ новой силой нѣсколько разъ, и зачинщицей опять являлась Нинка-буржуйка, видимо, старавшаяся угодить отцу. Одинъ Вадимъ мрачно отмалчивался. Отецъ не обращалъ на него вниманія, что опять волновало Мумму. Всетаки человѣкъ пріѣхалъ поздравить отца, а онъ даже не хочетъ его замѣчать.

Споръ закончился неожиданнымъ заявленіемъ Нинки-буржуйки:

— Всѣ вы, господа, непротивленыши... Не правда ли, папа? А в тъ Анатолій Денисычъ является вождемъ этого несчастнаго стада.

— Нина, довольно,—строго остановила ее Мумма.—Нужно уважать чужія убѣжденія... да. А критиковать другихъ можно только т а, если ты въ состояніи стать на ихъ точку зрѣнія. Да.

— Мнѣ жаль папу, которому приходится выслушивать всякую

декадентскую галиматью,—не унималась Нинка-буржуйка.—Больничный бредъ ницшеніанства, проникновенное бормотанье пьянаго босячества, политико-экономическій мистицизмъ, безумный эгоизмъ въ основѣ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, новѣйшая эстетика при закрытыхъ дверяхъ, горячечныя галлюцинаціи декадентства...

— Нинка, заткни фонтанъ своего краснорѣчія!—накинулся на нее Ярославъ.—Это скучно даже для нашего мыслящаго реалиста...

— Меня ты можешь оставить въ покоѣ,—съ улыбкой замѣтилъ Андрей Гаврилычъ.—Я уже давно привыкъ ко всему и всетаки навсегда останусь мыслящимъ реалистомъ... Я горжусь послѣднимъ.

— Господа, вы забываете, что папа сегодня именинникъ,—проговорилъ Вадимъ и со скучающимъ видомъ зѣвнулъ.—Не слѣдуетъ огорчать человѣка въ такія торжественныя минуты...

— Вадимъ?!...—взмолилась Мумма, ожидая семейной сцены.

Но Андрей Гаврилычъ только посмотрѣлъ на нее грустными глазами и, ничего не отвѣтивъ, покатился изъ столовой.

Лія демонстративно поднялась и ушла въ свою комнату. Чтобы сорвать сердце, Мумма накинулась на Нинку-буржуйку.

— Это все ты! Да, ты, ты! Я могу только удивляться, зачѣмъ ты пріѣхала къ намъ?

— Мумма, ты меня гонишь?

Всѣ разомъ накинулись на Нинку-буржуйку, но она рѣшила дорого продать свою жизнь и отчаянно защищалась.

— Вы—непротивлёныши, декаденты, выродки... да!...

Туразовскій домъ являлся чѣмъ-то вродѣ караванъ-сарая для всевозможныхъ модныхъ теченій. Это объяснялось живымъ, увлекающимся характеромъ Муммы, которая не могла слышать равнодушно о чемъ-нибудь новомъ. Послѣдовательно, какъ по ступенькамъ, шла черезъ позитивизмъ, утилитаріанизмъ, народничество, марксизмъ, пока окончательно не застряла въ непроходимыхъ дебряхъ ницшеніанства, толстовщины, декадентства и босяцкой проникновенной философіи. Какъ это все укладывалось у нея въ головѣ—не могъ объяснить ни одинъ философъ. Но это было такъ. Дѣло въ томъ, что Мумма привязывала каждую теорію къ какому-нибудь живому лицу, и почему-то случалось всегда такъ, что носителемъ новой идеи являлся мужчина. Женщинъ-философовъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ еще не было, и Муммѣ, несмотря на то, что она была ярая феминистка, поневолѣ приходилось вѣрить поработителямъ женщинъ — мужчинамъ, какъ она вѣрила больше врачамъ мужчинамъ.

Милая Мумма, какъ она страдала, перелѣзая съ одной ступеньки па другую. Происходило что-то вродѣ переѣзда на новую квартиру,

причемъ старая мебель ломалась, являлась смутная тоска о насиженномъ углѣ и неопредѣленный страхъ предъ будущимъ. Но исторія требуетъ жертвъ, какъ увѣряла себя Мумма, и приспособляемость съ годами утратила свою эластичность.

Послѣдней стадіей въ ряду этихъ метаморфозъ явился Анатолій Денисычъ Бурнашевъ. Съ нимъ въ туразовскій домъ влилась новая струя, которую трудно было даже назвать. Это была переоцѣнка всѣхъ цѣнностей на религіозно-мистической подкладкѣ. Въ домѣ какъ-то вдругъ водворились давно позабытыя слова. Мумма растерялась, какъ пойманный врасплохъ школьникъ, и даже испугалась. Она многаго не понимала и только судила по молодежи, что это нахлынувшее новое представляетъ собой силу и, какъ всякая сила, имѣетъ право на существованіе. Мумма не спорила и не соглашалась, а только слушала, что говорятъ между собой «потомки». Самъ по себѣ Бурнашевъ ничего особеннаго не представлялъ, хотя былъ солидно образованный человѣкъ съ очень выдержаннымъ характеромъ. У него было состояніе, и онъ жилъ холостякомъ безъ занятій. Мумму поражало больше всего то, что апатичная Лія замѣтно интересовалась имъ, какъ и онъ въ свою очередь обращалъ на нее особенное вниманіе.

«Что же, все бываетъ на свѣтѣ...—по-матерински думала Мумма.—Человѣкъ серьезный, обезпеченный...»

Наканунѣ отцовскихъ именинъ Лія неожиданно заявила матери:

— Мумма, Анатолій Денисычъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе. Онъ мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ, но я знаю.

III.

Готовность такъ быстро устроить судьбу Ліи удивляла самое Мумму. Она старалась провѣрить себя. Выходило какъ-то такъ, что она была и права и въ то же время не права. Конечно, вполнѣ естественно со стороны матери позаботиться о судьбѣ дочери, тѣмъ болѣе, что она, Мумма, изъ принципа никогда не насиловала воли своихъ дѣтей, оставляя за собой только право высказать свое мнѣніе. Съ другой стороны, она какъ-то инстинктивно чувствовала, что этотъ рнашевъ—человѣкъ изъ другого міра, совершенно случайно попшій къ нимъ въ домъ. Онъ останется навсегда чужимъ, какъ и ъ Ники-буржуйки. Но что было дѣлать? Гдѣ нынче настоящіе л?

Мумма усиленно волновалась; волновалась, что ей рѣшительно о не съ кѣмъ подѣлиться охватившимъ ее настроеніемъ. Конечно, веннѣе и ближе всего было обратиться къ «мыслящему реали-

сту» и поговорить съ нимъ откровенно. Она съ этой цѣлью даже входила нѣсколько разъ подъ разными предлогами къ нему въ кабинетъ—и возвращалась. Ей дѣлалось такъ жаль этого больного старика, съ которымъ она рука объ руку прошла всю жизнь. Зачѣмъ его напрасно тревожить, когда, можетъ быть, Лія преувеличиваетъ и ошибается.

Было еще одно обстоятельство, которое заставляло ее сдерживаться. Въ послѣднее время «мыслящаго реалиста» начала серьезно безпокоить мысль о смерти, а каждыя новыя именины точно подталкивали къ роковому концу, напоминая о прожитыхъ годахъ. Прямо онъ ничего не говорилъ, но она чувствовала его настроеніе и старалась не выдавать своего собственнаго безпокойства. А сегодня «мыслящій реалистъ» имѣлъ такой грустный видъ.

Андрей Гаврилычъ, дѣйствительно, переживалъ тяжелый день, тяжелый особенно уже тѣмъ, что никакихъ опредѣленныхъ основаній для этого не было.

«Старческая тоска,—думалъ онъ, покачивая головой.—Сердце перестаетъ функціонировать нормально. Да... Маразмъ, вообще...»

Когда въ кабинетъ входила Мумма, онъ старался пріободриться и дѣлалъ беззаботное лицо. Передъ нимъ на столѣ лежала послѣдняя книжка новаго журнала «съ настроеніемъ», и онъ малодушно прятался за нее. Въ сущности, отъ текущей литературы онъ порядочно отсталъ, а говоря проще,—пересталъ понимать новыхъ авторовъ, хотя и не желалъ въ послѣднемъ признаться даже самому себѣ. Старые моряки испытываютъ, вѣроятно, такое же чувство, когда смотрятъ на новыя суда, построенныя при новыхъ условіяхъ и требованіяхъ техники и послѣднихъ словъ морской войны.

Дверь кабинета выходила въ гостиную, и «мыслящій реалистъ» могъ слышать обрывки разговоровъ. Нинка-буржуйка продолжала волноваться и ссорилась съ Вадимомъ. Студентъ Ярославъ дразнилъ гимназистовъ Игоря и Олега и хохоталъ неестественно громко.

«Въ кого они всѣ такіе уродились?—невольно думалъ Андрей Гаврилычъ.—Какіе никчемные и никчемужные люди».

Было и обидно, и досадно, и поднималась глухая тоска за то, что̀ не осуществилось въ жизни, а когда-то манило впередъ, радовало и дѣлало счастливымъ. Ахъ, если бы эти несчастныя дѣти могли только понять, что̀ переживалъ сейчасъ «мыслящій реалистъ».

— Нашъ мыслящій реалистъ сегодня не въ своей тарелкѣ,—доносился изъ гостиной голосъ Ярослава.—Онъ недоволенъ существующимъ порядкомъ...

Обѣдъ прошелъ какъ-то особенно скучно. Даже неугомонная

Нинка-буржуйка молчала и все поглядывала на мать. Андрей Гаврилычъ догадывался, что въ семьѣ что-то происходитъ и что всѣ отъ него что-то скрываютъ. Мумма чутко прислушивалась къ звонку въ передней,—она ожидала офиціальнаго появленія будущаго жениха. Лія сидѣла съ опущенными глазами и старалась избѣгать пытливыхъ взглядовъ матери.

«Точно семья заговорщиковъ...» невольно подумалъ Андрей Гаврилычъ, не желая даже догадываться, что̀ происходитъ.

Онъ не дождался третьяго блюда и укатился къ себѣ въ кабинетъ, куда попросилъ подать ему кофе.

Вадимъ проводилъ его глазами и, прищурившись, замѣтилъ вполголоса:

— Мыслящій реалистъ сегодня напоминаетъ мнѣ того опереточнаго короля Бабеша, у котораго во всемъ государствѣ былъ всего одинъ жукъ и которому этотъ единственный жукъ попалъ въ стаканъ чая.

Мальчики не могли удержаться и прыснули.

— Замолчите, несчастные!—накинулась на нихъ Нинка-буржуйка.

— Охъ, страшно!—иронически отозвался Ярославъ, набивая ротъ любимымъ орѣховымъ тортомъ.

Мумма молчала, опустивъ глаза, а потомъ быстро поднялась и демонстративно вышла изъ комнаты. Ради сегодняшняго дня она не хотѣла поднимать семейной исторіи. Вадимъ въ ея глазахъ продолжалъ оставаться тѣмъ ребенкомъ, котораго изъ приличія иногда журятъ и которому, тѣмъ не менѣе, прощается все.

— Козявки несчастныя!—ругалась Нинка-буржуйка.—А тебѣ, Вадимъ, какъ старшему, ужъ совсѣмъ не къ лицу говорить глупости. Мать бѣжитъ отъ васъ...

Вадимъ сдѣлалъ удивленное лицо, поднялъ брови и проговорилъ съ самымъ невиннымъ видомъ:

— Причемъ же я тутъ?! Можетъ быть, у Муммы животъ болитъ!

Мальчики замерли сначала отъ находчивости Вадима, а потомъ закатились неудержимымъ хохотомъ. Для нихъ Вадимъ всегда являлся идеаломъ, и они копировали каждый его жестъ, интонаціи голоса и по недѣлямъ повторяли его остроумныя словечки.

До самаго вечера время тянулось мучительно медленно, какъ это всегда бываетъ, когда ждутъ обязательныхъ гостей.

Получено было нѣсколько поздравительныхъ телеграммъ. Первый звонокъ обманулъ всѣхъ: это былъ портной. Отъ скуки Ярославъ собралъ мальчугановъ въ гостиной и принялся читать вслухъ кри-

тическую статью о Бальмонтѣ. Онъ нарочно читалъ настолько громко, чтобы въ кабинетѣ мыслящаго реалиста слышно было каждое слово.

«...Бальмонтъ—залетная комета. Она повисла въ лазури надъ сумракомъ, точно рубиновое ожерелье... И потомъ сотнями красныхъ слезъ пролилось надъ заснувшей землей. Бальмонтъ—заемная роскошь кометныхъ багрянцевъ на изысканно-нѣжныхъ пятнахъ пунцоваго моха. Сладкій ароматъ розовѣющихъ шапочекъ клевера, вернувшихъ имъ память о дѣтствѣ».

— Восхитительно!—шепталъ Олегъ.

— Проникновенно!—авторитетно подтвердилъ Игорь.

— Геніально, чортъ возьми!—восхищался Вадимъ.—Не много, а все сказано.

— Позвольте, господа, дайте кончить,—остановилъ эти неистовые восторги Ярославъ.—Я продолжаю: «Онъ, то-есть Бальмонтъ, разукрасилъ свой причудливый гротъ собранными богатствами. На перламутровыхъ столахъ разставилъ блюда съ рубиновыми орѣшками. Золотые фонарики вѣчности озарили. Онъ возлегъ въ золотой коронѣ. Ложемъ ему служитъ блѣднорозовый кораллъ, и онъ ударялъ въ лазурно-звонкіе колокольчики. И онъ разбивалъ звонкіе колокольчики рубиновыми орѣшками...»

— Фу, какая глупость!—послышался голосъ мыслящаго реалиста изъ кабинета.—Будетъ, Ярославъ!... Меня просто начинаетъ тошнить.

— Папа, значитъ, ты отрицаешь свободу человѣческой мысли?—отозвался Ярославъ.—Кажется, это не либерально.

— А ну васъ, сумасшедшихъ!—ворчалъ мыслящій реалистъ.

— Н-не-по-нра-ви-лось!—ехидно замѣтилъ Вадимъ, кивая головой въ сторону отцовскаго кабинета.—Что дѣлать, силой милому не быть...

Онъ взялъ лежавшій на столикѣ томикъ Ницше: «Такъ говорилъ Заратустра» и, перелистывая, проговорилъ:

— Попробуемъ почитать эту книжку... Напримѣръ: «Счастье мужчины называется: *я хочу*. Счастье женщины называется: *онъ хочетъ*». «И повиноваться должна женщина и присоединить глубину къ поверхности своей. Поверхность—душа женщины, подвижная, безпокойная волна на мелкой водѣ». Г-мъ, не дурно. А вотъ далѣе: «Ты идешь къ женщинамъ? Не забудь плетку!»

Онъ перевернулъ нѣсколько страницъ и съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ:

«...Для тебя, чародѣйка, я пѣлъ до сихъ поръ, теперь—ты

должна кричать для меня! Подъ тактъ плетки моей должна ты плясать и кричать».

— Не правда ли, какъ просто и ясно разрѣшенъ весь женскій вопросъ? Наша Мумма напрасно хлопотала цѣлую жизнь, разрѣшая его.

— Не-го-дя-и!—слышалось изъ кабинета.

— Папа, ты опять лишаешь насъ свободы слова? — вмѣшался Ярославъ, не боявшійся отца.—Это ужъ рабство!

Раздавшійся въ передней звонокъ прекратилъ начинавшуюся семейную бурю.

Это былъ самъ Бурнашевъ.

IV.

Онъ входилъ всегда какъ-то крадучись и непремѣнно оглядывался кругомъ своими близорукими глазами, точно боялся засады. И протягивалъ руку съ нерѣшительной улыбкой,—онъ постоянно улыбался. По наступившей почтительной тишинѣ въ гостиной Мумма догадалась изъ своей комнаты, кто пришелъ.

«Охъ, ужъ скорѣе бы», подумала она.

Бурнашевъ отлично зналъ, что старикъ Туразовъ его ненавидитъ, но дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и сейчасъ отправился прямо въ кабинетъ поздравить дорогого именинника.

— Благодарю, очень благодарю,—бормоталъ Андрей Гаврилычъ.

У Бурнашева всегда была въ запасѣ какая-нибудь сенсаціонная новость, которую онъ получалъ изъ вѣрныхъ источниковъ, и всегда начиналъ разговоръ стереотипной фразой:

— А вы слышали?

Андрею Гаврилычу приходилось разыгрывать гостепріимнаго хозяина, хотя эта роль и плохо удавалась ему. Бурнашева онъ совершенно не понималъ. Что это за человѣкъ? Въ чемъ заключается секретъ его вліянія на молодежь? Почему даже глупости, которыя онъ проповѣдывалъ, имѣли такой успѣхъ? Несомнѣнно было одно, что онъ былъ не глупый и образованный человѣкъ, но какой-то весь сдавленный и съежившійся. Онъ и говорилъ такими же сдавленными словами, напоминавшими палый осенній листъ. Но всего непріятнѣе была покровительственная манера спорить, точно онъ дѣлалъ величайшее одолженіе каждымъ звукомъ своего голоса. Впрочемъ, Андрей Гаврилычъ избѣгалъ этихъ споровъ.

На этотъ разъ бесѣда съ Бурнашевымъ была счастливо прервана. Раздался необыкновенно громкій звонокъ, такъ что Мумма даже выглянула изъ своей комнаты.

— Господи, да это какой-то разбойникъ ломится въ дверь?!— взмолилась она.

Всѣ невольно притихли. Горничная бросилась отворять дверь съ особенной быстротой. Въ передней послышалось какое-то гудѣнье, точно ворвался громадный шмель.

— Дома старикъ-то, а? И старуха дома, а?

— Господа всѣ дома,—обидчиво отвѣтила горничная, разглядывая незнакомаго гостя.

— Ну, и отлично...—добродушно гудѣлъ онъ. — Скажи, что Якимъ Образовъ пріѣхалъ.

Проходя гостиной, гость поздоровался съ молодыми людьми за руку, причемъ всѣмъ безъ церемоніи говорилъ «ты». Особенное его вниманіе обратилъ на себя Бурнашевъ, котораго онъ принялъ за старшаго сына.

— Эге-ге! Да въ кого ты выросъ такой щупленькій... а? Ни въ мать, ни въ отца...

— Вы, вѣроятно, ошиблись и приняли меня за Вадима Андреича,—съ достоинствомъ отвѣтилъ Бурнашевъ.

Неловкую сцену прервала Мумма. Она безъ церемоніи взяла громкаго гостя за руку и потащила въ кабинетъ.

— Да погоди, старуха!—упирался тотъ.—Столько лѣтъ не видались. Надо же и поцѣловаться по-христіанскому обычаю. Ѣду въ Питеръ, а самъ думаю: ужъ застану ли васъ живыми.

— А ты все такой же, Якимъ!—удивлялась Мумма, качая головой.

— Все такой же... Ха-ха!... Пробовали меня передѣлывать на всѣ лады, да, какъ видишь, ничего изъ сего не вышло.

Онъ крѣпко обнялъ Мумму и расцѣловалъ изъ щеки въ щеку.

— Гдѣ ты пропадалъ столько лѣтъ, Якимъ?—спрашивала она, съ трудомъ вырываясь изъ его могучихъ объятій.

— Гдѣ я пропадалъ? Ха-ха... Лучше спроси, гдѣ я не пропадалъ. Ну, да это не интересно...

Когда гость ушелъ въ кабинетъ, гостиная точно опустѣла.

— Вотъ это такъ мыслящій реалистъ,—замѣтилъ Вадимъ.— Ему кули таскать на набережной.

— Д-да-а...—протянулъ Бурнашевъ.—Вѣроятно, изъ духовныхъ. Отличный протодьяконъ вышелъ бы.

— А я его отлично помню,—вмѣшалась Нинка-буржуйка.—Онъ меня, маленькую, на рукахъ носилъ. Страшный добрякъ...

Гость наполнилъ гудѣньемъ кабинетъ и нѣсколько разъ принимался цѣловать хозяина.

— Ну, вотъ и увидѣлись,—повторялъ онъ.—Давно ножки-то потерялъ?

— Да ужъ скоро десять лѣтъ будетъ, Якимъ.

— Это у васъ, у дворянъ, ужъ повадка такая... Даже и стишонки такіе есть: «Стала немножко шалить его правая ножка».

Мумма сидѣла на кушеткѣ и во всѣ глаза смотрѣла на громкаго гостя, вмѣстѣ съ которымъ ворвалось въ домъ такое далекое-далекое, такое хорошее-хорошее прошлое. А этотъ богатырь, который былъ извѣстенъ въ студенческихъ кружкахъ шестидесятыхъ годовъ подъ кличкой Еруслана, оставался все такимъ же младенцемъ. Да, громадный сѣдой младенецъ, широкоплечій, съ широкимъ русскимъ лицомъ, съ мягкимъ русскимъ носомъ, съ окладистой бородой, съ громкимъ голосомъ. Говорилъ онъ, какъ настоящій «володимірецъ», сильно упирая на *о*, и, кромѣ того, ставилъ удареніе надъ словами совершенно по-своему: «дѣя̀тельность», «соврѐменный», «мо̀лодежь». Товарищи по медицинской академіи и университету были убѣждены въ духовномъ происхожденіи Еруслана и увѣряли, что онъ скрываетъ въ себѣ притаившагося дьякона. Но это было неправда: Образовъ происходилъ изъ мѣщанской семьи, промышлявшей плотничьими подрядами. Голосъ у него былъ, дѣйствительно, громадный и никакого слуха. На студенческихъ пирушкахъ Еруслант ревѣлъ, какъ быкъ, не слушая никого. Временами онъ пропадалъ неизвѣстно куда, потомъ какъ-то неожиданно появлялся, причемъ не любилъ разсказывать о своихъ приключеніяхъ.

— Ѣлъ его и давляше,—смѣялся онъ надъ самимъ собой.

Послѣ первыхъ разговоровъ, которые послѣ долгой разлуки обыкновенно плохо вяжутся, Мумма спросила:

— Что же, Якимъ: у тебя есть семья, дѣти?

— У меня?—удивился Еруслантъ.—Некогда было... Понимаешь, некогда—и все тутъ. Однимъ словомъ, фасонъ не вышелъ... Не по моей спеціальности. Такъ и остался перекати-полемъ.

Дальше начались воспоминанія, тѣ обидныя стариковскія воспоминанія, которыя совершенно непонятны молодымъ людямъ. Мумма съ трогательнымъ чувствомъ перечислила умершихъ друзей, болящихъ и, вообще, всѣхъ отсутствующихъ.

— Что же, и намъ скоро пора очистить мѣсто молодымъ,—спокойно отвѣтилъ Образовъ.—Нужно смотрѣть на вещи философски... Больше ничего не подѣлаешь. Было наше время, пожили не дурно, а теперь пора и честь знать.

Андрей Гаврилычъ все время молчалъ и улыбался какой-то виноватою улыбкой. Когда-то, въ дни молодости, онъ очень ревновалъ

Мумму къ Образову и почему-то боялся его. Теперь, конечно, никакой опасности не представлялось, но жуткое и фальшивое чувство сохранилось. Образовъ принадлежалъ къ типу тѣхъ странныхъ русскихъ людей, отъ которыхъ всю жизнь ожидаютъ чего-то особеннаго и необыкновеннаго.

Обѣдъ прошелъ шумно и весело. Говорилъ, конечно, одинъ Образовъ, а Бурнашевъ демонстративно молчалъ и только изрѣдка улыбался своей ехидной улыбкой. Мумма съ затаенной тревогой наблюдала за Нинкой-буржуйкой, которая довольно безцеремонно разсматривала гостя, какъ въ зоологическомъ саду разсматриваютъ рѣдкихъ звѣрей. Ее немного огорчило и шокировало, что Образовъ попрежнему глоталъ водку рюмку за рюмкой, все больше краснѣлъ и началъ хохотать неестественно громкимъ голосомъ.

— Да, такъ вотъ вы какіе...—повторялъ онъ, обращаясь къ наблюдавшей его молодежи.—Чистенькіе, вымытые... да... Очень даже хорошо. Значитъ, всякому овощу свое время... Такъ я говорю, Мумма?

Дурной привычкой Образова было задавать вопросы и отвѣчать на нихъ самому. Вообще, онъ не привыкъ стѣсняться, и Мумма даже незамѣтно отодвинулась отъ него.

— Да, были хорошіе люди...—повторялъ Образовъ съ тяжелымъ вздохомъ.—Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече.

Бурнашевъ долго молчалъ, а потомъ неожиданно привязался къ какой-то фразѣ. Образовъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и добродушно проговорилъ:

— Я не люблю спорить... Мое время прошло.

— Это, можетъ быть, очень великодушно съ вашей стороны,— замѣтилъ Бурнашевъ,—но манера не отвѣчать на вопросы—это плохое доказательство.

— А если я не желаю вамъ ничего доказывать? Да, не же-ла-ю...

Бурнашевъ только пожалъ плечами. Мумма смотрѣла на него умоляющими глазами. Всѣ притихли. Андрей Гаврилычъ съ самымъ глупымъ видомъ каталъ шарики изъ чернаго хлѣба. Это была одна изъ его дурныхъ привычекъ, всегда возмущавшая Мумму. Хорошо еще, что Образовъ никогда не замѣчалъ, что дѣлалось вокругъ него.

Обѣдъ къ общему удовольствію кончился благополучно, и всѣ вздохнули свободно.

Когда гость и хозяинъ ушли послѣ обѣда въ кабинетъ курить сигары, Нинка-буржуйка съ удивленіемъ увидѣла, что мать плачетъ.

— Мама, что съ тобой?

Мумма только махнула рукой.

— Ахъ, Нина, сейчасъ ты меня не поймешь... У старыхъ людей свои мысли и своя логика. Могу только пожалѣть, что ты не увидишь того, что въ свое время переживали мы... да...

Бурнашевъ остался въ столовой и съ обиженно-ядовитымъ выраженіемъ лица наблюдалъ происходившую чувствительную сцену. Да, его присутствія милыя хозяйки не замѣчали, и ему, по примѣру милаго хозяина, остается одно: катать хлѣбные шарики. Онъ демонстративно поднялся и началъ прощаться. Верхомъ неприличія было то, что его не удерживали. Когда Мумма вышла проводить его въ переднюю и съ офиціальной любезностью хозяйки дома спросила, почему онъ торопится уходить, Бурнашевъ съ разсчитанной грубостью проговорилъ:

— У меня, знаете... да... у меня разболѣлся животъ.

А изъ кабинета доносилось ровное и густое гудѣнье, точно туда залетѣлъ громадный шмель.

V.

Мумму интересовало, зачѣмъ Образовъ вернулся въ Петербургъ и что предполагаетъ дѣлать. Спросить объ этомъ прямо она не рѣшилась. Между ними уже легла громадная полоса жизни, мѣшавшая взаимному пониманію. Въ самомъ дѣлѣ, что думаетъ этотъ странный человѣкъ? Чѣмъ больше думала Мумма на эту тему, тѣмъ сильнѣе ей дѣлалось жаль друга юности. Да, надъ его сѣдѣвшей головой уже витало холодное и обидное одиночество безпріютной старости. На эту тему Мумма пробовала говорить съ мужемъ, но Андрей Гаврилычъ только разводилъ руками и повторялъ стереотипную фразу, какой отвѣчаютъ непонимающіе мужики:

— А кто его знаетъ...

— Но вѣдь такое одиночество ужасно?

— Что же, самъ виноватъ, если не умѣлъ вò-время устроиться иначе.

— Какой ты странный... Развѣ можно судить такихъ людей по обычному шаблону. Онъ мнѣ прямо сказалъ, что ему просто было *некогда* подумать о личномъ счастьи.

— Ну, этого мы еще не знаемъ и будемъ спорить о неизвѣстномъ.

— Есть вещи, которыя продѣлываютъ одинаково умные и глуп[illegible] люди. А затѣмъ, я даже не вижу основаній, чтобы непремѣнно в[illegible] женились или выходили замужъ... да. Возьми Англію, тамъ уже о[illegible]зовался такъ называемый третій полъ, т.-е. цѣлый классъ дѣвуш[illegible]ъ. которыя, выражаясь по-нѣмецки, никогда не получатъ мужа.

[illegible]мма не могла понять этого вынужденнаго безбрачія и проте-

стовала съ женскимъ азартомъ. Въ самомъ дѣлѣ, такой выдающійся по душевному складу человѣкъ и долженъ влачить свое существованіе бобылемъ,—Мумма подумала именно этой замученной книжной фразой.

Самъ Образовъ, повидимому, меньше всего думалъ и заботился о собственной особѣ. У него были какія-то дѣла въ Петербургѣ, и онъ то пропадалъ на нѣсколько дней, то появлялся совершенно неожиданно и непремѣнно въ самые неудобные часы,—то слишкомъ рано утромъ, когда дамы еще были неодѣты, то слишкомъ поздно вечеромъ, когда пора было ложиться спать, то послѣ обѣда, когда ему приходилось подавать отдѣльно, точно въ ресторанѣ. Это была дурная привычка думать только о себѣ. Потомъ, онъ держалъ себя, какъ будто онъ былъ хозяиномъ въ домѣ, и дѣло доходило до того, что онъ безъ церемоній уходилъ въ кабинетъ Андрея Гаврилыча и, не раздѣваясь, разваливался спать на диванѣ. Мумму такое поведеніе стараго друга очень смущало, главнымъ образомъ потому, что дѣти откровенно его не понимали. Особенно волновалась Нинка-буржуйка.

— Это ужъ слишкомъ безцеремонно, мама,—говорила она, пожимая худенькими плечами.—Кажется, онъ принимаетъ нашъ домъ за трактиръ, гдѣ можно и наѣсться и выспаться.

— Ахъ, ты ничего не понимаешь,—отговаривалась Мумма, напрасно подбирая слова.—Однимъ словомъ, это такой человѣкъ... какъ тебѣ сказать? Ну, совсѣмъ, совсѣмъ особенный человѣкъ.

Образовъ упорно не желалъ ничего замѣчать и даже больше—обращалъ особенное вниманіе на Нинку-буржуйку и производилъ ей что-то вродѣ экзамена. Разъ она не выдержала и довольно рѣзко ему замѣтила:

— Вы меня, Якимъ Ильичъ, кажется принимаете за свою ученицу.

— Ну-съ, и что же?—невозмутимо спросилъ онъ и даже улыбнулся.

— А то, что я уже совсѣмъ взрослый человѣкъ и въ экзаменахъ не нуждаюсь.

— Такъ-съ... да... Ну, мы такъ и запишемъ: окончательно взрослая дѣвица съ амбиціей.

Старый другъ начиналъ тяготить Туразовыхъ, и Мумма все чаще и чаще начинала думать о томъ, когда же онъ, наконецъ, уѣдетъ. Ее немного шокировало и то, что этотъ старый другъ точно ухаживаетъ за Ниной, а та въ свою очередь дѣлала такой видъ, что ей такое ухаживаніе противно. Въ результатѣ получалось что-то совсѣмъ несообразное и нелѣпое. Волновались и мальчики и ревниво наблюдали за каждымъ движеніемъ стараго мамина друга.

Разъ Образовъ пришелъ въ такое время, когда стариковъ не было дома. Волей-неволей пришлось принимать дорогого гостя Нинкѣ-буржуйкѣ. Онъ, какъ всегда, не замѣчалъ непривѣтливости и сухого тона молодой хозяйки и спокойно разсказывалъ что-то о своихъ безконечныхъ странствіяхъ. Когда Мумма вернулась домой, она нашла Образова въ столовой. Онъ сидѣлъ и пилъ пиво. Мумму возмутило, что Нинка-буржуйка не умѣла занять гостя. Образовъ понялъ ея настроеніе и совершенно спокойно проговорилъ:

— Барышня обидилась на меня.

— Вы поссорились?

— Нѣтъ... т.-е. видишь ли, Мумма, я, какъ это у васъ говорится, сдѣлалъ ей предложеніе...

— Ты?! Предложеніе?!

— Да... А она заплакала и убѣжала въ свою комнату. Однимъ словомъ, никакъ не могу понять, чѣмъ я могъ ее обидѣть. Конечно, дѣло самое обыкновенное.

Мумма поступила, какъ настоящая любящая мать, т.-е. присѣла къ столу, закрыла лицо платкомъ и заплакала. Вотъ ужъ *этого* она никакъ не ожидала.

Нинка-буржуйка подслушивала изъ сосѣдней комнаты этотъ разговоръ и, когда въ столовой все стихло, она осторожно пріотворила дверь и увидѣла необыкновенную картину. Образовъ цѣловалъ Мумму и задыхавшимся шепотомъ повторялъ:

— Она напомнила мнѣ мою молодость... напомнила тебя, когда ты была молодой... О, вѣдь я такъ тебя любилъ...

Мумма отняла руки отъ заплаканнаго лица и отвѣтила тоже шепотомъ:

— Ты? любилъ меня?

— И потомъ... всегда...

Мумма обняла его и молча поцѣловала. Нинка-буржуйка была жестоко наказана за свое любопытство, осторожно притворила дверь и расплакалась уже настоящими слезами.

Черезъ два дня Мумма исчезла. Всѣ, конечно, ужасно встревожились, а Андрей Гаврилычъ совершенно потерялъ голову. Прошло цѣлыхъ два дня, пока получено было письмо отъ Муммы. Она извѣщала, что больше не вернется домой, просила прощенія и умоляла ее не разыскивать. Она бѣжала съ Туразовымъ за границу.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Изъ Уота Уитмана.

I.

Двое мальчишекъ.

Двое мальчишекъ,—мы вѣчно вдвоемъ!
За руки взявшись, мы всюду снуемъ!—
Направо, налѣво,—на югъ и на сѣверъ,
Локтями пробьемся, захватимъ руками—
Въ восторгѣ отъ силы своей.
Вездѣ намъ, безстрашнымъ, и столъ, и жилище,
Повсюду мы пьяны, во всѣхъ влюблены,
Законовъ не знаемъ!—Мы сами—законы!
Воруемъ, деремся, бранимся, пускаемся въ море,
Тревожимъ скупцовъ, и рабовъ, и поповъ,
И воздухомъ дышимъ, и пляшемъ у моря,
Безсилье затопчемъ,
Что надо—возьмемъ!

II.

Что я такое?

Что я такое?
Ребенокъ, которому любо свое выговаривать имя,
Снова и снова его повторять
И, звукъ его слыша, всегда восхищаться.
А ты?
Развѣ имя твое только нѣсколько буквъ?

К. Чуковскій.

РАЗСКАЗЫ

Сигурда.

(Переводъ со шведскаго.)

I.

Мы увидимся на Рождествѣ.

Наканунѣ сочельника телеграфный чиновникъ Эмиль Хольмъ получилъ по телеграфу приказъ немедленно отправиться въ Х. и временно принять тамъ станцію по случаю смерти ея бывшаго начальника.

Бррр!... Нѣтъ ничего противнѣе, какъ сниматься съ мѣста въ серединѣ зимы и опрометью бросаться въ новыя мѣста, чтобы окунуться въ новую обстановку, войти въ незнакомое общество, чужимъ и бездомнымъ, да еще какъ разъ во время большихъ праздниковъ, когда сильнѣе всего чувствуешь, какъ любо имѣть свой домъ и какъ горько потерять его.

Правда, что телеграфистъ Хольмъ былъ старый холостякъ, для котораго Рождество главнымъ образомъ имѣло то значеніе, что въ это время глупые люди чаще, чѣмъ когда-либо, забавляются обмѣномъ телеграммъ; правда также, что это далекое назначеніе сулило въ будущемъ хорошее штатное мѣсто. Однако старыя привычки были такъ же дороги и святы для телеграфиста, какъ Рождество для благочестивыхъ и поэтическихъ натуръ; а что касается до лучшаго мѣста съ увеличеніемъ жалованья, то едва ли онъ въ этомъ нуждался. Онъ былъ одинокъ, у него были скромныя привычки, и у него не было никого, кому онъ обязанъ былъ бы помогать и о комъ онъ долженъ былъ бы заботиться.

А потому и понятно, что когда телеграфистъ Хольмъ, отбывъ часы своей службы на новомъ мѣстѣ и наскоро поужинавъ въ гостиницѣ (онъ, конечно, отклонилъ едва ли искреннее приглашеніе родственниковъ своего покойнаго предшественника), вошелъ въ свое временное жилище около десяти часовъ вечера въ сочельникъ, то

настроеніе его духа было самое мрачное и удрученное. Его временное жилище состояло изъ двухъ комнатъ у вдовы Андерсонъ, которая съ незапамятныхъ временъ честно зарабатывала свой хлѣбъ отдачей въ наймы комнатъ съ полнымъ пансіономъ.

Неуютная обстановка, чужая мебель, некрасивая и бѣдная, узкая постель, запачканная обивка и порядочный холодъ въ комнатѣ!

Не стоило и торопиться ложиться спать; онъ все равно не заснулъ бы—онъ это хорошо зналъ. И вотъ онъ усѣлся у шаткаго письменнаго стола покойнаго Андерсона, положилъ голову на руки и запустилъ всѣ свои десять пальцевъ въ коротко остриженные волосы съ просѣдью.

Чиновникъ Хольмъ былъ нрава невеселаго и суроваго, но уже давно грусть не овладѣвала имъ такъ сильно, какъ въ этотъ рождественскій сочельникъ. Наконецъ, онъ вскочилъ и началъ быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Книжный шкапъ! Собственно говоря, Хольмъ вовсе не былъ любителемъ литературы и едва ли онъ читалъ что-нибудь, кромѣ газетъ; но вѣдь ему было такъ невыразимо скучно, а потому онъ открылъ дверцы шкапа и вытащилъ наугадъ со средней полки переплетеную грязную книжонку.

«Къ центру земли»,—н-да, недурно было бы теперь забраться туда и спрятаться тамъ, подумалъ онъ и равнодушно началъ перелистывать рваныя страницы. Но что это такое? Нѣсколько исписанныхъ листковъ. Красивый женскій почеркъ... испещренный восклицательными знаками и тире... чортъ возьми... онъ, навѣрное, наткнулся на какой-нибудь женскій дневникъ!

И съ выраженіемъ необыкновеннаго превосходства на лицѣ Хольмъ снова сѣлъ за письменный столъ, опять провелъ пальцами по волосамъ, подперъ свои худыя щеки руками и началъ читать:

« . . . .

«Самое ужасное это то, что я питаю къ нему какое-то горькое чувство,—къ нему, который далъ мнѣ возможность испытать самое прекрасное, самое блаженное чувство во всей моей жизни, несмотря на все то горе и страданіе, которыя я перенесла. Безъ этого чувства не стоило бы и жить, и я прошла бы черезъ жизнь, какъ во снѣ.

«Скоро настанетъ конецъ, да я собственно и жила-то только тѣ нѣсколько недѣль въ Л. До того времени я была ребенкомъ, а теперь я развалина, и все это твоя вина, милый, милый...

«Что чувствовалъ ты ко мнѣ, бѣдной? Подумать только, что я этого никогда не узнаю, дорогой мой! Иногда мнѣ кажется, что было бы такъ хорошо, если бы я тогда ошибалась; если бы ты никогда не

чувствовалъ ко мнѣ того, что я думала; если бы ты никогда не имѣлъ въ виду заронить искру надежды въ мое сердце; если бы не было никакого особеннаго значенія или намека въ твоихъ послѣднихъ прощальныхъ словахъ: «Мы увидимся на Рождествѣ! Въ Е. живетъ мой родственникъ, котораго я непремѣнно навѣщу». Если бы я могла думать такъ, то ты былъ бы выше, чище, благороднѣе въ моихъ глазахъ; тогда мое сердце сняло бы съ тебя обвиненіе въ томъ, что ты разбилъ его.

«Но нѣтъ... нѣтъ... пусть ты лучше измѣнилъ мнѣ, пусть ты былъ безсердеченъ! Я не могу перенести мысль, что въ твоемъ сердцѣ *ни капли* не было того, что пылало въ моемъ собственномъ... Пусть лучше будетъ какая-нибудь жалкая любовь, мимолетное скоро-проходящее чувство, увлеченіе, прихоть, или что бы то ни было, но только не равнодушіе! Вѣдь ты *думалъ,* что любишь меня, мой Эмиль, не правда ли? Но потомъ пришло забвеніе, наступила борьба за существованіе, другія женщины, болѣе прекрасныя, лучше... нѣтъ, *не лучше,* родной мой, не лучше для тебя, потому что никто, *никто* во всемъ мірѣ не можетъ любить тебя такъ, какъ я...

«И вѣдь ты не думалъ, что сдѣлалъ мнѣ такъ больно. «Мы увидимся на Рождествѣ»... Хотѣла бы я знать, помнилъ ли ты еще хоть сколько-нибудь меня, бѣдняжку, когда наступило Рождество? Воспоминанія о лѣтѣ, лѣтнія мечты!

«Да, да, такъ это и было. Эти нѣсколько недѣль въ Л. были для тебя цвѣткомъ, который ты сорвалъ на краю твоего жизненнаго пути, и затѣмъ бросилъ у слѣдующаго верстового столба; для меня же онѣ были самой жизнью, *больше* жизни, дорогой? Съ какой радостью я умерла бы, если бы только мнѣ пришлось испытать одинъ годъ, одинъ мѣсяцъ, одну недѣлю то, чего такъ страстно жаждало мое бѣдное сердце?

«Помнишь ли ты первый день открытія лѣтней телеграфной станціи въ курортѣ? Помнишь, какъ три молодыя, рѣзвыя дѣвушки ворвались къ тебѣ съ телеграммой? Но ты смотрѣлъ *только* на меня. Можетъ быть, ты никогда не любилъ меня, но я читала въ твоихъ глазахъ, ненаглядный мой, что ты находишь меня красивой, самой красивой изъ всѣхъ трехъ? Я краснѣю и мнѣ ужасно стыдно писать это, но вѣдь это глупости: вѣдь никто на свѣтѣ не прочтетъ этого. Но что, если бы *ты* зналъ!... О, тогда я умерла бы со стыда! Видишь ли, любовь моя, у каждаго человѣка есть своя маленькая гордость, какъ бы онъ ни былъ приниженъ судьбой; а любить человѣка, который даже не обращаетъ на тебя вниманія — это самое позорное, что только есть на свѣтѣ для женщины, — я это чувствую. Но по-

нять этого я не могу, и я въ этомъ не виновата. Я утѣшаюсь только однимъ, что какъ бы ни было, но глаза твои любили останавливаться на мнѣ,—я это читала въ твоихъ взорахъ.

«А теперь я такъ безобразна, такъ безобразна, мой милый! Дай Богъ, чтобы мнѣ никогда больше не пришлось встрѣтиться съ тобой случайно, съ тобой единственнымъ, для кого я только и хотѣла быть красивой! Но что изъ этого? Я всетаки хотѣла бы увидать тебя разъ. Ты не узналъ бы меня. Я такъ исхудала, дорогой, отъ меня остались лишь кости да кожа... старая, желтая кожа да трясущіяся кости. Но вѣдь ты помнишь еще, какъ мы носились бывало по вечерамъ по залѣ? И подумать только, что это была *я!* Помнишь, какъ прочія пары останавливались, чтобы посмотрѣть на нашу деревенскую польку?... Надо подойти къ зеркалу и посмотрѣть, неужели это была *я*... О, какой ужасъ! Черепъ, обтянутый кожей, и горькая усмѣшка надъ ввалившимся ртомъ...

«Зачѣмъ я говорю съ тобой, разъ ты не можешь меня слышать? Зачѣмъ пишу я это, разъ никто никогда не будетъ читать эти строки? Не знаю. Быть можетъ, я потеряла разсудокъ? Тогда надо быть поосторожнѣе, чтобы никто этого не замѣтилъ, иначе я потеряю мѣсто на почтѣ, а тогда мнѣ не на что будетъ жить... но что будетъ потомъ, когда подтачивающій червь окончитъ свое дѣло,—этого я не знаю. Дай Богъ, чтобы конецъ пришелъ сразу, чтобы я могла работать до послѣдняго дня!

«Хотѣла бы я знать, думалъ ли ты съ тѣхъ поръ когда-нибудь обо мнѣ? «Мы увидимся на Рождествѣ». Увы, съ тѣхъ поръ такъ *много разъ* наступало и проходило Рождество. . . . .

. . . . »

Эмиль Хольмъ всталъ изъ-за стола. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и ноги его дрожали. Въ его глазахъ стоялъ туманъ, и по его загорѣлымъ, худымъ щекамъ тихо скатились двѣ крупныя слезы.

Итакъ, нѣтъ правилъ безъ исключенія! А онъ такъ вѣрилъ своимъ товарищамъ-холостякамъ, убѣждавшимъ его въ томъ, что молодыя дѣвушки желаютъ выйти замужъ лишь для того только, чтобы имѣть свой домъ, стать хозяйкой; что онѣ способны подарить то, что онѣ называютъ «любовью», первому встрѣчному мужчинѣ, лишь бы онъ былъ болѣе или менѣе порядочнымъ и былъ бы въ состояніи обезпечить ихъ; что всѣ ихъ стремленія сводятся единственно къ тому, чтобы выйти замужъ, а не къ тому, чтобы соединиться съ любимымъ человѣкомъ.

Онъ бросился, не раздѣваясь, на кровать, закрылъ глаза и сталъ обновлять въ своей памяти одну картину за другой. Сначала онъ

увидалъ двѣ маленькія, низкія, бѣдныя, но свѣтлыя и веселыя комнатки на лѣтней телеграфной станціи въ Л. Потомъ передъ его глазами мелькнулъ образъ женщины-ребенка съ фигуркой Эльфа въ голубой блузочкѣ и съ маленькой матросской шапочкой на каштановыхъ непокорныхъ локонахъ. Эта дѣвушка, которая приплясывала на ходу, улыбалась, когда говорила, и смѣхъ которой напоминалъ музыку, промелькнула, какъ солнечный лучъ, какъ искра счастія. Но развѣ ихъ было три? Онъ видѣлъ лишь ее!

Но вотъ онъ увидалъ передъ собой благоразумную, сердечную дѣвушку, которая спокойно и серьезно говорила обо всемъ во время длинныхъ прогулокъ по берегу моря и довѣрчиво смотрѣла на него своими большими голубыми глазами... А вотъ опять промелькнулъ образъ дѣвочки съ блѣднымъ личикомъ, которая протягивала ему на прощанье свою дрожащую ручку и которая вся просіяла, какъ апрѣльскій день послѣ ливня, когда онъ ей сказалъ: «Мы увидимся на Рождествѣ».

И вотъ они дѣйствительно встрѣтились на Рождествѣ, но, великій Боже, *какъ!*

Пронеслись передъ нимъ и другія картины. Лихорадочная работа, жестокая борьба за существованіе, недостатокъ въ деньгахъ и низкія, грязныя удовольствія въ тихой и порядочной по внѣшности жизни; повышенія по службѣ, уваженіе согражданъ, благоволеніе начальства и ловкія увертки отъ лакомыхъ приманокъ, выставляемыхъ на удочкахъ заботливыми и любящими мамашами. Думалъ ли онъ о ней иногда? Да, сначала часто, потомъ все рѣже и рѣже; а поѣхать къ ней въ то Рождество ему совсѣмъ было некогда.

Какъ странно, что онъ даже не зналъ ея почерка! Но вѣдь ихъ лѣтняя сказка такъ походила на сонъ. Ни одного связывающаго слова, ни одной даже записочки, не говоря уже о поцѣлуяхъ, ни малѣйшаго намека на ласку, едва лишь рукопожатія. Если на свѣтѣ дѣйствительно существуетъ невинность, то онъ встрѣтилъ ее именно въ ней.

Затѣмъ потянулась жизнь стараго холостяка,—скучная, однообразная, безпроглядная и сѣрая, безъ настоящихъ радостей, безъ се[illegible]езныхъ испытаній, безъ содержанія, безъ цѣли.

[illegible] могло бы быть совсѣмъ иначе... И вотъ онъ увидалъ рождест[illegible]нскій столъ, накрытый въ собственномъ домѣ, мерцаніе свѣчей на [illegible]кѣ, нѣжныя руки, обвивающіяся вокругъ его шеи, весь годъ со[illegible]той подъ ярмомъ труда...

[illegible]остоналъ ли онъ отъ душевной боли, вырвалось ли у него су-

дорожное рыданье—онъ не зналъ, но въ дверяхъ вдругъ появилась фру Андерсонъ въ ночной кофтѣ со свѣчой въ рукахъ.

— Чего вамъ здѣсь надо среди ночи?—спросилъ удивленный Хольмъ.

— Должна вамъ сказать, что у меня вовсе нѣтъ привычки входить по ночамъ въ комнаты моихъ жильцовъ,—сказала фру Андерсонъ,—но вы простонали такъ жалобно, что я подумала, что вы больны.

— Войдите, пожалуйста, и присядьте на минутку!—попросилъ Хольмъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, что я порядочная женщина и буду оплакивать Андерсона до гробовой доски,—сказала вдова, ставя свѣчку на столъ и садясь въ кресло.

— Не жила ли въ этой комнатѣ фрёкенъ Луиза Вендель? Она служила на почтѣ.

— О Боже, да! Бѣдняжка умерла отъ чахотки четыре года тому назадъ.

— Здѣсь, въ этой комнатѣ?

— Ну, да.

— На этой постели, можетъ быть?

— Да... но, Боже мой, вѣдь вы же слышите, что это было четыре года тому назадъ, а кромѣ того я такой человѣкъ, что провѣтриваю, чищу, мою на всѣ лады...

— У нея въ комнатѣ все было такъ же, какъ и теперь?

— До капельки! Я не изъ тѣхъ, кто любитъ мѣнять и переставлять, и у меня ничего не заложено и ничего не продано.

— Какъ... я хочу сказать, мучилась ли... какъ она умерла, фру Андерсонъ?

— Угасла, какъ свѣча, дорогой герръ Хольмъ. Вы знали ее? Она пришла съ почты въ часъ... Ужъ не родственникъ ли вы ея? А въ три часа все было кончено.

— Это ваши книги въ шкапу?

— Да, по большей части, но многія изъ нихъ позабыли мои прежніе жильцы. Но между ними нѣтъ ничего моднаго, да мнѣ кажется, что въ нихъ уже давно никто и не заглядывалъ. Но если вы желаете, то пожалуйста! Ключъ здѣсь въ дверцѣ.

— Благодарю васъ! Но я думаю, теперь намъ пора и заснуть немного въ эту рождественскую ночь.

— Спокойной ночи и пріятныхъ праздниковъ!

— И вамъ также, фру Андерсонъ!

II.

Какъ господинъ Петерсонъ совѣтовался со спеціалистами.

Насъ собралось нѣсколько человѣкъ. Мы сидѣли и пили дешевый спиртной напитокъ въ умѣренномъ количествѣ, чего приходится придерживаться въ наше несчастное время, ибо ни одинъ человѣкъ не знаетъ, когда наступитъ моментъ, въ который войдетъ полное запрещеніе употреблять спиртные напитки, и когда придется, ради маленькаго освѣжающаго глотка, прибѣгать къ флакону съ одеколономъ мамаши, сестры или жены.

Вдругъ Янсонъ,—вы знаете, тотъ, у котораго юридическое бюро въ Крокебю,—сказалъ:

— У меня чертовски болитъ одинъ палецъ на ногѣ, я чувствую отъ этого недомоганіе во всемъ тѣлѣ.

— Это можетъ быть ревматизмъ, или же это отъ узкой обуви, или палецъ былъ когда-нибудь отмороженъ?—высказалъ я свои предположенія.—Мнѣ когда-то пришлось очень много возиться съ докторами, а кромѣ того я иногда слушалъ, какъ училъ физіологію мой сынишка, почему я и считалъ, что имѣю нѣкоторое понятіе о человѣческомъ тѣлѣ.

— Нѣтъ, болитъ только одинъ палецъ. И болитъ такъ, что чортъ бы меня побралъ!—сказалъ адвокатъ.

— Это онъ и сдѣлаетъ, потому что, рано или поздно, онъ приберетъ всѣхъ адвокатовъ,—замѣтилъ аптекарь Пиллерстедъ.—Но ты еще зеленый и неопытный, и наврядъ ли чортъ найдетъ тебя подходящимъ обществомъ для такого стараго и почтеннаго господина, какъ онъ. А потому тебѣ придется еще долго бродить по этой юдоли слезъ и печали. А вотъ я на твоемъ мѣстѣ лучше посовѣтовался бы во-время съ какимъ-нибудь спеціалистомъ.

— Такъ я и сдѣлаю завтра же, потому что этого я больше не могу переносить,—согласился Янсонъ.

— Ты это говоришь серьезно?—спросилъ Петерсонъ, который живетъ на проценты съ капитала, и котораго потому называютъ просто «господинъ Петерсонъ».

— Да, душа моя, это мое намѣреніе.

— Въ такомъ случаѣ я прошу всѣхъ собравшихся здѣсь присоединиться ко мнѣ и выпить за здоровье нашего друга Янсона прощальный бокалъ, поблагодарить его за тѣ веселые часы, которые мы провели вмѣстѣ, и разстаться съ нимъ навсегда,—сказалъ господинъ Петерсонъ.

— Что за чепуху ты мелешь?

— Я съ этимъ хорошо знакомъ. Я самъ «совѣтовался со специалистами». Это презабавная исторія. Можетъ быть, вамъ интересно послушать, какъ это произошло?

— Конечно, если только ты не будешь тянуть слишкомъ долго и не наврешь больше, чѣмъ на семьдесятъ процентовъ.

Тогда Петерсонъ разсказалъ слѣдующее:

«Въ доброе старое время, когда былъ только *одинъ* докторъ для всего тѣла, можно еще было жить. Докторъ, бывало, выстукаетъ грудь, выслушаетъ легкія, а паціентъ подышитъ, покашляетъ и признается во всѣхъ своихъ грѣхахъ и разскажетъ о своихъ мученіяхъ, послѣ чего онъ получалъ порцію лѣкарства, большую или маленькую, дешевую или дорогую, смотря по тому, въ какихъ отношеніяхъ докторъ находится съ аптекаремъ. И результатомъ этого бывали три случая: или паціентъ умиралъ, или выздоравливалъ, или жилъ, не выздоровѣвъ.

«Но теперь, когда доктора раздѣлили между собою тѣло несчастнаго человѣка, какъ хозяйка кухмистерской, которая дѣлитъ старую курицу между семью пансіонными учительницами и однимъ кандидатомъ философіи,—теперь несчастьямъ человѣческимъ нѣтъ конца.

«Я чувствовалъ себя великолѣпно семь лѣтъ тому назадъ, когда я былъ приглашенъ на недѣлю полакомиться вишнями и поохотиться на молодыхъ утокъ къ моему двоюродному брату—знаете, Петерсону изъ Сандебеккена. Я прожилъ у него дня три и вдругъ почувствовалъ самые ужасные приступы сердцебіенія. Однако, когда я пошелъ посовѣтоваться къ деревенскому врачу, то онъ только засмѣялся и сказалъ, что я совершенно здоровъ.

— Вы не находите, докторъ, что у меня слишкомъ большое сердце? У меня такое чувство, будто это именно такъ.

— Ха-ха-ха! Скорѣе слишкомъ маленькое! Сорокъ два года, аккуратный человѣкъ и холостой,—хохоталъ этотъ деревенскій коновалъ.

— Знаешь что, тебѣ необходимо обратиться къ специалисту, иначе ты не поправишься,—сказала Эмма, двоюродная сестра моей жены.

Ну, конечно, жизнь самое драгоцѣнное изъ всего, что существуетъ на свѣтѣ, когда нѣтъ ни жены, ни дѣтей. Я отправился къ специалисту по сердечнымъ болѣзнямъ. У него было гораздо больше всякихъ трубокъ и стетоскоповъ, или какъ ихъ тамъ,—чѣмъ у деревенскаго доктора, и всѣ они были такіе новенькіе и блестящіе. Мнѣ пришлось

раздѣться догола и онъ сталъ выслушивать меня и выстукивать и спереди и сзади.

— Гм... гм... гм... и докторъ Линсенъ сказалъ, что это *«ничего?»*—бормоталъ онъ.

— Ради Бога, скажите всю правду сейчасъ же! Я скоро умру?—закричалъ я.

— Н-да, если бы вы вó-время не посовѣтовались со специалистомъ, то... Теперь вамъ придется отправиться въ Наугеймъ; *совсѣмъ* вы едва ли поправитесь, но можно прожить еще довольно долго съ такой болѣзнью. Сердце у васъ увеличено и съ одной стороны есть ожирѣніе.

Я поѣхалъ въ Наугеймъ и мучилъ себя ваннами и діэтой, посѣдѣлъ и исхудалъ и былъ несчастнымъ человѣкомъ. Сердце, правда, немного поправилось, но зато желудокъ мой никуда не годился. Я посовѣтовался съ курортнымъ докторомъ въ Наугеймѣ, и онъ далъ мнѣ какіе-то порошки, чтобы я имѣлъ хоть временный покой. При этомъ онъ замѣтилъ, что въ Вѣнѣ есть великолѣпный специалистъ по желудочнымъ болѣзнямъ.

Я отправился къ этому спеціалисту. Онъ всунулъ мнѣ въ ротъ длинную гутаперчевую кишку и выполоскалъ меня изнутри такъ основательно, что я сталъ такъ же пустъ, какъ портмонэ студента въ послѣдніе дни мѣсяца. Потомъ онъ взялъ пробу моего желудочнаго сока и велѣлъ снова придти черезъ два дня.

Когда я пришелъ къ нему въ назначенное время, то онъ сперва ничего не говорилъ, а только посвистывалъ и качалъ головой и казался очень озабоченнымъ.

— Hoffentlich ist es nicht von Bedeutung?—спросилъ я,—потому что въ разговорной книжкѣ сказано, что такъ надо говорить съ нѣмецкимъ докторомъ. По всей вѣроятности, это дѣлается для того, чтобы понизить гонораръ, не придавая болѣзни никакого значенія.

На это мнѣ докторъ сказалъ, что онъ думаетъ, что *жизнь* еще можно спасти, но что онъ никогда не видалъ такого испорченнаго желудка. Онъ прибавилъ еще, что лѣчить меня отъ болѣзни сердца было самымъ гнуснымъ покушеніемъ на убійство.

- Но я чувствовалъ такую опредѣленную боль именно въ сердцѣ, -сказалъ я.

· Скопленіе газовъ въ животѣ, который вздувался и давилъ на грудную клѣтку—вотъ это, что было. А сердце у васъ маленькое и признаковъ ожирѣнія нѣтъ, и оно во всѣхъ отношеніяхъ превосходно, —сказалъ докторъ.

Онъ лѣчилъ меня два мѣсяца и въ продолженіе всего этого вре-

мени мнѣ казалось, что внутри у меня цѣлый циркъ и двѣ карусели, хотя я почти ничего не ѣлъ. Наконецъ, мнѣ показалось, что мнѣ стало немного лучше; докторъ сказалъ, что я *совсѣмъ* выздоровѣлъ, и я уѣхалъ.

Я до такой степени ослабѣлъ и такъ дурно себя чувствовалъ, когда возвратился въ Швецію, что я принужденъ былъ обратиться къ первому попавшемуся мнѣ въ Гётеборгѣ доктору. Онъ раздѣлъ меня, «взялъ мою температуру», осмотрѣлъ меня самымъ добросовѣстнымъ образомъ и сказалъ, что въ отдѣльности всѣ мои органы въ порядкѣ, но нервы никуда не годятся.

— Извините, не было ли среди вашихъ родныхъ со стороны отца или матери душевно-больныхъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ, не было, за исключеніемъ, впрочемъ, одной тетки, которую въ молодости пришлось запереть изъ-за несчастной любви. Но теперь она вполнѣ нормальна и держитъ столовую для учениковъ въ Боросѣ,—отвѣтилъ я, что и было истинной правдой.

— Вотъ видите! Такъ я и думалъ! *Пока* еще вашему разсудку не угрожаетъ опасность, но при такихъ разстроенныхъ нервахъ... гм... не хотите ли вы поступить на нѣсколько недѣлекъ въ мое заведеніе, тогда бы видно было?...

— Что это за заведеніе?

— Это... гм... да, это собственно заведеніе для душевно-больныхъ, но вы, конечно, тамъ будете жить только для наблюденія; и вы можете свободно уходить и приходить, когда вамъ вздумается, и комната у васъ будетъ съ обыкновенными окнами.

Теперь и я почувствовалъ себя на пути къ полному безумію и я послѣдовалъ за докторомъ безпрекословно, но съ глубокой грустью при мысли о томъ, что я наконецъ попалъ къ спеціалисту для рехнувшихся.

У него, впрочемъ, мнѣ было довольно весело. Послѣ того, какъ онъ выигралъ отъ меня въ карты триста кронъ и засталъ меня на чердакѣ въ тотъ моментъ, когда я цѣловалъ его сестру, завѣдывавшую хозяйствомъ въ лѣчебницѣ, онъ мнѣ объявилъ, что покой и лѣкарства имѣли свое хорошее дѣйствіе, и что я замѣтнымъ образомъ не отличаюсь отъ нормальныхъ людей. Тѣмъ не менѣе онъ совѣтовалъ мнѣ жениться на дѣвушкѣ, которая имѣетъ нѣкоторый опытъ въ уходѣ за умалишенными, на случай... на случай...

Но вотъ я основался на нѣкоторое время въ Марстрандѣ. Однако я крайне осторожно принималъ участіе въ увеселеніяхъ, что вполнѣ понятно для человѣка, у котораго какъ душевныя, такъ и физическія силы серьезно подорваны. Однажды въ курортный залъ воше

молодой, извѣстный докторъ изъ Стокгольма, который находился въ Марстрандѣ проѣздомъ. Онъ представился мнѣ и сказалъ, что очень интересуется исторіей моей болѣзни, о которой онъ слышалъ. Я разсказалъ ему все подробно и прибавилъ, что теперь я себя чувствую такъ хорошо, какъ давно уже не чувствовалъ. На это докторъ улыбнулся многозначительной, грустной улыбкой и пробормоталъ:

— Маленькая передышка, послѣ которой болѣзнь разразится съ новой силой... гм... гм...

— Господи Іисусе Христе, что вы хотите сказать, докторъ?

— Вотъ видите ли, я спеціалистъ по... (тутъ онъ назвалъ одну болѣзнь очень противную, но весьма опредѣленную), и вотъ этимъ-то вы и страдаете. Сердце, желудокъ, голова, нервы—все это дѣйствительно находилось въ болѣзненномъ состояніи, но отнюдь не имѣло мѣстнаго характера, а зависѣло просто отъ отравленія всей крови. Вы...

. . . .

— Невозможно докторъ! Вѣдь я въ сущности святой, и...

— Та-та-та! Вѣдь это можетъ быть наслѣдственно, а кромѣ того зараза можетъ проникнуть въ кровь самыми разнообразными способами безъ нашего даже вѣдома.

Я поблѣднѣлъ и спросилъ его, есть ли еще надежда на спасеніе. Онъ не могъ сказать ничего опредѣленнаго, но такъ какъ онъ былъ спеціалистъ именно по этой болѣзни, то онъ предложилъ довѣриться ему и...

. . . .

И вотъ я прошелъ курсъ лѣченія, такой ужасный, что я нѣсколько разъ готовъ былъ вернуться къ моему другу психіатру съ рискомъ пасть жертвой его милой сестры. Въ какой-нибудь мѣсяцъ я проглотилъ невѣроятное количество ртути.

Какъ разъ, когда я подвергался этой пыткѣ, пришло извѣстіе, что вслѣдствіе большихъ недоразумѣній въ дѣловомъ мірѣ у меня на родинѣ все мое состояніе подвергается серьезной опасности и что мнѣ грозитъ полное разореніе. Я моментально уѣхалъ домой и пустилъ въ ходъ всю свою энергію, чтобы спасти то, что еще можно [illegible]ло спасти. Я бросилъ діэту, работалъ какъ волъ, никогда не ду[illegible]ъ ни о душѣ, ни о тѣлѣ, получалъ изрѣдка крѣпкое рукопожатіе [illegible] стараго друга моего отца, влюбился въ его дочь, прижалъ ее къ [illegible]ему сердцу въ одинъ августовскій вечеръ въ бесѣдкѣ изъ каприфоліи и хотѣлъ уже сдѣлать оглашеніе, когда меня вдругъ пронзила [illegible]ль: «Вотъ такъ штука! Вѣдь ты забылъ про всѣ свои болѣзни и [illegible]рь ты здоровъ совсѣмъ!» У меня дѣйствительно вылетѣла изъ

головы вся эта дурацкая исторія съ моими болѣзнями. Я встряхнулся и сдѣлалъ мысленный осмотръ всѣмъ отдѣльнымъ частямъ, представлявшимъ собою въ соединеніи мое тѣло. Свѣжъ и здоровъ, какъ орѣховое ядрышко! Всѣ мои болѣе или менѣе опасныя немощи, оскорбленныя моимъ невниманіемъ, безслѣдно исчезли.

Мое сердце болѣло только тогда, когда Эви слишкомъ долго отсутствовала. Желудокъ мой никогда не напоминалъ о себѣ; онъ не требовалъ даже пищи въ продолженіе цѣлаго дня, если только Эви сидѣла со мной и болтала и смотрѣла мнѣ въ глаза. Свои нервы я почувствовалъ только одинъ разъ, когда одинъ молодой баронъ удостоилъ Эви излишнимъ вниманіемъ. А что касается до моего разсудка, то Эви объявила—она это и теперь утверждаетъ,—что я самый умный человѣкъ въ мірѣ.

— Но зачѣмъ же ты началъ эти эксперименты со своимъ тѣломъ, Петерсонъ?—спросили мы его.

— Вотъ видите ли, я и самъ долго этого не зналъ. Но въ прошломъ году я встрѣтилъ того деревенскаго доктора, къ которому я сперва обратился и который сказалъ, что я совершенно здоровъ. Тогда-то я уже зналъ, что онъ былъ правъ, а потому я поклонился ему очень любезно.

— Халло, господинъ Петерсонъ!—крикнулъ онъ мнѣ.—Знаете, вскорѣ послѣ того, какъ вы были у меня, чтобы посовѣтоваться относительно сердцебіенія, которому я не могъ подыскать никакой причины, меня пригласили къ больной служанкѣ вашего двоюроднаго брата. Его жена была со мной очень любезна и предложила мнѣ кофе. Едва я проглотилъ первый глотокъ, какъ я отставилъ чашку и сказалъ: «Дорогая фру Петерсонъ, вѣдь это не кофе, а щелокъ! Неужели вы всегда пьете такой крѣпкій кофе?» Она отвѣтила утвердительно. Тогда только я понялъ происхожденіе вашего сердцебіенія. Но я надѣюсь, что вы сейчасъ же поправились, какъ только перестали принимать этотъ декоктъ.

Я разсказалъ обо всемъ. И онъ, этотъ маленькій деревенскій лѣкарь, конечно, не проронилъ ни слова про своихъ знаменитыхъ коллегъ, хотя онъ и кусалъ ручку своего зонтика, чтобы не прыснуть со смѣха; но въ глазахъ его сверкала насмѣшка, и я думаю, что я доставилъ ему громадное удовольствіе.

— А теперь я вамъ вотъ что скажу,—заключилъ Петерсонъ.— Если ужъ вы непремѣнно хотите идти къ доктору, то идите по крайней мѣрѣ къ одному, который возьметъ подрядъ на весь вашъ корпусъ заразъ. Но, ради Бога, берегитесь «спеціалистовъ».

Перев. **М. Благовѣщенская**

АТАКА

«...Развалиться бы на софѣ... Безъ думъ, безъ желаній, лежать на ней, ощущая покой, только покой...»

Утратовъ заворочался на своей подстилкѣ.

Была ночь.

Онъ лежалъ подъ открытымъ небомъ, укрытый съ головою тяжелой душной буркой, на толстыхъ корявыхъ стебляхъ гаоляновой соломы, которые упирали своими концами въ бока при малѣйшемъ его движеніи и жесткими листками непріятно щекотали лицо и шею. При всемъ этомъ какой-то мягкій звѣрокъ непріятно копошился подъ спиною. Нѣсколько поодаль видны были силуэты осѣдланныхъ лошадей. Очерчиваясь неясными капризными контурами, онѣ то подымали свои головы и встряхивали ими, то опускали ихъ, бродя голодными ртами по выщипаной травѣ. Уставшіе люди спали около нихъ на землѣ. За этими лошадьми взвода корнета Утратова въ потемкахъ мерещились еще лошади и спящіе люди. Кое-откуда доносилось, какъ, хрустя зубами, заморенные кони пережевывали чумидзу, нарванную для нихъ заботливыми солдатскими руками. Вдали направо подымалось на фонѣ ночи что-то безформенное, большое—это была сопка.

Было тихо.

Лишь время отъ времени тишину нарушалъ рѣзкій голосъ какого-нибудь вахмистра, который вдругъ кричалъ:

— Эй-эй! Я, молъ, хто тамъ лошадь упустилъ? Чья гулять пошл[illegible]?—оралъ онъ еще громче:—Ишь, губы-то распустилъ!... Отцедо[illegible] видать! Спать—спи, а ее, голубушку, держи!

[illegible] тотчасъ же на возгласъ вахмистра слышался командирскій во[illegible]екъ, который вырывался въ дребезжащій старческій крикъ:

[illegible] Молчать тамъ! Вотъ я вамъ тамъ... поговорю пойду! Сказано [illegible]о—молчать! Какъ накроютъ—тогда запоешь... Узнаешь Кузьки[illegible] [illegible]чать, болванъ!

И снова все смолкало.

Съ нынѣшней ночи уже пошли шестыя сутки, какъ не разсѣдлывали лошадей, и все это время приходилось таскаться по позиціи, переходя съ мѣста на мѣсто, неустанно ходить въ разъѣзды, и ночи и дни часто проводить подъ проливнымъ дождемъ, не смѣняя мокраго платья. Ни провіанта, ни фуража не было. Эскадронныя кухни подвозились къ своимъ частямъ съ большою опаскою и поэтому не каждый день. Офицеры питались изъ солдатскаго котла, а пища варилась жидкою и невкусною. Провіантъ во вьюкѣ Утратова истощился давно, и онъ ѣлъ одни ананасы, которые накупилъ мимоѣздомъ въ китайской лавченкѣ по случаю ихъ дешевизны. Тѣло чесалось отъ грязнаго бѣлья, настоящаго боя не было, частенько били свои своихъ же, почта доходила неисправно, писать домой было нельзя по неудобной обстановкѣ, начались фиктивныя заболѣванія,—и это все только раздражало и злило, спираясь въ одно что-то большое, душное, что грозило вылиться вдругъ, если не въ побѣдѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ грандіозномъ отступленіи.

Нѣтъ... не то славное доброе время отцовъ и дѣдовъ, воспѣтое, напримѣръ, Давыдовымъ, когда умѣли умирать! Или всѣ эти дѣды, усачи-гусары, терпѣли холодъ, голодъ, нужду, роптали, умирали съ пустячными раненіями отъ гангрены, и потомъ въ разсказахъ многіе изъ нихъ идеализировали «мать-службу», сидя на мягкихъ диванахъ за длинной трубкой, за стаканомъ пунша и восхваляя сѣдину минувшаго времени.

— ...Боже, какъ жестко!... Словно на тупыхъ ножахъ!—ворчалъ Утратовъ и, высунувъ изъ-подъ бурки руки, сталъ поправлять сбившійся подъ нимъ въ кучу гаолянъ, который какъ нарочно не слушался и царапалъ тѣло.

— А, чортъ подери!—разсердился корнетъ. Мгновеннымъ движеніемъ руки поймалъ шершаваго теплаго звѣрка, сжалъ, швырнулъ его и, вскочивъ на ноги, съ остервенѣніемъ принялся разбрасывать неуклюжіе стебли. Онъ работалъ руками и ногами, разметывая свое ложе, пока одна изъ палокъ вдругъ не попала въ крайнюю лошадь. Всхрапнувъ, та шарахнулась и, насторожившись, зафыркала. Утратовъ опустилъ руки, выпрямился во весь ростъ и уставился, всматриваясь въ лошадь.

— Моя «Правда», дорогая «Правда»!—заговорилъ онъ громко и направился къ испуганной лошади.—Я испугалъ тебя, моя бѣдная, о, моя славная лошадь.

Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ наступилъ на что-то мягкое, что скользнуло изъ-подъ его ноги, айкнуло, заворочалось и

выросло вдругъ съ земли человѣческою тѣнью. Утратовъ и тѣнь долго глядѣли другъ на друга, боясь и не понимая. Какъ ночью все призрачно, условно.

— Много виноватъ, ваше благородіе!—гаркнула тѣнь съ военной аффектаціей въ голосѣ.

— Это кто?

— Унтерцеръ Владычукъ!

— Ахъ, такъ это я наступилъ на тебя?

— Такъ точно.

— Ступай, ложись!

Щелкнули шпоры Владычука, повернувшагося налѣво кругомъ, а Утратовъ зашагалъ къ «Правдѣ», нащупывая въ карманѣ хаки кусочекъ сахара, который онъ любилъ давать лошади.

Передъ нимъ стояла сѣрая круглая кобыла. Она, принюхиваясь, косилась на офицера, а тотъ похлопывалъ ее ладонью по крутой шеѣ, «атпрукивалъ» и успокаивалъ.

— Ну, не надо... не надо бояться!—говорилъ корнетъ въ то время, какъ у нея въ зубахъ хрустѣлъ сахаръ, а сама она покорно, какъ бы въ благодарность кивала головой.

— Моя милая, моя глупая... Уморилась она...

Изъ тьмы вдругъ раздался голосъ:

— Корнетъ, нельзя разговаривать!—сказалъ кто-то строго.

Офицеръ оглянулся.

Все было тихо. Онъ глубоко вздохнулъ; потомъ вынулъ портсигаръ и сталъ закуривать, зажигая спичку за спичкой и освѣщая на мгновенія темныя яблоки на шеѣ и на крупѣ «Правды».

— Курить нельзя!—послышался тотъ же голосъ.

Утратовъ бросилъ папиросу, затопталъ ее и почувствовалъ вдругъ сильный приливъ раздраженія. Въ отвѣтъ ему захотѣлось сказать что-нибудь особенно непріятное.

— И плевать нельзя?—рѣзко спросилъ Утратовъ.

Никто не отвѣтилъ.

Съ минуту онъ постоялъ. Отъ ночной предосенней росы его платье сдѣлалось мокро.

— Нѣтъ ничего сквернѣе стужи...—прошепталъ вблизи чей-то солдатскій голосъ.

— А голодъ еще хуже...—замѣтилъ кто-то.

— Бррр!... вздрогнулъ офицеръ, которому показалось свѣжо и скучно, пошелъ къ старому мѣсту, легъ въ глубокой, рыхлой отъ дождя бороздѣ и завернулся въ бурку.

Сдѣлалось тепло.

«Хорошо бы теперь на софу», пронеслось у него въ головѣ. Отъ нечего дѣлать онъ началъ перебирать: на софу... софа... un Sofa... Sophie... Соня... милая Соня».

Ему вспомнилась эта Соня, въ бѣломъ лѣтнемъ туалетѣ, со смѣющимися честными глазами; остановилась она передъ нимъ, какъ живая. Въ груди у него шевельнулось какое-то больное чувство, онъ заплакалъ тихо, безпомощно. А Соня хохотала, безумно хохотала.

— «Правда», родная моя!... Обидѣлъ я тебя, напугалъ!...— всхлипывалъ разнервничавшійся Утратовъ, и ему невыносимо было жаль и «Правды», и себя, и далекой родины съ тихими радостями семьи, и Сони, которую любилъ, и своей юной молодости... Глаза закрылись, и какъ-то стало отрадно.

«...Наконецъ-то,—облегченно подумалъ Утратовъ...—На морѣ зажегся зеленый маякъ,—значитъ, Соня скоро придетъ. У нихъ свиданіе. Но это не секретъ. Объ этомъ знаетъ паркъ, зеленый, задумчивый, кудрявый».

Вѣдаетъ о свиданіи и старая тетя Толя, которую Соня называетъ «смѣшною».

Пока нѣтъ Сони, непривѣтливо, одиноко звучатъ его шпоры по аллеѣ.

Толпою, медленной и неторопливой, возвращаясь съ каменныхъ работъ, мимо рѣшетки парка давно прошли смуглолицые турки, уже свершившіе на закатѣ солнца свою вечернюю молитву. Давно потемнѣла остановившаяся на небѣ череда облаковъ, а кайма горъ, обступившая съ трехъ сторонъ море, подернулась туманною синевою, городокъ смолкаетъ дневною жизнью... Ужъ вечеръ...

А кругомъ все замерло, прислушиваясь. Темнѣютъ деревья, будто сходятся въ отдѣльныя группы. Изрѣдка подъ легкой струей вѣтерка дохнетъ цвѣтами и тепломъ, о чемъ-то таинственно зашепчутся листья—и снова все замретъ.

Вотъ вѣтка черныхъ сливъ нависла... А рядъ длинныхъ пирамидальныхъ кипарисовъ темными, слегка рябящими силуэтами обрисовался на фонѣ моря. Плеснула сонная волна... Неосторожный камешекъ скатился по обрыву и булькнулъ въ воду... А золотой серпъ, священный красавецъ южнаго неба, точно подсматривая, осторожно выглянулъ изъ-за магнолій на паркъ, на бѣлую колонну въ немъ, и та робко бросила отъ себя тѣнь на дорогу. Настали тихія минуты, когда безотчетно хочется плакать, тѣ минуты, когда особенно хочется жить, когда роднѣе къ человѣку душа. И мраморная дріада въ кустахъ шиповника, хризантемъ, въ цвѣтахъ декоративной канны,

бегоніи и герани, всегда одинокая и красивая, задумалась въ затонѣ вѣтвей думою дріады, и Утратовъ остановился, глядя на нее.

Шаги. Чу! Идетъ.

Хрустнула вѣтка.

Сердце стукнуло,—это Соня.

Утратовъ, какъ кошка, плавно и не нарушая тишины, на цыпочкахъ подкрадывается къ кусту, за которымъ, должно быть, спряталась она.

Раздвинулъ вѣтви, и крупная роса брызнула ему на лицо. Ея нѣтъ...

— Ха-ха-ха-ха-ха!—вдругъ врывается ея восторженный грудной смѣхъ.

Она выпархиваетъ изъ-за куста. И оба заливаются свободнымъ, ребяческимъ смѣхомъ. Потомъ молча садятся на скамейку. Онъ долго большими глазами глядитъ на ея руки, на волосы, на черные глаза. И оба понимаютъ, что имъ не надо ни словъ, ни поцѣлуевъ— имъ ничего не нужно, развѣ только одно молчаніе, въ которомъ они способны теперь угадать одинъ другого лучше и больше.

Проходитъ минутъ пять.

— Грустно,—наконецъ, говоритъ Соня.

— Грустно?!—удивляется онъ, зная, что такое настроеніе на нее находитъ очень рѣдко.

— Да. Грустно, грустно и грустно!—хорошенькою головкою качаетъ Соня и продолжаетъ:—Неинтересна стала Ялта. Куда ушло все то оживленное и веселое, что наполняло собою раньше Ялту? Посмотрите, Володя: красивыя дачи настроены, будто чтобы ихъ продавать, покупать, закладывать, наживаться или банкротиться ими... Парки—чтобы слышать въ нихъ руготню дворниковъ. Балконы— чтобы на нихъ никогда не выходить. Да и не только въ Ялтѣ, а всюду кругомъ странно какъ-то... Растутъ жестокость, вражда и бѣдность людей все больше и больше, сгущая какое-то душное затишье, застой... Интересы людей измельчали, опошлились и упали... Мнѣ кажется, — вздохнувъ, продолжаетъ философствовать Соня,— что н[illegible] ла жизнь, какъ нитями паутины, запутывается вопросами и что в[illegible] ней, какъ въ частности, такъ и вообще, нами руководятъ толчки, ч[illegible] бы переступать тѣ застои. Называйся толчками война, или вдругъ п[illegible] емѣна карьеры,—не знаю... Но думается мнѣ, что если бы люди с[illegible] гѣли бы дать этотъ толчокъ дружно и вмѣстѣ, то хорошо бы выш[illegible] о, Володя, право! Жизнь перемѣнилась бы. Не было бы скучно, ст[illegible] ло бы тепло, свѣтло и ново, какъ въ той истинной жизни, какою

закрадываются къ намъ своими моралями хорошія повѣсти или красивыя композиціи.

— Развѣ намъ съ вами теперь скучно?

— Ахъ, нѣтъ... Но, Володя! Не скучно потому, что мы съ вами богаты. А тогда не было бы ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, и все то, что мы считаемъ благомъ жизни, теперь покупаемъ деньгами, а тогда бы все къ намъ само собою приплыло бы, не обижая никого ласковой нуждой.

Утратовъ вздыхаетъ, морщитъ лобъ, молчитъ или глядитъ на Соню.

— Правильно!—немного погодя рѣшаетъ онъ, соглашаясь съ ея словами, но не вдумываясь въ это время въ ихъ смыслъ.—Но пока намъ нѣтъ до этого дѣла,—говоритъ онъ потомъ.—Вѣдь намъ весело и мы не дѣлаемъ зла, потому что...

— Любимъ,—серьезно добавляетъ Соня.

Онъ краснѣетъ.

— Какое вы дитя, Володя!

Утратовъ молчитъ.

— Знаете ли вы? Если бы только у меня не было васъ, я отказалась бы отъ всего, я бросила бы все: и домъ, и тетю Толю, ушла бы отъ всѣхъ и всего... работать, трудиться. Я сдѣлаю это, а мнѣ скажутъ: «ты одна изъ всѣхъ, ты исключеніе, ты, слѣдовательно, лишняя, ты не наша! Уходи отъ насъ, мы презираемъ тебя». И меня оттолкнутъ, затрутъ, затопчутъ, я пропаду гдѣ-нибудь въ грязи... и все же буду благодарна своему сознанію за истину труда.

— Мечты, мечты!—улыбается онъ.

— Вы, Володя,—маленькій Наполеонъ, который стремится къ верху эгоизма, тщеславія и блеска. Стремитесь лучше къ обратной сторонѣ жизни: къ любви, къ работѣ... Отдайте вашъ огонекъ и молодыя силы, какими живете теперь во фронтѣ,—мирному труду...

Слова «во фронтѣ» краскою покрываютъ щеки Утратова, онъ вскакиваетъ и въ самозабвеніи ребячества командуетъ:

— Полкъ, по взвод-но налѣ-во круго-омъ... Шашки въ ножны, слуша-ай! Гг. офице-ры!...

Соня глядитъ на него, улыбаясь.

— Ребенокъ вы, Володя,—тихо говоритъ она.

— Да что вы сегодня, какъ Богъ знаетъ что на именинахъ? Раскиселились... Возьмите себя въ руки!—шутливо возмущается онъ.

— Грустно...

— Почему же, почему?

Молчатъ.

— Такъ...—съ трудомъ выговариваетъ Соня.—Я... я пріемница... незаконнорожденная дочь...

— Ой-ой-ой!—прыгаетъ Утратовъ на одной ногѣ и морщится.—Въ саду росла мочала, начинай сначала!... Нечего сказать—договорились... Нѣтъ... Что хотите, а нѣтъ... Не надо... Будемъ прыгать, бѣгать, веселиться... только не надо этого покорнаго тона, этихъ идей! Ей, право, не надо! Сама жизнь въ весельѣ, въ энергіи, въ чемъ угодно, но не въ вашей меланхоліи, Соня...

— А-у-у!—несется по парку.—Сонюшка-а, Sophie!

Оба вздрагиваютъ.

— Тетя Толя зоветъ насъ чай пить,—тараторитъ Соня.

Поднимается со скамейки, веселость возвращается къ ней, она заливается звонкимъ хохотомъ и убѣгаетъ. Онъ спѣшитъ за нею, оправляя помявшіяся фалды коротенькаго кителя.

. . . .

На большой освѣщенной стеклянной галлереѣ съ открытыми окнами въ паркъ, тетя Толя, подвижная старушка, звеня посудой, смѣясь и радуясь, разливаетъ чай. На столѣ серебряный самоваръ, китайскій чайный сервизъ и полосатая половинка спѣлаго, сочнаго арбуза. Утратовъ рядомъ съ Соней сидятъ за столомъ и весело подтруниваютъ надъ тетей.

Съ моря слышится, какъ протяжно и громко заревѣлъ пассажирскій пароходъ, и въ паркѣ подъ окнами три громадныхъ породистыхъ собаки—Пальма, Полканъ и Гекторъ—дружно взвыли на голоса, не вынося гудка, и почему-то только одного парохода «Св. Николая».

— У-у-у!—оборвалъ ревунъ.—У-у-у!

— Господи, ужъ пароходъ пришелъ!—восклицаетъ Соня.

— Да, давно уже!—дѣлаетъ Утратовъ удивленные глаза, и по его тону и по удивленнымъ глазамъ, и по тому, что пароходъ дѣйствительно уже пришелъ, всѣ какъ-то понимаютъ, что любимы другъ другомъ, и за веселыми, быстрыми часами время пробѣгаетъ у нихъ совсѣмъ незамѣтно.

— Володя, а въ садъ городской идемъ или нѣтъ сегодня?!—не[illegible]данно спрашиваетъ Соня.

И Утратовъ вспоминаетъ, что въ перспективѣ на нынѣшній ве[illegible] есть еще садъ, быть можетъ, катанье на яхтѣ, поѣздка этой [illegible]ю верхомъ куда-нибудь въ Алупку или въ Гурзуфъ, или... да [illegible]ю ли, наконецъ, удовольствій, для которыхъ они съ Соней, чу[illegible]ч, одни только и родились на свѣтъ—такъ имъ обоимъ хорошо [illegible]дно и такъ ихъ любитъ тетя Толя—и которыхъ такъ много, что [illegible]когда ими пользоваться.

— Конечно, конечно!—подхватываетъ Утратовъ.—Идемъ. А я и позабылъ про садъ!—улыбается онъ.—Только мы попозднѣе.

— Очень *хршо!*

— Очень *хршо!*—передразниваетъ онъ.

И только что сказалъ, какъ въ окна врываются отдаленные звуки оркестра. Играютъ изъ «Карменъ».

Утратовъ вскакиваетъ верхомъ на стулъ, а Соня, какъ Карменъ передъ донъ-Хозе, съ розою въ рукѣ, увивается передъ нимъ. Потомъ Соня беретъ изъ рукъ «смѣшной» тети Толи чашку чая, а сама лукаво поглядываетъ на него. Тѣмъ временемъ онъ оживленно болтаетъ:

— Моя квартира внизу, а ваша съ тетей наверху!

— Ухъ-ха-ха-ха!—сама не зная чему, разражается тетя,—вотъ истина-то!

— Потому что... потому что...—пытается объяснить Соня и при этомъ киваетъ головой, точно это поможетъ ей высказаться.

— Просто потому,—подхватываетъ онъ,—что мы друзья съ дѣтства!

— Нѣт-тъ!—замѣчаетъ смѣшная тетя.

— Скажите,—почему? Тетя! Ну, пожалуйста!—пристаетъ Соня.

Та дѣлаетъ свое смѣшное лицо серьезнымъ и, энергично кладя свою руку на чайное полотенце, будто стремясь прихлопнуть сказанное, коротко произноситъ:

— Потому что—любовъ.

(Тетя Толя произноситъ это слово твердо—«любовъ», по старинному).

И Утратовъ, и Соня оба смѣются.

— У, да и шельма ты у меня!—восклицаетъ тетя и быстро, охватывая ее одною рукою, звонко цѣлуетъ въ лобъ.

Галлерея стонетъ отъ хохота.

— Тетя, что означаетъ на картахъ девятка?

— Расположеніе.

— Нѣтъ, а еще?

Соня отлично знаетъ, что тетя скажетъ «любовъ» и всѣ будутъ смѣяться, а пока и онъ, и она приготовились къ смѣху, глядя остановившимися глазами на «смѣшную» тетю Толю.

Но та молчитъ.

— Тетя, погадайте! Ну, милая! Пожалуйста же!—приходитъ Сонѣ фантазія.

— Отлично. На даму трефъ?

— Очень *хршо.*

— Очень *хршо!*—подхватываетъ онъ.

— Во-ло-дя!—протягиваетъ она укоризненно и шутя сердится:—Это опять? Да-а?

А тетя уже быстро и хлопотливо разложила карты, нахмурилась; она гадаетъ.

— Охъ, нѣтъ ли тутъ девятокъ?—бормочетъ тетя.

Потомъ вдругъ строго, голосомъ командира полка, когда ночью полкъ приходитъ въ китайскую деревню на расквартированіе, когда люди намучены и голодны, когда вокругъ и чуждо, и жутко, и неудобно:

— Гг. эскадронные командиры! Нѣтъ ли тутъ девятокъ?

«Но странно: зачѣмъ ему девятки?

«Какая гадость,—разочарованно думаетъ корнетъ,—конечно, пріѣхали. Темно. Сыро. Хочется ѣсть. Японцы близко. А собаки встревожены, лаютъ со всѣхъ сторонъ и здѣсь и тамъ, гдѣ-то далеко въ сосѣднихъ деревняхъ. Сейчасъ товарищи возьмутъ хлысты и пойдутъ выгонять изъ фанзъ китайцевъ... Начнется вопль, плачъ... Не хорошо»...

У него во вьюкѣ ананасы. Онъ хорошенечко закуситъ, напьется чаю, согрѣется и ляжетъ спать; а засыпая, будетъ думать о корнетѣ Хловатовѣ, тѣло котораго взвалено на двуколку поверхъ сухарей.

Но все это какъ-то не то—и ему хочется вернуться къ сладкому сну.

— Корнетъ Утратовъ! Володька! Слышишь, Володька? Не раненъ ты?—кто-то кричитъ, толкая его.

Передъ нимъ товарищъ, поручикъ Купринъ. Онъ расталкиваетъ его и что-то говоритъ. Утратовъ притаился, отыскиваетъ Соню, но кое-какъ проснулся. Приподнялся на локтѣ, старается понять, что толкуетъ ему Купринъ. Дѣйствительность, тяжелая правда жизни вступаетъ въ свои права.

— Не раненъ ты?

— Нѣтъ.

— Рядомъ съ тобою разорвался снарядъ,—волнуется Купринъ.—Залетѣвшій, шальной снарядъ... Шимоза...

Утратовъ приходитъ въ себя, поднимается.

Попрежнему ночь.

Изъ разорванныхъ облаковъ выплыла луна, сопки вырисова-
л ь отчетливо. Онѣ нахмурились, задумались и ушли сами въ себя,
б то однѣ онѣ только знали, къ чему это все здѣсь началось и когда
к чится. Люди спали не всѣ.

- Купринъ!—позвалъ корнетъ.

Тотъ отозвался.

— Поди сюда.

— Спать хочу!—зѣвнулъ поручикъ, приближаясь къ Утратову.

Утратовъ положилъ на его плечо руку, вздохнулъ и, поникнувъ головою, сказалъ:

— Послушай, Коля! За что я буду рубить человѣка?...

Но Купринъ перебилъ, иронизируя фразу командира эскадрона:

— Помни присягу, братецъ.

— Я присягалъ,—гордо отвѣтилъ корнетъ,—и я буду рубить, но всетаки ты растолкуй мнѣ: за что я его долженъ убивать?

Товарищъ поморщился.

— Э-э-э! Таня,—протянулъ укоризненно онъ,—вѣчно ты со своимъ гуманизмомъ.

Утратовъ былъ еще очень молодъ,—на его дѣвичьемъ лицѣ не было еще ни усовъ, ни бороды. Въ полку его звали Таней.

Далеко щелкнулъ выстрѣлъ.

Гдѣ-то отозвался другой, третій, четвертый. Выстрѣлы всполошились.

— Встать!—послышалась сухая, отрывистая команда старшаго офицера.

Драгуны поднялись и засуетились, выравнивая оживившихся лошадей. Офицеры поспѣшили на мѣста. Спотыкаясь и волоча за собою бурку, Утратовъ подбѣжалъ къ «Правдѣ».

— Чище подравняться!—расхаживая взадъ и впередъ, громко приказывалъ старшій офицеръ, подполковникъ А.—Господа эскадронные командиры, прошу на мѣста!

Ружейная безпорядочная трескотня усилилась. Тянулъ едва замѣтный вѣтерокъ. Луна выкатилась изъ облаковъ съ позолочеными краями, и были видны фигуры людей, застывшихъ въ неподвижномъ ожиданіи.

Слѣва, въ темнотѣ зашлепали по лужамъ лошадиныя ноги и застучали колеса, подскакивая и увязая въ грязи.

— Второе орудіе... впередъ! Живо, живо! Не задерживать!—послышалось въ той сторонѣ.

Въ это время сзади за драгунами хлопнулъ выстрѣлъ, и пуля, тонко дребезжа, прорѣзала воздухъ надъ головами взводовъ. Сдѣлали видъ, что не обратили вниманія на продѣлку смѣльчака-хунхуза, и только нѣсколько погодя подполковникъ крикнулъ:

— Ребята, въ оба гляди! Есть ли наши посты?

Отвѣтили, что есть.

— Господа!—послышался напряженный шепотъ корнета Пасько,—японцы насъ могутъ окружить!

— Корнетъ Пасько,—отрывисто замѣтилъ А.,—прошу молчать!

Трескотня учащалась.

Значеніе той самой черты, о которой пишетъ Толстой, при слабомъ свѣтѣ было замѣтно на блѣдныхъ лицахъ, даже на лошадяхъ. Эта черта напоминаетъ ту, которая отдѣляетъ живыхъ отъ мертвыхъ.

Какъ молнія, блеснулъ огонь и бахнуло орудіе. Захлебываясь воздухомъ, пронесся куда-то снарядъ и, хлопнувъ, разорвался.

Къ опасности еще никто не привыкалъ. Но граната веселитъ. Она волнуетъ кровь, пьянитъ разсудокъ. Особенно хороша первая, безглазая, которая жужжитъ разбѣгающимися волнообразными звуками, нащупывая себѣ жертву.

«Ты здоровъ, молодъ, силенъ и любимъ,—будто говоритъ она,—и мнѣ нравишься ты. Ты самъ любишь меня. Но не прошло ли уже твое лучшее время, не ушло ли оно отъ тебя навсегда? Прошло, пролетѣло время, пролетѣло и не вернется вновь. Что только можешь—сорви скорѣе съ послѣдняго воспоминанія о немъ и хоть мечтою, а насладись тѣми тихими углами, къ которымъ раньше приставалъ твой челнъ».

— Ту-у-у!—завыла другая.

И эта, другая, какъ птицу, спугиваетъ случайное воспоминаніе и несетъ въ объятіяхъ холодную бѣлую невѣсту, передъ которой, какъ женихъ предъ брачнымъ ложемъ, сгораешь нетерпѣніемъ страсти, или замираешь, словно тихія струны, дрожащія послѣднимъ звукомъ красиваго мотива. И грудь горитъ. Отъ ногъ до головы и отъ головы до ногъ и обратно—чувствуется нетерпѣливая кровь.

— Ба-бахъ!—одно вслѣдъ за другимъ «подтвердили» чьи-то орудія.

Жалобно, съ какою-то лаской въ голосѣ засвистѣли снаряды и, долетѣвъ, полопались гдѣ-то. Выстрѣлы смолкли. Повидимому, гранаты угодили туда, гдѣ стрѣляли. Одно, другое щелкнуло, затѣмъ еще и еще. Опомнившись, защелкали опять. Опять хлопнуло орудіе. Вновь все смолкло. А голодная артиллерія точно прислушалась и насторожилась въ тишинѣ, чтобъ во-время послать снова свои смертоносныя гранаты въ эту безтолковую сумятицу человѣческаго мяса и крови.

— Трахъ... Та-та-та-та,—началось опять.

И, точно громадные гвозди забивая огромнымъ молоткомъ, короткими, рѣзкими металлическими ударами отвѣтили скорострѣлки съ ближайшей полубатареи:

— Бахъ! Бахъ! Бахъ! Бахъ!

— Вотъ-вотъ-вотъ-вотъ!—повырывались гранаты и полетѣли.

— Оу-у-у-у!

— Бу-ба-ба-бахъ!—полопались онѣ.

Стало тихо.

Потомъ тамъ заиграла музыка.

По кожѣ прошелъ морозъ, лица загорѣлись. Драгуны стали креститься. Это наша пѣхота пошла на штыки. Волнующіе звуки марша понеслись восторженно, отчетливо.

«Боже, Господи,—думалъ Утратовъ, судорожно сжимая поводья, за которые держалъ «Правду».—Ты Одинъ сотворилъ это все и далъ намъ великолѣпное, что называется жизнью... Спаси, защити меня»...

И слезы побѣжали изъ глазъ.

«Хорошо. Ахъ, какъ хорошо!»—думалъ онъ, прислушиваясь къ знакомымъ звукамъ марша «Тоска по родинѣ» и чувствуя, какъ захватываетъ духъ.

И Соня, и оставленная имъ семья въ эту минуту показались далекими-далекими, блѣдными, будто ненужными, а между Богомъ и имъ, отъ противника до Бога, отъ него до противника простерлось что-то одно и то же, непоколебимое и чистое, чѣмъ онъ никогда не жилъ въ радостныхъ слезахъ сложнаго религіознаго чувства.

Бойко трещали винтовки... Маршъ обрывался, стихалъ... Снова выросталъ, но мотивъ его стушевывался въ безсознательныхъ, несвязныхъ страшныхъ звукахъ басовыхъ трубъ и барабановъ... Раздалось жиденькое «ура», затѣмъ все замерло...

. . . .

Стало холодно и жутко.

Въ пасти ночи затарахтѣли фуры,—вѣроятно, везли раненыхъ.

— Ложись!—послышался голосъ подполковника.—Запасайся свѣжими силами! Вахмистръ шестого эскадрона! А вахмистръ?!

— Вахмистра, вахмистра!—зашептали въ рядахъ.

— Вахмистръ, смѣнить посты.

На душѣ сдѣлалось свободнѣе.

Солдаты ложились. Запахло махоркой. Нѣсколько всадниковъ посадилось на коней, чтобы выѣхать на смѣну постамъ. Лошади принялись жевать траву. Утратовъ опустился около «Правды» наземь. Изъ набѣжавшаго облачка накрапывалъ дождь.

«Когда хочется ѣсть или холодно,—вспомнилось офицеру,—надо лечь попокойнѣе и стараться не шевелиться».

И онъ такъ сдѣлалъ.

«А чтобы поскорѣе заснуть, надо считать въ умѣ». И онъ сталъ считать.

«Одинъ... два... три... четыре... пять... шесть... семь...» и т. д. Счелъ до двадцати семи, и ему показалось скучно.

«Мы въ резервѣ,—подумалъ онъ,—дѣйствовать не придется.» И вдругъ ему на память пришелъ генералъ N—ой пѣхотной дивизіи, котораго называли тупымъ. Этотъ генералъ сегодня сказалъ:

«— Ну, наконецъ-то, и мы покажемъ Куроки уроки!»

«Воображаю, какъ остроумно?!»—прошепталъ офицеръ. Отъ этой мысли ему сдѣлалось весело, и онъ сладко потянулся.

«А еще что? Ахъ, да: «какъ поѣмъ, говоритъ, такъ у меня животная боль».

«Скотская»—подумалъ онъ.

Подумалъ и захохоталъ.

— Чему обрадовался?—раздался голосъ, въ которомъ онъ узналъ Куприна.

Утратовъ смутился.

— Это я надъ начальникомъ N—ой дивизіи,—отвѣтилъ онъ.

— А-а!—сказалъ Купринъ.

Сказалъ и тоже захохоталъ.

— Какъ же, какъ же...—проронилъ онъ сквозь смѣхъ.—Сегодня мнѣ цитатъ привелъ: «Это все равно, говоритъ, какъ «Муха» Пушкина, «мы пахали», басня, басня»... Пушкина, ха-ха! «Муха», хо-хо!

Купринъ передохнулъ.

— А хотя сказалъ,—продолжалъ онъ,—«желаю, говоритъ, получить вамъ крестъ. Да не деревянный или какой-нибудь тамъ... а настоящій!» Теперь самое время его получать, а то дернемъ отступать и некогда будетъ.

Поговорили еще.

— А у меня, кажется, лихорадка,—сказалъ Утратовъ.

— Это японская.

— Да. Бери-бери, самъ чортъ ее побери.

— Хочешь водки?

— Нѣтъ, не пью!

— Дитя ты малое, вотъ и все.

На этомъ и притихли.

«Впрочемъ, это все вздоръ... Не то... А вотъ я малодушенъ, нервничался. Тоска, гнетъ... Тысячи верстъ—вокругъ проклятый ой край! Нѣтъ въ немъ русскаго духу,—подумалъ Утратовъ, и вспомнился недавній сонъ.

«Нѣтъ, я сталъ невозможенъ,—рѣшилъ онъ про себя.—Раскисъ, сдѣлался мечтателемъ, началъ любить сны, воспоминанія, покой... Къ чорту! Къ чорту!—проворчалъ онъ вслухъ, переворачиваясь на другой бокъ.

Потомъ укутался буркой потеплѣе и началъ думать о Сонѣ.

«...Очень хршо... очень хршо... очень хороша... А Купринъ? Купринъ просто добрый и славный малый... Это все, кажется, началось вальсомъ «Полярная звѣзда»...—сказалъ онъ себѣ въ дремотѣ, кому-то улыбаясь. Да. Трубачи заиграли, и балъ открылся, хотя залъ былъ почти еще пустъ».

По затылку Утратова пробѣжалъ холодокъ; онъ ясно припомнилъ грустные громкіе звуки полковыхъ трубъ. Въ тотъ памятный вечеръ они вылились точно изъ его груди,—такъ онъ былъ доволенъ, веселъ и такъ хотѣлось ему всѣхъ любить. Онъ отчетливо себѣ представилъ, какъ, скользя по паркету легкими и бойкими ногами, къ Сонѣ подлетѣлъ распорядитель-адъютантъ и, брязнувъ шпорами, почтительно наклонился къ ней, приглашая танцовать. Они сдѣлали всего два-три тура и, когда кружась, раздувая бѣлое платье и въ тактъ пощелкивая шпорами, пронеслись мимо Утратова, то на него пахнуло тонкими англійскими духами. Потомъ его представили Сонѣ, тетѣ Толѣ... Далѣе Крымъ... А тутъ скоро подоспѣла война, которая захватила его всего, и онъ отправился въ Маньчжурію охотникомъ.

И новая картина прошлаго всплыла передъ офицеромъ. День клонился къ вечеру. Скорый поѣздъ, въ которомъ Утратовъ ѣхалъ на войну, остановился на одной изъ большихъ станцій, затерянныхъ въ глуши Сибири. Солдаты-артиллеристы случившагося эшелона собрались въ кружокъ, пѣли подъ бубенъ, и пѣсня далекая отъ родины болѣла въ груди. Офицеры сидѣли въ буфетѣ, пили пиво и разбирали письма, адресованныя имъ. Утратовъ стоялъ возлѣ общаго стола и вертѣлъ въ рукахъ двѣ открытки, полученныхъ отъ Сони. Въ обѣихъ было написано одно и то же: «Люблю и жду. Пиши. Соня». Рослый краснощекій гвардеецъ, товарищъ Утратова по корпусу, пробѣгалъ строчки тонкаго французскаго почерка, потягивая изъ стаканчика пиво.

— Ротмистръ Крагинъ произведенъ...—буркнулъ онъ Утратову.—Къ намъ на подмогу новую эскадру отправляютъ... Баронъ Эденъ кого-то въ «Царскомъ» стэкомъ отвозилъ и сѣлъ на гауптвахту... Вотъ и всѣ новости. Впрочемъ, вотъ еще!—прибавилъ онъ: Соня Лопухина, кажется, замужъ собирается.

— Соня?—небрежно переспросилъ Утратовъ и почувствовалъ, какъ сердце заколотилось у него въ груди. Страсть впервые стукнулась къ нему ревностью.

«Вздоръ, сплетня!»—рѣшилъ онъ про себя, но съ той же минуты ему неудержимо захотѣлось вернуться назадъ, сказать Сонѣ «люблю», которое онъ никогда ни ей и никому еще не говорилъ. Однако было поздно.

— Скорѣе! Къ конямъ! Садись!—неистово закричалъ охрипнувшій голосъ подполковника А.

Корнетъ приподнялся. Все волновалось, суетилось. Драгуны садились на лошадей, крестясь.

«О-о-охъ», мелькнуло въ головѣ Утратова, когда онъ взбирался на сѣдло своей лошади.

Далеко сверкнулъ огонь и хлопнуло орудіе; монгольская граната вырвалась и завыла, будто кому-то жалуясь на сумятицу маленькаго отряда, и вслѣдъ за выстрѣломъ съ остервенѣніемъ и трескомъ гдѣ-то близко разорвалась.

— Дзу-цзахъ!

— Это проба нашихъ...—не договорилъ кто-то.

— Дивизіонъ, равня-йсь!

Въ шеренгахъ затоптались лошади, осаживая назадъ, нетерпѣливо взмахивая головами и лязгая цѣпляющимися другъ о дружку звонкими стременами.

— Покойно, ребята! Попокойнѣе! Не волноваться-я! Господа эскадронные командиры, э-э...

Донесся топотъ рысившихъ всадниковъ. Изъ тьмы выросъ поручикъ Өедоровъ третьяго эскадрона, за которымъ, разравниваясь и горяча лошадей, толпилось 6—7 драгунъ. Жесты этихъ были нервны, лица блѣдны. Подъѣхавъ къ подполковнику, офицеръ рѣзко осадилъ лошадь.

— Тамъ японцы, господинъ подполковникъ...—отдавая честь, сказалъ онъ выработаннымъ твердымъ, но нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.—Не доѣхалъ... Обстрѣляли.

У Утратова загорѣлось лицо.

«Обстрѣляли»,—подумалъ онъ.

— А фуражка ваша гдѣ?—спросилъ А.

И тутъ только всѣ замѣтили, что Өедоровъ былъ безъ фуражки.

— Потерялась, господинъ подполк... Чортъ знаетъ...—продолжалъ онъ нервно.—Какая-то пыль, всадники... Ничего не поймешь... Встрѣчаемъ перевязочный пунктъ. «Тамъ, говорятъ мнѣ, казаки!» А если казаки—ѣду дальше. Подъѣзжаемъ къ ручью—тихо, ничего не видно! Вдругъ съ сопки—трахъ! Съ другой стороны—трахъ! Мы повернули... Перекрестнымъ, сволочь, зажарили.

— Всѣ цѣлы?

— Кажется, всё... По-моему кавалерія...

— Никакъ нѣтъ,—протестовалъ задній солдатикъ,—у меня трохи кобыла ранена.

— Перевязочный пунктъ снимается?

— Отступаемъ.

— На мѣсто, поручикъ... Э-э... Переводчики назадъ!—закричалъ дивизіонеръ.—Къ вьюкамъ поѣдете!... Вмѣстѣ съ этимъ... Гг. эскадронные командиры! Потрудитесь сообщить, по скольку рядовъ во взводахъ?

— У меня по восьми.

— По семи.

— Въ пятомъ по восьми тоже, Георгій Ѳедрычъ!

— Вольно стоять! А во всѣхъ ли эскадронахъ носилки?

— Такъ точно. Точно такъ,—отозвались въ рядахъ.

— Вольно, вольно стой, ребята! Чего насторожились? Осмотрись, лошадей огладь...

«Сейчасъ начнется!»—подумалъ Утратовъ, подъ которымъ дрожала лошадь.

Дрожь сообщилась ему.

«Не надо бояться. Не стоитъ», успокаивалъ онъ себя.

— Выслать бы разъѣздъ, освѣтить!—вслухъ обдумывалъ дивизіонеръ.

— Меня пошлите, господинъ подполковникъ!—слышится голосъ Куприна.

Вѣдь Купринъ не боится. Онъ пьянъ и храбръ, потому что ничего не любитъ. Въ немъ много огня и ему *все равно*, а Утратовъ любитъ... очень любитъ жизнь. Но вѣдь не бояться лучше.

Онъ пошелъ на войну, чтобы не бояться, чтобы любить ее и въ ней жизнь. Когда-то онъ доказывалъ себѣ, что жизнь, поистинѣ, въ войнѣ, въ буряхъ, по одному тому, что война или буря есть сама по себѣ жизнь. А теперь боится, и ему начинаетъ казаться, что чѣмъ больше страха, упадка духа, тѣмъ больше внутренней ненарушимой связующей тишины въ человѣкѣ, тѣмъ дальше онъ отъ жизни, олицетворенной, по его мнѣнію, бурею, и ближе къ смерти, которая является близкой родней той тишины. Но выпадаетъ такая минута, въ которую онъ даже не рѣшается: бояться ему или нѣтъ? Не бояться теперь—значитъ не любить свой внутренній міръ, мирную жизнь, о которой ему говорила Соня, а наоборотъ—быть звѣремъ, эгоистомъ, чѣмъ-то безчувственнымъ.

И кровь приливаетъ къ вискамъ Утратова.

А тамъ, кажется, опять какой-то всадникъ что-то быстро говоритъ дивизіонеру. Такъ оно и есть. «Сейчасъ начнется».

— Дивизіонъ лѣвое плечо впередъ... Шагомъ ма-а-аршъ!

Тронулись шагомъ...

— Сто-ой!—И немного погодя:—Равня-йсь!

Справа, точно подкравшись, сразу безпорядочно захлопали винтовки, и нѣсколько невидимыхъ, но живо воображаемыхъ линій съ тонкимъ дребезгомъ и свистомъ воздуха прорѣзались надъ всадниками.

«Вотъ оно!»—мелькнуло у Утратова.

— Шашки къ бо-ю!

При свѣтѣ луны блеснули шашки. Выхвативъ свою шашку, благословеніе покойнаго отца, съ надписью: «Храни тебя Богъ», Утратовъ лихорадочно сжалъ эфесъ, и новое чувство, властное, затмевающее разсудокъ, овладѣло корнетомъ.

«Рубить, рубить!»—стремился онъ.

Въ сосѣднемъ взводѣ Утратова вдругъ что-то бросилось, затопталось, смѣшалось, послышалось легкое «ай» и вслѣдъ за этимъ холодный, строгій окрикъ:

— Носилки!

«Кого-то ранило»,—подумалъ корнетъ.

— Не бояться! Покойнѣе!—строго командовалъ, вертясь на горячей лошади передъ дивизіономъ, подполковникъ, и сколько Утратовъ ни вглядывался въ его фигуру, никакъ не могъ ни по голосу, ни по манерамъ, покойнымъ и ровнымъ, опредѣлить степень опасности.

— Ой, братцы... Господинъ фельдшеръ!—вскрикнулъ кто-то еще.

Ряды заволновались.

— Съ Богомъ! Э-э... рысью-ю, ма-а-аршъ!—раздалась команда.

Разгоряченныя лошади потянули поводья, застучали копыта, и всадники заколыхались. По бороздамъ убраннаго гаоляна и по кочкамъ «Правда», тряся спиною, понесла своего господина, какъ на пружинахъ, сильнѣе и сильнѣе влегая въ поводья.

— Строй фронтъ!—пронеслось по эскадронамъ.

«Правда» перешла въ галопъ. Земля застонала, полетѣли комья гр зи.

Далеко впереди не то кусты, не то двѣ-три скученныя вмѣстѣ ф зы открылись глазамъ на мгновенье, и твердый шлепокъ грязи, н вшій Утратову въ глазъ, замкнулъ все вокругъ. Должно-быть, н ноги «Правды» попался кустъ, такъ какъ она сдѣлала громадн жокъ и съ неимовѣрнымъ усиліемъ рванулась на дыбы и

наддала карьеромъ, тактъ за тактомъ отдѣляясь отъ земли, и тутъ же сквозь топотъ копытъ и шумъ въ ушахъ отъ вѣтра раздалось «маршъ ма-а-аршъ!»

И пули стегнули по эскадрону...

«Правда» тяжело рухнулась наземь. Утратовъ упалъ спиною на ея крупъ, инстинктивно выпуская стремена, и въ это же время что-то хлопнуло его по плечу, слегка звякнувъ, а потомъ копыта стучали впереди, удаляясь и будто унося тяжелый громадный вопросъ, волновавшій Утратова.

Въ первый моментъ паденія у офицера быстрѣе молніи мелькнула мысль вскочить, поднять лошадь и догнать своихъ. Онъ вскочилъ на ноги, задергалъ поводья лошади, но та вытянула шею, перевалилась на бокъ и больше не шевелилась. Какъ пойманная мышь, онъ безпокойно забѣгалъ вокругъ лошади, ища спасенья.

А пули пѣли.

Вотъ тонко звеня, одна упала около ногъ. Какъ шмель у самаго уха прожужжала другая.

Съ минуту онъ остановился, не зная—что дѣлать.

Здѣсь-то съ офицеромъ случилось что-то странное. Его мысль точно зацѣпилась о «Правду», не пуская его отъ лошади, не давая ему спасенья.

— Это ничего, это ничего, это ничего...—быстро твердилъ онъ, странно улыбаясь, не двигаясь съ мѣста и все же зная, что надо убѣжать отсюда сію же минуту или, по крайней мѣрѣ, подумать въ эти секунды о Богѣ, о родномъ долгѣ.

И что-то щелкнуло его въ правую руку, ниже плеча, пронизывая его одновременно съ этимъ изъ бока въ бокъ токомъ. Въ глазахъ потемнѣло, онъ упалъ...

Атака, ночь—все слилось въ смутный, неопредѣленный хаосъ закружившихся мыслей, которыя начинались со сна, а кончались красными зигзагообразными полосками, запрыгавшими въ потемнѣвшихъ глазахъ.

«Убитъ... убитъ»,—пронеслось у него въ головѣ, и тутъ же его скрючили судороги. Невыносимая боль въ суставахъ заставила его крикнуть во всю мочь. И крикъ отпустилъ страданья. Стало свободно, въ глазахъ прояснилось, начинало разсвѣтать. Выстрѣловъ не было.

«Все равно... все равно», подумалъ онъ и взглянулъ впередъ себя. Тамъ, ковыляя, скакала и билась раненая лошадь, таская за собой драгуна. Его нога глубоко завязла въ стремени и не освобождалась, а голова была вся окровавлена и безпомощно волочилась по землѣ.

Утратовъ отвернулся.

Взглядъ упалъ на «Правду». Она попрежнему лежала на боку, не двигаясь. Подлѣ нея, воткнувшись въ землю клинкомъ, торчала шашка. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шашки, опрокинувшись навзничь, валялся убитый драгунъ. И не чувство сожалѣнія вызвалъ этотъ трупъ у корнета, а чувство гадливости. Получилось такое же впечатлѣніе, какое бываетъ при видѣ палой лошади, собаки и т. п.

Недалеко отъ трупа, упавъ ничкомъ и разметавъ ноги, валялся другой солдатъ. Онъ умиралъ. Было видно, какъ онъ судорожно загребалъ руками, будто старался ухватиться за землю, отъ которой уходилъ.

Утратовъ глядѣлъ на умирающаго драгуна, и вспомнились ему громкіе грустные звуки полковыхъ трубъ; вспомнилась Соня, смѣшная тетя Толя. Вспомнился Крымъ, зеленый огонекъ на морѣ; длинные пирамидальные кипарисы, невозвратимые и далекіе, которые темными силуэтами обрисовались на фонѣ моря. Отчетливо и ясно пришло ему на память, какъ толпою, медленной и неторопливой, мимо парка прошли смуглолицые турки, какъ хрустнула вѣтка подъ ногою Сони.

Ему хотѣлось пить, а кровь тихо текла у него. Въ груди и въ бокахъ было горячо, и онъ началъ водить руками по мокрой хакѣ. Отъ этого руки стали въ крови.

Но что же нужно было дѣлать?—Надо было встать, отряхнуться.

Попыталъ,—нѣтъ, очень усталъ.

И онъ взглянулъ на свою убитую лошадь и тихо позвалъ:

— «Правда!»

Та не шевельнулась.

«Отдохнуть...» подумалъ онъ, и ему захотѣлось потянуться, но вспомнилъ про раны и рѣшилъ, что будетъ больно. Потомъ онъ зажмурился, весь отдаваясь пріятной истомѣ тѣла, медленно и неловко привалился спиною къ кусту, улыбнулся и началъ думать о морѣ, о зеленомъ, задумчивомъ кудрявомъ паркѣ... Объ удивительной жизни...

А гдѣ-то далеко ржала лошадь, металась по полю, и ея топотъ доносился до офицера. Она заливалась въ протяжномъ тоскующемъ р[illegible]ніи безпріютной, потерявшейся лошади.

— И-га-га-га-га-га!—слышалось надъ полемъ.—Трап... трап... т[illegible]п... трап... И-га-га-га!

Вотъ гулкій топотъ... А вотъ опять заржала, фыркнула и снова н[illegible]чалась...

Утратовъ все слушалъ, слушалъ...

Очнулось новое утро и застыдилось румянцемъ дѣвственной зари, вспыхнувшимъ надъ узоромъ лиловатой мути горъ въ сторонѣ *сыновъ солнца*. Понурыми, тяжелыми головками, упоенными свѣжей росой, мотыльки откланивались на привѣтъ ранняго утра, а тонкій вѣтерокъ, замирая и шепча ласки первой утренней нѣги, спѣшилъ цѣловаться съ проснувшеюся травкой. Желтый безжизненный песокъ и тотъ, казалось, оживился упавшими на его остывшее лоно каплями студеной росы, которыя готовились подъ первымъ грѣющимъ лучомъ солнца заиграть и заискриться изумрудными радугами цвѣтовъ. Большой черный муравей уже потащилъ чью-то полусгорѣвшую спичку, а толпа другихъ хлопотала возлѣ сломаннаго увядшаго стебелька; зеленый, едва замѣтный въ травѣ кузнечикъ выскочилъ откуда-то изъ-подъ листка, повелъ усиками, какъ бы въ нерѣшимости, раза два цикнулъ, стрекнулъ въ сторону и исчезъ. Завязывался интересный день свободной жизни...

— Карр!... Карр!...—поднимая голову, прокричалъ большой воронъ, только что опустившійся на крупъ «Правды».

Утратовъ лежалъ съ опущенными около себя руками, прислонившись къ кусту, какъ къ спинкѣ уютнаго дивана. Заря окрасила его лицо, которое наклонилось нѣсколько вбокъ. Оно было покойно, ровно и молодо. Всѣ морщинки или тѣни, мѣшавшія этому раньше борьбою чувствъ, разгладились и успокоились совершенно тѣми послѣдними тихими мыслями, которыя оставили трупъ, и по его щекѣ, пробираясь къ носу, медленно копошился неуклюжимъ круглымъ тѣломъ черный жукъ.

А. С. Полянскій.

Бабочка.

Помню я, бабочка билась въ окно,
Крылышки тонко стучали.
Тонко стекло, и прозрачно оно,
Но отдѣляетъ отъ дали.

Въ маѣ то было. Мнѣ было пять лѣтъ.
Въ нашей усадьбѣ старинной.
Узницѣ воздухъ вернулъ я и свѣтъ,
Выпустилъ въ садъ нашъ пустынный.

Если умру я и спросятъ меня:
Въ чемъ твое доброе дѣло?
Молвлю я: мысль моя майскаго дня
Бабочкѣ зла не хотѣла.

К. Бальмонтъ.

Береза.

Береза родная, со стволомъ серебристымъ,
О тебѣ я въ тропическихъ чащахъ скучалъ,
Я скучалъ о сирени въ цвѣту, и о немъ, соловьѣ голосистомъ,
Обо всемъ, что я въ дѣтствѣ съ мечтой обвѣнчалъ.

Я былъ тамъ далеко,
Въ многокрасочной пряности пышныхъ ликующихъ странъ,
Тамъ зловѣщая пума враждебно такъ щурила око,
И предъ быстрой грозой оглушалъ меня ревъ обезьянъ.

Но, тихонько качаясь
На тяжеломъ, чужомъ, мексиканскомъ сѣдлѣ,
Я душою дремалъ, и, воздушно во мнѣ расцвѣчаясь,
Возставали родимыя тѣни въ серебряной мглѣ.

О, весеннія грозы!
Дѣтство съ вѣткой сирени, въ вечерней тиши соловей,
Зыбь и шепотъ листвы этой милой плакучей березы,
Зачарованность сновъ—только разъ расцвѣтающихъ дней!

К. Бальмонтъ.

НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ.

I.

— Что-съ?...

Онъ приподнялся съ улыбкой уваженія, предупредительности, готовый слушать, готовый летѣть, все исполнить. Крохотныя губки, розовыя, полненькія, какъ будто припухлыя, торопливо мелькали, говорили что-то, что было для него вовсе не важно, влажно поблескивали мелкіе, ровные, шаловливые зубки, а за спиной у него выстукивали аппараты, и передъ глазами направо, налѣво тянулась металлическая сѣтка съ окошечками.

Въ полутемномъ, пропитанномъ табакомъ, дыханіемъ, испареніями казенномъ воздухѣ еще звучало «что-съ?...» и все держалась улыбка уваженія, готовности, и хотѣлось, чтобъ это «что-съ?...» звучало долго, безконечно, и чтобъ нескончаемо лежала на лицѣ, на губахъ, свѣтилась въ глазахъ эта улыбка.

— Будьте добры... могу ли я... если я пошлю телеграмму...

Онъ все также приподнявшись, все также готовый летѣть, слушалъ не слова и фразы, а музыку голоса, а кто-то другой его губами говорилъ совсѣмъ ненужное ему дѣловитымъ тономъ:

— Видите ли, можно-съ... но вамъ придется оттуда эстафетой...

Когда она ушла, Ментиковъ съ минуту сидѣлъ передъ аппаратомъ, уставившись въ одну точку и внутренно прислушиваясь къ тому «что-съ», которое онъ ей сказалъ, которое заключало въ себѣ как-й-то особенный, значительный смыслъ, и съ которымъ невольно свя ывалось представленіе о ней.

— Так-та-та-та... та-та... так-та-та... высылайте... партію... та-т -та... юфтоваго товара... та-та-та... та-та...

ука быстро, неуловимо выбивала ключомъ торопливую дробь о юф овомъ товарѣ, о смерти отца, поздравленіе съ ангеломъ, просьбу выс... деньги, извѣщеніе о выѣздѣ новобрачныхъ, шурша, выби-

ралась, бѣлѣя и ложась кольцами, лента, и отовсюду неслись такія же короткія, пріостанавливающіяся выстукиванія, точно въ тяжеломъ казенномъ воздухѣ носились звуковыя точки, черточки, знаки. Нѣсколько человѣкъ въ мундирахъ съ желтыми кантами и съ желтыми лицами, согнувшись, выстукивали на аппаратахъ.

«Кто бы она была?...»

— Та-та-та... так... та-та...

«Гимназистка?... такъ не въ формѣ»...

— Я васъ попрошу не хватать съ моего стола гуммирабикъ.

— Да не вашъ вѣдь... казенный... что распоряжаетесь...

— Извините... для меня приготовленъ, и вы не хватайте... это безсовѣстно.

Къ окошечкамъ подходятъ старики, старухи, мальчики, молодыя женщины, молодцы изъ магазиновъ, подаютъ синіе бланки и деньги, получаютъ сдачи и квитанціи и уходятъ. А металлическая сѣтка равнодушно отдѣляетъ ихъ отъ согнувшихся за аппаратами людей, придавая видъ особаго значенія и важности этому отдѣленному мѣсту.

«Городишь... ничего не понимаю... на каждомъ шагу: что-съ... что-съ... передай сызнова»,—читаетъ на безконечно выбирающейся, шуршащей лентѣ Ментиковъ запросъ товарища съ сосѣдней станціи, улыбается, вспоминаетъ милые, свѣтившіеся, какъ двѣ свѣчки, глазки, слегка потягивается, запрокинувъ голову и вытянувъ руки, и потомъ быстро, сосредоточенно наклонившись надъ аппаратомъ, снова передаетъ требованіе на партію голландскаго сыра, и въ воздухѣ все также неутомимо, безъ перерыва, точно горохъ изъ прорвавшагося мѣшка, сыплется:

— Та-та-та... такъ... та-та... та-та-та...

А къ металлической сѣткѣ подходятъ подаватели и уходятъ, и на ихъ мѣсто новые, и такъ безъ перерыва, и только молодыя дѣвушки веселыми пятнами выдѣляются изъ этой нескончаемо тянущейся сѣрой вереницы, выдѣляются миловидностью, граціозностью и безпричинной радостью жизнью, и подъ темными закоптѣлыми казенными сводами тогда становится свѣтлѣй, просторнѣй.

— На юго-восточной опять катастрофа.

Всѣ поворачиваютъ головы, но руки также механически выбиваютъ, и горохъ изъ прорвавшагося мѣшка безъ устали сыплется.

— Много?

— Двое наповалъ, пять тяжело, трое легко...

— Господа, эта Огурчиха-то, которая сбѣжала съ Павловскимъ приказчикомъ, опять къ благовѣрному... денегъ проситъ выслать...

Здѣсь, за этой проволочной сѣткой сосредоточивались всѣ тайны

города. Какая фирма какіе ведетъ обороты, какіе кому предстоятъ платежи, кто близокъ къ банкротству, у кого есть любовница, кого переводятъ на лучшее мѣсто—все сходилось сюда за сѣтку, точно тысячи невидимыхъ нитей чужихъ разнообразныхъ жизней тянулись подъ эти тяжелые закопченые своды, но жизнь подъ ними въ прянномъ, тускломъ воздухѣ, заполненномъ прерывистыми выстукиваніями, отъ этого нисколько не дѣлалась разнообразнѣе.

II.

Съ дежурства Ментиковъ ворочался домой поздно, часу въ первомъ.

Горѣли фонари и надъ домами стояла луна. Отъ фонарныхъ столбовъ тянулись по двѣ тѣни. Ментиковъ торопливо шелъ, и рядомъ также шли двѣ тѣни, одна спокойная и одинаковая, другая то коротко трепетавшая у самыхъ ногъ, то вдругъ выроставшая, когда онъ удалялся отъ фонаря, громадная и черная, черезъ всю улицу. Идти было очень далеко; тротуаръ, палисадники, дома, подъѣзды нескончаемо отходили назадъ, въ головѣ безпорядочно, какъ комары-толкачи, толклись мысли. Ему было двадцать два года, и онъ уже четыре года служилъ на телеграфѣ.

Хотѣлось любви, женской ласки, физической траты молодого, здороваго тѣла, пуститься бѣгомъ или поднять что-нибудь тяжелое. Хорошо бы написать корреспонденцію про начальника конторы; устроить угощеніе товарищамъ, купить лакированные штиблеты и жениться на той, которой онъ сегодня говорилъ «что-съ?...» Раздражающимъ воспоминаніемъ встаютъ ярко освѣщенныя комнаты; треньканье разбитаго рояля, запахъ духовъ и потнаго тѣла, накрашенныя женскія лица съ хриплыми голосами, сквернословящія и всетаки манящія и раздражающія.

Неподвижно, какъ изваяніе, вырисовывается фигура на перекресткѣ городового.

Осенній воздухъ сыро и холодно вливается въ грудь, и надъ домами такая же холодная, сырая дымка, голубовато озаренная, гово-
р гъ о чемъ-то, что не имѣетъ никакого отношенія къ аппаратамъ,
к начальству, къ публикѣ, къ дежурствамъ, къ сѣткѣ, отгражи-
в ющей отъ остального міра, къ мыслямъ, которыя толкутся въ
г овѣ.

Плиты тротуара непрерывно уходятъ назадъ и темнѣютъ влаж-
н сыростью, вызывая представленіе смоченной гуттаперчи, кото-
р онъ по цѣлымъ днямъ жевалъ въ гимназіи, пока его не выгнали.

— Эхъ, братецъ, и чего тебѣ нужно?

Ментиковъ засовываетъ руки въ рукава за спиной и, немного согнувшись и нагнувъ голову, также монотонно шагаетъ, не подымая глазъ съ уходящаго подъ ногами тротуара.

III.

Ментиковъ сѣлъ на скрипучую кровать и сталъ стаскивать съ усталыхъ, прозябшихъ ногъ сапоги. Кровать отъ движеній шаталась и скрипѣла, а за досчатой перегородкой стояли говоръ, смѣхъ, звонъ стакановъ. Двигали стульями, ходили, кто-то начиналъ насвистывать или вдругъ запѣвалъ рыкающимъ голосомъ:

Вы-ыпье-ээмъ мы-ы-ы
За то-ooгo-oo...

Но сейчасъ же обрывался и слышалось:

— Гм! Ваня, плесни,—и звенѣла чайная ложечка.

Говорившій представлялся Ментикову высокимъ, чернымъ, взлохмаченнымъ, съ нависшими надъ глазами бровями.

— Нѣтъ, врешь... что называется Богомъ, нравственностью, долгомъ, то такъ же развилось органически и внѣдрилось въ мою нервную массу, какъ... какъ, напримѣръ, отвращеніе къ трупу...

Досчатая переборка разошлась, обои потрескались, и казалось, что все, что тамъ говорили и дѣлали, говорили и дѣлали въ комнатѣ Ментикова.

— Да, но отвращеніе къ трупу можно подавить—работаютъ въ анатомическихъ кабинетахъ...

— Бога, долгъ и нравственность тоже можно подавить и работать въ анатомической жизни...

Ментиковъ раздѣлся совсѣмъ, потомъ перегнулся съ постели, досталъ съ подоконника бутылку водки, выпилъ рюмку и сталъ жевать колбасу, чувствуя, какъ пріятно расплывается по тѣлу тепло.

— Развѣ еще махонькую?—сощурился онъ, самъ себѣ улыбаясь.

Мысли пріятныя, смутныя, неясныя, неопредѣленныя расплывались въ головѣ, какъ расплывалась теплота по тѣлу. Дунулъ на свѣчу. Пламя, пугливо вытянувшись, кинулось въ сторону съ почернѣвшей свѣтильни и погасло. Черное до этого окно теперь мягко проступило сѣроватымъ четыреугольникомъ, и на перегородкѣ извилисто зазолотились тонкія трещины. Кровать неистово заскрипѣла, пока Ментиковъ укладывался. Потомъ смолкло.

«Что-съ?...»—говорили милые глазки и смотрѣли на Ментикова ласково, тихонько замыкаясь навѣвающимъ сномъ, и тускло отсвѣчивавшій сѣрый четыреугольникъ гдѣ-то далеко безнадежно чернѣлъ переплетомъ. Тонкія извилисто-золотившіяся нити тускнѣли, растворяясь въ наплывающемъ мракѣ. Все удалялось отъ него мягко, незамѣтно, безконечно—стѣны, потолокъ, двери, окна, голоса и звуки, и все это чуть брезжило въ смутной дали, готовое потухнуть. Ментиковъ лежалъ одинъ среди молчанія и мрака на возвышеніи, похожемъ на подставку для гроба.

— Ха-ха-ха-ха-ха!!...

Со звономъ что-то уронили или разбилось, раздались голоса, смѣхъ, тонкія трещины отчетливо и извилисто зазолотились, сѣрый четыреугольникъ мягко проступилъ совсѣмъ возлѣ за спинкой стула, черезъ которую были перекинуты брюки съ подтяжками.

— Черти!... хуже нѣтъ эти студенты... женятся, что ли... ни днемъ, ни ночью покою нѣтъ...

Онъ сердито повернулся, и кровать заскрипѣла, напоминая, что ночь, что онъ усталъ и что вокругъ него все то же.

Ментиковъ съ негодованіемъ откашлялся и завелъ вѣки.

IV.

— Аглая Митрофановна, студенты, что ли? — спрашивалъ на другое утро, умываясь въ кухнѣ, фыркая и разбрызгивая воду подъ краномъ, Ментиковъ хозяйку, лѣтъ за сорокъ, суетливую вдову-чиновницу.

— Студе-енты!...—шипящимъ шопотомъ проговорила она, махнувъ головой,—трое... будутъ ли платить, нѣтъ ли... книжищъ натащили, ужасть... народъ-то все неимущій, все чай пьютъ...

— Зато образованный.

И Ментиковъ изо всѣхъ силъ сталъ тереть покраснѣвшее лицо и взлохмаченную голову полотенцемъ.

— Что-жъ съ него, съ образованія, какъ пальцы глядятъ изъ сапогъ. Вонъ Макарьиха поймала студентика, дочку свою всучила, т..къ вѣдь то хорошо, богатенькій попался, а вѣдь тоже ежели однимъ ч..емъ, проку-то съ нихъ...

Ментиковъ ушелъ на службу, забылъ о студентахъ, и опять та..акали аппараты, опять поздравляли со днемъ ангела, требовали ..итоваго товара, извѣщали о выѣздѣ, сообщали о смерти, и сѣрый ..духъ казеннаго зданія, казенной работы охватилъ. Рябила въ гла..ъ рѣшетка, бѣлѣя, шуршали выползавшія изъ аппарата ленты. И

сквозь сѣрый туманъ привычной работы и усталости, привычной обстановки что-то пробивалось безпокойнымъ, смутнымъ воспоминаніемъ. «Ахъ, да, студенты»,—торопливо вспоминалъ Ментиковъ, и самъ удивлялся, почему онъ о нихъ вспоминаетъ.

Ментиковъ ничего не читалъ,—некогда было. Послѣ дежурства мучительно хотѣлось отоспаться, а въ рѣдкія свободныя минуты днемъ онъ бродилъ по улицамъ, полнымъ шума, оживленія, трескотни извозчичьихъ пролетокъ, и того особеннаго несмолкающаго шороха, который постоянно виситъ надъ непрестанно идущими людьми, которые, какъ живой потокъ, текли по обѣимъ сторонамъ улицы. Ментиковъ останавливался передъ витринами, выставками и подолгу стоялъ передъ картинами и открытыми карточками съ голыми и купающимися женщинами, съ закатами солнца, передъ охотничьими принадлежностями, передъ машинами, оптическими приборами, велосипедами, автомобилями.

И онъ стоялъ съ забытой на лицѣ улыбкой. Какая-то огромная жизнь касалась его, глядѣла изъ-за этихъ огромныхъ зеркальныхъ стеколъ, глядѣла изъ молчаливыхъ оконъ многоэтажныхъ домовъ, неслась мимо въ каретахъ, экипажахъ, трусила на извозчикахъ. Гдѣ-то тамъ, быть можетъ, за этими молчаливыми окнами, въ роскошныхъ аппартаментахъ были прекрасныя женщины, снимки съ которыхъ глядѣли съ открытокъ, съ фотографическихъ карточекъ, прекрасныя женщины, за одинъ взглядъ, за улыбку которыхъ можно было отдать и молодость, и радость, и жизнь. И онѣ смѣялись или грустили, плакали или задумчиво читали о другихъ людяхъ, быть можетъ о немъ, о Ментиковѣ, телеграфистѣ, который и днемъ, и ночью, согнувшись, выстукивалъ на аппаратѣ.

А улица попрежнему дрожала, гремѣла, шуршала непрерывнымъ людскимъ шорохомъ и неслась мимо Ментикова, какъ потокъ бурливый и мутный, всегда чуждый и таящій что-то свое, многозначительное.

Съ этимъ бурно несущимся потокомъ онъ соприкасался только черезъ газетку, которую пробѣгалъ каждое утро на службѣ.

Бывалъ Ментиковъ и въ гостяхъ у сослуживцевъ, на именинахъ, крестинахъ, устраивали попойки, но казалось ему, что было это продолженіемъ сѣраго казеннаго зданія, сѣрой казенной обстановки, сѣрой казенной атмосферы. Тѣ же разговоры, тотъ же смѣхъ, тѣ же замореныя лица. А за стѣнами, за окнами неслась жизнь, огромная, сложная, веселая и непонятная, и Ментиковъ не принималъ въ ней никакого участія.

У Ментикова не было честолюбивыхъ и даже просто чиновничьихъ

мыслей о прибавкахъ, повышеніяхъ. День за днемъ проводилъ онъ, ни о чемъ не думая, съ тѣмъ легкомысліемъ расточительности, которую позволяетъ себѣ только юность, ибо кажется, что этихъ дней еще безъ счета.

И если иногда онъ воображалъ себя начальникомъ учрежденія, такъ это былъ особенный начальникъ: онъ раздавалъ наградныя двѣнадцать разъ въ годъ, причемъ высшія по размѣрамъ наградныя получали самые мелкіе служащіе, а высшіе служащіе получали бы наименьшія. Онъ отвелъ бы въ своей квартирѣ большой залъ, украсилъ его бы картинами, поставилъ бы рояль и каждый праздникъ приглашалъ бы чиновниковъ, и всѣ бы танцовали, пѣли, ухаживали за барышнями, а на столахъ горы закусокъ и батареи винъ.

Иногда Ментиковъ начиналъ фантазировать на эту тему вслухъ, и его слушали, а потомъ, махнувъ рукой, отходили:

— Съ вами, батенька, еще влопаешься... вотъ услышитъ *самъ*, влетитъ вамъ...

Съ тѣхъ поръ, какъ рядомъ съ нимъ поселились студенты, что-то новое прибавилось у него. На службѣ онъ о нихъ забывалъ, но когда приходилъ домой, и въ темнотѣ извилисто-тонко золотились щели, онъ разомъ чувствовалъ, что тамъ своей особенной жизнью живутъ люди, съ которыми онъ непонятно для себя какъ-то отдаленно, но осязаемо связанъ. И ложась на скрипучую кровать, чутко прислушивался.

— А-а... то-то и есть...—слышался чей-то тонкій голосъ, какъ будто въ комнатѣ самого Ментикова,—то-то и есть, объективизмъ... слова одни... вотъ вамъ большинство думаетъ, и Спенсеръ думалъ, что тѣни всегда черныя, апъ оказалось, что онѣ цвѣ-ѣтныя, а не черныя...

Голосъ былъ тонкій, пѣвучій, и такой, какъ бы говорилъ, что суть вовсе не въ томъ, что онъ сейчасъ говорилъ, а въ чемъ-то совсѣмъ другомъ, печальномъ и грустномъ, и Ментикову представлялось блѣдное, грустное лицо, бѣлокурые гладко-лежащіе волосы и больная вдавленная грудь, изъ которой выходили эти грустныя, ти... слова.

— Да-а, а онъ годы цѣлые ходилъ и думалъ, что тѣни черныя, а ...нѣ оказались цвѣ-ѣтныя, стало быть, онѣ, тѣни-то эти, въ немъ ...ѣли, понимаешь ты...

— Ну такъ въ чемъ же дѣло? субъективно онъ обманывался, а о...ективно...

...тотъ говорилъ рыкающимъ басомъ, представлялся высокимъ,

чернымъ, взлохмаченнымъ. Это онъ, должно быть, запѣвалъ: «выпьемъ мы»...

Ментиковъ лежалъ калачикомъ подъ одѣяломъ и усиленно жевалъ резиновую колбасу.

«И чудной народъ,—думалъ онъ и повеселѣлъ почему-то, сѣлъ на кровать, смутно бѣлѣя сорочкой, и сталъ крутить папиросу,— какого же она можетъ цвѣта быть, ежели она черная... а студенточки не слыхать... стало быть, не приходила сегодня... башковатый народъ, веселый, главное никого не боятся, сами себѣ господа»...

Онъ затянулся, подержалъ въ себѣ дымъ и медленно выпустилъ, ощущая ѣдкій запахъ.

«Познакомиться бы надо... только народъ они опасный... влопаешься съ ними»...

И натянулъ одѣяло, укрылся съ головой, сталъ дышать въ тѣсномъ и душномъ пространствѣ, и въ то же время думалъ, что не страхъ попасться со студентами удерживаетъ отъ знакомства, а отдѣляетъ его отъ нихъ черта иныхъ интересовъ, иныхъ мыслей, иного пониманія міра.

«Богъ внѣдрился въ нервную систему, какъ... какъ отвращеніе къ трупу»...

Ментиковъ не представлялъ себѣ ясно всего содержанія фразы, но она неотступно всплывала въ мозгу огромная, многозначительная.

V.

Въ учрежденіи все было то же—извѣдано, старо, неподвижно, тяжело, какъ каменное, изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ; вечерами же, когда ворочался домой, золотившаяся сквозными, просвѣчивающими извилинами перегородка всегда давала что-нибудь новое.

— Да потому, что люди отдаютъ себя, отдаютъ жизнь, свободу, личное счастіе, отдаютъ все, что есть дорогого на свѣтѣ...—отрывочно неслось оттуда.

— При чемъ тутъ эгоизмъ?...

— Да ни эгоизмъ, ни альтруизмъ... оставьте слова... просто эволюціонный этапъ человѣческой мысли, чувства, совѣсти...

Въ другой разъ Ментиковъ слышалъ:

— Я хочу,—раздавался мелодичный женскій голосокъ,—я хочу жить полной жизнью, я хочу дышать полной грудью, я хочу наслаждаться... а если меня сошлютъ, засадятъ въ тюрьму, повѣсятъ, мнѣ трудно будетъ... какъ же я буду жить полной жизнью?

— Да, мудрено,—подтвердилъ басъ,—а только помните вы кал-

мыцкую сказку изъ «Капитанской дочки?» Клюетъ воронъ падаль, а орелъ спрашиваетъ: «отчего ты триста лѣтъ живешь, а я тридцать?» А оттого, говоритъ, я клюю падаль, ты живую кровь пьешь. Клюнулъ и орелъ съ нимъ раза два, взмахнулъ крыльями и поднялся. «Нѣтъ, говоритъ, лучше тридцать лѣтъ прожить да живую кровь пить, чѣмъ триста да мертвечину клевать». Такъ-то, хорошая моя Анна Васильевна.

Для Ментикова были непонятны эти обрывки разговоровъ безъ начала и конца, недоговоренные, оставляющіе собесѣднику самому догадываться и выводить заключеніе, но подымали они что-то новое, неиспытанное, тревожное и безпокойное.

Да, онъ зналъ, что многихъ арестуютъ, ссылаютъ, сажаютъ въ тюрьмы, что «бунтуютъ» студенты, но прежде это было гдѣ-то далеко, чуждо и неизвѣстно, изъ-за чего это дѣлалось. Теперь, хотя оно было также мало понятно, но рѣчь объ этомъ вложена въ уста живыхъ людей и этимъ самымъ этому придавалось живое, близкое, всѣхъ касающееся значеніе.

«Лучше тридцать лѣтъ да жизнь, значитъ, настоящая, чѣмъ триста да дохлятина»...—думалъ онъ, шагая на службу.

И постепенно отдѣляла его отъ службы, отъ казеннаго зданія, отъ товарищей, отъ привычныхъ интересовъ холодная, сѣрая, казенная стѣна, и изъ мглы проступала такъ же постепенно такая же сѣрая, невидимая прежде, но непереходимая зыблющаяся стѣна, которая отдѣляла его отъ всей огромной, кругомъ разворачивающейся, кипящей жизни, отъ красоты ея, отъ знанія, отъ дѣятельности, отъ наслажденія.

И все, о чемъ говорилось тамъ, за этой тонкой перегородкой, все это родило не столько пониманіе, сколько ощущеніе своей отдѣленности, оброшенности, ощущеніе норы, въ которой онъ копался и въ которой суждено копаться до конца дней.

Было что-то въ этомъ глубоко правдивое. Передъ нимъ вставали зеленоватый лунный свѣтъ и сіяющій электрическій и двѣ тѣни— коричневая и синеватая, цвѣтныя тѣни, такъ поразившія его когда-. И это воспоминаніе всегда служило какъ бы неопровержимымъ казательствомъ истинности того непонятнаго, но большого, сложнаго, полнаго значенія и освѣщающаго какъ-то по-своему жизнь, что ворилось за перегородкой.

Иногда тамъ читали. Ментиковъ слушалъ и ничего не понималъ. порой западала отдѣльная фраза, выраженіе, Ментиковъ подхвалъ ихъ, вкладывая свое собственное содержаніе.

«...Оболочка стараго общества не выдерживаетъ, лопается, родится новое общество...»

«Ага,—думалъ Ментиковъ,—лопается... Разумѣется,лопнешь отъ тоски и скуки, отъ сѣрыхъ дней, отъ сѣрыхъ стѣнъ, отъ вѣчно униженнаго собачьяго дрожанія передъ начальствомъ, отъ безсмыслицы этой непрерывной, безъ отдыху и сроку работы».

VI.

Кругомъ шла обычная трудовая жизнь. Въ сторонкѣ одинъ изъ чиновниковъ считалъ деньги для сдачи въ казначейство. Носилось: та-та-та... та-та... Ментиковъ, веселый, оживленный, дѣлалъ свое дѣло, перекидываясь шуткой, остротами.

— Господа, къ Ивану Ивановичу сваха приходила!

— Ну-у?... Посватала?

— Нѣтъ, напились вмѣстѣ и все.

— Къ нему не подойдешь,—водкой, какъ пулеметомъ, валяетъ.

— Господа, а вы знаете, какъ онъ одну свадьбу разбилъ?

— Какъ?

— Да пріѣзжаетъ изъ Саратова купчикъ по дѣламъ фирмы, папаша прислалъ, ну, пріѣхалъ, первое дѣло къ пѣвичкамъ, кутнулъ, да такъ, не просыпаясь, недѣлю... размякъ, по уши въ одну. Честь-честью приглашаетъ къ вѣнцу. Пошли приготовленія, папашины денежки плакались, всѣ пустилъ въ ходъ сынокъ, невѣсту роскошно одѣлъ, брилліантовъ надарилъ, завтра—свадьба... Депешу папашѣ: «Благословите... на дочери дворянина... двѣсти тысячъ приданаго». Папаша съ мамашей въ восторгъ пришли, телеграфируютъ: «мы всѣ въ восторгѣ поздравляемъ». Иванъ Ивановичъ съ мухой былъ, въ глазахъ двоилось, и передалъ: «мы всѣ въ острогѣ пропадаемъ...» У купчика хмѣль вышибло, въ ужасѣ бросилъ невѣсту, приготовленія и кинулся въ первый попавшійся поѣздъ.

— Ай да Иванъ Иванычъ!... Ха-ха-ха!...

— Х-ха-ха-ха!...

Сѣрый казенный туманъ дрогнулъ отъ здороваго веселаго смѣха. Смѣялся чиновникъ, считавшій деньги, на минуту полуобернувшис къ смѣявшимся товарищамъ. Хохоталъ Ментиковъ, хохоталъ и.. быстро протянувъ руку, взялъ и опустилъ въ карманъ пачку уж отсчитанныхъ перевязанныхъ кредитокъ.

— Такъ какъ—«мы всѣ въ острогѣ?» Ха-ха-ха!—говорилъ онъ никакъ не въ состояніи справиться съ душившимъ его смѣхомъ,- въ острогѣ...

«Сейчасъ... сейчасъ вотъ!»—и все у него внутри было до того напряжено, что, казалось, со звономъ разсыплется при первомъ окрикѣ, при первомъ движеніи замѣтившихъ.

Чиновникъ, продолжая смѣяться, заперъ деньги, и звонъ замкнувшагося замка болѣзненно отдался во всѣхъ углахъ огромнаго помѣщенія.

— Макаръ Ивановичъ, дайте-ка папиросочку, — проговорилъ чиновникъ еще неуспокоившимися отъ смѣха лицомъ, опуская ключъ въ карманъ.

— Да вотъ не угодно ли,—торопливо протянулъ портабакъ Ментиковъ, чувствуя въ правомъ карманѣ мягкое давленіе пачки, которая какъ будто стала уже теплой.

«Сейчасъ... вотъ сейчасъ!»

— Въ острогѣ, ха-ха-ха... придумать же надо!...

И все то же звонко-чуткое, почти радостное, полное никогда неиспытаннаго напряженія состояніе наполняло его, нечеловѣчески напрягая мышцы, нервы, мозгъ, каждую секунду готовое съ оглушительнымъ звономъ оборваться. И каждую секунду готова была разинуться пасть, черная, молчаливая, какъ тьма ночи.

— Всего интереснѣй, какая рожа была у купчика послѣ депеши... ха-ха-ха!...

И вдругъ, одолѣвая сонливостью, охватила его неодолимая усталость. Бормоча странныя несвязныя слова, безсильно улыбаясь, онъ опустился на стулъ, выронилъ папиросу, на секунду голова свѣсилась, и все, какъ мгла, задернуло спокойствіе, сладкая, полная уюта тишина, безмолвіе, глубокій, давно жданный, неиспытанный покой, напоминавшій дѣтство, игры, сладкій сонъ въ кроваткѣ... синее небо, дальніе пески... поблескивавшія тихія воды...

Но черезъ мгновеніе быстро поднялся, тряхнулъ головой и со смѣхомъ и, ненужно повторяя: «мы въ острогѣ... всѣ въ острогѣ», подалъ по-очереди чиновникамъ руку,—у него кончилось дежурство, неся за спиной все то же безумно острое ожиданіе крика: «вернитесь-ка!» и неизгладимое впечатлѣніе наклоненныхъ лицъ, изморенныхъ неустанной работой, печальныхъ и блѣдныхъ.

Прошелъ коридоръ, надѣлъ пальто, насвистывая маршъ изъ Карменъ».

«То-ре-а-доръ ссмѣ-лѣ-е... то-ре-а...» Сунулъ изумленному сторожу полтинникъ, и пошелъ къ двери, слыша за спиной безпорядочный торопливый топотъ бѣгущихъ безъ крика въ страшномъ поражающемъ молчаніи чиновниковъ.

Дверь, визжа и захлебываясь, отворилась и затворилась, отрѣ-

завъ топотъ, и улица, радостная, оживленная, залитая солнцемъ, блещущая красками домовъ, стеколъ, металла, человѣческихъ лицъ и одежды, охватила, какъ родная, жгучими объятіями любящей, давно ждущей женщины, охватила звуками, шорохомъ, говоромъ идущей толпы, свѣжими, сложными, многообразными уличными запахами.

«Бѣжать... бѣжать... бѣжать, во что бы то ни стало!... То-ре-а-доръ смѣ...»

А сзади несся приближающійся топотъ задыхающагося, запыхавшагося сторожа.

И Ментиковъ остановился и глубоко набравъ не хватавшаго воздуха, и не оборачиваясь назадъ, лѣниво глянулъ въ одинъ и въ другой уходящій въ синѣющую мглу конецъ улицы, куда трещали извозчичьи пролетки, неслись, сыпля синія искры, трамвая, стремились тысячи людей.

Пошелъ не спѣша, все также поднявъ голову, готовый отдаться этому немолкнущему, колеблющемуся говору улицъ, неуловимому, неопредѣляемому, но постоянному шуму этой недоступной до сегодняшняго дня приглашавшей, безконечно разлитой жизни.

«То-ре-а-доръ... смѣ...»

Зашелъ въ магазинъ.

— Что угодно?

— Дайте-ка тросты.

— Пожалуйте.

Разложили цѣлую кучу палокъ, тростей, тросточекъ. Ментиковъ взялъ первую попавшуюся—тонкую, гибкую, тяжелую, изъ чернаго дерева, не удерживаясь и все насвистывая сквозь зубы.

— Сколько?

— Три рубля-съ.

— О-отлично-съ.

У приказчика было собачье, вытянутое напередъ, чисто-выбритое съ зачесами отъ ушей лицо.

Ментиковъ засмѣялся:

— У васъ, знаете, удивительно любопытствующее лицо.

И сталъ вытаскивать невылѣзавшую изъ кармана пачку и, когда вытаскивалъ, думалъ, что нужно сдѣлать что-то не то, не такъ; но не успѣлъ выяснить этого себѣ, какъ пачка вылѣзла, большая, аккуратно перевязанная, и всѣ на нее смотрѣли, не спуская глазъ.

Ментиковъ засмѣялся, выдергивая упрямо не дававшуюся двадцати пяти рублевку.

— Да вотъ случай такой... со мной... недавно вотъ... на телеграфѣ... ха-ха-ха... Купчикъ, знаете, одинъ совсѣмъ уже жениться

приготовился... Знаете ли, того... невѣста и все такое... хе-хе-хе... телеграфируетъ родителямъ благословеніе... дескать, въ восторгѣ... на телеграфѣ натурально перепутали: всѣ въ острогѣ... да... хе-хе-хе... Можете себѣ представить.

Ментиковъ смѣялся, а у всѣхъ приказчиковъ сдѣлались такія же длинныя, вытянутыя собачьи лица, какъ и у того перваго, и они глядѣли, не моргая, какъ будто старались заглянуть позади того нелѣпаго, ненужнаго, безсмысленнаго смѣха.

Г. Ментиковъ опустилъ въ карманы сдачу, повернулся и пошелъ, помахивая тросточкой, все такъ же насвистывая, не оглядываясь къ дверямъ, они беззвучно, на цыпочкахъ пошли за нимъ, балансируя руками, и въ дверяхъ *тотъ* первый съ собачьимъ лицомъ сталъ махать и дѣлать знаки городовому.

Городовой съ минутку пристально глядѣлъ на нихъ, видимо не понимая знаковъ, потомъ медленно пошелъ къ дверямъ, все также не спуская глазъ. Ментиковъ дожидался на панели, глядя прямо на него прищуренными глазами, улыбаясь и насвистывая сквозь зубы. Городовой, сдѣлавъ шаговъ пять, повернулся и также медленно пошелъ назадъ, и спина у него была широкая и перетянутая у пояса чернымъ ремнемъ.

«То-ре-а-доръ»...

Ментиковъ пошелъ по панели, чувствуя у себя за спиной и городового съ широкой спиной, и приказчиковъ съ собачьими мордами, и сторожа, и чиновниковъ, безпорядочно, туно и нелѣпо мечущихся по учрежденію. И словно тяжело было нести тяжесть всѣхъ этихъ людей, охватила знакомая, мгновенная усталость, глубокое равнодушіе, точно улица вдругъ отодвинулась, и гдѣ-то далеко-далеко въ мутной дымкѣ несся ослабленный, заглушенный грохотомъ экипажей и шепчущій, едва слышный шорохъ идущей толпы... Захотѣлось закрыть глаза съ улыбкой, тихой и ясной, улыбкой далекаго милаго дѣтства... голубое небо, голубая глубина рѣчки, шепчущіе камыши... нависшія надъ водой ветлы... милые дѣтскіе глазки... коса съ вплетенной ленточкой, скользившая по тоненькой спинкѣ, какъ змѣя... ахъ!...

— Pardon!...

— А вы не толкайтесь...

— Телеграммы!... телеграммы свѣжія!...

— Эй, поберегись!...

— Извозчика надоть?...

— Господинъ, на резинахъ?...

«То-ре-ад... тьфу, будь ты проклятъ съ твоимъ тореадоромъ, навязался»...

А улица опять гремѣла, бѣшено неслась мимо, бурливая, огромная, захватывающая, полная клокочущей жизни, полная красокъ и звуковъ. Она уже обступала со всѣхъ сторонъ, заглядывая въ глаза, надоѣдливо и ярко крича всѣми богатствами, всѣми наслажденіями, и уже нѣсколько обезцѣненная доступностью для него.

И онъ шелъ опять съ поднятой головой, съ обнаженными зубами, сквозь которые посвистывалъ, съ презрительной усмѣшкой, помахивая тросточкой.

— Ну, ты... резина!

Медвѣжеобразный, широкозадый дѣтина, сидѣвшій на козлахъ новенькихъ дрожекъ съ обтянутыми резиной колесами, торопливо и услужливо обернулся, но, увидѣвъ молоденькаго, съ только что пробивающимися усиками телеграфиста, нагло смѣрилъ съ головы до ногъ и, отвернувшись съ нескрываемымъ презрѣніемъ, процѣдилъ:

— Куда?

Ментиковъ вспыхнулъ.

— На скачки... Что морду-то воротишь!...

— Трешница,—съ тѣмъ же невозмутимымъ презрѣніемъ процѣдилъ тотъ, не желая безъ толку тратить слова на безполезный торгъ.

— Дуррракъ!... значитъ, ни къ чорту съ твоей клячей не годишься... красную!...

Тотъ обернулся удивленный, потомъ моментально соскочилъ, путаясь въ длиннѣйшемъ армякѣ:

— Пожалте... духомъ донесу... пожалте... садитесь...

Торопливо сорвалъ съ длиннотѣлой, длинноногой, костистой, съ сухой головой лошади небольшую попону, торопливо снова сѣлъ, подобралъ вожжи, и лошадь съ мѣста пошла крупной, размашистой рысью. Дрожки, мягко прыгая, беззвучно покатились, и все побѣжало назадъ, а въ лицо потянулъ вѣтеръ.

Ментиковъ покачивался. Городовой, приказчики съ длинными мордами—все отставало, уносясь позади. А навстрѣчу угрюмо, зловѣще и сосредоточенно бѣжало большое желтое зданіе, въ которомъ теперь былъ страшный переполохъ. Вотъ запыленныя окна, плачущія парадныя двери и... тоже позади.

— Трогай... трогай, что спишь!...

Теперь тамъ догадались, видѣли въ окно... трещатъ звонки телефона, всѣ участки, весь городъ на ногахъ.

— Трогай же, тебѣ говорятъ!...—изступленно кричитъ Ментиковъ, и тычетъ въ спину кучера тросточкой.

Тотъ подбираетъ вожжи и вытягиваетъ лошадь кнутомъ. Съ трескомъ, точно разлетаются булыжники, сыплются снопы искръ, и среди шума, грохота и звона слышно, какъ чеканятъ по мостовой кованныя копыта. Лошадь, вытянувшись въ нитку, несется, раздувая кровавыя ноздри и роняя уносимую быстро бѣгущимъ навстрѣчу воздухомъ бѣлѣющую пѣну, и молча несется позади, мягко прыгая, пролетка.

Дома, фонари, извозчики, пѣшеходы, все, какъ вѣтромъ, уносится назадъ. Каждую секунду можно кого-нибудь раздавить.

— Побргись!...—по звѣриному реветъ лихачъ, котораго пьянитъ эта бѣшеная ѣзда.

— Эй... куда на людей!...

— Что давитъ нар...—точно сорванное, пропадаетъ въ грохотѣ и шумѣ несущейся назадъ улицы.

У Ментикова бьется сердце и холодный потъ выступаетъ на лбу. Онъ ни на секунду не сомнѣвается, что за нимъ изо всѣхъ силъ спѣшатъ, и что городовые не въ состоянiи перехватить на перекресткахъ только изъ-за бѣшеной ѣзды.

— А-а... — говоритъ онъ, качаясь и стискивая хрустящiе пальцы.

Дома рѣдѣютъ. Тянутся пустыри. Вотъ и скачки, поле, синѣетъ лѣсъ.

Лошадь останавливается, нося боками. Грудь, шея, ноги, все забито бѣлой, клочковатой пѣной.

На скачкахъ море народу. Возбужденныя лица, то блѣдныя, то пунцовыя, нервные, торопливые жесты. Алчные или потухшiе глаза, дрожащiя руки. Ментиковъ вмѣшался въ эту толпу, и у него стали дрожать руки, стало краснымъ лицо. Деньги быстро поплыли изъ кармана. Потомъ онъ выигралъ, потомъ опять сталъ проигрывать, и, вѣроятно, все спустилъ бы, если бы не кончились скачки.

Когда онъ ѣхалъ назадъ, странное ощущенiе, что забылъ что-то и его-то не взялъ, или нужно было что-то вспомнить, мучило. И онъ лазилъ по карманамъ, поминутно смотрѣлъ на часы и теръ лобъ.

«Ахъ, да... скачки!... нѣтъ, не то... но что же?...»

И съ этимъ угрюмымъ, сосущимъ неудовлетворенiемъ вернулся въ городъ и пообѣдалъ въ лучшемъ ресторанѣ.

Еще оставалось время, еще оставались деньги, и то, и другое надо было убить.

VII.

Отовсюду тяжело ложилась на городъ, на зданія, на площади, на улицы ночь, густая, черная, безъ звѣздъ и молчаливая. Но огни, зажженные людьми, упруго и упорно подымали мракъ, и звуки людскихъ голосовъ и трескъ экипажныхъ колесъ также упорно старались нарушить величавое молчаніе ночи. И надъ городомъ стояли зарево и гулъ. А надъ ними простирался океанъ мрака и безмолвія.

Ментиковъ медленно шелъ по ярко освѣщенной улицѣ, и чувствовалъ, какая неизмѣримая бездна мрака простирается надъ этими ничтожными огнями. Выдѣляясь среди ихъ голубого сіянія крикливой яркостью багроваго зарева, нагло горѣли огромные, розовато-красные фонари. И все вокругъ было красно: площадь, экипажи, лошади, стѣны домовъ, лица людей, и мракъ наверху. Что-то продажное и нечистое чудилось въ этомъ ярко-красномъ трепетавшемъ освѣщеніи.

Точно румяна на поблекломъ, нагломъ лицѣ, точно яркіе куски матерій на грязномъ тѣлѣ. И мальчишки были пунцово-красные, грязные, оборванные, испитые и дрожащіе, а нѣкоторые пьяные съ циничной бранью на устахъ и нѣжными душистыми и тоже ярко-красными цвѣтами въ грязныхъ рукахъ.

Они бѣжали за экипажами, хватались и кричали хриплыми голосами:

— Баринъ, купите пукетикъ!...

— Ба-арыня, купите пукетикъ!...

И въ этомъ фантастическо-багровомъ свѣтѣ подымалось фантастическое зданіе изломанной, странной архитектуры. Невидящія слѣпыя окна глядѣли на кишѣвшій по площади въ кровавомъ освѣщеніи муравейникъ. Въ изломанныхъ линіяхъ не было украшеній, орнаментовъ, зато вся сила художественнаго творчества была положена на вестибюль.

Широкая, искривленная такими же странными линіями, разверзалась изнутри зданія пасть, вся залитая тѣмъ же розовато-багровымъ заревомъ. Поражала роскошь болѣзненно-оригинальной орнаментики. И этотъ странный всегда открытый зѣвъ далеко выступалъ изъ зданія, увѣренно и неподвижно глядя на площадь, на улицы, на городъ, на маленькихъ суетливо кишѣвшихъ людей.

Экипажи безпрерывно, нескончаемой вереницей подъѣзжали, и толпы красиво и богато одѣтыхъ женщинъ и мужчинъ съ лицами, залитыми багрянцемъ, безъ перерыва вливались въ разверстый зѣвъ, и онъ поглощалъ ихъ, всегда алчно раскрытый, всегда ожидающій новыхъ, окрашивая всѣхъ одинаково.

Ментиковъ подошелъ сюда. Но когда очутился въ этомъ затопленномъ розоватымъ свѣтомъ пространствѣ, когда увидѣлъ безпрерывно подъѣзжающіе экипажи и молодцеватыхъ городовыхъ, движеніемъ руки устанавливающихъ порядокъ, толпы разодѣтой публики,—волненіе охватило его. Въ своей форменной тужуркѣ, онъ мозолилъ всѣмъ глаза.

«Сію же минуту взять извозчика, поѣхать, пока не закрылись магазины, и одѣться въ штатское»...

И повинуясь странному противорѣчивому чувству, онъ прошелъ въ вестибюль, поднялся по роскошной, уставленной тропическими растеніями лѣстницѣ и потонулъ въ нарядной, оживленной, гдѣ сверкали обнаженныя женскія руки и плечи, толпѣ. Прошелъ къ буфету и пріобрѣлъ смѣлость и увѣренность движеній.

Потомъ все плыло, какъ въ чаду, красивое, захватывающее, съ той красотой и страстью, которая недоступно смотрѣла на него изъ витринъ, съ картинъ, таилась за окнами громадныхъ домовъ, которая дразнила и мучила воображеніе. Лилось шампанское, сіяли огни, плыла музыка, сверкало женское тѣло.

А потомъ это женское тѣло, такое доступное, отдавалось ему, и отъ вина и чувственности плыла кругомъ комната съ китайскимъ фонарикомъ, съ огромной кроватью, съ красноватымъ полумракомъ, разлитымъ по мебели, по стѣнамъ.

И когда, глубокой ночью, опершись на локоть, глядѣлъ въ лицо спавшей женщины, оно было непріятно, потно, со слѣзающими съ помятой кожи румянами. Открытый ротъ чернѣлъ, и дыханіе пахло виномъ. И онъ, не отрываясь, глядѣлъ, и тонкая щемящая боль неудовлетворенности кольнула. А когда вышелъ на улицу, первое, что бросилось въ глаза, двѣ тѣни: одна голубоватая, другая коричневая. Одна ровно шла съ нимъ, другая то трепетала у ногъ, то выростала черезъ улицу.

И по странной ассоціаціи передъ нимъ встали витрины, магазины, окна многоэтажныхъ домовъ и досчатая перегородка, тонко золотившаяся щелями. И первое мертво и пусто чернѣло, а за второй чудилась какая-то своя, живая непознанная жизнь. И онъ съ тоской ш ъ домой по пустыннымъ улицамъ, и молчаливые, глядѣвшіе слѣп и окнами дома нѣмо и неподвижно провожали его.

VIII.

чялъ пиджакъ, жилетъ, галстукъ, туго крахмаленный воротк ъ и аккуратно все сложилъ на стулѣ. Снялъ сапоги. Долго

стоялъ босой, не видя комнаты, обстановки, потерявъ время, не чувствуя усталости. Потомъ глянулъ на свои босыя ноги, на нихъ набѣгали оказавшіеся теперь необыкновенно длинными штаны.

— А... это потому, что на сапогахъ каблуки, а теперь безъ каблуковъ, вотъ и длинны.

И онъ, стараясь поравнять обѣ штанины, подтянулъ одну, потомъ другую подтяжку, потомъ заложилъ надъ головою руки и долго и судорожно зѣвалъ.

Охватила знакомая усталость, истома, хотѣлось забраться подъ одѣяло, свернуться калачикомъ и, жуя резиновую колбасу, прислушаться, о чемъ *тамъ* говорятъ, что читаютъ. Боже мой! быть можетъ, и было настоящее, эта маленькая комнатка, эта скрипучая кровать, эта лампа, тонко свѣтившаяся щелями перегородка, откуда шли такія странныя, непонятныя слова и мысли, странныя и непонятныя, и такія дорогія и близкія въ своей непонятности, будящія что-то глубоко залегающее въ душѣ и раскрывающія иной, огромный, скрытый отъ него смыслъ.

О, онъ отдалъ бы половину жизни, отдалъ бы правую руку, глазъ, отдалъ бы десять лѣтъ своего здоровья, только бы его пустили заглянуть за эту перегородку, тонкую и сквозившую, откуда доходили обрывки мыслей и пониманія, кусочки того огромнаго міра, котораго онъ былъ лишенъ.

Жгучая, острая тоска, отъ которой сохнутъ просящіяся на глаза слезы, холодно и спокойно свернулась клубкомъ, и спокойно глядѣла ему въ очи, тоска не потому, что погибъ, что̀ нѣтъ возврата, что оказался подлецомъ, что товарищъ несетъ свою неповинную голову, а потому, что цѣлый міръ, огромный міръ прошелъ для него недоступнымъ, что—онъ чувствуетъ—никогда не узнаетъ всю важность цвѣтныхъ тѣней, никогда не пойметъ, что̀ общаго между Богомъ и трупомъ, никогда не вникнетъ, о чемъ говорили воронъ и орелъ.

Онъ прислушался. Тамъ было тихо. Щели не золотились. Было тихо въ комнатѣ, въ домѣ, стояла тишина на улицѣ, неподвижна и молчалива была ночь.

И отдаваясь щемящей, хватающей за сердце боли и тоскѣ, онъ хрустнулъ пальцами, потомъ вдругъ потухъ, опустился, подъ глазами проступили синяки. Усталость, непобѣдимая и давящая, отнимающая волю, сознаніе, способность сопротивляться, охватила всего. Сѣлъ къ столу и набросалъ нѣсколько строкъ. Порвалъ. Снова набросалъ и опять порвалъ, положилъ ручку. Прислушался къ молчаливой, тупой и неподвижной тишинѣ, полной всюду разлитой неодолимой усталости.

Потомъ взялъ табуретъ, приставилъ къ перегородкѣ, влѣзъ на него, попробовалъ руками торчавшій крюкъ, захлестнулъ за него шнуркомъ отъ занавѣси, сдѣлалъ петлю, надѣлъ на шею, поправилъ и, придерживаясь за стѣну руками, сталъ сталкивать ногами табуретъ. Когда табуретъ, наклонившись, сталъ падать, Ментиковъ съ нечеловѣческими усиліями и безумнымъ ужасомъ попытался его удержать.

«Вѣдь вся жизнь, прекрасная жизнь впереди... все можно поправить!...»

Но табуретъ со стукомъ опрокинулся, Ментиковъ тяжело повисъ, подергался немного, высунулъ вздувшійся языкъ, широко и изумленно раскрылъ глаза, тихо перекрутился и успокоился.

Чуть подрагивая, горѣла свѣча. На черныхъ стеклахъ изрѣдка появлялись капли дождя.

Утромъ власти, дѣлая осмотръ, подняли разрозненные клочки бумаги и, подобравъ, сложили на столѣ:

«...т...лъ... сп.тать ..стоящую ж.зн.»...

А. Серафимовичъ.

БОЛЬНЫЕ РОДИНОЙ.

(Изъ дневника русскаго.)

I.

Сегодня солнце свѣтитъ во-всю и припекаетъ, какъ лѣтомъ, а даже и по русскому стилю уже—начало октября.

Я лежу въ саду подъ навѣсомъ, одинъ. Вчерашняя старуха не вышла. Мы не будемъ съ ней кашлять взапуски. Но, кажется, хозяева ждутъ пріѣзда какихъ-то «грудныхъ» парижанъ.

Тяжко валяться одному; но еще бо̀льшую жуть испытываешь отъ лежанья въ обществѣ, вотъ какъ здѣсь, въ дни хорошей погоды, подъ этимъ уже ненавистнымъ мнѣ навѣсомъ отельнаго сада.

Положимъ, я схватилъ настоящій плевритъ и надо бороться съ какимъ-то тамъ «эксудатомъ»; но не этимъ я боленъ.

Нѣтъ! Не я одинъ боленъ тѣмъ, что̀ дѣлается теперь тамъ, за Эйдкуненомъ, боленъ за себя, и за тѣхъ, кого тамъ оставилъ, и за всѣхъ, за всѣхъ...

Не получать писемъ—нельзя, не читать газетъ—также. Еслибъ даже и отказаться отъ русскихъ газетъ—тамъ опять могутъ забастовать—парижскія приходятъ сюда въ тотъ же день. А въ нихъ все новѣе, и выходитъ какъ-то ярче, тревожнѣе, сильнѣе.

Докторъ почти что запретилъ мнѣ газеты; но развѣ я его буду слушаться? Эти «союзники», да и вообще иностранцы—ничего-то не смыслятъ въ нашей психикѣ...

Ничего-то они не понимаютъ!

Онъ ли, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, или та торговка, у которой я на рынкѣ покупаю виноградъ и груши.

Или еще мой сосѣдъ въ столовой—пивоваръ съ сѣвера Франціи—хотя вы его—по первому впечатлѣнію—примете скорѣе за журналиста или за учителя гимназіи—«un professeur»—какъ они здѣсь себя величаютъ.

По своей «платформѣ» — вѣдь нынче надо такъ выражаться? онъ—націоналистъ, то-есть консерваторъ, католикъ и антидрейфусаръ, получаетъ по почтѣ газету *Autorité*, но умудряется, въ то же время, быть правительственнымъ: «gouvernemental».

— Какъ же это такъ?—спрашиваю я его на-дняхъ.—Вѣдь у васъ теперь радикальное министерство?

— Это ничего не значитъ!

Главное, чтобы была *власть*, «l'autorité», «господинъ префектъ», «господинъ мэръ», и «добрый жандармъ»—«le bon gendarme».

Такой французъ, а ихъ сотни тысячъ, разумѣется, за *alliance* съ «сѣвернымъ колоссомъ»; но желаетъ, прежде всего, чтобы у насъ *все* поскорѣе кончилось и чтобы четырнадцати милліардамъ франковъ, которые Франція всадила въ свою союзницу, не грозила «непосредственная опасность».

— Il y a terme à tout, cher monsieur! На все есть мѣра.

Но чѣмъ больше вы бесѣдуете съ такимъ типичнымъ французомъ, тѣмъ сильнѣе вы убѣждаетесь въ томъ, что массѣ французовъ—и тайныхъ монархистовъ, и республиканцевъ—въ сущности никакого нѣтъ дѣла до того, въ какую трагическую передѣлку попали мы.

То, что говорятъ у нихъ на митингахъ и пишутъ въ газетахъ крайнихъ партій, заслоняетъ для наивныхъ русаковъ настроеніе среднихъ французовъ, которые насчитываются сотнями тысячъ, и болѣе.

Ихъ, всетаки, гораздо больше, чѣмъ пролетаріевъ, объединенныхъ «Рабочимъ союзомъ». Тѣхъ—шестьсотъ тысячъ; а крестьянъ, буржуа, ремесленниковъ съ буржуазнымъ складомъ идей и аппетитовъ—чуть не десятокъ милліоновъ.

Развѣ мы не видѣли, какъ ихъ радикалы, вродѣ нѣкоторыхъ парламентскихъ заправилъ, когда были «не у дѣлъ», выступали противъ этого самаго alliance'а; а теперь прикусили языки?

И не только члены министерства и все оно въ цѣломъ своемъ составѣ, но и вся палата только «подъ шумокъ» морщится отъ того, что у насъ творится. И ни звука протеста!

Французы, а не мы, русскіе, должны были бы приписывать себѣ [...]даніе поговорки:

«Своя рубашка къ тѣлу ближе».

Мой пивоваръ кое-чему учился, кое-что читалъ, ѣздитъ даже за [...]ницу, но своихъ «союзниковъ» онъ знаетъ немногимъ больше, [...]ъ бывшихъ подданныхъ дагомейскаго короля Беганзина, котораго [...]чатъ почетнымъ плѣнникомъ.

И эта невѣжественность происходитъ прямо отъ полнѣйшаго *равнодушія* къ тому, чѣмъ теперь колышется и изнываетъ русская «подоплека».

Съ тѣми русскими «сферами», которыя изображаютъ для него «la sainte Russie», онъ готовъ всегда ладить. Онъ знаетъ, что есть у насъ *des gardawoi* (такъ вѣдь пишутъ всѣ ихъ корреспонденты), что происходятъ «des pagrômes». Но *что* подъ всей этой русской сумятицей кроется, ему до этого—никакого дѣла!

Въ его буржуазно-авторитарной головѣ все ясно и распредѣлено по клѣточкамъ:

Надо, чтобы была власть—«autorité».

Есть управляющіе и управляемые.

Его кубышку нельзя трогать, даже и въ видѣ подоходнаго налога; а если правительство добьется этого налога, надо скрѣпя сердце подчиниться такой «соціалистической» мѣрѣ.

А по части «союзниковъ» его катехизисъ еще кратче:

«У этой страны огромные рессурсы».

«Ея интеллигенція заражена разрушительными идеями».

«Les moujiks sont farouches».

«Les cosaques—c'est une race à part».

Въ этомъ и мой пивоваръ увѣренъ. Онъ еще вчера утверждалъ: что казаки, что кавказцы—des circassiens—одна и та же раса.

Вотъ и все!

И въ тотъ день, когда телеграммы наносятъ вамъ ударъ въ самое сердце, мой пивоваръ, потирая руки, повторяетъ:

— Ça chauffe! Ça chauffe chez vous!

И что бы надъ нами ни разразилось, какіе бы ужасы мы ни переносили, онъ въ правѣ, по-своему, приговаривать:

— Кто же виноватъ? Русскіе—безумцы! Мы имъ дали взаймы четырнадцать милліардовъ, а они вонъ какое изъ нихъ дѣлаютъ употребленіе!

Почему такіе выводы?

Потому что мой пивоваръ про каждаго русскаго говоритъ про себя:

— Quel drôle de pistolet!

Русская душа для нихъ—больше чѣмъ «потемки». Это, по ихъ же прибауткѣ: «бутылка съ чернилами».

Пивоваръ не ложится со мною подъ навѣсъ. Онъ скоро уѣдетъ, оправившись отъ воспаленія. А кажется и то, что боится, лежа около меня, заразиться,—считаетъ меня чахоточнымъ.

II.

Пивоваръ уѣхалъ; а вмѣсто семьи парижанъ: кто явился подъ вечеръ съ поѣздомъ изъ Бордо?

Павелъ Алексѣевичъ!

Утромъ пришла его депеша изъ Парижа съ просьбой приготовить ему комнату «на солнцѣ».

Павелъ Алексѣевичъ! Милѣйшій старецъ! Общій нашъ Несторъ!

Я сильно обрадовался, сталъ хлопотать, имѣлъ экономическій діалогъ съ нашей слащавой, ехидной хозяйкой и выторговалъ своему маститому собрату цѣлый франкъ въ сутки. Онъ будетъ платить сколько и я; но эта клерикалка и легитимистка, у которой вѣчно торчатъ монахини, ссылалась на то, что теперь начался зимній сезонъ; а я еще на лѣтнемъ положеніи.

Павелъ Алексѣевичъ!

Я хотѣлъ поѣхать встрѣтить его въ Нижній городъ; да погода рѣзко измѣнилась, подулъ «мистраль», и я здорово раскашлялся, въ саду, подъ моимъ противнымъ навѣсомъ «грудныхъ».

Когда омнибусъ въѣзжалъ въ садъ, я выбѣжалъ-таки на подъѣздъ, безъ шляпы, и получилъ въ объятія нашего «Нестора».

Съ виду мало измѣнился; только борода уже совсѣмъ побѣлѣла, усы стали даже отдавать желтизной.

Но лицо все такое же бодрое, ясное, тѣ же выразительные глаза смотрятъ на васъ изъ-подъ густыхъ бровей, съ усмѣшкой, въ которой сидитъ что-то «попечительное», какъ я всегда говорилъ въ Петербургѣ.

И попечительное, и улыбающееся, съ тихимъ юморомъ добраго стараго времени, когда и наша пишущая братія еще не отзывалась разночинцемъ.

Въ этомъ старцѣ, хоть онъ и не Рюриковичъ, всегда было что-то барственное.

— Какъ вы надумали?—спрашиваю его, послѣ того какъ водворилъ его въ номерѣ, которымъ онъ остался очень доволенъ.

— Вы меня соблазнили! Пишете какая у васъ благодать! И п[illegible]ьмо ваше пришло какъ разъ въ тѣ дни, когда я только что опра[illegible]ся отъ ужасной инфлуэнцы. Думалъ отойти ad patres.

— Вы, Павелъ Алексѣевичъ?! Вы всѣхъ насъ похороните... такъ н[illegible]ваемыхъ молодыхъ.

— Подите! На почки она, подлая, бросилась. Могло очень скверно к[illegible]иться... Мой лейбъ-эскулапъ сталъ гнать меня сейчасъ же вонъ. И [illegible] пригрозилъ, что я въ два-три дня собрался.

— А ваше предсѣдательство?

— Все побоку. Да и усталъ я анаѳемски!... И что у насъ дѣлается!...

Онъ махнулъ рукой, тихо двигаясь по комнатѣ и разставляя разныя вещи на письменномъ столѣ.

— Отечество въ опасности?—употребилъ я нарочно избитое клише.

— Ха-ха! И какъ еще! Объ этомъ потолкуемъ за обѣдомъ.

Время было уже позднее; но я попросилъ хозяйку приготовить намъ особо, послѣ табльдота.

— Такъ вотъ,—продолжалъ Павелъ Алексѣевичъ веселѣе,—я, однимъ духомъ собрался. Посылали меня, разумѣется, на Ривьеру... или въ Меранъ. Тутъ вотъ я и вспомнилъ то, что вы мнѣ писали о вашей резиденціи.

— Но вѣдь здѣсь... дыра первоклассная? Вы здѣсь заскучаете, дорогой Павелъ Алексѣевичъ!

— Я вездѣ скучаю за границей, если засижусь больше шести недѣль... Это крайній срокъ.

— Неужели опять потянетъ къ намъ... на нашу смуту?

— Что же прикажете дѣлать? Во-первыхъ, не могу жить безъ дѣла...

— Безъ добровольныхъ хлопотъ... за всю нашу братію?

— А во-вторыхъ, маетности у меня нѣтъ, капитала не нажилъ... Надо всетаки *буаръ* и *манже*!

— За границей бы писали... безъ всякой помѣхи.

— Что? Я не беллетристъ... И не составитель учебниковъ. Заработокъ мой весь связанъ съ той же россійской текущей дѣйствительностью.

Гарсонъ пришелъ сказать, что обѣдъ насъ ждетъ.

Мы сидѣли за столикомъ другъ передъ другомъ, одни, въ нашей узкой, провинціально отдѣланной столовой, довольно скаредно освѣщенной.

Павелъ Алексѣевичъ знаетъ толкъ въ ѣдѣ, любитъ угостить «примѣрами», особенно по части закусокъ.

Онъ находилъ, что обѣдъ «ничего», спросилъ себѣ минеральной воды; а отъ вина отказался, хотя оно полагается въ обѣдъ, и красное, и бѣлое, по случаю близости къ городу Бордо.

Послѣ второго блюда, рыбы соль съ соусомъ изъ мѣстныхъ, до смѣшнаго дешевыхъ устрицъ, онъ громко вздохнулъ, и у него вырвался одинъ возгласъ:

— Что у насъ дѣлается!

И взялся за свой, совсѣмъ обнаженный черепъ, точно выточенный изъ старой слоновой кости.

— Чувствую,—отвѣтилъ я ему въ тонъ.—А всетаки тянетъ!

— Сидите! Сидите здѣсь! Вамъ надо возстановить здоровье!

— Да вѣдь у меня тамъ дѣло, Петръ Алексѣевичъ!—почти со слезами воскликнулъ я.

Моихъ интимныхъ дѣлъ онъ не знаетъ, по крайней мѣрѣ, я съ нимъ никогда не разговаривалъ, но, вѣроятно, слышалъ отъ когонибудь изъ общихъ знакомыхъ.

— Прекрасно! А всетаки сидите!

— А какъ же вы-то опять сбираетесь черезъ шесть недѣль?

— Я не въ счетъ. Мнѣ надо оправиться. А вы...

— Что же я? Я не чахоточный.

Онъ усмѣхнулся, точно хотѣлъ сказать:

«Всѣ серьезные грудные воображаютъ, что здоровы».

Это меня задѣло. Но я не хотѣлъ спорить.

— Чего же теперь ждать?

— Всеобщей забастовки. Еще нѣсколько дней, и станутъ поѣзда. По улицамъ будетъ мгла. Придется сѣсть на пищу святого Антонія...

Разсмѣялся онъ довольно добродушно; но тотчасъ же брови его сдвинулись и на переносицѣ залегла печальная складка.

— Вотъ что я вамъ скажу, любезный собратъ. На *свой* перзонъ я достаточно пожилъ. Но, каюсь, минутами хочется очень еще пожить, чтобы видѣть, что изъ всего *этого* выйдетъ? Только, при всемъ моемъ неизлѣчимомъ оптимизмѣ, ничего хорошаго я не предвижу.

— Общая ломка!

— Но какая? Чѣмъ она пахнетъ?

— Я не знаю, Павелъ Алексѣевичъ.

— Пугачевщиной, мой другъ. Все это—только еще цвѣточки. Ягодки пойдутъ за ними слѣдомъ.

— Правительство должно уступить.

— Можетъ, и уступитъ... затѣмъ, чтобы тотчасъ же все отбирать назадъ...

Я не сталъ возражать. Такъ оно и будетъ, какъ сказалъ мой і ститый собратъ.

III.

Мы перешли въ курильную комнату съ билліардомъ.

Павелъ Алексѣевичъ закурилъ сигару и сказалъ, прищуривъ:

— Вотъ это для меня запретный плодъ. Мой эскулапъ настаиваетъ на томъ, чтобы я бросилъ. Я вымолилъ... хоть одну сигару послѣ обѣда.

— А я заговѣлся... давно. Правда, какъ у Островскаго въ «Доходномъ мѣстѣ» стряпчій Досужевъ говоритъ: «Питы—вмэрты, и не питы—вмэрты, такъ лучше питы».

Глаза старца блеснули.

Онъ любитъ литературныя цитаты изъ добраго стараго времени.

— Да, дорогой собратъ, «питы—вмэрты и не питы—вмэрты». Особенно такому индивиду, какъ вашъ покорный слуга, «въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый»,—вкусно выговорилъ онъ стихъ и сдунулъ пепелъ съ своей сигары.

— Вы-то запоздали, Павелъ Алексѣевичъ!

— А то нѣтъ? Вотъ мы съ вами... любимъ привести фразу... стихъ изъ нашихъ классиковъ... Но развѣ теперь до литературы, до науки?

— Не въ авантажѣ обрѣтаются и та, и другая.

— Будь я романистъ—я бы бѣлужиной запѣлъ! Какіе теперь писать романы? Интересовать тѣмъ, какъ Адольфъ влюбился въ Амалію и что изъ этого вышло: обвѣнчался Адольфъ или съ отчаянья застрѣлился?...

— Можно брать другія темы, Павелъ Алексѣевичъ. Сама жизнь ихъ подсказываетъ.

— Ну, да... Я знаю... вотъ такіе разсказы, какіе вы даете у себя...

И онъ вбокъ взглянулъ на меня съ усмѣшкой.

Въ этомъ взглядѣ былъ намекъ на тенденціозность того, что я пускаю въ печать.

— Бездарныхъ вещей я не пропускаю... а наша платформа вамъ извѣстна...

Старецъ всѣми любимъ, пріятельски близокъ къ радикальнымъ кружкамъ. Но онъ все еще боится самаго звука «соціалистъ», вродѣ какъ «жупела».

Мы съ нимъ никогда принципіально не препирались. Но если онъ читаетъ то, что у насъ появляется, особенно статьи, врядъ ли онъ очень всему этому сочувствуетъ.

— Я прочелъ, какъ разъ передъ отъѣздомъ, одинъ разсказъ.

Онъ назвалъ заглавіе.

— Ну, и какъ на вашъ вкусъ?

— Ничего. Есть талантъ. Но много лишняго. И тонъ слишкомъ приподнятый. Въ описаніяхъ напущено черезчуръ много декадентщины.

— Такая у молодыхъ манера. Надо и имъ высказать свою суть, и по содержанію, и по формѣ.

— Ужъ о стихахъ я и не говорю.

Онъ махнулъ рукой.

— Все это куда бы ни шло!... Но настанетъ скоро моментъ, что никакой художественной прозы, никакой поэзіи не будетъ! Никто не хочетъ учиться, ничего не нужно, ни знанія, ни творчества, ни высшей культуры... Молодежь вызываетъ во мнѣ глубокое уныніе...

Голосъ его дрогнулъ.

Я не хотѣлъ съ нимъ спорить. Да и какъ ему, обломку нашей просвѣтительной эпохи, иначе чувствовать и говорить?...

— Вѣроятно,—продолжалъ онъ съ юморомъ,—я лично ничего не понимаю во всѣхъ этихъ «платформахъ» и «тактикахъ». Маркса не читалъ—каюсь! И такъ и сойду въ могилу, не вкусивши сладостей его книжицы о капиталѣ. Но какіе бы порядки ни водворились въ россійскомъ государствѣ, что за жизнь будетъ безъ всего того, что теперь обрѣтается, какъ вы сами изволили сказать, не въ авантажѣ?

— Это все перекипитъ.

— А тѣмъ временемъ отъ насъ мокренько не останется, и косточки, если не ваши, то мои, навѣрно, сгніютъ. Одичаніе предстоитъ намъ, разгромъ всего... такой же, какой былъ при гуннахъ. Такъ отъ древней культуры, отъ поэзіи и пластики эллиновъ, отъ науки, литературы и зодчества римлянъ всетаки сохранились великолѣпные останки. А отъ насъ что останется?

— Великъ Богъ земли русской, Павелъ Алексѣевичъ! Молодежь не хочетъ учиться... вы прекрасно понимаете, почему?...

— Почему?—горячѣе повторилъ онъ.—Будь я семи пядей во лбу, кладезь учености, прекрасный лекторъ... Но моя аудиторія не желаетъ меня слушать. А если я сейчасъ же не оставлю аудиторіи, меня подвергнутъ химической обструкціи, а то и просто выведутъ.

— Это все удары черезъ головы профессоровъ въ общаго врага.

— Вы такъ говорите, потому что васъ тамъ не было... въ последнія недѣли. До чего это доходило! Во что превратился университетъ?

Онъ перебилъ себя и, мѣняя тонъ, продолжалъ:

— Всѣ коридоры затопила публика съ улицы: приказчики, рабочіе, солдаты, извозчики, кухарки.

— Будто и кухарки?

— И какъ еще! И вотъ въ толпѣ пробирается одна дѣвица...

сомнительнаго званія и всѣмъ повѣряетъ, что она пришла сюда: «Митиньку» своего повстрѣчать. Это она такъ поняла значеніе слова «митингъ».

Я былъ доволенъ тѣмъ, что старецъ привелъ этотъ явно подсочиненный анекдотъ. Ему волноваться вредно. У него застарѣлый склерозъ. Взволнуется—и сейчасъ припадокъ... дурнота, одышка.

— Павелъ Алексѣевичъ! Не это хуже всего, а то, что сверху-то не способны ни на что широкое, великодушное, дѣйствительно мудрое. Все только полумѣры, да и то вынужденныя.

— Чего же вы другого захотѣли отъ нашихъ заправилъ?

Онъ махнулъ рукой и бросилъ окурокъ своей сигары.

— Такъ дальше жить нельзя!—глухо воскликнулъ онъ, поднимаясь.—А куда уйдешь отъ любезнаго отечества? Помните, у Тургенева, въ одномъ письмѣ, кажется, есть сильныя слова на эту тему. Что мы безъ родины? Ничто. А она очень и очень безъ насъ обойдется... Теперь я удалюсь. Чувствую, что усталъ.

Я взялъ его подъ локоть и довелъ до двери его комнаты.

IV.

Получилъ депешу рано утромъ. Гарсонъ разбудилъ меня.

Всего четыре слова; но какъ они во мнѣ перевернули все вверхъ дномъ.

«Mania arrêtée, lettre suit».

Арестована Маня!

Я могъ этого ожидать больше, чѣмъ мать ея; но вѣдь мало ли чего боишься и всетаки надѣешься, что «чаша сія»—отойдетъ. Вѣдь всѣ мы знаемъ, что умремъ; однако забываемъ это.

Мать ея, конечно, догадывалась, что Маня принадлежитъ къ какой-нибудь организаціи. Но вѣдь нынѣшнія дѣти съ родителями не откровенничаютъ. Они—«сами по себѣ».

Да и въ самомъ дѣлѣ—развѣ такая дѣвушка, какъ Маня, не понимала, что ея мать, хоть и «въ движеніи», испугается, если узнаетъ, чѣмъ можетъ рисковать ея дочь?

Но пугаются только родители, а не теперешнія дѣти.

Въ чемъ она замѣшана, схватили ее съ поличнымъ или накрыли цѣлую конспиративную квартиру?

Объ этомъ я узнаю не раньше, какъ черезъ двое сутокъ.

Къ этой дѣвушкѣ я привязался, какъ родной отецъ. Но и меня она вѣдь не впускала въ свою «святую святыхъ».

Для нея и я недостаточно «въ движеніи». Она смотритъ на мою дѣятельность, какъ на «академическую».

Я только «сочувствователь», я даю возможность людямъ ея платформы работать и получать гонораръ; но я всетаки не ихъ человѣкъ, хотя между моимъ соціальнымъ *credo* и міропониманіемъ добрѣйшаго Павла Алексѣевича лежитъ порядочное разстояніе.

Но онъ пойметъ лучше всякаго мои чувства, когда услышитъ отъ меня: кто такая Маня и ея родная мать.

О депешѣ онъ узналъ еще отъ гарсона. Тотъ—простоватый малый и ужаснѣйшій болтунъ. Онъ не только разсказалъ ему, что сегодня разбудилъ меня изъ-за депеши, но и прибавилъ:

— Monsieur a été très frappé...

Какъ же было такому сердобольному собрату, какъ нашъ милѣйшій старецъ—не взволноваться?

— Что такое?... Можно узнать?

Мы сидѣли утромъ, за кофеемъ—одни въ столовой.

Высказаться сейчасъ же было для меня облегченіемъ.

Я назвалъ имя той женщины, которая прислала мнѣ депешу. Онъ ее гдѣ-то встрѣчалъ и, говоря это, вбокъ поглядѣлъ на меня, слегка прищурившись, какъ будто давая мнѣ понять, что онъ кое-что знаетъ.

Но я и не хотѣлъ уклоняться отъ самаго задушевнаго изліянія. Напротивъ!

Мои отношенія къ ней—извѣстны многимъ въ нашемъ кружкѣ.

— И вотъ цѣлыхъ четыре года мы не можемъ покончить съ этимъ двойственнымъ положеніемъ...

— Почему?

— Мужъ не даетъ развода. Это—не просто дрянь, а дрянь изъ породы ханжей. Онъ затвердилъ одно: «что Богъ соединилъ, то люди не расторгаютъ». Хорошо еще, что ему не удалось упрятать ее на покаяніе.

— Быть не можетъ!

— У него, въ духовныхъ сферахъ, особенныя связи. Послѣ великихъ хлопотъ добились мы того, что она получила отъ него видъ на жительство.

— И то хорошо. И вы, до сихъ поръ, живете раздѣльно?

— Я предлагалъ... и не разъ. Тогда вотъ этой самой Манѣ было ...о пятнадцать лѣтъ. Мать ее стѣснялась... вы понимаете... жен...е чувство... хотя дочь отца не любитъ и ни подъ какимъ видомъ не пожелала жить съ нимъ. Изъ-за этого тоже были нескончаемыя ...оріи...

— И вотъ теперь эта самая Маня арестована?—выговорилъ ста... со вздохомъ.

— Да! И, можетъ быть, это что-нибудь очень серьезное.

— Будь это тамъ, на мѣстѣ—я бы вамъ узналъ всю подноготную... вѣдь это моя спеціальность.

И онъ тихо разсмѣялся.

— Я знаю. Вы предстательствуете за всѣхъ, Павелъ Алексѣевичъ.

— А сколько ей лѣтъ?

— Пошелъ съ февраля двадцатый.

— Курсистка?

— Да.

— И ни вы, ни мать ея ничего доподлинно не знаете? Впрочемъ, что я говорю? Развѣ нынѣшнія дѣти жалѣютъ кого-нибудь!

Въ возгласѣ заслышалась горькая нота.

У Павла Алексѣевича старшія дѣти уже давно отцы семействъ; но вѣроятно и онъ съ младшими не мало натерпѣлся всякихъ бѣдъ.

— Ужасное поколѣніе!—вырвалось у него съ особенной силой. Затвердили одно: «мы служимъ дѣлу!» И прутъ, и губятъ себя не за понюхъ табаку!

— Вѣдь и христіане первыхъ вѣковъ такъ же вели себя? А эти не менѣе фанатично вѣруютъ въ правоту своего ученія.

— Человѣчности нѣтъ!—вскричалъ онъ.—Жалости къ тѣмъ, кто ихъ родилъ, воспиталъ, клалъ на нихъ всю душу свою! И никакого довѣрія. Точно какой несгораемый шкапъ—ихъ нутро. Но съ вами-то эта дѣвица тоже скрытничала?

— Сути никакой не говорила.

— Стало, и ваша «платформа» для нея была недостаточно... какъ бы это сказать... разрывной?

— Выходитъ такъ. Въ ея глазахъ я—только сочувствователь.

Онъ сталъ нервно тереть твой обнаженный черепъ.

— Да, для нихъ нѣтъ никого, кромѣ тѣхъ, кого они величаютъ «товарищи». И развѣ это не величайшая нелѣпость—дѣйствовать на нихъ устрашеніемъ, всѣми этими арестами, ссылками, сидѣньемъ по крѣпостямъ, острогамъ, участкамъ и «предварилкамъ?» Развѣ они чего-нибудь страшатся? Они идутъ на вѣрную смерть съ полнѣйшимъ безстрашіемъ.

— Какъ и первобытные христіане. Тѣхъ разрывали въ циркѣ дикіе звѣри, а они пѣли псалмы.

— Но когда же этому будетъ конецъ?—вскричалъ старецъ.

— Я не знаю, Павелъ Алексѣевичъ!

— Такъ жить нельзя! Нельзя!

V.

Пришло и письмо. Два дня мое безпокойство все росло... Я отвратительно спалъ, разломило грудь, кашель душилъ меня, и въ постели и на ногахъ.

Письмо написано впопыхахъ. Изъ него можно было понять только то, что Маню переводятъ въ «Кресты» и что ея дѣло будетъ въ рукахъ самаго лютаго прокурора.

Я назвалъ эту фамилію Павлу Алексѣевичу.

— Я съ нимъ знакомъ. Я уже бывалъ у него—по такимъ же дѣламъ.

— Что это за господинъ?

— Изъ молодыхъ, да ранній. Великій карьеристъ. Изъ самыхъ непримиримыхъ. Изъ такихъ, у которыхъ особенный есть зубъ противъ крамольниковъ,—выговорилъ Павелъ Алексѣевичъ съ юморомъ.

— Изъ бывшихъ жандармовъ?

— Нѣтъ, изъ спеціальнаго сословнаго заведенія, законникъ. Манеры и тонъ самые лощеные и сладковатые. И вдобавокъ—эстетъ, собиратель картинъ и статуэтокъ въ эротическомъ вкусѣ.

— Ну, разумѣется... эротика въ застѣнкѣ! Это своего рода государственный садизмъ.

— Ха-ха! Пожалуй и такъ.

И, помолчавъ, добрѣйшій старецъ сталъ вслухъ раздумывать.

— Будь я тамъ—я бы къ нему съѣздилъ и вытянулъ хоть то— въ какой степени эта дѣвушка скомпрометирована. А писать—безполезно.

— Я и не прошу, Павелъ Алексѣевичъ.

— Бѣдная мать! Очень убивается?

— Письмо написано впопыхахъ. О себѣ ничего не говоритъ. Но разумѣется ей, при ея нервахъ...

— Она больная?

— То возбуждена донельзя, то въ полной прострацій.

— Женщина—сосудъ скудельный, какъ говорится гдѣ-то въ Писаніи.

Онъ поглядѣлъ на меня своими сердобольными и до сихъ поръ е[illegible] живыми глазами.

— Не сокрушайтесь! Пощадите самого себя! Вонъ какъ васъ въ д[illegible] дня передернуло! Я вашимъ видомъ совсѣмъ недоволенъ, госуд[illegible] мой!

А докторъ—я у него былъ вчера—и еще менѣе доволенъ. Онъ т[illegible]етъ моихъ «crachats» для микроскопическаго анализа.

И что-то онъ сталъ напускать на себя усиленную серьезность.

Мое собственное самочувствіе—конечно не важное, особенно съ полученія депеши, да и раньше у меня было нѣчто вродѣ предчувствія. А сегодня я изъ рукъ вонъ плохъ. И Павелъ Алексѣевичъ сказалъ не зря:

«— Вашимъ видомъ я совсѣмъ недоволенъ, государь мой!»

Нечего дѣлать—послалъ доктору съ нашимъ глупымъ гарсономъ нѣкоторый флаконъ.

И все это—не то! Легкія—легкими, а больны мы всѣ—сколько насъ ни есть, русскихъ—и дома, и за границей—тѣмъ, черезъ что проходитъ наша злосчастная родина.

«Страстотерпица!»—другого нѣтъ слова. И неужели мы всѣ виноваты въ томъ, *что* въ ней творится?

Развѣ *мы,* т.-е. тѣ, кого я считаю настоящими «людьми», были виноваты въ чудовищномъ разгромѣ, который принесла съ собою война?

Мы на нее науськивали, мы натравливали на «макакъ», мы раздували мѣхи квасного патріотизма?

И какъ мы мучились за все время жестокой и постыдной бойни на Дальнемъ Востокѣ, и на сушѣ, и на морѣ!

А тѣ «патріоты» и спеціальная челядь въ расшитыхъ мундирахъ, и нахальные «солдафоны», и огорченные дворяне, и безстыдные дѣльцы и жуиры... какъ они отпраздновали день заключенія мира, когда мы плакали отъ радости?

Я помню этотъ день. Меня онъ захватилъ тоже въ курортѣ.

Утромъ, на углу площадки, гдѣ обыкновенно пьютъ кофе, подъ каштанами, у мѣнялы, на доскѣ розовѣетъ бумажка.

Подхожу и глазамъ своимъ не вѣрю:

«Миръ заключенъ въ Портсмутѣ»!

Цѣлую недѣлю насъ точно поджаривали на медленномъ огнѣ: будетъ миръ—не будетъ, японцы уступаютъ—русскіе упорствуютъ. Все налажено, все кончено, и русскіе укладываются, и взяли уже билеты на пароходъ.

Передъ тѣмъ я, ни съ того, ни съ сего, схватилъ крапивную лихорадку и пролежалъ три дня съ ужаснымъ зудомъ по всему тѣлу.

Чтеніе депешъ поднимало и безъ того высокую температуру. Я сталъ даже бредить.

Поправился только за два дня до депеши о мирѣ—16/29 августа 1905 года.

И что же? Въ тотъ самый вечеръ, въ казино, гдѣ былъ концертъ—я слышалъ разговоръ въ трехъ группахъ высокопоставлен-

ныхъ великосвѣтскихъ компатріотовъ. Двое изъ нихъ были сановники.

Ни одного слова о мирѣ! Болтали о скачкахъ, о какомъ-то князѣ, о томъ, кто проигралъ въ баккара и какъ въ ресторанѣ съ цыганами прекрасно готовятъ «Bitki à la Scobeleff».

Я, сгоряча, написалъ объ этомъ случайную корреспонденцію. Редакція не рѣшилась помѣстить ее, боясь раздражить нѣкоторыхъ «гусей».

«Сферы» проглотили позоръ мира, умнѣе не стали, не пожелали, по доброй волѣ, «переставить валъ» на своей государственно-полицейской шарманкѣ.

Онѣ и теперь могутъ только постыдно торговаться и дѣлать уступки подъ давленіемъ надвигающейся грозы.

И этому недугу не видать конца края! *Вотъ чѣмъ мы всѣ болѣемъ,* вотъ что сведетъ однихъ въ могилу, другихъ—«на нѣтъ», разобьетъ десятки тысячъ жизней, сдѣлаетъ изъ молодежи озлобленныхъ ратниковъ кроваваго возмездія.

Отъ этого недуга можетъ погибнуть и бѣдная, бѣдная Маня!

VI.

Докторъ, послѣ кропотливаго выстукиванья и выслушиванья, состроилъ умышленно-озабоченную физіономію и сказалъ, отчеканивая каждое слово:

— Cher monsieur! Анализъ показалъ нѣчто важное. У васъ есть, кромѣ пфефферовыхъ тѣлъ, и другія бациллы... гораздо болѣе серьезныя.

— Коховскія?—спросилъ я довольно равнодушно.

— Можетъ быть. Между нами, я не совсѣмъ довѣряю тому фармацевту, который производилъ анализъ, хотя онъ и pharmacien de première classe. Если угодно, я пошлю въ лабораторію въ Бордо. Тамъ есть факультетъ.

— Къ чему?

Я махнулъ рукой. Подозрѣнія доктора насчетъ коховскихъ «запятыхъ» рѣшительно не смутили меня.

— Но состояніе вашихъ легкихъ ухудшилось, — продолжалъ докторъ также внушительно. — Въ правомъ, внизу, въ тонкихъ бронхахъ—хрипы, которые мнѣ совсѣмъ не нравятся.

Я сдѣлалъ кисло-сладкую гримасу.

— Что же вы мнѣ предпишете?

— Пока стоитъ такая погода... вы еще могли бы здѣсь оставаться. Тѣ «cachets», которыя я вамъ предписалъ, вы будете при-

нимать не два, а четыре раза въ день, и еще одну «potion», которую я вамъ пропишу сегодня. И потомъ, cher monsieur—цѣлыми днями лежать на солнцѣ и уходить въ комнаты не позднѣе четырехъ. А главное—полнѣйшее спокойствіе духа. Я замѣчаю, что вы сдѣлались гораздо нервнѣе... И пищевареніе у васъ хуже.

И онъ закончилъ сентенціей:

— Repos physique et tranquilité morale absolue.

— Вы сказали—оставаться здѣсь, пока тепло. А потомъ—неужели надо спускаться на югъ?

— Я на этомъ буду настаивать, хотя,—онъ улыбнулся,—согласитесь, cher monsieur, мнѣ было бы пріятнѣе удержать здѣсь такого паціента, какъ вы.

И онъ добавилъ какую-то банальность.

— На Ривьеру?

— Куда же иначе? Или—если болѣе точный анализъ будетъ неблагопріятенъ—на высоты... въ Швейцарію, въ Давосъ, въ С.-Мòрицъ.

— На всю зиму?—почти съ ужасомъ крикнулъ я.

— Конечно.

— Но развѣ это мыслимо?

Я-было хотѣлъ выпалить ему цѣлую тираду и о своемъ «дѣлѣ», и о томъ, что тамъ теперь творится съ самыми близкими мнѣ существами.

Но ничего не сказалъ.

Вѣдь и этотъ франтоватый и рѣчистый докторъ въ пониманіи нашей «подоплеки» недалеко ушелъ отъ того пивовара, который услаждалъ мои досуги... за обѣдомъ.

— Voilà, cher monsieur!

И, подавая мнѣ новый рецептъ, любезно кивнулъ головой и проводилъ меня до дверей своего шикарно-обставленнаго кабинета.

Ѣхать на Ривьеру! Куда? Все въ ту же пресловутую Ниццу, въ этотъ русскій губернскій городъ, полный разнаго противнѣйшаго народа, отъ котораго такъ нравственно страдалъ когда-то русскій сатирикъ? Или въ не менѣе тошную Méнтону, гдѣ только одни грудные въ послѣднемъ градусѣ.

Или зимой—на швейцарскихъ высотахъ—лежать—въ морозные дни—часами, на воздухѣ, окруженный такими же кандидатами въ мертвецкую?

А дума о Россіи, о своей «незадàчѣ», о покачнувшемся, изъ-за тебя, дорогомъ дѣлѣ... будетъ все глодать тебя, не менѣе коховскихъ бациллъ.

Да и что принесетъ съ собою зима? Можетъ быть, такую смуту, о какой никто еще не мечталъ!

Доктору я такъ ничего и не сказалъ и вернулся въ отель въ самомъ жестокомъ градусѣ психической подавленности.

И встрѣчаю въ сѣняхъ Павла Алексѣевича.

— А я васъ ищу! — говоритъ онъ совсѣмъ особеннымъ тономъ.

— А что такое?

Присѣли у входа на диванчикъ.

— Я тоже получилъ депешу.

— Скверную?

— Очень даже... Весь мой планъ заграничнаго отдыха разлетается.

— Дѣло какое... по обществу?

— Нѣтъ... цѣлый рядъ разныхъ гадостей... въ томъ числѣ и фамильныхъ,—договорилъ онъ съ усиліемъ.

— Какъ же быть?

— Надо ѣхать.

— Неужели сейчасъ же?

Я чуть не всплакнулъ.

Старецъ пожалъ плечами.

— Долженъ ѣхать. Дня два-три поживу, да и двинусь.

И, взглянувъ на меня, онъ вспомнилъ, что я долженъ былъ идти сегодня къ доктору.

И сейчасъ же—своимъ заботливымъ тономъ—онъ началъ меня разспрашивать.

Я ничего ему не скрылъ.

— Неужели... бациллы?

У него даже не хватило духа досказать—какія.

— Пущай ихъ!—выговорилъ я, махнувъ рукой.

— Что вы! Что вы! Не станетъ же онъ зря болтать? Ему вѣдь невыгодно лишаться паціента. Если онъ самъ говоритъ, что съ перемѣной погоды надо ѣхать на Ривьеру—упираться грѣшно...

— Петръ Алексѣевичъ,—почти съ плачемъ перебилъ я его,—у меня душа ноетъ... рвется домой. Вы теперь знаете—какая бѣда тамъ стряслась... И обрекать себя—на что? На убійственное прозябаніе въ разныхъ мертвецкихъ. Отсчитывать томительные дни и ночи, разсматривать свои «выдѣленія» и отмѣчать какого они цвѣта—пожелтѣе или позеленѣе? Лучше хоть полгода прожить въ самомъ пеклѣ... чѣмъ идти добровольно на такую пытку...

— Что вы! Что вы!—почти испуганно остановилъ меня старецъ

и даже сталъ махать на меня руками.—Вы—молоды! Васъ одна зима можетъ совсѣмъ возродить. Я знаю примѣры.

Онъ назвалъ имя одного «собрата».

— Туберкулезъ форменный былъ у него и уже второй годъ. Отлежался тамъ... какъ бишь это...

— Въ Давόсѣ?

— Нѣтъ! Другое имя... итальянское. Но тоже въ Швейцаріи... въ тѣхъ же мѣстахъ. И вернулся.

— Будто бы безъ бациллъ?

— Увѣряетъ!

— Павелъ Алексѣевичъ, и я повторю: «пи́ты — вмэ́рты и нэ пи́ты—вмэ́рте». А вотъ съ вами проститься—это обидно!

Тогда ужъ, конечно, лучше спускаться на противную Ривьеру, чѣмъ киснуть въ этой дырѣ.

VII.

И вотъ я опять на этой тошной Ривьерѣ. Не ушелъ я и отъ Ниццы. Виновато въ этомъ мое собственное малодушіе.

Рѣшилъ вѣдь остановиться на итальянской Ривьерѣ, ну, хоть въ такой чахоточной «дырѣ», какъ Ospedaletti, гдѣ есть воздухъ, тишина, сравнительная дешевизна. Да и въ двухъ шагахъ отъ французской границы.

При сильныхъ припадкахъ хандры можно махнуть въ Монте-Карло и даже предаться безумію рулетки, которымъ я не страдалъ никогда.

Такъ вотъ нѣтъ же!... Очутился опять въ Ниццѣ, этомъ банальнѣйшемъ франко-русскомъ губернскомъ городѣ, гдѣ «истинно-русскіе люди» могутъ не только имѣть церковныя службы, но и куличи, и пасхи, и сухіе грибы, и кильки, и гречневую кашу.

А поверхъ всего—сплетни, сплетни, сплетни! И пустоболтанье, и шелопайство, и скрежетъ зубовный, и безсмысленное шлянье, и цѣлая коллекція игроковъ, игрицъ, игрочишекъ и рулетныхъ салопницъ.

Что же заставило меня всетаки взять билетъ только до Ниццы изъ Марсели, а не до итальянской границы, ну, хотя бы до Санъ-Ремо, считающагося чѣмъ-то вродѣ итальянской Ниццы?

Что?

Все то же. Тяга къ *своему*. Боязнь одиночества въ какой-нибудь дырѣ, гдѣ будешь чувствовать еще убійственнѣе всѣ тѣ удары, которые наноситъ всѣмъ намъ, подневольнымъ изгнанникамъ, родина.

«Хоть съ кѣмъ-нибудь душу отвести, съ какимъ-нибудь хорошимъ человѣкомъ!»

Вотъ чѣмъ эта Ницца перетянула.

Послѣ внезапнаго отъѣзда милѣйшаго Павла Алексѣевича и еще одной внушительной консультаціи доктора и при рѣзкой перемѣнѣ погоды, я невыносимо затосковалъ.

А докторъ, разумѣется, далъ мнѣ особую рекомендацію къ своему коллегѣ-спеціалисту, съ присовокупленіемъ цѣлаго «скорбнаго листка» въ незапечатанномъ конвертѣ; но я стѣснился прочесть его. Да и какая радость? Чтобы на врачебномъ жаргонѣ прочесть перспективы своего умиранія въ благословенномъ климатѣ этой пресловутой «Côte d'azur»?

Я не боюсь смерти: говорю это съ глазу на глазъ съ собственнымъ «я». Не хотѣлось бы умереть зря, ничего не додѣлавъ, что было дѣломъ жизни, жаль близкихъ, боишься за ихъ дальнѣйшую судьбу, хочется, минутами до истерики хочется: знать, что же, наконецъ, станетъ съ нашей «страстотерпицей» Россіей?

Но «смертобоязни», въ тѣсномъ смыслѣ, у меня, клянусь, не имѣется, того судорожнаго *цѣплянья* за жизнь во что бы то ни стало, какимъ зашибается большинство грудныхъ, да и вся та братія, которая обсидѣла всевозможные курорты.

На нѣкоторыхъ водахъ и Luftkurort'ахъ васъ тошнитъ отъ зрѣлища этихъ старичишекъ и старушенцій, которымъ давно надо бы уходить. А они все пыжатся, все жадничаютъ, все заставляютъ себя возить въ креслахъ, кряхтятъ и харкаютъ, въ публикѣ, смакуя свое животненное, вчужѣ тошное существованіе.

Развѣ не идеалъ: умереть мгновенно и неожиданно?

Объ этомъ всегда мечталъ такой характеръ, какъ Юлій Цезарь. И тутъ онъ оказался удачникомъ.

Нѣтъ, смерти я не боюсь—для себя. Но желать уйти во что бы то ни стало, да еще безъ страданій—я на это смотрю, какъ на гнусное себялюбіе. Я-то уйду... А что будетъ съ тѣми, кто останется, не можетъ уйти, не можетъ и убѣжать, вотъ хоть бы все на ту же банальнѣйшую Ривьеру?

Каково теперь бѣдной матери, которая ѣздитъ въ «Кресты» по ріемнымъ днямъ и возвращается оттуда, вся разбитая нравственно, ı и сама-то еле волочитъ ноги? Такъ она и разрывается на двѣ повины—дочь и то дѣло, по которому она мнѣ помогаетъ. Если все ıмъ не пошло «черезъ пень-колоду», то благодаря ея ежедневнымъ ıсѣщеніямъ конторы и редакціи.

А Маня нервно заболѣла, въ больницу ее долго не перевозили,

все изъ-за полицейскихъ высшихъ соображеній. Теперь она уже слегла. Состояніе ея очень тяжелое. Начались припадки, вродѣ пляски святого Витта.

Послѣ каждаго допроса и очной ставки ее приносятъ бездыханной.

Мать, вернувшись отъ нея изъ тюрьмы, тоже валяется сутки-другія.

Возлагалъ я недежду на Павла Алексѣевича. Отъ него пришла всего одна «открытка», на другой день по пріѣздѣ, очень тревожная и хмурая, гдѣ значилось, что въ Берлинѣ онъ схватилъ простуду и «ввалился» въ Петербургъ совсѣмъ больной.

И съ тѣхъ поръ—ни письма, ни депеши. Значитъ, онъ лежитъ. Вѣроятно, опять рецидивъ проклятой инфлюэнцы, которая унесла у меня—въ эти два года—столько знакомыхъ, и все людей среднихъ лѣтъ и даже совсѣмъ молодыхъ, а не такого старца!

«Горизонтъ» (какъ пишутъ газетные болтуны) съ тѣхъ поръ омрачился такъ, что за границу изъ центра Россіи уже нельзя ѣхать. А отсюда попадаютъ только «кружнымъ» путемъ—и какимъ? Изъ Штеттина на Финляндію.

Ни желѣзныхъ дорогъ, ни почты, ни телеграфа, ни телефона, ни электричества, часто—ни хлѣба!

А намъ вотъ здѣсь «лафа»! Все есть—ходи по бульвару, грѣйся на солнцѣ, читай сколько хочешь газетъ, ѣзди въ Монте-Карло, играй, угощай кокотокъ, шелопайствуй и бездушествуй, сколько твоя «растакваэрская» душа можетъ вмѣстить.

И такъ скверно дѣлается на этой самой душѣ, если она сохранила въ себѣ что-нибудь человѣческое.

Когда ложишься, сдѣлается такъ гадко, что чуть не разрыдаешься.

VIII.

Хоть чѣмъ-нибудь побаловалъ меня случай.

Вмѣсто милѣйшаго Павла Алексѣевича послалъ мнѣ другого старца—всеобщаго благопріятеля, представляющаго собою «провидѣніе» всѣхъ здѣшнихъ «труждающихся и обремененныхъ», и сытыхъ, скучающихъ баръ, и нашего брата—пришибленнаго судьбой интеллигента.

И больше всѣхъ обремененъ онъ самъ—этотъ Иванъ Егоровичъ, обремененъ превыше всякой мѣры.

Человѣку подъ семьдесятъ, у него всего одно легкое, да и то на половину изгрызъ лихой недугъ; ходитъ весь перекошенный, не можетъ сдѣлать ста саженъ не задыхаясь.

И весь день на ногахъ, ѣздитъ взадъ и впередъ по линіи между Каннами и Монте-Карло, и дальше, за итальянскую границу, за всѣхъ хлопочетъ, пишетъ по двѣ дюжины писемъ въ день, выправляетъ дѣловыя справки, устраиваетъ живыхъ и покойниковъ, разрывается на части разными безтолковыми барыньками, которыя теребятъ его изъ-за всякой пустяковины.

И все это изъ-за своей закоренѣлой гуманности и жалости къ ближнимъ.

Но этихъ «ближнихъ», т.-е. своихъ соотечественниковъ, онъ знаетъ лучше, чѣмъ кто-либо, видитъ ихъ насквозь и возмущается ихъ дрянностью во всѣхъ смыслахъ.

По этой части бесѣда съ нимъ самая богатая фактами и обобщеніями за десятки лѣтъ. Душу свою онъ изливаетъ въ стихахъ и прозѣ и на гроши печатаетъ книжки за границей и подноситъ ихъ безвозмездно.

И я получилъ уже одно изъ его беллетристическихъ произведеній—цѣлую комедію изъ нравовъ здѣшнихъ великосвѣтскихъ русскихъ.

Я еще не прочелъ ея какъ слѣдуетъ, но по двумъ-тремъ сценамъ вижу, какой этотъ человѣколюбецъ безпощадный судья нашего барско-придворно-чиновничьяго *Мóнда*.

Ко мнѣ онъ сразу возымѣлъ особенную нѣжность, сейчасъ же сталъ меня устраивать и тянуть въ Ментону. Ѣздилъ я туда, ходилъ по отелямъ и меблировкамъ, и вернулся съ безповоротнымъ рѣшеніемъ туда не переѣзжать.

Тамъ потише, меньше пыли и вони отъ этихъ возмутительныхъ автомобилей. Но что-то наводящее особенное уныніе. Изъ всѣхъ щелей и норъ пышитъ на васъ зараза; коховскія запятыя и бациллы Пфеффера гнѣздятся въ каждомъ диванѣ, въ коврѣ, въ подушкѣ кровати, въ томъ гравіи, на которомъ стоитъ скамья, куда вы сядете.

Не столько сильнаго зараженія испугался я, а тѣхъ настроеній, которыя тамъ охватятъ васъ еще жесточе, чѣмъ въ увеселительной «губерніи», именуемой Ниццой.

Здѣсь всетаки что-нибудь будетъ развлекать: бульваръ, набереж-н толпа, цѣлыхъ два казино съ порядочной музыкой.

Иванъ Егоровичъ пожурилъ меня за мое «малодушіе», но я ему з лъ вопросъ:

— А сколько лѣтъ вы здѣсь изволите маячить?

— Да больше двадцати.

— И вотъ видите... еще слава тебѣ Господи!

ъ разсмѣялся и выговорилъ съ юморомъ:

— Живъ, живъ Курилка!

Во мнѣ Иванъ Егоровичъ видитъ «литературнаго дѣятеля», какъ онъ выразился съ удареніемъ... и въ нѣкоторомъ родѣ «принципала». Я, грѣшный человѣкъ, подумалъ было, что онъ имѣетъ злостное намѣреніе что-нибудь вручить мнѣ на просмотръ и помѣщеніе. Но, кажется, до этого дѣло не дойдетъ. Онъ умный и даже весьма тонкій старичокъ. Онъ понимаетъ, что теперь не такое время, чтобы печатать обличительныя вещи на заграничныхъ баръ разныхъ мастей.

Все ужъ это—тамъ, позади! О такую ветошь и гниль теперь нечего и рукъ марать. Да и не съ такими пріемами добраго стараго времени.

Въ выборѣ пансіона, гдѣ я теперь пребываю, онъ не участвовалъ. Я самъ его нашелъ, въ одной изъ поперечныхъ улнчекъ, ведущихъ отъ набережной къ вокзалу желѣзной дороги. Сначала я набрелъ на россійское заведеніе, гдѣ можно имѣть и самовары, и щи, и другую стряпню въ отечественномъ вкусѣ. Но тамъ меня сейчасъ же обдало цѣлымъ букетомъ отечественныхъ нравовъ и физіономій.

Если быть послѣдовательнымъ и желать отводить душу съ такими же горюнами, какъ и я, то тутъ я былъ бы въ самой подходящей стихіи.

Но почему-то я смутился. Это можетъ кончиться еще горшимъ.

Къ вамъ будутъ шататься ежеминутно «добрые» сосѣди по коридору, неистово курить, распивать у васъ чай и вести безконечный, нудный разговоръ о русской «смутѣ». А еще горше пришлось бы отъ неизбѣжныхъ споровъ.

Мы вѣдь такъ устроены, что у насъ простого, добродушнаго, а тѣмъ менѣе веселаго разговора быть не можетъ.

И всѣ озлоблены или удручены. А черезъ недѣлю пачнутъ непремѣнно коситься другъ на друга, обсуждать за глаза вашу «платформу», потомъ и подозрѣвать.

Иначе, по теперешнему времени, и быть не можетъ.

Вотъ почему я не прельстился приманкой самоваровъ и лѣнивыхъ щей и выбралъ пансіончикъ средней руки въ той же мѣстности.

Хозяйка, торгуясь со мной, заявила мнѣ, не безъ гордости, что у ней жилъ, десять лѣтъ назадъ, для поправленія здоровья: «Un célèbre écrivain russe».

И при этомъ такъ произнесла его фамилію, что я весьма усомнился въ томъ: значится ли такой писатель въ лѣтописяхъ русской литературы.

Комната у меня на солнцѣ; но кухней, два раза въ день, попахиваетъ.

IX.

Ну, и попался же я!

Нашъ пансіонъ—что твой Ноевъ ковчегъ: всякихъ звѣрей—чистыхъ по парѣ и нечистыхъ по семи, не такъ, какъ въ книгѣ Бытія.

И сама мадамъ тоже экземпляръ, вродѣ той хозяйки пансіона Воклеръ, которую обезсмертилъ Бальзакъ въ своемъ романѣ «Le père Goriot».

Что ни слово скажетъ, то увертка, или безстыдная ложь, или пустыя обѣщанія. Ничего-то она вамъ не сдѣлаетъ, о чемъ вы просите... Все въ этомъ ковчегѣ только снаружи прилично, но ветхо, пыльно, не ремонтировано годами. Кажется, изъ каждаго дивана и коврика бациллы такъ и ползутъ, такъ и ползутъ.

И этакихъ «мадамъ» во Франціи, въ Парижѣ, на Ривьерѣ видимо-невидимо. Это настоящія закоренѣлыя буржуйки. Она накопитъ двадцать-тридцать тысячъ франковъ и купитъ себѣ «un fond de commerce», лавку или отельчикъ и живетъ на него, скаредно для себя и для своихъ постояльцевъ. Еще въ ѣдѣ она скорѣе будетъ потароватѣе, потому что это своего рода реклама; но гигіена, чистота—самыя необходимыя вещи для кліентовъ, которые пріѣзжаютъ сюда, какъ больные—что называется: «ничѣмъ-ничего!»

И чуть вы видомъ поплоше, такъ что въ васъ можно заподозрить болѣе серьезнаго «грудного», съ вами начнутъ обращаться, точно будто дѣлаютъ вамъ благодѣяніе, что держатъ васъ, и благодѣтельствуютъ за тѣ 9 или 10 франковъ, которые вы платите въ сутки.

Да и то сказать! Все это культурное человѣчество, что наполняетъ собою всякій курортъ—до чего оно противно въ своей жизнебоязни! Цѣпляется за жизнь и на всѣхъ смотритъ, какъ на чумныхъ, кто лишній разъ кашлянетъ.

Вѣдь и въ нѣмецкихъ курортахъ скрываютъ, какъ глубокую тайну, каждаго покойника изъ «кургостей», никогда не похоронятъ его днемъ, а всегда поздней ночью. Мой сосѣдъ умеръ, дверь объ дверь, унесенный воспаленіемъ легкихъ, и я бы ни за что не догадался, что рядомъ со мной покойникъ, еслибъ черезъ стѣну не донеслись рыданія его жены.

И унесли его во второмъ часу ночи, точно какую-то воровскую контрабанду.

Да и какъ же иначе? Умеръ человѣкъ оттого, что проѣхался по Рейну въ свѣжую погоду, а водяная публика сейчасъ ударится въ панику: «что если это какая-нибудь эпидемія?»

Вотъ и нашъ ковчегъ полонъ такихъ ходячихъ руинъ обоего

пола, которымъ нежелательно уходить изъ жизни, потому что есть у нихъ пенсія или рента.

Изъ нихъ едва ли не самые тошные и раздражающіе—русскіе.

Какъ горько я смѣюсь надъ собою, надъ своей «тягой» на родину. Вотъ она родина—мои сожители по отелю!

Не перезнакомиться нельзя.

Чего стоитъ хоть такой экземпляръ, какъ старушенція, живущая противъ меня, въ одномъ корридорѣ, генеральша, съ своимъ разслабленнымъ и совсѣмъ выжившимъ изъ ума супругомъ?

Она съ голодухи накинулась на меня, разумѣется, не зная, что я изъ себя представляю, какая у меня платформа. А то бы, пожалуй, стала открещиваться и пугать и хозяйку, и ея остальныхъ постояльцевъ, что та держитъ «sous son toît» такого крамольника, а то и просто-напросто хулигана.

Про эту генеральшу меня предупредилъ Иванъ Егоровичъ, навѣстивъ меня на другой же день послѣ водворенія въ нашемъ бальзаковскомъ пансіонѣ.

— Колотовка... самаго черносотеннаго сорта,—сказалъ онъ мнѣ шепотомъ, когда провожалъ меня до нижней площадки. Она сходила въ это время по лѣстницѣ.

Въ Петербургѣ, въ томъ кругу, гдѣ исключительно вращаешься, нѣтъ даже случая видѣть и слышать такихъ «колотовокъ».

Въ первый же нашъ разговоръ она меня на весь табльд'отъ огорошила вопросомъ:

— И вы, небось, бѣжали изъ имѣнья?

Я ей объяснилъ, что никакого имѣнья у меня нѣтъ и что я «изъ разночинцевъ».

Она сдѣлала выразительную гримасу и не унялась.

— Мы всѣ, дворяне, нищіе! Въ нашемъ уѣздѣ тринадцать усадебъ разорены и выжжены и три завода. А? Недурно? Красиво? Какъ вы находите?

Я усиленно молчалъ.

— Мой мужъ,—она указала на мумію, сидѣвшую около нея,—чуть не умеръ. Мы во-время уѣхали, но все равно разгромлены. И на что теперь подняться? Кому жаловаться? Съ кого получить? Неужели казна попуститъ такіе вопіющіе грабежи? Ну, карательные отряды отправляютъ... порютъ мужиковъ и бабъ!—воскликнула она съ какимъ-то захлебываньемъ,—жгутъ ихъ избы и амбары! Но развѣ намъ отъ этого легче? Подайте намъ вознагражденіе! Что же намъ «съ ручкой», что ли, идти, какъ у насъ говорятъ на деревнѣ? Земля давно заложена. И дополнительный заемъ сдѣланъ. Платить процен-

ты—нечего и мечтать. Но подайте мнѣ за погромъ!—крикнула она такъ, что всѣ оглянулись.

Супругъ въ эту минуту дожевывалъ кусокъ и остановилъ на ней свои оловянные глаза паралитика.

— Выдумали эту *force majeure!* Ни одно страховое общество вамъ полушки не заплатитъ... Ни за усадьбы, ни за городскіе дома, если ихъ подожгутъ дружинники. Какое же это правительство? А они пять свободъ оповѣстили! Они и вызвали всю эту чудовищную кутерьму!

— Вы, стало быть, сударыня, выступаете противъ власти предержащей?—спросилъ я ее съ усмѣшкой.

— Предержащей! Кто? Этотъ выскочка, который позируетъ въ роли спасителя Россіи? Продалъ насъ японцамъ, продастъ теперь заграничнымъ жидамъ!

— Что же надо по-вашему?

— Что? Висѣлицу въ каждомъ селѣ. И капиталъ ассигновать въ сто милліоновъ для спасенія всѣхъ насъ, дворянъ, перваго въ имперіи сословія, отъ позорнаго и незаслуженнаго нищенства. Вотъ что-съ!

— Средство радикальное,—согласился я.

Иностранцы, сидѣвшіе за столомъ, всѣ даже примолкли отъ раскатовъ гнѣвныхъ рѣчей генеральши.

X.

Взялъ на poste restante два заказныхъ письма и пошелъ читать ихъ на Promenade, хотя и не долюбливаю ея, особенно въ утренніе часы, когда вся праздноболтающая «растакуэрская» публика заливаетъ ее.

Распечаталъ оба письма на одномъ изъ тѣхъ дивановъ, что стоятъ вдоль улицы, а не у рампы набережной.

Одно было отъ Павла Алексѣевича, другое отъ Анны Васильевны.

Я прочелъ ихъ въ такомъ именно порядкѣ.

«Добрѣйшій *конфрèръ!*

(Такъ онъ меня шутливо называетъ въ письмахъ.)

«Съ истиннымъ душевнымъ сокрушеніемъ долженъ вамъ сказать, что мои личныя хлопоты насчетъ бѣдной дѣвушки, такъ близкій вашему сердцу, уперлись въ чиновничью глыбу, которую представляетъ собою тотъ «прокураторъ», вершитель, въ настоящій моментъ, ея судьбы.

«Это, какъ говорится, «изъ молодыхъ, да ранній», карьеристъ съ наружностью вицмундирнаго Торквемады, ведетъ себя, какъ нѣкій сфинксъ, и мнѣ не удалось вытянуть отъ него ничего опредѣленнаго и, еще менѣе, подающаго какую-нибудь надежду на то, что ее скоро выпустятъ.

«Вы, конечно, знаете, въ какомъ она положеніи... лежитъ теперь въ тюремномъ лазаретѣ. Это не вызоветъ къ ней жалости въ такихъ герояхъ застѣнка.

«Ужасное мы переживаемъ время, дорогой собратъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ безразсвѣтнѣе.

«Давно ли я, вернувшись спѣшно въ Петербургъ, попалъ, въ тотъ же день, па вечеръ къ одной молодой, интеллигентной четѣ? Жена именинница 17 сентября, въ день четырехъ евангельскихъ добродѣтелей. Они съ мужемъ рѣшили, съ друзьями и близкими знакомыми, собираться у нихъ каждое 17 число. И могли ли они предвидѣть, что только черезъ мѣсяцъ будутъ торжественно возвѣщены тѣ свободы, по которымъ тосковало наше злосчастное отечество со временъ Радищева, приговореннаго къ плахѣ за такую книжку, какъ его «Путешествіе»? Въ этотъ вечеръ весь Петербургъ горѣлъ въ лихорадочно-страстномъ ожиданіи манифеста. Выйдетъ—не выйдетъ! Пароксизмъ дошелъ до послѣдняго градуса. Мы сидѣли еще въ гостиной, передъ переходомъ въ столовую... Звонокъ... Вбѣгаетъ одинъ юнецъ съ листкомъ бумаги, на которомъ набросаны карандашемъ пункты свободъ и возбужденно увѣряетъ, что манифестъ печатается въ казенной типографіи и долженъ выйти ночью. Всѣ кинулись на этотъ клочокъ бумаги; одни шумно радовались, другіе скептически качали головой. Второй звонокъ... Молодой доцентъ университета вбѣгаетъ въ гостиную съ двумя экземплярами печатнаго манифеста. Его заставили два-три раза прочесть его. И тогда всѣ стали обниматься, плакали отъ радости, даже и мужчины. И за ужиномъ пошли безконечные здравицы, спичи, возгласы!

«Давно ли это было? И какими ужасами омрачилась всенародная радость! На другой же день! Эти звѣрства въ Москвѣ? Травля студентовъ, западни и каннибальскія звѣрства черныхъ сотенъ, съ ихъ хоругвями и пѣніемъ: «Спаси, Господи, люди Твоя»?

«Что это доказываетъ, дорогой собратъ? Развѣ не то, что мы обречены на нескончаемую смуту, что темная и полутемная массы такъ же культурны, какъ во времена стрѣлецкихъ бунтовъ и холерныхъ избіеній докторовъ? Отчаяніе беретъ—холодное, замораживающее внутри все, до самаго послѣдняго фибра, который способенъ былъ бы дать вамъ какой-нибудь просвѣтъ.

«Мы здѣсь живемъ sur le qui vive. А въ Москвѣ, слышно, на-дняхъ будетъ революціонный взрывъ. Но что онъ дастъ?

«Обнимаю васъ. Берегите себя. Вы нужны многимъ».

Я сидѣлъ съ почтовымъ листкомъ большого формата на колѣняхъ, совсѣмъ пришибленный, съ такой внезапной душевной горечью, которая сказывается у меня чувствомъ желчи на языкѣ.

А надо было раскрывать и второе письмо, и читать его.

И въ перепискѣ мы, до сихъ поръ, на *вы*. Такъ у насъ повелось. Можетъ быть, оно и лучше, когда вамъ пишутъ однѣ горькія вещи. Тонъ на *ты* только усиливаетъ тяжкое настроеніе обоихъ.

«Бѣдная, бѣдная Маня! Она, кажется, найдетъ могилу въ этой проклятой тюрьмѣ. Ея нервное разстройство не поддается лѣченію. Да и возможно ли ей поправиться въ такой убійственной обстановкѣ?

«Ангельски-добрый старецъ Павелъ Алексѣевичъ былъ два раза у прокурора. Но развѣ можно чего-нибудь добиться съ этимъ Торквемадой въ форменной тужуркѣ съ наплечными знаками! Въ послѣдній разъ онъ мнѣ съ ехидной усмѣшкой сказалъ:

— Ваша дочь все хочетъ насъ перехитрить. Напрасно! Мы не такъ глупы, чтобы поддаваться на ея гримасы и увертки.

«И они, эти высокополированные законники, продолжаютъ мучить и допросами, и очными ставками, какъ только ей хоть чуточку полегче. Я стыжу доктора, пишу ему отчаянныя письма. Но онъ долженъ смиряться передъ этой машиной, которая только и умѣетъ, что давить, душить, заживо хоронить, доводить сотни людей до добровольной голодовки и ужасныхъ самоубійствъ, вродѣ обливанія себя керосиномъ и самосожженія.

«Простите, дорогой другъ, за то, что такъ васъ разстраиваю. И сквозь невыносимое личное горе переживаешь и все то общее злосчастье, которое въ видѣ цинической насмѣшки, все только растетъ послѣ возвѣщенія свободъ!... Просто задыхаешься отъ безсильной ярости».

А на послѣдней страницѣ были дѣловыя сообщенія. И она находитъ еще силы заниматься моими дѣлами. Только у женщинъ есть такая выдержка!

Не знаю—сколько я сидѣлъ въ полной прострацiи послѣ прочтенія второго письма. Точно у меня подбили ноги въ колѣняхъ. И я, какъ разслабленный, побрелъ по набережной, все еще полной расфранченнаго, жизнелюбиваго международнаго люда.

XI.

Вижу, на одной изъ скамеекъ, по лѣвой сторонѣ,—и сгорбленная фигура моего Ивана Егоровича, въ свѣтломъ пальто и даже соломенной шляпѣ; сидитъ спиной ко мнѣ и лицомъ къ какому-то господину, съ внушительной физіономіей, во всемъ сѣромъ, вплоть до шляпы.

Такія физіономіи бываютъ у породистыхъ швейцаровъ въ министерскихъ сѣняхъ и въ клубахъ.

Я зачуялъ точасъ же соотечественника изъ какихъ-нибудь «сферъ».

Подхожу и здороваюсь съ Иваномъ Егоровичемъ.

Тотъ прищурился на меня съ кислой усмѣшкой, подавая мнѣ руку.

Сразу не сказалъ «садитесь»; а мѣста и на троихъ довольно.

Я самъ спросилъ:

— Можно присѣсть?

— Пожалуйста.

Иванъ Егоровичъ пододвинулся къ тому господину, но началъ какъ будто «ежиться».

Немножко «нарочно» я это сдѣлалъ. Если, молъ, ты и «особа», то мнѣ это, въ высокой степени, наплевать.

Особа, вблизи, еще болѣе была похожа на важнаго швейцара— лѣтъ неопредѣленныхъ, вродѣ какъ около пятидесяти, щеки гладко выбриты и бородка ожерельемъ, по-американски, съ подбритой верхней губой.

Мнѣ вспомнилось, что я видалъ эту физіономію на Невскомъ или въ театрахъ.

Иванъ Егоровичъ насъ не нашелъ нужнымъ перезнакомить.

Между ними продолжался разговоръ.

Господинъ съ американской пробривкой верхней губы какъ-то фыркнулъ крупнымъ, ноздрявымъ носомъ.

— И вотъ отвѣтъ на великія вольности, дарованныя по великодушію чувствъ... Вотъ награда!

— Точно ли по доброй волѣ?—мягко возразилъ Иванъ Егоровичъ.

— А то какъ же-съ? Кто же лишалъ верховную власть ея священныхъ прерогативъ?

— Былъ напоръ событій. Вы забываете итоги японской войны?

— Ничего я не забываю,—осадилъ швейцаровидный господинъ.—Я спрашиваю васъ: дарованы были всѣ эти такъ называемыя свободы, да или нѣтъ?

Онъ приподнялъ свой ноздрявый носъ, на которомъ торчало золотое pince-nez.

И такъ онъ мнѣ сдѣлался противенъ въ эту минуту, что я, подавшись впередъ черезъ Ивана Егоровича, сказалъ не прямо въ лицо этого господина, а какъ бы въ пространство:

— Свободы 17 октября вырваны у власти, а не дарованы, какъ милость, не брошены, какъ подачка!

Надо было видѣть игру его губъ и глазъ, на которые онъ полуопустилъ жирноватыя, пожелтѣлыя вѣки.

Мина значила: какъ, молъ, ты вмѣшиваешься въ разговоръ? И кто ты такой, мой милый?

Бѣдный Иванъ Егоровичъ, призваніе котораго все смазывать и все примирять, немножко покраснѣлъ и, указывая на меня рукой, проговорилъ мою фамилію.

Я приподнялъ край шляпы. То же сдѣлалъ и тотъ господинъ.

— Такъ вы изволите полагать,—отозвался онъ, вбокъ оглядывая меня,—что эти милости даны подъ давленіемъ необходимости, что власть испугалась?

— Испугалась, не испугалась, назовите какъ хотите, но безъ всеобщей забастовки не было бы нѣкоторой бумажки, появившейся 17 октября.

— Бумажки! Вамъ такъ угодно называть актъ, исходящій изъ такого источника?

Глазки Ивана Егоровича забѣгали. Онъ сталъ бояться, какъ бы не вышло исторіи. Онъ даже украдкой взглянулъ на меня, какъ бы желая меня вразумить.

Но у меня внутри уже «заклокотало». Я самъ боюсь того нервнаго «рефлекса», когда у васъ сожмется сердце и зазвенитъ въ ушахъ. Тутъ надо строго слѣдить за собою, чтобы не произошло какого-нибудь нежелательнаго взрыва.

— Дѣло не въ словахъ,—сказалъ я.—Но отрицать эффектъ, произведенный политической забастовкой, можно только тѣмъ, кто, по-евангельски выражаясь, имѣетъ глаза и не видитъ.

И, не давая тому господину возможности перебить меня, я продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Вотъ, Иванъ Егоровичъ, на западѣ, у соціалъ-демократовъ было установлено вродѣ какъ аксіома, что забастовки чисто *политическаго* характера—ни къ чему не ведутъ. Такого мнѣнія были и столпы партіи. А матушка *Рассея*,—нарочно подчеркнулъ я,—утерла теперь носъ всѣмъ этимъ столпамъ. И западъ это начинаетъ раскусывать.

— И мы сдѣлаемся образцовыми руководителями всѣхъ иностранцевъ-крамольниковъ? Завидная доля!

Выпустивъ эту тираду, тотъ господинъ весь какъ-то обдернулся, сбросилъ pince-nez съ носа и сталъ медленно подниматься на ноги.

Вставъ, онъ еще разъ вбокъ оглянулъ меня съ уничтожающей усмѣшкой своихъ брезгливо - сложенныхъ губъ и сказалъ Ивану Егоровичу, протягивая ему руку:

— Надѣюсь на васъ, мой милый. Пожалуйста, уладьте вы всю эту путаницу. Вы знаете, для дамъ законы не существуютъ, никакіе—ни россійскіе, ни заграничные.

Онъ приподнялъ бортъ сѣрой шляпы, дѣлая какъ бы общій поклонъ, и пошелъ по асфальту, покачиваясь слегка на своихъ крутыхъ бедрахъ.

На немъ были желтые башмаки и онъ развернулъ шелковый свѣтло-сѣрый зонтикъ.

Я невольно слѣдилъ за нимъ взглядомъ нѣсколько секундъ.

Иванъ Егоровичъ тоже поглядѣлъ ему вслѣдъ и не сразу повернулся ко мнѣ.

— Кто это?—спросилъ я.—Особа?

— И какая!

На ухо онъ мнѣ назвалъ фамилію и званіе.

— Вы и съ такими водитесь?

— Что дѣлать!

— И накапливаете въ себѣ цѣлые сосуды ѳцта противъ такихъ экземпляровъ?

— Эхъ!

Онъ тряхнулъ рукой очень выразительно.

XII.

— Ахъ, дорогой мой,—заговорилъ Иванъ Егоровичъ вполголоса и оглянувшись вправо и влѣво. Вамъ надо за собой слѣдить. Развѣ вы сразу не могли распознать, что это за гусь?

— Какое мнѣ дѣло!

— Это слишкомъ юно. Да и не практично. Вы хоть и не беллетристъ по вашей спеціальности, но вы хозяинъ органа печати, вы должны наблюдать. А чтобы хорошо наблюдать, надо давать всѣмъ такимъ господамъ высказываться. Не возражай вы ему, возьми вы другой тонъ, вы бы услыхали цѣлую, какъ нынче говорятъ, «платформу» такихъ вотъ сановниковъ.

— Ихъ пѣсенка спѣта!

— Ахъ, не говорите этого! Они еще очень сильны. Будь иначе,

не было бы у насъ такого затяжного недуга: одинъ шагъ впередъ, два назадъ.

Наклонившись къ моему уху, онъ продолжалъ:

— Вотъ онъ сейчасъ сообщилъ мнѣ о депешѣ, полученной имъ. Въ Москвѣ не сегодня-завтра возстаніе.

— Да?

Кровь ударила мнѣ въ щеки.

— И я въ успѣхъ его не вѣрю.

Я не сталъ возражать.

— Не вѣрю. Это не то, что всеобщая забастовка. Тамъ былъ общій напоръ. Да и то она въ другой разъ врядъ ли удастся. Врядъ ли,—повторилъ онъ печально и замедленно.

И на это я не сталъ возражать. Во мнѣ также нѣтъ вѣры въ то, что можно сразу поднять всю страну тѣмъ, что въ Москвѣ произведутъ «эсъ-эры» или «эсъ-дэки».

— Все это иллюзіи! Миражъ! Молодая кровь бушуетъ. Одинъ, два факта—и сейчасъ же увѣруютъ въ то, что побѣда должна быть на ихъ сторонѣ. Навѣрно, они тамъ разсчитываютъ на солдатъ...

— Конечно.

— А солдатчина ихъ же и расказнитъ—помяните мое слово... Мы не въ Испаніи. У насъ еще нѣтъ игры въ pronunciamiento.

— Отвѣчать за будущее нельзя.

— Но пока этого нѣтъ. Ну, настроютъ баррикадъ... можетъ, захватятъ думу, казначейство, почтамтъ, генералъ-губернаторскій домъ. Но всетаки ихъ доѣдутъ пулеметами и пушками... Ахъ, ахъ, ахъ!...

Онъ заохалъ и закашлялся—очень сильно и томительно.

Его предсказаніе и во мнѣ нашло откликъ.

Я сидѣлъ молча, съ опущенной головой.

Набережная начала пустѣть.

Только было мы собрались тронуться, какъ къ Ивану Егоровичу прямо подлетѣлъ брюнетикъ, бритый, безъ усовъ, весь въ бѣломъ, вплоть до бѣлыхъ башмаковъ.

Вертляво и картаво бросилъ онъ ему нѣсколько слишкомъ любезныхъ фразъ, пожелалъ ему «добраго здоровья», вернулся, что-то сообщилъ ему, по порученію какой-то дамы и, поклонившись и мнѣ, исчезъ какъ-то необыкновенно быстро, точно провалился въ балетный трапъ.

— Кто онъ?—спросилъ я.

— Милостивый государь!—произнесъ Иванъ Егоровичъ съ юморомъ.—Мой совѣтъ—остерегаться.

— Его?

— Да.

— А онъ развѣ изъ охраны?

— Кто ихъ знаетъ!.. Но вотъ для такихъ сановниковъ, какъ тотъ гусь, съ которымъ вы вступили въ пренія, и для другихъ, еще выше поставленныхъ особъ—теперь вездѣ, въ бойкихъ мѣстахъ, содержатся особые охранители, и попроще, и помахровѣе... вродѣ вотъ этого растакуэра.

— То, что нынче называютъ «гороховыя пальто?»

— Вы видите, онъ весь въ бѣломъ. Тѣ «польты»,—выговорилъ онъ по-московски,—дѣлаютъ имъ по подряду; а этотъ одѣвается по послѣднему журналу, на собственный коштъ.

— Но онъ кто же званіемъ?

— Кажется, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, съ университетскимъ образованіемъ. Фамилія—на скій, неизвѣстно какого происхожденія... не то нѣмецъ, не то изъ западныхъ губерній... Знаете, такія фамиліи встрѣчаются у героевъ дамскихъ повѣстей.

Иванъ Егоровичъ усмѣхнулся, и такъ мило. Хотѣлось обнять его. Даже и про такого «шпитцеля» онъ способенъ говорить незлобиво.

— И много этой нечисти?

— Водится.

— И какъ же ихъ не обличаютъ?

— Какимъ путемъ?

— Печатать ихъ имена и фамиліи, съ обозначеніемъ адресовъ!

— Здѣсь некому этимъ заняться. Въ Швейцаріи, въ эмигрантской прессѣ принимались это дѣлать, да, кажется, безъ особаго успѣха. Въ Парижѣ, въ послѣдніе два года, развилось этихъ господъ—видимо-невидимо.

Наклонившись опять къ моему плечу, онъ продолжалъ:

— Вы, дружище, всетаки бы поосторожнѣе. Въ вашемъ этомъ пансіонишкѣ всякій народъ можетъ быть. Да первая ваша генеральша? Теперь они такъ всѣ обнищали, что изъ-за гонорара и такія превосходительныя барыни очутятся на тайномъ иждивеніи всевидящаго ока.

Мы побрели до садика и тамъ простились.

Я разсказалъ ему про письма, полученныя изъ Петербурга.

Онъ слушалъ съ полузакрытыми глазами, и лицо его, и безъ того издерганное хроническимъ недугомъ, выражало неподдѣльную печаль.

— А вѣдь я этого Павла Алексѣевича знаю. Встрѣтились съ нимъ гдѣ-то въ Швейцаріи. Онъ, поди, постарше меня?

— А вамъ который?

— Чего же спрашивать? По состоянію моихъ легкихъ меня давнымъ-давно слѣдовало бы свезти вонъ туда,—онъ показалъ по направленію къ *Rue de France*. А я все еще скриплю. И, между нами, не хочется умереть... преждевременно,—прибавилъ онъ и тихо засмѣялся.—Хотѣлось бы видѣть, чѣмъ этотъ россійскій кавардакъ разрѣшится.

— И Павлу Алексѣевичу того же хочется,—сообщилъ я ему.

— Будетъ хотѣться и ему, и мнѣ до той минуты, когда ужасы и звѣрства все охватятъ, и тогда чѣмъ скорѣе придетъ конецъ, тѣмъ сильнѣе возблагодаримъ всеблагое Провидѣніе.

И его смѣхъ, прерываемый кашлемъ, доносился до меня сзади, когда я пересѣкалъ садъ.

XIII.

Все спало въ нашемъ Ноевомъ ковчегѣ.

Только гдѣ-то, подо мною, ставень хлопалъ отъ «мистраля», ритмически и надоѣдливо.

Но я не могъ заснуть. Гдѣ-то, на башнѣ, било три; а я вернулся домой въ первомъ часу ночи—прямо изъ оперы.

Какъ я туда попалъ?

Вѣдь мой здѣшній консультантъ, изъ соотечественниковъ, толковый и очень мягкій врачъ, «рекомендовалъ» съ заходомъ солнца быть дома; а вечеромъ не выходить безъ крайней надобности; да и то если нѣтъ вѣтра западнаго или сѣвернаго, такъ называемаго «мистраля».

А вчера, какъ разъ, дулъ этотъ самый «мистраль».

И заграничная хандроватость, которая схватываетъ совершенно такъ, какъ пароксизмъ зубной боли—мучитъ васъ.

Вчера вижу на столбѣ для афишъ:

«Mignon».

И сейчасъ пошла работать психическая ассоціація идей и образовъ.

Я никогда не видалъ этой вещи на сценѣ. Но любилъ всегда у ертюру и пѣснь Миньоны.

А потомъ и все, что осталось въ памяти изъ гётевскаго романа: с мъ Вильгельмъ Мейстеръ, и таинственный пѣвецъ Лотаріо, и жиз радостная Филина, и ея товарищъ актеръ Лаэртъ.

Такія вещи должны «замолаживать».

И вотъ я въ блестяще освѣщенной оперной залѣ. Около года я н ывалъ въ оперѣ, и вообще въ театрѣ.

Въ первыя минуты до начала спектакля на меня напало какое-то праздничное возбужденіе... что-то даже дѣтское, давно небывалое.

Кругомъ въ креслахъ все нарядный женскій полъ, мужчины въ смокингахъ; въ ложахъ дамы съ оголенными шеями, въ бриліантахъ. Позади нихъ бѣлые галстуки мужчинъ.

И всѣ охорашиваются, машутъ вѣерами, оглядываютъ залу. И всѣмъ весело, или они дѣлаютъ видъ, что наслаждаются жизнью.

Но мое возбужденіе длилось не дольше нѣсколькихъ минутъ.

Весь первый актъ я не хотѣлъ себя ничѣмъ отвлекать отъ сцены и ушелъ-было въ то, что опера напоминала мнѣ изъ первыхъ главъ «Вильгельма Мейстера».

Миньона пропѣла свою пѣсню. Пѣвица была въ ударѣ, нашла искреннія ноты, забыла, что она француженка, а не итальянская дѣвочка, попавшая на воспитаніе въ цыганскій таборъ.

Съ этими впечатлѣніями сидѣлъ я въ залѣ и не пошелъ въ фойе. Антракты у французовъ всегда непомѣрно длинные, еще длиннѣе, чѣмъ бываютъ у насъ.

Вдругъ мною овладѣла грусть—неотвязчивая, ползучая и начала все взбудораживать съ самаго дна души... мое жалкое физическое состояніе, какое-то небывалое предчувствіе скораго конца, хотя бы и на этомъ прославленномъ «лазурномъ прибрежьѣ».

И все это на фонѣ другого чувства: боли и тревоги, и обиды, все за нее—за «страстотерпицу», за нашу злосчастную родину.

Почти съ ненавистью оглядывалъ я ряды ложъ со всѣми этими оголенными франтихами, въ громадныхъ шляпахъ или съ безобразно-взбитыми прическами, въ бриліантахъ, цвѣтахъ и кружевахъ, на весь этотъ мондъ, состоящій сплошь изъ сытыхъ жуировъ, изъ того цинически-самодовольнаго братства хищниковъ и чувственниковъ, которымъ не за кого болѣть, не о комъ плакать.

Оба полушарія къ ихъ услугамъ. Они вездѣ цари, потому что могутъ «прожигать» жизнь, ничего не дѣлая или выколачивая доллары, фунты и франки изъ тѣхъ, кто потѣетъ и кряхтитъ.

А если они и «патріоты», то ихъ отечества, сколько ихъ тамъ ни есть, въ Европѣ, Америкѣ или Австраліи, находятся въ вожделѣнномъ здоровьи и спокойствіи, ничто имъ не угрожаетъ, ни снаружи, ни изнутри—ѣшь, пей и веселись, отрѣзывай купоны, бери призы на скачкахъ, проигрывай куши въ рулетку, дави народъ на тысячныхъ автомобиляхъ.

Французы давнымъ-давно забыли, что ихъ родина была на волоскѣ отъ полной гибели. Они, небось, пережили позоръ Франкфуртскаго мира, ужасы и звѣрства парижской коммуны? Точно ничего та-

кого съ ними не бывало! И всего какихъ-нибудь тридцать пять лѣтъ назадъ! Откупились отъ нѣмцевъ, выплатили имъ пять милліардовъ, точно выпили стаканъ воды, совершенно такъ же легко, какъ въ теченіе тридцати же лѣтъ вырвали у себя всѣ виноградныя лозы, подточенныя *филоксерой*, что имъ стоило опять не одинъ милліардъ.

Разстрѣляли безъ суда и сослали на каторгу и на поселеніе тысячи гражданъ, потомъ помиловали и зажили еще привольнѣе, копиликопили и кончили тѣмъ, что всадили въ нашу нищенскую и злосчастную страну четырнадцать новыхъ милліардовъ.

А теперь: «buvons, mangeons, dansons, cultivons la petite bagatelle!»

Кокотка, игра и рента, вотъ три божества того большинства, которое, до сихъ поръ, правитъ яко бы республикой съ девизомъ: «liberté, egalité, fraternité».

Я еле-еле досидѣлъ до конца спектакля, не потому, что исполненіе было плохо, но меня душило; я не могъ ни слушать, ни глядѣть такъ, чтобы хоть сколько-нибудь уходить въ то, что дѣлается, говорится и поется на сценѣ.

И въ постели я лежалъ, охваченный новымъ приступомъ тоски и горечи.

Все, что еще грозитъ нашей «страстотерпицѣ», обступило меня. Вотъ теперь тамъ, въ Москвѣ, на Прѣснѣ, только что смолкла канонада и трескъ пулеметовъ; а завтра, чѣмъ свѣтъ, опять начнется. Рушатся дома, зарево не сходитъ съ неба.

Молодежь—юноши, студенты, рабочіе, гимназисты, курсистки—охваченные отчаяннымъ мужествомъ, падаютъ на баррикадахъ и въ пылающихъ домахъ.

А я тутъ на «лазурномъ прибрежьѣ», вожусь съ своимъ грѣшнымъ тѣломъ, чего-то выжидаю, на что-то малодушно надѣюсь?

Вся подлость моего «прекраснаго далека» предстала передо мною, я горько заплакалъ и сталъ метаться въ постели.

XIV.

Докторъ пожурилъ меня за мои «Strapazzen», какъ онъ выразился характернымъ нѣмецкимъ словомъ.

Мистраль и ночь въ театрѣ и послѣ него дали себя знать.

— Не легкими я боленъ, а всей своей подоплекой!—говорю ему.

Онъ улыбнулся.

— Знаю и вижу. Но какъ же быть, голубчикъ? Одно изъ двухъ: желаете вы почннить себя у насъ или нѣтъ?

— Не знаю, докторъ.

— Какъ же вы поѣдете теперь, въ декабрѣ? Я уже не говорю о томъ, въ какую передѣлку можете вы попасть. Подавятъ московское возстаніе... что тогда будетъ? Диктатура, разстрѣлы, висѣлицы?

— Двухъ смертей не бывать!

— Но вѣдь у васъ есть хорошее дѣло на рукахъ? Вы хотите жить не для себя, а для другихъ. А для этого нужно хоть minimum здоровья. Вы схватите, по дорогѣ, хорошенькій рецидивчикъ плеврита и сляжете въ Питерѣ. Вы этого желаете?

Какъ врачъ, онъ былъ тысячу разъ правъ; но мнѣ хотѣлось крикнуть этому добродушному и умному малому:

— Знаю я все это и безъ васъ! Мочи моей нѣтъ!

Я сдержалъ себя; но сказалъ:

— Такъ лѣчите мои нервы. Да и этого мало... Загипнотизируйте меня и отрѣшите отъ всякой думы объ отечествѣ.

— Будь я заправскій гипнотизеръ, я бы, вѣроятно, такъ и поступилъ. Но и тогда я бы подалъ вамъ, предварительно, благой совѣтъ, противъ себя: никому и ни въ какомъ случаѣ не отдавать во временное владѣніе своего психическаго *я*, свою волю.

— А затѣмъ вы мнѣ пропишете бромъ?

— Ха-ха! Пропишу, но кое-что другое.

Онъ присѣлъ къ письменному бюро.

Въ дверь постучали.

— Entrez!—крикнулъ онъ по-французски.

Вошелъ мужчина, немолодой, съ просѣдью, длинные волосы, борода, впалые черные глаза, блѣдное, утомленное лицо, одѣтъ въ черную пару.

Мгновенно можно было признать въ немъ русскаго интеллигента, давно живущаго за границей.

— Извините, докторъ,—началъ онъ низкимъ, какъ бы вибрирующимъ голосомъ.—Я пришелъ только сказать вамъ, чтобы вы не безпокоились... больной гораздо лучше.

— Вотъ и прекрасно!

— А если будетъ что, мы пришлемъ.

Онъ взглянулъ на меня вбокъ.

Докторъ спросилъ:

— Вы, господа, не знакомы?

И тотчасъ же назвалъ наши фамиліи, послѣ чего прибавилъ:

— Конечно, знаете другъ друга—и не со вчерашняго дня.

— «Вотъ ты кто!»—внутренно воскликнулъ я, обрадованный этой встрѣчей.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и глазами досказалъ:

«Васъ, молъ, я тоже знаю»...

Мы вышли вмѣстѣ. Въ пріемной сидѣла какая-то дама, которую докторъ пригласилъ изъ двери въ кабинетъ.

Мы пошли вмѣстѣ съ этимъ заграничнымъ вожакомъ цѣлой генераціи нашей молодежи. Но я уже зналъ, что его «звѣзда» начала меркнуть, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ вести «свою линію»: выступать противъ тѣхъ стихійныхъ увлеченій, которыя онъ, по глубокому своему убѣжденію, считаетъ пагубными для своей партіи.

— Вамъ въ какую сторону?—спросилъ онъ.

— Къ тому бульвару.

— Жаль. Но если вы никуда не торопитесь... не хотите ли присѣсть? Мнѣ такъ пріятно знакомство съ вами. Я слѣжу постоянно за вашимъ изданіемъ. Сами вы не выступаете въ печати? Быть можетъ, анонимно?

— Нѣтъ... почти что ничего самъ не пишу.

И стремительно, перерывая нить бесѣды, я спросилъ его:

— Вы возвращаетесь въ Россію? Вѣдь теперь можно?

— Быть можетъ, позднѣе, но теперь еще нѣтъ охоты.

— Въ такой моментъ?

— Въ какой же? Развѣ вамъ неизвѣстно, что у насъ дѣлается... въ Москвѣ?—нервнѣе прибавилъ онъ.

— Извѣстно.

— За этимъ неминуема реакція.

— А можетъ быть и хартія... и созывъ думы?

— Быть можетъ. Но то, что дѣлается теперь въ партіи дѣйствія...

Онъ остановился.

— Вы не одобряете?—досказалъ я за него.

— Если вы читали меня, вы знаете почему. Откровенно говоря, въ томъ, что вы печатаете, я не вижу ясно: стоите ли вы за этихъ максималистовъ или революціонеровъ-большевиковъ, или принимаете ту платформу, которая удержала бы бойцовъ за соціальную правду отъ гибельныхъ экспериментовъ?

Все это было сказано тихо, безъ жестовъ, съ полнымъ самообладаніемъ; такъ у насъ, особенно на митингахъ и кружковыхъ сборищахъ, говорить не умѣютъ.

— Прямыхъ призывовъ... у насъ не появлялось. Но вы по-своему правы.

— Только по-своему?

Глаза его блеснули и онъ откинулъ назадъ свою большую голову.

— Какъ же осуждать... и тѣхъ дружинниковъ, которые идутъ теперь подъ пушки и пулеметы? Я не хочу съ вами препираться принципіально. Но скажите мнѣ, неужели вся молодая Россія, рвущаяся къ свободѣ, къ сверженію ненавистнаго режима, можетъ психически помириться только на томъ, что черезъ иксъ лѣтъ орудія производства очутятся въ рукахъ пролетаріевъ?

— Какъ будто одно это—великая цѣль соціальнаго обновленія?

— Согласенъ... но нельзя сдержать этой лавы.

— Лава все жжетъ и затопляетъ,—выговорилъ онъ также тихо и значительно.

— Нельзя!—нервнѣе воскликнулъ я.—И отчего христіане первыхъ вѣковъ, которыхъ можно сравнить съ поборниками соціальнаго *credo*, отчего они не довольствовались тѣмъ, что вѣрили въ воскресеніе мертвыхъ и въ будущую блаженную жизнь на небесахъ? Они выступали съ упорнымъ, почти безумнымъ, энтузіазмомъ противъ власти кесаря, не хотѣли преклоняться передъ его изображеніемъ, клеймили и позорили то, что тогдашнее государство считало священнымъ? Почему?

— Не этимъ они добились того, что рухнуло язычество! Да и водворили ли они царствіе Божіе на землѣ? Вамъ прекрасно извѣстно, что нѣтъ. И на протяженіи около двухъ тысячъ лѣтъ церковь попираетъ всюду христіанскую революціонную мораль и душитъ все, что не духовное рабство и не мертвая обрядность...

Онъ не докончилъ и опустилъ голову.

— Такъ вы не вернетесь?—спросилъ я, поднимаясь съ дивана.

— Сейчасъ нѣтъ.

— Поживете здѣсь?

— Нѣтъ... ѣду... туда, къ себѣ. Я не люблю этой ярмарки торжествующихъ буржуевъ.

— Еще бы!—вырвалось у меня.

Мы крѣпко пожали другъ другу руку.

XV.

Ночь была еще ужаснѣе той, послѣ представленія «Миньоны».

Когда я вчера, въ одной заграничной кореспонденціи, прочелъ про то, какъ карательный отрядъ дѣйствовалъ на одной изъ подмосковныхъ станцій, со мной сдѣлался припадокъ, меня стало душить, точно какой-нибудь черносотенный хулиганъ схватилъ меня за горло и давилъ своими пальцами, вымазанными кровью.

Что мнѣ это вѣчно голубое небо? Эти точно изъ жести вырѣзанныя пальмы и изумрудныя волны Средиземнаго моря?!

Я не могу закрыть глаза, чтобы передо мною сейчас же не выплылъ, и такъ ярко, точно въ галлюцинаціи, цѣлый рядъ картинъ.

Вотъ студента бьютъ прикладами, валятъ, топчутъ ногами и потомъ подбрасываютъ въ воздухъ, чтобы онъ головой разбивался о мерзлую мостовую, пока его лицо и все тѣло превратятся въ кровавые комы мяса.

Вотъ, на станціи, будятъ начальника, заставляютъ его одѣться, ведутъ къ водокачалкѣ и тамъ колятъ его, точно звѣря, штыками, а офицеръ приканчиваетъ его изъ револьвера.

А кругомъ рубятъ, хлещутъ нагайками, трещатъ пулеметы, летятъ головни пожарищъ...

Если это усилится, я съ ума сойду! Лѣкарства доктора не успокаиваютъ меня ни капли, а только раздражаютъ.

Да и какъ можно успокоиться? Лучше теперь тамъ, на мѣстѣ, кипѣть въ котлѣ, чѣмъ здѣсь сидѣть на пошлѣйшей Promenade и прислушиваться къ тому, есть ли у тебя въ трахеѣ или въ бронхахъ хрипы или нѣтъ?

Только на разсвѣтѣ я немного забылся и еще лежалъ въ постели, когда ко мнѣ постучались. Дверь я держу на задвижкѣ. Долженъ былъ выскочить изъ-подъ тяжелаго французскаго «drap», отомкнуть и опять въ постель.

Иванъ Егоровичъ!

— Что это вы какъ прохлаждаетесь?—спрашиваетъ съ своей кисловато-добродушной усмѣшкой.

А самъ задыхается отъ подъема ко мнѣ въ четвертый этажъ.

И весь перекошенный, съ опущенной на одно плечо головой.

Впору за нимъ ухаживать.

— Какъ вамъ не стыдно, Иванъ Егорычъ, подниматься ко мнѣ, съ вашими-то легкими?

— Соскучился по васъ. Ничего!

Сѣлъ около кровати и отдышался.

— Захворали?—спрашиваетъ.—Отчего же мнѣ не дали знать?

Я ему излился въ самыхъ горькихъ тирадахъ.

— Бьюсь здѣсь въ вашемъ растакуэрскомъ парадизѣ, точно загнали меня въ какую западню и тамъ поджигаютъ со всѣхъ сторонъ, хлещутъ бичами, колютъ острыми копьями. Мочи моей нѣтъ!

Должно быть, я такъ крикнулъ и такое у меня было лицо, что онъ быстро поднялся, нагнулся надо мною и взялъ меня за плечи.

— Что вы! Успокойтесь! Ради Создателя! Такъ вѣдь можно, не понюхъ табаку, уходить себя. Что такое случилось? Получили депешу? Съ вашими не ладно?

— Ничего не получилъ; но то, что дѣлается у насъ, терзаетъ меня каждую ночь, и я боюсь помутиться.

— Господь съ вами! Обратитесь къ специалисту. Вотъ теперь, какъ разъ одна милліонерша вызвала, для своего сына, невропатолога изъ парижскаго факультета. Я похлопочу... не дамъ ему ободрать васъ, какъ сидорову козу.

— Не поможетъ мнѣ никакой спеціалистъ! Какъ вы меня не понимаете? Эхъ, Иванъ Егорычъ!

И я рванулся отъ него и отвернулся головой къ стѣнѣ.

— Такъ нельзя!—заговорилъ онъ, совсѣмъ разстроенный.— Надо хоть чуточку взять себя въ руки. Всѣ мы страдаемъ. У каждаго, по-своему, на сердцѣ кошки скребутъ.

— У кого это?—закричалъ я.—У вашихъ баръ и сановниковъ, и барынекъ, и игрочишекъ и шпіоновъ... и всей этой великосвѣтской и обывательской орды? Какъ будто вы ихъ не знаете! Не у героевъ ли той комедіи, которую вы мнѣ дали? Ха-ха!

— Кто же это вамъ сказалъ? Тѣ теперь ликуютъ. У меня вчера съ однимъ изъ нихъ, какъ ни сдерживалъ себя, чуть не дошло до потасовки. Но вѣрьте мнѣ... на ихъ улицѣ праздника все же не будетъ.

— Читайте газеты!

— Мало ли что? Теперь вѣдь извѣстно, что послѣ всеобщей забастовки чуть не рѣшили диктатуры, самой безпощадной, съ расправами по военному, въ двадцать четыре часа. А всетаки кончилось чѣмъ? Возвѣщеніемъ свободъ!

— И вы мнѣ это говорите сегодня, послѣ того, что было въ Москвѣ?

— И всетаки они не смѣютъ пустить во всю реакцію, и хотите со мной старикомъ пари держать на что угодно, что черезъ два мѣсяца у насъ выборы въ думу, а къ веснѣ открытіе ея?

И его глазки смѣялись, желая меня утѣшить, точно нянька утѣшаетъ малое дитя, только бы оно не плакало и не билось.

— Не могу я, Иванъ Егорычъ, жить будущимъ... Невыносимо сознавать себя безпомощнымъ и сидѣть въ добровольномъ изгнаніи!

И, видя, что онъ хочетъ что-то сказать, я еще порывистѣе продолжалъ:

— Знаю, что вы мнѣ будете говорить! То же, что и докторъ. «Здоровье дороже всего. Вы нужны не для одного себя... Оправьтесь и тогда поѣзжайте!» Но я не оправлюсь. Мнѣ ваша Ривьера горше всякой могилы!

— Позвольте!—тутъ ужъ онъ взялъ меня за руку.—Поглядит

вы на меня... Вѣдь у меня всего одно легкое, да и то наполовину изъѣдено? Однако я, какъ никакъ, скриплю вотъ двадцать лѣтъ, ужъ прямо благодаря климату. И могу быть на что-нибудь полезнымъ моимъ соотечественникамъ. А вы еще молоды. Въ васъ не сидитъ никакого рокового недуга.

— Слышалъ я все это, Иванъ Егорычъ, слышалъ!—кричалъ я.

Но тотчасъ же застыдился, протянулъ ему руку, и сталъ извиняться.

— Какъ мужики говорятъ: «не замайте» меня... можетъ, какъ-нибудь налажусь, но чувствую, что не выживу я здѣсь сезона. Ужъ вы такъ и поставьте на меня крестъ. Придетъ депеша... Или дойду до предѣла томленія и улетучусь.

— А мы васъ не пустимъ, хе-хе!—засмѣялся онъ и раскашлялся.

XVI.

— И вы здѣсь на Макарьевской ярмаркѣ европейскаго пшюта?

Этимъ возгласомъ остановили меня подъ аркадами—около кафе.

Я даже весь вздрогнулъ.

Мнѣ протягивалъ огромную лапу волосатый мужчина—косая сажень въ плечахъ, бородатый, въ поярковой шляпѣ à la Rubens и съ суковатой палкой.

— Небось признали?—спросилъ онъ меня, показывая свои бѣлые, какъ кипень, зубы. Или запамятовали?

— А, здравствуйте!

Я узналъ его, хотя не въ то же мгновеніе.

И сейчасъ же вспомнилъ всю его исторію, сообразилъ и то, что ему и теперь нѣтъ ходу назадъ—онъ и послѣ амнистіи успѣлъ себя такъ заявить за границей, что возращаться было бы больше, чѣмъ рискованно.

— А я все такой же, ха-ха! Вѣдь это Герценъ еще сострилъ въ своей знаменитой параллели «Петербургъ и Москва», что сидѣнье въ Петропавловкѣ измѣняетъ не только *образъ* мыслей, но и *образы* самыхъ мыслителей? Ха-ха!

Смѣялся онъ басомъ и въ его зычномъ говорѣ было что-то протодьяконское.

— А мнѣ у Петра и Павла не привелось еще сидѣть.

И оглянувшись, онъ протянулъ свою ручищу по направленію къ кафе.

— Не хотите ли выпить какой-нибудь бурды? «Часъ абсента», какъ говорятъ французскіе буржуи.

— Не употребляю спиртного.

— Ну, выжитый лимонъ спросите. Demi-citron, что ли? Присядемъ.

Не дожидаясь моего согласія, онъ подвелъ меня къ одному изъ ближайшихъ столиковъ. Играли итальянскія дѣвицы на эстрадѣ. Народу было много. Онъ заказалъ себѣ и мнѣ что-то такое, сѣлъ передо мною, положилъ оба локтя на столикъ и закурилъ крѣпчайшую папиросу.

Мы съ нимъ встрѣчались раза два, не больше, въ томъ числѣ на какомъ-то писательскомъ совѣщаніи. Это было еще до его мытарствъ, послѣ которыхъ онъ очутился «за кордономъ», но кажется съ согласія начальства, въ видѣ, такъ сказать, облегченной ссылки въ мѣста менѣе отдаленныя.

Я никогда не считалъ его человѣкомъ глубокихъ и стойкихъ убѣжденій и онъ болѣе «попался», чѣмъ сознательно и безстрашно шелъ на то, чтобы «пострадать».

— Удрали?—спросилъ онъ, прищуривъ на меня свои круглые, вызывающіе глаза.

— Изъ дому? Нѣтъ... томлюсь вотъ четвертый мѣсяцъ. Сплю и вижу какъ бы удрать изъ этихъ благословенныхъ палестинъ.

— Вотъ чудакъ! Да вѣдь,—какъ бы вспомнилъ онъ,—у васъ тамъ, въ Питерѣ, лавочка?

На его жаргонѣ это значило изданіе, литературное дѣло.

— Помимо лавочки!

— Была оказія! Я вамъ скажу, весь этотъ теперешній газетный шабашъ—это то же пѣнкоснимательство. Дайте срокъ... будете плакать о цензурныхъ предостереженіяхъ... какъ вамъ станутъ закатывать приговоры на два годика въ рабочій домъ, плюсъ уничтоженіе газеты. Ха-ха! Только и есть какой-нибудь толкъ—имѣть вольный станокъ здѣсь—онъ оглянулся—разумѣется, не въ этой пошлятинѣ.

— Теперь и изъ-за границы трудно будетъ взять нотой выше,—замѣтилъ я.

— Аттанде-съ! Не то, что уже настоящій революціонный призывъ... но стишины вамъ не пустятъ въ публику, гдѣ будетъ *шварцъ ауфъ вейсъ* пропечатано все, что думаетъ про кое-кого вся сознательная Русь.

И подавшись всѣмъ своимъ грузнымъ туловищемъ ко мнѣ, онъ глухо крикнулъ:

— *Сарынь на кичку*! Вотъ какой долженъ быть теперь пароль и лозунгъ.

— Это молодцы Стеньки Разина такъ кричали.

— И вы увидите... не пройдетъ года, какъ у насъ разыграется... разиновщина.

— Говорите лучше: пугачевщина.

— Нѣтъ. Эта прибаутка слишкомъ пріѣлась. Да тутъ нуженъ и самозванецъ. А мы безъ него обойдемся. Да и кого собою изображать? Все это тамъ уже позади. Русская революціонная шарманка поставлена на другой валъ. Топоръ, батенька, красный пѣтухъ— вотъ что̀ пойдетъ играть по святорусской землѣ!

— На это и черносотенцы мастера!

— И безъ нихъ нельзя. Они отличный ферментъ. Такъ вѣдь, небось, и пошло уже со второго дня объявленія свободы? Bellum omnium contra omnes! Только отъ такого удобренія и возродится россійская нива.

Онъ отбросилъ свою гриву молодецкимъ движеніемъ головы и задорно оглянулся на сидѣвшую кругомъ публику.

Не знай я—*кто* онъ, можно было бы принять все это за что-то похожее на провокаторство.

— А вы, я вижу, никакой опаски не имѣете въ публичныхъ мѣстахъ?—шутливо спросилъ я его вполголоса.

— Ха-ха! И здѣсь эта тля водится... На здоровье! Чего же мнѣ бояться, скажите на милость? Не водворенія же въ любезное отечество?.. Оба полушарія—дистанція достаточнаго размѣра. Найдется мѣстечко и для нашего брата.

Меня его тонъ все больше и больше коробилъ; но я сдерживалъ себя. Скажи я ему что-нибудь не по шерсти, онъ бы отдѣлалъ меня, какъ самаго послѣдняго изъ буржуевъ.

— И неужели васъ тянетъ... туда, за Эйдкуненъ? Вотъ чудакъ! Неужели вы въ серьезъ берете, что у васъ тамъ печатается? а?

— Всякому свое.

— Въ видѣ профилактики куда ни шло. Но вѣрьте, милый человѣкъ, вы на этой зарубкѣ не удержитесь. И религія эсъ-дэковъ— это уже книжка, сектаторство... партійная кружковщина! Это хорошо было десять лѣтъ назадъ, пожалуй, два-три года назадъ. Ми- илъ-то Александрычъ Бакунинъ, хоть и былъ офицеръ изъ бар- гъ, а давно это раскусилъ.

— И анархизмъ—тоже книжка!

— Те-те-те! Анархизмъ анархизму рознь. То книжка, а то...

— Топоръ и красный пѣтухъ?—подсказалъ я.

— Это—народные пріемы, а техника, какъ всѣмъ извѣстно, а дальше ушла.

— Вы долго еще останетесь здѣсь?—спросилъ я, чтобы перебить разговоръ.

— Съ недѣльку попутаюсь, а тамъ... переберусь въ мѣста болѣе злачныя.

Я подозвалъ гарсона расплатиться.

Подъ галлереей мы простились. Онъ положилъ мнѣ руку на плечо и, въ видѣ напутствія, пустилъ:

— Излѣчитесь вы отъ всякой сантиментальщины! Домой пробираться надо только тѣмъ, кто смотритъ на себя, какъ на работниковъ всеобщей ликвидаціи. Остальное обойдется и безъ васъ. Ха-ха! Простите за откровенность.

И его зычный басъ долго звенѣлъ у меня въ ушахъ.

XVII.

Никакихъ вѣстей изъ Петербурга! Молчитъ и Павелъ Алексѣевичъ.

Погода стоитъ «божественная», а я брожу точно къ смерти приговоренный. И что ужасно! не могу оставаться одинъ ни въ комнатахъ, ни на воздухѣ.

Прежде я такъ любилъ одиночество, спасался въ него отъ несносной необходимости видѣть слишкомъ много народа. Это было для меня наилучшее психическое лѣкарство; а вотъ теперь, съ самаго пріѣзда сюда, съ тѣхъ поръ какъ начались эти страшныя безсонницы, бѣгаю отъ самого себя.

Чтеніе газетъ—только подтопка къ той печкѣ, которая гудитъ внутри. Только съ газетой въ рукахъ и уходишь отъ самого себя. Но зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы наглотаться новостей одна другой тревожнѣе, чтобы получать по два раза въ день зарядъ на всю ночь. А въ промежуткахъ я долженъ шататься, искать людей.

Дошелъ до того, что самъ заговариваю съ сосѣдями по нашему табль д'оту и выслушиваю кротко разносы, жалобы и дворянско-черносотенные возгласы обнищавшей генеральши.

И на прогулкѣ точно ищу: вотъ-вотъ наклюнется знакомый или такой соотечественникъ. съ которымъ можно будетъ заговорить.

И наклевывается, какъ, напримѣръ, встрѣча вчера совершенно неожиданная съ однимъ бывшимъ сотрудникомъ.

Не онъ меня остановилъ, какъ тотъ претендентъ на амплуа Стеньки Разина, съ протодьяконскимъ басомъ; а я самъ поклонился этому поэту и вступилъ съ нимъ въ бесѣду.

Онъ точно не сразу опознанъ меня. Правда, около двухъ лѣтъ

какъ мы не видались. И знакомство наше было самое малое. Принесъ свои стихи въ редакцію.

Самъ онъ тоже порядочно измѣнился, потемнѣлъ и пожелтѣлъ въ лицѣ, сталъ еще худѣе, отпустилъ жидкую бороду.

Я его поощрялъ. У меня нѣтъ никакихъ литературныхъ предразсудковъ. Меня не смущала его «декадентщина». Однимъ изъ первыхъ я распозналъ его талантъ. И не его одного такого стихотворца поощрялъ я.

Только я ему и иногимъ другимъ не переставалъ говорить:

— Все это прекрасно. Пойте о вашихъ настроеніяхъ, ищите красокъ и таинственныхъ вѣяній природы; но не чурайтесь того, что теперь колышетъ русскую жизнь. Не смотрите брезгливо на глубокія теченія въ обществѣ и у сознательныхъ рабочихъ, и у мужиковъ.

И на это какъ разъ вотъ такой «пѣвецъ» отвѣчалъ мнѣ всегда въ тонъ недосягаемаго самоуслажденія:

— Мы выше всѣхъ этихъ злобъ дня! Это хорошо для misera contribuens plebs, а не для тѣхъ, кто позади этого видимаго міра... провидитъ другой—невидимый, чудный, вѣчный.

У меня въ памяти сохранились даже его пѣвучія интонаціи.

И вдругъ, слышу, мой отгадчикъ великихъ тайнъ бытія—произвелъ сенсацію на какомъ-то вечерѣ и послѣ разныхъ мытарствъ очутился въ подневольныхъ туристахъ. Ему, какъ и тому «разрушителю», предложили удалиться за кордонъ.

И въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ превратился въ самаго неукротимаго проповѣдника всеобщей соціальной ликвидаціи.

Когда мы обмѣнялись нѣсколькими фразами, я не могъ удержаться не спросить его:

— Неужели вы теперь числитесь въ эсъ-эрахъ?

Онъ сначала усмѣхнулся.

— Къ чему кличка?

— Но вы такъ выступаете въ вашихъ одахъ, сонетахъ, снахъ и памфлетахъ.

— Ни оправдываться, ни каяться не буду.

— Я и не прошу. Но согласитесь, что я былъ правъ, когда и тъ, и другимъ пѣвцамъ по ту сторону видимаго бытія, а также и «ту сторону добра и зла», указывалъ на необходимость отзыться на то, что теперь уже не теплится, а прорывается бурнымъ токомъ? Помните, съ какимъ эллинскимъ презрѣніемъ вы отводили себя эту чашу? Правду я говорю или нѣтъ?

— Я никакихъ кораблей не сжигалъ.

— Но вы прибавили къ прежнимъ кораблямъ еще цѣлую флотилію миноносокъ.

— Сравненіе удачно!

Говорилъ онъ такъ же пѣвуче и сентенціозно, какъ и прежде.

— Значитъ, на васъ нашло наитіе? Своего рода путь въ Дамаскъ, какъ на фарисея Савла, обратившагося въ апостола Павла? Вѣдь не оттого же вы внезапно превратились въ соціалиста-революціонера, что съ вами вышла личная непріятность?...

— Позвольте!—остановилъ онъ меня.—Бываютъ такіе моменты въ жизни, когда ваше «я» пробуждается и для того, что въ немъ хранилось, какъ въ потенціи. Въ насъ чаянія другого общественнаго строя жили, такъ сказать, до времени. Но когда данъ былъ импульсъ, они прорвались съ дѣвственной силой.

— Но вамъ не избѣжать обличеній и насмѣшекъ... не только отъ зубоскаловъ и забавниковъ, но и отъ нѣкоторыхъ членовъ партіи.

— Я не признаю партій!

— Въ настоящей борьбѣ это немыслимо. Вы звуками вашей новой лиры—зовете на бой! На васъ, господа, лежитъ то, что у французовъ называется «charge d'âmes». Слово—стрѣла! Оно производитъ взрывы... и не въ метафорическомъ, а въ самомъ прямомъ смыслѣ.

— Пускай! Мы въ отвѣтѣ и въ каждый мигъ нашего бытія готовы принять...

— «Вѣнецъ пѣвца—вѣнецъ терновый»?—добавилъ я.

— Только вдохновенное слово и можетъ освѣтить всю глубину той вонючей клоаки, въ которой барахтаются наши съ вами единоплеменники!... Только оно одно! Все остальное—сухо, книжно, жалко въ своей ничтожности. Одинъ стихъ можетъ быть сильнѣе цѣлой пламенной прокламаціи.

— Но развѣ только въ ругательствахъ сила?

И я пристально поглядѣлъ на него. Онъ съежился и даже закусилъ губу.

— Домой вамъ ходу нѣтъ?—спросилъ я его на прощанье.

— Къ великому счастью! Если мы вернемся, значитъ гидра будетъ раздавлена, сколько бы у нея ни оказалось головъ!

— Что-жъ!—вскричалъ я.—Вѣдь вы сверхчеловѣкъ, а вотъ насъ, простыхъ смертныхъ, тянетъ все туда же!

XVIII.

Заговариваю даже съ дѣтьми и ихъ боннами.

Вижу третій день русскую кормилицу, рослую, съ милымъ кре-

стьянскимъ лицомъ, разукрашенную кокошникомъ и бусами, въ шелковой голубой душегрѣйкѣ.

Какъ же могъ я съ ней не заговорить?

Она при мальчикѣ лѣтъ трехъ, очень хорошенькій бутузъ, одѣтый матросикомъ. На околышѣ буро-золотыми буквами: «Забіяка».

И видно, что эта кормилка тоскуетъ не меньше меня.

Приласкалъ сначала мальчика, спросилъ: какъ его зовутъ.

— Володя,—назвала она нараспѣвъ и улыбнулась мнѣ.

— Давно здѣсь?—спрашиваю ее.

— По заграницамъ мыкаемся съ самой весны.

И она глубоко вздохнула особымъ, чисто крестьянскимъ звукомъ.

— Все время здѣсь?

— Нѣтъ, къ Покрову сюда угодили... а то по разнымъ водамъ... у нѣмцевъ. На озерахъ жили... тамъ, на итальянскихъ.

И она показала рукой на востокъ.

Разговоръ происходилъ въ саду, послѣ музыки.

— Господа откуда?

— Петербургскіе.

— Помѣщики?

— Нештò! Баринъ отставной.

— Молодые еще?

— Нештò.

— И что же такъ зажились. Для здоровья, что ли?

— Какое здоровье! Слава тебѣ, Господи! Сюда вотъ ввалились да и застряли.

Она улыбнулась глазами.

— Должно быть, рулетка захлестнула?

— Вотъ-вотъ! Эта самая вертѣлка. Кажинный день все туда... въ эту самую Монте-Карлу... чтобы ей ни дна, ни покрышки.

— Вонъ вы какъ на нее осерчали, кормилка!

Мальчикъ отбѣжалъ съ своимъ серсо. Она пододвинулась ко мнѣ и стала сразу говорить тише и скорѣе.

— Деньгами-то разжились... землю мужикамъ продали... черезъ эту самую крестьянскую банку. Ловко это все обработалъ баринъ... то[illegible]о учуялъ, что тамъ погромы начнутся.

— Такъ-таки ничего больше не дѣлаютъ, какъ въ рулетку иг[illegible]ютъ?

— Съ самаго пріѣзда играютъ господа,—выговорила она съ хара[illegible]ернымъ жестомъ правой руки и тотчасъ же подперла ею подборо[illegible]къ.

И возвращаться не хотятъ?

— Теперь ихъ отседова никакимъ куревомъ не выкуришь!

И она разсмѣялась. Ея чудесные зубы блеснули.

— А вамъ—тоска?

Должно быть, она заслышала въ моемъ вопросѣ особенное сочувствіе и стала говорить еще больше «по душамъ».

— Ахъ, баринъ! Сами знаете. Вы, небось, на излѣченьи?

— Да, прислали.

— Это и видать! — обмолвилась она и жалостливо оглядѣла меня.

— По крайности, все хоть вродѣ занятія...

— И вы при дѣлѣ. Развѣ вы все еще кормите такого большого мальчугана?

— Нѣтъ... При немъ нѣмка. Она отпросилась *сѣдни*, а я кормлю дѣвочку, скоро годикъ будетъ... теперь спитъ... тамъ горничная... вотъ и повела Володеньку—мы вѣдь тутъ, рукой подать. Коли всю правду вамъ выложить, баринъ... мѣста себѣ не найду—вотъ ужъ вторую недѣлю.

— Что вы?

— Вѣрьте слову... Такъ меня это сокрушило, такъ сокрушило...

Глаза ее мгновенно стали влажны.

— О собственныхъ дѣтяхъ?

— Дѣти дѣтьми. За ними есть призоръ. А мужъ.

— Боленъ?

— Запасный онъ былъ. Всю кампанію продѣлалъ.

— Въ Манчжуріи?

— Да, въ тѣхъ мѣстахъ. Богъ миловалъ. Живъ остался... только шею ему маленько оконтузило. А на возвратномъ-то пути и случилась бѣда.

— Что же такое?

— Вродѣ какъ бунтъ. Ихъ батальонъ весь всколыхнулся. Слышно, офицеровъ перевязали и на чугункѣ станціи стали громить. Доподлинно я ничего не знаю... милый баринъ. А только одно вѣрно— мой Наумъ ко всему этому дѣлу причастенъ—такъ мнѣ изъ деревни написали. А что теперь? Былъ ли судъ? И чѣмъ его судьбу порѣшили? Ничего-то я не знаю.

Слезы задрожали въ голосѣ.

— А господа ваши, они бы могли вамъ помочь... навести справку?

— Валялась я въ ногахъ и передъ бариномъ, и передъ барыней. Баринъ кому-то, говоритъ, писалъ въ Питеръ. Кому-то въ енеральномъ штабѣ, что ли. Правда ли—мнѣ про то неизвѣстно. А время-то

все тянется-тянется и всю-то душеньку мою ровно въ струну вытянетъ. Манечка моя... и безъ того ночью покою не даетъ... Такъ всю ночь напролетъ и проплачу.

— Попроситесь домой!

Она почти испуганно оглянула меня.

— Нешто это возможно? Первымъ дѣломъ у меня и отдѣльнаго вида нѣтъ. И я обвязанный человѣкъ. Да и какъ же я младенца, котораго взялась выкормить, вдругъ брошу?

— Не могутъ же ваши господа не понимать—какъ вы теперь убиваетесь. Вѣдь отъ этого и молоко у васъ испортится!

— Имъ что! Изъ-за меня они не вернутся. Еще вчера барыня говорила горничной дѣвушкѣ и мнѣ, прочтя что-то въ газетахъ насчетъ нашихъ дѣловъ: «ни въ жисть мы не вернемся, пока все не успокоится!» Имъ что—у нихъ вертѣлка ихъ есть. Одинъ день проиграются... носъ повѣсятъ, хмурые... а потомъ она ихъ по губамъ смажетъ—точно они двѣсти тысячъ на билетъ выиграли. И сейчасъ пойдетъ у нихъ опять пиръ горой.

И, помолчавъ, она спросила:

— И на всю зиму вамъ предписали здѣсь проживать?

— Я не выдержу. Тоскую, кормилка... И у меня тоже вродѣ вашего—тяжелая неизвѣстность о близкихъ.

— Что же такое?

— Долго разсказывать. Всѣмъ теперь жутко приходится.

— Это точно. И откуда такая напасть на насъ, милый баринъ? Все равно какъ трещину дали: солдаты, мужики, на фабрикахъ, господа... всѣ точно по уговору. И когда этому конецъ? Думаешь-думаешь—и въ головѣ ровно какъ помутится.

Какъ я сливался съ нею въ одномъ чувствѣ!

Мы простились, точно вѣкъ жили вмѣстѣ. Я ей обѣщалъ, даже если и не вернусь домой къ новому году—узнать что-нибудь потолковѣе о томъ полку, гдѣ служитъ ея мужъ.

XIX.

Подъ качку поѣзда, мчащаго меня къ «кордону», я сначала не[...]го задремалъ.

И когда очнулся, то сразу не пришелъ въ себя, какъ будто за[...]б[...]лъ—въ какомъ я поѣздѣ и куда меня везутъ?

Везутъ меня на русскую границу.

Не «везутъ», а я самъ ѣду. Вырвался наконецъ изъ тенетъ того с[...]дкаго прозябанія на «лазурномъ прибрежьѣ».

[...]дѣлалось это въ три-четыре дня—не больше.

Утромъ пришла депеша изъ Петербурга:

«Mania en danger de mort».

И не прибавлено: «Venez». Ея мать слишкомъ для этого деликатна.

Но я не могъ оставаться. Будь я даже въ послѣднемъ градусѣ туберкулеза—я все равно бы ринулся.

Какъ ни отчитывалъ меня Иванъ Егоровичъ, какъ ни усовѣщевалъ—въ тотъ же вечеръ я сидѣлъ уже въ вагонѣ. Онъ притащился на вокзалъ еле-еле живой, со страшнѣйшимъ кашлемъ, принесъ мнѣ чего-то съѣстного въ корзинкѣ. И все ахалъ, все ахалъ.

— Какъ это можно? Вы сильно поправились... И вдругъ все бросить!

— Кто вамъ сказалъ, что я поправился?—почти прикрикнулъ я на него.

— И чему вы поможете? Она, быть можетъ, уже скончалась?

— А мать ея? Небось, будь вы на моемъ мѣстѣ—вы бы сейчасъ поскакали?..

— Ну, пусть будетъ такъ! Хорошенько кутайтесь. Есть ли пледъ?

И все махалъ мнѣ платкомъ, когда поѣздъ тронулся.

Вотъ ужъ и Берлинъ позади.

«Завтра я дома. Моя депеша давно уже тамъ»—подумалъ я, когда совсѣмъ пришелъ въ себя.

У меня, въ купе, оказался сосѣдъ, сидѣвшій у окна, прямо противъ меня—изъ соотечественниковъ.

Мы сразу признали другъ въ другѣ русскихъ.

Онъ оказался коллегой, но не петербургскимъ, руководитъ большимъ органомъ, урывался на шесть недѣль лѣчить ту прострацію, которую нажилъ отъ «адской» газетной работы.

Мы разговорились.

Онъ уже не молодой, на видъ еще бодрый, и выраженіе полнаго лица скорѣе жизнерадостное; но настроеніе у него—самое непроглядное.

Онъ спросилъ меня съ улыбкой въ умныхъ, близорукихъ глазахъ:

— Видали вы въ отеляхъ средней руки, въ Парижѣ и вообще во Франціи, надписи при входѣ въ кое-какое укромное мѣсто: «laissez cet endroit en vous retirant aussi propre que vous désireriez le trouver en entrant». Такая элементарная мораль, выраженная съ простотой учительскаго стиля, еще недавно видѣнная мною—напоминаетъ мнѣ объ отечествѣ.

Я разсмѣялся.

— Сильненько сказано!

— А развѣ вы не испытывали того же? Только что выѣдешь изъ него, а ужъ думается о томъ, что найдешь тамъ, по неизбѣжномъ всетаки возвращеніи.

— Вы, стало, возвращаетесь, какъ рабъ своего рукомесла?

— Личные дѣла и интересы мы оставимъ! Не о нихъ я повелъ рѣчь. Согласитесь—и въ настоящую минуту, и черезъ годъ, если мы доживемъ—будутъ тѣ же два роковыхъ теченія...

На мой вопросительный взглядъ онъ продолжалъ:

— Слѣпое, лошàчье упрямство сверху, и очень опредѣленный ходъ съ низовъ...

— Опредѣленный ли?—остановилъ я.

— Если власть, правда, съ извилинами и выкрутасами, все еще ведетъ линію, несмотря на торжественныя обѣщанія, то гораздо прямѣе, упорнѣе и, пожалуй, съ ихъ точки зрѣнія, успѣшнѣе гонятъ свою линію крайніе лѣвые или, по просту, боевыя дружины террористовъ.

Я хотѣлъ ему крикнуть:

«— Да бросимъ мы эту проклятую политику! Я страдаю, я томлюсь ожиданіемъ рокового конца молодого существа, къ которому привязался какъ къ родной дочери. Позвольте мнѣ быть просто человѣкомъ, избавьте меня отъ перебиранья всѣхъ этихъ соображеній, годныхъ въ газетную передовицу.»

Но я ничего этого не сказалъ и пассивно слушалъ.

Человѣкъ умный, искренній, безъ сомнѣнія либерально настроенный и болѣющій родиной, быть можетъ, не меньше меня.

— И согласитесь,—говорилъ онъ, оживляясь,—поразительно суживается, при этомъ, поле дѣйствія всего того, что въ Россіи можно назвать прогрессивнымъ и эволюціоннымъ. И выхода изъ этого положенія *теперь* нѣтъ иначе, какъ какой-нибудь всеобщей катастрофой, такъ какъ все нестихійное, все постепенное и мирное—уже запоздало.

— Вѣрно!—вырвалось у меня невольно.

— Думаю, что «четырехвостка» съ конституціонно-парламентскимъ исходомъ, ни даже умѣренное народовластіе—теперь не замиритъ! Развѣ это не такъ?

— Такъ!—отвѣтилъ я, точно автоматично.

— Если и будутъ сдѣланы уступки сверху, то снизу—бойкотъ и терроръ... затянутся на иксъ времени. Слишкомъ ясно, что тактика террористовъ достигаетъ въ своемъ родѣ цѣли. Она ставитъ въ

безысходный порочный кругъ всякій режимъ, поселяя панику въ обществѣ и вынуждая звѣрскія репрессіи сверху. И, шагъ за шагомъ, *они* близятся къ своей цѣли: водвореніи анархіи и общей смуты, откуда, какъ фениксъ, должно возродиться нѣчто новое. Ни съ чѣмъ старымъ, испытаннымъ *они* примириться не могутъ и будутъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока не явится, во многомилліонной громадѣ народа, потребность порядка, и пока само общество и весь народъ не покончатъ съ анархіей. А тѣмъ временемъ, любезный коллега, что насъ ждетъ? Пока все это образуется?

— Не знаю, — вымолвилъ я, совсѣмъ подавленный этой дилеммой.

— Можетъ быть, такіе невозможные въ исторіи ужасы, какихъ мы и представить себѣ не въ состояніи, въ настоящую минуту?!

А «настоящая минута» вдругъ и заявила себя тѣмъ, что кондукторъ, шумно отодвинувъ дверку въ наше отдѣленіе, по военному, съ картавымъ прусскимъ выговоромъ, крикнулъ намъ, что поѣздъ дальше Эйдкунена не пойдетъ и намъ надо провести ночь на нѣмецкой границѣ.

Мы оба тутъ только сообразили, что, по русской безпечности, не вспомнили, во-время, въ Берлинѣ, что, съ извѣстнаго числа, нѣтъ прямыхъ поѣздовъ, отправляющихся утромъ, что надо было дожидаться сегодня вечерняго.

— И вы съ такими мрачными перспективами ведете политическій органъ?—спросилъ я коллегу.

— По крайней мѣрѣ, будущее не подсидитъ меня.

XX.

Ночевать пришлось въ еврейскомъ отелишкѣ.

Все въ немъ уже отшибало пограничнымъ сосѣдствомъ съ Россіей. И сама хозяйка съ накладкой изъ шелковыхъ волосъ, и развращенная прислуга, и грязь, и воздухъ, и запахи.

Дорога сильно меня утомила и мнѣ такъ хотѣлось кинуться на постель.

Но этого нельзя было сдѣлать сразу. Комнаты стояли неприбраными, бѣлье не мѣняли. Красный пуховикъ валялся на полу, око кровати, то ужасное «plumeau», безъ котораго за границей не могут обойтись, покрываясь имъ не только зимой, но и лѣтомъ.

Хозяйка, съ убійственнымъ выговоромъ на обоихъ языкахъ— по-нѣмецки, и по-русски—пригласила меня внизъ, въ столовую ужинать. Но откуда-то долетѣлъ гамъ пьяныхъ голосовъ.

— Кто это у васъ?—спросилъ я еврейку.

— Господа офицера... и самъ капитанъ—и при этомъ она подмигнула.

— Русскіе?

— Да. Изъ Вержболова. Они мои Kunden... завше, завше.

И только что она удалилась, шлепая туфлями, какъ изъ той комнаты, гдѣ пировалъ капитанъ изъ Вержболова, долетѣли аккорды разбитаго фортепіано—и раздался гимнъ.

А потомъ—раскаты «ура».

У меня сжалось сердце. Жизнь, точно нарочно, приготовила мнѣ такую встрѣчу.

«Вотъ, молъ, она, россійская-то дѣйствительность! Вкуси ея! Вотъ тебѣ эмблема и символъ! И теперь, какъ только ты переѣдешь тотъ мостикъ, у котораго стоитъ часовой въ солдатской сермягѣ, то, что еще дѣйствуетъ сверху—накинетъ на тебя свой арканъ, каковы бы ни были эксперименты снизу—агентовъ анархическаго террора.

Мнѣ вспомнились мудрые итоги и предсказанія моего коллеги. Мы съ нимъ какъ-то потеряли другъ друга изъ виду. Его свели, вѣроятно, въ другое мѣсто.

Въ своемъ грязномъ и холодномъ номерѣ, лежа подъ краснымъ пуховикомъ, я долго не могъ забыться отъ гама и пѣнія внизу. А откуда-то, изъ другого дома, доносился громъ духовой музыки. Тамъ тоже справляли какое-то торжество, и я узналъ уже не русскій, а нѣмецкій гимнъ.

Пробужденіе было ужасно. На дворѣ изморозь, небо свинцовое, рѣзкій вѣтеръ хлещетъ тебѣ въ лицо. Какъ бы Иванъ Егоровичъ торжествовалъ, глядя на меня, когда я шлепалъ по грязи къ вокзалу!

Поѣздъ, черепашьимъ ходомъ, перетащилъ черезъ границу. На душѣ было такъ скверно, что я чуть не зарыдалъ. Особое настроеніе—какъ бы предчувствіе чего-нибудь рокового—сжимало сердце. На глазахъ навертывались слезы.

Вотъ и навѣсъ вокзала. Появленіе жандармскаго унтера за паспортами. Врываются артельщики... Отъ того, который захватилъ мои в [illegible]ци, уже разило спиртнымъ, и онъ тутъ же, на платформѣ, сталъ п[illegible]сить на водку.

Я не выдержалъ—далъ на него окрикъ.

И сразу вся прелесть родной дѣйствительности охватила меня.

Эта сараевидная зала таможеннаго осмотра, столъ съ канцеляр[illegible]і, служители съ зелеными погонами, жандармы, ихъ спеціальное н[illegible]альство.

И разомъ всѣ пассажиры—точно совсѣмъ другіе люди: на всѣхъ лицахъ безпокойство, растерянность, какое-то приниженное молчаніе.

Дошла очередь до моего сундука. Не знаю почему, но перерыли его ужасно... наложили арестъ и на двѣ заграничныхъ книжки. И палку долго щупали, подозрѣвая, должно быть, что она со шпагой.

Все тоже, что и десять, и двадцать лѣтъ назадъ. Надо быть галлюцинатомъ, чтобы признать, что вы въ предѣлахъ государства, которому возвѣщены «свободы» и обѣщано народное «представительство».

И въ буфетѣ—та же матушка Русь, съ безпорядочнымъ жраньемъ, безконечными рюмками водки, пирожками, чаемъ и солеными огурцами. Вотъ этого царства грѣшной плоти не повалитъ никакой диктаторскій режимъ.

За однимъ изъ столовъ сидѣлъ мой коллега.

— Прошли черезъ мытарства?—спросилъ онъ меня.

— Прошелъ.

— Обыскивали?

— Мою особу нѣтъ; двѣ книжки задержали.

— Пахнетъ четырехвосткой?—весело окликнулъ онъ.

— Больше огурцами и водкой.

— Ха-ха! И вотъ сіе переживетъ и самую анархію.

И онъ указалъ на рюмку водки, поданную ему.

— Мы нищіе,—добавилъ онъ,—голодъ гуляетъ по всѣмъ губерніямъ, земля дошла до банкрутства, а водочный бюджетъ все тотъ же—четыреста и больше милліоновъ... т.-е. одна пятая всего государственнаго годового расхода! Ха-ха!

Я понурилъ голову, сидя надъ стаканомъ чая и прожевывая плюшку.

На сердцѣ продолжало щемить.

Вотъ куда меня такъ нестерпимо тянуло. И что я найду тамъ... у себя? Можетъ быть, уже покойницу?... И не дома, не у матери, а на койкѣ тюремной больницы.

А кругомъ меня гудѣли уже обывательскіе разговоры—такіе же пошлые, какъ и всегда.

Раздался громкій голосъ какого-то служителя.

Я встрепенулся.

Онъ выкрикивалъ мое имя, отчество и фамилію и держалъ въ рукѣ депешу.

Кровь отлила отъ сердца. Я пошатнулся, когда всталъ, и чуть не упалъ на стулъ.

— Это я!... Это я!

Служитель подошелъ ко мнѣ и подалъ депешу.

Я разорвалъ и сначала посмотрѣлъ на подпись.

Подписана неизвѣстной мнѣ мужской фамиліей.

«Госпожа такая-то скончалась вчера».

И ничего больше. Гдѣ? Что съ матерью?

Руки у меня дрожали; а телеграфный курьеръ стоялъ, дожидаясь «на чай».

Я ему сунулъ что-то въ руку, опустился на стулъ и не могъ зарыдать. Меня душило.

П. Боборыкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОДЪ ОСЕННЕЙ ЗВѢЗДОЙ.

(Разсказъ странника.)

Кнута Гамсуна.

I.

Море было вчера тихо, какъ зеркало, и сегодня оно такъ же неподвижно. Наступило бабье лѣто и на островѣ тепло, — такъ необыкновенно тихо и тепло! Но солнца нѣтъ.

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я испытывалъ такой покой, можетъ быть двадцать или тридцать лѣтъ, а можетъ быть это было въ предыдущей жизни. Но когда-то раньше, думаю я, мнѣ навѣрное пришлось вкусить этого покоя, такъ какъ я брожу здѣсь и напѣваю, и въ восторгѣ отъ каждаго камня, отъ каждой травинки, а эти послѣдніе, повидимому, тоже обращаютъ на меня вниманіе. Мы старые знакомые.

Когда я иду по заросшей тропинкѣ черезъ лѣсъ, то сердце мое переполняется неземной радостью. Я вспоминаю пустынное мѣсто на берегу Каспійскаго моря, гдѣ я однажды стоялъ. Тамъ было то же, что и здѣсь, и тяжелое свинцовое море было неподвижно, какъ и теперь. Я пошелъ лѣсомъ и вдругъ растрогался до слезъ и въ восторгѣ я твердилъ все время: о Боже, если бы мнѣ когда-нибудь снова пришлось возвратиться сюда!

Словно я уже когда-нибудь раньше тамъ бывалъ.

Но, можетъ быть, я былъ перенесенъ давнымъ-давно изъ другой страны, гдѣ лѣсъ и звѣзды были такіе же; быть можетъ, я былъ цвѣткомъ въ лѣсу или жукомъ, который жилъ на акаціи.

А теперь я здѣсь. Я могъ быть птицей, которая пролетѣла весь длинный путь. Или же я могъ быть зернышкомъ въ какомъ-нибудь плодѣ, который былъ присланъ персидскимъ купцомъ.

И вотъ, я вдали отъ городского шума, отъ сутолоки, отъ газетъ,

отъ людей,—я бѣжалъ отъ всего этого, потому что меня снова потянуло въ деревню, въ одиночество,—вѣдь я самъ изъ деревни. Вотъ увидишь, какъ тебѣ будетъ хорошо!—думаю я, и я преисполненъ самыми радужными надеждами. Ахъ, я уже бѣжалъ когда-то такимъ образомъ и снова возвратился въ городъ. И снова бѣжалъ.

Но теперь я принялъ самое твердое рѣшеніе добиться полнаго успокоенія, чего бы мнѣ это ни стоило. Я поселился пока въ одной избѣ, и старая Гунхильдъ—моя хозяйка.

Рябиновыя деревья со спѣлыми коралловыми ягодами разсѣяны по всему хвойному лѣсу. Ягоды падаютъ съ нихъ цѣлыми кистями и тяжело шлепаются о землю. Онѣ сѣютъ себя сами и ихъ такое невѣроятое изобиліе; на одномъ только деревѣ я насчитываю болѣе трехсотъ кистей. А кругомъ на пригоркахъ стоятъ еще голые цвѣты, которые ни за что не хотятъ умирать, хотя время ихъ уже давно прошло.

Но время старой Гунхильдъ также давно уже прошло, а развѣ похоже на то, что она собирается умирать! Она суетится и хлопочетъ, словно смерть не имѣетъ къ ней никакого отношенія. Когда рыбаки стоятъ въ заливѣ и смолятъ свои мережи или красятъ лодки, старая Гунхильдъ идетъ къ нимъ покупать рыбу; правда, глаза ея потухли, но зато у нея сохранились пріемы заправскаго купца.

— Что стòитъ сегодня макрель?—спрашиваетъ она.

— То же, что и вчера,—отвѣчаютъ ей рыбаки.

— Ну и оставайтесь съ вашей макрелью!

И Гунхильдъ направляется домой.

Но рыбаки отлично знаютъ, что Гунхильдъ вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ, кто только притворяется, что идетъ домой. Она уже раньше не разъ уходила въ свою избу, не оглянувшись даже. А потому они кричатъ ей:

— Эй, послушайте! пусть сегодня будетъ семь макрелей въ полдюжинѣ, такъ какъ вы старая покупательница.

Тогда Гунхильдъ покупаетъ рыбу.

На веревкахъ развѣшаны красныя юбки и синія рубахи и бѣлье невѣроятной толщины; все это спрядено и соткано на островѣ старыми женщинами, которыя живутъ еще до сихъ поръ. Но вонъ тамъ висятъ также тонкія сорочки безъ рукавовъ, въ нихъ такъ легко посинѣть отъ холода. А вонъ тамъ маленькая шерстяная кофточка, которую можно вытянуть въ веревочку. Откуда взялись эти странныя вещи? Онѣ принадлежатъ дочерямъ, молодымъ модницамъ, которыя выслужили себѣ эти вещи въ городѣ. При осторожной и рѣд-

кой стиркѣ онѣ выдерживаютъ цѣлый мѣсяцъ. А когда онѣ покрываются дырами, то въ нихъ испытываешь пріятное ощущеніе наготы.

Зато не приходится шутить съ башмаками старой Гунхильдъ. Она обращается черезъ извѣстные промежутки времени къ одному рыбаку, своему ровеснику и единомышленнику, и онъ ставитъ ей новыя подметки и новые верхи, и смазываетъ башмаки такъ щедро особенной мазью, что никакая вода не можетъ справиться съ ними. Я видѣлъ, какъ варится эта мазь: она состоитъ изъ сала, дегтя и смолы.

Вчера, когда я бродилъ по берегу залива и смотрѣлъ на плавающія дрова, на раковины и на камни, я нашелъ вдругъ маленькій осколокъ зеркала. Какъ онъ попалъ сюда, я не понимаю; но онъ производитъ впечатлѣніе какого-то недоразумѣнія и лжи. Не могъ же какой-нибудь рыбакъ привезти его въ лодкѣ сюда, выбросить на берегъ и опять уѣхать! Я оставилъ его лежать тамъ, гдѣ онъ лежалъ. Видно было, что это осколокъ отъ простого зеркала, можетъ быть, отъ коночнаго. Было когда-то время, когда стекло было грубое и зеленое и считалось рѣдкостью. Будь благословенно доброе старое время, когда хоть что-нибудь могло быть рѣдкостью.

Но вотъ на южной оконечности острова надъ рыбацкими избушками началъ подниматься дымъ. Наступилъ вечеръ, варится каша. А по окончаніи ужина благоразумные люди пойдутъ спать, чтобы на слѣдующій день вставать съ ранней зарей. Это только легкомысленная молодежь перебѣгаетъ еще изъ избы въ избу и теряетъ драгоцѣнное время, не понимая своей собственной пользы.

II.

Сегодня къ берегу причалилъ человѣкъ, онъ будетъ красить домъ. Но старая Гунхильдъ такая дряхлая и такъ страдаетъ отъ ревматизма, что она попросила его сперва наколоть ей дровъ на нѣсколько дней. Я самъ часто предлагалъ ей наколоть дровъ, но она находитъ, что я слишкомъ хорошо одѣтъ, и она ни за что не хотѣла выдать мнѣ топоръ.

Новоприбывшій маляръ—маленькій, плотный человѣкъ съ рыжими волосами и безъ бороды. Въ то время какъ онъ колетъ дрова, я стою у окна и наблюдаю за нимъ. Когда я открываю, что онъ разговариваетъ самъ съ собой, я выхожу изъ дому и прислушиваюсь къ его голосу. Если онъ ударяетъ мимо, то онъ остается къ этому равнодушнымъ, но если онъ ударяетъ себя по колѣнамъ, то онъ сердится и говоритъ: Чортъ! Дьявольщина! послѣ чего онъ оглядывается и вдругъ начинаетъ напѣвать, чтобы скрыть то, что онъ сказалъ.

Однако я знаю этого маляра. Но какой же онъ къ чорту маляръ? Это Гриндхюсенъ, одинъ изъ моихъ товарищей по проведенію дороги въ Скрейѣ.

Я подхожу къ нему, онъ узнаетъ меня, и мы вступаемъ съ нимъ въ разговоръ.

Это было много, много лѣтъ тому назадъ, когда мы работали вмѣстѣ, Гриндхюсенъ и я, надъ проведеніемъ дороги; это было въ нашу раннюю молодость. Мы отплясывали по дорогѣ въ самыхъ плачевныхъ башмакахъ, ѣли что попало, и только тогда, когда у насъ бывали деньги. Но если у насъ еще сверхъ этого оставались деньги, то мы устраивали балъ, который продолжался всю ночь съ субботы на воскресенье, и къ намъ присоединялись наши товарищи по работѣ, а хозяйка дома такъ хорошо торговала кофе, что богатѣла. А затѣмъ мы работали бодро и весело всю недѣлю и ждали субботы. Надо сказать, что Гриндхюсенъ былъ большой охотникъ до дѣвушекъ и гонялся за ними, какъ рыжій волкъ.

Помнитъ ли онъ еще время, проведенное нами въ Скрейѣ?

Онъ смотритъ на меня и нѣкоторое время наблюдаетъ за мной. Мнѣ не сразу удается вовлечь его въ свои воспоминанія.

Да, онъ помнитъ Скрейю.

— А помнишь ты Андерса Фила и Спираль? А помнишь ли ты Петру?

Кого?

— Петру, которая была твоей возлюбленной.

— Ее-то я помню. Въ концѣ-концовъ она при мнѣ и осталась.

Гриндхюсенъ снова начинаетъ колоть дрова.

— Такъ она при тебѣ осталась?

— Ну, конечно. Ничего другого не оставалось... Но что я хотѣлъ сказать? Да, ты, я вижу, сталъ важнымъ бариномъ?

— Это почему ты думаешь? Платье? Но развѣ у тебя самого нѣтъ воскреснаго платья?

— Сколько ты заплатилъ за это платье?

— Я не помню, но не очень много, хотя я и не могу сказать навѣрное сколько именно.

Гриндхюсенъ смотритъ на меня съ изумленіемъ и начинаетъ смѣяться.

— Такъ ты не помнишь, сколько ты заплатилъ за свое платье?

Но вдругъ онъ дѣлается серьезнымъ и прибавляетъ, качая головой:

— Нѣтъ, этого не можетъ быть. Вотъ что значитъ быть богатымъ!

Старая Гунхильдъ выходитъ изъ избы, и когда она замѣчаетъ, что мы теряемъ время за болтовней, она отдаетъ Гриндхюсену приказаніе приступить къ окраскѣ дома.

— Вотъ какъ,—ты, значитъ, превратился теперь въ маляра?— говорю я.

Гриндхюсенъ ничего не отвѣчаетъ на это, и я понимаю, что сказалъ нѣчто лишнее въ присутствіи посторонних.

III.

Онъ шпаклюетъ и краситъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, и вскорѣ маленькая избушка на сѣверномъ берегу острова принимаетъ нарядный видъ и издалека сіяетъ свѣжей красной краской. Во время послѣобѣденнаго отдыха я отправляюсь къ Гриндхюсену съ выпивкой. Мы ложимся на землю, болтаемъ и куримъ.

— Маляръ? Я вовсе не маляръ,—говоритъ онъ.—Но когда меня спрашиваютъ, сумѣю ли я выкрасить стѣну избы, то я, конечно, отвѣчаю, что сумѣю. А если меня кто-нибудь спроситъ, сумѣю ли я то и сё, то я также отвѣчу, что умѣю. А у тебя отличная водка, скажу я тебѣ.

Его жена и двѣ дочери жили на растояніи мили отъ острова; онъ ходилъ къ нимъ каждую субботу. Его дочери были уже взрослыя, а одна изъ нихъ была замужемъ, и Гриндхюсенъ былъ дѣдушкой. Онъ долженъ былъ два раза покрыть краской избу Гунхильдъ; а потомъ онъ намѣревался идти въ усадьбу священника, гдѣ онъ подрядился рыть колодецъ. Работы было всегда достаточно по деревнямъ—то тутъ, то тамъ. А когда наступала зима, онъ шелъ въ лѣсъ рубить деревья, или же отдыхалъ нѣкоторое время, ожидая, не подвернется ли какая-нибудь работа. Семья его была не велика, и онъ всегда надѣялся какъ-нибудь пробиться.

— Если бы я только имѣлъ возможность, то я купилъ бы себѣ инструменты, необходимые для каменщика,—сказалъ однажды Гриндхюсенъ.

— А ты развѣ и каменщикъ также?

— Вовсе я не каменщикъ. Но когда колодецъ будетъ вырытъ, то придется выстилать его камнемъ.

Я брожу по острову и по своему обыкновенію думаю о томъ и о другомъ. Покой, покой! Мнѣ кажется, что каждое дерево въ лѣсу изливаетъ на меня небесный покой. Я замѣчаю, что маленькихъ птичекъ осталось очень мало; только вороны молча перелетаютъ съ мѣста на мѣсто и тяжело опускаются на землю. Отъ времени до времени кисти рябины падаютъ съ деревьевъ и тонутъ въ густомъ мхѣ.

Быть можетъ, Гриндхюсенъ и правъ, что человѣкъ всегда можетъ какъ-нибудь пробиться и приспособиться. Я не читалъ газетъ двѣ недѣли, а я живу тѣмъ не менѣе, мнѣ даже хорошо, я совершенствуюсь въ смыслѣ пріобрѣтенія внутренняго мира, я пою, я стою съ непокрытой головой и любуюсь по вечерамъ на звѣздное небо.

Въ послѣднія восемь лѣтъ я сидѣлъ въ кафе и возвращалъ лакеямъ вилку, когда она не была достаточно чиста, но здѣсь у Гунхильдъ я вилки не возвращаю! Замѣтилъ ли ты, говорю я самъ себѣ, что, когда Гриндхюсенъ зажигалъ трубку, то онъ держалъ въ пальцахъ спичку, пока она не сгорѣла почти вся, и при этомъ онъ не обжогъ себѣ пальцевъ? Я обратилъ вниманіе также и на то, что по его рукѣ ползала муха, но онъ ее не согналъ, а можетъ быть онъ даже и не почувствовалъ ея. Вотъ какъ настоящій мужчина долженъ относиться къ мухамъ.

Вечеромъ Гриндхюсенъ садится въ лодку и отчаливаетъ отъ острова. Я брожу по берегу залива, напѣваю, бросаю въ воду камни и вытаскиваю на берегъ плавающія полѣнья. Небо усѣяно звѣздами, и луна ярко сіяетъ. Часа черезъ два Гриндхюсенъ возвращается и въ лодкѣ у него цѣлая коллекція инструментовъ. Онъ навѣрное гдѣ-нибудь стащилъ ихъ,—думаю я. Мы дѣлимъ между собою ношу, взваливаемъ ее себѣ на плечи и прячемъ инструменты въ лѣсу.

Между тѣмъ наступила ночь, и мы расходимся по домамъ.

На слѣдующій день домъ окончательно выкрашенъ, но чтобы выработать полный день, Гриндхюсенъ идетъ рубить дрова до шести часовъ. Я беру лодку Гунхильдъ и отправляюсь на рыбную ловлю, чтобы не присутствовать при его уходѣ. Рыба не ловится, мнѣ холодно, и я часто смотрю на часы. Ну, теперь его уже тамъ больше нѣтъ,—думаю я, и около семи часовъ отправляюсь домой. Оказывается, Гриндхюсенъ уже переправился на материкъ, онъ окликаетъ меня съ берега и прощается со мной.

Мое сердце радостно забилось, словно раздался голосъ изъ далекой поры молодости, изъ Скрейи, звучавшій цѣлый вѣкъ тому назадъ.

Я переправляюсь къ нему на лодкѣ и говорю:

— Справишься ли ты одинъ съ рытьемъ колодца?

— Нѣтъ, мнѣ придется взять еще кого-нибудь съ собой.

— Такъ возьми меня!—сказалъ я.—Подожди здѣсь, я только и ѣду разсчитаюсь.

Но едва я отчалилъ отъ берега, какъ Гриндхюсенъ крикн [illegible]ъ мнѣ:

— Нѣтъ, уже надвигается ночь. А кромѣ того, ты вѣрно бол-т[illegible]чшь зря?

— Подожди нѣсколько минутъ. Мнѣ необходимо только съѣздить на островъ.

И Гриндхюсенъ усѣлся на берегу залива. Онъ, вѣрно, вспомнилъ, что у меня оставалось еще немного отличной водки въ бутылкѣ.

IV.

Была суббота, когда мы пришли въ усадьбу священника. Послѣ долгихъ колебаній Гриндхюсенъ согласился взять меня въ помощники. Я закупилъ провизіи и купилъ себѣ рабочій костюмъ, и стоялъ теперь въ блузѣ и высокихъ сапогахъ. Я былъ свободенъ, и никто меня не зналъ. Я выучился ходить большими тяжелыми шагами, а что касается до пролетарской внѣшности, то какъ мое лицо, такъ и руки уже раньше этимъ отличались. Намъ разрѣшили жить въ усадьбѣ; а харчи мы могли себѣ готовить въ пивоварнѣ.

И вотъ мы начали рыть.

Я хорошо дѣлалъ свое дѣло, и Гриндхюсенъ былъ мною доволенъ.

— Вотъ увидишь, изъ тебя еще выйдетъ работникъ хоть куда,—сказалъ онъ.

Черезъ нѣсколько времени къ намъ вышелъ священникъ, и мы ему поклонились. Это былъ пожилой человѣкъ, говорившій медленно, какъ бы обдумывая свои слова. Его глаза были окружены цѣлой сѣтью морщинъ, которыя, какъ будто образовались вслѣдствіе непрерывнаго добродушнаго смѣха. Онъ извинился передъ нами и сказалъ, что съ курами нѣтъ никакого сладу, и что онѣ постоянно забираются въ садъ, а потому онъ попросилъ бы насъ сперва поправить немного заборъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Гриндхюсенъ отвѣтилъ, что, конечно, этой бѣдѣ можно помочь.

Мы отправились въ садъ и начали чинить заборъ. Въ то время, какъ мы работали, къ намъ подошла молоденькая дѣвушка и стала смотрѣть на нашу работу. Мы поклонились ей, и она показалась мнѣ прекрасной. Потомъ къ намъ подошелъ также мальчикъ-подростокъ, онъ смотрѣлъ на насъ и задавалъ намъ множество вопросовъ. Это были навѣрное братъ и сестра. Работалось такъ легко, пока эти молодыя существа стояли и смотрѣли на насъ.

Но вотъ наступилъ вечеръ. Гриндхюсенъ ушелъ къ себѣ домой, а я остался въ усадьбѣ. Я ночевалъ на чердакѣ.

На другой день было воскресенье. Я не посмѣлъ надѣть свое городское платье, такъ какъ боялся показаться слишкомъ нарядным, но я вычистилъ свой рабочій костюмъ и пробродилъ по усадьбѣ все это тихое воскресное утро. Я болталъ съ работниками и, по ихъ

примѣру, шутилъ съ работницами. Когда въ церкви зазвонили, я послалъ къ господамъ за молитвенникомъ, и сынъ священника вынесъ мнѣ его. Самый большой изъ работниковъ далъ мнѣ надѣть свою куртку, но она всетаки оказалась мала для меня. Однако, когда я снялъ блузу и жилетъ, она кое-какъ влѣзла на меня, и я отправился въ церковь.

Мой внутренній покой, который я вырабатывалъ на островѣ, не стоилъ многаго, какъ это оказалось. Когда загудѣлъ органъ, мое спокойствіе вдругъ исчезло, и я чуть не разрыдался. Чего нюни распустилъ, вѣдь это только неврастенія!—крикнулъ я на себя внутренно. Я усѣлся въ сторонкѣ и старался по возможности скрыть свое волненіе. Но я былъ радъ, когда наконецъ служба окончилась.

Послѣ того какъ я сварилъ себѣ мясо и пообѣдалъ, я получилъ приглашеніе идти въ кухню пить кофе. Въ то время какъ я сидѣлъ тамъ, пришла молодая барышня, которая наканунѣ смотрѣла на нашу работу въ саду. Я всталъ и поклонился ей, и она отвѣтила. Она была такая хорошенькая, потому что была очень молода, и у нея были прелестныя руки. Когда я уходилъ, я забылся и сказалъ:

— Благодарю васъ тысячу разъ за вашу любезность, прелестное созданье!

Она въ изумленіи посмотрѣла на меня, сдвинула брови, и понемногу все ея лицо зардѣлось. Потомъ, пожавъ плечами, она вышла изъ кухни. Она была такая молоденькая.

Нечего сказать, хорошую я штуку выкинулъ!

Очень недовольный собой, я пробрался въ лѣсъ и скрылся тамъ отъ людскихъ глазъ. Ахъ, ты идіотъ, и помолчать не умѣешь! Ахъ, ты дуралей этакій!—ругалъ я себя.

Домъ священника стоялъ на пригоркѣ, а на самой вершинѣ горы находилось плоское мѣсто, поросшее расчищеннымъ лѣсомъ. Мнѣ вдругъ пришла въ голову мысль, что колодецъ слѣдовало бы вырыть на горѣ, а оттуда провести воду въ домъ. Я осматриваю возвышенность и прихожу къ заключенію, что уклонъ достаточно великъ. На обратномъ пути я считаю шаги и насчитываю двѣсти пятьдесятъ футовъ.

А впрочемъ, что мнѣ за дѣло до колодца? Да и не стòитъ снова впадать въ ошибку и подвергаться униженіямъ!

V.

Въ понедѣльникъ утромъ Гриндхюсенъ возвратился въ усадьбу, и мы начали рыть. Старый священникъ опять вышелъ къ намъ и спросилъ, не можемъ ли мы сперва поставить столбъ на дорогѣ, ко-

торая вела въ церковь. Ему такъ нехватало этого столба; онъ раньше уже тамъ стоялъ, но его повалило вѣтромъ. Этотъ столбъ былъ ему необходимъ для того, чтобы вывѣшивать на немъ разныя объявленія и оповѣщенія.

Мы поставили новый столбъ и употребили всѣ старанія, чтобы онъ стоялъ прямо, какъ свѣчка. Намѣсто крыши мы на него надѣли шапочку изъ цинка.

Въ то время какъ я возился съ этой шапочкой, Гриндхюсенъ вдругъ предложилъ выкрасить столбъ въ красную краску; у него оставалось еще немного этой краски отъ дома Гунхильдъ. Однако священникъ хотѣлъ выкрасить столбъ въ бѣлую краску. Такъ какъ Гриндхюсенъ безтолково спорилъ и настаивалъ на своемъ, то я вмѣшался и сказалъ, что объявленія лучше будетъ видно на красномъ фонѣ. Тогда священникъ улыбнулся, при чемъ вокругъ его глазъ образовалась новая сѣть морщинъ, и сказалъ: «Да, ты правъ».

Этого было достаточно: эта улыбка и это поощреніе польстили моему самолюбію, и я былъ гордъ и счастливъ.

Позже къ намъ подошла и молодая барышня. Она сказала нѣсколько словъ Гриндхюсену и спросила, что это за красный кардиналъ, котораго онъ поставилъ на дорогѣ? Мнѣ она не сказала ни слова и даже не взглянула на меня, когда я ей поклонился...

Обѣдъ былъ для меня тяжкимъ испытаніемъ. Не потому, что кушанье было плохое, нѣтъ! Но Гриндхюсенъ такъ отвратительно ѣлъ супъ, и губы его лоснились отъ свиного сала! Хотѣлъ бы я видѣть, какъ онъ ѣстъ кашу?—думалъ я истерично.

Когда Гриндхюсенъ растянулся на скамейкѣ, собираясь предаться послѣобѣденному отдыху въ томъ же жирномъ состояніи, я не вытерпѣлъ и закричалъ на него:

— Да вытри же себѣ ротъ, чтобъ тебя!

Онъ посмотрѣлъ на мена, вытерся и потомъ посмотрѣлъ на свою руку.

— Ротъ?—спросилъ онъ.

Я долженъ былъ обратить все въ шутку:—Хо-хо, ловко я тебя надулъ, Гриндхюсенъ!—Но я былъ недоволенъ самимъ собой и сейчасъ же вышелъ изъ пивоварни.

Какъ бы тамъ ни было, думалъ я, а я заставлю-таки молодую барышню отвѣчать мнѣ на мои поклоны. Скоро она узнаетъ, что я человѣкъ недюжинный. Я вспомнилъ про колодецъ съ водопроводомъ. Что, если бы я составилъ цѣлый планъ? Однако у меня не было нивелира, при помощи котораго я могъ бы опредѣлить уклонъ. И вотъ я началъ самъ изготовлять этотъ инструментъ. Мнѣ удалось устроить

и нивелиръ, и ватерпасъ при помощи деревянной трубы и ламповаго стекла, которое я замазалъ съ двухъ сторонъ, наполнивъ предварительно водой.

Между тѣмъ въ усадьбѣ священника набиралось все больше работы: то надо было переложить плиту передъ крыльцомъ, то поправить стѣну, то привести въ порядокъ гумно. Священникъ любилъ, чтобы все было въ полномъ порядкѣ, а намъ было все равно, такъ какъ мы работали поденно. Однако, по мѣрѣ того какъ дни шли, я чувствовалъ себя все хуже и хуже въ обществѣ моего товарища. То обстоятельство, что онъ прижималъ хлѣбъ къ груди и отрѣзалъ отъ него ломоть складнымъ замасленнымъ ножомъ, который онъ предварительно тщательно вылизывалъ, могло причинить мнѣ настоящее страданіе. При этомъ надо еще имѣть въ виду, что онъ никогда не мылся всю недѣлю отъ воскресенья до воскресенья. А утромъ до восхода солнца и вечеромъ послѣ захода солнца на кончикѣ его носа всегда висѣла прозрачная капля. А ногти его! Объ ушахъ лучше и не говорить!

Увы, я былъ выскочкой, который выучился хорошимъ манерамъ въ ресторанахъ. Такъ какъ я не могъ удерживаться отъ того, чтобы не выговаривать моему товарищу за его неопрятность, то между нами создались недружелюбныя отношенія, и я сталъ опасаться, что намъ придется вскорѣ разстаться. Мы обмѣнивались другъ съ другомъ только самыми необходимыми словами.

Колодецъ такъ и оставался невырытымъ. Настало воскресенье, и Гриндхюсенъ ушелъ домой.

Между тѣмъ мой нивелиръ былъ готовъ, и я влѣзъ послѣ обѣда на крышу главнаго зданія и сталъ измѣрять уклонъ. Уровень крыши пришелся на нѣсколько метровъ ниже вершины горы. Отлично. Если изъ этого вычесть еще цѣлый метръ до уровня воды въ колодцѣ, то и тогда давленіе будетъ достаточно.

Въ то время, какъ я лежалъ на крышѣ и дѣлалъ измѣренія, я былъ открытъ сыномъ священника. Его звали Харольдъ Мельцеръ. Что я дѣлаю тамъ на крышѣ? Измѣряю гору? Зачѣмъ? Зачѣмъ мнѣ нужно знать вышину горы? Дай и мнѣ измѣрить!

Позже я досталъ веревку въ десять метровъ и могъ измѣрить гору съ верху до низу. Харольдъ помогалъ мнѣ. Когда мы спустились на дворъ, я пошелъ къ священнику и изложилъ ему свой планъ.

VI.

Священникъ выслушалъ меня и не забраковалъ тотчасъ же моего плана.

— Такъ вотъ что ты придумалъ?—сказалъ онъ и улыбнулся. Что же, можетъ быть, это было бы и хорошо. Но вѣдь эта затѣя обойдется очень дорого. Да и къ чему намъ это?

— До того колодца, который мы начали рыть, семьдесятъ шаговъ. Зимой и лѣтомъ во всякую погоду служанки должны проходить эти семьдесятъ шаговъ.

— Правда. Но вѣдь это будетъ стóить страшныхъ денегъ.

— Если не считать колодца, который вы во всякомъ случаѣ хотите вырыть, то собственно водопроводъ съ трубами и работой обойдется приблизительно въ двѣсти кронъ.

Священникъ привскочилъ.

— Не болѣе?

— Нѣтъ.

Я давалъ отвѣты съ нѣкоторымъ раздумьемъ и неувѣренно, какъ если бы я отъ природы былъ нерѣшительнымъ. А между тѣмъ у меня уже давно все было обдумано и разсчитано.

— Конечно, это было бы большимъ облегченіемъ,—сказалъ священникъ задумчиво.—Да и водяной ушатъ въ кухнѣ не очень-то опрятенъ.

— А вся та вода, которую приходится таскать въ спальни.

— Ну, въ этомъ отношеніи облегченія не будетъ. Спальни во второмъ этажѣ.

— Но мы проведемъ воду во второй этажъ.

— Да? Во второй этажъ? И для этого будетъ достаточно давленія?

Тутъ я еще дольше не отвѣчалъ и притворился, будто очень туго соображаю.

— Я думаю, что могу поручиться, что водяная струя хватитъ черезъ крышу дома,—сказалъ я, наконецъ.

— Да что ты!—воскликнулъ священникъ.—Пойдемъ-ка, посмотримъ, гдѣ ты хочешь копать колодецъ.

Мы пошли на гору: священникъ, Харольдъ и я. Я далъ священнику нивелиръ и убѣдилъ его въ томъ, что давленія будетъ болѣе, чѣмъ достаточно.

— Я поговорю объ этомъ съ твоимъ товарищемъ,—сказалъ онъ.

На это я отвѣтилъ, умаляя достоинства Гриндхюсена:

— Онъ этого не понимаетъ.

Священникъ посмотрѣлъ на меня.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ онъ.

Мы начали спускаться съ горы. Священникъ разсуждалъ какъ бы самъ съ собою:

— Ты правъ, зимой вѣчная возня съ ноской воды. Да и лѣтомъ не лучше. Я поговорю объ этомъ со своей семьей.

И онъ вошелъ въ домъ.

Прошло минутъ десять, послѣ чего меня позвали къ главному крыльцу, гдѣ была собрана вся семья.

— Это ты хочешь устроить у насъ водопроводъ?—спросила барыня ласково.

Я снялъ фуражку неуклюжимъ движеніемъ, а священникъ отвѣтилъ за меня: да, молъ, это онъ и есть.

Барышня бросила на меня любопытный взглядъ и сейчасъ же начала весело болтать съ Харольдомъ. Барыня продолжала меня выспрашивать: И это дѣйствительно будетъ такой же водопроводъ, какіе бываютъ въ городѣ? Стóитъ только повернуть кранъ, и вода польется? И во второмъ этажѣ то же самое? Около двухсотъ кронъ? Знаешь, я думаю, стóило бы это устроить!—сказала она, обращаясь къ мужу.

— Ты совѣтуешь? Но пойдемъ на гору, тогда мы всѣ еще разъ посмотримъ!

Мы пошли опять на гору, я направилъ нивелиръ, и всѣ смотрѣли.

— Какъ это интересно!—сказала барыня.

Барышня не проронила ни слова.

Священникъ спросилъ:

— Но есть ли здѣсь вода?

Я отвѣтилъ очень разумно, что рисковано было бы утверждать это, но что здѣсь были хорошіе признаки.

— Какіе признаки?—спросила жена.

— Во-первыхъ, почва. А кромѣ того здѣсь растетъ ива и буковое дерево. А ива любитъ воду.

Священникъ кивнулъ головой и сказалъ:

— Этотъ парень не дуракъ, Мари.

На обратномъ пути барыня вспомнила еще одно вѣское обстоятельство, говорившее въ пользу водопровода: она вспомнила, что могла бы отпустить одну лишнюю служанку. Чтобы поддержать ее, я замѣтилъ:

— Особенно лѣтомъ. Поливку сада можно производить посредствомъ кишки, которую можно просовывать въ подвальное окно.

— Да вѣдь это великолѣпно!—воскликнула она.

Но я удержался и промолчалъ про скотный дворъ. Между тѣмъ я уже разсчиталъ, что если бы вырыть колодецъ вдвое больше и провести отдѣльныя трубы на скотный дворъ, то скотница получила бы

такое же облегченіе, какъ и кухарка. Но это потребовало бы двойныхъ расходовъ. Было бы неблагоразумно предлагать такой большой проектъ.

Какъ бы то ни было, но мнѣ пришлось ждать возвращенія Гриндхюсена. Священникъ сказалъ, что онъ пойдетъ отдохнуть.

VII.

Я рѣшилъ подготовить своего товарища къ тому, что колодецъ придется рыть на горѣ. Чтобы не возбудить въ немъ подозрѣнія, я свалилъ все на священника и сказалъ, что онъ первый придумалъ это, а я его только поддержалъ. Гриндхюсенъ на все согласился. Онъ сейчасъ же сообразилъ, что у насъ прибавится работы, такъ какъ намъ придется рыть канавы для проведенія трубъ.

Къ моей радости на слѣдующее утро въ понедѣльникъ священникъ обратился къ Гриндхюсену съ полувопросомъ:

— Твой товарищъ и я рѣшили рыть колодецъ на горѣ и провести оттуда воду въ домъ; что думаешь ты объ этомъ безуміи?

Гриндхюсенъ отвѣтилъ, что это великолѣпная мысль.

Но когда мы начали подробнѣе обсуждать это дѣло и всѣ трое пошли осматривать мѣсто, гдѣ предполагалось рыть колодецъ, то у Гриндхюсена явилось подозрѣніе, что я игралъ во всей этой затѣѣ гораздо болѣе видную роль, нежели я это хотѣлъ показать. Онъ сказалъ, что канавы для трубъ должны быть очень глубоки въ виду промерзанія почвы.

— Метръ и три четверти глубины,—перебилъ я его.

— И это обойдется очень дорого,—продолжалъ Гриндхюсенъ.

— Твой товарищъ говоритъ, что не болѣе двухсотъ кронъ,—замѣтилъ священникъ.

Гриндхюсенъ не умѣлъ дѣлать никакихъ вычисленій, а потому онъ могъ только сказать на это:

— Да, да, двѣсти кронъ, но и это деньги.

Я сказалъ:

— Зато священнику придется уплатить меньше, когда онъ покинетъ усадьбу.

Священникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Но я не собираюсь покидать усадьбы,—сказалъ онъ.

— Ну, тогда надо надѣяться, что вы будете имѣть удовольствіе отъ водопровода во всю вашу долгую жизнь,—сказалъ я.

Священникъ опять посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Кнутъ Педерсенъ.

— Откуда ты?

— Изъ Нордланда.

Я отлично понялъ, почему подвергся этому допросу, и рѣшилъ никогда больше не говорить этимъ языкомъ, заимствованнымъ изъ романовъ.

Между тѣмъ вопросъ о колодцѣ и водопроводѣ былъ рѣшенъ, и мы принялись за работу...

Наступили дни, полные интереса. Вначалѣ я находился въ напряженномъ состояніи,—въ ожиданіи, найдется ли вода на томъ мѣстѣ, гдѣ мы рыли, и я плохо спалъ нѣсколько ночей. Но вскорѣ это состояніе прошло, и намъ оставалось только усердно работать. Воды было достаточно; дня черезъ два мы должны были каждое утро вычерпывать воду лоханками. Почва была глинистая, и мы увязали въ топкомъ колодцѣ.

Спустя недѣлю мы начали выкладывать стѣны колодца камнемъ; къ этой работѣ мы привыкли въ Скрейѣ. Покопавъ еще недѣлю, мы дошли до необходимой глубины и принялись выводить стѣны колодца, такъ какъ земля была настолько топкая, что грозила обрушиться и засыпать насъ.

Такъ мы работали недѣлю за недѣлей. Колодецъ вышелъ очень большой и работа наша шла счастливо, священникъ былъ доволенъ. У насъ съ Гриндхюсеномъ отношенія улучшились, а когда онъ узналъ, что я не хочу за свою работу большаго жалованья, нежели то, которое полагается хорошему чернорабочему, хотя я по большей части руководилъ работой, то и онъ пожелалъ сдѣлать для меня что-нибудь пріятное, и онъ началъ ѣсть аппетитнѣе. Мнѣ жилось такъ хорошо, что я рѣшилъ, что никогда больше никому не удастся заманить меня въ городъ.

По вечерамъ я бродилъ въ лѣсу или на кладбищѣ, читалъ надгробныя надписи и думалъ то о томъ, то о другомъ. Между прочимъ, я задался цѣлью отыскать ноготь отъ какого-нибудь покойника. Этотъ ноготь былъ мнѣ нуженъ для одной глупой выдумки. Я нашелъ хорошій кусокъ березоваго корня, изъ котораго я вырѣзалъ трубку въ видѣ кулака; большой палецъ долженъ былъ изображать крышку и мнѣ хотѣлось вставить въ него ноготь, чтобы сдѣлать его естественнѣе. На четвертый палецъ я хотѣлъ надѣть кольцо.

Посредствомъ такихъ глупостей я добился того, что голова моя стала здравой. Жизнь моя текла спокойно, и я никуда не торопился, я могъ мечтать безъ помѣхи, вечера принадлежали мнѣ. Если бы это было возможно, то я постарался бы вызвать въ себѣ благоговѣйное

чувство къ святости церкви и страхъ къ мертвецамъ; какъ-то давно-давно я испытывалъ это мистическое чувство, въ которомъ было столько содержательнаго, и мнѣ хотѣлось снова возродить его въ своей душѣ. Быть можетъ, если я найду ноготь, то изъ какой-нибудь могилы раздастся: это мой! и я выроню ноготь и, пораженный страхомъ, убѣгу съ кладбища безъ оглядки.

— Какъ отвратительно скрипитъ этотъ флюгеръ на башнѣ,— говорилъ иногда Гриндхюсенъ.

— Ты боишься?

— Не то, чтобы я боялся, но мнѣ становится жутко ночью, когда я думаю, что мертвецы отъ насъ такъ близко.

Счастливый Гриндхюсенъ!

Однажды Харольдъ показалъ мнѣ, какъ надо сажать мелкія растенія и кустарникъ. Въ этомъ искусствѣ я ничего не смыслилъ, такъ какъ въ то время, когда я посѣщалъ начальную школу, этому дѣтей не обучали. Но теперь я съ увлеченіемъ занимался садовымъ дѣломъ по воскресеньямъ. Въ благодарность я выучилъ Харольда многому, что можетъ быть полезно въ его возрастѣ. Мы стали съ нимъ большими друзьями.

VIII.

Все было бы прекрасно, если бы не было молодой барышни, въ которую я влюблялся съ каждымъ днемъ все больше и больше. Ее звали Элишеба̀ (Елизавета). Ее нельзя было назвать красавицей, но у нея были алыя губки и голубые глаза съ яснымъ взоромъ очень молоденькой дѣвушки,—и это дѣлало ее прелестной. Элишеба̀, Елизавета, ты едва распускаешься для жизни и твои глаза впервые увидали свѣтъ. Когда ты однажды вечеромъ разговаривала съ молодымъ Эрикомъ съ сосѣдняго двора, то въ глазахъ твоихъ появилось томное и нѣжное выраженіе . . . .

Что касается до Гриндхюсена, то для него не было никакой опасности. Въ молодые годы онъ былъ большимъ охотникомъ до молодыхъ дѣвушекъ, да и теперь еще онъ ходилъ козыремъ по старой привычкѣ и шляпу носилъ на-бекрень. Но онъ притихъ и уходился, чего и слѣдовало ожидать; это былъ законъ природы. Однако не всѣ слѣдовали закону природы и не притихали,—чѣмъ это могло кончиться для нихъ? А тутъ еще, какъ на грѣхъ, появилась эта маленькая Елизавета! Впрочемъ, она вовсе не была маленькой, она была одного роста съ матерью. И у нея была высокая грудь матери.

Съ того перваго воскресенья меня больше не приглашали въ

кухню пить кофе, и я этого вовсе не хотѣлъ и самъ старался избѣгать этого. Мнѣ все еще было стыдно. Но вотъ однажды среди недѣли ко мнѣ пришла одна изъ служанокъ и сказала, чтобы я не уходилъ въ лѣсъ каждое воскресенье послѣ обѣда, а приходилъ бы пить кофе. Такъ хотѣла барыня.

Ладно.

Надѣть мнѣ мое городское платье? Быть можетъ, было бы не лишнее, если бы молодая дѣвушка составила обо мнѣ нѣсколько иное мнѣніе, если бы она догадалась, что я по собственному почину бросилъ городскую жизнь и переодѣлся въ работника, но что я на самомъ дѣлѣ талантливый техникъ, знающій водопроводное дѣло. Но когда я одѣлся въ городское платье, то я сейчасъ же почувствовалъ, что костюмъ работника мнѣ идетъ больше, и я снова переодѣлся и спряталъ свое парадное платье въ мѣшокъ.

Однако въ кухнѣ меня приняла вовсе не барышня, а барыня. Она долго разговаривала со мной и подложила мнѣ подъ чашку бѣлую салфеточку.

— А этотъ фокусъ съ яйцами намъ обходится довольно дорого,—сказала она съ добродушной улыбкой.

Фокусъ заключался въ томъ, что я выучилъ Харольда вводить очищенное крутое яйцо въ графинъ, въ которомъ предварительно разрѣдили воздухъ. Въ этомъ заключались мои единственныя познанія по физикѣ.

— Я ничего не понимаю во всѣхъ этихъ опытахъ, но это очень поучительно,— продолжала барыня.— А когда будетъ готовъ колодецъ?

— Колодецъ готовъ. Завтра мы начнемъ копать канавы.

— Сколько времени пойдетъ на это?

— Съ недѣлю. А потомъ можно будетъ начать прокладывать трубы.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Я поблагодарилъ за кофе и ушелъ. У барыни была привычка, которую она, вѣроятно, сохранила съ молодыхъ лѣтъ: отъ времени до времени она бросала косой взглядъ, хотя она ничуть не косила.

Но вотъ въ лѣсу стали попадаться желтые листья и запахло осенью. Зато наступила пора грибовъ, которые растутъ повсюду, на пняхъ, на кочкахъ, вездѣ встрѣчаешь шампиньоны, рыжики и сыроѣшки. То тутъ, то тамъ ярко краснѣла шапка мухомора. Странный грибъ! Онъ растетъ на той же почвѣ, на которой растутъ съѣдобные грибы, онъ питается тѣми же соками и при тѣхъ же условіяхъ пользуется солнечными лучами и влагой, и по внѣшно-

сти онъ такой крѣпкій и, казалось бы, годный для ѣды,—но онъ ядовитъ. Я когда-то хотѣлъ выдумать прелестную сказку о мухоморѣ и сказать, что я ее. вычиталъ въ какой-нибудь книгѣ.

Я всегда съ интересомъ наблюдалъ за борьбой за существованіе цвѣтовъ и насѣкомыхъ. Какъ только появлялось солнце и согрѣвало воздухъ, они снова оживали и на нѣсколько часовъ предавались радости существованія; большія мухи казались такими же сильными и живыми, какъ и среди лѣта. Здѣсь существовалъ особенный видъ земляныхъ блохъ, которыхъ я раньше не видалъ. Онѣ были маленькія и желтыя и величиной съ запятую въ мелкомъ печатномъ шрифтѣ; но онѣ прыгали на разстояніе въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе длинное, нежели онѣ сами. Какой невѣроятной силой обладали эти маленькія созданія въ сравненіи съ величиной ихъ собственнаго тѣла! Вонъ ползетъ маленькій паукъ, у котораго задняя часть похожа на свѣтло-желтую бусину. Эта бусина такъ тяжела, что насѣкомое ползетъ по соломинкѣ, повернувъ спину къ низу. Когда онъ встрѣчаетъ препятствіе, черезъ которое его бусина не пролѣзаетъ, онъ падаетъ прямо внизъ и снова ползетъ по другой соломинкѣ...

Но вотъ я слышу, что кто-то меня зоветъ. Это Харольдъ. Онъ устроилъ для меня воскресную школу. Онъ задалъ мнѣ урокъ изъ Понтоппидана и теперь хочетъ прослушать меня. Меня трогаетъ мысль, что мнѣ объясняютъ Законъ Божій такъ, какъ я хотѣлъ, чтобы мнѣ объясняли его, когда я самъ былъ ребенкомъ.

IX.

Колодецъ готовъ, канавы выкопаны, и водопроводчикъ, который долженъ прокладывать трубы, пріѣхалъ. Онъ выбралъ себѣ въ помощники Гриндхюсена, а мнѣ было поручено провести трубы изъ подвала во второй этажъ.

Въ то время, какъ я рылъ канаву въ подвалѣ, туда пришла однажды барыня. Я крикнулъ ей, чтобы она была осторожнѣе, но она отнеслась очень весело къ моему предупрежденію.

— Здѣсь нѣтъ ямы?—спросила она, указывая на одно мѣсто.— И здѣсь тоже нѣтъ?

Наконецъ она оступилась и упала ко мнѣ въ канаву. Въ канавѣ и безъ того не было свѣтло, но она навѣрное ничего не видѣла, такъ какъ пришла со свѣта. Она стала нащупывать стѣны ямы и спросила:

— Вѣроятно, можно выбраться наверхъ?

Я поднялъ ее, и она вышла изъ ямы. Это было нетрудно, такъ какъ она была очень тоненькая, несмотря на то, что была матерью взрослой дѣвушки.

— Надо было бы быть осторожнѣе!—сказала она, отряхивая съ платья землю.—Это былъ хорошій прыжокъ... Тебѣ придется какъ-нибудь придти во второй этажъ помочь мнѣ переставить кое-что, придешь? Но намъ придется подождать и воспользоваться тѣмъ временемъ, когда мой мужъ уѣдетъ въ приходъ; онъ не любитъ никакихъ перемѣнъ. Когда вы окончите здѣсь всю работу?

Я назначилъ приблизительный срокъ, недѣлю или около того.

— А отсюда вы куда пойдете?

— На сосѣдній дворъ.

Гриндхюсенъ обѣщалъ тамъ копать картофель.

Черезъ нѣсколько времени мнѣ пришлось пойти въ кухню пропиливать въ полу отверстіе для трубы. Случилось такъ, что барышнѣ понадобилось въ кухнѣ что-то именно въ то время, когда я тамъ работалъ. Она побѣдила свою антипатію ко мнѣ и обратилась ко мнѣ съ нѣсколькими словами, и осталась посмотрѣть на работу.

— Подумай, Олина, вѣдь тебѣ придется только повернуть кранъ, и вода пойдетъ,—сказала она служанкѣ.

Но старая Олина, повидимому, вовсе не была отъ этого въ восторгѣ.

— Это прямо смѣшно,—увѣряла она,—проводить воду въ самую кухню. Двадцать лѣтъ таскала она всю воду, необходимую для дома, что же она теперь будетъ дѣлать?

— Отдыхать,—сказалъ я.

— Отдыхать?! Я думаю, что человѣкъ созданъ для того, чтобы работать.

— Ты можешь шить также свое приданое,—сказала барышня съ улыбкой.

Она болтала по-дѣтски, но я былъ ей благодаренъ за то, что она приняла участіе въ разговорѣ нашего брата, и за то, что она осталась на нѣсколько минутъ въ кухнѣ. И, Боже мой, какъ живо я работалъ, и какъ я удачно давалъ отвѣты, и какъ я былъ остроуменъ! Помню это еще до сихъ поръ. Но вдругъ фрёкенъ Елизавета какъ будто вспомнила, что ей непристойно долго разговаривать съ нами, она ушла.

Вечеромъ я пошелъ по своему обыкновенію на кладбище; но когда увидалъ, что барышня пришла туда раньше меня, то я сейчасъ же туда убрался и пошелъ бродить по лѣсу. Потомъ я подумалъ: «Ее, чечно, тронетъ моя деликатность», и она скажетъ: «Бѣдный, какъ

это было мило съ его стороны»! Нехватало только, чтобы она пошла за мною въ лѣсъ. Тогда я всталъ бы, удивленный, съ своего камня и поклонился бы ей. Она казалась бы немного смущенной и сказала бы: «А я хотѣла только пройтись немного, здѣсь такъ хорошо бываетъ вечеромъ, но что ты здѣсь дѣлаешь?» Я просто сижу здѣсь, отвѣтилъ бы я ей, какъ бы отрываясь отъ своихъ думъ и глядя на нее невинными глазами. И когда она услышитъ, что я сижу позднимъ вечеромъ въ лѣсу, то она пойметъ, что у меня глубокая душа, и что я мечтатель, и она влюбится въ меня...

На слѣдующій вечеръ она опять была на кладбищѣ, и меня вдругъ пронзила дерзкая мысль: это она приходитъ ради меня! Но когда я посмотрѣлъ на нее внимательнѣе, то оказалось, что она была занята чѣмъ-то у одной могилы,—значитъ, она приходила не ради меня. Я пошелъ опять въ лѣсъ и наблюдалъ за животными до тѣхъ поръ, пока могъ видѣть; потомъ я прислушивался къ тому, какъ на землю падали еловыя шишки и кисти рябины. Я напѣвалъ, свистѣлъ и думалъ. Отъ времени до времени я вставалъ и ходилъ, чтобы согрѣться. Часы шли, наступила ночь, я былъ такъ влюбленъ, я шелъ съ непокрытой головой и предоставлялъ звѣздамъ смотрѣть на меня.

— Который теперь часъ?—спрашивалъ иногда Гриндхюсенъ, когда я наконецъ приходилъ на чердакъ.

— Одиннадцать,—отвѣчалъ я, тогда какъ бывало и два, и три часа утра.

— И ты находишь, что это подходящее время для того, чтобы ложиться спать? Фу, чтобъ тебѣ пусто было! Будить людей, когда они такъ хорошо заснули!

Гриндхюсенъ переворачивался на другой бокъ и черезъ мгновеніе засыпалъ. Счастливый Гриндхюсенъ!

Но, Боже, какого шута гороховаго представляетъ изъ себя пожилой человѣкъ, когда онъ влюбляется. А я-то долженъ былъ являться примѣромъ того, какъ человѣкъ находитъ душевный миръ и покой!

X.

Прошелъ какой-то человѣкъ за инструментами каменщика, которые ему принадлежали. Какъ, Гриндхюсенъ, значитъ, не укралъ ихъ! Какъ все было жалко и мелочно, что касалось Гриндхюсена; ни въ чемъ онъ не проявлялъ ни ловкости, ни сообразительности.

Я сказалъ:

— Послушай, Гриндхюсенъ, ты только и годенъ на то, чтобы ѣсть, спать и работать. Вотъ пришелъ человѣкъ за инструментами.

Оказывается, что ты ихъ только взялъ на подержаніе, жалкое ты созданіе!

— Ты дуракъ,—сказалъ обиженный Гриндхюсенъ.

Но я сейчасъ же умилостивилъ его, какъ бывало и раньше, превративъ все въ шутку.

— Что мы теперь будемъ дѣлать!—сказалъ онъ.

— Бьюсь объ закладъ, что ты знаешь, что мы будемъ дѣлать,—сказалъ я.

— Ты думаешь?

— Да. Насколько я тебя знаю.

И Гриндхюсенъ былъ смягченъ.

Но во время послѣобѣденнаго отдыха, когда я стригъ ему волосы, я опять обидѣлъ его, посовѣтовавъ ему мыть свою голову.

— Какъ такой пожилой человѣкъ, какъ ты, можетъ говорить такія глупости,—сказалъ онъ.

Кто знаетъ, быть можетъ, Гриндхюсенъ былъ и правъ. Онъ сохранилъ въ цѣлости всѣ свои рыжіе волосы, хотя онъ былъ уже дѣдомъ.

Не появились ли привидѣнія на чердакѣ? Кто приходилъ туда, чтобы прибрать все и придать чердаку болѣе уютный видъ? У Гриндхюсена и у меня были отдѣльныя постели. Я купилъ себѣ два одѣяла, тогда какъ Гриндхюсенъ спалъ всегда въ платьѣ; онъ валился на сѣно гдѣ попало, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ходилъ весь день. Теперь кто-то привелъ въ порядокъ то мѣсто, на которомъ я спалъ; одѣяла были разложены аккуратно, такъ что стало походить на кровать. Я ничего противъ этого не имѣлъ; это навѣрное одна изъ служанокъ захотѣла показать мнѣ, какъ живутъ порядочные люди. Не все ли равно.

Мнѣ пришлось пропиливать отверстіе въ полу во второмъ этажѣ, но барыня попросила меня подождать до слѣдующаго дня, когда священникъ уѣдетъ въ приходъ, чтобы его не безпокоить. Однако, на слѣдующее утро опять изъ этого ничего не вышло: барышня стояла одѣтая и собиралась идти въ лавку за большими покупками, а мнѣ пришлось сопровождать ее, чтобы нести покупки.

— Хорошо,—сказалъ я,—я пойду позади.

Милая дѣвушка, такъ она рѣшилась покориться и перенести мое об щество? Она сказала:

— Но развѣ ты найдешь дорогу одинъ?

— Конечно. Я уже раньше тамъ бывалъ, мы закупаемъ тамъ н пу провизію.

Такъ какъ мнѣ неловко было идти по всей деревнѣ въ моемъ ра-

бочемъ платьѣ, вымазанномъ глиной, то я надѣлъ городскіе штаны, но блузу оставилъ. Въ такомъ видѣ я отправился слѣдомъ за барышней. До лавки было больше полумили; на послѣдней верстѣ я увидалъ впереди себя барышню, но я старался не слишкомъ приближаться къ ней. Разъ она обернулась; тогда я сдѣлался совсѣмъ маленькимъ и скрылся въ опушкѣ лѣса.

Барышня осталась въ деревнѣ у одной подруги, а я вернулся домой къ обѣду съ покупками. Меня позвали обѣдать въ кухню. Весь домъ, точно вымеръ; Харольдъ куда-то ушелъ, служанки катали бѣлье, только Олина возилась въ кухнѣ.

Послѣ обѣда я пошелъ въ коридоръ во второй этажъ и началъ пилить.

— Иди же, помоги мнѣ немного,—сказала барыня и пошла впереди меня.

Мы прошли черезъ контору священника и вошли въ спальню.

— Я хочу переставить свою кровать,—сказала барыня.—Она стоитъ слишкомъ близко къ печкѣ, зимой здѣсь слишкомъ тепло.

Мы переставили кровать ближе къ окну.

— Ты не находишь, что такъ будетъ лучше? Прохладнѣе?—спросила она.

Случайно я взглянулъ на нее, она смотрѣла на меня своимъ косымъ взоромъ. Ахъ! Кровь бросилась мнѣ въ голову, въ глазахъ у меня потемнѣло, я услыхалъ, какъ она говорила:

— Ты съ ума сошелъ! Но, милый мой,—дверь.

Потомъ я услыхалъ свое имя, произносимое шопотомъ нѣсколько разъ...

Я пропилилъ отверстіе во второмъ этажѣ и привелъ все въ порядокъ. Барыня была все время тамъ же. Ей такъ хотѣлось говорить, объясниться, и она и смѣялась, и плакала въ одно и то же время.

Я сказалъ:

— А картина, которая виситъ на стѣнѣ, развѣ ее не надо перевѣсить?

— Да, конечно,—отвѣтила барыня.

И мы опять пошли въ спальню.

XI.

Но вотъ водопроводъ былъ готовъ, краны привинчены; вода лила съ силой. Гриндхюсену удалось добыть необходимые инструменты въ другомъ мѣстѣ, такъ что мы могли закончить мелкую работу. А когда мы дня черезъ два засыпали всѣ канавы, то работа наша въ усадьбѣ священника была совершенно закончена. Священникъ остался нами

доволенъ. Онъ предложилъ даже вывѣсить на красномъ столбѣ объявленіе о томъ, что мы мастера въ водопроводномъ дѣлѣ. Но такъ какъ была уже поздняя осень и почва могла замерзнуть когда угодно, то это не могло намъ принести никакой пользы. На мѣсто этого мы попросили его вспомнить о насъ весною.

Мы переселились въ сосѣдній дворъ, гдѣ нанялись копать картофель. Предварительно мы обѣщали, въ случаѣ надобности, снова возвратиться въ усадьбу священника.

На новомъ мѣстѣ было много народу, и намъ было тамъ хорошо и весело. Но работы едва было на одну недѣлю, а потомъ мы снова были свободны.

Однажды вечеромъ къ намъ пришелъ священникъ и предложилъ мнѣ мѣсто работника у себя въ усадьбѣ. Предложеніе было соблазнительное, и я задумался надъ нимъ немного, но кончилъ тѣмъ, что отказался. Я предпочиталъ бродить кругомъ и быть свободнымъ, исполнять случайную работу, спать подъ открытымъ небомъ и дѣлать, что мнѣ вздумается. Я встрѣтился на картофельномъ полѣ съ человѣкомъ, съ которымъ я хотѣлъ войти въ компанію, когда я разстанусь съ Гриндхюсеномъ. Этотъ новый человѣкъ былъ во многихъ отношеніяхъ моимъ единомышленникомъ и, судя по тому, что я видѣлъ и слышалъ, онъ долженъ былъ быть также хорошимъ работникомъ. Его звали Ларсъ Фалькбергетъ, но онъ называлъ себя Фалькенбергомъ.

Молодой Эрикъ былъ нашимъ руководителемъ при уборкѣ картофеля, а кромѣ того, онъ объѣзжалъ молодыхъ лошадей. Это былъ красивый двадцатилѣтній юноша, стройный и хорошо развитой для своихъ лѣтъ и съ благородной внѣшностью помѣщичьяго сына. Навѣрное между нимъ и фрёкенъ Елизаветой было что-нибудь, потому что она однажды пришла къ намъ въ поле и долго разговаривала съ нимъ. Уже уходя, она бросила и мнѣ нѣсколько словъ о томъ, что Олина начала понемногу свыкаться съ водопроводомъ.

— А вы сами?—спросилъ я.

Она изъ вѣжливости отвѣтила и на это, но я хорошо видѣлъ, что она не хотѣла разговаривать со мной.

Она была такъ прелестно одѣта. На ней было новое, свѣтлое платье, которое такъ хорошо шло къ ея голубымъ глазамъ...

На слѣдующій день съ Эрикомъ случилось несчастіе. Лошадь понесла, онъ упалъ и его потащило по землѣ и онъ сильно расшибся о заборъ. Онъ былъ очень помятъ и харкалъ кровью даже черезъ нѣсколько часовъ, когда уже пришелъ въ себя. Фалькенбергъ долженъ былъ замѣнить его.

Я притворился, что огорченъ этимъ несчастіемъ, и былъ мраченъ и молчаливъ, но я вовсе не былъ огорченъ. Конечно, я не питалъ никакихъ надеждъ относительно фрёкенъ Елизаветы; но тотъ, кто стоялъ мнѣ поперекъ дороги, теперь убрался.

Вечеромъ я пошелъ на кладбище и усѣлся тамъ. Что если бы теперь пришла фрёкенъ Елизавета!—думалъ я. Прошло четверть часа, и она пришла. Я быстро поднялся и притворился, что хочу уходить, но потомъ, какъ бы опомнившись, я остался. Но тутъ самообладаніе покинуло меня, я почувствовалъ себя такимъ растеряннымъ, потому что она была такъ близко, и я сталъ говорить что-то:

— Эрикъ—подумайте, съ нимъ случилось такое несчастіе вчера.

— Я это знаю,—отвѣтила она.

— Его понесла лошадь.

— Да. Но почему ты говоришь со мной о немъ?

— Я думалъ... Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать. Но онъ, конечно, поправится, и все будетъ хорошо.

— Да, да, конечно.

Пауза.

Мнѣ показалось, что она передразниваетъ меня. Вдругъ она сказала съ улыбкой:

— Какой ты странный. Зачѣмъ ты приходишь сюда и сидишь здѣсь по вечерамъ?

— Это обратилось у меня въ привычку. Я коротаю время передъ сномъ.

— Такъ ты не боишься?

Ея насмѣшка уколола меня, я снова почувствовалъ почву подъ ногами и отвѣтилъ ей:

— Я только того и хочу, чтобы снова выучиться содрогаться.

— Содрогаться? Ты это прочелъ въ какой-нибудь сказкѣ?

— Не знаю. Можетъ быть, мнѣ попалась въ руки какая-нибудь книжка.

Пауза.

— Почему ты не хочешь быть у насъ работникомъ?

— Я не годился бы для этого. Я теперь собираюсь вступить въ компанію съ однимъ человѣкомъ, мы пойдемъ съ нимъ бродить.

— Куда вы пойдете?

— Не знаю. Куда глаза глядятъ. Мы—странники.

Пауза.

— Жаль,—сказала она.—Я хочу сказать, что лучше бы ты этого не дѣлалъ... Ахъ, да, что ты говорилъ про Эрика? Я собственно для этого и пришла.

— Онъ боленъ, опасно боленъ, но...

— Что говоритъ докторъ, онъ поправится?

— Да, докторъ думаетъ, что онъ поправится, такъ я слышалъ.

— Ну, спокойной ночи.

Счастливъ, кто богатъ и молодъ, и красивъ, знаменитъ, и ученъ... Вонъ она идетъ...

Прежде чѣмъ я ушелъ съ кладбища, я нашелъ, наконецъ, довольно хорошій ноготь съ большого пальца, и я сунулъ его себѣ въ карманъ. Я подождалъ немного, стоялъ, осматривался по сторонамъ и прислушивался,—все было тихо. Никто не крикнулъ: это мой!

XII.

Фалькенбергъ и я отправились въ путь. Вечеръ, холодный вѣтеръ и высокое, ясное небо, на которомъ загораются звѣзды. Мнѣ удается уговорить моего товарища пойти мимо кладбища: какъ это ни смѣшно, но мнѣ захотѣлось посмотрѣть, нѣтъ ли свѣта въ одномъ маленькомъ окошкѣ въ домѣ священника. Счастливъ, кто богатъ и молодъ и...

Мы шли нѣсколько часовъ, у насъ не было тяжелой ноши, къ тому же оба мы были чужіе другъ для друга, и у насъ было, о чемъ поговорить. Мы прошли первое торговое село и подходили ко второму, и передъ нами уже вырисовывалась колокольня приходской церкви на ясномъ вечернемъ небѣ.

По старой привычкѣ меня потянуло и здѣсь на кладбище. Я сказалъ:

— Что если бы мы переночевали гдѣ-нибудь здѣсь на кладбищѣ?

— Вотъ еще выдумалъ!—отвѣтилъ Фалькенбергъ.—Теперь вездѣ есть сѣно на сѣновалахъ, а если даже насъ прогонятъ съ сѣновала, то въ лѣсу во всякомъ случаѣ теплѣе.

И Фалькенбергъ повелъ меня дальше.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, высокій и хорошо сложенный, но съ нѣсколько согнутой спиной. У него были длинные усы, которые спускались внизъ и закруглялись. Онъ предпочиталъ говорить коротко и былъ сообразителенъ и ловокъ, кромѣ того, онъ пѣлъ пѣсни прекраснѣйшимъ голосомъ и во всѣхъ отношеніяхъ былъ совершенно другимъ человѣкомъ, нежели Гриндхюсенъ. Онъ говорилъ, смѣшивая два нарѣчія и употребляя также и шведскія слова, такъ что невозможно было по его говору узнать, откуда онъ.

Мы пришли на одинъ дворъ, гдѣ лаяли собаки, и гдѣ еще не

спали. Фалькенбергъ попросилъ вызвать кого-нибудь для переговоровъ. Вышелъ молодой парень.

— Нѣтъ ли для насъ работы?

— Нѣтъ.

— Но заборъ вдоль дороги въ скверномъ состояніи, быть можетъ, мы могли бы поправить его?

— Нѣтъ. Намъ самимъ теперь въ осеннее время дѣлать нечего.

— Нельзя ли намъ здѣсь переночевать?

— Къ сожалѣнію...

— На сѣновалѣ?

— Нѣтъ, тамъ еще спятъ работницы.

— Лѣшій!—пробормоталъ Фалькенбергъ, когда мы уходили со двора.

Мы пошли наугадъ черезъ маленькій лѣсокъ и старались присмотрѣть себѣ удобное мѣсто для ночлега.

— Что, если бы намъ возвратиться на тотъ дворъ?—предложилъ я.—Можетъ быть, работницы насъ не прогонятъ?

Фалькенбергъ задумался надъ этимъ.

— Собаки залаютъ,—отвѣтилъ онъ.

Мы вышли на одно поле, на которомъ паслись двѣ лошади. У одной былъ колокольчикъ.

— Нечего сказать, хорошъ хозяинъ! Лошади у него въ полѣ, а работницы спятъ на сѣновалѣ,—сказалъ Фалькенбергъ.—Мы принесемъ пользу этимъ животнымъ и покатаемся на нихъ немного.

Онъ поймалъ лошадь съ колокольчикомъ, засунулъ въ колокольчикъ травы и мху и вскочилъ на лошадь. Моя лошадь была пугливѣе, и я съ трудомъ ее поймалъ.

Мы поскакали черезъ поле, нашли калитку и выбрались на дорогу. У каждаго изъ насъ было по одному изъ моихъ одѣялъ, на которыхъ мы и сидѣли, но уздечекъ у насъ не было.

Дѣло шло хорошо, прямо великолѣпно, мы проѣхали добрую милю и подъѣхали къ новой деревнѣ. Вдругъ мы услыхали на дорогѣ людскіе голоса.

— Теперь намъ надо скакать во весь опоръ,—сказалъ Фалькенбергъ, оборачиваясь ко мнѣ.

Но длинный Фалькенбергъ былъ не очень-то хорошимъ наѣздникомъ. Онъ ухватился за ремень, на которомъ висѣлъ колокольчикъ, а потомъ онъ припалъ къ шеѣ лошади и обхватилъ ее руками. Разъ передо мной промелькнула высоко въ воздухѣ его нога,—это было, когда онъ свалился.

Къ счастію, намъ не угрожала никакая опасность. По дорогѣ шла молодая пара, они мечтали и говорили.

Мы проскакали еще съ полчаса, послѣ чего оба почувствовали себя разбитыми и усталыми. Тогда мы слѣзли съ лошадей и погнали ихъ домой. И мы опять пошли пѣшкомъ.

Гакгакъ, гакгакъ! послышалось откуда-то издалека. Я узналъ этотъ крикъ, это были дикіе гуси. Въ дѣтствѣ меня выучили стоять тихо со сложенными руками, чтобы не испугать дикихъ гусей, когда они совершаютъ свой перелетъ,—и теперь я сдѣлалъ то же самое. Меня охватило мягкое мистическое настроеніе, я удерживалъ дыханіе и смотрѣлъ вверхъ. Вонъ они, они разрѣзаютъ воздухъ, и мнѣ кажется, что позади нихъ остается полоса, какъ послѣ корабля на морѣ. Гакгакъ! раздается надъ нашими головами, и великолѣпный треугольникъ несется дальше подъ звѣзднымъ небомъ...

Наконецъ, мы нашли сѣноваль на одномъ тихомъ дворѣ и мы проспали тамъ нѣсколько часовъ. Люди со двора застали насъ тамъ утромъ, такъ крѣпко мы спали.

Фалькенбергъ обратился сейчасъ же къ одному изъ хозяевъ и предложилъ заплатить за ночлегъ. Онъ сказалъ, что мы такъ поздно пришли наканунѣ, что не хотѣли никого будить, но что мы вовсе не бродяги. Человѣкъ отказался отъ платы, а сверхъ того онъ еще угостилъ насъ въ кухнѣ кофе. Но работы для насъ не было. Осеннія работы были всѣ закончены, и у него съ работникомъ не было никакого дѣла, кромѣ починки заборовъ.

Съ норвежскаго перев. **М. Благовѣщенская.**

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Во ржи.

Люблю бродить безъ мысли и безъ цѣли
Средь моря я волнующейся ржи,
Чтобъ слухъ лелѣя ласково шумѣли
И взоръ чаруя золотомъ горѣли
Колосья стройные... Таинственной межи
Люблю манящую тѣнистую прохладу,—
Межъ волнъ зыбучихъ—сонмы васильковъ,
Ихъ тонкій ароматъ, души моей усладу
И надъ собой далекую бѣгущую громаду
Причудливыхъ, какъ сонъ, сребристыхъ облаковъ...
Люблю звенящую межъ небомъ и землею
Незримаго пѣвца ликующую трель...
И звонъ, и гулъ вокругъ и надо мною
Снующихъ пчелъ, объятыхъ суетою,
Тревожащихъ мою душистую постель.
Люблю вдыхать всей грудью испаренья,
Какъ сладостный бальзамъ, пахучихъ пряныхъ травъ...
О, лѣта краткаго волшебныя мгновенья!
Душа тогда полна святого умиленья
И высоко паритъ, мечтамъ себя отдавъ.

Татьяна Грейеръ.

Новая Россія и прологъ ея исторіи *).

Мы остановились передъ IV періодомъ нашей исторіи, послѣднимъ періодомъ, доступнымъ изученію на всемъ своемъ протяженіи. Подъ этимъ періодомъ я разумѣю время съ начала XVII в. до начала царствованія императора Александра II (1613—1855 гг.). Моментомъ отправленія въ этомъ періодѣ можно принять годъ вступленія на престолъ перваго царя новой династіи. Смутная эпоха самозванцевъ является переходнымъ временемъ на рубежѣ двухъ смежныхъ періодовъ, будучи связана съ предшествующимъ своими причинами, съ послѣдующимъ своими слѣдствіями.

Этотъ періодъ имѣетъ для насъ особенный интересъ. Это не просто историческій періодъ, а цѣлая цѣпь эпохъ, сквозь которую проходитъ рядъ важныхъ фактовъ, составляющихъ глубокую основу современнаго склада нашей жизни, основу, правда, разлагающуюся, но еще не замѣненную. Это, повторю, не одинъ изъ періодовъ нашей исторіи: это—вся наша *новая исторія*. Въ понятіяхъ и отношеніяхъ, образующихся въ эти $2^1/_2$ столѣтія, замѣчаемъ ранніе зародыши идей, соприкасающихся съ нашимъ сознаніемъ, наблюдаемъ завязку порядковъ, бывшихъ первыми общественными впечатлѣніями людей моего возраста. Изучая явленія этого времени, чувствуешь, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше входишь въ область автобіографіи, подступаешь къ изученію самого себя, своего собственнаго духовнаго содержанія, насколько оно связано съ прошлымъ нашего отечества. Все это и напрягаетъ вниманіе, и предостерегаетъ мысль отъ увлеченій. Обязанные во всемъ быть искренними искателями истины, мы всего менѣе можемъ обольщать самихъ себя, когда хотимъ измѣрить свой историческій ростъ, опредѣлить свою общественную зрѣлость.

Перехожу къ перечню явленій изучаемаго періода; но прежде оглянемся ... разъ на изученные вѣка нашей исторіи, представимъ себѣ ея ходъ ... краткой схемѣ. Мы уже знаемъ, что возникавшія у насъ до конца ...I в. формы политическаго быта складывались въ тѣсной связи съ ге...афическимъ размѣщеніемъ населенія. Московское государство было со-

---

*) Изъ печатаемой III части *Курса русской исторіи*.

здано русскимъ населеніемъ, сосредоточившимся въ самой срединѣ восточно-европейской равнины, въ гидрографическомъ ея узлѣ, въ области верхней Волги, и образовавшимъ здѣсь великорусское племя. Въ этомъ государствѣ подъ рукой Калитина рода великорусское племя и объединилось, какъ политическая народность. Московскій государь правилъ объединенной Великороссіей съ помощью московскаго боярства, составившагося изъ старинныхъ московскихъ боярскихъ родовъ, изъ бывшихъ удѣльныхъ князей и ихъ бояръ. Государственный порядокъ все рѣшительнѣе переходилъ на основу *тягла*, принудительной разверстки спеціальныхъ государственныхъ повинностей между классами общества. Однако при этой разверсткѣ крестьянскій трудъ, бывшій главной производительной силой страны, оставался еще по закону свободнымъ, хотя на дѣлѣ значительная часть крестьянскаго населенія входила уже въ долговую зависимость отъ землевладѣльцевъ, грозившую ей законной крѣпостной неволей.

Со второго десятилѣтія XVII в. въ нашей исторіи послѣдовательно выступаетъ рядъ новыхъ фактовъ, которые замѣтно отличаютъ дальнѣйшее время отъ предшествующаго. Во-первыхъ, на московскомъ престолѣ садится новая династія. Далѣе, эта династія дѣйствуетъ на поприщѣ, все болѣе расширяющемся. Государственная территорія, дотолѣ заключенная въ предѣлахъ первоначальнаго разселенія великорусскаго племени, теперь переходитъ далеко за эти предѣлы и постепенно вбираетъ въ себя всю русскую равнину, распространяясь какъ до географическихъ ея границъ, такъ почти вездѣ до предѣловъ русскаго народонаселенія. Въ составъ русскаго государства постепенно входятъ Русь Малая, Бѣлая и, наконецъ, Новороссія, новый русскій край, образовавшійся путемъ колонизаціи въ южно-русскихъ степяхъ. Раскинувшись отъ береговъ морей Бѣлаго и Балтійскаго до Чернаго и Каспійскаго, до Уральскаго и Кавказскаго хребтовъ, территорія государства переваливаетъ далеко за Кавказскій хребетъ на югѣ, за Уралъ и Каспій на востокѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ важная перемѣна и во внутреннемъ строѣ государства: объ руку съ новой династіей становится и идетъ новый правительственный классъ. Старое боярство постепенно разсыпается, худѣя генеалогически и экономически, а съ его исчезновеніемъ падаютъ и тѣ политическія отношенія, какія прежде въ силу обычая сдерживали верховную власть. На его мѣсто во главѣ общества становится новый классъ, *дворянство,* составившееся изъ прежнихъ столичныхъ и провинціальныхъ служилыхъ людей, и въ его пестрой, разнородной массѣ растворяется рѣдѣющее боярство. Между тѣмъ раньше заложенная основа политическаго строя, классовая разверстка повинностей укрѣпляется, превращая общественные классы въ обособленныя сословія и даже постепенно, особенно въ царствованіе Петра Великаго, расширяется, осложняя накопившійся запасъ спеціальныхъ повинностей новыми тягостями, падавшими на отдѣльные классы. Среди этого непрерывнаго напряженія народныхъ силъ окончательно гибнетъ и свобода крестьянскаго труда: владѣльческіе крестьяне попадаютъ въ крѣпостную нево-

и самая эта неволя становится новой специальной государственной повинностью, падающей на этотъ классъ. Но стѣсняемый политически, народный трудъ расширяется экономически: къ прежней сельско-хозяйственной эксплуатаціи страны теперь присоединяется и промышленная ея разработка; рядомъ съ земледѣліемъ, остающимся главной производительной силой государства, является съ возрастающимъ значеніемъ въ народномъ хозяйствѣ и промышленность обрабатывающая, заводско-фабричная, поднимающая нетронутыя дотолѣ естественныя богатства страны.

Таковы главные новые факты, обнаруживающіеся въ періодъ, который намъ предстоитъ изучать: это — новая династія, новые предѣлы государственной территоріи, новый строй общества съ новымъ правительственнымъ классомъ во главѣ, новый складъ народнаго хозяйства. Соотношеніе этихъ фактовъ способно вызвать недоумѣніе. Въ нихъ при первомъ взглядѣ легко замѣтить два параллельныхъ теченія: 1) *до половины XIX вѣка внѣшнее территоріальное расширеніе государства идетъ въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ развитію внутренней свободы народа*; 2) *политическое положеніе трудящихся классовъ устанавливается въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ экономической производительности ихъ труда*, т.-е. этотъ трудъ становится тѣмъ менѣе свободенъ, чѣмъ болѣе дѣлается производителенъ. Отношеніе народнаго хозяйства къ соціальному строю народа, открывающееся во второмъ процессѣ, противорѣчитъ нашему привычному представленію о связи производительности народнаго труда съ его свободой. Мы привыкли думать, что рабскій трудъ не можетъ равняться въ энергіи съ трудомъ свободнымъ и что трудовая сила не можетъ развиваться въ ущербъ правовому положенію трудящихся классовъ. Это экономическое противорѣчіе еще обостряется политическимъ. Сопоставляя психологію народовъ съ жизнью отдѣльныхъ людей, мы привыкли думать, что по мѣрѣ усиленія массовой, какъ и индивидуальной дѣятельности и по мѣрѣ расширенія ея поприща въ массахъ, какъ и въ отдѣльныхъ людяхъ, поднимается сознаніе своей силы, а это сознаніе—источникъ чувства политической свободы. Открывающееся въ нашей исторіи вліяніе территоріальнаго расширенія государства на отношеніе государственной власти къ обществу не оправдываетъ и этого мнѣнія: у насъ по мѣрѣ расширенія территоріи вмѣстѣ съ ростомъ внѣшней силы народа все болѣе стѣснялась его внутренняя свобода. Напряженіе народной дѣятельности глушило въ народѣ его силы, на расширявшемся завоеваніями поприщѣ увеличивался размахъ власти, но уменьшалась подъемная сила народнаго духа. Внѣшніе успѣхи новой Россіи напоминаютъ полетъ птицы, которую вихрь несетъ и подбрасываетъ не въ мѣру силы ея крыльевъ. Съ обоими указанными противорѣчіями связано третье. Я сейчасъ сказалъ о поглощеніи московскаго боярства дворянствомъ. Законъ 1682 г., отмѣнившій мѣстничество, закрѣпилъ это поглощеніе, формально уравнявъ оба служилые класса по службѣ. Боярство, аристократія породы, было правящимъ классомъ. Отмѣна мѣстниче-

ства служила первымъ шагомъ по пути къ демократизаціи управленія. Но на этомъ движеніе не остановилось: за первымъ шагомъ послѣдовали дальнѣйшіе. Въ эпоху Петра старое московское дворянство «по отечеству» пополняется изъ всѣхъ слоевъ общества, даже изъ иноземцевъ, людьми разныхъ чиновъ, не только «бѣлыхъ» нетяглыхъ, но и черныхъ тяглыхъ, даже холопами, поднимавшимися выслугой: табель о рангахъ 1722 г. широко раскрываетъ этимъ «разночинцамъ» служебныя двери въ «лучшее старшее дворянство». Можно было бы ожидать, что вся эта соціальная перетасовка господствующаго класса поведетъ къ демократическому уравненію общества. Но худѣя генеалогически, правящій классъ непомѣрно добрѣлъ политически: облагороженные разночинцы получали личныя и общественныя права, какихъ не имѣло старое родовитое боярство. Помѣстья стали собственностью дворянства, крестьяне его крѣпостными; при Петрѣ III съ сословія снята была обязательная служба; при Екатеринѣ II оно получило новое корпоративное устройство съ сословнымъ самоуправленіемъ, съ широкимъ участіемъ въ мѣстномъ управленіи и судѣ и съ правомъ «дѣлать представленія и жалобы» самой верховной власти; при Николаѣ I это преимущество расширено было правомъ дворянскихъ собраній дѣлать власти представленія и о нуждахъ всѣхъ другихъ классовъ мѣстнаго общества. Вмѣстѣ съ такими сословными пріобрѣтеніями росла и политическая сила сословія. Уже въ XVII в. московское правительство начинаетъ править обществомъ посредствомъ дворянства, а въ XVIII в. это дворянство само пытается править обществомъ посредствомъ правительства. Но политическій принципъ, подъ фирмой котораго оно хотѣло властвовать, перегнулъ его по-своему: въ XIX в. дворянство пристроено было къ чиновничеству, какъ его плодовитѣйшій разсадникъ, и въ половинѣ этого вѣка Россія управлялась не аристократіей и не демократіей, а бюрократіей, т.-е. дѣйствовавшей внѣ общества и лишенной всякаго соціальнаго облика кучей физическихъ лицъ разнообразнаго происхожденія, объединенныхъ только чинопроизводствомъ. Такимъ образомъ *демократизація* управленія сопровождалась усиленіемъ соціальнаго неравенства и дробности. Это соціальное неравенство еще усиливалось нравственнымъ отчужденіемъ правящаго класса отъ управляемой массы. Говорятъ, культура сближаетъ людей, уравниваетъ общество. У насъ было не совсѣмъ такъ. Все усиливавшееся общеніе съ западной Европой приносило къ намъ идеи, нравы, знанія, много культуры; но этотъ притокъ скользилъ по верхушкамъ общества, осаждаясь на дно частичными реформами, болѣе или менѣе осторожными и безплодными. Просвѣщеніе стало сословной монополіей господъ, до которой не могло безъ опасности для государства дотрогиваться непросвѣщенное простонародье, пока не просвѣтится. Въ исходѣ XVII в. люди задумавшіе учредить въ Москвѣ академію, первое у насъ высшее училище находили возможнымъ открыть доступъ въ него «всякаго чина, сана возраста людемъ» безъ оговорокъ. Полтораста лѣтъ спустя, при Николаѣ секретный комитетъ гр. Кочубея, на который возложено было чисто пр-

образовательное порученіе, рѣшительно высказался по поводу самоубійства обучавшагося живописи двороваго человѣка за вредъ допущенія крѣпостныхъ людей «въ такія училища, гдѣ они пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію».

Изложенные три процесса, полные такихъ противорѣчій и захватывающіе всѣ главныя явленія періода, не были *аномаліями*, отрицаніемъ исторической закономѣрности; назовемъ ихъ лучше историческими *антиноміями*, исключеніями изъ правилъ исторической жизни, произведеніями своеобразнаго мѣстнаго склада условій, который, однако, разъ образовавшись, въ дальнѣйшемъ своемъ дѣйствіи повинуется уже общимъ законамъ человѣческой жизни, какъ организмъ съ разстроенной нервной системой функціонируетъ по общимъ нормамъ органической жизни, только производитъ соотвѣтствующія своему разстройству ненормальныя явленія.

Объясненія этихъ антиномій нашей новой исторіи надобно искать въ томъ отношеніи, какое устанавливалось у насъ между государственными потребностями и народными средствами для ихъ удовлетворенія. Когда передъ европейскимъ государствомъ становятся новыя и трудныя задачи, оно ищетъ новыхъ средствъ въ своемъ народѣ и обыкновенно ихъ находитъ, потому что европейскій народъ, живя нормальной, послѣдовательной жизнью, свободно работая и размышляя, безъ особенной натуги удѣляетъ на помощь своему государству заранѣе заготовленный избытокъ своего труда и мысли,—избытокъ труда въ видѣ чрезвычайныхъ налоговъ, избытокъ мысли въ лицѣ подготовленныхъ умѣлыхъ и добросовѣстныхъ государственныхъ дѣльцовъ. Все дѣло въ томъ, что въ такомъ народѣ культурная работа ведется незримыми и неуловимыми, но дружными усиліями отдѣльныхъ лицъ и частныхъ союзовъ независимо отъ государства и обыкновенно предупреждаетъ его нужды. У насъ дѣло шло въ обратномъ порядкѣ. Когда царь Михаилъ, сѣвъ на разоренное царство, черезъ посредство земскаго собора обратился къ землѣ за помощью, онъ встрѣтилъ въ избравшихъ его земскихъ представителяхъ преданныхъ и покорныхъ подданныхъ, но не нашелъ въ нихъ ни пригодныхъ сотрудниковъ, ни состоятельныхъ плательщиковъ. Тогда пробудилась мысль о необходимости и средствахъ подготовки тѣхъ и другихъ, о томъ, какъ добываются и дѣльцы, и деньги тамъ, гдѣ того и другого много; тогда московскіе купцы заговорили передъ правительствомъ о пользѣ иноземцевъ, которые могутъ доставить «кормленіе», заработокъ бѣднымъ русскимъ людямъ, научивъ ихъ своимъ мастерствамъ и промысламъ. Съ тѣхъ поръ не разъ повторялось однообразное явленіе. Государство запутывалось въ нарождавшихся затрудненіяхъ; правительство, обыкновенно ихъ не предусматривавшее и не предупреждавшее, начинало искать въ обществѣ идей и людей, которые выручили бы его, и не находя ни тѣхъ, ни другихъ, скрѣпя сердце, обращалось къ Западу, гдѣ видѣло старый и сложный культурный приборъ, готовившій и людей, и идеи, спѣшно вызывало оттуда мастеровъ и ученыхъ, которые завели бы нѣчто подобное и у насъ, наскоро строило

фабрики и учреждало школы, куда загоняло учениковъ. Но государственная нужда не терпѣла отсрочки, не ждала, пока загнанные школьники доучатъ свои букварь, и удовлетворять ее приходилось, такъ сказать, сырьемъ, принудительными жертвами, подрывавшими народное благосостояніе и стѣснявшими общественную свободу. Государственныя требованія, донельзя напрягая народныя силы, не поднимали ихъ, а только истощали: просвѣщеніе по казенной надобности, а не по внутренней потребности, давало тощіе, мерзлые плоды, и эти припадочные порывы къ образованію порождали въ подроставшихъ поколѣніяхъ только скуку и отвращеніе къ наукѣ, какъ къ рекрутской повинности. Народное образованіе получало характеръ правительственнаго заказа или казенной поставки подростковъ для выучки по опредѣленной программѣ. Учреждались дорогіе дворянскіе кадетскіе корпуса, инженерныя школы, воспитательныя общества для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, академіи художествъ, гимназіи, разводились въ барскихъ теплицахъ тропическія растенія, но на протяженіи двухъ столѣтій не открыли ни одной чисто народной общеобразовательной или земледѣльческой школы. Новая европеизированная Россія въ продолженіе четырехъ-пяти поколѣній была Россіей гвардейскихъ казармъ, правительственныхъ канцелярій и барскихъ усадебъ: послѣднія проводили въ первыя и во вторыя посредствомъ легкой перегонки въ доморощенныхъ школахъ или экзотическихъ пансіонахъ своихъ недорослей, а взамѣнъ ихъ получали оттуда отставныхъ бригадировъ съ мундиромъ. Выдавливая изъ населенія такимъ способомъ надобныхъ дѣльцовъ, государство укореняло въ обществѣ грубо-утилитарный взглядъ на науку, какъ путь къ чинамъ и взяткамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ формировало изъ верхнихъ классовъ, всего болѣе изъ дворянства, новую служилую касту, оторванную отъ народа сословными и чиновными преимуществами и предразсудками, а еще болѣе служебными злоупотребленіями. Такъ случилось, что расширеніе государственной территоріи, напрягая не въ мѣру и истощая народныя средства, только усиливало государственную власть, не поднимая народнаго самосознанія, вталкивало въ составъ управленія новые болѣе демократическіе элементы и при этомъ обостряло неравенство и рознь общественнаго состава, осложняло народно-хозяйственный трудъ новыми производствами, обогащая не народъ, а казну и отдѣльныхъ предпринимателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ принижало политически трудящіеся классы. Всѣ эти неправильности имѣли одинъ общій источникъ—*неестественное отношеніе внѣшней политики государства къ внутреннему росту народа:* народныя силы въ своемъ развитіи отставали отъ задачъ, становившихся передъ государствомъ вслѣдствіе его ускореннаго внѣшняго роста, духовная работа народа не поспѣвала за матеріальной дѣятельностью государства. Государство пухло, а народъ хирѣлъ.

Едва ли въ исторіи какой-либо другой страны вліяніе международнаго положенія государства на его внутренній строй было болѣе могущественно и ни въ какой періодъ нашей исторіи оно не обнаруживалось такъ явствен-

но, какъ въ тотъ, къ которому мы теперь обращаемся. Припомнимъ главныя задачи внѣшней политики Московскаго государства въ XV—XVI вв. и ихъ происхожденіе, ихъ связь съ прошлыми судьбами нашей страны. Въ I періодъ нашей исторіи подъ напоромъ внѣшнихъ враговъ разноплеменные и разсѣянные элементы населенія кой-какъ сжались въ нѣчто цѣльное; завязывалась русская народность. Во II періодъ среди усиленныхъ внѣшнихъ ударовъ съ татарской и литовской стороны эта народность разбилась на двѣ вѣтви, великорусскую и малорусскую, и съ тѣхъ поръ каждая изъ нихъ имѣла свою особую судьбу. Великорусская вѣтвь въ лѣсахъ верхняго Поволжья сохранила свои силы и развила ихъ въ терпѣливой борьбѣ съ суровой природой и внѣшними врагами. Благодаря тому она смогла сомкнуться въ довольно устойчивое боевое государство. Въ III періодъ это государство, объединившее Великороссію, поставило себѣ задачей возстановить политическое и національное единство всей Русской земли. Постановка этой задачи и приступъ къ ея разрѣшенію—только приступъ—были главнымъ дѣломъ старой династіи московскихъ государей. Намъ уже извѣстны народныя усилія, потраченныя на это дѣло, и успѣхи, достигнутые въ этомъ направленіи къ концу XVI в. Въ стремленіи къ этой цѣли общество въ Московскомъ государствѣ усвоило ту тяжелую политическую организацію, которую мы изучали въ предшествующемъ періодѣ. Въ XVII в. послѣ территоріальныхъ потерь смутнаго времени, внѣшняя борьба стала еще тяжелѣе; въ томъ же направленіи измѣнился и общественный строй. Подъ тягостями войнъ съ Польшей и Швеціей прежнія дробныя экономическія состоянія, чины, еще сохранявшіе признаки свободы труда и передвиженія, въ интересахъ казны и службы были сбиты въ крупныя сословія, а большая часть сельскаго населенія попала въ крѣпостную неволю. При Петрѣ I основная пружина государственнаго порядка достигла высшей степени напряженія: сословная разверстка спеціальныхъ повинностей стала еще тяжелѣе, чѣмъ была въ XVII в. Къ прежнимъ сословнымъ тягостямъ онъ прибавилъ новыя, а тягчайшія прежнія, рекрутскую и податную, распространилъ на классы, дотолѣ свободные отъ государственныхъ тягостей, на «вольныхъ людей» и холоповъ. Такъ зарождается въ законодательствѣ смутная идея *общихъ повинностей*, если не всесословныхъ, то многосословныхъ, которая въ своей дальнѣйшей разработкѣ обѣщала значительную перемѣну въ общественномъ строѣ. Въ то же время произошелъ переломъ и во внѣшней политикѣ государства. Доселѣ его войны на западѣ были въ сущности оборонительныя, имѣли цѣлью возвратить земли, недавно отъ него отторгнутыя или считавшіяся его исконнымъ достояніемъ. Съ Полтавы онѣ получаютъ наступательный характеръ, направляются къ укрѣпленію завоеваннаго Петромъ преобладанія Россіи въ восточной Европѣ или къ поддержанію европейскаго равновѣсія, какъ элегантно выражались русскіе дипломаты. Съ поворота на этотъ притязательный путь государство стало обходиться народу въ нѣсколько разъ дороже прежняго, безъ могучаго подъема производительныхъ силъ Россіи, совершеннаго

Петромъ, народъ не оплатилъ бы роли, какую ему пришлось играть въ Европѣ. Послѣ Петра во внутреннюю жизнь государства входитъ еще новое важное условіе. Подъ недостойными преемниками и преемницами Преобразователя престолъ заколебался и искалъ опоры въ обществѣ, прежде всего въ дворянствѣ. Въ возмездіе за поддержку законодательство взамѣнъ мелькнувшей при Петрѣ идеи всесословныхъ повинностей стало настойчиво проводить мысль о *спеціальныхъ сословныхъ правахъ*. Дворянство эманципируется, снимаетъ съ себя тягчайшую повинность обязательной службы и не только удерживаетъ старыя свои права, но и пріобрѣтаетъ широкія новыя. Крупицы этихъ даровъ падаютъ и на долю высшаго купечества. Такъ всѣми льготами и выгодами, какими могла поступиться власть, осыпаны были верхи общества, а на низы свалили только тяжести и лишенія. Если бы народъ терпѣливо вынесъ такой порядокъ, Россія выбыла бы изъ числа европейскихъ странъ. Но съ половины XVIII в. въ народной массѣ пробуждается тревожное броженіе особаго характера. Мятежами обиленъ былъ и XVII в., и тогда они направлялись противъ правительства, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей. Теперь они принимаютъ соціальную окраску, идутъ противъ *господъ*. Сама пугачевщина выступала подъ легальнымъ знаменемъ, несла съ собой идею законной власти противъ екатерининской узурпаціи съ ея пособниками-дворянами. Когда почва затряслась подъ ногами, въ правящихъ сферахъ по почину Екатерины II всплываетъ мысль объ уравненіи общества, о смягченіи крѣпостного права. Хмурясь и робѣя, пережевывая одни и тѣ же планы и изъ царствованія въ царствованіе отсрочивая вопросъ, малодушными попытками улучшенія, не оправдывавшими громкаго титула власти, довели дѣло къ половинѣ XIX в. до того, что его разрѣшеніе стало требованіемъ стихійной необходимости, особенно когда Севастополь ударилъ по застоявшимся умамъ. Итакъ, ходъ дѣлъ въ IV періодѣ можно изобразить въ такомъ видѣ: *по мѣрѣ того, какъ усиливалось напряженіе внѣшней оборонительной борьбы, усложнялись спеціальныя государственныя повинности, падавшія на разные классы общества, и по мѣрѣ того, какъ оборонительная борьба превращалась въ наступательную, съ верхнихъ общественныхъ классовъ снимались ихъ спеціальныя повинности, замѣняясь спеціальными сословными правами, и скучивались на низшихъ классахъ; но по мѣрѣ того, какъ росло чувство народнаго недовольства такимъ неравенствомъ, правительство начинало подумывать о болѣе справедливомъ устройствѣ общества*. Постараемся запомнить сейчасъ изложенную схему: въ ней заключается существенное значеніе изучаемаго періода, ключъ къ объясненію его важнѣйшихъ явленій; эта схема послужитъ намъ формулой, раскрытіемъ которой будетъ занято наше изученіе IV періода.

Таковы порядокъ явленій IV періода и ихъ взаимоотношеніе. Съ этимъ порядкомъ тѣсно связанъ ростъ политическаго сознанія въ русскомъ обществѣ, движеніе понятій, вскрывающихся въ этихъ явленіяхъ. Къ концу XVI вѣка Московское государство устроилось, обзавелось обычными фор-

тами и орудіями государственной жизни, имѣло верховную власть, законодательство, центральное и областное управленіе, значительное приказное чиновничество, все болѣе размножавшееся, общественное дѣленіе, все болѣе расчленявшееся, армію, даже смутную мысль о народномъ представительствѣ; незамѣтно только государственныхъ долговъ. Но учрежденія сами по себѣ только формы: для успѣшнаго ихъ дѣйствія необходимо еще содержаніе, необходимы понятія, помогающія ихъ дѣятелямъ уяснять себѣ ихъ смыслъ и назначеніе, необходимы, наконецъ, нормы и нравы, направляющіе ихъ дѣятельность. Все это не дается сразу въ готовомъ видѣ, а вырабатывается напряженной мыслью, труднымъ, подчасъ болѣзненнымъ опытомъ. Московскія государственныя учрежденія были готовы, когда угасала старая династія; но готовы ли были московскіе государственные умы къ тому, чтобы вести въ нихъ дѣла согласно съ задачами государства, въ цѣляхъ народнаго блага? Сдѣлаемъ, какъ бы сказать, суммарный подсчетъ политическому сознанію тогдашнихъ московскихъ людей и для того приложимъ къ этому сознанію возможно простѣйшее опредѣленіе государства, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ понимали они основные необходимые элементы государственнаго порядка согласно съ сущностью и задачами государства. Эти основные элементы суть: *верховная власть, народъ, законъ* и *общее благо*. Верховная власть въ Московскомъ государствѣ, какъ мы видѣли (лекція XXVI), усвоила себѣ въ титулахъ и сказаніяхъ нѣсколько возвышенныхъ опредѣленій; но это были не политическія прерогативы, а скорѣе торжественные орнаменты или дипломатическія предвосхищенія въ родѣ *государя всея Руси*. Въ будничномъ обиходѣ, въ ежедневномъ оборотѣ понятій и отношеній господствовала еще старая удѣльная норма, служившая реальной, исторически сложившейся основой этой власти и состоявшая въ томъ, что государство московскаго государя считалось его вотчиной, наслѣдственной собственностью. Новыя политическія понятія, навязывавшіяся ходомъ событій, неподатливое мышленіе перегибало въ сторону этой привычной нормы. Московское объединеніе Великороссіи рождало въ умахъ идею народнаго русскаго государства; но эта идея, всею своею сущностью отрицавшая вотчину, выражалась въ прежней вотчинной схемѣ, заставлявшей мыслить государя всея Руси не какъ верховнаго правителя русскаго народа, а только какъ наслѣдственнаго хозяина, территоріальнаго владѣльца Русской земли: «и вся Русская земля изъ старины отъ нашихъ прародителей наша отчина»,—твердилъ Иванъ III. Политическое мышленіе отставало отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и династичес[ки]хъ притязаній, превращая удѣльные предразсудки въ политическія нед[о]разумѣнія. И другіе элементы государственнаго порядка преломлялись въ [т]огдашнемъ сознаніи подъ дѣйствіемъ этой аномаліи, соединявшей въ одн[омъ] существѣ верховной власти два непримиримыя свойства *царя и вот[ч]инника*. Мысль о народѣ еще не слилась въ тогдашнемъ пониманіи съ [и]деей государства. Государство понимали не какъ союзъ народный, упр[а]вляемый верховной властью, а какъ государево хозяйство, въ составъ

котораго входили со значеніемъ хозяйственныхъ статей и классы населенія, обитавшаго на территоріи государевой вотчины. Потому народное благо, цѣль государства, подчинялось династическому интересу хозяина земли и самый законъ носилъ характеръ хозяйственнаго распоряженія, исходившаго изъ москворѣцкой кремлевской усадьбы и устанавливавшаго порядокъ дѣятельности подчиненнаго, преимущественно областного управленія, а всего чаще—порядокъ отбыванія разныхъ государственныхъ повинностей обывателями. Въ московскомъ законодательствѣ до XVII вѣка не встрѣчаемъ постановленій, которыя можно было бы признать основными законами, опредѣляющими строй и права верховной власти, основныя права и обязанности гражданъ. Такъ основные элементы государственнаго порядка еще не поддерживались соотвѣтственными ихъ природѣ понятіями. Формы государственнаго строя, складывавшіяся исторически, силой стихійной закономѣрности народной жизни, не успѣли наполниться надлежащимъ содержаніемъ, оказались выше наличнаго политическаго сознанія людей, въ нихъ дѣйствовавшихъ. Въ томъ и состоитъ наибольшій интересъ изучаемаго періода, чтобы слѣдить, какъ вырабатываются въ общественномъ сознаніи и вливаются въ эти формы недостававшія имъ понятія, составляющія душу политическаго порядка, какъ остовъ государства, ими оживляемый и питаемый, постепенно превращается въ государственный организмъ. Тогда и изложенныя мной антиноміи утратятъ свою видимую несообразность, получатъ свое историческое объясненіе.

Таковъ рядъ фактовъ, который намъ предстоитъ изучить, рядъ задачъ, которыя мы должны разрѣшить. Перечисленные факты новаго періода мы будемъ наблюдать съ того момента, когда на московскомъ престолѣ воцаряется новая династія.

Но прежде чѣмъ совершилось это воцареніе, Московское государство испытало страшное потрясеніе, поколебавшее самыя глубокія его основы. Оно и дало первый и очень болѣзненный толчокъ движенію новыхъ понятій, недостававшихъ государственному порядку, построенному угасшею династіей. Это потрясеніе совершилось въ первые годы XVII в. и извѣстно въ нашей исторіографіи подъ именемъ *смуты* или *смутныхъ временъ*, по выраженію Котошихина. Русскіе люди, пережившіе это тяжелое время, называли его и именно послѣдніе его годы «великой разрухой Московскаго государства». Признаки смуты стали обнаруживаться тотчасъ послѣ смерти послѣдняго царя старой династіи, Ѳедора Ивановича; смута прекращается съ того времени, когда земскіе чины, собравшіеся въ Москвѣ въ началѣ 1613 г., избрали на престолъ родоначальника новой династіи, царя Михаила. Значитъ, смутнымъ временемъ въ нашей исторіи можно назвать 14—15 лѣтъ съ 1598 по 1613 годъ; 14 лѣтъ въ этой эпохѣ «смятенія» Русской земли считаетъ и современникъ, келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ, авторъ сказанія объ осадѣ поляками Троицкаго Сергіева монастыря. Прежде чѣмъ перейти къ изученію IV періода, мы должны остановиться на происхожденіи и значеніи этого потрясенія. Откуда по-

шла эта смута или эта «московская трагедія» (tragoedia moscovitica), какъ выражались о ней современники иностранцы. Вотъ фабула этой трагедіи.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ года за два съ чѣмъ-нибудь до своей смерти, въ 1581 г., въ одну изъ дурныхъ минутъ, какія тогда часто на него находили, прибилъ свою сноху за то, что она, будучи беременной, при входѣ свекра въ ея комнату оказалась слишкомъ запросто одѣтой, simplici veste induta, какъ объясняетъ дѣло іезуитъ Антоній Поссевинъ, пріѣхавшій въ Москву три мѣсяца спустя послѣ событія и знавшій его по горячимъ слѣдамъ. Мужъ побитой, наслѣдникъ отцова престола царевичъ Иванъ вступился за обиженную жену, а вспыливщій отецъ печально-удачнымъ ударомъ желѣзнаго костыля въ високъ положилъ сына на мѣстѣ. Царь Иванъ едва не помѣшался съ горя по сынѣ, съ неистовымъ воплемъ вскакивалъ по ночамъ съ постели, хотѣлъ отречься отъ престола и постричься; однако, какъ бы то ни было, вслѣдствіе этого несчастнаго случая преемникомъ Грознаго сталъ второй его сынъ царевичъ Θедоръ.

Поучительное явленіе въ исторіи старой московской династіи представляетъ этотъ послѣдній ея царь Θедоръ. Калитино племя, построившее Московское государство, всегда отличалось удивительнымъ умѣньемъ обрабатывать свои житейскія дѣла, страдало фамильнымъ избыткомъ заботливости о земномъ, и это самое племя, погасая, блеснуло полнымъ отрѣшеніемъ отъ всего земного, вымерло царемъ Θедоромъ Ивановичемъ, который, по выраженію современниковъ, всю жизнь избывалъ мірской суеты и докуки, помышляя только о небесномъ. Польскій посолъ Сапѣга такъ описываетъ Θедора: царь малъ ростомъ, довольно худощавъ, съ тихимъ, даже подобострастнымъ голосомъ, съ простодушнымъ лицомъ; умъ имѣетъ скудный или, какъ я слышалъ отъ другихъ и замѣтилъ самъ, не имѣетъ никакого, ибо, сидя на престолѣ во время посольскаго пріема, онъ не переставалъ улыбаться, любуясь то на свой скипетръ, то на державу. Другой современникъ, шведъ Петрей, въ своемъ описаніи Московскаго государства (1608—1611) также замѣчаетъ, что царь Θедоръ отъ природы былъ почти лишенъ разсудка, находилъ удовольствіе только въ духовныхъ предметахъ, часто бѣгалъ по церквамъ трезвонить въ колокола и слушать обѣдню. Отецъ горько упрекалъ его за это, говоря, что онъ больше похожъ на пономарскаго, чѣмъ на царскаго сына. Въ этихъ отзывахъ несомнѣнно есть нѣкоторое преувеличеніе, чувствуется доля каррикатуры. Набожная и почтительная къ престолу мысль русскихъ современниковъ пыталась сдѣлать изъ царя Θедора знакомый ей и любимый ею образъ подвижничества особаго рода. Намъ извѣстно, какое значеніе имѣло и какимъ почетомъ пользовалось въ древней Руси *юродство* Христа ради. Юродивый, *блаженный,* отрѣшался отъ всѣхъ благъ житейскихъ, не только отъ тѣлесныхъ, но и отъ духовныхъ удобствъ и приманокъ, отъ почестей, славы, уваженія и привязанности со стороны ближнихъ. Мало того, онъ дѣлалъ боевой вызовъ этимъ благамъ и приманкамъ: нищій и безпріютный,

ходя по улицамъ босымъ, въ лохмотьяхъ, поступая не по-людски, по-уродски, говоря неподобныя рѣчи, презирая общепринятыя приличія, онъ старался стать посмѣшищемъ для неразумныхъ и какъ бы издѣвался надъ благами, которыя люди любятъ и цѣнятъ, и надъ самими людьми, которые ихъ любятъ и цѣнятъ. Въ такомъ смиреніи до самоуничиженія древняя Русь видѣла практическую разработку высокой заповѣди о блаженствѣ нищихъ духомъ, которымъ принадлежитъ царствіе Божіе. Эта духовная нищета въ лицѣ юродиваго являлась ходячей мірской совѣстью, «лицевымъ» въ живомъ образѣ обличеніемъ людскихъ страстей и пороковъ и пользовалась въ обществѣ большими правами, полной свободой слова: сильные міра сего, вельможи и цари, самъ Грозный, терпѣливо выслушивали смѣлыя, насмѣшливыя или бранчивыя рѣчи блаженнаго уличнаго бродячи, не смѣя дотронуться до него пальцемъ. И царю Өедору приданъ былъ русскими современниками этотъ привычный и любимый обликъ: это былъ въ ихъ глазахъ блаженный на престолѣ, одинъ изъ тѣхъ нищихъ духомъ, которымъ подобаетъ царство небесное, а не земное, которыхъ Церковь такъ любила заносить въ свои святцы, въ укоръ грязнымъ помысламъ и грѣховнымъ поползновеніямъ русскаго человѣка. «Благоюродивъ бысть отъ чрева матери своея и ни о чемъ попеченія имѣя, токмо о душевномъ спасеніи»: такъ отзывается о Өедорѣ близкій ко двору современникъ кн. И. М. Катыревъ-Ростовскій. По выраженію другого современника, въ царѣ Өедорѣ мнишество было съ царствіемъ сплетено безъ раздвоенія и одно служило украшеніемъ другому. Его называли «освятованнымъ царемъ», свыше предназначеннымъ къ святости, къ вѣнцу небесному. Словомъ, въ келіи или пещерѣ, пользуясь выраженіемъ Карамзина, царь Өедоръ былъ бы больше на мѣстѣ, чѣмъ на престолѣ. И въ наше время царь Өедоръ становился предметомъ поэтической обработки: такъ ему посвящена вторая трагедія драматической трилогіи гр. Ал. Толстого. И здѣсь изображеніе царя Өедора очень близко къ его древне-русскому образу; поэтъ, очевидно, рисовалъ портретъ блаженнаго царя съ древне-русской лѣтописной его иконы. Тонкой чертой проведена по этому портрету и наклонность къ благодушной шуткѣ, какою древне-русскій блаженный смягчалъ свои суровыя обличенія. Но сквозь внѣшнюю набожность, какой умилялись современники въ царѣ Өедорѣ, у Ал. Толстого ярко проступаетъ нравственная чуткость: это *вѣщій простачокъ*, который безсознательнымъ, таинственно-озареннымъ чутьемъ умѣлъ понимать вещи, какихъ никогда не понять самымъ большимъ умникамъ. Ему грустно слышать о партійныхъ раздорахъ, о враждѣ сторонниковъ Бориса Годунова и князя Шуйскаго; ему хочется дожить до того, когда всѣ будутъ сторонниками лишь одной Руси, хочется помирить всѣхъ враговъ и на сомнѣнія Годунова въ возможности такой обще-государственной мировой горячо возражаетъ:

Ни, ни!
Ты этого, Борисъ, не разумѣешь!
Ты вѣдай тамъ, какъ знаешь, государство,

> Ты въ томъ гораздъ, а здѣсь я больше смыслю,
> Здѣсь надо вѣдать сердце человѣка.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ тому же Годунову:

> Какой я царь? Меня во всѣхъ дѣлахъ
> И съ толку сбить, и обмануть не трудно.
> Въ одномъ лишь только я не обманусь:
> Когда межъ тѣмъ, что̀ бѣло иль черно,
> Избрать я долженъ—я не обманусь.

Не слѣдуетъ выпускать изъ вида исторической подкладки назидательныхъ или поэтическихъ изображеній историческаго лица современниками или позднѣйшими писателями. Царевичъ Ѳедоръ выросъ въ Александровской слободѣ среди безобразій и ужасовъ опричнины. Рано по утрамъ отецъ, игуменъ шутовскаго слободского монастыря, посылалъ его на колокольню звонить къ заутренѣ. Родившись слабосильнымъ отъ начавшей прихварывать матери Анастасіи Романовны, онъ росъ безматернимъ сиротой въ отвратительной опричной обстановкѣ и выросъ малорослымъ и блѣднолицымъ недоросткомъ, расположеннымъ къ водянкѣ, съ неровной, старчески медленной походкой отъ преждевременной слабости въ ногахъ. Такъ описываетъ царя, когда ему шелъ 32-й годъ, видѣвшій его въ 1588—89 г. англійскій посолъ Флетчеръ. Въ лицѣ царя Ѳедора династія вымирала во-очію. Онъ вѣчно улыбался, но безжизненной улыбкой. Этой грустной улыбкой, какъ бы молившей о жалости и пощадѣ, царевичъ оборонялся отъ капризнаго отцовскаго гнѣва. Разсчитанное жалостное выраженіе лица со временемъ, особенно послѣ страшной смерти старшаго брата, въ силу привычки превратилось въ невольную автоматическую гримасу, съ которой Ѳедоръ и вступилъ на престолъ. Подъ гнетомъ отца онъ потерялъ свою волю, но сохранилъ навсегда заученное выраженіе забитой покорности. На престолѣ онъ искалъ человѣка, который сталъ бы хозяиномъ его воли: умный шуринъ Годуновъ осторожно вставъ на мѣсто бѣшенаго отца.

Умирая, царь Иванъ торжественно призналъ своего «смиреніемъ обложеннаго» преемника неспособнымъ къ управленію государствомъ и назначилъ ему въ помощь правительственную коммиссію, какъ бы сказать, регентство изъ нѣсколькихъ наиболѣе приближенныхъ вельможъ. Въ первое время по смерти Грознаго наибольшей силой среди регентовъ пользовался родной дядя царя по матери Никита Романовичъ Юрьевъ; но вскорѣ болѣзнь и смерть его расчистили дорогу къ власти другому опекуну, шурину царя Борису Годунову. Пользуясь характеромъ царя и поддержкой сестры-царицы, онъ постепенно оттѣснилъ отъ дѣлъ другихъ регентовъ и самъ сталъ править государствомъ именемъ зятя. Его мало назвать премьеръ-министромъ; это былъ своего рода диктаторъ или, какъ бы сказать, соправитель: царь, по выраженію Котошихина, учинилъ его надъ государствомъ своимъ во всякихъ дѣлахъ правителемъ, самъ предавшись «смиренію и на молитву». Такъ громадно было вліяніе Бориса на царя и на дѣла. По словамъ упомянутаго уже кн. Катырева-Ростовскаго, онъ за

хватилъ такую власть, «яко же и самому царю во всемъ послушну ему быти». Онъ окружался царственнымъ почетомъ, принималъ иноземныхъ пословъ въ своихъ палатахъ съ величавостью и блескомъ настоящаго потентата, «не меньшею честію предъ царемъ отъ людей почтенъ бысть». Онъ правилъ умно и осторожно, и четырнадцатилѣтнее царствованіе Өедора было для государства временемъ отдыха отъ погромовъ и страховъ опричнины. Умилосердился Господь, пишетъ тотъ же современникъ, на людей своихъ и даровалъ имъ благополучное время, позволилъ царю державствовать тихо и безмятежно, и все православное христіанство начало утѣшаться и жить тихо и безмятежно. Удачная война со Швеціей не нарушила этого общаго настроенія. Но въ Москвѣ начали ходить самые тревожные слухи. Послѣ царя Ивана остался младшій сынъ Димитрій, которому отецъ, по старинному обычаю московскихъ государей, далъ маленькій удѣлъ, городъ Угличъ съ уѣздомъ. Въ самомъ началѣ царствованія Өедора для предупрежденія придворныхъ интригъ и волненій этотъ царевичъ со своими родственниками по матери Нагими былъ удаленъ изъ Москвы. Въ Москвѣ разсказывали, что этотъ семилѣтній Димитрій, сынъ пятой вѣнчанной жены царя Ивана (не считая невѣнчанныхъ), слѣдовательно, царевичъ сомнительной законности съ канонической точки зрѣнія, выйдетъ весь въ батюшку временъ опричнины и что этому царевичу грозитъ большая опасность со стороны тѣхъ близкихъ къ престолу людей, которые сами мѣтятъ на престолъ въ очень вѣроятномъ случаѣ бездѣтной смерти царя Өедора. И вотъ какъ бы въ оправданіе этихъ толковъ въ 1591 г. по Москвѣ разнеслась вѣсть, что удѣльный князь Димитрій среди бѣла дня зарѣзанъ въ Угличѣ и что убійцы были тутъ же перебиты поднявшимися горожанами, такъ что не съ кого стало снять показаній при слѣдствіи. Слѣдственная коммиссія, посланная въ Угличъ во главѣ съ кн. В. И. Шуйскимъ, тайнымъ врагомъ и соперникомъ Годунова, вела дѣло безтолково или недобросовѣстно, тщательно разспрашивала о побочныхъ мелочахъ и позабыла развѣдать важнѣйшія обстоятельства, не выясняла противорѣчій въ показаніяхъ, вообще страшно запутала дѣло. Она постаралась прежде всего увѣрить себя и другихъ, что царевичъ не зарѣзанъ, а зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни, попавши на ножъ, которымъ игралъ съ дѣтьми. Потому угличане были строго наказаны за самовольную расправу съ мнимыми убійцами. Получивъ такое донесеніе коммиссіи, патріархъ Іовъ, пріятель Годунова, при его содѣйствіи и возведенный два года назадъ въ патріаршій санъ, объявилъ соборнѣ, что смерть царевича приключилась судомъ Божіимъ. Тѣмъ дѣло пока и кончилось. Въ январѣ 1598 года умеръ царь Өедоръ. Послѣ него не осталось никого изъ Калитиной династіи, кто бы могъ занять опустѣвшій престолъ. Присягнули было вдовѣ покойнаго, царицѣ Иринѣ; но она постриглась. Итакъ, династія вымерла нечисто, не своею смертью. Земскій соборъ подъ предсѣдательствомъ того же патріарха Іова избралъ на царство правителя Бориса Годунова.

Борисъ и на престолѣ правилъ такъ же умно и осторожно, какъ прежде, стоя у престола при царѣ Ѳедорѣ. По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ большому, хотя и не первостепенному боярству. Годуновы—младшая вѣтвь стариннаго и важнаго московскаго боярскаго рода, шедшаго отъ выѣхавшаго изъ Орды въ Москву при Калитѣ мурзы Чета. Старшая вѣтвь того же рода, Сабуровы занимали очень видное мѣсто въ московскомъ боярствѣ; но Годуновы поднялись лишь недавно, въ царствованіе Грознаго, и опричнина, кажется, много помогла ихъ возвышенію. Борисъ былъ посаженнымъ отцомъ на одной изъ многочисленныхъ свадебъ царя Ивана во время опричнины; притомъ онъ сталъ зятемъ Малюты Скуратова Бѣльскаго, шефа опричниковъ, а женитьба царевича Ѳедора на сестрѣ Бориса еще болѣе укрѣпила его положеніе при дворѣ. До учрежденія опричнины въ боярской думѣ не встрѣчаемъ Годуновыхъ; они появляются въ ней только съ 1573 г.; зато со смерти Грознаго они посыпались туда и все въ важныхъ званіяхъ бояръ и окольничихъ. Но самъ Борисъ не значился въ спискахъ опричниковъ и тѣмъ не уронилъ себя въ глазахъ общества, которое смотрѣло на нихъ, какъ на отверженныхъ людей, «кромѣшниковъ»: такъ острили надъ ними современники, играя синонимами *опричь* и *кромѣ*. Борисъ началъ царствованіе съ большимъ успѣхомъ, даже блескомъ, и первыми дѣйствіями на престолѣ вызвалъ всеобщее одобреніе. Современные витіи мудревато писали о немъ, что онъ своей политикой внутренней и внѣшней «зѣло проразсудительное народамъ мудроправство показа». Въ немъ находили «велемудрый и многоразсудный разумъ», называли его мужемъ зѣло чуднымъ и сладкорѣчивымъ и строительнымъ вельми, о державѣ своей многозаботливымъ. Съ восторгомъ отзывались о наружности и личныхъ качествахъ царя, писали, что «никто бѣ ему отъ царскихъ синклитъ подобенъ въ благолѣпіи лица его и въ разсужденіи ума его», хотя и замѣчали съ удивленіемъ, что это былъ первый въ Россіи безкнижный государь, «грамотичнаго ученія не свѣдый до мала отъ юности, яко ни простымъ буквамъ навыченъ бѣ». Но признавая, что онъ наружностью и умомъ всѣхъ людей превосходилъ и много похвальнаго учинилъ въ государствѣ, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ, хотя и неискусенъ въ военномъ дѣлѣ, находили въ немъ и нѣкоторые недостатки: онъ цвѣлъ добродѣтелями и могъ бы древнимъ царямъ уподобиться, если бы зависть и злоба не омрачили этихъ добродѣтелей. Его упрекали въ ненасытномъ властолюбіи и въ наклонности довѣрчиво слушать наушниковъ и преслѣдовать безъ разбора оболганныхъ людей, за что и воспріялъ онъ возмездіе. Считая себя мало способнымъ къ ратному дѣлу и не довѣряя своимъ воеводамъ, царь Борисъ велъ нерѣшительную, двусмысленную внѣшнюю политику, не воспользовался ожесточенной враждой Польши со Швеціей, что давало ему возможность союзомъ съ королемъ шведскимъ пріобрѣсти отъ Польши Ливонію. Главное его вниманіе обращено было на устройство внутренняго порядка въ государствѣ, на «исправленіе всѣхъ нужныхъ царству вещей», по выраженію

келаря А. Палицына, и въ первые два года царствованія, замѣчаетъ келарь, Россія цвѣла всѣми благами. Царь крѣпко заботился о бѣдныхъ и нищихъ, расточалъ имъ милости, но жестоко преслѣдовалъ злыхъ людей и такими мѣрами пріобрѣлъ огромную популярность, «всѣмъ любезенъ бысть». Въ устроеніи внутренняго государственнаго порядка онъ даже обнаруживалъ необычную отвагу. Излагая исторію крестьянъ въ XVI в. (лекція XXXVII), я имѣлъ случай показать, что мнѣніе объ установленіи крѣпостной неволи крестьянъ Борисомъ Годуновымъ принадлежитъ къ числу нашихъ историческихъ сказокъ. Напротивъ, Борисъ готовъ былъ на мѣру, имѣвшую упрочить свободу и благосостояніе крестьянъ: онъ, повидимому, готовилъ указъ, который бы точно опредѣлилъ повинности и оброки крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Это—законъ, на который не рѣшалось русское правительство до самаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.

Такъ началъ царствовать Борисъ. Однако, несмотря на многолѣтнюю правительственную опытность, на милости, какія онъ щедро расточалъ по воцареніи всѣмъ классамъ, на правительственныя способности, которымъ въ немъ удивлялись, популярность его была непрочна. Борисъ принадлежалъ къ числу тѣхъ злосчастныхъ людей, которые и привлекали къ себѣ, и отталкивали отъ себя, привлекали видимыми качествами ума и таланта, отталкивали незримыми, но чуемыми недостатками сердца и совѣсти. Онъ умѣлъ вызывать удивленіе и признательность, но никому не внушалъ довѣрія; его всегда подозрѣвали въ двуличіи и коварствѣ и считали на все способнымъ. Несомнѣнно, страшная школа Грознаго, которую прошелъ Годуновъ, положила на него неизгладимый печальный отпечатокъ. Еще при царѣ Ѳедорѣ у многихъ составился взглядъ на Бориса, какъ на человѣка умнаго и дѣловитаго, но на все способнаго, не останавливающагося ни передъ какимъ нравственнымъ затрудненіемъ. Внимательные и безпристрастные наблюдатели, какъ дьякъ Ив. Тимоѳеевъ, авторъ любопытныхъ записокъ о Смутномъ времени, характеризуя Бориса, отъ суровыхъ порицаній прямо переходятъ къ восторженнымъ хваламъ и только недоумѣваютъ, откуда бралось у него все, что онъ дѣлалъ добраго, было ли это даромъ природы, или дѣломъ сильной воли, умѣвшей до времени искусно носить любую личину. Этотъ «рабоцарь», царь изъ рабовъ, представлялся имъ загадочной смѣсью добра и зла, игрокомъ, у котораго чашки на вѣсахъ совѣсти постоянно колебались. При такомъ взглядѣ не было подозрѣнія и нареканія, котораго народная молва не была бы готова повѣсить на его имя. Онъ и хана крымскаго подъ Москву подводилъ, и добраго царя Ѳедора съ его дочерью ребенкомъ Ѳедосьей, своей родной племянницей, уморилъ и даже собственную сестру царицу Александру отравилъ; и бывшій земскій царь, полузабытый ставленникъ Грознаго Семенъ Бекбулатовичъ, ослѣпшій подъ старость, ослѣпленъ все тѣмъ же Б. Годуновымъ; онъ же кстати и Москву жегъ тотчасъ по убіеніи царевича Димитрія, чтобы отвлечь вниманіе царя и столичнаго общества отъ углицкаго злодѣянія.

Б. Годуновъ сталъ излюбленной жертвой всевозможной политической клеветы. Кому же, какъ не ему, убить и царевича Димитрія? Такъ рѣшила молва и на этотъ разъ не спроста. Незримыя уста понесли по міру эту роковую для Бориса молву. Говорили, что онъ не безъ грѣха въ этомъ темномъ дѣлѣ, что это онъ подослалъ убійцъ къ царевичу, чтобы проложить себѣ дорогу къ престолу. Современные лѣтописцы разсказывали объ участіи Бориса въ дѣлѣ, конечно, по слухамъ и догадкамъ. Прямыхъ уликъ у нихъ, понятно, не было и быть не могло: властные люди въ подобныхъ случаяхъ могутъ и умѣютъ прятать концы въ воду. Но въ лѣтописныхъ разсказахъ нѣтъ путаницы и противорѣчій, какими полно донесеніе углицкой слѣдственной коммиссіи. Лѣтописцы вѣрно понимали затруднительное положеніе Бориса и его сторонниковъ при царѣ Ѳедорѣ: оно побуждало бить, чтобы не быть побитымъ. Вѣдь Нагіе не пощадили бы Годуновыхъ, если бы воцарился углицкій царевичъ. Борисъ отлично зналъ по самому себѣ, что люди, которые ползутъ къ ступенькамъ престола, не любятъ и не умѣютъ быть великодушными. Однимъ развѣ лѣтописцы возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе: это—неосторожная откровенность, съ какою ведетъ себя у нихъ Борисъ. Они взваливаютъ на правителя не только прямое и дѣятельное участіе, но какъ будто даже почннъ въ дѣлѣ: неудачныя попытки отравить царевича, совѣщанія съ родными и присными о другихъ средствахъ извести Димитрія, неудачный первый выборъ исполнителей, печаль Бориса о неудачѣ, утѣшеніе его Клешнинымъ, обѣщающимъ исполнить его желаніе,—все это подробности, безъ которыхъ, казалось бы, могли обойтись люди, столь привычные къ интригѣ. Съ такимъ мастеромъ своего рода, какъ Клешнинъ, всѣмъ обязанный Борису и являющійся руководителемъ углицкаго преступленія, не было нужды быть столь откровеннымъ: достаточно было прозрачнаго намека, молчаливаго внушительнаго жеста, чтобы быть понятымъ. Во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобы это дѣло сдѣлалось безъ вѣдома Бориса, подстроено было какой-нибудь черезчуръ услужливой рукой, которая хотѣла сдѣлать угодное Борису, угадывая его тайные помыслы, а еще болѣе обезпечить положеніе своей партіи, державшейся Борисомъ. Прошло семь лѣтъ, семь безмятежныхъ лѣтъ правленія Бориса. Время начинало стирать углицкое пятно съ Борисова лица. Но со смертью царя Ѳедора подозрительная народная молва оживилась. Пошли слухи, что и избраніе Бориса на царство было не чисто, что, отравивъ царя Ѳедора, Годуновъ достигъ престола полицейскими уловками, которыя молва возводи[...]а въ цѣлую организацію. По всѣмъ частямъ Москвы и по всѣмъ го[...] р[...]мъ разосланы были агенты, даже монахи изъ разныхъ монастырей, п[...]бивавшіе народъ просить Бориса на царство «всѣмъ міромъ»; даже ц[...]ица-вдова усердно помогала брату, тайно, деньгами и льстивыми обѣщ[...]іями соблазняя стрѣлецкихъ офицеровъ дѣйствовать въ пользу Бориса. П[...]ъ угрозой тяжелаго штрафа за сопротивленіе полиція въ Москвѣ сгоня[...]а народъ къ Новодѣвичьему монастырю челомъ бить и просить у по-

стригшейся царицы ея брата на царство. Многочисленные пристава наблюдали, чтобъ это народное челобитье приносилось съ великимъ воплемъ и слезами, и многіе, не имѣя слезъ наготовѣ, мазали себѣ глаза слюнями, чтобы отклонить отъ себя палки приставовъ. Когда царица подходила къ окну кельи, чтобы удостовѣриться во всенародномъ моленіи и плачѣ, по данному изъ кельи знаку весь народъ долженъ былъ падать ницъ на землю; не успѣвшихъ или не хотѣвшихъ это сдѣлать пристава пинками въ шею сзади заставляли кланяться въ землю и всѣ, поднимаясь, завывали точно волки. Отъ неистоваго вопля разсѣдались утробы кричавшихъ, лица багровѣли отъ натуги, приходилось затыкать уши отъ общаго крика. Такъ повторялось много разъ. Умиленная зрѣлищемъ такой преданности народа, царица наконецъ благословила брата на царство. Горечь этихъ разсказовъ, можетъ быть, преувеличенныхъ, рѣзко выражаетъ степень ожесточенія, какое Годуновъ и его сторонники постарались поселить къ себѣ въ обществѣ. Наконецъ въ 1604 г. пошелъ самый страшный слухъ. Года три уже въ Москвѣ шептали про невѣдомаго человѣка, называвшаго себя царевичемъ Димитріемъ. Теперь разнеслась громкая вѣсть, что агенты Годунова промахнулись въ Угличѣ, зарѣзали подставного ребенка, а настоящій царевичъ живъ и идетъ изъ Литвы добывать прародительскаго престола. Замутились при этихъ слухахъ умы у русскихъ людей и пошла смута. Царь Борисъ умеръ весной 1605 г., потрясенный успѣхами самозванца, который, воцарившись въ Москвѣ, вскорѣ былъ убитъ.

Такъ подготовлялась и началась смута. Какъ вы видите, она была вызвана двумя поводами: насильственнымъ и таинственнымъ пресѣченіемъ старой династіи и потомъ искусственнымъ ея воскрешеніемъ въ лицѣ перваго самозванца. Насильственное и таинственное пресѣченіе династіи было первымъ толчкомъ къ смутѣ. Пресѣченіе династіи есть, конечно, несчастіе въ исторіи монархическаго государства; нигдѣ однако оно не сопровождалось такими разрушительными послѣдствіями, какъ у насъ. Погаснетъ династія, выберутъ другую и порядокъ возстановляется; при этомъ обыкновенно не появляются самозванцы или на появившихся не обращаютъ вниманія и они исчезаютъ сами собою. А у насъ съ легкой руки перваго Лжедимитрія самозванство стало хронической болѣзнью государства: съ тѣхъ поръ чуть не до конца XVIII в. рѣдкое царствованіе проходило безъ самозванца, а при Петрѣ за недостаткомъ таковаго народная молва настоящаго царя превратила въ самозванца. Итакъ, ни пресѣченіе династіи, ни появленіе самозванца не могли бы сами по себѣ послужить достаточными причинами смуты; были какія-либо другія условія, которыя сообщили этимъ событіямъ такую разрушительную силу. Этихъ настоящихъ причинъ смуты надобно искать подъ внѣшними поводами, ее вызвавшими.

В. Ключевскій.

Проф. В. И. Герье о первой Государственной Думѣ.

«Итакъ, первая русская Дума не исполнила своего назначенія, не водворила въ Россіи политической свободы, не разрѣшила конституціоннаго вопроса, а лишь запутала его. А почему? Потому, что люди, которые были призваны къ этому высокому дѣлу, шли въ Таврическій дворецъ не для насажденія свободы, а—за почтенными исключеніями—ворвались туда, какъ завоеватели, подобно галламъ на римскомъ форумѣ, хватавшимъ за бороду сенаторовъ и гремѣвшимъ мечами съ крикомъ: «Горе побѣжденнымъ!»

Прочитавъ это заключеніе почтеннаго историка, я невольно вспомнилъ своихъ бывшихъ товарищей по Государственной Думѣ. Я вспомнилъ то благоговѣйное настроеніе, съ которымъ мы вступали въ первый русскій парламентъ, то жгучее чувство отвѣтственности передъ родиной, съ которымъ мы входили подъ своды Таврическаго дворца. Я вспомнилъ проводы многихъ членовъ Думы на мѣстахъ при отъѣздѣ въ Петербургъ, когда къ напутственнымъ пожеланіямъ и словамъ примѣшивались слезы скорби и тревоги за будущее, за народныхъ избранниковъ, идущихъ на тяжкій подвигъ защиты правъ народныхъ. Я вспомнилъ, наконецъ, нашу работу въ Думѣ, когда въ теченіе 72 дней, съ утра и до поздней ночи, не щадя силъ и не думая объ отдыхѣ, угнетаемые тяжелой мыслью о препятствіяхъ, стоящихъ на пути къ начатой преобразовательной работѣ, и съ первыхъ же дней тревожимые слухами о роспускѣ, мы твердо шли къ поставленной цѣли. «Завоеватели, галлы на римскомъ форумѣ, хватавшіе за бороду сенаторовъ и гремѣвшіе мечами съ крикомъ: «Горе побѣжденнымъ!»—не слишкомъ ли сильные образы употреблены почтеннымъ профессоромъ? Увы! въ минуты наибольшаго подъема думскихъ засѣданій, чувство завоевателей, кричащихъ своимъ врагамъ: «Горе побѣжденнымъ!» было слишкомъ далеко отъ членовъ Государственной Думы. Слишкомъ ярко и сильно было сознаніе стѣны, передъ нами стоявшей. Если проф. Герье такъ интерпретируетъ нѣкоторыя неумѣренныя рѣчи и черезчуръ сильныя выраженія отдѣльныхъ членовъ, то какое отношеніе имѣютъ его фразы къ думскому большинству и къ общему настроенію.

Еще болѣе изумительна и неожиданна другая характеристика, которую

В. И. Герье высказываетъ при обсужденіи выборгскаго воззванія: «Его авторы проявили себя тѣмъ, *чѣмъ они были*—властолюбцами, стремившимися захватить власть надъ русскимъ народомъ, самозванцами русской старины въ современныхъ костюмахъ!» Нельзя не подивиться странной смѣси понятій, придуманной почтеннымъ историкомъ, который находитъ нужнымъ назвать членовъ первой Государственной Думы не только властолюбцами, но еще и самозванцами русской старины. И у меня снова встаютъ воспоминанія недавняго прошлаго. Я вспоминаю тотъ знаменательный вечеръ, когда во фракціи народной свободы обсуждался вопросъ, какъ отнестись къ возможности думскаго министерства. Это были дни, когда шла рѣчь о необходимости составленія министерства изъ членовъ партіи народной свободы въ очень высокихъ кругахъ, когда органы прессы, враждебные партіи, говорили о благоразуміи и умѣренности кадетовъ. Образованіе думскаго министерства казалось и близкимъ и возможнымъ, но не властолюбіемъ и не радостью побѣды дышали въ этотъ вечеръ рѣчи ораторовъ, а сознаніемъ безконечной трудности положенія. Всѣ понимали, что взять на себя власть при условіи общаго народнаго возбужденія, при несовершенствѣ механизма подчиненныхъ органовъ и при невозможности ихъ быстрой перемѣны—это значило идти на тяжкій подвигъ и, можетъ быть, принести себя въ жертву. Торжественно-грустно, но вмѣстѣ и мужественно было наше совѣщаніе; всѣ чувствовали, что какъ ни безконечно труденъ жребій, его надо принять и нести. Какой странной ироніей звучатъ слова проф. Герье о властолюбіи и самозванствѣ, когда вспоминаешь этотъ вечеръ, въ который мнимые властолюбцы дѣйствительно «проявили себя тѣмъ, чѣмъ они были»—людьми, менѣе всего заблуждавшимися относительно трудности положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ самоотверженно шедшими на исполненіе долга.

Нельзя требовать отъ уважаемаго историка, чтобы при характеристикѣ первой Государственной Думы онъ руководствовался свѣдѣніями, которыя были ему недоступны. Но какъ историкъ, проф. Герье долженъ согласиться, что для той всесторонней характеристики Государственной Думы, которую онъ хочетъ дать, недостаточно однихъ стенографическихъ отчетовъ о преніяхъ. Независимо отъ общихъ засѣданій, въ Думѣ велась работа многочисленныхъ законодательныхъ коммиссій, шли засѣданія фракцій, происходили отдѣльныя совѣщанія по самымъ различнымъ вопросамъ. Все это составляло добрую половину дѣятельности членовъ Думы и для болѣе правильнаго освѣщенія этой дѣятельности необходимо быть знакомымъ, хотя отчасти, съ этой стороной жизни Думы. Но профессору Герье все это осталось неизвѣстнымъ, и неудивительно, если изъ-подъ его пера вышло изображеніе, весьма мало напоминающее дѣйствительность. Не говоря о другихъ весьма существенныхъ пробѣлахъ, я укажу прежде всего на то, что В. И. Герье ничего не говоритъ о законодательныхъ работахъ первой Думы, составляющихъ ея справедливую гордость. Этотъ пунктъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

Въ отзывѣ, приведенномъ въ началѣ нашей статьи, В. И. Герье говоритъ, что люди, вошедшіе въ первую Государственную Думу, «шли въ Таврическій дворецъ не для насажденія свободы». Мы не знаемъ, какія средства почтенный профессоръ считаетъ пригодными для насажденія свободы въ Россіи. Но та партія, которой принадлежало руководящее значеніе въ первой Думѣ, считала для этого прежде всего необходимой законодательную работу. Въ очень важномъ засѣданіи 24 мая представителями трудовой группы была сдѣлана попытка убѣдить Думу, что для нея важна не правильная законодательная работа, проходящая всѣ установленныя закономъ инстанціи, а провозглашеніе предъ страною извѣстныхъ законопроектовъ, привлекающихъ къ Думѣ симпатіи населенія. Государственная Дума не согласилась съ доводами трудовой группы и стала на точку зрѣнія, которую отстаивала партія народной свободы и которая заключалась въ томъ, что подлинная сила Думы—въ правильной законодательной работѣ. Еще ранѣе этого въ Думѣ началась прилежная работа законодательныхъ комиссій, которая къ концу мая и въ іюнѣ уже шла полнымъ ходомъ. Въ своемъ полномъ объемѣ эта работа заключала въ себѣ планъ полнаго преобразованія Россіи. Подготовленная въ основахъ своихъ до Думы, какую иную цѣль, какъ не насажденіе свободы въ Россіи, имѣла въ виду эта законодательная программа? Съ этой цѣлью входила въ Думу партія народной свободы, и результаты работъ созданныхъ по ея иниціативѣ думскихъ комиссій служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, что эта цѣль не осталась одной мечтой, для осуществленія которой партія не сдѣлала ни шага. Для того чтобы рѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ законодательныя предположенія первой Государственной Думы могли способствовать великому дѣлу насажденія русской свободы, надо было разобрать эти предположенія въ связи съ указанной великой цѣлью. Проф. Герье не сдѣлалъ этого, а между тѣмъ мы смѣло можемъ утверждать, что *никогда народная свобода не будетъ упрочена въ Россіи безъ осуществленія тѣхъ законодательныхъ предположеній, которыя были начертаны первой Государственной Думой и внесены въ нее партіей народной свободы.*

Проф. Герье не выполнилъ этой задачи разбора законодательныхъ предположеній Думы, не выполнилъ того, что было особенно важно для характеристики перваго русскаго представительства. Но болѣе того: мы имѣемъ основаніе думать, что онъ располагалъ лишь недостаточными и неточными свѣдѣніями о законодательныхъ предположеніяхъ первой Думы вообще и партіи народной свободы въ частности.

Разъясняя въ концѣ своей брошюры «почему отъ кадетовъ во власти нельзя ожидать свободы въ Россіи», почтенный профессоръ замѣчаетъ: "Политическая свобода нуждается въ мѣстной свободѣ, въ либеральномъ самоуправленіи. Но еще не было у русскаго самоуправленія болѣе злого врага, какъ кадетская аграрная политика. Осуществленіе принудительнаго отчужденія такъ, какъ они его понимаютъ, даже со справедливой оцѣнкой, которой они не хотѣли признать на послѣднемъ засѣданіи, подорвала

бы навсегда земское самоуправленіе. Если бы на широкомъ пространствѣ русскихъ степей и лѣсовъ погасли огни снесенныхъ усадебъ, вмѣстѣ съ ними погасли бы и очаги культуры и исчезли бы люди, безъ которыхъ земское самоуправленіе немыслимо».

Было бы интересно знать, какія данныя имѣлъ В. И. Герье для того, чтобы судить о томъ, какъ понимаютъ кадеты *осуществленіе* принудительнаго отчужденія. Программа партіи содержитъ по этому вопросу лишь принципіальныя начала, а не практическій планъ; точно также извѣстная записка 42-хъ, внесенная въ Думу отъ имени группы членовъ партіи народной свободы, не идетъ далѣе общихъ положеній, которыя притомъ же не были обсуждены въ партіи и въ отдѣльныхъ пунктахъ вызывали возраженія ея членовъ какъ въ Думѣ, такъ и въ органахъ прессы. Для заключеній о планѣ осуществленія принудительнаго отчужденія скорѣе слѣдовало бы обратиться къ работамъ аграрной думской комиссіи, которыя велись въ духѣ партіи народной свободы. Но къ какимъ бы документамъ и заявленіямъ партіи мы ни обращались, ни въ одномъ изъ нихъ мы не найдемъ, конечно, ничего подобнаго тому вандализму, въ которомъ обвиняетъ партію проф. Герье. Погасить на широкомъ пространствѣ русскихъ степей и лѣсовъ огни снесенныхъ усадебъ, погасить очаги культуры—кому изъ партіи приходила въ голову подобная затѣя? Не погасить, а сохранить действительные очаги культуры—вотъ что имѣетъ въ виду аграрная программа партіи. Что же касается либеральнаго самоуправленія, которое безспорно необходимо для мѣстной и политической свободы, то потребность его всегда признавалась партіей народной свободы однимъ изъ краеугольныхъ камней обновленія Россіи. Созданіе такого самоуправленія является, однако, задачей гораздо болѣе трудной и обширной, чѣмъ сохраненіе помѣщичьихъ усадебъ. Партія народной свободы полагала для этого необходимымъ призвать къ самоуправленію всѣ мѣстныя силы и объединить ихъ на служеніи общему дѣлу. Начало мѣстной свободы, согласно высказываемымъ въ партіи взглядамъ, должно найти свое завершеніе и высшую опору въ созданіи второй палаты. Это—планъ сложный и обширный, но во всякомъ случаѣ свидѣтельствующій о той высокой оцѣнкѣ, которую партія придаетъ началу мѣстной свободы и либеральнаго самоуправленія.

Мы сейчасъ коснулись одного изъ главныхъ упрековъ, который В. И. Герье дѣлаетъ первой Государственной Думѣ. Здѣсь слѣдуетъ кстати упомянуть и другой его заключительный выводъ, который по характеру своему долженъ былъ бы имѣть убійственную силу. Уважаемый профессоръ полагаетъ, что «если первая русская Дума не водворила въ Россіи свободы, то она указала путь, по которому эта цѣль недостижима». Читатель въ правѣ ожидать, что вслѣдъ за этимъ будетъ указано на нѣкоторый огромный и непростительный пробѣлъ въ дѣятельности первой Думы. Вмѣсто того проф. Герье дѣлаетъ указаніе, которое падаетъ само собою вслѣдствіе полной своей отвлеченности, какъ не имѣющее ни малѣйшаго

отношенія къ Думѣ. «Ни диктатура пролетаріата, заявленная соціалъ-демократической партіей, ни якобинство кадетовъ не могутъ ее породить, а чудовищный союзъ между этими партіями можетъ породить только политическое чудище». Все это утвержденіе есть сплошное недоразумѣніе: непонятно, причемъ тутъ диктатура пролетаріата и откуда взятъ никогда не существовавшій союзъ соціалъ-демократической партіи и кадетовъ. Соціалъ-демократы составляли въ первой Думѣ лишь незначительное меньшинство и ни о какомъ вліяніи ихъ заявленій на общее направленіе работъ Думы не могло быть и рѣчи; еще менѣе того могла быть рѣчь о союзѣ съ ними партіи народной свободы. Мысль проф. Герье становится еще болѣе непонятной отъ ея дальнѣйшаго поясненія: «ибо всегда въ подобномъ случаѣ повторятся памятныя слова депутата Кузьмина-Караваева: «Нельзя забывать, что мы и здѣсь, въ Думѣ, чрезвычайно единодушны во всемъ, что касается отрицанія, но есть ли въ насъ единодушіе въ положительныхъ идеалахъ? Разъ мы станемъ на почву положительныхъ идеаловъ, то наше единодушіе неизбѣжно само собою упадетъ». Невозможно понять, зачѣмъ для первой Думы было необходимо единодушіе партія народной свободы съ соціалъ-демократами, и почему бы эта Дума не могла проводить своихъ постановленій вопреки соціалъ-демократическимъ утопіямъ. Примѣры отдѣльныхъ голосованій обнаруживали полное господство въ первой Думѣ партіи народной свободы, даже и тогда, когда она шла противъ крайнихъ лѣвыхъ группъ.

Разобранныя нами выдержки изъ брошюры В. И. Герье бросаютъ яркій свѣтъ на всю эту брошюру. Сужденія, основанныя на недостаточныхъ данныхъ, преувеличенія, не находящія для себя поддержки въ фактахъ, упреки, обнаруживающіе прежде всего нерасположеніе автора къ партіи народной свободы—все это показываетъ, что уважаемый профессоръ, при всемъ своемъ стремленіи сохранить спокойный и объективный тонъ, не могъ удержаться въ положеніи безпристрастнаго наблюдателя и невольно былъ увлеченъ въ партійную борьбу. Но отъ проф. Герье мы въ правѣ были ожидать не партійной полемики, а объективнаго освѣщенія фактовъ, и если намъ пришлось убѣдиться въ противномъ, его брошюра сразу теряетъ для насъ интересъ. Она можетъ сохранить значеніе для политическихъ партій, борющихся съ партіей народной свободы, но партійный характеръ мѣшаетъ ей служить той задачѣ, для которой предназначалъ ее авторъ: быть выводомъ изъ перваго опыта народнаго представительства въ Россіи, въ виду того, что предстоитъ цѣлый рядъ другихъ опытовъ этого рода.

На этомъ заключеніи мы могли бы поставить точку, если бы остальное содержаніе брошюры не вызывало въ насъ еще бóльшаго недоумѣнія, чѣмъ тѣ выводы, которыхъ мы коснулись. Что представляетъ собою остальная часть брошюры? Странно сказать, выдержки изъ рѣчей отдѣльныхъ членовъ Думы безъ обозначенія ихъ именъ и очень часто безъ упоминанія партій, къ которымъ они принадлежатъ! Какъ будто бы въ Думѣ всѣ

должны были отвѣчать за каждаго и каждый за всѣхъ, и какъ будто бы все собраніе было повинно за каждую неудачную рѣчь, въ немъ сказанную. Для того чтобы эти выдержки имѣли цѣну, ихъ, конечно, слѣдовало бы пріурочить къ отдѣльнымъ партіямъ и группамъ. Слѣдовало бы далѣе прослѣдить, въ какой мѣрѣ воззрѣнія той или другой партіи или группы отразились на общемъ направленіи Думы и на принятыхъ ею рѣшеніяхъ. Только при этомъ условіи мнѣнія отдѣльныхъ членовъ были бы вставлены въ тотъ контекстъ, при которомъ они могли бы имѣть интересъ для сужденія о первой Государственной Думѣ въ цѣломъ. Внѣ этого условія они представляютъ собою только *мнѣнія отдѣльныхъ членовъ,* всецѣло остающіяся на ихъ *личной* отвѣтственности. И всѣ эти пышныя обозначенія отдѣльныхъ частей разбираемой брошюры: «воззрѣнія депутатовъ на Государственную Думу», «на конституцію», «на правительство и монархію»— скрываютъ за собою лишь случайныя цитаты, болѣе или менѣе удачно выбранныя и сопровождаемыя столь же случайными объясненіями автора. Для подтвержденія своей мысли сошлюсь хотя бы на слѣдующій примѣръ. На 44 и 45 стр. излагаются воззрѣнія депутатовъ на конституцію. Какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи въ Думѣ существовало два совершенно различныхъ взгляда. Одинъ взглядъ, высказанный партіей народной свободы и опиравшійся на поддержку большинства, исходилъ изъ признанія, что Государственная Дума должна держаться строго конституціонныхъ рамокъ и что существующіе основные законы, хотя и несовершенные и подлежащіе измѣненію, должны быть соблюдаемы. Другой взглядъ, напротивъ, отправлялся отъ отрицанія конституціи и полагалъ, что Дума не должна стѣсняться установленными формами, такъ какъ вся ея задача сводится къ воздѣйствію на страну. Для профессора Герье положеніе дѣла представляется совершенно иначе. «Что большинство членовъ Думы не признавало конституціи, благодаря которой они сами стали членами Думы, не требуетъ доказательствъ: они сами неоднократно и громко объ этомъ заявляли. Уже въ рѣчи по поводу отвѣта министерства на адресъ Государственной Думы вождь кадетской партіи объявилъ, что они, члены Думы, и общественное мнѣніе, ошиблись, полагая, что новые министры намѣрены вступить на конституціонный путь, «оказывается, что мы не имѣемъ и зачатковъ конституціоннаго министерства»». Но какъ же можно въ столь важномъ пунктѣ говорить: «не требуетъ доказательства». Столь же категорически, какъ и уважаемый авторъ, я могу утверждать, что *большинство* членовъ Думы признавало конституцію, и я думаю, что слова вождя кадетской партіи указываютъ на признаніе конституціи, а не на ея отрицаніе. Что иное можетъ обозначать требованіе, чтобы министры вступили на конституціонный путь, чтобы министерство стало конституціоннымъ?

Но и по всѣмъ другимъ вопросамъ слѣдовало бы различать взгляды большинства и меньшинства, взгляды господствующіе и случайные. Различенія этого въ брошюрѣ профессора Герье нѣтъ, и въ виду этого никакіе выводы изъ приводимыхъ имъ отдѣльныхъ мнѣній невозможны. От-

сутствіе этого различенія было бы еще понятно, если бы почтенный профессоръ думалъ, что, за единичными исключеніями, въ Думѣ господствовало полное единство настроенія и взглядовъ. Но не говоритъ ли онъ самъ, что партія народной свободы и трудовая группа расходились между собою «какъ въ политическихъ, такъ и въ экономическихъ принципахъ и, наконецъ, въ способахъ ихъ примѣненія» (стр. 66). И не признаетъ ли онъ, ссылаясь на слова депутата Кузьмина-Караваева, что въ Думѣ не было «единодушія въ положительныхъ идеалахъ?» О какой же однообразной характеристикѣ «воззрѣній депутатовъ» тутъ можетъ идти рѣчь?

Но если на самомъ дѣлѣ невозможно говорить о единствѣ этихъ воззрѣній и нельзя возлагать отвѣтственность на партію народной свободы за рѣчи соціалъ-демократовъ и другихъ крайнихъ лѣвыхъ, то было въ Государственной Думѣ единство, котораго профессоръ Герье не замѣтилъ и не могъ замѣтить, за недостаткомъ болѣе точныхъ свѣдѣній о жизни Думы. Это было единство преданнаго служенія общему дѣлу. 27 апрѣля 1906 г. въ Таврическій дворецъ сошлись люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній изъ самыхъ различныхъ частей Россіи. Но съ первыхъ же дней въ этой разнородной массѣ среди большинства ея членовъ стало быстро слагаться извѣстное единодушіе. Исчезали всякія общественныя различія, всякія неравенства. Они не замѣчались и не чувствовались. Не было между нами простыхъ и знатныхъ, выше и ниже стоящихъ; были лишь члены Государственной Думы, которые, по замѣчанію кн. Урусова, принесли въ нее «не только негодованіе и жалобы, но и горячую жажду дѣятельности, самоотверженія и истинный, чистый патріотизмъ». Общая работа въ Думѣ и коммиссіяхъ постепенно сближала всѣхъ, усиливала значеніе центра, ослабляла крайности, и немногія слова въ Думѣ были покрыты такими шумными и продолжительными аплодисментами, какъ то мѣсто знаменитой рѣчи кн. Урусова, гдѣ онъ говорилъ, что въ Государственной Думѣ «частные интересы и классовая борьба уступили торжеству единаго народнаго и государственнаго блага». Казалось, что эти слова выражали тайное и завѣтное чувство всѣхъ.

Профессоръ Герье не замѣтилъ этого общаго чувства, какъ не замѣтилъ онъ въ первой Думѣ и ея горячей жажды дѣятельности, самоотверженія и истиннаго, чистаго патріотизма. Въ рѣчахъ ея членовъ онъ вычиталъ только «брань велію и крикъ и шумъ великъ и слова многія бранныя»,—таковъ одинъ изъ эпиграфовъ къ его брошюрѣ. Будущій историкъ разсудитъ, насколько правъ историкъ современный.

П. Новгородцевъ.

Анархизмъ *).

I.

Появленіе и обостреніе анархическихъ ученій и настроеній имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ чувствуются въ нихъ послѣднія проблемы человѣческаго существованія. Въ безрелигіозномъ развитіи міра только анархизмъ пытается радикально отвергнуть всякую государственность, всякую власть и насиліе и противъ себя служитъ онъ теократическому сознанію, расчищаетъ почву для торжества идеи боговластія, поставленнаго на мѣсто всякаго человѣковластія. Только анархизмъ рѣшительно формулировалъ завѣтную мечту человѣческаго сердца—соединеніе людей не насильственное, а свободное, не внѣшней необходимостью, а внутреннимъ влеченіемъ человѣческой природы. Кто не анархистъ въ сердцѣ своемъ, тотъ любитъ насиліе и власть, какъ начало самостоятельное и цѣль. Кто свободу любитъ больше насилія, любовь ставитъ выше власти, внутренно-организованное общество предпочитаетъ всякому внѣшне-организованному государству, тотъ долженъ признать себя анархистомъ, хотя бы въ мечтѣ.

Вѣдь анархизмъ, какъ радикальное отрицаніе власти, государственнаго союза и насилія въ немъ надъ личностью, не есть непремѣнно анархія и хаосъ.

Анархическія ученія очень разнообразны, часто противоположны, такъ что само понятіе анархизма колеблется. Какъ мало общаго между анархистомъ дѣйствія, бросающимъ бомбу, и Львомъ Толстымъ, въ своемъ родѣ не менѣе крайнимъ анархистомъ! Какъ не похожъ революціонный и коммунистическій анархизмъ Бакунина на буржуазный анархизмъ Спенсера, какъ различны анархизмъ Макса Штирнера и анархизмъ Прудона! Есть ли хоть какое-нибудь сходство въ настроеніи между анархизмомъ рабочихъ, съ ихъ тяжелой экономической борьбой, анархизмомъ недоѣданія, и анархизмомъ декадентовъ, бросающимъ вызовъ всей системѣ мірозданія, анар-

*) Помѣщая настоящую статью, являющуюся главой изъ подготовляемой авторомъ къ печати книги, посвященной религіозной философіи общественности, редакція отнюдь не отождествляетъ себя съ воззрѣніями автора. Редакція *Русской Мысли*.

хизмомъ переѣданія! И всетаки можно найти какіе-то общіе, чисто отрицательные признаки, по которымъ глубоко противоположныя явленія мы обозначаемъ однимъ именемъ анархизма. Анархистовъ всѣхъ оттѣнковъ прежде всего объединяетъ отрицательное отношеніе къ государству, радикальное отверженіе суверенности государства, признаніе суверенности личности, хотя бы и во имя разныхъ цѣлей. Всѣ анархисты ненавидятъ всякое насиліе и власть надъ личностью и всѣ хотятъ организовать общественность изъ свободныхъ стремленій личности, хотя бы одни, какъ Толстой, полагали это свободное стремленіе въ христіанской морали, другіе, какъ М. Штирнеръ,—въ эготизмѣ, третьи, какъ Прудонъ,—въ присущей человѣку справедливости и т. д. Анархизмъ, какъ настроеніе, очень могущественъ и значителенъ, но анархизмъ, какъ теорія, какъ философское ученіе,—слабъ и почти жалокъ. Анархисты никогда не доходятъ до корней поставленныхъ ими проблемъ, безпомощно лепечутъ о благости человѣческой природы и отъ прекраснодушныхъ и разсудочныхъ анархическихъ утопій такъ же пахнетъ мѣщанствомъ, какъ и отъ всѣхъ соціальныхъ утопій.

Послѣдовательный и обоснованный анархизмъ невозможенъ на почвѣ позитивизма или матеріализма, а большей частью анархисты оказываются позитивистами и матеріалистами. Въ анархизмѣ, какъ онъ до сихъ поръ складывался, есть одно разъѣдающее противорѣчіе: онъ хочетъ уничтожить всякое насиліе, но въ распоряженіи своемъ имѣетъ для этой цѣли насиліе же; онъ хочетъ уничтожить всякую власть, но прибѣгаетъ для этого къ власти же; онъ хочетъ организовать общество изнутри, изъ природы личности, а не извнѣ, не изъ государственно-общественной необходимости, но ничего внутренняго не имѣетъ и вынужденъ опять прибѣгать къ тому же внѣшнему. Анархисты-практики прибѣгаютъ къ самымъ ужаснымъ насиліямъ надъ личностью, желая уничтожить всякое насиліе, съ именемъ свободы на устахъ; анархисты-теоретики ничего кромѣ матеріи и внѣшней необходимости не могутъ назвать для обоснованія безграничной свободы личности въ свободной, безгосударственной общественности. Позитивная и матеріалистическая философія не признаетъ никакой объективной человѣческой природы, отличной отъ той внѣшней природы, которая подчинена закону необходимости, отвергаетъ творческую свободу личности и даже самое идею личности подвергаетъ сомнѣнію. Какая же внутренняя сила можетъ быть противополагаема внѣшнему насилію, гдѣ источникъ анархической свободы, гдѣ гарантія, что анархическое общество не будетъ угнетать личность? Анархисты, какъ и соціалисты, хотятъ свободу вывести изъ необходимости, личность—изъ безличной природы. Въ динамитныхъ бомбахъ, въ вооруженныхъ возстаніяхъ и бунтарскихъ вспышкахъ такъ же мало свободы и такъ же много насилія, какъ и въ государственныхъ пуле-м гахъ, тюрьмахъ, казняхъ и пр. Дѣйствія «максималистовъ» въ такой же мѣрѣ анархичны, въ какой враждебны свободѣ, проникнуты культомъ насилія; «максималистская» мораль есть Немезида анархизма. Анархическая

свобода есть жажда разомкнуть цѣпь не только природной, но и соціальной необходимости, а анархисты цѣликомъ остаются въ порядкѣ природной и соціальной необходимости и ничего иного не вѣдаютъ. Анархическое выдѣленіе личнаго начала потому безплодно, что для анархистовъ личность не сверхприродная, свободная монада, а случайный продуктъ природы и общества, такъ что вся ихъ работа протекаетъ въ порочномъ кругу и уступаетъ соціалистамъ въ послѣдовательности.

Анархисты такъ же наивно вѣрятъ въ благость человѣческой природы, какъ государственники—въ благость государственной природы. Большая часть анархистовъ думаетъ, подобно Руссо, что человѣкъ вышелъ совершеннымъ изъ рукъ природы, но испорченъ государственной и общественной жизнью. Достаточно снять съ человѣка государственныя цѣпи и общественныя узы—и наступитъ совершенная, свободная жизнь; противоестественное состояніе, которое было до сихъ поръ, замѣнится естественнымъ. Въ мірѣ есть какое-то злое начало власти, государственности, общественнаго насилія надъ личностью, но въ чемъ корень зла, почему власть человѣка надъ человѣкомъ явилась въ міръ и царитъ,—анархисты, повидимому, этого не знаютъ и потому не могутъ найти силы для искорененія злого начала власти и порабощенія.

Ихъ философское міровоззрѣніе ничего не можетъ сказать о человѣческой природѣ и врядъ ли истины біологіи въ силахъ оправдать и обосновать идею благости человѣка въ его естественномъ, внѣобщественномъ состояніи. Вѣдь съ позитивно-біологической и позитивно-соціологической точки зрѣнія человѣкъ есть звѣрь, укрощаемый государствомъ и муштруемый соціальной средой, и личность такова, какой ее создаетъ природная и соціальная среда. Что же можетъ природный человѣкъ противопоставить насильственному государству и противоестественному обществу съ его неравенствами и порабощеніями? Первобытный природный хаосъ, до-общественные звѣриные инстинкты, но на этомъ основаніи мудрено создать свободную гармонію. Анархизмъ увидѣлъ источникъ зла въ самомъ началѣ властвованія, какого-то первичнаго порабощенія человѣка человѣку, призналъ всякую власть безнравственной и заглянулъ глубже другихъ ученій въ темную стихію общественныхъ бѣдствій и несправедливостей. Изначальное насиліе человѣка надъ человѣкомъ лежитъ гораздо глубже экономическаго порабощенія, и экономическое освобожденіе не спасаетъ еще отъ неправды всякой власти, не спасаютъ отъ власти и никакія политическія усовершенствованія государства. Но анархисты-позитивисты не могутъ дойти до конца, съ роковой неизбѣжностью останавливаются въ серединѣ; они не въ состояніи указать на внутреннія силы, побѣждающія всякую власть и творящія свободную гармонію, ничего не знаютъ о метафизической и мистической природѣ личности и заканчиваютъ свой міровой бунтъ довольно пошлой проповѣдью экономическихъ общинъ и проектовъ, взятыхъ напрокатъ у соціалистовъ. Анархическія общины—дѣло очень почтен-

ное, и мы готовы ему сочувствовать, но въ нихъ ли искать противоядія отъ всякой власти, въ нихъ ли залогъ окончательнаго освобожденія?!

Анархисты твердо знаютъ, что нужно разрушить до основанія старый міръ. Новый міръ, говорятъ самые революціонные изъ нихъ, на развалинахъ стараго возникнетъ, на пепелищѣ созиждется. Слабость и безпомощность современнаго анархизма — въ полномъ отсутствіи творческихъ силъ, въ невозможности для него создать новый свободный міръ (говорятъ: онъ самъ собой возникнетъ), а потому и зло стараго міра онъ не въ состояніи окончательно сокрушить, не обладаетъ достаточно сильнымъ противоядіемъ. Слабость и убогость анархизма съ раціоналистическимъ позитивизмомъ и потерей религіознаго смысла связана. Бакунинъ достигаетъ временами почти мистической силы, что-то предмірное ощущается въ этомъ колоссѣ, но разрѣшается самыми вульгарными и плоскими идеями, раціоналистическое сознаніе сдавливаетъ его. Анархизмъ недостаточно радикаленъ, такъ какъ не видитъ *корней* личнаго и общественнаго бытія.

II.

Люди невѣжественные и люди, пугающіеся всякихъ крайнихъ ученій, нерѣдко смѣшиваютъ и отождествляютъ анархизмъ и соціализмъ. Но между этими двумя ученіями существуетъ глубокая противоположность и вражда: соціалисты терпѣть не могутъ анархистовъ и наоборотъ. Паѳосъ соціализма—равенство, паѳосъ анархизма—свобода; соціализмъ исходитъ отъ общества, анархизмъ—отъ личности. Соціалисты полагаютъ, что равные люди будутъ людьми свободными, что справедливое общество создастъ свободную личность; анархисты полагаютъ, что свободные люди будутъ людьми равными, что свободная личность создастъ справедливое общество.

Мечта соціализма есть всемірное соединеніе, мечта анархизма—всемірное освобожденіе. Соціализмъ по-своему пытается преодолѣть раздоръ и разъединеніе и устроить человѣческую жизнь; анархизмъ и новому устроенію враждебенъ такъ же, какъ и старому, и пытается уничтожить связанность и порабощенность частей міра. Соціализмъ въ концѣ-концовъ всегда государственъ, замѣняетъ только старую власть новой властью; анархизмъ прежде всего антигосударственъ и отвергаетъ всякую власть, хотя бы то была власть народа или пролетаріата. Соціализмъ поклоняется большинству, анархизмъ—беретъ подъ свою защиту меньшинство. По ученію соціалистическому—сначала уравнять, потомъ освободить, по ученію анархистическому—сначала освободить, потомъ уравнять. Но вѣдь одинаково нелѣпо думать, что отвлеченное начало равенства можетъ привести къ свободѣ, какъ и то, что отвлеченное начало свободы можетъ привести къ равенству. Ни общество само по себѣ взятое не можетъ создать прекрасной личности, ни личность сама по себѣ взятая не можетъ создать прекраснаго общества. Правда, въ идеяхъ свободы и личности гораздо больше положительнаго содержанія, чѣмъ въ идеяхъ равенства и общества. Равенство довольно-таки безсодержательная и ужъ во всякомъ

случаѣ отрицательная идея. Въ лучшемъ случаѣ она обозначаетъ, что свобода для всѣхъ должна быть завоевана, въ худшемъ, что для всѣхъ должно существовать рабство. Важно вѣдь о равенствѣ *кого* и *чего* идетъ рѣчь. Равенство нулей есть, быть можетъ, важная ариѳметическая истина, но врядъ ли можно признать эту истину соціальной и моральной правдой. Равенство должно быть подчинено идеямъ свободы и индивидуальности, т.-е. допустимо и желанно только равенство свободныхъ индивидуальностей, которыя должны существовать, прежде чѣмъ будутъ уравнены въ своихъ правахъ. Въ этомъ относительныя преимущества анархической постановки проблемы передъ соціалистической, но анархическая свобода сама по себѣ такъ же мало можетъ создать, какъ и соціалистическое уравненіе.

Анархизмъ беретъ своей исходной точкой вѣковѣчную распрю между личностью и обществомъ, справедливо указывая, что вражда эта не можетъ быть замирена и въ обществѣ соціалистическомъ, такъ какъ лежитъ глубже противоположности классовъ. Анархическій индивидуализмъ пытается заглянуть въ метафизическую подпочву соціальной дѣйствительности и увидѣть въ глубинѣ раздоръ не соціальнаго уже порядка, усматриваетъ борьбу иныхъ, сверхсоціальныхъ и надсоціальныхъ силъ. Существуетъ противоположность и вражда не только между обществомъ и государствомъ, не только между одними общественными силами и другими, но и между началомъ личнымъ и началомъ общественнымъ, между личной свободой и всякой общественной властью. Анархизмъ вплотную подходитъ къ вопросу объ *общественности личностей*, о соборномъ соединеніи личностей и этимъ радикально отличается и отъ соціализма и отъ всѣхъ другихъ ученій, положившихъ въ основу общественность безличную. Соціализмъ не понимаетъ, что не только всякая власть, хотя бы и пролетарская, хотя бы и всенародная, но и всякое общественное соединеніе невыносимо для личности, враждебно ей и отвратительно, если соединеніе это не на личномъ началѣ покоится, но поставило личности во главѣ угла. Но общество соціалистическое такъ же враждебно личности, такъ же безлично, какъ и общество буржуазно-капиталистическое или феодально-крѣпостническое. Анархизмъ же понимаетъ отрицательную сторону вопроса и потому идетъ дальше соціализма, смотритъ глубже. Въ немъ нѣтъ этого бѣса устроенія, затемняющаго сознаніе. Очень наивно было бы думать, подобно нѣкоторымъ эклектикамъ нашего времени, склоннымъ все примирять, что анархизмъ есть только дальнѣйшая ступень соціализма: сначала-де пройдемъ этапъ соціализма, а затѣмъ и анархизмъ наступитъ. Нѣтъ, ужъ если вы до послѣдняго конца пройдете путь соціализма, то до анархизма никогда не дойдете, поздно будетъ думать объ анархической свободѣ и личномъ началѣ, слишкомъ далеко зайдетъ побѣда началъ противоположныхъ. Распря между личностью и обществомъ носитъ трагическій характеръ, и не можетъ наступить міръ въ плоскости соціально-позитивной, въ которой всегда будутъ господствовать отвлеченныя тенденціи соціализма и анархизма. Примиреніе личности и общества

въ личной общественности, въ соборности личностей возможно лишь въ перспективѣ религіозной. Только теократія можетъ соединить совершенный соціализмъ, общественное соединеніе людей, съ совершеннымъ анархизмомъ, освобожденіемъ личности отъ всякой власти; но въ ней начинается переворотъ мистическій, а не только соціальный.

То, что мы называемъ религіей соціализма, и то, что называемъ религіей анархизма,—противоположны: первая упирается въ окончательную связанность и порабощенность, вторая—въ окончательный распадъ и атомизированность частей міра. Но есть анархизмъ не отвлеченный и не самодовлѣющій, подчиненный высшему началу, и его правда можетъ быть соединена и съ правдой нейтральнаго соціализма. Анархизмъ находится въ глубокомъ идейномъ родствѣ не съ соціализмомъ, а съ либерализмомъ; даже тождественъ съ нимъ по своей идеальной сущности, сопоставляя съ анархизмомъ не историческія искаженія либерализма, не буржуазную эксплоатацію принциповъ либерализма, а дѣйствительные принципы либерализма. Въ основѣ какъ анархизма, такъ и либерализма лежитъ идея самоопредѣленія личности, правъ личности, ограничивающихъ всякую общественную власть, имъ одинаково присуща страсть къ свободѣ. Тактика насилія, чуждая либерализму, не есть необходимый признакъ анархизма и не всякимъ анархизмомъ одобряется. Спенсеръ одинаково можетъ быть названъ и либераломъ, и анархистомъ, онъ рѣшительный врагъ государства, жаждетъ полнаго устраненія государства и проводитъ безгосударственную общественность, регулируемую свободной нравственностью, но въ качествѣ эволюціониста допускаетъ уничтоженіе государства лишь путемъ длительнаго развитія, а не внезапнаго переворота. Политическія идеи Спенсера совсѣмъ не такъ плохи, какъ его экономическія идеи. Онъ ненавидитъ соціализмъ, но хотѣлъ бы уничтожить его не усиленіемъ государственной власти, а ослабленіемъ его. Принципъ laisser faire, laisser passer, очень плохой въ жизни экономической, въ примѣненіи къ обществу, совсѣмъ не такъ плохъ въ жизни политической, въ примѣненіи къ государству. Настоящій идейный либерализмъ всегда антигосударственъ, анархистиченъ по своей основной тенденціи, и столь распространенный типъ государственнаго либерализма, съ любовью прибѣгающаго къ крѣпкой власти, есть жалкій компромиссъ, постыдное прикрытіе либеральными словами самыхъ поработительныхъ желаній. Такіе либералы панически боятся соціалистовъ, мотивируя свой страхъ тѣмъ, что соціализмъ уничтожаетъ свободу, совершаетъ насиліе, усиливаетъ деспотизмъ государства, и по этому случаю готовы совершить надъ соціалистами какое угодно насиліе, отмѣнить всѣ свободы, призвать государство къ военной диктатурѣ. Германскіе либералы дошли до такой низости и безстыдства, что защищали исключительные законы противъ соціалистовъ. Либералы дрожатъ не за судьбу свободы, а за судьбу своего привилегированнаго положенія въ обществѣ и своей собственности. Иначе либералы либерально боролись бы противъ соціалистовъ, идеями боролись бы, свободу противопоставляли

бы насилію, а не государственныя тюрьмы, висѣлицы и ружья. Чистый и честный либерализмъ всегда антигосударственъ, никогда не загрязнитъ и не опозоритъ себя общеніемъ съ государственнымъ насиліемъ и внутренно тождественъ съ анархизмомъ.

Идеальное метафизическое обоснованіе либерализма можно искать только въ теоріи естественнаго права; позитивисты плохо обосновываютъ либерализмъ и склоняются неизбѣжно къ государственнымъ теоріямъ правъ личности. Юридическій позитивизмъ никакихъ безусловныхъ и неотъемлемыхъ правъ не признаетъ и свободу личности подчиняетъ утилитарнымъ государственнымъ критеріямъ. Декларація правъ диктуется разумомъ, а не позитивными желаніями людей, свобода личности имѣетъ источникъ внутренній, метафизическій, а не внѣшній, эмпирическій. Либерализмъ, основанный на естественномъ правѣ, утверждающій неотъемлемыя права и безусловное значеніе свободы, не можетъ не быть антигосударственнымъ и въ послѣднемъ своемъ развитіи и раскрытіи неизбѣжно ведетъ къ анархизму, къ идеалу безвластія, какъ бы ни понимались пути къ общественной свободѣ и какая бы тактика ни примѣнялась. Естественное право есть настоящая основа не только либерализма, но и анархизма, лишь его можно противопоставить притязаніямъ государства, только имъ можно ограничить власть. Всякое положительное право, съ которымъ мы остаемся, отвергнувъ право естественное, имѣетъ своимъ источникомъ государство и потому не можетъ быть ему противополагаемо. И всѣ анархисты, несмотря на свой наивный позитивизмъ, держатся теоріи естественнаго права, признаютъ естественныя права и естественную свободу индивидуума, хотя бы на словахъ и отказывались отъ такихъ метафизическихъ идей. Съ другой стороны, такіе идеалистическіе сторонники естественнаго права, какъ Кантъ и Фихте, приходили въ конечномъ предѣлѣ къ анархизму, хотя и самому мирному въ тактическомъ отношеніи. Анархисты часто отрицаютъ не только государство, но и право, забывая, что безъ признанія безусловныхъ правъ индивидуума анархизмъ теряетъ всякую почву. Отрицая государство, анархизмъ тѣмъ болѣе долженъ утвердить право. И анархизмъ и либерализмъ одинаково имѣютъ свою основу въ *метафизическомъ индивидуализмѣ,* въ признаніи особеннаго, сверхъэмпирическаго значенія за индивидуумомъ, въ признаніи за нимъ правъ не позитивнаго и не государственнаго происхожденія, въ безусловной оцѣнкѣ его свободы. Индивидуумъ на эмпирической и позитивной почвѣ слишкомъ неуловимъ, не поддается даже констатированію и притязанія его не могутъ быть обоснованы. Индивидуумъ, личность есть метафизическая монада, свободно самоопредѣляющаяся и въ себѣ заключающая источникъ своихъ правъ—вотъ принципіальная основа какъ либерализма, такъ и анархизма, сколько бы ни открещивались либералы и анархисты отъ метафизики. Анархическая (да и либеральная въ идеальномъ, чистомъ видѣ) вѣра въ добрую, благую, справедливую природу человѣка и есть метафизическій индивидуализмъ.

III.

Самый послѣдовательный и самый радикальный анархистъ, конечно,—Левъ Толстой. Только онъ отвергаетъ окончательно и безусловно всякое насиліе, всякую власть, всякую государственность. Революціонный анархизмъ Бакунина блѣднѣетъ отъ сравненія съ анархическимъ ученіемъ Л. Толстого, даже Бакунинъ менѣе анархистъ, менѣе радикалъ, чѣмъ Толстой, хотя и болѣе революціонеръ въ поверхностномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ тактики. Вѣдь отказаться отъ насилія въ способахъ борьбы, въ средствахъ, преслѣдуя цѣль уничтоженія всякаго насилія, это было бы гораздо радикальнѣе, даже революціоннѣе, въ глубокомъ смыслѣ слова, чѣмъ практика самыхъ насильственныхъ способовъ и средствъ борьбы. Истинный радикализмъ и истинный революціонизмъ заключается въ какъ можно большемъ уподобленіи и отождествленіи средствъ и цѣлей. Путь борьбы долженъ походить на цѣль борьбы, способъ борьбы долженъ быть того же духа, что и цѣль,—вотъ въ чемъ радикализмъ, вотъ коренное отношеніе къ вещамъ. Если цѣль—свобода, то и средство должно быть—свобода, если цѣль—любовь, то и средство должно быть—любовь, если цѣль—въ Богѣ, то и средство должно быть отъ Бога. Полное несоотвѣтствіе между цѣлями и средствами, внутренній разрывъ между конечной цѣлью и путемъ къ ней представляетъ тяжкую болѣзнь человѣчества, связанную съ раціоналистическимъ раздробленіемъ и разсѣченіемъ человѣческой природы. Вульгарный революціонизмъ особенно держится за этотъ разрывъ между цѣлями и средствами, полагаетъ всю свою гордость въ практикѣ средствъ, непохожихъ на цѣли. Вульгарное мнѣніе считаетъ революціонерами не тѣхъ, которые стремятся къ радикальнымъ цѣлямъ и приводятъ средства въ соотвѣтствіе съ цѣлями, а лишь тѣхъ, кто свободы добивается насиліемъ, соединенія людей—раздоромъ и т. д., т.-е. прибѣгаетъ къ особаго рода средствамъ борьбы, непохожимъ на цѣли.

Политическій революціонизмъ всегда вульгаренъ и поверхностенъ, всегда полагаетъ свое достоинство и честь не въ измѣненіи сущности вещей, а въ примѣненіи извѣстнаго рода средствъ борьбы. Политическому радикализму мы должны противопоставить этическій и религіозный радикализмъ, который заключается въ постановкѣ радикальныхъ цѣлей и въ уподобленіи этимъ цѣлямъ средствъ и способовъ борьбы. Радикальнымъ отношеніемъ къ общественности будетъ лишь то отношеніе, которое стремится измѣнить сущность вещей, корень общественнаго бытія, которое стремится преобразить самую человѣческую природу, создать новаго человѣка, несущаго съ собой новый духъ.

Большая часть анархистовъ держится за вульгарный революціонизмъ, полагаетъ свой радикализмъ въ практикѣ насильственныхъ средствъ, столь противоположныхъ цѣлямъ анархизма. Въ этомъ сказывается отсутствіе творческаго, внутренняго источника, побѣждающаго власть, искореняющаго государственное насиліе. Никакого внутренняго идеальнаго начала

анархисты не противополагаютъ государственной власти и общественному насилію и остаются съ насиліемъ же и съ властью же, хотя и по новому названной. Л. Толстой переходитъ отъ вульгарнаго политическаго революціонизма къ этическому и религіозному радикализму и ставитъ проблему уничтоженія всякой власти, всякаго насилія, всякой государственности на совсѣмъ иную, болѣе глубокую почву. Онъ какъ бы изобличаетъ религіозные корни анархизма.

Толстовское отрицаніе всей современной общественности и культуры, толстовскій вызовъ всемірной исторіи по смѣлости, послѣдовательности и радикализму не имѣетъ себѣ равнаго. Никто еще не сказалъ такой правды о всякой государственности и о всякой политикѣ, какую сказалъ Толстой, онъ сбросилъ покровъ условной лжи со всѣхъ соціальныхъ формъ. Важно и цѣнно, что въ основѣ анархическаго бунта Толстого не лежитъ ни злоба, ни зависть, нѣтъ въ этомъ гигантѣ и слѣдовъ нигилистическаго варварства и хулиганства. Самое толстовское отрицаніе культуры для культуры плодотворно, геніально, благородно и такъ не похоже на выходки Горькаго, иныхъ соціалистовъ и анархистовъ. Толстой по видимости порываетъ связь со всемірной исторіей, считаетъ злымъ заблужденіемъ все, что было въ прошломъ, но въ немъ нѣтъ нигилистической злобы противъ великаго и вѣчнаго въ историческомъ прошломъ, въ немъ самомъ чувствуется это великое и вѣчное, чувствуется тысячелѣтній ростъ, благородство духовнаго происхожденія, онъ корнями своими прикасается къ самой глубинѣ земли. На огромной личности Толстого и на геніальномъ творчествѣ его почилъ тотъ же духъ вѣчности, что и на Библіи, и на пророкахъ, на великихъ людяхъ и книгахъ прошлаго. И потому анархизмъ Толстого пріобрѣтаетъ особый смыслъ, въ немъ ощущается правда вѣчности, древняя правда Божья, а не шумныя и поверхностныя чувства послѣднихъ дней человѣчества. Въ анархической критикѣ Толстой навсегда останется примѣромъ и безмѣрное значеніе его для новаго религіознаго движенія еще будетъ оцѣнено. Въ частности пишущій эти строки слишкомъ многимъ обязанъ Толстому, толстовскому анархизму на религіозной почвѣ и съ именемъ Толстого для него связано первое пробужденіе его сознанія, первые сознательные шаги въ отрицаніи зла міра.

Въ противоположность анархистамъ-позитивистамъ Толстой понялъ, что государственной власти, основанной на насиліи, можно противопоставить только религіозное начало жизни, любовь, а не насиліе. Понялъ онъ также, что освобожденіе человѣка и завоеваніе радости зависитъ отъ него самого, отъ внутренней природы людей, отъ измѣненія человѣческаго сознанія, а не отъ внѣшнихъ вещей. Но въ каждой попыткѣ Толстого перейти къ положительной проповѣди, дать новую вѣру чувствуется безсиліе и религіозная немощь. Религіозное сознаніе Толстого—слабое, узкое, во многомъ слишкомъ старое и заражено болѣзнью раціонализма. Толстовская любовь есть раціональный альтруизмъ, безсильный соединить людей, а не мистическое влеченіе и сліяніе во Христѣ. Толстой хорошо знаетъ

тайну всякой государственности, старую тайну злой общественности и разоблачаетъ ее съ небывалой силой, но не знаетъ новой тайны праведной общественности, религіозной общественности. Раціоналистическая утопія Толстого совершенно не соотвѣтствуетъ его грандіозной религіозной стихіи, его исполинскимъ религіознымъ исканіямъ и отъ утопіи этой слишкомъ пахнетъ устроеніемъ земной обыденщины. Подобно другимъ анархистамъ, Толстой вѣритъ, что человѣческая природа можетъ сознать разумность добра, и тогда исчезнетъ государство и настанетъ рай на землѣ. Эту обычную для анархистовъ-раціоналистовъ вѣру въ естественную благость и доброту человѣческой природы Толстой проводитъ послѣдовательнѣе всѣхъ. Религія его не нуждается въ мистическомъ общеніи съ Божествомъ и въ таинствахъ, освящающихъ человѣческую природу и сообщающихъ ей божественную силу. Толстой христіанинъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно быть кантіанцемъ или марксистомъ; онъ видитъ въ Евангеліи не ученіе о Христѣ, а ученіе Христа, и религіозное сознаніе его далеко отъ Христа, ему чуждъ Сынъ Божій, Спаситель и Искупитель. Какъ ни чужда намъ раціональная «вѣра» Толстого, но христіанскій анархизмъ его кажется намъ очень сокрушительнымъ для всѣхъ толкованій историческаго христіанства по поводу отношенія Евангелія къ государству. Что тамъ ни говори, а Христосъ осудилъ и всякое насиліе, и судъ, и присягу, и войну, и самыя основы государства, власть человѣческую, поставленную на мѣсто Божеской. Христосъ былъ Божественнымъ глашатаемъ правды анархизма. Противъ этого мы еще не слыхали достойныхъ возраженій. Толстой изобличилъ ложь въ историческомъ христіанствѣ, но самъ былъ загипнотизированъ его аскетическимъ отношеніемъ къ міру, и потому анархизмъ его получилъ чисто-отрицательный, нетворческій характеръ, оказался враждебенъ культурѣ. И анархисты-позитивисты проповѣдуютъ аскетическое отношеніе къ культурѣ, считаютъ грѣховнымъ всю роскошь жизни и все сложное содержаніе личности, но высшихъ правъ на это не имѣютъ никакихъ, такъ какъ признаютъ лишь разумную выгоду. Аскетизмъ окончательно дѣлается безкровнымъ и худосочнымъ. Л. Толстой важенъ не только какъ изобличитель зла государства, фальши культуры, противорѣчій православія, но и какъ изобличитель анархизма. Толстой показалъ, что анархизмъ нельзя соединить съ насиліемъ и культивированіемъ власти, что онъ невозможенъ не только на почвѣ позитивизма и атеизма, но и на почвѣ христіанства чисто моралистическаго и раціональной вѣры. Л. Толстой остался съ «непротивленіемъ злу», такъ ка ъ, справедливо отвергнувъ насиліе, не имѣлъ уже силы для иного проти ленія злу. Толстому въ сущности совершенно чужда точка зрѣнія *об щественнаго* дѣйствія, общественной борьбы со зломъ, общественнаго пр тивленія, для него существуетъ лишь индивидуальное совершенствова іе.

Очень характерно и, быть можетъ, провиденціально, что анархизмъ ес созданіе по преимуществу русскаго національнаго духа. Мы заража-

емъ Европу анархическими ученіями, поражаемъ ея мѣщанскій духъ своимъ бунтарствомъ и радикализмомъ. Михаилъ Бакунинъ такой же русскій до мозга костей, какъ и Левъ Толстой, такой же крайній радикалъ, какъ и Толстой; подобно Толстому чувствуется въ немъ земляная сила, хотя анархическія ученія ихъ совершенно противоположны. Есть еще сходство Бакунина съ Толстымъ: онъ сближаетъ анархизмъ свой съ религіозной проблемой, приближается къ самымъ корнямъ анархизма *). Анархизмъ для Бакунина есть прежде всего атеизмъ, уничтоженіе государства есть прежде всего смерть Бога въ человѣческихъ сердцахъ, идеалъ безвластія есть прежде всего освобожденіе отъ власти Божьей, на которой покоится и всякая государственная власть. Атеизмъ Бакунина не есть простой позитивизмъ, это позитивизмъ воинствующій, борьба противъ Бога, какъ виновника существованія въ мірѣ зла власти. Правда, Бакунинъ борется не съ Богомъ, а съ идеей Бога, такъ какъ его сознанію чуждъ мистическій реализмъ, но въ стихійной природѣ его много мистики, и часто, самъ того не замѣчая, онъ переходитъ къ борьбѣ съ самимъ Богомъ, какъ враждебной ему реальностью, а не ложной только идеей Бога. По мнѣнію Бакунина, всякая государственная власть покоится на власти Божьей, на благословеніи Божьемъ, и падаетъ съ уничтоженіемъ Бога, такъ какъ не остается для нея никакой идеальной опоры; всякая государственная власть, по его мнѣнію, не противоположна теократіи, а покоится на теократіи. Никто еще до анархиста-Бакунина не отождествлялъ абсолютно всякую власть съ Богомъ и въ этомъ онъ антиподъ анархиста-Толстого, абсолютно противоположившаго всякую власть Богу. Наше историческое православіе, давшее религіозную санкцію самодержавію, тѣмъ самымъ давало обильную пищу для идей Бакунина. Вся почти русская интеллигенція вслѣдъ за Бакунинымъ видитъ въ Богѣ врага своего, врага свободы, такъ какъ идеологическое могущество постылой государственной власти приписываетъ религіозной ея санкціи. Такъ думаютъ благочестивые, возлюбившіе добро русскіе радикалы, но и демоническіе анархисты тоже видятъ сущность борьбы съ властью въ одолѣніи Бога, видятъ окончательную свободу только въ освобожденіи отъ Бога, какъ отъ абсолютнаго источника власти. Бакунинское отождествленіе власти государственной съ властью религіозной, выведеніе всякаго государства изъ санкціонирующей его природы Божества есть идея очень глубокая, очень значительная, хотя и совершенно ложная, совершенно противная истинѣ. Бакунинъ все еще загипнотизированъ Богомъ-силой, Богомъ-властью и не знаетъ Бога-любви, Бога-свободы, не понимаетъ отношенія Сына Божьяго, совершеннаго выразителя воли Отца своего, ко всякому государству и всякой власти. Впрочемъ, воинствующій атеизмъ Бакунина не простое недоразумѣніе, не только темнота сознанія его: въ анархической стихіи Бакунина поднимается бунтъ не противъ государства только, не противъ власти и насилія, но, быть можетъ, и противъ всякаго соединенія

---

*) Одна изъ главныхъ вещей Бакунина называется „Богъ и государство“.

людей, противъ міровой гармоніи, противъ смысла міра. Анархія, какъ міровой раздоръ и распадъ, конечно, противна Богу. Бакунинъ жаждалъ хаоса, жаждалъ всемірнаго пожара, въ которомъ сгоритъ весь современный міръ съ его зломъ и неправдой, но и съ его тысячелѣтними цѣнностями. Онъ ждалъ съ вѣрой и надеждой, что на пепелищѣ стараго міра возникнетъ что-то новое и прекрасное, но ничего не могъ сказать о силахъ для творенія новаго міра, ничего не зналъ о смыслѣ этого новаго. Его анархическій бунтъ причудливо сплетался съ славянофильскимъ мессіанизмомъ, съ какой-то хаотической мистикой. Къ отношенію между анархизмомъ и атеизмомъ мы еще вернемся и тогда увидимъ, что положительными своими перспективами анархизмъ служитъ противоположнымъ богамъ. Бакунинъ такъ же важенъ для насъ, какъ и Толстой. Анархисты дѣйствія продолжаютъ на практикѣ дѣло бакунинскаго хаоса, бакунинской ненависти не къ государству только и власти, но и къ Богу. Но не было въ Бакунинѣ духа великаго инквизитора, бѣса устроенія, была праведная жажда уничтожить всякую ложь политики, праведный бунтъ противъ буржуазнаго міра. Бакунинъ ближе намъ, чѣмъ Марксъ. Бакунинъ—радикальный анархистъ, такъ какъ ставитъ судьбу безвластія въ зависимость не отъ внѣшнихъ только вещей, но и отъ внутренняго переворота религіознаго порядка. Можно искать въ Богѣ свободы отъ власти природной необходимости и государственнаго насилія, но въ чемъ же искать свободы отъ Бога, какъ того хотѣлъ Бакунинъ?

Западно-европейскій анархизмъ не такъ радикаленъ, какъ русскій, не такъ глубоко захватываетъ, но и онъ далъ Макса Штирнера, мыслившаго объ анархіи предѣльной и окончательной. Штирнеръ—самый сильный и глубокій философъ анархизма на Западѣ, единственный, быть можетъ, интересный для насъ. Анархическая философія М. Штирнера есть предѣльный индивидуализмъ, человѣческій субъективизмъ и солипсизмъ. Штирнеровское «Einzige», «я»—окончательно самодовлѣющее, уединенное и оторванное отъ міра и хочетъ заглушить «оно» тоску одиночества той фикціи, что все, весь міръ—«его собственность».

Анархизмъ М. Штирнера философскій по преимуществу, въ немъ мало соціальныхъ мотивовъ, и потому этотъ одинокій мыслитель мало цѣнится практическими анархистами. Штирнеръ грубоватъ и вульгаренъ, но смѣлъ мыслью, умѣетъ доводить до крайняго предѣла свои идеи. Анархизмъ М. Штирнера есть тотъ предѣлъ индивидуализма, когда онъ переходитъ въ міровой распадъ, окончательное отъединеніе единицъ, составляющихъ и ръ. Штирнеровскій «Единственный» обоготворяетъ себя, стремится къ б гатству, хочетъ весь міръ сдѣлать своей собственностью. Но отъ само-о оготворенія этого становится бѣденъ и пустъ, все умалено и обезцѣнено д я него. Анархическая свобода «единственнаго» пуста и безсодержательна, э о голая форма солипсизма. Демоническій индивидуализмъ Штирнера обого-т оряетъ не человѣчество, подобно Фейербаху, а данное человѣческое «я», рас-с тривающее всякое другое человѣческое «я» лишь какъ свою собственность.

Но подобный индивидуализмъ разрушаетъ индивидуальность, истребляетъ самое идею *личности*. Вѣдь Штирнеровскій солипсизмъ и субъективизмъ чисто позитивистическаго и эмпирическаго характера, онъ не переходитъ въ мистическую плоскость и потому раздуваемое «я» не обладаетъ для Штирнера подлинной реальностью, это не метафизическая монада, а лишь рядъ психическихъ и физическихъ состояній, вызванныхъ внѣшней эмпирической природой. Субъективно-позитивистическій анархизмъ Штирнера — это не индивидуализмъ, а эготизмъ. Вся Штирнеровская анархическая философія основана на иллюзіонизмѣ. Пріятная иллюзія божественности своихъ преходящихъ эготическихъ состояній, не обладающихъ никакой реальностью,—вотъ къ чему все сводится. Хорошій богъ этотъ «единственный», подчиненный природной необходимости, смертный, не обладающій даже реальнымъ единствомъ («я»—не реальная монада для Штирнера, а лишь совокупность субъективныхъ состояній). Анархизмъ Штирнера есть одинъ изъ предѣловъ позитивизма, позитивистическаго иллюзіонизма, подобно тому, какъ другимъ предѣломъ является марксистскій муравейникъ. Штирнеръ хочетъ освободить человѣческое «я» не отъ государства только, но и отъ всѣхъ цѣнностей, отъ всѣхъ благородныхъ чувствъ, отъ всякаго благоговѣнія передъ высшимъ. И остается «единственный» съ свободой, покоящейся на небытіи, остается духъ его опустошеннымъ и ничего не можетъ изъ пустоты своей сотворить. Что Штирнеръ отказывается и отъ послѣдней святыни, изобрѣтенной Фейербахомъ и Контомъ, святыни—человѣчества, въ этомъ онъ послѣдователенъ и по-своему правъ: обоготвореніе только человѣческаго роковымъ образомъ ведетъ не къ соединенію людей въ одно тѣло, а къ разъединенію и атомизированію. Если перевести «единственнаго» съ языка моральнаго эготизма на реально-историческій и религіозно-метафизическій языкъ, то онъ окажется предчувствіемъ земного бога, *одного* властителя. Безбожный анархизмъ такъ же ведетъ къ этому одному новому деспоту, какъ и безбожный соціализмъ, но соблазняетъ еще пустотой, иллюзорной свободой. Штирнеръ многими головами выше такихъ прекраснодушныхъ анархистовъ, какъ, напримѣръ, Кропоткинъ, которые пророчатъ райское житье въ хорошо устроенныхъ домикахъ съ садиками, въ немъ ярко обнаруживается демоническая (въ дурномъ смыслѣ) сторона анархизма. «Единственный» Штирнера какъ бы уже сближается съ «сверхчеловѣкомъ» Ницше, хотя Ницше нельзя выводить изъ Штирнера, онъ и сложнѣе и благороднѣе, и религіознѣе послѣдняго.

Анархизмъ М. Штирнера, да и всякій предѣльный анархизмъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи не можетъ оставаться въ позитивной плоскости и долженъ перейти въ анархизмъ мистическій. Но мистико-анархическія стремленія и построенія мы встрѣчаемъ не у соціальныхъ мыслителей, а у художниковъ, всегда глубоко воспринимающихъ живую душу идей, встрѣчаемъ у декадентовъ и символистовъ. Декадентство не интересуется политикой, но въ глубокой своей сущности имѣетъ анархическую тенденцію, оно и есть анархическій кризисъ духа, анархическій бунтъ противъ при-

знанныхъ цѣнностей, анархическое преодолѣніе морали. Декадентскій анархизмъ не можетъ быть, конечно, выраженъ въ терминахъ соціологическихъ, а исключительно психологическихъ, онъ не позитивистиченъ, а всегда мистиченъ по своей тенденціи. Психологическая утонченность незамѣтно переходитъ въ мистику, но мистику всегда слѣпую и ирраціональную, лишенную религіознаго свѣта и настоящаго реализма. Анархизмъ мистическій жаждетъ окончательной, послѣдней, абсолютной свободы, онъ не мирится на относительной и условной соціальной свободѣ, и въ этой жаждѣ есть часть истины, которая превращается въ ложь, когда ее принимаютъ за цѣлое. Анархическая мистика это среда, въ которой можетъ засвѣтиться новое религіозное сознаніе, высшая по своей полнотѣ религіозность, но и легко можетъ быть уклонъ къ религіи обратной, къ антирелигіи, къ демонизму небытія. Долго оставаться въ нейтрально-анархическомъ состояніи нельзя безнаказанно, такъ какъ это угашаетъ духъ, опустошаетъ душу. То, что есть истиннаго въ мистическомъ анархизмѣ,— элементарно, есть достояніе приготовительнаго класса: это напоминаніе о мистической свободѣ, о свободѣ совѣсти, какъ неизбѣжной предпосылкѣ всякой религіозной жизни, очень полезное напоминаніе для соблазненныхъ теоріей авторитета, но ненужное для свободныхъ. Въ анархизмѣ на мистической подкладкѣ особенно ярко сказывается двойственность всякаго анархизма: анархическое освобожденіе есть путь и къ окончательному добру, и къ окончательному злу. Но окончательное освобожденіе должно совершиться, насиліе и власть, воплощавшіяся въ государствѣ, были вѣдь зломъ несомнѣннымъ, и въ этомъ великая правда анархизма.

Виднымъ теоретикомъ анархизма нужно еще считать Прудона, но анархизмъ его остается на поверхности, не доходитъ до мистическихъ глубинъ. Прудонъ—нейтральный идеалистъ, онъ все ссылается на справедливость, присущую человѣческой природѣ и даже природѣ міра, но нарушенную государственнымъ насиліемъ. Въ Прудонѣ было непріятное мѣщанство, духовная буржуазность, свойственная, впрочемъ, многимъ соціалистамъ и анархистамъ. Многія его идеи устарѣли и не соотвѣтствуютъ современному состоянію науки и соціальной дѣйствительности, но есть у него руководящіе принципы, не потерявшіе и до сихъ поръ значенія и несправедливо забытые. Такова прежде всего идея созданія общественности на свободно-договорныхъ началахъ внѣ государственности, внѣ политическихъ страстей и политическаго властолюбія; таковъ федерализмъ Прудона, вѣрно отмѣтившій главную язву новой французской исторіи — государственную централизацію, одинаково милую какъ сердцу реакціонному, военно-диктаторскому, такъ и сердцу революціонному, якобинскому; такова идея полнаго устраненія государства отъ насилія. Много есть справедливаго въ пути, указанномъ Прудономъ, но мы не раздѣляемъ его раціоналистическаго утопизма, его вѣры въ окончательное торжество справедливости и анархистическаго добра путемъ раціонально-экономическимъ.

IV.

Отрицательная правда анархизма несомнѣнна. Сущность этой правды я вижу въ отверженіи моральныхъ притязаній всякаго государства быть охранителемъ добра по преимуществу и по преимуществу же борцомъ противъ зла. Эта моральная притязательность государственной власти, находящая себѣ выраженіе въ идеѣ лояльности, не имѣетъ никакихъ высшихъ основаній и никогда не была хорошо обоснована, она всегда опиралась на безсознательныя чувства массъ и на рабью потребность въ подчиненіи хоть какому-нибудь порядку. Въ лояльности по отношенію къ государству сказывается не благоговѣніе передъ правдой и не поклоненіе высшему, а лишь подчиненіе отвлеченной идеѣ власти и порядка, страхъ всякихъ безпокойствъ и неурядицъ.

Государство не есть воплощеніе міровового Духа и надъ государственной властью нѣтъ благословенія Божія, хотя отдѣльные вожди-герои и могли быть посланниками небесъ. Объ этомъ мы говорили уже. Анархизмъ впервые окончательно отвергъ эти моральныя претензіи относительно *всякаго* государства, открылъ, что всякая государственная власть не добро, а зло охраняетъ и не только не имѣетъ никакихъ моральныхъ преимуществъ передъ отдѣльнымъ лицомъ или свободнымъ общественнымъ образованіемъ, но и имѣетъ преимущественные недостатки и грѣхи передъ всѣми и всѣмъ.

Нужно окончательно освободиться отъ тяжкаго кошмара государственности, отъ ея тюремъ и штыковъ, отъ полиціи и бюрократіи, отъ ея насилій и жестокости къ личности. Такъ жить нельзя, такъ соединяться—безбожно, иной путь организаціи человѣческаго общества долженъ быть найденъ, личность и ея свобода должны быть положены въ основаніе новой общественности, права меньшинства должны быть охранены.

Положительныя стороны анархизма могутъ быть очень различны, творческія перспективы анархизма могутъ быть самыя противоположныя: мировая гармонія и міровой хаосъ, свобода и анархія (т.-е. взаимное насиліе). Можетъ быть анархическій бунтъ противъ природы съ ея закономъ тлѣнія, противъ необходимости, эмпирическаго рабства, здѣшняго міра, лежащаго во злѣ, но можетъ быть также анархическій бунтъ противъ Бога, противъ смысла міра, противъ міровъ иныхъ, противъ всякаго соединенія частей міра, всякаго преодолѣнія разобщенности и разорванности.

Первый бунтъ имѣетъ своей положительной стороной религіозное утвер ждeніе, второй бунтъ не имѣетъ никакой положительной стороны и ест. плѣненіе у эмпирическаго міра съ его разорванностью и порабощенностью Вотъ почему нелѣпо и ужасно выражать свой символъ вѣры словомъ «анар хизмъ», это значило бы сдѣлать предметомъ своего послѣдняго желані и окончательной своей надежды — анархію, т.-е. состояніе чисто отриц тельное, стихійное разложеніе. Положительные перспективы анархизм

только анархизма, убоги и жалки. Въ злобномъ, насильственномъ, разрушительномъ анархизмѣ сказывается хаосъ, міровой распадъ, въ немъ распадается не только міровое единство, но и единство личности. Анархизмъ только отрицательный, не подчиненный высшимъ положительнымъ, не анархическимъ уже цѣлямъ, анархизмъ, для котораго все дозволено, ведетъ къ хулиганству, къ увяданію всѣхъ благородныхъ чувствъ, къ окончательному нигилизму. Анархизмъ, отрицающій всякое уваженіе къ высшему, и есть нигилизмъ, анархическое настроеніе легко можетъ сдѣлаться неблагороднымъ. Хулиганское и нигилистическое состояніе души очень характерно для нашей эпохи, это — анархическая свобода отъ всякаго благоговѣнія, отъ всякаго благородства, отъ всякой цѣнности. Нигилистическое хулиганство одинаково можно встрѣтить какъ въ реакціонныхъ, такъ и въ революціонныхъ кругахъ. Правящая бюрократія у насъ уже долгое время нигилистическая и хулиганская, но тотъ же духъ,—увы!— переносится и на нѣкоторыя стороны революціи, и это больнѣе всего. Нигилистическая и хулиганская анархія есть страшное зло, невѣдомое органическимъ періодамъ народной жизни. Этотъ безобразный душевный укладъ создается лишь въ переходные, критическіе періоды, когда помрачается всякая святыня, когда старое сдѣлалось ложью и мертвечиной, а ничему новому еще не поклонились. Хаотическая анархія возстаетъ не противъ ложной, насильственной іерархіи, основанной на подложныхъ цѣнностяхъ (это восстаніе есть правда анархизма), а противъ іерархіи подлинной, божественной, основанной на внутренней природѣ индивидуальностей и ихъ назначенія въ мірѣ, противъ самаго благороднаго человѣческаго чувства — обожанія высшаго. Вѣдь на свободномъ поклоненіи высшему и удивленіи передъ нимъ основана вся человѣческая культура, всякое творческое движеніе вверхъ. Хулиганскій анархизмъ освобождаетъ отъ самой идеи высшаго, отъ всякаго благоговѣнія передъ цѣнностью, онъ признаетъ лишь самолюбіе и самообожаніе, разрушая тѣмъ и самое идею личности.

Уединеніе и трагическая оторванность отъ міра не преодолѣвается анархизмомъ. Отвлеченнаго начала свободы недостаточно для созданія міровой гармоніи—свобода есть часть правды и должна быть соединена съ любовью. Внѣшнее насиліе и власть связаны съ внутреннимъ раздоромъ и разобщеніемъ и потому побѣдить ихъ можно только внутреннимъ началомъ соединенія. Въ деспотическихъ государствахъ и въ капиталистическомъ хозяйственномъ строѣ царитъ анархія, она неизмѣнно скрывается подъ покровомъ внѣшняго насильственнаго порядка, такъ какъ всякое насильственное государство и всякій буржуазно-капиталистическій строй основаны на внутренней разобщенности и раздорѣ.

Этой анархіи нужно положить предѣлъ, такая анархія есть рабство и насиліе. И новѣйшее анархическое хулиганство цѣликомъ покоится на рабьихъ, насильническихъ инстинктахъ, вѣками выработанныхъ государственнымъ и экономическимъ гнетомъ, той внутренней анархіей, которая

скрывалась за внѣшнимъ призрачнымъ «порядкомъ», излюбленнымъ консерваторами, религіознымъ омертвѣніемъ человѣчества. Всякій органическій порядокъ, всякая общественная гармонія можетъ покоиться лишь на подлинныхъ религіозныхъ чувствахъ, на благоговѣніи къ высшему, на любви народа къ нѣкоторымъ вещамъ, на свободно-божественной іерархіи. Государственное насиліе, постылая власть всегда уже есть симптомъ возникновенія анархіи, разложенія *органическаго* порядка жизни, омертвѣнія религіозныхъ чувствъ. Подлинно религіозный народъ, соединенный съ своимъ Богомъ, живущій единой органической жизнью, не нуждается въ государствѣ и власти, не потерпитъ насилія, онъ неизбѣжно теократиченъ *).

Для идеальнаго анархизма, для истинной свободы человѣчество не готово. Нужно *органически* воспитывать человѣчество въ направленіи безвластія, сдѣлаться достойными теократіи, а не насильственно-механически устраивать анархическую свободу. Анархизмъ не только не всегда основывается на анархіи, хулиганствѣ и нигилизмѣ, но даже для торжества правды анархизма прежде всего необходимо преодолѣть анархію.

Въ религіозно-обоснованномъ анархизмѣ, враждебномъ всякому насилію, хотя бы и анархическому, и всякой власти, хотя бы и временныхъ революціонныхъ правительствъ, мы видимъ освобожденіе отъ эмпирическаго рабства, праведный бунтъ противъ насильственной власти въ этомъ внѣшне порабощенномъ и внутренно разодранномъ мірѣ. Послѣдовательный анархизмъ, отрицая всякую государственную власть и всякое насиліе, откуда бы оно ни шло, ведетъ къ утвержденію внутренняго, свободно-любовнаго, религіознаго союза людей, къ замѣнѣ идеаловъ насильственно-государственныхъ идеалами свободно-церковными, т.-е. къ теократіи. Въ анархизмѣ есть надежда на свободное, изнутри идущее соединеніе людей, вѣра въ то, что не всякая общественность связана съ мукой насилія и власти человѣка надъ человѣкомъ. Это настроеніе анархизма есть сила освобождающая и бодрящая, анархическая буря очищаетъ атмосферу отъ невыносимой уже лжи, сокрушаетъ власть призраковъ и выявляетъ реальную дѣйствительность міра.

Но насиліе государства и насиліе анархіи—одно и то же насиліе, на одну и ту же злую стихію опирается, и да минуетъ правда анархизма какъ то, такъ и другое; мы говорили уже, что не слѣдуетъ соблазняться чисто-словеснымъ сходствомъ анархизма съ анархіей. Бороться за освобожденіе, конечно, нужно силой, такъ какъ безсиліе ничего не можетъ въ мірѣ сдѣлать, но не насиліемъ. Нужно найти такую силу, которая не была бы насиліемъ и по мощи своей превосходила бы всякое насиліе. А реальную силу нужно брать изъ Первоисточника, изъ абсолютной дѣйствительности, которую мы должны открыть въ себѣ. Не «непротивленіе злу» мы проповѣдуемъ, мы хотимъ только противленія иного, чѣмъ то, что при-

*) Въ древне-еврейской теократіи мы находимъ безпримѣрное по рѣзкости осужденіе деспотической власти.

изято въ нашемъ мірѣ, болѣе дѣйствительнаго противленія, не плодящаго новаго зла. Борьба силой должна быть рыцарской войной *).

Анархизмъ хулиганскій и варварскій рѣшительно отрицаетъ исторію, отвергаетъ всякое накопленіе въ ней цѣнностей и вѣчныхъ богатствъ, и отрицаніе это уже не такъ благородно, какъ у Л. Толстого. Эта новая сила хулиганства, это нашествіе варваровъ враждуетъ съ абсолютнымъ смысломъ міровой культуры, ненавидитъ самые высокіе ея подъемы, самые прекрасные ея памятники. Этотъ новый вандализмъ, прикрытый прогрессивными словами, есть сила самая *реакціонная* въ глубочайшемъ смыслѣ этого слова, конецъ всякому благородству и всякому благоговѣнію. Это духъ небытія, вражда къ глубочайшимъ первоосновамъ бытія и высочайшимъ ея вершинамъ. И съ нигилистическимъ духомъ этимъ роковымъ образомъ соединяется религія соціализма. Демоническая анти-религія соціализма дастъ организацію, внѣшнюю форму, демоническая анти-религія анархизма дастъ внутреннее содержаніе, духъ, и это будетъ не дѣйствительнымъ примиреніемъ свободы и равенства, а взаимнымъ ихъ истребленіемъ въ единомъ духѣ *небытія*, въ послѣдней пустотѣ. Насильственно скрѣпленный хаосъ, внѣшняя организація внутренняго раздора и разъединенія и есть небытіе.

Раціональная анархическая утопія окончательно свободной, чуждой всякаго принужденія жизни не осуществима на землѣ, это мы знаемъ лучше всѣхъ позитивныхъ противниковъ анархизма, трезвыхъ почитателей и рабовъ государственности. Мы знаемъ «желѣзную необходимость», во власти которой находятся всѣ тѣ, что плѣнились ложью и иллюзорностью этого міра. Не удивительно, если, напримѣръ, какой-нибудь г. Гучковъ или любой министръ можетъ апеллировать только къ государственной необходимости и государственному насилію, сердцу его невѣдомы другія силы, сознаніе его темно, онъ въ плѣненіи у призрачнаго міра. Такими «Гучковыми» наполненъ нашъ міръ и потому въ немъ все царятъ насиліе и необходимость. Вѣдь всякая насильственная необходимость есть лишь призракъ нашего безрелигіознаго сердца и слабаго сознанія. А могли бы мы горы сдвинуть,—гора государственной необходимости исчезла бы какъ миражъ. Если мы по слабости своей все еще не можемъ сдвинуть горы, то можемъ уже избрать путь анархизма, а не лживой государственности, анархизма теократическаго **), а не хаотическаго. Тенденція къ окончательному безвластію можетъ постепенно проникать въ жизнь. Здоровый анархизмъ можетъ развиваться по ступенямъ: въ децентрализаціи власти и ростѣ самоуправляющихся общинъ, въ федерализмѣ, въ замѣнѣ государственныхъ отношеній общественно-договорными, въ пассивномъ сопро-

*) Война оборонительная, защищающая честь, вполнѣ допустима.

**) Это противорѣчивое и по внѣшности нелѣпое словосложеніе имѣетъ очень глубокій и вполнѣ опредѣленный смыслъ: „анархизмъ" обозначаетъ отрицаніе зла, безбожной власти этого міра, а „теократическій" обозначаетъ утвержденіе добра, во имя котораго та же власть отрицается.

тивленіи государству, въ преодолѣніи всякаго якобинства, бюрократическаго и революціоннаго, въ отказѣ власти въ моральномъ довѣріи, *въ воспитаніи въ себѣ той внутренней силы, которая дѣлаетъ истинно свободнымъ, а государство ненужнымъ.* Особенно слѣдуетъ подчеркнуть, что самое важное, самое несомнѣнное въ анархизмѣ—это отстаиваніе правъ меньшинства противъ деспотизма большинства, возможной правоты одного передъ всѣми. Внутренній переворотъ въ людяхъ поведетъ къ отмиранію государственныхъ призраковъ, къ изоляціи ихъ въ отдѣльную, окончательно злую силу. Во всякомъ случаѣ должны быть оправданы органическія ступени въ исторіи, такъ какъ революціонно-анархическій переворотъ привелъ бы къ хаосу и разложенію. Должны наростать религіозно-анархическія настроенія по отношенію къ безумному закону, къ желѣзной необходимости государства, попирающей личность, должна отмирать эта бѣсовская манія возводить крѣпость на землѣ, чего бы это ни стоило. Откуда это у людей взялось убѣжденіе, что нужно во что бы то ни стало спасать государство, проповѣдывать идею государственности, и что можно совершать во имя этого чудовища преступленія, попирать законы Бога, отвергать всякое нравственное начало? Я думаю, что совершать безбожныя преступленія нельзя ни во имя чего, ни для спасенія государства, ни для его насильственнаго разрушенія. Государственники явно исповѣдуютъ какую-то противоположную религію, не только анти-христіанскую, но прямо-таки сатанинскую. Государственники ставятъ свое государство выше добра, выше воли Бога, имъ нужно почему-то поддерживать порядокъ въ жизни, продлить существованіе ни къ чему не нужнаго міра. Мы, говорятъ они, убиваемъ, казнимъ, насилуемъ, воздвигаемъ тюрьмы и выстраиваемъ штыки, чтобы міръ не провалился, чтобы порядокъ въ мірѣ сохранялся. Но почему бы міру не провалиться, если въ немъ добро утопично, если нельзя исполнить заповѣди Божьей, если въ немъ есть убійства, казни, тюрьмы и штыки? Этотъ вопросъ ставитъ Богомъ посланное намъ религіозно-анархическое настроеніе. *Законъ,* по которому жить нужно, написанъ въ сердцахъ людей, въ мистической глубинѣ сердца, и только религіозное возрожденіе поможетъ разобрать эти божественныя письмена. Закона бездушнаго нельзя уже вынести, и мы считаемъ роковымъ и безбожнымъ заблужденіемъ то предположеніе государственниковъ, что нужно поддерживать свою всякую, хотя бы самую мерзкую, жизнь, поддерживать во что бы то ни стало порядокъ въ этой жизни. Жизнь истинная, побѣда надъ смертью только въ соединеніи съ Богомъ, съ Первоисточникомъ жизни, въ утвержденіи добра въ жизни, но призракъ государственности и насильничества никакой жизни и никакого порядка не поддерживаетъ, все это ложь и выдумка, не имѣющая реальныхъ основаній, призракъ этотъ есть только вывернутая наизнанку внутренняя анархія, страшная анархія духа, религіозная разъединенность. *Мы же хотимъ анархизма, который былъ бы обратной стороной внутренней гармоніи, религіознаго соединенія. Истинный анархизмъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и истиннымъ іерархиз-*

момъ, *божественной iерархiей*, «*мистической розой*» *). Мы будемъ проповѣдывать окончательное освобожденiе человѣчества, разрывъ всѣхъ цѣпей, уничтоженiя всякой условной лжи не во имя рацiональной анархической утопiи, земного благоденствiя свободныхъ мѣщанъ, а во имя послѣдней религiозной борьбы и идеала теократiи,—новаго Iерусалима. «Былъ же и споръ между ними, кто изъ нихъ долженъ почитаться большимъ. Онъ же сказалъ имъ: цари господствуютъ надъ народами, и владѣющiе ими благодѣтелями называются. А вы не такъ: но кто изъ васъ больше, будь какъ меньшiй, и начальствующiй—какъ служащiй».

Николай Бердяевъ.

---

*) *Мистическая роза* была у Данта символомъ мистической iерархiи, божественной гармонiи, въ которой каждое существо занимаетъ свое единственное мѣсто, подобно лепестку въ розѣ.

Союзники стараго порядка.

«Временами бываетъ страшно тяжело, а все же несравненно лучше прежней спячки»,—писалъ Юрій Самаринъ одному изъ своихъ друзей передъ крестьянской реформой—1861 г. въ разгаръ работы губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, когда борьба политическихъ страстей достигала высшей точки и самъ Юрій Самаринъ являлся въ засѣданія своего комитета не иначе, какъ съ револьверомъ въ карманѣ. Приведенныя слова Юрія Самарина какъ нельзя болѣе приложимы и къ нашимъ днямъ. Политическіе Маниловы, которые, пріятно жмуря глаза, представляли себѣ процессъ политическаго обновленія Россіи, какъ сплошной лучезарный и радостный весенній праздникъ,—могутъ чувствовать себя тяжело разочарованными. Подчасъ они, пожалуй, не прочь даже повздыхать о добромъ прежнемъ времени, когда хозяева стараго режима распоряжались Россіей шито и крыто, а Россія—нѣма и покорна—лежала у ихъ ногъ. Горе народа таилось гдѣ-то глубоко, а снаружи было тихо и покойно. И никто не мѣшалъ Маниловымъ предаваться съ самоуслажденіемъ либеральнымъ грезамъ. И когда настало пробужденіе Россіи отъ многовѣковаго сна и когда это пробужденіе совершилось не по-маниловски, не въ тихой радости подъ ароматы весеннихъ цвѣтовъ, а подъ раскаты грома, среди бурной непогоды, подъ стоны жертвъ начавшейся борьбы,—Маниловы испугались и быстро *поправѣли*.—Одни изъ нихъ, отъ страха спрятавъ въ карманъ былые сентименты, смѣшались съ Собакевичами и Ноздревыми и вмѣстѣ съ ними поступили въ союзъ истинно-русскихъ монархистовъ; другіе, оставшись вѣрными маниловской привычкѣ золотить свои владѣльческія вожделѣнія пріятными и возвышенными рѣчами, приписались къ «союзу 17 октября» и вмѣстѣ съ своими ближайшими сосѣдями справа начали честить измѣнниками и предателями всѣхъ тѣхъ, кто вѣритъ въ очистительную силу весеннихъ грозъ и предпочитаетъ кладбищенской тишинѣ шумъ возраждающейся жизни. Собакевичи, Ноздревы и Маниловы—вотъ все, на что еще можетъ опираться своими прогнившими сваями старый режимъ.—Послѣдніе—наиболѣе удобные подсобники охранителей этого стараго режима. Услуги Собакевичей и Ноздревыхъ—обоюдоострое оружіе.

Во-первыхъ, этихъ людей весьма затруднительно показывать въ порядочномъ обществѣ, ибо совершенно невозможно предвидѣть, какую неожиданность могутъ они выкинуть въ томъ или другомъ случаѣ. Никакой планомѣрности въ дѣйствіяхъ съ ними не установишь. При томъ же своими повадками и своимъ слишкомъ извѣстнымъ прошлымъ они могутъ шокировать даже наименѣе взыскательную публику. Они годятся для нѣкоторыхъ весьма важныхъ черныхъ услугъ—преимущественно по части разныхъ физическихъ членовредительствъ (Собакевичи хорошо наступаютъ на ногу, Ноздревы лихо дерутся), хотя и въ этомъ случаѣ за ними требуется неусыпное наблюденіе, но можно ли, напримѣръ, выставить Собакевича или Ноздрева въ качествѣ правительственнаго кандидата на выборахъ? Провалъ такой кандидатуры былъ бы несомнѣненъ. Обойтись безъ нихъ совершенно вожди стараго порядка, конечно, не въ состояніи. Но дружить съ ними вполнѣ открыто оказывается неудобнымъ даже и для тѣхъ представителей бюрократическаго Олимпа, которые, казалось бы, уже сожгли всѣ корабли. Имъ даются обѣщанія, но тайныя; министры говорятъ имъ привѣтственныя рѣчи въ конфиденціальныхъ аудіенціяхъ, но въ эластичнообщихъ выраженіяхъ, которыя, подобно изреченіямъ Пиѳіи, могутъ быть при желаніи истолковываемы въ различныхъ смыслахъ, и при этомъ сановные ораторы приходятъ въ большое негодованіе, если потомъ оказывается, что Собакевичи и Ноздревы на всякій случай стенографически записали для себя обращенныя къ нимъ поощрительныя рѣчи своихъ покровителей. Наконецъ, услуги людей этой категоріи имѣютъ и еще одну сторону, крайне непріятную для тѣхъ, кто принужденъ ими пользоваться. Эти люди требовательны по части немедленныхъ воздаяній за каждую оказанную услугу и мстительны въ случаѣ неудовлетворенія подобныхъ требованій. Бѣда, если они останутся недовольны сдѣланной имъ подачкой. Тогда они не остановятся ни передъ чѣмъ въ гнѣвѣ на своихъ вчерашнихъ покровителей и на тотъ «режимъ», который не сумѣлъ какъ слѣдуетъ оцѣнить и вознаградить ихъ услуги. И въ этомъ случаѣ они способны будутъ нанести этому «режиму» такіе удары, которымъ позавидовали бы самые рѣшительные революціонеры.

Такіе слуги умѣютъ дѣлать своихъ господъ своими плѣнниками. Ихъ услуги ограничены тѣснымъ кругомъ весьма специфическихъ дѣйствій; а ихъ требованія обширны и настойчивы. На нихъ нельзя вполнѣ положиться и ими нельзя, какъ угодно, помыкать.

И потому-то умирающій старый порядокъ не можетъ ограничиться лишь той поддержкой, какую способны ему оказать эти безпокойные и малонадежные элементы. Ихъ услуги не отвергаются, но для открытыхъ и болѣе разностороннихъ воздѣйствій на общественную массу приходится опираться на содѣйствіе иныхъ общественныхъ группъ. Здѣсь-то и появляются на сцену политическіе Маниловы изъ «союза 17 октября».

Какъ извѣстно, Маниловъ любилъ говорить о разныхъ пріятныхъ нововведеніяхъ, напримѣръ о томъ, что хорошо было бы «чрезъ прудъ вы-

строить каменный мость, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные товары, нужные для крестьянъ». Но разумѣется, даже и въ мечтахъ онъ допускалъ возможность такихъ нововведеній при одномъ непремѣнномъ условіи: чтобы ему попрежнему было возможно сидѣть по цѣлымъ днямъ, ничего не дѣлая, на мягкомъ диванѣ съ полной увѣренностью въ незыблемости своихъ правъ на крѣпостной оброкъ крестьянъ и на всю совокупность соціальныхъ привилегій, обезпечивавшихъ ему безмятежное и незатруднительное существованіе. Современные Маниловы въ политикѣ сохранили всѣ черты своего литературнаго прообраза: медовый языкъ и черство-эгоистическое сердце, красивые вздохи о «возвышенномъ и прекрасномъ», о конституціонныхъ свободахъ и народномъ представительствѣ, и цѣпкое ухватываніе за собственныя жизненныя преимущества, и за ту внѣшнюю «тишину», которую они готовы отстаивать какою угодно цѣной и въ которой они видятъ единственный оплотъ личнаго спокойствія. Вотъ—тотъ общественный типъ, который далъ основной матеріалъ для политической формаціи, назвавшейся «союзомъ 17 октября». Средній, типичный октябристъ—не гражданинъ, а обыватель въ душѣ. Онъ не прочь потянуться за модой, чтобы не отстать отъ благороднаго тона, принятаго въ обществѣ. Онъ способенъ понять, что иныя модныя новинки могутъ даже принести ему осязательную пользу въ видѣ разныхъ житейскихъ выгодъ. И потому онъ объявляетъ себя за «конституцію» и включаетъ въ свою программу и «свободы» и народное представительство съ законодательной, а не законосовѣщательной компетенціей. Онъ понимаетъ и допускаетъ и то и другое, поскольку онъ надѣется найти во всемъ этомъ новые источники личныхъ жизненныхъ преимуществъ. Но только не требуйте отъ него одного: жертвъ на алтарь общественнаго блага. Гоголевскій Маниловъ былъ бы глубоко удивленъ и возмущенъ, если бы ему растолковали, что осуществленіе его мечтаній о купцахъ съ товарами на деревенскихъ мостахъ непремѣнно повлечетъ за собою крушеніе всего крѣпостного режима и лишитъ его самаго безмятежнаго существованія на плечахъ у дарового крѣпостного труда. Точно такъ же и современный октябристъ не допускаетъ и мысли, чтобы при «конституціонной свободѣ» ему пришлось для кого-нибудь потѣсниться или хотя бы отчасти пожертвовать своимъ прежнимъ сытымъ покоемъ. И лишь только онъ начинаетъ, хотя бы издалека, чувствовать приближеніе такой для себя опасности, онъ моментально срывается съ своего «благороднаго» тона, отбрасываетъ въ сторону всякія моды и этикеты и впопыхахъ откровенно обнажаетъ передъ почтенной публикой истинную природу своего конституціонализма. И тогда-то мы узнаемъ, что въ первыхъ параграфахъ октябристской «хартіи вольностей» стоятъ требованія: военно-полевого суда и безотвѣтственности бюрократіи. Мы поймемъ теперь, какое драгоцѣнное добавленіе къ истинно-русскимъ монархистамъ составляетъ для правительства «союзъ 17 октября». Тѣ звѣроподобны, эти—благообразны на видъ. Тѣ буйны и дерзки

съ собственнымъ начальствомъ, эти—сладкоглаголивы и «законопослушны». А, главное,—октябристы приспособлены къ такимъ сторонамъ агитаціи въ пользу добрыхъ старыхъ порядковъ, которыя совершенно недоступны для истинно-русскихъ людей. Послѣдніе идутъ напроломъ и прямо требуютъ возвращенія къ старинѣ. Не многихъ прельстишь нынче такою проповѣдью; всякому лестно показать, что и онъ не чуждъ прогресса. Но вѣдь можно и иначе послужить святому дѣлу поддержанія старыхъ устоевъ. Вмѣсто проповѣдованія старины можно *фальсифицировать новизну*. Зачѣмъ коснѣть въ прадѣдовскихъ формахъ жизни? Слѣдуя за вѣкомъ, не мѣшаетъ время отъ времени обновлять декораціи на политической сценѣ. Но вѣдь и при новыхъ декораціяхъ можно продолжать давать прежнюю пьесу. «Союзъ 17 октября» и взялъ на себя почтенную миссію поставить новыя конституціонныя декораціи къ старой пьесѣ, которую вотъ уже болѣе двухсотъ лѣтъ разыгрываетъ на святой Руси самодержавная бюрократическая олигархія. Къ «союзу» и притянулись поэтому тѣ общественные элементы, которые не желаютъ искренно разставаться съ основою старыхъ порядковъ, обезпечивавшихъ имъ тѣ или другія преимущества и выгоды, но которые были бы не прочь нѣсколько подкрасить и освѣжить наружные покровы этихъ порядковъ. Правительство правильно разочло, насколько выгодны для него услуги такого рода союзниковъ.

Пусть работаютъ октябристы; быть можетъ, они удержатъ на стезѣ благонамѣренности любителей подновленныхъ декорацій, а за «устои» и «основы» бояться нечего,—октябристскій либерализмъ ничѣмъ грозить имъ не можетъ.—Октябристы будутъ проповѣдывать конституціонныя свободы, но такъ, чтобы примѣненіе этихъ свободъ нисколько не связало руки бюрократической диктатурѣ: вѣдь «свободы» по конституціонной теоріи октябристовъ допускаются лишь постольку, поскольку въ той или другой мѣстности не введена военно-полевая юстиція.—Октябристы будутъ стоять за Государственную Думу съ законодательною властью, но бюрократической олигархіи нечего впадать въ смятеніе передъ призракомъ этой октябристской Думы, ибо октябристы смотрятъ на Думу, какъ на орудіе примиренія общества съ бюрократіей и для достиженія такого примиренія требуютъ отъ народныхъ представителей почтительнаго и ласковаго послушанія господамъ министрамъ, а для министровъ считаютъ необходимымъ сохранить ихъ прежнюю политическую безотвѣтственность. Правда, въ 10 § подновленной программы октябристскаго союза что-то написано объ отвѣтственности министровъ, но можно было бы обѣщать какую угодно высокую ...енію тому, кто сумѣетъ растолковать смыслъ этого невразумительнаго ...раграфа. На митингахъ октябристскіе ораторы и не пытаются разъяснять ...у абракадабру, а, наоборотъ, употребляютъ—обыкновенно безплодно и ...четно—всѣ усилія къ тому, чтобы убѣдить избирателей въ несвоевременности и вредѣ установленія въ Россіи отвѣтственности министерства. ...отря по составу аудиторіи, при этомъ подчеркиваются различные аргу...ты. Передъ публикой, состоящей изъ простолюдиновъ, октябристы ста-

раются развить ту мысль, что установленіе парламентарнаго министерства свяжетъ руки Монарху и поставитъ его въ зависимость отъ политическихъ партій. Передъ публикой интеллигентнаго состава октябристскіе ораторы выдвигаютъ на первый планъ указанія на то, что парламентаризмъ есть второй шагъ на пути политическаго развитія, что въ странахъ, гдѣ теперь существуетъ парламентаризмъ, онъ возникалъ не сразу и что было бы извращеніемъ естественнаго хода вещей дѣлать второй шагъ раньше перваго. И къ этому неизмѣнно прибавляется ссылка на то, что нѣкоторые наши западные сосѣди, превосходящіе насъ политическимъ опытомъ и общей культурностью, до сихъ поръ еще живутъ при конституціонномъ, но не парламентарномъ режимѣ. Многочисленныя наблюденія надъ различными митингами приводятъ къ заключенію, что вся эта октябристская аргументація, направленная на пропаганду политической безотвѣтственности министровъ, не имѣетъ никакого успѣха ни у простонародной, ни у интеллигентной публики. Простая публика весьма легко усваиваетъ смыслъ тѣхъ разъясненій, что только отвѣтственность министровъ создаетъ настоящую безотвѣтственность Монарха и что лишь при парламентарной системѣ Монархъ дѣйствительно становится выше партій и освобождается отъ зависимости отъ негласныхъ придворныхъ шептуновъ и котерій.—А аудиторія интеллигентнаго состава столь же легко подмѣчаетъ основное внутреннее противорѣчіе всей той аргументаціи, посредствомъ которой гг. октябристы думаютъ поколебать въ интеллигентныхъ гражданахъ довѣріе къ возможности осуществленія въ современной Россіи парламентарнаго строя. Октябристы любятъ становиться на защиту самобытности русскаго политическаго развитія, они любятъ упрекать своихъ противниковъ въ книжной теоретичности и въ безпочвенныхъ стремленіяхъ къ заимствованію чужеземныхъ образцовъ. Между тѣмъ вся ихъ аргументація по вопросу о парламентаризмѣ основана какъ разъ не на учетѣ реальныхъ условій современной намъ *русской* дѣйствительности, а на абстрактныхъ логическихъ построеніяхъ и голыхъ ссылкахъ на опытъ чужеземныхъ странъ.—Не во всѣхъ иностранныхъ свободныхъ государствахъ существуетъ парламентаризмъ, поэтому и намъ не слѣдуетъ думать о введеніи у насъ парламентарнаго строя—это первая посылка. Но если признать необходимымъ—согласно желанію октябристовъ—дѣйствовать по западной указкѣ въ этомъ вопросѣ и если западные образцы даютъ намъ прямо противоположныя показанія,—то почему же мы должны подражать тѣмъ именно образцамъ, которые совпадаютъ съ желаніями октябристовъ, а не тѣмъ иноземнымъ государствамъ, въ которыхъ существуетъ парламентаризмъ? Можетъ быть, при выборѣ этихъ образцовъ нужно принять во вниманіе условія *русской* жизни и особенности переживаемаго *нашею* родиной политическаго момента? Нѣтъ, октябристы и въ этомъ случаѣ отправляются въ своихъ рѣшеніяхъ не отъ *русскихъ* политическихъ условій, а отъ исторической послѣдовательности явленій иноземной жизни. Они говорятъ: «тамъ, гдѣ на Западѣ существуетъ парламентаризмъ, онъ

явился вторымъ шагомъ на пути политическаго развитія, слѣдовательно и намъ не надлежитъ начинать прямо съ второго шага».—Вотъ—образецъ отвлеченно-книжной схематической аргументаціи. Берется голый фактъ изъ исторіи тѣхъ иноземныхъ странъ, гдѣ парламентаризмъ явился «вторымъ» шагомъ, и безъ дальнѣйшаго изслѣдованія историческихъ обстоятельствъ, обусловившихъ этотъ фактъ, безъ тщательнаго сопоставленія этихъ обстоятельствъ съ данными современной намъ русской дѣйствительности,—выводится общій законъ, «его же не прейдеши»—парламентаризмъ всегда и вездѣ долженъ быть вторымъ шагомъ.—Позволю себѣ привести маленькую историческую справку, которая намъ укажетъ, какъ рискованно бываетъ иногда это распредѣленіе первенства между «шагами», производимое отвлеченно-логическимъ путемъ безъ вниманія къ конкретнымъ условіямъ жизненной обстановки. Когда въ оное время въ русскомъ обществѣ шли горячіе споры о возможности или невозможности уничтоженія крѣпостного права, крѣпостники тоже любили укрываться подъ защиту формальной логики. Они говорили: прежде чѣмъ получить свободу, нужно пріобрѣсти умѣнье пользоваться ея благами. Итакъ—дарованіе свободы есть *второй* шагъ, первымъ должно быть насажденіе культуры въ крѣпостной массѣ. На поверхностный взглядъ это разсужденіе представляло собой неприступную логическую крѣпость, подъ сѣнью которой крѣпостники склонны были чувствовать себя неуязвимыми. А на повѣрку неприступная логическая крѣпость оказывалась карточнымъ домикомъ, который мгновенно разлетался отъ одного вопроса: «какимъ образомъ человѣкъ можетъ научиться плавать прежде, чѣмъ его пустятъ въ воду? какимъ образомъ крѣпостной человѣкъ пріучится къ пользованію свободой прежде, чѣмъ онъ станетъ свободнымъ?» Эти вопросы въ одно и тоже время вскрывали и логическую несостоятельность открытой аргументаціи крѣпостниковъ и тотъ прикровенный истинный выводъ, котораго крѣпостники намѣренно не договаривали, хотя имъ-то они всего болѣе и дорожили; этотъ выводъ заключался въ слѣдующемъ: «такъ какъ до полученія свободы нужно научиться ею пользоваться и такъ какъ научиться этому, не обладая уже свободой, невозможно, то слѣдовательно... крѣпостному народу никогда и нельзя будетъ предоставить свободы»—что и требовалось доказать.

Не трудно показать теперь полную аналогію между этими разсужденіями былыхъ крѣпостниковъ и октябристской аргументаціей противъ введенія въ Россіи парламентаризма. Конституціонный режимъ въ Россіи уже ·бъявленъ». Очередной задачей становится теперь фактическое введеніе укорененіе въ Россіи этого объявленнаго лишь на бумагѣ конституціон- го строя. И вотъ тѣ, кто желаетъ укрѣпить на русской почвѣ ростки итической свободы не на такомъ эфемерномъ корешкѣ, съ котораго ъ срываютъ первые порывы возвращающейся реакціи, тѣ, кто желаетъ, обы свободные порядки и учрежденія ушли своими корнями глубоко въ ную землю,—тѣ соображаютъ и изыскиваютъ реальныя условія, могу- привести къ достиженію такого результата.—И не на основаніи от-

влеченныхъ теорій государственнаго права, не на основаніи безотчетной подражательности иноземнымъ образцамъ, а на основаніи внимательнаго учета реальныхъ условій русской дѣйствительности эти люди приходятъ къ заключенію, что только установленіе парламентаризма можетъ послужить обезпеченіемъ для утвержденія въ Россіи конституціоннаго строя на прочномъ фундаментѣ.—Къ этому заключенію ихъ приводитъ анализъ той среды, органомъ которой являются наши безотвѣтственные министры. Эта среда—наша бюрократическая олигархія. Это крѣпко сплоченный и замкнутый общественный слой, давно отдѣлившійся отъ всего остального населенія по своимъ особымъ интересамъ и возрѣніямъ, по всей своей особой жизненной складкѣ, закостенѣвшей въ неподвижныхъ формахъ профессіональной рутины. Онъ не знаетъ и не понимаетъ Россіи; мало того—онъ не хочетъ узнать и понять ее.

Но онъ привыкъ безотвѣтственно управлять этой неизвѣстной ему страной и извлекать для себя изъ своего командующаго въ ней положенія великія матеріальныя блага. Это—среда, безповоротно ушедшая въ свои кастовыя предразсудки, насквозь проѣденная глубокой коррупціей, отчужденная отъ страны и никогда не способная добровольно разомкнуть свои ряды для включенія въ нихъ какихъ-нибудь новыхъ, свѣжихъ, народныхъ элементовъ. И вотъ выдвигается вопросъ: можетъ ли быть обезпечено укорененіе въ русской жизни конституціонныхъ началъ, если примѣненіе вводимыхъ народнымъ представительствомъ новыхъ порядковъ будетъ ввѣряться ставленникамъ этой бюрократической олигархіи? Когда октябристы ссылаются на Германію, которая при всей своей высокой культурности обходится пока безъ парламентаризма,—въ такомъ случаѣ въ отвѣтъ октябристамъ приходится ссылаться не на теоретическія схемы, а на живой фактъ русской дѣйствительности: на нашу русскую бюрократію съ ея исторически сложившимися специфическими чертами. Сначала сравните нѣмецкое чиновничество съ русской бюрократической олигархіей, а потомъ уже толкуйте о томъ, можемъ ли мы, русскіе, подобно нѣмцамъ дозволить себѣ роскошь воздержанія отъ требованія парламентаризма вплоть до наступленія какой-то новой будущей политической эры. Вопросъ стоитъ совершенно такъ же, какъ безъ малаго 50 лѣтъ назадъ стоялъ вопросъ о крестьянскомъ освобожденіи. Парламентаризмъ по заявленію октябристовъ возможенъ лишь послѣ окончательнаго укорененія въ странѣ конституціонализма, но по особеннымъ условіямъ русской жизни при сохраненіи безотвѣтственнаго положенія за бюрократической олигархіей не видно шансовъ достигнуть не фиктивнаго, а дѣйствительнаго проведенія въ нашу жизнь конституціонныхъ началъ. И потому отодвиганіе парламентаризма на вторую очередь означаетъ у насъ въ Россіи не что иное, какъ оставленіе страны на долгое время и безъ парламентаризма, и безъ настоящаго конституціоннаго порядка.

Вотъ—выводъ, который получается въ томъ случаѣ, если принять исходную точку октябристской аргументаціи.

Октябристы этого вывода не договариваютъ, но они его не страшатся, ибо, принявъ внѣшнее обличье конституціоналистовъ, они таятъ подъ этимъ обличьемъ глубокое сочувствіе основамъ стараго порядка.

Я остановился съ нѣкоторою подробностью на октябристскихъ нападкахъ на парламентаризмъ, во-первыхъ, потому, что октябристы выдвигаютъ эти нападки на первый планъ въ теченіе настоящей избирательной кампаніи, какъ самый боевой пунктъ своей избирательной платформы, во-вторыхъ—потому, что этотъ примѣръ отчетливо освѣщаетъ заразъ и внутреннюю малосостоятельность октябристской аргументаціи, и политическое сродство октябристовъ съ современнымъ правительствомъ. Октябристы защищаютъ конституцію и въ то же время отвергаютъ тѣ условія, которыя необходимы для практическаго осуществленія у насъ конституціонныхъ началъ. Чего же лучшаго можно желать тѣмъ стоящимъ у власти и вскормленнымъ старымъ режимомъ бюрократамъ, которые именно и стремятся сохранить прежніе порядки подъ покровомъ обновленнаго государственнаго механизма?

Приведенный нами примѣръ не единственный. Пройдитесь взглядомъ по всей программѣ «союза 17 октября», и вы не разъ подмѣтите въ различныхъ ея параграфахъ ту подозрительную боязнь ясныхъ и отчетливыхъ формулировокъ, источникъ которой разъясняется при сопоставленіи программы съ устными публичными рѣчами ораторовъ-октябристовъ. Какъ мы только что видѣли, смутныя и невразумительныя фразы 10 § октябристской программы о какой-то неуловимой министерской отвѣтственности даютъ возможность октябристамъ начисто отвергать парламентаризмъ для современной Россіи, иначе говоря—начисто отвергать всякую политическую отвѣтственность министерства передъ народнымъ представительствомъ. Подобные же примѣры можно найти безъ труда и въ области вопросовъ соціальныхъ. Въ аграрной программѣ «союза» модная этикетка: «принудительное отчужденіе» не опущена, но предусмотрительно сопровождена оговоркой, смыслъ которой слѣдующій: по исчерпаніи всѣхъ другихъ мѣръ, могущихъ содѣйствовать разрѣшенію аграрнаго вопроса. Почитайте же брошюры по аграрному вопросу, изданные «отъ центральнаго комитета союза 17 октября», послушайте на митингахъ октябристскихъ ораторовъ,—и вы узнаете, что̀ значитъ эта оговорка. Тамъ вы прочтете и услышите, что «принудительное отчужденіе»—ненужная химера и что другихъ мѣръ, не затрогивающихъ интересовъ русскихъ аграріевъ, съ избыткомъ хватитъ для окончательнаго разрѣшенія аграрной проблемы.

Ну какъ же не дорожить такими союзниками вождямъ и охранителямъ раго порядка? Разумѣется, ради этихъ союзниковъ нельзя пренебрегать угами истинно-русскихъ монархистовъ. Но тѣ и другіе восполняютъ гъ друга въ служеніи одному и тому же дѣлу защиты подгнившихъ оевъ стараго порядка отъ напора демократической оппозиціи. Правиьству остается только комбинировать услуги, идущія съ этихъ двухъ онъ. Истинно русскіе монархисты годятся лишь для воспламененія

звѣроподобныхъ инстинктовъ въ малосознательныхъ массахъ. Ихъ нельзя высылать для поддержки охранительныхъ началъ въ среду такихъ людей, которые не прочь прикрыть свою инстинктивную приверженность къ старому порядку кое-какими новенькими словесными блестками и побрякушками. Тамъ нужны не монархисты, а октябристы. Октябристы выложатъ передъ вами всѣ модныя «образованныя» слова: и конституціонализмъ, и общее избирательное право, и принудительное отчужденіе и т. д. И вы можете съ пріятностью слушать эти созвучія, чувствуя себя «наравнѣ съ вѣкомъ» и въ то же время нисколько не безпокоясь за тотъ старый порядокъ, который давалъ вамъ возможность безпрепятственно проявлять вашъ начальническій или хозяйскій «нравъ», не подчиняя его велѣніямъ какого-либо закона, и плотно занимать насиженное мѣсто за пиромъ жизни, не прислушиваясь къ ропоту обездоленной массы вашихъ братьевъ. Безпокоиться за этотъ порядокъ нечего: вѣдь по толкованію октябристовъ конституціонализмъ можетъ и долженъ ужиться съ прежнимъ господствомъ безотвѣтственной бюрократіи и военно-полевыми судами, общее избирательное право не должно непремѣнно собирать всѣхъ гражданъ у избирательныхъ урнъ, «принудительное отчужденіе» означаетъ сохраненіе за теперешними землевладѣльцами всѣхъ ихъ земель и т. д., и т. д. Истинно-русскіе монархисты идутъ на-проломъ и требуютъ сохраненія стараго порядка со всѣми его внѣшними аттрибутами, они не хотятъ уступить ни содержанія, ни формы. Октябристы идутъ къ своей цѣли иными путями: они стремятся на своей утлой ладьѣ провести по волнамъ предвыборной кампаніи реакціонный грузъ подъ либеральными флагами. Не мудрено, что правительство покровительствуетъ и тѣмъ и другимъ.

Надо замѣтить, впрочемъ, что и тѣ и другіе въ концѣ-концовъ не оправдываютъ всѣхъ правительственныхъ надеждъ. Истинно-русскіе монархисты слишкомъ безтолково расходуютъ свои единственные рессурсы: патріотическіе вопли, помпезныя манифестаціи, террористическіе угрозы и акты; они слишкомъ безалаберно шумливы, ихъ патріотическій паѳосъ отдаетъ шутовствомъ, а ихъ воинственный жаръ настолько лишенъ сознательной основы, что никогда нельзя съ точностью предвидѣть, на кого онъ обрушится—на чужихъ или на своихъ, на «внутреннихъ враговъ» или на свое собственное начальство. Это необузданное воинство способно доставить не мало хлопотъ и заботъ и тѣмъ, кому оно грозитъ и тѣмъ, кому оно служитъ и, быть можетъ, послѣднимъ еще въ бо̀льшей степени, нежели первымъ. Однако и октябристы стоятъ далеко не на высотѣ присвоеннаго ими себѣ призванія. Это не воины, а политики, но политики лубочные и аляповатые. Душа обывателя такъ и просится у нихъ наружу изъ-подъ личины гражданина. Они то и дѣло срываются съ принятаго тона и въ пылу полемики, давъ волю истиннымъ стремленіямъ своей натуры, выдаютъ сами себя, отбрасываютъ словесныя украшенія даже собственной программы, посылаютъ воздушные поцѣлуи и призывы къ союзу тѣмъ же истинно-русскимъ монархистамъ, приводя въ изумленіе

тѣхъ, кто по добродушію и недальновидности имѣлъ неосторожность повѣрить въ выкинутые ими либеральные флаги.

Таковы союзники стараго порядка. Какъ видите, разсчеты на нихъ— не изъ блестящихъ. Союзники одной категоріи—требовательны и опасны. Союзники другой категоріи—представляютъ для правительства сплошь и рядомъ излишнюю роскошь, поскольку они, срываясь съ своего тона, сливаются съ хоромъ своихъ правыхъ сосѣдей.

Черносотенный революціонизмъ и фальсифицированный либерализмъ— таковы двѣ общественныя стихіи, помимо которыхъ старому порядку не на что опереться въ массѣ населенія. Призрачная, незавидная опора!

А. Кизеветтеръ.

Къ біографіи Герцена и Бакунина.

(Отношенія ихъ къ К. Фохту).

Біографія Герцена во многихъ частяхъ ея до сихъ поръ почти не разработана. Особенно приходится это указать о заграничномъ періодѣ его жизни. Въ заграничныхъ газетахъ, журналахъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ разсѣяно не мало матеріала, не приведеннаго даже въ извѣстность. Въ сущности о жизни и дѣятельности Герцена за-границей мы и знаемъ только по его сочиненіямъ, немногимъ опубликованнымъ собраніямъ его писемъ и сообщенному имъ самимъ въ *Быломъ и Думахъ*. Весь остальной біографическій и историко-литературный матеріалъ ждетъ еще изслѣдователя и добросовѣстной сводки.

Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду познакомить читателя съ тремя письмами Герцена къ знаменитому натуралисту Карлу Фохту, которыя помѣщены въ біографіи послѣдняго, составленной его сыномъ *). До сихъ поръ въ русской печати эти письма не были сообщены, не указаны они и въ перечнѣ заграничныхъ матеріаловъ о Герценѣ, помѣщенномъ въ извѣстномъ указателѣ г. Венгерова «Источники словаря русскихъ писателей».

О близости Герцена и Карла Фохта достаточно извѣстно изъ *Былого и Думъ*. Въ XL главѣ мемуаровъ Герцена разсказанъ и эпизодъ, послужившій поводомъ къ первому изъ помѣщенныхъ ниже писемъ Герцена. Эпизодъ этотъ переданъ и въ біографіи К. Фохта.

Вѣнскій изгнанникъ, молодой д-ръ Кудлихъ, посватался въ Бернѣ за одну изъ дочерей бернскаго профессора медицины Вильгельма Фохта (отца Карла Фохта). Браку встрѣтилось неожиданное препятствіе со стороны протестантской консисторіи, потребовавшей метрическое свидѣтельство жениха. Разумѣется, ему, какъ лицу, заочно приговоренному къ смерти, ничего нельзя было достать изъ Австріи. Достаточно было бы удостовѣренія въ личности со стороны такого извѣстнаго въ городѣ лица, какъ Фохтъ, но бернскіе піэтисты, по инстинкту ненавидѣвшіе его и всѣхъ эмигрантовъ, уперлись.

Въ одно изъ воскресеній въ февралѣ 1853 г. въ домъ Фохта были приглашены на обѣдъ всѣ многочисленные члены его семьи и родствен-

*) La vie d'un homme. Carl Vogt par William Vogt. Paris-Stuttgart. 1896. In 4° Pp. 265.

ники, и представители городской знати. За дессертомъ профессоръ Вильгельмъ Фохтъ поднялся и произнесъ:

«Господа, честь имѣю представить вамъ доктора Ганса Кудлиха. Я отдаю ему мою дочь Луизу. Сегодня вечеромъ они уѣзжаютъ въ Америку, какъ мужъ и жена. Да будутъ они счастливы! Соединяю ихъ предъ вами всѣми и прошу считать ихъ сочетавшимися бракомъ, а ихъ будущихъ дѣтей полноправными и законными. У моего зятя, какъ изгнанника, нѣтъ бумагъ, и несмотря на наши старанія, они не могутъ сочетаться бракомъ въ Бернѣ гражданскимъ порядкомъ. Я беру на себя обязанность мера и соединяю этихъ молодыхъ людей на всю ихъ жизнь».

Этотъ свободный бракъ (оказавшійся, по словамъ біографіи Фохта, необыкновенно счастливымъ) произвелъ чрезвычайный скандалъ среди швейцарскаго піэтическаго общества. Герценъ изъ Лондона писалъ по этому поводу Карлу Фохту въ Женеву, отъ 5 апрѣля 1853 г. (н. с.) (La vie d'un homme, p. 80). Герценъ усиленно звалъ друга перебраться въ Лондонъ, указывая, что талантливому человѣку легко въ немъ устроиться; онъ приводитъ въ примѣръ нѣмецкаго эмигранта Кинкеля, съ которымъ былъ и лично близокъ, какъ видно изъ воспоминаній Мальвиды ф.-Мейзенбугъ, и русскаго—Головина, издателя съ 1859 по 1861 г. въ Берлинѣ журнала *Благонамѣренный*; о какомъ сочиненіи Головина идетъ рѣчь въ письмѣ Герцена—мы не знаемъ (*Записки* изданы въ Лейпцигѣ). Едва ли нужно пояснять, что Льюисъ—извѣстный англійскій философъ и популяризаторъ (авторъ «Физіологіи обыденной жизни»), имя же Карлейля само говоритъ за себя.

Второе письмо Герцена (ibid., стр. 109), также изъ Лондона, относится къ 1857 г., къ періоду нароставшаго вліянія Герцена и его свободнаго станка. «Невшательскій вопросъ», о которомъ идетъ рѣчь въ началѣ письма, это надѣлавшая много шума попытка роялистскаго возстанія въ Невшателѣ въ связи съ притязаніями на невшательскій кантонъ со стороны Пруссіи. На вмѣшательство послѣдней Швейцарія отвѣтила мобилизаціею союзныхъ войскъ на Рейнской границѣ. Дѣло было улажено посредничествомъ державъ, при чемъ Карлъ Фохтъ принималъ горячее участіе въ переговорахъ, въ качествѣ представителя отъ Женевы. Имена, помѣченныя въ текстѣ начальными буквами, вѣроятно, относятся къ лицамъ, чрезъ которыя шла переписка Герцена съ Россіей. Что касается Бакунина, онъ въ это время находился въ Шлиссельбургѣ (съ 1854 г. по 1859 г.), и въ чемъ состояло «полное опроверженіе» пущеннаго о немъ слуха—намъ неизвѣстно.

Наконецъ, третье письмо Герцена (ibid., стр. 109)—безъ помѣтки года мѣста написанія, но съ адресомъ и числомъ: 9 мая, 7 quai du Montnc. Повидимому, это письмо писано въ Женевѣ. Годъ же устанавлиется по содержанію письма. Въ немъ рѣчь о «пистолетномъ выстрѣлѣ уица», поднявшемъ на ноги русскую полицію. Это могло бы относться къ выстрѣламъ въ Александра II какъ Каракозова, такъ и Бере-

зовскаго. Но второе покушеніе имѣло мѣсто *25 мая* 1867 г., а первое *5 апрѣля* 1866 г.; поэтому, очевидно, письмо или записка Герцена относится къ 9 мая 1866.

Ниже эти письма Герцена приводятся нами цѣликомъ въ русскомъ переводѣ. Остается упомянуть, что переписка Герцена съ Карломъ Фохтомъ была, повидимому, довольно оживленною. Къ несчастью, какъ разсказано въ біографіи К. Фохта, онъ отличался крайнимъ неряшествомъ въ храненіи своей огромной переписки и раздавалъ автографы замѣчательныхъ людей безъ разбора направо и налѣво. Можетъ быть, однако, часть писемъ Герцена къ К. Фохту и сохранилась у его дѣтей.

I.

Дорогой Фохтъ! Скажу какъ Клеберъ: генералъ, вашъ отецъ, великъ, какъ міръ. Я уважалъ его всѣмъ сердцемъ, а теперь цѣню его всѣмъ сердцемъ и еще половиной сердца. Sapristi! этотъ бракъ — историческое событіе, революціонный антецедентъ! Сообщите какъ можно скорѣе, позволяете ли вы написать по этому поводу передовую статью, которая будетъ перепечатана въ *Nation* и т. д.

Онъ возвысилъ, нравственно осмыслилъ нелѣпый институтъ брака. Напишите ему отъ меня два-три слова искреннѣйшей симпатіи.

Вчера мнѣ пришлось быть въ обществѣ англійскихъ дамъ; играли въ *steeple-chaises*, модную и очень умную игру, не раздражающую. Межъ двухъ коней (жестяныхъ) я попросилъ слова и разсказалъ про этотъ бракъ. Дамы были въ энтузіазмѣ. Будь со мною портретъ профессора Вильгельма Фохта, подаренный имъ мнѣ въ Бернѣ, я могъ бы показывать его по сикспенсу.

Вашъ Негро сегодня былъ у меня; я былъ любезенъ, какъ публичная женщина, чтобъ отдать честь вашей рекомендаціи...

Карлъ Фохтъ, женевецъ, бросьте вашу проклятую Женеву и пріѣзжайте сюда. Не погибнете ни отъ скуки, ни отъ нищеты. Кинкель читаетъ теперь курсъ эстетики въ университетѣ. Ну, что же! Кинкель человѣкъ талантливый, вотъ и все. А нашъ-то другъ Головинъ свою рукопись, нѣчто въ родѣ русскаго *Хижины дяди Тома*, продалъ за 80 фунтовъ стерлинговъ.

А вы — sacré nom de Dieu! — Льюисъ, литературный левъ, цѣнитъ васъ безконечно. Хотите, я переговорю съ нимъ? То-то вамъ обрадуются. Ну же, встряхнитесь!

Не помню, писалъ ли я вамъ, что познакомился съ Карлейлемъ, авторомъ „Исторіи французской революціи". Это человѣкъ таланта громаднаго, но черезчуръ парадоксальный; его называютъ шотландскимъ Прудономъ...

Прощайте,

Алекс. Герценъ.

II.

Путней, 9 апрѣля 1857 г.

Наконецъ-то, дорогой Фохтъ, вѣсть отъ васъ. Я собирался вамъ писать и спросить, какая муха укусила васъ, что вы забыли про меня, но ждалъ, чортъ знаетъ почему, конца Невшательскаго дѣла. Причина вашего молчанія не хорошая.

Вы великолѣпно вели себя въ Невшательскомъ дѣлѣ. Я получилъ недѣлю [illegible] задъ письмо изъ Америки, въ которомъ о васъ говорятъ съ большой симпатіей. [illegible] что подѣлаешь съ этими „кастратами!" Наконецъ, вы видите, настаетъ конецъ, а[illegible] нія стараго свѣта. Безъ всякаго сомнѣнія, Англія при всѣхъ ей свойственныхъ [illegible] лѣпостяхъ феодализма и торизма — единственная страна, гдѣ можно жить...

Вы не можете себѣ представить, какъ разрастается наша лондонская про[illegible] ганда. Книги мои продаются великолѣпно, издержки покрыты. Примѣръ: третій т[illegible] „Полярной Звѣзды" выйдетъ 15 апрѣля. Заказано уже 300 экземпляровъ, и я м[illegible]

разсчитывать на заказъ еще 200 къ 1 мая. Никогда бы я не повѣрилъ ничему подобному во времена молодца Николая...

И еще просьба. Если Г... или другое столь же надежное лицо возьметъ на себя трудъ доставить мнѣ пакетъ съ бумагами, который вамъ придется получить отъ г-жи Т..., вы меня обяжете безконечно...

Мнѣ снова нужна ваша поддержка. Вотъ положеніе моихъ дѣлъ. Мой капиталъ раздѣленъ. Часть въ Америкѣ, часть въ Піемонтѣ. Мои имѣнія секвестрованы въ Россіи. Кромѣ того у меня на 8,000 франковъ канадскихъ бумагъ...

Бакунинъ вполнѣ опровергъ распущенный слухъ, будто онъ сталъ піэтистомъ. Но какая тупая жестокость, что его не освобождаютъ; что онъ дѣлалъ противъ русскаго правительства?

Прощайте,

Алекс. Герценъ.

III.

9 мая, 7, quai du Mont-Blanc. (1866 г.).

Дорогой покровитель! *).

Вы все больше и больше становитесь руководителемъ моей совѣсти и я обращаюсь къ вамъ по вопросамъ судебнымъ, педагогическимъ, медицинскимъ и т. д. Вчера, нѣкій молодой человѣкъ сообщилъ мнѣ, что получилъ извѣстія изъ Петербурга, между прочимъ о томъ, что правительство намѣрено обратиться къ федеральному правительству съ требованіемъ высылокъ и даже выдачъ, все это подъ предлогомъ этого пистолетнаго выстрѣла, сдѣланнаго сумасшедшимъ. Они, надо вамъ сказать, винятъ весь свѣтъ.

Ваше имя упоминается въ доносахъ Каткова. Онъ утверждаетъ, что молодое поколѣніе развращаютъ вашими сочиненіями, которыя перевозились *ad hoc,* и книгами Молешотта.

Однако, со стороны холеры-полиціи можно ждать всякой глупости. Не знаю только чего можно ждать со стороны Берна. Есть ли тамъ люди, къ которымъ можно было бы обратиться? Я радъ туда отправиться.

Скажите, наконецъ, что вы обо всемъ этомъ думаете?

Весь вашъ *А. Герценъ.*

Кромѣ этихъ писемъ, обрисовывающихъ дружескія отношенія Герцена къ К. Фохту и заключающихъ, какъ видитъ читатель, не особенно много данныхъ, но тѣмъ не менѣе отражающихъ личность Герцена, въ біографіи К. Фохта имя знаменитаго писателя упоминается еще два-три раза, но эти мѣста почти никакого значенія для насъ не имѣютъ. Остается лишь отмѣтить, что Герценъ назначилъ Карла Фохта, совмѣстно съ Юліаномъ Шаллеромъ, душеприказчикомъ послѣ себя.

Отмѣтимъ, что въ біографіи К. Фохта упоминается также нѣсколько разъ имя Бакунина. Знакомство ихъ состоялось въ Парижѣ, гдѣ Фохтъ еще учился, а Бакунинъ проповѣдывалъ французамъ и полякамъ Гегеля. Фохта, какъ врача, случайно пригласилъ къ Бакунину, заболѣвшему припадками холеры, Огаревъ. Бакунинъ относился къ знаменитому натуралисту, вскорѣ видному дѣятелю освободительнаго движенія въ Германіи, съ энтузіазмомъ. Послѣ бѣгства изъ Сибири, Бакунинъ одному изъ первыхъ телеграфировалъ К. Фохту о своемъ спасеніи. По пріѣздѣ въ Лондонъ

*) Въ оригиналѣ—нѣмецкое слово „Gönner“, употребленное здѣсь Герценомъ съ дружески-ироническимъ оттѣнкомъ. *Прим. ред. Русской Мысли.*

онъ посылаетъ ему свою фотографію съ надписью на двухъ языкахъ на оборотѣ:

A mon cher Charles Vogt, naturaliste célèbre et Reichsverweser. M. Bakounine. $18^{22}/_{10}62$. Londres.

Mein lieber Karl—alter Freund—mit einem Grusse von mir nehmen Sie dieses Bild an — damit Sie sehen, wie die Zeit an mir gewühlt hat, und schicken sie mir Ihr Bild um mir zu zeigen wie ein Mann in der Freiheit gedeiht.

Т.-е.:

«Моему дорогому Карлу Фохту, знаменитому натуралисту и регенту имперіи *). М. Бакунинъ. $18^{22}/_{10}62$. Лондонъ.

Мой милый Карлъ—старый другъ,—примите мое привѣтствіе и этотъ портретъ, посмотрите, что сдѣлало со мною время и пришлите и свой портретъ, чтобъ показать, какъ преуспѣваетъ человѣкъ на свободѣ».

Однако, отношенія Бакунина и Фохта скоро испортились. Дѣйствительно, между непокорнымъ анархистомъ Бакунинымъ и умѣреннымъ республиканцемъ, какимъ былъ Фохтъ, слишкомъ велика была разница. Личныя отношенія и переписка между ними оборвались въ 1868 г., особенно послѣ грубой и злой эпиграммы К. Фохта на безконечныя ссоры, разыгрывавшіяся въ русской эмиграціи и, какъ извѣстно, тяжело ложившіяся и на Герцена:

Wir wollen uns in Schnaps berauschen,
Wir wollen uns're Frauen tauschen
Und aufgelöst sei Mein und Dein;
Wir wollen uns mit Talg beschmieren
Und nackt im Sonnenschein spazieren,
Wir wollen freie Russen sein!

Т.-е.:

«Будемъ упиваться водкой, мѣняться женами, перемѣшаемъ мое и твое; вымажемся саломъ и пойдемъ гулять нагими на солнышкѣ; будемъ свободными русскими!»

Въ заключеніе выразимъ пожеланіе, чтобы возможно скорѣе нашлись заграницею русскіе, интересующіеся Герценомъ настолько, чтобы принять на себя, правда нелегкій и кропотливый, трудъ просмотра всего, что писалось о Герценѣ въ заграничной печати, и сводку разнообразнаго матеріала, разсѣяннаго въ газетахъ и журналахъ и такихъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, какъ біографія Фохта, которою мы воспользовались для настоящей замѣтки. Безъ подобной сводки немыслима сколько-нибудь полная біографія Герцена.

Ч. Вѣтринскій.

---

*) Карлъ Фохтъ былъ избранъ въ 1849 г. собравшимися въ Штутгартѣ остатками Франкфуртскаго парламента въ регенты имперіи вмѣстѣ съ 4 другими депутатами. *Прим. ред. Русской Мысли.*

На религіозно-общественныя темы.

I. Средневѣковый идеалъ и новѣйшая культура.

(*Генрихъ Эйкенъ*. „Исторія и система средневѣковаго міровоззрѣнія". Пер. съ нѣм. В. Н. Линда, со вступительной статьей профессора И. М. Гревса. С.-Петербургъ, 1907. Стр. XL+729.)

Пробуждающійся интересъ къ вопросамъ религіознаго и философскаго сознанія, естественно, въ числѣ другихъ послѣдствій, имѣетъ и возбужденіе интереса къ среднимъ вѣкамъ, какъ эпохѣ напряженной и страстной религіозной жизни. Удовлетворенію этого интереса содѣйствуетъ и прогрессъ исторической науки. «Только незнаніе средневѣковой старины допускало возможность представленія ея эпохой омертвѣнія умственной дѣятельности и безнадежнаго упадка культуры»,—говоритъ въ своемъ обстоятельномъ предисловіи къ книгѣ Эйкена проф. И. М. Гревсъ.—«Средневѣковые люди одушевленно и мучительно мыслили, страстно и упорно искали... Страннымъ заблужденіемъ было бы представлять ихъ всѣхъ невѣжественными людьми. Варваризація была лишь корой, которая тогда покрыла Европу, да и то не сплошь». Проф. Гревсъ указываетъ все несоотвѣтствіе исторической дѣйствительности тѣхъ представленій о среднихъ вѣкахъ раціоналистовъ XVIII вѣка, которыя широко распространены и теперь, какъ о времени «всеобщаго жестокаго варварства, поголовнаго мрачнаго невѣжества, полной остановки въ работѣ ума надъ теоретическими вопросами познанія міра и практическими запросами улучшенія жизни». Въ устахъ поверхностнаго раціонализма эпитетъ «средневѣковый» звучитъ пренебрежительно (мнѣ самому не разъ приходилось слышать и видѣть въ печати примѣненіе этого термина къ моему собственному міровоззрѣнію, конечно, въ смыслѣ крайняго униченія и порицанія). Нельзя не порадоваться, что ская переводная литература обогатилась столь капитальнымъ и обобщащимъ изслѣдованіемъ объ исторіи и системѣ средневѣковаго міровоззрѣі, какъ объемистая книга іенскаго профессора Г. Эйкена *), въ добросо-

---

*) Счастливымъ совпаденіемъ мы считаемъ, что одновременно появилось и ноизданіе перевода классической книги *Якова Буркгардта* о Возрожденіи, слѣдуемъ этапѣ духовной исторіи человѣчества: „Культура Италіи въ эпоху Возрожде- I—II т. Спб., 1906. Изд. М. И. Пирожкова.

вѣстномъ переводѣ В. Н. Линда. Не много найдется книгъ, которыя прочтутся интеллигентнымъ читателемъ съ такимъ захватывающимъ и почти неослабнымъ интересомъ, какъ сочинение проф. Эйкена *), ибо въ ней идетъ рѣчь о самыхъ высшихъ, послѣднихъ цѣнностяхъ и изображается грандіозная и оригинальная попытка историческаго человѣчества утвердить и осуществить въ жизни эти цѣнности. Средніе вѣка отличаются необыкновенной, исключительной серьезностью и страстностью жизни, ибо это была эпоха религіозной жизни, а всякая подлинно религіозная жизнь представляетъ нѣчто единственное по серьезности, страстности и напряженности. А что можетъ представлять болѣе захватывающаго интереса, нежели искренняя и страстная человѣческая жизнь. Можетъ быть, благодаря историческому разстоянію, стирающему всѣ детали и мелочи и сохраняющему только возвышенное и грандіозное, средніе вѣка невольно символизируются въ величественномъ, устремленномъ къ небу и въ каменномъ своемъ полетѣ говорящемъ о вѣчности готическомъ храмѣ, среди вокзаловъ, театровъ, ресторановъ и другихъ архитектурныхъ сооруженій нашей многообразной и пестрой современности. Всякая серьезная и подлинная религіозность непремѣнно предполагаетъ своеобразную исключительность, моноидеизмъ, который сторонніе наблюдатели зовутъ «односторонностью». «Я есть огнь поядающій», говоритъ о себѣ Іегова, и этимъ моноидеизмомъ—выгодно или невыгодно, оцѣнка зависитъ отъ міровоззрѣнія—въ высшей степени отличаются средніе вѣка, они опалены и обожжены этимъ пламенемъ поядающаго религіознаго огня.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму—

геніально выразилъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи эту черту, и этотъ стихъ его такъ и просится эпиграфомъ къ книгѣ Эйкена. Напряженный идеализмъ, жажда трансцендентнаго и принесеніе ему, невидимому, благъ эмпирическихъ, видимыхъ, неослабный порывъ души въ высь, неустанный духовный подвигъ и мучительная трагедія его неизбѣжной незавершенности—вотъ черты, которыя заставляютъ причислить средніе вѣка къ героическимъ эпохамъ исторіи, хотя найдется столько же основаній причислить ихъ и къ варварскимъ.

Они опаляютъ васъ знойнымъ, иногда зловоннымъ дыханіемъ запекшихся аскетическихъ устъ, складка трагизма глубоко врѣзалась на изможденномъ постомъ и взволнованномъ молитвой лицѣ, образъ этотъ можетъ быть тяжелъ и страшенъ, но онъ полонъ величія и ему совершенно

*) Наша научная литература имѣетъ цѣнную характеристику среднихъ вѣковъ въ статьяхъ проф. *В. И. Герье.* „Средневѣковое міровоззрѣніе, его возникновеніе и идеалъ" (*В. Евр.*, 1891, I—IV). Нельзя не выразить пожеланія, чтобы эти статьи вмѣстѣ съ другими этюдами изъ исторіи средневѣковой духовной жизни (о св. Франциskѣ Ассизскомъ, о св. Екатеринѣ Сіенской), тоже печатавшимися въ *Вѣстникѣ Европы* 90-хъ годовъ, появились и въ отдѣльномъ изданіи.

чужды тѣ мелкія чувства, которыя расплодило современное мѣщанство и пошлость.

Какое же видѣнье предносилось «бѣдному рыцарю», закованному въ броню крестоноснаго воина, облеченнаго поверхъ ея въ монашескую рясу? Каковъ идеалъ среднихъ вѣковъ, ибо про эту эпоху, какъ далеко не про всякую, можно сказать, что она имѣла свой идеалъ, свой маякъ въ пути? Идеалъ этотъ универсаленъ и грандіозенъ, онъ хочетъ вмѣстить и осуществить основную христіанскую задачу—Царствіе Божіе, а средствомъ для осуществленія его является *папская теократія*. Покорить міръ Христу, склонивъ его у престола папы, провозглашеннаго намѣстникомъ Христовымъ на землѣ,—вотъ программа и цѣль, воодушевлявшія лучшихъ и сильнѣйшихъ людей того времени, а въ числѣ ихъ и наиболѣе замѣчательныхъ замѣстителей папскаго престола, такъ, какъ не воодушевляютъ въ наши дни и мечты о соціалистическомъ Zukunftstaat'ѣ. Дѣло шло совсѣмъ не объ одномъ только честолюбіи и властолюбіи отдѣльныхъ папъ, но объ универсальной идеѣ, о цѣломъ міровоззрѣніи.

Чтобы понять историческія особенности среднихъ вѣковъ, нужно обратить вниманіе на основныя черты средневѣковой религіозности, въ частности, религіозной метафизики, на своеобразное пониманіе христіанства, сближающееся съ міроотрицающей религіей буддизма. Черта эта—*аскетизмъ*, не какъ религіозное правило, но какъ метафизическое міровоззрѣніе, слѣдовательно, не какъ средство, но какъ цѣль. Не освященіе міра и плоти, но ихъ возможное преодолѣніе, не обоженіе земли, но безземность, полное и принципіальное недовѣріе міру—вотъ что отличаетъ христіанское міровоззрѣніе среднихъ вѣковъ. Оно было основано на предпочтительномъ выдѣленіи только одной особенности христіанства, имѣющей значеніе лишь въ связи съ цѣлымъ, и на замѣнѣ ею всего этого цѣлаго. Христіанству съ его ученіемъ о реальности и объективности мірового зла, въ которомъ «лежитъ» міръ, несомнѣнно свойственно отрицаніе языческой непосредственности, того дѣтскаго, неразложившагося еще въ сознаніи довѣрія къ «міру», какое отличаетъ, наприм., классическаго грека въ раннюю эпоху его существованія. Но въ христіанской метафизикѣ центральное мѣсто занимаетъ ученіе, что міръ спасенъ и плоть обожена Христомъ, и потому господство зла только до времени и только отчасти, не субстанціально по отношенію къ міру и плоти, а только функціонально. Однако истины христіанства раскрываются жизненно только въ продолжительномъ историческомъ процессѣ (иначе къ чему же исторія?), раскрываются, можно сказать съ Гегелемъ, діалектически. И въ томъ историческомъ изломѣ, который испыталъ христіанство на поворотѣ отъ древности къ средневѣковью, сильнѣе всего должно было почувствоваться именно принціальное отрицаніе навсегда превзойденнаго язычества съ его представленіемъ о существованіи «идиллическаго мира между Богомъ, человѣкомъ и природой». «Природа для древняго грека была космосомъ, душою которого было божество... Природа имѣла божественный, а божество есте-

ственный характеръ. Въ такомъ же близкомъ соотношеніи божество было и къ человѣку. Ни у одного народа границы божественнаго и человѣческаго не сливались такъ, какъ у грековъ... Міръ боговъ греческаго Олимпа представлялся въ образахъ чувственной красоты. Чувственные аффекты играли въ немъ ту же роль, что и въ человѣческомъ мірѣ, только они дѣйствовали въ сферѣ совершенной красоты. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ олимпійскіе боги были нравственными идеалами для грековъ. Не отвлеченная святость, а вѣчная юность и вѣчная красота были отличительными свойствами греческихъ божествъ. Нравственнымъ принципомъ для грека было поэтому эстетически-прекрасное. Греческая нравственность требовала гармоническаго, равномѣрнаго развитія всѣхъ душевныхъ настроеній и сдерживанія всѣхъ чувствъ въ границахъ порядка и мѣры... Противорѣчіе нравственнаго сознанія съ чувственной природой было неизвѣстно въ юношескомъ періодѣ классическаго времени Греціи, потому что греки ставили себѣ задачей не отрицаніе чувственности, а эстетическое ея облагороженіе» (Эйкенъ, 19). Потому идеалъ эллинской доблести и формулировался въ почти непередаваемомъ для нашего этическаго языка выраженіи «καλὸς κἀγαθός». Отъ этого безразличія дѣтской непосредственности и религіознаго сна человѣчество должно было пробудиться и навсегда было пробуждено іудеохристіанскимъ ученіемъ о злѣ, грѣхѣ и искупленіи. Неудивительно, что эту сторону, эту свою противоположность язычеству раньше всего и сильнѣе всего и почувствовало «историческое», т.-е. вовлекшееся въ процессъ историческаго развитія и созрѣванія христіанство, и первое опредѣленіе, которое оно приняло въ исторіи, было—аскетическое. Аскетизмъ, міро-и жизнеотрицаніе, окрашиваетъ собой все міровоззрѣніе средневѣковья. «Поэтому церковное ученіе нравственности основывалось не на различеніи общеполезныхъ и эгоистическихъ стремленій, а на противопоставленіи земныхъ интересовъ небеснымъ. Противоположность добра и зла была сведена на выставленную христіанской метафизикой противоположность между Богомъ и міромъ. Умершій въ 636 году испанскій епископъ Исидоръ говорилъ: «Добро есть стремленіе къ Богу, а зло—стремленіе къ земной выгодѣ и преходящей славѣ». Бернардъ Клервосскій однажды внушалъ страхъ Божій такими словами: «забудь свой народъ, родительскій домъ, откажись отъ плотскихъ наклонностей, забудь свѣтскіе обычаи, удерживайся отъ своихъ прежнихъ пороковъ» и т. д. Екатерина Сіенская тоже ставила богатство и свѣтскій почетъ на одну доску съ религіозной чувственностью. «Міръ,—говорила она,—противенъ Богу, а Богъ противенъ міру; тотъ и другой не имѣютъ между собой ничего общаго. Сынъ Божій избралъ себѣ бѣдность, низкое положеніе, осмѣяніе, голодъ и жажду, а міръ ищетъ богатства, почестей и наслажденія» Міръ былъ «долиной слезъ», а жизнь человѣческая странствованіемъ в этой темной долинѣ, наполненной тысячами опасностей и ужасовъ, полному свѣта и мира духовному міру будущей жизни. Такимъ образо жизнь души въ сущности начиналась въ тотъ моментъ, когда жизнь т

оканчивалась. Смерть земного тѣла была освобожденіемъ души. Естественное отношеніе между жизнью и смертью превращалось въ обратное. Полнѣе всего это міроотрицающее направленіе среднихъ вѣковъ выразилось въ сочиненіи «О презрѣніи къ міру», написанномъ папой Иннокентіемъ III въ 1198 году, когда онъ былъ еще кардиналомъ *). Въ немъ говорится: «мы умираемъ, пока живемъ и лишь тогда перестаемъ умирать, когда перестаемъ жить». Тѣ, кто преодолѣвали страхъ смерти, съ страстнымъ желаніемъ ждали своего земного конца» (Эйкенъ, 279—80).

«Любовь (charitas) есть презрѣніе къ міру и любовь къ Богу»,—говоритъ цитерціанскій аббатъ Огерій. «Любовь къ Богу удаляетъ человѣка отъ міра, а любовь къ міру—отъ Бога».

Парадоксія средневѣковаго аскетическаго міровоззрѣнія заключается въ томъ, что то же самое міроотрицающее, безземное христіанство приводило къ стремленію овладѣть этимъ отрицаемымъ міромъ и этой землей, какъ бы натурализоваться въ этомъ мірѣ. Трансцендентная метафизика оказывалась связанной съ клерикальнымъ позитивизмомъ римскаго престола и его властолюбивыми замыслами. Тѣ, которые не знали въ этомъ мірѣ никакихъ цѣнностей, отдавали всю свою энергію, чтобы овладѣть этимъ міромъ. «Аскетизмъ и владычество церкви проникли въ самую глубину жизни западныхъ народовъ. Ихъ политическая и экономическая жизнь, наука и искусство, до мельчайшихъ подробностей повседневной жизни, были равномѣрно опредѣлены этими идеями церковнаго ученія. Во всемъ строѣ средневѣковой жизни проходили эти двѣ черты; съ одной стороны—страдальческая черта отреченія отъ міра, съ другой—характерная, насильственная черта всемірнаго завоеванія. Символъ христіанской религіи, крестъ, былъ въ средніе вѣка такимъ же «знакомъ умерщвленія плоти», какъ и «побѣды надъ міромъ». Средневѣковье побѣдило и покорило міръ, одновременно отрицая его. Умереть для міра значило то же, что жить для церкви... Во всѣхъ случаяхъ, когда съ одной стороны отрицался міръ, то съ другой стороны утверждалась церковь. Усиленіе аскетизма имѣло необходимымъ послѣдствіемъ соотвѣтствующее усиленіе мірской власти церкви. То и другое—отрицаніе міра и всемірное владычество церкви—были въ средневѣковомъ міровоззрѣніи однозначущими понятіями. Въ полной выработкѣ этихъ обоихъ взаимно обусловливаемыхъ стремленій заключалась оригинальность и сущность средневѣковой культуры. Только съ этой точки зрѣнія одинаковаго значенія аскетизма и всемірнаго владычества священства становится понятнымъ духъ средневѣковой сторіи. Въ то время какъ идея всемірнаго владычества церкви вводитъ ѣ земныя дѣла въ кругъ ея дѣятельности, сама церковь стремилась, съ ной стороны, въ силу своей трасцендентной метафизики, прочь отъ земго міра, съ другой,—въ силу своего іерархическаго принципа, снова воз-

*) Ср. очеркъ проф. *В. И. Герье*: „Торжество теократическаго начала на Западѣ" (XII вѣкъ). Папа Иннокентій III. (*Вѣстн. Евр.*, 1892 г., январь—февраль).

вращалась къ міру и его интересамъ» (Эйкенъ, 137). Эйкенъ въ своемъ сочиненіи даетъ совершенно удовлетворительное объясненіе кажущемуся противорѣчію между аскетизмомъ и стремленіемъ къ власти, въ которомъ иные усматривали непослѣдовательность или плодъ личнаго честолюбія и властолюбія папъ. «Міроотрицаніе и міровладычество имѣютъ свой общій исходный пунктъ въ крестѣ Христовомъ». Причина этому заключается въ стремленіи средневѣковой церкви *насильственно спасти міръ*. Не зная никакихъ самостоятельныхъ цѣнностей въ мірѣ и считая, что единственнымъ способомъ его спасенія можетъ служить его обузданіе и полная покорность церковной организаціи, т.-е., собственно говоря, клиру съ папой во главѣ, эта послѣдняя вступила въ бой не на жизнь, а на смерть съ непокорнымъ «міромъ»; отрицая всякую возможность, а, слѣдовательно, и задачу просвѣтлѣнія и освященія міра и плоти, церковь наваливалась на нихъ всей—тогда огромной—тяжестью своей и давила ихъ, подавляя насколько могла. Вполнѣ и окончательно подавить міръ и дать торжество церкви среднимъ вѣкамъ никогда не удавалось, но постоянно шла глухая борьба непокорнаго міра и міроотрицающей, но въ силу того и мірообъемлющей церкви. Дѣйствительность представляла собой фактическій компромиссъ, опредѣляющійся соотношеніемъ силъ. «Сопротивленіе, которое человѣческая природа, связанная съ условіями земной жизни, оказывала сверхчувственно-міродержавной идеѣ церкви, несмотря на ея подавляющую логику, было не чѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ глубокаго страданія чувственности при совершаемомъ надъ нею насиліи. Эта глубоко отмѣченная на физіономіи среднихъ вѣковъ черта страданія, обусловленнаго міроотрицаніемъ, являлась въ народной исторіи отраженіемъ образа умирающаго на крестѣ Искупителя, въ Которомъ средніе вѣка видѣли идеальный образецъ человѣческой жизни. Эта характерная черта страданія чувства, отрицаемаго религіозной идеей церкви, превращала міродержавное средневѣковое царство Божіе въ картину страстей Господнихъ» (Эйкенъ, 306—7).

Духовный деспотизмъ церкви давилъ на всю средневѣковую жизнь, набрасывая своеобразную церковно-аскетическую пелену на всѣ ея области. Главное, съ чѣмъ онъ не мирился и не хотѣлъ мириться, съ чѣмъ ожесточеннѣе всего боролся, это—столь намъ привычное раздѣленіе жизни на церковную и свѣтскую. Средневѣковая церковь принципіально не хотѣла допустить ничего свѣтскаго, т.-е. ей чуждаго или ей непокорнаго. Какъ замѣчаетъ Эйкенъ, «религіозный духъ среднихъ вѣковъ безусловно отрицалъ всю свѣтскую культуру, ставя на ея мѣсто божественныя установленія церкви. По своей идеѣ церковь не была,—какъ она утверждала, не сознавая собственныхъ своихъ цѣлей,—опорой свѣтскаго образованія и государственнаго правового порядка, но скорѣе принципіальной противницей ихъ. Существованіе государства и семьи, свѣтскаго искусства и науки было обезпечено лишь настолько, насколько имъ удавалось оградить себя отъ религіозной идеи церкви. Разрушеніе существующихъ свѣтскихъ учрежденій и возстановленіе общества по прообразу идеальнаго

царства Божія,—такова основная черта средневѣковой культуры, правильно повторяющаяся во всѣхъ ея областяхъ. Средневѣковая культура создала грандіозную, охватывающую всѣ отношенія систему, основная мысль которой, христіанская идея объ искупленіи, была послѣдовательно проведена даже въ мельчайшихъ событіяхъ жизни человѣка. Изъ этой мысли были выведены всѣ отношенія средневѣковья. Вся область культуры была превращена въ царство Божіе на землѣ, въ аллегорическое изображеніе царства небеснаго... Церковь была положительной цѣнностью, обезпечивавшей мысленный образъ сверхчувственнаго міра. Идея царствія Божія означала не что иное, какъ всемірную власть церкви. Такимъ образомъ, средневѣковье, съ одной стороны, стремясь отрѣшиться отъ міра, съ другой—постоянно къ нему возвращалось. Отрицаніе міра было равнозначуще съ передачей церкви всей свѣтской власти, и міровая власть церкви сдѣлалась центральнымъ пунктомъ всей религіозной системы. Евангеліе любви, со времени возникновенія церкви, превратилось въ ученіе о господствѣ и насиліи... Идея отрицанія міра сама стала источникомъ «обмірщенія» церкви. Чѣмъ упорнѣе религіозный духъ старался бѣжать отъ міра, тѣмъ глубже ему приходилось погружаться въ мірскую суету. Отрицаніе міра съ одной стороны обусловливало равносильное утвержденіе—съ другой. Чрезъ посредство Евангелія нищеты церковь пріобрѣла неисчислимыя богатства; своимъ отрицаніемъ половой чувственности она превратила религіозную метафизику въ систему грубѣйшихъ чувственныхъ представленій; Евангеліе смиренія помогло церкви сдѣлаться величайшимъ и сильнѣйшимъ государствомъ своего времени. Въ этомъ внутреннемъ разложеніи сверхчувственнаго царства Божія заключалось трагическое противорѣчіе средневѣковой исторіи развитія» (Эйкенъ, стр. 656—7).

Идеалъ католической теократіи основанъ на измѣнѣ завѣту Христа. Она впала въ то искушеніе, которое отвергнуто было Христомъ въ пустынѣ, взявъ мечъ для созиданія царствія Божія, и именно не для какихъ-нибудь внѣшнихъ, земныхъ и преходящихъ цѣлей, но для водворенія святости въ людяхъ. Насильственная святость, дилемма: послушаніе церкви или костеръ,—таково было міровоззрѣніе сильнѣйшихъ людей этой эпохи, духъ которой такъ синтетически, съ такимъ поразительнымъ религіознымъ и историческимъ ясновидѣніемъ воспроизведенъ Достоевскимъ въ «Великомъ инквизиторѣ». Про папу Григорія VII, одного изъ величайшихъ представителей средневѣковой теократіи *), его современникъ (Петръ Даміани) однажды употребилъ вѣщее, заставляющее содрогнуться выраженіе: *«святой сатана»*. Святой сатана! Это одно изъ тѣхъ лапидарныхъ выраженій, которыя характеризуютъ цѣлыя эпохи: и святость, и сатанизмъ одинаково свойственны средневѣковью. Характерно, что самые крупные люди эпохи, ея «герои»

*) Ср. о немъ изслѣдованіе проф. кн. *Е. Н. Трубецкого*: „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ“. Идея Божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII etc. Кіевъ, 1897 г.

въ Карлейлевскомъ смыслѣ слова, принципіально стоятъ на точкѣ зрѣнія этого «святого сатанинства». О Григоріи VII читаемъ: «Онъ желалъ господства церкви, но не изъ личнаго властолюбія, а изъ горячаго рвенія къ божественной идеѣ, выраженной въ церкви и въ его служеніи. Не личный произволъ, а логическое требованіе системы было путеводною нитью его плановъ мірового господства. «Жизнь и ученіе его были не въ разладѣ одна съ другой,—говоритъ о Григоріи героическая поэма Роберта Вискарда. «Онъ отличался во всѣхъ добродѣтеляхъ и горѣлъ ревностью къ Богу», замѣчаетъ Ламбертъ фонъ-Герсфельдъ. Эта ревность о Богѣ заставила его въ 1073 году, когда онъ предвидѣлъ несогласія съ Генрихомъ IV, написать въ письмѣ къ герцогу лотарингскому Готфриду младшему слова пророка Іереміи: «проклятъ человѣкъ, кто удерживаетъ мечъ Его отъ крови». Затѣмъ онъ повергъ христіанскія государства и въ особенности нѣмецкую имперію въ безконечныя замѣшательства и опустошительныя войны, чтобы на развалинахъ міра водрузить крестъ и установить миръ царства Божія». Подобный же типъ искренней преданности идеѣ царства Божія путемъ власти церкви представляетъ и Норбертъ, основатель ордена Премонстрантовъ, и Бернардъ Клервосскій, который училъ: «быть убитымъ или убивать ради Христа не есть преступленіе, а напротивъ—величайшая слава». «Смертью язычниковъ прославляется христіанинъ, потому что ею прославляется Христосъ». Эта безсознательная хула на Христа въ устахъ святого средневѣковой церкви лучше всего характеризуетъ ея міровоззрѣніе. Цицтерціанскій аббатъ Арно, руководившій истребительными альбигойскими войнами, доносилъ папѣ Иннокентію III о взятіи города Безье: «Наши не щадили ни пола, ни званія; около 20,000 человѣкъ убили они мечомъ. Ужасное смятеніе произошло между врагами; весь городъ разграбленъ и сожженъ. Чудеснымъ образомъ истребилъ его карающій судъ Божій». Монахъ Петръ Во-Сернейскій въ томъ же духѣ описывалъ событія альбигойской войны: послѣ взятія города Лаворъ въ 1211 году солдаты крестоноснаго войска «съ чрезвычайной радостью сожгли безчисленное количество еретиковъ». При овладѣніи другимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ епископы, по крайней мѣрѣ, сначала сдѣлали попытку обращенія, такъ какъ крѣпость не была взята приступомъ, а сдавалась на условія. Но такъ какъ эта попытка осталась безъ результата, то солдаты бросились на еретиковъ и сожгли ихъ «съ необычайной радостью». Позднѣе, въ тридцатыхъ годахъ XIII в., доминиканскіе монахи ходили по сѣверо-германскимъ странамъ и проповѣдывали истребительную войну противъ стединговъ, причемъ они истреблялись такъ же, какъ альбигойцы. Ужаснымъ воплощеніемъ «святого сатаны» является епископъ Конрадъ Марбургскій, настоящій типъ «Великаго инквизитора», павшій отъ руки убійцы, послѣ чего, по словамъ хроники, «люди вздохнули опять радостно и весело».

Указанная отличительная черта міровоззрѣнія церкви, то именно, что она считала совершенно соотвѣтствующимъ христіанству давать ему мнимое

торжество огнемъ и мечомъ, это присутствіе въ ней духа великаго инквизитора или «святого сатаны», приводили ее къ неизбѣжному столкновенію съ государствомъ. И дѣйствительно, пререканія съ нимъ изъ-за власти, споры о томъ, въ чьихъ рукахъ долженъ находиться мечъ, наполняютъ средневѣковье, пока вопросъ этотъ не получаетъ окончательнаго и авторитетнаго разрѣшенія въ буллѣ Бонифація III отъ 1302 года, которая постановляетъ: «оба меча находятся во власти церкви, духовный и свѣтскій; одинъ употребляется для церкви, а другой—самой церковью; одинъ священствомъ, другой королями и воинами, но по волѣ и усмотрѣнію священства». Вооруженіе церкви бронею, латами и мечомъ сдѣлалось, такимъ образомъ, догматомъ католической вѣры.

Въ своей борьбѣ съ государствомъ церковь стремится подорвать его принципіальныя основанія, его унизить и дискредитировать. Любопытна эта аргументація, складывающаяся въ своеобразный іерократическій анархизмъ, остріе котораго обращено въ сторону свѣтскаго безбожнаго, неосвященнаго государства. Каково право государства на существованіе или, такъ какъ государство есть источникъ положительнаго права, каково право права (ius iuris)? Религіозная метафизика среднихъ вѣковъ видѣла причину происхожденія государства единственно въ грѣховной природѣ человѣка, ему не было мѣста въ блаженномъ первобытномъ состояніи. «Въ силу грѣха одинъ человѣкъ властвуетъ надъ другимъ, по закону же Божію человѣкъ имѣетъ власть надъ рыбами морскими и птицами небесными», замѣтилъ архіепископъ Миланскій въ привѣтствіи, сказанномъ императору Фридриху I. Папа Григорій VII происхожденіе государства выводилъ прямо отъ дьявола. «Кто не знаетъ,—писалъ онъ епископу мецскому въ 1081 году,—что короли и князья происходятъ отъ тѣхъ, которые не знаютъ Бога, а въ слѣпой алчности и нестерпимой дерзости стремятся повелѣвать себѣ подобными посредствомъ высокомѣрія, насилія, вѣроломства, убійства, вообще почти всевозможныхъ преступленій, при содѣйствіи дьявола, какъ князя міра сего». Иннокентій IV въ письмѣ къ императору высказался такъ относительно происхожденія государства: «Тираннію, беззаконную и непрочную власть, которая ранѣе дѣйствовала повсюду въ мірѣ, Константинъ сложилъ въ руки церкви и то, чѣмъ онъ ранѣе обладалъ и пользовался несправедливо, получилъ теперь изъ настоящаго источника въ видѣ почетнаго дара». По мнѣнію Аварія Пелагія, «только нечестивые люди устроили при началѣ міра мірское государство, почему до потопа первымъ владыкой между людьми былъ Каинъ; послѣ же потопа тѣ, кто п вые получили мірское управленіе, происходили изъ проклятаго племени х овъ» (Эйкенъ, стр. 316—317). Таково было отношеніе церкви къ гос арству, не лучше оно было и къ государямъ. Іоаннъ Салисбюрійскій н ываетъ свѣтскихъ князей слугами священства, «которые должны испол и ъ часть священныхъ обязанностей, недостойную того, чтобы къ ней п ложены были руки священника». Умершій въ 1137 году картезіанскій п оръ Гвицо Гренобльскій писалъ: «образъ дѣйствій королей и князей

таковъ, что они хотятъ возвеличиться не чрезъ собственное улучшеніе, а чрезъ вредъ, наносимый другимъ людямъ, и ихъ униженіе». Папа Иннокентій IV называлъ Фридриха II «дракономъ», а прочихъ королей—«змѣями». Подобное же отношеніе проявлялось и въ художественной литературѣ.

Любопытно, что въ средніе вѣка мы встрѣчаемъ уже и теорію договорнаго происхожденія государства, имѣвшую такое революціонное примѣненіе въ XVIII вѣкѣ. Тогда она примѣнялась естественно, чтобы лишній разъ опорочить и дискредитировать государство. «Знай,—говорилъ въ 1158 году архіепископъ миланскій императору Фридриху I,—что всякое право народа на законодательство передано тебѣ. Твоя воля есть право, какъ сказано: quod principi placuit, legis habet vigorem, ибо народъ перенесъ на него все свое господство и всю свою власть». Изъ этого положенія дѣлались иногда такіе же выводы, какъ и въ XVIII вѣкѣ. «Не ясно ли,—спрашивалъ Мансгольдъ фонъ-Лаутербахъ,—что справедливо отнять возложенное званіе и освободить народъ отъ подчиненія тому, кто самъ раньше нарушилъ договоръ, которымъ онъ былъ возведенъ въ это званіе». Отсюда же дѣлался и другой, болѣе характеризующій эпоху выводъ, именно, что «оба, и королевская власть, и священство, какъ говорилъ Иннокентій IV, существуютъ въ народѣ Божьемъ, священство по божескому призванію, а королевская власть по человѣческому принужденію».

Исходя изъ такого представленія о различной природѣ церкви и государства, представители церкви стремились послѣдовательно провести разграниченіе этихъ сферъ. Вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства ставился и въ средніе вѣка, но получалъ практическое разрѣшеніе во внѣшнемъ подчиненіи государства власти церкви въ лицѣ папы. Григорій VII неоднократно заявлялъ, ссылаясь на свидѣтельство древней церкви, что «свобода» церкви является цѣлью его стремленій. Однако «во имя этой свободы оправдывались всѣ вторженія церкви въ сферу свѣтскихъ властей. Ради «свободы церкви» Иннокентій IV предписалъ низложеніе Фридриха II и назначеніе новаго короля и, наконецъ, проповѣдалъ крестовый походъ противъ Штауфеновъ. Даже жестокія преслѣдованія еретиковъ должны были служить для возстановленія «церковной свободы», какъ объяснялъ папа Григорій IX въ буллахъ, изданныхъ въ 1233 и 1239 годахъ» (Эйкенъ, стр. 331).

Церковь стремилась къ тому, чтобы изъять изъ сферы вліянія неуважаемаго, даже презираемаго государства не только церковныя дѣла, но и всѣ вообще задачи, кромѣ внутренней и внѣшней защиты. Теорія государства-будочника, которую высмѣивалъ и опровергалъ Ф. Лассаль въ своей полемикѣ съ прусскими либералами, также зародилась въ средніе вѣка. «Всѣ идеальныя культурныя задачи, наука и искусство, и способствующія ихъ изученію школы были всецѣло переданы въ руки церкви. Затѣмъ государство было устранено отъ всей области благотворительности, отъ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ, такъ какъ предполагалось,

что дѣла милосердной любви прежде всего касаются церкви. Точно такъ же отнесены были къ вѣдѣнію церкви всѣ тѣ отдѣлы гражданскаго и уголовнаго права, которые, такъ или иначе, прямо или косвенно, затрагивали интересы будущей жизни. Во всякомъ случаѣ церковь имѣла или, по крайней мѣрѣ, предъявляла право на юрисдикцію въ дѣлахъ объ опекѣ и завѣщаніяхъ, въ спорахъ о десятинѣ и патронатѣ, ея суду подлежали дѣла о такихъ преступленіяхъ, какъ богохульство, святотатство, нарушеніе святости брака и т. п. Призывъ на военную службу и веденіе войны, монетная регалія, взиманіе податей и пошлинъ, ограниченное верховное право суда и полицейская власть составляли все содержаніе средневѣковаго государства» (Эйкенъ, стр. 328).

Принизивъ государство въ его функціяхъ, церковь хотѣла удержать за собой верховный суверенитетъ надъ нимъ и, сообразно своимъ потребностямъ, возводить на тронъ или сводить съ него императоровъ, отнимать первенствующее положеніе у одной націи и передавать другой. Власть папы, всякая, въ томъ числѣ и земная, была, какъ учила «Естественная теологія» Раймунда Сабундскаго, «безпредѣльна, безгранична и безмѣрна». Естественно, государство не могло безъ боя подчиниться безмѣрности этихъ притязаній. Тяжба между церковной организаціей и государственной изъ-за прерогативъ ведется на протяженіи всей средневѣковой да и новѣйшей исторіи, и послѣдніе акты ея разыгрываются на нашихъ глазахъ въ формѣ окончательнаго отдѣленія церкви отъ государства во Франціи. Клерикализація государства въ средніе вѣка съ необходимостью уступаетъ мѣсто лаицизаціи его въ новое время. Но и до сихъ поръ живы еще въ Римѣ и связанныхъ съ нимъ странахъ средневѣковыя представленія о принадлежности обоихъ мечей церковной власти, и не умерли еще мечты о реставраціи порядка, надъ которымъ исторія навсегда сдѣлала уже неизгладимую надпись: мене, текелъ, фаресъ.

Какъ мы сказали, аскетическая метафизика церкви въ связи съ ея стремленіемъ распространить свою власть и авторитетъ на всѣ области жизни приводила къ общему параличу, состоянію придавленности, подъ которой скрывалась борьба бунтующей, внутренно не побѣжденной, а только внѣшне покоряемой стихіи противъ властной опеки. Аскетизмъ накладываетъ свою печать и на хозяйственную дѣятельность среднихъ вѣковъ и на отношеніе церкви къ матеріальной культурѣ. Въ отношеніи къ матеріальной культурѣ была усвоена точка зрѣнія религіозной педагогіи, притомъ, что̀ самое здѣсь характерное, въ ея исключительно индивидуалистической постановкѣ, въ которую совершенно не вмѣшалась проблема о роли матеріальной культуры и роста народнаго богатства какъ необходимаго условія развитія всемірной исторіи (а слѣдовательно, и наступленія царства Божія). Экономическіе вопросы разсматривались только въ связи съ личной моральной тренировкой. Благодаря своему морализму, церковь вносила большую принципіальную строгость въ оцѣнку экономическихъ отношеній. Такъ, напрам., за много вѣковъ до всякой соціалистической

критики капитала церковь была непримиримой противницей процента на капиталъ и боролась съ нимъ законодательнымъ путемъ, а также принципіально отрицала частную собственность и накопленіе богатствъ въ частныхъ рукахъ (даже формула Прудона была почти дословно высказана Гейстербахомъ въ его гомиліяхъ: «всякій богатый есть или воръ или наслѣдникъ вора»). Вообще въ темную и чаще всего внѣнравственную и обычно безнравственную область экономическихъ отношеній церковь вноситъ нравственное начало, проповѣдуя воздержаніе, умѣренность, человѣколюбіе. Но въ то же время вслѣдствіе того же морализма, напоминающаго здѣсь толстовство, церковь являлась силой не только консервативной, но и реакціонной; стремясь удержать на вѣчныя времена примитивной натурально-хозяйственный строй и не открывая возможности экономическому прогрессу, стихійно необходимому, она обрекала себя тѣмъ самымъ на то, что эта стихія прорвется вопреки ея воли и внѣ ея вліянія. Индивидуалистическій аскетизмъ недостаточенъ для установленія охватывающаго принципіальнаго отношенія къ народному хозяйству, которое представляетъ собой процессъ общественный, имѣющій свои сверхъиндивидуальные законы и тѣмъ самымъ налагающій свою печать и на индивидуальную мораль и дѣятельность.

Аскетическая метафизика церкви оказывала сильное вліяніе и на другую могучую стихію жизни,—на половую любовь. Излишне говорить, что цѣломудріе было здѣсь высшей добродѣтелью, бракъ только терпимымъ, а единственно допустимой любовью была—трансцендентная, къ небесному Жениху или къ Мадоннѣ, которая получала иногда чувственный оттѣнокъ. Конечно, церкви никогда не удавалось одержать полную побѣду въ этомъ отношеніи и искоренить земную любовь, но она создала духовную атмосферу, полную своеобразныхъ эротически-аскетическихъ переживаній. Вопросы эти тѣсно связаны съ метафизикой пола и, хотя эта сторона среднихъ вѣковъ представляется одной изъ самыхъ любопытныхъ, мы не станемъ останавливаться сейчасъ на ней, боясь въ бѣгломъ журнальномъ очеркѣ касаться этого важнаго, труднаго и все еще темнаго вопроса.

Аскетическое отрицаніе міра и самостоятельной цѣнности его интересовъ выражалось и въ отношеніи церкви ко всей духовной культурѣ, т.-е. къ наукѣ, искусству. Все это признавалось и допускалось лишь постольку, поскольку получало освященіе церкви, находилось въ ея оградѣ, отвѣчало тѣмъ или инымъ нуждамъ церкви. Къ духовной культурѣ существовало только утилитарное отношеніе, какъ къ средству для цѣлей церкви, но не какъ къ самостоятельной цѣнности. Эта область, которую покорить было въ своемъ родѣ еще труднѣе чѣмъ государство, казалась внушающей наиболѣе подозрѣній и опасеній. Существовала цѣлая культура, сложившаяся внѣ всякаго вліянія церкви и потому ей чуждая, это—античный міръ. И античной культурѣ была объявлена война, она была взята подъ запретъ, пріобщеніе къ ней допускалось тоже только по тѣмъ же утилитарнымъ соображеніямъ, поскольку оттуда можно было заимство

вать апологетическое орудіе. Фома Аквинскій называлъ стремленіе къ познанію вещей грѣхомъ, поскольку оно не имѣло въ виду конечной цѣли всякаго познанія, т.-е. познанія Бога. Рожеръ Бэконъ утверждалъ, что наука, которая не имѣла связи съ христіанскимъ вѣроученіемъ, «вела къ адскому мраку» (Эйкенъ, стр. 524). Политика церкви, направленная къ осуществленію этихъ требованій, приводила къ настоящему обскурантизму, наприм., рядъ соборовъ воспрещаетъ духовенству изученіе юриспруденціи и медицины. Философіи, естественно, отводилась только служебная роль при богословіи. Историческая наука тоже служила этой задачѣ. Любопытно отмѣтить, что величайшая идея XIX вѣка—идея эволюціи и даже прогресса, свойственна была средневѣковой исторіографіи. «Средневѣковая исторіографія смотрѣла на божіе государство римской церкви какъ на цѣль человѣческаго развитія, въ которой исторія всѣхъ народовъ находила свое единство. Въ послѣдовательности народовъ во времени оно видѣло постоянное приближеніе къ этой всеобщей цѣли. Такимъ образомъ, историческая наука, разсматривая судьбы народовъ съ точки зрѣнія христіанскаго государства божія, усвоила себѣ понятіе развитія. Изложеніе прогрессивнаго развитія государства божія представляло собой средневѣковую философію исторіи» (Эйкенъ, стр. 569).

Аналогично было вліяніе церкви и на лирическую и драматическую поэзію. Относительно первой можно отмѣтить гоненіе народной пѣсни и свѣтскихъ сюжетовъ, хотя это гоненіе и не достигало цѣли и не въ силахъ было искоренить свѣтскую поэзію. «Монашество было одновременно и творцомъ поэзіи и предметомъ ея. Религіозныя пѣсни, легендарные разсказы и единичные драматическіе опыты, за немногими исключеніями, вышли изъ монастырскихъ келій. Въ продолженіе приблизительно трехъ вѣковъ, начиная съ IX и до половины XII столѣтія, монастырь почти совсѣмъ поработилъ себѣ поэтическую литературу. Въ этотъ промежутокъ времени литература, въ сущности, была не чѣмъ инымъ, какъ прославленіемъ религіозной метафизики и духовнаго призванія. Понятіе прекраснаго и идеальнаго сливались воедино съ понятіемъ церковной святости» (Эйкенъ, стр. 621). Что касается эпической и драматической поэзіи (церковныя мистеріи), то содержаніе и темы ихъ были тоже узко церковными. «Рожденіе, страданіе и смерть, воскресеніе и вознесеніе Христа, земная жизнь и страданія Богородицы, а также мученичество святыхъ были источникомъ, изъ котораго черпала свои сюжеты драматическая поэзія» (Эйкенъ, стр. 611). Вообще къ поэзіи предъявлялось требованіе, чтобы она была не столько ..лигіозной по своему внутреннему настроенію, сколько *тенденціозной* по .бору темъ, сюжетовъ и обработки, и только контрабандой, въ противо.йствіи церкви, могла развиться свѣтская, свободная поэзія.

Въ области изобразительныхъ искусствъ мы наблюдаемъ тѣ же аскетическія начала. Средніе вѣка не хотѣли признавать красоты, отдѣленной . святости въ церковномъ смыслѣ, красоты человѣческой плоти. «Когда .овѣкъ находитъ удовольствіе въ красотѣ тѣла,—говоритъ Бернардъ

Клервосскій,—то сердце его удаляется отъ любви къ Создателю. Чѣмъ больше мы услаждаемся внѣшними формами тѣла, тѣмъ больше удаляемся отъ сверхчувственной любви». Соотвѣтственно этому даже и внѣшній образъ Христа былъ отрицаніемъ внѣшней красоты, и черта эта съ теченіемъ среднихъ вѣковъ все усиливается: «начнемъ съ XIII столѣтія, съ развитіемъ готическаго искусства, предметомъ художественнаго изображенія становится Спаситель, насильственно замученный міромъ до смерти». Атрибуты истязаній и признаки страданій намѣренно подчеркиваются. Правда, одновременно съ этимъ искусство изображало Марію какъ прекраснѣйшій образъ женщины, но это лишь чтобы оттѣнить незапятнанность ея вліяніемъ міра и грѣха. Отличительной чертой средневѣкового искусства является также то, что характеръ индивидуальности совершенно стирался и исчезалъ въ изображеніяхъ фигуръ, оно знало только типизированные или стилизованные образы.

Наконецъ, въ архитектурѣ аскетическое міровоззрѣніе отразилось наряду съ пренебреженіемъ къ устройству частныхъ жилищъ, въ созданіи храмовъ, этихъ вѣчныхъ памятниковъ средневѣковаго благочестія, остающихся непревзойденными по напряженности вдохновенія новымъ временемъ со всей его строительной техникой. «Отрицаніе матеріальныхъ условій въ стилѣ и техникѣ было руководящей идеей строительнаго искусства. Своими пространственными пропорціями и своей системой оно достигло того, что казалось, будто оно побѣдоносно преодолѣло земную тяжеловѣсность матеріи. Тотъ же стремящійся освободиться отъ всѣхъ земныхъ условій духъ, который проявляется въ стилѣ, выступаетъ и въ техникѣ. Готическое искусство распоряжалось своимъ матеріаломъ такимъ способомъ, который совершенно противенъ природѣ этого матеріала: филигранная работа башенъ, пронизанныя отверстіями стѣны галерей и тонкая работа оконныхъ колонокъ скорѣе соотвѣтствовали бы природѣ дерева или металла, чѣмъ грубаго каменнаго матеріала» (Эйкенъ, стр. 647).

Вся средневѣковая церковь есть этотъ порывъ летѣть вверхъ, превративъ камень и свинецъ въ легкія крылья, но ихъ тяжесть давитъ къ землѣ и противится гордому замыслу. И въ этомъ трагедія, серьезная, глубокая, непоправимая, кладущая свою печать на эту эпоху. Она была обречена на внутреннюю борьбу съ обмірщеніемъ, обезсиливавшимъ ея зиждущую энергію, и на внѣшнюю борьбу съ бунтующей плотью и матеріей, которая, какъ придавленная спираль или сжатый паръ, развивала противодѣйствіе, тѣмъ большее, чѣмъ больше было давленіе. Поэтому «міръ, представлявшій собой аллегорическое изображеніе іерархическаго царства Божія, оставался недоконченнымъ произведеніемъ возвышеннаго стиля». Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ исторіи назрѣлъ идейный протестъ и отрицаніе самой теократической идеи. Теократическому идеалу церкви противопоставленъ былъ идеалъ свободной личности и свободной религіозной совѣсти. Гуманизмъ и реформація открываютъ новую эпоху, въ которой мы живемъ теперь. Новое время можно понять именно какъ реакцію противъ среднихъ вѣковъ,

какъ бунтъ противъ ихъ духовнаго деспотизма и насилія, какъ антитезисъ къ тезису, которые, по Гегелю, рефлектируютъ другъ на друга. Средніе вѣка отрицали самостоятельную цѣнность и самобытность культуры и не умѣли опредѣлить своего отношенія къ античной, языческой древности, ко всей вообще до-христіанской и внѣхристіанской культурѣ иначе какъ голымъ отрицаніемъ ихъ, античность была запретнымъ плодомъ. И вотъ первое проявленіе реакціи противъ средневѣковаго міровоззрѣнія есть реставрація античности; открытіе классической древности, возстановленіе универсальной, единой общечеловѣческой традиціи есть первое историческое дѣло эпохи гуманизма. Средніе вѣка относились съ нескрываемымъ презрѣніемъ и принципіальнымъ отрицаніемъ къ правамъ и потребностямъ человѣческой личности какъ таковой, къ натуральному человѣку. Они знали только цѣлое—церковь и членовъ этой церкви, сведенныхъ на роль послушныхъ ея орудій. Реакція противъ средневѣковаго міровоззрѣнія должна была сломать это желѣзное кольцо универсализма, давившее личность, и провозгласить права личности, права натуральнаго человѣка, который въ церкви вовсе не преображался, а только подавлялся. Это было вторымъ и главнымъ дѣломъ гуманизма. Какъ замѣчаетъ признанный историкъ итальянскаго ренессанса Яковъ Бурхартъ, въ эпоху гуманизма родился современный человѣкъ и, слѣдовательно, зародился современный индивидуализмъ. Мнѣ кажется вообще, что по существу дѣла гуманизмомъ должна называться не только опредѣленная эпоха ренессанса, но вся новая исторія, ибо это названіе, въ противоположность средневѣковому теократизму, лучше всего выражаетъ ея историческую сущность, и ея задачи, и ея односторонность.

Конечно, индивидуализмъ зародился не какъ изолированный фактъ сознанія или одно голое признаніе правъ человѣческой личности, натуральнаго человѣка, но вмѣстѣ съ нимъ и всей его жизненной обстановки какъ внѣшней, такъ и внутренней. Русскій историкъ гуманизма, покойный профессоръ М. С. Корелинъ, указываетъ слѣдующія черты, характеризующія гуманистическій индивидуализмъ: «во-первыхъ, интересъ человѣка къ себѣ самому, къ своему внутреннему міру; во-вторыхъ, интересъ во внѣшнемъ мірѣ преимущественно къ другому человѣку; въ-третьихъ, убѣжденіе въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ; въ-четвертыхъ, интересъ къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка» *).

Гуманизмъ и возрожденіе явились фактическимъ протестомъ и отрицаніемъ средневѣковаго аскетическаго теократизма. Поскольку однако религія оставалась живой исторической силой и церковь сохраняла свой религіозный авторитетъ, требовалось еще и религіозное оправданіе совершившагося факта, и религіозный протестъ противъ ученія и практики церкви.

---

*) „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія". Критическое изслѣдованіе Михаила Корелина. Москва, 1892 г. Томъ II, стр. 1061.

Эту религіозную оболочку требованій гуманистическаго индивидуализма дала реформація, которая, съ одной стороны, притязаніямъ церковнаго универсализма противопоставила права вѣрующей, религіозной личности, находящія обоснованіе въ догматическомъ ученіи объ оправданіи вѣрой и въ критикѣ церковнаго ученія о таинствахъ и іерархіи. Съ другой стороны, реформація религіозно оправдывала ту секуляризацію культуры, которая началась уже въ гуманистическомъ движеніи. Реформація не только содержала въ себѣ отрицаніе метафизики аскетизма, но и вообще низводила роль церкви, которую считала простымъ обществомъ вѣрующихъ, до положенія *одного изъ многихъ* институтовъ или факторовъ исторической жизни, принципіально отрицая самую задачу церкви охватить въ себѣ *всѣ* стороны жизни и тѣмъ пролагая путь уединенному піэтизму, соединяющемуся съ мѣщанствомъ жизни. Эйкенъ совершенно справедливо указываетъ это значеніе реформаціи. «Аскетическая церковная мораль, которая выводила изъ грѣховнаго начала государство, бракъ, собственность и прибыль, была побѣждена (?) реформаторскимъ ученіемъ объ оправданіи. Послѣднее не ставило религіозныя вѣрованія и заботу о спасеніи души въ противорѣчіе съ мірскими дѣлами, какъ римская церковь, но смотрѣла на нихъ, какъ на настоящую практическую область дѣйствія вѣры. Ученіе реформаціи признавало государство за непосредственное божественное установленіе, а не такое, которое обусловлено посредничествомъ церкви... Реформаторъ смотрѣлъ на экономическій трудъ не какъ на учрежденіе, нужное только въ виду грѣховности человѣческой природы и препятствующее состоянію христіанскаго совершенства, но какъ на условіе, совершенно необходимое для установленія права человѣка на существованіе. Религіозное назиданіе и земная дѣятельность были для него неразрывно связанными задачами человѣка...

Поэтому реформація отдѣлила отъ церкви всю область гражданскаго порядка жизни, государство, семью и хозяйственную политику, согласно съ ихъ правовой природой и предоставила ихъ собственному направленію. Апологія аугсбургскаго исповѣданія высказалась по этому вопросу въ слѣдующихъ словахъ: «весь этотъ пунктъ о различіи царства Христова и царства гражданскаго съ пользой истолкованъ въ сочиненіяхъ нашихъ писателей въ томъ смыслѣ, что царство Христово духовно, т.-е. даетъ въ сердцѣ начало познанія Бога, страха Божія и вѣры, вѣчной справедливости и вѣчной жизни, тогда какъ во внѣшней жизни оно предоставляетъ намъ пользоваться существующимъ у разныхъ народовъ законнымъ и государственнымъ порядкомъ, подъ дѣйствіемъ котораго мы живемъ, точно также, какъ предоставляетъ намъ пользоваться врачебнымъ искусствомъ, строительнымъ искусствомъ, ѣдой, питьемъ и удовольствіями» (Libri Symbolici ecclesiae Lutheranae). Слѣдовательно, реформація распространяла кругъ своего дѣйствія столько же на государство, семью, хозяйственныя занятія, сколько и на религіозныя вѣрованія. Лютеръ былъ реформаторомъ первыхъ не менѣе чѣмъ и послѣднихъ» (Эйкенъ, 709, 713—14).

Реформація признала церковь лишь одной изъ многихъ сторонъ чело-

вѣческой жизни, гуманизмъ же въ крайнихъ его проявленіяхъ, особенно въ новѣйшее время, не прочь вовсе ее устранить съ исторической арены. И вотъ величественный, къ небу стремящійся соборъ, въ средніе вѣка господствовавшій надъ лѣпившимися кругомъ его бѣдными, жалкими и ничтожными постройками, бывшій единственнымъ зданіемъ въ городѣ, начинаетъ въ теченіе новой исторіи обстраиваться новыми и чуждыми сооруженіями, которыя обступаютъ его, все болѣе тѣснятъ, иногда закрываютъ отъ глазъ и фактически превращаютъ изъ единственнаго лишь въ одно изъ многихъ зданій города, согласно идеямъ реформаціи, зданіе притомъ иногда запечатанное и нефункціонирующее (какъ въ эпоху великой французской революціи), согласно стремленіямъ уже объязычившагося гуманизма. Средневѣковый соборъ, не видѣвшій себѣ соперника и представлявшій собой не только домъ молитвы, но и залъ собраній, театръ (мистерій), судъ, академію и т. п., обступили теперь дворцы свѣтскихъ государей, музеи, съ коллекціями статуй языческой древности и новѣйшихъ произведеній искусства, театры, университеты, фабрики, биржи труда, закладываются уже будущіе соціалистическіе фаланстеры. Въ числѣ другихъ «достопримѣчательностей» туристы осматриваютъ и эти соборы. Въ этой картинѣ города символически выразилась вся огромная перемѣна, происшедшая въ сознаніи историческаго человѣчества въ теченіе новаго времени. Истинными духовными зодчими новаго времени были, безъ сомнѣнія, боровшіеся съ средневѣковой церковью гуманисты и реформаторы съ Лютеромъ во главѣ, и новѣйшая исторія только развиваетъ и воплощаетъ ихъ идеалы. Изъ зерна, брошеннаго ими, разрослось многовѣтвистое дерево...

Средніе вѣка и новое время настолько противоположны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько схожи между собой, какъ вогнутость и выпуклость одного и того же рельефа, разсматриваемаго съ двухъ сторонъ. Средніе вѣка знали только божественное начало въ жизни, которая, какъ процессъ богочеловѣческій, должна быть совокупнымъ и свободнымъ взаимодѣйствіемъ божественнаго и человѣческаго начала; стремясь во имя этого божественнаго начала задавить человѣческое начало и его свободу, они впадали въ святой сатанизмъ, въ хулу на Духа Святого (ибо «гдѣ духъ Господенъ, тамъ свобода»). Напротивъ, новое время, въ своей односторонней реакціи противъ средневѣковья, склонно совсѣмъ забыть о божественномъ началѣ, всецѣло поглощенное развитіемъ человѣчности, стихіи гуманистической, и стоитъ на границѣ безбожія, практически неудержимо переходящаго въ языческое многобожіе и идолопоклонство (ибо религіозная природа не терпитъ пустоты, и въ этомъ смыслѣ можно повторить многозначное и загадочное выраженіе, которое древность приписывала Фалесу Милетскому: πάντα πλήρη θεῶν, и, откуда удаляется духъ Божій, туда являются злые духи). Средневѣковье признавало безземное небо и только мирилось, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, съ землей; новое время знаетъ, главнымъ образомъ, землю, и только для частнаго, личнаго употребленія, какъ бы по праздникамъ въ домѣ, вспоминаетъ небо. Средневѣковье высшими идеалами выставляло мо-

папеское послушаніе, знакъ добровольнаго раба во имя креста Христова, новое время написало на знамени человѣческую свободу и ея утвержденіе въ исторіи, свободное творчество культуры, для котораго нѣтъ границъ или законовъ, кромѣ самого человѣка. Средневѣковая церковь хотѣла быть всѣмъ, отрицая и подавляя это все, хотѣла быть положительнымъ всеединствомъ, отрицая въ то же время всякую множественность. Поэтому она фактически становилась *единствомъ пустоты*, дурнымъ, формальнымъ единствомъ,—единящаго безъ единимаго, ибо положительное единство можетъ установляться только свободнымъ единеніемъ, истинной соборностью, но не насильственной дисциплиной клерикализма. Напротивъ, новый, гуманистическій вѣкъ есть *множественность безъ единства*, положительное все, находящееся еще въ процессѣ своего устроенія,—плюрализмъ, который не можетъ остаться окончательнымъ, но долженъ быть сведеннымъ къ монизму въ мысли, чувствѣ, познаніи, жизни,—индивидуализмъ, который жаждетъ побѣдить разлагающее, атомизирующее свое вліяніе, пробуя разныя формы внѣшняго единенія, лживаго подобія истинной соборности, но пока безуспѣшно. Ибо всетаки истинная, единственно возможная соборность, дѣйствительное преодолѣніе, а не одно отрицаніе индивидуализма, достижимо лишь въ церкви, которой только и принадлежитъ поэтому по праву наименованіе единой и соборной, но не въ государствѣ, не въ экономическомъ союзѣ. Смыслъ этой исторической эпохи можетъ быть выраженъ слѣдующими словами Вл. Соловьева, сказанными имъ въ предисловіи къ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ»: «Велика истина и превозмогаетъ! Всеединая премудрость божественная можетъ сказать всѣмъ ложнымъ началамъ, которыя суть всѣ ея порожденія, но въ раздорѣ своемъ стали врагами ея,—она можетъ сказать имъ съ полной увѣренностью: «идите прямо путями вашими, доколѣ не увидите пропасть передъ собой; тогда отречетесь отъ раздора своего и всѣ вернетесь обогащенные опытомъ и сознаніемъ въ общее вамъ отечество, гдѣ для каждаго изъ васъ есть престолъ и вѣнецъ, ибо въ дому Отца Моего обителей много».

Большинство нашихъ современниковъ высокомѣрно относятся къ средневѣковью, какъ къ пережитому и отжитому, внутренно преодолѣнному прошлому. Такъ смотритъ и Эйкенъ, который въ новомъ времени видитъ окончательный синтезъ, слѣдовательно, примиреніе ставившихся въ исторіи противорѣчій путемъ внутренняго ихъ преодолѣнія, послѣднее, заключительное—не въ смыслѣ хронологіи, но въ смыслѣ полноты и внутренней законченности—слово исторіи. Такого отношенія мы на основаніи сказаннаго не можемъ раздѣлять: средніе вѣка остаются отвергнутой и пережитой, но вовсе не изжитой и не преодолѣнной эпохой исторіи, а «новое время» вовсе не есть послѣднее слово историческаго развитія, ибо неполнота его, или его относительность уже ясна для насъ. Мало того, эта историческая эпоха вполнѣ *соотносительна* эпохѣ среднихъ вѣковъ и не можетъ быть правильно понята внѣ этого соотношенія, внѣ взаимнаго рефлектированія тезиса и антитезиса, какъ мы выразились выше. Это сознаніе выяснившейся отно-

сительности и внутренней ограниченности нашей исторической эпохи вовсе не предполагаетъ еще ея фактической, хронологической законченности, наступающей только по достиженіи полной исторической зрѣлости. Путь гуманистической культуры, какъ «отвлеченнаго начала» (въ смыслѣ Вл. Соловьева) долженъ быть пройденъ до конца, и ея соблазны изжиты полностью. Нужно достраивать это зданіе, хотя и понимая уже, что это не высшая форма, не послѣднее слово архитектуры, но, въ извѣстномъ смыслѣ, лишь историческіе лѣса, частью же матеріалъ для окончательнаго строительства. Въ историческомъ развитіи каждое звено діалектической цѣпи представляется равно необходимымъ. Поэтому, можно работать очередную историческую работу, сознавая уже всю ограниченность этихъ историческихъ задачъ и прозрѣвая возможность чего-то совершенно иного, не только количественно, но и качественно новаго. Подобнымъ образомъ, можно и должно теперь въ Россіи работать для освободительнаго движенія, хотя относительность его задачъ даже въ предѣлахъ видимаго историческаго горизонта и достигнутаго уже культурными народами вполнѣ ясна.

Гуманистическая эпоха исторіи человѣчества инстинктивно чувствуетъ эту главную свою слабость,—непобѣжденную множественность, неустроенность своего космоса, и она пытается освободиться отъ нея, установивъ тоже нѣчто вродѣ гуманистической теократіи. Это стремленіе совершенно явственно выразилось въ религіи человѣчества, которую проповѣдывали въ XIX вѣкѣ Л. Фейербахъ *) и О. Контъ, у послѣдняго культъ религіи человѣчества принимаетъ даже и внѣшнее обличье католицизма. «Человѣчество» является обожествляемымъ макрокосмомъ для новаго человѣка, и онъ хватается за это подобіе церкви съ инстинктивной жадностью, лишь бы освободиться отъ гнетущаго и иначе неустранимаго одиночества и отъединенія. Потому религія человѣчества и дѣлаетъ такіе успѣхи именно въ XIX вѣкѣ, какъ наиболѣе поздней и зрѣлой эпохѣ гуманистической культуры. Эта религія получаетъ разныя формы и въ новѣйшее время чаще всего соединяется съ соціалистическими теоріями прогресса. Наибольшее сходство съ церковнымъ объединеніемъ, наиболѣе обманчивый суррогатъ и подобіе церкви находятъ въ современномъ соціалистическомъ католицизмѣ, тоже, подобно средневѣковому католицизму, притязающему, хотя и съ гораздо меньшимъ правомъ и успѣхомъ, всесторонне опредѣлять жизнь своихъ адептовъ и создавать свою особую культуру **). Однако эмпирическое человѣчество, какъ оно существуетъ въ исторіи въ рядѣ смѣняющихся поколѣній, вовсе еще не образуетъ того реальнаго единства, которое ему приписывается в религіяхъ его, оно существуетъ какъ цѣлое только въ абстракціи. Кромѣ т 'о, всякая попытка превратить его въ божество ведетъ къ неустрани- и мъ противорѣчіямъ и просто абсурдамъ ***).

*) Ср. мою работу: „Религія человѣкобожества у Л. Фейербаха". Москва, 1906. И . „Свободная совѣсть".

'*) Ср. нашъ очеркъ „К. Марксъ какъ религіозный типъ" (*Моск. Еженед.*, августъ, 1 .6).

*) Ср. въ сборникѣ „Отъ марксизма къ идеализму", разныя статьи.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ микрокосмомъ, съ человѣческой личностью. Гуманистическая эпоха отличается крайнимъ развитіемъ индивидуализма, она освобождаетъ личность и ее особенно лелѣетъ. Но, утрачивая единство человѣчества, она утрачиваетъ и абсолютное ядро личности, которая низводится на степень эмпирическаго факта, простого узелка въ цѣпи причинности. Попытка возвеличить натуральнаго человѣка, внѣ его отношенія къ Божеству превратить его въ человѣкобога сталкивается, съ одной стороны, съ фактомъ несомнѣннаго присутствія въ немъ и человѣкозвѣря, который разнуздывается этимъ самовозвеличеніемъ, а съ другой, съ опасностью превращенія человѣческой личности уже не въ человѣкобога, а просто въ бога (или самобога), въ «сверхчеловѣка» Ницше или «Единственнаго» Макса Штирнера, для котораго не существуетъ сочеловѣковъ. Маятникъ новѣйшаго индивидуализма неизбѣжно колеблется поэтому между низменной бестіальностью или филистерской пошлостью на одной сторонѣ и маніей величія, разрѣшающейся въ концѣ-концовъ въ вопль истерическаго безсилія—на другой. Одной изъ важнѣйшихъ причинъ къ тому является то, что вѣкъ индивидуализма, культа личности, въ концѣ-концовъ, не имѣетъ безспорнаго идеала личности, а только жаждетъ его. Средневѣковый, церковный идеалъ святости, въ значительной мѣрѣ аскетической, вообще отвергнутъ или утерянъ. Античный идеалъ »калокагатіи», который пытаются иногда сознательно или безсознательно реставрировать, навсегда уже пережило человѣчество, которое не можетъ вычеркнуть изъ своей исторіи ни среднихъ вѣковъ, ни ихъ вотума недовѣрія міру. Непосредственность и наивность античнаго міра утрачены навсегда. Попытки поддѣлки подъ эллинизмъ производятъ такое же впечатлѣніе, какъ яркія румяна, наложенныя на старѣющее лицо. Кризисъ гуманистическаго индивидуализма, сознаніе его безпочвенности, долженъ наступить рано или поздно по мѣрѣ того, какъ дѣлаются попытки нащупать твердую почву, и онъ уже наступилъ или наступаетъ.

Въ новое время исключительное значеніе получило также государство. Оно представляетъ собою, какъ будто, единственную осязательную форму общечеловѣческаго единства. Отсюда понятенъ соблазнъ поставить даже знакъ равенства между человѣческимъ макрокосмомъ и государствомъ въ этотъ соблазнъ впалъ, напр., основной вѣроучитель гуманистическаго соціализма Л. Фейербахъ. Вообще современный соціализмъ въ сущности проводитъ еще дальше, чѣмъ другія ученія, идею спасительности именно государственнаго единенія людей, ибо ставитъ государству новыя сложныя задачи хозяйственнаго характера и ждетъ отъ государственнаго регулированія производства и экономической жизни водворенія гармоніи и мира, вообще дѣйствительнаго объединенія человѣчества. Однако, въ современномъ обществѣ зрѣетъ уже кризисъ и государственности. Все громче заявляется сомнѣніе и въ самомъ правѣ государства на существованіе, т.-е. на примѣненіе системы того организованнаго принужденія, которымъ государство необходимо является, а равно и въ спо-

собности государства къ разрѣшенію предуказуемыхъ для него задачъ. Начинающееся анархическое движеніе есть кризисъ идеи государственнаго единенія людей и насильственнаго ихъ спасенія путемъ государства; если идеалъ насильственнаго спасенія былъ отвергнутъ даже тогда, когда выставлялся отъ имени церкви, въ обличьѣ «святого сатанизма», тѣмъ болѣе трудно утвердить его теперь, когда за него выставляется лишь фактическое самоутвержденіе Левіафана, если и сатанизмъ, то уже безъ всякой святости.

Отличительной чертой всей гуманистической культуры является ея духовная раздробленность; правда, въ этой множественности выражается ея богатство и полнота, но вмѣстѣ и незавершенность. Средніе вѣка выставляли одну общую и единственную святыню, которую хотѣли запечатлѣть во всѣхъ отросляхъ культуры; новое время такой общей святыни не имѣетъ, оно знаетъ много спеціальныхъ цѣнностей, но это суть цѣнности лишь для спеціалистовъ или для спеціальныхъ областей, которыя между собой связи не имѣютъ, и онѣ могутъ даже противорѣчить между собою.

Церковь въ средніе вѣка установляла вполнѣ принципіальное отношеніе, напр., къ хозяйственной жизни, оно опредѣлялось примѣненіемъ къ этой области церковно-аскетическаго идеала. Экономическая жизнь новаго времени подчинена или господству натуральныхъ инстинктовъ или же признаетъ лишь свои, спеціальныя, отнюдь не общечеловѣческія нормы, изъ которыхъ главная: умножай богатство. Но такъ какъ богатство можетъ получать, въ качествѣ средства, совершенно различное значеніе и употребленіе, можетъ служить и крыльями и путами для человѣческаго духа, то на почвѣ его развивается, на-ряду съ истинной культурой, и уродливое, разъѣдающее мѣщанство или же отвратительный, язычествующій гедонизмъ. (Я называю его язычествующимъ, въ противоположность языческому, ибо, какъ замѣчено выше, искреннее, простодушное язычество теперь невозможно).

Въ области духовной культуры наблюдается та же множественность или тотъ же разбродъ. Наука превращается въ науки, въ отдѣльныя спеціальности, все болѣе отчуждающіяся другъ отъ друга *). Въ философіи и искусствѣ существуютъ также взаимно отрицающія и взаимно другъ друга уничтожающія направленія. Однако, умѣстно выразить полную и несомнѣнную увѣренность, что диференціація и разрозненность эти могутъ быть здѣсь только временными и преходящими явленіями. Человѣческій духъ слишкомъ жаждетъ единства, чтобы легко мириться съ своей собственной разорванностью, и идеалъ науки и философіи—цѣльное знаніе, какъ и идеалъ искусства—цѣльное творчество, художественное преображеніе міра и жизни, не померкнутъ въ душѣ человѣка, просвѣщаемой единящимъ Логосомъ, а могутъ только развѣ временно затмиться. Пока же всѣ эти разрозненныя начала идутъ путями своими и должны пройти врозь свой самостоятельный путь до конца.

---

*) Ср. нашъ очеркъ „Подъ знаменемъ университета“ (*Вопр. Фил. и Психол.*, № V).

Итакъ, мы не можемъ признать гуманистическую культуру за высшій продуктъ исторіи, за ея зрѣлый плодъ. Мы разумѣемъ не количественную степень ея развитія,—конечно, она можетъ еще далеко прогрессировать, но качественную недостаточность самыхъ ея основаній, ея внѣрелигіозность и потому разрозненность и безпочвенность. Ея смутное стремленіе къ единству есть стремленіе къ утвержденію религіознаго, божественнаго начала въ жизни, которое было отвергнуто вмѣстѣ съ средневѣковой теократіей. Въ ней, въ этой теократіи, была отвергнута не только ложная и насильственная историческая форма, но и содержавшаяся въ ней хотя бы въ намекѣ глубокая истина, именно, что религія, серьезно понятая и искренно принятая, не можетъ и не должна мириться съ ролью лишь одной изъ сторонъ жизни, гдѣ-нибудь въ уголкѣ, куда отводитъ ее покладистый протестантизмъ, съ положеніемъ приживалки цивилизація, нѣтъ, она неизбѣжно должна стремиться охватить все, вмѣстить и освятить всю жизнь. И формально средніе вѣка были правы въ постановкѣ этой задачи, которую они пытались рѣшать, къ сожалѣнію, негодными и противорѣчащими ей средствами, чѣмъ и вызвали противъ себя реакцію гуманизма, торжество свободнаго и несправедливо угнетеннаго ими человѣческаго начала. Полной истины въ одинаковой степени нѣтъ ни въ средневѣковомъ теократизмѣ, ни въ новѣйшемъ безрелигіозномъ гуманизмѣ. Зрѣлымъ плодомъ исторіи можно признать только свободное торжество божественнаго начала въ свободномъ человѣческомъ творчествѣ, какъ это и вытекаетъ изъ богочеловѣческаго характера историческаго процесса. Религіозная общественность, религіозная культура, внутреннее единство въ проявленной множественности, вотъ тотъ плодъ, который зрѣетъ въ исторіи, хотя, можетъ быть, окончательное его созрѣваніе лежитъ уже за ея предѣлами, подъ «новымъ небомъ» и на «новой землѣ». Для христіанскаго міровоззрѣнія иной философіи исторіи быть не можетъ.

Развертывающійся предъ нами процессъ исторіи обосновываетъ и проясняетъ наши чаянія новой, религіозной общественности, жажда которой начинаетъ уже томить людей. Эти новыя предчувствія не могутъ еще оформиться и вылиться въ конкретные образы, ибо все же мы—дѣти этой исторіи, этой культуры, этой общественности, этой государственности, но уже рвемся къ иной жизни, къ иному, неизмѣримо болѣе тѣсному, интимному и богатому общенію съ людьми въ религіозной жизни. Этотъ «синтезъ» среднихъ вѣковъ и новаго времени, примиреніе какъ бы непримиримаго, дастъ только грядущее возрожденіе церкви, въ которомъ и разрѣшатся противорѣчія исторіи. Возрожденная церковь явитъ въ себѣ не только «церковь-храмъ, но и церковь-человѣчество, церковь-культуру, церковь-общественность» *). То обстоятельство, что подобныя предчувствія и алканія начинаютъ уже волновать людей, есть явный знакъ, что гума-

*) Ср. нашъ очеркъ „Церковь и культура" въ сборникѣ „Вопросы религіи". Москва, 1906 г., стр. 46.

нистическая эпоха, если уже не приблизилась, то приближается къ моменту своей полной зрѣлости, за которыми начинается жизнь Богочеловѣчества, человѣкобоговъ съ Богочеловѣкомъ.

Вся человѣческая исторія выражаетъ одну творческую мысль, подчинена одному плану, представляетъ живое цѣлое. Эту отвлеченную истину, всегда признаваемую умомъ, сравнительно рѣдко приходится переживать въ непосредственномъ чувствѣ. Но за книгой Эйкена мнѣ живо почувствовалось, какъ близки къ намъ и эти средніе вѣка, и вся сѣдая древность, которая стоитъ позади нихъ, насколько и мы съ своими стремленіями и наши будущіе замѣстители на исторической сценѣ *одно* со всѣми предыдущими вѣками, какъ близки намъ и греки, и эти сумрачныя фигуры средневѣковья, и брызжущіе радостью гуманисты. И находить себя въ этомъ реальномъ единствѣ исторіи, ощущать себя его живой клѣткой или атомомъ богочеловѣческаго тѣла было такъ радостно, и въ душѣ поднимался прибой бодрыхъ чувствъ и возвышающихъ надеждъ.

С. Булгаковъ.

Военная бюрократія въ цифрахъ *).

I.

Статистика русскихъ генераловъ.

Какъ извѣстно, въ небывало-позорныхъ неудачахъ русско-японской войны обвиняется между прочимъ россійская военная бюрократія, т.-е. высшіе чины арміи и флота. О военной бюрократіи говорятъ, о ней пишутъ. Но что же она такое? Каковы ея фактическіе размѣры? До сего времени еще не было сдѣлано ни одной попытки мало-мальски точно и доказательно отвѣтить на этотъ вопросъ. Вотъ эту самую попытку мы и сдѣлаемъ, воспользовавшись офиціальными данными, которыя вошли въ «Списокъ генераламъ по старшинству», изданный главнымъ штабомъ и напечатанный въ Петербургѣ, въ военной типографіи въ 1905 году. Несмотря на всю сухость и, пожалуй, нарочитую скудость тѣхъ свѣдѣній, которыя вошли въ эту книжку, все же она чрезвычайно интересна для каждаго россійскаго обывателя. Мы взяли на себя трудъ подвести статистическіе итоги всѣмъ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя содержатся въ спискѣ, и на основаніи этихъ офиціальныхъ итоговъ сдѣлать кой-какіе выводы, не безынтересные для нынѣ переживаемаго момента.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкій полковникъ П. Режепо издалъ довольно интересный трудъ,—небольшую брошюрку, составленную на основаніи тѣхъ же офиціальныхъ данныхъ, только болѣе раннихъ и относящихся къ 1902 году, и носящую заглавіе: «Статистика генераловъ». Эта брошюрка написана почтеннымъ полковникомъ не совсѣмъ съ тою цѣлью, съ какою мы пишемъ эту нашу статью. Полковникъ ставилъ себѣ задачу, по мѣрѣ силъ «быть полезнымъ для арміи», точнѣе говоря—военной бюрократіи. Мы же, съ своей стороны, тоже по мѣрѣ силъ, воспользуемся тѣми же самыми данными, чтобы принести пользу прежде всего русско[му] народу, русскому обществу, въ дѣлѣ выясненія тѣхъ сторонъ нынѣ су-

---

*) Считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность А. А. Томи[ну] за составленіе статистическихъ таблицъ, на основаніи которыхъ написана эта статья и за его содѣйствіе при ихъ разработкѣ.—*Н. Р.*

ществующаго, но уже отжившаго свой вѣкъ, самодержавнаго режима, которыя отражаются на строѣ нашего военнаго управленія. Полковникъ Режепо пишетъ: «армія есть начало и конецъ каждаго общества». Мы коренным образомъ съ этимъ не согласны. Начало и конецъ каждаго общества есть самъ народъ, а что касается до арміи, то она ни болѣе, ни менѣе, какъ народный слуга, и въ качествѣ таковаго, подлежитъ отвѣтственности передъ народомъ въ лицѣ тѣхъ же ея высшихъ представителей за все то, что ими творится въ настоящее время. Не солдатъ мы обвиняемъ, и даже—смѣемъ это думать—многіе, и многіе офицеры вовсе не подлежатъ нашимъ обвиненіямъ; военная бюрократія—вотъ кто истинный виновникъ того разложенія, духовнаго и физическаго, русской военной среды, которое на глазахъ у всѣхъ, о которомъ писалось и пишется, говорилось и говорится, и разумѣется, будетъ говориться до тѣхъ поръ, пока русская армія не сдѣлается истинной выразительницей и защитницей всенародныхъ интересовъ и охраной всего трудящагося народа, плоть отъ плоти и кость отъ кости котораго она собой представляетъ и должна представлять. Мы заранѣе дѣлаемъ оговорку. Мы не желаемъ оскорблять русскаго солдата. Мы ничего не прибавляемъ отъ себя. Мы беремъ лишь офиціальныя цифры и представляемъ ихъ нашему читателю, какъ говорилось въ старину: «не въ судъ и осужденіе, а въ разсужденіе».

Господинъ полковникъ Режепо еще въ 1903 году констатировалъ очень интересный фактъ: на основаніи его выводовъ, Россійская Имперія не только отличается удивительнымъ *обиліемъ* всевозможныхъ военныхъ генераловъ, но ихъ число все растетъ и растетъ. Къ 1 декабря 1902 года состояло на дѣйствительной службѣ 1,386 генераловъ, къ 1 мая 1905 года, т.-е. за какихъ-нибудь три съ половиной года, число это возросло до 1,673, т.-е. на 20,7 процентовъ! Врядъ ли можно сомнѣваться, что это явленіе—исключительно россійское и ни въ какой другой странѣ, въ особенности же въ конституціонной, господа военные генералы съ такою быстротой не плодятся. Если же ихъ число столь быстро увеличивается въ Россіи, и именно за послѣднее время, очевидно, это доказываетъ, что нынѣ существующій режимъ представляетъ для размноженія господъ генераловъ особенно благопріятную почву. Словно какая-то особая сила выпираетъ этихъ чиновъ изъ русской арміи, все выше и выше, производитъ изъ генералъ-маіорскаго чина въ генералъ-лейтенантскій, а изъ этого послѣдняго—въ чинъ полнаго генерала. Словно какая-то сила спѣшитъ производствомъ господъ генераловъ, размножая ихъ въ блестящее созвѣздіе во славу престола и отечества. Это быстрое размноженіе генераловъ, это, если можно такъ выразиться, плодовитое производство сказывается даже и въ отдѣльныхъ частяхъ. Въ декабрѣ 1902 года насчитывалось 129 полныхъ генераловъ, въ маѣ 1905 года ихъ уже было 143. За этотъ же промежутокъ времени особенно размножились генералъ-лейтенанты, именно съ 387 до 460. Наконецъ, еще больше размножились генералъ-маіоры, съ 870 до 1070. Иначе говоря, первые почти на 11%, вторые почти на 19%,

третьи на 23%! Спрашивается теперь, что показывають эти цифры? Принимая въ разсчетъ, что въ русской арміи насчитывается въ военное время, судя по свѣдѣніямъ *Энциклопедическаго словаря* Брокгауза и Ефрона, 946 тысячъ человѣкъ, это выходитъ, что одинъ генералъ приходится въ россійской арміи на 565 солдатъ, т.-е. на каждый полкъ приходится, принимая полный составъ пѣхотнаго полка въ мирное время 1,900 человѣкъ, безъ малаго 3,4 генерала! Цифра почтенная и довольно неожиданная. Всѣмъ извѣстно, что генеральскіе чины даромъ не даются; значитъ, изъ однѣхъ этихъ цифръ можно было бы видѣть, что Россія непомѣрно богата людьми, достойными генеральскаго званія. Если же сдѣлать смѣлое допущеніе, что каждый генералъ—человѣкъ «несомнѣнно умный и даровитый», то эти самыя цифры покажутъ намъ, что россійская армія удивительно богата умными и даровитыми людьми, какъ это и показала исторія русско-японской войны. «Полагая общую численность офицеровъ и чиновниковъ русской арміи въ 55,000 человѣкъ,—говоритъ полковникъ Режепо,—и считая достаточнымъ имѣть одного генерала на 60—70 офицеровъ, мы приходимъ къ выводу, что необходимое число генераловъ для русской арміи не можетъ превышать 900. Сколько же ихъ въ наличности? Число ихъ въ 1902 году превышало эту необходимую пропорцію на 486, а въ 1905 излишекъ генераловъ сталъ еще больше. «*Наличность генераловъ превосходитъ дѣйствительную нужду и необходимость въ нихъ примѣрно въ полтора раза*». Такъ говоритъ г. Режепо, человѣкъ военный, человѣкъ, получившій, по его словамъ, высшее образованіе, наконецъ, человѣкъ очень боязливый и насчетъ такихъ выводовъ, которые могутъ показаться кой-кому непріятными. «Общее число генераловъ больше дѣйствительной надобности»,—говоритъ г. Режепо.—Такимъ образомъ ясно, что природа россійскаго режима не только черезчуръ постаралась насчетъ размноженія генераловъ, но даже и перестаралась. Перестаралась настолько, что въ настоящее время, подъ вліяніемъ «неслыханной» смуты, ей пришлось даже серьезно опомниться, пріостановить свою плодовитость и даже дѣйствовать, такъ сказать, вопреки самой себѣ, вычеркивая изъ генеральскихъ списковъ кой-кого изъ тѣхъ самыхъ слугъ отечества, которыхъ сама же она произвела на свѣтъ. Какъ извѣстно, лѣтомъ 1906 г. въ газетахъ одно время мелькомъ появились извѣстія, что это вычеркиваніе господъ генераловъ изъ списковъ идетъ довольно энергичнымъ путемъ, но когда «смута», по мнѣнію гг. оберъ-усмирителей, стала утихать, перестали мелькать и такого рода «извѣстія»—старый режимъ почувствовалъ, что снова можетъ вступать въ свои «права».

Что же представляетъ изъ себя россійскій генералитетъ по своему составу? Во-первыхъ, много ли среди генераловъ «строевыхъ» и «нестроевыхъ?» Во-вторыхъ, каково ихъ распредѣленіе по родамъ оружія? Отвѣчая на первый изъ этихъ двухъ вопросовъ, даже умѣреннѣйшій полковникъ Режепо констатируетъ, что «строевыхъ» чуть-чуть недостаточно, а число нестроевыхъ—излишне велико. Это служебно-почтительное «чуть-чуть»—

превосходно. На строевыхъ должностяхъ въ 1902 году состояло 661 человѣкъ, или меньше половины (48%) общаго числа генераловъ, а нестроевыхъ числилось 725, т.-е. на 4% больше чѣмъ строевыхъ. Цифра эта чрезвычайно характерна. Не измѣнилась она и въ 1905 году. «У насъ,— говоритъ Режепо,—имѣется нѣсколько высшихъ учрежденій, гдѣ полагаются одни лишь генеральскія мѣста. Туда назначаются нѣкоторые даже и почета ради, а не на фактическую работу. Однако и послѣдняя необходима для подбодренія въ тяжелой офицерской службѣ». Очень мило сказано. Понимай подъ этими словами, что въ Россіи есть такія учрежденія, куда сажаютъ «для подбодренія» главнымъ образомъ благодаря чинамъ, но куда никогда не посадятъ по заслугамъ. Что касается до генераловъ «почета ради» и «для подбодренія», то, къ сожалѣнію, болѣе точная ихъ статистика, въ настоящее время, еще невозможна за недостаткомъ данныхъ.

Вотъ какимъ образомъ распредѣляются генералы по родамъ оружія. Изъ 143 полныхъ генераловъ мы имѣемъ 2 генералъ-фельдмаршаловъ (великаго князя Михаила Николаевича и Д. А. Милютина), 76 генераловъ-отъ-инфантеріи, 34—отъ-кавалеріи, 17—отъ-артиллеріи и 11—корпуса инженеровъ. Въ числѣ этихъ же 143 полныхъ генераловъ три человѣка ученыхъ (профессора) и три иностранныхъ высочайшихъ особы, числящіяся шефами русской арміи. Независимо отъ этого, въ спискахъ генеральнаго штаба «числятся» 6 человѣкъ генераловъ, а кромѣ того «состоятъ» по генеральному штабу 44 человѣка. Итого 50 человѣкъ. На военно-бюрократическомъ языкѣ «числятся» и «состоятъ»—это два совершенно различныхъ понятія.

Изъ 460 генералъ-лейтенантовъ «числятся» по пѣхотѣ 126, по кавалеріи—71, по артиллеріи—84, по военно-судебному вѣдомству—18, по корпусу жандармовъ—1. Далѣе, 3—по корпусу пограничной стражи, 5—по учебному вѣдомству, 28—по инженерному корпусу. Далѣе насчитывается 3 военныхъ топографа въ генеральскомъ чинѣ. Далѣе «состоятъ» по генеральному штабу»—102 и «числятся» въ спискахъ генеральнаго штаба—23. Нельзя не отмѣтить при этомъ обиліе генераловъ казачьихъ (19).

Что касается до генералъ-майоровъ, то изъ 1,070 человѣкъ ихъ оказывается по пѣхотѣ — 315, по кавалеріи — 142. Генераловъ казачьихъ войскъ среди генералъ-майоровъ больше, чѣмъ среди генералъ-лейтенантовъ, а именно—57. Далѣе идутъ генералъ-майоры по артиллеріи (177), по инженерному корпусу—80, по судебному вѣдомству—81, по корпусу жандармовъ наблюдается настоящее обиліе генералъ-майоровъ, а именно—30, далѣе идутъ генералъ-майоры по корпусу пограничной стражи (14), по военно-учебному вѣдомству (17), и наконецъ, одинъ военно-топографъ. Кромѣ того, 156 генералъ-майоровъ «состоятъ», а 16 «числятся» по генеральному штабу. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній заключаетъ въ себѣ ни больше, ни меньше, какъ 302 человѣка генераловъ всѣхъ трехъ степеней, — настоящій синклитъ генераловъ (44 полныхъ, 102 генералъ-лейтенанта, остальные генералъ-майоры), а вмѣстѣ съ »числя-

щимися» въ спискахъ—347. Такимъ образомъ, генеральный штабъ представляетъ изъ себя какъ бы главное генеральское гнѣздо, главную коллекцію господъ военныхъ бюрократовъ. Присмотримся же теперь къ россійскому генералитету со стороны его свѣжести, и бросимъ взглядъ на возрастный составъ господъ генераловъ и на продолжительность ихъ служенія.

Возрастный составъ, по «Списку» 1905 года, къ сожалѣнію, не выясняется тѣми данными, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи. Впрочемъ, объ этомъ даетъ не безынтересныя свѣдѣнія господинъ Режепо. Эти свѣдѣнія превосходно свидѣтельствуютъ, что о свѣжести и молодости генераловъ, въ сущности, говорить не приходится. Средній возрастъ всѣхъ полныхъ генераловъ оказывается безъ малаго 70 лѣтъ (69,8), съ колебаніями отъ 92 до 55 лѣтъ; средній возрастъ генералъ-лейтенантовъ—61,8 года, съ колебаніями отъ 85 до 45 лѣтъ. Наконецъ, средній возрастъ генералъ-майоровъ 53,8, съ колебаніями отъ 80 до 42 лѣтъ.

Полные генералы состоятъ на службѣ каждый не менѣе 40 лѣтъ. Среди нихъ насчитывается 11 человѣкъ, поступившихъ на службу въ періодъ 1835—40 года, т.-е. уже состоящихъ въ военныхъ чинахъ отъ 71 до 66 годовъ, 13 полныхъ генераловъ поступили на службу въ 1841—45 годахъ, 33—въ 1846—50 гг., 39—въ 1851—55 гг., 31—въ 1856—60 гг., и, наконецъ, 8—въ 1861—65 гг. Такимъ образомъ, огромное большинство полныхъ генераловъ начало свою карьеру въ эпоху императора Николая I (96 изъ 138). Далѣе, большинство ихъ приходится, разумѣется, на пѣхоту. Среди генералъ-лейтенантовъ мы точно также наблюдаемъ высокій процентъ такихъ, которые находятся на службѣ не менѣе 50—55 лѣтъ (72 изъ 460). Въ отличіе отъ полныхъ генераловъ, генералъ-лейтенанты начали свою службу большею частью въ эпоху Александра II, а именно: 97 поступило на службу въ періодъ 1856—60 гг. 189 въ 1861—65 гг., 84 въ 1866—70 гг. и послѣ 1870 г. всего лишь 16 человѣкъ. Этихъ послѣднихъ, дѣйствительно, можно назвать «изъ молодыхъ, да ранними». Среди нихъ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, и знаменитаго «покорителя Сибири», хотя и не похожаго на Ермака,—браваго генерала фонъ-Ренненкампфа, того самаго, который посылалъ «въ главную квартиру донесенія о цѣлыхъ полкахъ непріятеля тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ японцевъ было всего лишь двѣ-три роты» (*Слово*, № 405, статья Родзевича),—того самаго фонъ-Ренненкампфа, который «отъ своего имени» дарилъ офицерамъ «на память» массивные золотые часы, купленные на «хозяйственныя суммы арміи» (*Слово*, № 405, ст. Родзевича),—того самаго Ренненкампфа, который отличился необыкновеннымъ способомъ и въ русско-китайскую войну, потопивъ въ Манчжуріи нѣсколько тысячъ мирныхъ китайцевъ (смотри книгу Дейча: «Шестнадцать лѣтъ въ Сибири») и подготовивъ, такимъ способомъ, къ будущей русско-японской войнѣ, цѣлые кадры людей искренно ненавидящихъ Россію и готовыхъ оказать всевозможную помощ

освободителямъ отъ Россіи—японцамъ,—того самаго Ренненкамфа, который покрылъ свое и безъ того извѣстное имя неувядаемой славой усмирителя беззащитныхъ русскихъ людей. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ среди генералъ-лейтенантовъ 5 человѣкъ, поступившихъ на службу еще до 1840 года (изъ нихъ 3 казака донскихъ и кубанскихъ); далѣе, трое изъ нихъ поступили на службу въ 1841—45 гг., 6—въ 1846—50 гг. и, наконецъ, 58—въ 1851—55 гг. Такимъ образомъ, среди генералъ-лейтенантовъ мы имѣемъ не менѣе 14 лицъ, не дослужившихся до полнаго генерала, несмотря на свою пятидесятишести-лѣтнюю службу.

Посмотримъ теперь на генералъ-майоровъ. Среди нихъ имѣется также 4 генерала, такъ сказать, засидѣвшихся въ генералъ-майорскомъ званіи и не достигшихъ даже до чина генералъ-лейтенанта, хотя и поступившихъ на службу въ промежутокъ времени отъ 1840 до 1850 года, т.-е. служащихъ отъ 66 до 56 лѣтъ. Въ 1850—60 году поступило на службу 47 человѣкъ, въ слѣдующее десятилѣтіе—491, въ семидесятыхъ годахъ—484, и, наконецъ, послѣ 1880 г.—44. Среди этихъ генералъ-майоровъ мы находимъ, между прочимъ, и знаменитаго Прасолова, храбраго коменданта крѣпости Кушка, того самаго Прасолова, который приговорилъ къ смертной казни инженера Соколова, впослѣдствіи оправданнаго судомъ; того самаго Прасолова, который арестовалъ одного кушкинскаго врача лишь за то, что свинья этого врача посмѣла встрѣтиться на улицѣ съ его военнымъ превосходительствомъ *),—того самаго Прасолова, который приказомъ по «ввѣренной ему крѣпости» повелѣлъ всѣмъ жителямъ носить особыя хлопушки для истребленія комаровъ и мухъ и, кромѣ того, всегда имѣть въ карманѣ чеснокъ для защиты, такимъ способомъ, своего тѣла отъ лихорадки. Кромѣ Прасолова, въ этой честной компаніи мы находимъ и «грозныхъ кавказскихъ воителей»—убитаго Грязнова и подстрѣленнаго Алиханова, одесскаго «успокоителя» Карангозова и много другихъ «славныхъ» слугъ престола и отечества.

Все это—дѣтища не столь отдаленныхъ отъ насъ историческихъ временъ, воспитавшихъ въ себѣ ультра-реакціонныя вѣянія переживаемой нынѣ эпохи.

Идемъ теперь дальше. Сводя возрастный составъ всѣхъ генераловъ къ одному, мы не можемъ не видѣть, что среди русской военной бюрократіи имѣется не мало такихъ лицъ, которыя дѣйствительно «удручены бременемъ лѣтъ». Можно подумать, однако, что преклонный возрастъ соотвѣтствуетъ хотя большей опытности. Увы, и это не всегда. «Опытность,—премудро замѣчаетъ г. Режепо,—зависитъ не только отъ числа лѣтъ жизни, но и, главное,—отъ соотвѣтственной работы. Можно быть опытнымъ начальникомъ дивизіи и въ 45 лѣтъ, если начать ею командовать съ 38 лѣтъ. Можно быть неопытнымъ командиромъ баталіона и въ 50 лѣтъ, принявъ его въ свое завѣдываніе въ возрастѣ 49 лѣтъ 11 мѣ-

*) *Русское Богатство.* № 1. 1908 г.

сяцевъ. Большинство людей скоро сдаетъ и приближается къ старости, вмѣстѣ съ тѣмъ приближаясь и къ дѣтству,—и не только по слабости тѣла, но и по разуму».

Относительно старческой слабости генеральскаго разума и генеральскаго дѣтства господинъ Режепо совершенно правъ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что именно старчествомъ объясняется знаменитый приказъ 68-лѣтняго генерала Гриппенберга подъ Сандепу, громко и хвастливо гласившій: «отступленія не будетъ», «кто отступитъ,—того убивайте. Если я самъ прикажу отступать—меня убейте» *). Несмотря на это довольно неудачное подражаніе извѣстному французскому полководцу, за этими громогласными словами больше ничего не послѣдовало. Во всякомъ случаѣ, исторія русско-японской войны показала, что силы своего противника, его мужества и подготовки почтенный авторъ громкихъ приказовъ во всякомъ случаѣ не зналъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ статистики умственныхъ силъ господъ россійскихъ генераловъ, такъ какъ провѣрочныхъ испытаній ихъ въ этомъ отношеніи не было сдѣлано, если не считать русско-японской войны и россійскихъ черносотенныхъ подвиговъ и карательныхъ экспедицій.

Какъ извѣстно, въ настоящее время закономъ установленъ предѣльный возрастъ для господъ генераловъ, а именно: 58 лѣтъ для командира части, 63 для начальника дивизіи и 67 для командира корпуса. Врядъ ли можно сомнѣваться, что этотъ предѣлъ взятъ непомѣрно высоко. Статистика показываетъ, что населеніе, перешедшее за 60-лѣтній возрастъ, уже не можетъ быть относимо къ числу рабочаго населенія. Тотъ, кто старше 59 лѣтъ, уже не можетъ считаться работникомъ. Только генераламъ, по русскому закону, дается такая льгота. Даже господинъ Режепо предусматриваетъ, что столь высокій предѣльный возрастъ врядъ ли всегда сопровождается свѣжестью ума и таланта, и рекомендуетъ изыскивать способы «для омоложенія» корпуса офицеровъ. Ниже мы увидимъ экономическое объясненіе этому явленію, когда будемъ говорить о генеральскомъ содержаніи.

Но, быть можетъ, въ Россійской имперіи омоложеніе генералитета совершенно невозможно, въ виду тѣхъ великихъ «трудовъ», которые требуются отъ военнаго человѣка для достиженія имъ генеральскаго чина? Быть можетъ, отъ генерала требуется непомѣрно высокій уровень образованія, солидная военная выучка, боевая подготовка и такъ далѣе? Вотъ все это мы теперь и разберемъ по порядку, съ цыфрами въ рукахъ.

«Сколько лѣтъ службы тратили господа генералы въ разныя времена для полученія своего чина»? спрашиваетъ господинъ Режепо. Очень характерно въ устахъ почтеннаго полковника это самое слово «тратили». Впрочемъ, мы не будемъ на этомъ останавливаться и перейдемъ къ цыфрамъ. Оказывается, что тѣ, кто теперь состоитъ въ чинѣ полнаго генерала, должны были прослужить въ офицерскихъ чинахъ до полученія ге-

*) *Волонтеръ*. Русско-японская война, изд. 1906 г.

нералъ-майорскаго чина среднимъ числомъ по 20,7 года, генералъ-лейтенанты по 27,2, и, наконецъ, генералъ-майоры—по тридцати лѣтъ. Такимъ образомъ, оказывается, что тѣ военные, которые состоятъ въ званіи полнаго генерала, добились этого своего званія въ меньшій промежутокъ времени, чѣмъ генералъ-лейтенанты и генералъ-майоры. Начавъ свою службу раньше этихъ послѣднихъ, полные генералы достигли «чиновъ извѣстныхъ» въ болѣе короткій срокъ. Быть можетъ, эта цифра доказываетъ, что господа генералы—люди болѣе способные по части военной службы, чѣмъ прочіе генеральскіе чины? Или, быть можетъ, они начали свою службу въ такія времена, когда всплывать наверхъ было куда легче, чѣмъ въ настоящее время? Во всякомъ случаѣ, отклоняя отъ себя рѣшеніе этихъ двухъ вопросовъ, мы не можемъ не констатировать слѣдующаго факта: срокъ для полученія генеральскаго чина замѣтно удлинился. А такъ какъ мы уже видѣли, огромное большинство генералъ-лейтенантовъ и генералъ-майоровъ начали свою карьеру въ эпоху Александра II, т.-е. въ Милютинскія времена, во времена освободительныхъ вѣяній въ русскомъ правительствѣ, и «свѣжихъ струй» въ военной средѣ, то изъ этого, какъ намъ кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что освободительныя вѣянія не очень-то благопріятствуютъ размноженію господъ генераловъ. Другими словами, когда, во времена такихъ вѣяній, легче дышится народу, тогда труднѣе дышится господамъ генераламъ и имъ труднѣе пробираться въ высшіе чины. И въ самомъ дѣлѣ, изъ 460 генералъ-лейтенантовъ, 386 начали свою службу въ освободительную эпоху. Но изъ этихъ послѣднихъ огромное большинство приходится на періодъ 1856—65 гг. Изъ общаго числа генералъ-майоровъ (1,070) приходится такихъ, которые получили свой чинъ въ началѣ царствованія Александра II—около 500 человѣкъ, т.-е. безъ малаго половина. Какъ извѣстно, среди генераловъ рѣдко встрѣчаются идейные приверженцы освободительной эпохи, вродѣ Д. А. Милютина, А. Н. Макарова и другихъ. Военная служба превосходно выщелачиваетъ изъ человѣческой души освободительныя вѣянія. Но нельзя не видѣть, что эти самыя освободительныя вѣянія, проявившись и въ военной средѣ въ эпоху 1856—1870 гг., не могли не привлечь въ эту среду тѣ элементы изъ общества, которые, безъ наличности этихъ свѣжихъ вѣяній, и не подумали бы идти въ военную службу. Другими словами, освободительныя вѣянія *повысили процентъ способныхъ людей въ войскахъ*, способныхъ даже съ военной точки зрѣнія. Этого не могутъ отрицать даже самые заскорузлые служаки,—даже тѣ самые, которые разсматриваютъ генеральскіе эполеты какъ своего рода пломбу, удостовѣряющую качество военнаго человѣка. Большинство полныхъ генераловъ получило свое генеральское званіе около 1873 года, большинство генералъ-лейтенантовъ — въ періодъ 1887 г. Эти цифры нагляднѣе всего констатируютъ соотношенія «вѣяній», съ одной стороны, и генеральскихъ чиновъ—съ другой.

Въ какомъ же соотношеніи находится съ тѣмъ же фактомъ *образова-*

тельный цензъ господъ генераловъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ особенно интересенъ. Прежде всего бросается въ глаза слѣдующій знаменательный фактъ: наименьшей образовательной подготовкой отличаются господа генералъ-майоры, то-есть тѣ самые, которые получили генеральскій чинъ въ концѣ эпохи Александра II или въ началѣ эпохи Александра III, то-есть въ тѣ времена, когда освободительныя вѣянія въ правительственныхъ сферахъ уже окончились. Наименьшій процентъ академиковъ оказывается именно среди генералъ-майоровъ. Изъ 1,070 человѣкъ ихъ окончили разныя академіи по первому разряду 375, а по второму 83, всего 458 человѣкъ, это составляетъ 42,8 процента, о 12 генералъ-майорахъ сказано въ спискѣ, что они учились въ академіи. Это означаетъ, что въ академіи они хоть и побывали, но курса въ ней по какимъ-либо причинамъ не окончили. Нѣсколько выше процентъ академиковъ среди генералъ-лейтенантовъ, а именно: изъ 460 окончило разныя академіи по первому разряду 184 человѣка, по второму—59. Побывали въ академіи 21. Процентъ академиковъ среди генералъ-лейтенантовъ достигаетъ 52,8. Наконецъ, процентъ академиковъ среди полныхъ генераловъ равняется 50% (71 изъ 145). Лица, получившія университетское образованіе, среди генераловъ всѣхъ категорій, почти не встрѣчаются,—довольно характерная особенность, если и не показывающая, то намекающая на уровень общеобразовательной подготовки среди русскихъ высшихъ военныхъ чиновъ. Изъ 143 полныхъ генераловъ, въ томъ числѣ и профессоровъ, былъ въ университетѣ только одинъ человѣкъ, изъ 460 генералъ-лейтенантовъ имѣютъ университетскій дипломъ 5 человѣкъ. Относительно 5 академиковъ I разряда сказано, что они «были въ университетѣ». Что касается до генералъ-майоровъ, то среди нихъ оказывается университетскихъ только четыре человѣка, да два окончившихъ военное училище «были въ университетѣ». Такимъ образомъ, наименьшій процентъ университетскихъ встрѣчается среди тѣхъ генераловъ, которые позднѣе другихъ добились генеральскаго званія,—фактъ, наводящій на нѣкоторыя размышленія опять-таки о соотношеніи «вѣяній» и производства въ генеральскій чинъ. Но не количество академиковъ главнымъ образомъ характеризуетъ образовательный уровень россійскаго генералитета. Его характеризуютъ ярче всего тѣ господа генералы, которые ни въ какихъ академіяхъ вовсе не бывали, а получили свое образованіе въ спеціальныхъ, среднихъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, одно имя которыхъ уже достаточно говоритъ о научной подготовкѣ ихъ питомцевъ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что въ этомъ отношеніи россійскій генералитетъ представляетъ изъ себя явленіе поистинѣ исключительное во всей Европѣ и по низкому уровню образовательнаго ценза занимаетъ первое мѣсто съ конца среди генералитетовъ всѣхъ другихъ не только европейскихъ, но, можетъ быть, и внѣ-европейскихъ странъ. На этомъ явленіи необходимо остановиться подробнѣе.

Оставляя въ сторонѣ четырехъ полныхъ генераловъ, объ образовательномъ цензѣ которыхъ въ «Спискѣ» не имѣется свѣдѣній, прежде всего приходится отмѣтить, что многіе изъ этихъ генераловъ не шли дальше кадетскихъ корпу-

совъ, юнкерскихъ и тому подобныхъ училищъ. Девять полныхъ генераловъ окончили курсъ въ кадетскомъ корпусѣ; пять — въ юнкерскомъ училищѣ, одинъ — въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; такимъ образомъ, на долю питомцевъ этихъ почтенныхъ учебныхъ заведеній приходится больше десяти процентовъ полныхъ генераловъ. Казалось бы, ниже спускаться и некуда, но оказывается, что четыре полныхъ генерала, то-есть безъ малаго 3% ихъ общаго числа, не пошли дальше какихъ-то «частныхъ учебныхъ заведеній». Казалось бы, что ужъ ниже-то этихъ частныхъ учебныхъ заведеній и спускаться совсѣмъ некуда. Но офиціальный списокъ неумолимо показываетъ, что восемь полныхъ генераловъ (5,6%) получили свое образованіе *«общее—дома, военное—на службѣ»*. Другими словами, для того чтобы сдѣлаться полнымъ генераломъ, въ Россійской имперіи образованіе не всегда требуется. Въ нашей имперіи, какъ оказывается, военный человѣкъ можетъ жить да поживать и чины получать, даже вовсе не касаясь систематическаго образованія, а довольствуясь лишь кое-какими обрывками научныхъ, а то и вовсе ненаучныхъ знаній, извѣстныхъ подъ кличкой «домашняго образованія». Образованіе же спеціальное замѣняется, по завѣту полковника Скалозуба, служебной выправкой да фронтовымъ ученіемъ. Интересно, что среди генераловъ есть шесть человѣкъ, которые даже и не нюхали спеціальнаго военнаго образованія, а именно: четверо изъ этихъ господъ учились только въ гимназіяхъ и больше нигдѣ, одинъ въ лицеѣ и, наконецъ, одинъ въ дворянскомъ пансіонѣ. Такимъ образомъ, и эти шестеро получили свое военное образованіе «на службѣ». Очевидно, спеціальная подготовка для господъ полныхъ генераловъ и даже командующихъ является чѣмъ-то болѣе или менѣе случайнымъ, не обязательнымъ. Правда, быть можетъ, академическій дипломъ облегчаетъ дорогу къ генеральскимъ чинамъ, но, какъ показываетъ статистика, можно обойтись и безъ всякаго академическаго диплома, и всетаки занять самое высокое положеніе на лѣстницѣ военныхъ чиновъ. Чтобы еще яснѣе судить о томъ, какое ничтожное значеніе имѣетъ для господъ полныхъ генераловъ общая и военная подготовка, достаточно привести одинъ въ высшей степени характерный фактъ: командующій 3-й манчжурской арміей генералъ Батьяновъ, тотъ самый, который въ самомъ началѣ русско-японской войны на интервью съ какимъ-то корреспондентомъ хвалился, что русскія войска закидаютъ всю Японію шапками, получилъ свое образованіе ни больше ни меньше, какъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Подготовляя себя къ морскому званію, г. Батьяновъ тѣмъ не менѣе ни на минуту не задумался передъ тѣмъ чтобы принять на себя въ высшей степени отвѣтственную должность командира цѣлой сухопутной арміи, да къ тому же послѣ столь неудачной кампаніи и въ такую трудную минуту, и съ такимъ умнымъ, а главное, такимъ подготовленнымъ и образованнымъ противникомъ, каковы японцы. Была не была, морской корпусъ, такъ морской корпусъ: «заставятъ русскаго генерала, такъ онъ будетъ отъ лекціи японскаго языка читать», и хоть цѣлымъ флотомъ командо-

вать. Все презрительное отношеніе высшей военной бюрократіи къ образованію въ только что приведенномъ фактѣ выражается чрезвычайно ярко. Еще одинъ характерный фактъ. Присматриваясь къ образовательному уровню господъ полныхъ генераловъ, поражаешься высокимъ процентомъ среди нихъ питомцевъ пажескаго корпуса (почти 12 процентовъ), не считая тѣхъ пажей, которые побывали въ академіи. Вдумываясь въ этотъ высокій процентъ, какъ-то невольно приходишь къ выводу, что пажескій корпусъ весьма располагаетъ къ полученію генеральскаго званія. Правда, на одной этой цифрѣ было бы еще рискованно дѣлать такой выводъ. Но значеніе пажескаго корпуса, какъ фабрики высшей россійской бюрократіи,—значеніе, оспариваемое у этого заведенія только училищемъ правовѣдѣнія, да лицеемъ и тому подобными привилегированными «учрежденіями», много тысячъ разъ было доказано и другими фактами и, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ уже никакому сомнѣнію.

Посмотримъ теперь, какимъ образовательнымъ уровнемъ обладаютъ господа генералъ-лейтенанты? Замѣчанія, которыя были сдѣланы нами объ образовательной подготовкѣ полныхъ генераловъ, совершенно приложимы и къ генералъ-лейтенантамъ. Среди этихъ послѣднихъ тоже встрѣчаются такіе, которые получили «общее образованіе дома», а «военное на службѣ», а именно 17 изъ 460, то-есть 3,7 процента. Все свое образованіе получили въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ одиннадцать генералъ-лейтенантовъ, одинъ прошелъ курсъ школы офицерскихъ дѣтей, одинъ покончилъ съ науками въ дворянскомъ пансіонѣ, 41 обучались въ кадетскомъ корпусѣ, 13 въ юнкерскихъ училищахъ, 74 въ училищахъ военныхъ, 6 въ гимназіяхъ, а что касается до привилегированныхъ учебныхъ заведеній, то пажескій корпусъ далъ 18 генералъ-лейтенантовъ, лицей—три, училище правовѣдѣнія—два. Характерно, что среди генералъ-лейтенантовъ сухопутной арміи тоже есть одинъ, который обучался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ одинъ генералъ-лейтенантъ, который состоитъ членомъ совѣта министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній, состоя въ генеральскомъ чинѣ, требующемъ, какъ-никакъ, а спеціальной подготовки, вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ и такое мѣсто, которое требуетъ тоже спеціальной подготовки, но изъ совершенно другой области. Въ такомъ совмѣстительствѣ, разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго и оно вообще встрѣчается, но въ данномъ случаѣ вовсе не въ немъ дѣло, а въ томъ, гдѣ именно учился этотъ ученый генералъ? Оказывается, что онъ получилъ ни больше ни меньше, какъ «общее образованіе дома, военное—на службѣ». На одномъ этомъ фактѣ, опять-таки нельзя бы было строить никакихъ особыхъ выводовъ. Но вотъ еще одинъ фактъ. Среди генералъ-лейтенатовъ мы встрѣчаемъ еще одно совмѣстительство двухъ областей знанія. Одинъ генералъ-лейтенантъ состоитъ, наприм., членомъ совѣта министра финансовъ. Гдѣ же получилъ онъ спеціальную финансовую подготовку? Въ артиллерійскомъ училищѣ. Такимъ образомъ спеціально-общее образованіе не есть обязательное и

для генералъ-лейтенантовъ. Но если принять во вниманіе, что среди генералъ-лейтенантовъ имѣется 16 профессоровъ и исключить этихъ послѣднихъ изъ общаго числа генералъ-лейтенантовъ, то процентное отношеніе образованныхъ людей къ общему числу генералъ-лейтенантовъ окажется еще печальнѣе.

Но пойдемъ дальше и взглянемъ теперь на образованіе генералъ-майоровъ. Среди этихъ тоже встрѣчаются господа, получившіе «общее образованіе дома, а военное на службѣ» (15 человѣкъ). Среди этой категоріи генераловъ одинъ есть даже такой, который окончилъ лишь «школу кантонистовъ». Девять учились въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, одинъ въ дворянскомъ пансіонѣ, одинъ въ морскомъ училищѣ, одинъ въ школѣ офицерскихъ дѣтей, другой окончилъ курсъ «бригадной школы», одинъ не пошелъ дальше «учебной роты». Такимъ образомъ, въ отношеніи пониженія образовательнаго уровня до самой низшей кульминаціонной точки генералъ-майоры перещеголяли и генералъ-лейтенантовъ и генераловъ. Среди этихъ послѣднихъ не было, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые прикасались къ наукамъ въ разныхъ «учебныхъ ротахъ», «бригадныхъ школахъ» да «школахъ кантонистовъ». Что касается до спеціально-военнаго образованія, то изъ всѣхъ генералъ-майоровъ его получили только 42,₂₈% ихъ, т. е. меньше половины. Именно: 38 генералъ-майоровъ обучались въ кадетскихъ корпусахъ, въ тѣхъ самыхъ корпусахъ, гдѣ, какъ извѣстно, еще такъ недавно, вся педагогика сводилась главнымъ образомъ къ «аккуратному сѣченію по субботамъ», 63—въ юнкерскихъ училищахъ, 349—въ военныхъ училищахъ, 1—въ межевомъ институтѣ, 1—въ школѣ топографовъ.

На гимназіи и на реальныя училища приходится всего лишь 7 человѣкъ,—гораздо меньше, чѣмъ на привилегированныя учебныя заведенія, существующія спеціально для тренированія породистыхъ птенцовъ. Такъ, изъ общаго числа генералъ-майоровъ на пажескій корпусъ приходится 47 человѣкъ, 1—на лицей и 1—на училище правовѣдѣнія.

Такова печальная картина образовательнаго уровня россійскаго генералитета. Вдумываясь въ эту картину, врядъ ли можно удивляться тому, какъ понимаютъ гг. генералы свою основную задачу,—задачу служенія родинѣ. Чтобы правильно понимать эту задачу, во всякомъ случаѣ надо быть человѣкомъ достаточно образованнымъ и развитымъ, и ужъ во всякомъ случаѣ недостаточно для этого одной генеральской, военной «муштры» и умѣнія сочинять тамерлановскіе приказы.

Какой же общій выводъ можно сдѣлать изъ только что нарисованной ртины, кромѣ тѣхъ частныхъ выводовъ, которые нами были уже сдѣны? Выводъ этотъ чрезвычайно печальный: Россія никакъ не приходится диться своимъ генералитетомъ. Не блещетъ онъ ни учеными людьми, талантами, ни даже героями. Чего же въ такомъ случаѣ удивляться, наши генералы пожинаютъ кой-какіе жалкіе и сомнительные лавры лишь столкновеніи со слабыми противниками вродѣ какихъ-нибудь турокъ

или китайцевъ, русскихъ крестьянъ и рабочихъ, а при столкновеніи съ противникомъ мало-мальски вооруженнымъ, образованнымъ и подготовленнымъ оказываются совершенно несостоятельными и удивляютъ весь міръ и всю исторію чѣмъ угодно, только ужъ никакъ не своими военными подвигами. Всякаго рода техническія приспособленія, всевозможныя изобрѣтенія и новѣйшіе пріемы и техника въ области военнаго дѣла,—проявленная японцами, какъ извѣстно, просто-напросто только *удивила* нашихъ генераловъ, оказалась для нихъ неожиданнымъ сюрпризомъ «и мало вѣроятной новинкой». Врядъ ли нужно доказывать, что само это ихъ удивленіе—достойно удивленія. Но этому сами господа генералы отнюдь не удивляются. Съ своей собственной неподготовленностью они считаются какъ со своего рода «стихійнымъ фактомъ», такъ сказать, вошедшимъ въ обиходъ русской жизни при ея нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ. Поэтому, когда одному изъ нашихъ высшихъ военныхъ чиновъ стали доказывать полезность примѣненія при стрѣльбѣ какого-то новаго угломѣра, этотъ чинъ, надо полагать, получившій «общее образованіе дома, а военное на службѣ», отвѣчалъ буквально слѣдующее: «послушайте, это что-то невѣроятное! Какимъ это образомъ можно стрѣлять впередъ, цѣлясь назадъ?» (*А. Бибиковъ:* «Развѣдочная служба въ артиллеріи». «Артиллерійскій журналъ 1905 г.», № 12). Или вотъ еще одинъ фактъ для характеристики генеральской учености. Нѣкій артиллерійскій офицеръ И. И. Германъ изобрѣлъ новый дальномѣръ. Высшая военная бюрократія, противъ обыкновенія, почему-то обратила на это изобрѣтеніе свое благосклонное вниманіе, которое выразилось между прочимъ въ томъ, что брошюра Германа, по этому чисто-техническому вопросу подверглась жестокой ампутаціи со стороны военной цензуры и вышла въ 1897 г. въ очень урѣзанномъ видѣ: военная цензура дозволила напечатать только одну десятую часть того, что написалъ Германъ, а девять десятыхъ зачеркнула. Очевидно, дальномѣръ пришелся не по вкусу военной бюрократіи. Оно и понятно. Всякая бюрократія—заядлый и прирожденный врагъ всякихъ дальномѣровъ и мирится гораздо лучше съ какой угодно близорукостью, только не дальнозоркостью и не съ дальномѣрами, не имѣющими ничего общаго съ генеральской научной подготовкой. Результаты же оказались таковы: ко времени русско-японской войны *японская армія оказалась снабженной дальномѣрами, изобрѣтенными русскимъ офицеромъ,* а въ это самое время у русской арміи такихъ дальномѣровъ вовсе не оказалось, и это въ теченіе очень долгаго времени, пока, наконецъ, генералъ Линевичъ не выписалъ этихъ дальномѣровъ и для русской арміи. Они и прибыли въ армію... къ концу войны (*Разсвѣтъ,* № 141 за 1905 г.). Впрочемъ, русско-японская война богата не только такого рода примѣрами, а и многимъ другимъ. Не только русско-японская война, но и вся русская жизнь показываетъ, что̀ собственно представляетъ изъ себя наша военная бюрократія, не выдвинувшая изъ своей среды ни одного крупнаго военнаго дѣятеля, ни одного дѣйствительно общепризнаннаго военнаго авторитета, ни одного талантливаго работника. Какія

бы имена ни приводились въ опроверженіе столь печальнаго вывода, во всякомъ случаѣ это—имена далеко не блестящія. И передъ нашими глазами слѣдующій основной фактъ: русская военная бюрократія чрезвычайно бѣдна дѣятелями даже *относительно крупными*. Это показываютъ не только массовыя цыфры, собранныя нами въ этой статьѣ,—это показываетъ и вся русская жизнь, и вся русская исторія, столь печально характеризующая ту самую почву, на которой плодятся и выростаютъ теперешніе военные дѣятели.

Такъ или иначе генеральское званіе, благодаря самимъ генераламъ, уже перестало считаться почетнымъ званіемъ. Генералъ—это вовсе не избранникъ, тѣмъ болѣе не герой, и не защитникъ отечества, дошедшій до этого званія благодаря своимъ талантамъ, уму и образованію. Это—просто-напросто господинъ, надѣвшій на свои плечи генеральскій мундиръ, на основаніи своего рода искусственнаго подбора (если выразиться научнымъ терминомъ), производимаго чьей-то властной рукой,—именно искусственнаго, не естестественнаго.

Еще одно не безынтересное обстоятельство: въ 1902 г. изъ 1,386 генераловъ получили высшее образованіе въ академіи 684 человѣка, то-есть 49 процентовъ. Три съ половиной года спустя изъ 1,673 генераловъ насчитывалось академиковъ 772 человѣка, или 46,1 проц. Иначе говоря, даже за три года процентъ академиковъ, среди россійскихъ генераловъ, весьма замѣтно понизился,—почти на три процента. Быть можетъ, изъ этого необходимо сдѣлать выводъ, что значеніе образованія не только не увеличивается въ генеральской средѣ, но даже падаетъ, и это несмотря на то, что «лица, получившія высшее военное образованіе, двигаются по іерархической военной лѣстницѣ ускоренно и всей массой», какъ справедливо замѣчаетъ г. Режепо. Но и образованные военные люди, даже тѣ, которые побывали въ академіи, могутъ быть признаны таковыми въ очень не многихъ случаяхъ и даже съ очень большою оговоркой. Правда, есть среди нихъ и Кузьмины-Караваевы, и А. Н. Макаровы, но есть и гг. Режепо, которому его высшее образованіе не мѣшаетъ высказывать самыя удивительныя мысли именно насчетъ образованія: «Мы должны приближаться понемногу къ такому счастливому времени,—говоритъ, напримѣръ, г. Режепо,—когда *одна только служба*, а не академія, будетъ имѣть главное значеніе». Чтобы еще немножко охарактеризовать этого «образованнаго» офицера, одного изъ многихъ такихъ же «образованныхъ», приведемъ еще одинъ его афоризмъ: «Лучшими воинами всегда будутъ дѣти военныхъ. Запретите военнымъ жениться,—и корпуса останутся, пожалуй, безъ кадетъ, армія безъ хорошихъ офицеровъ». Чтобы высказывать такого сорта военныя истины», нужно воистину быть «образованнымъ по военному».

Какая же академія даетъ наибольшую скорость движенія по направлео къ генеральскимъ чинамъ? Тотъ же Режепо констатируетъ очень инте:ный фактъ. Оказывается, что наиболѣе быстро двигались офицеры, ›нчившіе академію генеральнаго штаба. Полные генералы, окончивъ

академію генеральнаго штаба, достигали генералъ-майорскаго чина черезъ 19,8 лѣтъ, тогда какъ безъ академіи на это требуется круглымъ счетомъ 21 годъ. Тѣ академики, которые нынѣ состоятъ въ званіи генералъ-лейтенанта, достигли генералъ-майорскаго чина въ среднемъ черезъ 26,2 года, тогда какъ безъ академіи требуется на это круглымъ счетомъ 28,7 лѣтъ. Наконецъ, генералъ-майорамъ потребовалось на то же самое 26,7 года, вмѣсто 32,3 года. Интересно, что на основаніи цифръ, приводимыхъ г. Режепо, окончаніе инженерной академіи полными генералами, ведетъ за собой даже удлиненіе службы.

Насколько же соблюдается въ нашихъ войскахъ принципъ назначенія на высшія строевыя должности людей съ академическимъ образованіемъ? Оказывается, по вычисленію г. Режепо, что изъ командующихъ войсками въ 1902 г. окончило академію всего лишь 55 процентовъ, то-есть немногимъ больше половины, изъ командировъ корпусовъ окончило 50 процентовъ, то-есть ровно половина, а изъ начальниковъ дивизій— всего лишь 49 процентовъ, то-есть меньше половины. Изъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что столь важныя и отвѣтственныя должности, какъ должности командующихъ войсками, командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій, при нынѣшнихъ порядкахъ россійской арміи, вовсе не требуютъ для себя большого процента академиковъ. На эти должности назначаются почти совершенно одинаково какъ люди съ высшимъ военнымъ образованіемъ, такъ и вовсе безъ таковего. Такимъ образомъ, дорога для господъ военныхъ самоучекъ въ Россійской имперіи открыта на самые верхи военной іерархіи какъ снизу, такъ и сверху. «Всѣ мы люди,—меланхолично замѣчаетъ г. Режепо,—и у каждой арміи есть свои недостатки».

Но, быть можетъ, самая суть генеральскаго званія въ военной подготовкѣ, въ военной практикѣ. Бросимъ взглядъ на россійскій генералитетъ и съ этой точки зрѣнія,—со стороны участія генераловъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Какъ оказывается, среди полныхъ генераловъ вовсе не было на войнѣ, судя по даннымъ 1905 г., 19 человѣкъ, не считая трехъ иностранныхъ шефовъ, то-есть около 12 процентовъ. Изъ 460 генералъ-лейтенантовъ никогда не были на войнѣ 131 человѣкъ, то-есть 28,5 процентовъ. Наконецъ, изъ числа генералъ-майоровъ вовсе не было на войнѣ 307 человѣкъ, то-есть 28,7 процента. Таковъ процентъ военныхъ генераловъ, вовсе не имѣющихъ никакой военной практики. Но этотъ процентъ еще долженъ повыситься, если мы исключимъ тѣхъ генераловъ, которые впервые пошли на войну въ 1905 г., и тѣхъ генераловъ, которые обучались военному дѣлу на практикѣ войны русско-китайской и разныхъ средне-азіатскихъ войнъ, которыя не могутъ считаться войнами, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Среди генералъ-майоровъ оказывается 62 человѣка, среди генералъ-лейтенантовъ—16, среди полныхъ генераловъ—4, которые побывали только въ русско-китайской и средне-азіатской войнахъ. Далѣе нельзя не поставить подъ сомнѣніе и тѣхъ генераловъ, которые участвовали въ войнахъ, предшествовавшихъ русско-турецкой войнѣ, такъ какъ

условія, въ которыхъ велись эти войны, по всей своей обстановкѣ, по техникѣ военнаго дѣла вообще, по стратегіи и тактикѣ, не имѣютъ ничего общаго съ современными. Врядъ ли можно сомнѣваться, что старые генералы въ сущности вовсе не подходятъ къ новѣйшимъ войнамъ. Даже участники русско-турецкой и другихъ войнъ 1870—80 гг. (82 полныхъ генерала, 277 генералъ-лейтенантовъ и 644 генералъ-майора), и тѣ успѣли устарѣть въ военномъ отношеніи, такъ какъ военное дѣло за послѣднія тридцать лѣтъ сдѣлало весьма значительные успѣхи. Это и показалъ опытъ русско-японской войны.

«Количество крови своихъ подчиненныхъ, пролитое на полѣ сраженія, обратно пропорціонально поту, затраченному полководцемъ за книгой» не безъ остроумія замѣчаетъ г. Режепо. И обратно, добавимъ мы къ этому.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что образованіе, какъ и военная практика, вовсе уже не играетъ такой роли въ нарожденіи господъ россійскихъ генераловъ, какъ это слѣдовало бы ожидать. Что же въ такомъ случаѣ играетъ эту роль? Высокое родовитое происхожденіе? Принадлежность къ россійской національности и къ православоой религіи? Разберемъ и всѣ эти три фактора.

Н. А. Рубакинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

О современныхъ уголовно-политическихъ задачахъ *).

Почти два года прошло со времени послѣдняго собранія русской группы Международнаго Союза Криминалистовъ.

Невеликъ этотъ срокъ, самъ по себѣ взятый. Но намъ, пережившимъ его, кажется, что отъ того времени отдѣляетъ насъ безконечный промежутокъ, «цѣлая вѣчность». И это естественно: въ рамкахъ этихъ двадцати мѣсяцевъ, протекшихъ съ 20 апрѣля 1905 г., произошли въ жизни русскаго государства и русскаго общества колоссальныя, исключительныя явленія. Въ то время, какъ мы въ послѣдній разъ собирались, еще тянулся кошмаръ дальневосточной войны. Ляоянъ, Мукденъ, Портъ-Артуръ были уже пережиты, но Цусима еще оставалась впереди. Въ Петербургѣ диктаторствовалъ всесильный генералъ-губернаторъ. Всего сто дней отдѣляло насъ отъ 9 января. Общественное движеніе было придавлено. Пресса безмолвствовала. О съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей русское общество узнавало только черезъ зарубежные органы. Самое слово «конституція» оставалось запретнымъ. Правительство въ своихъ предположеніяхъ и обѣщаніяхъ не шло дальше «привлеченія достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній».

«Вящшее укрѣпленіе истиннаго самодержавія» признавалось имъ главной и первой задачей историческаго момента.

Прошло полгода, и манифестъ 17 октября торжественно возвѣстилъ начало новой эры, формально установивъ въ Россіи основное конституціонное начало—законодательную власть народнаго представительства.

Едва ли нужно напоминать о ходѣ послѣдующихъ событій, среди ко-

---

*) Печатаемая здѣсь рѣчь предназначена была для созваннаго на 7 января 1907 г. очередного общаго собранія русской группы Международнаго Союза Криминалистовъ. Какъ извѣстно, собраніе это фактически не состоялось, въ виду того, что изъ болѣе 300 членовъ группы прибыло всего 21 человѣкъ. Это обстоятельство показываетъ, что надежды и пожеланія, высказанныя въ рѣчи,—пока преждевременны...

(Прим. автора.)

торыхъ кульминаціоннымъ пунктомъ является созывъ Думы 27 апрѣля, 72-хдневная ея работа и роспускъ ея 9 іюля. Этотъ кульминаціонный пунктъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и единственной сколько-нибудь свѣтлой полоской только что закончившагося года. Тѣ, кто пережили дни, предшествовавшіе дню созыва и непосредственно за нимъ слѣдовавшіе, никогда не забудутъ того могучаго подъема настроенія, которое они испытали. Одно время могло казаться, что грань дѣйствительно перейдена, что мы дѣйствительно вступаемъ въ новое, свѣтлое будущее. Увы! Очень скоро наступило горькое разочарованіе, испытанъ былъ жестокій урокъ, стало ясно, какъ еще дологъ и тернистъ тотъ путь, который долженъ вывести Россію изъ зловѣщаго болота, постепенно засасывавшаго народную честь и народное достояніе, на широкую плодородную равнину свободной и законной жизни.

Среди всѣхъ этихъ событій, захватившихъ властно столь многихъ изъ насъ, нормальная, правильная жизнь многихъ и многихъ научныхъ союзовъ и организацій естественно должна была испытать потрясенія и перерывы. Въ особенности это должно было имѣть мѣсто тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о такихъ отрасляхъ знанія, которыя ближе всего соприкасаются съ политикой. Трудно и мало заманчиво производить маневры, необходимые въ мирное время, когда всѣ силы мобилизованы для настоящей войны. Бываютъ эпохи, когда трибуна политическаго оратора временно заслоняетъ каѳедру ученаго. Запросы дня захватываютъ всѣ наличныя культурно-политическія силы, не остается ни мѣста, ни времени для служенія другимъ цѣлямъ.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что такіе временные перерывы сами по себѣ въ высокой степени нежелательны и печальны въ странѣ, гдѣ научная культура еще находится на крайне низкой степени развитія. Мы должны напрячь всѣ усилія для того, чтобы не дать зачахнуть никакой отрасли этой культуры, чтобы сохранить тѣ силы, тѣ учрежденія, которыя призваны ей служить. Мы обязаны стремиться къ тому, чтобы съ возможно бо̀льшимъ, увеличившимся, а не уменьшившимся активомъ вступить въ новую жизнь, основанную на новыхъ началахъ.

Намъ, членамъ русской группы Международнаго Союза Криминалистовъ, надлежитъ имѣть въ виду, что въ настоящее время передъ нами ставится цѣлый рядъ проблемъ, научныхъ и практическихъ, такъ или иначе связанныхъ съ пережитой и еще переживаемой эпохой. Эта эпоха даетъ ученому-криминалисту прежде всего огромнѣйшій и богатѣйшій матеріалъ для теоретическаго научнаго изслѣдованія роста и формъ преступности въ революціонное время. Ученія уголовной соціологіи твердо установили начало зависимости преступленія, какъ соціально-патологическаго явленія, отъ общественныхъ факторовъ. Въ нормальныя, мирныя эпохи и зависимость эта, и самые факторы не выступаютъ съ такой конкретной очевидностью. Но въ рѣдкія эпохи, подобныя переживаемой нами, когда вся общественная жизнь взбудоражена, преступность принимаетъ массовый, стихійный

характеръ. Утрачивается психологическое значеніе угрозы карательнаго закона. Самыя жизненныя блага падають въ цѣнѣ, теряется критерій. Чѣмъ безпощаднѣе репрессія, тѣмъ легче и скорѣе зрѣетъ преступная рѣшимость. Бороться противъ этой бушующей волны путемъ самыхъ рѣшительныхъ, самыхъ жестокихъ мѣръ—становится совершенно безплоднымъ дѣломъ. Пока общія условія не измѣнятся, результатъ ихъ—стихійная преступность—также пребудетъ неизмѣннымъ.

Правительство думало найти панацею въ учрежденіи военно-полевыхъ судовъ и въ примѣненіи смертной казни въ небывалыхъ у насъ размѣрахъ. По самымъ общимъ подсчетамъ, количество приведенныхъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, начиная съ конца августа, достигаетъ шестисотъ, а за весь 1906 г. доходитъ до 1,000. И тѣмъ не менѣе, до самаго послѣдняго времени незамѣтно ослабленія не только въ проявленіяхъ террора (относительно котораго репрессіи давно уже обнаружили свою несостоятельность), но и въ вульгарной, такъ сказать, преступности, выражающейся въ грабежахъ, разбойническихъ нападеніяхъ, поджогахъ и т. п. Никогда еще не демонстрировалось съ такою очевидностью и безспорностью положеніе, отвергающее устрашающее значеніе наказанія, или, во всякомъ случаѣ, отводящее этому элементу устрашенія надлежащее, весьма скромное и ограниченное мѣсто.

Остановимся еще на одномъ моментѣ. Мы не раздѣляемъ взгляда Людвига фонъ Бара, усматривающаго главную цѣль наказанія въ нравственномъ порицаніи. Но мы вполнѣ признаемъ зерно истины, заключающейся въ этой мысли. Въ наказаніи несомнѣнно должно выразиться и нравственное осужденіе. Уголовный судъ не только призванъ защищать матеріальные интересы общежитія: творя правосудіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отстаиваетъ тотъ этическій минимумъ, которымъ, по опредѣленію Іеллинека, и является право. И если судъ и наказаніе совершенно теряютъ эти нравственные элементы, они утрачиваютъ свое цивилизующее значеніе и весьма легко являются орудіями угнетенія—и больше ничѣмъ.

Такую именно картину мы наблюдаемъ въ примѣненіи къ цѣлымъ обширнымъ категоріямъ уголовныхъ процессовъ послѣдняго времени. Въ огромной массѣ такъ называемыхъ «литературныхъ процессовъ», въ тѣхъ процессахъ, далѣе, которые по существу представляли собою лишь ликвидацію освободительнаго движенія прошлаго года, мы видѣли, что сочувствіе огромнаго большинства общества было всецѣло на сторонѣ обвиняемыхъ и осужденныхъ. При такихъ условіяхъ судъ лишается той нравственной опоры, которую ему должно бы было давать общество. Всѣ мы прекрасно понимаемъ, что большая часть указанныхъ выше дѣлъ, если бы они разсматривались судомъ присяжныхъ, повлекли бы за собою либо оправдательные приговоры, либо, во всякомъ случаѣ, крайнюю степень снисхожденія.

Въ глазахъ общества коронный судъ при такихъ условіяхъ дискредитируется, уголовная судимость теряетъ во многихъ и многихъ случаяхъ

свое одіозное значеніе не только для самихъ обвиняемыхъ, но и въ глазахъ всего общества. Ст. 129 угол. улож., какъ извѣстно, угрожаетъ, между прочимъ, поселеніемъ. И вотъ мы видимъ, что сама по себѣ судимость по ст. 129, лишая весьма важныхъ и существенныхъ правъ, зачастую отнюдь не отнимаетъ ни общественной репутаціи, ни правъ на уваженіе. Между тѣмъ, повторяемъ, судъ и наказаніе, утрачивая этическіе элементы, теряютъ и огромную долю своего воспитательно-репрессивнаго значенія. Изучая переживаемую нами эпоху, криминалистъ еще разъ придетъ и въ этомъ отношеніи къ убѣжденію въ томъ, что одно устрашеніе, положенное въ основу суда и наказанія,—безплодное и нецѣлесообразное начало.

Международный Союзъ Криминалистовъ, какъ извѣстно, преслѣдуетъ не только цѣли научнаго изслѣдованія. Онъ ставитъ себѣ и практическія задачи въ области уголовнаго законодательства. Въ настоящее время, съ учрежденіемъ народнаго представительства, русская группа получаетъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе обширное и благодарное поле дѣятельности, по сравненію съ тѣмъ, которымъ она располагала, когда законодательное творчество сосредоточивалось въ закрытыхъ бюрократическихъ коммиссіяхъ. Мы коснемся лишь немногихъ изъ тѣхъ важнѣйшихъ очередныхъ задачъ, которыя ей въ этомъ отношеніи предстоятъ.

Одной изъ нихъ посвященъ тотъ докладъ, который составитъ предметъ обсужденія нынѣшняго собранія. Вопросъ объ установленіи такого порядка преслѣдованія должностныхъ лицъ за преступленія противъ службы, который дѣйствительно гарантировалъ бы интересы потерпѣвшихъ и правосудія,—вопросъ этотъ связанъ съ одной изъ самыхъ больныхъ и мрачныхъ сторонъ нашего современнаго строя. При нынѣшней системѣ цѣлые классы лицъ фактически оказываются безотвѣтственными, существуетъ возможность безъ всякаго труда оставлять безъ серьезныхъ послѣдствій самыя вопіющія злоупотребленія. Наука и публицистика давно уже оцѣнили по достоинству этотъ порядокъ, являвшійся однимъ изъ коренныхъ устоевъ стараго режима. Онъ долженъ быть упраздненъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Существующій и уже внесенный въ Государственную Думу проектъ остановился въ этомъ отношеніи на полпути. Безъ сомнѣнія, мы услышимъ критику этого проекта, и я увѣренъ, что и самъ докладчикъ, и участники въ преніяхъ внесутъ въ этомъ отношеніи цѣнныя и вѣскія данныя.

Ровно два года тому назадъ русская группа Международнаго Союза Криминалистовъ на съѣздѣ въ Кіевѣ, выслушавъ докладъ проф. Сикорскаго «О впечатлѣніяхъ человѣка при видѣ смертной казни», единогласно и безъ преній приняла резолюцію, гласившую, что «смертная казнь, сохранившаяся въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ только за нѣкоторыя, такъ называемыя, политическія преступленія, а на практикѣ широко примѣняемая и во многихъ другихъ случаяхъ, должна быть безусловно исключена изъ нашихъ уголовныхъ кодексовъ, такъ какъ нѣтъ такихъ

интересовъ или соображеній государственнаго характера, которые могли бы оправдать ея примѣненіе».

Въ этой резолюціи выразился взглядъ, давно уже господствовавшій въ русской литературѣ. Лозунгъ «долой смертную казнь» сдѣлался однимъ изъ самыхъ популярныхъ лозунговъ нашего освободительнаго движенія, еще въ то время, когда наказаніе это не примѣнялось въ такихъ ужасающихъ, неслыханныхъ размѣрахъ, какъ теперь. Всѣмъ извѣстна исторія разсмотрѣнія Думою законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни. Послѣ упорнаго сопротивленія со стороны министерства г. Горемыкина, законопроектъ былъ Думой принятъ *единогласно*. Это—первый и единственный законопроектъ, который Дума успѣла разсмотрѣть по существу и окончательно принять. Надо думать, что по этому вопросу народное представительство сказало свое послѣднее слово. Всѣ сознательные элементы общества, а тѣмъ болѣе свободныя научныя организаціи, подобныя нашей, должны упорно и дѣятельно стремиться къ тому, чтобы поддерживать тотъ протестъ противъ «смерто-убійства на законномъ основаніи», который пробился наружу даже въ странѣ, гдѣ уголовно-политическій консерватизмъ необыкновенно глубокъ и силенъ,—я говорю о Франціи, въ которой вопросъ объ отмѣнѣ смерной казни теперь стоитъ на очереди.

Другой практической задачей въ области уголовной политики является упраздненіе той системы административныхъ репрессій, которая свирѣпствуетъ у насъ въ столь мрачныхъ и тягостныхъ формахъ. Основное правило нашего устава уголовнаго судопроизводства, гласящее, что «никто не можетъ быть наказанъ за преступленіе или проступокъ, подлежащіе судебному вѣдомству, иначе, какъ по приговору надлежащаго суда, вошедшему въ законную силу»—правило это давно уже обратилось въ мертвую букву. Отдаленныя окраины населяются административно-ссыльными, условія существованія которыхъ не поддаются описанію. Полицейскія учрежденія и единоличные администраторы распоряжаются свободой и имуществомъ обывателя, постановляя безапелляціонныя и немотивированныя рѣшенія. Сама высшая администрація, въ лицѣ даже такихъ ея представителей, какъ П. Н. Дурново, одной рукой давно уже открещивается отъ тѣхъ мѣръ, которыя она же расточаетъ другою. Административныя кары—это одна изъ наиболѣе отвратительныхъ и наиболѣе характерныхъ язвъ стараго строя, органически съ нимъ связанная и фактически пережившая провозглашенную его отмѣну.

Нельзя, наконецъ, не остановиться на томъ необычномъ положеніи, въ которомъ находится наше уголовное законодательство. Уголовное уложеніе утверждено почти четыре года тому назадъ. Частичное введеніе его въ дѣйствіе послѣдовало въ 1904 г., причемъ краткій отчетъ судебнаго примѣненія введенныхъ въ дѣйствіе главъ обнаружилъ въ нихъ весьма существенные дефекты. Напомню, хотя бы, пресловутую ст. 129, задуманную въ довольно правильной формѣ редакціонной комиссіей и совершенно изуродованную въ тѣхъ бюрократическихъ совѣщаніяхъ, черезъ

которыя она прошла. Во всѣхъ прочихъ областяхъ продолжается дѣйствіе устарѣвшихъ, отжившихъ кодексовъ—Уложенія и устава о наказаніяхъ, рядомъ съ которыми въ самое послѣднее время выросъ цѣлый лѣсъ новеллъ, наскоро задуманныхъ и небрежно выработанныхъ. Нестройное, пестрое, частью омертвѣвшее, частью мертворожденное,—законодательство это требуетъ полнаго обновленія. Я не хочу и не могъ бы умалить огромной заслуги составителей уголовнаго уложенія. Я всегда былъ и остаюсь, напротивъ, горячимъ и убѣжденнымъ защитникомъ ихъ исторической и научной заслуги. Но совершенно несомнѣнно, что наступающее «преображеніе всей жизни» вызываетъ необходимость внимательнаго пересмотра основныхъ началъ и точекъ отправленія какъ самыхъ диспозицій новаго уголовнаго уложенія, такъ и всей его карательной системы. Эта задача должна быть выполнена въ ближайшемъ будущемъ. Она возлагаетъ огромную и сложную работу на русскихъ криминалистовъ.

Представленный здѣсь бѣглый обзоръ показываетъ, какъ обширна та область, въ которой мы можемъ и должны найти приложеніе всѣхъ нашихъ научныхъ силъ. Мнѣ кажется, что въ настоящее время наши мѣстныя, практическія задачи должны стоять для насъ на первомъ планѣ. Конечно, намъ необходимо поддерживать живое общеніе съ научной жизнью Запада. Русская группа должна продолжать чувствовать и сознавать себя членомъ международнаго научнаго союза. Но всѣ наши силы и всю нашу энергію мы прежде всего и болѣе всего должны посвятить тому, чтобы и въ тѣхъ областяхъ законодательства и политики, въ которыхъ мы призваны работать, осуществлены были элементарныя, давно на Западѣ установившіяся, и все еще для насъ далекія начала: справедливости, уваженія къ личности и охраны права. Только когда эта элементарная задача будетъ осуществлена, когда мы безъ возврата и безъ остатка покончимъ со всѣми пережитками стараго строя, только тогда въ возродившейся русской жизни научная работа теоретика перестанетъ быть кабинетнымъ трудомъ, оторваннымъ отъ жизни, не берущимъ отъ нея ничего и ничего ей не дающимъ. Тогда она получитъ надлежащее мѣсто въ жизни и сдѣлается дѣйствительно необходимымъ и плодотворнымъ ея элементомъ.

Влад. Набоковъ.

Религія и политика.

Кризисъ, всколыхнувшій всю русскую жизнь до самаго дна, не могъ естественно не коснуться одной изъ сторонъ не только русской, но вообще человѣческой жизни, и религіозный вопросъ все чаще ставится передъ нынѣшнимъ поколѣніемъ не въ догматической, а чисто практической формѣ: каково должно быть отношеніе общественнаго движенія къ религіи и обратно. Во всей области запутанныхъ вопросовъ современности едва ли найдется одинъ, который вызываетъ больше разногласій, ибо самыя противоположныя политическія стремленія стараются опереться на религіозный авторитетъ и на тѣ чувства, которыя вызываются въ человѣкѣ религіознымъ воодушевленіемъ. Можетъ быть, самымъ характернымъ отличіемъ современной русской революціи отъ французской 1789 года является отсутствіе того антирелигіознаго теченія, которое замѣчалось тогда: большинство политическихъ дѣятелей игнорируютъ религію вовсе, но нѣтъ, кажется, ни одного, который поставилъ бы себѣ задачей истребить ее, и напротивъ есть цѣлая группа, которая пытается установить прямую связь христіанской религіи съ политическимъ и соціалистическимъ движеніемъ. Это терпимое отношеніе къ религіи тѣмъ болѣе замѣчательно, что офиціальные представители господствующей церкви заявили себя въ большинствѣ такими угодливыми слугами властей предержащихъ, такъ безропотно поддавались вмѣшательству ихъ въ дѣла вѣры и допустили такую безцеремонную эксплоатацію религіи въ интересахъ стараго порядка, что психологически была бы понятна даже слѣпая вражда къ самой религіи изъ-за ея недостойныхъ представителей.

Однако такой вражды не замѣчается, и это даетъ возможность спокойно и объективно изслѣдовать вопросъ о взаимоотношеніи двухъ великихъ факторовъ общественной жизни и прогресса человѣчества: религіи и политики. Изслѣдованіе это намъ представляется полезнымъ, потому что, во-первыхъ, мы полагаемъ, что религіозному движенію предстоитъ еще видная роль въ судьбахъ человѣчества, во-вторыхъ, нѣкоторые публицисты, увлекающіеся идеей немедленно обратить религію въ орудіе соціальной политики, неправильно понимаютъ взаимоотношеніе обѣихъ и рискуютъ этимъ повредить и той и другой. Смѣшивать двѣ эти вещи была всегда тьма охотниковъ, но ничего, кромѣ вреда для человѣчества, отъ этого не выходило.

I.

Мы оставляемъ, понятно, въ сторонѣ метафизическій вопросъ объ отношеніи религіи къ другимъ сторонамъ человѣческой мысли, объ ея объективномъ и субъективномъ основаніи; мы беремъ религію какъ конкретный фактъ, достаточно извѣстный и въ его историческомъ развитіи, и въ его психологическомъ содержаніи. Мы пока отвлекаемся отъ какой-либо положительной религіи и будетъ говорить лишь о религіи вообще, переходя впослѣдствіи къ тѣмъ частнымъ осложненіямъ, какія вноситъ въ вопросъ конкретное содержаніе христіанства. Религія въ настоящее время интересуетъ насъ, какъ факторъ соціальной эволюціи, а та фаза эволюціи, какая происходитъ на нашихъ глазахъ, не только придаетъ особый практическій интересъ вопросу, но поможетъ разобраться и въ немъ.

Мы понимаемъ подъ религіей извѣстное міровоззрѣніе, объясняющее, съ одной стороны, общій строй мірозданія, доходя до его основного начала и конечныхъ цѣлей, и съ другой стороны—положеніе человѣка въ этой системѣ міра, его отношеніе къ первоисточнику всего и, въ зависимости отъ этого, конечную цѣль, его назначеніе на землѣ, откуда уже вытекаетъ практическая часть религіознаго ученія—рядъ нравственныхъ предписаній, опредѣляющихъ какъ обязанности человѣка по отношенію къ высшей силѣ, началу всѣхъ началъ, такъ и его поведеніе въ теченіе земной жизни, идеалъ, который онъ долженъ себѣ ставить, и способы, которыми онъ долженъ его осуществлять. Не всякая религіозная система даетъ отвѣты на всѣ эти вопросы: греческая государственная религія не указывала человѣку никакого идеала, а сама христіанская религія даетъ весьма смутный отвѣтъ о цѣли мірозданія внѣ вопроса о спасеніи человѣчества, но вся очерченная область несомнѣнно принадлежитъ религіи, и чѣмъ далѣе, тѣмъ, конечно, будутъ выработаннѣе религіозныя системы, тѣмъ полнѣе и возвышеннѣе будутъ отвѣты на эти вопросы.

Кромѣ своего сверхъестественнаго источника, на который ссылаются всѣ религіи, и недоступности повѣрки ихъ основныхъ положеній раціональнымъ путемъ, религіи отличаются отъ научныхъ и отъ философскихъ системъ, во-первыхъ, обширностью своего содержанія, ибо религія не останавливается ни передъ какими преградами, которыя задерживаютъ логическую мысль или опытное изслѣдованіе, а во-вторыхъ, религія дѣлаетъ изъ своихъ положеній немедленные практическіе выводы, имѣющіе характеръ обязательности. Правда, метафизика старается иногда отвѣтить на [...]ныя основы проблемы знанія, но, покидая твердую почву, она создаетъ [с]истемы, имѣющія не болѣе достовѣрности, чѣмъ религія, а между тѣмъ [н]евыгодно отличается отъ нея тѣмъ, что, не ссылаясь на сверхчувствен[ны]й авторитетъ, не въ состояніи заставить признать достовѣрность сво[и]хъ построеній, а дѣлая изъ нихъ практическіе выводы, вынуждена ограничиться благожелательными совѣтами, не имѣя власти требовать их[ъ] [ис]полненія.

Изъ сущности религіи вытекаютъ нѣкоторыя важныя для нашего предмета слѣдствія. Во-первыхъ, религія берется отвѣтить на всѣ вопросы, охватить человѣка цѣликомъ, регулировать всю его жизнь. Во-вторыхъ, религія всѣ свои требованія предъявляетъ въ категорической, не допускающей споровъ и измѣненій формѣ. Въ-третьихъ, религіи культурныя, имѣющія выработанную систему морали (а такія только религіи имѣютъ теперь практическое значеніе), обращаются къ человѣку, какъ личности, требуютъ отъ него индивидуальныхъ усилій, всѣ свои идеальныя цѣли проводятъ черезъ личность, и въ этой личности религія затрогиваетъ самыя глубокія струны, обращается къ не поддающимся внѣшнему воздѣйствію интимнымъ сторонамъ человѣческой личности, находятъ свою точку приложенія въ человѣческой совѣсти. Именно благодаря тому, что религія проникаетъ всего глубже, охватываетъ человѣка безраздѣльно, она способна вызвать въ человѣкѣ такое воодушевленіе, вести его на такіе подвиги, какіе онъ неспособенъ совершить подъ вліяніемъ иныхъ побужденій. Поэтому даже, когда подобные подвиги совершаются по какимъ-нибудь инымъ, не религіознымъ мотивамъ, состояніе человѣка, способнаго подъ вліяніемъ идеи на подвигъ, склонны всегда сравнивать съ религіознымъ въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ (фанатизмъ, мученичество, миссіонерство). И дѣйствительно, когда настроеніе, вызванное въ человѣкѣ идеей нерелигіознаго свойства, доходитъ до той высоты, на которой она охватываетъ его всецѣло и ведетъ къ самопожертвованію, эта идея принимаетъ всѣ характерные признаки религіозной идеи: безпрекословное преклоненіе передъ нею, нетерпимость къ другимъ идеямъ, стремленіе не только свою личную жизнь подчинить ей, но и весь міръ передѣлать сообразно ей.

Если брать не крайнія проявленія, гдѣ одинъ порядокъ явленій начинаетъ переходить въ другой, то изъ сопоставленія характерныхъ особенностей религіозной жизни и политической вытекаютъ важныя практическія послѣдствія.

Религія беретъ на себя задачу отвѣтить на основные, вѣчные вопросы міра и жизни; политика—на вопросы общественной жизни, которые она притомъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія конкретныхъ условій даннаго общества и даннаго момента. Поэтому политическое ученіе никогда не можетъ такъ всецѣло захватить человѣка, не можетъ удовлетворить его основныхъ запросовъ, ибо сами политическія ученія являются уже производнымъ продуктомъ извѣстнаго религіознаго, философскаго или научнаго міровоззрѣнія, а чаще—смѣшеніе всѣхъ этихъ элементовъ. Если находятся люди, которые всецѣло довольствуются политической жизнью и находятъ въ ней полное удовлетвореніе, то это лишь доказательство извѣстной духовной ограниченности, невниманія къ кореннымъ вопросамъ бытія, къ тѣмъ основамъ, на которыхъ сознательно или безсознательно строятся политическія убѣжденія. Вслѣдствіе зависимости политическихъ теорій отъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній, доказательство которыхъ

лежитъ внѣ области политической мысли, политика обречена играть подчиненную роль. Политическая система есть попытка приложенія общихъ началъ къ даннымъ общественнымъ условіямъ, какъ бы эти начала ни были добыты—логическимъ, опытнымъ или сверхчувственнымъ путемъ. Какъ истины производныя, политическія ученія несомнѣнно ограниченнѣе, чѣмъ общефилософскія или религіозныя, но не только потому, что вмѣстѣ съ опроверженіемъ основного міровоззрѣнія должны сами собой пасть опирающіяся на него политическія убѣжденія, а также потому, что политика ближе къ жизни, чѣмъ метафизическая теорія или религіозное ученіе, она берется проводить нѣчто непосредственно въ жизнь и потому обязана считаться съ дѣйствительнымъ положеніемъ общества. Жизнь не допускаетъ осуществленія идей въ чистомъ видѣ,. хотя бы даже эти идеи были добыты путемъ опытнаго знанія, ибо выводы науки представляютъ всетаки отвлеченіе, общія схемы развитія, которыя никогда и нигдѣ въ чистомъ видѣ не осуществлялись. Религіозныя идеи, какъ наиболѣе широкія и стремящіяся охватить всѣ стороны человѣка, труднѣе всего примѣнимы къ жизни и потому требуютъ цѣлыхъ вѣковъ для того, чтобы войти въ жизнь, и притомъ сильнѣе всего искажаются при своемъ осуществленіи.

Въ этомъ кроется первая опасность смѣшенія религіозныхъ и политическихъ задачъ. Политика служитъ между прочимъ и для проведенія религіозныхъ идеаловъ въ жизнь (кромѣ идеаловъ, на политику вліяютъ и многіе другіе факторы). Если позволено будетъ такъ выразиться, политика является той пружиной, которая передаетъ толчокъ изъ идейной области въ практическую, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ смягчаетъ и регулируетъ этотъ толчокъ. Тѣ же идеи, которыя проповѣдуются религіей, могутъ входить и въ политическую программу, но получаютъ здѣсь иную постановку. Разница между религіозной и политической формой выраженія идей такъ же велика, какъ между художественной и научной обработкой одной и той же темы. Такъ какъ цѣли отчасти совпадаютъ, то является неудержимое стремленіе подчинить политику религіи и перенести въ первую религіозныя требованія цѣликомъ, чѣмъ какъ будто обезпечивается полное достиженіе религіознаго идеала. Но забвеніе различныхъ задачъ обѣихъ приводитъ лишь къ тому, что искажается и религіозная чистота ученія, и практическая цѣлесообразность и жизненность политической программы. Если религіозные проповѣдники обращаются въ политиковъ и превращаютъ свои нравственныя заповѣди въ законопроекты, то какъ бы они ни старались хранить чистоту ученія,—невозможность провести идеалъ, проповѣдуемый ...игіей, во всей чистотѣ беретъ свое, цѣльность и идеальная высота ...яютъ свой блескъ и свое обаяніе отъ соприкосновенія съ жизнью и, ...емясь къ практическому успѣху, религіозные политики жертвуютъ да...ими и вѣчными интересами своего ученія. Насколько чистота ученія ...ннѣетъ отъ внесенія его въ водоворотъ политической борьбы—это до...ываетъ вся исторія христіанской церкви, и характерно, что то же явленіе

происходитъ съ нерелигіозными утопическими ученіями, которыя для нѣкоторыхъ замѣняютъ теперь религію: одно участіе въ парламентской дѣятельности непримиримымъ соціалистамъ кажется уже измѣной принципамъ, и съ своей сектантской точки зрѣнія они правы, ибо несомнѣнно жизнь требуетъ отъ политическаго дѣятеля компромиссовъ, которые недопустимы для строгаго идеалиста. Съ другой стороны, политическая программа, стремящаяся провести идеалистическія требованія цѣликомъ, вынуждена задаваться такими цѣлями, которыя недостижимы даже для самодержавнаго повелителя, ибо всѣ попытки самыхъ абсолютныхъ правителей перекроить народъ по своему идеалу всегда оканчивались неудачей. Забирая слишкомъ высоко, программа теряетъ твердую почву подъ ногами, отрывается отъ жизни и, непосильно напрягая и разбрасывая силы той партіи, которая берется за ея осуществленіе, мѣшаетъ ей принести ту пользу, на какую она была бы способна. Мало того, такая политика дискредитируетъ самыя идеи, которымъ служитъ, ибо внушаетъ убѣжденіе, что эти идеи вовсе неосуществимы, тогда какъ неудача ихъ зависѣла лишь отъ неумѣлаго и поспѣшнаго введенія ихъ въ жизнь, безъ подготовки того фундамента, на которомъ онѣ могли бы быть упрочены, а въ политической области крушеніе такихъ идеалистическихъ партій ведетъ къ господству ихъ противоположности—узко-практической политикѣ, преслѣдующей лишь корыстные интересы отдѣльныхъ общественныхъ группъ.

Вторая опасность, какая возникаетъ отъ перенесенія въ область политики религіозныхъ принциповъ и задачъ, связана съ абсолютнымъ характеромъ религіи. Религія не терпитъ раздѣла ни съ кѣмъ, она даетъ то, что считаетъ за абсолютную истину, и потому не можетъ допустить какого-нибудь равноцѣннаго ученія, не можетъ позволить своимъ сторонникамъ служить одновременно двумъ господамъ, принимать изъ одного ученія одно, изъ другого другое. Такой эклектизмъ совершенно противорѣчитъ духу религіи, и когда онъ появляется, онъ знаменуетъ упадокъ не только данной положительной религіи, но религіознаго чувства и мышленія вообще. Тѣ нравственныя правила, которыя преподаетъ своимъ сторонникамъ религіозное ученіе, также являются абсолютными, непререкаемыми требованіями въ силу того, что они исходятъ отъ высшаго въ мірѣ авторитета. Отсюда наклонность всякой религіи къ нетерпимости, которая въ извѣстномъ смыслѣ составляетъ ея неотъемлемую часть. «Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене»,—это общій принципъ всѣхъ религій, и религія можетъ считать себя удовлетворенной, только когда всецѣло и безраздѣльно царитъ въ душѣ человѣка. Безраздѣльное господство религіи необходимо, потому что только оно обезпечиваетъ то единство мысли и чувства, которое составляетъ силу истиннаго религіознаго воодушевленія. Всякое сомнѣніе въ истинности религіи, колебаніе между двумя божествами или двумя ученіями уже раздробляетъ религіозную энергію, вноситъ смуту и разладъ въ душу, заставляетъ человѣка, пошедшаго за проповѣдникомъ, озираться назадъ, вспоми-

нать о другихъ обязанностяхъ и заботахъ и не даетъ ему того мира душевнаго, который обѣщаетъ религія, изъ-за котораго она привлекаетъ къ себѣ послѣдователей. Сосредоточить всю духовную жизнь вокругъ одного вѣрованія, подчиниться одному нравственному принципу, направить всю энергію человѣка на одну цѣль,—въ этомъ задача религіи и въ этомъ ея сила. Всякій компромиссъ только затемняетъ эту задачу, обезсиливаетъ въ корнѣ религіозный энтузіазмъ. Поэтому никакая религія не можетъ обнаруживать терпимости къ другой вѣрѣ, но пока борьба остается въ нравственной области, она никакого отталкивающаго характера не пріобрѣтаетъ: слово убѣжденія, единственное ея оружіе, и въ случаѣ отпаденія или неправовѣрія послѣдователя, самое сильное наказаніе, примѣнимое къ нему,—отлученіе отъ общества вѣрующихъ, какъ вообще нарушеніе правилъ какого-либо союза лицъ, преслѣдующихъ однѣ цѣли, влечетъ за собой исключеніе изъ этого союза. Однако, указанное свойство религіи таитъ въ себѣ опасный зародышъ, который немедленно даетъ себя чувствовать, какъ только религіозная проповѣдь переходитъ поставленныя ей границы и обращается въ политическую пропаганду. Абсолютность требованій и нетерпимость къ постороннимъ ученіямъ переносится тогда въ политическую область. Во имя того, что религіозное ученіе опирается на высшій авторитетъ, она требуетъ себѣ въ государственной области исключительныхъ правъ, а высокая цѣль пересозданія человѣчества по принципамъ религіи даетъ сторонникамъ оправданіе въ примѣненіи самыхъ крутыхъ мѣръ воздѣйствія противъ всѣхъ, несогласныхъ съ ними. Политическіе противники становятся уже не равноправными, одинаково уважаемыми сторонами; напротивъ, одни считаются правовѣрными, остальные—еретиками, и часто секты, бывшія долго на положеніи еретиковъ, достигнувъ власти, сами становятся въ положеніе преслѣдователей (Кальвинъ). Къ прежнимъ мѣрамъ духовнаго воздѣйствія прибавляется новое—государственное принужденіе, т.-е. насиліе, и близорукимъ сторонникамъ кажется, что отъ этого сила ихъ церкви или секты возросла. Наоборотъ, она уменьшилась, потому что, взявъ новое оружіе, она покинула старое, единственное ей свойственное. Одновременное осуществленіе задачъ религіи словомъ и мечомъ психологически невозможно. Дѣйствующіе мечомъ, во-первыхъ, отталкиваютъ отъ себя массу, видящую насиліе со стороны представителей религіи, и, во-вторыхъ, сами начинаютъ полагаться исключительно на силу меча. Это средство кажется идущимъ прямѣе къ цѣли, чѣмъ медленная проповѣдь, оно съ виду внушительнѣе, и потому всякій союзъ съ государственной властью неизмѣнно и немедленно начинаетъ развращать то религіозное общество, которое вступило въ него. Іаденіе христіанской церкви начинается съ того момента, какъ римскій императоръ взялъ ее подъ свое покровительство: богаче имуществомъ, ѣднѣе добродѣтелью,—такъ характеризовали ее въ византійскую эпоху ...цы церкви. Въ свою очередь политическая жизнь страдаетъ не менѣе ...ъ такого противоестественнаго союза. Вся нетерпимость, на какую спо-

собна только религія, примѣняется въ политическихъ спорахъ. Противники объявляются не только врагами, а исчадіями діавола, съ которыми всѣ средства дозволены. Отлученіе отъ церкви кажется слишкомъ слабымъ наказаніемъ, или правильнѣе: отлученнаго отъ церкви считаютъ невозможнымъ держать и въ политическомъ союзѣ—государствѣ, и не только изгоняютъ, а сжигаютъ. Никакая свободная политическая жизнь становится невозможна, и вмѣшательство политиковъ, воодушевленныхъ религіознымъ фанатизмомъ, доходитъ до такого мелочного вмѣшательства въ обыденную жизнь, какъ запрещеніе печь плумъ-пудинги, которымъ ознаменовали свое господство англійскіе пуритане временъ Кромвеля. Примѣняя вмѣсто нравственнаго осужденія физическое насиліе, подобная сектантская политика сѣетъ, вмѣсто любви и почтенія къ религіи, ненависть и компрометируетъ не только свою религію, но религію воообще. Антирелигіозное движеніе XVIII вѣка отчасти вызывалось драгонадами католической церкви.

Третье и самое опасное для религіи послѣдствіе отъ вторженія въ область политики заключается въ томъ, что теряется изъ виду основная задача ея. Религія всегда обращается къ личности, отъ нея требуетъ извѣстныхъ дѣйствій или, наоборотъ, воздержанія, и можетъ считать свою задачу исполненной, когда отдѣльная личность сознательно подчинитъ свою жизнь этимъ требованіямъ. Ходячее представленіе о сущности христіанскаго ученія, какъ проповѣди спасенія души, выражаетъ неполно и вульгарно одну изъ основныхъ чертъ не только христіанскаго, но и всякаго культурнаго религіознаго ученія: буддизмъ или магометанство не менѣе стремятся доставить вѣрующему райское блаженство или забвеніе нирваны и содержатъ рядъ нравственныхъ правилъ. Въ древнихъ государственныхъ религіяхъ, наприм., греческой и римской, имѣется та же черта, съ тѣмъ лишь различіемъ, что нравственныя правила исчерпываются ритуаломъ, а забота о спасеніи личности замѣнена заботой о благополучіи домашняго очага, племени, города или государства. Именно поэтому въ древнихъ государствахъ возможно было такое тѣсное единеніе государства и религіи и именно въ словахъ Христа «воздайте кесарево—кесарю, а божье—Богу», заключался капитальный переворотъ, внесенный въ міръ христіанствомъ. Непониманіе этихъ словъ и отзвукъ языческаго міровоззрѣнія въ византійскихъ императорахъ повелъ къ искаженію задачъ православной церкви, къ забвенію истиннаго характера религіи во всей ея чистотѣ. Работа надъ личностью человѣка, посредничество между нею и Богомъ составляетъ основную задачу христіанской церкви, и мы не можемъ себѣ представить теперь религіи, которая отвергла бы эту задачу, потому что сознательная человѣческая личность уже не можетъ разсматриваться никакимъ ученіемъ, какъ простая клѣтка общественнаго организма. Если экономическій матеріализмъ склоненъ смотрѣть на человѣка, какъ на простой продуктъ экономическихъ условій, то это лишь одно изъ противорѣчій его догмы съ идеальными требованіями свободнаго развитія личности, какія онъ же себѣ ставитъ, и въ практической области это про-

тиворѣчіе приводитъ къ другому: возлагая надежду на экономическую эволюцію, какъ на единственный факторъ прогресса, партія, раздѣляющая это ученіе, однако, занимается усерднѣе всѣхъ другихъ партій распространеніемъ своихъ взглядовъ и вербовкой сторонниковъ, придавая преувеличенное значеніе численному превосходству партіи.

Всякая политическая партія, несомнѣнно, дѣйствуетъ помощью привлеченія къ себѣ членовъ, путемъ убѣжденія лицъ, но это лишь въ цѣляхъ завоеванія политической власти. Привлеченіе членовъ является только оружіемъ, главной же цѣлью остается проведеніе принциповъ партіи въ жизнь через посредство государственной власти. Привлеченіе членовъ имѣетъ значеніе только, поскольку эти члены являются въ государствѣ полноправными, и только при господствѣ всеобщаго и равнаго голосованія является необходимость привлекать къ себѣ большинство населенія. Этого абсолютнаго большинства не имѣетъ ни одна господствующая партія, потому что всегда масса избирателей вовсе воздерживается отъ того, чтобы проявлять свою волю, а среди противниковъ встрѣчаются разныя теченія, которыя разбиваютъ голоса оппозиціи и тѣмъ доставляютъ власть относительно сильнѣйшей партіи, иногда сильной не числомъ голосовъ, а составомъ членовъ или матеріальнымъ богатствомъ. Къ этому завоеванію власти направлены усилія всякой политической партіи, причемъ въ конституціонной странѣ власть завоевывается въ открытомъ избирательномъ бою, а въ неконституціонной—при помощи придворныхъ интригъ, а иногда кровавыхъ переворотовъ. Все, что партія дѣлаетъ, направлено къ этой цѣли, въ ней смыслъ существованія партіи и только съ момента полученія власти развертывается она во всю ширь, только тогда можетъ она осуществлять свою программу. Достоинство личностей, составляющихъ партію, интересно для нея, только поскольку отъ ихъ талантовъ зависитъ успѣхъ партіи и, напротивъ, отъ ихъ ошибокъ и злоупотребленій можетъ пострадать ея репутація. Даже искренность убѣжденій не играетъ первой роли. Извѣстный обязательный нравственный уровень, который поддерживается во всѣхъ порядочныхъ партіяхъ путемъ исключенія недостойныхъ членовъ, является уже уступкой этически-религіознымъ воззрѣніямъ, и даже когда доходитъ до крайности, наприм., въ дѣлѣ исключенія Парнеля изъ партіи за прелюбодѣяніе, нравственная тенденція является элементомъ, привнесеннымъ со стороны, чуждымъ политической программѣ партіи. Мы не хотимъ этимъ выразить осужденіе такому привнесенію, напротивъ, мы считаемъ необходимымъ подчинить и политическую борьбу извѣстнымъ нравственнымъ принципамъ, но тутъ уже политическая сторона отходитъ на второй планъ, больше того, страдаетъ, какъ въ дѣлѣ Парнеля, и оттого завзятые политики очень часто снисходительно смотрятъ на нравственные проступки своихъ сочленовъ ради интересовъ партіи. Сочетать нравственную чистоту съ успѣшнымъ преслѣдованіемъ своихъ партійныхъ цѣлей составляетъ весьма трудную тактическую задачу всякой партіи.

Въ религіозномъ обществѣ—церкви, сектѣ, коммунѣ—нравственное до-

стоинство личности выдвигается на первый планъ, во-первыхъ, потому, что именно объ усовершенствованіи личности и хлопочетъ религія, къ этому направлены всѣ ея учрежденія, а во-вторыхъ, она не имѣетъ иного способа осуществить свой идеалъ въ жизни, какъ при помощи личностей. Такъ какъ ея задача чисто нравственная и таковы же орудія борьбы (пока она не исказилась отъ союза съ свѣтской властью), то она не можетъ разсчитывать на какое-либо внѣшнее воздѣйствіе, на иной способъ пересоздать человѣчество, какъ медленнымъ путемъ проповѣди и добровольной организаціи его на новыхъ началахъ. Нѣтъ того момента, когда увеличеніе числа сторонниковъ давало бы право религіозному обществу подчинить остальныхъ, невѣрующихъ, своей дисциплинѣ, во имя своей религіи передѣлывать ту часть человѣчества, хотя и меньшинство, которая добровольно не вошла въ церковную ограду. Пересозданіе міра по идеалу религіи можетъ послѣдовать, только когда она обратитъ дѣйствительно все человѣчество.

Разумѣется, такой путь пересозданія человѣчества очень долгъ и труденъ, и политика тѣмъ опасна для религіи, что она соблазняетъ ее перспективой легкой побѣды: завоевать власть даже въ конституціонномъ государствѣ, конечно, легче, чѣмъ убѣдить всѣхъ гражданъ примкнуть къ данной церкви. Казалось бы, что какъ только будетъ завоевано достаточное число голосовъ для образованія сильной партіи въ парламентѣ, задача церкви или секты сразу облегчается, ибо она пріобрѣтаетъ новое оружіе. Оставимъ въ сторонѣ случаи, когда религіозная партія прибѣгаетъ къ грубому насилію,—объ этомъ говорено выше. Здѣсь дѣло идетъ о строго-конституціонномъ оружіи свѣтскаго законодательства, согласнаго съ волей народа, т.-е. большинства или того, что принимается въ данную минуту за большинство политическихъ гражданъ. И это конституціонное оружіе такъ же вредно для религіи, какъ грубое насиліе. Во-первыхъ, въ существѣ государства заключается принципъ принужденія, поэтому самый конституціонный законъ будетъ всетаки насиліемъ по отношенію къ несогласнымъ съ нимъ. Потребности современнаго государства не позволяютъ обойтись безъ этого насилія, въ немъ «политическая необходимость» нынѣшняго человѣчества, и отрицаніе его является слѣдствіемъ односторонняго увлеченія идеалистической точкой зрѣнія, примѣненіемъ къ политикѣ мѣрки религіи. Но оставаясь на точкѣ зрѣнія религіи, нельзя не признать полную недопустимость этого принужденія, непозволительность проведенія религіозныхъ идей путемъ чуждаго имъ по природѣ политическаго механизма. Ни отъ одного человѣка не имѣетъ права религія требовать жертвъ и стѣсненій иначе, какъ по добровольному и искреннему убѣжденію. И всякое такое принужденіе, повторяемъ, сдѣлаетъ ненавистнымъ имя религіи тѣмъ, кто ее еще не исповѣдуетъ.

Не меньшее зло въ употребленіи политическаго механизма въ цѣляхъ достиженія задачъ религіозной общины заключается въ механичности такого способа дѣйствія. Даже по отношенію къ своимъ сторонникамъ рели-

гіозное общество должно проявлять величайшую осторожность въ принужденіи, потому что только тѣ предписанія религіи или духовной власти будутъ исполняться, которыя соотвѣтствуютъ убѣжденію большинства. Есть случаи, когда практическая потребность заставляетъ членовъ одной общины держаться какого-нибудь однообразнаго образа дѣйствій, наприм., ставить извѣстныя условія вступленія въ общину, распоряжаться имуществомъ общины, опредѣлять свое отношеніе къ внѣшнему міру; но въ этихъ случаяхъ сама община функціонируетъ, какъ политическое учрежденіе, всѣ эти вопросы для нея сравнительно второстепенны. Но имѣя въ рукахъ орудіе свѣтской власти, духовное общество всегда будетъ склонно разрѣшать путемъ парламентскихъ актовъ такіе вопросы, которые вовсе не подлежатъ такому способу рѣшенія, ибо для общества и для его руководителей проще пустить въ ходъ законодательную машинку, чѣмъ перевоспитывать своихъ сторонниковъ. Поэтому даже въ государствѣ, гдѣ большинство населенія принадлежитъ къ одному исповѣданію, дѣла вѣры и церкви должны быть строго отдѣлены отъ свѣтскихъ дѣлъ; тѣмъ болѣе это необходимо въ государствѣ съ разновѣрнымъ населеніемъ и въ періодъ броженія и переустройства народной жизни.

Поэтому намъ представляется противорѣчіемъ въ принципѣ говорить о религіозной политической партіи, въ самомъ названіи заключающей соединеніе несовмѣстимыхъ началъ. Въ тотъ день, когда религіозное движеніе сводится къ образованію политической партіи, оно переходитъ на иную, низшую ступень и признается въ своемъ безсиліи дѣйствовать только религіознымъ способомъ. Интересно отмѣтить, что въ эпоху своего процвѣтанія ни одна религія, ни одна церковь не обнаруживаетъ желанія стать политической партіей. Эта мысль возникаетъ только или у слабыхъ религіозныхъ теченій, которыя не надѣются достигнуть преобладанія путемъ одной проповѣди или не имѣютъ на это терпѣнія, или же у религіозныхъ церквей и сектъ въ минуту начинающагося упадка, когда политическая власть, добытая тѣмъ или другимъ путемъ, можетъ поддержать искусственно еще нѣкоторое время ихъ существованіе, давая имъ возможность избѣжать тѣхъ реформъ, которыя требуются для настоящаго возрожденія религіозной жизни. Преслѣдованіе политическихъ задачъ, вовлеченіе въ кругъ политической борьбы со всѣми ея повседневными заботами и дрязгами, которыхъ не можетъ избѣжать партія, играющая роль въ парламентѣ, способны только заглушить истинное сѣмя религіи, какъ терніи евангельской притчи. А постоянное соприкосновеніе съ другими партіями, среди которыхъ приходится отвоевывать себѣ мѣсто, соблазняетъ къ употребленію тѣхъ же средствъ борьбы, какъ и онѣ, и роняетъ ниже прежняго уровня нравственную чистоту церкви, вмѣсто того чтобы вести ее впередъ. Исторія клерикальныхъ партій на Западѣ со всѣми ихъ интригами достаточно извѣстна, чтобы о ней говорить. Антисемитизмъ является однимъ изъ самыхъ уродливыхъ, но характерныхъ порожденій этого противоестественнаго смѣшенія задачъ религіи и политики.

II.

Всѣ вышеизложенныя общія замѣчанія могутъ быть примѣнены и станутъ болѣе понятны отъ провѣрки на произведенной у насъ въ настоящее время попыткѣ образовать религіозную политическую партію. Мы говоримъ не о союзѣ церковнаго возрожденія, который задается скромными цѣлями реформы церкви и является партіей только внутри церкви, а о «Христіанскомъ братствѣ борьбы».

Его тѣмъ болѣе интересно взять за образецъ, что оно совершенно чуждо всякихъ клерикальныхъ тенденцій. Выставляя на своемъ знамени евангельскіе принципы, оно не примыкаетъ ни къ какому существующему вѣроисповѣданію, во всякомъ случаѣ не обладаетъ узкостью ни одного изъ нихъ. Искренность его основателей стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и засвидѣтельствована тѣми гоненіями, какимъ уже подверглось братство, а широта цѣлей, какія оно себѣ ставитъ, стремленіе привести въ связь религіозное движеніе съ освобожденіемъ трудящихся массъ, соціализмъ искренній, а не показной, какъ у католическихъ соціалистовъ, дѣлаетъ это братство достойнымъ вниманія, несмотря на его незамѣтную пока роль въ нашей общественной жизни. Ошибки, которымъ оно, по нашему мнѣнію, поддалось, могутъ тѣмъ убѣдительнѣе показать невѣрность самаго его пониманія взаимоотношенія религіи и политики, которыя оно хочетъ сблизить. Мы подчеркиваемъ, что оно пока не заняло виднаго мѣста въ ряду русскихъ политическихъ партій, ибо оно во многомъ такъ близко подходитъ къ народному міровоззрѣнію и иногда идеи его встрѣчаютъ въ народѣ такой живой откликъ, что мы нисколько не удивимся, если оно, несмотря на слабую по своей двойственности платформу, будетъ расти и укрѣпляться.

Отсутствіе постояннаго органа партіи, разбросанность идей ея по отдѣльнымъ брошюрамъ мѣшаетъ въ точности составить себѣ представленіе о партіи и пріобрѣсти твердую почву для критики. Однако можно съ несомнѣнностью сказать, во-первыхъ, что это одна изъ освободительныхъ «лѣвыхъ» партій. Съ искреннимъ паѳосомъ говорятъ авторы братства о современномъ положеніи Россіи, клеймятъ наравнѣ съ правительствомъ ту официальную церковь, которая освящала угнетеніе народа и сама довела себя до полнаго безправія и растлѣнія. Мало того, братство можно даже отнести къ крайнимъ лѣвымъ партіямъ, какъ одну изъ соціалистическихъ партій. Его сознательно и ясно выставленная цѣль—создать политическую партію для проведенія въ жизнь принциповъ Евангелія, въ которомъ основатели братства видятъ религіозное освященіе соціализма и демократизма.

Центральный пунктъ его програмы—отрицаніе на основаніи Евангелія частной собственности и соотвѣтственное требованіе соціалистической перестройки общества. Отмѣна частной собственности вносится въ програму братства уже не какъ секты, а какъ политической партіи. На этомъ примѣрѣ рельефно выясняется и основная тенденція братства и главная его ошибка; поэтому мы на немъ остановимся подробнѣе.

Изслѣдовать подробно отношеніе христіанской церкви къ праву собственности не входитъ въ нашу задачу, но мы всетаки отмѣтимъ, что само Евангеліе не даетъ категорическаго отвѣта на вопросъ о допустимости собственности и, во всякомъ случаѣ, подходитъ къ вопросу совсѣмъ съ другой стороны, чѣмъ современный соціализмъ. Стремленіе рѣшать конкретныя политическія задачи было такъ чуждо Христу, ни минуты не упускавшему изъ виду свою особую цѣль, что онъ отклонялъ отъ себя рѣшеніе практическихъ вопросовъ, какъ тогда, когда фарисеи пытались втянуть его въ національную распрю, предложивъ вопросъ о законности уплаты податей римскому кесарю, такъ и въ томъ мало извѣстномъ случаѣ, когда одинъ еврей просилъ его раздѣлить ему съ братомъ наслѣдство: «Кто поставилъ меня судить или дѣлить васъ?... Берегитесь любостяжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія» (Лука, гл. 12, с. 13—15). Предостереженіе нравственнаго характера, которое сопровождало отказъ отъ вмѣшательства въ мелкія повседневныя дѣла, только сильнѣе оттѣняетъ дѣйствительную точку зрѣнія Евангелія на собственность. Христосъ не считалъ ея абсолютно недопустимой, но видѣлъ въ ней опасность для нравственнаго совершенства человѣка и неоднократно подчеркивалъ, какъ неважны для самого собственника тѣ блага, какія можетъ дать ему богатство. Онъ несомнѣнно былъ не менѣе рѣшительный врагъ буржуазности, чѣмъ современные соціалисты, но потому, что она развращаетъ прежде всего самого обладателя богатствъ, дѣлаетъ его негоднымъ для царствія небеснаго. Онъ протестовалъ противъ собственности, но не только во имя обдѣленныхъ ею, а еще болѣе во имя нравственныхъ задачъ человѣка, и не могъ бы помириться съ собственностью и буржуазностью, даже если бы общее богатство достигло такой высоты, что каждый членъ общества имѣлъ бы все необходимое: самое стремленіе къ улучшенію своего матеріальнаго положенія вызывало неодобреніе, на основаніи чего обезпеченные люди лицемѣрно проповѣдовали народу, что онъ не долженъ мечтать о лучшей долѣ, а быть довольнымъ посланной отъ Бога нищетой. Не столько отрицаніе собственности, сколько пренебреженіе къ ней проходитъ красной нитью въ Евангеліи, но рядомъ съ этимъ имѣются прямыя предписанія, вытекающія изъ заповѣди любви къ ближнимъ: «просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся» (Мате., гл. 5, ст. 42). Обязанность помогать всѣмъ, вплоть до отдачи послѣдней рубашки, достаточно подчеркнута въ Евангеліи, наконецъ, одно мѣсто заключаетъ въ себѣ нѣчто, что можетъ быть понято и какъ принципіальное рицаніе права собственности, а именно совѣтъ богатому юношѣ: «если *чешь совершенъ быть*, иди и продай имѣніе твое и раздай нищимъ и дешь имѣть сокровище на небесахъ, и приходи и слѣдуй за мной» (Мате. 19, ст. 21). Обязанность отдавать все для помощи братьямъ и приніе, что совершенство достижимо лишь при отсутствіи всякой собственти, практически ведетъ къ уничтоженію собственности въ идеальной стіанской общинѣ, и этотъ выводъ правильно сдѣлалъ г. Эрнъ въ своей

брошюрѣ о «Христіанскомъ отношеніи къ собственности». Можно бы сказать, что христіанство заставляетъ смотрѣть на свою собственность, какъ на чужую, и не дорожить ею, какъ это указано въ подавшей поводъ къ такимъ нелѣпымъ толкованіямъ притчѣ о неправедномъ управителѣ. Но здѣсь и лежитъ различіе между отрицаніемъ собственности въ христіанствѣ и въ соціализмѣ. Христіанство нападаетъ не столько на принципъ собственности, сколько на злоупотребленіе ею, на алчность, буржуазный эгоизмъ и накопленіе богатствъ, противъ котораго отцы церкви гремѣли обличеніями не менѣе соціалистовъ. Требованія, чтобы непремѣнно все имущество было общее, чтобы ни одинъ не получалъ больше другого, отрицанія какой бы то ни было, хотя бы мелкой, собственности въ Евангеліи нѣтъ. Напротивъ, совѣтъ богатому юношѣ, начинающійся словами: «если хочешь быть совершенъ», показываетъ, что самъ Христосъ не рѣшался ставить, какъ обязательное для всѣхъ требованіе, отреченіе отъ собственности, а вводилъ его лишь какъ высшій христіанскій идеалъ. Несомнѣнно, что съ достиженіемъ христіанскимъ обществомъ этого идеала собственность сама собой упраздняется, но здѣсь лежитъ второе отличіе христіанства отъ соціализма—упраздненіе собственности выдвинуто какъ обязанность собственниковъ, а не какъ право народа, и все достоинство отреченія отъ собственности заключается въ добровольности отреченія, цѣлью же отреченія служитъ не новое устройство общественнаго порядка, а прямое сокращеніе заботъ о матеріальныхъ благахъ: матеріальному богатству противопоставляется не матеріальное равенство, а матеріальная бѣдность: отвергни все и приходи, слѣдуй за мной, награда за это ждетъ тебя на небесахъ. Эта черта настолько очевидна въ Евангеліи, что она повела, во-первыхъ, къ идеализированію нищеты ради нищеты въ нѣкоторыхъ сектахъ и монашескихъ орденахъ, во-вторыхъ, къ тому механическому, бездушному, даже эгоистическому благотворенію, которое раздаетъ милостыню не ради того, чтобы помочь бѣдному, а чтобы купить богатому царство небесное. Полнаго отрицанія собственности въ христіанствѣ не проводилось, и если ссылаются на самые первые годы существованія христіанской общины, то здѣсь возводятъ въ принципъ то, что фактически могло осуществиться въ тѣсномъ кружкѣ первыхъ послѣдователей. Наказаніе смертью христіанина Ананіи, которое придаетъ характеръ обязательности общности имущества, послѣдовало, какъ совершенно ясно видно изъ разсказа автора «Дѣяній», лишь въ возмездіе за обманъ; укоръ апостола: «Чѣмъ ты владѣлъ не твое ли было, и пріобрѣтенное продажею не въ твоей ли власти находилось?» (Дѣянія гл. 5, ст. 4) показываетъ, что даже тогда, въ самыя первыя времена, отдача имущества была дѣломъ добровольной жертвы, а не обязательствомъ, и за одно нежеланіе отдать свое состояніе христіанинъ не могъ подлежать отвѣтственности передъ общиной. Основатели христіанства оказались лучшими психологами, чѣмъ всѣ послѣдующіе сектанты, которые пытались ввести обязательный коммунизмъ, и чѣмъ современные намъ христіанскіе соціалисты.

Неправильное толкованіе евангельскаго ученія, какъ категорическаго отрицанія собственности, составляетъ лишь половину ихъ ошибки; другую половину составляетъ стремленіе перенести въ практическое требованіе конечный идеалъ христіанства. Къ этому случаю примѣнимо все, что выше сказано про невозможность пересаждать прямо въ политическую програму религіозные идеалы, и исторія христіанства лучше всего это доказываетъ. Первоначальное общеніе имуществъ могло практиковаться, пока общество послѣдователей Христа ограничивалось тѣснымъ кружкомъ лицъ; съ дальнѣйшимъ движеніемъ христіанства оно исчезло и замѣнилось взаимопомощью отдѣльныхъ церквей, буржуазнымъ учрежденіемъ, по мнѣнію современныхъ соціалистовъ. Христіанскія секты, возводившія коммунизмъ въ правило, не вышли изъ узкаго круга приверженцевъ. Человѣчество не доросло до такой формы общежитія, и даже въ вѣка искренняго и живого воодушевленія христіанскими идеалами у массы послѣдователей нехватало нравственной высоты послѣдовать совѣту, данному богатому юношѣ. Съ этимъ свойствомъ человѣка приходилось считаться даже въ предѣлахъ христіанской церкви, тѣмъ болѣе приходится считаться государству, господствующему не надъ одними правовѣрными христіанами.

При величайшемъ религіозномъ подъемѣ, можетъ быть, можно было бы отмѣнить право собственности, но въ слѣдующій же моментъ эта собственность начала бы возрождаться подъ давленіемъ человѣческой природы. Чтобы упразднить собственность, необходимо было бы не только преобразоватѣ организацію производства, но передѣлать человѣческую психику. Собственность до сихъ поръ служила стимуломъ прогресса, увеличенія народнаго богатства, и пока человѣчество не можетъ обойтись безъ этого стимула, онъ не можетъ быть упраздненъ никакимъ законодательнымъ или религіознымъ учрежденіемъ. Христіанство задается цѣлью преобразовать психику, выдвигая нравственныя потребности въ противовѣсъ матеріальнымъ, но только постепенное вліяніе его на членовъ христіанской общины можетъ довести ихъ до отреченія отъ собственности. Невозможность отмѣны теперь же этого института настолько очевидна, что ни одна соціалистическая партія, кромѣ максималистовъ, не ставитъ этого требованія въ своей практической програмѣ. И христіанскимъ соціалистамъ приходится или сохранять цѣлость и чистоту евангельскаго ученія, какъ они его понимаютъ, и тогда задаваться явно несбыточными цѣлями въ политикѣ, или принимать въ соображеніе условія политической жизни, идти на обычный въ политикѣ компромиссъ, и тогда терять ту цѣльность и послѣдовательность выполненія требованій христіанства, которымъ они хотятъ выдѣлить себя изъ общей массы вялыхъ или вовсе индиферныхъ послѣдователей Христа, чтущихъ его лишь устами. Высокая и симпатичная цѣль оживленія христіанской жизни въ духѣ первыхъ вѣковъ сбивается и обращается въ утопію, потому что попала на несоотвѣтственный ей путь политической агитаціи.

Слабость програмы христіанскихъ соціалистовъ не въ этомъ только

одномъ, и противорѣчивость ея лежитъ глубже. Она приближается къ соціалистическимъ партіямъ не однимъ отрицаніемъ права собственности; по всей терминологіи, по основной точкѣ зрѣнія на общественныя отношенія, это—та же марксистская программа, но основанная на цитатахъ изъ Евангелія. Вотъ въ этомъ и заключается величайшая несообразность, угрожающая сдѣлать безплоднымъ все новое движеніе религіозной мысли.

Марксизмъ представляетъ спорное, но во всякомъ случаѣ цѣльное ученіе, не просто политическую программу, а особое міровоззрѣніе съ своей наукой и философіей. Изъ этого построенія нельзя вырывать программы и нельзя заимствовать тактики партіи безъ тѣхъ научныхъ и этическихъ положеній, на которыхъ она основывается. Программа соціалъ-демократіи вытекаетъ изъ марксовскаго ученія о смѣнѣ капиталистическаго строя соціалистическимъ, которая должна произойти, во-первыхъ, благодаря естественному развитію хозяйственныхъ отношеній и крушенію капиталистическаго строя подъ гнетомъ его внутреннихъ противорѣчій, во-вторыхъ, непосредственнымъ созидателемъ новаго строя долженъ быть политическій насильственный переворотъ, диктатура пролетаріата. Нравственное совершенство личности рѣшительно не причемъ въ этой теоріи общественнаго переворота. Напротивъ, личность признается продуктомъ общественныхъ, въ частности производственныхъ отношеній. Совершенно чуждо этой доктринѣ и отрицаніе физическаго насилія, проповѣдуемое Евангеліемъ. Кто ударитъ тебя въ одну щеку, подставь ему и другую,—эта заповѣдь до такой степени расходится съ самыми основными принципами всякой, а тѣмъ болѣе революціонной политики, что въ устахъ политика можетъ возбудить только недоумѣніе и насмѣшку. Л. Толстой, съ непреклонной послѣдовательностью проводя свою проповѣдь непротивленія злу, дошелъ совершенно логично, съ его точки зрѣнія, до полнаго отрицанія политики, до пассивнаго анархизма. Люди, стоящіе на почвѣ Евангелія, не могутъ смотрѣть на человѣческую личность, какъ на механическій продуктъ условій производства, а потому простое развитіе хозяйственной эволюціи человѣчества имъ ничего не обѣщаетъ. Они не могутъ и проповѣдовать насильственное измѣненіе существующихъ отношеній, ибо, даже выводя изъ Евангелія полное отрицаніе собственности, они не могутъ въ немъ найти ни малѣйшаго оправданія насильственнаго низверженія нынѣшняго порядка вещей; нужно поставить все христіанское ученіе вверхъ ногами, чтобы изъ требованія раздать другимъ свое имѣніе вывести право этихъ другихъ взять его себѣ насильно, не дожидаясь раздачи. Тому, кто находитъ, что народъ не можетъ дожидаться добровольной раздачи имѣній богачами, приходится въ подкрѣпленіе своихъ требованій ссылаться уже не на Евангеліе.

Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ—о способѣ осуществленія христіанскаго идеала—еще болѣе, чѣмъ въ вопросѣ о программѣ, Христіанское братство борьбы отклоняется отъ своей основы и запутывается въ самыхъ явныхъ несообразностяхъ. Передъ христіанскимъ политикомъ стоитъ вопросъ о

насилія, какъ способѣ общественной борьбы, и въ особенности онъ обостренъ теперь, когда насиліе кажется единственнымъ средствомъ свергнуть тотъ гнетъ, какой тяготѣетъ надъ народомъ. Г. Свенцицкій занялся этимъ вопросомъ, но къ какимъ же результатамъ онъ пришелъ? По его мнѣнію, насилія между христіанами недопустимы, но «христіане могутъ и должны прибѣгать къ насилію въ отношеніи невѣрующихъ (понимая это слово въ нашемъ смыслѣ)» («Вопросы религія», вып. I, стр. 37). Рѣшеніе вопроса болѣе чудовищное, чѣмъ даже то, какое давала католическая церковь, ибо у нея, по крайней мѣрѣ, былъ объективный признакъ— крещеніе, принятіе ученія церкви—для отличія своихъ и чужихъ; г. же Свенцицкій отдѣляетъ козлищъ отъ овновъ по совершенно неопредѣленному, произвольному признаку христіанъ «въ нашемъ смыслѣ» и затѣмъ благословляетъ, неизвѣстно на основаніи какого евангельскаго положенія, всякое насиліе надъ «невѣрующими», то есть надъ всѣми, кто будетъ несогласенъ съ членами Христіанскаго братства борьбы! Несомнѣнно такой призывъ «бей невѣрныхъ» могъ вырваться у г. Свенцицкаго только по недоразумѣнію, и онъ его впослѣдствіи возьметъ обратно, не желая уподобляться Магомету; но тогда передъ нимъ вновь встанетъ такъ плохо рѣшенный имъ вопросъ, разрѣшается ли христіанамъ насиліе, и если нѣтъ, то какимъ способомъ будетъ дѣйствовать Христіанское братство борьбы?

III.

Какимъ же образомъ слѣдуетъ разграничить сферу религіи и политики, каковы должны быть взаимныя отношенія обѣихъ? Что могутъ онѣ дать другъ другу?

Изъ всего предыдущаго изложенія уже вытекаетъ, что мы придаемъ самостоятельное значеніе религіи, какъ фактору и индивидуальной, и общественной жизни. Мы считаемъ совершенно несостоятельнымъ сведеніе религіозныхъ явленій къ безсознательному отраженію экономическихъ явленій, къ идеологіи общественныхъ классовъ. Всѣ попытки доказать это на историческихъ примѣрахъ были основаны на грубомъ игнорированіи сложныхъ психическихъ процессовъ и на явной натяжкѣ историческихъ фактовъ: одна и та же христіанская религія попеременно является то идеологіей обездоленныхъ классовъ, то порожденіемъ и средствомъ закрѣпленія господства имущихъ классовъ, при чемъ она оказывается въ равной мѣрѣ слугой и капиталистическаго, и феодальнаго строя, и византійскаго ...ператорскаго владычества.

Соприкасаясь со всѣми сторонами человѣческой жизни, испытывая на ...ѣ вліяніе и экономическихъ, и всякихъ другихъ отношеній, доводимая ...ими собственными слугами часто до полнаго извращенія, религія тѣмъ ...менѣе занимаетъ совершенно самостоятельное мѣсто въ человѣческой ...жизнѣ и въ исторіи. Та сила, которая создаетъ ее, проистекаетъ изъ ...еобразной потребности человѣческаго духа и по вышеописаннымъ уже ...чинамъ является одной изъ величайшихъ силъ исторіи. Нѣтъ никакого

основанія считать эту силу, которая способна сдвигать горы, исчезнувшей въ человѣчествѣ, ибо и теперь мы наблюдаемъ вспышки религіознаго чувства, напримѣръ, въ нашихъ духоборахъ, повторившихъ если не исторію древнихъ мучениковъ, то сектантовъ временъ реформаціи. Всѣмъ этимъ попыткамъ нехватаетъ только оригинальности, недостаетъ одной объединяющей идеи, которая слила бы въ одно всѣ разрозненные ручьи религіозной жизни. Въ русскомъ народѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ европейскихъ, сильна эта наклонность къ религіозному способу воспріятія идей, и не только потому, что онъ невѣжественъ, а по особому складу національнаго ума и характера, отчасти, можетъ быть, по близости къ азіатскому Востоку съ его пытливостью въ разрѣшеніи основныхъ вопросовъ міра и недостаткомъ упорства въ ежедневной политической борьбѣ.

Но признавая важное значеніе религіознаго фактора въ общественной жизни, необходимо отграничить его отъ политическаго, во избѣжаніе тѣхъ злоупотребленій именемъ религіи, какія происходятъ отъ смѣшенія обоихъ, и въ обезпеченіе самой религіи правильнаго и соотвѣтственнаго ея истинной природѣ развитія.

Взаимоотношеніе и вмѣстѣ различіе религіи и политики сводится, по нашему мнѣнію, къ тому, что политика беретъ человѣческія личности какъ готовый матеріалъ и изъ нихъ старается построить наиболѣе соотвѣтственное ихъ потребностямъ зданіе государственнаго и общественнаго устройства. Религія же перерабатываетъ самый матеріалъ; она не довольствуется тѣмъ, что находитъ, и не приспособляется къ уровню личнаго развитія, а напротивъ старается поднять этотъ уровень на высшую ступень. Политическія учрежденія должны удовлетворять требованіямъ людей, въ нихъ входящихъ; религіозныя учрежденія требуютъ сами отъ вступающихъ въ нихъ, чтобы они удовлетворяли требованіямъ религіи, на которой основывается данное учрежденіе,—церковь, секта или община. Несомнѣнно, что религія и въ особенности конкретное религіозное учрежденіе, преслѣдующее практическія задачи, должно считаться съ природой людей и съ ихъ современнымъ уровнемъ развитія. Съ другой стороны, политикъ можетъ и долженъ задаваться цѣлью улучшить человѣчество, расположить свой планъ общественнаго устройства такъ, чтобы, опираясь на существующій уровень развитія личности и этимъ пріобрѣтая устойчивость, онъ поощрялъ развитіе лучшихъ сторонъ человѣка и открывалъ возможность непрерывнаго прогресса въ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ только повышеніе уровня человѣчества это позволитъ. Въ этомъ одно изъ главныхъ достоинствъ демократическихъ свободныхъ учрежденій Но религія въ первомъ случаѣ не должна унижаться до компромиссовъ противорѣчащихъ ея основнымъ требованіямъ, не должна освящать учреjденія и пріемы политической дѣятельности, преграждающіе путь къ той идеальной высотѣ, куда религія желаетъ вести человѣчество; въ свою очередь политическая власть не должна, подъ рискомъ остаться безплодной, брать цѣликомъ нравственныя требованія идеальнаго характера и превращать ихъ въ обязательные законы, когда для нихъ нѣтъ еще до

статочнаго основанія въ умахъ и въ условіяхъ общественной жизни. Было бы тщетно проповѣдывать чистое метафизическое представленіе о Божествѣ среди народа, не имѣющаго еще иного, кромѣ миѳологическаго, представленія о природѣ, и было бы безцѣльно декретировать закономъ вѣчный миръ на такомъ уровнѣ развитія общественныхъ учрежденій, когда государство не можетъ быть застраховано отъ нападенія сосѣдей, а каждый гражданинъ отъ нападенія разбойниковъ. Идя навстрѣчу другъ другу, религія и политика не должны, однако, ни на минуту упускать изъ виду свои спеціальныя задачи и переходить границы той области человѣческой жизни, которая отмежевана каждой изъ нихъ.

Равнымъ образомъ они не должны заимствовать другъ у друга и способовъ дѣйствія. Религія обращается къ личности и можетъ пользоваться только духовнымъ оружіемъ личнаго убѣжденія, ибо если она задается цѣлью пересоздать личность, то только этимъ оружіемъ можетъ проникнуть достаточно глубоко въ душу человѣка, чтобы произвести въ ней переворотъ. Всякое усиленіе религіознаго воздѣйствія путемъ внѣшняго законодательства, т.-е. внѣшняго давленія, даетъ лишь кратковременный внѣшній эффектъ и достигаетъ кажущагося успѣха цѣною отреченія отъ своей сущности; грубое прикосновеніе къ личности заставляетъ ее замыкаться и навѣки отталкиваетъ отъ той религіи, которая подвергла личность насилію въ самомъ интимномъ дѣлѣ совѣсти. Поэтому религія должна безусловно и навсегда отвергнуть всякое насиліе въ какой бы формѣ оно ни производилось, какими бы предлогами ни оправдывалось. Принужденіе неизбѣжно связано съ законодательной дѣятельностью, составляетъ отличительную черту юридической жизни народовъ, и потому никакое законодательство, хотя бы самое демократическое, не должно брать на себя того, что является дѣломъ вѣры. Въ этомъ смыслѣ религія анархична, ибо живетъ и дѣйствуетъ въ такой области человѣческаго духа, куда никакая власть не можетъ и не должна проникать. Кромѣ обезпеченія полной свободы совѣсти и религіозныхъ сообществъ съ цѣлью добровольнаго осуществленія задачъ религіи, законъ ничѣмъ не можетъ помочь религіи. Не положительную, а только отрицательную услугу долженъ онъ ей оказать, устранивъ внѣшнія препятствія къ ея развитію. Въ этомъ смыслѣ можно признать, что религія заинтересована въ установленіи свободнаго политическаго режима, потому что только при немъ можетъ быстрѣе всего развиваться. Даже самый деспотическій образъ правленія не составляетъ препятствія для распространенія новой религіи, но вредъ его заключается въ омъ, что онъ требуетъ отъ нея излишнихъ жертвъ, а главное накладыаетъ на религію своеобразный отпечатокъ или суровой борьбы, или полаго отреченія отъ внѣшняго міра, въ которомъ религія не встрѣчаетъ ичего, кромѣ вражды и притѣсненій. На все историческое христіанство ложила печать отвращенія отъ міра та борьба, какую ему пришлось выосить въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ своего существованія. Нѣжный стокъ пробуждающагося религіознаго движенія можетъ быть смятъ и ривленъ какъ грубымъ давленіемъ, такъ и неумѣлой поддержкой: это

надлежало бы помнить всѣмъ тѣмъ, кто видитъ въ настоящемъ какіе-либо задатки будущаго расцвѣта религіи и желалъ бы помочь религіозному возрожденію.

Политикъ, однако, не можетъ ограничиваться только тѣми мѣрами воздѣйствія, какія свойственны религіи. Онъ не можетъ «морализировать» съ высоты престола или съ парламентской трибуны; общественная жизнь требуетъ извѣстнаго внѣшняго устройства, которое должно быть охраняемо отъ покушеній на него, хотя бы внѣшнею силою. Нѣкоторые вопросы народной жизни слишкомъ остры и настоятельны, чтобы можно было ждать разрѣшенія ихъ отъ медленной эволюціи умовъ, тѣмъ болѣе, что въ иныхъ случаяхъ несогласіе одного члена общества можетъ парализовать усилія всѣхъ остальныхъ: защита труда не можетъ быть предоставлена на добрую волю фабрикантовъ, потому что одинъ эксплоататоръ своей конкуренціей заставляетъ и всѣхъ остальныхъ капиталистовъ примѣнять свои способы выжиманія дохода изъ рабочихъ. Народная нужда можетъ требовать помощи въ большемъ размѣрѣ и быстрѣе, чѣмъ это согласятся сдѣлать идеалисты-собственники, и не благотворительность, а общественное благо имѣетъ въ виду законодатель, поддерживая голоднаго и безработнаго. Проблема сопротивленія злу ставится въ политикѣ иначе, чѣмъ въ религіи, потому что политическій дѣятель имѣетъ уже передъ собой унаслѣдованное отъ предковъ зло, потому что самое государство основывается на принужденіи, и пока не доказана возможность его отмѣны, до тѣхъ поръ будетъ рѣчь только о томъ, въ какую сторону направить мечъ закона, кого имъ надо охранять. Полное отрицаніе принудительнаго начала по рецепту Льва Толстого можетъ быть проведено въ жизнь только въ далекомъ будущемъ, а пока оно представило бы только поощреніе зла.

Близорукость, лишающая ученіе Толстого практической примѣнимости къ жизни, показываетъ лучше всего, къ какимъ неудачнымъ результатамъ можетъ придти даже такой мыслитель при игнорированіи различія задачъ религіознаго движенія и политической дѣятельности.

Особенно труднымъ является вопросъ о взаимномъ вліяніи обоихъ факторовъ, ибо они непрерывно приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Вліяніе положительное сказывается въ томъ, что политика всегда имѣетъ въ себѣ примѣсь идеализма, а этотъ въ свою очередь берется изъ области философской мысли или религіозныхъ вѣрованій. Но такъ какъ работа мысли и чувства идетъ независимо отъ политическихъ учрежденій, то первые продвигаются далеко впередъ, когда политическія учрежденія еще застыли въ старыхъ формахъ. Отсюда вѣковѣчная борьба между ними: политика прогрессивныхъ партій вдохновляется идеалами весьма близкими къ религіознымъ, даже когда они не имѣютъ сверхчувственнаго авторитета, и всегда консервативныя партіи бросаютъ своимъ противникамъ этотъ упрекъ въ утопичности, фантазерствѣ. Найти надлежащую мѣру порывамъ къ идеальному будущему, переложить утопію въ политическую программу есть дѣло, требующее величайшаго такта, и на немъ должно

доказать свою творческую способность политическая партія, берущаяся за ломку стараго во имя лучшаго новаго.

Задерживающее вліяніе религіи на политику сказывается въ томъ, что есть политическіе принципы и пріемы, которые религія можетъ безусловно отвергнуть и этимъ оказать давленіе на политическую область. Такъ какъ религія имѣетъ дѣло съ личностью, а политику дѣлаютъ также личности, то волей-неволей въ своей политической дѣятельности они могутъ войти въ столкновеніе съ своей религіей, и для нихъ не какъ для политическихъ дѣятелей, а какъ для отдѣльныхъ личностей, возникнетъ вопросъ о примиреніи противоположныхъ требованій. Такое противорѣчіе усматривали истинные христіане еще въ XVI в. между рабствомъ и Христовымъ ученіемъ о братствѣ (Башкинъ), между обязанностями солдата и послѣдователя религіи мира и любви (римскій мученикъ Максимиліанъ), а для древнихъ христіанъ такимъ же роковымъ вопросомъ было столкновеніе офиціальныхъ обязанностей языческаго жертвоприношенія съ поклоненіемъ единому Богу.

Религія по своей абсолютной природѣ не можетъ допускать компромиссовъ, церковь не можетъ разрѣшать во имя политическихъ потребностей то, что категорически запрещается ея ученіемъ. Отсюда всегда проистекала двойная опасность: или церковь идетъ на этотъ компромиссъ ради того, чтобы сохранить свое обезпеченное положеніе,—тогда она обращается постепенно въ рабу свѣтской власти, что случилось у насъ; или она требуетъ исполненія своихъ заповѣдей вопреки свѣтскимъ законамъ, но тогда она увлекается на путь борьбы съ свѣтской властью, переходя въ этой борьбѣ сама къ свѣтскому оружію насилія, и постепенно эта борьба изъ идейной превращается въ простое соперничество съ свѣтской властью изъ-за господства надъ толпой. Этимъ путемъ пошла католическая церковь. Только первоначальное христіанство нашло правильное рѣшеніе задачи: оно исполняло всѣ свѣтскіе законы, пока они не шли вразрѣзъ съ христіанской совѣстью, и отвѣчало рѣшительнымъ сопротивленіемъ всему, что противорѣчило религіознымъ требованіямъ, но давало отпоръ не насиліемъ, а пассивнымъ сопротивленіемъ вплоть до мученичества. А такъ какъ все римское государство было пропитано идеями и обычаями, противными духу христіанства, то христіанское общество пришло въ силу непримиримости обоихъ началъ къ тому, что мы теперь назвали бы бойкотомъ государства, замыкаясь въ своемъ кругу и создавая рядомъ и внутри римскаго государства новую организацію, основанную на одномъ н зственномъ авторитетѣ, но настолько могучую, что она пережила жел лую имперію и въ періодъ всеобщаго развала, во время переселенія н одовъ была единственнымъ учрежденіемъ, уцѣлѣвшимъ отъ погрома, с ранившимъ и престижъ, и способность руководить населеніемъ тамъ, г съ политической точки зрѣнія, казалось, воцарилась полная анархія.

Итакъ, религія должна преслѣдовать свои особыя задачи своими же д вными способами, и несмотря на кажущуюся слабость этого воздѣйс оно глубже и прочнѣе политическаго. Религія опредѣляющимъ обра-

земъ вліяетъ и на политику, поскольку даетъ ей общіе директивы, идеалы и контролируетъ ея принципы и пріемы борьбы. Но обратно религія никогда не должна поддаваться вліянію политики, стремиться къ политической власти, заимствовать у политическихъ партій ихъ оружіе и служить ихъ цѣлямъ. Единственное, что она можетъ требовать отъ свѣтской власти, это предоставленіе ей той свободы, какая вообще должна быть дана всякому проявленію человѣческой мысли и энергіи.

Политическіе дѣятели, являясь членами извѣстныхъ религіозныхъ обществъ, должны по самому существу религіи повиноваться голосу своей вѣры болѣе, чѣмъ политическимъ потребностямъ, они будутъ естественно въ своей политической дѣятельности защищать интересы того исповѣданія, къ какому принадлежатъ, но ни минуты не должны упускать изъ виду вѣчныхъ задачъ религіи изъ-за временныхъ интересовъ своихъ единовѣрцевъ. Возможно объединеніе людей разныхъ партій и классовъ для защиты угрожаемаго вѣроисповѣданія, каковую задачу сперва взялъ, напримѣръ, на себя германскій центръ, но не можетъ и не должно быть спеціальной религіозной партіи для служенія дѣлу религіи при помощи орудія государственной власти. Тѣмъ менѣе допустимо дѣлать религію орудіемъ служенія политическимъ партіямъ, будь то реакціонныя или революціонныя. Брать готовую программу политической партіи и прилѣплять къ ней религіозный ярлыкъ не значитъ придать ей всю ту силу, какою можетъ обладать религіозное движеніе, вытекающее изъ независимаго и глубокаго религіознаго одушевленія. Искусственно возбуждать это воодушевленіе для чисто политическихъ цѣлей не приведетъ ни къ какимъ полезнымъ результатамъ и только подорветъ престижъ религіи, во имя которой дѣлаются такіе опыты. Въ этомъ отчасти повинно Христіанское братство борьбы, поддавшееся искушенію самымъ примитивнымъ способомъ обратить религію на службу освободительному движенію. Оно не продѣлало необходимой самостоятельной переработки религіознаго ученія, не вывело изъ него стройно продуманнаго воззрѣнія на существующія общественныя отношенія и на задачи религіи, а перенесло цѣликомъ въ свое религіозное міровоззрѣніе программу и часть идей существующихъ партій, не позаботившись примирить возникшія отсюда противорѣчія. Оно идетъ обратнымъ порядкомъ, не отъ религіи спускаясь къ политикѣ, а отъ послѣдней восходя къ религіи.

Живое религіозное движеніе можетъ возникнуть только изъ глубины чисто религіознаго одушевленія; оно должно отвлечься отъ политической полемики и служить не злобѣ дня, а вѣчнымъ запросамъ человѣческаго духа. Только тогда можетъ оно глубоко всколыхнуть человѣчество и оказать существенное вліяніе на его исторію. Возможно ли такое движеніе въ настоящемъ, есть ли для него тѣ психическія и историческія условія, которыя создаютъ успѣхъ такихъ движеній, найдется ли въ душѣ современнаго человѣка источникъ религіознаго вдохновенія достаточно сильный, чтобы оплодотворить засохшее поле религіозной жизни,—это покажетъ будущее.

Н. Езерскій

Изъ размышленій о русской революціи.

Русская революція—словосочетаніе это становится уже истасканнымъ, оно многимъ пріѣлось, и, быть можетъ, читатель перевернетъ страницы, на которыхъ взоръ его увидитъ размышленія о предметѣ, всѣхъ истомившемъ и никого не удовлетворившемъ.

Тѣмъ не менѣе я рискую предъявить читателямъ *Русской Мысли* рядъ мыслей, которыя, безъ всякаго преувеличенія, я могу назвать плодомъ «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ».

Русская революція, какъ я уже отмѣчалъ въ другомъ мѣстѣ *), представляетъ явленіе, чрезвычайно своеобразное въ силу того, что въ немъ сочетались два условія: 1) то, что можно назвать «современностью» и 2) то, что можно назвать «элементарностью».

Я употребляю слово «современность» за неимѣніемъ въ русскомъ языкѣ выраженія, соотвѣтствующаго западно-европейскому «modern».

Русская революція весьма «модернъ». Вотъ одинъ изъ признаковъ: въ ней страшно много говорятъ о борьбѣ классовъ и о соціализмѣ. Борьба классовъ окрашивала собой и прежнія революціи,—это въ настоящее время общее мѣсто; соціалистическіе токи пронизывали и прежнія революціонныя движенія, но нигдѣ еще ни классовая борьба, ни соціализмъ не были идейными силами (потенціями), которыя вносились въ живое и живущее общественное движеніе, какъ готовые продукты, какъ давно утвержденные образцы, какъ безспорныя регулятивныя идеи.

Съ другой стороны, русская революція подняла историческія элементарныя силы. Россія не имѣла сложной, расчлененной культуры средневѣковья, воспитаннаго на духовныхъ богатствахъ античнаго міра; не имѣла ни аристократіи, ни буржуазіи, какъ культурныхъ силъ. Въ ней—къ моменту революціи—оказались только интеллигенція съ «современными» еями и народныя массы съ «элементарными» инстинктами.

Сочетаніе этихъ двухъ моментовъ опредѣляютъ ту особенность русской золюціи, надъ которой, мнѣ кажется, ея будущіе историки всего крѣпче думаются. Рядомъ съ политическимъ безсиліемъ въ этой безсильной революціи огромный упоръ.

*) Въ нѣмецкомъ сборникѣ *Russen über Russland*.

Безсиліе—отъ «современныхъ» идей, отъ того, что онѣ вносятся въ революцію такъ, какъ онѣ существовали въ умахъ интеллигенціи до революціи, какъ онѣ были заготовлены въ прокъ.

Упоръ—отъ элементарныхъ инстинктовъ, отъ страстнаго и стихійнаго стремленія къ освобожденію отъ политическаго гнета и экономическихъ тяготъ. Этому стремленію, отъ лица стараго порядка, не противостоитъ ничего, кромѣ грубой силы, давно извѣстной народнымъ массамъ, давно имъ ненавистной и теперь окончательно идейно оголенной и развѣнчанной.

Послѣ ошибокъ и крайностей революціи, въ которыхъ обнаружилось ея безсиліе, ничто такъ не можетъ изумлять, какъ то же явленіе на противоположномъ полюсѣ, какъ безсиліе реакціи. Поверхностное объясненіе этого явленія сводится къ констатированію элементарнаго факта: правительство столь плохо, что въ пользу его невозможна никакая общественная реакція.

Но я думаю, что это объясненіе, правильно констатируя второстепенный фактъ, психологически ошибочно, забывая о главномъ. Главное тутъ вовсе не въ правительствѣ, а въ самомъ народѣ, въ мощи и упорствѣ тѣхъ элементарныхъ инстинктовъ, которые пробудились въ революціи. Эти инстинкты дѣлаютъ народъ нечувствительнымъ къ отрицательнымъ сторонамъ революціи. Въ упорѣ революціи такимъ образомъ проявляется тотъ же основанный на нечувствительности, или пониженной чувствительности консерватизмъ, которымъ раньше держалось самодержавіе.

Консерватизмъ безъ традицій, безъ идейныхъ скрѣпленій обратился въ революціонную стихію безъ творческой идеи и безъ организаціонной дисциплины, но съ тѣмъ же прежнимъ огромнымъ упоромъ — вотъ формула превращенія самодержавной Россіи въ Россію революціонную.

Формула эта, если она вѣрна, представляетъ интересъ и имѣетъ значеніе не только для философіи, но и для политики революціи. Ибо въ одинъ прекрасный день упоръ революціонныхъ силъ можетъ ослабѣть и, пожалуй, такъ же внезапно, какъ ослабѣлъ въ свое время упоръ самодержавія.

Это не значитъ, что возстанетъ вновь самодержавіе. Въ какую бы полосу даже широкой общественной реакціи мы ни вошли, отъ берега самодержавія мы навсегда отстали, вѣрнѣе, онъ уже смытъ и потонулъ въ волнахъ послѣднихъ двухъ лѣтъ. Въ объективномъ смыслѣ безповоротнаго рѣшенія, перелома всей государственной жизни, русская революція *завершилась*. Къ ней вполнѣ примѣнимы слова, сказанныя Мирабо въ раз гаръ французской революціи: «революція завершилась (est consommée) но конституціи еще нѣтъ» *).

Безсиліе русской революціи, какъ совокупности революціонныхъ дѣйствій, рядомъ съ грандіозностью и силою ея же, какъ національнаго і

*) Цитирую, къ сожалѣнію, на память.

міровое явленія, отчасти объясняется именно тѣмъ, что дѣйствующіе на авансценѣ актеры революціи, «революціонеры» просмотрѣли самый фактъ ея объективнаго завершенія, и въ силу этого объективное завершеніе революціи отнюдь не устранило ея субъективнаго продолженія.

Когда я въ концѣ октября въ качествѣ амнистированнаго зарубежнаго журналиста попалъ въ Петербургъ, ничто меня такъ не поразило, какъ полное непониманіе совершившагося переворота революціонерами. На манифестъ 17 октября они отвѣчали проповѣдью вооруженнаго возстанія. Въ этомъ вопіюще нелѣпомъ поведеніи была своя доля доктринерства. Русская жизнь, создавъ грандіозное явленіе октябрьской забастовки, нарушила установленную схему политическаго развитія. Но дѣло тутъ было не только въ доктринерствѣ и въ непониманіи. Не въ области разсудочной, а въ области чувствъ лежитъ разгадка этого поведенія.

Абсолютная монархія начисто отрицала всякій компромиссъ съ новыми началами и образованіями общественной и государственной жизни. «Никакихъ уступокъ»—было ея девизомъ. Но акты 12 декабря 1904 г., 18 февраля, 6 августа, 17 октября 1905 г. были актами компромисса съ новыми требованіями. Они пришли однако слишкомъ поздно: въ активныхъ элементахъ націи эпоха самодержавнаго отрицанія компромисса атрофировала всякую психическую способность къ компромиссу. Вотъ почему послѣ 17 октября уступки внушали мысль не о перемиріи и размежеваніи, а о томъ, чтобы какъ можно скорѣе доканать врага, пользуясь его слабостью.

Но этимъ не исчерпывалась эмоціональная основа субъективнаго продолженія объективно завершившейся революціи. Былъ еще другой психическій мотивъ, еще болѣе могущественный и еще болѣе ирраціональный. Это чувство ненависти и жажда возмездія.

Въ № 2 журнала *Перевалъ* М. А. Волошинъ напечаталъ стихотвореніе, въ которомъ съ замѣчательной силой подчеркнутъ этотъ мотивъ русской революціи:

Народу русскому: я—скорбный Ангелъ мщенья.
Я въ раны черныя, въ распаханную новь
Кидаю сѣмена. Прошли вѣка терпѣнья,
И голосъ мой—набатъ. Хоругвь моя какъ кровь.
На буйныхъ очагахъ народнаго витійства
Какъ призраки взращу багряные цвѣты.
Я въ сердце дѣвушки вложу восторгъ убійства
И въ душу дѣтскую кровавыя мечты.
И духъ возлюбитъ смерть, возлюбитъ крови алость...
Я грезы счастія слезами затоплю,
Изъ сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослѣплю.
О, камни мостовыхъ, которыхъ лишь однажды
Коснулась кровь... Я вѣдаю вамъ счетъ.
Я камни закляну заклятьемъ вѣчной жажды
И кровь за кровь безъ мѣры потечетъ...

Скажу возставшему: я злую ѣдкость стали
Придамъ въ твоихъ рукахъ картонному мечу...
На стогнахъ городовъ, гдѣ женщинъ истязали,
Я „знаки Рыбъ" на стѣнахъ начерчу.
Я синимъ пламенемъ пройду въ душѣ народа,
Я краснымъ пламенемъ пройду по городамъ.
Устами каждаго воскликну я: „Свобода!"
Но разный смыслъ для каждаго придамъ.
Я напишу: „Завѣтъ мой справедливость!"
И врагъ прочтетъ: „пощады больше нѣтъ!"
Убійству я придамъ манящую красивость
И въ душу мстителя вольется страстный бредъ.
Мечъ Справедливости—карающій и мстящій,
Отдамъ во власть толпѣ, и онъ въ рукахъ слѣпца
Сверкнетъ стремительный, какъ молнія разящій...
Имъ сынъ зарѣжетъ мать. Имъ дочь убьетъ отца.
Я каждому скажу: Тебѣ ключи надежды,
Одинъ ты видишь свѣтъ. Для прочихъ онъ потухъ.
И будетъ онъ рыдать и въ горѣ рвать одежды
И звать другихъ... но каждый будетъ глухъ.
Не сѣятель сберетъ колючій колосъ сѣва.
Поднявшій мечъ погибнетъ отъ меча.
Кто разъ испилъ хмѣльной отравы гнѣва,
Тотъ станетъ палачемъ иль жертвой палача.

Я напишу: „завѣтъ мой Справедливость!"
И врагъ прочтетъ: „пощады больше нѣтъ".

Въ этой «справедливости», передъ которой «нѣтъ пощады» врагу, т.-е. несогласно мыслящему, схвачена психическая сущность многихъ явленій русской революціи, накопившей *внутри себя* такой огромный капиталъ иррраціональнаго недовѣрія и озлобленія.

„*Одинъ ты видишь свѣтъ. Для прочихъ онъ потухъ*"—это сознаніе своей личной и групповой непогрѣшимости тоже въ высшей степени характерно для русской революціи. Сомнѣніе въ своей абсолютной личной правотѣ или непогрѣшимости есть основа человѣчнаго отношенія къ другимъ людямъ и соглашенія съ ними. Тамъ, гдѣ отсутствуетъ эта основа, открывается просторъ для пожиранія однихъ людей другими, сперва идейнаго, а потомъ и фактическаго.

Соглашеніе, или компромиссъ недоступенъ больнымъ политической злобой, насквозь пропитаннымъ «*хмѣльной отравой гнѣва*» душамъ.

Когда я произношу и пишу слово: компромиссъ, я знаю, что это слово имѣетъ въ нашемъ радикальскомъ просторѣчіи смыслъ чего-то презрѣннаго и безнравственнаго. Подъ компромиссомъ разумѣютъ безнравственную сдѣлку со зломъ, приспособленіе къ неправой силѣ.

Между тѣмъ по своей идейной сущности компромиссъ есть какъ разъ обратное: нравственная основа общежитія, какъ такового. Соглашенію, или компромиссу въ человѣческомъ общежитіи противостоитъ либо принужденіе другихъ людей, направленныхъ на то, чтобы подчинить ихъ

волю моей, либо отчужденіе отъ другихъ людей, неприступность, отрѣзанность моей воли отъ ихъ воли. Противниками компромисса являются либо деспотизмъ, или насиліе, либо пустынничество, столпничество, безсиліе въ міру. Сектантство же есть нѣчто среднее между деспотизмомъ и столпничествомъ.

Въ чемъ заключается задача общественнаго устроительства? Въ согласованіи волъ. А для него нужна формула. Справедливость, доступная людямъ, ихъ удовлетворяющая, имъ дорогая, для нихъ живая справедливость, психологически всегда была, есть и будетъ не что иное, какъ формула соглашенія, или компромисса.

Когда жизнь отметаетъ справедливость, какъ мертвое, отвлеченное, ей чуждое, ее насилующее начало? Когда справедливость не способна исполнить свою важнѣйшую функцію — быть формулой соглашенія, или компромисса, когда она говоритъ: «врагу пощады нѣтъ!»

Классовая борьба, популярнѣйшая идея русской революціи, потому и пришлась ей такъ ко двору, что русскіе люди менѣе чѣмъ кто-либо воспитаны въ компромиссѣ и къ компромиссу. Современный, такъ называемый научный соціализмъ, ставя во главу угла идею классовой борьбы, будущее общежитіе динамически, эволюціонно обосновываетъ на началѣ принужденія, въ противоположность началу соглашенія. Въ этомъ—основная идейная противокультурность и противообщественность,—я бы сказалъ противосоціалистичность научнаго соціализма.

Съ другой стороны, ученіе о классовой борьбѣ, какъ готовая теоретическая форма, облегла и оформила то чувство ненависти и возмездія, которое воспиталъ въ русскомъ человѣкѣ старый порядокъ. Ненавидѣлъ и жаждалъ возмездія крестьянинъ, въ которомъ вѣка угнетенія взрастили эти чувства; ненавидѣлъ и жаждалъ возмездія рабочій, который къ унаслѣдованной деревенской, крестьянской ненависти присоединилъ городскую, пролетарскую; отравленъ ненавистью былъ интеллигентъ, въ которомъ рядомъ съ печальникомъ за народъ росъ мститель за народъ и за себя; ненавидѣлъ, наконецъ, еврей и вообще всякій инородецъ.

Русско-японская война истребила послѣднія добрыя чувства и ихъ послѣднее убѣжище: ненависть и жажда возмездія проникли въ душу обывателя.

На другомъ полюсѣ то же самое. Глубочайшая психическая причина неспособности современной русской власти къ реформамъ заключается въ томъ, что она пошла на компромиссы по принужденію, оставаясь попрежнему чуждой самаго духа соглашенія. Въ ней тоже глубоко залегла ненависть, и ненависть эта только распалялась отъ каждой попытки революціи—нанести исторической власти смертельный ударъ. Русская революція русская реакція какъ-то безнадежно грызутъ другъ друга, и отъ каждой овой раны, и отъ каждой капли крови, которыми онѣ обмѣниваются, ростетъ мстительная ненависть, растетъ неправда русской жизни.

И нѣтъ пока остановки этому ужасному наростанію! Роспускъ Думы всѣмъ, что за нимъ послѣдовало, былъ ужасенъ не самъ по себѣ, а

тѣмъ, что онъ нанесъ страшный ударъ идеѣ нравственнаго соглашенія и подкрѣпилъ идею физическаго состязанія.

Въ недавнихъ спорахъ о политическихъ убійствахъ какъ-то забывалось самое важное. Сопоставлялись убійства съ казнями, но забывалось, что властью совершалось нѣчто худшее, чѣмъ казни. 17 октября создало новое право, но власть убивала это право. Говорили, что это оправдывается дѣйствіями революціонеровъ. Меня всегда изумлялъ цинизмъ этой точки зрѣнія. Правонарушенія со стороны отдѣльныхъ лицъ никогда не могутъ быть приравниваемы къ правонарушеніямъ власти. Власть обязана не просто подчиняться праву, какъ отдѣльныя лица, она его обязана блюсти. И когда власть—по соображеніямъ политической выгоды—нарушаетъ право, это по моральному вреду для общества превосходитъ и всѣ казни, и всѣ убійства. Такой образъ дѣйствій выполняетъ пресловутую програму «непрерывной революціи», ибо нарушеніе права на одномъ полюсѣ неизбѣжно должно родить нарушеніе права на другомъ, и такъ создается цѣпь революціонныхъ, внѣправовыхъ событій.

Положить предѣлъ революціи, какъ состязанію физическихъ силъ, можно только утвержденіемъ права. Такъ какъ революціонеры суть либо отдѣльныя лица, либо частныя организаціи, а власть есть государство въ дѣйствіи, то не можетъ быть и спора о томъ, что принципіально, по существу обязанности власти въ отношеніи къ праву совсѣмъ иныя, чѣмъ обязанности частныхъ лицъ и организацій. Правонарушеніе въ области государственной для власти, какъ таковой, должно было бы быть такъ же невозможно, какъ невозможно для нея воровство или мошенничество.

Съ этой точки зрѣнія то, что пережито Россіей послѣ 9 іюля, есть, безъ всякаго преувеличенія, самая мрачная страница русской исторіи. Пока существовала въ Россіи неограниченная монархія, не могло быть того ужаснаго противорѣчія между признаннымъ властью правомъ и ея образомъ дѣйствій, какимъ отмѣчено время послѣ 17 октября и, въ особенности, послѣ 9 іюля. Съ этой точки зрѣнія режимъ Столыпина хуже режима Плеве, хотя г. Столыпинъ вовсе не обладаетъ свойствами Плеве, его цѣльной и жестокой въ своей цѣльности волей: онъ человѣкъ слабый, онъ достойная всяческаго сожалѣнія, малосознательная жертва того органическаго государственнаго молчалинства, которымъ, точно наслѣдственнымъ сифилисомъ, глубоко разъѣдена вся наша дворянско-сановная среда.

Идея классовой борьбы творчески безплодна въ русской революціи. Она разъединяетъ націю, вмѣсто того чтобы сплачивать ее. И безплодна она именно, какъ отвлеченная идея, въ своемъ доктринальномъ видѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ русской революціи лежитъ *соціальный* переворотъ огромной важности, процессъ болѣзненнаго перемѣщенія соціальной силы изъ кучки привилегированныхъ, изъ дворянской «господчины», по выраженію Родичева, въ народъ. Этотъ процессъ, конечно, если угодно, тоже есть своего рода случай классовой борьбы.

Но такой случай, въ которомъ *классу противостоитъ нація*. Наши же доктринеры классовой борьбы проводятъ линія не между классомъ и націей, а внутри нація—и тѣмъ, ослабляя націю, поддерживаютъ противостоящій ей реакціонный классъ.

Идея классовой борьбы оказалась въ русской революціи тѣмъ болѣе творчески безплодной, что она обнаружила въ извѣстныхъ предѣлахъ несомнѣнную организующую силу. Не давая организоваться націи, она организовала во имя классовъ и классовой борьбы враждующія политическія партіи.

При этомъ молчаливо признавалось, что эти партіи, стремясь къ объективно одинаковой цѣли—таковой признавалось утвержденіе демократической конституціи—могутъ дѣйствовать различными способами, идти не одними путями. Идея особыхъ «тактическихъ» путей разныхъ классовъ и партій стала чѣмъ-то вродѣ не подлежащей ни доказыванію, ни оспариванію аксіомы. Эта идея нанесла огромный вредъ дѣлу русскаго государственнаго преобразованія. Она внесла въ него разъединяющее и разслабляющее начало.

Теперь, когда страна вновь стоитъ передъ выборами, надлежитъ ясно понять, что въ борьбѣ со старымъ порядкомъ необходимо единство въ дѣйствіяхъ. Оно нужно въ реальномъ смыслѣ; еще болѣе нужно оно въ смыслѣ моральномъ. Необходимо, чтобы каждый отрядъ освободительной арміи могъ нести отвѣтственность за другіе, и невозможно допустить, чтобы они, вмѣсто того чтобы идти на врага, ударяли другъ другу въ тылъ. Мнимо-«классовое» раздробленіе и «классовое» взаимопожираніе разныхъ элементовъ націи есть издѣвательство надъ великой задачей созданія русской демократіи. Въ этомъ кромсаніи націи реально заинтересованы только тѣ, кто желаетъ раздѣлять и властвовать.

Народная душа вся трепещетъ мыслью о томъ, какъ противопоставить единую могучую національную волю тяготѣющему надъ ней чиновновладѣльческому игу. И въ такой моментъ съ трибунъ публичныхъ собраній ежедневно раздаются призывы къ взаимному недовѣрію и озлобленію внутри націи.

Элементарный инстинктъ націи, вовлеченной историческими силами въ огромный соціальный переворотъ, творитъ изъ нея въ великой борьбѣ едину душу и едино тѣло, и въ это время ослѣпленные люди проповѣдуютъ идеи и идейки и всячески силятся извратить здоровый инстинктъ націи.

Подъ дѣйствіемъ переживаемаго я коснулся самой современной, самой послѣдней темы, и, вмѣсто размышленій, у меня вылились негодующія строки. Трудно въ настоящую минуту избѣгнуть этого...

Ужасные годы утомили насъ и мы какъ-то *привыкли* жить въ эпоху великаго переворота и не ощущать его значенія.

Происходитъ это отъ того, что мы какъ въ густомъ туманѣ ничего не видимъ передъ собой.

Мы видимъ ясно среднюю линію, по которой должна пойти жизнь, и въ то же время съ ужасомъ и тоской мы видимъ, какъ неимовѣрно трудно поставить жизнь именно на эту линію. Въ силу этого нами болѣе чѣмъ когда владѣетъ чувство жуткой неизвѣстности. Мы знаемъ, куда Россія придетъ, но какъ, какими путями и съ какими жертвами,—это дѣло совершенно темное.

Я сказалъ выше, что революція объективно завершилась, и что ошибка революціонеровъ заключалась въ томъ, что они просмотрѣли этотъ фактъ. Но ту же, буквально ту же ошибку совершало и совершаетъ правительство, и эти двѣ ошибки, питая одна другую, поддерживаютъ страну въ томъ ужасномъ состояніи, въ которомъ она находится. Въ силу этого, хотя русская революція завершилась въ своемъ существѣ, въ своей основѣ,—теперь никто еще не можетъ указать предѣловъ, до которыхъ, въ силу поведенія правительства, могутъ дойти революціонныя событія. Личная необезпеченность, въ которой живетъ теперь всякій русскій человѣкъ, есть отраженіе въ индивидуальной жизни огромнаго, зловѣщаго факта полной политической необезпеченности, въ которой живетъ вся страна.

Петръ Струве.

Рабочій вопросъ наканунѣ второй Государственной Думы.

(Законодательныя поползновенія и декабрьское совѣщаніе по рабочему вопросу).

I.

Любители аналогій и сравненій съ большимъ успѣхомъ могли бы заняться сопоставленіемъ извѣстной аксіомы изъ области механики «дѣйствіе равно противодѣйствію» съ ходомъ нашего фабричнаго законодательства. Уже много разъ отмѣчено, что всѣ сколько-нибудь серьезныя нововведенія въ этой области слѣдовали у насъ за значительными «волненіями» и крупными «безпорядками» на фабрикахъ и заводахъ.

Безпорядки обыкновенно возникали періодически, одни послѣ другихъ чрезъ промежутки въ нѣсколько лѣтъ. И чѣмъ выше въ томъ или иномъ случаѣ поднималась волна рабочаго движенія, тѣмъ крупнѣе и значительнѣе были тѣ измѣненія, которыя вслѣдъ за нею приходилось вносить законодателю въ область отношеній труда и капитала. Эта связь между «волненіями» съ одной стороны и «реформами»—съ другой, такъ ясно выразившаяся въ 1886 и 1897 году, должна найти себѣ, какъ кажется, наиболѣе крупное и яркое подтвержденіе въ ближайшемъ будущемъ.

Никогда еще наша промышленность не испытывала такихъ потрясеній, какъ въ 1905—1906 годахъ; и никогда еще наше правительство не дѣлало поползновенія къ введенію столь широкихъ, столь значительныхъ реформъ, которыя, если онѣ будутъ осуществлены, должны коренными образомъ преобразовать всѣ внутреннія отношенія фабрично-заводскаго міра. Правда, идея и ея осуществленіе въ жизни очень часто отстоятъ другъ отъ друга очень далеко; есть скептики, задающіеся даже вопросомъ—не окажутся ли въ этомъ дѣлѣ всѣ извѣстныя намъ до сихъ поръ предположенія власти въ рѣшительный моментъ не чѣмъ инымъ, «какъ покушеніями съ негодными средствами». Но тѣмъ не менѣе самое появленіе упомянутыхъ многочисленныхъ и широкихъ преобразовательныхъ предположеній крайне интересно. Оно даетъ весьма цѣнный матеріалъ для характеристики современнаго хаотическаго положенія вещей.

Но не одно опубликованіе восьми «предварительныхъ проектовъ» по рабочему законодательству министерства торговли и промышленности заставляетъ меня попытаться обратить на нихъ вниманіе читателя настоящей статьей. «Проекты» эти были подвергнуты обсужденію на грандіозномъ совѣщаніи промышленниковъ и разныхъ «чиновъ», созванномъ тѣмъ же министерствомъ во второй половинѣ декабря въ Петербургѣ. Обойти же молчаніемъ это совѣщаніе было бы странно: и въ наше, полное крупныхъ событій, время оно явилось фактомъ весьма и весьма незауряднымъ.

Начать хотя бы съ обстановки. Предсѣдательствуетъ—министръ; въ качествѣ членовъ за огромнымъ столомъ сидятъ товарищи министровъ, директора и вице-директора департаментовъ, генералы, и масса болѣе мелкихъ «чиновъ» и чиновниковъ. Со стороны промышленниковъ приглашены всѣ «съѣздныя» знаменитости. Лидеромъ значительной ихъ части, объединенной въ «совѣтѣ съѣздовъ», является бывшій министръ торговли и промышленности, В. И. Тимирязевъ; между промышленниками же мы видимъ членовъ государственнаго совѣта—гг. Авдакова, Балашева, того же Тимирязева и всероссійски извѣстныхъ крупныхъ промышленныхъ тузовъ, какъ Нобель, Познанскій и т. п. Среди этой чиновной и крупно-финансовой публики скромно пріютились два профессора—гг. Яроцкій и Озеровъ, являющіеся какъ бы въ качествѣ экспертовъ отъ науки. Имъ вдвоемъ приходится въ критическіе моменты, защищая свои положенія, выдерживать на себѣ натискъ всѣхъ силъ, тѣмъ или инымъ путемъ заявляющихъ о своемъ присутствіи въ залѣ.

Въ поясненіе послѣдней фразы я долженъ сказать, что тѣ лица, которыя должны были бы ближе другихъ знать нужды фабричной жизни и интересы рабочихъ—представители фабричной инспекціи, гг. фабричные ревизоры и окружные инспектора,—въ продолженіе всѣхъ засѣданій, упорно молчали точно по взаимному уговору или по приказанію. Только однажды кто-то изъ нихъ по непосредственному приглашенію начальства произнесъ нѣсколько словъ. Такимъ образомъ, при отсутствіи представителей пролетаріата и при молчаніи фабричной инспекціи, только со стороны незаинтересованныхъ въ дѣлѣ представителей науки и могли раздаваться въ защиту интересовъ рабочихъ *безпристрастныя* слова. О томъ, насколько успѣшно выполнили гг. профессора стоявшую предъ ними трудную задачу, мы, благодаря отрывочности свѣдѣній, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, не беремся высказать рѣшительнаго сужденія; но что для достиженія этой цѣли они употребили не мало стараній, въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Тутъ мы подошли къ самому больному и для непосвященныхъ прямо непонятному пункту министерскаго совѣщанія. Казалось бы, что при обсужденіи проектовъ законовъ, конечной цѣлью которыхъ является улучшеніе положенія рабочихъ, мнѣніе этихъ послѣднихъ интересно по меньшей мѣрѣ настолько же, какъ и мнѣніе предпринимателей. Въ самомъ дѣлѣ, если спрашиваютъ одну сторону — хозяевъ, то почему же не спросить и

другую сторону, т.-е. рабочихъ? Это было бы тѣмъ естественнѣе, что и созвавшій совѣщаніе г. Философовъ, и крупнѣйшіе представители промышленности и, тѣмъ болѣе, гг. профессора, всѣ въ одинъ голосъ говорятъ о желательности, о пользѣ, о необходимости свободы рабочихъ союзовъ и организацій. Открывая совѣщаніе, г. министръ торговли и промышленности между прочимъ началъ свою рѣчь съ выраженія сожалѣнія по поводу отсутствія тѣхъ, чьи интересы главнымъ образомъ должны на совѣщаніи обсуждаться. Это отсутствіе мотивировалось формальной ссылкой на отсутствіе такихъ организацій, которыя имѣли бы законныя полномочія на выборъ компетентныхъ делегатовъ, достаточно авторитетныхъ въ глазахъ всего рабочаго люда. Однако, мы имѣемъ цѣлый рядъ рабочихъ обществъ, которыя вопреки, быть можетъ, желанію разныхъ властей предержащихъ, еще живутъ и функціонируютъ весьма успѣшно. Еще недавно на югѣ состоялся съѣздъ представителей цѣлаго ряда организацій рабочихъ металлообрабатывающихъ производствъ, прошедшій вполнѣ благополучно и вынесшій цѣлый рядъ рѣшеній. Почему же такія общества не могли бы послать на совѣщаніе своихъ делегатовъ точно такъ же, какъ послали ихъ разныя организаціи промышленниковъ—биржевые комитеты, съѣзды и т. д., и т. д.?

Я понималъ бы еще возможность нѣкоторыхъ возраженій на подобное предложеніе въ томъ случаѣ, если бы рѣчь шла о какомъ-либо собраніи, постановленія котораго должны были бы имѣть *окончательное*, рѣшающее значеніе. Въ такомъ случаѣ могли бы возникнуть нѣкоторыя сомнѣнія относительно *равноцѣнности* тѣхъ учрежденій, представители которыхъ получаютъ *рѣшающій* голосъ. Но, какъ много разъ подчеркивалъ предсѣдатель, декабрьское совѣщаніе носило характеръ лишь обмѣна мнѣній; голосованій на немъ не производилось, постановленій не дѣлалось. Почему же въ такомъ случаѣ представитель какого-нибудь союза лицъ, занимающихся той или иной отраслью промышленнаго труда не могъ бы дать своихъ разъясненій и высказать своихъ взглядовъ рядомъ съ гг. Нобелями, Крестовниковыми и другими? Мы положительно не находимъ на этотъ вопросъ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта ни въ словахъ министра, ни въ какихъ-либо обстоятельствахъ, стоящихъ въ прямой и непосредственной связи какъ съ тѣмъ совѣщаніемъ, о которомъ идетъ рѣчь, такъ и съ тѣми вопросами, которые должны были на немъ обсуждаться. И думается намъ, что, сославшись на отсутствіе учрежденій, къ которымъ можно было бы обратиться съ приглашеніемъ принять участіе въ работахъ коммиссіи, г. министръ исполнилъ лишь «долгъ приличія», попытавшись дать благовидное объясненіе тому, что логическому объясненію не поддается. Сдѣлать это было тѣмъ проще, что г. Философовъ могъ съ увѣренностью сказать, что оспаривать его по этому пункту на совѣщаніи никто не станетъ! При такихъ условіяхъ истинныхъ и всѣмъ присутствующимъ понятныхъ причинъ отсутствія рабочихъ можно было не упоминать.

А причины эти, какъ кажется, мы могли бы угадать безъ особаго труда. Во-первыхъ, по всегдашнему обычаю учрежденій, вѣдающихъ у насъ рабочій вопросъ, было желательно избѣжать всякихъ намековъ на «политику»; а вѣдь за рабочихъ поручиться нельзя: возьмутъ да и заявятъ, какъ на октябрьскомъ совѣщаніи о нефтяныхъ дѣлахъ, что—вопросъ о политическихъ свободахъ долженъ быть поставленъ во главу угла рабочаго законодательства! Какъ въ такомъ случаѣ имъ отвѣтить? Кромѣ того и примѣръ коммиссіи Шидловскаго еще у всѣхъ въ памяти. Если бы делегаты отъ рабочихъ прямо спросили бы, насколько свободно они могутъ выражать свои мнѣнія, не рискуя попасть въ участокъ, то разъясненіе этого вопроса, пожалуй, для предсѣдателя было бы слишкомъ затруднительно! Къ этимъ двумъ соображеніямъ «политическаго» характера могло присоединиться и третье. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь рабочіе, пожалуй, извѣрившись въ безконечное число коммиссій, обсуждавшихъ ихъ участь въ теченіе послѣднихъ двухъ десятковъ лѣтъ, могли бы и совсѣмъ отказаться прислать своихъ делегатовъ и тѣмъ поставить коммиссію въ весьма неловкое положеніе! Все это такъ, и мы вполнѣ понимаемъ щекотливость положенія министерства торговли и промышленности, которому приходилось выбирать одно изъ двухъ: или пригласить къ обсужденію рабочихъ, рискуя возможностью нѣкотораго скандала, или вести дѣло безъ рабочихъ. Министерство выбрало послѣдній путь, мы же думаемъ, что, несмотря ни на что, оно должно было идти по первому пути, ибо мнѣніе самихъ рабочихъ въ данномъ случаѣ такъ важно, что отсутствіе представителей труда *не можетъ быть ничѣмъ замѣнено,* и тотъ *дефектъ*, который образуется благодаря ему въ обсужденіи законопроектовъ, совершенно *невосполнимъ*. Онъ, этотъ дефектъ, особенно важенъ въ виду совершенно новаго *характера* тѣхъ законовъ, основанія которыхъ обсуждались на петербургскомъ совѣщаніи. Если предположеніямъ министерства торговли и мануфактуръ въ томъ или иномъ видѣ суждено въ ближайшемъ будущемъ осуществиться, то мы получимъ рядъ узаконеній, которыя не могутъ быть только «примѣняемы» къ рабочимъ, какъ къ пассивной массѣ; наоборотъ, они потребуютъ отъ рабочихъ массъ, которыя до сихъ поръ всегда были только опекаемы, *активнаго* участія въ проведеніи въ жизнь различныхъ мѣропріятій. Рабочіе въ значительной мѣрѣ *сами* должны будутъ ихъ *примѣнять*. Имъ самимъ придется уплачивать взносы по страхованію отъ болѣзней, управлять чрезъ своихъ уполномоченныхъ больничными кассами, избирать судей въ промышленные суды, нести извѣстные расходы по страхованію на старость и т. д., и т. д. Очевидно, что при настоящемъ возбужденномъ настроеніи рабочей массы, при томъ ростѣ самосознанія, самая быстрота котораго за послѣдніе годы обусловливаетъ особую чувствительность и щепетильность какъ личнаго, такъ и классоваго самолюбія, участіе рабочихъ въ обсужденіи проектовъ по фабричному законодательству было въ высшей степени желательно особенно въ виду того, что къ разсмотрѣнію ихъ были призваны фабриканты. Совѣщаніе по этому поводу *безъ*

участія рабочихъ неизбѣжно дастъ крайне богатую почву для всевозможныхъ разговоровъ о томъ, что проекты, выработанные безъ сотрудничества представителей пролетаріата, для него непригодны. Отсюда уже недалеко и до уклоненія рабочихъ отъ какого бы то ни было дѣятельнаго участія по проведенію законовъ въ жизнь, а пожалуй и до отказа отъ всякихъ платежей, предназначенныхъ на осуществленіе различныхъ поставленныхъ законами задачъ. Что станется при такомъ отношеніи къ дѣлу рабочей массы хотя бы со страхованіемъ отъ болѣзней?...

Вотъ почему я придавалъ бы крайне серьезное значеніе *участію рабочихъ на ряду съ предпринимателями* въ занятіяхъ совѣщанія, созваннаго министерствомъ торговли и промышленности. Оно сразу увеличило бы во много разъ возможность сочувственнаго отношенія къ закону со стороны рабочихъ, подняло бы популярность новыхъ мѣропріятій. А въ популярности въ этомъ дѣлѣ важнѣйшій залогъ успѣха! И если министерство по перечисленнымъ выше мотивамъ не рѣшалось допустить представителей рабочихъ союзовъ совмѣстно съ представителями предпринимательскихъ организацій въ большое, торжественное совѣщаніе, состоящее чуть ли не изъ 300 членовъ, то было бы, быть можетъ, цѣлесообразнѣе обсудить вопросъ хотя бы и въ небольшой коммиссіи изъ 20—30 человѣкъ, но непремѣнно при *равномъ* числѣ членовъ отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

II.

Послѣ общихъ, приведенныхъ выше, замѣчаній, которыя, надѣюсь, выяснили читателю взглядъ автора этихъ строкъ собственно на составъ министерскаго совѣщанія, намъ пора обратиться къ настоящей темѣ статьи, къ изложенію самыхъ вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію совѣщанія, и къ передачѣ двухъ-трехъ эпизодовъ, имѣвшихъ мѣсто во время преній.

Читателю, вѣроятно, извѣстно, что министерство торговли и промышленности выработало цѣлый рядъ основныхъ положеній новаго законодательства по рабочему вопросу и подъ именемъ «предварительныхъ проектовъ» еще осенью вмѣстѣ съ объяснительной запиской разослало ихъ на заключеніе различныхъ учрежденій и лицъ. Этихъ «предварительныхъ проектовъ» было восемь: 1) по обязательному страхованію на случай болѣзни, 2) по страхованію на случай несчастій, 3) о сберегательныхъ кассахъ обезпеченія (никуда негодный суррогатъ германскаго страхованія на старость и инвалидность), 4) проектъ новыхъ «правилъ о наймѣ рабочихъ на заведенія крупной промышленности» (пересмотръ соотвѣтственныхъ частей дѣйствующаго промышленнаго устава), 5) о рабочемъ времени, 6) о мѣрахъ поощренія постройки дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ,) о промысловыхъ судахъ, 8) о реформѣ фабричной инспекціи и о промышленныхъ присутствіяхъ.

Проекты эти въ свое время были подробно изложены и обсуждены во многихъ столичныхъ газетахъ, и потому мы считаемъ возможнымъ не

передавать подробно ихъ содержанія... Но мы не можемъ здѣсь не отмѣтить, что къ моменту начала декабрьскаго совѣщанія министерство уже сознало, что въ «предварительныхъ проектахъ» имѣются два весьма серьезныхъ недочета. Оно сочло необходимымъ дополнить списокъ подлежащихъ обсужденію предположеній, во-первыхъ, нѣсколькими тезисами: а) о страхованіи на старость и инвалидность и б) о врачебной помощи. Надо сказать, что вслѣдствіе краткости времени, предназначеннаго на работу совѣщанія, созваннаго за 10 дней до рождественскихъ праздниковъ, разсмотрѣнію вообще подвергались не самые «предварительные проекты», а только основные, сжато изложенные «тезисы». Эти тезисы, вмѣстѣ съ замѣчаніями, сдѣланными во время преній, должны лечь въ основу уже подробныхъ законопроектовъ, которые, по мысли г. Философова, въ февралѣ вновь будутъ обсуждены въ коммиссіи (имѣющей быть созванной, какъ кажется, въ томъ же,—увы!—составѣ!), и уже послѣ этого вторичнаго коммиссіоннаго разсмотрѣнія и соотвѣтствующей переработки подлежатъ внесенію въ Государственную Думу.

Достойно особаго вниманія желаніе министерства почти предъ самымъ совѣщаніемъ дополнить вносимые на обсужденіе проекты, дополнить весьма существенно, путемъ прибавленія къ ранѣе выработаннымъ положеніямъ, немного-немало, тезисовъ о *страхованіи на старость и инвалидности*, т.-е. о томъ именно видѣ страхованія, возможность введенія котораго въ Россіи такъ безапелляціонно и такъ бездоказательно—прибавимъ мы отъ себя—отрицала «объяснительная записка» къ предварительнымъ проектамъ! Согласитесь, что коренное измѣненіе взглядовъ по такому важнѣйшему вопросу не говоритъ въ пользу чрезмѣрной обоснованности министерскихъ предположеній *)! Среди промышленниковъ эта новая позиція министерства вызвала рѣзкое раздѣленіе мнѣній, и первая рѣчь, раздавшаяся на съѣздѣ со стороны предпринимателей, имѣла характеръ рѣзкаго возраженія на новый планъ министерства. Г. Глезмеръ, предсѣдатель петербургскаго общества фабрикантовъ, заявилъ, что промышленники мало подготовлены къ обсужденію страхованія на старость, что это вопросъ сложный; что онъ, г. Глезмеръ, не знаетъ, насколько задачи этого страхованія дѣйствительно выдвинуты жизнью и насколько онѣ вносятся на совѣщаніе лишь подъ вліяніемъ даннаго момента. Дѣло требуетъ прежде всего прямого подсчета «въ рубляхъ»; за неимѣніемъ же точныхъ для него данныхъ слѣдуетъ обсужденіе страхованія на старость отложить, и отложить на *возможно долгій срокъ*, такъ какъ чѣмъ *дольше* будетъ обсуждаться такой запутанный и еще недостаточно освѣщенный вопросъ, тѣмъ болѣе вѣроятія, что онъ будетъ разрѣшенъ правильно и съ надлежащей осмотрительностью!

---

*) Прибавимъ еще, что рѣчь идетъ о вопросѣ не новомъ, а о такомъ, который давно уже былъ поставленъ на очередь и по которому годъ назадъ уже былъ выработанъ, хотя и очень слабый, но цѣльный законопроектъ!

Я долженъ сказать, что столь беззастѣнчиво выраженное представителемъ петербуржцевъ намѣреніе отдѣлаться отъ страхованія на старость при посредствѣ знаменитаго «долгаго ящика» нашло горячую и заслуженную отповѣдь со стороны представителей нѣкоторыхъ другихъ районовъ; но все же врядъ ли я ошибусь, если выражу предположеніе, что никакого удовольствія по поводу новыхъ намѣреній министерства большинство членовъ декабрьской коммиссіи не выказало, хотя въ концѣ-концовъ и не нашло возраженій противъ введенія этого вида страхованія. Вообще, въ коммиссіи выяснилось, что предприниматели оспариваютъ желательность законовъ, требующихъ отъ нихъ нѣкоторыхъ въ пользу рабочихъ *матеріальныхъ жертвъ*, далеко не такъ упорно, какъ противодѣйствуютъ всякому *сокращенію своихъ правъ* и всякому *закрѣпленію какихъ бы то ни было нормъ, дающихъ какія-либо новыя права рабочимъ*. Промышленники съ такою же настойчивостью отбиваются и отъ сокращенія рабочаго времени, и отъ двухнедѣльнаго срока предупрежденія объ отказѣ отъ работы, какъ настаиваютъ на своемъ правѣ немедленно разсчитать *всѣхъ* рабочихъ, какъ только на ихъ фабрикѣ забастуетъ хотя бы одно отдѣленіе. Очевидно, что ради своего хозяйскаго авторитета, ради сохраненія за собой самыхъ примитивныхъ средствъ водворенія той дисциплины, которой они только и умѣли до сихъ поръ поддерживать порядокъ, хозяева готовы пустить въ ходъ всѣ имѣющіяся въ ихъ распоряженія средства. Матеріальныя же жертвы — другое дѣло. За нихъ въ конечномъ счетѣ всегда расплатится потребитель, на котораго будетъ весьма быстро переложенъ всякій денежный расходъ, вызываемый страхованіемъ или какимъ-либо аналогичнымъ мѣропріятіемъ. А при такомъ пониманіи дѣла стоитъ ли противъ него особенно упорно бороться?

Однако намъ пора перейти отъ общихъ замѣчаній къ разсмотрѣнію тѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ, вѣрнѣе сказать—тѣхъ отдѣльныхъ «предварительныхъ проектовъ», которые, сведенные въ краткіе «тезисы», были поставлены на обсужденіе декабрьскаго совѣщанія министерствомъ торговли и промышленности.

Первыми были поставлены тезисы, касающіеся страхованія отъ болѣзней. Въ главныхъ своихъ основаніяхъ министерскій проектъ представляетъ собою плохой снимокъ съ соотвѣтствующаго германскаго закона; но, заимствуя, наши департаментскія законодатели не могли, по всегдашней привычкѣ, не испортить того, что въ нѣмецкомъ законѣ наиболѣе цѣнно. Такъ, въ Германіи больничныя кассы доставляютъ лишившимся вслѣдствіе болѣзни способности къ труду рабочимъ какъ денежныя пособія, такъ и медицинскую помощь. Министерство *обязательно* предполагало возложить на кассы только первую задачу; лѣчить же своихъ членовъ кассы могли лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда по этому поводу состоится особое соглашеніе съ владѣльцемъ заведенія. Въ Германіи больничныя кассы сразу распространили свои операціи на рабочихъ чуть ли не всѣхъ главнѣйшихъ отраслей обрабатывающей и транспортной промышленности, причемъ

отдѣльнымъ областямъ было дано право вводить въ кругъ дѣйствій этого вида страхованія и сельскохозяйственныхъ, и лѣсопромышленныхъ рабочихъ, значительная часть которыхъ теперь уже и застрахована. У насъ же предполагалось устроить больничныя кассы лишь для фабричныхъ, горныхъ и горнозаводскихъ рабочихъ. Въ Германіи съ самаго начала установленъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ типовъ кассъ, между которыми практика жизни выдвинула на первое мѣсто такъ называемыя «мѣстныя» кассы, въ которыхъ страхуется не мало и промышленныхъ рабочихъ; нашъ же законопроектъ предвидѣлъ почему-то лишь одинъ типъ *фабричной* кассы, что совершенно лишало бы законъ той гибкости и эластичности, которыя необходимы для распространенія хотя бы въ будущемъ его дѣйствій на широкіе круги трудящагося населенія. При такихъ крупныхъ и неудачныхъ отклоненіяхъ отъ своего прототипа въ самыхъ существеннѣйшихъ чертахъ, нашъ проектъ весьма близко повторяетъ положенія германскаго закона въ другихъ частяхъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ говорится о самоуправленіи кассъ, или о томъ, что рабочіе несутъ двѣ трети расходовъ, а фабриканты одну треть и т. д., и т. д. И нельзя сказать, чтобы подражаніе Германіи именно въ этихъ случаяхъ было бы особенно удачно. Тамъ, гдѣ дѣло касается самой организаціи дѣла, казалось бы, естественнѣе всего были бы тѣ или иныя уклоненія отъ западнаго образца и приспособленіе его къ нашимъ нравамъ и обычаямъ. Остановимся хотя бы на вопросѣ о распредѣленіи расходовъ. Въ Германіи обязательное больничное страхованіе вводили тогда, когда въ странѣ уже дѣйствовали четыре слишкомъ тысячи ранѣе учрежденныхъ больничныхъ кассъ, часть которыхъ пользовалась субсидіями со стороны предпринимателей, а часть обходилась совсѣмъ безъ нихъ. Естественно, что законъ принялъ отношеніе взносовъ предпринимателей къ взносамъ рабочихъ, основываясь на существующей практикѣ. Такимъ образомъ опредѣлилась та «одна треть», которая уплачивается предпринимателями изъ общихъ расходовъ кассы. Совсѣмъ иное дѣло у насъ. Прежде всего, благодаря извѣстному Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ 1866 г., большинство *нашихъ* крупныхъ фабрикъ уже принимаетъ на себя расходы по лѣченію рабочихъ. Затѣмъ въ весьма многихъ случаяхъ, напримѣръ, на крупныхъ механическихъ заводахъ Петербурга, установился обычай оказывать за счетъ владѣльца даже нѣкоторую, хотя и небольшую, денежную помощь и хворающимъ рабочимъ. При такихъ условіяхъ перенесеніе къ намъ цѣликомъ германской нормы распредѣленія взносовъ врядъ ли имѣетъ подъ собой достаточное основаніе. Весьма возможно, что, возложивъ на кассы и врачебную помощь, было бы болѣе согласно съ установившимися въ Россіи обычаями, требовать покрытія $^2/_3$ всѣхъ расходовъ отъ *фабриканта* и лишь *одной трети* отъ рабочихъ.

По крайней мѣрѣ такое отношеніе платежей той и другой стороны нашло бы для себя слѣдующее оправданіе: по иностраннымъ даннымъ расходы собственно на врачебную помощь составляютъ величину, весьма

близкую къ *одной трети* всѣхъ расходовъ кассы. Эти расходы, какъ уже сказано, наши фабрики по закону и обычаю уже должны нести на свой счетъ. Остальные же необходимые для веденія дѣла взносы представлялось бы самымъ простымъ раздѣлить между обѣими сторонами пополамъ. Принявъ такую схему, мы и пришли бы къ высказанному выше предположенію о возложеніи на предпринимателя *двухъ* третей всѣхъ расходовъ, а на рабочихъ одной трети. Само собой понятно, что такое измѣненіе въ распредѣленіи платежей *не* должно повлечь за собой передачи предпринимателямъ рѣшающагося голоса въ управленіи кассами. Напротивъ, было бы крайне желательно оставить веденіе дѣла, по крайней мѣрѣ, на фабрикахъ, преимущественно въ рукахъ страхуемыхъ, такъ какъ только при этомъ условіи больничныя кассы могли бы пріобрѣсти то довѣріе и ту популярность среди рабочей массы, безъ которыхъ совершенно невозможна правильная постановка больничнаго страхованія. Съ послѣдней точки зрѣнія и вопросъ о распредѣленіи платежей пріобрѣтаетъ, кромѣ указаннаго, еще новое значеніе. Мы, напримѣръ, склонны думать, что въ настоящее время установленіе обязательнаго вычета на больничныя кассы можетъ быть встрѣчено въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рабочими далеко не благопріятно. Рабочіе многихъ заводовъ уже слишкомъ привыкли къ тому, что пособіе и лѣченіе или по крайней мѣрѣ одно лѣченіе дается предпріятіемъ. Если же страховой взносъ рабочихъ будетъ опредѣленъ въ размѣрѣ *болѣе высокомъ, чѣмъ взносъ предпринимателя*, то введеніе закона, въ обсужденіи котораго рабочіе не принимали участія, можетъ вызвать кое-гдѣ если не прямой протестъ, то, по крайней мѣрѣ, значительное обостреніе отношеній. И рискъ такого обостренія окажется, пожалуй, значительнѣе, чѣмъ это представляютъ себѣ петербургскія канцеляріи. Такое мнѣніе подтверждается и заявленіями отдѣльныхъ рабочихъ, которыя приводилось слышать въ совершенно частныхъ бесѣдахъ автору настоящихъ строкъ.

Чтобы покончить съ больничнымъ страхованіемъ, намъ надо сказать хотя бы нѣсколько словъ о преніяхъ, имъ вызванныхъ въ декабрьскомъ совѣщаніи. Вопросъ о распредѣленіи взносовъ въ немъ собственно не ставился, и представители промышленности, не возражая противъ министерскаго предположенія, очевидно, нашли его для себя вполнѣ пріемлемымъ. (Не ожидали ли они болѣе неблагопріятнаго для себя законопроекта?) Но во многихъ отношеніяхъ промышленники рѣзко оспаривали проектъ, и возраженія ихъ, несомнѣнно, шли *впереди* предположеній министерства! Они говорили о необходимости распространенія страхованія на болѣе широкій кругъ лицъ; они настаивали на включеніи въ число обязанностей, лежащихъ на кассахъ, подачи врачебной помощи и т. д., и т. д. Очевидно, что живая жизнь, къ которой русскіе законодатели до этого времени не считали нужнымъ особенно чутко прислушиваться, за послѣдніе годы кое-чему научила гг. промышленниковъ, и они, когда это имъ представляется нужнымъ и не грозитъ непосредственно ихъ карману, только умѣютъ сами ставить очередные вопросы правильно и широко,

но даже подвергають злой критикѣ правительственныя предположенія, усиленно отмѣчая въ нихъ слишкомъ узкую постановку задачъ. Впрочемъ, послѣдняя сторона дѣла подчеркивалась не всѣми. На ней чаще всего, между прочимъ, останавливались представители южнаго горнопромышленнаго съѣзда. Предсѣдатель послѣдняго даже представилъ на совѣщаніе разработанный проектъ закона о введеніи у насъ, по образцу Германіи, всѣхъ трехъ видовъ страхованія, и проектъ этотъ, несмотря на многочисленные недостатки, несомнѣнно, подходитъ къ вопросу гораздо правильнѣе, чѣмъ проекты отдѣла промышленности. Другіе ораторы, и въ томъ числѣ на первомъ мѣстѣ г. Крестовниковъ изъ Москвы, предпочитали въ своихъ возраженіяхъ иной путь и мѣтко критиковали правительственныя предположенія, стоя на той же почвѣ, на которой стоятъ ихъ авторы. Такъ, не малый эффектъ произвело въ коммиссіи хотя бы слѣдующее замѣчаніе Крестовникова. Дѣлами больничныхъ кассъ по проекту завѣдуетъ правленіе и общее собраніе членовъ кассы. Предприниматель, несущій одну треть всѣхъ расходовъ, занимаетъ въ правленіи вполнѣ опредѣленную позицію: онъ назначаетъ одну третью часть его членовъ по своему усмотрѣнію. Но какова роль предпринимателя въ общемъ собраніи, рѣшающемъ простымъ большинствомъ голосовъ многіе важнѣйшіе вопросы? Увы, на этотъ, казалось бы столь простой, вопросъ проектъ министерства не даетъ никакого отвѣта! Не дали его въ засѣданіяхъ коммиссіи и присяжные защитники проектовъ, являющіеся въ то же время и его авторами! Очевидно, онъ просто не приходилъ имъ раньше въ голову! А между тѣмъ они внесли не только въ «предварительный проектъ», но даже и въ краткіе «тезисы» (подлежавшіе собственно разсмотрѣнію совѣщанія), нѣкоторыя черты, заставившія разсчетливаго и хозяйственнаго лидера московскихъ промышленниковъ весьма и весьма призадуматься. Дѣло въ томъ, что при дефицитѣ больничной кассы «нехватающія суммы» должны, по мысли министерства торговли и промышленности, «покрываться изъ средствъ владѣльца предпріятія». А расходы эти не есть что-либо заранѣе точно опредѣленное, такъ какъ общее собраніе (въ которомъ, какъ мы видѣли, владѣлецъ предпріятія *не представленъ*) можетъ простымъ большинствомъ голосовъ принять на себя выдачу пособій на случай болѣзни *членовъ семействъ* застрахованныхъ рабочихъ. Расходы кассы могутъ при этомъ, какъ само собой понятно, удвоиться. И вотъ хозяйское сердце г. Крестовникова запротестовало. Имѣя возможность взвалить всѣ «излишки» расходовъ на плечи фабриканта, рабочіе, само собой понятно, не будутъ въ нихъ стѣсняться! Сколько же именно придется доплачивать хотя бы на пособія больнымъ членамъ семействъ изъ предпринимательскаго кармана? И этотъ вопросъ остался безъ отвѣта со стороны представителей министерства! Совѣщаніе же склонилось къ мнѣнію о необходимости отказаться отъ приведенной выше постановки дѣла и о замѣнѣ ея правомъ общаго собранія въ случаѣ дефицита ходатайствовать объ увеличеніи высшихъ предѣловъ членскихъ взносовъ.

Напомнимъ, между прочимъ, читателю, что испугавшія г. Крестовникова слова «тезисовъ» цѣликомъ основаны на текстѣ германскаго закона; но тамъ соотвѣтствующіе «перерасходы» кассъ представляютъ собой явленіе рѣдкое и размѣры ихъ прямо ничтожны. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ наше министерство легко могло бы привести въ защиту своего проекта мотивированныя данныя; однако соотвѣтствующихъ объясненій дано не было.

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ вопросамъ, я долженъ сказать еще два слова объ одномъ эпизодѣ, довольно характерномъ для бюрократическихъ нравовъ. Въ числѣ матеріаловъ, ходившихъ по рукамъ членовъ совѣщанія, кромѣ «предварительнаго проекта» и «краткихъ тезисовъ», по этому вопросу имѣлись еще основныя положенія, выработанныя на тотъ же предметъ чиновникомъ министерства торговли и промышленности, хорошо извѣстнымъ въ кругахъ, интересующихся этимъ дѣломъ, — д-ромъ Е. М. Дементьевымъ. Знатоки дѣла говорятъ, что проектъ г. Дементьева, включающій въ задачи больничнаго страхованія врачебную помощь и предвидящій учрежденіе нѣсколькихъ типовъ кассъ, гораздо болѣе отвѣчалъ желаніямъ большинства присутствующихъ, чѣмъ «предварительный проектъ» министерства. Однако о проектѣ д-ра Дементьева не было сказано на совѣщаніи ни слова! Почему?

III.

Я изложилъ вопросъ о кассахъ страхованія на случай болѣзни подробнѣе, чѣмъ мнѣ то удастся сдѣлать, вслѣдствіе ограниченности размѣровъ журнальной статьи, относительно другихъ проектовъ министерства торговли и промышленности. Я надѣялся на этомъ примѣрѣ выяснить и крайне слабую подготовку правительственныхъ предположеній, и чрезмѣрно узкую, не оправдываемую никакими серьезными соображеніями, постановку вопросовъ, и рѣзко-критическое отношеніе совѣщанія къ предложенному на его обсужденіе матеріалу. Если мнѣ удалось обратить вниманіе читателя на эти стороны дѣла, то я въ значительной мѣрѣ облегчилъ задачу дальнѣйшаго изложенія и могу ограничиться уже сравнительно бѣглыми замѣчаніями. Мы будемъ слѣдовать тому порядку, въ которомъ «тезисы» обсуждались на совѣщаніи и начнемъ со страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Этому проекту, сравнительно, посчастливилось. Фабричныя несчастія и условія, въ которыя попадаетъ увѣчный фабричный рабочій, почти тождественны во всемъ мірѣ. Необходимость возложить въ этомъ случаѣ матеріальное вознагражденіе на самую промышленность, сдѣлавшую изъ человѣка калѣку, уже почти нигдѣ не вызываетъ споровъ. Германскій законъ выработалъ удобную, пріемлемую и у насъ, форму страхованія, а нашъ законъ 1903 года уже пріучилъ промышленниковъ къ мысли о необходимости полностью нести это бремя и, ради болѣе равномѣрнаго его распредѣленія, они уже давно прибѣгаютъ къ помощи стра-

ховыхъ обществъ—частныхъ или взаимныхъ, возложивъ на послѣднія роль германскихъ товариществъ (Berufsgenossenschaften). Наше министерство болѣе или менѣе удачно приспособило германскій образецъ къ русскимъ нравамъ. Однако общія тенденціи бюрократическихъ законодателей остались неизмѣнны. Кругъ страхуемыхъ лицъ значительно суженъ не только по сравненію съ крайне широкой современной германской системой *), но даже по сопоставленію съ первоначальнымъ текстомъ нѣмецкаго закона. Въ него включены, какъ у насъ дѣлается всегда, лишь «подвѣдомственные» министерству торговли и промышленности горнозаводскіе и фабричные рабочіе. Затѣмъ, придерживаясь по отношенію размѣра пособій нашего весьма неудовлетворительнаго закона, составители проекта, конечно, уклонились отъ германскаго образца въ сторону неблагопріятную для рабочаго; зато они рабски придержались его тамъ, гдѣ должны были бы его улучшить. Германское страхованіе вводилось тогда, когда оплата всѣхъ несчастій далеко еще не всегда и не во всѣхъ случаяхъ лежала на предпринимателѣ. Между тѣмъ больничныя кассы, лѣчившія увѣчныхъ, пользовались уже широкимъ распространеніемъ. И вотъ германскій законъ, *снявъ съ больничныхъ кассъ и возложивъ на фабрикантовъ и врачебную и денежную помощь увѣчнымъ, несомнѣнно въ высокой степени облегчилъ старыя больничныя кассы*. Но ради практическихъ удобствъ онъ оставилъ на обязанности больничныхъ кассъ заботу и вспомоществованіе тѣмъ, кто получилъ сравнительно болѣе мелкія увѣчья, вызывающія потерю способности къ труду менѣе, чѣмъ на 13 недѣль. У насъ, гдѣ страхованія отъ болѣзней *еще не существуетъ* и гдѣ оплата несчастныхъ случаевъ *уже всецѣло лежитъ по закону на фабрикантахъ*, слѣдовать этому правилу германскаго закона, очевидно, нѣтъ никакого основанія. И однако министерство этотъ недостатокъ германскаго страхованія перенесло въ свой проектъ. Для читателей, мало знакомыхъ съ дѣломъ, я позволю себѣ напомнить, что несчастные случаи страхуются *исключительно* за счетъ предпринимателей, въ больничныхъ же кассахъ $^{2}/_{3}$ расходовъ по проекту предполагается возложить на *рабочихъ*. Такимъ образомъ «предварительные проекты» часть бремени, *уже* лежащаго у насъ на хозяевахъ, предполагаютъ переложить на рабочихъ. Нельзя сказать, чтобы по обстоятельствамъ времени и мѣста эта выдумка могла бы быть причислена къ разряду удачныхъ. И несомнѣнно, что отсутствующіе на съѣздѣ рабочіе встрѣтили бы ее рѣзкимъ протестомъ.

Со стороны промышленниковъ разбираемый видъ страхованія не встрѣтилъ возраженій по существу. Много говорили о томъ, что мы еще недостаточно подготовлены къ обязательности и всеобщности этого страхованія, что его нельзя сразу осуществить при посредствѣ исключительно взаимныхъ обществъ, что до поры до времени слѣдуетъ допустить и коммерческое страхованіе и т. д., и т. д. Лишь южные горнопромышленники,

*) Отъ несчастныхъ случаевъ въ Германіи застраховано значительно больше лицъ, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ страхованія. Число застрахованныхъ отъ несчастія превосходитъ 17 милліоновъ при 53 милліонахъ населенія.

давно уже проектировавшіе на своемъ съѣздѣ введеніе этой формы обезпеченія увѣчныхъ, рѣзко и опредѣленно настаивали на скорѣйшемъ введеніи закона. Наибольшій диссонансъ во время преній по этому вопросу вызвала рѣчь проф. Озерова, который выразилъ опасеніе, что отсрочкой введенія въ жизнь такого закона возможно вызвать неудовольствіе среди рабочихъ. Этотъ аргументъ произвелъ настолько сильное возбужденіе среди «хозяевъ», что профессору даже не удалось надлежащимъ образомъ окончить свое слово. Здѣсь нельзя пройти молчаніемъ одной особенности русской фабричной жизни. Въ противоположность Германіи, наши страховыя общества (какъ и владѣльцы фабрикъ и заводовъ, когда ихъ рабочіе не застрахованы) предпочитаютъ не выплачивать увѣчнымъ рабочимъ ежегодныя *пенсіи*, а выплачивать единовременно болѣе или менѣе значительныя суммы, какъ бы замѣняющія капитализованныя ежегодныя пособія. Сложился этотъ обычай исторически и здѣсь не мѣсто выяснять его хорошія и дурныя стороны. Какъ бы ни смотрѣть на него по существу, фактъ остается фактомъ: наши рабочіе многолѣтней практикой пріучены къ полученію, въ случаѣ увѣчья, понижающаго способность къ труду, не пенсій, а единовременныхъ вознагражденій. И врядъ ли не былъ правъ представитель польскихъ горнозаводчиковъ, г. Жуковскій, говорившій, что новое правило, вводимое проектируемымъ закономъ и сочувственно встрѣченное промышленниками, по которому сколько-нибудь серьезныя увѣчья должны оплачиваться *только* пенсіями и отнюдь не единовременнымъ вознагражденіемъ, можетъ вызвать неудовольствіе. Увѣчный, никогда не имѣвшій въ рукахъ значительныхъ денегъ, обыкновенно гонится именно за полученіемъ на руки крупной, по его понятіямъ, суммы, надѣясь сразу устроить свою судьбу открытіемъ лавочки, собственной мастерской или какимъ-либо инымъ способомъ. Отказъ въ выдачѣ единовременнаго вознагражденія *) будетъ чаще всего встрѣченъ неудовольствіемъ увѣчнаго. И если такіе отказы явятся слѣдствіемъ новаго закона, то неудовольствіе обратится непосредственно противъ него и можетъ даже при извѣстныхъ условіяхъ принять форму широкаго протеста. Опять приходится пожалѣть объ отсутствіи на съѣздѣ представителей рабочихъ. Ихъ мнѣніе въ данномъ вопросѣ было бы особенно интересно. Авторъ этихъ строкъ является сторонникомъ системы пенсій, потому что видѣлъ на своемъ вѣку не мало случаевъ, когда единовременныя пособія растрачивались совершенно непроизвольно и увѣчные оставались, какъ говорится, «при печальномъ интересѣ». Но тѣмъ не менѣе онъ думаетъ, что переходъ отъ одной системы вознагражденія къ другой не можетъ и не долженъ быть пріуроченъ къ моменту введенія новаго закона, обсуждаемаго безъ участія наиболѣе заинтересованной стороны.

Заканчивая свои замѣчанія о вопросахъ, связанныхъ со страхованіемъ, мы не будемъ говорить о министерскомъ проектѣ «сберегательныхъ кассъ обезпеченія», учреждаемыхъ при фабрикахъ *по желанію* рабочихъ, и требующимъ, чтобы, если касса уже открыта, фабрикантъ вносилъ бы *не*

*) По дѣйствующему закону оно равно десятипроцентной причитающейся пенсіи.

менѣе одной четверти отъ общей суммы взносовъ рабочихъ. Сами авторы этого замѣчательнаго проекта, который такъ слабъ, что даже не даетъ матеріала для критики, признали его несостоятельность и внесли на совѣщаніе тезисы страхованія на старость и инвалидность, россійскимъ суррогатомъ котораго должны были быть «кассы обезпеченія». Къ сожалѣнію, четыре краткія положенія, въ которыхъ выражена идея будущаго страхованія на старость, закона чрезвычайной важности, совершенно не обрисовываютъ плановъ министерства торговли и промышленности. Можетъ быть, оно подъ этой формой страхованія хочетъ создать что-то очень хорошее, а можетъ быть и очень плохое! Богъ его знаетъ! Единственный опредѣленный показатель въ отрицательную сторону—слишкомъ низкій минимальный размѣръ пенсій (отъ 24 до 36 р. въ годъ). На основаніи столь скудныхъ данныхъ невозможно сказать ничего опредѣленнаго о проектѣ закона, который долженъ былъ бы стать во главу угла такихъ мѣропріятій, которыя нѣмцы съ гордостью называютъ «соціальнымъ законодательствомъ!»

IV.

Какъ уже сказано въ началѣ этой статьи, наиболѣе оживленныя возраженія на съѣздѣ вызвали не тѣ предположенія правительства, которыя требуютъ извѣстныхъ денежныхъ затратъ со стороны предпринимателей, а тѣ, которыя касаются правилъ о наймѣ и рабочаго времени. Первыя изъ нихъ представляютъ отдѣлъ «устава о промышленности»—этой архаической части нашего свода законовъ, служащей многими своими статьями въ курсахъ полицейскаго права образцомъ неясности, устарѣлости и неполноты юридическихъ опредѣленій. Къ сожалѣнію, почему-то составители нашихъ проектовъ не сочли возможнымъ примѣнить къ этому отдѣлу своей работы того принципа ими же составленной «объяснительной записки», согласно которому наше рабочее законодательство должно быть перестроено все сразу, кореннымъ образомъ, по опредѣленному, строго согласованному во всѣхъ своихъ частяхъ плану. Напротивъ, общій пересмотръ устава о промышленности признанъ даже «несвоевременнымъ», и вмѣсто цѣльной реформы мы видимъ въ памяткѣ министерства торговли и промышленности какъ бы желаніе наложить нѣсколько случайныхъ заплатъ на рвущійся по всѣмъ швамъ и уже никуда негодный кафтанъ. Пускаться въ подробный разборъ этой законодательной мозаики было бы черезчуръ скучно для читателя, и потому я отмѣчу только такіе «тезисы», которыми были вызваны особенно оживленные дебаты на совѣщаніи. Прежде всего и горячѣе всего промышленники ухватились за тѣ положенія, которыя ограничиваютъ ихъ право увольнять какъ отдѣльнаго рабочаго, такъ и цѣлыя отдѣленія рабочихъ сразу, безъ всякаго предупрежденія. Большинство предпринимателей, конечно, сочло бы идеальнымъ такой законъ, который не содержалъ бы въ этомъ отношеніи ни малѣйшихъ ограниченій и предоставилъ бы установленіе срока предупрежденія объ увольненіи «взаимному соглашенію» сторонъ при поступленіи рабочаго на работу. Вы, можетъ быть, подумаете,

что при такомъ порядкѣ со стороны фабрикъ возможенъ произволъ? О, гг. фабриканты тотчасъ же разувѣрятъ васъ въ этомъ: теперь, когда большинство предпринимателей высказывается за свободу рабочихъ союзовъ, когда даже законъ (конечно, пока только на бумагѣ) призналъ уже въ нѣкоторой степени допустимость свободныхъ организацій, теперь сами рабочіе лучше всѣхъ сумѣютъ отстоять свои права и защитить свои интересы! Подъ вліяніемъ этихъ будущихъ союзовъ и постоянно нуждаясь въ «рукахъ», предприниматель, несомнѣнно, не будетъ зря увольнять рабочаго. Онъ это сдѣлаетъ лишь въ случаѣ крайности. Въ этомъ отношеніи, вычеркнувъ изъ закона всѣ ограниченія, вы только будете справедливы. Рабочій долженъ, наконецъ, быть поднятъ до сознанія не только своихъ правъ, но и своихъ *обязанностей*. Въ такомъ развитіи гражданскихъ чувствъ въ рабочемъ—залогъ развитія нашей промышленности, залогъ всяческаго преуспѣянія Россіи! Наиболѣе горячіе ораторы съѣзда находили и весьма простой секретъ воспитанія *гражданина въ рабочемъ*. Дайте, говорили они, рабочему возможность такимъ же путемъ обезпечивать исполненіе принятыхъ имъ на себя обязательствъ, какимъ обезпечивается всякое гражданское условіе. *Введите неустойку* за самовольный отказъ рабочаго отъ работы, за отказъ его отъ договора найма—и вся Россія процвѣтетъ! Рѣчи на подобныя темы, имѣвшія успѣхъ, само собой разумѣется, не введутъ въ заблужденіе никого, кромѣ тѣхъ, кто самъ желаетъ заблуждаться. Представители науки, присутствовавшіе на съѣздѣ, справедливо указывали на то, что широкая дѣятельность рабочихъ союзовъ, даже если они освободились бы отъ давящаго ихъ столыпинско-полицейскаго пресса,—дѣло далекаго будущаго: пройдутъ долгіе годы, прежде чѣмъ союзныя организаціи получатъ между рабочими широкое распространеніе, прежде чѣмъ рабочіе научатся ими пользоваться! Вѣдь даже въ Англіи, въ классической странѣ свободы и трэдъ-юніоновъ, въ союзы входятъ лишь около третьей части всѣхъ рабочихъ. Что же касается каждаго отдѣльнаго «неорганизованнаго» рабочаго, то намъ всѣмъ еще слишкомъ памятны тѣ убійственныя условія найма, на которыя онъ «добровольно» соглашался до изданія законовъ 1886 года, чтобы этотъ порядокъ могъ бы быть идеализированъ сколько-нибудь безпристрастнымъ наблюдателемъ. Во всякомъ случаѣ не о возвращеніи къ нему можетъ идти рѣчь въ настоящее время!

Должно сказать, что министерство само по себѣ уже и такъ далеко пошло навстрѣчу желаніямъ фабрикантовъ: оно предположило, что обыч-ій двухнедѣльный срокъ предупрежденія объ увольненіи (при наймѣ на юкъ неопредѣленный) можетъ быть по соглашенію сокращенъ до *3 дней*. о и это не удовлетворило большинства представителей промышленности, они настойчиво стремились доказать необходимость разрѣшенія «по женію сторонъ» прямо уничтожить предупрежденіе объ увольненіи. И ни- изъ нихъ не подумалъ о томъ великомъ «успокоительномъ» значеніи го срока, благодаря которому при обычномъ теченіи жизни тысячи че-

резчуръ горячихъ мастеровъ и черезчуръ горячихъ рабочихъ отказываются отъ вызваннаго какимъ-нибудь минутнымъ раздраженіемъ желанія «прогнать» провинившагося рабочаго или покинуть надоѣвшій заводъ! Едва ли не главнымъ аргументомъ въ устахъ промышленниковъ явилась необходимость предупредить злоупотребленія при забастовкахъ. За послѣдніе 2 года случалось, что на фабрикѣ бастовала *небольшая часть* рабочихъ, трудъ которыхъ необходимъ для хода всего заведенія. Остальные рабочіе мирно приходили къ своимъ станкамъ и требовали работы или оплаты ихъ времени, такъ какъ они не работаютъ *не по своей винѣ*. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ гг. промышленникамъ очень хочется приравнять забастовку къ числу «непреодолимыхъ силъ», дающихъ имъ право немедленно увольнять всѣхъ рабочихъ! Ихъ не удовлетворяетъ даже министерскій проектъ закона, который разрѣшаетъ при подобныхъ обстоятельствахъ просто не платить за время остановки фабрики! Намъ же кажется, что проектъ министерства торговли и промышленности, напротивъ, даетъ фабрикантамъ слишкомъ большія льготы и, если хотите, оказываетъ имъ слишкомъ большое довѣріе! Въ самомъ дѣлѣ, кто же скажетъ, дѣйствительно ли *невозможна* работа на фабрикѣ, гдѣ забастовала часть рабочихъ! Вѣдь остановить дѣло въ извѣстные моменты иногда *выгодно* для фабриканта, и онъ можетъ просто воспользоваться ничтожной забастовкой въ своихъ цѣляхъ! Извѣстны примѣры, когда владѣльцы промышленныхъ заведеній даже искусственно вызывали забастовку, чтобъ прекратить производство. Очевидно, что каждый подобный случай долженъ быть разсмотрѣнъ отдѣльно, и только послѣ надлежащаго разслѣдованія возможно прійти къ безпристрастному заключенію о томъ, виноваты ли всѣ рабочіе въ преднамѣренномъ (по уговору съ забастовщиками) уклоненіи отъ работы, или виноватъ фабрикантъ своимъ поведеніемъ, упорствомъ или по какимъ-либо соображеніямъ *вызвавшій* стачку, по крайней мѣрѣ ее не предупредившій. Вынести правильное рѣшеніе здѣсь можетъ *только судъ* и только судъ можетъ рѣшить, долженъ или не долженъ фабрикантъ платить рабочимъ, оставшимся безъ работы не по своей винѣ.

Чтобы покончить съ совѣщаніемъ по рабочему вопросу, мы должны еще остановиться на проектѣ объ ограниченіи рабочаго времени, правильнѣе сказать—*на рабочемъ днѣ взрослыхъ мужчинъ*, такъ какъ ограниченіе рабочаго времени другихъ категорій рабочихъ не вызываетъ значительныхъ возраженій. Министерство торговли и промышленности предполагаетъ разрѣшить взрослымъ мужчинамъ дневную работу вмѣсто $11^1/_2$ по $10^1/_2$ часовъ, при сокращенномъ времени работы въ субботу, такъ чтобы нормальная продолжительность недѣльнаго рабочаго времени не превышала 60 часовъ. *Сверхурочныя же работы предоставляются соглашенію и никакими постановленіями не ограничиваются*. Проектъ этотъ предполагается сдѣлать закономъ послѣ двухъ лѣтъ забастовокъ, во время которыхъ рабочіе всюду высказывались за отмѣну сверхурочныхъ работъ и за сокращеніе рабочаго дня до 8—9 часовъ! Казалось бы, что при такихъ условіяхъ

министерское предположеніе должно быть строго мотивировано, невозможность удовлетворить хотя бы въ нѣкоторой степени желаніе рабочихъ должна быть обоснована цифровыми данными, вѣскими соображеніями. Ничего подобнаго нѣтъ. Никакихъ слѣдовъ серьезной мотивировки мы совсѣмъ не находимъ въ объяснительной запискѣ къ проектамъ! Ради справедливости должно сказать, что не блещутъ ею и большинство возраженій предпринимателей. Послѣдніе, конечно, за немногими исключеніями (въ числѣ которыхъ мы опять должны упомянуть южныхъ промышленниковъ), протестуютъ противъ всякихъ попытокъ дальнѣйшаго сокращенія нашего теперешняго $11^1/_2$-часового дня. Зато полная свобода сверхурочныхъ работъ встрѣчаетъ съ ихъ стороны полнѣйшее одобреніе, и они даже выражаютъ удивленіе, когда предсѣдатель считаетъ нужнымъ выслушать возраженія противъ этого пункта, въ корень уничтожающаго все значеніе закона о нормировкѣ рабочаго дня, со стороны представителей науки. Убѣдили ли «чиновъ» министерства торговли и пр. доводы гг. профессоровъ—мы не знаемъ; но странно, что члены совѣщанія отъ министерства не нашли необходимымъ сообщить для свѣдѣнія гг. предпринимателей, что со стороны послѣднихъ, кажется, не приведено ни одного аргумента, который не былъ бы въ соотвѣтствующихъ случаяхъ уже давно и до конца истрепанъ и у насъ, и на Западѣ! И что все же нигдѣ и никогда сокращеніе рабочаго дня не вело ни къ гибели промышленности, ни къ обѣднѣнію рабочихъ, а, напротивъ, всегда и вездѣ влекло за собой и подъемъ производительности, и улучшеніе оборудованія промышленныхъ заведеній.

Три «предварительныхъ проекта» о преобразованіи фабричной инспекціи, о дешевыхъ жилищахъ и промысловыхъ судахъ не были разсмотрѣны совѣщаніемъ за недостаткомъ времени. Не будемъ ихъ разсматривать и мы. Каждый изъ нихъ заслуживалъ бы, быть можетъ, особой статьи, но лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ серьезнымъ проектомъ. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы проектъ о дешевыхъ жилищахъ. Для каждаго, кто хотя немного знакомъ съ дѣломъ, ясно, что вопросъ этотъ сводится, въ сущности говоря, къ вопросу о дешевомъ кредитѣ. Дайте *каждому учрежденію,* которое можетъ заинтересоваться этимъ дѣломъ, источникъ дешеваго кредита, которымъ это учрежденіе могло бы пользоваться подъ условіемъ серьезнаго контроля за цѣлесообразностью расходованія полученныхъ средствъ—и дешевыя жилища будутъ у насъ расти съ удивительной быстротою. Оплата же кредита здѣсь вѣрная, такъ какъ *убытковъ* дешевыя квартиры не даютъ нигдѣ въ мірѣ. Что же вы скажете о проектѣ, который обстоятельно учреждаетъ сложнѣйшіе «главный и мѣстные жилищные комитеты» изъ массы нужныхъ и ненужныхъ членовъ и не говоритъ ничего опредѣленнаго объ условіяхъ ссудъ на постройки? Рядомъ съ этимъ курьезомъ можетъ быть поставлено развѣ неупоминаніе рабочихъ союзовъ и организацій, въ числѣ тѣхъ учрежденій, которымъ предоставляется право «ходатайствовать объ учрежденіи мѣстныхъ жилищныхъ комитетовъ!»

Что касается «предварительнаго проекта» о промысловыхъ судахъ, то говорить о немъ весьма трудно потому, что «тезисы», предполагавшіеся къ обсужденію въ коммиссіи, совершенно съ нимъ не согласуются. По проекту предполагалось учреждать эти суды по ходатайству земствъ и городовъ, на которые возлагались и расходы на содержаніе новой судебной инстанціи. Въ «тезисахъ» же, внесенныхъ на совѣщаніе, о земствахъ и городахъ ничего не говорится, а издержки предполагается отнести на средства казны. Очевидно, что со времени опубликованія «предварительныхъ проектовъ», т.-е. за три мѣсяца, взглядъ на дѣло, какъ это зачастую случается въ нашихъ министерствахъ, радикально измѣнился, и каковъ былъ бы проектъ закона, если бы онъ составлялся въ настоящее время, мы не знаемъ.

Въ концѣ этого бѣглаго обзора намъ слѣдовало бы дать краткое резюмэ, краткое изложеніе нашего собственнаго отношенія какъ къ сложнымъ и важнымъ проектамъ, надъ которыми трудится въ настоящее время министерство торговли и промышленности, такъ и къ выработаннымъ уже «предварительнымъ проектамъ». По крайней мѣрѣ читатели въ правѣ отъ насъ ожидать подобнаго резюмэ.

Надо предъ читателемъ покаяться—мы не можемъ дать такого резюмэ! Въ самомъ дѣлѣ, какъ резюмировать проектъ, еще не принявшій, какъ кажется, опредѣленныхъ формъ и въ представленіи самихъ главнѣйшихъ дѣятелей того министерства, отъ имени котораго онъ вносится? Какъ говорить, напримѣръ, о страхованіи на старость, которое отрицалось осенью и о которомъ мечтаютъ въ декабрѣ? Какъ говорить о промысловомъ судѣ, когда не знаешь, будетъ ли онъ «казенный» или «земскій?» Наконецъ, какъ резюмировать итоги совѣщанія, которые не оформлены въ опредѣленныхъ постановленіяхъ или выводахъ, а выражаются только «обмѣномъ мнѣній» и отдѣльными рѣчами?

Итакъ, я отказываюсь отъ всякаго «подведенія итоговъ» до тѣхъ поръ, пока мы не увидимъ передъ собой тѣхъ или иныхъ законопроектовъ въ окончательной формѣ и съ надлежащей мотивировкой. А до той поры я рѣшаюсь напомнить читателю одинъ докладъ инженера Александрова, сдѣланный имъ въ декабрѣ только что минувшаго года «въ обществѣ для содѣйствія улучшенію и развитію промышленности и торговли въ Петербургѣ». Рѣчь шла именно о разбираемыхъ «предварительныхъ проектахъ» и объ объяснительной къ нимъ запискѣ. Докладчикъ, основательно ихъ изучившій, рѣшилъ довести до свѣдѣнія общества о всѣхъ тѣхъ, бросающихся въ глаза, противорѣчіяхъ, которыя имъ найдены и въ «запискѣ», и въ «проектахъ». Перегнувъ листъ бумаги пополамъ, г. Александровъ писалъ съ одной стороны то или иное положеніе, а на другой половинѣ—положеніе, ему противорѣчащее. Списокъ получился, смѣю увѣрить, и внушительный, и очень длинный, такой длинный, что я не рискую утомлять имъ вниманіе читателя.

Какъ же тутъ «резюмировать?»

Сѣверянинъ.

Новогоднія публикаціи министерства финансовъ.

I.

Вмѣсто всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, который обычно характеризовалъ для русской и иностранной публики общее состояніе финансово-экономической жизни страны и виды на будущее, мы въ этомъ году—первомъ году quasi-конституціоннаго бюджета—получили рядъ публикацій министерства финансовъ: о временныхъ кредитахъ до утвержденія росписи 1907 г., предположенія о самой росписи и, наконецъ, предварительныя свѣдѣнія объ исполненіи росписи 1906 г.

2 января министръ финансовъ получилъ рескриптъ за «благопріятное исполненіе государственной росписи 1906 года».

Эта милостивая оцѣнка основана на томъ, что за покрытіемъ всѣхъ расходовъ смѣтнаго года и даже дефицита 1905 г., министръ финансовъ даетъ за 1906 годъ еще остатокъ въ 55 милл. въ видѣ свободной наличности государственнаго казначейства, а по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ этотъ остатокъ доходитъ даже до 61 милл. р. *).

Это, конечно, лишь особый способъ исчисленія. Въ дѣйствительности, по даннымъ, приводимымъ въ министерской публикаціи, общій балансъ доходовъ и расходовъ росписи 1906 г. даетъ дефицитъ въ 857,1 милл. р., покрытый займами. Эта цифра опредѣляется такимъ путемъ:

Общій итогъ расходовъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ	3.139,3 милл. р.
Доходовъ, не включая новыхъ займовъ	2.282,2 » »
Дефицитъ	857,1 милл. р.

---

*) Къ моменту составленія разбираемыхъ публикацій министерство не имѣло еще иныхъ свѣдѣній о поступленіи доходовъ за декабрь, а по нѣкоторымъ отдаленнымъ ассамъ даже за ноябрь и октябрь. Поэтому на основаніи различныхъ соображеній поступленіе за декабрь опредѣлено было въ 229,3 милл. руб. Въ дѣйствительности, какъ видно ь дополнительной публикаціи министерства (см. Торг.-Пром. газета отъ 14 января), ходовъ за ноябрь поступило на 2,5 милл. руб., а за декабрь на 3,8 милл. руб. ѣе (опять таки безъ нѣкоторыхъ отдаленныхъ кассъ). Всего такимъ образомъ гъ доходовъ увеличивается на $5_{,3}$ милл. руб. Это измѣненіе принято нами во маніе при послѣдующихъ разсчетахъ.

Кромѣ того имѣлся еще дефицитъ росписи 1905 г. въ 158 милл. руб. Для покрытія того и другого и для завершенія росписи съ остаткомъ въ 55 милліоновъ заключено было въ 1906 году займовъ номинально на 1.248,35 милл. р., давшихъ въ дѣйствительности всего 1.075,4 милл. р. Эти займы таковы:

	Номинальная сумма.	Дѣйствительное поступленіе.
5%-ный заемъ 1906 года . .	843,75 милл. р.	704,5 милл. р.
4%-ная рента	50,0 » »	35,0 » »
Краткосрочныя обязательства гос. казначейства, реализованныя въ 1906 г.	354,6 » » *)	335,9 » »
Итого	1.248,35 милл. р.	1.075,4 милл. р.

Этими займами покрытъ дефицитъ 1906 года (857,1 милл. руб.), дефицитъ 1905 г. (158 милл. руб.) и за покрытіемъ этихъ дефицитовъ получается указываемый министромъ остатокъ въ 60 съ лишнимъ милл. руб.

Впрочемъ, надо сказать, что въ цифру дефицита 1906 г. нами внесенъ былъ расходъ по погашенію 444,8 милл. руб. краткосрочныхъ обязательствъ. Его скорѣе надо считать лишь оборотнымъ расходомъ: старый долгъ былъ погашенъ при посредствѣ новаго займа. Если эту сумму мы скинемъ со счета дефицита 1906 г., то таковой останется въ размѣрѣ 413,8 милл. руб. Этой цифрой въ сущности и выражаются «благопріятные» результаты сведенія росписи истекшаго года.

Въ дѣйствительности, благодаря своеобразнымъ пріемамъ переноса расходовъ 1906 г. въ новую роспись, эти результаты должны еще измѣниться въ неблагопріятную сторону.

Въ печать проникли свѣдѣнія о крупныхъ перерасходахъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ и винной монополіи.

Рѣчь сообщаетъ, что общій перерасходъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ въ 1906 г. достигаетъ 30.910.000 руб., и «по всеподданнѣйшему докладу г. министра финансовъ, 8 декабря Высочайше дозволено выдавать контрагентамъ казны свидѣтельства о причитающихся имъ отъ нея суммахъ. Подъ эти свидѣтельства государственный банкъ и его отдѣленія будутъ выдавать кредиторамъ казны безпроцентныя ссуды, которыя потомъ будутъ погашаться желѣзно-дорожнымъ вѣдомствомъ изъ соотвѣтствующихъ кредитовъ 1907 года съ надбавкою 5% вознагражденія банку» (*Рѣчь,* 23 декабря 1906 г. и 18 янв. 1907 г.). «По винной монополіи свидѣтельства, подобныя вышеупомянутымъ, стали практиковаться еще раньше» (ibid.).

---

*) 296.350.000 марокъ + 267.000.000 франковъ + 117.300.000 руб. Въ публикаціи министра финансовъ отъ 3 января ошибочно сказано, что въ началѣ 1906 года было выпущено обязательствъ въ германской валютѣ на 201,9 милл. мар. Изъ этой суммы на 20 милл. мар. 5½%-ныхъ обязательствъ реализовано было еще въ концѣ 1905 г. и показано чрезвычайнымъ доходомъ по исполненію росписи этого года.

Что обозначаетъ эта закулисная операція—быть можетъ, будетъ выяснено соотвѣтственнымъ запросомъ въ будущей Государственной Думѣ. Для насъ здѣсь существенно лишь то, что подобные перерасходы не учтены министерской публикаціей для 1906 года. Повидимому, они перенесены въ роспись 1907 г., также какъ, наприм., расходъ по погашенію 53 милл. руб. краткосрочныхъ обязательствъ, реализованныхъ въ концѣ 1906 г., которыя фигурируютъ въ итогахъ исполненной росписи только въ видѣ дохода и сообщаютъ ей требуемый «благопріятный» характеръ. Платить же по этимъ обязательствамъ придется въ 1907 г. *).

Насколько всѣ отмѣченныя обстоятельства отклонятъ результатъ сведенія росписи 1906 г. въ неблагопріятную сторону, объ этомъ, конечно, можно будетъ судить лишь впослѣдствіи.

Но уже въ настоящемъ извѣстно, что 1906 годъ далъ увеличеніе платежей по государственнымъ займамъ на огромную сумму 44.393.811 р., а съ 1907 года этотъ новый прибавочный расходъ подымается до 45,6 милл. руб.

Однако наиболѣе серьезнымъ доводомъ въ пользу «благопріятнаго» выполненія росписи и здороваго состоянія платежныхъ силъ страны служитъ непререкаемый фактъ крупнаго ежегоднаго роста дѣйствительнаго поступленія обыкновенныхъ доходовъ.

Вотъ цифры:

Годы.	Обыкновенныхъ доходовъ поступило. Всего.	Въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ.
	Въ милліонахъ рублей.	
1901	1.799,5	+ 95,3
1902	1.905,4	+105,9
1903	2.031,8	+126,4
1904	2.018,3	— 13,5
1905	2.024,6	+ 6,3
1906	2.265,0	+240,4

Война на два года парализовала ростъ доходовъ, но съ прекращеніемъ ея искусственно задержанный процессъ вновь проявился съ удвоенной силой, и въ этомъ отношеніи 1906 г. представляетъ исключительное явленіе за весь рядъ предыдущихъ лѣтъ.

Неурожай, революція, политическая и промышленная анархія—не въ состояніи были даже временно поколебать платежныя силы могучей страны. Вотъ гдѣ скрывается животворный родникъ финансовой мощи, даю-

*) Повидимому переносы расходовъ, принадлежащихъ 1906 г., въ смѣту 1907 г. не ограничиваются этимъ. Такъ, мы находимъ въ проектѣ новой росписи странный расходъ „18 милл. руб. на разсчеты за спиртъ и вино, заготовленные въ 1906 г. въ соотвѣтствіи съ увеличившимся противъ смѣтныхъ ожиданій потребленіемъ вина въ минувшемъ году". Подобными переносами можно, конечно, достигнуть блестящаго выполненія росписи прошедшаго года, но только за счетъ будущаго.

щій возможность министрамъ получать рескрипты, несмотря на культивируемую ими чудовищно-нераціональную финансовую систему.

Этотъ парадоксальный ростъ доходовъ тѣмъ поразительнѣе, что въ главной своей части опирается на гипертрофированное, казалось бы, обложеніе питей. Въ 1905 г. выпито было 75 милл. ведеръ 40-градуснаго вина. За 9 мѣсяцевъ 1906 г. приростъ питейнаго дохода составлялъ 15%. По этому разсчету потребленіе 1906 г. должно превысить 86 милл. вед. По разсчетамъ же на 1907 г., прибавивъ, согласно проекту росписи, 10% къ потребленію 1906 г., получимъ уже около 95 милл. ведеръ или около 760 милл. руб. валового дохода отъ монополіи. Быть можетъ, разсчеты министра финансовъ нѣсколько оптимистичны, но они не невѣроятны, и врядъ ли какія угодно усилія финансовыхъ пуристовъ въ состояніи будутъ поколебать эту ужасающую прогрессію. Интересныя справки, даваемыя проф. Озеровымъ, указываютъ, что въ Англіи въ 1903 году при 42,8 милл. населенія потреблено было спиртныхъ напитковъ на 174 милл. фунт. стерл. или 38—39 руб. на душу. Въ Соед. Штатахъ въ томъ же году—1.242 милл. долл. или 36 руб. на душу. Въ Россіи общую стоимость всякаго рода спиртныхъ напитковъ онъ опредѣляетъ въ 700—750 милл. руб., или около 5 руб. на душу *).

Повышеніе для 1907 г. послѣдней общей цифры на 150—200 милл. р. дастъ прибавки на душу 1 руб.—1 руб. 30 коп. Даже принимая въ разсчетъ разницу національнаго богатства западныхъ странъ и Россіи, надо признать, что просторъ для распитія у насъ еще есть. А вѣдь надо принять въ разсчетъ не только разницу богатства, но столько же и низведеніе человѣческихъ потребностей русскаго человѣка до маловѣроятнаго минимума.

Въ истекшемъ году, впрочемъ, ростъ питейнаго дохода отчасти нужно приписать совершенно ненормальнымъ психическимъ условіямъ народной жизни. Можно предполагать, что крупныя недоимки земскихъ сборовъ и иныхъ крестьянскихъ платежей косвеннымъ образомъ увеличили собою доходы казны при посредствѣ все того же всасывающаго аппарата—винной монополіи.

Надо отмѣтить, что ростъ государственныхъ доходовъ въ 1906 году объясняется также и повышеніемъ нѣкоторыхъ налоговъ и акцизовъ, падающимъ на послѣднее время. Съ 1906 же года вступилъ въ силу и новый таможенный договоръ съ Германіей.

Но, во всякомъ случаѣ, всѣ эти соображенія имѣютъ лишь побочное значеніе, и фактъ крупнаго роста обыкновенныхъ доходовъ остается фактомъ неожиданнымъ и удивительнымъ болѣе всего, вѣроятно, для самого министра финансовъ: трудами его предшественниковъ и сотрудниковъ сдѣлано было, кажется, все, чтобы подорвать платежныя силы населенія, а деньги такъ и валятъ въ казну.

---

*) *Проф. И. Х. Озеровъ:* „Финансовая реформа въ Россіи". М., 1906 г., стр. 10—11.

Странѣ по праву принадлежитъ рескриптъ, полученный ея министромъ. Если спаиваемая и распинаемая, она выдерживаетъ такъ долго и даетъ такъ много, то можно себѣ представить, какіе колоссальные финансовые ресурсы она способна была бы давать при болѣе нормальныхъ политическихъ и культурныхъ условіяхъ, при болѣе раціональной финансовой системѣ.

Сказанное еще усиливается соображеніемъ о понесенныхъ Россіей военныхъ расходахъ. Общія затраты государственнаго казначейства на военныя цѣли опредѣляются по настоящее время такимъ образомъ.

Ассигновано:

Въ 1904 г.	676,7	милл.	руб.
» 1905 »	987,4	»	»
» 1906 »	467,8	»	»
» 1907 »	124,2	»	»
Всего . .	2.256,1	милл.	руб.

Два съ четвертью милліарда прямыхъ затратъ государственнаго казначейства, не считая разстройства сотенъ тысячъ хозяйствъ, не считая гибели флота, приведенія въ негодность подвижного состава желѣзныхъ дорогъ и т. д.

На продовольственную помощь ассигновано было въ 1906 г. по смѣтѣ 30 милл., сверхъ смѣты 80 милл., по проекту росписи 1907 г. ассигновывается еще 61 милл. Итого пока 171 милл., не считая, вѣроятно, неизбѣжныхъ еще перерасходовъ и дальнѣйшихъ ассигнованій.

Голодъ, война, революція, а обыкновенные доходы поступаютъ все съ большими и большими превышеніями. Вотъ финансовый парадоксъ, надъ которымъ стóитъ призадуматься.

II.

Проектъ росписи на 1907 г. составленъ министерствомъ финансовъ съ похвальною умѣренностью. Хотя общая сумма обыкновенныхъ расходовъ опредѣлена въ 3.173,4 милл. руб., т.-е. на 140,7 милл. руб. болѣе 1906 г., но эту прибавку нельзя назвать чрезмѣрной. Вотъ ея слагаемыя:

Платежи по государственному долгу	45,6	милл.	руб.
Казенная продажа питей	23	»	»
Сверхъ того расходовъ 1906 г. *)	18	»	»
Казенныя желѣзныя дороги	28,6	»	»
Платежи частнымъ жел. дорогамъ	7	»	»
На всеобщее начальное обученіе	5,5	»	»
» развитіе переселеній . . . . около	6	»	»
» землеустройство	5,5	»	»
» улучшеніе быта нижнихъ чиновъ и расходы благо-			

*) См. выше примѣчаніе на стр. 155.

даря сокращенію срока службы въ войскахъ за сокращеніемъ другихъ кредитовъ даютъ излишекъ расходовъ въ . 12 милл. руб.

На всѣ остальныя государственныя потребности . . 14 » »

Наоборотъ по морскому министерству кредиты на судостроеніе, морскіе порты и проч. сокращены на . . . . 23 » »

Нечего, конечно, ждать отъ росписи, исходящей изъ нынѣшняго кабинета, какихъ-либо сокращеній смѣтъ, которыя затрогивали бы коренные устои существующей финансовой системы. А новые расходы культурнаго характера настоятельны и огромны. Приведеніе въ исправность желѣзнодорожной сѣти требуетъ, конечно, не 35 милл. руб. «Всеобщее» обученіе при ассигнованіи въ $5^1/_2$ милл.—не болѣе какъ красивое слово. Можно только порадоваться, что правительство требуетъ такъ мало на землеустройство: видимо оно само ожидаетъ сильнѣйшей оппозиціи въ Думѣ своимъ поразительнымъ аграрнымъ проектамъ и не рѣшается требовать многаго.

Въ общемъ расходы покрываются обыкновенными доходами съ небольшимъ излишкомъ. Обыкновенные доходы опредѣлены въ 2.175 милл. руб., т. е. на 147 милл. руб. болѣе росписи 1906 г., *но на 90 милл. руб. менѣе* дѣйствительнаго поступленія. Здѣсь мы наталкиваемся на давно и успѣшно практикуемый пріемъ искусственно преуменьшеннаго вычисленія доходовъ, съ цѣлью завѣдомаго полученія остатковъ, не распредѣленныхъ по росписи. Государственная Дума должна обратить тщательное вниманіе на этотъ элементарный обходъ стѣсненій, налагаемыхъ на правительство росписью. Путемъ болѣе правильнаго исчисленія вѣроятныхъ поступленій она могла бы или расширить скудныя ассигнованія на культурныя цѣли, или же отмѣнить въ полной мѣрѣ или же хоть отчасти рядъ вредно дѣйствующихъ акцизовъ и пошлинъ: на спички, керосинъ, на сахаръ, на чай. Вотъ перечень наиболѣе крупныхъ увеличеній въ ожидаемыхъ доходахъ сравнительно съ росписью 1906 года.

Казенная продажа питей	104,6	милл.	руб.
Казенныя жел. дороги	14	»	»
Таможенный доходъ	10,8	»	»
Промысловой налогъ	8,7	»	»
Нефтяной налогъ	8,2	»	»
Коммерческія прибыли гос. банка	5,9	»	»
Телеграфный и телефонный доходъ	4,5	»	»
Почтовый доходъ	3,6	»	»
Отъ аренды нефтеносныхъ участковъ . . .	3,5	»	»

Приводимыя цифры доходовъ представляютъ увеличеніе *сравнительно съ росписью 1906 г.*, по сравненію же съ дѣйствительнымъ поступленіемъ они въ большинствѣ случаевъ представляютъ уменьшеніе. Изъ министерской публикаціи не видно, не включена ли въ счетъ поступленій 1906 г. доля доходовъ смѣты 1905 г., не поступившихъ въ смутные мѣсяцы конца его. Но даже если учесть это обстоятельство, все же правильный разсчетъ вѣроятныхъ поступленій обыкновенныхъ доходовъ 1907 г. долженъ дать

нѣсколько десятковъ милліоновъ прибавки сравнительно съ министерскими разсчетами. И эту прибавку Дума можетъ утилизировать сообразно съ истинными интересами страны.

Въ крайнемъ случаѣ этотъ избытокъ могъ бы уменьшить собою сумму ожидаемаго дефицита 1907 г., а стало быть и размѣры неизбѣжнаго новаго займа. Дефицитъ министерствомъ опредѣляется пока лишь предварительно:

Расходы.		
Обыкновенные	2.173,4	милл. руб.
Чрезвычайные	298,6	» »
Итого	2.472	милл. руб.
Доходы обыкновенные	2.175	» »
Дефицитъ	297	милл. руб.

На покрытіе его имѣется пока только остатокъ отъ займовъ 1906 г. всего около 60 милл. руб. На остальные 237 милл. руб. министръ финансовъ предполагаетъ заключить новый заемъ, и ему нужно для этого одобреніе Думы.

Бюджетной коммиссіи будущей Государственной Думы достанется сложная и кропотливая работа—отыскать возможно большее количество кредитовъ, не закрѣпленныхъ «дѣйствующими законами, положеніями, штатами, росписаніями и Высочайшими повелѣніями», чтобы по возможности сократить грозящій дефицитъ. Ей придется внимательно пересмотрѣть и сверхсмѣтные кредиты 1906 г., хотя здѣсь, повидимому, кабинетъ остерегался производить сколько-нибудь крупные расходы, подлежащіе санкціи Думы. Изъ 64,5 милл. руб. сверхсмѣтныхъ кредитовъ 44,4 милл. составляютъ платежи по займамъ, не подлежащіе по ст. 114 «основныхъ законовъ» вѣдѣнію Думы. Громадное большинство остальныхъ расходовъ составляютъ также кредиты по законамъ, проведеннымъ до открытія первой Думы.

Крупнѣйшимъ изъ ассигнованій, подлежащихъ Думской санкціи, являются 3 милл. руб. субсидіи крестьянскому банку на покрытіе убытковъ отъ пониженія платежей его заемщиковъ (согласно Указу 17 октября 1906 г.). До коренной реформы крестьянскаго банка Дума врядъ ли, конечно, рѣшится отвергнуть этотъ кредитъ.

Таковы предположенія на 1907 г. Изъ чрезвычайныхъ расходовъ крупнѣйшіе составляютъ:

На ликвидацію военныхъ расходовъ	124,2	мил. руб.
» продовольственное дѣло	61,1	» »
» погашеніе краткосрочныхъ обязательствъ	53	» »
» постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ	48,8	» »

Болѣе же подробнаго распредѣленія обыкновенныхъ кредитовъ мы не имѣемъ еще. Оно будетъ представлено Государственной Думѣ вмѣстѣ съ объяснительной запиской, которая, повидимому, замѣнитъ отнынѣ обычные новогодніе всеподданѣйшіе доклады министра финансовъ.

Намъ не хотѣлось бы тратить много словъ на изображеніе и критику той минио-конституціонной бюджетной эквилибристики, которая выпала нынѣ на долю всѣхъ вѣдомствъ, чтобы опредѣлить сумму ихъ ежемѣсячныхъ кредитовъ, впредь до утвержденія бюджета. Эта никому и ни къ чему не нужная пародія на западно-европейскія douzièmes provisoires не имѣетъ, конечно, ничего общаго со своимъ прототипомъ. Временные кредиты на Западѣ—всегда вотируются парламентомъ. Опредѣленіе ихъ министерствомъ противорѣчитъ элементарнымъ началамъ всякаго конституціоннаго права.

Разсчетъ $^1/_{12}$ годовой суммы предыдущей росписи никогда, конечно, не включаетъ въ себя чрезвычайныхъ расходовъ. Въ этомъ отношеніи наше министерство создаетъ совершенно самобытные прецеденты.

Но всѣ эти разсужденія безцѣльны и неинтересны: въ періодъ контръ-революціонной борьбы рѣшаютъ дѣло не юридическіе и логическіе доводы,—рѣшаетъ сила.

Русскаго бюджетнаго права реально еще не существуетъ. Оно еще только будетъ вырабатываться въ долголѣтней упорной борьбѣ народнаго представительства съ упорствующей реакціей. То бюджетное право, которое существуетъ на бумагѣ теперь—не исполняется, хотя оно отчасти возведено въ рангъ «основныхъ законовъ». То же бюджетное право, которое составляетъ краеугольный камень всякой дѣйствительной конституціи, не имѣетъ ничего общаго съ законодательнымъ творчествомъ кабинета Витте-Дурново. Какъ сложатся дѣйствительныя соотношенія силъ въ борьбѣ Россіи за свое бюджетное право—это одна изъ загадокъ будущаго.

Л. Яснопольскій.

Общественное движеніе въ Россіи.

(Замѣтки публициста.)

Самодержавіе и общественная жизнь. — Зарожденіе дѣйствующихъ политическихъ партій.—Вѣроятная дорога ихъ будущаго развитія.

На всѣхъ проявленіяхъ нашей общественной и духовной жизни лежитъ неизгладимая печать самодержавія. Мы говоримъ не о прямомъ вліяніи самодержавія, строившаго формы жизни по своему произволу, уничтожавшаго общественныя организаціи и плоды умственнаго творчества. Самодержавіе имѣло еще косвенное, отраженное вліяніе и послѣднее было во многихъ отношеніяхъ даже сильнѣе перваго. Гнетъ самодержавія вызывалъ протестъ,—и у всѣхъ людей съ пробуждающейся совѣстью, съ пробуждающимся сознаніемъ этотъ протестъ дѣлался главнымъ содержаніемъ жизни, все поглощалъ, все окрашивалъ собою. Общественная и духовная жизнь имѣли цѣнность въ представленіи лучшей и бóльшей части русскаго общества лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ выражали протестъ противъ самодержавія, могли хотя бы и отдаленно служить орудіемъ борьбы противъ него.

Творческая способность человѣка создавать образы сочетаніемъ красокъ или словъ, живопись и поэзія, цѣнились у насъ лишь поскольку онѣ служили средствомъ возбуждать людей къ борьбѣ съ самодержавіемъ. Наука, цѣнимая за-границей, какъ развитіе умственной силы человѣчества и какъ орудіе господства человѣка надъ природой, у насъ потеряла свое огромное методологическое и прикладное значеніе, а зато пріобрѣла огромную цѣнность своими философскими выводами, стремящимися освободить человѣчество отъ той тьмы, которой закутывали умъ самодержавіе и поддерживающія его силы. За-границей эта освободительная, раціонализирующая сила науки была добавочнымъ продуктомъ, сопровождавшимъ развитіе научныхъ методовъ и усиленіе господства надъ природой. У насъ, наоборотъ, воинствующая сторона научныхъ гипотезъ, являвшихся хорошимъ орудіемъ борьбы съ идеологіей самодержавія, выдвинута была на первый планъ, а развитіе методовъ, изученіе подробностей, безъ знанія

которыхъ общія идеи теряютъ свою цѣнность, были отброшены въ отдаленный уголъ и передовой частью общества клеймились даже, какъ педантизмъ и реакціонная «наука для науки».

Многія явленія русской духовной жизни, имѣвшія въ свое время для насъ первостепенный интересъ, вродѣ, напримѣръ, перемежающейся борьбы сторонниковъ «идейнаго искусства» съ партизанами «искусства для искусства», или нѣкоторыхъ «соціологическихъ» теорій, или публицистической критики, представляются совершенно непонятными, ничтожными по содержанію, если отвлечься отъ породившаго ихъ самодержавнаго гнета, нависшаго надъ всей страной.

Въ общественной жизни повторялось буквально то же самое. Непреодолимой силой вещей самодержавіе вынуждено было преслѣдовать всякое общественное явленіе, возникшее независимо отъ него, не продавшееся ему. И въ свою очередь каждый союзъ людей, каждое собраніе, съѣздъ, сходка, каждое учрежденіе, допускающее выборное начало, неизбѣжно должны были становиться во враждебное отношеніе къ режиму, который, обладая огромными физическими силами при полномъ нравственномъ банкротствѣ, инстинктивно трепеталъ передъ каждой попыткой русскихъ людей объединиться для достиженія общей цѣли. На самомъ крупномъ изъ нашихъ общественныхъ учрежденій, на земствѣ, такое положеніе дѣлъ отразилось особенно ярко. Пожалуй, можно было бы сказать, что роль земства въ нашей странѣ была въ гораздо бóльшей степени революціонной, чѣмъ культурной. Революціонные публицисты вполнѣ основательно считаютъ, что работа земства была культурной лишь въ той мѣрѣ, въ какой она была революціонной: «дорога была тайная работа земства, а не открытая, подотчетная». Публицистъ-соціалистъ-революціонеръ, у котораго мы заимствовали эту фразу, слѣдуя за своими товарищами, не можетъ только уловить, что и «открытая, подотчетная работа» земства была тоже революціонной въ атмосферѣ полицейскаго государства. А В. К. фонъ-Плеве это отлично понималъ. Онъ зналъ, что союзы земскихъ учрежденій для взаимнаго страхованія, или для закупки сельско-хозяйственныхъ орудій, или для урегулированія продовольственныхъ запасовъ—явленія безусловно революціонныя и, къ удивленію всей Европы, умѣлъ выискивать въ нихъ крамолу. В. К. Плеве отлично понималъ, что и съѣздъ гинекологовъ или хирурговъ чреватъ большими опасностями для самодержавія, такъ какъ и гинекологи могли вынести политическія резолюціи и заявить, что при существующихъ государственныхъ порядкахъ они не въ состояніи выполнять какъ слѣдуетъ свои обязанности. Какъ извѣстно, такія резолюціи именно и были вынесены, и русское общество, черезчуръ ощутительно извѣдавшее на своихъ плечахъ причины ихъ породившія, вовсе не склонно было встрѣчать заявленія гинекологовъ съ той дешевой ироніей, которой пробавлялись продажные журналисты.

Мы никогда не кончили бы, если бы вздумали перечислять даже наиболѣе характерные факты, доказывающіе, что самодержавіе не могло ни-

риться ни съ какими общественными организаціями и что, въ свою очередь, каждая общественная организація, пріобрѣтавшая сколько-нибудь замѣтное развитіе, неизбѣжно должна была выступить на «противоправительственный» путь и погибнуть въ завязавшейся борьбѣ. Такъ погибли сотни коммерческихъ литературныхъ предпріятій, огромное большинство нашихъ просвѣтительныхъ обществъ, если не всѣ поголовно, масса клубовъ, обществъ взаимопощи, профессіональныхъ союзовъ. Обратимся теперь къ другому порядку явленій, въ которомъ указанный нами «законъ русской жизни» проявляется не менѣе наглядно. Мы говоримъ объ области культурнаго обмѣна, происходящаго между Россіей и Западной Европой.

Въ культурномъ отношеніи мы—данница Западной Европы. Все, что у насъ есть хорошаго и худого, все прямо или косвенно идетъ оттуда, хотя и перемалывается по дорогѣ жерновами русской дѣйствительности. Теперь уже доказано, что и славянофильство, и тѣ «самобытные киты», которыми Бенкендорфы облагодѣтельствовали русскій народъ, тоже заграничнаго происхожденія. Заимствованіе совершалось полными пригоршнями, но отличалось своеобразнымъ характеромъ. Народныя массы, которыхъ держали въ нищетѣ и невѣжествѣ, до сношеній съ Европой сознательно не допускались, даже до самыхъ обыкновенныхъ коммерческихъ связей. Помимо того, что безграмотность народная, которую охраняли не менѣе тщательно, чѣмъ высокопоставленныхъ особъ, служила почти непреодолимымъ препятствіемъ, на пути сношеній съ Европой устроено было множество рогатокъ, пройти через которыя могли только или чиновники, или очень богатые, или очень образованные люди. Черезъ посредство двухъ этихъ классовъ лицъ и происходили разговоры сквозь прорубленное Петромъ окно. Самодержавное правительство черезъ своихъ агентовъ заимствовало у Европы все, что ему нужно было для усиленія своего матеріальнаго могущества, для укрѣпленія самодержавія. Оно добывало за границей золото, боевые припасы, желѣзныя дороги, телеграфы, почту, заимствовало оттуда бюрократическую технику, необыкновенно ускоряющую и усиливающую дѣйствія правительственнаго механизма. При этомъ усвоеніи, само собою разумѣется, рѣчь шла только объ усиленіи государственнаго могущества; благо населенія, культурный подъемъ въ разсчетъ никогда не принимались. Если иногда результатомъ правительственныхъ мѣропріятій, напримѣръ, постройки нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ, и былъ культурный прогрессъ массъ, то этотъ результатъ являлся неустранимымъ, но невольнымъ слѣдствіемъ, часто нежеланнымъ, данной мѣры. Весьма часто, наоборотъ, правительственныя нововведенія совершались съ явнымъ ущербомъ для народныхъ интересовъ, завѣдомо во вредъ, а, можетъ быть, и на гибель народа. Достаточно указать хотя бы на огромную внѣшнюю государственную задолженность, которая заставляетъ народъ вывозить хлѣбъ, несмотря на недоѣданіе, которая покровительствуетъ вывозу сахара и керосина въ ущербъ русскому потребителю...

Приведемъ небольшой примѣръ, прекрасно оттѣняющій смыслъ правительственныхъ заимствованій въ Европѣ. Почти одновременно мы вывезли изъ-за границы начала финансовой, податной техники и начала судоустройства и судопроизводства. Податная техника нужна была въ непосредственныхъ интересахъ правительственнаго механизма. Отъ степени ея совершенства зависѣлъ размѣръ средствъ, которыми будутъ обладать правящія сферы. Конечно, въ этой области, преслѣдующей такія священныя цѣли, не могло быть отступленій вспять. Въ податномъ и фискальномъ дѣлѣ въ Россіи съ 60-хъ годовъ наблюдается неуклонный «прогрессъ» и орудія выкачиванія налоговъ поддерживаются у насъ на уровнѣ послѣдняго слова европейской техники. Совсѣмъ иное произошло въ судебной области. Судебные уставы оказались до нѣкоторой степени благопріятными населенію; въ иныхъ случаяхъ, строгія формы судопроизводства и независимость судебной власти послужили для обывателя защитой отъ начальственнаго произвола. Но какъ только судебная реформа столкнулась съ интересами самодержавныхъ чиновниковъ всѣхъ ранговъ, судьба ея была рѣшена. Импортированное изъ-за границы зданіе «судебныхъ уставовъ» было мѣстами сломано, мѣстами искажено, стиль судебнаго правосудія смѣшался со стилемъ беззаконной административной расправы. И замѣтьте, ломкѣ подверглись не тѣ части новыхъ судебныхъ порядковъ, которыя представляли дѣйствительныя неудобства для населенія, вродѣ сложности и дороговизны мелкихъ процессовъ, обилія бумажнаго производства, но какъ разъ тѣ основы «судебной реформы», которыя защищали обывателя отъ насилія и произвола. Судебная волокита и судебное крючкотворство только усилились послѣ «контръ-реформъ» 80-хъ годовъ, зато независимость судей уничтожена, судъ присяжныхъ урѣзанъ насколько было возможно, мировая юстиція замѣнена фантазіями земскаго начальника, полиція и жандармы замѣнили слѣдователей и проч., и проч.

Если, съ одной стороны, правительство заимствовало у Западной Европы только то, что непосредственно усиливало его матеріальную мощь, не обращая никакого вниманія на развитіе народа, то интеллигенція, съ другой стороны, брала у Европы только то, что прямо или косвенно могло служить боевымъ оружіемъ противъ самодержавія. Наша интеллигенція пользовалась только тѣми плодами европейской мысли, которыя за-границей предназначены были для взрыва «буржуазнаго» общества и всѣхъ его учрежденій. Различіе условій, породившихъ эти ученія въ Европѣ, съ тѣмъ, что представляла наша родина, большею частью упускалось изъ виду. Иногда же стремленіе затушевать это различіе приводило къ такимъ словеснымъ фокусамъ, какъ отождествленіе подъ именемъ «соціализаціи» началъ соціалистическихъ съ индивидуальнымъ срочно-передѣльнымъ черезполоснымъ пользованіемъ землей, ничего общаго съ соціализмомъ, какъ *общественнымъ производствомъ*, не имѣющимъ. Мало-мальски безпристрастное историческое изслѣдованіе развитія соціалистическихъ идей на русской почвѣ докажетъ, что съ первыхъ своихъ шаговъ (еще при крѣпостном

правѣ!) онѣ имѣли у насъ значеніе исключительно, какъ орудіе борьбы съ «режимомъ», со «строемъ» вообще. А такъ какъ съ разрушеніемъ всего общественнаго строя долженъ былъ неизбѣжно пасть и нѣмецко-чиновничій абсолютизмъ, душившій всю Россію, но остававшійся для критики совершенно недоступнымъ, то наша интеллигенція съ особой страстью и отдалась соціализму. Даже марксизмъ, воспріятіе котораго, благодаря развитію промышленности и нарожденію пролетаріата, быстро проникшагося классовымъ сознаніемъ, нашло въ Россіи много жизненныхъ корней, сыгралъ у насъ, какъ показываетъ его исторія, не столько роль идейнаго организатора рабочаго класса, сколько выкованнаго интеллигенціей орудія борьбы за освобожденіе. Когда въ Западной Европѣ соціализмъ изъ чисто-отрицательнаго ученія сталъ превращаться въ созидательную, демократическую и эволюціонную доктрину, ставящую своей задачей преобразованіе общества безъ предварительнаго «всеобщаго катаклизма», симпатіи нашей интеллигенціи къ соціалъ-демократіи ослабѣли. Наиболѣе рѣзкой критикой существующаго европейскаго строя занялись анархизмъ и ницшеанство, общѣе—индивидуалистическій анархизмъ. Въ эту сторону бросилась и русская интеллигентская мысль. Какъ раньше она пыталась соединить общинное владѣніе съ соціализмомъ, такъ теперь раффинированный индивидуализмъ, выросшій на почвѣ воскресшаго эллинизма, у насъ пытались замѣнить доморощеннымъ босячествомъ, продуктомъ многовѣкового рабства, нищеты, пьянства и россійской некультурности...

Создавалось странное, для интересовъ народа гибельное, положеніе. Европейская наука и общественная мысль во всѣхъ отрасляхъ вырабатывали множество продуктовъ, неизмѣримо болѣе непосредственно полезныхъ для народа, чѣмъ соціализмъ и анархизмъ въ странѣ, еще не освободившейся отъ пережитковъ крѣпостного права. Въ области земледѣлія Западъ приложеніемъ химіи значительно увеличилъ производительность земли; упорядоченное скотоводство улучшило породы какъ рабочаго, такъ и мясного скота; успѣхи западно-европейской промышленности, транспортнаго дѣла—общеизвѣстны. Развитіе городского благоустройства, сѣть мѣстныхъ дорогъ, организація органовъ мѣстнаго самоуправленія и ихъ хозяйства, развитіе нормъ гражданскаго права, нарожденіе новаго права союзовъ, успѣхи школьнаго дѣла, развитіе парламентской техники какъ въ парламентѣ, такъ и въ самой странѣ, необходимой для правильнаго дѣйствія конституціонныхъ учрежденій—всѣ эти знанія были крайне необходимы для организаціи не то что идеальнаго (гдѣ ужъ!), а просто сноснаго человѣческаго, закономѣрнаго строя жизни стомилліоннаго народа. Но правительство, не считаясь съ народными интересами, заимствовало отсюда только то, что было ему нужно, широкія же массы интеллигенціи не заимствовали ничего, или, вѣрнѣе, не могли заимствовать, такъ какъ самодержавіе, всячески преграждая интеллигенціи доступъ къ народу, дѣлало безполезными и всякія попытки передачи культурныхъ навыковъ.

Плоды такой политики рельефно обнаружились и тогда, когда предста-

вители народа столкнулись впервые съ правительствомъ на общей аренѣ, т.-е. въ первой Государственной Думѣ. Пока рѣчь шла о критикѣ, объ изобличеніи преступленій стараго режима—депутаты давили правительственныхъ слугъ, не находившихъ и словъ для своего оправданія. Трудовики, довольно вѣрно отражавшіе средній уровень русскаго общества, въ нападкахъ на правительство оказывались на высотѣ задачи. Дѣло мѣнялось, когда отъ изобличенія правительства приходилось переходить къ положительному строительству, касалось ли оно внутреннихъ думскихъ распорядковъ или законодательныхъ предположеній, относившихся до всей Россіи. Если бы не небольшая относительно группа членовъ партіи «народной свободы», выносившихъ на своихъ плечахъ все бремя творческой работы собранія, то первая Государственная Дума очутилась бы въ очень тяжеломъ положеніи, имѣя передъ собой явно-враждебное правительство, занимавшееся обструкціей. Въ совѣщаніяхъ финансовой коммиссіи по продовольственному вопросу министръ финансовъ, вооруженный техническими знаніями и знакомствомъ съ бюджетомъ, явно стремился подавить членовъ Думы своею компетентностью, и только присутствіе въ коммиссіи нѣсколькихъ «ученыхъ кадетовъ» уравновѣсило борющіяся стороны. Тогда-то бывшіе въ Думѣ народные представители, и особенно крестьяне, поняли, что безъ «кадетовъ» Дума со связанными руками и ногами будетъ выдана правительству. Тогда же, очевидно, и правительство Столыпина-Коковцева поняло, что его главная жизненная задача не пустить въ Думу кадетовъ, замѣнивъ ихъ хотя бы трудовиками или соціалъ-демократами... Многолѣтняя политика самодержавія была явно направлена на то, чтобы изъ среды народа не могла выдвинуться какая-либо группа, обладающая общественно-техническими знаніями, достаточными для конкуренціи съ правящей кликой...

Самодержавіе совершенно извратило нашу общественно-идейную жизнь. Оно въ такой мѣрѣ оторвало отъ реальной жизни и существующихъ въ странѣ общественныхъ силъ идейныя стремленія и идейныя построенія нашей интеллигенціи, что пропасть между тѣми и другими, несмотря на героическія усилія нашей революціи, до сихъ поръ остается незаполненной. Въ наилучшемъ, сравнительно, положеніи очутилась соціалъ-демократическая интеллигенція, та ея часть, которой удалось придти въ соприкосновеніе съ рабочимъ классомъ. Этимъ и объясняется та несоразмѣрная со своею численностью роль, которую играетъ соціалъ-демократія въ российскомъ революціонномъ процессѣ.

Оторванность идейныхъ процессовъ отъ реальныхъ фактовъ наложила на лучшія стремленія нашей интеллигенціи, на ея идеальные порывы и общественныя начинанія печать какой-то нежизнеспособной отвлеченности, несерьезности. Чувствуется, что между ними и жизнью нѣтъ тѣхъ тѣсныхъ непосредственныхъ связей, нарушеніе которыхъ всею страной или большими группами населенія чувствовалось бы, какъ ударъ по ихъ кровнымъ интересамъ. Сама Государственная Дума послѣ 9 іюля ощутила, что

означаетъ такого рода разорванность между волей и мыслью и чувствомъ народа. Самодержавіе пріучило русскій народъ ждать всего отъ внѣшней физической силы. Пока народъ полагалъ, что физическая сила перешла къ Думѣ, что она «все можетъ», онъ возлагалъ на нее преувеличенныя надежды, вѣрилъ, что Дума въ нѣсколько недѣль «добудетъ ему землю и волю». Приходится констатировать, что значительная часть интеллигенціи, очевидно, не имѣвшая никакого понятія о реальномъ ходѣ общественнаго развитія, поддерживала въ массахъ эти фантастическія представленія. Характерныя по своей безподобной наивности восклицанія: «вотъ уже мѣсяцъ, какъ засѣдаетъ Дума, а тюрьмы все еще переполнены, земли у народа нѣтъ, административный произволъ царитъ попрежнему!» — такія восклицанія приходилось слышать не только отъ «темныхъ» крестьянъ, но и отъ образованныхъ «интеллигентовъ». Эти восклицанія и выразившіяся въ нихъ надежды на Думу навсегда останутся памятникомъ политическаго младенчества, въ которомъ встрѣтила Думу часть нашего общества, замурованнаго самодержавіемъ. Даже послѣ разгона Думы не мало интеллигентовъ объясняли отсутствіе народной реакціи на этотъ разгонъ тѣмъ, что «кадетская Дума» будто бы недостаточно полно и рѣшительно отражала народныя нужды, была слишкомъ «правой». Въ большинствѣ случаевъ такія заявленія продиктованы, конечно, партійной недобросовѣстностью, потому что не можетъ же искренній человѣкъ, находящійся въ здравомъ умѣ и твердой памяти, вѣрить, что если бы Дума ежедневно повторяла декларацію товарища Джепаридзе или заявленіе о всеобщемъ земельномъ раздѣлѣ 33-хъ трудовиковъ, то народъ бы заступился за Думу и разгонъ ея не прошелъ бы такъ спокойно. Но поскольку такія заявленія раздаются изъ устъ, не руководящихся партійнымъ пристрастіемъ, они лишній разъ свидѣтельствуютъ о безграничной политической наивности.

Истина лежитъ совсѣмъ въ иной области. Безнаказанный разгонъ Думы показалъ настоящую величину разрыва между идеальными стремленіями интеллигенціи и реальными жизненными потребностями массы. Если бы первая Государственная Дума была не «кадетской», какъ ее называютъ, а состояла сплошь изъ трудовиковъ и соціалъ-демократовъ, результатъ получился бы тотъ же самый, а эффектъ разногласія между провозглашенной представителями «народной волей» и осуществлённымъ народомъ «народнымъ дѣломъ» былъ бы еще разительнѣе и, вѣроятнѣе, безнадежнѣе. Народъ выдѣлилъ изъ своей среды 400 человѣкъ и послалъ ихъ на свой страхъ «добывать землю и волю», а самъ началъ созерцательно наблюдать за тѣмъ, что изъ этого похода аргонавтовъ произойдетъ. Аргонавты оказались помѣщенными на воздушномъ шарѣ, канатъ отъ котораго подрубилъ непріятель. Когда народъ увидѣлъ, что его ходоки ничего не добились, онъ отнесся къ ихъ судьбѣ довольно-таки равнодушно. И единственный правильный выводъ изъ положенія, созданнаго роспускомъ Думы, сдѣланъ былъ В. А. Набоковымъ, заявившимъ на IV к.-д. съѣздѣ, что «опытъ 8 іюля станетъ невозможнымъ съ той минуты, когда для широкихъ слоевъ

населенія посягательство на Думу станетъ, дѣйствительно, посягательствомъ на жизненные интересы самого народа».

Дальнѣйшая политическая жизнь Россіи, а въ частности и эволюція политическихъ партій, должна свестись къ тому, что пропасть между народными представленіями о собственныхъ интересахъ и идейнымъ багажомъ, накопленнымъ интеллигенціей за время своего странствованія по опустошенной самодержавіемъ странѣ, будетъ постепенно сглаживаться, пока не исчезнетъ окончательно.

---

17 октября 1905 г. абсолютизмъ формально перестал существовать въ Россіи. Казалось, что послѣ того, какъ удалены обручи, сковывавшіе нашу жизнь, она получитъ возможность свободно и правильно развиваться, что политика утратитъ свое чрезмѣрно господствующее положеніе и, отойдя на важное, но соотвѣтствующее ей мѣсто, очиститъ области, предназначенныя для прочихъ видовъ культурной общественности. Ожиданія эти, какъ извѣстно, были жестоко обмануты. 17 октября абсолютизмъ былъ отмѣненъ только словесно (да и это многими оспаривается по сей день), но ни соціальныя силы, поддерживавшія абсолютизмъ въ жизни, ни мощная дисциплинированная организація, надъ созданіемъ которой онъ трудился два вѣка, поглотивъ милліарды народныхъ денегъ, разрушены не были. Выполнить послѣднюю задачу могла бы только Государственная Дума и не за мѣсяцъ, даже не за годъ своего существованія. Когда крышка, закрывавшая котелъ, была нѣсколько пріоткрыта, пары, давно собиравшіеся и клокотавшіе въ немъ, бурно устремились къ выходу. Съ другой стороны, реакціонно-самодержавныя силы, не потерпѣвшія въ сущности сколько-нибудь серьезнаго ущерба, скоро оправились отъ смущенія и при помощи погромовъ, военныхъ экспедицій, чрезвычайныхъ положеній постарались вернуть все то, что дали у себя взять въ минуту оцѣпенѣнія, вызваннаго военнымъ разгромомъ и всеобщей забастовкой. Въ настоящее время мы подошли къ такому моменту, когда нельзя рѣшительно утверждать, покончила ли Россія съ абсолютизмомъ, превратилась ли въ конституціонное государство или раздѣляетъ съ одной только Турціей незавидные лавры клонящейся къ упадку самодержавной страны.

Говорятъ, что при изданіи манифеста 17 октября въ правительственныхъ кругахъ находилось не мало прекраснодушно-либеральныхъ сановниковъ, искренно вѣрявшихъ, что стóитъ только выпустить такой манифестъ, и немедленно вокругъ него сгруппируется фаланга честныхъ и образованныхъ дѣятелей, которые и поставятъ своей задачей проведеніе въ жизнь въ сотрудничествѣ съ правительствомъ началъ этого манифеста. Утверждаютъ, что въ этихъ именно видахъ и былъ задуманъ союзъ 17 октября, что благодаря такимъ надеждамъ къ союзу примкнули Д. Н. Шиповъ и графъ Гейденъ, вскорѣ поспѣшившіе отрясть его прахъ отъ своихъ ногъ. Если это справедливо, если авторами всей октябрьской траги-комедіи,

стоившей Россiи десятки тысячъ жизней, руководили не одни только провокацiонные планы, разсчитанные на выигрышъ времени, то надо признать, что среди правящихъ верховъ бюрократической Россiи было не меньше политическихъ младенцевъ, чѣмъ среди революцiонной учащейся молодежи, собиравшейся при помощи браунингова и опрокинутыхъ конoчныхъ вагоновъ добиться полновластнаго Учредительнаго Собранiя.

Надо быть поистинѣ россiйскимъ бюрократомъ, продѣлывавшимъ изъ своего кабинета всевозможные опыты надъ народомъ, надо глубоко презирать не только законы вообще, но и законы исторiи въ частности, чтобы увѣровать въ возможность мгновеннаго созданiя по приказанiю начальства, по «щучьему велѣнiю, по моему прошенiю», живыхъ общественныхъ силъ. «Топну ногой—и изъ земли выйдутъ легiоны»—такъ думало самодержавное правительство. Переходъ отъ одного строя жизни къ другому ему казался легкимъ и вполнѣ возможнымъ безъ какой бы то ни было смѣны руководящихъ лицъ. Сначала была одна Россiя, дореформенная, погибшая у Мукдена и Цусимы, теперь будетъ другая, «призванная къ новой жизни Россiя», въ которой свободныя общественныя силы будутъ заниматься соцiальнымъ строительствомъ солидарно съ тѣми самыми господами, которые довели страну до Мукдено-Цусимскаго позора. Чиновничье самодержавiе не только наивно мечтало объ избавленiи отъ кары за свои прошлые грѣхи, но еще наивнѣе надѣялось избѣжать всѣхъ роковыхъ послѣдствiй своего собственнаго многолѣтняго хозяйничанья.

Пренебреженiе къ законамъ исторiи заставило его упустить изъ виду, что общественныя силы не возникаютъ разомъ, вдругъ изъ ничего, а нарастаютъ медленно и постепенно. Строй, постоянно губившiй всякiе зачатки независимыхъ общественныхъ силъ, думалъ, что создавать ему будетъ такъ же легко, какъ и искоренять. Фатальная ошибка правительства не замедлила обнаружиться. Никакихъ общественныхъ силъ ему создать не удалось. Общественныя силы создались и развились изъ тѣхъ зародышей, которые, несмотря на подавляющiй самодержавный гнетъ, нашли способы просуществовать и въ самыя тяжелыя времена Сипягина и Плеве. Общеземская организацiя, съ такимъ трудомъ созданная Д. Н. Шиповымъ и, несмотря на ея невиннѣйшiй характеръ, еле выдержавшая натискъ В. К. Плеве, литературныя направленiя, нашедшiя возможность сквозь цензурное сито посѣять въ душѣ читателя прочныя сѣмена и по линiи наименьшаго сопротивленiя, въ виду полной защищенности политическихъ вопросовъ, рѣзко уклонявшiяся въ сторону соцiализма, да подпольныя революцiонныя организацiи—вотъ откуда произошли въ Россiи и тѣ общественныя силы, которыя начали играть открытую политическую роль, когда народъ приступилъ къ первымъ выборамъ въ первую Государственную Думу. Самодержавное правительство все время съ нескрываемымъ презрѣнiемъ и пренебреженiемъ относилось и къ «кучкѣ» земцевъ-политикановъ, и къ горсточкѣ журналистовъ, вышколенныхъ цензурой, и къ «шайкамъ злоумышленниковъ», опасныхъ по наносимымъ ими ударамъ, но лишенныхъ влiянiя

на массы. Правительство такъ было увѣрено въ крестьянствѣ, составляющемъ три четверти общаго населенія страны, что предоставило ему въ Государственной Думѣ даже 54 лишнихъ мѣста. И вдругъ всѣ разсчеты правительства оказались совершенно опрокинутыми. Несмотря на господство военныхъ положеній, усиленныхъ и чрезвычайныхъ охранъ, въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца предвыборной агитаціи кучка «земцевъ-агитаторовъ» и «журналистовъ-крамольниковъ» и группы лицъ изъ подпольныхъ организацій нашли доступъ во всѣ слои населенія, вездѣ организовали общественное мнѣніе и создали народное представительство такого радикальнаго состава, подобнаго которому не было ни въ одной западно-европейской странѣ. Нигдѣ въ Европѣ абсолютизмъ не уничтожалъ въ такой мѣрѣ всѣхъ общественныхъ силъ, какъ въ Россіи, гдѣ онъ съѣлъ не только сословія, но даже и церковь; поэтому и стихійный протестъ противъ самодержавія, когда онъ получилъ возможность отлиться въ законную форму, далъ отзвукъ очень высокаго діапазона, какъ раньше онъ выражался въ террорѣ такой силы, которой не вѣдала культурная Европа. Уголъ отраженія оказался равнымъ углу паденія.

Прослѣдимъ же происхожденіе и вѣроятный уклонъ дѣйствующихъ у насъ политическихъ партій, отметая все то, что явно нежизнеспособно и не можетъ выдержать борьбы за политическое существованіе.

Правительствомъ созданы были двѣ партіи: «союзъ русскаго народа» и «союзъ 17 октября». Разныя побочныя политическія организаціи, вродѣ правового порядка, союзовъ свободы, законности и порядка, черносотенныхъ союзовъ разныхъ наименованій, очевидно, не имѣютъ никакихъ шансовъ на длительное, самостоятельное существованіе. Въ настоящее время, если можно говорить о какихъ-либо реакціонныхъ партіяхъ, то только о «союзѣ 17 октября» и «союзѣ русскаго народа». На первыхъ выборахъ обѣ эти партіи торжественно провалились по всей Россіи и этотъ провалъ ничего удивительнаго не представлялъ. Съ одной стороны, чисто-полицейская организація, связи которой съ охраннымъ отдѣленіемъ и полицейскимъ участкомъ даже не прикрывались, съ другой стороны—партія, изготовленная въ недѣлю, такъ сказать по заказу правительства. Въ лицѣ «союзниковъ» народъ и общество имѣли дѣло съ погромщиками, не успѣвшими еще отмыться отъ пролитой наканунѣ крови. Подъ видомъ октябристовъ, подъ знаменемъ манифеста 17 октября, конституціи съ гражданскими свободами и т. д. выступали извѣстные населенію кулаки или типичные насильники-чиновники стараго режима, издѣвавшіеся надъ народомъ, какъ только имъ хотѣлось. Понятно, что у скомпанованныхъ такимъ образомъ усиліями правительства партій никто не требовалъ предъявленія ни программы, ни тактики. Что изъ того, что «союзъ русскаго народа» не имѣетъ никакой программы, ибо поставленная ему задача, защита дворянскихъ латифундій руками голи перекатной, не легко укладывается въ программу, если извѣстно, что штабы союзниковъ состоятъ изъ погромщиковъ, явныхъ

и тайныхъ полицейскихъ? Либеральная програма октябристовъ осталась невѣдомой даже самимъ октябристамъ, и многіе изъ нихъ вполнѣ искренно такъ читали свою програму: неприкосновенность личности — съ правомъ администраціи арестовывать и высылать въ Сибирь неблагонадежныхъ обывателей. Сами октябристы съ необыкновеннымъ цинизмомъ относились къ либеральнымъ словесамъ своихъ програмъ, ясно показывая, что цѣна имъ грошъ и что по первому приказу начальства они все это перемѣнятъ, какъ понадобится. Немудрено, что и населеніе съ поразительнымъ единодушіемъ забаллотировало представителей этой казеннокоштной партіи, пощадивъ только такихъ людей, которые, какъ гр. Гейденъ, Стаховичъ, очевидно, случайно попали въ октябристскую компанію, что они и доказали, выйдя изъ «союза» и образовавъ партію «мирнаго обновленія». Если при вторыхъ выборахъ правительственное давленіе не уничтожитъ совершенно свободы избранія, если оппозиціонные избиратели не будутъ окончательно терроризированы, а главнѣйшіе выборщики насильственно удалены, если, въ противоположность существующимъ во многихъ мѣстахъ опасеніямъ, выборы не превратятся въ простую цѣпь подлоговъ, то и во второй Думѣ «союзъ 17 октября» и «союзъ русскаго народа» будутъ представлены немногимъ лучше, чѣмъ въ первой. Эти наспѣхъ и кое-какъ сколоченныя правительствомъ «общественныя организаціи» не могли, конечно, за годъ времени ни пріобрѣсти дѣйствительнаго содержанія, ни впитать въ свои ряды представителей опредѣленныхъ соціальныхъ группъ. Но было бы рисковано думать, что такъ будетъ и впредь, что и въ будущемъ ни «союзъ русскаго народа», ни «союзъ 17 октября» не найдутъ своего соціальнаго состава. Мы, напротивъ, думаемъ, что это произойдетъ въ непродолжительномъ времени.

«Союзъ русскаго народа» и родственные ему черносотенные союзы— это полицейскія организаціи, созданныя крупными дворянами-землевладѣльцами для защиты своихъ интересовъ путемъ демагогической агитаціи, путемъ наигрыванія на народной темнотѣ, религіозномъ фанатизмѣ и зоологическомъ національномъ чувствѣ. Соціальная задача, поставленная себѣ «Союзомъ», до того противорѣчитъ въ наше время могучей народной волнѣ, требующей во что бы то ни стало и какими бы то ни было путями перехода помѣщичьей земли къ крестьянамъ, что «Союзъ», каковы бы ни были его успѣхи въ дѣлѣ организаціи погромовъ, на участіе въ будущемъ «конституціонномъ» строительствѣ претендовать не можетъ. Его роль— чисто служебная. Когда нажмутъ изъ Петербурга кнопки, «Союзъ» устраиваетъ посылку соотвѣтственныхъ телеграммъ. Когда потребуется что-либо болѣе рѣшительное, «Союзъ» приступитъ къ освященію знаменъ, къ организаціи патріотическихъ манифестацій, такъ естественно переходящихъ въ погромы. Самъ по себѣ «Союзъ»—сила анархическая, и его боевые лозунги всегда звучатъ: «бей!» и «долой!»; если союзники кричатъ иногда и «ура!», то только потому, что этотъ лозунгъ сразу обнимаетъ и «бей жидовъ!», и «бей крамольниковъ!» и «долой подлую конституцію!». При на-

стоящемъ положеніи вещей въ Россіи соціальная задача «Союза русскаго народа», защита дворянскаго землевладѣнія, виситъ у него на ногахъ тяжелой гирей и не даетъ ему сдѣлать ни шагу. Но если бы осуществился чудовищный планъ, задуманный наиболѣе проницательными сторонниками стараго режима, и имъ удалось бы превратить Россію, не останавливаясь даже передъ возможностью гибели государства, въ очагъ національной борьбы, если бы навстрѣчу проповѣдникамъ національной и племенной розни пошли съ другой стороны безумныя національныя возстанія и сепаратистскія попытки, то «Союзъ русскаго народа» могъ бы сдѣлаться крупной силой и, водворивъ диктатуру сабли, на нѣкоторое время вернуть Россію къ неограниченному абсолютизму. Расплачиваться за это безуміе пришлось бы нашимъ дѣтямъ...

«Союзъ русскаго народа» не спасетъ ни дворянства, ни его помѣстій. Но онъ затянетъ борьбу, обогатитъ ее многими, то шутовски-крикливыми, то кроваво-трагическими эпизодами. Судьба самого «Союза», какъ можно думать, будетъ напоминать судьбы той шайки французскихъ авантюристовъ, въ которой сходятся Рошфоръ съ Дрюмономъ, соціалистъ съ клерикаломъ, нищій воръ съ бездѣльничающимъ милліонеромъ, и которая подъ именемъ то буланжистовъ, то націоналистовъ, то клерикаловъ, выступаетъ вездѣ, гдѣ пахнетъ скандаломъ, гдѣ можно поиграть на демагогической струнѣ. У насъ демагогіи откроется широкое поприще. Одно уравненіе евреевъ въ правахъ съ прочими гражданами сколько дастъ поводовъ для демагогической агитаціи и къ какимъ можетъ привести «печальнымъ инцидентамъ», если во главѣ мѣстной власти къ тому времени не будутъ стоять честные люди, дѣйствительно не желающіе погромовъ. Международная политика, представляющая, какъ показалъ всемірный опытъ, лучшее средство временно скрывать свои внутреннія язвы, драпируясь въ мантію великодержавнаго побѣдителя, сдѣлается, конечно, на долгое время излюбленнымъ конькомъ черносотенцевъ. Недаромъ уже и теперь г. Грингмутъ, чтобы покончить съ конституціей, совѣтуетъ объявить Японіи войну и назначить диктатора. Идея «реванша», вѣроятно, и составитъ единственный политическій багажъ нашихъ черносотенцевъ. Затѣмъ пойдутъ дѣла сравнительно второстепеннаго значенія: защита проворовавшихся сановниковъ, защита насильниковъ, травля лицъ, въ данное время неугодныхъ, и пресмыкательство передъ всесильными временщиками. Во всякомъ случаѣ, эта шумливая и энергичная компанія, въ которой рядомъ съ монахами-изувѣрами орудуютъ національные, религіозные и политическіе ренегаты, бывшіе революціонеры, всевозможные предатели, въ которой пропойца-забулдыга, съ наслажденіемъ издѣвающійся надъ губернаторомъ, цѣлуется съ великосвѣтскимъ хлыщемъ, можетъ оказать при случаѣ пользу тому, въ чьихъ она будетъ рукахъ. Съ наибольшимъ умѣньемъ пользовался этимъ сбродомъ Наполеонъ III, и наши отечественные бонапартисты, какъ кажется, усердно учатся у своего названнаго отца. Не глупа была и попытка А. И. Гучкова залучить эту банду въ лагерь октябристовъ. Но ли

деръ «Союза 17 октября» сдѣлалъ одну ошибку: онъ долженъ былъ повести свой разговоръ съ черносотенцами, только владѣя ключами отъ кассы секретныхъ фондовъ. Тогда и результатъ переговоровъ былъ бы иной... Имѣя же своихъ «давальцевъ», черносотенцы отнеслись къ г. Гучкову, хотя и съ сочувствіемъ, но не безъ обиднаго высокомѣрія...

«Союзъ 17 октября», по плану гр. Витте, долженъ былъ явиться олицетвореніемъ той peur bourgeoise, которая погнала бы въ объятія правительства средніе слои общества, желающіе конституціи, но напуганные неистовствомъ революціи. Планъ былъ не лишенъ политической дальновидности, заимствованной, къ сожалѣнію, изъ западно-европейской, а не русской жизни. Если допустимы гаданія, то дозволительно думать, что назначь графъ Витте выборы немедленно послѣ усмиренія московскаго возстанія, онъ, быть можетъ, и пріобрѣлъ бы въ первой Думѣ замѣтное число сторонниковъ. Но обстоятельства сложились иначе. Спасать приходилось не буржуазію, а дворянство и «звѣздную палату». И дворянство, и камарилья питали, однако, гораздо больше довѣрія къ Мину, Ренненкампфу, Меллеру-Закомельскому, къ открыто черносотеннымъ организаціямъ, чѣмъ къ союзу, на лбу котораго была написана ненавистная дата 17 октября. При графѣ Витте дворяне не пошли въ «Союзъ 17 октября» на поклонъ къ купеческому сыну Гучкову. Съ другой стороны, всѣ усилія Гурляндовъ и Гурьевыхъ не могли убѣдить широкія массы русскаго общества въ томъ, что въ лицѣ конституціоналистовъ-демократовъ оно имѣетъ дѣло съ разрушителями собственности. Борьба для октябристовъ была неравная, и они погибли. Но по мѣрѣ того, какъ безнадежность борьбы за дворянскія привилегіи будетъ становиться очевидной въ глазахъ и самихъ дворянъ, они будутъ все ближе и ближе подходить къ купцамъ, промышленникамъ, концессіонерамъ и прочимъ анти-демократамъ, стремящимся привилегіи рожденія замѣнить привилегіями богатства. Въ Союзѣ 17 октября найдетъ свой политическій органъ крупная и средняя буржуазія, впитавшая въ себя значительную часть дворянъ. Конечно, программа «Союза» подвергнется тогда соотвѣтствующей передѣлкѣ. Всѣ либерально-демократическія украшенія будутъ изъ нея выброшены и замѣнены откровенно націоналистическими, протекціонистскими нотами, направленными и противъ законодательной защиты трудящихся и противъ политической демократизаціи страны...

Истинно-конституціонными партіями являются партія «Народной свободы» (конституціонно-демократическая), демократическихъ реформъ и Мирнаго обновленія. И по программѣ, и по тактикѣ и даже отчасти по составу эти три партіи родственны между собой. Единственная полу-открытая политическая организація, существовавшая у насъ до 17 октября, земско-городская, распредѣлила своихъ членовъ по всѣмъ тремъ русламъ россійскаго конституціонализма. Но большинство членовъ «Союза освобожденія», сгруппировавшаго «третій элементъ» и радикальную интеллигенцію, вообще, вошли въ партію «Народной свободы». Въ составѣ пар-

тіи демократическихъ реформъ и въ партіи «Мирнаго обновленія» освобожденцы насчитываются единицами. Этимъ и объясняются какъ оттѣнки въ демократизмѣ каждой изъ трехъ конституціонныхъ группъ, такъ и различіе въ проявленной ими активности. Рѣзко опредѣленный демократизмъ партіи «Народной свободы», встрѣтившей сочувственный откликъ среди крестьянства, академическая ученость партіи демократическихъ реформъ, не проявляющей особыхъ стараній выйти изъ спокойнаго ученаго кабинета на шумную улицу, и барскій демократизмъ «Мирнаго обновленія», не чуждаго славянофильской поэзіи о величіи и правдѣ древне-русскаго быта—таковы характернѣйшія отличительныя черты тѣхъ трехъ теченій, на которыя разбился нашъ конституціонализмъ. Въ «Мирномъ обновленіи» вліятельную роль играютъ—конституціоналисты, такъ сказать, послѣдняго часа, перешедшіе въ новую вѣру послѣ 17 октября. Но въ отличіе отъ октябристовъ конституціонализмъ большинства мирнообновленцевъ не возбуждаетъ сомнѣній. Помимо указанныхъ трехъ партій установленіе въ Россіи конституціоннаго, а тѣмъ болѣе парламентарнаго режима совершенно невозможно. Конституціонализмъ Столыпина, сводящійся къ борьбѣ съ единственными истинно-конституціонными силами страны, въ западноевропейской ученой литературѣ получилъ уже мѣткое названіе Schein konstitutionalismus... Если конституціонная Россія выдвинетъ когда-либо крупнаго политическаго дѣятеля, то, конечно, первой его задачей будетъ объединеніе на широкой общей платформѣ всѣхъ силъ этихъ трехъ конституціонныхъ теченій для завоеванія основныхъ демократическихъ и конституціонныхъ реформъ. Въ настоящее время уже многіе болѣе или менѣе ясно начинаютъ сознавать, какъ трудна эта задача и какую борьбу придется выдержать для ея разрѣшенія... Въ тѣ молодые дни, когда мечтали о диктатурѣ пролетаріата, объ учредительномъ собраніи, о непрерывной революціи, изъ демократической переходящей въ соціалистическую и т. д. и т. д., конечно задача насажденія въ Россіи зародышевыхъ основъ конституціонно-демократическаго строя могла казаться мизернымъ дѣломъ...

Уже въ оттѣнкахъ нашихъ конституціонныхъ партій можно подмѣтить слѣды происхожденія ихъ изъ литературныхъ теченій. Въ партіи же народно-соціалистической, желающей играть роль соединительнаго звена между надпольной и подпольной Россіей, ея литературная природа, почти ничѣмъ не прикрытая, такъ и бьетъ въ глаза. Въ сущности и по настоящее время это не столько общественно-политическая партія, сколько кружокъ редакціи *Русскаго Богатства* (безъ самого редактора Вл. Г. Короленка) и читателей, сочувствующихъ направленію этого журнала. Но идеи Михайловскаго и Лаврова, какъ извѣстно, еще раньше послужили программой для организаціи другой, болѣе боевой партіи. Двѣ партіи, опирающіяся на одну и ту же программу, чтобы имѣть какое-либо основаніе для раздѣльнаго существованія, должны отличаться одна отъ другой хотя бы тактикой. Соціалъ-народники, пожелавъ легализироваться, такъ и заявили,

что они будутъ партіей соціалистовъ-революціонеровъ безъ соціалъ-революціонной тактики. Но тактика оказалась тѣснѣе связана съ програмой, чѣмъ думали вожаки партіи. Отказъ отъ тактики повелъ къ отказу отъ партійной пропаганды республиканизма, къ соотвѣтствующимъ урѣзкамъ въ предполагаемомъ аграрномъ переворотѣ и т. д. Въ концѣ-концовъ создалась партія съ програмой, но безъ тактики. Такое положеніе ровно ни къ чему не обязываетъ и дозволяетъ, смотря по удобствамъ полемики, раздвигать програму вплоть до анархизма... О народно-соціалистической партіи мы разсчитываемъ, впрочемъ, поговорить отдѣльно...

Революціонныя, соціалистическія организаціи при наступившемъ у насъ послѣ 17 октября конституціонномъ самодержавіи не могли, конечно, выйти изъ подполья, но онѣ всетаки высунулись оттуда и показались болѣе широкимъ кругамъ народа. Одновременно съ этимъ вышли наружу и разъѣдающія ихъ внутреннія распри. Причины этихъ распрей коренятся глубоко и представляютъ много поучительнаго. Намъ, вѣроятно, не разъ придется говорить о нихъ. Въ этихъ фракціонныхъ распряхъ, какъ и во многихъ методахъ и пріемахъ революціонныхъ партій, тоже наглядно отражается прожитая Россіей многовѣковая школа самодержавія.

Революціонныя партіи идутъ у насъ по двумъ русламъ: соціалъ-революціонному, болѣе слабому, ставящему практической задачей «соціализацію» земли, и соціалъ-демократическому, примыкающему къ соціалистическому движенію европейскаго пролетаріата. Подъ «соціализаціей» земли соціалисты-революціонеры понимаютъ не что иное, какъ всеобщій земельный передѣлъ для поравненія и разсчитываютъ, что за такимъ идеаломъ могутъ пойти многомилліонныя крестьянскія массы. Однако тѣ стихійные погромы, которые устраивала крестьянская масса въ своей «борьбѣ за землю и волю», заставляютъ и самихъ соціалистовъ-революціонеровъ уменьшить свой оптимизмъ относительно сознательности крестьянства. Въ послѣднее время соціалисты-революціонеры, отказавшись, повидимому, отъ широкой соціальной борьбы, всю свою энергію направили на совершеніе террористическихъ актовъ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Къ тому же отъ партіи отдѣлилась особая лѣвая вѣтвь, максималисты, которые, сближаясь съ анархистами, создали прямо культъ террора, грабежей, вѣжливо именуемыхъ экспропріаціями, и т. д. По признанію виднѣйшаго лидера соціалистовъ-революціонеровъ В. Чернова, максималистская практика внесла въ ряды партіи деморализацію, создала «какую-то ублюдочную прослойку, стирающую грань между вульгарными мазуриками и подлинными анархистами и революціонерами». Максималисты пытались было и печатно обосновать свои воззрѣнія, и ихъ писанія, пожалуй, представляютъ извѣстный интересъ, какъ грань невѣжественнаго самомнѣнія, за которую не переходили, кажется, даже большевики... Два жернова, одинъ—справа, соціалъ-народники, другой—слѣва, максималисты и анархисты, грозятъ совершенно измолоть партію соціалистовъ-революціонеровъ. Правительственный произволъ можетъ лишь на нѣкоторое время влить свѣжую кровь въ ея жилы...

Соціалъ-демократическая партія и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніяхъ представляетъ болѣе значительную силу, имѣющую всѣ основанія въ близкомъ будущемъ превратиться въ рабочую соціалъ-демократическую партію. Но въ настоящее время составъ ея продолжаетъ оставаться преимущественно интеллигентскимъ, и въ оградѣ партіи интеллигентскія фракціи занимаются самопожираніемъ. Кризисъ, переживаемый теперь партіей и выразившійся въ раздѣленіи ея на меньшевиковъ и большевиковъ, имѣетъ не преходящее значеніе. Онъ, повидимому, неизбѣжно долженъ привести къ формальному разрыву. Кризисъ, отражающій происходящее и на Западѣ расчлененіе соціалъ-демократіи на революціонныя и эволюціонныя партіи, у насъ осложнился еще специфическими особенностями, свойственными русской интеллигенціи. Наши соціалъ-демократы-большевики мало похожи на европейскихъ анти-ревизіонистовъ, а съ поразительной быстротой покатились по наклонной плоскости бунтарства къ анархистамъ и максималистамъ... Но надо думать, что имѣющійся у большевиковъ хоть кое-какой идейный европейскій багажъ удержитъ ихъ отъ «синтеза» съ указанными элементами... Во всякомъ случаѣ даже изъ заявленій такихъ большевистскихъ лидеровъ, какъ Ленинъ, можно бы выудить множество поразительныхъ заявленій, вродѣ назначенія на августъ 1906 г. всенароднаго вооруженнаго возстанія, утвержденія, что въ Думу вѣрили только отсталые слои народа, что «самый темный» мужикъ готовъ къ Учредительному Собранію и проч. и проч. Безнадежное незнаніе родной страны, поразительная политическая близорукость, фразерство, партійное фанфаронство—такъ и бьетъ изъ каждой строки этихъ курьезныхъ, стоившихъ, однако, не мало жертвъ, политическихъ прорицаній...

Мы отмѣчали возможные пути развитія нашихъ политическихъ партій въ томъ предположеніи, что самодержавной реакціи не удастся одержать побѣды и отнять у насъ тѣ полу-свободы, которыя даны на бумагѣ. Но такая возможность не исключена. Тогда мы вернемся къ старому положенію.

Расчлененіе и проясненіе политическихъ партій прекратятся. Ночью опять всѣ кошки покажутся сѣрыми. Политика, изгнанная съ поверхности общественной жизни, уйдетъ въ глубины и неизбѣжно будетъ извращать всѣ культурныя и научныя работы, дѣлая изъ нихъ прежде всего политическія орудія. Мѣсто легальныхъ организацій займутъ тайныя подпольныя. Политическіе газы будутъ накопляться подъ высокимъ давленіемъ, пока, набравшись силы, не вышибутъ замыкающей ихъ крышки, а, если несчастно сложатся обстоятельства, то могутъ разорвать и котелъ...

А. С. Изгоевъ.

Законодательство и жизнь.

Высочайшій указъ о выборахъ въ Государственную Думу.—Предвыборныя мѣропріятія правительства.—Сенатскія разъясненія.—Инструкція о порядкѣ выборовъ.—Различное отношеніе правительства къ правымъ и оппозиціоннымъ партіямъ.—Желанія народа и цѣли правительства.—Особое значеніе нынѣшнихъ выборовъ.—Безплодность смертныхъ казней для прекращенія революціи.—Дѣло Гурко-Лидваля.—Положеніе продовольственнаго дѣла въ голодающихъ губерніяхъ.—Продовольственный отчетъ.—Законъ 9 ноября и измѣненія, вносимыя имъ въ юридическое положеніе крестьянской семьи.

Приближается время выборовъ въ Государственную Думу. 7 декабря изданъ Высочайшій указъ, которымъ выборы для губерній, управляемыхъ на общемъ основаніи, назначены на 6 февраля. Дѣйствіе его, впрочемъ, распространяется только на Европейскую Россію и Польшу. Для Кавказа и всѣхъ азіатскихъ губерній и областей срокъ выборовъ еще не назначенъ, такъ что Дума, какъ и въ первый разъ, соберется сначала въ неполномъ составѣ. Для чего это нужно? Трудно допустить, что министерство въ теченіе цѣлаго полугода не успѣло принять мѣры къ тому, чтобы выборы повсюду могли быть произведены своевременно. Скорѣе можно предполагать, что такая неполная Дума пріятнѣе для правительства, можетъ быть въ силу того соображенія, что въ прошлой Думѣ представители Кавказа и азіатскихъ провинцій принадлежали большею частью къ рѣзко-оппозиціоннымъ правительству группамъ. На такую мысль невольно наводитъ то обстоятельство, что правительство принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы будущая Дума состояла изъ его сторонниковъ или послушныхъ ему людей, хотя бы такой составъ и вовсе не выражалъ собою дѣйствительнаго мнѣнія страны. И опять является вопросъ: для чего это нужно? Вполнѣ естественно и понятно, что всякое правительство ищетъ себѣ поддержки въ народѣ и желаетъ получить отъ народа одобреніе своихъ дѣйствій. Въ правильно-конституціонныхъ странахъ разногласіе правительства съ народнымъ представительствомъ непремѣнно ведетъ или къ отставкѣ министерства, или къ роспуску палаты и назначенію новыхъ выборовъ, которые и служатъ рѣшающимъ отвѣтомъ народа на вопросъ, одобряетъ ли онъ правительственную политику или нѣтъ. Но очевидно, что этотъ отвѣтъ

можетъ имѣть значеніе и силу лишь тогда, когда онъ высказанъ вполнѣ свободно и правдиво. Если бы нашему теперешнему министерству требовался такой свободный и правдивый отвѣтъ, то и при желаніи получить себѣ одобреніе отъ народа, оно могло бы только принимать мѣры къ убѣжденію его въ правильности и полезности своихъ дѣйствій, но не старалось бы искусственными мѣрами, направленными отчасти къ общему сокращенію выборныхъ правъ, отчасти къ устраненію отъ выборовъ людей и партій непріятныхъ министерству, фальсифицировать выборы въ желательномъ для него направленіи. Между тѣмъ всѣ предвыборныя мѣропріятія министерства носятъ какъ разъ такой характеръ. Мы уже говорили еще въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли* о сенатскихъ разъясненіяхъ, въ форму которыхъ министерство сочло нужнымъ вложить въ сущности совершенно новыя измѣненія избирательнаго закона, ограничивающія выборныя права крестьянъ и рабочихъ. Послѣ этого было еще нѣсколько такихъ же сенатскихъ «разъясненій». Изъ нихъ особенно важно, въ смыслѣ сокращенія числа избирателей, высказанное въ указѣ отъ 13 декабря, гдѣ говорится, что внесенію въ избирательные списки не подлежатъ и не участвуютъ въ выборахъ по квартирному цензу тѣ лица, относительно которыхъ будетъ установлено, что они, нанимая на свое имя квартиру, дѣйствительно не прожили на такой квартирѣ въ данномъ городѣ, хотя и съ временными перерывами, послѣдняго года. Сообщая объ этомъ губернаторамъ, министерство со своей стороны поясняетъ эти разъясненія такъ, что теряютъ свое выборное право по квартирному цензу лица, перешедшія на службу въ другую мѣстность, или вступившія въ присяжные повѣренные въ другомъ округѣ. Тенденція этого разъясненія понятна: во-1-хъ, разрядъ квартиронанимателей вообще ненадеженъ по своему направленію, а во-2-хъ, такимъ путемъ прямой и вполнѣ опредѣленный признакъ, представленіе квартирнаго контракта, или уплата квартирнаго налога, замѣняются доказательствами фактическаго проживанія на квартирѣ, удостовѣреніе о которомъ будетъ зависѣть отъ полиціи, и которое можно будетъ признавать или отвергать «по человѣку глядя». Министерство пыталось также получить отъ сената разъясненіе, дѣлающее возможнымъ раздѣленіе землевладѣльческихъ избирательныхъ съѣздовъ такъ, чтобы помѣщики и духовенство могли производить выборы отдѣльно отъ крестьянъ, но на такое коренное нарушеніе закона, превращающее выборы въ сословные, не пошелъ даже и нашъ покладливый сенатъ. Практическимъ результатомъ всѣхъ этихъ сенатскихъ разъясненій было вообще сокращеніе общаго числа избирателей, хотя это сокращеніе распредѣлилось очень неравномѣрно между различными избирательными участками.

Въ *Рѣчи* еще въ ноябрѣ былъ сдѣланъ опытъ сводки свѣдѣній о числѣ лицъ, потерявшихъ свои избирательныя права. Въ 10 уѣздахъ такихъ исключенныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ оказалось 60,221, въ томъ числѣ, наприм., по Черниговскому уѣзду исключена половина быв-

шихъ въ немъ раньше избирателей этой категоріи (6,000 изъ 12,000), а въ другихъ и гораздо больше: въ Саратовскомъ уѣздѣ исключено 4,500 изъ 6,000, въ Уманьскомъ—4,000 изъ 7,700, въ Скопинскомъ—2,746 изъ 3,106, а въ Переяславскомъ даже 30,000 изъ 40,000. Въ Зеньковскомъ уѣздѣ исключено даже 95% мелкихъ землевладѣльцевъ. Изъ рабочихъ и желѣзно-дорожныхъ служащихъ исключено въ Петербургѣ по Николаевской желѣзной дорогѣ 4,000, въ Рязани 3,400 (изъ 4,800). Изъ квартиронанимателей исключено по 20 т. въ Кіевѣ и въ Одессѣ.

Наконецъ, уже безъ содѣйствія сената и его разъясненій, министерство само составило и разослало губернаторамъ для немедленнаго распубликованія правила о порядкѣ выборовъ въ Государственную Думу посредствомъ записокъ, утвержденныя 10 декабря въ измѣненіе и дополненіе дѣйствовавшихъ до сихъ поръ правилъ 6 февраля 1906 г., на основаніи которыхъ происходили выборы въ первую Думу. Послѣдними правилами 10 декабря устанавливается еще цѣлый рядъ стѣсненій для избирателей и вмѣстѣ съ тѣмъ, наконецъ, ясно высказывается постоянно существовавшее, но не выражавшееся прямо, различіе въ отношеніяхъ правительства къ партіямъ, которыя оно признаетъ своими союзниками и тѣми, которыя оно считаетъ за своихъ противниковъ. Прежде всего новыя правила настаиваютъ на недопущеніи никакой агитаціи при самыхъ выборахъ. Въ комнатѣ для написанія записокъ можетъ одновременно находиться лишь одно лицо; опустивши записку, избиратель немедленно уходитъ изъ помѣщенія,—чѣмъ, между прочимъ, совершенно устраняется всякій контроль надъ дѣйствіями избирательныхъ коммиссій;—не только въ помѣщеніяхъ, гдѣ находятся избирательныя урны, но и на всемъ пути, по которому избиратели должны пройти до этихъ помѣщеній, и даже снаружи, у входа въ зданіе, гдѣ будутъ происходить выборы, запрещается вывѣшиваніе воззваній, раздача записокъ и брошюръ, произнесеніе рѣчей, вообще всякая агитація,—другими словами, всякое словесное или письменное сообщеніе между собою присутствующихъ избирателей, которые, молча и не оглядываясь другъ на друга, будутъ проходить со своими записками къ избирательнымъ урнамъ между рядами полиціи, такъ какъ, конечно, для наблюденіи за выполненіемъ всего сказаннаго будетъ командировано достаточное число полиціи. При этомъ естественно возникаетъ вопросъ: а что же будетъ, если какой-нибудь избиратель заговоритъ со своими сосѣдями, или передастъ имъ какую-нибудь бумажку или брошюрку? Что произойдетъ съ такимъ избирателемъ, будетъ ли онъ ...правленъ въ кутузку за нарушеніе правилъ, не дойдя до выборнаго ...щика, или съ нимъ будетъ поступлено какъ-нибудь иначе? Другой, тоже ...вольно серьезный вопросъ: будетъ ли полиція въ случаѣ такихъ нару...еній одинаково относиться къ нарушителямъ изъ членовъ союза рус...аго народа, или изъ членовъ оппозиціонныхъ партій? Вопросъ далеко не ...здный—ибо, если въ Москвѣ или Петербургѣ, можетъ быть, и будетъ ...блюдаться нѣкоторая корректность, то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣстные

администраторы пріучили полицію къ тому, что черносотенцамъ все дозволяется, а прочимъ обывателямъ ничего,—тамъ очень возможны даже прямыя насилія надъ неугодными администраціи избирателями не только при попустительствѣ, но, пожалуй, и при содѣйствіи полиціи.

Далѣе въ новой инструкціи говорится объ особыхъ правилахъ, примѣняемыхъ къ тѣмъ случаямъ, когда въ избирательномъ участкѣ считается по списку болѣе 1,000 избирателей. Здѣсь наиболѣе замѣчательныя нововведенія суть слѣдующія. Бланки избирательныхъ записокъ изготовляются по установленной формѣ городскими и земскими управами и снабжаются на оборотной сторонѣ печатью управы. Это правило явно противорѣчитъ закону, требующему, чтобы избирательныя записки не имѣли на себѣ никакихъ отмѣтокъ; требованіе это, конечно, основано на томъ, что, разъ будутъ допущены отмѣтки, то всѣ записки уже не будутъ вполнѣ одинаковы, а эта неодинаковость ихъ можетъ въ извѣстной мѣрѣ нарушать тайну голосованія. Достаточно постепенно и методически измѣнять разстояніе печати отъ верхняго и одного изъ боковыхъ краевъ записки, чтобы каждая записка получила свою индивидуальность и всегда могла быть узнана. Это было бы неважно, если бы избиратели могли, какъ это допускается по закону, подавать собственныя записки, на изготовленныхъ ими самими бланкахъ, конечно, вполнѣ сходныхъ съ управскими бланками; но такіе бланки безъ печати новыми правилами не допускаются и при счетѣ записокъ признаются недѣйствительными. Управа посылаетъ каждому избирателю два экземпляра бланковъ избирательной записки при особомъ, именномъ объявленіи, которое потомъ должно быть предъявлено избирателемъ при подачѣ имъ избирательной записки; но записки и объявленія разносятся полиціей только въ предѣлахъ городовъ; внѣ города живущіе избиратели должны сами обращаться за объявленіями и бланками записокъ въ подлежащія управы, представляя удостовѣренія о своей личности. Помимо этихъ двухъ экземпляровъ бланковъ, могутъ быть выданы еще два взамѣнъ испорченныхъ и утраченныхъ; въ большемъ же, и даже неограниченномъ количествѣ, бланки выдаются «только распорядителямъ или правленіямъ тѣхъ, преслѣдующихъ политическія цѣли, обществъ и союзовъ и ихъ отдѣленій, которые внесены въ реэстры на основаніяхъ, установленныхъ Высочайшимъ указомъ отъ 4 марта 1905 года». Этимъ, очевидно, создается большое преимущество для такъ называемыхъ легализированныхъ партій: ихъ правленія и комитеты имѣютъ возможность разсылать членамъ своихъ партій, и даже безпартійнымъ, которыхъ они могутъ разсчитывать привлечь къ себѣ, прямо уже готовы, наполненныя, избирательныя записки съ именами выборщиковъ. Всякому, сколько-нибудь знакомому съ выборной практикой, конечно, понятно, насколько возможность такого распространенія готовыхъ записокъ не только способствуетъ единству дѣйствій партій, но и вліяетъ на безпартійныхъ избирателей, которыхъ, къ сожалѣнію, всегда еще много оказывается при всякихъ выборахъ. Этой возможности лишены нелег-

лизированныя партіи, которыя такимъ образомъ ставятся новыми правилами въ условія неравной борбы съ партіями легализированными. Мы отмѣтили это обстоятельство какъ явное выраженіе въ полузаконодательномъ, официальномъ актѣ различнаго отношенія правительства къ тѣмъ и другимъ партіямъ. Но это различіе проявляется въ гораздо большихъ размѣрахъ: нелегализированныя партіи подвергаются прямому гоненію: имъ запрещаются собранія, запрещается всякая печатная пропаганда. Всѣмъ типографіямъ подъ угрозою закрытія объявлено, чтобы онѣ не печатали никакихъ заявленій или сообщеній, исходящихъ отъ нелегализированныхъ партій. И это касается не только такихъ партій, какъ соціалистическія, которыя и раньше, за исключеніемъ самаго небольшого промежутка времени, бывшаго осенью прошлаго года, всегда преслѣдовались правительствомъ, но и такихъ, къ которымъ правительство относилось раньше сравнительно терпимо, какъ конституціонно-демократическая. На эту партію даже преимущественно направлены были въ послѣднее время правительственныя репрессіи, что, можетъ быть, объясняется ея выдающимися положеніемъ въ бывшей Думѣ и опасеніемъ правительства, что такое же положеніе ею можетъ быть занято и въ будущей Думѣ. Многіе изъ наиболѣе выдающихся членовъ партіи находятся подъ обвиненіемъ въ подписаніи ими выборгскаго воззванія и какъ таковые исключены изъ избирательныхъ списковъ. Слѣдствіе по этому обвиненію начато уже давно, но подвигается крайне медленно, или даже вовсе не двигается, по объясненію производящаго его слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ потому, что до сихъ поръ не имѣется свѣдѣній объ адресахъ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, а потому они и не могли быть допрошены. Весьма вѣроятно, что слѣдствіе, а тѣмъ болѣе судъ по этому дѣлу такъ и не будетъ оконченъ до выборовъ въ Думу, слѣдовательно, всѣ эти лица останутся устраненными. Не попавшіе въ категорію обвиняемыхъ лидеры конституціонно-демократической партіи, П. Н. Милюковъ и В. М. Гессенъ, тоже очень неохотно допускаются въ число избирателей. Тотъ и другой не были внесены въ списки и только по жалобамъ ихъ Гессенъ былъ внесенъ съ объясненіемъ пропуска въ спискѣ ошибкой, а отъ Милюкова потребовали новыхъ доказательствъ его ценза и въ концѣ-концовъ совершенно устранили его изъ списковъ избирателей. Извѣстно, что преслѣдованіе неугодныхъ правительству партій въ широкихъ размѣрахъ происходило въ формѣ требованія выхода изъ этихъ партій не только служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, но и въ земствѣ, причемъ требованіе это многими губернаторами распространено было не только на выборныхъ редсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, но и на служащихъ по найму, ь частности на врачей. Въ Костромѣ, въ Казани, во Владимірѣ и друихъ мѣстахъ отъ земскихъ и городскихъ служащихъ требовали подписокъ томъ, что они не будутъ принадлежать ни къ какимъ нелегализованымъ партіямъ. Съ такими же требованіями обратилось желѣзно-дорож-э начальство къ своимъ служащимъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти

требованія вызывали открытый протестъ, въ большинствѣ случаевъ формальный выходъ изъ партіи, конечно, нисколько не гарантирующій того, что вышедшіе не будутъ закулисно продолжать дѣйствовать въ пользу той же партіи и на выборахъ не подадутъ свой голосъ за ея кандидатовъ. Къ числу открыто протестовавшихъ принадлежитъ, между прочимъ, главный врачъ московской преображенской больницы Н. Н. Баженовъ, помѣстившій по этому поводу въ 12 № *Нови* письмо въ редакцію.

Въ этомъ письмѣ, высказывая, что и самый министерскій циркуляръ, воспрещающій служащимъ участіе въ оппозиціонныхъ партіяхъ, незаконенъ, такъ какъ на осн. 18 ст. основныхъ законовъ такое ограниченіе правъ служащихъ можетъ исходить только отъ верховной власти, и что даже изъ текста самого циркуляра видно, что онъ относится только къ лицамъ, служащимъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, г. Баженовъ указываетъ затѣмъ на одну важную сторону даннаго вопроса. Циркуляръ угрожаетъ увольненіемъ тѣмъ врачамъ, которые его не исполнятъ. Или это только пустое слово, сказанное для устрашенія малодушныхъ, или, сказавши его, правительство должно быть послѣдовательно, и въ случаѣ неподчиненія врачей, оставить нѣсколько тысячъ паціентовъ московскихъ больницъ безъ ухода и безъ медицинской помощи. Авторъ письма напоминаетъ, что въ прошломъ году, когда шла рѣчь о забастовкѣ врачей, это предположеніе вызывало особое негодованіе противъ нихъ именно за то, что въ политической борьбѣ они не щадятъ непричастныхъ къ ней больныхъ. Не то же ли самое собирается дѣлать теперь правительство? Конечно, такъ; но для насъ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Разъ правительство становится на точку зрѣнія партійной политической борьбы, а это несомнѣнно, несмотря на заявленія его о своей безпартійности, оно столь же мало останавливается передъ послѣдствіями этой борьбы для непричастныхъ къ ней лицъ, какъ и самые крайніе революціонеры. «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ», это изреченіе принадлежитъ, какъ извѣстно, не революціонерамъ, по крайней мѣрѣ не тѣмъ, кто формально числится революціонерами. Во всѣхъ своихъ репрессивныхъ мѣропріятіяхъ правительство защищаетъ только себя. И такой же характеръ имѣютъ и всѣ его предвыборныя дѣйствія.

Мы не ставимъ теперь вопроса о томъ, насколько всѣ эти предвыборныя мѣры правительства цѣлесообразны; но во всякомъ случаѣ должны же онѣ имѣть какую-нибудь цѣль. Цѣль эта очевидно есть не что иное, какъ образованіе такой Государственной Думы, которая была бы угодна правительству и дѣлала бы то, чего ему желательно. Но если бы правительство думало, что его желанія совпадаютъ съ желаніями народа, то, конечно, всѣ эти предвыборныя ухищренія, ограниченіе избирательныхъ правъ, стѣсненіе избирательной агитаціи, все это было бы и съ точки зрѣнія правительства совершенно излишнимъ и ненужнымъ. Но правительство не только не предполагаетъ такого совпаденія желаній народа съ

его собственными, но, повидимому, даже и теперь, послѣ всѣхъ принятыхъ имъ мѣръ, сомнѣвается въ ихъ успѣшности: оно запрашиваетъ губернаторовъ о настроеніи избирателей и далеко не всегда получаетъ утѣшительные для себя отвѣты. И сомнѣніе это совершенно правильно, потому что дѣйствительно цѣли и желанія народа и правительства совершенно различны. Чего хочетъ народъ,—это въ общихъ чертахъ совершенно опредѣленно было высказано первой Думой, въ короткой же формулѣ его желанія выражаются въ требованіи «земли и воли». Можетъ быть, эта формула и не вполнѣ тождественно понимается всѣмъ народомъ, можетъ быть, въ сознаніи однихъ болѣе важную роль играетъ первая ея часть, въ сознаніи другихъ—вторая. Можетъ быть, и неразрывная связь, существующая между первой и второй частью, не всѣми сознается одинаково ясно. Но все же эта формула объединяетъ собою желанія и надежды громаднаго большинства русскаго населенія и, въ то же время, рѣзко отграничиваетъ это большинство отъ того меньшинства, къ которому принадлежитъ правительство. И по личнымъ, и по классовымъ своимъ интересамъ правительство не можетъ быть сторонникомъ «земли и воли» для народа. Напротивъ, оно должно стремиться къ возможно полному сохраненію прежде всего своего личнаго положенія, а затѣмъ того политическаго и экономическаго строя, при которомъ наиболѣе были бы охранены его классовыя привилегіи. Такъ оно и поступаетъ: оно принимаетъ мѣры къ огражденію интересовъ крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, и даже не интересовъ крупнаго землевладѣнія, какъ цѣлаго института, а именно землевладѣльцевъ, потому что эти мѣры клонятся не къ сохраненію земли за помѣщиками, а къ предоставленію имъ возможности продать ее дороже, чѣмъ она стòитъ. Еще большую энергію прилагаетъ оно къ сохраненію существующаго бюрократическаго и административнаго произвола. Но въ то же время оно не желаетъ называть вещи ихъ дѣйствительными именами; оно желаетъ, чтобы произволъ назывался порядкомъ и даже, пожалуй, конституціей. Разговаривая съ разными «знатными иностранцами» русскіе министры всегда разсказываютъ, что всякихъ свободъ у насъ хоть отбавляй, что правительство увѣрено въ сочувствіи народа и что если кто недоволенъ и все мутитъ, то только революціонеры, которыхъ, что ни дѣлай, все равно ничѣмъ не удовлетворишь. Но очень невѣроятно, чтобы даже и «знатные иностранцы» принимали всѣ эти разсказы въ серьезъ. Еще менѣе вѣроятно, чтобы министерство самообманывалось въ данномъ случаѣ. Иначе оно не хлопотало бы о томъ, чтобы создать фальсифицированную Думу. Такая Дума можетъ быть нужна только для двухъ цѣлей: доказать, кому нужно, способность и умѣнье настоящаго министерства, а слѣдовательно и необходимость его сохраненія на возможно болѣе долгое время, и воспользоваться послушной Думой, какъ орудіемъ для упроченія своего положенія а, если возможно, то и для полнаго поворота къ старому порядку, бывшему до 17 октября 1905 года. Первая цѣль уже въ извѣстной мѣрѣ достигнута и до Думы. Прочность Столыпинскаго

министерства, о колеблющемся, будто бы, положеніи котораго ходили слухи за послѣднее время, установлена Высочайшимъ новогоднимъ рескриптомъ, даннымъ на имя премьеръ-министра. Но этимъ рескриптомъ подтверждено лишь то, что Столыпинъ и его министерство прочны при настоящемъ положеніи дѣлъ, и останутся до Думы, которая уже сама по себѣ внесетъ въ это положеніе лишній элементъ, отношеніе къ которому, обусловленное прежде всего составомъ и направленіемъ самой Думы, можетъ повліять и на устойчивость министерства. Если Дума окажется столь же оппозиціонной, какъ и первая, то это можетъ и не имѣть непосредственнаго вліянія на направленіе правительственной политики вообще, но весьма можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ смыслѣ прочности министерства, доказывая его недостаточную способность успѣшно выполнить задуманный имъ поворотъ назадъ. Что касается до самаго поворота, то, конечно, не въ правахъ правительства заявлять о его желательности открыто и прямо. Но оно предоставляетъ дѣлать такія прямыя заявленія объ уничтоженіи «подлой конституціи» своимъ друзьямъ изъ союза «русскаго народа». Легализируя этотъ союзъ, явно заявляющій о томъ, что онъ стремится къ уничтоженію положенія вещей, созданнаго манифестомъ 17 октября 1905 года, правительство, столь строго относящееся къ партіямъ, желающимъ сохраненія и дальнѣйшаго развитія началъ, высказанныхъ въ этомъ манифестѣ, прямо указываетъ, что для него это отрицаніе манифеста 17 октября не составляетъ ничего нежелательнаго. Впрочемъ, сочувствіе правительства «союзу русскихъ людей» неоднократно доказывалось и не только его легализаціей и связаннымъ съ ней предоставленіемъ ему всякихъ свободъ и удобствъ для выборной и всякой другой агитаціи, но и открытымъ выраженіемъ сочувствія со стороны болѣе или менѣе высокопоставленныхъ должностныхъ лицъ. Такъ, въ Ростовѣ-на-Дону на открытіи мѣстнаго отдѣла союза присутствовалъ градоначальникъ, въ Брянскѣ на засѣданіи «союза законности и порядка», въ уставѣ котораго прямо сказано, что онъ ставитъ задачей своей возстановленіе неограниченной власти, присутствовалъ губернаторъ. Число такихъ примѣровъ могло бы быть значительно увеличено. Совпаденіе взглядовъ высшей мѣстной администраціи со взглядами «союза русскихъ людей» и т. п. и благосклонное отношеніе къ такимъ взглядамъ центральнаго правительства доказывается между прочимъ и нѣкоторыми приведенными въ *Странѣ* донесеніями губернаторовъ, въ которыхъ проводилась та мысль, что «Россія въ своей огромной массѣ еще не созрѣла до представительныхъ учрежденій и что противоположный взглядъ есть результатъ незнанія страны и ея народа». Изъ всего этого нельзя не придти къ заключенію, что если бы, паче чаянія, разными ограничительными и направляющими, а можетъ быть, при содѣйствіи «союза русскаго народа», и прямо насильственными и погромными способами, создалась вторая Государственная Дума съ реакціоннымъ большинствомъ, болѣе или менѣе близкимъ по своему направленію къ этому союзу, то болѣе чѣмъ возможно, что ей будетъ внушен

высказать посредствомъ декларацiи или адреса просьбу о возвращенiи къ положенiю вещей, бывшему до 17 октября; и точно также возможно и вѣроятно, что такой адресъ не будетъ сочтенъ нарушенiемъ основныхъ законовъ и вообще правъ и обязанностей Думы и не послужитъ основанiемъ для разгона ея, а развѣ для самаго любезнаго и благосклоннаго роспуска ея за ненадобностью, такъ какъ роль ея будетъ считаться исполненной. Пусть нынѣшнiе избиратели, опуская свою записку, подумаютъ о возможности такого результата при послушной, или прямо реакцiонной Думѣ и пусть они имѣютъ въ виду, что нынѣшнiе выборы совсѣмъ особенные, отъ которыхъ можетъ зависѣть не только большая или меньшая работоспособность Думы и послѣдовательное и успѣшное проведенiе тѣхъ или иныхъ важныхъ законопроектовъ, но и сохраненiе или потеря всего того, что до сихъ поръ было завоевано русскимъ освободительнымъ движенiемъ. Удастся ли подобрать послушную Думу — это вопросъ, на который, при настоящемъ положенiи нашихъ свѣдѣнiй, очень трудно дать несомнѣнный отвѣтъ. Мы, конечно, не думаемъ, что своими предвыборными мѣропрiятiями правительство прiобрѣло себѣ много сторонниковъ; но мы боимся того, что будетъ много уклоненiй отъ участiя въ выборахъ просто изъ самосохраненiя. Уже теперь въ крестьянствѣ ходятъ слухи, что всѣ непрiятные начальству выборщики будутъ сосланы или посажены въ тюрьму. Съ другой стороны, мы не думаемъ, чтобы и правительство нашло въ своихъ агентахъ такихъ ловкихъ исполнителей своихъ предначертанiй, какихъ находили, напримѣръ, Наполеонъ III и его сподвижники. Такого типа у насъ до сихъ поръ еще не выработалось, да, можетъ быть, и не выработается. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ только о томъ, чтобы «тащить и не пущать», тамъ эти задачи будутъ исполняться неукоснительно до послѣднихъ предѣловъ, и въ этомъ отношенiи мы никакъ не повторимъ словъ Ѳ. И. Родичева о невозможности разбить иконостасъ Казанскаго собора. Мы думаемъ, что разбить все возможно. Другое дѣло создать что-нибудь стройное, не только въ смыслѣ широкой организацiи общественнаго мнѣнiя въ благопрiятномъ для правительства направленiи, но даже въ смыслѣ временной подтасовки голосовъ,—на это едва ли хватитъ умѣнья какъ у самихъ правительственныхъ агентовъ, такъ и у ихъ союзниковъ-добровольцевъ. Со стороны первыхъ все сводится къ грубой репрессiи, вродѣ закрытiя и разгона собранiй, если въ нихъ участвуютъ люди прогрессивнаго направленiя. О такихъ дѣйствiяхъ администрацiи получаются даже и теперь, въ предвыборный перiодъ, извѣ-
ія со всѣхъ сторонъ: изъ Курска, Харькова, Одессы. Со стороны вто-
ихъ мы видимъ тоже лишь грубыя выкрикиванiя и нахальныя заявленiя
своей силѣ, только компрометирующiя министерство и заставляющiя его
ло отрекаться отъ неудобныхъ союзниковъ, хотя и продолжая свои
ужескiя съ ними отношенiя. Недавно, напримѣръ, нѣкiй дворянинъ Зы-
нъ сдѣлалъ въ нижегородскомъ дворянскомъ собранiи докладъ о гро-

жадномъ политическомъ значеніи совѣта объединеннаго всероссійскаго дворянства, во главѣ котораго стоятъ члены Государственнаго Совѣта графъ Бобринскій и Нейгардтъ, и о его вліяніи на направленіе всей правительственной политики. По словамъ г. Зыбина этотъ сверхъ-совѣтъ надъ совѣтомъ министровъ имѣлъ рѣшающее вліяніе и въ дѣлѣ роспуска Государственной Думы и во введеніи военно-полевыхъ судовъ. Офиціозная газета *Россія* съ большимъ раздраженіемъ выступила по поводу доклада г. Зыбина; но раздраженіе свое направила не столько на самый докладъ, сколько на тѣхъ публицистовъ, которые обратили на него вниманіе общества. Неумѣлость правительства, при страшной въ то же время рѣшительности, проявилась даже въ томъ дѣлѣ, которое оно, повидимому, поставило себѣ главною цѣлью, въ истребленіи революціи. Не говоря уже о томъ, что революція и дѣятельность группы террористовъ суть двѣ вещи разныя, что, даже въ смыслѣ борьбы съ послѣдними, половина производимыхъ военно-полевыми судами казней направлена совершенно мимо цѣли, такъ какъ она постигаетъ обыкновенныхъ убійцъ и грабителей, ни съ какой политикой ничего общаго не имѣющихъ, нельзя не видѣть, что усиленное примѣненіе смертныхъ казней не привело ни къ какимъ результатамъ даже въ смыслѣ прекращенія или уменьшенія числа террористическихъ покушеній. Въ недостаткѣ энергіи въ данномъ случаѣ правительство ужъ, конечно, нельзя упрекнуть. Въ газетѣ *Вѣкъ* г. Д. Жбанковъ приводитъ статистическія свѣдѣнія о бывшихъ за послѣднее время казняхъ по суду и безъ суда. Съ 1866 г. по 1900 г. было казнено всего 109 человѣкъ. Въ 1905 г. было присуждено къ смертной казни 62 человѣка, 30 казнено, о 32 нѣтъ свѣдѣній. Разстрѣляно безъ суда карательными отрядами 376 человѣкъ, но число это ничтожно противъ 1906 г., въ теченіе котораго было разстрѣляно безъ суда 796 человѣкъ и по приговорамъ военно-окружныхъ судовъ 280 человѣкъ и военно-полевыхъ судовъ—518 человѣкъ. Мало того, что увеличилось число казней; имѣются достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что у насъ возстановлена пытка. По крайней мѣрѣ, въ Рижскомъ охранномъ отдѣленіи пытки производятся со всѣми утонченными приспособленіями былого времени. И что же въ результатѣ? Усиленіе за послѣднее время террористическихъ актовъ: одинъ за однимъ убиты графъ Игнатьевъ, петербургскій градоначальникъ ф.-д. Лауницъ, главный военный прокуроръ Павловъ, омскій губернаторъ Литвиновъ. Увеличились и случаи вооруженнаго сопротивленія при арестахъ и обыскахъ.

Неспособность нынѣшняго правительства проявилась не только въ безрезультатности его кровавой борьбы съ террористами и экспропріаторами. Оно оказалось неспособнымъ благополучно выполнить и такое мирное и необходимое дѣло, какъ оказаніе продовольственной помощи голодающему населенію. Правительство смѣло взяло на себя веденіе всей продовольственной кампаніи и, какъ теперь оказывается, передало его въ почти исключительное распоряженіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ

Гурко, извѣстнаго по своей развязной полемикѣ съ Государственной Думой по поводу аграрнаго вопроса. Дѣло пошло обычнымъ порядкомъ: путемъ единоличныхъ распоряженій дѣлались закупки и по такимъ же единоличнымъ распоряженіямъ выдавались деньги. Въ бюрократическихъ сферахъ такой порядокъ никого не удивлялъ и все шло съ виду гладко до тѣхъ поръ, пока въ литературѣ не появились указанія на то, что въ продовольственномъ дѣлѣ, повидимому, происходятъ не только непорядки, но едва ли не злоупотребленія. Говорилось о томъ, что г. Гурко собственной единоличной властью заключилъ договоръ о поставкѣ для голодающихъ губерній десяти милліоновъ пудовъ хлѣба съ нѣкоей фирмой Лидваль, которой и былъ выданъ задатокъ въ восемьсотъ тысячъ рублей. Между тѣмъ Лидваль въ хлѣбномъ дѣлѣ совершенно неизвѣстенъ, а извѣстенъ лишь какъ фабрикантъ усовершенствованныхъ ватерклозетовъ, а также какъ устроитель, говорятъ тоже при покровительствѣ Гурко, игорнаго дома на большой Конюшенной, такъ что нѣтъ никакихъ данныхъ для предположенія о его торговой благонадежности и его способности выполнить такое крупное торговое предпріятіе. Къ этимъ основнымъ указаніямъ присоединялись разные слухи о полученномъ будто бы при этой сдѣлкѣ куртажѣ въ 200 тысячъ рублей, и о той обстановкѣ, при которой состоялись какъ договоръ, такъ и вообще знакомство Гурко съ Лидвалемъ, причемъ упоминались имена, вродѣ нѣкоей модистки Эстеръ, ничего общаго съ хлѣбной торговлей не имѣющія. Основное обвиненіе въ заключеніи ничѣмъ необезпеченнаго договора было поставлено такъ опредѣленно, что замолчать его оказалось невозможно, и правительство вынуждено было передать его для разслѣдованія въ особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ вице-предсѣдателя государственнаго совѣта д. т. с. Голубева. Изъ этого разслѣдованія выяснилось, что Гурко дѣйствительно отдалъ Лидвалю подрядъ на поставку къ 1 января десяти милліоновъ пудовъ хлѣба и выдалъ ему безъ всякаго обезпеченія задатокъ въ размѣрѣ даже нѣсколько большемъ восьмисотъ тысячъ рублей; то и другое было сдѣлано единоличнымъ распоряженіемъ Гурко, такъ что объ этой сдѣлкѣ не было извѣстно ни министру внутреннихъ дѣлъ, ни государственному контролеру, и даже мало кому было извѣстно въ канцеляріи самого Гурко. Выяснилось и то, что взятый Лидвалемъ подрядъ не исполненъ и, судя по ходу поставки, и не можетъ быть исполненъ и что это обстоятельство уже давно было извѣстно Гурко, который однако никому не сообщалъ о немъ. Въ то же время въ газетахъ появились и нѣкоторыя сообщенія, вносящія въ эту исторію своеобразное освѣщеніе, наприм., что какъ разъ передъ заключеніемъ сдѣлки съ Лидвалемъ, внезапно произошла замѣна другимъ лицомъ бывшаго въ продовольственной коммиссіи представителя контроля, что по настоянію Гурко ему было ассигновано 1.600,000 руб. на общественныя работы въ Саратовской губерніи, хотя сумма эта, какъ оказалось потомъ, значительно превышаетъ ту, которая требовалась для этой цѣли губернаторомъ и земствами. Какъ бы то ни было, вопросъ о томъ, были ли въ дѣлѣ

Лидваль допущены какія-нибудь прямыя злоупотребленія, не былъ выясненъ коммиссіею Голубева. Да, пожалуй, онъ и не составляетъ самаго главнаго въ этомъ дѣлѣ. Онъ, конечно, важенъ для самого Гурко и для его характеристики, которая, безъ сомнѣнія, тоже представляетъ нѣкоторый общественный интересъ въ виду того виднаго положенія, которое онъ занималъ въ правительственной средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы постоянно видимъ его выступающимъ въ самыхъ отвѣтственныхъ роляхъ и въ Думѣ, гдѣ онъ полемизируетъ по аграрному вопросу съ Герценштейномъ и пытается внести разладъ между крестьянами и другими депутатами, и въ послѣ-думскомъ аграрномъ законодательствѣ, въ которомъ онъ несомнѣнно принималъ дѣятельное участіе. Но и въ характеристикѣ Гурко для насъ важны не столько его нравственныя качества, знакомство съ которыми было бы сравнительно болѣе трудно, сколько проявлявшіяся съ полной очевидностью легкомысліе, отсутствіе серьезныхъ знаній и убѣжденій и, выражаясь мягко, безграничная самоувѣренность. Вотъ, стало быть, какія качества требуются у насъ теперь для того, чтобы занять одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ правительствѣ. Правда, говорятъ, что положеніемъ своимъ Гурко былъ обязанъ разнымъ закулиснымъ вліяніямъ и покровительствомъ до такой степени высокопоставленнымъ, что они даютъ ему надежду и теперь выйти сухимъ изъ воды. Но Богъ съ нимъ, съ Гурко,— вѣдь это лишь одинъ изъ махровыхъ цвѣтковъ бюрократической флоры. Для насъ гораздо важнѣе тотъ общій порядокъ, при которомъ возможны такіе инциденты, какъ исторія Гурко-Лидваля,—порядокъ, при которомъ участь сотенъ тысячъ людей подвергается серьезной опасности вслѣдствіе, допустимъ даже, только легкомыслія со стороны одного лица, безконтрольно распоряжающагося такимъ важнѣйшимъ общественнымъ дѣломъ, какъ продовольственное. Въ вышедшемъ на-дняхъ сообщеніи министерство внутреннихъ дѣлъ само признаетъ, что его продовольственные «разсчеты были поколеблены неисправностью крупнѣйшаго изъ поставщиковъ, фирмы Лидваль, не выполнившей данныхъ ей на октябрь и ноябрь нарядовъ въ размѣрѣ 6.410,368 пудовъ. Одновременно выяснилось»,—по словамъ сообщенія,—что часть хлѣба, закупленнаго отъ другихъ лицъ, также запоздала доставкой къ назначеннымъ срокамъ. Наиболѣе острымъ представлялось положеніе губерній Пензенской, Самарской, Симбирской, Казанской и Оренбургской, принадлежавшихъ именно къ числу тѣхъ, куда предназначенъ былъ хлѣбъ, купленный у фирмы Лидваль. Недостатокъ продовольствія обнаружился также въ Нижегородской губерніи, гдѣ распоряженіемъ губернскаго присутствія хлѣбъ былъ купленъ самостоятельно у той же фирмы Лидваль. Офиціальныя бумаги имѣютъ свойство сглаживать и обезцвѣчивать всякія реальныя явленія; но если мы захотимъ представить себѣ, что значатъ слова министерскаго сообщенія объ «остромъ положеніи» вышесказанныхъ пяти губерній въ реальной дѣйствительности,— то они будутъ значить вотъ что: во многихъ мѣстностяхъ этихъ губерній уже сейчасъ настоящій голодъ со всѣми его ужасными атрибутами. В

помѣщеніи общеземской организаціи въ Москвѣ показываютъ хлѣбъ, присланный изъ Казанской губерніи, состоящій изъ смѣси муки, желудей и лебеды. По справкѣ, наведенной московскимъ комитетомъ общественной помощи голодающимъ черезъ свое казанское отдѣленіе о происходившей по слухамъ продажѣ въ Тетюшскомъ уѣздѣ (Казан. губ.) татарскихъ дѣвушекъ, выяснилось, что хотя такіе факты скрываются, а потому ихъ трудно подтвердить документально, но само отдѣленіе признаетъ ихъ достовѣрность, мотивируя ихъ ужасающими размѣрами голода въ Тетюшскомъ уѣздѣ. Само собой разумѣется, что скотъ почти весь уже распроданъ: въ одной деревнѣ, состоящей изъ 108 дворовъ, осталось 9 лошадей и 9 коровъ; въ другой, состоящей изъ 123 дворовъ—9 лошадей, 4 коровы и 2 овцы. Были и случаи падежа лошадей отъ голода. Изъ той же Казанской губерніи идутъ слухи, что подъ вліяніемъ голода и безучастнаго отношенія мѣстной администраціи, въ большинствѣ уѣздовъ усматривается среди крестьянъ глухое броженіе и недовольство. Крайній недостатокъ въ продовольствіи отмѣченъ и въ Самарской губерніи. Въ результатѣ и въ ней, и въ Казанской губерніи начинается эпидимическое заболѣваніе голоднымъ тифомъ. Ѣздившій въ эти губерніи д-ръ Жбанковъ сообщаетъ ужасающія подробности о мѣстностяхъ, гдѣ весь бывшій у населенія хлѣбъ съѣденъ, гдѣ за безцѣнокъ распродается послѣдняя скотина, гдѣ крестьяне питаются желудями и лебедой,—да и эти суррогаты хлѣба не всегда имѣются, и гдѣ отъ такой пищи появляется повальная цынга.

Такія же картины рисуетъ князь Львовъ, тоже видѣвшій ихъ самъ на мѣстахъ. Можно себѣ представить, что при такихъ условіяхъ значитъ запозданіе продовольственной помощи, вродѣ происшедшаго отъ неисправности фирмы Лидваль. Она имѣетъ своимъ результатомъ прямо смерть многихъ тысячъ человѣкъ, если и не въ формѣ голодной смерти, то въ формѣ усиленной смертности въ голодающихъ районахъ. А между тѣмъ изъ этихъ самыхъ районовъ идутъ вѣсти, что продовольственный хлѣбъ доставляется крайне медленно. При самомъ оптимистическомъ взглядѣ на дѣятельность администраціи, это утверждаетъ даже г. Галкинъ-Врасскій, объѣхавшій двѣнадцать губерній по порученію попечительства о домахъ трудолюбія. Конечно, впечатлѣнія могутъ быть различны: самарскій губернаторъ г. Якунинъ, лично объѣздившій свою губернію, не нашелъ въ ней голода; но это тотъ самый губернаторъ, который предлагалъ рекомендовать населенію употреблять на кормъ траву «перекати-поле», а потому считалъ совершенно излишней ассигновку на этотъ предметъ. Онъ же не озволилъ общеземской организаціи напечатать въ *Самарскихъ Губернкихъ Вѣдомостяхъ* призывъ къ пожертвованіямъ, заявивъ, что «нельзя :е въ офиціальномъ органѣ прямо говорить, что у меня въ губерніи гоідъ». Вообще, не только мѣстная администрація, но и петербургскія авительственныя сферы до сихъ поръ не могутъ отвыкнуть отъ того гляда, что говорить о голодѣ неблагонамѣренно, что всѣ эти разговоры дутся только для того, чтобы дискредитировать правительство. Свѣдѣ-

ніямъ и разсчетамъ относительно величины нужды, доставляемымъ изъ губерній, принято за правило не довѣрять, не въ томъ смыслѣ, чтобы они подвергались какой-нибудь провѣркѣ, а въ томъ, что они a priori признаются преувеличенными и огульно урѣзываются, какъ будто дѣло идетъ не между учрежденіями, общій интересъ которыхъ состоитъ въ правильномъ опредѣленіи и достаточномъ удовлетвореніи продовольственной нужды, а между двумя торговыми фирмами съ противоположными интересами, изъ которыхъ одна желаетъ взять какъ можно больше, а другая дать какъ можно меньше. Такой пріемъ огульнаго урѣзыванія цифръ примѣненъ былъ въ концѣ августа въ продовольственномъ совѣщаніи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Гурко, когда имѣвшіяся свѣдѣнія о продовольственной нуждѣ, опредѣлявшія ее въ то время въ 93 милліона пудовъ, рѣшено было понизить на 25%. Вскорѣ послѣ того состоялось новое совѣщаніе съ участіемъ мѣстныхъ земскихъ дѣятелей, которые доказали, что требуемая цифра должна быть поднята до 80 милл. пудовъ. Министерство приняло эту цифру, но, руководствуясь прежнимъ методомъ, опять сократило ее на 25%, такъ что въ результатѣ получилось 60 милліоновъ пудовъ. Теперь, въ своемъ отчетѣ или сообщеніи, министерство само заявляетъ, что «размѣръ продовольственной потребности на 15 декабря вмѣсто опредѣленныхъ особымъ совѣщаніемъ 31 августа подъ предсѣдательствомъ Гурго 60.303,750 пуд. опредѣлился въ 69.659,331 пудъ, а сѣменной потребности, вмѣсто 28.342,500 пуд. въ 39.159,344; однако и приведенныя цифры не являются окончательными и болѣе или менѣе значительное увеличеніе ихъ представляется, повидимому, неизбѣжнымъ». Такимъ образомъ всѣ произвольныя урѣзыванія, конечно, не могли измѣнить дѣйствительнаго положенія вещей, и продовольственная потребность нынѣшняго года, другими словами, нынѣшній голодъ въ Россіи по размѣрамъ своимъ оказывается превосходящимъ даже бывшій въ 1891 году. Что же сдѣлано для предотвращенія гибельныхъ послѣдствій его для населенія и насколько принятыя мѣры дѣйствительно достигли своей цѣли? На это министерскій отчетъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта, что признается и въ самомъ отчетѣ. «Болѣе подробная и полная разработка отчетныхъ данныхъ» обѣщается впослѣдствіи, теперь же признается невозможной, «въ виду потребнаго на это значительнаго труда и времени, тѣмъ болѣе, что многіе разсчеты еще не завершены и не поддаются поэтому окончательному учету». «Министерство,—говорится далѣе,—приняло мѣры къ постоянному ознакомленію общества съ ходомъ правительственныхъ мѣропріятій путемъ періодическаго распубликованія важнѣйшихъ данныхъ и цифръ». Однако на точное исполненіе этого обѣщанія трудно надѣяться, судя по тому, что съ августа и до конца декабря не было опубликовано никакихъ свѣдѣній о ходѣ продовольственной операціи, да и сейчасъ изъ того, что опубликовано, нельзя сдѣлать никакого опредѣленнаго вывода о ея успѣшности или неуспѣшности. Въ самомъ дѣлѣ въ министерскомъ сообщеніи мы видимъ только цифры покупокъ, сдѣланныхъ министерствомъ: «за принятыми

мѣрами,—говорится въ немъ,—хлѣбоснабженіе неурожайныхъ губерній на 15 декабря, не считая хлѣба, купленнаго у Лидваля, представляется слѣдующимъ: изъ положенныхъ къ заготовкѣ 69.659,331 пуда продовольственнаго хлѣба куплено мѣстными учрежденіями 23.750,702 и распоряженіемъ министерства—15,647,643; остается закупить 30.260,986 пуд., изъ нихъ 19.490,272 пуд. поручено заготовить губернскимъ присутствіямъ и 10.770,714 пуд. будутъ заготовлены министерствомъ».

Развѣ такія ариѳметическія данныя важны и интересны? Важно бы было знать, аккуратно ли доставляется закупленный хлѣбъ, доходитъ ли онъ въ достаточномъ количествѣ до нуждающихся, какое качество этого хлѣба,—словомъ, насколько дѣйствительно мѣрами принятыми правительствомъ достигается продовольственное обезпеченіе населенія и предотвращаются бѣдствія голода. Но ни о чемъ подобномъ въ министерскомъ сообщеніи нѣтъ и рѣчи. Въ немъ говорится только о покупкахъ, о томъ, что въ первой половинѣ декабря организована покупка хлѣба въ Сибири, обѣщающая быть удачной, что министерство за послѣднее время покупаетъ лишь наличный хлѣбъ, хранящійся въ зернохранилищахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, причемъ не выдается никакихъ авансовъ. На этихъ основаніяхъ во второй половинѣ декабря, сверхъ выше показаннаго количества, куплено 2.060,000 пудовъ наличной ржи по 93 к. за пудъ, съ храненіемъ до весны за счетъ продавцовъ, и 1.457,500 пуд. для немедленной доставки въ Казанскую, Самарскую и Симбирскую по цѣнѣ отъ 72 до 78 коп. кромѣ провоза (откуда?). Въ самое послѣднее время куплено для тѣхъ же губерній, а также Пензенской и Нижегородской 1.022,230 пуд. кукурузы въ Бессарабіи по 51 к. за пудъ на мѣстѣ. Все это, можетъ быть, и хорошо, но все это суть лишь отрывочныя свѣдѣнія, притомъ говорящія только о торговой сторонѣ дѣла, а не о самомъ удовлетвореніи продовольственной нужды, о которомъ мы такъ ничего и не находимъ въ правительственномъ сообщеніи. Странное впечатлѣніе производитъ, между прочимъ, его заключительная фраза:

«Всѣмъ желающимъ предоставляется лично получать справки и свѣдѣнія въ канцеляріи главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства еженедѣльно по вторникамъ, въ присутственные часы». Да какіе же результаты могутъ получить эти желающіе добровольцы изъ канцелярскихъ свѣдѣній, которыя и сама министерская канцелярія не находитъ возможнымъ использовать для составленія дѣйствительно содержательнаго отчета? А между тѣмъ съ мѣста идутъ извѣстія, что именно въ той важнѣйшей части продовольственнаго дѣла, о которой не говоритъ отчетъ, существуютъ и помимо Лидваля большіе недочеты и даже злоупотребленія. Въ Лаишевскомъ уѣздѣ чуть было не возникли безпорядки изъ-за того, что продовольственный хлѣбъ оказался съ червями. Изъ Казани въ газету *Русь* телеграфируютъ, что доставленная для деревни Бѣловоложекъ Тетюшскаго уѣзда партія продовольственнаго хлѣба представляетъ собою отвратительную смѣсь низкопробнаго зерна съ сорными травами, жучками и личин-

ками. Изъ разныхъ мѣстъ идутъ извѣстія, что продовольственная ссуда либо совсѣмъ не доходитъ, либо—вмѣсто ржи посылается овесъ, или негодный проросшій хлѣбъ, или съ примѣсью куколя. Можетъ быть, иной разъ въ несвоевременной помощи виновата и канцелярская волокита. Въ Нижегородской губернской управѣ лежали сто тысячъ рублей продовольственныхъ денегъ въ то время какъ крестьяне Лукояновскаго, Сергачскаго и Василевскаго уѣздовъ раскрывали крыши и распродавали скотъ. Но иной разъ администрація и сознательно заставляетъ населеніе голодать, несмотря на продовольственную помощь. Условіемъ полученія ссуды ставится предварительная уплата податей. Въ Саратовскомъ уѣздѣ волостныя правленія одновременно составляютъ и списки на выдачу продовольственной ссуды и опись крестьянскаго имущества для продажи его за недоимки. То же дѣлается въ Цивильскомъ уѣздѣ. Есть много извѣстій и слуховъ о разныхъ гешефтахъ на почвѣ голода и продовольственныхъ операцій. Такъ, изъ Стерлитамака писали въ *Русскія Вѣдомости* о нѣкоемъ дѣльцѣ въ Уфѣ, закупавшемъ хлѣбъ съ выдачей небольшихъ задатковъ, потомъ застраховавшемъ его выше всей его стоимости и, наконецъ, получившемъ въ Петербургѣ подъ страховые полисы такую сумму, что послѣ этого онъ счелъ за лучшее исчезнуть вмѣстѣ съ нею.

Болѣе громкую и широкую огласку получило дѣло Я. Д. Слободчикова, крупнаго самарскаго землевладѣльца, взявшаго на себя снабженіе хлѣбомъ населенія Самарской губерніи. Имѣя большія родственныя и дружескія связи и въ средѣ мѣстнаго управленія, и въ Петербургѣ, Слободчиковъ монополизировалъ въ своихъ рукахъ продовольственное дѣло по Самарской губерніи, въ чемъ ему помогали два сына и зять, всѣ трое земскіе начальники. Оказалось, что Слободчиковымъ былъ купленъ хлѣбъ въ Курскѣ по цѣнѣ 98 коп., тогда какъ въ Царицынѣ за такой же просили 85 коп., такъ что переплачено было около 100 тысячъ рублей. Затѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Слободчиковъ предлагалъ мѣстному биржевому комитету выдать ему удостовѣреніе объ арендной цѣнѣ амбаровъ для храненія продовольственнаго хлѣба по двѣ копѣйки съ пуда, тогда какъ дѣйствительная цѣна была не выше полкопѣйки. Кое-гдѣ всплывали и другія мѣстныя исторіи въ такомъ же родѣ, доказывающія во всякомъ случаѣ то, что съ продовольственнымъ дѣломъ на мѣстахъ далеко не все обстоитъ вполнѣ благополучно. Министерство однако всѣмъ этимъ мало интересуется. Для него достаточно, чтобы въ такомъ-то засѣданіи были сдѣланы такія-то постановленія, послѣ которыхъ будутъ разосланы распоряженія и циркуляры и назначены соотвѣтственныя ассигновки; а какія страданія вслѣдствіе того или иного выполненія этихъ постановленій и распоряженій будутъ переноситься сотнями тысячъ голодающаго населенія—это для бюрократіи вопросъ второстепенный и не стоящій того, чтобы говорить о немъ въ офиціальномъ сообщеніи. Характерная особенность бюрократической души это—ея невозмутимость и отсутствіе всякихъ сомнѣній.

Общественное мнѣніе въ лицѣ народныхъ представителей единогласно высказывается противъ смертной казни. «А мы, говоритъ бюрократія,— считаемъ, что нужно ввести военно-полевые суды»,—и вводятъ ничтоже сумняшеся. Вы не сумѣете вести продовольственное дѣло, говорятъ имъ; нѣтъ, мы все умѣемъ, и дѣло передается въ единоличное завѣдываніе Гурко. Вы незнакомы съ народной жизнью, не касайтесь ея. «Нѣтъ, мы и тутъ знаемъ все лучше всѣхъ», — и наканунѣ созыва Думы издается законъ 9 ноября, вносящій непоправимую путаницу въ самыя основы народной жизни.

Въ прошлой книжкѣ *Русской Мысли* уже было сказано о содержаніи и значеніи закона 9 ноября. Законъ этотъ подвергся подробному и обстоятельному разбору и обсужденію въ періодической литературѣ. Но, сколько намъ извѣстно, всѣ писавшіе о немъ разсматривали его съ точки зрѣнія измѣненій, вносимыхъ имъ въ отношенія отдѣльныхъ дворовъ или домохозяевъ къ общинѣ; но есть другая сторона дѣла, на нашъ взглядъ едва ли менѣе важная, которой, какъ кажется, никто не касался, и на которой поэтому мы считаемъ нужнымъ остановиться. Дѣло въ томъ, что юридическою особенностью великороссійскаго крестьянскаго землевладѣнія было не только общинное владѣніе землею съ передѣлами, но то положеніе, признаваемое обычнымъ крестьянскимъ правомъ даже и тамъ, гдѣ не было передѣловъ, что субъектомъ земельнаго владѣнія было не лицо, а дворъ, т.-е. семейно-трудовая группа. Представителемъ этой группы былъ домохозяинъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось распоряженіе всѣмъ хозяйствомъ двора, т.-е. находящейся въ его пользованіи надѣльной землей, живымъ и мертвымъ инвентаремъ, жилыми и хозяйственными постройками, находящимися въ предѣлахъ надѣла, получаемыми отъ земли и другихъ побочныхъ промысловъ продуктами и находящимися въ обще-хозяйственномъ оборотѣ деньгами. Неотдѣленный членъ семьи, даже работающій на сторонѣ, обязанъ былъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, отдавать весь свой заработокъ домохозяину. Домохозяинъ являлся представителемъ двора и на сельскомъ сходѣ, и во всякихъ внѣшнихъ сношеніяхъ; къ нему же обращалось всякое начальство съ требованіемъ уплаты податей и выполненія повинностей. Но хотя домохозяинъ и пользовался всей полнотой хозяйственной власти въ семьѣ, но онъ вовсе не былъ собственникомъ семейнаго имущества. Онъ не могъ ни продать, ни заложить недвижимаго имущества семьи, а движимое хотя и могъ продать, но только для нуждъ семьи и ея хозяйства, а не своихъ личныхъ. Конечно, это требованіе не распространялось на предметы ежедневнаго потребленія и вообще не строго соблюдалось, не только со стороны домохозяина, но и со стороны другихъ членовъ семьи, но явное и въ обширныхъ размѣрахъ нарушеніе его признавалось противнымъ обычному праву и вызывало протесты въ семьѣ и несочувствіе внѣ ея. Самый дворъ, представлявшій собою юридическую, коллективную личность владѣльца, не былъ союзомъ только родственнымъ; напротивъ, въ основѣ его гораздо болѣе лежало трудовое начало: отдѣ-

ленные члены семьи, какъ бы они ни были близки къ ней въ родственномъ смыслѣ, не имѣли никакихъ правъ на имущество и доходы двора: дочери или сестры домохозяина, вышедшія замужъ въ другой дворъ, тоже не пользовались никакими правами по отношенію къ тому двору, изъ котораго онѣ вышли. Напротивъ, дочь или сестра, оставшаяся послѣ замужества въ прежнемъ дворѣ, давала право своему мужу, «вошедшему въ домъ», на участіе въ общемъ имуществѣ и хозяйствѣ двора, причемъ на него ложилась и обязанность своимъ трудомъ и заработкомъ, наравнѣ съ прочими членами семьи, содѣйствовать ея экономическому благосостоянію. Самое званіе домохозяина не было обусловлено опредѣленнымъ семейнымъ положеніемъ, а скорѣе трудовой и распорядительной способностью. Обыкновенно домохозяиномъ признавался отецъ семьи, но если общаго отца не было въ живыхъ, а семья не дѣлилась, то домохозяиномъ становился старшій, а иногда и не старшій братъ. Даже при жизни старика, если онъ уже выжилъ изъ лѣтъ и неспособенъ былъ распоряжаться семейнымъ хозяйствомъ, онъ отказывался или устранялся отъ званія домохозяина и замѣнялся однимъ изъ старшихъ въ семьѣ. Если въ семьѣ оставалась только взрослая женщина съ малолѣтними дѣтьми, то до ихъ возраста и она считалась домохозяйкою, со всѣми правами и обязанностями, присвоенными домохозяину, даже до права участія на сельскомъ сходѣ. Изъ такого положенія вещей естественно вытекало то, что по отношенію къ имуществу крестьянскаго двора ни у кого не могло быть никакихъ наслѣдственныхъ правъ. Дворъ не умиралъ, за исключеніемъ того случая, когда вымиралъ весь его составъ, причемъ имущество его, какъ вымороченое, переходило во владѣніе общины. При измѣненіи же состава двора смертію или выбытіемъ однихъ его членовъ и рожденіемъ или вступленіемъ со стороны другихъ не происходило никакого наслѣдованія, ибо владѣльцемъ семейнаго имущества и обладателемъ хозяйственныхъ правъ семьи продолжала оставаться все та же, хотя и измѣнившаяся въ своемъ составѣ, коллективная юридическая личность. И домохозяинъ заступалъ мѣсто прежняго домохозяина вовсе не въ силу наслѣдственнаго права, а по выбору или по обычаю, какъ управляющій или распорядитель, замѣнявшій прежняго управляющаго. Точно также и раздѣлъ двора совершался на основаніи признанія трудовой самостоятельности каждой изъ раздѣляющихся частей, а не какихъ-либо наслѣдственныхъ правъ лицъ, входящихъ въ ихъ составъ. Малолѣтніе, конечно, переходили вмѣстѣ съ родителями, взрослые же распредѣлялись по взаимному соглашенію. Имущество дѣлилось по взаимному согласію или при содѣйствіи мірского схода.

Во всякомъ случаѣ принципіально признавалось право на часть общаго имущества обѣихъ дѣлящихся частей семьи, какъ той, въ которой оставался старый домохозяинъ, такъ и той, которая уходила изъ-подъ его вѣдѣнія и образовала самостоятельный дворъ съ новымъ домохозяиномъ. Усадьба иногда дѣлилась въ натурѣ, если она была настолько велика, что допускала возможность возведенія новыхъ жилыхъ и хозяйственныхъ по-

строемъ рядомъ со старыми, въ противномъ случаѣ для новой усадьбы отводилось міромъ особое мѣсто, обыкновенно на краю селенія. Надѣльная земля, конечно, распредѣлялась между двумя дворами по приговору мірского схода. Такой порядокъ, очевидно, въ корнѣ различный отъ права личной собственности и законовъ гражданскихъ, изложенныхъ въ X томѣ свода законовъ, не только испоконъ вѣка признавался крестьянскимъ міромъ, но вообще санкціонировался и правительствомъ и государственнымъ законодательствомъ, хотя послѣднее и вносило въ него разныя нарушающіе его правила и запреты, вродѣ правилъ о раздѣлахъ и т. п. Нельзя не признать, что и самая жизнь, въ особенности постепенно совершавшійся переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, развитіе фабричныхъ и отхожихъ промысловъ, покупка значительнымъ числомъ крестьянъ земли въ свою личную собственность,—что все это вносило замѣтныя измѣненія въ тотъ первобытный строй крестьянскаго хозяйства, который нами описанъ въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ. Но всѣ эти измѣненія совершались сообразно съ измѣненіемъ реальныхъ условій жизни, а не въ силу случайнаго распоряженія свыше, ни съ какими реальными условіями не считающагося и даже не ставящаго себѣ и вопроса о томъ, какія послѣдствія оно можетъ имѣть для семейно-хозяйственнаго строя крестьянства. Между тѣмъ такіе вопросы возникаютъ сами собой. По новому закону право заявленія о выдѣлѣ участка изъ общиннаго владѣнія принадлежитъ домохозяину, т.-е. тому члену семьи, который въ данный моментъ считается домохозяиномъ. Имѣютъ ли при этомъ какія-нибудь права и другіе члены семьи? Повидимому нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ законѣ объ этомъ ничего не говорится. А между тѣмъ интересы этихъ другихъ членовъ семьи очень затрогиваются выдѣломъ участка: вѣдь онъ выдѣляется въ личную собственность домохозяина, который можетъ его заложить, довести до продажи, словомъ, можетъ по своему усмотрѣнію лишить семью ея земельнаго владѣнія. Но если онъ этого даже и не сдѣлаетъ, то онъ можетъ умереть; въ такомъ случаѣ земельный участокъ, какъ составлявшій его личную собственность, долженъ будетъ перейти къ его наслѣдникамъ на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ. Если у умершаго остались дѣти, то все имущество перейдетъ къ нимъ; даже выдѣленные раньше сыновья и дочери могутъ предъявить претензію на ихъ долю наслѣдства. А въ какомъ же положеніи окажутся въ такомъ случаѣ братья, племянники и другіе члены семьи умершаго домохозяина, выдѣлившіеся вмѣстѣ съ нимъ изъ общины, но не имѣющіе никакой доли ни въ личномъ владѣніи умершаго домохозяина, ни, при дѣтяхъ, въ оставшемся послѣ него наслѣдствѣ? Они должны будутъ остаться совершенно ни при чемъ; а такихъ безправныхъ членовъ семьи очень много: прежде всего всѣ неженатые младшіе братья, а затѣмъ много и такихъ, которые имѣютъ свою личную семью: жену и дѣтей, но которые вслѣдствіе разныхъ причинъ, можетъ быть даже вслѣдствіе запрещенія начальства, не отдѣлились въ самостоятельный домъ. Если ко всѣмъ имъ будетъ прилагаться обще-гражданскій законъ,

то уже однимъ этимъ путемъ пролетаризація крестьянства пойдетъ такимъ быстрымъ темпомъ, какого не ожидали, конечно, самые правовѣрные марксисты. Если законъ 9 ноября не имѣлъ этого въ виду, если подъ личнымъ владѣніемъ въ данномъ случаѣ надо понимать что-нибудь другое, а не то личное владѣніе, о которомъ говорится въ X томѣ св. зак., то это, во всякомъ случаѣ, слѣдовало пояснить и точно опредѣлить, что, очевидно, не легко. Неяснымъ остается и вопросъ о томъ: что же, могутъ быть раздѣлы послѣ выдѣла участка въ личную собственность домохозяина или нѣтъ? Если могутъ, то на какомъ основаніи? И какія имущественныя права выдѣляющихся? Если раздѣлы будутъ происходить на прежнемъ основаніи, то это опять будетъ нарушеніемъ общегражданскаго закона, не допускающаго при жизни личнаго собственника никакого обязательнаго выдѣла изъ его собственности даже въ пользу ближайшихъ наслѣдниковъ. Если же раздѣлы не будутъ допускаться послѣ выдѣленія участка въ личную собственность домохозяина, то въ какомъ же положеніи очутятся тѣ члены семьи, которые даже и въ будущемъ не могутъ разсчитывать на наслѣдство?

Мы остановились на этой сторонѣ вопроса о послѣдствіяхъ закона 9 ноября, потому что на нее менѣе было обращено вниманія въ литературѣ, чѣмъ на другія его стороны. Но, конечно, не мало затрудненій и путаницы внесетъ въ крестьянское хозяйство и самый выдѣлъ земельныхъ участковъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію А. А. Кауфмана, высказанному имъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, изъ всѣхъ мыслимыхъ формъ землевладѣнія нѣтъ хуже черезполосицы при разнообразіи основаній и правъ владѣнія черезполосными землями. Правда, идеальной формой крестьянскаго землевладѣнія законъ 9 ноября выставляетъ не черезполосное владѣніе земельными участками, перешедшими въ личную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, а образованіе «отрубныхъ» участковъ, на которыхъ могло бы вестись «хуторское» хозяйство. Мы не будемъ здѣсь разсуждать съ общей точки зрѣнія о большей или меньшей выгодности общиннаго владѣнія или отдѣльныхъ хуторскихъ хозяйствъ; этотъ вопросъ очень подробно обсуждался въ литературѣ и въ разныхъ совѣщаніяхъ и комитетахъ, при чемъ защитниками того и другого взгляда выставлялись свои основанія и доказательства, но окончательнаго, безспорнаго рѣшенія онъ и по сю пору не получилъ. Но что для насъ вполнѣ ясно и несомнѣнно, такъ это то, что самый переходъ отъ существующаго положенія вещей къ хуторскому хозяйству путемъ выдѣленія изъ общаго надѣла и отведенія къ одному мѣсту личныхъ участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ представитъ такія чисто-практическія затрудненія, которыя почти граничатъ съ невозможностью его выполненія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь только разсуждая въ петербургской канцеляріи, а не на мѣстѣ, можно не видѣть, какъ трудно выдѣлить изъ цѣлаго общественнаго надѣла такой участокъ, который совмѣщалъ бы въ себѣ все необходимое для веденія на немъ хуторского хозяйства. Начать съ того, что всѣ наши великорусскія деревни

расположены такъ, что усадьбы, т.-е. жилыя и хозяйственныя постройки съ прилежащими къ нимъ огородами, занимаютъ длинную линію, находящуюся болѣе или менѣе въ серединѣ надѣла. Кругомъ усадебъ въ разныя стороны идутъ поля, состоящія изъ трехъ частей: озимаго, ярового и парового поля, ежегодно чередующихся согласно съ условіями трехпольной системы хозяйства. Ко всѣмъ полямъ изъ деревни идутъ дороги, касающіяся всѣхъ полосъ отдѣльныхъ хозяевъ, на которыя раздѣлено каждое поле. Дальше за полями идутъ обыкновенно покосы и выгоны и еще дальше, на окраинахъ, лѣсъ, если таковой имѣется. Конфигурація площадей отдѣльныхъ угодій, конечно, зависитъ также отъ природныхъ свойствъ самой мѣстности. Особенно важное значеніе для расположенія какъ отдѣльныхъ угодій, такъ и самаго селенія имѣютъ естественные водоемы: рѣки, ручьи и озера. Спрашивается: есть ли возможность выдѣлить къ одному мѣсту, изъ такой, приноровленной и къ хозяйственнымъ условіямъ и къ естественнымъ особенностямъ мѣстности, фигуры кусокъ, въ которомъ было бы все: и усадьба, и пашня, и покосъ, и выгонъ, и водопой, и дорога и который бы равнялся тридцатой, сороковой и т. д. части всего надѣла, смотря по количеству дворовъ въ общинѣ? Очевидно, эта задача совершенно неразрѣшимая даже по отношенію къ одному выдѣляющемуся домохозяину, а тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, если охотниковъ получить «отрубной» участокъ явится нѣсколько и всѣ они, конечно, пожелаютъ получить лучшіе куски. Поэтому мы думаемъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ требованіе выдѣла участка къ одному мѣсту, за несостоявшимся соглашеніемъ, сведется къ требованію выдѣляющимися домохозяевами отъ обществъ выплаты стоимости ихъ земли не по старой выкупной, а по новой возвышенной оцѣнкѣ. Только какимъ образомъ можно заставить общество заплатить по этому требованію?

Во время писанія этой статьи дѣло Гурко-Лидваля вступило въ новый фазисъ. Коммиссія, производившая разслѣдованіе, обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла, пришла къ заключенію, что дѣйствія Гурко, а также управляющаго земскимъ отдѣломъ Литвинова, не произведшаго надлежащей провѣрки обезпеченности сдѣлки съ Лидвалемъ, заключаютъ въ себѣ признаки дѣяній, предусмотрѣнныхъ въ уложеніи о наказаніяхъ въ ряду преступленій и проступковъ, за которые наказанія могутъ быть положены лишь по суду, для чего донесеніе коммиссіи должно быть передано въ первый департаментъ государственнаго совѣта. Кромѣ того коммиссія нашла нужнымъ привлечь къ дѣлу также и нижегородскаго губернатора барона Фредерикса тоже за заключеніе съ Лидвалемъ ничѣмъ необезпеченнаго договора о поставкѣ продовольственнаго хлѣба. То и другое заключеніе удостоились Высочайшаго уваженія.

В. Линдъ.

Иностранная политика.

Россія и Японія.

Съ напряженнымъ, мучительнымъ вниманіемъ смотритъ русское общество на совершающійся процессъ государственнаго перерожденья, на тотъ кризисъ, въ которомъ находится Россія—и, естественно, ему трудно удѣлить надлежащую долю своего вниманія другимъ проблемамъ, которыя оставляетъ 1906 г. Можетъ ли оно интересоваться тѣмъ, что происходитъ на Дальнемъ Востокѣ, когда судьба самой Россіи въ ея цѣломъ, судьба народной свободы и народнаго благосостоянія постоянно ставится на карту, когда призраки долголѣтней безумной реакціи и кровавой анархіи вновь подымаются на горизонтѣ, и все безнадежнѣе уходитъ въ даль перспектива умиротворенья на почвѣ свободы и права!

И однако было бы глубокимъ легкомысліемъ поддаться всецѣло этому настроенію и оставить въ сторонѣ событія, развертывающіяся на Дальнемъ Востокѣ. Недалекъ, быть можетъ, часъ, когда отвѣтственность за государственную жизнь въ ея цѣломъ перейдетъ къ правительству, опирающемуся на довѣріе народнаго представительства, дѣйствующему въ согласіи съ этимъ послѣднимъ. Правда, наши основные законы изъемлютъ цѣликомъ область внѣшней политики изъ вѣдѣнія Государственной Думы, но это не избавляетъ послѣднюю отъ необходимости отдать себѣ ясный отчетъ въ основныхъ задачахъ, диктуемыхъ современнымъ международнымъ положеніемъ Россіи, которое тѣсно связано и съ нашей внутренней жизнью. И именно для этого необходимо отдать себѣ ясный отчетъ, какой политики должны мы держаться въ Восточной Азіи, какіе у насъ здѣсь реальные интересы и какія дѣйствительныя, а не вымышленныя опасности здѣсь намъ угрожаютъ.

Такая необходимость диктуется намъ и осложненіями, происшедшими въ русско-японскихъ переговорахъ конца 1906 г. Въ извѣстной части русской прессы имъ было придано преувеличенное значеніе, въ нихъ усмотрѣли призракъ надвигающейся войны. Позднѣйшія разъясненія устранили эту непосредственную опасность, которую нѣкоторые круги непрочь были бы эксплоатировать въ своихъ политическихъ цѣляхъ. Но если намъ въ дан-

ную минуту такой опасности не угрожаетъ, это не значитъ, чтобы на побережьи Тихаго океана не подготовлялись событія всемірно-историческаго смысла, глубоко затрогивающія и Россію.

Вглядываясь въ исторію нашей дальневосточной политики, которую намъ теперь приходится ликвидировать, мы прежде всего поражаемся ея чрезвычайной безсистемностью и случайностью. Даже если на минуту допустить, что эти предпріятія въ духѣ показного имперіализма имѣли нѣкоторое оправданіе, что въ нихъ были элементы, не чуждые національнымъ интересамъ—даже тогда непонятно это отсутствіе всякой опредѣленной цѣли. Неизвѣстно было, идетъ ли дѣло о колонизаціи Манчжуріи, или о созданіи военнаго порта на Тихомъ океанѣ, который долженъ служить опорой русскаго вліянія на Китай. И въ дополненіе къ манчжурской политикѣ, которая одна требовала чрезмѣрнаго напряженія силъ, предпринимались попытки утвердиться въ Кореѣ—то на рѣкѣ Ялу, то на южномъ ея побережьи въ Мазампо, и расширяя безо всякаго разумнаго основанія эти дальневосточныя притязанія, расширяли также и область уязвимости, обостряли и ускоряли конфликтъ съ Японіей.

Если не было яснаго сознанія цѣлей, то еще менѣе задумывались надъ вопросомъ, какой цѣной оплачивалось достиженіе этихъ цѣлей, не задумывались и надъ реальнымъ соотношеніемъ силъ въ Восточной Азіи. Объ этомъ не думали, когда рѣшали проводить сибирскую магистраль черезъ Манчжурію, когда заключали ежегодный договоръ относительно Ляодунскаго полуострова, когда хотѣли парализовать японское вліяніе въ Кореѣ. Объ этомъ не думалось, когда послѣ симоносекскаго мира Россія вмѣстѣ съ Германіей и Франціей становилась между побѣдившей Японіей, не думали и за нѣсколько дней до ночной атаки японской миноносной флотиліи на нашу тихоокеанскую эскадру, стоявшую на рейдѣ Портъ-Артура.

Конечно, и наша боевая слабость и боевая готовность Японіи явились открытіемъ не только для насъ, но и для западно-европейскаго міра. Казалось невѣроятнымъ, чтобы эта страна, которая еще такъ недавно была исключена изъ международнаго общенія, гдѣ европейскіе подданные были изъяты изъ вѣдѣнія мѣстныхъ судовъ и подчинены консульской юрисдикціи, чтобы и эта страна могла получить рѣшающій голосъ въ міровыхъ проблемахъ. Многіе изслѣдователи указывали на ростъ японской арміи и флота, на ея качественныя достоинства; такой скептикъ, какъ Дюмоларъ, убѣждавшій европейцевъ не вѣрить прочности японской культуры, совершенно однако признавалъ безспорность успѣховъ на почвѣ милитаризма. Если не въ вопросѣ о качествѣ, то въ вопросѣ о количествѣ были глубокія заблужденія; достаточно указать на данныя такого серьезнаго изслѣдователя, какъ Богуславскій, онѣ оказались совершенно несоотвѣтствующими дѣйствительной численности японскихъ войскъ.

Съ другой стороны, сила Россіи въ Восточной Азіи переоцѣнялась далеко не только у насъ. Въ своей книгѣ L'Empire du milieu Элизе Реклю

уже предвидить въ близкомъ будущемъ, какъ русское правительство станетъ диктовать свою волю въ Пекинѣ. Мы уже не говоримъ о паназіатическихъ мечтаніяхъ кн. Ухтомскаго, который предлагалъ русской дипломатіи стать во главѣ монгольскаго востока, столь родственнаго русскому народу и русскимъ государственнымъ формамъ, и противопоставлялъ этотъ міръ восточный міру западной Европы, который приближается къ матеріальному и культурному упадку.

Всѣ эти разсчеты и перспективы были опрокинуты грозными событіями русско-японской войны: на поляхъ Мукдена, въ водахъ Корейскаго пролива произошло перемѣщеніе міровыхъ силъ, которое дало себя почувствовать за много тысячъ верстъ отъ Тихаго океана—въ Марокко, напримѣръ. Вставалъ не фантастическій призракъ желтой опасности, обрисовывались очертанія нарождающейся реальной гегемоніи новой великой державы. Магистраль всемірной исторіи, какъ нѣкогда предсказывалъ В. С. Соловьевъ, дѣйствительно перемѣщалась. При такихъ условіяхъ портсмутскій миръ могъ являться относительнымъ дипломатическимъ успѣхомъ Россіи; притязаніямъ японскаго имперіализма ставились всетаки извѣстныя грани, и можно было на первый взглядъ думать, что на Дальнемъ Востокѣ образовалось нѣкоторое равновѣсіе.

Чтобы оцѣнить дѣйствительное положеніе вещей, напомнимъ въ краткихъ чертахъ, что было достигнуто портсмутскимъ миромъ. Японія прежде всего получила неоспоримую гегемонію въ Кореѣ. «Россійское императорское правительство, признавая за Японіей въ Кореѣ преобладающіе интересы политическіе, военные и экономическіе, обязуется не вступаться и не препятствовать тѣмъ мѣрамъ руководства, покровительства и надзора (mesures de direction, de protection et de contrôle), которыя императорское японское правительство могло бы почесть необходимымъ принять въ Кореѣ». Далѣе въ Манчжуріи вся территорія возвращалась Китаю—это былъ выигрышъ, который Китай выносилъ изъ войны. Срокъ для очищенія Манчжуріи намѣчался въ 18 мѣсяцевъ—вѣроятно, онъ былъ заимствованъ изъ обязательства Россіи, о которомъ было опубликовано 30 марта 1902 г. правительственное сообщеніе—очистить Манчжурію въ такой же срокъ послѣ военной оккупаціи, происходившей во время дѣйствій союзныхъ войскъ. Еще важнѣе было для Китая дальнѣйшая оговорка, по которой россійское Императорское правительство объявляетъ, что оно не обладаетъ въ Манчжуріи земельными преимуществами либо преференціальными, или исключительными концессіями, могущими затронуть суверенныя права Китая, или несовмѣстимыми съ принципомъ равноправности другихъ державъ. Это признаніе, на которое русскіе представители въ Порстмутѣ пошли безъ особыхъ возраженій, ссылаясь, что оно не распространяется на оговоренную въ спеціальныхъ договорахъ восточно-китайскую дорогу, являющуюся частью сибирской магистрали, это признаніе отвѣчало, конечно, не только интересамъ Китая, но и стремленіямъ великихъ державъ, тѣмъ болѣе, что и Россія и

Японія далѣе давали взаимное обязательство не препятствовать Китаю устанавливать въ Манчжуріи политику открытыхъ дверей.

Если такимъ образомъ Портсмутскій миръ, поскольку дѣло касалось Манчжуріи, отвѣчалъ интересамъ и Китая, и международнаго обмѣна, то для самой Японіи онъ создавалъ исключительно благопріятное положеніе, передачей въ ея руки арендныхъ правъ на Портъ-Артуръ, Таліенъ и вообще территорію Ляодунскаго полуострова, а также передачей желѣзной дороги отъ Куанъ-ченъ-цзы до Портъ-Артура, причемъ запрещеніе использовать желѣзную дорогу въ стратегическихъ цѣляхъ не распространялось на Ляодунскій полуостровъ. Японія пріобрѣтала могущественную военную позицію на материкѣ Азіи, возможность оказывать давленіе на столицу Китая; что касается Россіи, то у ней оставались въ Манчжуріи права наиболѣе благопріятствуемой страны, т.-е. ей предоставлялось вести свободную конкуренцію прежде всего съ той же Японіей, а также Америкой, что при существующемъ положеніи русскаго экспорта, при существующемъ уровнѣ у насъ духа предпріимчивости и бѣдности капиталами не обѣщало намъ никакихъ серьезныхъ успѣховъ. Далѣе за Россіей оставалась восточно-китайская дорога, но очевидно теперь первенствующее значеніе пріобрѣтала линія Манчжурія—Харбинъ—Пограничная, связывающая Иркутскъ съ Владивостокомъ, и не оставшійся за нами участокъ Харбинъ—Куанченцы,—участокъ желѣзной дороги, ведущей къ японскому Портъ-Артуру.

Наконецъ, въ районѣ сибирскаго побережья Тихаго океана японцы пріобрѣтали важныя преимущества. Терялъ силу прежній договоръ съ Россіей, 1876 г., который пользовался въ Японіи чрезвычайной непопулярностью, и въ силу котораго Сахалинъ обмѣнивался на пустынные Курильскіе острова. Теперь Японія получила весь югъ Сахалина до 50° широты. Правда, она обязывалась, какъ и Россія, не возводить тамъ укрѣпленій, какъ и не предпринимать военныхъ мѣръ въ Лаперузовомъ и Татарскомъ проливахъ; но очевидно, до какой степени было бы трудно достичь надлежащихъ гарантій для этого договора. И экономическая важность этого пріобрѣтенія значительно увеличивалась обязательствомъ, которое взяла на себя Россія войти съ Японіей въ соглашеніе въ видахъ предоставленія японскимъ подданнымъ правъ по рыбной ловлѣ вдоль береговъ русскихъ владѣній въ Японскомъ, Охотскомъ, Беринговомъ моряхъ.

Конечно, два требованія Японіи, наиболѣе болѣзненно поражавшія національное самолюбіе Россіи—уплата контрибуціи и ограниченіе правъ ержать военныя суда въ водахъ Тихаго океана, были отвергнуты русскими представителями, настаивавшими на томъ, что Россія вовсе не есть обѣжденная страна, что ни одна часть ея территоріи еще не занята понцами. Тѣмъ не менѣе реальный выигрышъ Японіи былъ огромный, нъ создавалъ ей положеніе въ Восточной Азіи далеко болѣе благопріятное, чѣмъ то, каковое она получила благодаря симоносекскому договору. аво Россіи держать военный флотъ не ограничивалось, но Цусима

уже рѣшила этотъ вопросъ фактически. Мы не платили контрибуціи, но теряли лучшую половину Сахалина и допускали на своемъ побережьи своего рода сервитутъ въ пользу японцевъ—ибо право рыбной ловли предполагаетъ и устройство побережныхъ поселковъ. Къ тому же самая неопредѣленность текста договора уже заранѣе позволяла предполагать, что болѣе сильная сторона будетъ истолковывать его въ наиболѣе для себя выгодную сторону. Насколько широко понижено вышеуказанное предоставленіе японскимъ подданнымъ правъ по рыбной ловлѣ? Какой характеръ долженъ былъ носить новый договоръ о торговлѣ и мореплаваніи, который воюющія стороны обязывались опредѣлить послѣ заключенія мира? Отказъ Россіи отъ всякихъ преференціальныхъ правъ въ Манчжуріи не предполагалъ ли уничтоженіе айгунскаго договора 1885 г., согласно которому плаваніе по этой рѣкѣ предоставляется лишь Россіи и Китаю!

Но понять длительные результаты портсмутскаго мира было бы невозможно, ограничиваясь лишь текстомъ договора. Прежде всего мы не должны забывать, что за десять дней до 12 августа 1905 г. было подписано соглашеніе между Японіей и Англіей, извѣстное подъ именемъ второго соглашенія Лансдоуна—Гайяши. Въ общемъ оно не только возобновляло англо-японскій союзный договоръ, заключенный въ 1902 г., но и давало ему болѣе широкое основаніе. Прежде всего договоръ 1902 г. требовалъ вооруженнаго вмѣшательства со стороны каждой изъ вступившихъ въ союзъ державъ, если другая будетъ находиться въ войнѣ противъ двухъ какихъ-либо державъ. Такимъ образомъ во время русско-японской войны Англія была бы обязана оказать вооруженную помощь Японіи лишь въ томъ случаѣ, если бы съ Россіей соединилась, напримѣръ, Франція. Теперь при войнѣ даже противъ одного государства, которую будетъ вести Англія или Японія, другая союзная держава также должна начать войну.

Далѣе расширяется и сфера договора: въ 1902 г. имѣлись въ виду лишь Корея и Китай, теперь рѣчь уже идетъ о сохраненіи и укрѣпленіи общаго мира въ странахъ Дальняго Востока—Индіи, а Японія признаетъ право Англіи принять такія мѣры близъ индійской границы, какія она можетъ найти необходимымъ для охраненія ея индійскихъ владѣній. Здѣсь, повидимому, рѣчь прежде всего идетъ о Тибетѣ, на который направлены были имперіалистскіе замыслы вице-короля Индіи лорда Керзона, но, быть можетъ, за нѣсколько уклончивыми терминами ставится вопросъ о защитѣ индійской границы отъ нападенія съ сѣвера, вопросъ о возможной перспективѣ движенія Россіи на Индію. Какъ бы ни была фантастична эта перспектива, мысль о ней не покидаетъ англійское общественное мнѣніе. Всѣмъ памятны сенсаціонныя заявленія, которыя дѣлалъ въ европейской печати Суематзу, говорившій о возможномъ соглашеніи Японіи и Англіи, причемъ японская армія въ случаѣ опасности, угрожающей британскимъ владѣніямъ въ Остъ-Индіи, должна быть предоставлена для ея защиты.

Какіе бы болѣе отдаленные планы ни скрывались подъ выраженіями договора—ясно одно, что для учета міровыхъ силъ онъ пріобрѣталъ

исключительное значеніе. Англія выходила изъ состоянія и блистательной изолированности, которое составляло ея гордость и славу; она принимала тяжелое обязательство,—поддерживать своимъ политическимъ и моральнымъ вѣсомъ наступательную политику Японіи. Намѣчался грандіозный планъ разграниченія сферъ вліянія въ Восточной Азіи, и Японія чувствовала, что достигнутые ею успѣхи получили могущественную гарантію, что надолго она оказывается въ безопасности отъ всякихъ попытокъ реванша. Отнынѣ всякая новая политика европейскихъ державъ на Дальнемъ Востокѣ могла разсчитывать на успѣхъ лишь постольку, поскольку она не шла противъ образовавшейся могущественной коалиціи.

Такимъ образомъ пріобрѣтенія портсмутскаго мира дѣлаются прочными благодаря тому, что за нимъ стоитъ англо-японскій договоръ. Съ другой стороны, происходитъ не менѣе важная организація связи между Китаемъ и Японіей, происходитъ своего рода мобилизація силъ монгольскаго востока. Какъ измѣнились всѣ отношенія за десять лѣтъ, когда Россія, Германія и Франція отняли у Японіи плоды ея блестящихъ побѣдъ надъ Китаемъ. Тогда казалось, что сохраняя равновѣсіе между двумя главными державами Дальняго Востока, не позволяя одной усиливаться на счетъ другой можно установить длительный миръ и предохранить европейскую культуру отъ всякаго признака желтой опасности.

Мы не знаемъ всѣхъ перипетій, происшедшихъ въ отношеніяхъ Китая и Японіи послѣ симоносекскаго мира, и не можемъ учесть, насколько глубоко и интенсивно происходитъ процессъ японизаціи Китая, который многіе изслѣдователи противопоставляли гораздо менѣе быстрому и удачному процессу европеизаціи его. Фактъ тотъ, что заступничество Россіи за Китай было забыто скорѣе, чѣмъ участіе ея въ экспедиціи союзныхъ войскъ и въ особенности ясное стремленіе къ захвату Манчжуріи. Легендарный престижъ нашъ былъ жестоко подорванъ военными пораженіями, и, поставленный между Японіей и Россіей, Китай естественно долженъ былъ пойти скорѣе за первой, окруженной ореоломъ побѣды. И вотъ три съ небольшимъ мѣсяца послѣ портсмутскаго мира появляется такъ называемый пекинскій договоръ, заключенный между Китаемъ и Японіей 22 декабря 1905 г.

Повидимому, онъ далеко не остановилъ на себѣ вниманіе прессы и общественнаго мнѣнія европейскихъ странъ въ той мѣрѣ, въ какой заслуживалъ. Между тѣмъ имъ устанавливалась весьма характерная солидарность между интересаами Китая и Японіи. Какъ и слѣдовало ожидать, Китай признавалъ всѣ уступки, которыя Россія по портсмутскому миру сдѣлала Японіи; взамѣнъ этого согласно ст. 2 и «японское правительство соглашается приложить всѣ старанія къ соблюденію заключенныхъ между Китаемъ и Россіей договоровъ относительно отдачи въ аренду территоріи и постройки желѣзныхъ дорогъ». Такимъ образомъ Японія какъ бы принимала на себя охрану интересовъ Китая, которымъ могутъ угрожать притязанія Россіи. Въ этомъ отношеніи особенно характерна готовность

Японіи въ виду выраженнаго китайскимъ правительствомъ серьезнаго желанія (earnest desire) снять желѣзно-дорожную охрану, которую по дополнительнымъ статьямъ портсмутскаго договора обѣ державы могли сохранять на своихъ желѣзно-дорожныхъ линіяхъ въ количествѣ 15 человѣкъ на 1 километръ.

За все это Японія сохраняла эксплоатацію линіи Андунь-Мукденъ, въ предѣлахъ этой линіи и въ мукденской провинціи, вообще получала особыя концессіи; наконецъ, Китай давалъ разрѣшеніе организовать на Ялу японско-китайское лѣсопромышленное товарищество—то самое предпріятіе, которое оказалось столь фатальнымъ въ рукахъ представителей Россіи. Но что всего важнѣе, отстаивая скорѣйшую эвакуацію Манчжуріи, Японія выставляла широкую программу «открытыхъ дверей», т.-е. дѣйствовала здѣсь въ направленіи интересовъ какъ западно-европейскихъ государствъ, такъ и Соединенныхъ Штатовъ.

Вотъ какая исключительно благопріятная политическая позиція была создана въ результатѣ войны для Японіи и вотъ почему ея пріобрѣтенія были несравненно значительнѣе, чѣмъ дѣло могло казаться изъ бѣглаго чтенія портсмутскаго договора.

На нѣсколько мѣсяцевъ дѣла Дальняго Востока совершенно скрываются изъ кругозора русскаго общественнаго мнѣнія, кровавая военная драма какъ будто забыта—и все вниманіе поглощено внутреннимъ процессомъ. Ростъ оппозиціонныхъ настроеній, и въ то же время угрожающіе признаки экономической и культурной дезорганизаціи, полное политическое банкротство правительства, которое оказывается неспособнымъ выполнить величайшую государственную задачу—осуществленіе манифеста 17 октября, его борьба съ анархіей средствами тоже глубоко анти-государственными, наконецъ, избирательная кампанія, подъемъ народныхъ надеждъ, связанныхъ съ Думой, кратковременность Думы и возвращеніе къ необузданному бюрократическому самовластію—все это мелькало передъ глазами, какъ фигуры въ калейдоскопѣ: въ Россіи не думали о Дальнемъ Востокѣ. Государственная Дума не приступала къ разсмотрѣнію какъ статей бюджета, которыя, вѣроятно, вызвали бы обсужденіе и этого вопроса и, кромѣ того, въ самой Думѣ вовсе не было представителей отдаленныхъ окраинъ Азіатской Россіи, которая наиболѣе заинтересована въ дѣлѣ обезпеченія мира и устойчиваго равновѣсія между нами и странами монгольскаго Востока. Если вспоминали о прошломъ, то преимущественно съ цѣлью вскрыть старые грѣхи безотвѣтственной бюрократіи, приведшей страну къ такому позору и бѣдствію.

Съ другой стороны, и для Японіи начался періодъ, гдѣ ея вниманіе сосредоточивалось на задачахъ внутренней жизни. Ей приходилось залѣчивать раны, нанесенныя войной, возстановлять свою финансовую систему, испытавшую такое крайне тяжелое напряженіе, наконецъ, бороться съ послѣдствіями жестокаго недорода. Естественно, это не исключало оживлен

и напряженія колонизаторской дѣятельности: съ лихорадочной поспѣшностью стали работать и на Ляодунскомъ полуостровѣ, и въ Кореѣ, и на южномъ Сахалинѣ; но рѣчь шла теперь прежде всего объ использованіи пріобрѣтеннаго, а не объ дальнѣйшемъ расширеніи. Наконецъ, и вниманіе международнаго міра нѣсколько отвлеклось отъ дѣлъ Дальняго Востока и направилось на другіе районы земного шара, напримѣръ, Марокко, которое, казалось одну минуту, можетъ стать искрой, изъ коей возгорится общеевропейскій пожаръ.

И вотъ уже осенью истекшаго 1906 г. стали доноситься зловѣщіе слухи о какихъ-то весьма серьезныхъ разногласіяхъ между Россіей и Японіей, и невозможности придти къ мирному соглашенію по вопросу объ исполненіи портсмутскаго договора. Самые переговоры были окружены въ достаточной мѣрѣ таинственностью; первое правительственное сообщеніе, посвященное этому вопросу, было издано лишь 17 декабря, а рядомъ съ нимъ пришло и весьма интересное интервью, которое далъ сотруднику *Temps* японскій посланникъ въ Петербургѣ Мотоно.

Въ чемъ заключались недоразумѣнія? Конечно, они лежали прежде всего въ вышеуказанной значительной неопредѣленности выраженій портсмутскаго договора, и нельзя удивляться, что японскіе представители желали использовать эту неопредѣленность въ интересахъ собственныхъ. Но конечно, серьезность положенія лежала не здѣсь—она лежала въ глубоко нарушенномъ равновѣсіи Дальняго Востока. Для Россіи вставалъ вопросъ, сможетъ ли она сохранить и обезпечить интересы, которые пощадила война.

Переходя къ конкретнымъ предметамъ разногласія, мы можемъ указать прежде всего на Манчжурію. Въ чрезвычайно интересной корреспонденціи изъ Манчжуріи, которая помѣщена въ *Le Temps* 25 декабря, ярко изображается экономическое завоеваніе Манчжуріи японцами, которое идетъ безостановочно. Японскіе продукты, говоритъ корреспондентъ, наводняютъ Манчжурію, благодаря легкости доставки по желѣзной дорогѣ. «Въ добавокъ этому всѣ товары другого иностраннаго происхожденія задерживаются или арестуются вдоль линіи. Вслѣдствіе этого и китайцы и русскіе мало-помалу привыкли къ японскимъ товарамъ, и такъ какъ послѣдніе въ сущности не хуже дешевой дряни, вывозимой изъ Европы, и обходятся гораздо дешевле, то торговля ими идетъ съ возрастающимъ успѣхомъ. Удивительно умѣя примѣниться къ мѣстнымъ потребностямъ, они живо открываютъ тотъ секретъ, который дозволитъ имъ побить своихъ соперниковъ на томъ же товарѣ. Не имѣя ни рутины, ни традицій, они ставятъ главной цѣлью угодить покупателю. Такимъ образомъ въ Кореѣ они, сообразуясь съ мелкой природой вьючныхъ лошадей, придумали меньшій обычный размѣръ хлопковыхъ кипъ и этимъ совершенно подавили торговлю англичанъ, а въ Манчжуріи они умѣли подобнымъ же способомъ привязать къ себѣ покупателя до мельчайшихъ подробностей; нѣтъ такой малой прибыли, которой они бы презгали». И далѣе корреспондентъ набрасываетъ картину контраста между крайне напряженной дѣятельностью японцевъ, которые какъ и до войны

организовали въ совершенствѣ шпіонство и развѣдочную дѣятельность, и поразительной безпечностью русскихъ.

Намъ, конечно, остается исполнить только условія портсмутскаго мира и эвакуировать Манчжурію въ 18-мѣсячный срокъ. Вопросъ о желѣзнодорожной стражѣ, затронутый въ китайско-японскомъ договорѣ, пока не подымается; наиболѣе споровъ возбуждаетъ требованіе портсмутскаго договора объ уступки Японіи желѣзнодорожной линіи начиная съ Куанъ-ченъ-цзы и кончая Портъ-Артуромъ, причемъ японцы требуютъ не только желѣзнодорожной станціи Куанъ-ченъ-цзы, но и города, отстоящаго на нѣсколько километровъ, важнаго не только въ смыслѣ торговомъ, но и стратегическомъ, такъ какъ онъ неминуемо долженъ стать конечнымъ пунктомъ строящейся линіи на Гиринъ—столицу сѣверной Манчжуріи. Какъ будетъ разрѣшенъ этотъ вопросъ? Менѣе важными представляются разногласія по удовлетворенію имущественныхъ притязаній русскихъ подданныхъ на Ляодунскомъ полуостровѣ. Во всякомъ случаѣ здѣсь, въ районѣ Манчжуріи, едва ли могутъ возникнуть осложненія, угрожающія разрывомъ. Пока японскія притязанія не нарушаютъ политики открытыхъ дверей, пока они не идутъ наперекоръ интересамъ общеевропейскаго обмѣна, пока, наконецъ, не обнаружится серьезное колебаніе въ отношеніяхъ Японіи и Китая, до тѣхъ поръ наше положеніе въ Манчжуріи при нашихъ переговорахъ съ Японіей весьма неблагопріятно, и едва ли намъ слѣдуетъ скрывать отъ себя необходимость идти на существенныя уступки. Повидимому мы должны ограничиться отстаиваніемъ нашихъ правъ и интересовъ въ районѣ линіи Манчжурія—Харбинъ—Пограничная. Но остальная Манчжурія рано или поздно нами будетъ совершенно очищена, и это является неизбѣжной ликвидаціей нашей старой авантюристической политики. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, на Дальнемъ Востокѣ нужно отказаться отъ всего, не имѣющаго первостепенное значеніе.

Совершенно иное, несравненно болѣе глубокое значеніе имѣютъ разногласія, связанныя съ нашимъ океанскимъ побережьемъ и рыболовной конвенціей, которую предстояло заключить Россіи, а также торговымъ договоромъ, о которомъ упоминалось въ статьѣ портсмутскаго мира.

Что касается рыболовной конвенціи, то здѣсь сразу выяснилось, какъ широко понимали японцы терминъ мирнаго договора. Такъ они требовали не только права ловли рыбы, но и ловли всякихъ видовъ морскихъ млекопитающихъ (въ томъ числѣ котиковъ и тюленей), а также морскихъ растеній; при этомъ японскіе подданные должны были пользоваться равноправіемъ и съ русскими подданными по пріобрѣтенію въ аренду рыболовныхъ участковъ и также на нихъ должны распространяться и особо льготныя условія, предоставляемыя для рыболовства поселенцамъ. Еще важнѣе было требованіе включить въ сцену дѣйствія конвенціи также бухты и рѣки. Далѣе слѣдовали притязанія японцевъ возводить постоянныя постройки, пользоваться безо всякихъ ограниченій своими рабочими (русское законодательство требуетъ извѣстный процентъ русскихъ рабочихъ рукъ); притя-

занія на право свободнаго плаванія и перевозки рыбныхъ грузовъ въ русскихъ водахъ, т.-е на каботажъ, который, какъ извѣстно, у насъ не разрѣшается иностранцамъ и, наконецъ, вообще — притязаніе на полное уравненіе японцевъ съ русскими во всемъ, что касается рыболовнаго дѣла, причемъ каждое русское правительственное мѣропріятіе въ этой области должно сообщаться японскому правительству по крайней мѣрѣ за 6 мѣсяцевъ.

Японскія требованія намъ будутъ понятны, если мы не станемъ терять изъ виду, какое мѣсто занимаетъ рыба въ питаніи этого народа, у котораго, между прочимъ, площадь подъ пищевыми продуктами охватываетъ лишь 16°/₀ территоріи всей страны. Не подлежитъ сомнѣнію, съ другой стороны, что такія исключительныя привилегіи, предоставленныя Японіи, могли явиться основой для гораздо болѣе глубокой японизаціи Пріамурскаго края. У многихъ, вѣроятно, мелькали мысли, что умѣренная контрибуція, выплаченная Россіей послѣ заключенія мира, гораздо менѣе противорѣчила бы нашимъ дѣйствительнымъ и длительнымъ интересамъ, чѣмъ этотъ неудобный и чреватый послѣдствіями сервитутъ. А рядомъ съ этимъ подготовка торговаго договора, которая также вызывала значительныя разногласія и шероховатости, въ особенности поскольку касалась назначенія японскихъ консуловъ въ Николаевскъ, Владивостокъ, Петропавловскъ, отчасти и льготныхъ условій для японскихъ торговцевъ, которые должны брать русскіе паспорта.

Переговоры обострялись—были минуты, когда, повидимому, ставился вопросъ о прекращеніи дипломатическихъ сношеній. Но уже въ декабрѣ тонъ заграничной прессы нѣсколько смягчился: указывалось, что какъ бы ни были серьезны разногласія, нельзя сомнѣваться въ искреннемъ миролюбіи обѣихъ договаривающихся сторонъ, что угрожающій конфликтъ постепенно разрѣшается.

Лишь 17 декабря появилось правительственное сообщеніе, которое отмѣчало разнорѣчивые, преувеличенные слухи, распространявшіеся въ послѣднее время по поводу переговоровъ Россіи и Японіи о торговомъ трактатѣ и рыболовной конвенціи. Такъ, между прочимъ, сообщалось, что переговоры эти прерваны и ожидается посредничество третьей державы или обращеніе къ третейскому разбирательству. Конечно, можно лишь пожалѣть, что эти «преувеличенные слухи» не были опровергнуты ранѣе, чѣмъ сразу бы отнималась почва у разныхъ алармистскихъ проектовъ, которые уже появились въ извѣстной части прессы. Далѣе слѣдовало перечисленіе разногласій, указывалось, между прочимъ, что споръ идетъ объ истолкованіи терминовъ портсмутскаго договора — французскаго «anse» и англійскаго «inlet». Центръ тяжести, по словамъ сообщенія, лежитъ въ вопросѣ о рыболовной конвенціи. «Русское правительство, сознавая въ полной мѣрѣ всю важность этого вопроса, существенно затрогивающаго экономическое развитіе живого Тихоокеанскаго побережья и будущности русской колонизаціи въ этихъ краяхъ, не сочло возможнымъ принять сдѣланныя Японіей

при началѣ переговоровъ предложенія, каковыми, по его убѣжденіямъ, японскимъ подданнымъ предоставляются гораздо болѣе широкія права, нежели тѣ, которыя имѣлись въ виду въ портсмутскомъ трактатѣ и протоколахъ портсмутской конференціи». Сообщеніе кончалось весьма успокоительно: «соглашеніе по вышесказаннымъ вопросамъ еще не достигнуто, но переговоры продолжаются и теченіе ихъ можетъ быть названо вполнѣ нормальнымъ».

Еще болѣе успокоительно звучали слова японскаго посланника въ Петербургѣ Мотоно, который выѣхалъ на рождественскіе праздники въ Парижъ и далъ тамъ интервью сотруднику *Temps*. Представитель Японіи выражалъ крайнее удивленіе тровожнымъ слухамъ, носившимся въ прессѣ, и указывалъ, что разногласія носятъ характеръ скорѣе грамматическій, чѣмъ принципіальный. «Я твердо убѣжденъ, что мы придемъ къ полному и опредѣленному согласію въ разрѣшеніи подлежащихъ вопросовъ. Между двумя странами, такъ удаленными другъ отъ друга, какъ Россія и Японія, переговоры, въ особенности по щекотливымъ юридическимъ вопросамъ, дѣйствительно всегда нѣсколько длинны. Но ни въ одинъ моментъ ихъ исходъ не внушалъ мнѣ безпокойства. Я прибавляю и я счастливъ вамъ это заявить въ наиболѣе категорической формѣ, что русско-японскія отношенія дѣйствительно наилучшія». Конечно, позволительно сомнѣваться, точно ли «ни въ одинъ моментъ переговоровъ исходъ ихъ не внушалъ опасенія»—но какъ бы то ни было, важно, что представитель Японіи далъ относительно будущаго достаточно категорическое увѣреніе.

Можетъ ли оно насъ вполнѣ успокаивать? Мы думаемъ, что дѣйствительно, какъ бы ни толковали слова «anse» и «inlet», то или другое рѣшеніе этого интереснаго грамматическаго контраверса не можетъ еще повліять на міровыя судьбы. Въ предѣлахъ ближайшихъ разногласій Россія должна выполнить по буквѣ и духу портсмутскій договоръ. Поскольку сюда превходятъ вопросы чисто-юридической интерпретаціи и поскольку по нимъ всетаки соглашенія достигнуто не будетъ, намъ бы казалось наиболѣе подходящимъ путемъ обращеніе къ гаагскому трибуналу. Трудно понять, почему и правительственное сообщеніе, и интервью Мотоно какъ бы заранѣе отказываются отъ этого пути. Если такіе случаи не подходятъ для трибунала, то какую цѣль вообще онъ можетъ имѣть? Особенно нелогично было бы Россіи, принявшей такое дѣятельное участіе въ его созданіи, отказываться отъ него. Нельзя сомнѣваться, насколько лойяльное соблюденіе портсмутскаго договора и готовность передать споръ на сужденіе столь компетентнаго и авторитетнаго органа, оказались бы полезными въ смыслѣ созданія солидарности русскихъ и международныхъ интересовъ. Во время русско-японской войны получился слишкомъ жестокій урокъ за пренебреженіе этой солидарности.

Но, конечно, за этими разногласіями болѣе или менѣе второстепенными и потому сравнительно легко устранимыми встаетъ другой, несравненно труднѣйшій вопросъ—о всей будущности Россіи на Дальнемъ Вос-

токѣ. Несомнѣнно портсмутскій договоръ равновѣсія тамъ не создалъ, и возможность новаго столкновенія съ Японіей отнюдь не исключена. Поэтому намъ и необходимо прежде всего выяснить, въ чемъ же заключаются дѣйствительные наши интересы на дальневосточной окраинѣ? Каковы тѣ силы, которыми мы можемъ располагать для этой окраины?

Конечно, вступивъ на этотъ путь, мы принуждены будемъ ликвидировать нашу старую дальневосточную политику. Рано или поздно придется оставить всякія посягательства на Манчжурію, хотя бы въ смыслѣ желѣзнодорожной охраны, южнѣе Харбина. Нечего говорить, съ какими трудностями связана военная защита даже оставшагося района. Единственная практическая для насъ возможность—идти здѣсь въ согласіи съ интересами международнаго обмѣна, съ политикой открытыхъ дверей, которой мы ранѣе противодѣйствовали.

Преимущества Японіи въ этомъ районѣ, конечно, прочны, но они не безграничны. Не забудемъ, что въ настоящее время для всякой страны имѣетъ огромную важность ея мѣсто въ международныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ.

Въ настоящее время мы уже замѣчаемъ извѣстные признаки реакціи противъ крайностей увлеченія Японіей. Эта страна естественно стремится къ гегемоніи не только въ Восточной Азіи и прибрежныхъ моряхъ, она направляетъ свои взоры на весь бассейнъ Тихаго океана и начинаетъ разсматривать Океанію, какъ театръ своей будущей колонизаціи. Извѣстно, съ какимъ чувствомъ недовѣрія и неудовольствія встрѣчали въ австралійскихъ колоніяхъ сближеніе Англіи и Японіи; подобное же явленіе въ болѣе крупныхъ размѣрахъ повторяется теперь въ современномъ калифорнскомъ конфликтѣ. Уже въ Санъ-Франциско дѣлаются предложенія ограничить доступъ японцевъ въ Соединенные Штаты столь же суровыми условіями, какими обставлена иммиграція китайцевъ; уже предлагаютъ президенту Рузвельту добиться взамѣнъ существующаго торговаго договора 1894 г. заключенія новаго, который вообще давалъ бы Америкѣ право сообразно съ ея интересами регламентировать японскую иммиграцію. А когда въ отвѣтъ на эти притязанія Рузвельтъ въ своемъ посланіи къ конгрессу 4 декабря категорически ихъ отвергъ и указалъ на необходимость сохранить дружескія отношенія съ Японіей, то въ западныхъ штатахъ началось сильное возбужденіе; можно предвидѣть, какъ на этой почвѣ разовьется обостренный партикуляризмъ. Конечно, Америка переживаетъ другую эпоху, чѣмъ ту, когда Георгія и Каролина, столкнувшись съ рѣшеніемъ конгресса, угрожала выходомъ изъ союза, конечно, крѣпость центральной власти едва ли можетъ стоять подъ вопросомъ—но всетаки это сильное теченіе, и съ нимъ приходится считаться. Вопросъ о японской гегемоніи на Тихомъ океанѣ будетъ поставленъ для Америки на Сандвичевыхъ островахъ, не говоря уже о Филиппинахъ, столь близкихъ отъ японской Формозы; очевидно, прорытіе панамскаго канала, чрезвычайно увеличивая значеніе Тихаго океана для Америки, только обострить

эти вопросы. Вотъ почему и для Японіи едва ли цѣлесообразно начинать сейчасъ политику авантюристическаго имперіализма: Россія—не единственное государство, столкновеніе съ которымъ ей угрожаетъ въ будущемъ. Тѣмъ болѣе, что и японскій кредитъ на европейскихъ биржахъ, хотя бы и не сравнимый съ нашимъ, менѣе всего можетъ считаться обезпеченнымъ.

Такимъ образомъ есть достаточные шансы думать, что политика благоразумная и миролюбивая со стороны Россіи можетъ пріостановить въ ближайшемъ будущемъ эту новую ужасную катастрофу—новый взрывъ войны. Наиболѣе дѣйствительной гарантіей здѣсь являлась бы та дипломатическая комбинація, которая настоятельно диктуется всѣмъ международнымъ положеніемъ Россіи,—взглянемъ ли мы на Персію, Ближній Востокъ, внутренне-европейскія отношенія: союзъ съ Англіей. Лишь опираясь на него, мы можемъ достичь дѣйствительнаго разграниченія сферъ интересовъ въ Восточной Азіи, обезпечить тамъ прочный миръ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія статья изъ *Daily Telegraph* отъ 4 января. Указывая, насколько неблагопріятенъ для Англіи, какъ и для всего міра новый разгарающійся конфликтъ, англійскій органъ съ замѣчательной точностью и ясностью ставитъ вопросъ: «Миръ, въ которомъ нуждается Россія, долженъ быть не только постояннымъ, но и казаться таковымъ. Онъ не долженъ быть плодомъ ежедневно возобновляющагося чуда, но долженъ зиждиться на прочныхъ основаніяхъ. Съ этой точки зрѣнія портсмутскій трактатъ, сколь удовлетворительны ни были бы его условія, не можетъ считаться такимъ основаніемъ. Точно также врядъ ли такимъ основаніемъ можетъ считаться рядъ требованій и контръ-требованій, выставляемыхъ каждый разъ.

«При нынѣшнемъ положеніи вещей второй конфликтъ между Россіей и Японіей является лишь вопросомъ времени, если только ихъ отношенія не улучшатся въ самомъ близкомъ будущемъ. Такое улучшеніе кажется намъ вполнѣ возможнымъ. Для этого Россіи надлежитъ навсегда отказаться отъ господства на Тихомъ океанѣ, отъ того положенія, которое она занимала на Востокѣ въ 1902 г., и искренне примириться съ тѣмъ положеніемъ вещей, которое вытекаетъ изъ портсмутскаго трактата. Со стороны же Японіи слѣдуетъ требовать, чтобы она устояла передъ соблазномъ будущей войны, цѣлью которой было бы взятіе Владивостока, присоединеніе сѣверной половины Сахалина и полное, окончательное оттѣсненіе Россіи отъ побережья Тихаго океана. Другими словами—отказъ съ одной стороны отъ реванша, съ другой—отъ новыхъ захватовъ, установленіе отношеній, воодушевленныхъ искренностью и взаимнымъ довѣріемъ—таковы условія мира на Дальнемъ Востокѣ, условія не только желательныя, но и осуществимыя».

«Все это является нынѣ, какъ и въ прошломъ году, еще не разрѣшенной задачей. Но препятствія, лежащія въ данномъ случаѣ на пути, дѣлаются все менѣе непреодолимыми, по мѣрѣ того какъ выполненіе этой задачи становится все болѣе настоятельной. Въ настоящее время въ Ан-

гліи и, вѣроятно, въ самомъ С. Джемскомъ кабинетѣ найдется не мало лицъ, прекрасно понимающихъ, отъ чего вообще зависитъ благопріятное разрѣшеніе этой задачи, и преисполненныхъ желанія содѣйствовать ея разрѣшенію, какъ дѣлу въ высшей степени благодарному».

Эти слова вполнѣ ясно формулируютъ, насколько въ дѣлѣ охраненія нашихъ дѣйствительныхъ интересовъ мы могли бы опираться на соглашеніе съ Англіей.

Насколько далеки мы теперь отъ такого союза? Разорвать старыя предубѣжденія и пойти по пути созданія новой группировки, въ которую войдетъ Россія и передовыя западныя демократіи, едва ли возможно при современныхъ отношеніяхъ между правительствомъ и обществомъ. Какіе бы панегирики государственной мудрости и прозорливости нынѣшняго русскаго кабинета ни воспѣвало *Timps*, едва ли можно разсчитывать на рѣшимость Англіи связать свою судьбу съ правительствомъ, которое въ такой малой степени можетъ опираться на политическій и нравственный авторитетъ національнаго довѣрія. Будемъ надѣятся, что не въ далекомъ будущемъ этотъ трагическій конфликтъ, осуждающій Россію на непрекращающуюся гражданскую войну, наконецъ, устранится, и что при наличности правительства, пользующагося довѣріемъ Думы и страны, возможно будетъ заложить основу этой, могущественной гарантіи мира вообще, мира на Дальнемъ Востокѣ въ частности—основу союза Россіи и Англіи.

P. S. Статья была уже набрана, когда появилось правительственное сообщеніе о досрочной эвакуаціи Манчжуріи русскими войсками. Это рѣшеніе, значительно упрочивающее въ настоящее время шансы мира на Дальнемъ Востокѣ, и встрѣченное сочувствіемъ западно-европейскаго общественнаго мнѣнія, конечно и въ Россіи можетъ быть лишь привѣтствуемо. Повидимому у министерства иностранныхъ дѣлъ есть серьезное желаніе ликвидировать старую дальневосточную политику и пойти въ эти области по новому пути, чуждому всякаго духа авантюризма. Несомнѣнно на этомъ пути ему будетъ обезпечено и сочувствіе огромной части русскаго общества, и нравственная поддержка народнаго представительства.

С. Котляревскій.

Журнальное обозрѣніе.

Только что мы прочли объ освобожденіи отъ ареста судебной палатой декабрьской книги журнала *Былое*. Первый годъ изданія благополучно законченъ; чаша административныхъ каръ и судебныхъ скорпіоновъ прошли мимо молодого журнала, который въ теченіе года воскресилъ для широкой публики цѣлую эпоху героической борьбы, полную захватывающаго интереса и серьезнаго общественнаго значенія.

Книжка начинается интереснымъ очеркомъ событій, приведшихъ къ возникновенію «Народной Воли», описаніемъ липецкаго и воронежскаго съѣздовъ. Авторъ статьи, извѣстный шлиссельбуржецъ Н. А. Морозовъ, положилъ въ основу ея общія соображенія относительно опредѣленнаго цикла развитія каждаго революціоннаго общества. Всякое тайное революціонное общество обыкновенно возникаетъ въ деспотическихъ странахъ среди учащейся молодежи. Къ нему сначала не рѣшаются присоединиться ни прежніе выдающіеся дѣятели, ни политики-честолюбцы; первый періодъ характеризуется поэтому кипучей дѣятельностью самоотверженной молодежи, но вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіемъ практичности и опытности.

«Второй періодъ начинается въ то время, когда спасшіеся отъ арестовъ, бѣжавшіе изъ ссылокъ и освобожденные изъ тюремъ товарищи пріобрѣтаютъ извѣстный запасъ опытности»; къ окрѣпшей и проявившей себя организаціи примыкаютъ старые выдающіеся общественные дѣятели, вносящіе съ собой серьезность и дѣловитость, а также и политическіе честолюбцы. «Вмѣсто борьбы съ первоначальнымъ внѣшнимъ врагомъ начинается борьба между собою отдѣльныхъ фракцій и ихъ вождей и поглощаетъ наконецъ собою большую часть энергіи и силъ первоначальныхъ и новыхъ членовъ». Распаденіе общества на двѣ части въ это время является большимъ благомъ; отколовшіеся энтузіасты, обладая въ то же время опытностью, имѣютъ всѣ шансы на совершеніе очень серьезныхъ дѣлъ въ освободительномъ движеніи, а сторонники старой програмы быстро сходятъ со сцены.

Внѣшнимъ поводомъ къ расколу между членами старой «Земли и Воли» послужило письмо автора очерка по поводу покушенія Соловьева. Испол-

нительный комитетъ для выясненія положенія дѣла созвалъ въ 1879 г. съѣздъ партіи въ Воронежѣ. Прежде чѣмъ отправиться туда, сторонники террористической борьбы съ самодержавіемъ во главѣ съ Морозовымъ съѣхались въ Липецкѣ и выработали тамъ программу будущей «Народной Воли», которую успѣшно провели и на воронежскомъ съѣздѣ. Сильное впечатлѣніе производитъ описаніе этого съѣзда подъ открытымъ небомъ на одномъ изъ лѣсистыхъ острововъ рѣки Воронежа. Плехановъ и присоединившіеся къ нему впослѣдствіи Засуличъ, Дейчъ и Стефановичъ остались вѣрными старой программѣ и образовали организацію подъ названіемъ «Черный Передѣлъ», поставившею себѣ цѣлью «передѣлъ всѣхъ земель Россіи начерно между общинниками крестьянами». Морозовъ, Желябовъ, Фроленко, Михайловъ и др. составили ядро новой партіи «Народной Воли», стремившейся къ «замѣнѣ существующаго самодержавнаго режима представительнымъ, основаннымъ на проявленіи воли всего народа», который и долженъ въ конечномъ счетѣ рѣшить всѣ политическіе и соціальные вопросы.

Слѣдующей небезынтересной статьей въ журналѣ являются воспоминанія г. Русанова о Тургеневѣ. Тѣсная компанія горячей молодежи и старикъ Тургеневъ за чайнымъ столомъ—такова первая картина этихъ воспоминаній. «Эффектно-бѣлые волосы, бѣлая борода только еще болѣе оттѣняли поразительную моложавость этого наполовину библейскаго, наполовину джентльменскаго лица, на которомъ и свѣтъ лампы лежалъ какъ-то правильно и мягко. Онъ, и сидя за чайнымъ столомъ, былъ выше насъ цѣлой головой, и его рѣчь плавная, сытая, я бы сказалъ серебряная, какъ онъ самъ, лилась на насъ сверху. Онъ сопровождалъ ее такими же плавными, но громадными жестами, отъ которыхъ, казалось, должны были бы раздвинуться стѣны маленькой комнатки, и время отъ времени словно самъ убаюкивалъ себя звуками своего голоса, а его сѣрые глаза, будто прищуриваясь отъ свѣта лампы, полузакрывались»... Мягко и уклончиво возражалъ онъ на вопросы молодежи, указывалъ на то, что онъ не пророкъ и не можетъ претендовать на предсказанія—«будущее на лонѣ боговъ,—говоритъ Гомеръ», но что, по его мнѣнію, Россія далеко не такъ близка къ революціи, какъ Франція прошлаго вѣка. «Обратите вниманіе,—говорилъ Тургеневъ,—на одно обстоятельство: въ то время во Франціи было могущественное оппозиціонное теченіе, и всѣ мыслящіе люди, несмотря на различіе мнѣній въ прочемъ, соглашались въ одномъ: старый строй долженъ быть замѣненъ новымъ. То же ли самое въ теперешней пореформенной Россіи? Есть реакціонеры, есть либералы, есть революціонеры... крайніе прогрессисты,—поправился онъ,—окинувъ нашу комнату добродушнымъ взглядомъ, какъ бы не желая обидѣть насъ: что между ними общаго, что они всѣ согласны уничтожить и что сохранить? А пока нѣтъ общаго могучаго теченія, въ которомъ сливались бы отдѣльные оппозиціонные ручьи, о революціи, мнѣ кажется, рановато говорить».

Указавъ на могущество общаго оппозиціоннаго настроенія противъ крѣпостного права передъ его отмѣной, на то, что безполезна пропаганда

среди крестьянъ, не идущая прямо навстрѣчу ихъ конкретнымъ желаніямъ, Тургеневъ съ неподражаемой интонаціей повелъ разсказъ отъ лица одного мужика, принимавшаго участія въ аграрныхъ безпорядкахъ, на которые прибылъ самъ государь, случайно охотившійся въ это время поблизости на лося въ калужскихъ лѣсахъ.

„Ждемъ мы вождемъ, а царя все нѣтъ. Ужъ солнышко закатываться за лѣсъ стало. Отошшали мы, инда тоска на насъ напала... Только глядь, по дорогѣ, прямо на насъ валитъ кто-то страшный, съ усами, на конѣ: какъ подлетѣлъ, какъ пужанетъ во все горло: „такіе изъ-этакіе, на колѣни! Государь ѣдетъ!“ То мы и пали ничкомъ, и лежимъ, словно на страшной недѣлѣ—Господи, Владыко живота моего—и головы поднять не смѣемъ. Много ли, мало ли мы такъ лежали, только какъ загогочетъ кто-то опять: государь ѣдетъ! Поднялъ я бочкомъ голову; вижу, не то казаки, не то егаря летятъ во всю мочь и гикаютъ, а по дорогѣ, братъ ты мой, этакъ въ шагахъ тридцати, жаритъ тройка лошадей, какихъ я отъ роду не видывалъ: копыта—вó какія, дуга—вó какая—и Тургеневъ широко разводилъ своими мощными руками,—и кучеръ какъ чудо-юдо бородатое, а въ брычкѣ, значитъ, сидитъ самъ *онъ*, и того больше, шинель сѣрая, фуражка съ красными околышемъ, а голосъ, ну вотъ умри я, что пивной котелъ, ровно у Лукопера богатыря. Прожегъ мимо насъ, какъ молонія какая, крикнулъ зычно таково: стой! и остановился шагахъ въ пяти отъ насъ, „Вставай, пгавославные?“ а голосъ, какъ труба, только съ картавинкой, какъ у нашей старшей барышни. Мы вскочили. Стоятъ царскія лошади, что вкованныя, и ямщикъ, какъ астатуй какой, сидитъ, а царь, не слѣзая, приподнялся, повернулся, знычитъ, къ намъ съ брычки, черезъ верхъ спущенный, да и началъ говорить грозно такъ сначала, да слова все какія-то мудренныя, а потомъ словно бы смиловался, а подъ конецъ опять закричалъ: „повиноваться господамъ помѣщикамъ, повиноваться вамъ имъ!“ Да какъ подыметъ руку, да какъ погрозитъ намъ ба-а-альшущимъ пальцемъ, да какъ крикнетъ кучеру: айда! Лошади опять, какъ молонія, въ гору по дорогѣ, промежъ лѣску, а солнышко ужъ сѣло, и заря дюже погорѣла, а царь все держится за бричку, стоитъ къ намъ обернумши, да пальцемъ грозитъ, а палецъ-то евойный—во какой, что столбъ,—по небу-то по огневому качается“... Ну и что же, спрашиваю я мужика?—продолжаетъ Тургеневъ,—убравши свой, не меньше легендарнаго царскаго, палецъ. „Ну, вѣстимое дѣло, и повиновались, только ужъ и драли насъ за это!“—Какъ, за что за это?—недоумѣвалъ я. „Да мы, знычитъ, землю ту у помѣщика такъ и отпахали.—Какъ отпахали? А развѣ вы не слыхали, что вамъ царь-то говорилъ, чтобъ повиноваться помѣщикамъ?—„Эхъ, баринъ, мы люди темные, мы разсудили, что накричать-то онъ на насъ только для страху накричалъ, а что приказъ отъ яво былъ помѣщикамъ, чтобъ знычитъ, теперь-то ужъ ихъ благородіямъ, да намъ сиволапымъ повиноваться: буде-ста имъ надъ нами мудровать“... Такъ вотъ видите, какъ трудно мужику вбить въ голову то, что ему не по душѣ“—и Иванъ Сергѣевичъ снова улыбнулся“.

Послѣднее время вообще появляется много новыхъ біографическихъ данныхъ относительно Тургенева. Въ недавно вышедшемъ пятомъ выпускѣ «Щукинскаго сборника» помѣщенъ цѣлый рядъ писемъ И. С. Тургенева къ одной дамѣ, интересныхъ для характеристики его личной, внутренней жизни и его политическихъ и литературныхъ взглядовъ. Сборникъ этотъ совершенно недоступенъ для широкой публики, такъ какъ выходитъ въ чрезвычайно ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и мы позволимъ себѣ привести изъ него нѣсколько выдержекъ. Письма Тургенева относятся ко времени съ декабря 1873 г. до мая 1877 г.; всѣхъ ихъ 48.

Корреспондентка Тургенева, повидимому, дама высшаго петербургскаго общества, умная женщина, любившая литературу и близкая къ литературной средѣ. На закатѣ своей жизни, очевидно, Тургеневъ увлекался ею не шутя.

Въ концѣ 1874 г. Тургеневъ пишетъ.

Вы пишете, что очень ко мнѣ привязались, но я васъ очень люблю,—и много ли между нами общаго, это въ сущности не важно; il y a un attrait mutuel, вотъ что важно. Мнѣ очень бы хотѣлось свидѣться съ вами,—и я надѣюсь, что мое желаніе исполнится весной—im Wunderschönen Monat Mai. Правда, мы оба будемъ тогда пить богемскія воды, что менѣе поэтично,—но что же дѣлать! Если вамъ 33 года, мнѣ цѣлыхъ 55—вотъ, что не слѣдуетъ упускать изъ вида. „Такъ какъ ваша хандра и приходитъ, и уходитъ вмѣстѣ съ оттепелью, то желаю вамъ снѣга, холода и тѣхъ вьюгъ, что, по словамъ Полонскаго, „растятъ по стекламъ оконъ" бѣлыя розы. Но и замораживать себя не слѣдуетъ. На свѣтѣ дѣйствительно есть нѣчто получше „предсмертной икоты", и хотя уже нельзя ожидать, что радость польется полной чашой, но она можетъ еще окропить послѣдніе жизненные цвѣты. Смыслъ всѣхъ этихъ аллегорій очень хорошо выраженъ въ извѣстной русской поговоркѣ: „живи, пока живется".

1 февраля 1875 года Тургеневъ пишетъ: „Очень бы мнѣ хотѣлось провести нѣсколько часовъ съ вами, въ вашей комнатѣ, попивая чай и поглядывая на морозные узоры стеколъ... нѣтъ, что за вздоръ!—глядя вамъ въ глаза, которые у васъ очень красивы; и изрѣдка цѣлуя ваши руки, которыя тоже очень красивы, хотя велики... но я такія люблю.

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ онъ дѣлаетъ ей настоящее признаніе, грустное, безнадежное, чуть насмѣшливое признаніе влюбленнаго старика.

Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ встрѣтилъ, я полюбилъ васъ дружески и въ то же время имѣлъ неотступное желаніе обладать вами; оно было, однако, не на столько необузданно (да ужъ и немолодъ я былъ), чтобы попросить вашей руки, къ тому же другія причины препятствовали; а съ другой стороны, я зналъ очень хорошо, что вы не согласитесь на то, что французы называютъ une passade. Вотъ вамъ и объясненіе моего поведенія. Вы хотите увѣрить меня, что вы не питали „никакихъ заднихъ мыслей"—увы! я, къ сожалѣнію, слишкомъ былъ въ томъ увѣренъ. Вы пишете, что вашъ женскій вѣкъ прошелъ; когда мой мужской пройдетъ—и ждать мнѣ весьма недолго, тогда, я не сомнѣваюсь, мы будемъ большіе друзья, потому что ничего насъ тревожить не будетъ. А теперь мнѣ все еще пока становится тепло и нѣсколько жутко при мысли: „ну, что если бы она меня прижала къ своему сердцу не по братски?"—и мнѣ хочется спросить, какъ моя Марія Николаевна въ „Вешнихъ водахъ":—„Санинъ, вы умѣете забывать?" Ну, вотъ вамъ и исповѣдь моя. Кажется достаточно откровенно.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отказываясь осуждать тѣхъ, кто рветъ опостылѣвшія семейныя узы, Тургеневъ пишетъ: «Ахъ, еслибъ и у насъ было побольше мужества... нѣсколько лѣтъ тому назадъ?» На этомъ послѣднемъ вздохѣ замираетъ любовная струна въ письмахъ Тургенева къ женщинѣ, которая взволновала его не молодое, но все еще не усталое, горячее сердце. Любовь Тургенева къ Віардо, очевидно, превратилась въ прочную и крѣпкую привязанность, а одинокая душа жаждала любви, которую не удалось ему узнать въ юные годы. Такимъ образомъ тѣмъ «однолюбомъ», какимъ принято считать Тургенева, онъ на самомъ дѣлѣ не былъ.

Г. Русановъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о томъ возмущеніи, которое въ свое время вызвала надѣлавшая шуму «Пѣснь торжествующей любви». Многіе были возмущены этой, какъ имъ казалось, отчужденностью Тургенева отъ русской жизни и не могли простить ему его экскурсіи въ область «чистаго искусства». Въ настоящее время споръ о чистомъ и «нечистомъ» искусствѣ кажется намъ уже давно рѣшеннымъ, «взвѣшеннымъ судьбою». И тѣмъ не менѣе съ легкой руки г. Чуковскаго, написавшаго въ одной изъ петербургскихъ газетъ нѣсколько парадоксальныхъ фельетоновъ, споръ этотъ разгорѣлся съ новой силой, и толстые журналы посвятили ему нѣсколько статей. Г. Чуковскій писалъ: «Любя искусство для жизни, я именно въ виду этого требую искусства для искусства. Ибо всякій идеализмъ практиченъ. Ибо всякая самоцѣль—цѣлесообразна. Ибо всѣ радіусы общественныхъ силъ, стекающіеся въ единомъ центрѣ—въ общественномъ благѣ, должны мнить себя параллельными до безконечности». И далѣе г. Чуковскій выставилъ три слѣдующія положенія: 1) Нужно, чтобы каждый революціонеръ считалъ революцію абсолютной. Чтобы каждый революціонеръ говорилъ: Если для свободы нужно сжечь Данте на кострѣ, скорѣе принесите дровъ для этого костра: 2) Нужно, чтобы для поэта абсолютна была поэзія, чтобы каждый поэтъ говорилъ. Если для того, чтобы существовалъ Данте, нужно уничтожить свободу—долой эту свободу! 3) Такой фетишизмъ необходимъ, полезенъ, выгоденъ».

На произведенную по этому поводу анкету одинъ литераторъ отвѣтилъ кратко, но выразительно: «считаю совѣты г. Чуковскаго вздорными». Казалось бы этимъ и должна закончиться вся шумиха. Основная мысль г. Чуковскаго о самопроизвольномъ схожденіи радіусовъ общественныхъ силъ въ одномъ центрѣ—общественномъ благѣ—совершенно бездоказательна и вмѣстѣ съ претензіей на идеалистическую точку зрѣнія страдаетъ грубымъ и ничѣмъ не подтвержденнымъ утилитаризмомъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые доморощенные философы приняли все это въ серьезъ, и г. Луначарскій въ декабрьской книгѣ *Образованія* глубокомысленно замѣчаетъ по поводу парадокса г. Чуковскаго относительно мнѣнія идеальнаго революціонера о сожженіи Данте на кострѣ, если того потребуетъ дѣло свободы. «Съ чисто формальной точки зрѣнія, я, пожалуй, согласенъ съ этимъ идеальнымъ революціонеромъ», пишетъ г. Луначарскій. И далѣе оговаривается: «Но только потому, что торжество революціи въ моихъ глазахъ представляетъ изъ себя великое начало новаго и несравненнаго искусства, плодородную почву для появленія сотенъ Данте».

Вотъ поистинѣ люди, которые носятъ истину въ своемъ жилетномъ карманѣ. Вѣра ихъ ничѣмъ не отличается отъ жестокой вѣры средневѣковаго монашества, и накопленныя человѣчествомъ знанія преломляются для нихъ подъ однимъ угломъ. Истинная «гармоническая культура» начнется не съ момента торжества революціи, какъ это думаетъ г. Луначарскій, а только тогда, когда исчезнетъ фетишизмъ во всѣхъ его проявле-

ніяхъ, фетишизмъ, вдохновляющій въ настоящее время г. Луначарскаго и ему подобныхъ философовъ.

Что касается давно уже рѣшеннаго вопроса о чистомъ искусствѣ, то справедливое резюме этого рѣшенія даетъ г. Невѣдомскій въ декабрьской книгѣ *Современнаго Міра* въ статьѣ подъ заглавіемъ «Художество и жизнь».

„Искусство есть огромная по своему значенію функція жизни. Специфическій характеръ этой функціи есть эстетическое мышленіе, т.-е. ирраціональное по своему источнику обобщеніе, возникающее изъ полусознанныхъ и не подлежащихъ (пока) раціонализированію эмоцій, и находящее себѣ выраженіе въ образѣ. Цѣль его—истолкованіе жизни. Единственная его обязанность это—красота, т.-е. форма, наиболѣе ясно и внятно говорящая нашей впечатлительности, наиболѣе могуче пріобщающая насъ къ эмоціямъ и эстетическимъ обобщеніямъ художника. Область его правъ не имѣетъ границъ, это—вся жизнь. И, поэтому, служитъ искусство не цѣлямъ „блага" только, а цѣлямъ жизни вообще, во всей ея совокупности, а не какой-либо отдѣльной и спеціальной сторонѣ человѣческаго духа, а всему духу человѣческому опять-таки въ его цѣлости. Искусство должно быть свободно, чтобы обнимать всю жизнь, иначе оно превращается либо въ „чистую" побрякушку, либо въ педагогическое пособіе, въ родѣ розогъ и похвальныхъ листовъ".

Въ декабрьской книгѣ *Русскаго Богатства* мы находимъ чрезвычайно интересную статью Н. Кудрина, характеризующую то движеніе во Франціи, которое окрещивается общимъ именемъ синдикализма и которое приковываетъ къ себѣ взоры всего европейскаго міра. Разница между соціализмомъ и синдикализмомъ опредѣляется Кудринымъ слѣдующими немногими словами:

«Синдикализмъ есть прежде всего стихійное стремленіе представителей труда совмѣстно защищать противъ представителей капитала свои интересы въ ихъ непосредственной, будничной, профессіональной формѣ. Соціализмъ же есть сознательное противоположеніе принципа труда — принципу капитала въ теоріи, и сознательная борьба политически организованнаго класса, класса рабочихъ, противъ политически же организованнаго класса капиталистовъ на практикѣ».

Не прослѣживая вмѣстѣ съ Кудринымъ длинную исторію французскаго синдикализма, достаточно сказать, что за послѣдніе годы синдикальное движеніе играло крупную роль въ общественной жизни Франціи. Организованнымъ въ синдикаты рабочимъ удавалось нѣсколько разъ произвести такое «прямое воздѣйствіе» на имущихъ и правящихъ, которое, если и не обходилось безъ промежуточнаго звена законодателей, все же заставл[illegible]ю этихъ политическихъ выразителей буржуазнаго строя поскорѣе вот[illegible]овать ненавистныя имъ соціальныя мѣры». Кудринъ приводитъ цѣлый ря[illegible]ъ успѣшныхъ, приведшихъ къ практическому результату, выступленій си[illegible]икалистовъ.

[illegible]дно изъ послѣднихъ проявленій «прямого воздѣйствія» заключалось, ка[illegible]ъ извѣстно, въ попыткѣ «конфедераціи труда» провести вотированный на [illegible]уржскомъ конгрессѣ восьмичасовой рабочій день. Эта попытка была

пріурочена къ 1 мая, и никогда еще, повидимому, со временъ коммуны буржуазія не испытывала такого ужаса; Парижъ 1 мая совсѣмъ опустѣлъ въ своихъ кварталахъ, населенныхъ имущими и правящими. Попытка синдикалистовъ, подавленная необычайными полицейскими мѣрами, принятыми Клемансо, не удалась, но отъ нея осталось всетаки такое сильное впечатлѣніе, что сами политическіе соціалисты, ранѣе враждебно относившіеся къ синдикализму, на цѣломъ рядѣ банкетовъ старались въ своихъ рѣчахъ отмѣчать успѣхи этого чисто рабочаго движенія и искали сближенія съ всеобщей конфедераціей труда. Конфедеральный конгрессъ, засѣдавшій 8—13 октября въ Амьенѣ, вынесъ резолюцію, устанавливающую какъ бы извѣстный modus vivendi между революціоннымъ синдикализмомъ и соціалистической партіей; главные пункты этой резолюціи сводятся къ слѣдующему:

„Всеобщая конфедерація труда группируетъ внѣ всякой политической школы всѣхъ рабочихъ, сознающихъ необходимость вести борьбу съ цѣлью уничтоженія наемнаго труда и предпринимательства...

Въ дѣлѣ ежедневныхъ требованій синдикализмъ преслѣдуетъ координацію рабочихъ усилій, увеличеніе благосостоянія трудящихся путемъ осуществленія непосредственныхъ улучшеній... Но это дѣло является только одною изъ сторонъ дѣятельности синдикализма; онъ подготовляетъ полное освобожденіе трудящихся, которое можетъ быть осуществлено лишь экспропріаціей капитала; онъ пропагандируетъ въ качествѣ способа дѣйствія всеобщую стачку, и онъ полагаетъ, что синдикатъ, въ настоящее время являющійся группировкою рабочихъ въ цѣляхъ сопротивленія, будетъ въ грядущемъ производительной и распредѣлительной группой основного соціальнаго переустройства...

...По отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ конгрессъ провозглашаетъ полную свободу для синдикалиста участвовать внѣ корпоративной группировки въ тѣхъ или иныхъ формахъ борьбы, соотвѣтствующихъ его философскому или политическому міровоззрѣнію, и ограничивается лишь тѣмъ, что проситъ его, взамѣнъ этого, не вносить въ синдикатъ тѣ мнѣнія, которыхъ онъ держится извнѣ. По отношенію же къ организаціямъ, экономическая дѣятельность синдикализма должна непосредственно направляться противъ класса предпринимателей, и конфедеральныя организаціи не должны, поскольку онѣ являются синдикальными группировками, обращать вниманіе на партіи и секты, которыя внѣ и сбоку могутъ преслѣдовать вполнѣ свободно цѣли соціальнаго преобразованія“.

Несомнѣнно эта резолюція концентрируетъ взгляды активныхъ синдикалистовъ во Франціи и даетъ возможность вскрыть смыслъ этого движенія.

Авторъ статьи прослѣживаетъ шагъ за шагомъ отношенія соціалистической партіи къ синдикалистамъ. На послѣднемъ Лиможскомъ съѣздѣ 1—4 ноября 1906 г. партіи объединенныхъ соціалистовъ предстояло высказаться какъ разъ по этому поводу. Непримиримая резолюція Гэда, ставившая цѣлью подчиненіе кооперативной дѣятельности политической, должна была уступить мѣсто предложенію Жорэса, старавшагося примирить эти два теченія. Сущность принятой резолюціи сводится къ слѣдующему:

„Конгрессъ, убѣжденный, что рабочій классъ можетъ вполнѣ освободить себя лишь соединенными силами политической дѣятельности и дѣятельности синдикальной, при посредствѣ синдикализма, доходящаго вплоть до всеобщей стачки и при

посредствѣ завоеванія всей политической власти въ виду общей экспропріаціи капитализма... Приглашаетъ всѣхъ дѣйствующихъ товарищей работать насколько возможно для того, чтобы разсѣять всякія недоразумѣнія между конфедераціей труда и соціалистической партіей...

«Центромъ тяжести теоріи революціоннаго синдикализма, — пишетъ г. Кудринъ, — является своеобразный анархическій марксизмъ... Пока французскіе анархисты вели свою проповѣдь главнымъ образомъ среди буржуазныхъ слоевъ, они напирали изъ всего ученія Прудона почти исключительно на идеологію индивидуализма... За то, когда они пошли къ рабочимъ, проникая въ сферу ихъ профессіональныхъ организацій, они должны были естественно подчеркнуть другую сторону прудоновской доктрины, значеніе экономическихъ отношеній. И они стали пропагандировать идеи экономизма, уже сильно распространенныя среди французскихъ трудящихся массъ благодаря агитаціи гэдистовъ. Но въ то время какъ у Гэда и его товарищей экономическій матеріализмъ Маркса заострялся въ духѣ самого же творца теоріи въ требованіе политической борьбы и захвата политической власти рабочимъ классомъ, анархисты-синдикалисты остались при прудоновскомъ аполитическомъ экономизмѣ».

Эту позицію поддерживаетъ психологическій фактъ недовѣрія французскихъ рабочихъ къ политикѣ и къ интеллигенціи, въ средѣ которой политика играетъ такую крупную роль. Однако, питая отвращеніе къ политической борьбѣ, синдикалисты не могли всецѣло отъ нея освободиться. И у этихъ ожесточенныхъ враговъ принудительнаго государственнаго элемента эта боевая тенденція вылилась въ томъ, что они стали признавать и пропагандировать единственное расширеніе классовой борьбы за предѣлы экономической борьбы, нападеніе на существующій строй съ тѣмъ, чтобы на развалинахъ капитализма и государства установить свободную федерацію безчисленныхъ рабочихъ синдикатовъ. Такъ выработалась теорія «прямого воздѣйствія» (action directe) на силы стараго міра путемъ давленія рабочихъ массъ на отдѣльныхъ капиталистовъ и на всю государственную организацію въ видѣ демонстрацій болѣе или менѣе боевого характера въ видѣ всеобщей стачки, и, наконецъ, въ видѣ завершающей—ее соціальной революціи.

Мы думаемъ вмѣстѣ съ авторомъ статьи, что, отказываясь всецѣло отъ политики, синдикализмъ долженъ въ концѣ-концовъ наткнуться на дилемму: или стать чисто профессіональнымъ синдикализмомъ, т.-е. «тѣломъ безъ души», или превратиться въ игралище аполитической политики анархистовъ, т.-е. пойти къ быстрому разложенію.

Ѳ. Арнольдъ.

Литературныя замѣтки.

Скандинавскіе писатели давно уже привлекаютъ къ себѣ вниманіе современниковъ, и на горизонтѣ европейской литературы они образуютъ какъ бы сѣверное сіяніе, которое бросаетъ свой необычный отблескъ во всѣ глубины человѣческаго духа. Теперь, когда физически погасъ самый яркій и мощный лучъ этого сіянія, когда умеръ Генрикъ Ибсенъ, суровый старикъ полуночи, возникло естественное стремленіе разобраться въ томъ богатомъ наслѣдіи образовъ, идей и символовъ, которое онъ завѣщалъ въ своихъ книгахъ. А яркая постановка «Бранда» на сценѣ московскаго Художественнаго театра еще болѣе усилила интересъ къ произведеніямъ знаменитаго драматурга.

Писатель безъ граціи, непривѣтливый и негостепріимный, какъ природа его родины, тяжелой поступью прошелъ Ибсенъ по нивѣ художественнаго творчества, и, можетъ быть, въ томъ отношеніи похожъ на чеховскаго черныго монаха этотъ монахъ сѣдой, что, гдѣ бы онъ ни проходилъ, какой бы стороны существованія онъ ни касался, вездѣ разстилалась зловѣщая тѣнь, и жизнь вставала передъ нами какъ неумолимо-трудная задача, звучала голосомъ взыскательной совѣсти. Точно не замѣчая своихъ читателей, не глядя на нихъ, Ибсенъ себѣ самому отдавалъ отчетъ въ событіяхъ своего затѣненнаго внутренняго міра, въ горестныхъ замѣтахъ своей мрачной мудрости. Исключительно-серьезная атмосфера насыщаетъ его типичныя пьесы, жесткія, угловатыя (онѣ таковы, несмотря на свою внѣшнюю сценичность), и даже тамъ, гдѣ онъ безъ улыбки шутитъ, вамъ не становится весело. Долго быть съ нимъ—жутко и неуютно, потому что онъ не художникъ мирной человѣческой долины: Ибсенъ—поэтъ высоты, пѣвецъ подвига, и къ вамъ онъ не сойдетъ; вы можете только подняться къ нему, если не боитесь этой головокружительной стремнины, всѣхъ этихъ льдинъ и лавинъ, подъ которыми часто гибнутъ его герои.

Во всемъ его міросозерцаніи слышится глубокое презрѣніе къ счастію. Свое или чужое, оно не занимаетъ его; даже утонченный эвдемонизмъ своимъ теплымъ вѣяніемъ не проникаетъ на тѣ горныя вершины съ разрѣженнымъ воздухомъ, на тѣ гордыя башни духа, гдѣ только и чувствуетъ себя привольно

нашъ сѣверный богатырь. Магнитъ счастья для него, желѣзнаго, теряетъ свое притяженіе. Свою тяжкую думу онъ упрямо думаетъ о другомъ. Онъ знаетъ, онъ убѣжденъ, что каждаго изъ насъ замыслила природа какъ особое, неповторяемое существо,—быть можетъ, какъ великое художественное произведеніе; и вотъ мы должны воплотить, завершить этотъ верховный замыселъ, потому что именно отъ насъ, отъ нашей воли, ждетъ онъ «какъ мраморъ, единой для жизни творческой черты». Ибсенъ неуклонно слѣдитъ за тѣмъ, какъ на всѣхъ дорогахъ міра, въ бореніяхъ внутренняго творчества, ищетъ и находитъ личность самое себя, какъ развертываетъ она свой оригинальный свитокъ и притязаетъ на тотъ престолъ, который въ разныхъ формахъ манитъ къ себѣ всѣхъ людей.

Величіе и драма Бранда заключается въ томъ, что свой престолъ онъ стремился воздвигнуть на небесахъ, «въ сосѣдствѣ Бога». Онъ хотѣлъ священникомъ быть въ серьезъ,—какъ нѣкій Лиръ, съ головы до ногъ священникомъ, и онъ жаждалъ превратить всю жизнь въ одно сплошное богослуженіе. Его цѣльная душа томилась среди обрывковъ душъ, изнывала отъ человѣческой безстильности, отъ людей, похожихъ на дроби,—на такія дроби, которыя убиваютъ цѣлое. Въ своемъ нравственномъ абсолютизмѣ, въ своемъ исповѣданіи «все или ничего» онъ жизненно осуществлялъ тѣ своеобразныя идеи, философское выраженіе которыхъ далъ Ибсену датскій мыслитель Киркегоръ, пламенный мученикъ вѣры. Для Бранда религія, это—трагедія, потому что неизмѣримо велико разстояніе отъ человѣка къ Богу, и только могучій порывъ духа, «скачокъ», какъ любилъ выражаться Киркегоръ, можетъ поднять насъ на божественныя высоты. Большинство людей отъ этого разстоянія не страдаютъ, его паѳоса не чувствуютъ. Они превратили религію въ нѣчто удобное, изящное, пріятное, въ одинъ изъ механическихъ пріемовъ жизненной обрядности; изъ семи дней своей хозяйственной недѣли они отдали ей воскресное утро и этимъ удовольствовались. Они весело зажгли рождественскую елку, вокругъ которой рѣзвятся дѣти, они послали въ церковь своихъ причастницъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья, и какъ бѣлокурой Гретхенъ дали имъ въ руки красивые молитвенники съ золотымъ обрѣзомъ. Бога представляютъ они себѣ въ видѣ какого-то мірового дѣдушки съ длинной серебряной бородой. Свои грѣхи возложили они и на безъ того измученныя плечи Христа, который спасъ міръ, и на этомъ они успокоились. Они не хотятъ знать, что каждый долженъ имѣть собственную Голгоѳу, подобно тому какъ мужественными шагами восходитъ на нее страстотерпецъ Брандъ.

Въ своемъ религіозномъ подвижничествѣ онъ выдержалъ двойную борьбу: съ Богомъ и съ людьми. Одно изъ его первыхъ и труднѣйшихъ дѣлъ состояло въ томъ, что, священникъ, онъ похоронилъ давнишняго Бога, прочелъ ему отходную. Молодой и сильный, онъ понялъ, что Богъ толпы состарился вмѣстѣ съ посѣдѣвшимъ человѣчествомъ, изжилъ себя и отъ человѣчества перенялъ многія бренныя черты. Творецъ пострадалъ отъ сотвореннаго. И вотъ Брандъ весь обратился на служеніе тому Богу, который не старѣетъ, не страдаетъ,

тому «несотворенному духу», котораго негаснущую искру носилъ онъ въ собственномъ сердцѣ, похожемъ на «уголь, пылающій огнемъ». Титанъ воли, великій хотящій, Брандъ, для того чтобы уменьшить разстояніе между Богомъ и собою, для того чтобы осуществить истинный монотеизмъ души, на ряду съ Богомъ не воздвигающій никакихъ кумировъ,—Брандъ принесъ Ему въ жертву все человѣческое, всѣ идолы; мать, ребенка, жену, собственную жизнь положилъ онъ къ подножію небеснаго престола,—и какъ всегда, самыя великія жертвы оказались самыми безплодными, и своею мукой, уподобившей его Мученику крестному, онъ только исполнилъ глубокій завѣтъ безкорыстія.

Брандъ до конца испилъ горькую чашу призванія, потому что онъ не смѣлъ взывать къ Богу о милости, о любви. Онъ хотѣлъ, чтобы Богъ былъ для него не отцомъ, а судьей неумолимымъ, и оттого онъ считалъ себя въ правѣ судить и другихъ. Онъ не былъ субъектомъ милосердія, но зато и не дѣлалъ себя его объектомъ. Любовь, которой богата была его душа, онъ вполнѣ изливалъ только на ребенка, не потому, чтобы это было его родное дитя, а потому, что оно было невинно и чисто. Самъ онъ, такой упрямый и угрюмый, судія родной матери, подъ этой застывшей лавой суровости таилъ источникъ горячихъ слезъ, и такъ былъ бы онъ счастливъ дать имъ исходъ,—сладко плакать и плакать, «прижаться къ мощной десницѣ Бога, спрятать лицо на отцовской груди». Но онъ не смѣлъ этого дѣлать. Въ міръ лѣнивый и слабый, уповающій на снисхожденіе и все растворившій въ гуманности («вотъ безсильное то слово, что стало лозунгомъ для всей земли»), въ міръ, гуманностью прикрывшій свое нежеланіе подвига и свой страхъ передъ страданіемъ, онъ звалъ «бѣлую голубку любви» лишь послѣ того, какъ въ человѣкѣ одержитъ полную побѣду воля и человѣкъ радостно *захочетъ* креста, и будетъ хотѣть его даже въ предсмертныя мгновенія своей тоски и скорби. Брандъ помнилъ, что въ Геѳсиманскомъ саду «гуманенъ не былъ къ Сыну самъ Господь Отецъ», и чаша не миновала страдальческихъ устъ Сына.

Въ этомъ пониманіи Бога, какъ безусловной требовательности, Брандъ встрѣтилъ себѣ тяжкую преграду въ лицѣ государства. Оно, пошлое въ своей мелкой правотѣ, ждало отъ него, что онъ придастъ своему религіозному служенію характеръ будничный, общедоступный, что онъ изъ покорной паствы сдѣлаетъ послушныхъ гражданъ. Въ христіанствѣ, понятомъ серьезно, государство не нуждается. Вѣчная торжественность настроенія, присущая Бранду, казалась чиновникамъ въ рясахъ и мундирахъ смѣшной и вредной, и они убѣждали его не превращать въ воскресенье всѣхъ трудовыхъ дней недѣли, не поднимать флаговъ, точно «съ каждой лодкой ждалъ онъ Господа къ себѣ». Они сами Господа не ждали, и если бы къ нимъ, христіанамъ, пришелъ Христосъ, они встрѣтили бы его съ недоумѣніемъ и враждой,—быть можетъ, какъ великій инквизиторъ въ легендѣ Достоевскаго. Они во имя Христа, оскорбляя Его, строили свои «коммунальные замки», гдѣ должны были объединиться тюрьма и богадѣльня,

зала для избирательныхъ собраній и домъ сумасшедшихъ: такъ мечталъ фогтъ, воплощенная благожелательная срединность, миролюбивый и довольный, безъ воодушевленія, безъ истинной религіи, счастливый въ низинахъ жизни. То, отъ чего много страдалъ священникъ Брандъ, это былъ крестъ опошленный...

Но если бы Брандъ и могъ одолѣть человѣчество внѣшнее, если бы онъ побѣдилъ то большинство, которое становится на дорогѣ великому одинокому, онъ всетаки въ этомъ не нашелъ бы покоя. Человѣчество со своими грѣхами и страданіями вошло внутрь его, сдѣлалось имъ самимъ, и оттого онъ не могъ его избыть и искупить. Здѣсь встрѣчаетъ насъ одна изъ самыхъ завѣтныхъ и характерныхъ для Ибсена идей: человѣкъ отвѣчаетъ за человѣчество. Ибсенъ-Брандъ мучительно ощущаетъ свое родство съ низменнымъ духомъ, который, какъ лермонтовское земное «жизни тяготѣнье», влечетъ его долу. Пусть самъ онъ чувствуетъ въ себѣ внутреннія крылья, но на нихъ тяжкими гирями повисло чужое, повисло прошлое, которое не проходитъ и возвращается какъ Немезида. Брандъ говоритъ о страшной горѣ долговъ, которую каждый изъ насъ получаетъ отъ предковъ; мы прежде всего—наслѣдники, и тѣ, кто сзади насъ, это—преступники. Отъ длиннаго ряда преступныхъ людскихъ поколѣній мы получили въ наслѣдство моральные долги,—примемъ ли мы ихъ? Брандъ принялъ. Онъ отказался отъ богатства матери, но долги ея взялъ на себя. А она много должна была Богу, потому что на своемъ долгомъ жизненномъ поприщѣ она растратила всю человѣчность, какая дана была ей въ земную дорогу. Цѣпкими дряхлыми пальцами держалась она за золото, и когда эти пальцы уже костенѣли отъ надвигающейся смерти, она всетаки не хотѣла его выпускать, она только частью его готова была поступиться ради церкви, а часть для Бранда это все равно что ничего, «малый обломокъ золотого тельца—все тотъ же идолъ»; и священникъ Брандъ не далъ причащенія родной матери. Мать его—изъ тѣхъ, кто видитъ въ своемъ ребенкѣ душеприказчика или, говоря словами самого Ибсена, просто приказчика, которому можно, умирая, сдать на руки всю рухлядь. Но караемый сынъ виноватой матери вещи оттолкнулъ отъ себя, а къ преступленію призналъ себя сопричастнымъ. И легко замѣтить, что эта старая женщина, совершившая великую растрату, на землѣ растерявшая небесное, приходится матерью не только Бранду, но и всѣмъ намъ. Въ этой символической, удивительно написанной фигурѣ Матери Ибсенъ олицетворилъ все прошлое, отжившее, но продолжающее жить въ своихъ потомкахъ, въ каждомъ представителѣ новаго поколѣнія. Воплощенное старое, грузъ исторіи, древняя вина, мать мѣшаетъ сыну, потому что онъ любитъ ее, привязанъ къ ней и во что бы то ни стало хочетъ и долженъ возмѣстить ея растрату, замолить ея грѣхъ, хотя бы кровью, «виномъ искупленія», священнымъ человѣческимъ виномъ...

Круговая порука человѣчества, общая связь и связанность людей сказывается не только въ этой власти прошлаго надъ настоящимъ, въ этой печати,

которую налагают на всякаго грѣхи отцовъ и матерей; нѣтъ, и то, что—настоящее, что насъ окружаетъ, насъ обвиняетъ. Вотъ въ пасторское жилище Бранда, къ его очагу, пришла цыганка съ обнаженнымъ, замерзающимъ ребенкомъ на рукахъ,—и въ ея лицѣ пришло въ домъ все бездомное человѣчество, вся мiровая нищета, вся соцiальная неправда и обида. И слышитъ Брандъ мученическiя и озлобленныя слова цыганки:

Наши враги—вы: на гибель
Вами съ рожденья мой сынъ обреченъ.
Онъ родился въ придорожной
Грязной канавѣ, подъ пѣнье и гамъ,
Гиканье, крики разгула!
Въ лужѣ крещенъ былъ, помазанъ золой;
Водки глотнулъ изъ бутылки,
Раньше, чѣмъ грудь мою началъ сосать.
Рядомъ шелъ споръ и галдѣнье...
Это—отецъ... нѣтъ, прости меня Богъ,—
Это отцы его грызлись...

Брандъ, осѣдлый, слушаетъ эти вопли бродячей женщины, и онъ чувствуетъ, онъ сознаетъ, что въ ея черное горе влилъ и онъ немало тяжелыхъ капель. Какъ священникъ, онъ еще больше другихъ виноватъ въ томъ, что есть этотъ голодъ, этотъ холодъ, это отчаянiе. Мы легко забываемъ о страданiи, которое разстилается за порогомъ нашего дома; но надо помнить, что мы всѣ отвѣтимъ за него. Ибо нѣтъ правыхъ въ нашемъ виноватомъ мiрѣ.

И знаменательно, что кочующая цыганка—Бранду не чужая. Въ сложную ткань жизни Ибсенъ и здѣсь вплелъ одну изъ своихъ оригинальныхъ нитей. Дѣло въ томъ, что мать Бранда, все та же виновная мать, когда она была молодой и красивой дѣвушкой, по совѣту отца вышла замужъ не за бѣднаго, кто ее любилъ и къ кому лежало ея сердце, а вышла за неказистаго и стараго, который былъ богатъ; и вотъ отвергнутый юноша, обездоленный въ жизни и въ любви, почти обезумѣвъ, сошелся съ цыганкой,—отсюда и пошло, какъ выражается Фогтъ, это «бродячее породье, погрязшее въ порокахъ»,—эта цыганка, вбѣжавшая въ домъ къ Бранду, и эта безумная скиталица горъ, дѣвочка Гердъ, язычница, которая смущаетъ совѣсть христiанскаго священника Бранда. Мать его, какъ фру Альвингъ въ «Привидѣнiяхъ», согрѣшила противъ солнца и сердца, противъ своей любви и своей природы; отсюда—цыгане, язычество, безумiе, нищета, и всю эту вину искупаетъ кто же? Даже не самъ Брандъ, не сынъ виноватой матери, а ея внукъ, безвинный агнецъ маленькiй сынъ Бранда; онъ умеръ, и мать его Агнесъ осталась въ рождественскiй сочельникъ безъ ребенка; именно здѣсь—та страница пьесы, которая разрываетъ жалостью всякое сердце, умѣющее сочувствовать пронзенному сердцу Mater Dolorosa. И въ глубокомъ раздумьи говоритъ священникъ Брандъ:

Конца грѣхамъ и искупленью нѣтъ!
Какъ спутались десятки тысячъ нитей
Судебъ людскихъ, какъ грѣхъ съ плодомъ грѣха

Переплелись, друг друга заражая!
Глядишь на этот спутанный клубокъ
И видишь, что слилась съ неправдой правда.

Мое дитя, безвинный агнецъ мой,
За бабки грѣхъ ты палъ!...

. . . .

Такъ служатъ Господу плоды грѣха
Къ возстановленью въ мірѣ равновѣсья
И справедливости; *такъ* Онъ на внуковъ
За дѣдовъ грѣхъ взысканье налагаетъ.

Человѣкъ отвѣчаетъ за человѣчество, и всѣ мы передъ высшимъ судомъ—какъ неосѣдлые, преступные и несчастные цыгане, всѣ мы—точно Божья богема...

За то, что вина человѣчества тяготѣла на Брандѣ, за то, что и онъ, несмотря на свои безмѣрныя жертвоприношенія, не преодолѣлъ разстоянія отъ человѣка къ Богу и построилъ обширную церковь вещественную, вмѣсто того чтобы признать храмомъ всю природу и слушать только ея извѣчные хоралы,—за это онъ въ предсмертныя мгновенья Богомъ не былъ услышанъ. Когда, извиваясь подъ лавиной, онъ проситъ Божьяго отвѣта и раздается чей-то голосъ: «Богъ, онъ—deus caritatis», то это возглашаетъ не Богъ, а злой духъ, — такъ сказать, мировая иронія. Правда, не всѣ комментаторы именно такъ понимаютъ этотъ финалъ пьесы, и многіе за чистую монету, за Божій голосъ считаютъ послѣднія латинскія слова. Но уже одно то, что они—латинскія, что они рифмуютъ съ такими же словами Бранда «воли людской quantum satis»,—одно это не позволяетъ принимать ихъ въ серьезъ. Они представляютъ собою повтореніе того, чтó раньше сказалъ добрый докторъ, который находилъ въ Брандѣ воли quantum satis, но зато признавалъ чистымъ его пасторскій conto caritatis; въ минуту своей мученической смерти Брандъ слышитъ опять эти слегка насмѣшливыя выраженія. Нашъ Художественный театръ отважно разрубилъ Гордіевъ узелъ тѣмъ, что замѣнилъ ихъ словами русскими, для того чтобы не было такого диссонанса; но онъ не имѣлъ на это права, потому что Ибсенъ диссонанса хотѣлъ, и у самого драматурга безъ Художественнаго театра достало бы художественнаго вкуса, чтобы замѣтить неудобство латинской цитаты въ Божьихъ устахъ. Нѣтъ, это уста другія; въ этомъ и заключается трагедія Бранда. Онъ, такъ много отдавшій Богу, отъ Бога ничего не получилъ. Безпримѣрное жертвоприношеніе воли не дало никакого плода, и Брандъ остался одинъ, безъ Бога и безъ людей, и только безумная Гердъ, пожалѣвшая и полюбившая его, перерожденная имъ, стояла около него въ его послѣднія минуты; зато она же, стихійная, дикая, плодъ виноватой матери Бранда, была и внѣшней виновницей его смерти. Брандъ остался одинъ. Недавно его одиночество, его сиротство могучей личности, скрашивали жена и ребенокъ, и онъ съ отрадой видѣлъ, какъ жена его смотрѣла, точно въ зеркало, въ душу его дитяти, свѣтлую, ясную, какъ озеро на

солнцѣ. Теперь нѣтъ у Бранда никого, и передъ нимъ, одинокимъ, единственнымъ, міръ лежитъ неотраженный, міръ безъ зеркалъ...

Если Богъ покинулъ его, то ужъ, конечно, не могли послѣдовать за нимъ и люди. На мгновенье увлекъ онъ ихъ своимъ горячимъ словомъ, но они убоялись вершины, испугались жертвы, и когда имъ посулили богатый уловъ сельдей, они вернулись подъ низкія кровли своихъ домовъ, къ своимъ пошлымъ пастырямъ, въ безпросвѣтныя будни своего духа. Ловцы сельдей оказались сильнѣе Бранда, ловца человѣковъ.

Оставленный безъ Бога и безъ людей, отдавшій все и взамѣнъ не получившій ничего, кромѣ каменьевъ съ земли и насмѣшки съ неба,—Брандъ, какъ мы уже сказали, воплощаетъ дорогую для Ибсена идею безкорыстія. Невидимый хоръ поетъ ему:

Можешь противиться, можешь смириться,—
Ты осужденъ, человѣкъ.

«Умретъ Іегову узрѣвшій», и всетаки человѣкъ долженъ стремиться къ лицезрѣнію Іеговы. Но только Ибсенъ не обѣщаетъ намъ, что жаждущій Бога непремѣнно увидитъ Его. Напротивъ, онъ говоритъ намъ, что послѣ потрясающихъ жертвъ и нечеловѣческаго хотѣнія, послѣ того какъ вырвешь изъ своей груди трепещущее сердце и бросишь его «коршуну закона»,—послѣ этого ты всетаки останешься одинъ, безъ луча солнца, безъ какого бы то ни было подобія награды. Не обольщайте себя иллюзіями, не ждите счастья, перенесите Голгоѳу—умрите безъ чаянья воскресенія: вотъ какое бремя возлагаетъ Ибсенъ, самый требовательный изъ писателей, на утомленное человѣчество. Снесемъ ли мы эту тяжесть, можемъ ли мы принять такое неумолимое безкорыстіе, такое міросозерцаніе безъ счастья? Хотимъ ли мы страданія?

Умеръ Ибсенъ, закатилась полярная звѣзда его личности, но вопросъ, который онъ поставилъ передъ нами, который онъ, какъ въ стихотвореніи Гейне, написалъ на своемъ сѣверномъ небѣ погруженной въ кратеръ Этны сосной изъ норвежскихъ лѣсовъ,—этотъ вопросъ горитъ огненными буквами, и Ибсенъ ждетъ отвѣта...

Ю. Айхенвальдъ.

Отчетъ редакціи

(о пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ.)

Въ редакцію журнала *Русская Мысль* поступило пожертвованій съ 8 октября 1906 г. по 18 января 1907 г.: Отъ Кругловой М. Я.—5 р., отъ средне-егарлыкскаго обществ. собранія—25 р., отъ В. Д.—3 р., отъ неизвѣстныхъ—7 р., отъ Матвѣевой—1 р., отъ Кулябко — 10 р., отъ Л. Д.—10 р., 3% сборъ съ сотрудниковъ — 2 р. 6 к. и за проданныя старыя вещи — 4 р. Итого — 67 р. 6 к., съ прежде поступившими— 7,839 р. 87 к. Расходъ: Подвязковой—79 р., Щекиной, В. А.—30 р., газ. *Русскимъ Вѣдомостямъ* на погорѣльцевъ г. Сызрани—52 р., Климонтовичъ, Г. А.—16 р. 53 к. Итого 177 р. 53 к. Съ прежде поступившими—7,839 р. 87 к.

Отъ Самарскаго Комитета общественной помощи голодающимъ Самарской губерніи.

Въ г. Самарѣ организованъ Комитетъ общественной помощи голодающимъ, какъ мѣстный отдѣлъ центральнаго Московскаго и Петербургскаго Комитета. Во главѣ послѣднихъ стоятъ Всероссійское Пироговское, Московское сельско-хозяйственное и Петербургское вольно-экономическое общества, широко популярныя по общей своей дѣятельности и работающія по борьбѣ съ голодомъ уже въ теченіе ряда лѣтъ. По мѣстнымъ условіямъ Самарскій Комитетъ возобновляетъ лишь дѣятельность Самарскаго частнаго кружка по оказанію помощи голодающимъ, работавшаго въ 1898—1899 году.

Размѣры наступившаго голода далеко оставляютъ за собою всѣ предыдущія голодовки. Уже съ августа мѣсяца наблюдается недоѣданіе крестьянскаго населенія во многихъ мѣстахъ: ѣдятъ черезъ день, ѣдятъ по очереди, примѣняютъ систему „леманія", какъ средство утоленія голода, ѣдятъ хлѣбъ съ лебедой, съ желудями. Положеніе голодающаго населенія ужасно—и съ каждымъ днемъ по мѣрѣ приближенія суровой зимы оно будетъ ухудшаться. Оно тѣмъ болѣе ужасно, что условія борьбы съ настоящимъ голодомъ исключительны вслѣдствіе переживаемыхъ нами общихъ событій. Средства помощи въ настоящую голодовку также до крайности ничтожны. Все это вмѣстѣ взятое должно вызвать на помощь голодающимъ самые широкіе общественные слои населенія. Дорога каждая копейка, ибо за 1 руб. 50 коп. можно прокормить голодающаго въ теченіе мѣсяца. Самарскій комитетъ общественной помощи голодающимъ и взываетъ къ самымъ широкимъ общественнымъ слоямъ о помощи.

Граждане! Отбросьте всѣ соображенія, думы и размышленія. Прислушайтесь только къ голосу сердца—и памятуйте объ одномъ—вашимъ братьямъ и сестрамъ грозятъ душевныя и физическія муки, болѣзнь и смерть отъ голода и ваше сердце вамъ повелительно скажетъ: **придите на помощь голодающимъ!**

Помощь будетъ цѣнна, въ какой бы мѣрѣ и какой бы формѣ она ни была.

Пожертвованія деньгами, пищевыми продуктами, платьемъ просятъ направлять по адресу: г. Самара, губернская земская управа, казначею Комитета общественной помощи голодающимъ Б. К. Ромодановскому.

Бюро проситъ редакціи газетъ перепечатать настоящее воззваніе и открыть подписку въ пользу голодающихъ Самарской губерніи.

Бюро комитета: г-жи Е. А. Бузкова, О. Б. Котельникова, Н. А. Хардина, гг. Н. А. Гладышъ, М. М. Гранъ, А. Г. Кряжинскій, П. П. Крыловъ, В. К. Ромодановскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь **1907 года.**

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Публицистика.—Исторія.—Естествознаніе. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го декабря 1906 г. по 1-е января 1907 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Библіотека великихъ писателей подъ ред. С. А. Венгерова. *Пушкинъ.* Вып. I. Изд. Брокгаузъ-Ефрона.—Сочиненія *Пушкинъ.* Изд. Академіи Наукъ. Переписка. Подъ ред. и съ примѣч. *В. И. Саитова.* Т. I.—*Борисъ Зайцевъ.* Разсказы.

Библіотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. Вып. I. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к. Г. Венгеровъ давно уже обѣщалъ намъ Пушкина, роскошно изданнаго, по образцу выпущенныхъ имъ Шиллера, Шекспира и Байрона; теперь передъ нами начало изданія, которое, конечно, заинтересуетъ не только охотниковъ до роскошныхъ книгъ, но и всякаго „любителя россійской словесности“. Первые могутъ считать себя въ значительной степени удовлетворенными. Такъ Пушкинъ еще никогда не издавался: большой форматъ, прекрасная бумага, спеціальный шрифтъ пушкинскаго времени, стильный орнаментъ въ видѣ заставокъ, концовокъ, заглавныхъ буквъ (напр. статья о предкахъ Пушкина орнаментирована въ старорусскомъ стилѣ, лицейскія стихотворенія, дышащія мотивами XVIII вѣка, обставлены соотвѣтственными рисунками французской ложно-классической эпохи и т. д.), наконецъ, цѣлый рядъ хорошихъ цинкографій, дающихъ виды, снимки съ картинъ, автографы, портреты; интересны, между прочимъ, очень хорошо переданные въ краскахъ портреты отца, матери и сестры поэта, каждый въ цѣлую страницу. Все это заботливо и обдуманно собрано, обыкновенно хорошо выбрано и прекрасно исполнено, такъ что дѣлаетъ изданіе изящнымъ и цѣннымъ въ художественномъ отношеніи. Но мы бы сказали, что осталась при этомъ недостигнута одна, высшая ступень изящности: нѣтъ цѣльнаго и чистаго, гармоничнаго впечатлѣнія, изданіе пестро. Въ сочиненіяхъ Пушкина естественно ищешь самого Пушкина прежде всего и больше всего; въ I вып. г. Венг юва на 160 стран. большого формата напечатано всего два десятка л цейскихъ стихотвореній, найти которыя вовсе не легко. Они начинак ся на 63 страницѣ, идутъ только на правыхъ страницахъ (лѣвыя о цаны комментарію), затѣмъ прерываются надолго, когда комментарій р россся, превратился въ отдѣльную статью и занялъ все мѣсто, потомъ н инаются опять: Пушкинъ долженъ нерѣдко отойти въ сторонку и п олчать, пока ученые люди говорятъ о немъ. Самое расположеніе т кста—тѣсное, въ двѣ колонны, однимъ шрифтомъ съ примѣчаніями. В это даетъ ненужное и досадное зрительное впечатлѣніе: вы пришли

въ домъ увидаться и поговорить съ хозяиномъ, котораго любите или непремѣнно полюбите, и находите во всѣхъ комнатахъ толпу его приближенныхъ; всѣ они много и хорошо говорятъ о немъ, но вамъ въ этой сутолокѣ трудно различить фигуру и черты хозяина и вслушаться въ его рѣчи. Нѣтъ, намъ мечтается о такомъ изданіи Пушкина, гдѣ царилъ бы самъ поэтъ, гдѣ съ каждой страницы смотрѣлъ бы на васъ онъ одинъ, безъ своихъ придворныхъ толкователей; пусть наше время, наша техника и наше любящее поклоненіе окружать его дорогія слова внимательно и строго выбранными рисунками, соотвѣтственными той эпохѣ: для этой цѣли г. Венгеровъ очень много поработалъ и почти весь художественный матеріалъ у него подобранъ умѣло и со вкусомъ; изданіе при тѣхъ же иллюстраціяхъ неизмѣримо бы выиграло, отдай г. Венгеровъ первые, скажемъ, четыре тома Пушкинскому тексту (конечно, не въ два столбца!) и собери всѣ этюды и примѣчанія въ послѣдніе два тома.

Про иллюстративную часть мы можемъ еще замѣтить, что г. Венгеровъ дѣлаетъ ошибку, собираясь „дать широкое развитіе отдѣлу автографовъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда они помогаютъ установленію текста“. Его изданіе не можетъ, да и не должно быть ученокритическимъ, а художественное достоинство книги не выиграетъ отъ большого количества такихъ приложеній. Въ настоящемъ выпускѣ оба автографа въ цѣлую страницу („О, Делія драгая“ и четверостишіе изъ „Пирующихъ студентовъ“ по двумъ рукописямъ) можно считать собственно лишними: первый приложенъ къ стихотворенію, напечатанному по другому тексту, а второй, данный ради начертанія слова *тосуюсь* или *тасуюсь*, по неясности начертанія не рѣшаетъ дѣла. Кстати: считаемъ и портретъ артистки Клэронъ ненужнымъ: странно прилагать большой, въ цѣлую страницу портретъ лица, случайно попавшаго подъ перо Пушкина: онъ говоритъ о плохой крѣпостной актрисѣ, что она „не наслѣдница Клероны“ и больше ни слова, при чемъ самъ г. Венгеровъ поясняетъ, что Клэронъ сошла со сцены еще въ 1765 г., и Пушкинъ могъ только вычитать ея имя у Вольтера. Но, повторяемъ, всѣ художественныя приложенія интересны и прекрасно исполнены; любитель изящныхъ изданій можетъ поздравить себя съ хорошимъ подаркомъ, если его удовольствію не помѣшаютъ указанныя выше соображенія. Посмотримъ, что скажетъ „любитель словесности“ и въ частности Пушкина, о литературной сторонѣ дѣла.

Къ установленію текста редакторъ отнесся очевидно очень внимательно: въ двухъ мѣстахъ онъ воспользовался послѣдними открытіями К. Грота и даетъ новыя дополненія (въ стихотвореніи „Леда“ прибавлена одна строка, въ „Посланіи къ Натальѣ“ — 34 новыхъ стиха); кое-гдѣ г. Венгеровъ предлагаетъ свои чтенія отдѣльныхъ мѣстъ, къ сожалѣнію, не указывая своихъ аргументовъ (они отнесены имъ къ концу тома и слѣдовательно еще не появились). Вслѣдствіе такой неоговоренности иногда невозможно отличить оригинальное чтеніе отъ опечатки, нап , въ посланіи Батюшкову (стр. 147) Пушкинъ называетъ гр. Хвост „Графономъ“ (подобно тому, какъ въ другихъ мѣстахъ „Графовымъ ; г. Венгеровъ печатаетъ: „Скажи, по милости, *Грифону*“...

Въ такомъ видѣ эту строку находимъ въ цѣломъ рядѣ прежнı изданій, кончая изданіемъ Литературнаго фонда; но затѣмъ Майковс академическое, Морозовское (тов. Просвѣщеніе) и послѣднее Ефремовс уже одинаково даютъ „Графону“. Посланіе не сохранилось въ рукоп и всѣ редакторы упоминаютъ, что печатали его по тексту „Россійск

Музеума“ 1815 г. Оттуда же извлекаетъ его и г. Венгеровъ, но старая—мы думаемъ—опечатка воскресла, какъ фениксъ изъ пепла.

Затѣмъ г. Венгеровъ въ предисловіи полагаетъ (стр. VI), что при всемъ соблюденіи старой орѳографіи онъ не можетъ отказаться отъ „нѣкотораго превышенія власти“ и намѣренъ исправлять безспорныя ошибки и описки самого Пушкина, а особенно знаки препинанія: „Пушкинъ былъ нетвердъ въ орѳографіи и страшно размашисто набрасывалъ свои произведенія“... а уже знаки препинанія почти совсѣмъ не разставлялъ“. Тутъ не безъ правды, но и самый принципъ, и отзывъ о поэтѣ набросаны „страшно размашисто“, — „по-Пушкински!“ Примѣръ, которымъ тутъ, на стр. VI, подтверждена необходимость „превышенія власти“, какъ разъ далеко не безспоренъ. Рѣчь идетъ о двухъ строкахъ стих. „Пирующіе студенты“. Пушкинъ трунитъ надъ товарищемъ Кюхельбекеромъ—плохимъ поэтомъ; автографъ даетъ эти строки безъ знаковъ препинанія, въ такомъ видѣ:

Писатель за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе...

Г. Венгеровъ пишетъ: „выходитъ, что Кюхельбекеръ сталъ писателемъ за свои грѣхи — мысль совершенно непонятная. Дѣло объясняется однако очень просто, если напечатать стихи съ знаками препинанія:

Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе.

Дѣло не такъ просто; еще вопросъ, что̀ хотѣлъ сказать Пушкинъ Кюхельбекеру: что онъ осужденъ остаться трезвымъ среди подгулявшихъ товарищей, или что для него стихотворство—казнь, наложенная за грѣхи. Автографъ не даетъ знаковъ препинанія, стихотвореніе самимъ Пушкинымъ не было напечатано; редакторъ по необходимости долженъ избрать одно изъ двухъ толкованій, но примѣръ дурно выбранъ и тонъ неподходящій; нельзя говорить, что „дѣло очень просто“ и послѣ *писатель* „явно пропущенъ знакъ“.

Другой сомнительный случай видимъ въ „Посланіи къ Натальѣ“ (стр. 125). Оно до сихъ поръ печаталось по списку не Пушкинской руки, но найденному въ его бумагахъ, гдѣ сохранилось съ большимъ пропускомъ въ срединѣ и безъ конца. Теперь оно нашлось полностью въ тетради товарища поэта, Матюшкина, и г. Венгеровъ, руководствуясь новымъ спискомъ, мѣняетъ чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, уже давно извѣстныхъ. Объясненія отложены до конца тома, и потому не будемъ говорить о всѣхъ перемѣнахъ, но среди нихъ есть одна, основанная какъ разъ на знакѣ препинанія, гдѣ мы усматриваемъ неосновательное „превышеніе власти“ редактора. До сихъ поръ мы читали:

Ночь придетъ, и лишь тебя
Вижу я въ пустомъ мечтаньѣ,
Вижу, въ легкомъ одѣяньѣ,
Будто милая со мной.

. Венгеровъ уничтожилъ запятую послѣ второго *вижу* и такимъ об..зомъ заставилъ Пушкина разсказывать намъ, въ какомъ костюмѣ бь..гъ онъ, когда мечталъ о красавицѣ! А, можетъ быть, это—опечатка, та..же, какъ и выше въ томъ же посланіи: „И ужъ въ сердце—Купидо..гъ“ (вм. *въ сердцѣ*). Можетъ быть... Г. Венгеровъ обѣщаетъ намъ га..антію противъ того, что онъ называетъ „превышеніемъ власти“: въ ко..цѣ каждаго тома будетъ статья: „Исторія Пушкинскаго текста“; въ не.. — въ примѣчаніяхъ „будутъ приведены всѣ варіанты и точное опи-

саніе первоисточника“ (стр. VI). Мы думаемъ, мы ждемъ, мы надѣемся, что этого не будетъ; во-первыхъ, тогда понадобится не 6, а 16 томовъ, а во-вторыхъ, надо представить себѣ, что же станется съ изящнымъ изданіемъ, каково будетъ впечатлѣніе читателя, когда среди Пушкинской поэзіи, среди виньетокъ, красивыхъ рисунковъ будетъ еще неустрашимо прокладывать себѣ дорогу тяжелый критическій аппаратъ со „всѣми варіантами“, снимками съ перемаранныхъ черновыхъ листковъ... Всему свое мѣсто. Но у насъ нерѣдко вещи перемѣняются мѣстами: ученое, академическое изданіе скупится на автографы, а роскошное на нихъ расточительно и собирается, повидимому, быть сразу и тѣмъ, и другимъ. Это—пагубная ошибка. Уже и сейчасъ г. Венгеровъ мѣстами убиваетъ душу своего изданія смѣшеніемъ двухъ цѣлей, трудно совмѣстимыхъ; пестрота, о которой мы говорили, не ограничивается одной внѣшностью, мы видимъ ее и въ излишней, такъ сказать, т.-е. не къ мѣсту приложенной учености. Какова должна быть перспектива всего комментарія, если на статью о предкахъ Пушкина отдано около 48 большихъ столбцовъ, т.-е. три печатныхъ листа, и болѣе полутора листа (26 столбцовъ) на статью объ Оссіанѣ, итогъ которой выражается словами, что вліяніе Оссіана на Пушкина было ничтожно! Намъ жаль, что свѣжая по матеріаламъ и прекрасно написанная первая статья (г. Модзалевскаго) нашла себѣ мѣсто здѣсь, гдѣ ее прочтетъ и оцѣнитъ только тотъ, кто и безъ того непремѣнно пошелъ бы за ней въ спеціальное изданіе. Объ Оссіанѣ нужна была статейка разъ въ пять меньше; то же можно сказать про очень обстоятельный этюдъ о Гамильтонѣ, которому здѣсь совершенно не мѣсто; вліяніе его сказки на „Руслана и Людмилу“ довольно проблематично и о немъ достаточно было сказать нѣсколько строкъ. Это—крупные примѣры нарушенія здравой перспективы комментарія не только для такого изданія, но, думаемъ, даже и для научнаго; за ними слѣдуетъ рядъ болѣе мелкихъ: зачѣмъ въ подобномъ изданіи четыре столбца мельчайшихъ подробностей о мельчайшемъ стихотвореніи „О, Делія драгая“? или цѣлое изслѣдованіе о значеніи слова *тосуюсь* или *тасуюсь?*

Однажды это стремленіе къ ученой точности приняло даже комическій оттѣнокъ. Когда вы доберетесь на 63 стр. до стихотвореній Пушкина, то съ удивленіемъ увидите, что первое изъ нихъ стоитъ подъ цифрой 8. Гдѣ же тѣ 7, которыя, такъ сказать, первѣе перваго? А за этимъ отправьтесь на 30 страницъ назадъ или на лѣвыя страницы; это — тѣ, которыя не сохранились, притомъ про нѣкоторыя даже неизвѣстно, были они написаны или нѣтъ, и даже вѣрнѣе, что нѣтъ.

Мы не боялись останавливаться подробно на всѣхъ промахахъ изданія г. Венгерова; успѣху его наши замѣчанія повредить не могутъ; въ изданіи такъ много цѣннаго и интереснаго, что оно непремѣнно найдетъ свою публику; мы увѣрены впередъ, что въ дальнѣйшемъ оно будетъ освобождаться отъ главныхъ своихъ недостатковъ само собой: такой опытный и компетентный издатель, какъ г. Венгеровъ, долженъ скоро самъ увидать невозможность выдержать до конца взятый имъ масштабъ комментарія. Намъ остается пожелать, чтобы онъ какъ можно скорѣе отбросилъ все мелкое, третьестепенное и сосредоточился на цѣнномъ и крупномъ. Оссіаны и Гамильтоны не должны отнимать мѣста у Чаадаевыхъ, Раевскихъ, Вяземскихъ, Жуковскихъ, даже у Осиповыхъ, Ушаковыхъ, Нащокиныхъ и т. д. Ошибки въ художественномъ планѣ труднѣе поправимы, и Пушкинскому тексту очевидно суждено быть (по крайней мѣрѣ въ лирикѣ) нѣсколько забитому, затертому среди примѣчаній. Это, конечно, очень жаль; другого подобнаго изданія нескоро

дождется Пушкинъ,—вокругъ предпринятаго изданія сосредоточено такъ много знанія, труда, вкуса, научныхъ силъ, матеріальныхъ средствъ—все это нелегко собрать еще разъ и двинуть къ одной цѣли. „Критика легка“ — надо знать, чего стóитъ у насъ разыскать скрывающійся по частнымъ собраніямъ и у отдѣльныхъ лицъ художественный матеріалъ, какихъ тяжелыхъ и часто безплодныхъ хлопотъ стóитъ получить доступъ къ найденному, сколько разъ нужно ушибиться о предразсудки, о невѣжество, о полное равнодушіе къ вашимъ задачамъ и уйти ни съ чѣмъ... Конечно, г. Венгеровъ во многихъ случаяхъ давалъ (и будетъ давать) не все, что хотѣлъ, и многое, чего не собирался. Поэтому нашъ общій выводъ, разумѣется, будетъ въ пользу новаго изданія; оно даетъ не все, чего можно и должно ждать отъ такого предпріятія, но надолго останется лучшимъ изъ нашихъ роскошныхъ изданій Пушкина.

А. Е. Грузинскій.

Сочиненія Пушкина, изданіе Академіи наукъ. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Т. I (1815—1826). Академическое изданіе Пушкина двинулось. Оно уже получило извѣстность торжественной медленностью поступи; люди, перевалившіе черезъ mezzo del cammin di nostra vita, по выраженію Данта, т.-е. всѣ, кому за 35 лѣтъ, привыкли говорить о немъ: „Эхъ, кабы дожить! Да гдѣ же!“ Но вотъ нынѣшней зимой его движеніе замѣтно и для невооруженнаго глаза: недавно вышелъ 2-й томъ стихотвореній, а сейчасъ передъ нами лежитъ только что полученный томъ переписки. Правда, это—пока первый изъ четырехъ томовъ, на которые разсчитана вся переписка, и въ немъ еще нѣтъ примѣчаній, но и то уже хорошо. Отсутствіе примѣчаній, указателя и даже (хотя бы временнаго) оглавленія затрудняетъ и пользованіе этимъ томомъ, и вообще основательный разборъ его, но нѣсколько словъ о немъ можно сказать теперь же, не дожидаясь выхода остальныхъ томовъ. (Замѣтимъ мимоходомъ: странно, что форматъ „Переписки“ меньше, чѣмъ въ двухъ вышедшихъ томахъ сочиненій).

Первой особенностью новаго изданія надо считать помѣщеніе писемъ разныхъ лицъ къ Пушкину; такихъ мы насчитали свыше 80. Нововведеніе это очень пріятно; оно поясняетъ многія мѣста въ письмахъ самого Пушкина и сообщаетъ новыя данныя для его біографіи; такъ здѣсь находимъ важныя письма А. и Н. Раевскихъ, Бестужева, Рылѣева, Плетнева, Вяземскаго и др. Большая часть этихъ матеріаловъ была извѣстна ранѣе, нѣкоторые, повидимому, появляются впервые. Къ числу послѣднихъ, если не ошибаемся, относятся письма Анны Ник. Вульфъ, одной изъ дочерей сосѣдки Пушкина по Михайловскому, П. А. Осиповой. Давно извѣстно, что въ годы Михайловскаго житья Пушкинъ часто отводилъ душу въ Тригорскомъ, что съ женской молодежью семьи Осиповой онъ держался очень непринужденно, что тамъ царила атмосфера шутокъ, смѣха, легкихъ ссоръ и легкихъ романическихъ исторій, а самымъ серьезнымъ моментомъ этихъ ухаживаній было сильное, но быстро прошедшее увлеченіе Пушкина Анной Петровной Кернъ. Теперь оказывается, что въ этой игрѣ были пострадавшіе: А. Н. Вульфъ, съ которой Пушкинъ любезничалъ и шутилъ какъ со всѣми, которая была близко посвящена въ его страстное увлеченіе ея кузиной Кернъ, весной 1826 года почувствовала серьезную любовь къ поэту и рѣшилась признаться ему въ этомъ. Здѣсь помѣщено нѣсколько ея писемъ, написанныхъ подъ строжайшимъ секретомъ; они дышатъ сильнымъ чувствомъ,

котораго она не можетъ, да и не хочетъ скрывать; но настроеніе ея очень сложно: здѣсь есть и боязнь за смѣлый шагъ, и недовѣріе, и упреки, и мольбы, и страстныя признанія, и, наконецъ, сознаніе, что она не встрѣчаетъ взаимности, на-ряду съ попытками замаскировать шуткой нѣкоторую ложность своего положенія. Пушкинъ отвѣчалъ ей, но его письма не сохранились, и только изъ упоминаній А. Н. Вульфъ можно вывести, что онъ отшучивался, не вѣря или не желая вѣрить въ серьезность ея чувства.

Среди писемъ самого Пушкина есть нѣсколько новыхъ. Прежде всего у г. Саитова видно болѣе внимательное пользованіе черновыми бумагами, вслѣдствіе чего, напр., письмо Плетневу 1822 г. при посылкѣ „Кавказскаго плѣнника“ для печати является въ гораздо болѣе полномъ видѣ, чѣмъ въ послѣднемъ изданіи Суворина, затѣмъ вообще въ цѣломъ рядѣ мѣстъ или даны пропущенныя у г. Ефремова (по цензурнымъ, повидимому, соображеніямъ) фразы, или вѣрно прочитаны слова, искаженныя въ Суворинскомъ изданіи.

Напр. въ письмѣ № 44 у г. Ефремова (стр. 70) послѣ слова *за то* оказалась пропущена цѣлая строка, вслѣдствіе чего фраза лишена смысла; она возстановлена полностью г. Саитовымъ на стр 66. Или на стр. 135 г. Ефремовъ печатаетъ: *какъ помгаемъ, что*... и получается безсмыслица. Академическое изданіе (стр. 151) разъясняетъ, въ чемъ дѣло,—надо читать: *Тиня полагаетъ, что*... Еще: на стр. 141 Пушкинъ у г. Ефремова пишетъ брату нѣчто совсѣмъ непонятное: *Кто думаетъ нашихъ доѣхать?* Избавь меня отъ усыпителя глупца, отъ пробудителя нахала! Впрочемъ, всѣхъ милости просимъ...“ Дѣло оказывается просто: Первый вопросъ долженъ читаться: „*Кто думаетъ ко мнѣ заѣхать?*“ (Саитовъ, стр. 165). Но съ другой стороны есть рядъ случаевъ, гдѣ текстъ г. Ефремова или полнѣе, или вѣрнѣе. Такъ въ письмѣ къ Катенину 1822 г. Пушкинъ, радуясь, что на петербургской сценѣ собираются ставить Корнелевскаго Сида въ переводѣ Катенина, прибавляетъ: „Радуюсь, что пощечина должна отяготѣть на ланитѣ Толченова или Брянскаго“. Этой фразы академическое изданіе почему-то не даетъ. Затѣмъ на стр. 51 въ академическомъ изданіи въ цитатѣ изъ Кюхельбекера стоитъ слово *цѣль* вмѣсто *цѣпь*, а на стр. 56 въ послѣдней строкѣ французская фраза передана невѣрно (ср. Ефр. стр. 59). Два послѣдніе примѣра, можетъ быть, опечатки (хотя неоговоренныя!), но какъ объяснить такой случай: 29 ноября 1824 г. Пушкинъ проситъ Жуковскаго похлопотать о судьбѣ дѣвочки-гречанки, дочери героя, павшаго въ битвѣ, и прибавляетъ (по Ефремову стр. 133—134): „Но Александръ даже не полу-герой. Мнѣ жаль, что онъ безсмертенъ твоими стихами, а дѣлать нечего“. Академическое изданіе эту фразу печатаетъ такъ: „Но полу-милордъ Воронцовъ даже не полу-герой. Мнѣ жаль, что онъ безсмертенъ твоими стихами...“ Къ Воронцову трудно отнести послѣднюю мысль. Чѣмъ объяснить разногласіе, мы не знаемъ, но только текстъ г. Ефремова даетъ смыслъ.

Отмѣтимъ теперь нѣсколько мѣстъ, возбуждающихъ сомнѣніе въ о-вомъ изданіи. Пушкинъ пишетъ въ 1821 г. брату: „Изъ Керчи пр ѣхали мы въ Кефу“. Вѣроятно, надо читать *въ Кафу* (старое назва іе Өеодосіи). На стр. 85 въ письмѣ Вяземскому Пушкинъ, говоря ъ измѣненіяхъ въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, пишетъ: „*Хладнаго ск ц*“ уничтожаю изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л. „Не зр ъ лица его гаремъ...“ и т. д. Неизвѣстно, почему г. Саитовъ измѣн ъ печатавшееся до сихъ поръ *А. П.*; прежнее чтеніе давало намекъ а

Александра перваго. Въ черновомъ письмѣ Дельвигу со стихами: Къ чему холодныя сомнѣнья? Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ...“ г. Саитовъ читаетъ (стр. 163): „тутъ посѣтили меня риѳмы на памятникъ дружбы. Я думалъ стихами о *Г*.—Вотъ они“. Очевидно, вмѣсто *Г* надо читать *Ч*: стихи обращены къ Чаадаеву. Стр. 215: „Моя поэма *Чуйка...*“ слѣдуетъ: *Чубка* или *Чупка*, что видно изъ письма къ Родзянкѣ № 114. Наконецъ, замѣтимъ, что хронологическое размѣщеніе писемъ № 204 и № 206 должно быть пересмотрѣно вслѣдствіе противорѣчія въ указаніи на музыку Вьельгорскаго; письма же подъ №№ 214 и 217 должны быть перемѣщены одно на мѣсто другого, что ясно при внимательномъ чтеніи ихъ.

Но довольно отдѣльныхъ указаній, къ которымъ мы сочли себя обязанными серьезностью академическаго изданія; многое еще отмѣчено нами съ недоумѣніемъ, но это, вѣроятно, разрѣшится съ выходомъ примѣчаній; г. Саитовъ пріучилъ насъ къ очень обстоятельнымъ разъясненіямъ. Скажемъ въ заключеніе о главномъ—о новыхъ письмахъ Пушкина. Ихъ немного, пять-шесть, почти всѣ къ кн. Вяземскому. Одно изъ нихъ (сентябрь 1825 г.) содержитъ интересное мѣсто, касающееся „Бориса Годунова“. „Сегодня кончилъ я 2-ю часть моей трагедіи— всѣхъ, думаю, будетъ 4. Моя Марина славная баба—настоящая Катерина Орлова! Знаешь ее? Не говори однако жъ этого никому“. Эти строки раскрываютъ иниціалы К. О. въ извѣстномъ уже октябрьскомъ письмѣ Вяземскому). Вяземскій только что передъ тѣмъ писалъ Пушкину, что Карамзинъ совѣтуетъ ему обратить вниманіе въ характерѣ Бориса на дикую смѣсь набожности и преступныхъ страстей. („Онъ безпрестанно перечитывалъ Библію и искалъ въ ней оправданія себѣ“. Отвѣчая на этотъ совѣтъ, Пушкинъ говоритъ: „Благодарю тебя и за замѣчаніе Карамзина о характерѣ Бориса. Оно мнѣ очень пригодилось. Я смотрѣлъ на него съ политической точки, не замѣчая поэтической его стороны; я его засажу за Евангеліе, заставлю читать повѣсть объ Иродѣ и тому подобное“. Какъ извѣстно, эта мелькнувшая мысль не получила въ трагедіи особаго развитія, но самое намѣреніе интересно.

Наконецъ три письма къ Вяземскому 1826 г. (№№ 251, 255, 257) содержатъ просьбу позаботиться о крѣпостной дѣвушкѣ, которую посылаетъ ему Пушкинъ; она скоро должна родить. „Полагаюсь на твое человѣколюбіе и дружбу. Пріюти ее въ Москвѣ и дай ей денегъ, сколько понадобится,—а потомъ отправь ее въ Болдино. Ты видишь, что тутъ есть о чемъ написать цѣлое посланіе во вкусѣ Жуковскаго о попѣ; но потомству не нужно знать о нашихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ. При семъ съ отеческою нѣжностью прошу тебя позаботиться о будущемъ малюткѣ, если то будетъ мальчикъ. Отсылать его въ воспитательный домъ мнѣ не хочется,— а нельзя ли его покамѣстъ отдать въ какую-нибудь деревню,— хоть въ Остафьево. Милый мой, мнѣ совѣстно, ей Богу, но тутъ уже не до совѣсти“.

Дѣвушка ѣхала съ отцомъ, и Вяземскій не могъ ее остановить въ Москвѣ; онъ далъ Пушкину совѣтъ — „написать тебѣ полу-любовное, полу-раскаятельное, полу-помѣщичье письмо блудному твоему тестю, во всемъ ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущаго творенія, но поручить на его отвѣтственность, напомнивъ, что нѣкогда волею Божіею ты будешь его бариномъ и тогда сочтешься съ нимъ въ хорошемъ или худомъ исполненіи твоего порученія. Другого средства не вижу, какъ уладить это по совѣсти, благоразумію и къ общей выгодѣ“. Пушкинъ вскорѣ отвѣтилъ ему: „Ты правъ, любимецъ музъ — восполь-

зуюсь правами блуднаго зятя и грядущаго барина и письмомъ улажу все дѣло". Мы изложили этотъ эпизодъ съ полной точностью, безъ комментарія, такъ какъ онъ говоритъ лучше всего самъ за себя.

Вотъ главнѣйшее, что можно сейчасъ извлечь изъ важнаго изданія Академіи.

А. Е. Грузинскій.

Борисъ Зайцевъ. Разсказы. Издательство „Шиповникъ". 1906 г. Ц. 50 к. Авторъ этихъ маленькихъ разсказовъ обратилъ на себя вниманіе еще раньше, чѣмъ они были собраны въ ту изящную книжечку, которая лежитъ передъ нами. Привлекало въ нихъ какое-то своеобразное отношеніе къ природѣ, глубокое умѣнье расщеплять жизнь на тонкія нити, почти неуловимыя и въ то же время несомнѣнныя. Точно Борисъ Зайцевъ, пристально вглядѣвшись въ космическое цѣлое, замѣтилъ въ немъ такія детали, услышалъ въ немъ такіе тоны, которые для глаза менѣе зоркаго, для слуха менѣе чуткаго смыкались ранѣе въ одно цѣлое. То, что для остальныхъ слитно, для Зайцева раздѣльно, и оттого міръ, казалось бы исчерпанный, развернулъ передъ нимъ новыя непочатыя области. Мы слишкомъ субъективны и антропоцентричны въ своей оцѣнкѣ реальности; великое и важное для насъ, можетъ быть, не таково въ общемъ строѣ существованія; и, наоборотъ, мелкое значительно. Міръ полонъ событій,—не тѣхъ яркихъ и громкихъ, которыя только и выводятъ насъ изъ соннаго равнодушія, чувствительно задѣваютъ насъ: нѣтъ, важно все, что происходитъ, оттого что все космично, и есть голоса въ тишинѣ. Вселенная говоритъ, и приникнувъ къ ея сердцу, которое бьется вездѣ, поэтъ слушаетъ ея несмолкающую рѣчь. Въ жизни титана-міра полно смысла каждое движеніе. И если доносятся къ вамъ сумеречные отблески и отзвуки бѣлыхъ полей или воютъ волки, то это не безразлично ни для природы, ни для души: это—фактъ, мимо котораго вы не пройдете, коль скоро своимъ проводникомъ по жизни вы избрали Бориса Зайцева, поэта подробностей. Такихъ фактовъ въ его книжкѣ очень много, и мы не скроемъ, что иной разъ даже трудно слѣдить за ихъ перечисленіемъ. Безконечно-малыя явленія въ бытіи мірового тѣла и мірового духа намѣчены въ короткихъ фразахъ, выразительныхъ и свѣжихъ, но одна слѣдуетъ за другой безъ видимой необходимости, которая бы опредѣляла ихъ число, предуказывала имъ конецъ. Однако въ результатѣ этого сцѣпленія тончайшихъ замѣчаній отдѣльныя звенья жизненныхъ фактовъ примыкаютъ другъ къ другу и въ кругооборотѣ своего внутренняго движенія опять возвращаются къ Цѣлому, образуютъ Великое Одно. Есть у Зайцева это стремленіе восполнять единичное; повидимому, онъ накопляетъ отрывки,—но нѣтъ, его не удовлетворяетъ одна только enumeratio simplex, его влечетъ къ синтезу, и потому отдѣльныя бабы, которыя оплакиваютъ своихъ солдатъ, гонимыхъ на бойню, образуютъ цѣлый „бабій міръ", и не просто мужики тащатъ пасхи въ церковь, а это „громаднѣйшее всемужицкое тѣло копошится по странѣ". Впрочемъ, синтезъ Зайцева состоитъ не только въ этомъ возведеніи единичнаго на степень категоріи, но и, главное, въ томъ лиризмѣ, который онъ цѣломудренно сдерживаетъ и который всетаки дышитъ въ его строкахъ и въ его словахъ.

Связанность міровыхъ фактовъ приводитъ къ тому, что сближается далекое, сходится разное,—тѣмъ болѣе, что всѣ нити образуютъ узелъ въ многострунномъ сердцѣ автора, какъ моментѣ, идеально объединяющемъ вселенную. Вотъ, напримѣръ, волки устало и болѣзненно заводятъ мистическую пѣснь своей злобы и голода, дикую жалобу тоски и бе-

и тогда на полустанкѣ у угольныхъ копей слышитъ ее молодая барыня-инженерша, и кажется молодой барынѣ, что это поютъ ей отходную. Кто поетъ? Міръ. Не думайте, что ему нѣтъ дѣла до одинокой женщины, заброшенной въ снѣжную степь. Ему до всего и до всѣхъ есть дѣло. „Небо стоитъ надъ нами, надъ городомъ и надо всѣмъ міромъ. Что оно стоитъ тамъ, что слушаетъ нашъ разговоръ? Дальше, глубокое небо, въ которомъ тонемъ всѣ мы; но молчитъ и слушаетъ насъ". Мы тонемъ въ мірѣ, но міръ слушаетъ насъ.

Что же самъ онъ такое? Когда въ пучинѣ безконечной мглы происходитъ озлобленная борьба охотника со звѣремъ и побѣждаетъ его охотникъ, и потомъ вспоминаетъ онъ о своей побѣдѣ надъ „ненужнымъ" волкомъ и о предсмертномъ сверканьи его ненавидящихъ глазъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вы увидите міръ какъ „неподвижное лицо Вѣчной Ночи, съ грубо-вырубленными, сдѣланными какъ изъ камня огромными глазами".

Тютчевская ночь хорошо извѣстна Зайцеву, но самъ онъ не темный, и еще болѣе любо и дорого ему — солнце. Нельзя передать, какъ онъ его чувствуетъ, какъ глубоко слѣдитъ онъ за его лучами, вызывающими жизнь въ землѣ и на землѣ. Мы привыкли къ солнцу,—Зайцевъ не можетъ привыкнуть къ нему; онъ безустанно, съ прежнимъ, неубывающимъ восторгомъ любуется на это ежедневное космическое чудо. Солнце для него—„золотой пріятель", который напояетъ липы и ласкаетъ „теплое, прозрачно-персиковое тѣло молодой женщины". Золотое вино солнца, благодатный напитокъ всего живого, опьяняетъ автора, и, напримѣръ, его разсказъ „Миѳъ" такъ полонъ солнца, что самыя страницы его кажутся лучезарными и горячими. Какой ослѣпительный свѣтъ, какая упоительная нѣга!

Быть можетъ, именно потому, что Зайцевъ—солнцепоклонникъ, онъ и смерть рисуетъ въ тихомъ ореолѣ, и разсказъ о смерти, кроткій и хрустальный, такъ и называется „Тихія зори". „Вѣрно: Алексѣй такъ больше и не всталъ. Что то сдвинулось въ немъ навсегда въ ту ночь; какая-то упорная сила съ тѣхъ поръ безостановочно, почти вѣжливо вела его къ концу. Конечно, его лѣчили; конечно, боролись, но было ясно, что всѣ должны молчать". Нѣмому краснорѣчію смерти подобаетъ человѣческое молчаніе. Но у Зайцева въ молчаніи — молитва. Образъ умершаго Алексѣя растаялъ для него въ бѣломъ, свѣтломъ, растворился въ природѣ, и Зайцевъ испыталъ какое-то счастье горя; онъ самъ говоритъ о „благословеніи горя", но вѣдь благословеніе и есть счастье. Душа поэта отдается бѣлому, прощаетъ призрачной смерти и зажигаетъ „свѣчу любви". „И снова время. Его набралось уже годъ со смерти Алексѣя, оно возводитъ свой прозрачный, хрустальный курганъ въ моей душѣ". Здѣсь плѣнительно не только самое выраженіе „прозрачный, хрустальный курганъ", но и побѣда, одержанная надъ смертью. Міръ примирилъ съ утратой одного человѣческаго существа, потому что и утрачено оно только въ грубомъ смыслѣ, на поверхностный взглядъ, требующій ощутительнаго присутствія; на самомъ же дѣлѣ „тебя нѣтъ, хоть я ты идешь и видишь". Что разъ обласкало солнце своимъ лучомъ, то можетъ перейти въ зеленое, въ бѣлое, въ какую-нибудь краску и ласковость природы, но оно не исчезнетъ никогда. Вотъ сидитъ ребенокъ съ няней, лѣтомъ, когда „свято пахнетъ травой" и „кто-то, могучій и безымянный, залилъ все прозрачной зеленью", и няня и ребенокъ—„не они ли въ той зелени, и то зеленое не въ нихъ ли?"

Неподвижное лицо Вѣчной Ночи, ея черная загадка, ея „вѣщій мракъ",

и солнце, солнце — между этимъ ужасомъ и этой радостью проходитъ творчество Зайцева. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „подъ тихой церковью была бездонная, черная тьма“, и слова эти какъ бы характеризуютъ самого писателя. Бѣлая церковь духа, чарующая своей „русской незамѣтностью“, хрустальный, прозрачный курганъ идеализма и художественнаго пантеизма, — и въ то же время чуткое вниманіе ко всему темному и трагическому и смѣлый натурализмъ, который отмѣчаетъ, что „постояльцы смрадно спятъ, клокоча горломъ“ и что „волосатыя тѣла накаляются изнутри жаромъ съѣденнаго за день; кулебяки, гусь съ капустой переходятъ въ темно-пламенныя желанія“. Въ разсказѣ „Черные вѣтры“ Зайцевъ описываетъ вакханалію черной сотни; и знаменательно, что для него послѣдняя тоже сливается съ обще-космическимъ, или, лучше, съ хаотическимъ началомъ зла. „Черное“, это для Зайцева не только слово; онъ черноту ощущаетъ, ею страдаетъ, и черные вѣтры черносотенныхъ убійствъ и насилій вѣютъ для него отъ той самой Ночи, которая въ спокойномъ, застывшемъ отчаяніи смотрѣла на борьбу человѣка съ волкомъ и которая смотритъ на борьбу человѣка съ человѣкомъ. „Глухая, страшная ночь чернѣетъ вокругъ насъ и надъ нами, и все равно, смотрѣть ли вверхъ, внизъ или еще куда. Все вокругъ одинаково непонятно и враждебно намъ“.

У Зайцева, въ его маленькой книжкѣ,—и человѣкъ, и міръ, слитые въ единой жизни. При этомъ показано, какъ міръ входитъ въ человѣка, какъ стихія пробирается въ единичный мозгъ, раскалывается на отдѣльныя личности. Вотъ нищій старикъ. Онъ не отдѣленъ отъ міра, не фигура на міровомъ пейзажѣ: онъ—самый пейзажъ, въ него вошла родная страна: „*въ немъ* длинныя дороги, размокшія избенки, многолѣтняя жизнь“. Зайцевъ, какъ никто, чувствуетъ это проникновеніе человѣка единой жизнью, великимъ Всѣмъ. И оттого, разсказы Бориса Зайцева могутъ показаться вамъ однообразными по своей манерѣ, трудными; они не сразу входятъ въ сознаніе,—но уже оттуда не выйдутъ. Останутся они въ душѣ не какъ отчетливая фабула, не какъ рисунокъ, а какъ неизгладимое настроеніе, отъ котораго усиливается ваше сопричастіе міру. Разсказы Зайцева—новая прекрасная страница въ книгѣ русской литературы.

———

Ю. Айхенвальдъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Изъ эпохи освободительнаго движенія. I. До 17 октября 1905 г.—*А. И. Скворцовъ.* Аграрный вопросъ и Государственная Дума.—Индивидуалистъ. Сборникъ.—Государственная Дума. Стенографическій отчетъ. Сессія первая. Томы I и II.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Изъ эпохи освободительнаго движенія. I. До 17 октября 1905 г Спб., 1905 г. Ц. 1 р. Настоящая книга представляетъ собраніе старыхъ газетныхъ статей извѣстнаго профессора, земскаго дѣятеля и члена первой Государственной Ду ы г. Кузьмина-Караваева. Отмѣченныя печатью солидной эрудиціи и л е-ратурнаго таланта, всѣ эти статьи, согласно намѣреніямъ самого авт а, носятъ чисто газетный характеръ: это—летучія замѣтки на очеред ыя злобы дня.—На первый взглядъ могло бы, пожалуй, показаться неи е-реснымъ перечитываніе заднимъ числомъ старыхъ замѣтокъ въ то вре я, какъ каждый день несетъ съ собою свои животрепещущія новости, с ои очередныя злобы. И тѣмъ не менѣе книга въ высшей степени любоп т-на, какъ краснорѣчивое свидѣтельство о томъ, насколько быстро ы

живемъ за послѣдніе годы. Первая статья сборника помѣчена 19 ноября 1904 г., послѣдняя—16 октября 1905 г. Отъ одного до двухъ лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ времени написанія этихъ статей, а между тѣмъ двѣ трети написаннаго тогда имѣютъ теперь уже чисто историческое значеніе. Вотъ статья „Государство и право", помѣченная 19 ноября 1904 г. Публицистъ доказываетъ необходимость конституціи. Но основной предметъ статьи еще ни разу не названъ по имени. Запретное слово замѣняется длинными описательными опредѣленіями вродѣ слѣдующаго: „правовое общеніе между властью и народомъ, основанное на взаимности и въ правахъ и въ обязанностяхъ". Такъ писали тогда публицисты, въ то время какъ поэты принуждены были упрятывать то же запретное слово подъ покровъ такихъ, напримѣръ, поэтическихъ фигуръ:

„О ты, чье имя пятисложно.
Но чье названье невозможно
Вслухъ произнесть..."

Вотъ статья „Основы перваго всенароднаго представительства въ Россіи", помѣченная 8 марта 1905 г.—Авторъ высказывается противъ немедленнаго введенія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права и указываетъ на предпочтительность представительства отъ различныхъ общественныхъ группъ и союзовъ. Каковъ же его главный аргументъ? Отсутствіе въ Россіи организованныхъ политическихъ партій, которыя могли бы оріентировать всю массу малосознательныхъ избирателей въ вопросѣ о выборѣ заявленныхъ кандидатуръ. Надо думать, что теперь г. Кузьминъ-Караваевъ уже не сталъ бы съ этой точки зрѣнія защищать представительство отъ группъ и союзовъ. За краткое время, протекшее послѣ написанія этой статьи, политическія партіи у насъ успѣли сложиться и вырасти, и теперь приходится думать уже не о созданіи, а о высвобожденіи ихъ изъ-подъ гнета всякаго рода административныхъ репрессій. Вотъ—подробные отчеты о земскихъ съѣздахъ 1904 и 1905 гг., рисующіе начальныя попытки создать объединенную политическую платформу на почвѣ профессіональной, а не партійной общественной группировки. Въ высшей степени интересно читать эти отчеты и слѣдить по нимъ, какъ сама собою,—сначала смутно, потомъ все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе,—выдвигалась передъ участниками этихъ съѣздовъ задача созданія настоящихъ политическихъ партій, по которымъ и распредѣлились затѣмъ участники съѣздовъ, разошедшіеся въ основахъ своего политическаго міросозерцанія. Вотъ статья—„Совѣщательное представительство", посвященная критикѣ первоначальной славянофильской политической программы Д. Н. Шипова, того самаго Д. Н. Шипова, который теперь принадлежитъ къ партіи, включающей въ свою программу не только законодательныя функціи народнаго представительства, но и политическую отвѣтственность министерства. Вотъ—статьи по вопросу о бойкотѣ Государственной Думы; изъ нихъ видно, какъ волновалъ участниковъ земскихъ съѣздовъ вопросъ о бойкотѣ, отъ котораго отказа-...сь теперь и крайнія лѣвыя партіи. И такъ на каждомъ шагу при ...еніи этой книги: что ни статья, то новое указаніе на быструю эво-...юцію первоначально намѣчавшихся воззрѣній и позицій.—Въ два года ...ѣ эти статьи состарились настолько, насколько онѣ не могли бы со-...ариться при прежнемъ темпѣ нашей политической жизни и въ двад-...ть лѣтъ. И авторъ, переиздавшій теперь эти статьи, и читатель, пере-...ывающій ихъ,—сойдутся, думается намъ, въ одномъ чувствѣ при ...ленномъ обзорѣ охваченнаго этими статьями періода. Какъ мало про-...го, какъ много пережито!

А. Кизеветтеръ.

А. И. Скворцовъ. Аграрный вопросъ и Государственная Дума. Спб. 1906 г. 11+143 стр Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что заглавіе новой книжки г. Скворцова не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Въ этой книжкѣ идетъ рѣчь, главнымъ образомъ, объ общихъ принципахъ, изъ которыхъ слѣдуетъ исходить при рѣшеніи аграрнаго вопроса, отчасти—въ заключительныхъ главахъ—объ ошибкахъ партіи народной свободы, и почти нѣтъ рѣчи о Государственной Думѣ. Эта послѣдняя играетъ въ книжкѣ г. Скворцова, если можно такъ выразиться, отрицательную роль: онъ надѣялся, что „то одностороннее освѣщеніе, которое давалось аграрному вопросу въ извѣстныхъ ему работахъ, должно исчезнуть, какъ только вопросъ будетъ поставленъ въ Думѣ“,— и когда „ожиданія автора далеко не оправдались“, онъ счелъ своею обязанностью изложить свои мысли, при чемъ „ограничилъ свою задачу выясненіемъ принципіальныхъ положеній, которыя должно имѣть въ виду при обсужденіи вопроса, отнюдь не задаваясь цѣлью предложить то или иное его рѣшеніе“ (1).

Главная ошибка болѣе или менѣе всѣхъ русскихъ партій, это, по мнѣнію г. Скворцова, ихъ стремленіе найти одно общее для всей Россіи рѣшеніе аграрнаго вопроса. Между тѣмъ, наша страна не представляетъ собой чего-либо однороднаго, „и соотвѣтственно географическому положенію и климатическимъ особенностямъ различныхъ областей и историческое прошлое ихъ крайне разнообразно, что проявляется и въ развитии промышленности, и въ густотѣ населенія ихъ, и въ значеніи для каждой изъ нихъ земледѣльческаго промысла, и въ самой возможности обезпеченія большей или меньшей степени благосостоянія населенія доходами отъ земледѣлія“, и „все указанное разнообразіе условій, можно сказать, совершенно игнорируется при обсужденіи аграрнаго вопроса“ (4). Въ этомъ отношеніи наша оппозиція всѣхъ оттѣнковъ повторяетъ ошибку нашей бюрократіи,—она „желаетъ разрѣшить аграрный вопросъ однимъ взмахомъ пера, по одной мѣркѣ для всѣхъ...: чуть не всѣ разсужденія по аграрному вопросу начинаютъ съ выставленія положенія, что крестьянство наше страдаетъ отъ малоземелья—этотъ пунктъ признается внѣ спора, и чаще всего его не признаютъ нужнымъ даже доказывать, а только стремятся указать способы устраненія происходящихъ отъ сего бѣдствій“ (4),—тогда какъ даже „характеръ аграрныхъ движеній въ различныхъ областяхъ и самая интенсивность таковыхъ должны бы, кажется, навести на мысль, что такое шаблонное рѣшеніе должно по меньшей мѣрѣ подлежать значительнымъ поправкамъ“ (5). Г. Скворцовъ и предлагаетъ рядъ такихъ поправокъ, и притомъ поправокъ коренныхъ, къ общепринятымъ рѣшеніямъ аграрнаго вопроса, или не столько къ рѣшеніямъ, сколько къ лежащей въ основѣ ихъ посылкѣ о всеобщемъ малоземельи. Съ этой цѣлью онъ подвергаетъ подробному анализу всю совокупность естественныхъ и экономическихъ условій каждаго изъ тѣхъ крупныхъ районовъ, на которые можетъ быть разбита территорія Европейской Россіи, и для каждаго изъ нихъ выясняетъ наиболѣе характерныя черты сложившихся здѣсь аграрныx отношеній, съ вытекающими изъ нихъ задачами и вопросами. Мы н имѣемъ, къ сожалѣнію, возможности хотя бы въ сжатыхъ чертахъ по знакомить читателя съ этою наиболѣе цѣнною частью работы г. Скво цова—для этого пришлось бы писать не рецензію, а большую статьи приведемъ только его конечные выводы, какъ они имъ самимъ форм лируются. Г. Скворцовъ выдѣляетъ, прежде всего, „очень широк западную полосу и почти столь же обширную центральную нечер

земную, гдѣ, съ одной стороны, совсѣмъ не предъявлялось требованій на землю со стороны массы крестьянства, а съ другой—положеніе крупнаго землевладѣнія таково, что очень многіе, а можетъ быть и всѣ, крупные землевладѣльцы готовы уступить крестьянству часть своихъ земель и безъ принужденія; крестьянство же мало заинтересовано въ такомъ увеличеніи своего землевладѣнія и, во всякомъ случаѣ, при проведеніи другихъ, легче выполнимыхъ мѣръ, необходимыхъ независимо отъ того, увеличится ли путемъ отчужденія его землевладѣніе, легко станетъ на ноги и не потребуетъ дальнѣйшаго о себѣ попеченія правительства" (103—4). Далѣе идетъ „огромный районъ центральной и юго-западной черноземной полосы, гдѣ даже самая скромная прирѣзка по кадетской программѣ не осуществима въ массѣ, хотя именно изъ черноземной русской и частью изъ приволжской полустепной областей раздавался наиболѣе рѣзко крикъ „земли и воли" (104); земельная реформа на почвѣ дополнительнаго надѣленія возможна здѣсь „въ такомъ микроскопическомъ размѣрѣ, который не улучшитъ положенія массы крестьянства и, во всякомъ случаѣ, не обезпечитъ ей того минимума средствъ существованія, при которомъ она была бы избавлена отъ вѣчнаго голоданія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чтобы не сказать въ большинствѣ, еще ухудшитъ, лишивъ послѣдней возможности заработка на сторонѣ, каковымъ въ зерновыхъ районахъ служитъ теперь почти исключительно работа въ хозяйствѣ сосѣдняго крупнаго владѣльца" (140). И наконецъ „огромная площадь степныхъ областей, для которыхъ тотъ размѣръ надѣла, какой проектируютъ гг. кадеты, является прямо насмѣшкой", — „лѣченіемъ соціальныхъ недуговъ персидскимъ порошкомъ". Если же принять тотъ размѣръ надѣленія, который хоть съ грѣхомъ пополамъ способенъ создать самостоятельное земледѣльческое крестьянство, то при полномъ раздѣлѣ всѣхъ земель по принципу „равненія", все же мы только въ очень немногихъ мѣстностяхъ этихъ, на первый взглядъ, малолюдныхъ областей могли бы приблизиться къ той нормѣ надѣла, которая здѣсь едва ли даже вполнѣ отвѣчаетъ продовольственной нормѣ, не говоря о трудовой или рабочемъ участкѣ" (104). Отсюда—необходимость „изыскать иныя мѣры для воспособленія крестьянству, точнѣе говоря,—разъясняетъ г. Скворцовъ,—нужно думать не о крестьянствѣ, какъ о земледѣльческомъ населеніи, а вообще о населеніи данной области, и стремиться создать такія условія, при которыхъ это населеніе перестало бы умирать съ голоду, хотя бы для этого оно должно было перестать быть крестьянскимъ, т.-е. земледѣльческимъ". Это—для г. Скворцова непреложный выводъ изъ того общаго закона, что „емкость страны по отношенію къ цифрѣ земледѣльческаго населенія зависитъ на первомъ мѣстѣ отъ ея естественныхъ условій, а затѣмъ отъ уровня земледѣльческой культуры, при чемъ послѣдняя, въ свою очередь, опредѣляется наличностью рядомъ съ земледѣльческимъ населеніемъ значительнаго контингента населенія, занятаго внѣземледѣльескими промыслами" (134—135). Какъ онъ и обѣщалъ въ предисловіи ъ своей книжкѣ, г. Скворцовъ не предлагаетъ никакого практическаго ѣшенія аграрнаго вопроса; онъ просто предлагаетъ партіи к.-д. вы'эркнуть аграрный вопросъ изъ своей программы, „познать самое себя, ризнать, что ея единственною задачей должно быть только добываніе ›ободы народу и на первомъ мѣстѣ экономической свободы, и отброзить всѣ тѣ возгласы о разрѣшеніи аграрнаго и рабочаго вопроса, ко›рые она,—по мнѣнію г. Скворцова,—включила въ свою программу ›ько изъ „тактическихъ" соображеній" (142).

Г. Скворцовъ, такимъ образомъ, полагаетъ, что для „кадетъ" земельный вопросъ—исключительно вопросъ тактики. „Кадеты,—утверждаетъ г. Скворцовъ,—откровенно говорили, какъ только выяснился въ общихъ чертахъ составъ Думы, что для успѣха дѣла имъ слѣдуетъ привлечь на свою сторону крестьянъ, обѣщая имъ землю и требуя ихъ содѣйствія въ добываніи различныхъ свободъ",—а „образованіе новой, болѣе лѣвой партіи повидимому побудило и кадетовъ придать своей программѣ болѣе рѣзкій тонъ, особенно по отношенію къ аграрному вопросу" (121). Нетрудно чисто хронологическимъ путемъ доказать ошибочность предположеній г. Скворцова: достаточно пробѣжать дневники 2-го съѣзда партіи, состоявшагося въ январѣ прошлаго года, чтобы увидѣть, что радикальное теченіе имѣло преобладаніе въ партіи уже тогда, когда состава Думы нельзя еще было даже предугадать,—а извѣстный проектъ 42-хъ, дальше котораго партія не шла и, вѣроятно, не пойдетъ въ аграрномъ вопросѣ, представляетъ собою лишь видоизмѣненную редакцію проекта, выработаннаго аграрною секціею третьяго партійнаго съѣзда, когда опять-таки въ воздухѣ даже и не пахло образованіемъ „новой болѣе лѣвой партіи", иначе сказать—трудовой думской группы. Не менѣе несостоятельны попытки г. Скворцова,—попытки, впрочемъ, обязательныя для него, какъ для правовѣрнаго марксиста,—вывести аграрныя идеи партіи изъ ея соціальнаго состава: партія к.-д.—оказывается—есть партія землевладѣльцевъ средней руки. Г. Скворцовъ довольно убѣдительно—мнѣ кажется—доказываетъ тяжелое положеніе нашего средняго землевладѣнія, созданное всею совокупностью условій послѣднихъ лѣтъ. При такихъ условіяхъ—полагаетъ онъ—„эта группа землевладѣльцевъ имѣла полный интересъ разстаться со своей землей, если ей будетъ предложена за нее „справедливая цѣна", ибо, какъ бы ни была низка послѣдняя, она все же давала нѣчто, тогда какъ земля грозила сдѣлаться совершенно бездоходною; однако, дѣйствительно выгодной такая уступка становилась только при условіи, что земля не будетъ нужна въ качествѣ ценза для участія въ общественной и политической дѣятельности, для которой эти лица почти исключительно готовились" (199); изъ первой половины этой посылки прямой, по мнѣнію г. Скворцова, выводъ: требованіе принудительнаго отчужденія „по справедливой оцѣнкѣ", изъ второй—всеобщее, прямое, равное и проч... Да проститъ меня почтенный ученый,—но это объясненіе нельзя назвать иначе, какъ наивнымъ,—и прежде всего его чрезвычайно трудно согласовать съ попытками г. Скворцова представить аграрную программу партіи к.-д. какъ простой тактическій пріемъ; вѣдь одно изъ двухъ: *либо* она тактическій пріемъ—и въ такомъ случаѣ соціальная структура партіи не при чемъ; либо она дѣйствительно вытекаетъ изъ соціальной структуры партіи,—и въ такомъ случаѣ она не есть тактическій пріемъ. Но главное: смѣю увѣрить г. Скворцова, что какъ бы ни было выгодно для кн. П. Д. Долгорукова, М. Я. Герценштейна или В. Я. Якушкина разстаться со своими имѣніями, имъ отнюдь не было разсчета требова: для этого принудительнаго отчужденія, хотя бы даже по „справедливс оцѣнкѣ", ибо при посредствѣ крестьянскаго банка они, несомнѣнно, мог: продать землю по гораздо болѣе выгодной цѣнѣ... Но тактика или сс ціальная структура,—во всякомъ случаѣ г. Скворцовъ дѣлаетъ парт к.-д. слишкомъ большую честь, полагая, что „изъ всѣхъ русскихъ па тій только партія народной свободы способна проникнуться этими идея (идеями г. Скворцова), которыя по существу соотвѣтствуютъ ея внутрс нему содержанію" (142). Партія народной свободы никогда не отожде

вляла и не отождествитъ той гражданской и политической свободы, которая составляетъ цѣль ея стремленій, съ экономическою свободой, какъ ее понимаетъ г. Скворцовъ,—съ той свободой, съ которою—какъ оказывается—несовмѣстима не только аграрная, но даже рабочая программа партіи,—она никогда и ни изъ какой тактики не перестанетъ быть сама собой и не превратится въ партію манчестерскаго либерализма или буржуазнаго марксизма.

Г. Скворцовъ—превосходный знатокъ экономики русскаго сельскаго хозяйства; его научныя работы отличаются глубиною и тонкостью анализа,—и онъ и въ разбираемой книжкѣ остается самъ собою, пока онъ анализируетъ условія хозяйства отдѣльныхъ районовъ Россіи и опредѣляемыя совокупностью этихъ условій характерныя особенности переживаемаго каждымъ изъ этихъ районовъ аграрнаго кризиса. И его анализъ имѣетъ отнюдь не одно только теоретическое значеніе: онъ совершенно правъ, когда предостерегаетъ противъ однообразнаго, шаблоннаго рѣшенія аграрнаго вопроса для всей огромной территоріи Россіи,—и многія изъ его указаній должны, по моему убѣжденію, быть въ той или иной мѣрѣ приняты во вниманіе при разработкѣ тѣхъ „мѣстныхъ положеній“, которыя, конечно, потребуются въ развитіе будущаго аграрнаго закона. Но если взять его работу *въ цѣломъ*—она была бы пріемлема только въ качествѣ академической диссертаціи: изложилъ и разобралъ факты, проанализировалъ,—и поставилъ точку. Но въ томъ то и дѣло, что жизнь *не позволяетъ* поставить точки на попыткахъ такъ или иначе разрѣшить аграрный вопросъ. Смѣю увѣрить г. Скворцова, что и въ средѣ „кадетской“ партіи никто не обольщается тщетною надеждою, что дополнительное надѣленіе создастъ въ Россіи земной рай, и менѣе всего этимъ обольщается пишущій эти строки. Но партія народной свободы считается и обязана считаться съ тѣмъ, что исторія привела насъ къ такому кризису, при которомъ *нельзя* ни сложа руки ожидать постепенной пролетаризаціи и расцвѣта капитализма, по рецепту Карла Маркса, ни возлагать надежды на постепенное улучшеніе положенія дѣлъ подъ вліяніемъ предстоящихъ политическихъ, культурныхъ, экономическихъ, финансовыхъ и всякихъ другихъ преобразованій. Мы стоимъ передъ такимъ кризисомъ народной и государственной жизни, котораго нельзя, конечно, лѣчить „персидскимъ порошкомъ“, — но который требуетъ быстрыхъ и рѣшительныхъ, хотя бы и палліативныхъ мѣръ, способныхъ если не излѣчить болѣзнь, то устранить остроту кризиса и подготовить почву для болѣе радикальнаго, но по необходимости медленно дѣйствующаго рѣшенія. И еще съ однимъ обстоятельствомъ не считается и не желаетъ считаться г. Скворцовъ, какъ не считается съ нимъ наше бюрократическое правительство: онъ не считается съ психологіею народныхъ массъ, съ которою практическій политикъ *обязанъ* считаться: полезно ли частное землевладѣніе и владѣльческое хозяйство, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ народныя массы настроены къ нему крайне враждебны,—и если аграрный вопросъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ партія народной свободы, не будетъ разрѣшенъ законодательнымъ порядкомъ, онъ, неизбѣжно, разрѣшится, но конечно уже не такъ, какъ хочетъ партія народной свободы, а „явочнымъ порядкомъ“. Но *такое* рѣшеніе—это, конечно, будетъ худшее изъ всѣхъ мыслимыхъ рѣшеній земельнаго вопроса: тутъ уже не будетъ рѣчи ни о правильномъ распредѣленіи земли, ни о сохраненіи того изъ существующаго, что заслуживаетъ сохраненія: земля, просто, будетъ расхватана тѣми, кто посильнѣе и побойчѣе. А разъ это такъ, то государство, конечно, дол-

жно взять дѣло въ свои руки,—только этимъ путемъ можно спасти, въ сферѣ частнаго землевладѣнія и владѣльческаго хозяйства, то, что заслуживаетъ спасенія, только этимъ путемъ можно достигнуть распредѣленія земельныхъ запасовъ страны въ соотвѣтствіи съ потребностью, а не съ силой.

Въ заключеніе, отмѣтимъ еще одну характерную черту, красною нитью проходящую чрезъ всю книжку г. Скворцова,—черту, показывающую, что г. Скворцовъ остался тѣмъ же, кѣмъ былъ 1894 году, когда вышли въ свѣтъ его „экономическія причины голодовокъ". Эта черта—пламенная, неукротимая ненависть къ общинѣ, которая у него оказывается повинною рѣшительно во всемъ,—*она*, напримѣръ, помѣшала распространенію навознаго удобренія въ черноземной полосѣ, гдѣ удобренія не примѣняютъ, однако ни подворные владѣльцы, ни—въ видѣ правила—помѣщики,—она, которая однако вѣдь отнюдь не помѣшала распространенію навознаго удобренія въ нечерноземной полосѣ! Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ останавливаться на вылазкахъ г. Скворцова по адресу общины, которыми такъ и пестритъ его книжка (см. напр. стр. 32, 36, 37, 53, 75, 76, 83, 125, 126 и др.). Мы позволимъ себѣ только привести на память почтеннаго профессора слова его принципіальнаго единомышленника, П. П. Маслова, которыя не мѣшало бы потверже усвоить себѣ многимъ изъ слишкомъ ярыхъ враговъ общины: „противники общины и абсолютные защитники общины—говоритъ г. Масловъ—слишкомъ много придаютъ значенія вопросу объ общинѣ при рѣшеніи крестьянскаго вопроса, при чемъ одни склонны видѣть въ ней чуть не якорь спасенія отъ капитализма, а другіе склонны считать ее единственною причиной всѣхъ бѣдъ крестьянства. Если невѣрно представленіе первыхъ, то не болѣе основательны и ожиданія вторыхъ",—представителей того анти-общиннаго теченія, котораго г. Скворцовъ является однимъ изъ наиболѣе прямолинейныхъ глашатаевъ.

А. Кауфманъ.

Индивидуалистъ. Сборникъ (съ портретами Макса Штирнера и Веніамина Тэкера). Москва. Ц. 1 р. Этотъ сборникъ—если не ошибаемся,—первое выступленіе русскихъ анархистовъ-индивидуалистовъ. Матеріалъ его составленъ изъ статей переводныхъ и оригинальныхъ. Двѣ старыя, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ написанныя газетныя крохотныя статейки американскаго анархиста Тэкера, два-три недурныхъ, сильныхъ, но лишенныхъ и поэзіи и красокъ, стихотворенія Макэя, блѣдно переведенныхъ, и кощунственная, но неостроумная атеистическая замѣтка Іоганна Моста (не индивидуалиста)—вотъ и все переводное содержаніе сборника. Неужели изъ литературы западнаго индивидуалистическаго анархизма нельзя было для перваго сборника извлечь лучшій матеріалъ? Для вѣрующихъ статья Моста только отвратительна, ихъ вѣры она не поколеблетъ; для интеллигенціи, читавшей хотя бы Вольтера, плоская и сердитая критика библейскихъ сказаній тоже не интересна.

Въ оригинальной части сборника главное мѣсто занимаетъ очеркъ г. Н. Бронскаго „Максъ Штирнеръ, его жизнь и ученіе". Авторъ добросовѣстно, но скучно исполнилъ свою задачу и въ своей работѣ обезцвѣтилъ, насколько можно было, всю силу отрицанія Штирнера и, самъ того не желая, рѣзко оттѣнилъ слабыя мѣста ученія Штирнера: игнорированіе имъ связи между личнымъ содержаніемъ индивида, его „самостью" (а не „самобытностью", какъ повторяетъ за нѣкоторыми неудачными переводчиками г. Бронскій) и историческимъ соціальнымъ ра- ви-

тіемъ, породившимъ эту „самость". Но душой оригинальной части „Сборника" является г. О. Виконтъ, москвичъ, всѣ свои статьи помѣчающій: „Гора Везувій, 1906 г.".

Анархистъ, пишущій изъ кратера вулкана,—это страшно! Это страшнѣе даже московскихъ купцовъ, бьющихъ зеркала въ ресторанахъ. Хотя г. Виконтъ и обращается къ читателю съ мольбой: „называйте меня лучше упрямымъ осломъ, только не бараномъ", (стр. 71), но мы не можемъ назвать его ни бараномъ ни осломъ, а только полосатой тигрой—такъ онъ страшенъ. Какъ онъ расправляется съ гражданскимъ бракомъ (о церковномъ нечего и говорить): „но позволительно будетъ спросить мнѣ: какое дѣло другимъ до того, съ какою женщиной, гдѣ и когда я буду проводить часы наслажденія"?.. (стр. 67). Одинъ вопросъ г-на Виконта,—и гражданскій бракъ со всѣмъ „выработаннымъ государствомъ семейнымъ правомъ", регулирующимъ судьбы дѣтей и имущественныя отношенія родителей, поверженъ въ прахъ. Самъ г. Виконтъ все семейное право сводитъ къ такой заповѣди: „не дѣлай изъ половыхъ отношеній святыни; наслаждайся, но помни: не разстраивай своего здоровья излишествомъ" (стр. 80).

Въ своей безпредѣльной „смѣлости мысли" московскій анархистъ предлагаетъ, очевидно, замѣнить семейное право „совѣтами юношамъ, посѣщающимъ публичные дома".

Но разрушеніемъ семьи московскій анархистъ съ горы Везувія не ограничивается. „Разрушу я и государство"—говоритъ онъ и приступаетъ къ своей работѣ. „Исторія покажетъ, кто сильнѣе: я или государство! Смѣется тотъ, кто послѣдній смѣется... что можетъ государственникъ сдѣлать со мной: заточить меня въ крѣпость (съ Везувія не достанешь! *А. И.*), пытать меня, наконецъ повѣсить. Пусть упражняется онъ на мнѣ. Но я или перехитрю его, или въ предсмертный моментъ покажу ему языкъ" (стр. 71—72).

Наше цензурно-полицейское вѣдомство такъ испугалось этого разрушенія государства при помощи „высунутаго языка", что стало гоняться съ обухомъ за книжкой „Индивидуалистъ". Но и эта реклама не спасетъ перваго выступленія нашихъ анархистовъ-индивидуалистовъ...

А. С. Изгоевъ.

Государственная Дума. Стенографическіе отчеты. 1906 годъ.— Сессія первая. Томы I и II. Спб. 1906 г. Цѣна за два тома 4 руб. Стенографическіе отчеты Государственной Думы раздѣляются на два тома. Въ первомъ томѣ помѣщены отчеты о засѣданіяхъ 1—18-омъ (съ 27 апрѣля по 30 мая); во второмъ—отчеты о засѣданіяхъ 19—38-омъ (съ 1-го іюня по 4 іюля). Отчеты были напечатаны въ Государственной типографіи по распоряженію предсѣдателя Государственной Думы. Послѣдній отчетъ помѣщенъ о засѣданіи Государственной Думы 4 іюля 1906 г. Всѣ послѣдующіе, вплоть до роспуска Государственной Думы, выброшены. Поэтому въ стенографическихъ отчетахъ, напечатанныхъ въ государственной типографіи, нѣтъ данныхъ о послѣднихъ дняхъ существованія Государственной Думы, когда разсматривался вопросъ объ обращеніи Государственной Думы къ народу по поводу правительственнаго сообщенія по аграрному вопросу. Отчеты о послѣднихъ дняхъ существованія Государственной Думы можно найти только въ газетахъ за первыя числа іюля. Однако стенографическіе отчеты, помѣщавшіеся въ газетахъ, были очень неполны. Изъ того, что происходило въ Государственной Думѣ, въ газетахъ была помѣ-

щаема сравнительно незначительная часть (за отсутствіемъ мѣста). Очевидно, цензура не пропустила послѣднихъ стенографическихъ отчетовъ о засѣданіи Государственной Думы, несмотря на то, что они печатались по распоряженію председателя Гос. Думы.

Собранные въ одно цѣлое въ двухъ большихъ томахъ стенографическіе отчеты Государ. Думы наглядно рисуютъ дѣятельность первыхъ народныхъ представителей и послужатъ важнымъ матеріаломъ для будущихъ историковъ освободительнаго движенія Россіи. Для лицъ, сознательно относящихся къ переживаемымъ Россіей событіямъ, стенографическіе отчеты первой Думы должны быть настольною книгою, такъ какъ въ нихъ содержится очень много матеріаловъ по такимъ важнымъ вопросамъ, какъ напримѣръ, аграрный, объ отмѣнѣ смертной казни, о гражданскомъ равноправіи, продовольственный, о собраніяхъ и др.

И. Сухоплюевъ.

ИСТОРІЯ.

А. Г. Брикнеръ. Смерть Павла I. Со статьею В. И. Семевскаго.—*Кн. Дашкова.* Записки. Перев. подъ ред. Н. Д. Чечулина. Изд. Суворина.—Записки кн. Дашковой. Изд. *В. Врублевскаго.*—Эллинская культура въ изложеніи Фр. Баумгартена, Фр. Поланда, Рих. Вагнера. Перев. М. И. Бергъ подъ ред. проф. *Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.* Вып. I—III.

А. Г. Брикнеръ. Смерть Павла I. Со статьею В. И. Семевскаго. Перев. М. Чепинской. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к. Кончина имп. Павла до самаго послѣдняго времени относилась къ такимъ эпизодамъ русской исторіи, которые оставались скрытыми отъ читающей публики самою плотной завѣсой цензурной тайны. Лишь въ 1897 г. покойному Шильдеру удалось въ I т. его сочиненія „Императоръ Александръ I“ разсказать этотъ эпизодъ съ нѣсколько большей подробностью, чѣмъ это допускалось ранѣе, но и Шильдеру пришлось допустить въ своемъ повѣствованіи цѣлый рядъ самыхъ существенныхъ пробѣловъ. Съ наибольшей подробностью и ясностью передано было все, относящееся до кончины Павла, въ книгѣ С. А. Панчулидзева „Исторія кавалергардовъ“ (1901 г.), которая какъ разъ является совершенно недоступной большой публикѣ. Теперь этотъ пробѣлъ восполненъ переводомъ на русскій языкъ монографіи А. Брикнера, появившейся на нѣмецкомъ языкѣ еще въ 1897 г. Въ монографіи Брикнера читатель найдетъ самое обстоятельное изложеніе событій, непосредственно предшествовавшихъ дворцовому перевороту, совершившемуся въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 г., а также и самой катастрофы, жертвой которой палъ имп. Павелъ. Всѣ перипетіи этого событія разсказаны Брикнеромъ съ исчерпывающей полнотой и точностью, строго объективно и спокойно, на основаніи тщательной критической провѣрки многочисленныхъ источниковъ. Изслѣдованіемъ Брикнера безспорно установлены два послѣдовательныхъ момента, чрезъ которые прошла подготовка дворцоваго переворота 11 марта 1801 г. Первоначальный планъ не шелъ далѣе провозглашенія регентства въ виду несомнѣнныхъ проявленій психическаго разстройства у имп. Павла въ послѣднее время его царствованія. Иниціаторомъ этого плана былъ гр. Панинъ, въ планъ былъ посвященъ и вел. кн. Александръ, которому и предназначалась роль регента. Но роковое сцѣпленіе обстоятельствъ вызвало въ концѣ-концовъ болѣе трагическую развязку. Брикнеръ приписываетъ въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе двумъ обстоятельствамъ: 1) удаленію отъ

дѣлъ гр. Панина, котораго имп. Павелъ подвергъ внезапной опалѣ, благодаря чему первенствующая роль въ направленіи дворцоваго заговора перешла къ гр. Палену, а гр. Паленъ въ отличіе отъ Панина обладалъ рѣшимостью не останавливаться ни передъ чѣмъ для окончательнаго низложенія Павла и 2) крайнему раздраженію столичнаго офицерства на все то, что приходилось выносить отъ патологическихъ вспышекъ Павла. Подъ вліяніемъ рѣшительности Палена и возбужденнаго настроенія офицерства планъ установленія регентства неуловимымъ образомъ былъ замѣненъ другимъ планомъ, не исключавшимъ и того трагическаго исхода, который въ дѣйствительности совершился въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 г. Яркими и любопытными чертами обрисованы въ книгѣ Брикнера и обширное развитіе заговора, захватившаго весьма широкіе круги сановнаго и военнаго столичнаго общества, внутренняя жизнь Михайловскаго дворца въ теченіе марта 1801 г. и въ самый день катастрофы. Разсказъ Брикнера прочтется всѣми съ захватывающимъ интересомъ.

Вступительная статья В. И. Семевскаго представляетъ собою весьма цѣнное дополненіе къ разбираемому изданію. Авторъ даетъ общій очеркъ правительственной дѣятельности имп. Павла, основательно возражая на появившіяся въ нашей литературѣ попытки (см. труды гг. Буцинскаго, Трифильева) идеализировать этого государя и приписать ему какую-то опредѣленную демократическую программу внутренней политики. Подробнымъ анализомъ законодательной и правительственной дѣятельности Павла В. И. Семевскій обрисовываетъ всю непослѣдовательность и противорѣчивость его политики, чуждой какой-либо опредѣленной программы и носившей на себѣ несомнѣнные слѣды тяжелаго душевнаго смятенія императора, перешедшаго въ концѣ-концовъ въ настоящую психическую болѣзнь.

А. Кизеветтеръ.

Кн. Дашкова. Записки. Переводъ подъ редакціею Н. Д. Чечулина. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1907 г. Ц. 2 р. 50 к. — Записки кн. Дашковой. Изд. В. Врублевскаго. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. Пользованіе записками кн. Дашковой требуетъ большой критической опытности. Принимая участіе въ нѣкоторыхъ громкихъ историческихъ событіяхъ (наприм. въ переворотѣ, возведшемъ на престолъ Екатерину II), княгиня безсознательно преувеличивала ту роль, которая досталась при этомъ на ея долю, а позднѣе при составленіи мемуаровъ она сверхъ того допускала кое-гдѣ и сознательную ретушевку дѣйствительности. Все это умаляетъ историческую цѣнность тѣхъ частей ея записокъ, которыя касаются выдающихся событій и въ особенности ея собственнаго въ нихъ участія. Зато записки кн. Дашковой очень любопытны и содержательны, поскольку онѣ раскрываютъ передъ нами общую картину тогдашняго быта. Жизнь дворца, нравы придворной, столично-сановной и помѣщичьей среды второй половины XVIII и начала XIX в. ярко отпечатлѣлись въ повѣствованіи умной и наблюдательной княгини. Характерными чертами обрисовывается въ запискахъ и міросозерцаніе самого ихъ автора въ разсыпанныхъ тамъ и сямъ сужденіяхъ о разныхъ сторонахъ русской жизни и о нѣкоторыхъ современныхъ автору литературныхъ явленіяхъ; см. напр. отзывы о крѣпостномъ правѣ или о произведеніяхъ Радищева. Передъ нами встаетъ истинная дочь своего вѣка, возвысившаяся до тонкихъ наслажденій аксіомами просвѣтительной философіи и сохранившая въ то же время въ глубинѣ своей души инстинкты рабовладѣлицы. Какъ источникъ для изученія отдѣльныхъ историческихъ событій, записки оставляютъ желать многаго; какъ „человѣческій доку-

ментъ“ — онѣ глубоко интересны. Изъ двухъ изданій записокъ, почти одновременно вышедшихъ изъ печати, слѣдуетъ предпочесть изданіе г. Суворина. Оно сдѣлано по хорошему тексту, снабжено нѣсколькими портретами кн. Дашковой, указателемъ и предисловіемъ редактора съ краткой біографіей княгини. Слѣдуетъ пожалѣть только, что редакторъ въ своемъ предисловіи совершенно обошелъ вопросъ о соотношеніи текста различныхъ изданій „Записокъ“. Изданіе г. Врублевскаго содержитъ только переводъ „Записокъ“ безъ всякаго критическаго аппарата.

А. Кизеветтеръ.

Эллинская культура въ изложеніи Фр. Баумгартена, Фр. Поланда, Рих. Вагнера. Переводъ М. И. Бергъ подъ редакціей проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. Вып. I—III. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. Цѣна выпуска 1 руб. С.-Петербургъ 1906 г. Въ то время какъ по соціально-экономической и политической исторіи Греціи имѣется рядъ новыхъ и исчерпывающихъ трудовъ (труды Эдуарда Мейера, Пёльмана, Белоха, Бузольта и др.), по исторіи греческой культуры нѣтъ до сихъ поръ хорошаго обобщенія. Большой трудъ Буркгардта „Griechische Kulturgeschichte“, изданный послѣ смерти автора, не представляется удачнымъ; общія сочиненія Фальке, Вегнера (имѣются въ русскомъ переводѣ) значительно устарѣли и въ научномъ отношеніи мало удовлетворительны. Поэтому можно вполнѣ привѣтствовать появленіе сводной работы „Die Hellenische Kultur“ Баумгартена, Поланда и Вагнера, поставившихъ своей задачей на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій дать въ доступной формѣ общіе очерки греческой культуры.

Передъ нами лежатъ первые три выпуска русскаго перевода, исполненнаго подъ редакціей выдающагося знатока древности профессора Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. Далеко не всѣ отдѣлы разбираемаго труда — одинаковаго достоинства; широта и сложность поставленной задачи въ значительной степени объясняютъ недостатки и пробѣлы работы. Прежде всего надо отмѣтить, что главы, посвященныя соціально-политической исторіи и написанныя культуръ-историкомъ, составлены наименѣе удачно; цѣлый рядъ отдѣльныхъ положеній и обоснованій вызываетъ возраженія. Такъ въ отдѣлѣ, трактующемъ о „раннемъ средневѣковьи“, необходимо болѣе тщательно и обстоятельно анализировать соціальный строй Гомеровскаго общества, можно также сдѣлать замѣчанія по поводу изображенія строя Спарты, законодательства Солона, греко-персидскихъ войнъ, соціальной борьбы аѳинской республики и т. п. Но эти отдѣлы не являются главными въ данномъ трудѣ, и читателя можно отослать къ существующимъ и выше указаннымъ спеціальнымъ работамъ. Главы, посвященныя культурной исторіи, составлены въ общемъ удачно и читаются съ большимъ интересомъ. Здѣсь авторамъ можно поставить одинъ серьезный упрекъ. Въ общей исторіи эллинской культуры естественно было ожидать, что будетъ удѣлено соотвѣтственно много мѣста замѣчательнымъ археологическимъ раскопкамъ на Критѣ, проливающимъ новый свѣтъ на древнѣйшее прошлое цивилизаціи. Тѣмъ болѣе, что, кромѣ нагляднаго матеріала, имѣются уже нѣкоторыя попытки извѣстныхъ обобщеній (отчеты Evans'a, работы Tsountas, Hall и др.). Въ разбираемомъ трудѣ „микенскому періоду“ посвящено всего 24 страницы, причемъ только на 5 страницахъ излагаются раскопки въ Кносѣ. Надо замѣтить, что въ пропорціональномъ отношеніи рисунковъ, знакомящихъ съ новѣйшими открытіями, больше, чѣмъ соотвѣтствующаго текста. Въ дальнѣйшемъ укажемъ, что немногія страницы, трактующія о древнѣйшемъ періодѣ

греческой философіи, слишкомъ сжаты и схематичны; въ отдѣлѣ объ искусствѣ, составленномъ удачно, желательно было бы удѣлить еще болѣе мѣста архитектурѣ. Главы о литературѣ составлены живо и довольно полно; хороши отдѣлы, посвященные внутренней жизни эллиновъ, ихъ быту, нравамъ, обычаямъ, культурному обиходу и т. д.

Въ общемъ новый трудъ представляетъ безусловный интересъ и до извѣстной степени можетъ пополнить существующій пробѣлъ въ общихъ работахъ по эллинской культурѣ. Цѣлый рядъ умѣло подобранныхъ и хорошо исполненныхъ иллюстрацій оживляетъ прекрасное литературное изложеніе и усиливаетъ интересъ. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ, но цѣну изданія (по 1 руб. за выпускъ) можно было бы нѣсколько понизить.

И. Бороздинъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

С. М. Веллеръ. О міровомъ эѳирѣ. Современныя воззрѣнія на свѣтъ, теплоту и электричество.

С. М. Веллеръ. О міровомъ эѳирѣ. Современныя воззрѣнія на свѣтъ, теплоту и электричество. Съ 18 рисунками. Тифлисъ, 1906. Понятіе объ эѳирѣ представляетъ въ настоящее время одно изъ основныхъ понятій физики. Все современное зданіе физическаго ученія съ блестящимъ куполомъ, увѣнчивающимъ его верхушку—электромагнитной теоріей свѣта основано на существованіи эѳира—этого всепроникающаго невѣсомаго вещества. На русскомъ языкѣ почти не было книгъ, спеціально трактующихъ вопросъ о значеніи эѳира; г. Веллеръ взялся восполнить этотъ недостатокъ и издалъ брошюру: „О міровомъ эѳирѣ“, лежащую передъ нами. Насколько успѣлъ въ своемъ желаніи авторъ книжки, читатель увидитъ изъ нижеслѣдующихъ строкъ.

Авторъ старается выяснить въ предисловіи вопросъ о словѣ „эѳиръ“, о понятіи этого термина и указываетъ на частое употребленіе этого слова безъ достаточнаго пониманія его великаго значенія. Предисловіе заканчивается замѣчаніемъ, гласящимъ, „что по данному вопросу нѣтъ *отдѣльнаго* *) труда...“ и это то обстоятельство побудило автора взяться за выполненіе этой задачи. Намъ кажется подобное утвержденіе нѣсколько голословнымъ; можетъ быть, г. Веллеръ желалъ сказать—на русскомъ языкѣ,—тогда замѣтка является вполнѣ правильной.

Введеніе авторъ начинаетъ словами о значеніи изслѣдованій и науки вообще. Тутъ же вводится понятіе о гипотезѣ и ея роли въ наукѣ; приведя примѣры о значеніи гипотезы, авторъ переходитъ къ историческому, правда очень краткому, очерку о возникновеніи и понятіи слова „эѳиръ“. Названіе это можно вести отъ двухъ совершенно различныхъ словъ; по Платону—отъ ἀεὶ (вѣчно) и τέω (двигаюсь) происходитъ ἀιτὲς (вѣчно двигающійся), по другому варіанту—отъ ἄιτω (горю). Г. Веллеръ придерживается перваго взгляда и строитъ на этомъ объясненіе дальнѣйшаго значенія эѳира, какъ всеобъемлющаго, всепроникающаго вещества. Только слѣдующая, 3-я глава (книжка состоитъ изъ небольшихъ главъ) и 5-я знакомятъ насъ съ эѳиромъ и его основными свойствами. Затѣмъ уже идутъ приложенія этого понятія къ объясненію химическихъ и физическихъ теорій, какъ напр., главы: періодическая система элементовъ, свѣтъ, отраженіе, преломленіе свѣта, глазъ, теплота

---

*) Курсивъ не нашъ.

и т. д. На этихъ страницахъ мы находимъ извѣстные уже изъ общаго курса физики представленія, приборы, теоріи, однимъ словомъ—эти страницы посвящены элементамъ физики.

Намъ кажется излишнимъ помѣщеніе подобнаго рода главъ въ книжкѣ, трактующей объ эѳирѣ. Если этотъ трудъ разсчитанъ на популяризацію физическихъ знаній (на что есть намекъ въ предисловіи), то онъ является нѣсколько затруднительнымъ, благодаря нагроможденію совершенно излишнихъ подробностей и пропуску многаго необходимаго; если же авторъ хотѣлъ познакомить или, вѣрнѣе, напомнить ученіе объ эѳирѣ людямъ, изучившимъ уже основы физики, то зачѣмъ это введеніе извѣстныхъ истинъ и явленій? Трудъ г. Веллера былъ бы гораздо стройнѣе, если бы эти главы были сокращены на половину. Кромѣ того, намъ кажутся нѣсколько странными полемическіе пріемы автора; на страницахъ популярнаго научнаго труда по физикѣ совершенно не мѣсто вылазкамъ противъ Менделѣева и Иловайскаго. Никто не можетъ отрицать научныхъ заслугъ Менделѣева. Періодическая система элементовъ обязана своимъ существованіемъ одному Менделѣеву; но разборъ его личныхъ убѣжденій не касается книжки, трактующей „О міровомъ эѳирѣ". Въ самомъ дѣлѣ, какъ отнестись къ подобнаго рода строкамъ: „Оставляя въ сторонѣ современные взгляды Менделѣева на вопросы общественнаго характера (?)—взгляды, такъ непріятно поражающіе своей бюрократической тенденціозностью"... (стр. 3); не менѣе удивили насъ строки, посвященныя учебникамъ г. Иловайскаго (и это на страницахъ книги по вопросамъ физики!): „Когда западная Римская имперія пала и, выражаясь словами Иловайскаго, глубокій мракъ невѣжества покрылъ всю Европу—мракъ, который и нынѣ съ большой любовью поддерживается въ умахъ нашей молодежи казеннымъ освѣщеніемъ историческихъ фактовъ самимъ г. Иловайскимъ и его присными, объ эѳирной теоріи некогда было и думать" (стр. 7). Думаемъ, что этихъ мѣстъ достаточно, чтобы убѣдиться въ ненаучныхъ пріемахъ писанья г. Веллера.

Трудъ свой г. Веллеръ кончаетъ словами объ общемъ значеніи эѳира, объ его участіи во всѣхъ явленіяхъ физики. „Въ міровомъ эѳирѣ возникли волны; однѣ изъ нихъ, отличаясь меньшей скоростью, вызвали ощущеніе теплоты, другія, съ наибольшей скоростью, вызвали ощущеніе свѣта, третьи съ *той же скоростью* **) но большей длины, вызываютъ электрическія явленія, наконецъ разрядъ вызвалъ сотрясеніе воздуха, въ результатѣ чего получился звукъ (трескъ)" (стр. 49).

Здѣсь г. Веллеръ допустилъ довольно крупную погрѣшность: какъ извѣстно, электрическія волны отъ самаго усовершенствованнаго вибратора проф. Лебедева даютъ до 50.000 милліоновъ колебаній въ секунду, имѣя въ длину отъ 3 до 6 миллиметровъ; свѣтовыя же явленія получаютъ отъ лучей, дающихъ отъ 450 билліоновъ (красный цвѣтъ) до 800 билліоновъ въ секунду (фіолетовый) при меньшей длинѣ самихъ волнъ. „Величавая простота единства міровыхъ явленій" дѣйствительно существуетъ, но при разницѣ въ скорости волнъ свѣтовыхъ и электрическихъ; незнаніе подобнаго рода элементарныхъ вещей является чрезвычайно страннымъ и недопустимымъ при составленіи даже компилятивныхъ популярныхъ брошюръ.

А. Лютинъ.

**) Курсивъ нашъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1906 г. по 1 января 1907 г.

Аграрный вопросъ. Томъ II. Посвящается памяти М. Я. Герценштейна. Сборникъ статей. М., 1907 г. Изд. „Бесѣда“.

Алексѣевъ, В. Г. Плоды воспитательнаго обученія въ духѣ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта (Гольдене Ауэ и Киффгойзеръ). Юрьевъ, 1906. Ц. 1 р.

Амонъ, А. Соціализмъ и анархизмъ. Соціологическіе этюды. Переводъ съ франц. С. Б. Ш., подъ редакціей и съ предисловіемъ привать-доцента А. А. Борового. М., 1906 г. К-во „Заратустра“.

Анзимировъ, В. А. „Крамольники“ (Хроника изъ радикальныхъ кружковъ семидесятыхъ годовъ). М., 1907 г. Ц. 50 к.

Арнольдъ, Эдвинъ. Свѣтъ Азіи. (Излож. въ поэтич. формѣ буддизма). Перев. А. М. Ѳедорова, съ пред. академика С. Ѳ. Ольденбурга. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к. 2 иллюстр. изд. „Свѣточъ“.

Атлантикусъ. Государство будущаго. Вступительная статья К. Каутскаго. Съ предисл. къ русск. изд. П. Румянцева. Переводъ В. Десницкаго. Спб., 1906 г. Ц. 35 к. Изд. „Знаніе“.

Барышниковъ, П. Книга для чтенія на урокахъ русскаго языка. Вып. первый. М., 1906 г. Изд. К. И. Тихомирова.

— Книга для чтенія на урокахъ естествовѣдѣнія. Вып. второй. М., 1907 г. Изд. К. Тихомирова.

Вахъ, Макс. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Перев. съ нѣм. подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова. Изд. Скирмунта. М., 1906 г. Ц. 2 р.

Бебель, Августъ. Постоянная армія и народная милиція. Перев. подъ редакціей П. Орловскаго. Дешевая библіотека товарищ. „Знаніе“. Спб., 1906 г Ц. 15 к.

— Шарль Фурье, его жизнь и ученіе. Съ прилож. портрета Фурье и вида фаланстера. Перев. Д. Майзеля и В. Сережникова подъ редакціей В. Базарова. Изд. „Знаніе“. Спб., 1906 г. Ц. 50 к.

Безобразова, М. С. Исторія одного воробья. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. Allegro. Изд. журнала „Тропинка“. Ц. 25 к.

Бентамъ. Тактика законодательныхъ собраній. Перев. М. К. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Витовтъ, Юрій. Книга о книгахъ. Изд. Спиридонова. М., 1907 г. Ц. 80 к.

Блокъ, Александръ. Нечаянная радость. Второй сборникъ стиховъ. М., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к. Изд. „Скорпіонъ“.

Брикнеръ, А. Г. Смерть Павла I. Со статьею В. И. Семевскаго. Перев. М. Чепинской. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Брюсовъ, Валерій. Земная ось. Разсказы и драматическія сцены. М., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к. Изд. „Скорпіонъ“.

В. В. Производство и потребленіе въ капиталистическомъ обществѣ. Спб., 1907 г. Ц. 30 к. Изд. „Нашей Жизни“.

— Отъ семидесятыхъ годовъ къ девятисотымъ. Сборникъ статей. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 30 к. Изд. „Наша Жизнь“.

В. У. Докладная записка къ вопросу о реорганизаціи народнаго хозяйства Россійской имперіи. Харьковъ, 1906 г. Ц. 15 к.

Вандервельде, Э. Промышленное развитіе и коллективизмъ. Перев. подъ редакціей І. Гольденберга. Спб., 1906 г. Ц. 30 к. Изд. „Знаніе“.

Васильевъ, Н. П. Правда о кадетахъ. Спб., 1907 г. Ц. 10 к.

Возникновеніе партійной организаціи германской соціалъ-демократіи. Перев. съ нѣмецк. Н. Дьяконова. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. М., 1907 года. Ц. 25 к.

Виташевскій, Н. А. По тайгѣ за золотомъ. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Viola Paul. Прелюдіи творчества. Стихотворенія. 1907 г. Ц. 1 р. 5 к.

Волховскій, Ф. Про воинское устройство. Изд. Мягкова. М., 1906 г. Ц. 3 к.

Гауптманъ, Г. Ткачи. Драма. Перев. Э. Маттерна. Изд. „Посредникъ". М., 1907 г. Ц. 15 к.

Гаммеджъ, Р. Исторія чартизма. Перев. съ англ. А. В. Погожевой. Изд. „Дѣло". Спб., 1907 г. Ц. 2 р.

Гернетъ, М. Общественныя причины преступности. Изд. „Дешевой библіотеки" Скирмунта. М., 1906 г. Ц. 75 к.

Герценъ, А. И. Движеніе общественной мысли въ Россіи. Съ приложеніемъ портрета А. И. Герцена и статьи „О сельской общинѣ въ Россіи". Перев. съ франц. М., 1907 г. Ц. 50 к.

Гейнеръ, Адольфъ. Икарійцы въ Сѣверной Америкѣ. Перев. съ нѣмец. Л. Громозовой подъ ред. В. Величкиной. Изд. „Знаніе". Спб., 1906 г. Ц. 10 коп.

Гиппіусъ, З. Н. Новые люди. Разсказы. Второе изд. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Гудзь, И. К. Законы о выборахъ въ Государственную думу. Тверь, 1906 г. Ц. 50 к. съ перес.

Гуляевъ, А. Краткій курсъ коммерческой корреспонденціи. М., 1906 г. Изд. К. Тихомирова.

— Курсъ бухгалтеріи. Часть I. Теорія. М., 1906 г. Изд. К. Тихомирова.

— Курсъ коммерціи. М., 1906 г. Изд. К. Тихомирова.

— Краткій курсъ коммерческой ариѳметики. М., 1906 г. Изд. К. Тихомирова.

— Сборникъ задачъ по коммерческой ариѳметикѣ. М., 1906 г. Изд. К. Тихомирова.

Джоржъ, Генри. I. Что такое единый налогъ и почему мы его добиваемся. II. Программа лиги единаго налога. Перев. съ англ. С. Д. Николаева. Изд. „Посредникъ". М., 1907 г. Ц. 3 к.

Дорофеевъ, П. П. Краткій учебникъ пчеловодства. Съ 107 рис. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1907 г. Ц. 45 к.

— Какъ дешево устроить садъ и ухаживать за нимъ. Подъ редакціей В. В. Пашкевича. Съ 42 рис. Изд. Девріена. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.

Ежегодникъ русскаго горнаго общества. IV. 1904 г. М., 1904 г. Ц. 2 р.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ 11-й. Кіевъ, 1907 г.

Земскіе общеобразовательные курсы для народныхъ учителей. Сборникъ статей. Спб., 1906 г. Ц. 75 к.

Зѣлинскій, Ѳ., проф. Соперники христіанства. (Изъ жизни идей. Томъ III.) Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 80 к.

Каменоградскій, П. И. Парники и ранняя выгонка овощей, разсады и земляники. Съ 90 рис. Изд. Д. Ф. Девріена. Спб., 1906 г. Ц. 2 р.

Канель, В. Рабочій договоръ. Часть I. Изд. дешевой библ. Скирмунта. Ц. 75 к.

Кариби. Оглянемся назадъ! (Отвѣтъ Н. Я. Николадзе.) Тифлисъ, 1906 г. Ц. 20 к.

Каутскій, Карлъ. Карлъ Марксъ. Біографическій очеркъ. Перев. Штейнертъ подъ ред. В. Десницкаго. Изд. „Знаніе". Спб., 1906 г. Ц. 5 к.

— Нейтрализація профессіональныхъ союзовъ. Перев. А. Гойхбарга подъ редакціей В. Десницкаго. Изд. „Знаніе". Спб., 1906 г. Ц. 10 к.

Ковалевская, О. П. Молочный скотъ и молочное хозяйство. Съ 40 рис. Изд. А. Ф. Девріена. Ц. 30 к.

Коганъ, П. Очерки по исторіи древнихъ литературъ. Томъ I. Греческая литература. Изд. Скирмунта. М., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кожевниковъ, В. Великая крестьянская война въ Германіи (1524—1525). Изд. Глаголева. Спб. Ц. 60 к.

Козловъ, В. Д. Очерки и разсказы изъ минувшей войны. Изд. Артемьева. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Корниловъ, А. А. Изъ исторіи вопроса объ избирательномъ правѣ въ земствѣ. Спб., 1906 г. Ц. 20 к.

Клейнбортъ, А. Подоходный налогъ. Изд. „Знаніе". Спб., 1906 г. Ц. 10 к.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д. Изъ эпохи освободительнаго движенія. I. До 17 октября 1905 года. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Купринъ, А. Томъ III. Изд. „Міръ Божій". Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Лассаль. Косвенные налоги. Изд. Мягкова „Колоколъ". Спб., 1906 г. Ц. 25 к.

Лебедевъ, А. И. Что читать крестьянамъ и рабочимъ. Нижній-Новгородъ, 1907 г. Ц. 12 к.

Луговой, А. „Цѣль вашей жизни?" Повѣсти и разсказы. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Львовъ-Рогачевскій, В. Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

М. А. Послѣднее политическое движеніе въ Персіи. Вып. первый. Спб., 1906 г. Ц. 75 к.

Мартесонъ-Гнидкинъ, Александръ. Государствовѣдное опровержение лжеученій объ обычномъ правѣ и правовомъ отношеніи. М., 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.

Мартинъ, Рудольфъ. Будущность

Россія и Японія. Пер. съ нѣм. М. С. Заковича и С. П. Вейнберга подъ редакціей и со вступительной статьей Т. В. Локоть. Изд. Сытина. Ц. 1 р.

Мартовъ, Л. Пролетарская борьба въ Россіи. Предисловіе П. Аксельрода. 2-е исправл. и дополн. изданіе. Изд. Глаголева. Спб. Ц. 30 к.

Манасеина, Н. Разсказы для дѣтей. Съ иллюстраціями. Изд. журн. „Тропинка". Ц. 1 р. 50 к.

Матеріалы подворной переписи Полтавской губерніи въ 1900 году. Полтавскій уѣздъ. Статистическое бюро Полтавскаго губ. земства. 1906 г.

Матеріалы подворной переписи Полтавской губ. въ 1900 году. Кобелякскій уѣздъ. Статистическое бюро Полтавскаго губ. земства. 1906 г.

Матеріалы подворной переписи Полтавской губ. въ 1900 году. Константиноградскій уѣздъ. Статистическое бюро Полтавскаго губ. земства. 1906 г.

Мезіеръ, А. В. Турція. Очеркъ. Съ 17 рис. Изд. О. Поповой. Спб., 1907 г. Ц. 20 к.

Мильтонъ, Д. О свободѣ печати (ареопагитика). Изд. Скирмунта. М., 1906 г. Ц. 25 к.

Могилянскій, Мих. Первая Государственная Дума. Изд. Пирожкова. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Мультатули. Повѣсти, сказки, легенды. Перев. и вступ. статья Алекс. Чеботаревской. Изд. „Дѣло". Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Начало нѣмецкой соціалъ-демократіи. Перев. съ нѣмец. В. Величкиной. Изд. „Знаніе". Спб., 1906 г. Ц. 20 к.

Никитинъ, А. Разсказы изъ жизни маленькихъ людей. Изд. С. Н. Красовскаго. М., 1907 г. Ц. 60 к.

Новиковъ, Ив. Къ возрожденію. Разсказы. Изд. Скирмунта. Ц. 1 р.

— Изъ жизни духа. Романъ. Изд. Скирмунта. Ц. 1 р.

Новыя вѣянія. Первый еврейскій сборникъ. Изд. С. Скирмунта. М., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1905 г. Статистическое бюро Полтавскаго губ. земства. 1906 г.

Орловская, М. В. Самоучитель русской стенографіи. Съ предисловіемъ М. Ц. Чадова. Кіевъ, 1906 г. Ц. 1 р.

Отч..ъ главнаго управленія неокладныхъ сб..оовъ и казенной продажи питей за 19.. г. Вып. I. Спб., 1906.

Отч..ъ о дѣятельности врачей санитарна.о надзора на рѣк. Волгѣ и Камѣ и М..ріин. сист. за 1905 г. Спб., 1906 г.

Па..вусъ. Россія и революція. Изд. Г..голева. Спб. Ц. 1 р.

Па..тія мирнаго обновленія, проектъ а..г..рной реформы группы прогрессистовъ и програмка партіи. 3 изд. 1906 г. Ц. 5 к.

Паршинъ, А. Научный фундаментъ соціологіи. Часть I. М., 1907 г. Ц. 2 р.

Петрищевъ, А. Б. Очерки и разсказы. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.

Поливановъ, В. Воронъ.—Индѣйцы. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Изд. журнала „Тропинка". Ц. 25 к.

Полиловъ-Сѣверцевъ, Г. Т. Наши дѣды-купцы. Бытовыя картины начала XIX столѣтія. Съ рис. Апсита. Изд. Девріена. Спб. Ц. 3 р.

Поступленіе акциза со спирта и вина по 50 губерніямъ за 1864—1901 гг. Спб. 1906 г.

Потебня, А. А. и Скробишевскій, В. Я. Руководство по виноградарству. Съ 325 рис. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.

Проекты школьныхъ зданій. Часть I. Изд. Саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ, 1906 г. Ц. 2 р.

Пушкинъ. Подъ ред. С. А. Венгерова. Библіот. великихъ писателей. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. В. I. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пшибышевскій, Станиславъ. Вѣчная сказка. Драматическая поэма. Перев. Е. Троповскаго. Изд. „Скорпіонъ". М., 1907 г. Ц. 1 р.

Пѣшехоновъ, А. Программные вопросы. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 к. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 к. Изд. „Русское Богатство". Спб., 1907 г.

Рашковъ, С. А. Чтеніе по средневѣковой исторіи. Четыре представителя духовной жизни XII вѣка. Изд. историч. общества. М., 1907 г. Ц. 75 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Жизнь Іисуса. Полн. перев. А. С. Усовой, подъ ред. и съ пред. академика Алекс. Веселовскаго. Съ портретомъ Ренана. Изд. „Свѣточъ". Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.

Розенбергъ, А. Исторія искусства. Перев. Павловской, подъ редак. и съ прилож. очерка „Исторіи русскаго искусства". Вып. I. Изд. „Міръ Божій". Спб., 1906 г.

Россовъ, П. Національное самосознаніе корейцевъ. Изд. Артемьева. 1906 г. Ц. 30 к.

Руссо, Ж. Ж. Общественный договоръ или принципы государственнаго права. Полный перев. съ франц. С. Нестеровой, подъ редакц. и съ предисловіемъ П. Когана. Изд. Скирмунта. М., 1906 г. Ц. 40 к.

Сборникъ XIV товарищ. „Знаніе" за 1906 г. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Сводъ свѣдѣній финансовыхъ результатовъ и главныхъ оборотовъ по казенной продажѣ питей за 1905 г. Спб.

Серафимовичъ, А. Разсказы. Т. II. Изд. „Знаніе". Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Соловьева, П. (Allegro). Елка. Стихи для дѣтей съ рисунками. Изд. журнала „Тропинка". Ц. 50 к.

Сомовъ, С. И. Профессіональные союзы и соціалъ-демократическая партія. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб., 1907 г. Ц. 20 к.

Синклеръ, Антонъ. Дебри (The Jungle). Изд. Иванова. Кіевъ, 1906 г. Ц. 1 р. 25 к.

Статистика по казенной продажѣ питей за 1904 г. Спб., 1906 г.

Толстой, Л. Н. Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой. Т. V. Критика догматическаго богословія. Изд. „Русскаго Свободнаго Слова". Спб.

— О значеніи русской революціи. Изд. „Посредникъ". М., 1906 г. Ц. 15 к.

— О Шекспирѣ и о драмѣ. Изд. „Посредникъ". М., 1907 г. Ц. 20 к.

— I. Единственное возможное рѣшеніе земельнаго вопроса. II. Предисловіе къ русскому переводу книги Генри Джоржа „Общественныя задачи". Изд. „Посредникъ". М., 1907 г. Ц. 3 к.

— Голодъ. Изд. „Посредникъ". М., 1906 г. Ц. 10 к.

— Земля и трудъ. Изд. „Посредникъ". М., 1907 г. Ц. 10 к.

Торгашевъ, Б. Профессіональное движеніе и соціалъ-демократія. Изд. „Союзъ". М., 1907 г. Ц. 10 к.

Троцкій, Н. Наша революція. Изд. Глаголева. Спб. Ц. 1 р.

Успенскій, М. И. Юный гражданинъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Спб., 1907 г. Ц. 25 к.

Федоренко, В. Годъ у нѣмцевъ. Замѣтки офицера. Вильна, 1907 г. Ц. 50 к.

Франсъ, Анатоль. Пчелка. Сказка. Переводъ Манасеиной. Съ рис. Allegro. Изд. журнала „Тропинка".

Цебрикова, М. К. Каторга и ссылка. Библ. „Свѣточа". Спб., 1907 года. Ц. 20 к.

Чарнолускій, В. Соціализмъ и народное образованіе. Спб., 1907 года. Ц. 20 к.

Чириковъ, Евгеній. Разсказы. Томъ VI. Изд. „Знаніе". Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Шевченко, Т. Г. Кобзарь. Въ переводѣ русскихъ писателей подъ ред. Ив. Ал. Бѣлоусова. Съ портретомъ и біографіей сост. Бѣлоусовымъ. Изд. второе, дополн. т-ва „Знаніе". Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Шулятиковъ, В. Изъ теоріи и практики классовой борьбы. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. М., 1907 г. Ц. 30 к.

Эльмъ-Фонъ А. Соціализмъ и профессіональное движеніе. Перев. съ рукописи. Спб., 1907 г. Ц. 15 к.

Юшкевичъ, Семенъ. Томъ IV. Очерки дѣтства. Изд. „Знаніе". Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Ястремскій, Ф. Повинности крестьянъ Минской губ. Минскъ, 1906 г.

Ѳедоровъ, А. Камни. Романъ. Изд. „Міръ Божій". Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ
Библіографическаго отдѣла.
I. Книги.

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря по 1 января 1906 г.

Томъ II-й. Ц. 1 р. 20 к. Содержаніе: „Богатырскій курганъ“, драм. поэма въ 1 д. (въ стих.). „Фру Ингеръ изъ Эстрота“, др. въ 5-ти дѣйств. „Пиръ на Сольхаугѣ“, лирич. др. въ 3-хъ дѣйств. „Олафъ Лиліекрансъ“, др. въ 3-хъ дѣйств. „Воители въ Гельгеландѣ“, траг. въ 4 д.

Томъ III-й. Ц. 1 р. 50 к. Содержаніе: „Комедія любви“, ком. въ 3 дѣйств. (въ стихотвор.). „Борьба за престолъ“, историч. др. въ 5 дѣйств. „Брандъ“, лирич. поэма въ 5 дѣйств. (въ стих.).

Томъ IV-й. Ц. 2 р. Содержаніе: „Перъ Гюнтъ“, драм. поэма въ 5 дѣйств. (въ стих.). „Союзъ молодежи“, ком. въ 5 дѣйствіяхъ. „Кесарь и Галилеянинъ“, міровая драма въ 2-хъ ч.: I. „Отступничество цезаря“, др. въ 5 дѣйствіяхъ; II. „Императоръ Юліанъ“, др. въ 5 д.

Томъ V-й. Ц. 1 р. 20 к. Содержаніе: „Столпы общества“, др. въ 4 дѣйств. „Кукольный домъ“, др. въ 3 дѣйств. „Привидѣнія“, др. въ 3 дѣйств. „Врагъ народа“, ком. въ 5 дѣйствіяхъ.

Томъ VI-й. Ц. 1 р. 20 к. Содержаніе: „Дикая утка“, др. въ 5 дѣйств. „Росмерсгольмъ“, драма въ 4 дѣйств. „Дочь моря“, др. въ 5 дѣйств. „Гедда Габлеръ“, др. въ 4 дѣйств.

Томъ VII-й. Ц. 1 р. 20 к. Содержаніе: „Строитель Сольнесъ“, др. въ 3 дѣйств. „Маленькій Эйольфъ“, др. въ 3 дѣйств. „Джонъ Габріэль Боркманъ“, драма въ 4 дѣйств. „Когда мы, мертвецы, пробуждаемся“, др. эпилогъ въ 3 дѣйствіяхъ.

Томъ VIII-й. Ц. 1 р. 50 к. Содержаніе: Статьи, рѣчи и письма Г. Ибсена.

Г. Ибсенъ. Драмы, изданныя отдѣльно, въ переводѣ съ датско-норвежскаго А. и П. Ганзенъ.

Катилина; драма въ 3 д. (въ стихахъ). Ц. 40 к.

Комедія любви; ком. въ 3 д. (въ стихахъ). Ц. 60 к.

Борьба за престолъ; драма въ 5 дѣйств. Ц. 40 к.

Брандъ; драмат. поэма въ 5 д. (въ стихахъ). Ц. 75 к.

Перъ Гюнтъ; др мат. поэма въ 5 д. (въ стихахъ). Ц. 75 к.

Союзъ молодежи; ком. въ 5 д. Ц. 40 к.

Кесарь и Галилеянинъ; міровая драма въ двухъ частяхъ: **Отступничество цезаря;** драма въ 5 д. — **Императоръ Юліанъ;** драма въ 5 д. Ц. 1 р.

Столпы общества; ком. въ 4 д. Ц. 40 к.

Кукольный домъ (Нора); драма въ 3 д. Ц. 40 к.

Привидѣнія; семейная драма въ 3 д. Ц. 40 к.

Врагъ народа (докторъ Стокманъ); комедія въ 5 д. Ц. 40 к.

Дикая утка; драма въ 4 д. Ц. 30 к.

Росмерсгольмъ; драма въ 4 д. Ц. 40 к.

Дочь моря; драма въ 5 д. Ц. 40 к.

Строитель Сольнесъ; др. въ 3 д. Ц. 40 к.

Маленькій Эйольфъ; драма въ 3 дѣйств. Ц. 40 к.

Джонъ Габріель Боркманъ; драма въ 4 д. Ц. 40 к.

Когда мы, мертвецы, пробуждаемся; драмат. эпилогъ въ 3 д. Ц. 40 к.

Сборники.

Еврейскій сборникъ „Новыя вѣянія“. Ц. 1 р. 25 к. Содержаніе: Введеніе. „Сомьники“, разсказъ Д. Айзмана. „Въ сторонѣ“, разсказъ К. Бархина. „Повѣрилъ“, „Охота“, „Фейгелэ“ и „Борисъ Беккеръ“, разсказы Н. Осиповича. „Въ новомъ руслѣ“, повѣсть С. Ан—скаго. „Пасынки жизни“, драма Д. Бенарье. „Пролетарскія пѣсни“, стихотворенія М. Розенфельда. „Благочестивый котъ“, сказка Переца. „Годель“, разсказъ Шолемъ-Алейхема.

Финляндскій сборникъ „Сáмпо“ (готовится къ печати).

Исторія литературы.

Галлерея русскихъ писателей. Въ „Галлерею“ вошло свыше 250-ти портретовъ русскихъ писателей въ области художественной литературы и критики (начиная съ Кантемира и кончая М. Горькимъ) съ краткими очерками ихъ жизни и литературной дѣятельности. Текстъ редактировалъ И. Игнатовъ. Портреты исполнены цинкографическ. способомъ. Ц. 3 р. 50 к. на обыкновенной бумагѣ и 6 р. на веленевой. Имѣются художественной работы папки для переплета „Галлереи“: коленкор. по 1 р. 25 к. и съ кожанымъ корешкомъ по 1 р. 75 к.

П. Коганъ. Очерки по исторіи древнихъ литературъ.

Томъ I-й. Греческая литература (съ иллюстраціями). Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II-й. Римская литература (печат.).

П. Коганъ. Очерки по исторіи западноевропейскихъ литературъ.

Томъ I-й, съ портретами въ текстѣ и на отдѣльн. листахъ (2-е изд.). Ц. 1 р. 50 к.

Томъ II-й, съ портретами въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Ц. 1 р. 50 к.

П. Коганъ. Очерки по исторіи русской литературы (готовится къ печати).

I. Шеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія литературы, въ 2-хъ томахъ. Перев. съ новаго, 10-го (юбилейнаго), пересмотрѣннаго и значительно дополненнаго профессоромъ цюрихскаго университета O. Hagenmacher'омъ нѣмецкаго изд. подъ ред. П. Вейнберга. Стр. 567+ +668, съ 374 рис. въ текстѣ и 23 на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна за два тома 6 р.

Философія, психологія.

Г. Файгингеръ. Ницше какъ философъ. Съ портретомъ Ницше. Пер. съ нѣмецк. П. Шутякова. Ц. 30 к.

Уилльямъ Джемсъ. Бесѣды съ учителями о психологіи. Пер. съ англійск. А. Громбаха (2-е изд.). Ц. 50 к.

Исторія.

К. Марксъ. Собраніе историческихъ работъ. I. Борьба классовъ во Франціи 1848—1850 г. II. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. III. Революція и контръ-революція въ Германіи. Приложенія: 1. Введеніе къ „Борьбѣ классовъ во Франціи“ Ф. Энгельса. 2. Предисловіе къ „Революціи и контръ-революціи“ К. Каутскаго. Полный переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣч. В. Базарова и И. Степанова. Ц. 1 р.

„...Названное изданіе представляетъ высокій научно-общественный интересъ для русской читающей публики .. Съ восторгомъ рекомендуемъ (его) вниманію читателей“.
В. Сторожевъ. (Образованіе, 1906 г., № 9.)

Больтонъ Кингъ. Исторія объединенія Италіи. Пер. съ англ. Н. Кончевской. Ч. I. Ц. 1 р. 50 к.

„Исторія объединенія Италіи—одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ Европы XIX в. ...Книга англійскаго историка является очень хорошимъ руководствомъ для ознакомленія съ исторіей Италіи въ XIX в. Даже въ европейской литературѣ мы затруднились бы указать другое сочиненіе, которое такъ удачно соединяло бы съ небольшимъ объемомъ удачно подобранный и совершенно достаточный для неспеціалиста матеріалъ.
А. Дживелеговъ. (Міръ Божій, 1901 г., № 8.)

А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Перев. съ франц. Н. Кончевской (2-е удешевленное изд.). Ц. 2 р. 50 к.

(В. Блосъ.) Очерки по исторіи Германіи въ XIX в. Дополненный и переработанный переводъ **Исторія Германской революціи 1848 г. В. Блоса.** Составили В. Базаровъ и И. Степановъ (2-е удешевленное изд.). Ц. 1 р. 50 к.

...Давно уже слѣдовало имѣть въ переводѣ эту книгу популярнаго партійнаго историка, хорошо извѣстнаго въ Германіи. Это—лучшая на русскомъ языкѣ книга по исторіи „безумнаго года“ въ Германіи. Извлеченія изъ другихъ сочиненій, которыя вставлены въ текстѣ, помѣщены въ немъ весьма умѣло; вообще эти дополненія такъ цѣнны, что русскому читателю, даже знающему нѣмецкій языкъ, мы бы посовѣтовали предпочесть (это) русское изданіе...“
Бог. Т. (Міръ Божій, 1905 г., № 3.)

М. Бахъ. Австрія въ первую половину XIX в. (Исторія Вѣнской революціи 48 г.). Пер. съ нѣмецк. подъ редакц. В. Базарова и И. Степанова. Ц. 2 р. (Въ 2-хъ вып.—по 1 р. за вып.).

„Книга Баха—одно изъ лучшихъ сочиненій по исторіи австрійской революціи. Она отличается отъ старыхъ работъ—большею научностью, отъ новыхъ—большею основательностью и подробностью...“
А. Дж. (Русск. Вѣд., 1906 г., 6 февр.)

Ж. Вейль. Исторія республиканской партіи во Франціи съ 1814 г. по 1870 г. Перев. съ франц. Л. Шишко. Ц. 2 р.

„Книга Вейля представляетъ собою превосходный очеркъ исторіи республиканизма во Франціи въ періодъ долгой монархической реставраціи, прерванной трехлѣтнимъ господствомъ республики (1848—1852). Составленная на основаніи необъятной литературы, прекрасно построенная, проникнутая съ начала до конца очень опредѣленной идеей, книга даетъ совершенно исчерпывающее изложеніе вопроса“.
А. Дж. (Вѣкъ, 1906 г., № 71.)

М. Коваленскій. Очерки русской исторіи (для средней школы). Въ трехъ частяхъ (печатается).

Политическая экономія, государствовѣдѣніе, соціологія, статистика.

В. Зомбартъ. Современный капитализмъ. Въ двухъ томахъ.

Томъ I-й. Генезисъ капитализма. Пер. съ нѣмецк. подъ ред. В. Базарова и И. Степенова, съ предисловіемъ И. Степанова. Ц. 2 р. 50 к.

Томъ II-й. Теорія капиталистическаго развитія. Перев. съ нѣмец. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова. Ц. 2 р.

И. Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Кизеветтера. Ц. 1 р.

„Переводъ книги проф. Энгельмана, представляющей единственный цѣльный очеркъ исторіи крѣпостного права въ Россіи за все время его существованія, появился какъ нельзя болѣе во-время... Цѣльность взгляда, ясное и живое изложеніе, стройность схемы, обсужденіе вопроса въ рамкахъ исчерпывающей хронологической постановки придаютъ изслѣдованію г. Энгельмана значеніе руководящей книги для предварительнаго и вмѣстѣ строго-научнаго ознакомленія съ одною изъ важнѣйшихъ страницъ русской исторіи“.
В. Сторожевъ. (Міръ Божій, 1901 г., № 5.)

О. ф.-Цвидинекъ-Зюденгорстъ. Теорія и политика заработной платы. Пер. съ нѣм. Б. Авилова. Ц. 2 р.

Э. Вандервельде. Бѣгство въ города и обратная тяга въ деревню. Перев. съ франц. Л. Никифорова. Ц. 1 р.

А. Л. Лоуэль. Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы. (Франція, Италія, Германія, Австро-Венгрія, Швейцарія.) Съ приложеніемъ текстовъ конституцій въ подлинникахъ и въ переводѣ. Пер. съ англ. О. Полторацкой. Ц. 2 р.

Г. Кохъ. Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управленія. Ч. I. Абсолютизмъ и пар-

ламентаризмъ. Ч. II. Демократія и конституціонализмъ. Перев. съ нѣмецкаго О. Волькенштейнъ, подъ ред. З. Авалова. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Линдеманъ (К. Гуго). Пролетаріатъ и городское хозяйство; рабочій вопросъ въ германскихъ муниципалитетахъ. Перев. съ нѣмец. подъ редакц. и съ предисловіемъ В. Канеля (печатается)

Р. Майо-Смитъ. Статистика и соціологія. Пер. съ англ. подъ ред. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Ц. 1 р. 25 к.

„Развитіе общественной дѣятельности... должно неизмѣнно вызывать стремленіе все къ болѣе и болѣе точному выясненію условій общественной жизни. Орудіемъ такого точнаго выясненія жизни общества служитъ статистика. Выясненію этого, равно какъ и основныхъ началъ статистическаго метода и его значенія для соціологіи (обществовѣдѣнія) и посвященъ настоящій трудъ... въ своей, такъ сказать, вступительной части. Большая же часть книги содержитъ въ себѣ добытыя наблюденіемъ всѣхъ странъ данныя о семейномъ составѣ населенія, рождаемости, брачности, смертности, болѣзненности, самоубійствахъ, о развитіи преступности, о переселеніи, образованіи и нѣкоторыхъ другихъ соціальныхъ явленіяхъ въ связи съ выясненіемъ причинъ и условій, вліяющихъ на ту или другую степень силы и распространенности тѣхъ или другихъ явленій. Изложено все это строго-научно, но очень просто и общедоступно, такъ что книга читается легко и съ большимъ интересомъ".

Н. Каблуковъ. (Журналъ для всѣхъ, 1901 г., № 7.)

Р. Майо-Смитъ. Статистика и экономія. Пер. съ англ. подъ ред. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Ц. 1 р. 75 к.

„Русская литература, какъ оригинальная, такъ и переводная, весьма бѣдна сводными сочиненіями по хозяйственной статистикѣ. Книга Майо-Смита должна оказать большую услугу распространенію статистическаго образованія въ Россіи; трудно назвать что-нибудь подобное ей въ данной области по богатству содержанія. Сочиненіе „Статистика и экономія" неизбѣжно уступаетъ другому сочиненію того же автора—„Статистика и соціологія", но только вслѣдствіе того, что матеріалъ хозяйственной статистики не допускаетъ еще такой разработки, которая возможна для демографіи".

А. Ф—товъ. (Русск. Вѣд., 1902 г., 7 янв.)

Э. Шульце. Общедоступныя библіотеки, народныя библіотеки и читальни. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Ц. 2 р.

„... Большая часть книги посвящена сжатому, но содержательному обзору исторіи и статистики общедоступныхъ библіотекъ въ различныхъ странахъ земного шара... Обзоръ этотъ весьма поучителенъ и содержитъ массу интересныхъ подробностей, но гораздо важнѣе общій тонъ книги,—тонъ глубокаго негодованія по адресу всѣхъ гасителей народнаго просвѣщенія и горячей защиты народа въ его естественныхъ правахъ на широкое образованіе и умственную самостоятельность... Въ книгѣ Шульце читатель имѣетъ много полезныхъ свѣдѣній и о чисто технической сторонѣ библіотечнаго дѣла".

Русское Богатство, 1904 г., № 8.)

Дешевая библіотека изд. С. Скирмунта.

Серія беллетристическая.

№ 1. **М. Арцыбашевъ. Ужасъ;** разск. Ц. 5 к.
№ 2. **Его же. Бунтъ;** разск. Ц. 15 к.
№ 3. **Его же. Купріянъ;** разск. Ц. 15 к.
№ 4. **Г. Гауптманъ. Ткачи;** драма. Пер. съ нѣм. Л. Гуревичъ. Ц. 15 к.
№ 5. **Лейтенантъ Z. На стачкѣ;** дневникъ офицера. Пер. съ франц. Ц. 15 к.
№ 6. **А. Крандіевская. Только часъ;** разсказъ. Ц. 6 к.
№ 7. **Ея же. Это такъ естественно;** разсказъ. Ц. 4 к.
№ 8. **М. Арцыбашевъ. Кровавое пятно. Въ деревнѣ;** разсказы. Ц. 12 к.
№ 9. **Его же. Мужикъ и баринъ.—Одинъ день.—Революціонеръ;** разск. Ц. 12 к.

Серія научно-соціальная.

№ 1. **Э. Бюиссонъ. Всеобщая стачка.** Пе[illegible]. съ франц. подъ ред. и съ предисл[illegible]іемъ В. Канеля. Ц. 15 к.
№ 2. **А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ.** Пер. съ нѣм. подъ редакц. Б. [illegible]истяковскаго (2-е, удешевл. изд.). Ц. [illegible]0 к.
№ 3. **А. Менгеръ. Новое ученіе о н[illegible]ственности,** съ приложен. статьи К. [illegible]аутскаго. Ц. 25 к.
№ 4. **Н. Полянскій. Право стачекъ.** Ц. [illegible] к.
№ 5. **Б. Рессель. Очерки изъ исторіи Германской соціалъ-демократической рабочей партіи** (шесть лекцій). Перев. съ англ. В. Фигнеръ подъ ред. и съ предисл. В. Канеля. Ц. 25 к.
№ 6. **В. Фриче. Художественная литература и капитализмъ.** Часть первая (Англія, Германія, Австрія, Скандинавія). Ц. 50 к.
№ 7. **Ж.-Жакъ Руссо. Общественный договоръ;** принципы государственнаго права. Перев. съ франц. подъ ред. и съ предисл. П. Когана. Ц. 40 к.
№ 8. **Д. Митчель. Союзы рабочихъ въ Америкѣ.** Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. В. Канеля. Ц. 50 к.
№ 9. **А. Мюллеръ. Рабочіе секретаріаты и государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи.** Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. В. Канеля. Ц. 50 к.
№ 10. **В. Зомбартъ. Соціализмъ и соціальное движеніе.** Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. В. Канеля и съ вступительной статьей Евг. Дицгена. Ц. 60 к.
№ 11. **М. Гернетъ. Общественныя причины преступности;** соціалистическое направленіе въ наукѣ уголовн. права. Ц. 75 к.
№ 12. **Д. Мильтонъ. О свободѣ слова** (Ареопагитика). Полный перев. съ англ. подъ ред. П. Когана, съ предисловіемъ А. Рождественскаго. Ц. 25 к.

№ 13. **К. Диль. Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ**; двѣнадцать лекцій (печатается).

№ 14. **А. Ященко. Соціализмъ и интернаціонализмъ.** Ц. 65 к.

Серія соц.-демократическая.

№ 1. **Н. Зубъ. Марксова теорія возникновенія и роста капитала** (популярный очеркъ). Ц. 6 к.

№ 2. **С. Ивановъ. Рабочіе союзы и другія формы рабочаго движенія** (популярн. очеркъ). Ц. 5 к.

№ 3. **Н. Никольскій. Краткій очеркъ англійской конституціи** (популярный очеркъ). Ц. 8 к.

№ 4. **М. Таганскій. Краткій очеркъ исторіи русской промышленности.** Ц. 15 к.

№ 5. **О. Рюле. Народная школа въ Германіи, какъ она есть.** Пер. съ нѣм. Ц. 15 к.

№ 6. **К. Левинъ и А. Блюмъ. „Кадеты"**; обзоръ программы и тактики партіи „Народной свободы". Ц. 15 к.

№ 7. **К. Каутскій. Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи**; съ приложеніемъ статьи того же автора: **Жизнь, наука и этика** (отвѣтъ тов. Бауэру). Ц. 25 к.

№ 8. **Г. Роландъ-Гольстъ. Всеобщая стачка и соціалъ-демократія**; съ приложеніемъ рѣчи А. Бебеля на іенскомъ партейтагѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. В. Канеля. Ц. 40 к.

№ 9. **П. Лафаргъ. Религія и пролетаріатъ.** Ц. 8 к.

№ 10. **І. Штернъ. Государство будущаго.** Тезисы о соціализмѣ: его сущность, осуществимость и цѣлесообразность. Ц. 10 к.

№ 11. **Н. Никодимовъ и П. Ларіоновъ. Крестьянское движеніе и аграрный вопросъ.** Ц. 25 к.

№ 12. **Рабочій договоръ**; къ положенію рабочаго класса въ Россіи. Ч. I. Ц. 75 к. Содержаніе: Введеніе. Договоръ найма промышленныхъ рабочихъ. Свобода договора. Изъ прошлаго русскаго законодательства. О договорѣ найма. Условія труда на фабрикахъ и заводахъ до изданія закона 3 іюня 1886 г. Законъ 3 іюня 1886 г. Общая характеристика закона. Права и обязанности завѣдующаго промышленнымъ заведеніемъ. Заработная плата. Фабричныя лавки. Вычеты и штрафы. Условія труда. Правовое положеніе рабочаго на фабрикѣ. Расторженіе договора. Самовольный уходъ. Стачка. „Свобода стачекъ и союзовъ". Роль органовъ надзора. Заключеніе.

№ 13. **Рабочій договоръ**; къ положенію рабочаго класса въ Россіи. Ч. II (печатается). Содержаніе: Договоръ найма для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Различныя категоріи рабочихъ, не пользующихся въ отношеніи найма защитой законовъ. Основы коллективнаго договора и отношеніе къ нему соц.-демократіи.

Серія научно-философская.

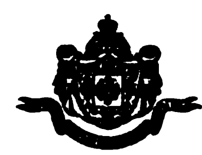
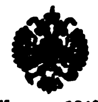
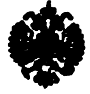
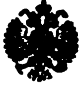
№ 1. **Э. Махъ. Анализъ ощущеній.** Перев. съ нѣм. Г. Котляра съ предисловіемъ А. Богданова (печатается).

№ 2. **Э. Геккель. Загадки вселенной.** Ч. I (съ рисунками). Пер. В. Фигнеръ, подъ ред. А. Завадскаго (печатается).

№ 3. **Э. Геккель. Загадки вселенной.** Ч. II (печатается).

№ 4. **І. Дицгенъ. Сборникъ философскихъ статей.** Перев. съ нѣмецк. подъ редак. П. Когана (печатается).

№ 5. **І. Дицгенъ. Сущность работы головного мозга человѣка**; новая критика чистаго и практическаго разума. Пер. съ нѣм. подъ ред. П. Когана (печатается).

Москва 1843. С.-Петер. 1870. Н.-Новгор. 1896.

Фабрика существуетъ съ 1833 г.

Основной капиталъ общества 9.000.000 р.

МАГАЗИНЪ

ЖИРАРДОВСКИХЪ МАНУФАКТУРЪ

МОСКВА. Гилле и Дитриха **СОФІЙКА.**

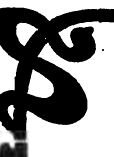
Предлагаетъ собственныхъ фабрикъ:

Полотно всѣхъ сортовъ.—
Столовое бѣлье всевозможныхъ добротъ.
Чайные приборы роскошныхъ рисунковъ.
Носовые платки бѣлые и цвѣтные.—
Полотенца личныя, чайныя и кухонныя.—
Купальныя принадлежности.—
Чулки дамскіе и дѣтскіе,
Носки, фуфайки и вязаныя кальсоны.—
Мадаполамъ, шертингъ, нансукъ
и пр. **бумажныя** ткани.—
Бѣлье мужское, дамское и дѣтское.—
Дамское и дѣтское **приданое** готовое и на заказъ.—
И кромѣ того:
Гардины, гардинный тюль.—
Мебельныя матеріи, портьеры, ковры.

Спеціальныя полотна для больницъ и казенныхъ учрежденій.

Исполняются также заказы на столовое бѣлье съ вытканными именами, монограммами, гербами и пр. для частныхъ лицъ, офицерскихъ клубовъ, ресторановъ, гостиницъ и пр.

Подробный иллюстр. Прейсъ-Курантъ высылается безплатно.



КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

П. А. Брейтигама

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Контора и Складъ въ Харьковѣ, Монастырская ул., соб. домъ,
КУДА и ПРОСЯТЪ АДРЕСОВАТЬ ТРЕБОВАНІЯ.

Харьковская Библіотека Общеполезныхъ Знаній.

Вып. 1. Проф. Н. А. Гредескулъ. **Марксизмъ и идеализмъ.** Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Вып. 2. Гербертъ Спенсеръ. **Размышленія.** (Reflections.) Глава изъ автобіографіи. Переводъ съ англійскаго Г. Г. Оршанскаго. Ц. 40 к.

Вып. 3. Проф. В. П. Бузескулъ. **Женскій вопросъ въ древней Греціи.** Ц. 40 к.

Вып. 4. Б. Краевскій. **Радость и горе ребенка.** Физіологія дѣт. души. Ц. 60 к.

Вып. 5. Проф. Н. А. Гредескулъ. **Современные вопросы права.** Ц. 40 к.

Вып. 6. Прив.-доц. Устиновъ, В. М. **Идея національнаго государства.** Ц. 35 к.

Вып. 7. Проф. Швальбе. **Доисторическій человѣкъ.** (Die Vorgeschichte des Menschen.) Пер. съ нѣм., съ 5 рис. Ц. 30 к.

Вып. 8. Э. Геккель. **Происхожденіе человѣка.** Рѣчь, произнесенная на международномъ Конгрессѣ въ Кэмбриджѣ. Переводъ Г. Г. Оршанскаго. Ц. 30 к.

Вып. 9. Б. Краевскій. **Призывъ къ учащейся молодежи.** Ц. 15 к.

60 №№—4 журнала за 3 руб.

ПОДПИСКА ОТКРЫТА.

ЧТО ДАСТЪ ВЪ 1907 ГОДУ

„Охотничій Вѣстникъ“?

(7-й годъ изданія.)

24 богато иллюстрированныхъ №№ журнала **„Охотничій Вѣстникъ“**, — свыше **1200** рисунковъ, виньетокъ и заставокъ.

12 №№ иллюстрированнаго журнала **„Охотничье Оружіе“.**

12 №№ иллюстрированнаго журнала **„Рыболовъ-Любитель“.**

12 №№ иллюстрированнаго журнала **„Собаководство“.**

Небывалую премію—„РУССКАЯ ОХОТА въ изображеніи лучшихъ русскихъ художниковъ. Охотничьи типы и сцены Тургенева, Пушкина, Аксакова и др.“. Нѣсколько картинъ-акварелей въ краскахъ, спеціально написанныхъ для нашего журнала и принадлежащихъ кисти выдающихся современныхъ русскихъ художниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ на „Охотничій Вѣстникъ“ съ тремя иллюстрированными приложеніями **3** руб., на полгода **1** р. **80** к., на три мѣсяца **1** руб., на мѣсяцъ **35** коп. Цѣна всѣхъ четырехъ журналовъ съ преміей **4** р. **25** к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **1** руб. **50** коп. и 1-го іюля **1** руб. **50** коп.

Вступая въ **7-й годъ** своего **существованія**, „Охотничій Вѣстникъ“ въ 1907 году **дастъ на своихъ страницахъ** рядъ очерковъ, принадлежащихъ перу выдающихся писателей. Руководящія статьи по бытовымъ вопросамъ, научныя бесѣды, описанія различныхъ способовъ охоты, новости охотничьей жизни составятъ преимущественный литературный матеріалъ журнала, задача котораго—быть вѣрнымъ отраженіемъ охотничьей дѣйствительности и выразителемъ нуждъ и интересовъ милліонной охотничьей семьи. **Пробный №** высыл. по первому требованію **БЕЗПЛАТНО.**

Принимается подписка и отдѣльно на иллюстрированные журналы „Рыболовъ-Любитель“ и „Собаководство“,—по **1 руб.** за каждый.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Петровка, домъ Кабанова.

XXXIX г. изд. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 годъ** XXXIX г. изд.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

4 р. 50 к. безъ пересылки. | 5 руб. съ пересылкой.

ЮНАЯ РОССІЯ.

(„Дѣтское Чтеніе“).

Вышла январьская книга журнала „Юной Россіи“ за 1907 г.

Содержаніе: I. Христосъ въ храмѣ. Съ картины Генриха Гофманнъ. На отд. страницѣ. II. Волчья падь. Разсказъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Съ рисунками художника В. В. Спасскаго. III. Стихотвореніе. Ел. Буланиной. Съ рисункомъ. IV. Крестьянскія дѣти. П. и А. Сергѣенко. Съ рисунками. V. Женихи индійской принцессы. Фантастическая пьеса съ пѣніемъ въ II дѣйствіяхъ. Н. Новича. Съ рисункомъ В. В. Спасскаго. VI. Къ солнцу. Очеркъ. Ивана Шмелева. I—„Догонимъ солнце!“ II—Сборы въ дорогу. III.—Въ дорогу. Съ рисунками. VII. Бѣлый клыкъ. Повѣсть. Джека Лондона. Переводъ съ англійскаго. Р. Рубиновой. Часть I-я—Въ пустынѣ. Глава I—По слѣдамъ добычи. Глава II—Волчица. VIII. Люблю я ясную, спокойную лазурь. Стихотвореніе. Василія Смирнова. IX. Два горя. А. В. Т-ва. Съ рисунками. X. Безсмертная любовь. (Индійская сказка). Съ англійскаго. Проф. А. Л. Погодина. XI. Въ школѣ у дьячка. Стихотвореніе. С. Дрожжина. XII. Новрузъ. (Новый годъ). Мусульманская легенда. Веге. XIII. Зимой. Стихотвореніе. Ѳ. Гаврилова. XIV. Освободитель черныхъ рабовъ. (Повѣсть изъ жизни Линкольна). I—глава Маленькій Абе и его ближніе. Ал. Алтаева. Съ рисунками художника Гарнака. XV. Изъ исторіи общества и государства. Я. А. Берлина. Съ рисунками. XVI. Абхазцы. В. Гатцука. Съ рисункомъ. XVII. На Балхашѣ. Гл. I. Съ картой. Проф. А. М. Никольскаго. XVIII. О нелетающихъ птицахъ. С. Покровскаго. Съ рисунками. XIX. Изъ жизни людей. Письмо Е. Т. XX. Ноты. Къ пьесѣ. Н. Новича. „Женихи индійской принцессы“. XXI. Объявленія.

Издательница Е. Н. Тихомирова. **Редакторъ Д. И. Тихомировъ.**

---

1 р. 75 к. безъ перес. | 2 р. съ перес.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Вышла январьская книга журнала „Педагогическій Листокъ“ за 1907 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. О взаимномъ оздоровленіи интеллигенціи и народа. Н. Я. Пясковскаго. II. Моя жизнь. Записки. Н. Ѳ. Бунакова. Продолженіе. III. Краткій очеркъ историческаго развитія методики преподаванія математики. А. Лебедева. IV. Л. Н. Толстой о воспитаніи. Драки въ школѣ. Эрнеста Кросби. Переводъ съ англійскаго. V. Симфонія лѣта. Владиміра Вагнера. VI. Дѣятели освобожденія. А. А. Марлинскій-Бестужевъ. Продолженіе. Н. Я. Абрамовича. VII. Мильонъ терзаній. Стихотвореніе. Ел. Буланиной. VIII. Памяти Е. А. Сысоевой. А. Алтаева. IX. Въ новый годъ. Стихотвореніе. Анатолія Доброхотова. X. Наша школа. Н. А. Скворцова. XI. Среди журналовъ и газетъ. В. XII. Вопросникъ по религіи дѣтей. П. Каптерева. XIII. Библіографія: И. Вѣтринскій. ...манистъ сороковыхъ годовъ (Т. Н. Грановскій). Д. А. В—скаго. (16 стр.)— ...липсъ. Основные вопросы этики. А. Фа—ва. (22 стр.)—Ѳ. Ѳ. Нелидовъ. Очерки исторіи новѣйшей русской литературы. I-я часть. Ц. 1 р. 50 к. Н. Скворцова. ...стр.). Е. В. Бѣлявскій. Педагогическія воспоминанія. Д. В. (41 стр.). И. Я. Гердъ. ...дителямъ и педагогамъ. Д. В. (64 стр.) XIV. Списокъ книгъ, поступившихъ для ...зыва (стр. 43). XV. Приложеніе. Какъ постепенно дошли люди до настоящей ариеметики. Общедоступные очерки для любителей ариеметики. Листъ девятый. В. Беллюстина. (стр. 129—144).

Адресъ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. № 24, Д. И. Тихомирова.

...тельница Е. Н. Тихомирова. **Редакторъ Д. И. Тихомировъ.**

Вышла ноябрьская книга

ЖУРНАЛА

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Вл. Ладыженскій. Килечка.—**П. и С. Панько.** Духъ свободы. Гарибъ (Аароянъ), переводъ съ армянскаго.—**I. В. Аптекманъ.** Отрывокъ изъ воспоминаній землевольца.—**И. Аксельродъ.** Соціальные мотивы въ драмахъ Гергарта Гауптмана.—**Л. Борисовичъ.** Законъ о синдикатахъ во Франціи и его примѣненіе. Современное обозрѣніе.—**К. Егоровъ.** За границей.—**Г. Бельтовъ.** Замѣтки публициста. Мнѣніе западно-европейскихъ соціалистовъ о современномъ общественномъ движеніи въ Россіи.—**Густавъ Адольфъ Зорге.** (Некрологъ). Библіографія.—**О. В. Аптекманъ.** *Былое*, №№ 1—9.—**Л. Мартовъ.** Б. Радинъ. Первый совѣтъ рабочихъ депутатовъ.—**О. В.** „Письма и выдержки изъ писемъ" I. Ф. Беккера, Іос. Дицгена, Фр. Энгельса, Карла Маркса и др. къ Ф. А. Зорге и др.—**Г. П.** Вернеръ Зомбартъ. Почему нѣтъ соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ?—**О. В.** Теорія обнищанія или теорія меліораціи. Рудольфъ Гольмейдъ.—Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію. Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За годъ—10 руб., 1/2 года—5 руб., 1/4 года—2 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: *Москва, Неглинная, 4,* „Журнальное Дѣло" и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Годъ изданія XXIV.

ВЪ ГОРОДѢ КАРСѢ, КАРСКОЙ ОБЛАСТИ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

КАРСЪ

на 1907 годъ.

Условія подписки: Съ доставкою и пересылкою 3 рубля въ годъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсъ", въ гор. Карсѣ, куда адресуютъ свои требованія и иногородніе.

Газета „Карсъ" имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карской области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на большую ежедневную, политическую, экономическую и литературную газету

УССУРІЙСКАЯ ЖИЗНЬ

(ОРГАНЪ ПРОГРЕССИВНЫЙ),

выходящую въ г. **Владивостокѣ** при ближайшемъ участіи и подъ редакц. **Глаголя.**

„Уссурійская Жизнь" ставитъ своей задачей быть выразительницей политическихъ, экономическихъ и правовыхъ нуждъ русскаго Дальняго Востока и объединеніе всѣхъ духовныхъ силъ края.

„Уссурійская Жизнь" намѣрена проводить въ жизнь принципы гражданскихъ свободъ и освѣщать нашу забытую окраину съ ея назрѣвшими нуждами.

Въ „Уссурійской Жизни" сотрудничаютъ лучшія литературныя силы края. Собственные корреспонденты въ Китаѣ, Кореѣ, Японіи, а также въ главнѣйшихъ городахъ Европейской и Азіатской Россіи.

Въ 1906 году въ газетѣ участвовали:

С. А. Гарфильдъ (Глаголь), В. Д. Козловъ (Странникъ), А. Казина (Японія), В. И. Климковъ, Н. П. Матвѣевъ (Н. Амурскій), В. Б. Мержеевскій, А. Ольгинскій (А. Верезовскій), Око (псевд.), Аркадій Петровъ (Аренцовъ), М. Я. Семеновъ (Парижъ), Н. Э. Спенглеръ, С. Е. Струменскій, Л. Тычино, Шпилька (псевд.) и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Городская.			Иногородняя.		
На 1 годъ	9 руб.	— коп.	На 1 годъ	10 руб.	— коп.
„ 6 мѣс.	5 „	50 „	„ 6 мѣс.	6 „	50 „
„ 3 „	3 „	— „	„ 3 „	3 „	50 „
„ 1 „	1 „	25 „	„ 1 „	1 „	50 „

Студентамъ, сельскимъ школамъ и сельскимъ причтамъ 20% скидки съ подписной цѣны. Иногородняя подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Плата за объявленія впереди текста—25 к. строка петита и позади текста—10 к. за строку петита.

Подписка и объявленія принимаются:

1) Изъ всѣхъ мѣстъ Европейской Россіи и заграницы исключительно въ центральной конторѣ объявленій т-го дома Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ—Мясницкая, д. Сытова; С.-Петербургъ—Морская, № 11; Варшава—Краковское предм., № 4; Парижъ—Place he la Bourse, № 8; 2) во Владивостокѣ — въ отдѣленіяхъ „Уссурійской Жизни" (см. заголовокъ); 3) въ Харбинѣ—въ отд. кон. „Харбинскій Вѣстникъ", Участковая ул., № 1209; 4) въ Хабаровскѣ—въ книжномъ магазинѣ бр. Пьянковыхъ; 5) въ Никольскѣ-Уссурійскомъ—въ книжномъ магазинѣ Янковскаго и Трусова.

Редакторъ-издатель **С. А. Гарфильдъ (Глаголь).**
Издатель **П. А. Горѣловъ.**

Подписка на ежедневную газету

40-й ГОДЪ ИЗД. **ДОНЪ** XL ГОДЪ ИЗД.

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ).

НА 1907 ГОДЪ.

Съ 2 февраля 1907 г. газета „Донъ" начнетъ 40-й годъ своего изданія. Просуществовавъ такой долгій срокъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служи[ть] больше трети столѣтія. Поэтому, открывая подписку на 1907 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта безъ всякихъ обѣщаній, что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты, то будетъ сдѣлано.

Условія подписки: Съ доставкой въ Воронежѣ на годъ — 6 руб., на по[л]года—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—75 к. Съ пересылкой въ другіе горо[да] на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р.

Ред.-издатель **В. Веселовскій.**

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовск. ул., соб. д.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

Русская Мысль.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°".

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ СБОРНИКИ,

СОСТАВЛЕННЫЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ГЕОГРАФІИ:

А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

„Азія".—2-е исправл. и дополн. изданіе, 548 стр. съ 7 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣльн. листахъ. М. 1904 г. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к. Въ 1-мъ изданіи Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн. муж. и жен., реальн. уч., учител. инст. и семин.—Во 2-мъ изданіи Учебн. Ком. М. Фин. **одобренъ** для ученич. и фундаментальн. библ. коммерч. учебн. зав.

„Америка".—2-е исправл. и дополн. изданіе, 640 стр., съ 59 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣл. лист. М. 1905 г. Ц. 2 р. 25 к., въ изящномъ перепл. 2 р. 85 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **одобренъ** въ учен. библ. средн. и старш. возр. муж. и жен. гимн., реальн. уч., въ библ. учит. инстит. и семин. и въ безпл. народн. читал.—Уч. Ком. М. Фин. **одобренъ** въ учен. библ. коммер. уч. зав.—Уч. Ком. М-ва Земл. **одобренъ** для учен. библ. подв. М-ву учеб. зав.

„Европа".—2-е исправл. и дополн. изданіе, 775 стр., съ 82 иллюстр. въ текстѣ и 23 на отд. лист. М. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к., въ изящ. пер. 3 р. 35 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безпл. нар. чит.—Уч. Ком. М. Фин. **допущенъ какъ пособіе** для клас. и дом. чит. въ ком. уч. зав.—Уч. К. М. Земл. **одобренъ** для учен. библ. подв. М-ву учебн. зав.

„Африка".—2-е исправл. и дополн. изданіе, 536 стр., съ 54 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. М. 1905 г. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ учен. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безплат. народ. читал.—Уч. Ком. М. Фин. **рекомендованъ** какъ сборникъ, полезный для чтенія.

„Австралія и Полярныя страны".—469 стр., съ 46 иллюстр. въ текстѣ и 14 на отд. лист. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. 1907 г. Ц. 2 р., въ изящн. пер. 2 р. 60 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ учен. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безпл. нар. читал.—Уч. Ком. М. Фин. **допущенъ** въ ученич. библ. коммер. учебн. завед.

„Азіатская Россія".—2-е исправл. изданіе, 584 стр., съ 84 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣл. лист. М. 1905 г. Ц. 2 р., въ изящ. перепл. 2 р. 60 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ** въ учен. библіот. средн. учебн. зав., муж. и жен. (для старш. и средн. возр.), въ гор. учил., въ библ. учит. сем. и инст. и въ безпл. нар. чит. и библ.—Учен. Ком. М. Фин. **одобренъ** для пріобр. въ учен. библ. уч. зав. вѣд. М. Ф.

„Европейская Россія".—2-е исправлен. и дополнен. изданіе, 621 стр, съ 76 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лис. М. 1906 г. Ц. 2 р., въ изящн. переплетѣ 2 р. 60 к.—Учен. Ком. М. Н. Пр. **допущенъ въ** ученическ. библіот. **всѣхъ учебн. завед.**, а равно и городскихъ по Положенію 31 мая 1872 г. училищъ.—Учебн. Ком. Мин. Фин. **одобренъ** для ученическ. и фундаментал. библіот. коммерч. учебн. заведеній.

Учебники географіи тѣхъ же авторовъ:

Начальный курсъ географіи. 4-е изданіе. 10 цвѣтныхъ картъ и 150 діаграммъ и иллюстрацій въ текстѣ. Ц. 75 к., въ коленк. пер. 90 к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущенъ въ качествѣ руководства* для средн. учебн. завед.—Учен. Ком. при Святѣйш. Синодѣ *допущенъ* въ ученич. библ. мужск. и женск. духовн. училищъ—Учен. Комит. М. З. и Г. И. *допущенъ* въ качествѣ учебн. пособія въ подвѣдомст. М-ву учебн. завед.

Курсъ географіи внѣевропейскихъ странъ (Азія, Африка, Америка, Австралія). 2-ое изд. 35 цвѣтныхъ картъ и 200 иллюстрацій и діаграммъ въ текстѣ. Ц. 85 к., въ коленкор. пер. 1 руб.—Учен. Ком. М. Н. Пр. *допущенъ въ качествѣ руководства* для средн. учебн. завед. (Журн. М. Н. П. 1906 г., февраль).

О. Шмейль.—Очерки изъ жизни растеній. Перев. съ нѣмец. С. Григорьева, Л. Синицкаго и С. Чефранова. 520 стр. со многими рисунками въ текстѣ и 38 *цвѣтными таблицами* М. 1903 г. Ц. 3 р. 75 к., въ изящн. переплетѣ 4 р. 50 к. Учен. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ учен библ. всѣхъ средн. учебн. зав., а также для выд. въ видѣ награды учащим. въ сихъ завед., равно какъ и въ безпл. народн. читал. и библ.—Уч. Ком. М. Ф. *одобрена,* а Уч. Ком. М. Земл. и Гос. Им *рекомендована въ качествѣ учебнаго пособія* и для выдачи въ нагр. учащ. въ учеб. зав. этихъ М-въ.

Н. Тарасовъ и С. Моравскій.—Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Съ 12 *картинами* на отдѣл. листахъ. М. 1903 г. Цѣна 1 р. 25 к.—Учен. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ учен. библ. средн. учебн. зав. и для раздачи учащимся въ сихъ завед. въ награду, а также въ безпл. народн. читал. и библ.—Глав. Упр Воен.-Учебн. Зав. *рекомендована* въ ротн. библ. стар. клас. кадет. корп.—Уч. Ком. М. Ф. *допущен* въ учен., средн. и старш. возр., библ. учебн. завед. вѣдомства Мин. Фин. и для выдачи въ качествѣ награды учащ. въ сихъ учебн. заведен.

Р. Киплингъ.—Смѣлые мореплаватели. Повѣсть, *полный* пер. съ англ. А. Каррикъ. Съ 38 иллюстр. М. 1903 г.—Цѣна 1 р. 25 к., въ изящ. папкѣ 1 р. 50 к.—Учен. Ком. М. Н. П *допущена* въ учен., средн. и стар. возр., библ. средн. учебн. завед. и въ безпл. народ. читал. и библ. Уч. Ком. М. Ф. *допущена* въ учен., сред. и стар. возр., библ. учебн. завед. вѣдомства М. Фин.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

КНИГА II.

МОСКВА.

1907.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

БОЛЬНЫЕ РОДИНОЙ *).

(Изъ дневника русскаго.)

XXI.

Я возвращался съ кладбища, гдѣ—могила Мани.

Мать ея лежитъ. Она-было порывалась туда вмѣстѣ со мною, но я не пустилъ ея.

Господи! Какъ подавляетъ васъ этотъ хмурый, окоченѣлый городъ! До гадости его знаешь. Ни одной-то черточки, ни одного мазка не дастъ онъ вамъ, сколько бы времени вы изъ него ни отсутствовали.

И эти кладбища! Кому изъ насъ хочется быть зарытымъ на Волковомъ, или на Митрофаньевскомъ, или на Смоленскомъ полѣ? На всѣхъ похоронахъ, на какихъ я бывалъ, особенно писательскихъ, меня ужасала впередъ эта возможность.

Бѣдная, безталанная Маня! И тебя опустили въ мерзлую землю, арестанткой изъ острожнаго лазарета.

Простой бѣлый крестъ стоитъ надъ насыпью, занесенной рыхлымъ снѣгомъ. Кругомъ было такъ невыносимо плоско и уныло, бездушно и безпощадно для всего, что хочетъ жить, для каждаго порыва къ свѣту, къ правдѣ, къ свободѣ.

Меня душили слезы. Я припалъ на одно колѣно и долго плакалъ.

И не молитву покорности передъ велѣніями вершителя нашихъ судебъ шептали мои губы... Нѣтъ! На сердцѣ клокотала безсильная ненависть къ тѣмъ темнымъ силамъ, которыя всѣхъ насъ, русскихъ, сдѣлали рабами, обреченными на что-то роковое и безпробудное.

И вотъ куда я такъ безумно рвался!

Извозчикъ повезъ меня по Екатерининскому каналу и повернулъ Невскій, въ сторону Адмиралтейства.

И тутъ передо мною всплыли картины изъ «кроваваго воскреспья». Вѣдь я видѣлъ все, и на Дворцовой площади, и у Алексан-вскаго сада, и у Полицейскаго моста, и на Острову.

---

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1907 г.

Не знаю, какъ я остался тогда живъ... и даже не раненъ, даже ни одна казацкая нагайка не прошлась по моей спинѣ.

Но я слегъ на другой же день.

«Кровавое воскресенье»—это поворотъ въ моей «психикѣ» русскаго. Да и во мнѣ ли одномъ?

И вотъ, на-дняхъ, будетъ годовщина этой «блаженной памяти» даты. Но она пройдетъ такъ же плоско, какъ плосокъ и бездушенъ этотъ Петербургъ.

Въ такихъ-то чувствахъ ѣхалъ я къ моему милѣйшему Павлу Алексѣевичу.

Сегодня—его день. Раньше трехъ онъ не выдетъ изъ дому.

Звоню. Его вѣрный «личарда» отворяетъ мнѣ дверь и поздравляетъ съ пріѣздомъ.

— Есть кто-нибудь?— спрашиваю его, зная, что къ нашему старцу стремятся всѣ «труждающіеся и обремененные».

— Никого нѣтъ. Одни.

Все тотъ же радушный кабинетъ, полный литературныхъ реликвій. За обширнымъ письменнымъ столомъ, наклонившись надъ гранками какихъ-то корректуръ, въ очкахъ и въ желтоватомъ байковомъ домашнемъ костюмѣ, сидитъ старецъ и его длинная борода отливаетъ на скудномъ свѣтѣ хмураго утра.

— Это я!—окликаю его отъ двери.—Собственной персоной!

Обрадовался, обнялъ меня, но тотчасъ же сталъ журить.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ вы пожаловали? На этакую-то хмарь и кислятину? Вашимъ видомъ, государь мой, я вовсе не доволенъ!

Я опустился на кресло и вымолвилъ всего два слова:

— Не смогъ!

Но когда я сообщилъ ему о смерти Мани и то, въ какомъ состояніи нашелъ ея мать,—онъ смолкъ, снялъ очки и провелъ по глазамъ ладонью правой руки.

— Чѣмъ же вы поможете?

Но, тотчасъ же, мѣняя тонъ, промолвилъ:

— Понимаю. Слишкомъ вы тамъ маялись. И я на вашемъ мѣстѣ не высидѣлъ бы.

— А вы какъ, дорогой Павелъ Алексѣевичъ?

— Что я! Превращаюсь, по-гоголевскому выраженію, въ «с[illegible]ществователя». Но я каждый день восклицаю: такъ дольше жи[illegible] нельзя!

— А живемъ. И все тотъ же Петербургъ, и то же безмолвіе, [illegible] плоскотня. И «l'ordre règne à Warsovie».

— Не это одно!—нервнѣе остановилъ онъ меня.—Нѣтъ в[illegible]

ни во что! Наверху какой-то мрачный водевиль съ переодѣваньемъ, ловкачество, балансированіе на туго натянутомъ канатѣ, потуги либерализма и какой-то шабашъ арестовъ, ссылокъ и преслѣдованій. Ни во что я не вѣрю! И въ обѣщанную Думу не вѣрю! Ни во что, что идетъ сверху. А снизу надвигается какое-то чудище «обло и озорно», которое грозитъ смести все, чѣмъ мы жили, что считали правдой, идеаломъ, культурой, долгомъ, безъ чего все превратится въ орду безсмысленныхъ разрушителей...

— Быть можетъ!—вырвалось у меня.

— Развѣ я собственникъ? Помѣщикъ? Биржевикъ? Развѣ я дрожу за свои животишки? Но есть нѣчто высшее земли, домовъ, акцій и облигацій. Это тѣ завѣты, съ которыми мы вошли въ жизнь... Вы помните начало монологовъ Огарева? Знаменитое когда-то четверостишіе?...

— Простите, Павелъ Алексѣевичъ, запамятовалъ.

Онъ поднялъ голову и скандируя ритмъ стиха правой рукой, прочелъ:

«Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой!»

И махнувъ той же рукой, онъ воскликнулъ:

— Жалкія, старомодныя вирши! Кому они теперь нужны? Истина, добро, любовь, поэтическая мечта! Ха-ха!... Это звучитъ дико, точно изъ царства тѣней. И вѣрьте, еслибъ я, доживя до моихъ лѣтъ, не былъ въ сущности пролетарій пера, мнѣ гадко было бы брать перо въ руки и выводить строчки.

И опять, вскинувъ руки, онъ глухо крикнулъ:

— Такъ дольше жить нельзя!

Вотъ какое привѣтствіе получилъ я отъ нашего достолюбезнаго, жизнерадостнаго старца.

А жить надо... Наложить на себя руки—не имѣешь права. Родина—все. Мы, въ отдѣльности, ничего безъ нея не значимъ... Это сказалъ на старости лѣтъ такой закоренѣлый западникъ, какъ Тургеневъ.

XXII.

[illegible]ы сидѣли другъ противъ друга, въ крошечной комнаткѣ, гдѣ мо[illegible] подруга работаетъ, рядомъ съ ея спальней.

[illegible] квартирка изъ четырехъ комнатъ. Въ одной изъ нихъ жила Ма[illegible]

— Вотъ, мой другъ, что отъ нея осталось,—сказала она, подавая мнѣ довольно толстую тетрадь въ клеенчатой обложкѣ.—Я нашла это среди моихъ книгъ. Когда былъ обыскъ, меня не обыскивали.

— Дневникъ?

— Ея мысли... настроенія... нѣкоторыя помѣчены числами... Подъ арестомъ Маня не могла писать, да и заболѣла скоро.

Она стала говорить тише.

— У нихъ была голодовка. Маня довела себя до ужаснаго истощенія. Я умоляла ее прекратить. Потомъ нервный недугъ сталъ колыхать ее. А допросы все продолжались... до того дня, когда она уже лежала пластомъ или билась въ припадкахъ.

Моя подруга постарѣла на десять лѣтъ. Волосы совсѣмъ сѣдые, худоба лица страшная; ее цѣлыми днями лихорадитъ.

Слезы свои она уже всѣ выплакала. Говоритъ медленно, слабымъ голосомъ, но ровно, почти безстрастно.

— А отецъ знаетъ?—спросилъ я.

— Ему телеграфировали. Онъ гдѣ-то въ Крыму. Никто не отвѣтилъ.

Тетрадь Мани она положила на столъ.

— Почитайте. Я не могла. Она наканунѣ того дня, когда скончалась, пришла въ себя и спрашивала все о васъ и просила поцѣловать, и повторяла все: «пускай онъ тамъ живетъ... Наша зима убьетъ его». И ни одной жалобы! Но еслибъ вы видѣли выраженіе ея лица, когда она мнѣ прошептала: «Мама, не привелось мнѣ исполнить то, что я съ такой радостью взяла бы на себя!»

— Что такое?

— Это она унесла съ собою въ могилу; но догадаться нетрудно. И она, и сотни другихъ шли и идутъ на гибель, какъ на праздникъ!

— Маня... такая кроткая... даже наивная дѣвушка...

— Она и осталась такою. Но это ихъ пересоздаетъ. Оно имъ заслоняетъ все, что могло бы удержать всякаго въ роковой моментъ. Они остаются чистыми во всемъ, кромѣ *этого*. Ихъ жестокость— безплотная и для нихъ точно совсѣмъ безкровная!

Но я чувствовалъ, что этой раздавленной горемъ матери было всетаки отраднѣе, что ея дочь сошла въ могилу дѣйствительно какъ безкровная жертва, не сдѣлавшись исполнительницей какого-нибудь террористическаго приговора.

Мы оба считаемъ себя непримиримыми врагами того режима, который все гнететъ и доводитъ страну до полнаго разложенія; но мы неспособны перешагнуть черезъ барьеръ, отдѣляющій поборн[illegible] за-

мыхъ революціонныхъ идей отъ тѣхъ, кто не страшится сдѣлаться преступникомъ, кто не остановится ни передъ чѣмъ, даже передъ гибелью совершенно невинныхъ людей, если безъ этого нельзя обойтись.

— И ничто ихъ не сокрушитъ, этихъ добровольныхъ мучениковъ!—говорила она возбужденнѣе.—Ни въ чемъ жалкое банкротство власти такъ не разительно, какъ въ ея безсиліи надъ душой молодежи...

— Безсильны и мы,—промолвилъ я.

— Нѣтъ. Они насъ считаютъ своими, но щадятъ насъ, берутъ на себя то, отъ чего бы мы содрогнулись.

Такія безплодныя рѣчи вели мы, когда хотѣлось только плакать. Но есть въ человѣкѣ неутомимая потребность дѣлать своимъ языкомъ смягчающія припарки изъ готовыхъ мыслей и словъ.

Безъ этого было бы еще невыносимѣе!

Моя подруга не допрашиваетъ меня: какъ я себя чувствую, но я вижу, что она такъ же боится за меня, какъ и въ концѣ лѣта, когда меня погнали на югъ.

— Нужно ли было возвращаться?—чуть слышно спросила она, прильнувъ ко мнѣ.—Для меня—не стоило! Право, не стоило!... Измучаетесь вы здѣсь. И знаете, что всего убійственнѣе? Это—переходы отъ надежды къ полному отчаянію. О ночи 17 октября стыдно вспомнить. Точно свѣтлый праздникъ! И вотъ опять что-то тягучее, лживое, полное самаго безстыднаго насилія.

И опять мы сбивались на «злобу дня». Здѣсь это что-то роковое, точно нѣтъ своихъ чувствъ, своего горя, своей радости, а есть только *она*, какая-то гидра, которая все въ себя проглатываетъ.

Вотъ мы, два человѣческихъ существа, которыя выстрадали себѣ право хоть на кусочекъ личнаго счастья. Остатокъ нашихъ силъ намъ надо сберечь въ себѣ на то, чтобы беречь и защищать другъ друга.

А мы точно сами для себя не существуемъ! Мы и для близкихъ-то точно перестали значиться въ живыхъ людяхъ.

Насъ поглощаетъ *она*—внутренняя смута, та лихая болѣсть, которая трясетъ, какъ въ «лихоманкѣ», воспаленное тѣло нашей родины.

А выходить на улицу, брать въ руку винтовку или бомбу—мы не можемъ, не изъ трусости, а потому, что въ насъ нѣтъ вѣры въ то, что катаклизмъ можетъ возродить наше отечество.

Намъ больно сознавать и то, что наши дѣти, по крови или духу,

смѣются надъ нашимъ доктринерствомъ, надъ нашей мечтой о «мирной и плодотворной борьбѣ», или считаютъ все это прямой измѣной, если не вражеской платформой.

И вотъ еле живая мать, даже теперь, оплакивая истерзанную жертву добровольнаго мученичества, не можетъ стряхнуть съ себя все того же кошмара, который всѣхъ насъ душитъ.

Тамъ, въ моемъ заграничномъ томленіи я маялся, точно поднevольный изгнанникъ. Здѣсь, не прошло недѣли, а я уже охваченъ все тѣмъ же недугомъ.

А надо жить, работать, возиться съ людьми, держать дѣло на извѣстной высотѣ, подбадривать молодые таланты, отыскивать ихъ, вселять къ себѣ довѣріе въ той молодежи, которая одну себя и считаетъ только имѣющей верховное право на руководительство, не то, что уже у себя дома, а и во всей остальной вселенной.

XXIII.

Сижу надъ тетрадью Мани.

Вотъ что надо бы сейчасъ напечатать. Но это было бы насиліемъ надъ покойной... Хотя она и способна была производить открытую пропаганду.

Но если бы такую рукопись мнѣ принесли, я бы затруднился... «страха ради іудейска».

Возьмешь въ руки любую книжку журнала,—со всѣхъ строкъ сочится тотъ ядъ, отъ котораго корчатся «власть имущіе». И даже самъ удивляешься, какъ это съ рукъ сходитъ, какъ тебя не подведутъ подъ такую-то статью Уложенія, какъ въ силу особаго «положенія» не похерятъ изданіе?

Но вѣдь исповѣдь Мани, это—подлинный документъ. Онъ долженъ бы быть опубликованъ съ ея именемъ, съ подробностями ея исторіи, всего, что произошло съ нею, въ послѣдніе два года, въ ея внутреннемъ «я».

И вѣдь мы съ ея матерью только приблизительно знали—какъ это «я» разрасталось, какіе могучіе импульсы дѣйствовали на нее, что всего сильнѣе толкало ее къ тому *credo*, съ которымъ она ушла изъ жизни.

Одна дата, красными буквами, выдѣлилась въ томъ, что она пережила.

Это все тоже «красное воскресенье»—«le dimanche rouge», какъ его называютъ парижскіе хроникеры, пишущіе о русской революціи.

Я помню... Она исчезла... на два дня, поѣхала сначала къ то-

другѣ по Шлиссельбургскому тракту, гдѣ у ней давно были какія-то тайныя связи, и заночевала тамъ съ субботы на воскресенье. Мать ея сильно волновалась. Мы наканунѣ знали, что готовится шествіе рабочихъ съ разныхъ сторонъ, въ томъ числѣ и оттуда, по Шлиссельбургскому шоссе.

Поэтому-то, всего больше, и я объѣхалъ столько пунктовъ, и самъ вернулся поздно.

Если мнѣ день этотъ далъ такую встряску, то какъ же могъ онъ всколыхнуть ея душу?!

Она заболѣла и послѣ того стала вдругъ молчаливѣе. И только въ отрывистыхъ возгласахъ прорывалось ея негодованіе, въ словахъ: «палачи!» «опричники!» «разбойничье дѣло!»

Мы ее и не разспрашивали, что она видѣла, боясь, какъ бы съ ней не сдѣлалось припадка.

Но вотъ она,—запись того, что она сама видѣла. Всѣ эти груды мертвыхъ тѣлъ, и какъ ихъ везли, и дѣтскіе трупы, и подвиги фешенебельныхъ корнетовъ, раскраивающихъ черепа у «крамольниковъ», врываясь во внутренніе дворы домовъ.

Какая сила и глубина негодованія, какая жажда возмездія въ этомъ кроткомъ и чистомъ существѣ!

И къ концу того года въ отдѣльныхъ короткихъ абзацахъ выливается ея исповѣданія вѣры:

«Владычеству немногихъ надъ всѣми,—читаю я,—долженъ быть положенъ конецъ. Не одно матеріальное первенство хотимъ мы уничтожить. Кто отдается дѣлу соціальной правды, у того другая, обновленная душа, тотъ только и знаетъ, что такое нравственное совершенство».

И дальше:

«Тѣ немногіе, кто такъ безстыдно и гнусно держатъ въ своихъ рукахъ жизнь, честь, право на трудъ и землю и производятъ такія человѣческія гекатомбы, какія я видѣла 9 января, тѣ не могутъ требовать себѣ пощады. Они внѣ закона человѣческаго... да и божескаго,—того Бога, въ котораго они, якобы, вѣрятъ и которому служатъ молебны послѣ каждаго такого избіенія невинныхъ».

Кончается тетрадь, кажется, за нѣсколько дней до ея ареста.

Въ послѣдней записи Маня сравниваетъ себя и своихъ «товарищей» съ первоначальными христіанами.

Сравненіе неизбѣжно. И мы, изъ генераціи отцовъ, постоянно къ нему прибѣгаемъ.

И кто бы подумалъ... Она приводитъ мѣсто изъ посланія апостола Павла.

Она утратила вѣру давно, я это доподлинно знаю. Она и не скрывала этого и знала, что ни мать, ни я не станемъ насиловать ея совѣсти.

Но она стала свободно мыслить не зря, не изъ дѣтской моды. И видно, что она очень хорошо была знакома съ писаніемъ.

Въ концѣ Посланія къ Евреямъ (гл. XI, ст. 36—40) есть мѣсто, которое она даже цѣликомъ переписываетъ. Вотъ оно:

«Другіе испытали поруганія и побои, а также узы и темницу».

«Были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергались пыткѣ, умирали отъ меча, скитались въ милотяхъ *) и козьихъ кожахъ, терпя недостатки, скорбь, озлобленіе».

«Тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли».

«И всѣ сіи, свидѣтельствованные въ вѣрѣ, не получили обѣщаннаго:

«Потому что Богъ предусмотрѣлъ о насъ *нѣчто лучшее*, дабы они не безъ насъ достигли совершенства».

И она заключаетъ отъ себя такими словами:

«Павелъ обѣщаетъ всѣмъ такимъ награду на небесахъ; а христіанамъ, тѣмъ, кому онъ проповѣдывалъ—еще «лучшее» вознагражденіе, чѣмъ тѣмъ мученикамъ, которые страдали до пришествія Іисуса. А мы всѣ, отъ перваго до послѣдняго, не признаемъ вѣчнаго блаженства и насъ нельзя привлечь миражемъ райскаго житья. Мы знаемъ, что послѣ смерти мы переходимъ въ ничто. Но если тѣ мученики, о комъ говоритъ такъ краснорѣчиво апостолъ, были такіе, что «весь міръ не достоинъ ихъ», то и мы, безъ безумной гордыни, можемъ сказать хоть то, что мы достойны тѣхъ, кто готовъ и насъ распиливать живыми, кто насъ вѣшаетъ, разстрѣливаетъ и ссылаетъ въ такія мѣста, гдѣ хуже, чѣмъ было тѣмъ мученикамъ въ «пещерахъ» святой земли».

XXIV.

И точно въ pendant къ тому, что я читалъ въ тетради покойной Мани, въ тотъ же день, только позднѣе, въ пріемные часы, отъ тре[illegible] до пяти, я имѣлъ разговоръ, который могъ кончиться весьма бур[illegible] кто знаетъ, по нынѣшнему времени, быть можетъ, и браунингом[illegible]

Мнѣ подаютъ карточку.

Я сначала обрадовался.

---

*) Тутъ она поправляетъ синодальный русскій переводъ и ставитъ: „*въ овеч. кожахъ*“.

Фамилія одного изъ моихъ сотрудниковъ, очень даровитаго и, по своей «платформѣ», представляющаго самый лѣвый край въ томъ, что у насъ появляется. Двѣ, три вещи я даже не рѣшался пускать.

Онъ давно что-то замолкъ въ мое отсутствіе, и я, какъ разъ, сбирался разыскивать его.

У него есть однофамилецъ. И тотъ, точно нарочно, выступаетъ теперь, какъ одинъ изъ «громилъ» черносотенной партіи, дошелъ до послѣднихъ предѣловъ реакціоннаго изувѣрства, проповѣдуетъ избіеніе всѣхъ «жидовъ» и всей интеллигенціи, и предлагаетъ ввести «квалифицированную» казнь, вмѣсто висѣлицы и разстрѣла, слишкомъ гуманныхъ.

Имя этого «joli coco» даже начинается такой же большой буквой, только отчество другое.

Я, сгоряча, не разсмотрѣлъ этого на карточкѣ, и сказалъ служащему:

— Просите!

А когда я сталъ вспоминать, было уже поздно.

Этотъ «патріотъ» уже входилъ въ кабинетъ, и входилъ гоголемъ, грудью впередъ, съ портфелемъ подъ мышкой, въ модномъ, длинномъ сюртукѣ и жилетѣ съ разводами.

Сходства съ своимъ однофамильцемъ у него ни малѣйшаго. Но вѣдь и онъ бывшій студентъ и, кажется, одного и того же университета? Помнится мнѣ, что онъ, на первыхъ порахъ, даже либеральничалъ. И вотъ что изъ него сдѣлали послѣдніе годы, когда онъ очутился въ числѣ лидеровъ общества «русскихъ людей».

Тотъ недоумѣвающій взглядъ, какимъ я его встрѣтилъ, ни мало не смутилъ его.

Сдѣлавъ мнѣ короткій поклонъ, наклоненіемъ головы, онъ, безъ моего приглашенія, разсѣлся, положилъ портфель на письменный столъ и выдвинулъ правую ногу.

— Мой визитъ, быть можетъ, удивитъ васъ?—спросилъ онъ, улыбаясь, высокимъ головнымъ теноркомъ.

— Почему?

— Мое имя... тождественно съ именемъ вашего сотрудника, съ ко[illegible]рымъ у насъ такъ мало общаго...

— А что вамъ собственно угодно?—остановилъ я его съ осо[illegible]бе[illegible]чой интонаціей.

Грѣшный человѣкъ! Я еще не пріобрѣлъ и никогда не пріобрѣту то[illegible] корректности, которая требуется, чтобы вы и вашимъ врагамъ в[illegible]азывали внѣшнюю терпимость.

[illegible]нѣ извѣстна та прибаутка, что «молъ, въ западныхъ парламен-

тахъ депутаты враждебныхъ лагерей какъ воюютъ; а въ частной жизни могутъ быть даже въ пріятельскихъ отношеніяхъ и, по меньшей мѣрѣ, обходятся другъ съ другомъ по джентльменски».

Можетъ быть, но быть любезнымъ, даже и въ своемъ собственномъ кабинетѣ, съ такимъ господиномъ—я рѣшительно не въ состояніи.

— Я по порученію одного моего товарища. Онъ живетъ въ провинціи... Послалъ вамъ уже съ полгода назадъ нѣсколько стихотвореній и до сихъ поръ, какъ говорится: ни отвѣта, ни привѣта.

— Какъ его фамилія?

Онъ назвалъ.

— Я помню. Но мы стихотвореній не возвращаемъ.

— А они оказались подлежащими возврату?

И ухмыляется еще болѣе дерзко.

— Вѣроятно. Они плохи, да и по содержанію своему редакція нашла ихъ неудобными.

— А-а! Вотъ что! Но вы вѣдь поощряете новый стиль, alias декаденщину... Мой товарищъ, кажется, грѣшитъ именно по этой части? Или вамъ надо, чтобы была и декадентская форма, и разрывное содержаніе?

— Что намъ угодно, я, извините, не обязанъ сообщать вамъ.

— Да-съ? И рукописи не вернете?

— Я уже сказалъ вамъ.

— Но это, какъ мнѣ пишетъ авторъ, цѣлая тетрадь.

— Можетъ быть. Но исключенія мы не дѣлаемъ. Это правило печатается на обложкѣ. И вашъ товарищъ зналъ это.

— Стало... придерживаетесь принципа экспропріаторовъ?

Тутъ меня взорвало. Я всталъ. А онъ продолжалъ сидѣть въ своей джентльменской позѣ, съ одной выставленной впередъ ногой.

— Прошу васъ,—почти крикнулъ я,—избавить меня отъ такихъ замѣчаній! Я васъ принялъ по ошибкѣ.

— Вотъ какъ!

Онъ началъ блѣднѣть. Лицо сдѣлалось нахально-злобнымъ.

— Да-съ... по ошибкѣ.

— Приняли меня за моего однофамильца и увы... даже дал[illegible]ого родственника. Много чести!

— Для кого? Ужъ не для него ли?

Тутъ онъ поднялся и схватилъ со стола портфель. У меня м[illegible]ьк-нула мысль, что онъ выхватитъ оттуда что-нибудь.

— Не знаю-съ! Но за вашу выходку я могъ бы потребоват[illegible] [illegible]тъ васъ сатисфакціи.

— Что-о? Съ такими, какъ вы, не дерутся. Да, не дерутся!— крикнулъ я внѣ себя. Такихъ, какъ вы, истребляютъ и пригвождаютъ къ позорному столбу.

Онъ отошелъ два шага къ двери и, весь блѣдный, съ сжатымъ кулакомъ свободной руки, съ шипѣньемъ пустилъ:

— Вы дорого за это заплатите!

— На здоровье!—кинулъ я ему въ догонку.

Въ виски у меня застучало и я раскашлялся ужасно. Мнѣ было обидно на самого себя, но я не могъ удержаться.

Надо было видѣть эту нахальную физію будущаго опричника, который бросалъ вамъ въ лицо провокаторскіе возгласы, безъ словъ.

«Вы, крамольники, думаете, что вамъ удастся получить конституцію, народное представительство, пролетарское учредительное собраніе? Вотъ еще мѣсяцъ-другой побалуетесь, благодаря предательству главнаго нáбольшаго, стоящаго у власти... а потомъ мы вамъ покажемъ, что такое истинно-русскіе люди, мы васъ всѣхъ объявимъ лишенными правъ по существу, всѣхъ запишемъ въ списокъ приговоренныхъ къ лютой казни, какъ когда-то Филиппъ II и его доблестный намѣстникъ герцогъ Альба трактовали всѣхъ жителей Нидерландовъ!»

И это—бывшій студентъ, чуть ли не магистрантъ, да еще однофамилецъ и даже родственникъ дорогого моего собрата!

XXV.

Аннѣ Васильевнѣ все еще нездоровится, сильнѣе, чѣмъ она это показываетъ.

Она глубоко потрясена смертью дочери и ея прежняя замѣчательная энергія надломлена.

Минутами меня хватаетъ за сердце боязнь, что прежняя Анна Васильевна уже не возродится. И какая-нибудь предательская нервная «бòлѣсть» сторожитъ ее, и тогда, изо дня въ день, подъ ея укусами будетъ разлагаться вся ея личность.

Въ ея судьбѣ, точно въ микрокосмѣ выражено двойное горе русской женщины.

Какъ *жена*, она жертва распущенности нашихъ мужчинъ, въ культурномъ» сословіи: всего того, что молодая женщина съ запро-ми находитъ нелѣпаго, грязнаго, унизительнаго въ неудачномъ)акѣ.

Какъ *мать*, она вдвойнѣ страдаетъ и отъ ужасной кончины воего единственнаго дѣтища, и отъ гнетущаго сознанія того, что *не смогла* и *не сумѣла* воздержать свою дочь отъ такой доли.

Не «смогла» и не «сумѣла!» Вотъ что гнететъ все наше поколѣніе—поколѣніе отцовъ и матерей. И я долженъ зачислить себя въ «отцы», хотя я и холостякъ и не имѣлъ никогда внѣбрачнаго потомства.

Прежде моя холостая жизнь согрѣвалась присутствіемъ этой женщины. Она цѣлыми часами проводила въ моей квартирѣ, помогала мнѣ, часто вслухъ читала рукописи, писала письма.

А теперь мнѣ сухо и нудно въ тѣхъ же самыхъ комнатахъ. И какъ-то сразу все дѣло становится если не постылымъ, то лишеннымъ ядра, настоящаго смысла, не тѣшитъ, не настраиваетъ.

Особенно вся чисто-литературная его половина.

Я никогда не припускалъ себя къ сочинительству, самъ ничего не писалъ, имѣющаго претензію на художественность, ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Но вѣрность политико-соціальнымъ идеаламъ не отняла у меня любви къ прекрасному творчеству, къ красотѣ формы, къ тому, что только истинно-«изящная» словесность можетъ давать намъ, не въ качествѣ «лимонада», воспѣтаго Державинымъ, а какъ высшій вкладъ въ нашъ духовный обиходъ.

Потому я такъ искренно и неутомимо искалъ, среди молодыхъ моихъ собратовъ, малѣйшей искры таланта, поощрялъ все смѣлое, индивидуальное, стремленіе къ обаятельной формѣ, не боялся печатать часто то, что многіе сейчасъ же объявили «декаденщиной».

Какъ будто нельзя быть самыхъ «разрывныхъ» принциповъ въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ и, въ то же время, любить поэзію, всѣ виды прекраснаго творчества?

Но вотъ теперь я чувствую, что чего-то во мнѣ нехватаетъ. Я не могу отрѣшиться отъ чудища, которое называется «злобой дня».

Все пропитано этимъ ядомъ. Художественная форма, вдохновенныя страницы, яркіе образы, новый нервный языкъ,—все это тамъ гдѣ-то, все кажется «пустяковиной».

И не можетъ не казаться.

Родина и то, что она должна выстрадать—держитъ васъ въ когтяхъ. Въ пору ли чутко любить прекрасное? Зачѣмъ писать и читать художественные разсказы или лирическія стихотворенія?

Надо выпускать революціонные манифесты, надо будить массу, вести ее на исконнаго врага.

«А врагъ у всѣхъ одинъ»—вотъ что виситъ въ воздухѣ, и вы можете не раздѣлять этого призыва.

Какая тутъ наука, какая беллетристика, къ чему все, что прямо служитъ дѣлу сокрушенія общаго врага?

Вчера я слышалъ такую же скорбную исповѣдь отъ одного изъ моихъ сотрудниковъ, быть можетъ, самаго даровитаго.

Онъ чуть не со слезами говорилъ мнѣ:

— Я васъ не упрекаю въ томъ, что вы печатаете только злободневныя вещи. Я понимаю, что теперь все кажется безвкусной травой. Но какъ же мнѣ быть? Я не ухожу отъ жизни. И я охваченъ тѣмъ же, что колышетъ Россію... Знаю и рабочую массу... посѣщаю разные кружки молодежи. Но я не могу—поймите, не могу! все это сейчасъ переливать на бумагу. Это виситъ передо мною въ воздухѣ или давитъ меня, но не даетъ мнѣ той перспективы, безъ которой нельзя создавать...

— Милый человѣкъ!—остановилъ я его.—Глубоко васъ понимаю и сочувствую вамъ... Что же дѣлать? Надо переждать. Но вѣдь въ тѣхъ злободневныхъ вещахъ, какія я пропускаю, всегда есть талантъ, краски, лиризмъ... что-нибудь художественное... А не одна только платформа.

— И я не могу!—прошепталъ онъ. А чисто-субъективныя исповѣди, хотя бы и прямо навѣянныя событіями, онѣ и самому кажутся ломаными, чѣмъ-то фразистымъ, ненужнымъ. Все это мелко, ничтожно на томъ фонѣ, который представляетъ собою настоящій моментъ.

Онъ поникъ головой, и его худые пальцы нервно шевелились по столу.

И то, что онъ говорилъ про свою писательскую «незадачу», то чувствую и я, въ качествѣ руководителя печатнаго органа.

Я скорблю о томъ, что стихіи, колышущія нашу родину, не пускаютъ въ душу ничего не злободневнаго.

Все на смарку! На долго ли? Неужели навсегда?

Не знаю! И боюсь какъ бы мнѣ ни начать пѣть въ униссонъ съ тѣмъ «коллегой», съ которымъ я ѣхалъ изъ Берлина къ русской границѣ.

Можетъ быть, не пройдетъ и недѣли, какъ я буду кричать вмѣстѣ съ милѣйшимъ старцемъ Павломъ Алексѣевичемъ:

— Такъ дольше жить нельзя!

А вѣдь я обязанъ вѣрить въ то, что борьба за соціальное credo ıжна кончиться полной побѣдой.

Иначе все, что мои публицисты пишутъ, за что они ратуютъ, ıму научаютъ обывателей, читающихъ ихъ: все это окажется тольпартійной кружковщиной, дутой фразеологіей, не согрѣтой никачъ живымъ упованіемъ.

Это ужасно! Вѣдь *она* идетъ... она, та сила, которая должна со-

крушить общаго врага... Попытки дѣлаются... движеніе зрѣетъ... Тайныя и публичныя сборища, союзы, митинги, съѣзды, а тамъ, черезъ мѣсяцъ, много два, и предвыборная агитація, и созывъ народнаго представительства.

Но есть ли вѣра во все это?

XXVI.

Мой кабинетъ превращается въ какую-то исповѣдальню.

Былъ обрадованъ посѣщеніемъ одного стараго знакомца, съ которымъ видаемся крайне рѣдко.

Онъ меня знавалъ еще, когда я былъ студентомъ въ Москвѣ, а онъ уже профессоромъ.

Потомъ онъ испыталъ большое семейное горе, жилъ въ разныхъ городахъ, и въ центрѣ, и на окраинахъ.

А теперь онъ преподаетъ въ одномъ изъ высшихъ спеціальныхъ заведеній, которое закрыто, какъ и всѣ прочія. Свободнаго времени у него достаточно. Мы съ нимъ какъ-то встрѣтились на Невскомъ, онъ обѣщалъ непремѣнно завернуть ко мнѣ и не забылъ.

Хотя между нами разница лѣтъ большая... чуть не въ двадцать лѣтъ; онъ бодрѣе меня, только совсѣмъ сѣдой, но такой же бравый и молодой въ тонѣ, въ посадкѣ тѣла, въ походкѣ, хотя жизнь и трепала его не меньше меня, а скорѣе больше.

Степанъ Степановичъ засталъ меня за чтеніемъ все той же тетради, оставленной намъ Маней.

Я не скрылъ отъ него, кто ея мать; и сразу разговоръ получилъ совершенно интимный оттѣнокъ.

Я сталъ говорить ему о томъ, какая сила революціоннаго credo владѣла этой дѣвушкой. Она ей замѣняла всякую этику.

— Этика!—воскликнулъ Степанъ Степановичъ.—Она совершенно упразднена у крайней молодежи...

— Будто?

— Несомнѣнно! Вы знаете, какъ я всегда относился къ молодежи. Годами... чего, десятками лѣтъ я жилъ съ ними, можно сказать, одной жизнью. Всегда и вездѣ мнѣ довѣряли, ходили ко мнѣ на домъ, брали книги, спорили, засиживались до поздней ночи... работали на семинаріяхъ, когда еще возможно было работать. И прежде их психика держалась въ грунтѣ, въ основѣ, за извѣстную, очень опредѣленную мораль. Теперь ничего подобнаго.

— Неужели?—почти испуганно выговорилъ я.

— Увѣряю васъ. Теперь, и это идетъ уже больше двухъ-тр

лѣтъ—альфа и омега, высшая санкція—это мое «я»... верховное право моей индивидуальности. «Я такъ желаю, я такъ настроенъ, sic volo, sic jubeo!» Даже потребности я не вижу, въ самыхъ типичныхъ индивидахъ: выработать себѣ что-либо похожее на этику, на правила, обязательныя для каждой отдѣльной особи.

— Неужели?!—опять воскликнулъ я.

— Развѣ *я* способенъ клеветать на молодежь?

— Вы? Конечно нѣтъ.

— Да они и не скрываютъ ничего. Они вамъ спокойно и съ чувствомъ своего безусловнаго превосходства будутъ развивать, что все это тамъ, позади... «überwundener Standpunkt»... чистѣйшая старомодная метафизика.

— Стало, это, если такъ выразиться—этическій нигилизмъ?

— Именно. Прекрасное опредѣленіе... Это своего рода базаровщина. Но только возведенная въ кубъ. Тургеневскій герой вѣдь тоже считаетъ романтизмомъ и метафизикой все, что имъ не провѣрено. Онъ не признаетъ даже термина «наука». Для него существуютъ только конкретныя «науки», а не что-то обобщенное и отвлеченное. И такъ во всемъ. Но тотъ же Базаровъ, хотя и подтруниваетъ надъ Павломъ Кирсановымъ и надъ своими родителями, всетаки подчиняется извѣстнаго рода морали и даже дерется на дуэли. Но онъ—родоначальникъ русскаго разрушительнаго индивидуализма. И для него обязательно только то, что онъ самъ считаетъ дѣльнымъ, пріятнымъ, обязательнымъ для себя...

— Но позвольте,—остановилъ я этого вѣчнаго друга студентовъ,—возьмите нашу Маню, ея душу, всю ея святую святыхъ, вылившуюся вотъ въ этой тетради. Какое отреченіе отъ самой себя! Какое восторженное, чисто-мученическое выполненіе своего долга! Развѣ это не этическіе моменты? Развѣ это не самый суровый категорическій императивъ?

— Если хотите, да; но такія личности—въ меньшинствѣ. Да и они идутъ на вѣрную смерть не потому, что исполняютъ нравственный долгъ, а потому, что такова ихъ «платформа», оттого, что имъ такъ хочется. И повторяю—это маленькое меньшинство. Въ немъ вы находите еще пережитки... прежней морали, иногда даже древнехристіанской.

— Какъ и у нашей Мани!

— Да! Иногда смѣсь терроризма съ толстовской мистической анархіей, но не они люди самой новѣйшей формаціи. Повѣрьте мнѣ! Тѣ съ кѣмъ я каждый день бесѣдую и спорю иногда до пѣтуховъ, несмотря на мои шестьдесятъ лѣтъ,—это чистые индивидуалисты.

— Ницшеянцы?

— Да! Закваска Заратустры еще сильна. Но и она уже позади! Стремиться къ созданію сверхчеловѣка,—это значитъ имѣть передъ собою отвлеченную цѣль. Ничего такого не нужно. То, что я хочу всѣмъ моимъ существомъ въ данный мигъ, то и есть мой категорическій императивъ—ничего больше!

— Но вѣдь это ужасно?!

— Имъ, въ настоящій моментъ ихъ эволюціи, совсѣмъ не надо этики. Это то, что нѣкоторые изъ нихъ называютъ моднымъ терминомъ: «а-мораль».

— Отъ этого одинъ шагъ до полнаго отрицанія какихъ бы то ни было этическихъ задержекъ?

— Всеконечно! Не хочу быть пророкомъ, но меня нимало не удивитъ, если рядомъ съ взрывами политическаго и соціальнаго террора будутъ совершаться всякія насилія надъ частными лицами, грабежи, захваты всякаго рода. Все это одно за другое держится. Сначала это будетъ дѣлаться подъ прикрытіемъ какой-нибудь разрывной тактики... какого-нибудь революціоннаго «афоризма», а потомъ такъ «здорово живешь», потому что я такъ хочу, таково страстное стремленіе моей самодовлѣющей личности.

Я сидѣлъ подавленный. Онъ поднялся, потрепалъ по плечу и, прощаясь, сказалъ:

— Но я вѣрю въ то, что этотъ этическій нигилизмъ не продержится... Изъ руинъ теперешней ходячей морали возродится нѣчто, что положитъ предѣлъ необузданному «я». Безъ этого... все распадется и вмѣсто общества получится дикая орда.

XXVII.

Наступаетъ, кажется, какая-то передышка. Какъ будто запахло возможностью дожить до того дня, когда наша «страстотерпица» родина скажетъ свое рѣшающее слово, пошлетъ своихъ ходоковъ въ представительное собраніе.

Вчера я устремился на засѣданіе съѣзда русскихъ гражданъ, которые впервые подняли голосъ земской Россіи. Въ тѣ дни, когда запахло «весной».

Хоть во что-нибудь живое и всенародное уйти отъ своего [illegible], отъ припадковъ душевной простраціи, терзающихъ меня едва ли еще не сильнѣе, чѣмъ въ заграничныхъ курортахъ.

Внизу амфитеатръ огромной аудиторіи. Это уже не «митинг[illegible]» (съ удареніемъ на второмъ словѣ), какіе бушевали здѣсь осен[illegible] На

нихъ я не бывалъ, но слишкомъ много читалъ о нихъ, получалъ тогда и не мало писемъ, въ томъ числѣ и отъ бѣдной Мани.

Это уже что-то вродѣ парламента въ раккурсѣ. Бюро, каѳедра, центръ, правая, лѣвая. Но рѣзкихъ дѣленій еще нѣтъ въ той половинѣ амфитеатра, гдѣ сидятъ члены съѣзда.

Публику попросили садиться по лѣвую руку центральнаго прохода.

Самая шумная жизнь—въ буфетѣ. Тамъ гудятъ безконечные разговоры. Всѣ стулья у столовъ разобраны. Стоятъ кучками, напирая другъ на друга, закусываютъ, пьютъ чай и пиво, уходятъ, приходятъ.

Всѣ возбуждены на особый, чисто-нашъ, россійскій ладъ. Эта тѣсная буфетная комната гораздо сильнѣе всѣхъ привлекаетъ, чѣмъ залъ засѣданія.

Мы вѣдь ничего не можемъ дѣлать безъ ѣды и питья, безъ куренья, безъ растабарыванья, споровъ, толковъ и сплетенъ.

Но, грѣшный человѣкъ! мнѣ эта буфетная говорильня точно сразу стала внушать что-то если не зловѣщее, то крайне скептическое.

Внутри кто-то точно нашептывалъ:

«Съѣхались, погалдятъ, будутъ резолюціи, протоколы, аплодисменты, подготовятъ кадры своей партіи... а всетаки ничего изъ ничего не выйдетъ».

Ничего не выйдетъ, потому что всего этого мало.

Развѣ черезъ мой просмотръ не проходятъ каждый мѣсяцъ статьи, гдѣ соціальный идеалъ стоитъ совсѣмъ на другой подставкѣ? И каждый изъ моихъ сотрудниковъ лѣвѣе всѣхъ лидеровъ этого съѣзда и того большинства, которое голосуетъ резолюціи.

Все это уже запоздало для молодой Россіи и чуть не крамольники для тѣхъ, что вцѣпились наверху въ куски государственнаго пирога.

И въ этомъ наша роковая «несвязёха».

Вотъ входитъ на каѳедру лидеръ съ рьянымъ голосомъ, съ тономъ трибуна, громитъ и обличаетъ, громъ рукоплесканій несется послѣ каждой его тирады.

Но сиди рядомъ со мною покойная Маня, она бы шептала:

— Все это радикализмъ буржуя! Если онъ и не врагъ нашъ, то и [illegible]е другъ... Попадетъ власть въ ихъ руки, надо будетъ вырывать е[illegible] нихъ, такъ, какъ они хотятъ вырвать ее у теперешнихъ за-п[illegible]зилъ.

[illegible] вотъ и другой, самый сильный вожакъ, какъ мужики говорятъ [illegible]кихъ—«дошлый». Онъ перекипѣлъ въ нѣсколькихъ котлахъ.

Онъ долгой внутренней работой дошелъ до того вывода, что землю, какая нужна мужикамъ, надо обратить въ національное достояніе.

Вѣдь и это соціализмъ? Мой пивоваръ французъ закричалъ бы даже, что это коммунизмъ чистой воды. А тѣ, кто у меня пишетъ, и я все это пропускаю по доброй волѣ, и тутъ не поддадутся.

Тутъ даже и не рознь принциповъ, а просто: одни—старые, другіе—молодые. Все та же вѣчная рознь отцовъ и дѣтей.

Они меня ни въ чемъ ретроградномъ не подозрѣваютъ, но я уже для нихъ «благожелательный старикъ», хотя мнѣ только теперь идетъ сорокъ первый годъ.

Мною они пользуются. А я не могу не сочувствовать ихъ credo, хотя и знаю, что еслибъ дѣло дошло до рѣшающаго момента, они и меня сдали бы въ архивъ.

Я и не смущаюсь. Ни о какой активной роли я никогда не мечталъ. Но чувствовать, какъ мы, провидѣть то, что непремѣнно будетъ, они не могутъ.

Для меня и теперь ясно, что если партія, созвавшая этотъ съѣздъ, будетъ владѣть сильной позиціей въ палатѣ, она одна не въ силахъ будетъ держаться. Направо ей ходу нѣтъ... и она должна будетъ роковымъ ходомъ событій все лѣвѣть и лѣвѣть.

А налѣво, на самый верхъ попадутъ тѣ, кого наша бѣдная Маня считала своими «товарищами», съ той интонаціей, съ какой теперь произносится этотъ титулъ.

И когда я ѣхалъ домой, вечеромъ, и у меня въ ушахъ звенѣли отрывки рѣчей, на сердцѣ у меня не было вѣры.

Это не выведетъ нашей страстотерпицы на путь чудодѣйственнаго возрожденія.

Нѣтъ!

И все отчетливѣе всплывали въ моей памяти фразы того «коллеги», съ кѣмъ мы приближались къ русской границѣ.

Это не филистерскій скептицизмъ, не карканье огорченнаго «старичка». Это—глубокое предчувствіе чего-то неизбѣжнаго, что, какъ злобный коршунъ, виситъ въ небѣ надъ своей жертвой—надъ тѣмъ «подсолнечнымъ» царствомъ, котораго никакой богатырь, никакой кудесникъ не воскреситъ къ свѣтлому, мирному, доблестному и п-красному бытію!

XXVIII.

Въ сѣняхъ, на томъ съѣздѣ, меня прохватило.

Я третій день сижу въ заперти. Разыгрался мой «высочаі з утвержденный» бронхитъ.

Моя подруга прибрела ко мнѣ черезъ великую силу и поднялась въ четвертый этажъ.

И какъ только оглядѣла меня, начала сокрушаться.

— Зачѣмъ вы упорствуете?—кротко увѣщевала она меня.— Здѣшняя зима, а потомъ ранняя весна убійственны для васъ. И душевно вы здѣсь не можете чувствовать себя лучше.

— Не хочу я добровольной ссылки!—чуть не закричалъ я.

— Лучше тамошнее одиночество, чѣмъ то, что на васъ надвигается здѣсь. Со всѣхъ сторонъ это давитъ и оскорбляетъ васъ... сознаніемъ полнаго безсилія. Тамъ вы чужой, тамъ жданье не такъ убійственно, какъ это поджариванье на медленномъ огнѣ.

— Такъ продолжаться не можетъ. Еще два-три мѣсяца и у насъ народное представительство.

— Дума? Ха-ха! Знаете, другъ мой, это напоминаетъ стихи Некрасова:

«Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ».

И я разсмѣялся.

— Можетъ, оно и такъ... но лучше какой-нибудь надеждой жить, чѣмъ никакой!

— Но это все не то! Послушай!...

Только въ самыхъ интимныхъ изліяніяхъ она переходила на «ты».

— Послушай, Jean! Тебѣ надо вонъ отсюда во что бы то ни стало.

Глаза ея стали влажны.

Я мотнулъ головой.

— Твою работу ты можешь опять поручить тому же главному сотруднику... Я буду помогать ему... Самое лучшее было бы... если не продать дѣло... то отдать его.

— Кому?

— Товариществу. Это бы отвѣчало мечтѣ, которую, навѣрно, имѣютъ многіе изъ твоихъ сотрудниковъ... всѣ тѣ, кто пишетъ въ публицистическомъ отдѣлѣ.

— Что ты!—чуть не крикнулъ я.—На что ты меня обрекаешь? Л шить меня этого дѣла, это значитъ записать меня въ разрядъ нес собныхъ... обречь меня на ужасный видъ доживанья... въ кур тахъ. Брр!...

Нервная дрожь пронизала меня. Я зажмурилъ глаза и замахалъ о ими руками.

— Выслушай меня,—просительно, но твердо начала она и взяла меня за руку.—Я человѣкъ со стороны. Я могу указывать на

то, что есть. Да, ты для них много, много «меньшевикъ». И если ты пропускаешь такія вещи, которыя идутъ изъ другой платформы, то по оплошности.

— Вовсе нѣтъ!—крикнулъ я.—А потому что не хочу злоупотреблять редакціоннымъ *усмотрѣніемъ*. Я допускаю оттѣнки. Всѣ они должны слиться въ одно могучее теченіе.

— Полно! Это иллюзія идеалиста. Никто не хочетъ уступить изъ своего credo ни одного слова, ни одной черточки. Дошло до того, что одинъ мнѣ прямо сказалъ: «Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, каковъ человѣкъ иксъ или игрекъ, а я требую только одного: будь моей платформы!» И они, въ данный моментъ, придутъ и предъявятъ тебѣ свой ультиматумъ!

— Я насиловать своего credo не дамъ!

— Но ты будешь допускать двойственность... хоть и не желаешь этого! Они непремѣнно возьмутъ верхъ. Это фатально. Ты самъ это понимаешь. И публика жаждетъ только того, что окрашено въ цвѣтъ самыхъ крайнихъ лѣвыхъ. Ходъ возможенъ только впередъ.

— Но зачѣмъ же ты хочешь меня выбросить, какъ негодную ветошь?

Она положила мнѣ руки на плечи.

— Что ты говоришь! Я хочу тебя выбросить?... Но ты мнѣ дорогъ... Я вижу, что ты весь изведешься... Если не хочешь совсѣмъ раздѣлаться съ этимъ дѣломъ... отдай его на два, на три года.

— Не хочу я заграничной ссылки!

— Я поѣду съ тобою... Ты не будешь одинъ... Но тебѣ надо быть на югѣ... ты гораздо серьезнѣе боленъ, чѣмъ ты думаешь.

Взглядъ ея сразу потухъ.

— Кто это сказалъ?

— Я знаю, я знаю,—повторила она, сдерживая слезы.—Ну хоть до весны... Если соберется Дума, ты бы вернулся... А на эти три-четыре мѣсяца... дѣло пойдетъ такъ, какъ оно шло... въ твое отсутствіе... Не губи себя... такъ безумно!

— Я болѣю не легкими,—почти заплакалъ я,—а ты знаешь чѣмъ.

— Знаю. Надо ждать... всѣмъ намъ надо ждать. Раньше вес[ны] ничего не будетъ, кромѣ все той же смуты, того же топтанья [на] одномъ мѣстѣ. Ты можешь слечь не нынче-завтра. И тогда что? Те[бя] запрутъ въ комнатѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Маяться безъ возду[ха], безъ солнца, безъ прогулокъ, съ сидѣньемъ надъ корректурами, [въ] однихъ и тѣхъ же набившихъ оскомину разговорахъ, волненія[хъ], мелкой432 вознѣ съ цензурой.

И ея тонъ былъ, впервые, такой, что я не удивился бы, крикни она мнѣ:

— Выбирай одно изъ двухъ: или я, или то, что я тебѣ предлагаю.

Я только и смогъ воскликнуть:

— Оставьте меня съ самимъ собою, умоляю!

XXIX.

«Ты долженъ вонъ изъ Петербурга».

Это случилось раньше, чѣмъ я самъ предполагалъ.

Вчера вечеромъ, послѣ разговора съ Анной Васильевной, получаю заказное письмо изъ Москвы.

Отъ кого?

Отъ Андросова!

Сколько лѣтъ мы совсѣмъ скрылись изъ виду одинъ у другого.

А какая дружба была у насъ съ Сергѣемъ и на студенческой скамьѣ, и потомъ... пока мы еще видались, хоть и рѣдко.

Славный онъ былъ юноша... Такихъ теперь нѣтъ... Есть болѣе готовые на вольную смерть, съ фанатизмомъ, не знающимъ себѣ предѣловъ; но *такой* душевной чистоты я еще не встрѣчалъ.

Онъ ушелъ въ тогдашнюю пропаганду, былъ схваченъ, высланъ, долго томился въ Якутскомъ краѣ, возвращенъ, жилъ въ деревнѣ, хозяйничалъ, допущенъ былъ до земской службы. Потомъ опять куда-то нырнулъ... можетъ быть, жилъ за границей.

Сергѣй—дворянское дитё, «самый чистый цвѣтокъ помѣщичьей нивы»—какъ я его прозвалъ.

Фамилія съ достаткомъ. Были у него двое братьевъ и одного изъ нихъ онъ особенно любилъ,—лѣтъ на десять его моложе. А ему, вѣроятно, столько же, сколько мнѣ, или на годъ меньше.

И вотъ, со страницъ письма, большого формата, пахнула на меня какая-то драма, съ общественно-семейной подкладкой. Трепещетъ его до сихъ поръ чистая душа... бьется въ какой-то клѣткѣ. И чувствуется въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ, что этотъ человѣкъ ломленъ, что онъ страшится чего-то для себя... ужаснаго, что ізнь нанесла ему самый злодѣйскій ударъ... въ лицѣ кого же? Того ата, котораго онъ любилъ, какъ нѣжная мать.

«Пишу тебѣ, Ваня, изъ той темницы, куда меня засадилъ братъ его «присные»... Это не острогъ, не участокъ, не казематъ, а іната въ лѣчебницѣ для нервно и душевно-больныхъ.

е смущайся! Я не безумный. Я только неврастеникъ. Это точно.

Прежняго твоего Сережи нѣтъ. Ты бы меня и не узналъ на улицѣ... я—руина. Но во мнѣ сидитъ тотъ же духъ. Твой когда-то закадыка не сжегъ ни одного корабля, не измѣнилъ ни одному изъ своихъ завѣтовъ. Но онъ выбылъ изъ жизни и очутился въ ожесточенной, непримиримой враждѣ... и съ кѣмъ? Съ тѣмъ братомъ, котораго любилъ, какъ родное чадо... да, съ братомъ Петей.

«Другъ Ваня! Если это письмо дойдетъ до тебя... если ты на ногахъ и можешь удѣлить мнѣ хоть нѣсколько дней, зову тебя и заклинаю: пріѣзжай сюда, помоги мнѣ въ моемъ тяжкомъ душевномъ одиночествѣ, поддержи меня въ той братоубійственной борьбѣ, которая доканаетъ меня, я это вижу.

«У меня нѣтъ воли. Я безсиленъ противъ цѣлаго заговора моихъ «присныхъ». Ты самъ увидишь, что это такое.

«И въ этомъ заговорѣ моя жена.

«Мы съ тобой такъ давно не переписывались, что вѣдь и это для тебя сюрпризъ.

«Да, я женатъ... и давно уже.

«И тутъ такое же крушеніе, такой же нравственный крахъ.

«И когда?

«Когда мы всѣ, безумцы, оставшіеся вѣрными своимъ завѣтамъ, такъ живемъ родиной, такъ за нее страждемъ, и ужасаемся, и вѣруемъ въ то, что грянетъ побѣдный кличъ! Въ такое-то время я точно желѣзнымъ обручемъ скованъ и долженъ испытывать ежедневныя мученія отъ тѣхъ, кто долженъ былъ бы сливаться со мною въ одно душевное трепетанье.

«Ты подумаешь, быть-можетъ, разъ я въ лѣчебницѣ, что я страдаю маніей преслѣдованія? Навѣсти меня... побудь хоть два-три дня... вникни во все, обсуди. И увези меня отсюда. Самъ я не въ силахъ это исполнить. Я готовъ лѣчиться. Помѣсти меня въ какое-нибудь другое заведеніе... или отправь за границу съ сидѣлкой. Не отдавай меня на съѣденіе этимъ великолѣпнымъ поборникамъ самой гнусной россійской отсебятины, болѣе гнусным, чѣмъ всякая пьяная орда изъ мясниковъ, дворниковъ и хулигановъ, производящая патріотическій погромъ.

«Сколько разъ я хотѣлъ писать тебѣ. Читалъ то, что ты [illegible]даешь... вижу, что ты не только не попятился назадъ, но сочувствуе[illegible] молодежи, которая и тебя тянетъ все дальше и дальше.

«И не могъ улучить минуты. Да и слишкомъ надо мной вел[illegible] надзоръ. Я прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы отправить это заказ[illegible] письмо.

«Ваня! Во имя нашей когда-то взаимной пріязни, подай ты мнѣ эту милостыню. Пріѣзжай! Умоляю тебя!

«Твой Сергѣй Андросовъ».

Меня схватило за сердце. Если это письмо написано и душевнобольнымъ, хотя въ немъ нѣтъ ничего безумнаго, не могу я не откликнуться на него и не тѣмъ только, что напишу успокоительное письмо.

Я поѣду въ Москву, какъ бы ни протестовала Анна Васильевна. Я даже не стану ее предупреждать. Оставлю письмо, гдѣ скажу, что уѣхалъ на три, на четыре дня.

Что я могу сдѣлать для моего бѣдняги Сережи, не знаю. Во всякомъ случаѣ, я ему пригожусь на что-нибудь. Онъ самъ говоритъ, что у него парализована воля. Надо, чтобы былъ около него человѣкъ, который представлялъ бы собою этотъ волевой аппаратъ.

Такой ли я индивидъ, чтобы браться за подобную роль?

А вдругъ, какъ я, въ рѣшительную минуту, окажусь такимъ же неврастеникомъ, какъ и онъ?

Аннѣ Васильевнѣ скажу въ моей запискѣ, что ѣду «освѣжиться» и кстати кое-что уладить и по части журнала.

Въ Москвѣ я не былъ больше трехъ лѣтъ. А сколько она пережила съ тѣхъ поръ! И чѣмъ кончила? Эпопеей Прѣсни.

XXX.

Люблю ли я Москву?

Были такія полосы моей жизни, когда я совсѣмъ охладѣвалъ къ ней, *дулся* на нее, находилъ ее и грязной, и «купецкой», и тупой, и «жульнической».

Но во мнѣ сохранялось всетаки чувство къ ней, въ родѣ родственной связи.

А послѣ событій послѣдняго года она поднялась въ моихъ глазахъ, да и не однихъ моихъ, на огромную высоту надъ Петербургомъ, гдѣ я столько истратилъ душевныхъ силъ, гдѣ я окончательно надорвалъ здоровье.

И вотъ сегодня, когда я вышелъ изъ гостиницы въ Охотный р[illegible]дъ и потомъ спустился къ Воскресенскимъ воротамъ, взглянулъ [illegible] музей, на Кремлевскую стѣну, на шапку Храма Спасителя — въ г[illegible]ди что-то заиграло.

Сразу я почувствовалъ себя студентомъ, но меня потянуло не на [illegible]ковую, гдѣ наша «alma mater» лежитъ въ летаргическомъ снѣ, а [illegible] Прѣсню.

Помню, когда я въ первый разъ попалъ въ Римъ... Выбѣжалъ я на подъѣздъ отеля, взялъ фіакръ и крикнулъ кучеру:

— Foro romano!

Сейчасъ, на тѣ развалины, откуда пошла вся Европа.

Такъ и тутъ. Сердце сжалось, совсѣмъ особенно, и я позвалъ тутъ же, у Московскаго трактира, проѣзжавшаго мимо извозчика и крикнулъ ему:

— На Прѣсню!

Извозчикъ, какъ только мы отъѣхали сажень пять-десять, обернулся ко мнѣ и спросилъ, прищурившись и поводя забавно носомъ:

— А вамъ на Ваганьково, ваша милость?

— Нѣтъ... на самую Прѣсню.

— Такъ вѣдь тамъ... все выжжено?

— Затѣмъ и ѣду.

Онъ усмѣхнулся, повелъ плечами и спросилъ:

— На пепелище... значитъ, взглянуть. Домикъ, небось, свой былъ... или сродственниковъ?

Сейчасъ же я подумалъ:

«Не изъ соглядатаевъ ли этотъ возница?»

Но это меня не смутило.

— Грѣхи!—продолжалъ извозчикъ.—Чего только нашъ братъ въ тѣ поры не натерпѣлся!

— И ты попадалъ въ передѣлку?—спросилъ я.

— А то нешто нѣтъ? Когда эти самыя баррикады строили...

Слово «баррикады» онъ произносилъ удивительно какъ отчетливо. Но по пріемамъ былъ простецъ.

— Такъ что же?—подтолкнулъ уже я его.

— Къ ночи... какъ ежели попалъ ты въ тѣ мѣста... позамѣшкался съ сѣдокомъ, первымъ дѣломъ гужи цапъ-царапъ... оглобли пополамъ... сани въ остальную кучу... а ты отправляйся верхомъ... въ родѣ фалетура, ха-ха!

Онъ громко разсмѣялся.

И эта нехитрая болтовня сразу накинула на всю трагедію послѣдней междоусобицы налетъ юмористическаго освѣщенія. Народъ все способенъ переварить и «уподобить», какъ огромное, мощное т[illegible]о, которое и яды можетъ проглатывать, не поморщившись.

— Такъ и тебѣ угодили?

— Въ чистомъ видѣ... А то и въ пальбу сколько нашего [illegible]ата угодило.

Мы подъѣзжали уже къ Кудринской площади.

Эту мѣстность я не очень отчетливо вспоминалъ. Туда у[illegible]ня

ходовъ что-то не бывало въ студенческіе годы. И только одно гулянье въ Зоологическомъ саду осталось въ памяти.

— Вотъ вамъ и самая эта Прѣсня, баринъ!

Извозчикъ обернулъ ко мнѣ свою смѣшноватую физіономію и правой рукой провелъ въ воздухѣ.

— Вродѣ, какъ послѣ француза...—прибавилъ онъ и фыркнулъ.

Смѣшливое настроеніе не покидало его.

Мы спускались мелкой рысцей вдоль этихъ обгорѣлыхъ стѣнъ теперь уже «историческаго» урочища. Я глядѣлъ вправо и влѣво, я искалъ чего-нибудь, что васъ мгновенно бросило бы въ краску или захолодило бы вамъ кровь въ жилахъ.

И ничего! Нѣтъ, это невѣрно! Ничего такого, чего искалъ. А что-то заурядно-русское, тусклое, унылое и безобразно-нелѣпое.

Рядъ обывательскихъ домовъ, разгромленныхъ и выжженныхъ пушечными ядрами и гранатами, точно для того только, чтобы «другимъ не было повадно!»

А то, что въ этихъ домахъ было пережито ужасовъ, это испарилось, исчезло, заслонено теперешнимъ жалко-обывательскимъ видомъ этихъ развалинъ.

Такъ смотрѣла бы улица послѣ всякаго хорошаго пожара, который «выдралъ бы» столько же домовъ.

Наша гражданская трагедія вся внутри, въ душахъ и сердцахъ, въ отчаянномъ напряженіи негодующей воли. А «монументовъ» мы не умѣемъ оставлять по себѣ.

— На кладбище нешто везти вашу милость?—прервалъ мои думы извозчикъ.

Мы уже подъѣзжали къ двумъ сторожкамъ заставы, полуразбитымъ тѣми же пушечными залпами, закоптѣлымъ и жалкимъ.

И они говорили о чемъ-то стародавнемъ, о «шлагбаумахъ», инвалидахъ заставъ, о чемъ-то сданномъ въ архивъ. И такъ этотъ революціонный разгромъ не шелъ къ такимъ двумъ облѣзлымъ сторожкамъ, еще кое-гдѣ сохранившимъ свою казенную окраску.

— Назадъ!—скомандовалъ я извозчику.

— Значитъ, вамъ больше ничего не требовалось?—выговорилъ [illegible]ъ, подмигнувъ мнѣ подслѣповатымъ глазомъ, немножко подъ хмель[illegible]къ, какъ я тутъ только распозналъ.

— Куда же везти вашу милость? Опять къ Иверскимъ воротамъ?

Я былъ въ такомъ подавленно-тошномъ настроеніи, что хотѣлъ б[illegible]ло ѣхать домой, и тутъ только вспомнилъ, зачѣмъ, къ кому я [illegible]ѣхалъ въ Москву.

Моя депеша еще вчера получена тѣмъ злополучнымъ неврастеникомъ.

«Можетъ быть,—подумалъ я,—было неосторожно телеграфировать ему... если онъ находится подъ надзоромъ?»

Но дѣло было уже сдѣлано. Онъ трепетно ждетъ меня. Жестоко заставлять его томиться.

Когда я сказалъ извозчику, куда ѣхать, онъ почесалъ затылокъ.

— Не ближнее мѣсто, баринъ.

Дорогой мы больше съ нимъ не калякали. Глядя на выраженіе моего лица, этотъ юмористъ могъ сказать мнѣ:

— Пустого мѣста искать ѣздили, ваша милость!

XXXI.

Въ жизни своей я не испытывалъ ничего подобнаго.

Сережу я нашелъ рано утромъ въ его «заведеніи».

Меня не сразу къ нему допустили. Надо было вступить въ переговоры съ какой-то дамой, вродѣ надзирательницы.

Онъ лежалъ въ халатѣ, на кушеткѣ, когда меня ввели въ его комнату.

Вскочилъ, обнялъ меня, расплакался, сталъ усаживать рядомъ съ собою, заговорилъ порывисто, совсѣмъ не своимъ голосомъ; руки вздрагиваютъ, глаза впали, взъерошенные волосы, ужасная худоба, борода совсѣмъ сѣдая.

— Спаси меня!—говорилъ онъ громкимъ шопотомъ.—Увези меня! Они держатъ меня здѣсь, какъ въ одиночной камерѣ. А потомъ переведутъ и въ домъ умалишенныхъ. А я—не безумный! Но у меня пропалъ сонъ. Цѣлыя ночи напролетъ я маюсь... лѣкарства на меня не дѣйствуютъ.

— Кто же это они?—остановилъ я его.

— Братъ... и супруга моя. Братъ Петя, мое, такъ сказать, чадо... и во что онъ превратился? И жена... тоже моя выученица. И теперь это—одна банда. И мать моя въ томъ же станѣ черносотенцевъ. Я не могу ихъ видѣть, а они каждый день навѣщаютъ меня. И я—безпомощенъ. Я—нищій. У насъ теперь ничего нѣтъ... у матери и у меня съ братомъ.

— Погромъ?

— Да. И довелъ до этого никто иной, какъ братецъ мой любезный. Его ненавидѣли мужики. Онъ первый завелъ осетинъ. У него производились душу раздирающія порки... послѣ перваго погрома. А теперь все выжжено до тла. Ему удалось получить въ банкѣ доб-

вочную ссуду. И онъ держитъ у себя эти деньги. И у супруги моей есть капиталецъ. Я счастливъ тѣмъ, что я пролетарій. Но я, видишь, въ какомъ состояніи? На иждивеніи у супруги. Она платитъ за меня въ лѣчебницу... и они мнѣ же тычутъ въ глаза тѣмъ, что послѣднія ихъ деньги уходятъ на меня!

Онъ вскочилъ и забѣгалъ по комнатѣ, потомъ присѣлъ опять обнялъ меня и глухо зарыдалъ.

— Ваня! Во имя нашей старой дружбы, спаси меня!

— Какимъ образомъ?

— Увези съ собою... поставь мнѣ койку у себя въ квартирѣ. Я стану другимъ человѣкомъ... я поправлюсь. Дай мнѣ работу... какую хочешь... самую черную.

— Но какъ это сдѣлать... если ты самъ не имѣешь воли, не можешь распорядиться собою?

— Какъ? Я не знаю!—съ отчаяннымъ жестомъ глухо крикнулъ онъ.—Помоги мнѣ убѣжать отсюда!

— Но тебя не пустятъ... Выйдетъ скандалъ, безполезный и печальный, который только ухудшитъ твое положеніе.

— Тебѣ не жаль меня! — слезливо вскрикнулъ онъ.—Тебя я ждалъ, какъ искупителя! И вотъ моя послѣдняя надежда должна рухнуть!

Мнѣ стало вдругъ очень жутко. Я видѣлъ передъ собою человѣка... явно ненормальнаго. Силою увезти его я не могу. Да и онъ не въ состояніи былъ бы помочь мнѣ въ своемъ увозѣ. Это чувствовалось.

— Согласись,—говорилъ я ему,—надо на это время... все обдумать, улучшить моментъ. Тебѣ самому слѣдуетъ взять себя въ руки, чтобы ни у кого изъ нихъ не было повода лишить тебя окончательно свободы.

Онъ вдругъ стихъ, глаза его, лихорадочно блестѣвшіе, потухли, онъ отодвинулся отъ меня, прислонилъ голову къ изголовью кушетки и выговорилъ съ большой горечью:

— Ну, да! И ты... вотъ какой!

Дверь отворили довольно шумно, и въ комнату вошелъ быстро и [illegible]лодой еще мужчина, въ усахъ, военной выправки, въ штатскомъ.

Это былъ братъ его. Его, должно быть, извѣстили о моемъ виз[illegible]ѣ. Онъ подошелъ къ намъ близко и, не подавая мнѣ руки, отрек[illegible]ендовался, назвавъ себя «штабъ-ротмистромъ запаса».

Я вспомнилъ, что этотъ братъ, изъ неокончившихъ курсъ студ[illegible]овъ, пошелъ вольноопредѣляющимся въ кавалерію и остался на с[illegible]бѣ.

Кто я, онъ зналъ хорошо и, когда подсѣлъ къ намъ, то, потирая руки, съ недоброй игрой въ глазахъ, спросилъ:

— Изволили пріѣхать—навѣстить вашего товарища?

Тонъ этихъ словъ показывалъ, что ему извѣстно про письмо Сережи ко мнѣ. Вѣроятно, тотъ самъ это разболталъ, ожидая меня, какъ своего «искупителя».

— Какъ видите...—сухо отвѣтилъ я.

— Только вы, пожалуйста, не думайте, что мы его держимъ здѣсь... какъ арестанта. Вѣроятно, онъ вамъ представилъ все въ такомъ именно свѣтѣ?

Больной вскочилъ, отбѣжалъ на средину комнаты и гнѣвно крикнулъ:

— Молчи! Вотъ при благородномъ свидѣтелѣ... при моемъ бывшемъ первомъ другѣ заявляю, что ты съ моей супругой производите насиліе надъ моей личностью...

— Какое?—перебилъ его съ усмѣшкой братъ.—Держимъ тебя здѣсь? Пожалуйста! Уходи! Поѣзжай вотъ къ твоему товарищу! Скатертью дорога! Ты насъ съ твоей несчастной женой избавишь только отъ такой непосильной обузы. Тебѣ у нихъ,—онъ указалъ на меня рукой,—будетъ лафа! Вы одного направленія, если не ошибаюсь?—обратился онъ ко мнѣ.—Ты достоинъ жалости... больше блажишь, чѣмъ дѣйствительно боленъ! Причина тутъ другая.

— Какая же?—спросилъ я и пристально взглянулъ на штабъ-ротмистра запаса.

— Какая-съ, вы желаете знать? Онъ считаетъ себя радикаломъ, а я и мать его, и жена—черносотенцы! Ха-ха!

— Да!—злобнымъ шопотомъ вырвалось у Сережи.—Да! Вы такіе! Вы хуже этого!

— Пусть будетъ такъ!—вскричалъ братъ и вызывающе посмотрѣлъ въ мою сторону.—Всякій, кому есть что отстаивать, свое добро, свою жизнь, своихъ близкихъ, дворянское свое званіе... все общество... все государство русское—обязанъ истреблять крамольниковъ... кто бы они ни были.

— Ты слышишь?—Сережа схватилъ меня за руку.—Ты самъ слышишь! И у такихъ людей я въ рабствѣ! И никто не хочетъ ы-рвать меня изъ этого каземата.

— Не срамись!—крикнулъ на него братъ.—Скатертью доро а! Твой товарищъ можетъ хоть сегодня же выписать тебя отсюда, вр ся все то, что слѣдуетъ.

— Ты слышишь?—замирающимъ голосомъ прошепталъ бо ой и такъ вдругъ ослабъ, что я долженъ былъ довести его до пос

Братъ ходилъ у печки, въ глубинѣ комнаты, и курилъ.

— Вы изволите видѣть,—сказалъ онъ мнѣ,—съ какимъ индивидомъ вы имѣете дѣло. Ни я, ни жена его—не хулиганы, не преступники... Не желаемъ подвергать его лишенію свободы... съ корыстной цѣлью. Но знайте, что и вы берете на себя законную отвѣтственность, если позволите себѣ какой-нибудь подвохъ...

— Почему подвохъ?—перебилъ я, близко подходя къ нему.

— Назовите, какъ хотите! Васъ онъ считаетъ человѣкомъ своего лагеря. И я знаю, кто вы... что у васъ печатается. Мы—принципіальные враги. Это точно! И кто же виноватъ, что теперь настало такое время, когда братъ возстаетъ на брата.

Указавъ рукой на кровать, гдѣ лежалъ неподвижно, блѣдный, какъ трупъ, Сережа, онъ выговорилъ съ достоинствомъ:

— Изъ чувства жалости... вамъ не слѣдуетъ больше тревожить своего товарища... хоть на сей разъ.

XXXII.

Я сидѣлъ у себя въ номерѣ за стаканомъ чаю, тягостно передумывая, что я могъ бы сдѣлать для Сережи.

Законнаго права вмѣшаться въ его положеніе я не имѣю. Онъ не заключенъ въ «казематѣ», какъ онъ кричалъ вчера, но онъ лишенъ воли, онъ неврастеникъ, онъ въ матеріальной зависимости отъ жены и брата, съ которыми онъ «на ножахъ».

Какъ тутъ быть? Увезти его? Но братъ, хоть и выразился: «скатертью дорога»—изъ принципа, какъ убѣжденный и злобный врагъ крамолы, сдѣлаетъ какую-нибудь гадость.

Мои дѣла не блестящія; но я не затруднился бы помѣстить его у себя, пригласить хорошаго спеціалиста, сдѣлать все, что нужно, чтобы привести его въ болѣе нормальное состояніе.

Но кромѣ брата и матери есть еще и «супруга».

Кто она, я не знаю. И согласится ли она сдать мнѣ мужа съ рукъ на руки? Быть можетъ, тутъ есть какая-нибудь другая подкладка? Любитъ ли она его? Нѣтъ ли тутъ и любовнаго мотива? Кто для нея этотъ «штабъ-ротмистръ въ запасѣ»—просто beau-frère или что-нибудь гораздо болѣе близкое?

И такой ли она «платформы», какъ этотъ господинъ, и дѣйствительно ли между Сережей и ею легла такая пропасть въ ихъ политическихъ и всякихъ другихъ взглядахъ?

И точно въ отвѣтъ на мое, очень тяжелое, раздумье ко мнѣ постучалъ коридорный и подалъ мнѣ карточку.

Фамилія Сережи. Женское имя и отчество: Марья Захаровна.

Это навѣрно она.

— Просите!

Вошла женщина, небольшого роста, въ шапочкѣ и пальто съ мѣховой оторочкой; сильная брюнетка, блѣдное лицо, мелкія черты, очень утомленные глаза, съ темнотой подъ нижними вѣками.

Сразу видно, что передъ вами не хищница, не то, что нѣмцы называютъ въ своихъ романахъ «eine demonische Natur». Напротивъ, что-то очень знакомое, вродѣ бывшей курсистки, изъ тѣхъ русскихъ, съ которыми вы не разъ говорили и въ знакомыхъ кружкахъ, и у себя въ кабинетѣ, въ пріемные часы.

Она держалась очень неувѣренно, почти робко.

Я прямо началъ съ вопроса:

— Вы жена Сережи?

— Да. И я знаю все. Знаю про письмо его къ вамъ и вчерашнюю тяжелую сцену въ лѣчебницѣ...

И чего-то не договоривъ, опустила голову и поднесла къ лицу платокъ, точно желая отереть глаза.

Я ждалъ, что она дальше скажетъ.

— Прошу васъ,—начала она тихо и сильно волнуясь,—не считать меня способной на что-нибудь нехорошее... на какое-нибудь насиліе! Мужъ мой не безумный... но онъ и не нормальный... онъ сильно боленъ. Вы не того мнѣнія?

— Думаю, что вы правы.

— Какъ же я могла иначе поступить, какъ не помѣстить его въ лѣчебницу? Но тутъ есть другая причина. Между братьями глубокая вражда. Сережа еще сильнѣе ненавидитъ брата, чѣмъ тотъ его.

— Будто?—усомнился я.

— Увѣряю васъ! Мой beau-frere—крайній консерваторъ.

— Изъ союза русскихъ людей?

— Да. Онъ проповѣдуетъ истребленіе всѣхъ, кто не стоитъ за его credo. Но личной вражды къ брату у него нѣтъ. И теперь, когда Сережа въ такомъ жалкомъ, безпомощномъ положеніи... эта рознь достигла высшаго напряженія.

Она выражалась литературно и тонъ былъ умный и искренній.

— Какъ же вы позволяете вашему шурину играть роль, какъ бы распорядителя судьбы вашего мужа, являться къ нему во всякое время, раздражать его своимъ тономъ и всѣмъ содержаніемъ того, что онъ говоритъ?

— Вы меня обвиняете?

— Не обвиняю, а выражаю свое удивленіе... если вы любите вашего мужа или, по крайней мѣрѣ, жалѣете его...

— Я поставлена между двухъ огней, поймите вы!

— Позвольте,—возразилъ я настойчиво,—если-бъ вы были солидарны съ Сережей въ томъ, что ему дорого, за что онъ стоитъ всей душой, вы нашли бы возможность устранить этого господина, тѣмъ болѣе, что отъ васъ, главнымъ образомъ, идетъ и матеріальная поддержка.

— Если-бъ я была солидарна съ нимъ! Ахъ, Боже мой!—почти вскрикнула она.—Я знаю, онъ считаетъ меня отступницей, ренегаткой.

Я взглянулъ на нее вопросительно.

— Нѣтъ, я не ренегатка, но я сама не знаю, кто я. Я зашаталась. Все у меня перевернуто въ душѣ... и во взглядахъ моихъ, въ привычкахъ, въ симпатіяхъ.

Ея робость совсѣмъ исчезла. Она говорила, какъ на духу. Мнѣ, видно, на роду написано играть роль духовника.

— Почему же такъ?—спросилъ я.

— Сережа увлекъ меня. Я стала повторять то, что онъ мнѣ внушалъ. Онъ меня, какъ нынче говорятъ, «распропагандировалъ». Въ особенности это началось два-три года назадъ. А въ прошломъ году, когда пришла такъ называемая «весна», мы съ нимъ горѣли, какъ въ лихорадкѣ. Онъ свелъ меня съ цѣлымъ кружкомъ эсъ-эровъ. Я сначала увлекалась, но потомъ, когда я вошла въ самую суть, я испугалась, и за него, и за себя. Тутъ уже надо было сказать прости всему. И если на тебя падетъ жребій, не разсуждая, идти и дѣлать, что велятъ. Да вѣдь и онъ... точно будто вы его не знаете— развѣ онъ въ состояніи быть настоящимъ революціонеромъ? Я видѣла, что неврастенія его все растетъ... я стала его удерживать. Оттуда—бурныя сцены, подозрѣнія, ненавистное ко мнѣ чувство... А когда пошли погромы... когда они съ братомъ и матерью лишились почти что всего...

Она перебила себя и спросила меня строго:

— Вы видѣли сами настоящій погромъ?

— Нѣтъ.

— А-а! Вотъ видите... Я не помѣщица... во мнѣ говоритъ не дворянка. Не за свою кожу я дрожу. Погибать, такъ погибать! Но это такъ дико, такая пугачевщина... И вѣдь Сережѣ, по его платформѣ, слѣдовало становиться во главѣ, быть агитаторомъ, врываться съ топоромъ въ рукѣ въ помѣщичьи усадьбы... Къ счастію, насъ тамъ не было. Но здѣсь онъ одно время былъ совсѣмъ невмѣняемъ. Какъ же было не помѣстить его въ лѣчебницу, скажите ради Христа!—нервно воскликнула она и сразу смолкла.

— Какъ же быть теперь! И чѣмъ я могу тутъ помочь?

— Ничѣмъ не поможете! Но клянусь вамъ... держать его въ заперти—я не способна! Вы видите, вы понимаете—врагъ ли я его.

— А этотъ братъ?

— Я не могу устранить его; но уже рѣшила, что увезу его на югъ. Этого требуетъ и врачъ. Вѣдь вы не можете съ нимъ ѣхать?—спросила она стремительно.

— Въ настоящую минуту—нѣтъ!

— Оставьте насъ... прошу васъ. Сережу ваше... я не назову вмѣшательство... но присутствіе слишкомъ волнуетъ. Даю вамъ слово, что черезъ недѣлю я увезу его въ Крымъ. Когда онъ поправится, онъ не будетъ смотрѣть на меня, какъ на своего лютаго врага.

Что я могъ на это отвѣтить?

XXXIII.

И опять посѣщеніе, ровно черезъ сутки.

Всѣ эти сутки я чувствовалъ себя особенно скверно; грудь разломило, кашель, неотвязчивая, давно небывалая слабость.

И вся эта спѣшная поѣздка въ Москву представилась мнѣ въ видѣ какой-то глупой авантюры... Ничего я, кромѣ еще большей смуты, не принесъ съ собою бѣдному неврастенику.

Мнѣ подали карточку.

На ней стояло имя какого-то доктора медицины, мнѣ лично неизвѣстнаго. Но я почему-то тотчасъ же подумалъ, что это въ связи съ «дѣломъ» о моемъ Сережѣ и его «заточеніи».

Вошелъ еще молодой брюнетъ, въ очкахъ, съ окладистой бородой, въ черномъ сюртукѣ, очень пріятнаго вида и отрекомендовался какъ «психіатръ».

Онъ объяснилъ мнѣ безъ всякихъ прелиминарій мотивъ своего визита.

— Меня прислала супруга вашего пріятеля. Но я не хозяинъ той лѣчебницы, гдѣ онъ находится. Я былъ приглашаемъ въ качествѣ консультанта. И принялъ живое участіе и въ самомъ больно[illegible], и въ его бѣдной женѣ. Она достойна жалости не меньше, чѣмъ о[illegible].

— Но у васъ,—остановилъ я его,—есть, вѣроятно, что-ниб[illegible] ко мнѣ лично?

— Именно. Позвольте мнѣ, какъ спеціалисту по невропатіи, [illegible]торый наблюдалъ вашего пріятеля, просить васъ не осложнять т[illegible] душевнаго аффекта, въ какомъ находится нашъ больной.

— Чѣмъ?—спросилъ я.—Моимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ, хотите вы сказать?

— Вовсе нѣтъ!—Онъ добродушно усмѣхнулся.—Марья Захаровна мнѣ все разсказала. Она тронута вашимъ участіемъ къ ея несчастному мужу. Но вы, вѣроятно, и сами видѣли, въ какомъ онъ аффектѣ.

— Понимаю. И скорблю только о томъ, что мое участіе оказалось такимъ... неудачнымъ.

Психіатръ пододвинулся ко мнѣ—мы сидѣли на диванѣ—и заговорилъ очень задушевно:

— Вы можете вѣрить мнѣ. Ни я, ни мой коллега—хозяинъ лѣчебницы—не допустили бы никакого насилія надъ личностью больного.

— Не сомнѣваюсь. Но какъ же пускаютъ къ нему этого бурбона-брата, который волнуетъ его уже, конечно, сильнѣе, чѣмъ все то, что я принесъ своимъ появленіемъ?

— О! Безъ всякаго сомнѣнія! Поэтому мы и рѣшили какъ можно скорѣе перевезти больного на югъ. Повезетъ его Марья Захаровна.

— Она говорила мнѣ.

— А до отъѣзда... послѣ припадковъ, бывшихъ съ больнымъ и третьяго дня, и вчера, посѣщенія брата допускаемы быть не могутъ.

— Но вѣдь и между супругами существуетъ тяжелая рознь?

— Да, но она больше косвенная, чѣмъ прямая.

— Другими словами?

— Она была у васъ. Вы выслушали ея исповѣдь. И она—жертва теперешней всероссійской смуты. Все у ней въ душѣ перерыто. Революціонной вѣры нѣтъ, да серьезно никогда не было. А то, что у насъ творится, особенно въ деревняхъ... надвигающаяся на всѣхъ насъ пугачевщина, испугала ее. И могла ли она найти поддержку въ такомъ глубоко-развинченномъ существѣ, какъ ея мужъ?

Я кивнулъ головой.

— Видите ли,—все оживляясь продолжалъ психіатръ,—то, чѣмъ теперь такъ жестоко *болѣетъ наша родина,* не могло не вызвать ...лаго ряда потрясеній, вродѣ того, какое вы видите въ вашемъ ...ятелѣ. У него это—на почвѣ одного изъ самыхъ яркихъ симпто...ъ теперешняго разброда и развилось на фамильной розни.

— Братъ на брата!—вырвалось у меня.

— Именно. Братъ на брата! А дѣти уже давнымъ давно на но...ъ съ отцами. Въ семьяхъ происходитъ нѣчто ужасное. Отцы и ...ри защищаютъ уже не взгляды, не предразсудки, не дворянскій

гоноръ, а свою шкуру, кусокъ хлѣба, тотъ уголъ, гдѣ они ютились. А дѣти, въ лагерѣ разрушителей... добровольно, съ фанатизмомъ сектантовъ. Ненависть безпощадная и чреватая всякими видами неврастеніи, аффектовъ, а затѣмъ и безумія.

Онъ взглянулъ на меня съ усмѣшкой.

— Вы, пожалуй, думаете, что у меня, какъ вообще у психіатровъ, пунктикъ: вездѣ и во всѣхъ видѣть психопатію и скрытое умопомѣшательство? Фигура герценскаго доктора Крупова, до сихъ поръ остается типическою. Но я самъ еще не ловилъ себя на такой маніи. Изъ моихъ коллегъ есть такіе, которые и Ломброзо подозрѣваютъ въ такой же слабости. Но вѣрьте—красивые глаза его блеснули,—мы переживаемъ теперь начало злостныхъ, заразительныхъ психическихъ эпидемій.

— Неужели только эпидемій?

— Вы думаете, можетъ быть, что я не признаю законности того, что называется освободительнымъ движеніемъ? Признаю, и весьма; но въ такое безвременье всякое нормальное движеніе должно, фатально, вырождаться въ пароксизмы, въ судороги, въ кровавыя схватки, съ жестокостью и озвѣрѣніемъ, которыя объясняются только совершеннымъ потемнѣніемъ нравственнаго чувства.

И, взглянувъ на меня вбокъ, онъ спросилъ:

— Вы, вѣдь, знаете, что въ нашей наукѣ, а именно въ психіатріи, давно установили подъ терминомъ: моральное безуміе «moral insanity?»

— Слыхалъ.

— Вотъ пароксизмами этого недуга и заражаются... и разрушители, и каратели. Возьмите любой эпизодъ безумной и нелѣпой бойни на Прѣснѣ. И снизу, и сверху—то же затемненіе нравственнаго смысла.

— Не одинаковое,—поправилъ я.

— Согласенъ! Тотъ, кто безумно нападаетъ на вдесятеро сильнѣйшаго врага, способенъ на всякіе эксцессы... но онъ и погибаетъ, лѣзетъ на вѣрную смерть. А тѣ, кто караетъ, мнятъ себя поборниками законнаго порядка, и если они, съ такой бездушной жестокостью, играютъ въ палачей, они, въ еще сильнѣйшей степени, проявляю[тъ] эту самую «moral insanity».

— И какой исходъ?—остановилъ я его.

— Исходъ? Гдѣ же тутъ поставить діагнозу такому колосса[ль]ному организму, какъ наша матушка Русь? Я не систематичный п[ес]симистъ. Мои пріятели дали мнѣ даже прозвище «бодрилы». Мнѣ [хо]тѣлось бы вѣрить, что народное представительство найдетъ то рус[...],

по которому бурные потоки соединятся въ одинъ водоемъ болѣе чистой и живительной влаги... Простите за метафору!

— Дума!—промолвилъ я точно про себя.

Мнѣ вспомнилась наша бесѣда съ Анной Васильевной, и я проговорилъ вслухъ:

«Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ».

Онъ узналъ стихъ Некрасова и тихо разсмѣялся.

— Простите!—сказалъ онъ, подавая мнѣ руку.—Я отвлекъ васъ... хотя и не въ сторону. Не попеняйте и за то, съ чѣмъ я къ вамъ явился.

— Стало быть, я долженъ улетучиться? Но позвольте мнѣ просить васъ хоть сколько-нибудь успокоить меня... насчетъ дальнѣйшей судьбы бѣднаго Сережи.

И внутренно я сознавалъ, что забота такого человѣка будетъ Сережѣ цѣннѣе, чѣмъ мое вмѣшательство.

Но всетаки мнѣ стало скверно на душѣ.

XXXIV.

Я сидѣлъ наверху, у пролета, откуда видна была клубная зала. Вся она была уставлена большими кругловатыми столами, гдѣ играли въ какую-то азартную игру, въ какую, я не знаю.

Сегодня же, но до двѣнадцатаго часа, въ той же залѣ шло «агитаціонное собраніе» самой бойкой партіи. Кажется, я впервые попадалъ на такой вечеръ. Изъ Петербурга я уѣхалъ до развала осеннихъ митинговъ; а вернувшись, было не до собраній.

Высидѣлъ я съ начала до конца. Съ эстрады, куда я попалъ, могъ я видѣть всю публику, сплошь изъ «интеллигенціи», съ обиліемъ женскаго пола и молодежи, видѣлъ и слышалъ нѣсколькихъ ораторовъ. Мнѣ показали всѣхъ выдающихся членовъ партіи.

Новаго я ничего не услыхалъ. Платформа ихъ мнѣ извѣстна. Имъ надо ее хорошенько внѣдрить въ мозги своихъ будущихъ избирателей. Рѣчи и были вродѣ учительскихъ толкованій. Надо имъ и защищаться отъ нападокъ крайнихъ лѣвыхъ. Хлопали всѣмъ. Никакихъ бурныхъ инцидентовъ не случилось.

Потомъ я пошелъ закусить въ столовую. И тамъ, кругомъ, сидѣли и парами, и цѣлыми обществами, настоящіе клубисты, тѣ, кто ждалъ конца «говорильни», и только что очистили залу отъ митинга и разставили столы,—устремились туда и предались азартной игрѣ.

Вотъ я и насмотрѣлся сверху на это новое зрѣлище!

Мнѣ было тошно. Только возмущаться я уже не сталъ. Слишкомъ я хорошо знаю нашу публику въ обѣихъ столицахъ. Въ Петербургѣ я попалъ по возвращеніи на одно представленіе въ Маріинскій театръ и ощутилъ приливъ злобы и презрѣнія.

Тамъ метался вамъ въ глаза весь этотъ станъ службистовъ, жуировъ и дѣльцовъ, которые и на развалинахъ родины стали бы такъ же бездѣльничать. Особенно франты, въ мундирахъ, фракахъ и смокингахъ, въ томъ коридорѣ, куда собираются, въ антрактахъ, танцовщицы и дамы полусвѣта.

Здѣсь, просто «обыватель», больше купецъ, вообще «партикулярный» человѣкъ.

Но и тутъ та же пошлая погоня за наживой и азартомъ, исканіе игрецкихъ ощущеній, полное отсутствіе какого-нибудь суда надъ собою.

Вчерашній психіатръ могъ бы указать мнѣ на эту залу и спросить:

— Развѣ это не яркій симптомъ нравственнаго безумія?

Вотъ почему «нормальное», на его аршинъ, движеніе и немыслимо. Обывательское стадо—и фанатики разрушительнаго *credo*.

И еслибъ этимъ фанатикамъ удалось теперь же захватить въ свои руки власть, они завязли бы въ обывательской тинѣ. Сверху и снаружи было бы то, что они декретировали; а нравы, души, навыки, страсти и животненные аппетиты остались бы тѣ же самые.

— Гдѣ я васъ нахожу?!—раздался надо мною голосъ, который я не узналъ.

Я поднялъ голову.

Мнѣ протягивалъ руку тотъ самый коллега, съ которымъ мы ѣхали изъ Берлина до русской границы.

У меня какъ разъ была сегодня мысль разыскать его.

— И васъ также!—отвѣтилъ я ему въ тонъ.

— Были на собраніи? И я также. Но только пріѣхалъ къ концу, а потомъ хотѣлъ было поужинать.

Онъ присѣлъ. Больше тутъ никого не было.

Мнѣ не было повода разсказывать ему, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Москву, да и онъ не сталъ меня разспрашивать.

— Какъ на вашъ вкусъ?—спросилъ онъ меня съ усмѣшк., кивнувъ головой на то, что происходитъ внизу.

— Символическое зрѣлище,—выразился я.

— Прекрасно сказано! Именно символическое. Помните, въ ... Державина:

«Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ».

Сначала трапеза нашей первенствующей партіи, игра въ политику, рѣчи, реплики, аплодисменты, подготовленіе къ побѣдоносной борьбѣ, а потомъ...

— Гробъ? Какой же? Напротивъ... вальтассаровъ пиръ съ золотымъ тельцомъ.

— А по-моему, гробъ, можетъ быть всего того, что величаютъ русской революціей. Вотъ она «шпанка!»

Я остановилъ его взглядомъ.

— Вѣдь *шпанкой* звали и зовутъ на Сахалинѣ, и вообще на каторгѣ—стадо заурядныхъ арестантовъ. Роль играютъ такъ называемые «Иваны», т.-е. вожаки, лидеры... А шпанка пребываетъ въ повиновеніи и сама своихъ идей имѣть не можетъ. Но это только такъ кажется. Какъ бы ни геройствовали Иваны, дальше бунта они не пойдутъ, потому что шпанка такъ же блудлива, какъ и труслива... Такъ точно и нашъ обыватель. Вонъ... полюбуйтесь, поглядите, что это за народъ сидитъ и стоитъ за столами и кочуетъ отъ одной азартной партіи къ другой. Вѣдь это не хулиганы, не безграмотные разночинцы... Это все народъ съ образовательнымъ цензомъ. И эти женщины? Вы думаете, все это кокотки? Завѣдомымъ кокоткамъ попасть было бы несовсѣмъ легко. Это все—разныя профессіоналки, артистки, жены чиновниковъ, докторовъ, адвокатовъ, коммерсантовъ, матери семействъ и ихъ дочери. Можетъ быть, извѣстная доля ихъ отсидѣла въ той же залѣ и на агитаціонномъ собраніи? Вотъ вамъ *шпанка!*... Она теперь такая же бездушная, какой была и до декабрьскихъ дней. Ну, скажите на милость, можно ли подумать, что въ этомъ самомъ городѣ была, какихъ-нибудь полтора мѣсяца, настоящая уличная война и что обыватель, если не принималъ въ ней прямого участія, то не мѣшалъ воздвигать баррикады?! Ха-ха!

Его ироническій смѣхъ какъ-то особенно отдавался у меня внутри.

Мнѣ стало еще тошнѣе.

Взглянувъ на меня, онъ спросилъ другимъ тономъ:

— Неужели вы хотите оставаться до конца зимы въ любезномъ отечествѣ?

Я только пожалъ плечами.

— Какъ у васъ петербуржцы говорятъ: вы не хорошо выглядите, коллега...

— Знаю.

— И вы не раскаиваетесь въ томъ, что васъ потянуло.

— Нельзя же бросить дѣло.

— Да... вотъ что! Оправданіе такое же, какъ и у меня. Но развѣ

у насъ съ вами есть вѣра въ то, что мы дѣлаемъ настоящее дѣло? Потрафляемъ той же шпанкѣ! Мы—въ болѣе умѣренныхъ нотахъ; вы—гораздо лѣвѣе. Но вѣры въ насъ нѣтъ и быть не можетъ. Добраго здоровья! Къ себѣ не приглашаю... Только наведемъ на васъ сугубое уныніе.

Онъ заглянулъ еще разъ въ залу и, съ жестомъ правой руки, пустилъ внизъ:

— Обывательская шпанка!

XXXV.

Надо было сбираться въ обратный путь. Я вспомнилъ, что не мѣшало бы заѣхать въ контору нашего комиссіонера, справиться о подпискѣ.

Я впередъ зналъ, что она самая ничтожная.

Теперь только ходовыя газеты считаютъ тиражъ десятками тысячъ, родятся такъ же быстро, какъ и умираютъ, питаются тѣмъ, что колышетъ нашу родину и ведетъ ее къ гибели съ обоихъ концовъ.

Въ конторѣ, куда я заѣхалъ, чтобы убѣдиться какъ, до сегодня, подписка скандально мала, противъ прошлогодней, объ эту же пору, ко мнѣ подошелъ молодой малый, въ сѣрой бараньей шапкѣ и коротком тулупчикѣ, вродѣ «сознательнаго» рабочаго, съ умнымъ, очень худощавымъ лицомъ.

— Вы господинъ редакторъ?—спросилъ онъ, и его говоръ на «онъ» сейчасъ же выдалъ въ немъ сѣверянина.

— Къ вашимъ услугамъ!

Онъ назвалъ себя. Его фамилія мнѣ не была извѣстна.

— Вашъ сотрудникъ,—съ усмѣшкой выговорилъ онъ, глядя на меня вбокъ.

— Извините...—я не сразу вспомнилъ.

— Да это, кажется, было въ ваше отсутствіе. Притомъ же, моя вещь подписана была не моей подлинной фамиліей.

— Очень можетъ быть.

— Много бы одолжили... позволивъ мнѣ отъявиться къ вамъ... въ досужее для васъ время.

— Хоть сегодня... часа черезъ два вы меня найдете въ гостиницѣ.

Я назвалъ и номеръ комнаты.

— Премного благодаренъ.

Произошло рукопожатіе.

Держался онъ съ большимъ достоинствомъ и въ то же время скромно.

Этотъ неизвѣстный мнѣ мой сотрудникъ заинтересовалъ меня.

Ровно черезъ два часа онъ сидѣлъ у меня въ номерѣ.

Подъ тулупчикомъ онъ оказался въ темносѣрой блузѣ, подпоясанной кушакомъ.

Курить онъ отказался.

Онъ мнѣ назвалъ свое подлинное имя. Вещь его, дѣйствительно, была напечатана безъ меня, и я только тутъ вспомнилъ ея содержаніе. Это былъ родъ замѣтокъ въ литературной формѣ, но по содержанію—публицистика.

На нѣсколько моихъ вопросовъ о немъ самомъ онъ спокойно, безъ горечи и безъ нервности въ голосѣ, разсказалъ мнѣ, что онъ—мужицкаго рода, былъ нѣсколько лѣтъ народнымъ учителемъ на двухъ фабрикахъ, потомъ сталъ выступать на митингахъ и сдѣлался однимъ изъ видныхъ «миссіонеровъ» партіи.

— То, что нынче называютъ «господинъ ораторъ?»—спросилъ я его.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ онъ съ умной усмѣшкой.

Изъ учителей онъ былъ устраненъ и нѣкоторое время сидѣлъ, былъ административно высланъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній, потомъ возвращенъ и въ Москву угодилъ тотчасъ послѣ декабрьскихъ дней.

Изъ ссылки онъ и прислалъ ту вещь, которая была у насъ напечатана. У него приготовлено и еще кое-что, но еще не обработано.

Говоритъ онъ замѣчательно складно и увѣренно, почти не употребляя книжныхъ словъ, безъ задора и малѣйшей рисовки.

Говоръ довольно сильно на *онъ* придаетъ его рѣчи особенную значительность.

— Значитъ, вы—убѣжденный эсъ-де?—спросилъ я его.

— Всенепремѣнно! И притомъ съ отрицательнымъ отношеніемъ къ тому, чего Москва была свидѣтельницей... въ декабрьское возстаніе.

— Стало, вы—меньшевикъ?

— Не одобряю я этихъ кличекъ, по правдѣ сказать. Весь этотъ асколъ только ослабляетъ партіи. Мнѣ и слово «партія» не совсѣмъ о нутру. Все это мелко. Не партія, а ученіе, а исповѣданіе вѣры, тотъ новый укладъ жизни, который долженъ преобразовать человѣческое общество во всемъ свѣтѣ, и на западѣ, и у насъ.

Въ немъ чувствовался большой навыкъ излагать свои мысли льно и складно. И голосъ его сейчасъ же подпимался нотой выше.

Тирады выговаривалъ онъ такъ, что между ними были маленькіе промежутки. Я бы сказалъ по-типографски: «говорить *на шпонахъ*».

— Значитъ,—остановилъ я его,—вы считаете непростительной ошибкой для настоящихъ соціалъ-демократовъ участіе въ возстаніи?

— Отъ приговоровъ воздержусь; но утверждаю, что у пролетаріевъ всѣхъ странъ есть другое могущественное орудіе борьбы.

— Всеобщая стачка?

— Несомнѣнно. И то, что первый опытъ далъ у насъ, въ октябрѣ, то было крупнѣе по результатамъ всего прочаго. Еслибъ вмѣсто игры въ баррикады и прѣсненскій разгромъ, всѣ поборники соціальной правды также успѣшно продѣлали еще хоть одну такую забастовку, ни въ какомъ возстаніи не было бы безусловно никакой надобности.

— И вы выступаете, какъ ораторъ, съ такими вотъ протестами.

— Выступаю.

— У эсъ-эровъ?

— И у нихъ. Вѣдь и они раскололись на двѣ, коли не больше, фракціи? Большевики, ударившись въ активную революцію, пойдутъ по наклонной плоскости. То, что прежде воздерживало отъ террора, то теперь наталкиваетъ на него. А наше чистое, святое дѣло стоитъ выше всѣхъ этихъ политическихъ судорогъ. Передѣлайте человѣческую совѣсть и словомъ, и дѣйствіемъ, одной вашей дружной работой, однимъ натискомъ въ данную минуту, и не нынче, такъ завтра ветхая соціальная неправда рухнетъ. И невозвратно!

Онъ откинулъ за уши бѣлокурыя пряди волосъ, жестомъ рабочаго, взглянулъ на меня и, мѣняя тонъ, сказалъ:

— Весьма былъ бы радъ участвовать въ вашемъ органѣ... если не побрезгуете. Но только, позвольте мнѣ спросить васъ... какъ говорится по душѣ: не находите ли вы сами, что въ томъ, что у васъ печатается... есть нѣкоторое колебаніе... особливо въ отдѣлѣ публицистики?

Онъ пристально поглядѣлъ на меня.

И я, впервые, долженъ былъ отдавать отчетъ въ чистотѣ и опредѣленности нашей программы... передъ такимъ вотъ убѣжденны[м] и правовѣрнымъ исповѣдникомъ соціальнаго ученія.

— Я сторонникъ широкой свободы. Не хочу гнуть всѣхъ п[од] издательскую ферулу.

— Превосходно. Но я, признаться сказать... замѣчалъ, [что] среди вашихъ постоянныхъ сотрудниковъ есть уже... какъ бы т[ай]ные сторонники совсѣмъ иной платформы... коли нельзя обой[ти]

безъ этого слова. Ваше дѣло! И я не имѣю никакого права давать вамъ совѣты... Но хуже всего такое двоевѣріе. Оно вызываетъ шатаніе и разбродъ. Лучше прослыть однобокимъ сектаторомъ, чѣмъ въ такое время, какъ теперешнее, стоять на перепутьи. Конечно, заманчиво вѣрить въ революцію, во что бы то ни стало, въ быстрое водвореніе диктатуры пролетаріата... Но все это... переодѣтое...

Онъ не сразу нашелъ слово.

— Якобинство?—подсказалъ я.

— Именно! И на Прѣснѣ оно задержало надолго непобѣдимую, внутреннюю работу бойцовъ соціальной правды. Простите мнѣ мою откровенность. Но, знаете, со стороны виднѣе.

— Еще бы!—вырвалось у меня.

И когда онъ удалился, я долго сидѣлъ въ раздумьи. И тяжкое чувство безпомощности всплыло въ душѣ вмѣстѣ съ сознаніемъ, что пойдетъ не такъ, какъ хотѣлъ бы этотъ убѣжденный эсъ-де, а какъ разыграется разрушительная стихія.

XXXVI.

— Васъ желаетъ видѣть одна госпожа,—доложилъ мнѣ коридорный въ день моего отъѣзда, утромъ.

Я хотѣлъ взять почтовый поѣздъ.

Надо было наскоро одѣться. Я сказалъ человѣку, чтобы онъ попросилъ эту госпожу на площадку передъ читальней.

Ожидалъ я какой-нибудь зрѣлой дамы-писательницы, съ сверткомъ въ рукахъ.

На диванѣ сидѣла молодая особа, одѣтая очень просто, почти бѣдно, въ черномъ пальто и мѣховой шапочкѣ.

Но никакого свертка въ рукѣ она не держала.

Лицо некрасивое, съ густыми бровями сильной брюнетки.

— Вы господинъ... такой-то?—спросила она меня низковатымъ голосомъ.

— Я. Къ вашимъ услугамъ.

— Я... пришла... узнать... о моей подругѣ Манѣ.

Голосъ ея дрогнулъ.

— Пожалуйте ко мнѣ... въ номеръ.

Что-то сейчасъ же сообщилось мнѣ отъ этой дѣвушки.

Я усадилъ ее рядомъ, на диванѣ.

— Вы были подругой Мани!—спросилъ я, чувствуя, какъ слезы п...упили къ глазамъ.

...ъ Петербургѣ я никогда не видалъ этой дѣвушки.

Она тутъ только назвала мнѣ свою фамилію.

— Я васъ знаю, Иванъ Николаичъ,—заговорила она, гораздо мягче; но густыя брови придавали ея лицу слишкомъ суровое выраженіе.—И Анну Васильевну.

Я понялъ, что ей извѣстно, кто я для Анны Васильевны.

— И вы ничего не знали про ея судьбу?

— Меня выслали изъ Питера еще къ началѣ осени. Я жила въ провинціи. И вотъ теперь только, на-дняхъ, попала въ Москву. Но меня, навѣрно, побезпокоятъ. А въ Питеръ мнѣ ходу нѣтъ... Про арестъ Мани, ея болѣзнь и смерть узнала только здѣсь... Случайно, въ книжномъ магазинѣ, узнала, что и вы здѣсь... Они ее уморили!—глухо воскликнула она и сдвинула брови.—Вы ее не видали передъ смертью?

Я долженъ былъ объяснить ей, что меня не было въ Петербургѣ.

— Можетъ и лучше! Лучше такъ умереть, чѣмъ изнывать въ Нижнеколымскѣ или въ Колѣ. Хорошо и то, что они у нея ничего не выпытали... Вѣдь, да?—строго спросила она меня, вся выпрямившись.

— Конечно, ничего! Маня—цѣльная натура. Изумительная пламенность въ исповѣданіи своей вѣры.

И я сказалъ ей про ея тетрадь.

Дѣвушка опустила голову и съ минуту молчала.

— Мы должны были дѣйствовать вмѣстѣ,—начала она ниже звукомъ.—Въ Питерѣ я, навѣрно, была бы арестована. Объ одномъ жалѣю, меня не было здѣсь въ декабрьскіе дни.

Глаза ея блеснули.

— Вы считаете дѣло дружинниковъ не проиграннымъ?—тихо спросилъ я.

— Проиграннымъ? Никогда! Это первый опытъ.

— И будь вы здѣсь, вы бы очутились на Прѣснѣ?

— Конечно. И Маня прилетѣла бы сюда. Развѣ не лихая была бы смерть, скажите? Вмѣсто того чтобы умирать на койкѣ госпиталя, въ арестантскомъ халатѣ? Въ тысячу разъ лучше!

Передо мною сидѣла дѣвушка, которая, быть можетъ, всего сильнѣе вліяла на Маню и довела ее до тюрьмы и безвременной, жалкой смерти.

Врядъ ли мать ея знала про это роковое пріятельство. Теперешнія дѣти вводятъ старшихъ, какъ они къ нимъ нѣжно ни относились бы, только до извѣстной черты, а въ святую святыхъ не пускаютъ.

Только случайно попала намъ въ руки ея тетрадь.

Съ этой дѣвушкой мнѣ прямо становилось не по себѣ. Я не

имѣлъ права дѣлать ей упреки. Но и не могъ я подавить въ себѣ жуткаго чувства.

Она уставила на меня свои острые глаза изъ-подъ густыхъ бровей и продолжала въ томъ же тонѣ:

— Вы дружили съ Маней... я знаю. И мать ея честная женщина и не насиловала ея убѣжденій. Но полной солидарности всетаки не было!

Она сказала это такъ рѣшительно, что мнѣ нечего было ни возражать, ни соглашаться.

— Васъ она считала стоящимъ на полдорогѣ. Мы все ждали, что она васъ какъ слѣдуетъ распропагандируетъ.

Дѣвушка разсмѣялась довольно добродушно.

— Не успѣла,—отвѣтилъ я ей въ тонъ.

— У васъ... попадаются статьи какъ будто и съ нашей платформой. И разсказы нѣкоторые были съ хорошимъ настроеніемъ. Но всетаки... Иванъ Николаичъ,—протянула она мое имя-отчество,— въ такой моментъ, какой мы переживаемъ, надо становиться направо или налѣво.

Опять я попадалъ въ роль экзаменующагося.

— Съ вашими эсъ-деками далеко не уйдете! Большой публикѣ, на какую вы работаете, теперь не того нужно. Да и эсъ-деки сбиты съ прежней позиціи. И тѣмъ... постепеновцамъ въ ихъ партіи—преобладанія не получить ни подъ какимъ видомъ! Вамъ, въ память такой личности, какъ Маня, надо было бы открыто повернуть въ нашу сторону.

— Жизнь научитъ,—выговорилъ я полушутя.—Истина, быть можетъ, лежитъ посрединѣ. Вотъ почему я готовъ давать слово всѣмъ оттѣнкамъ... одного, въ сущности, движенія. И мнѣ кажется, что общій врагъ былъ бы давно сломленъ безъ внутреннихъ расколовъ, безъ доктринерской партійной вражды.

— Мало ли что! Такъ разсуждать, какъ разъ очутишься въ пустомъ пространствѣ.

Наша бесѣда могла затянуться въ безконечный русскій споръ. Мнѣ больше нечего было ей сообщить о Манѣ, а «распропагандировать» меня было поздновато.

Въ дверь постучались, и вошелъ курьеръ съ телеграммой.

Депеша была изъ Петербурга.

— Вы позволите прочесть?—спросилъ я.

— Что вы! Какія церемоніи!

Она встала. Поднялся и я, отошелъ къ письменному столу и тамъ прочелъ депешу.

— Вотъ видите... Общій врагъ бодрствуетъ. Меня извѣщаютъ, что номеръ остановленъ. Можетъ быть, журналу грозитъ и полная остановка.

— Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше! Какая тутъ легальная пресса? Все это постыдные компромиссы... или дѣтская маскировка. Пускай наступитъ полный терроръ. Пускай всю прессу схватятъ за горло! И тогда поневолѣ надо будетъ выйти на улицу.

Она все говорила, а я держалъ въ рукѣ листокъ депеши.

Вѣсть не сразила меня. Этого можно было ждать всякій день. Завтра я буду знать, по какой статьѣ придется отсиживать.

— Такъ вы рады?—спросилъ я ее, подавая ей руку.—Чѣмъ скорѣе придушатъ легальную прессу, тѣмъ лучше?

— Обязательно!

Она разсмѣялась, еще разъ пожала мнѣ руку и въ дверяхъ сказала:

— Привѣтъ Аннѣ Васильевнѣ. Маня умерла мученицей... Но было бы доблестнѣе умереть...

— На Прѣснѣ?—подсказалъ я.

Она кивнула головой и захлопнула дверь.

Я вернулся и посмотрѣлъ на часы. Пора было укладываться. Развернутый листокъ депеши со стола глядѣлъ на меня.

XXXVII.

Меня положили подъ такой же навѣсъ, какъ и тамъ, во Франціи, на берегу моря.

Но тогда былъ августъ, а теперь конецъ февраля.

Передо мною снѣговыя вершины блестятъ въ ихъ дѣвственной чистотѣ. Солнце стоитъ надъ нами въ зенитѣ безоблачнаго синѣющаго неба.

Морозу градусовъ шесть-семь. Тихо, воздухъ немного щиплетъ щеки.

Видно, не уйдешь отъ своей «планиды», какъ говоритъ нашъ народъ.

Давно ли я вернулся изъ Москвы? Этому нѣтъ и полныхъ двухъ недѣль, и вотъ я на альпійскихъ высотахъ, въ санаторіи для «туберкулезныхъ».

И на меня уже наложенъ медицинскій штемпель.

И раньше я зналъ, что я хроническій «грудной»; но ни одинъ врачъ не говорилъ прямо, что у меня чахотка.

Въ анализахъ видно еще не находили коховской «запятой». въ

Петербургѣ я не дѣлалъ новаго анализа. Было днями скверно, еще хуже въ Москвѣ.

И вотъ смертоносный микробъ сразу объявилъ себя.

Это «ускореніе» вызвано чѣмъ же инымъ, какъ не непрестанной душевной тревогой, какъ не смѣной подавляющихъ и возмущающихъ настроеній?

На другой день, по пріѣздѣ изъ Москвы, я утромъ сильно раскашлялся, приложилъ платокъ ко рту,—красное пятно.

Я не трусъ, къ идеѣ смерти давно приготовленъ, но такой ничтожный фактъ, какъ нѣсколько капель крови, всего тебя передернетъ.

Надо было признать, что «вещество легкихъ тронуто». Это не могло быть что-нибудь, какъ говорятъ диллетанты: «геморроидальнаго происхожденія».

Отъ Анны Васильевны я скрылъ. Она и безъ того ахнула, съ какимъ лицомъ вернулся я изъ Москвы.

Мой постоянный консультантъ всполошился. Выстукиванье и выслушиванье только утвердили его въ томъ выводѣ, что «дѣло—дрянь». Анализъ показалъ, что есть «запятыя», и въ достаточномъ количествѣ.

И сейчасъ же онъ потребовалъ отъ меня, чтобы я, «не теряя ни минуты», снаряжался въ путь и провелъ конецъ зимы въ одной изъ швейцарскихъ санаторій, гдѣ грудныхъ лѣчатъ холоднымъ горнымъ воздухомъ.

Передъ натискомъ доктора съ Анной Васильевной я долженъ былъ смириться. Но я уѣзжалъ съ чувствомъ глубокой печали... какъ человѣкъ, обреченный на самую томительную и постыдную ссылку.

Да, *постыдную*. Мнѣ и вчужѣ, въ разныхъ курортахъ, было донельзя противно зрѣлище всякихъ хрониковъ или дряхлѣющихъ индивидовъ, которые съ возмутительнымъ эгоизмомъ цѣпляются за жизнь.

Зачѣмъ непремѣнно бороться до послѣдняго издыханія? Весьма сомнительно, чтобы эта коховская запятая исчезла окончательно, и яересталъ быть «туберкулезнымъ».

Но перспектива этого многолѣтняго «цѣпляныя» за жизнь ужасна и постыдна.

Я однако уступилъ. Не кривя совѣстью передъ самимъ собою, уступилъ отчаяннымъ настояніямъ моей подруги.

Она потрясена. Для нея это было «послѣднимъ ударомъ». И я почувствовалъ, какъ она ко мнѣ привязана, впервые съ такой силою. Н[illegible]щеславіе мужчины заговорило во мнѣ, а жалость... Жалость къ

женщинѣ и безъ того убитой Богомъ, жалость и къ себѣ, къ больному душой столько же, сколько и тѣломъ. Потребность удалиться куда-нибудь, вродѣ какъ обитель, проснулась во мнѣ... хоть на одинъ, на два мѣсяца. Но такъ, чтобы ничего не доходило туда, на тѣ высоты, гдѣ я буду лежать на альпійскомъ морозномъ воздухѣ.

Я зналъ, что такой отрѣшенности быть не можетъ, и всетаки я ея сталъ жаждать и самъ ускорилъ свой отъѣздъ.

Къ дѣлу я потерялъ прежнее влеченіе. Я далъ полную довѣренность моей подругѣ. Опасность новой задержки номера или даже полнаго запрещенія «на основаніи закона объ охранѣ» нависла и будетъ висѣть даже и при Думѣ. А ренегатствовать мы не способны.

Да и нѣтъ прежней вѣры въ то, что можно направлять, влiять, способствовать торжеству «возрождающихъ» идей.

Стихіи теперь дѣйствуютъ, инстинкты, дремавшіе не одно столѣтіе, обида, безправіе, жажда возмездія и разрушительныхъ эксцессовъ.

Зачѣмъ же тутъ нашъ братъ, «головастикъ»?

И вотъ я скрылся на высоты, въ обитель, гдѣ идетъ неустанная борьба съ микробомъ—врачебной науки и гдѣ обреченныя на конечную гибель человѣческія существа могутъ цѣлыми мѣсяцами лежать и думать о тщетѣ всего земного и всего сущаго.

Не ручаюсь за психику моихъ сожителей обоего пола, но въ меня здѣсь стало проникать особенное какое-то безстрашіе и отрѣшенность, прежде всего, отъ своего физическаго *я*, отъ всего личнаго, тревожнаго, мелкаго.

Насъ здѣсь около двухъ дюжинъ, мужчинъ и женщинъ, всякихъ національностей. Больше нѣмцы, въ томъ числѣ и нѣмцы-швейцарцы, англичане, голландцы, австріяки... Русскихъ только двое.

Есть и не настоящіе чахоточные, а выздоравливающіе, послѣ плевритовъ и пневмоній. Но есть и самые настоящіе. На нѣкоторыхъ, въ первые дни, жутко было смотрѣть. А я попалъ въ ихъ компанію. Мы лежимъ отдѣльно, подъ навѣсомъ.

Другіе, «не настоящіе», только тѣмъ и занимаются, что смотрятъ, какого у нихъ цвѣта мокрота.

— Поздравляю!—говоритъ одинъ другому.—У васъ мокрота стала зеленоватая, а прежде была желтая.

И тотъ сіяетъ.

Да и у настоящихъ совершенно дѣтская суевѣрность или самообманъ, сваливанье всего на врача, нежеланіе признать, что микробъ въ нихъ сидитъ.

Одинъ сказалъ мнѣ на-дняхъ съ горькимъ юморомъ:

— Какая это наука—всѣ эти микроскопическіе анализы? Это все равно, что экспертиза почерковъ въ уголовныхъ дѣлахъ.

И онъ вѣритъ въ то, что къ веснѣ у него ничего не останется въ легкихъ «такого».

Вѣрно то, что у него ничего не останется тамъ, кромѣ кавернъ.

Я лежу на морозѣ, смотрю на небо, на снѣговыя вершины, на игру солнечныхъ лучей, и преисполняюсь сознаніемъ своего ничтожества передъ этой «равнодушной» природой, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніемъ своей связи съ нею.

Я ничтожный червякъ. Но въ моемъ мозгу микрокосмъ, и я могу, во всякое мгновеніе, доставить себѣ высшее наслажденіе: проникать мыслью въ тайны вселенной.

Никогда я еще на испытывалъ такихъ настроеній. И то, что колышетъ мою несчастную родину, не кажется мнѣ уже такимъ жалкимъ или возмутительнымъ.

XXXVIII.

Съ единственнымъ паціентомъ изъ Россіи я не сразу познакомился.

Онъ изъ нашей партіи. И изъ самыхъ серьезныхъ. Стóитъ только взглянуть на него, чтобы видѣть въ какомъ онъ градусѣ.

Поражающая худоба, при зловѣщемъ румянцѣ и лихорадочномъ блескѣ глубокихъ, черныхъ, замѣчательно красивыхъ глазъ. Щеки точно выѣдены неумолимымъ микробомъ.

Онъ можетъ только лежать. Его привозятъ и увозятъ въ креслахъ.

Черты лица, особенно губы, и профиль носа, и мелкая курчавость черныхъ волосъ говорятъ о его семитическомъ происхожденіи.

Мнѣ кто-то сказалъ, что онъ писатель. Значится онъ здѣсь, какъ «ein Russe».

Должно быть, чтобы мнѣ не было такъ скучно среди иноземцевъ, меня помѣстили рядомъ съ нимъ.

Его привезли немного позднѣе меня. И когда положили рядомъ со мною, я не могъ не оглянуть его, и мнѣ вдругъ стало и жалко, и страшно за него.

Можетъ быть, это было малодушное чувство симпатіи. И я вѣдь дойду до такого же послѣдняго «градуса». Да и во всѣхъ-то нашихъ симпатіяхъ не лежитъ ли то же чувство страха за себя, предчувствіе неизбѣжной гибели, рано или поздно?

У него, какъ у всѣхъ насъ, фарфоровая посудина для мокроты. Онъ откашливался глухо, короткимъ звукомъ. И не смотрѣлъ на

цвѣтъ того, что откашливалъ. Видно было, что *это* его уже не интересуетъ, что у него нѣтъ иллюзій, что онъ ни на что болѣе не надѣется.

Въ профиль у него интересное лицо. Лежитъ онъ съ полузакрытыми рѣсницами, когда не читаетъ.

Вѣроятно, онъ слышалъ, что я русскій, можетъ быть, зналъ и фамилію.

— Вамъ здѣсь нравится?—спросилъ онъ меня, съ движеніемъ головы, какъ бы желая мнѣ поклониться. Не правда ли, какъ хорошо?

У него не было рѣзкаго акцента, но и не великорусское произношеніе, а южное.

— Хорошо!—согласился я.

— И какая панорама!

Онъ обвелъ рукой широкимъ жестомъ.

— Умное лѣченіе... даже если и не достигаетъ своей цѣли.

Онъ повернулся ко мнѣ лицомъ.

— У васъ какая мокрота? Ха-ха! Вѣдь здѣсь это альфа и омега всего. А меня это уже не занимаетъ. Я знаю—къ чему я приближаюсь.

Немножко приподнявшись, онъ протянулъ ко мнѣ руку.

— Извините. Быть можетъ, я не долженъ былъ такъ говорить? Всѣ здѣсь должны вѣрить въ то, что они выздоровѣютъ. И у меня были прежде иллюзіи. Теперь никакихъ. Еще разъ прошу извиненія.

— За что?—успокоилъ я его.—Я знаю, что у меня. Знаю и то, что я еще не приговоренъ. Но цѣпляться за жизнь жалкая участь.

— Цѣпляться! Это удачное слово. И я цѣплялся... пока самъ не поставилъ себѣ окончательнаго діагноза. Нашъ Herr Direktor все хочетъ меня провести, но это ему не удастся. Вы скажете, если такъ, зачѣмъ вы здѣсь валяетесь? Потому что тутъ всего лучше уйти изъ жизни. Чудный видъ, величіе и вѣчный миръ матери-природы. Развѣ это не даръ боговъ? Вмѣсто койки въ мрачной камерѣ госпиталя? И нигдѣ я не хочу уйти изъ жизни, какъ вотъ тутъ. Ужъ вы извините, если это случится вдругъ, около васъ.

Онъ опять чуть слышно разсмѣялся.

Я замѣтилъ, что, говоря о своемъ близкомъ концѣ онъ ни разу не употребилъ слово «смерть» или даже «кончина».

Почему?

Но весь складъ его мыслей, его тонъ и языкъ, пришлись мнѣ сильно по душѣ.

Сейчасъ же распозналъ я въ немъ человѣка тонкаго развитія, склоннаго къ вдумчивому анализу и себя, и всего окружающаго

— За меня не бойтесь,—сказалъ я ему совершенно искренно.— И я хотѣлъ бы имѣть ваше чувство, когда придетъ и мой часъ.

— Но лучше оставить этотъ «кладбищенскій мотивъ». Вы помните, это слово ввелъ Помяловскій въ русскій литературный жаргонъ?

— Вы писатель?—остановилъ я его.

— Не профессіональный. Умѣю выражать свои мысли... съ талантомъ ли, не знаю. Не завидую, впрочемъ, и тѣмъ, кто считаетъ себя заправскимъ беллетристомъ... или даже публицистомъ. Не то теперь нужно... тамъ, въ той многострадальной странѣ, гдѣ мы съ вами родились.

— Вы болѣете ею?

— Болѣю ли ею? И да, и нѣтъ. Во мнѣ—два различныхъ «я»: одно еще способно—порывами—болѣть всѣмъ, что тамъ происходитъ; а другое ушло въ иной міръ чувствъ и мыслей, похожій на тѣ бѣлоснѣжныя высоты. Я говорю не о себѣ, а о томъ, что стоитъ надо мною и надъ всѣми нами, но куда каждый изъ насъ можетъ проникать, если не закрываетъ умышленно своихъ духовныхъ глазъ.

Отъ его словъ повѣяло чѣмъ-то особеннымъ. И глаза—мистически—ушли вдаль, къ тѣмъ снѣговымъ вершинамъ.

«Неужели онъ невмѣняемый иллюминатъ?» подумалъ я.

— Вы не считайте меня вѣроучителемъ!—заговорилъ онъ оживленнѣе.—Я такой претензіи не имѣю. Но я хотѣлъ бы каждому, особенно вотъ людямъ, приговореннымъ къ долгому недугу, пріобщить то пониманіе міра, которое одно освобождаетъ насъ отъ жалкаго цѣплянья за жизнь, какъ вы такъ удачно выразились.

Въ глубинѣ террасы показалась фигура ассистента—молодого швейцарца.

— Помолчимъ,—сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, а той милѣйшій нашъ ассистентъ огорчится. По-своему онъ правъ; но не по-моему. Я-то знаю, что буду ли я говорить безъ умолку или молчать, какъ рыба—оно сведется къ тому же самому.

Ассистентъ прошелъ по террасѣ, но ни къ кому спеціально не подходилъ.

Когда онъ удалился, сосѣдъ мой заложилъ руки за голову и дов[illegible]ьно долго лежалъ съ полузакрытыми глазами, улыбался и безз[illegible]учно поводилъ губами— точно что про себя выговаривалъ.

— Позвольте ваше имя и отчество?—вдругъ спросилъ онъ, пов[illegible]лувшись ко мнѣ.

— Иванъ Николаевичъ.

— Такъ лучше. Русскаго разговора, особенно по душѣ—не мо-

жетъ быть безъ этого величанья. Знаете, что я сейчасъ дѣлалъ... вотъ когда лежалъ молча?

— Мнѣ кажется... вы что-то про себя произносили.

— Угадали! И вамъ рекомендую ту же забаву. Она въ высшей степени помогаетъ забывать о своемъ бренномъ тѣлѣ. Припомните любимые стихи... И такъ, чтобы передъ вами всплывали образы. Для этого надо лежать съ полузакрытыми глазами. Вотъ сейчасъ я произносилъ все:

«Пустыня внемлетъ Богу
И звѣзда съ звѣздою говоритъ».

И я внималъ чему-то незримому и неслышимому, что разлито всюду и дѣлаетъ человѣка частью того, что эллины называли «Панъ».

Какъ это отвѣчало моему настроенію! Точно онъ заглянулъ мнѣ въ душу и схватилъ моментъ, какой я именно переживаю.

Это меня еще болѣе привлекло къ нему.

XXXIX

Два дня мой сосѣдъ не показывался на террасѣ. Отъ нашей «Waerterin» я узналъ, что онъ лежалъ въ постели «wie todt»—выразилась она. Его надо было переворачивать—такъ онъ ослабъ.

А на третій день самъ просилъ, чтобы его вывезли на воздухъ и положили на его мѣсто, возлѣ меня.

День стоялъ морозный, блистающій. Кажется, ни разу еще природа горныхъ вершинъ не являла такой ослѣпительной красоты, такого торжественнаго могущества. Холодъ сковывалъ все; но получалась картина не мертвеннаго сна природы, а ея животворный праздникъ.

— Вотъ и я опять выползъ, какъ Лазарь изъ могилы—глухимъ полушепотомъ обратился онъ ко мнѣ.

— Помолчите! Пощадите себя!—перебилъ я его.

— *Не суть важно*. А знаете—чья это была поговорка?

— Чья?

— Некрасова. Мнѣ о немъ много разсказывалъ одинъ его бывшій сотрудникъ. Онъ тоже уже присоединился къ большинству..

Я недоумѣвающе поглядѣлъ на него.

— Это выраженіе англичанъ. *Has rejoined the majority!* К... у насъ говорятъ: переселился въ другой, лучшій міръ... Или: о... шелъ ad patres. И въ этомъ некрасовскомъ: «не суть важно»—я н... хожу глубокій смыслъ. Если подняться до космическаго понима... бытія—что же «суть важно» въ нашемъ людскомъ муравейникѣ?

красовъ любилъ также прибавлять слово «отецъ». Позвольте и мнѣ сказать вамъ: «не суть важно, отецъ». То, какъ я провелъ послѣднія двѣ ночи—была генеральная репетиція конца. Не страшно. Увѣряю васъ! Да и что можетъ быть страшно въ жизни? Помните, Тургеневъ гдѣ-то сказалъ: «Страшно то, что нѣтъ ничего страшнаго»... Но это не совсѣмъ такъ. Тайна бытія—вотъ что могло бы быть страшно. Но она-то и влечетъ насъ... Эта предвѣчная тайна, въ которую умъ человѣка призванъ проникать все глубже и глубже. Можетъ ли быть высшее блаженство для духа нашего? И это приведетъ человѣчество къ космическому credo.

Мнѣ не хотѣлось втягивать его въ разговоръ; но я не удержался отъ вопроса:

— Какъ вы понимаете его?

Онъ помолчалъ. Дыханіе его было слабое и отрывистое. Но онъ почти совсѣмъ не кашлялъ.

Повернувъ ко мнѣ голову, онъ заговорилъ сильнѣе звукомъ:

— Будь это еще мѣсяцъ назадъ—я бы вамъ развилъ мою дерзновенную систему,—выговорилъ онъ съ усмѣшкой.—Но суть вотъ какая: человѣку надо проникать въ судьбы всемірнаго бытія и въ этомъ высшемъ призваніи находить отраду, и путь, и правду, и нравственный долгъ. Вотъ передъ нами чудная картина мертвой природы. Но вѣдь это только кажется такъ: «Ein Schein»—если употребить терминъ великаго нѣмца. Что мы чувствуемъ всѣмъ своимъ существомъ? То, что есть *Нѣчто*.

— Да, есть!—промолвилъ я, какъ бы про себя.

— Оно вѣчно и безпредѣльно въ обоихъ направленіяхъ, во времени и пространствѣ. Его начало—тайна и пребудетъ ею, вполнѣ или отчасти, быть можетъ, навсегда, для насъ, обитателей земли. Это еще непознанное человѣкомъ и есть «непознаваемое»; другого не можетъ и не должно быть.

Я слушалъ его и что-то на особый ладъ успокоивающее входило въ меня, точно бывало въ дѣтствѣ, когда тебѣ разсказываютъ что-нибудь неслыханное и чудесное.

Тутъ не было ничего для меня новаго. Но оно сразу поднимало на ъ своимъ «я», надъ немощами, тревогами, мизеріями и личнаго, и бщаго существованія.

Можно было, хоть на нѣсколько минутъ, забыть и о томъ, что ко ышетъ теперь родину, черезъ какія еще большія мытарства она пр йдетъ въ недалекомъ будущемъ.

Умирающій мой сотоварищъ набрался силъ и снова сталъ говори ... съ маленькими передышками. Я долженъ былъ бы крикнуть ему:

— Молчите! Вамъ нельзя!

Но я лежалъ, не глядя на него, и слушалъ жадно. Это было предсмертное исповѣданіе вѣры—и трогательное, и прекрасное. Вѣдь будь я на его мѣстѣ, знай я, что мнѣ жить—нѣсколько дней... я бы совершенно такъ же излился передъ кѣмъ-нибудь, способнымъ понять меня.

— Человѣкъ,—долеталъ до меня слабѣющій говоръ,—не долженъ быть и мѣрою всѣхъ вещей. Если все сводить къ нему, а въ его жизни—къ злобѣ дня—какъ бы она ни была назойлива и требовательна—это значитъ отказываться отъ высшаго разумѣнія сущаго.

Помолчавъ, онъ громче спросилъ:

— Вы согласны?

— Почти.

— Сознавать себя частью міросозданія, организмомъ, въ которомъ зародилась и развивается его мыслительная способность—самое драгоцѣнное достояніе нашего «я»!

— Пожалуй,—вслухъ подумалъ я,—но развѣ можно уйти въ одинъ умъ? А сердце, а все наше душевное нутро? Нельзя утопать въ эмпиреяхъ, когда васъ терзаетъ жизнь и душатъ проклятые вопросы!

Онъ сдѣлалъ движеніе рукой, точно хотѣлъ сказать:

— «Полноте! Ваше возраженіе я уже слыхалъ, и оно меня не переубѣдитъ!»

Я поглядѣлъ на него вбокъ.

Лицо его съ трепетнымъ румянцемъ—было точно прозрачное. И на губахъ блуждала улыбка высокаго удовлетворенія.

— Отчего мечется злосчастное человѣчество?—спросилъ онъ, приподнявъ голову въ мою сторону.

— Отъ тысячей бичей и скорпіоновъ!—вскричалъ я.

— Оттого, что у него нѣтъ общаго *завѣта*. А онъ явится, когда станетъ возможна будущая религія.

«Такъ оно и есть!»—воскликнулъ я про себя, распознавая въ моемъ сосѣдѣ мистика.

— Но какая?—спросилъ онъ.—Та высшая безрелигіозность мудрыхъ созерцателей міроваго бытія. Это будетъ чистѣйшая мор... ь, безъ всякой изувѣрской или формальной санкціи, согласованная съ космическимъ credo.

И, точно отвѣчая на то, что подсказывало мнѣ мое душе... ое нутро—онъ опять оживился и сталъ говорить сильнѣе и ... це звукомъ.

— Наше несчастное отечество переживаетъ теперь поту... і-

альной борьбы... Что въ этой смутѣ всего назойливѣе? Вопросъ куска хлѣба, безправіе пролетарія, всесиліе тѣхъ, кто овладѣлъ орудіями производства. Но позвольте спросить: когда наука и соціальная этика обезпечатъ трудовой массѣ достатокъ, дающій досугъ—развѣ человѣчество ограничится только удовлетвореніемъ своихъ матеріальныхъ потребностей?

— Улита ѣдетъ—скоро ли будетъ,—говоритъ нашъ народъ.

— Это вопросъ времени, а не вѣчный,—промолвилъ онъ замедленно, тономъ глубокой увѣренности. Когда наука откроетъ неслыханные еще способы добыванія питательныхъ веществъ—это будетъ радикальный переворотъ.

Глаза его широко раскрылись. Онъ продолжалъ улыбаться, говоря порывисто:

— Тогда—вѣрьте мнѣ—соціализмъ расширитъ свои задачи и не въ состояніи будетъ сводить все къ классовой борьбѣ. Подъ всей этой распрей труда съ капиталомъ лежитъ неудержимая потребность въ высшей правдѣ. А отрѣшиться отъ чувства обладанія матеріальной силой можно будетъ только на высотахъ религіи будущаго... какъ я ее понимаю...

Рѣчь его оборвалась. Онъ закрылъ глаза и весь вытянулся.

Меня схватило за сердце—вдругъ какъ онъ тутъ же скончается.

Недвижно, боясь произвести малѣйшій шумъ, лежалъ я и прислушивался.

— Еще одно слово,—раздался его голосъ, очень тихо, чуть слышно.—У меня къ вамъ есть большая просьба.

— Все, что вамъ угодно.

— Вы—во главѣ цѣлаго изданія. У васъ есть связи и знакомства въ подходящихъ сферахъ. У меня есть тетрадь. Тамъ записана моя... немудрая система. Это мое завѣщаніе всѣмъ, кто мечется, кто кипитъ въ житейской свалкѣ. Я вамъ отдаю эту тетрадь. Дѣлайте изъ нея, что можно будетъ...

— Прошу!

— Мнѣ пора... удалиться съ этой террасы... и вообще... присоединиться къ большинству.

Онъ хотѣлъ вслухъ разсмѣяться и не смогъ.

XI.

Онъ «присоединился» къ нему. Черезъ два дня его не стало. Свою те ..дь онъ успѣлъ прислать мнѣ съ сидѣлкой.

... его увидалъ только мертвецомъ.

Въ санаторіи эта смерть, разумѣется, всѣхъ всполошила, начиная съ директора и всего служебнаго персонала.

Удивительная вещь! Запрятаны въ одинъ большой ящикъ люди, приговоренные къ смерти—на тотъ или иной срокъ. Знаютъ они, что между ними есть умирающіе, которые не дотянутъ до весны.

Одинъ изъ такихъ уже прямо приговоренныхъ къ смерти умеръ— и всѣхъ это передергиваетъ. Точно смерть—и не въ спеціальномъ заведеніи для умирающихъ—не самая простая вещь, ординарная и повседневная?

А вотъ нѣтъ же!

Я вспомнилъ мѣткія слова Тургенева, который такъ ея боялся:

«Старà штука смерть, а всѣмъ вновѣ».

Будетъ она и мнѣ вновѣ, когда я всѣмъ существомъ своимъ распознаю, что дни мои уже собралась перерѣзать Парка.

Этого самочувствія у меня нѣтъ, мнѣ немного точно получше, съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь; но кровь, хоть и не сильно, уже два раза показывалась и здѣсь.

И я съ радостью засвидѣтельствовалъ, что видъ красныхъ пятенъ на платкѣ уже не дѣйствовалъ на меня устрашающе. Вовсе нѣтъ!

Бываютъ случаи, что и въ такомъ «градусѣ» больные основательно поправляются и коховскія запятыя пропадаютъ у нихъ.

Но фантазій чахоточнаго я не хочу имѣть. И безобразно цѣпляться за жизнь—считаю постыднымъ. Тягощусь точно также моимъ заграничнымъ томленіемъ, какъ тяготился имъ и полгода назадъ, когда я еще не поступалъ въ разрядъ настоящихъ туберкулезныхъ.

Проповѣдника высшаго космическаго credo похоронили здѣсь, на кладбищѣ сосѣдняго швейцарскаго Dorf'а. Какъ единственный русскій, я долженъ былъ помочь разобраться въ его бумагахъ. Онъ оставилъ незапечатанное письмо, гдѣ обстоятельно обозначилъ—кому должны быть доставлены его вещи, книги и тѣ деньги, которыя оказались у него.

Я не ошибся. Онъ оказался евреемъ, откуда-то изъ Юго-Западнаго края. Въ паспортѣ онъ значился кончившимъ курсъ университета.

Свою тетрадь онъ отдалъ мнѣ, вѣроятно съ надеждой, что она попадетъ въ печать.

Я два дня сидѣлъ надъ ней. Она увлекла меня, вызвала во мнѣ самомъ потребность отвѣтить на всѣ тѣ вопросы, которые онъ разрѣшаетъ въ духѣ своего credo.

Вотъ они всѣ проходятъ передо мною, начиная съ «Бы[illegible]

разбора ученія, которое захватило современное человѣчество, продолжая самыми жгучими проблемами и на Западѣ, и у насъ. На все онъ даетъ свои отвѣты, вплоть до міра красоты; на грѣхъ и покаяніе, на конецъ личной жизни и страхъ смерти, на теперешній моральный разбродъ, на этику грядущаго общества и на наши чисто-русскіе запросы, нужды и упованія.

Этотъ приговоренный къ смерти злымъ недугомъ— сохранилъ изумительную ясность духа. И на самые «проклятые» вопросы смотритъ онъ съ своей «космической» высоты.

Вотъ что онъ говоритъ объ анархизмѣ:

«Идеалъ поборниковъ анархіи—безусловная свобода личности— не есть ли онъ только перевернутый принципъ и проповѣдниковъ соціальнаго альтруизма, торжество котораго должно устранить всякое насиліе, всякій гнетъ, всякую эксплоатацію?»

Да, этотъ мертвецъ всколыхнулъ во мнѣ мое русское нутро. И возня со своимъ грѣшнымъ тѣломъ стала для меня еще тягостнѣе. Потянуло съ удвоенной силой въ ту людскую свалку, гдѣ каждый изъ насъ, хотя бы въ качествѣ рядового—должны сражаться за тѣ лучезарные идеалы, которыхъ умершій мечтатель искалъ на лучезарныхъ и холодныхъ высотахъ космическаго разумѣнія всего сущаго.

И когда я дошелъ до послѣдней страницы его исповѣданія вѣры, я испыталъ нѣчто похожее на то, когда вы стоите на вершинѣ Юнгфрау или Монъ-Блана, лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что должно испытать все человѣчество передъ концомъ своего «бытія».

Сойдетъ ли человѣчество съ лица земли, разгадавъ окончательно загадку бытія? И тотъ безнадежный вопросъ: «Стоитъ ли вообще жить?» какой задаютъ себѣ и теперь отдѣльные индивиды—можетъ встать и передъ всѣмъ человѣчествомъ, на высшихъ граняхъ его эволюціи. Но почему же такое высшее человѣчество должно кончать всеобщимъ малодушіемъ?»

— Не должно кончать!—вслухъ выговорилъ я, объятый трепетнымъ чувствомъ.

«Стòитъ ли жить?»

Стòитъ, какъ бы тебѣ самому ни приходилось горько и обидно!

Стòитъ, до тѣхъ поръ, пока больное, никуда негодное тѣло покорится силѣ духовной.

. . . .

Не прошло и недѣли, какъ я объявилъ директору санаторіи, что я долженъ покинуть его заведеніе, что «чрезвычайныя обстоятельства» зовутъ меня домой.

Какія же это «чрезвычайныя обстоятельства?»

Не дѣла, не что-либо случившееся съ самымъ близкимъ мнѣ существомъ.

Подруга моя будетъ поражена этимъ «безумнымъ» бѣгствомъ изъ такого мѣста, гдѣ меня могли если не радикально вылѣчить, то хоть подправить.

Ѣхать домой въ такое время года? Прямо на петербургскую великопостную непогоду!

Развѣ это не безумiе?

Что его вызвало?

Газетное извѣстiе о томъ, что томительное ожиданiе всѣхъ, кому дорого возрожденiе родины—сбывается. Страна можетъ готовиться къ великому акту своего раскрѣпощенiя.

Народное представительство—черезъ два мѣсяца—будетъ реальнымъ фактомъ, а не дѣтской мечтой безправныхъ обывателей!

Я—боленъ. Во мнѣ сидитъ микробъ. Но сколько я проживу—не знаютъ и тѣ специалисты, которые ставили дiагнозы. Не знаю и я.

Пускай запятая Коха гложетъ мои легкiя! Но она можетъ дать мнѣ отсрочку въ полгода, въ годъ... О большей я и не мечтаю.

Развѣ не лучше умереть «на бреши», въ самый пылъ борьбы? Я имѣю права избирателя. Въ палату я не попаду. Но я буду тамъ... я сольюсь съ той громадой, которая будетъ трепетно ждать свѣта, правды, свободы и земли отъ тѣхъ, кого она пошлетъ туда, въ тѣ чертоги когда-то всесильнаго любимца.

Ѣду! Ѣду! Лучше погибнуть отъ душевной боли за родину, чѣмъ отъ какого-то презрѣннаго микроба!

П. Боборыкинъ.

ЧЕРНОЕ ПО БѢЛОМУ.

I.

Не занимаются.

Только что распускались деревья. Въ блѣднопрозрачной аллеѣ монастырскаго сада сидѣли вмѣстѣ на лавочкѣ благообразный, полный, чистый монахъ и купчиха.

Купчиха пріѣхала въ монастырь изъ Твери, къ старцу Памфилію, къ которому ѣздили многіе, потому что онъ былъ извѣстенъ святой жизнью и считался прозорливцемъ.

Поздняя обѣдня отошла, но къ старцу еще не допускали. Сквозь едва опушенныя, нѣжныя деревья виденъ былъ соборъ невдалекѣ, паперть, покрытая народомъ. Въ сѣрокоричневой толпѣ богомольцевъ—черныя пятна монаховъ.

Солнце бѣлило землю дорожки. Тѣни отъ прозрачной листвы тоже были прозрачныя, блѣдныя, нѣжно-узорчатыя.

— Такъ, сударыня,—говорилъ о. Леонтій, монахъ, съ которымъ купчиха, пріѣхавшая еще съ вечера, успѣла познакомиться.—Дѣло Божье. Отецъ Памфилій прозрѣваетъ, многое прозрѣваетъ. Смотря по тому, съ какой нуждой къ нему идутъ. И простой народъ идетъ, и господа наѣзжаютъ.

Купчиха нерѣшительно вздохнула. Она была немолодая, но моложавая, полная; все въ лицѣ у нея было круглое, и глаза, и носъ, и ъ; круглое—и пріятное. Гладко расчесанные волосы, чуть съ про- ью, шляпка съ подвязушками, темноватое платье и кофта, хоро- я. Въ рукахъ ридикюль.

— Дѣло-то мое очень трудное, батюшка,—сказала она.—Такое удное дѣло. Вдова я, сына имѣю, одного разъединственнаго.

— Пьетъ, что ли?—спросилъ о. Леонтій, жмурясь отъ солнца.— непочтителенъ?

— Кабы пилъ! И не пьетъ, и ко мнѣ почтителенъ. Онъ почтителенъ, потому вдовѣю я давно, и сама хозяйка, а у насъ три лавки. Онъ у меня къ дѣлу хорошо пріученъ, однако я его всего могу лишить, потому капиталъ на мое имя. Но, конечно, одинъ онъ у меня.

— Такъ въ чемъ же горе-то ваше, матушка?

— Да вотъ и горе. Такое ужъ горе! Пошелъ ему двадцатый годъ— я его и женила, благословясь. Невѣста попалась—золото. Сирота, тихая, изъ себя миловидная, Васюту любитъ, лучше нельзя. А два года прошло—она у насъ и обезножь.

— Какъ такъ?

— Да внутреннее, говорятъ, поврежденіе. Родила несчастливо, а послѣ того и не встаетъ. Сама ничего, здорова, а какое ужъ! Полчеловѣка.

— Ага, такъ,—сказалъ о. Леонтій, качнувъ головой.—Болящая, значитъ. Что-жъ, исцѣленія бываютъ.

— Исцѣленіе ужъ гдѣ-жъ! Мы и въ Москву, по всѣмъ докторамъ ее возили, и къ чудотворцамъ ѣздили. Въ Саровѣ два раза были. Легче нѣтъ нисколько. А доктора говорятъ—окончательное внутреннее поврежденіе. Жить, говорятъ, сколько угодно можетъ, ну, больше, говорятъ, и не ждите ничего.

— Крестъ вамъ, матушка, посланъ,—наставительно сказалъ о. Леонтій.—А вы не ропщите.

Купчиха всплеснула руками.

— Видитъ Богъ, не ропщу! Я ее, Аксюту, какъ дочь жалѣю! Развѣ я на тяготу отъ нея ропщу! Вы дальше-то послушайте!

Она вынула изъ ридикюля платокъ, утерлась и словоохотливо и озабоченно продолжала:

— Ну, послѣ этого Вася мой ждалъ пождалъ, очень, конечно, безпокоился и грустилъ, а вдругъ и стало мнѣ извѣстно, что онъ въ моемъ же дому при живой женѣ съ Глашкой связался!

О. Леонтій опустилъ глаза.

— Взята была изъ милости къ намъ дѣвушка, тоже сирота и дальней родней намъ приходится... По дому она... Прислуживаетъ. Хаять не хочу, ничего дѣвушка, и здоровая такая... Ну, однако, ужаснулась я. Призываю Ваську; что это? говорю. Да правда ли? П и- знавайся, не то худо будетъ! А онъ—что бы вы думали? Я, говори ь, мамаша, вполнѣ чистосердечно вамъ признаюсь. Я, говоритъ, м ь- чикъ молодой, только что въ бракъ вступилъ, и войдите, говорь ь, въ мое положеніе, что жена у меня Божьимъ произволеніемъ б ъ ногъ. Я ему: да какъ ты смѣлъ въ моемъ домѣ себя допустить? го же, говоритъ, мамаша, неужели вы желаете, чтобы я началъ внѣ о-

дительскаго крова дебоширить? Я тогда отъ рукъ отбиться могу. Какъ хочешь, отвѣчаю ему, а я тебя прокляну и всего лишу, потому что это грѣхъ великій при живой женѣ, она видитъ и убивается, и срамъ по городу, а главное, что грѣхъ.

А онъ тутъ мнѣ все и выложилъ: вы родительница, ваша воля во всемъ. Какъ вы разсудите, такъ оно и будетъ. Ежели вамъ угодно воздержаніе мое, и чтобы я стремленіе мое брачное въ себѣ побарывалъ, то и на это я согласенъ. Только одно, что я при такомъ положеніи долженъ дѣло оставить и въ монахи окончательно постричься, потому что тутъ требуется неусыпное вниманіе, и чтобы соблазновъ кругомъ не было. А какъ женатому иночество не дозволяется, то и Аксюту должно въ женскомъ монастырѣ постричь. Видите, куда метнулъ! Я просто обомлѣла вся! Иродовы твои глаза, кричу, да вѣдь ты законъ нарушилъ! А коли желаете, мамаша, чтобы по закону все было, и въ монастырь вамъ неугодно меня отпустить, то я могу по закону сейчасъ разводъ завести, и какъ на этотъ счетъ нынче не строго, то и получится назначеніе, чтобы Аксюту отъ меня выставить, а на Глашкѣ я сейчасъ же законнымъ бракомъ обвѣнчаюсь. Только позвольте вамъ доложить, мамаша, что это по нашему сословію хуже срамъ, да и Аксюту я всячески жалѣю, и уваженіе ей готовъ всячески оказывать. Впрочемъ же, я самъ мое окаянство понимаю, и на вашу волю во всемъ рѣшительно отдаюсь, и какъ вы укажете, такъ и будетъ.

О. Леонтій слушалъ, прижмуривъ глаза и покачивая головой.

— Ой, грѣхъ-то, грѣхъ-то!

Купчиха сморкалась и плакала.

— То-то грѣхъ, сама знаю—грѣхъ! Это-то пуще меня и доканываетъ! Неужли-жъ Васютѣ да въ иноки идти? Мальчикъ молодой, усердія къ иночеству такого нѣтъ, что-жъ онъ меня-то бобылкой оставитъ? Единственное рожденіе вѣдь онъ мое! Къ дѣлу теперь привыкшій, не пьющій. Какъ тутъ по-Божьему разсудить? Говорю ему еще: а ну Глашка да забеременитъ? Очень, говоритъ, это все возможно. Однако и въ томъ ваша воля: выкиньте внученка, какъ пащенка. Слова не скажу. Глаша меня жалѣетъ, но, впрочемъ, дѣвушка богобоязненная, изъ вашей воли никакъ не выйдетъ. Что Аксютѣ обидно, это я тоже очень хорошо понимаю, однако, при чистосердечномъ моемъ покаяніи, жду, что вы, мамаша, прикажете; велите въ монастырь—и въ монастырь пойду. Разводъ—такъ разводъ.

— Мудрствуете вы очень въ міру,—сказалъ о. Леонтій.

— Батюшка! Да не мудрствовать, а по-Божьему рѣшить надо! ...дь сердце мое—материнское! Грѣхъ-то мнѣ страшенъ, да и сердце-то

мое болитъ! Затмилась мыслями, какъ есть ничего не знаю! Вотъ и подумалось: пусть старецъ Божій разсудитъ, глупую меня на путь наведетъ, что я должна своему дѣтищу указать!

О. Леонтій, чистый и плотный, вдругъ взглянулъ на купчиху со строгостью.

— Такъ. А только вы это, матушка, напрасно.

— Какъ напрасно?

— Къ старцу Памфилію съ этакимъ дѣломъ. Онъ этакими дѣлами не занимается.

— Какъ не занимается?

— Да вы сами разсудите: вѣдь ваше дѣло мірское, соблазнительное, грѣховное дѣло. Старецъ міра удаляется, тѣмъ паче соблазновъ его. Иноку вообще не подобаетъ въ эти дѣла вникать. Инокъ со своими искушеніями всю жизнь борется, а вы тутъ на его сужденіе мірскія страсти представляете. Молитвенники мы ваши, а разсуждать такія дѣла—это, матушка, соблазнъ грѣховный. Искушеніе это вамъ.

Купчиха опѣшила, смотрѣла, раскрывъ круглый ротъ. Мимо шли богомольцы, послушники. Туманныя, узорныя тѣни чуть шевелились на дорожкѣ. Пахло землей и тополевыми почками.

— Къ старцу сходите,—продолжалъ о. Леонтій,—а только я вамъ не совѣтую. Вы бы ужъ лучше, матушка, если сомнѣваетесь, къ бѣлому духовенству обратились.

Купчиха заплакала.

— Что бѣлое! Они по требамъ больше. Такое дѣло, тутъ, думалось, прозорливецъ Божій одинъ указать можетъ.

Богомольцы тянулись теперь по аллеѣ рядами.

— Не къ старцу ли?—заволновалась купчиха.—Нѣтъ ужъ, отецъ Леонтій: я пойду. Что же, ѣхала-ѣхала... А тутъ вдругъ—не занимается! Я ужъ пойду!

У кельи старца, одинокой бревенчатой избушки, крошечной, у запертой двери, стояла, тѣснясь, плотная терпѣливая толпа. Давно стояла, смирно, молча, всѣ бокъ-о-бокъ. Женщинъ было гораздо больше, и всѣ какъ-то на одно лицо, тихія, скорбныя, темныя, въ платкахъ. Купчиха не хотѣла проталкиваться, но ее безмолвно и дружно пропустили впередъ.

— Не выходилъ еще?—неся шепотъ справа.

— Выйдетъ,—шелестѣло слѣва.

— Молится.

— А иной разъ и не выйдетъ.

— Выйдетъ.

— Выйдетъ.

Келья стояла въ сторонкѣ, на полянкѣ, вся подъ солнцемъ, и тѣней здѣсь не было.

Ждали, подъ солнцемъ ждали, ждали долго, тихой толпой. Наконецъ, вышелъ.

Сначала дверь стукнула, отворилась, и вышелъ. Маленькій, сѣденькій, подпоясанный, весь подъ солнцемъ.

Толпа заволновалась, сжалась, потянулись руки съ чѣмъ-то, съ платочками, со свѣчками, а то пустыя, горсточкой, молящія благословенія.

— Батюшка.

— Прими, батюшка.

— Батюшка нашъ.

Руки трясущіяся, корявыя, темныя тянулись къ о. Памфилію. Онъ широко благословлялъ, инымъ говорилъ что-то, давалъ что-то, принималъ что-то.

— Во имя Отца... Во имя Отца... Духа... Сына и Духа. Раба Божья... Во имя Отца...

Купчиха, сама не зная какъ, осмѣлѣла:

— Батюшка! Отецъ Памфилій! Прими ты меня грѣшную... Побесѣдовать съ тобой... Батюшка!

О. Памфилій обернулъ къ ней свѣтлое, маленькое личико.

— Иди, иди. Иди, милая, въ келейку. Пожди. Сейчасъ я.

Купчиха, тяжело дыша отъ внезапно охватившаго ее умиленія, пошла въ дверь. Внутри было темновато и тѣсно. Пахло деревомъ, воскомъ, масломъ. Въ углу три лампады горѣли передъ образами. На столѣ лежала кипа тонкихъ свѣчей и книга.

Купчиха долго ждала, не смѣя присѣсть на толстый обрубокъ передъ столомъ. Она уже привыкла къ сумраку кельи, и когда старецъ вошелъ, онъ ей показался такимъ же свѣтлымъ, какимъ былъ подъ солнцемъ.

Она грузно стала на колѣни и ловила его сухенькую ручку.

— Батюшка... Батюшка...

— Богу кланяйся,—сказалъ старичокъ строго, впрочемъ, сейчасъ же опять просвѣтлѣлъ.

— Батюшка... Прозорливецъ нашъ... Научи меня, глупую... ѣха боюсь... Сынъ у меня, Васюта, одинъ разъединственный...

И она было начала, торопясь, тѣми же словами, какъ о. Леонтію, сказывать свое «дѣло», но вдругъ точно забыла его, и не доскала, а старецъ не дослушалъ, глядѣлъ поверхъ, но ласково-ласково, ѣшительно, сказалъ:

— Богу молись, раба Божія... Какъ имя-то?

— Анна, батюшка.

— Богу молись, раба Божія Анна. Молись Ему, милосердому, Онъ проститъ грѣхи... Пуще всего Господу молись.

— Батюшка, сынъ у меня...

— Какъ имя-то?

— Василій, батюшка, а невѣстка Аксинія.

Старецъ что-то зашепталъ, поминая Василія и Аксинью. И такое сіяніе шло отъ его лика на купчиху, что она уже ничего не помнила, кромѣ своего радостнаго истомляющаго умиленія и вся исходила сладкими, хорошими слезами.

— Спасетъ Господь, спасетъ, молись Ему прилежнѣе, о грѣхахъ думай, спасетъ Господь Всеблагій - Всемилостивый,—шепталъ старецъ, благословляя плачущую.—Во имя Отца и Сына... Вотъ кусочекъ просфорки возьми... Возьми, милая... Богу-то молись... Пріѣзжая, говоришь? Изъ Твери, говоришь? Вотъ вечерню отстой и поѣзжай нынче же съ миромъ. Поѣзжай, поѣзжай... Господь да благословитъ.

Купчиха шла отъ старца по монастырской аллеѣ, вся заплаканная, вся умиленная, все забывшая; лицо у нея было въ красныхъ пятнахъ. Ей навстрѣчу попался о. Леонтій.

— Отъ старца, матушка.

Она взглянула на о. Леонтія круглыми, счастливыми, непонимающими глазами.

— Что-жъ, сказалъ онъ вамъ что? Подалъ совѣтъ?

— Сказалъ? Сказалъ, сказалъ! Ахъ, Господи, сподобилась я, грѣшная! Святой старецъ, воистину святой! Такъ онъ во мнѣ всю душу святостью своей всколыхнулъ! Я передъ нимъ стою, какъ дура, плачу, плачу, вотъ исхожу слезами, слова не могу вымолвить, а онъ это мнѣ: Богу, говоритъ, молись... Спасетъ, говоритъ, Господь. Объ именахъ спросилъ, его-то молитвы до Бога доходчивы... Мы-то Бога забыли...

— Еще пойдете къ нему, матушка?

— Не велѣлъ, домой велѣлъ въ ночь ѣхать. Вотъ вечерню отстою... Господи, и сподобилась же я...

Слезы у нея опять полились; круглые счастливые глаза скор скоро замигали.

Когда она пошла, торопясь, по аллеѣ къ монастырской гост ницѣ, о. Леонтій посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ привычно-равнодушны соболѣзнованіемъ, покачалъ головой и вздохнулъ.

II.

Обыкновенная вещь.

День прошелъ приблизительно, какъ всѣ дни, и профессоръ Ахтыровъ, хотя и усталъ, но надѣялся, отдохнувъ съ полчаса послѣ обѣда, заняться вечеромъ еще своими «Бесѣдами о біологіи». Онъ подготовлялъ третій выпускъ.

Профессоръ Ахтыровъ, зоологъ, читалъ и въ университетѣ, и на высшихъ курсахъ, и пользовался завидной и вполнѣ заслуженной популярностью. Уже не очень молодой, спокойный, видный, съ окладистой черной бородой и пріятными, добрыми глазами, всегда увѣренный и положительный, начитанный,—онъ среди молодежи снискалъ себѣ еще репутацію человѣка крайне «честнаго» и «отзывчиваго». У него были «убѣжденія». И для пріобрѣтенія этой репутаціи онъ не сдѣлалъ никакихъ усилій, потому что дѣйствительно былъ честенъ и отзывчивъ и вѣренъ своимъ убѣжденіямъ.

Года три тому назадъ, во время университетскихъ волненій, онъ за свою стойкость отчасти пострадалъ; студенты дѣлали ему оваціи, курсистки поднесли адресъ. Потомъ все окончилось благополучно.

Теперь тоже разнесся слухъ, что Ахтыровъ долженъ пострадать; и сегодня, когда онъ вернулся изъ университета, гдѣ лекціи не читалъ, а только разговаривалъ со своей аудиторіей, и гдѣ такъ много кричали, его уже ожидала дома депутація курсовъ. Курсистки въ черныхъ платьяхъ сидѣли полукругомъ въ его гостиной, а когда онъ вошелъ, одна поднялась и прочла адресъ, на который онъ долго и растроганно отвѣчалъ; потомъ попросилъ всѣхъ барышенъ сѣсть, и стали разговаривать просто и по-дружески. Барышни были милыя, немного робкія. Говорилъ опять Ахтыровъ, увѣренно, бодро и разумно, очень прогрессивно, и всѣмъ казалось, что все вѣрно и все рѣшительно ясно, и Ахтыровъ и курсистки остались довольны другъ другомъ.

Послѣ курсистокъ Ахтыровъ еще поѣхалъ на одно дневное собраніе, которое тоже его удовлетворило во многихъ своихъ частяхъ, и только послѣ собранія онъ вернулся окончательно домой, къ самому обѣду.

Квартира у него была небольшая, безъ претензій, на Петербургской сторонѣ. Въ чистой, длинной столовой семья сѣла за обѣдъ. Ахтыровъ, его жена Вѣра Николаевна, десятилѣтняя Маничка и В дя, совсѣмъ уже большой мальчикъ, гимназистъ четвертаго класса. Впрочемъ, ему трудно было дать тринадцать лѣтъ: высокій, но тонкій, тщедушный, блѣдный, съ маленькимъ серьезнымъ лицомъ.

Ахтыровъ очень любилъ своихъ дѣтей, хотя не баловалъ ихъ; относился разумно, просто и спокойно.

Очень любилъ и Вѣру Николаевну, женщину милую, тихую, съ обыкновеннымъ, скорѣе пріятнымъ, моложавымъ лицомъ.

Въ душѣ онъ, впрочемъ, считалъ ее недалекой и необразованной, неспособной понимать много,—вѣдь она даже на курсахъ не была, институтка. Онъ съ ней почти никогда и не разговаривалъ; но это нисколько не тяготило и не мучило его, и они прожили пятнадцать лѣтъ въ завидномъ согласіи, искреннемъ мирѣ и благополучіи. У обоихъ былъ хорошій, добродушный характеръ.

Ахтыровъ умѣрялъ иногда слишкомъ пылкое отношеніе Вѣры Николаевны къ дѣтямъ, снисходительно журилъ ее за баловство, но съ годами и это какъ-то обтерлось, улеглось.

— Не усталъ ли?—спросила Вѣра Николаевна мужа, когда сѣли за обѣдъ.—Ну что жъ, все благополучно?

— Ничего. Передай мнѣ пирожокъ. Отчего Владя въ платкѣ?

— Да ему нездоровится. Я его въ гимназію нынче не пустила.

— Ну, матушка, ты сейчасъ готова и не пустить и въ платокъ закутать! Дѣти очень здоровыя. Не помню, чтобы серьезно болѣли. Всякую болѣзнь ты раздувала. Насморкъ, а ты ужъ съ припарками бѣгаешь.

— Инфлуэнца была...

— Если раціонально вести себя, инфлуэнца не опасна.. Владя блѣденъ, но у него здоровый организмъ. Ты что чувствуешь, Владя?

— Ничего. Только холодно. И ѣсть не хочется.

— И не ѣшь, если не хочется. Пустяки. Къ завтраму все пройдетъ.

Обѣдъ кончился въ молчаніи. Ахтыровъ обдумывалъ семнадцатую «бесѣду», за которую хотѣлъ сегодня приняться, отдохнувъ. Но отдыхать не пришлось. Позвонили. Два студента. У Ахтырова было правило, всегда, во всякое время принимать студентовъ. И онъ ушелъ съ ними въ кабинетъ.

Оттуда часа полтора слышался мягкій, увѣренный рокотъ профессорскаго голоса. Студентовъ не было слышно.

Когда они ушли, Ахтыровъ сѣлъ писать и проработалъ до по[...]-няго вечера. Работалось ему хорошо, и онъ остался доволенъ тѣ[...], что написалъ.

На другой день Вѣра Николаевна объявила, что Владѣ хуже и что она послала за докторомъ. А въ теченіе недѣли выяснилось, [...]о у Влади плеврить, и кромѣ ихъ домашняго доктора къ нимъ с[...]ь

иногда пріѣзжать еще другой, профессоръ, съ которымъ Ахтыровъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Профессоръ, послѣ совѣщаній съ домашнимъ докторомъ и подробныхъ наставленій Вѣрѣ Николаевнѣ, заходилъ, обыкновенно, въ кабинетъ къ Ахтырову, если тотъ былъ дома, говорилъ, что болѣзнь Влади—серьезная и затяжная; а потомъ закуривалъ сигару, и они бесѣдовали на разныя животрепещущія общественныя темы, такъ какъ докторъ не былъ узкимъ спеціалистомъ.

Ахтыровъ давно зналъ, что Владя боленъ серьезно, что нужно серьезное лѣченіе и терпѣніе; ему было это очень непріятно и больно за своего мальчика. Онъ каждый день, въ свободное время, заходилъ въ комнату больного, разспрашивалъ обо всемъ жену и садился у постели.

Въ комнатѣ свѣтъ былъ заставленъ, пахло чѣмъ-то теплымъ, влажнымъ и острымъ, неслышно двигалась Вѣра Николаевна, да копошилась старая няня Авдотьюшка.

Ахтыровъ хотѣлъ было, чтобы взяли сидѣлку, но жена воспротивилась. Авдотьюшка была еще совсѣмъ бодрая, сильная старуха, она вынянчила и Вѣру Николаевну, и обоихъ дѣтей. Владя ее любилъ, ему былъ бы тягостенъ чужой человѣкъ.

Ахтыровъ, садясь у постели, видѣлъ маленькое, худенькое, точно птичье, лицо въ подушкахъ, съ затуманенными глазами, искаженное болью. Отъ худобы по щекамъ шли длинныя стариковскія складки.

Владя почти все время стоналъ, а если говорилъ, то всегда одно и то же:

— Охъ, мама, охъ, охъ, усталъ, усталъ... Охъ, усталъ. Я усталъ... Бокъ усталъ...

Иногда глаза у него прояснялись, онъ узнавалъ отца, чуть поворачивалъ къ нему голову:

— Папочка... Ты?

Пытался какъ-будто улыбнуться, отчего складки еще глубже собирались около рта, а потомъ опять глаза опускались, и онъ начиналъ тихонько стонать.

Ахтыровъ уходилъ изъ спальни съ непріятнымъ, болѣзненнымъ и ...аднымъ чувствомъ. У него сердце ныло жалостью къ своему един...венному сыну. Хоть бы вспрыскиванія ему какія-нибудь дѣлали. ...рочемъ, онъ вполнѣ довѣрялъ профессору.

И сколько времени это еще протянется? Дома все перевернулось, ...на нервничаетъ, переутомляется, Маничка ходитъ какая-то за...ошенная.

Каждый день, возвращаясь съ лекцій, онъ спрашивалъ:

— Ну что, лучше?

И каждый день ему отвѣчали:

— Все такъ же.

Въ концѣ-концовъ онъ даже привыкъ къ этому отвѣту, какъ привыкъ къ затѣненному свѣту спальни, частому дыханью мальчика и его хриповатымъ стонамъ.

Время было полно событій, въ университетѣ шли волненія, хотя лекціи повсюду возобновились, и Ахтыровъ занятъ былъ вдвойнѣ. А тутъ еще его брошюра о витализмѣ, которую надо было выпустить непремѣнно къ Пасхѣ. Стоялъ ужъ февраль.

Студенты ходили къ Ахтырову почти каждый день, и онъ всегда ихъ принималъ.

Однажды онъ встрѣтилъ трехъ на лѣстницѣ, возвращаясь домой; вмѣстѣ съ ними вошелъ, отворивъ дверь своимъ ключомъ, и прямо провелъ гостей къ себѣ въ кабинетъ.

Студенты пришли поговорить съ Ахтыровымъ по поводу его послѣдней лекціи о законахъ эволюціи, о дарвинизмѣ. Эта лекція, при всей своей строгой научности, прошла очень оживленно и шумно. Студенты надѣялись получить еще какія-нибудь дополнительныя свѣдѣнія въ частной бесѣдѣ профессора.

Ахтыровъ тотчасъ же и съ большой охотой сталъ говорить о предметѣ. Въ сущности онъ повторялъ то, что уже говорилъ, но голосъ у него былъ такой увѣренный, сочный, немного тягучій, ясный, что студентамъ, какъ и самому Ахтырову, казалось, что онъ все дополняетъ и развиваетъ свою мысль, которая, при всей научной цѣнности и поэтому нѣкоторой сложности, еще и чрезвычайно остра, реально-жизненна, двигательна.

Студенты курили, курилъ и Ахтыровъ. Синій, тяжелый дымъ ползалъ по комнатѣ. Рокочущій и медленный голосъ Ахтырова мѣрно переливался подъ этимъ дымомъ; яснѣе и тверже выскакивали, всплывали поверхъ, слова и фразы, на которыхъ профессоръ дѣлалъ удареніе.

«...Біогенетическій законъ...» «Вопросъ о приспособленности и неприспособленности отдѣльныхъ индивидуумовъ...» «Смѣна функцій...» «Телеологія и причинность какъ принципы объясненія...»

Дверь въ кабинетъ быстро отворилась. Ахтыровъ, сквозь очки и дымъ, взглянулъ, съ недовольнымъ удивленіемъ, кто мѣшаетъ, не сразу разобралъ, что это вошла жена. Да она и никогда не входила къ нему, когда бывали студенты.

Не взглянувъ на студентовъ, она громко сказала Ахтырову:

— Пойди сюда.

И вышла тотчасъ, притворивъ дверь. Еще больше изумившись, недовольный Ахтыровъ пошелъ, однако, къ двери.

— Извините, господа... На одну минуточку.

Жена стояла за дверью. Ахтыровъ хотѣлъ сказать: «ну, что тебѣ?» или «что такое?» но она заговорила раньше:

— Владя умираетъ,—произнесла она спокойнымъ, не особенно тихимъ голосомъ.—Пойдемъ къ нему.

— Что?—сказалъ Ахтыровъ съ неимовѣрнымъ, все затемняющимъ недоумѣніемъ.—Что Владя?

— Умираетъ,—повторила жена.—Иди скорѣе.

Сама двинулась отъ него и пошла по коридору.

Ахтыровъ почувствовалъ, какъ у него глупо, мелкой дрожью, задрожали колѣни отъ недоумѣнія и тупого, безъ всякой опредѣленности, страха. Что это она сказала? Ему захотѣлось и разсердиться, и разсмѣяться. Конечно, онъ зналъ, что Владя серьезно боленъ. Серьезно, т.-е. опасно. Опасно... т.-е. опасно для жизни. Это онъ даже самъ говорилъ себѣ и отъ доктора слышалъ. А всетаки о смерти Влади ни разу не думалъ, именно о смерти, именно о Владиной. И вдругъ— она говоритъ—умираетъ. Что такое? Какъ это можетъ быть?

Онъ вошелъ въ кабинетъ, трясущійся отъ слѣпого, изумленнаго страха, но опомнился немного, ободрился при видѣ знакомыхъ лицъ студентовъ и привычныхъ синихъ полосъ дыма (все вѣдь было совершенно такое же, какъ и пять минутъ назадъ, когда жизнь шла нормально и обычно)—однако сказалъ, улыбаясь особенно ласково и просяще, почти конфузливо:

— Извините, господа... Я долженъ прервать нашу интересную бесѣду... У меня сынъ... Онъ нездоровъ... Немного боленъ... Я долженъ пойти къ нему.

Студенты тотчасъ же встали и начали прощаться, соболѣзнующе стараясь не шумѣть. Ахтыровъ все такъ же улыбался, провожая ихъ, но колѣни у него уже не переставали дрожать.

И когда студенты ушли, онъ на цыпочкахъ отправился въ спальню. Онъ не сомнѣвался, что тутъ какое-то недоразумѣніе, но у двери опять забоялся. Не за Владю былъ страхъ, а просто страхъ страшнаго.

Онъ тихонько отворилъ дверь и вошелъ. Ожидалъ затѣненной свѣчи, можетъ быть докторовъ у постели, но никого, кромѣ жены и Авдотьюшки, не было, и лампа на столѣ горѣла ярко, даже безъ абажура.

Постель стояла посерединѣ, изголовьемъ къ стѣнѣ. На подуш-

кахъ лежало что-то маленькое, темненькое, и оттуда слышался переливчатый, медленный хрипъ. Жена стояла въ ногахъ постели, молча, не двигаясь, ничего не дѣлая, и смотрѣла на темненькое пятно, откуда шелъ хрипъ.

Ахтыровъ подошелъ и тронулъ ее за рукавъ.

Она тотчасъ же обернулась и, когда онъ что-то зашепталъ, отвела его въ дальній уголъ комнаты.

— Хуже, что ли? — шепталъ Ахтыровъ. — Когда? За докторомъ надо...

Жена сказала ему совершенно тихо, но не шопотомъ:

— Доктора были. Только что уѣхалъ Васильцевъ, передъ тобой. Онъ хотѣлъ остаться, но я просила уѣхать. Зачѣмъ? Мы будемъ. Сдѣлать ничего нельзя. Это агонія.

— Какъ... агонія?

— Ему еще вчера было худо. Надежды было мало. Сегодня я съ утра хотѣла тебѣ сказать... Ты уѣхалъ. Потомъ онъ очнулся утромъ, когда его причащали...

— Причащали?...

— Да, такъ былъ радъ. А послѣ началось. Подойди, не бойся, онъ безъ сознанья. И ужъ не страдаетъ.

Она взяла его, большого, растеряннаго, онѣмѣвшаго, за руку и повела къ постели. Ахтыровъ покорялся ей, какъ ребенокъ, ничего не думая, только боясь и опять дрожа. Вѣра Николаевна казалась ему кѣмъ-то инымъ; взрослымъ, все знающимъ, все понимающимъ человѣкомъ, а онъ былъ маленькій, безпомощный и только послушный.

Но у постели онъ всетаки не смогъ пересилить тупого ужаса и взглянуть на то, что было Владей, туда, гдѣ именно и совершался этотъ потрясающій изумленіемъ ужасъ. Ахтыровъ присѣлъ на стулъ и закрылъ рукой глаза. Тамъ—все хрипѣло, только рѣже, успокоительнѣе. Вѣра Николаевна стояла неподвижно, такъ тихо, точно ея и не было. Изъ-подъ руки Ахтыровъ видѣлъ няню Авдотьюшку, которая стояла на колѣняхъ и порою тихо-тихо, безъ вздоха, крестилась и кланялась. На стѣнѣ ея большая тѣнь тоже мѣрно склонялась и подымалась.

Потомъ Ахтыровъ почувствовалъ, что Вѣра Николаевна нагнулась къ нему и съ тихой, властной нѣжностью обняла его голову.

— Ты не плачь, милый, не надо,—шепнула она.—Не надо. Это Божья воля. Ему легко теперь. Не надо плакать, милый.

Слова были простыя-простыя, и голосъ спокойный, и Ахтыровъ

опять весь сжался подъ нимъ, какъ измученный, ничего не понимающій ребенокъ.

Онъ не зналъ, сколько времени прошло. Очнулся, когда хрипа уже больше не было. Вѣра Николаевна подошла къ изголовью, наклонилась... Потомъ встала на колѣни и припала головой къ одѣялу.

Няня Авдотьюшка громко сказала:

— Господи, прими...

Дальше Ахтыровъ не разслышалъ, потому что сорвался съ мѣста и, стараясь не взглянуть на постель даже нечаянно, кинулся вонъ.

Въ столовой онъ вдругъ увидѣлъ Маничку, блѣдную, большеглазую, тихую.

Она бросилась къ нему.

— Папочка! Папочка! Ты...

Но онъ шарахнулся отъ нея, и она казалась ему страшной, всѣ страшными. Онъ прошелъ быстро, точно убѣгая, въ кабинетъ, легъ на диванъ и тупо, и животно закрылъ лицо подушкой.

У Ахтырова, за всю его долгую жизнь, никто не умиралъ. Отца онъ не помнилъ, а мать была еще жива и жила въ провинціи у замужней сестры. Такую обыкновенную вещь, какъ смерть, Ахтыровъ видѣлъ только издали, бывая на различныхъ панихидахъ и похоронахъ. И, вѣроятно, въ душѣ его было твердое, совершенно безсознательное убѣжденіе, что ничего подобнаго съ нимъ, у него, случиться не можетъ. Бываетъ только у другихъ.

Когда квартира наполнилась незнакомыми людьми, шорохомъ, шопотомъ, запахомъ ладана, а утромъ и вечеромъ священники служили панихиду—стало казаться, что это другая квартира, чужая, и надо куда-то уйти.

Но уйти было нельзя, и даже нельзя было показывать страха, и что-то надо было дѣлать,—а что—Ахтыровъ не зналъ.

На панихидѣ онъ стоялъ со свѣчкой въ углу и только старался не глядѣть туда, гдѣ было это главное, страшное, изумительное, отъ чего у него дрожали колѣни.

Страшное... но какое? Если это былъ Владя,—что онъ, какой онъ теперь? Нѣтъ, лучше не глядѣть. Невозможно взглянуть.

Вѣра Николаевна, все такая же, знающая, большая, тихая, подходила къ нему, обнимала его, плакала безмолвно, много, точно сама не замѣчая, а потомъ Ахтыровъ искоса видѣлъ, какъ она увѣренно, просто и нужно подходила къ столу, что-то поправляла, что-то дѣлала, и подолгу оставалась тамъ близко, недвижная.

Ахтыровъ растерянно здоровался съ знакомыми, на разспросы

отвѣчалъ жалкими улыбками, не зналъ, что слѣдуетъ и что сты[...]нѣе: улыбаться или плакать.

Онъ и плакалъ разъ, но горя не испыталъ. Все было заполнен[о] изумленіемъ и страхомъ.

Когда всѣ чужіе уходили—въ залѣ оставалось только то, страшное, да монахиня-читалка съ низкимъ мужскимъ голосомъ.

Вѣра Николаевна сидѣла подолгу въ залѣ одна, да няня приходила, шептала громко, кланяясь и крестясь въ уголку.

Было жарко отъ свѣчей и дымно, мутно отъ голубого ладана. Ахтырову однажды показалось, что и ему надо остаться, и онъ остался, сидѣлъ рядомъ съ Вѣрой Николаевной на отодвинутомъ въ сторону диванѣ, съ прикрытыми рукой глазами, какъ всегда.

Отъ читалки ему тоже было страшно, она тоже была изъ того непонятнаго міра, который вдругъ ворвался, и все сразу перемѣстилось. И слова, которыя она произносила, были оттуда же, непривычныя, чуждыя и очень страшныя, хотя совершенно непонятныя.

«...прибѣжище мое, Богъ мой, и уповаю на Него,»—торжественно и монотонно гудѣлъ низкій голосъ.—«Яко той избавитъ тя отъ сѣти ловчи и отъ словесе мятежна: плещма Своима осѣнитъ тя, и подъ крилѣ Его надѣешися»... «Не убоишься отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ вещи во тмѣ преходящія»...

Ахтыровъ переставалъ слушать, да и нельзя было долго слушать, гудѣнье словъ сливалось въ одно угрожающее рыканье. Жарко и пахуче дышали свѣчи въ голубомъ туманѣ, и порою казалось отъ вздрогнувшаго пламени, что и тамъ что-то вздрагиваетъ, шевелится подъ тяжелымъ золотомъ покрова. Покровъ былъ закиданъ срѣзанными цвѣтами, которые не пахли, убитые ладаномъ.

Черная монахиня перевернула страницу. Кашлянула, и еще [...] гулче и страшнѣе зачитала:

«...Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи: аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій. Всуе вамъ есть утреннevати: возстанете по сѣдѣніи ядущіи хлѣбъ болѣзни, егда дастъ возлюбленнымъ сонъ. Се, достояніе Господне сынове, мзда плода чревняго...»

— А, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ—Богъ...?—какъ-то даже не мыслью почти, а одними словами, извнѣ, непривычно и трусливо подумалъ Ахтыровъ. Но это сейчасъ же отпало отъ него и не возвратилось.

Вѣра Николаевна, которая все сидѣла около него, не шевелясь, вдругъ обернула узкое, точно стянутое, лицо съ опухшими, [...]

глазами, обняла его за плечи, какъ часто теперь обнимала, и проговорила шопотомъ:

— Поди, милый; пойдемъ со мною. Посмотри, какой нашъ мальчикъ хорошенькій. Ему хорошо теперь. Не надо такъ. Пойди, не бойся, ему хорошо.

Онъ покорно и послушно всталъ за нею; и она, все обнимая его, подвела близко. Ахтыровъ безмолвно покорился; значитъ, надо смотрѣть, нельзя иначе; и посмотрѣлъ.

Мальчикъ лежалъ такой чистенькій, свѣтленькій, складокъ на лицѣ уже не было, и лицо было такое серьезное, тихое и, главное, такое знающее; и отъ этого онъ казался похожимъ на мать, у которой, сквозь измученныя живыя черты, лицо было теперь тоже знающее.

Ахтыровъ, оттого, что посмотрѣлъ—не сталъ меньше бояться, но со страхомъ, жадностью, изумленіемъ и непониманіемъ вглядывался въ мертвое лицо. Самое непонятное было то, что это именно Владя, онъ его узнавалъ, и даже страхъ, не проходя, вливался теперь въ разъѣдающую жалость къ своему сыну и къ самому себѣ, его потерявшему. Онъ уже его не любилъ—кого же было любить? И тѣмъ невыносимѣе дѣлалась эта колючая жалость къ себѣ. А рядомъ съ ней стоялъ, не отступая, и безсмысленный, весь темный, унизительный ужасъ.

Вѣра Николаевна съ нѣжностью, точно живому, пригладила Владѣ волосы и поправила маленькія, еще слабыя, еще не застывшія, ручки. И опять въ ея движеніяхъ Ахтырову показалось что-то простое, нужное, знающее. И почти страшное и въ ней, какъ въ этомъ тихо, значительно и тяжело лежащемъ, чистенькомъ мальчикѣ.

Ахтыровъ неловко пригнулся къ золотому покрову, который холодилъ его, царапалъ ему носъ,—пригнулся и заплакалъ, мутя очки.

Монахиня читала:

— «Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся. Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся»...

Но Ахтыровъ уже ничего не слышалъ и о Богѣ больше не вспоминалъ, а только безпощно плакалъ скупыми, стыдными слезами, мутя очки.

И Вѣра Николаевна опять нѣжно и жалостливо обняла его за плечи и увела изъ комнаты.

Потомъ Владю хоронили. Было много чужихъ людей, знакомыхъ и всякихъ. На похоронахъ все было просто и шумно. Въ квартирѣ прибрали по старому, только долго еще оставался странный, смѣшанный запахъ, чуждый дому, напоминавшій о страхѣ и о невозможности, которая была.

Ахтыровъ никого не принималъ, никуда не ѣздилъ и не рабо-

талъ. Онъ съ робкимъ недоумѣніемъ смотрѣлъ на жену, которая дѣлала то же, что и прежде, заботилась объ обѣдѣ и о Маничкиномъ пальто. Голосъ только сталъ у нея тише.

Кстати для Ахтырова и лекціи прекратились, такъ что можно было оставаться дома.

Онъ уже стыдился своего ребяческаго состоянія, ему хотѣлось уѣхать. Думалъ съѣздить въ Кіевъ къ матери, но почему-то страшно было оставить жену, Маничку и даже квартиру. Такъ и не поѣхалъ.

Мало-по-малу къ веснѣ сталъ видаться съ нѣкоторыми близкими знакомыми. Однажды развернулъ неоконченную рукопись «Бесѣда о біологіи», сталъ перечитывать, увлекся. Прежнія ясныя и увѣренныя мысли выглянули и обрадовали. Тотъ, ненужный, страшный, нелѣпый и чуждый міръ сталъ сѣрѣть.

Отступило.

Ну, а потомъ и совсѣмъ забылось.

III.

Въ казармѣ.

У лампочки подмостился Ерзовъ съ иглой, Микѣшкинъ чистилъ пуговицы, а Ладушкинъ, раскрывъ подъ носомъ книгу, медленно, не громко и не тихо, не про себя и не вслухъ, читалъ Дѣянія Апостоловъ.

Онъ каждый вечеръ такъ читалъ, размѣренно и негромко, не смущаясь, если кругомъ разговаривали, и не повышая голоса, если его слушали.

Всѣ къ этому привыкли, между разговорами иногда и слушали.

Молодой солдатъ Дудинъ, веснущатый, румяный какъ дѣвушка, сидѣлъ на своей койкѣ противъ лампочки, ничего не дѣлалъ, только иногда молча вздыхалъ и шмыгалъ носомъ.

По койкамъ уже спали, хотя часъ былъ еще ранній. На дворѣ трещалъ морозъ, въ окна, забранныя рѣшетками и внизу залѣпленныя (окна были совсѣмъ низко и выходили въ глухой переулокъ, смотрѣла холодная чернота, а лампочка свѣтила съ уютной мутносты; подъ сводчатымъ потолкомъ казармы было почти жарко; и натопл но, и люди надышали. Пахло немножко керосиномъ, кожей, онуч ми, тихой прѣлостью—и свѣжимъ, теплымъ хлѣбомъ откуда-то.

— Да,—сказалъ Ерзовъ, громадный, плосколицый, усатый с датъ съ Георгіемъ, таща толстенную нитку за скрипящей иглой.

Долженъ признаться... теперь это наши воюютъ, животъ кладутъ, а мы сидимъ.

— Безъ охраны тоже нельзя,—возразилъ Микѣшкинъ, ухмыляясь. Онъ вѣчно смѣялся, за что его звали лупорожимъ.

Ерзовъ продолжалъ:

— Вамъ что, мужичью, согнали васъ сидѣть—вы и рады.—А если кто пороху понюхалъ, въ томъ, долженъ признаться, при теперешнихъ обстоятельствахъ сердце горитъ.

— Да что-жъ?—сказалъ молодой Дудинъ.—Война такъ война. Теперича меня взяли съ коихъ мѣстъ, сюда пригнали, а на войну не пущаютъ.

Микѣшкинъ захохоталъ.

— Ишь, храброй! Куда те воевать, ружья въ рукахъ еще не держишь! Учатъ те—учатъ...

— Да что. Конечно, мы непривычны. А только что же здѣся-то. Одинъ бы ужъ конецъ. Я не храброй.! Куды намъ! Да страховъ-то вездѣ довольно.

— Вотъ такъ солдатъ!—сказалъ Ерзовъ съ презрѣніемъ.—Деревенщина, пахотникъ, лапотникъ!

«Былъ—же—страхъ—на—всякой душѣ», размѣренно читалъ свое Ладушкинъ.

«Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли—все—общее».

Микѣшкинъ прислушался и сказалъ:

— Ишь, ровно какъ мы. Сидимъ вмѣстяхъ, и никакихъ.

Никто не возразилъ. Ладушкинъ вздохнулъ, перевернулъ страницы и все читалъ.

«У множества же...»

— Ишь ты!—опять сказалъ Микѣшкинъ, широко улыбаясь.

«Было одно сердце и од-на душа, и никто изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ—было—общее...»

— Согнали, значитъ, ну и живи,—сказалъ Дудинъ.—Гдѣ ужъ тутъ свое. Свое-то тамотка осталось.

Ерзовъ откусилъ нитку.

— Эка скула, скулишь-скулишь... Присягу, чай, принималъ. И чего тамъ, въ деревнищѣ-то своей, покинулъ?

— Да что, братцы,—вдругъ словоохотливо началъ Дудинъ.—К[illegible]ъ хоть бы сказать—бабу покинулъ. Бабочка у меня молодая, к[illegible]глая такая, изъ всѣхъ выбранная. Думка-то была, что идти мнѣ, д[illegible] въ уши нажужжали: не возмутъ, молъ, тебя, одинъ, молъ, глазъ н[illegible]равильный и въ бокахъ стѣсненіе. Женись, молъ, смѣло. Я жен[illegible]ся, а оно вонъ онъ какой глазъ-то тебѣ неправильный! И не огля-

нуться было, взяли да и угнали. Угнали да и пригнали. Воевать—не воевать, а сиди. Теперича баба у меня молодая, толь-толь взята, обзаконено у насъ,—а гдѣ она? И жалѣю я ее, да коли нѣту ея. Ея-то нѣту, а грѣхъ-то вотъ онъ. Безъ бабы-то не просидишь.

— На что, на что, а на это ты, Дуда, гораздъ!—захохоталъ Микѣшкинъ.—Наташка-то твоя кажинъ день тутъ стрѣляетъ. Ничего дѣвка, а только попадетъ она!

— А грѣхъ-то?—плаксиво сказалъ Дудинъ.—Теперича эта Наташка самая... Вѣдь я ей представлялъ, что въ законѣ я... То-есть какъ ухъ нѣтъ. Чего навязалась? А я къ бабамъ жалостливый. Теперича и тамъ баба, и тутъ. Грѣху-то одного сколь! А безъ бабы не вывернуться. На войнѣ-то, можетъ, оно бы грѣха-то этого меньше.

— На военномъ положеніи, долженъ признаться, надъ тобой мученическій вѣнецъ витаетъ, а потому всякій грѣхъ прощенъ,—сказалъ Ерзовъ важно и насупилъ усы.—Это ты, братецъ, глупъ еще, то и скулишь. Невидаль твоя Наташка! А вотъ какъ стояли мы подъ Пекинымъ...

Ерзовъ часто и охотно разсказывалъ, какъ онъ былъ въ Китаѣ; правду ли—неправду ли—неизвѣстно, но всегда разсказывалъ все новое, и его любили слушать.

— ...Какъ стояли это мы подъ Пекинымъ,—долго безъ дѣла стояли, жара это, и въ ожиданіи мы,—будетъ нынче дѣло—не будетъ ли... такъ вотъ, долженъ я признаться, китаекъ этихъ тамъ—туча. Такъ и лѣзутъ, прямо сказать—лѣзутъ. Жара, скука, самъ въ неизвѣстности,—а онѣ, чуть смеркается—тутъ какъ тутъ. Маячатъ, роздыху нѣтъ. Ну, мы ужъ, конечно...

— Ай-ай-ай!—воскликнулъ Дудинъ.

Ерзовъ внушительно продолжалъ:

— А грѣха, долженъ признаться, никакого и не было. Первое—что военное положеніе и мученическій вѣнецъ, а затѣмъ и то сказать, какой же съ ей грѣхъ, коли въ ней душа язычная, вродѣ какъ бы паръ, и даже словъ ты ей ни малѣйшихъ говорить не можешь. Пришла—и ушла, и никакихъ, ровно и не было ея. И которая, эта ли, та ли,—и того не постичь, потому, братецъ, что долженъ я признаться, всѣ онѣ, китайки, на одно лицо.

— Н-ну?—сказалъ Микѣшкинъ, расплываясь въ улыбку.—А съ чего-жъ такъ?

— Да кто ихъ знаетъ. Волосы, это, свàляны, глаза вдоль, черноватенькіе, носъ пýпомъ, а морда рыжая.

— Ры-жая?

— Рыжая. Ну а во всемъ прочемъ отношеніи, долженъ призн-

знаться, ничего, баба какъ баба. Прильнущая она только больно, а то ничего.

— И много ихъ тамъ, говоришь?

— Бѣда! Невпроворотъ. Одно дѣло—жара, да и скука; пищу же давали хорошую, и водку давали... Французъ съ нами стоялъ, такъ страсть сатанѣлъ на китаекъ на этихъ. Агличанинъ—тотъ крѣпче, по емъ ничего не узнаешь, что онъ. Французъ посвободнѣе. Ну, конечно, какъ зачались дѣла, вывѣдали, что непріятель вблизяхъ шатается, пошли мошки кой когда летать, китаекъ этихъ у насъ поубавилось. Спрятались. А вскорѣ и двинули насъ.

Съ ближайшей койки давно кто-то прислушивался къ разговору. Свѣсилась круглая голова. И густой молодой голосъ произнесъ:

— А куды-жъ двинули-то? Недалеко, небось. То какая война была! Вродѣ какъ угроженіе. А не настоящая.

Ерзовъ, не взглянувъ на говорившаго, съ достоинствомъ крякнулъ.

— Коль бы дѣлъ не дѣлалось—и Георгіевъ бы не давали. Не нашимъ умомъ разсуждать. Нынѣшняя война, словъ нѣтъ, кровопролитнѣе по числу жертвъ, однако что въ ту пору, что теперь—одинаково каждый свою грудь подъ вражескую пулю подставляетъ, и сколько ихъ, числомъ то-есть, жертвъ ни будь, а для всякаго онъ самъ и есть одна разъединственная жертва. А что вообще кровопролитнѣе—это спору нѣтъ. Тогда что? Тогда перебитыхъ ну пять, ну десять возовъ наложить—и того, можетъ, нѣтъ. А нынче,—я отъ его благородія слышалъ, ежель всѣ наши казармы наложить, во всѣ этажи, да дворъ у насъ пустой—дворъ вплотную набить, такъ куды! Еще мертвыхъ тѣлъ останется. Еще столько же, коль не вдвое.

— Охъ, Господи, страсти какія!—взвылъ Дудинъ.

— Страсти! И никакой тутъ страсти нѣтъ, потому геройство. Ты мужикъ, такъ мужикъ и есть, а полѣзъ бы на окопъ, да ему-то, дьяволу, въ харю посмотрѣлъ, такъ ужъ тутъ не до страха. Тутъ, братцы, духъ въ тебѣ пробуждается, одно сказать—геройскій.

Ерзовъ помолчалъ.

— Вотъ это точно,—продолжалъ онъ—долженъ признаться, мошки когда летаютъ—пріятности никакой нѣтъ. Свиститъ-жужжитъ, хлопнула зря, свалила—и неизвѣстно откудова. Кто, что, почему? Лежитъ человѣкъ безо всякаго удовольствія. Ружья дальнобойныя, его-то, дьявола, на пустомъ мѣстѣ и глазомъ не достать—а пуля претъ, какъ дура. То же и мы: стрѣляй,—а куда! У орудія тоже то: команда—запалитъ: вспыхнетъ, шаркнетъ,—и слѣдъ простылъ. Убило ли—не убило ли—ничего неизвѣстно. Это и нынче много

такъ, слышно. Это что! Отъ этого, долженъ я признаться, духъ геройскій не возгорается.

— Въ штыки, што ль?—спросилъ Микѣшкинъ.

Ладушкинъ, не слушая разговаривавшихъ, читалъ:

«...И выведши за градъ, стали побивать его...»

— Ужъ разскажу я вамъ, братцы, такъ и быть, про этотъ про геройскій духъ,—началъ опять Ерзовъ.—Въ подробности разскажу, какъ онъ во мнѣ разгорѣлся. Такое было дѣло.

Онъ помолчалъ, пыхтя и супя усы.

«...И пре-клонивъ колѣна, воскликнулъ громкимъ голосомъ: Господи, не вмѣни имъ грѣха сего. И сказавъ сіе...»

— Вотъ какое было дѣло,—началъ Ерзовъ со вкусомъ, покрывая монотонное чтеніе Ладушкина.—Издалека вести нечего, а скажу прямо, что были мы на развѣдкахъ, не такъ чтобы очень много насъ, ну да встрѣтились ночью еще съ нашими; ужъ глядь—къ утру близко, мы и полегли за бугорокъ, пока что. Офицерикъ съ нами молоденькій былъ, не очень понимающій, изъ охотниковъ; думали затемно обернемся, анъ ничего. Лежимъ это мы, а ночи холодныя, днемъ палитъ, а ночи стали страсть какія. Лежу я, земля какъ ледъ, спать не хочу, а зло меня разбираетъ. Забѣгли куда, ничего не видали, какъ провалился китаецъ этотъ, а знать было, что округъ шатается. Ну, однако, долженъ я признаться, хоть и холодно, а какъ бы дремлется. Сѣро ужъ стало, желто; тамъ это скоро, сряду разсвѣнетъ— и солнышко вотъ оно. Лежу этакъ, и ни къ чему мнѣ, не ворохнется ни одинъ. Да вдругъ, на небо, что ли, взглянуть хотѣлъ, глаза-то веду—а надъ бугоркомъ, явственно вижу,—сѣрая этакая морда выторкнулась. Только я крикнуть хотѣлъ—а ужъ тутъ и всѣ наши кричатъ, повскакали; команду слышимъ, да что—и не знать; на бугорокъ скачемъ, а тамъ ихъ куча. И тутъ ужъ, братцы, что въ подробности кругомъ было—мнѣ неизвѣстно, потому сразу же меня этотъ самый геройскій духъ обхватилъ, и что передъ собой видѣлъ, то и видѣлъ. Они орутъ, наши орутъ, и я ору, и пру, и одного сразу штыкомъ отвалилъ, а тутъ другой вплотную, я это ему подъ шею штыкъ, да сразу неглубоко взялъ; ну только на меня съ него, аспида, черная кровь какъ шваркнетъ,—я и не взвидѣлся. А не убилъ потому онъ же на меня лѣзетъ, буркалы его даже вижу, и зубы ра[illegible] пялилъ. Ружье это я отбросилъ и схватилъ его, братцы, поперекъ жи[illegible] вота, а другой-то рукой за горло, и деру это его, и ору, и тако[illegible] былъ во мнѣ геройскій духъ, что десятерыхъ бы разорвалъ въ ту пор[illegible] не его одного. Рядомъ это наши другихъ отшмякиваютъ, потому ре[illegible] а я уже ничего не помню, въ своего вчепился, и обы мы съ нимъ

землѣ катаемся, а я ему, стервецу, животъ мну, изъ горла языкъ выдавливаю, уничтожаю, значитъ; кровь-то такъ и хлещетъ, глаза даже залѣпляетъ, я съ того еще болѣ разгораюсь, потому ужъ и не знать, съ его ли, али это онъ меня уловчился колнуть. Катаемся и катаемся, и какъ впился я въ него клещомъ, ору и деру, ору и деру, такъ и любо мнѣ стало; потому ужъ памяти у меня нѣтъ, а одинъ духъ геройскій. И не оторваться бы мнѣ отъ него, а только слышу—тащатъ меня, наши голоса ругаются. Стоятъ двое надо мной и офицеръ нашъ молоденькій, чудной такой, безъ фуражки. Королевъ, слышу, ругается: «чего ты, живъ аль нѣтъ? Чего ты съ имъ сцѣпившись? Вѣдь у него давно башка на кожѣ». Ну, оттащили меня. Мокрый, кровь это на мнѣ сквозь, и стоять не могу, трясусь. Раненъ оказался, да не такъ, чтобъ тяжко, ну а на немъ, на аспидѣ, за то лику не осталось. Голова виситъ, горло разорвано, весь искоряженъ. Поглядѣлъ я кругомъ: всѣ лежатъ, а нашихъ только двое, да ранены четверо. А не очень много и было ихъ, нашихъ-то поболѣ. Офицеръ намъ: «молодцы, говоритъ, ребята, я васъ къ отличію представлю!» А самъ дрожитъ и смѣется, дико такъ, и на меня смотритъ: «молодецъ, молъ, Ерзовъ, двухъ уложилъ. А только чего ты въ этого-то этакъ вонзился, что не разнять васъ. Онъ, небось, ужъ давно мертвый, а ты съ нимъ катаешься». «Радъ, говорю, стараться, ваше высокоблагородіе. Во мнѣ, говорю, геройскій духъ проявился». Солнце ужъ тутъ взошло, кругомъ пусто, мертвецы лежатъ,—да мы. Раненые стонутъ, а офицеръ ничего, трясется да улыбается. Ну, мы раненыхъ на шинели, да и убитыхъ своихъ не покинули, пошли. Къ вечеру кое-какъ дошли до пункта, благополучно. Уходилъ — такъ на своего-то я еще посмотрѣлъ: лежитъ съ перерваннымъ горломъ, промежъ прочихъ даже выдѣляется. Страшнои. Рожа сѣрая, заляпаная.

Дудинъ глядѣлъ выпуча глаза. Потомъ перекрестился.

— Ай грѣхъ какой!—прошепталъ онъ, прерывисто вздохнувъ.— Ой, грѣхи-то!

Ерзовъ посмотрѣлъ на него вдохновенно и строго:

— Присягу принимаемъ отечество отъ врага оборонять, о духѣ геройства молимъ. Вѣнецъ пріемлемъ въ борьбѣ съ язычниками! Да.

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— И какъ вспомнится мнѣ это, такъ, братцы, словно облако во мнѣ заходитъ. Сердце горитъ, и опять бы давай. Тамъ наши дерутся, кровь льютъ, а я съ вами, мужичьемъ неотесаннымъ, сижу. Долженъ признаться, даже сны бываютъ. Лежу будто подъ бугоркомъ, надъ бугоркомъ рожа. А я, будто, на него. Будто вчеплюсь въ его,

и не помню ничего, только духъ этотъ самый геройскій во мнѣ облакомъ, облакомъ...

Микѣшкинъ, лупорожій, не улыбался. Должно быть, завидовалъ. Дудинъ пришипился. Кто слушалъ съ сосѣднихъ коекъ—тоже не подали голоса. Монотонное, тягучее чтеніе Ладушкина давно вошло въ тишину и не нарушало ея.

Вдругъ въ низкое окно съ переулка кто-то слабо стукнулъ.

— Стучатъ!—сказалъ Микѣшкинъ и заулыбался, вставая.

Дудинъ встрепенулся и заерзалъ.

— Она! Слышь, Дудинъ, опять Наташка твоя!—сказалъ Микѣшкинъ. Онъ глядѣлъ въ стекло, прикрывшись рукой.

— Да ну ее!—жалобно отозвался Дудинъ.—Чего ей? Чего лѣзетъ? Развѣ это порядокъ по ночамъ?

— Порядокъ? Порядокъ! Выдь къ воротамъ, не въ первой вѣдь,—чтò станется?

Дудинскую Наташку въ казармѣ знали, сочувственно подсмѣивались, даже издѣвались, но въ общемъ поощряли.

— Грѣхъ одинъ! Ну ее къ собакамъ!—опять плаксиво сказалъ Дудинъ и замолкъ.

Ничего не слышавшій Ладушкинъ кончалъ чтеніе:

«...Но какъ они противились и злословили, то онъ, отрясши одежды свои, сказалъ къ нимъ: кровь ваша на главахъ вашихъ; я чистъ; отнынѣ иду къ язычникамъ»...

Въ окошко опять стукнули. Ерзовъ, вставая и скадывая одежу, сказалъ:

— Дурень! Да выдь къ воротамъ. Не съѣстъ она тебя. Можетъ, она что передать хочетъ. Принесла чего. Не впервой.

Вздыхая и какъ бы нехотя, Дудинъ накинулъ шинель и вышелъ. Лампочка стала никнуть, тускнѣть. Никто не замѣтилъ, когда Ладушкинъ прекратилъ чтеніе. Плотнѣе стало пахнуть кожей, прѣлостью и людьми.

Укладывались.

IV.

На веревкахъ.

— Что? Хорошо? Хорошо? Неужели вы боитесь, Нина?

Длинная, новая, свѣтлая еще доска широкими размахами взлетала вверхъ, все выше съ каждымъ летомъ; вотъ,—уже выше запыленныхъ и вянущихъ акацій у забора садика, а вотъ, скользнул

низко мимо убитой сѣрой земли,—подножья качель,—взмыла по другую сторону выше молоденькой березки.

— Нѣтъ... Я не боюсь... Я люблю...—говорила дѣвушка, упруго, крѣпко стоявшая на одномъ концѣ доски.

Качели были новыя, столбы высокіе, кольца не скрипѣли. У Нины изъ гладкой прически выбились легкіе, щекотавшіе лицо, волосы. Щеки разгорались отъ ударовъ остраго, уже осенняго, воздуха; не поспѣвающее сѣрое платьице обливало ея колѣни, и тамъ, наверху трепетало и билось въ воздухѣ.

На другомъ концѣ доски стоялъ высокій и плотный студентъ-медикъ, женихъ Нины, Могарскій.

— Держитесь крѣпче... Вѣдь мы выше дачи летаемъ!... Видите, а третьяго дня нельзя было... Я велѣлъ удлинить веревки. Чѣмъ длиннѣе веревки, тѣмъ шире размахъ. Ну-съ, итакъ Ниночка? Что вы еще имѣете возразить?

Онъ не усиливалъ взмаховъ, но и не давалъ имъ умѣриться.

— Мы такъ высоко... И солнце слѣпитъ... Трудно разговаривать серьезно,—сказала дѣвушка.

Она дышала неровно отъ вѣтра качаній; но Могарскій говорилъ точно со стула, и солнце ему не мѣшало. Впрочемъ, оно было не яркое,—желтое августовское солнце.

— Да вѣдь голова не кружится?—сказалъ Могарскій.—Тутъ-то и говорить, когда летаешь. Если, конечно, голова не кружится.

— Что же возражать? Я вѣрю въ васъ... Да, я хотѣла бы возразить. Для меня есть неясное... У меня есть вопросы...

— Я смотрю на васъ, какъ на равноправнаго человѣка, Нина,—сказалъ Могарскій, глядя на нее прищуренными глазами. Онъ былъ близорукъ, но очковъ не носилъ.—Неясное должно выясниться. Всякая «вѣра»—это нѣчто несуществующее. Существуетъ лишь то, что познается. Вы должны знать. Все надо знать; и граница человѣческаго познанія—только граница человѣческаго міра.

Они, вѣроятно, уже давно вели этотъ серьезный разговоръ.

— Мама, я думаю, безпокоится,—сказала дѣвушка при послѣднемъ взлетѣ.—Вонъ она на балконѣ. Вы подождите немного. Отдохнемъ. А потомъ опять.

— Какъ угодно. А мамы всегда безпокоятся.

Могарскій пересталъ равномѣрно сгибать колѣни, и размахи доски, еще очень широкіе, дѣлались постепенно медленнѣе.

— Я вотъ что хотѣла сказать,—начала Нина, торопясь и стараясь отбросить мѣшающую ей тонкую прядь волосъ.—Ну да, ну да, мы правы, проникаясь нашимъ жизнерадостнымъ требованьемъ тор-

жества здоровья, красоты и мощи въ человѣкѣ. Да, упоительно прекрасна картина будущаго богатаго, роскошнаго расцвѣта всѣхъ силъ... Но вѣдь теперь-то... вѣдь столько скорби, нелѣпости, униженія, столько непонятнаго...

Могарскій улыбнулся.

— А причина? Сознаюсь, горестное несовершенство! А причина—не въ недостаточной ли пока власти человѣка надъ стихіями?

— Я не знаю,—сказала Нина.—Но вѣдь отдѣльныя-то личности погибаютъ. Какое же оправданіе страданію?

Доска все замедляла взмахи. Ниночка съ робкой надеждой и влюбленностью смотрѣла на Могарскаго.

— Фью!—свиснулъ онъ.—Это откуда у васъ, Ниночка? Кто изъ курсовыхъ профессоровъ вбиваетъ это вамъ въ голову? Желаете оправданья страданью? Я не желаю. Просто надо устроиться, и я думаю, что это всетаки возможно. Вопросъ одинъ: есть ли еще куда идти? Можно ли двигаться впередъ къ гигіеническому идеалу гармонической жизни? Думаю, что вижу путь. Личность погибаетъ? Тѣмъ хуже для такой личности. Я, напримѣръ, живу не здѣсь, не въ этомъ тѣлѣ; мое настоящее «я» обнимаетъ собою жизнь всего міра и замираетъ отъ могучаго стремленія къ развитію. А вы...

— А я—что?—сказала Нина со страхомъ.

— А вы... Иногда мнѣ кажется, что вы еще путаетесь во всѣхъ противорѣчіяхъ дуализма. Не хотите стоять на ногахъ. Мечтаете повиснуть на чемъ-нибудь надъ землею, хоть крюкъ въ небо вбить...

— Нѣтъ, нѣтъ...

Могарскій, не слушая, горячо продолжалъ.

— Нина! Вы, человѣкъ, котораго я уважаю, вы, женщина, которую я люблю, вы, такъ глубоко понявшая, что для того, чтобы стать богами—мы должны сдѣлаться титанами,—и вы еще останавливаетесь передъ заповѣдью состраданья къ отдѣльнымъ преходящимъ тѣламъ, передъ несуществующей непонятностью жизни! О, Нина! Для насъ могущественна лишь заповѣдь любви ко всему цвѣтущему потоку жизни! Къ тѣмъ дивнымъ формамъ, въ которыя она отольется. Мы любимъ жизнь, ибо мы ея властители, ея творцы. И если мы ее познаемъ—нѣтъ случайностей, нѣтъ преградъ для нашего титаническаго порыва. Прочь позорную трусость! Нина, дорогая моя, посмотрите: солнце, земля, настоящее, грядущее—все наше! Любовь, правда, красота, смѣлость! И насъ, такихъ, какъ мы—много, и становится все больше... И всѣ, наконецъ, будутъ, какъ мы...

Дѣвушка вспыхнула.

— Да, да! О, я знаю! Евгеній, я не всегда малодушна. Я зн...

Она молодо, свѣжо и задорно разсмѣялась.

— Развѣ я не знаю? Только надо быть храбрымъ, храбрымъ! Правда? Мы еще повоюемъ! Давайте качаться! Выше, выше! Такъ, чтобы вы испугались. А я то ужъ не испугаюсь!

Толчокъ вскинулъ вверхъ замедленную доску, тугія веревки дрогнули и напряглись. И съ каждымъ усиліемъ Могарскаго все выше и выше взлетала узкая, остроугольная доска, и сѣрое, трепещущее платье Нины уже два раза коснулось зашептавшихъ листьевъ березы. Все стремительнѣе пролетала доска внизу, надъ гладкой сѣрой землей дорожки, и шипя, и жужжа крутилъ потревоженный воздухъ легкіе, солнечные волосы дѣвушки.

Она и Могарскій видѣли теперь не только покатую крышу ихъ низенькой дачи, за жидкой аллеей изъ елокъ, но и тамъ, вдали, другіе дома, улицы, и даже гроздья купы деревьевъ всего царскосельскаго парка. На взлетахъ уже содрогались веревки. Почти съ визгомъ, стремительно, мчалась доска мимо земли. Нинѣ показалось, что она взглянула сверхъ перекладины; и, всетаки, жмурясь, улыбаясь, задыхаясь, она повторяла отрывисто:

— Еще... еще...

Она теперь не думала, что мама, можетъ быть, на балконѣ, можетъ быть, безпокоится.

Да на балконѣ, вѣроятно, никого и не было.

Со ступеней сбѣжала маленькая дѣвочка, лѣтъ шести, въ голубомъ фланелевомъ платьицѣ, съ голубой ленточкой въ негустыхъ, совсѣмъ свѣтлыхъ волоскахъ.

Переваливаясь, побѣжала по аллейкѣ изъ елокъ, къ качелямъ.

На минутку остановилась, сіяющая, удивленная, точно завороженная полетомъ доски. Только на минутку, и сейчасъ же бросилась впередъ, за столбы, махая руками, захлебываясь отъ восторженнаго смѣха, крича:

— Нина! Нинка! И меня! И меня такъ высо...

Въ эту секунду узкая доска, точно лезвіемъ разсѣкая воздухъ, пролетѣла надъ землей, содрогнулась вся отъ внезапнаго препятс[т]вія, — но всетаки пролетѣла, съ короткимъ и тупымъ стукомъ о[тъ]швырнувъ далеко, въ пыль, маленькое голубое тѣльце.

Оно завертѣлось, покатилось, а пыль тяжело и дымно потянул[а]сь за нимъ.

Нина взвизгнула, подалась вся впередъ, но руками невольно у[де]ржалась за веревки, потому что доска еще продолжала взмахив[а]тся, тяжело и криво. Могарскій соскользнулъ внизъ и, вметая

пыль, ногами старался остановить доску, а она все крутилась и дрожала, и не останавливалась.

— Лизочка, Лизочка, Лизочка!—вопила Нина, соскочивъ почтиналету.—Боже мой! Лизочка, Лизочка, Лизочка!

Шатаясь отъ ужаса, собственнаго крика и отъ только что оборвавшихся взлетовъ, Нина кинулась къ ребенку и порывисто поднимала его. Наконецъ, схватила на руки.

Могарскій растерянно поддерживалъ сразу свисшую голову. Нина, не переставая кричать, сѣла съ дѣвочкой на низкую, теперь неподвижную доску качелей.

— Лизочка, Лизочка! Мама! Господи!

Голубое платьице въ пыли, спутавшіеся вдругъ свѣтлые, жидкіе волоски съ голубой ленточкой—въ пыли, свѣтлое маленькое лицо—тоже въ пыли; и точно все пыльнѣе становилось оно, сѣрѣя,—мертвое, удивленное. Крови нигдѣ не было, только надъ приподнятой бровью темнѣло синее пятнышко.

— Ничего... Постойте... Если это обморокъ... За докторомъ надо...—лепеталъ Могарскій, оглушенный крикомъ Нины, забывая, что онъ самъ почти докторъ.

По аллейкѣ уже бѣжала маленькая, худенькая женщина въ черномъ, бѣжала спотыкаясь, вся подавшись впередъ.

— Мама!...—закричала Нина.—Мама, Лизочка наша! Мы качались, а она... Мама! Господи!

И она, плача и дрожа, протягивала сестренку со свисавшей пыльной головой, и сама тянулась—къ женщинѣ въ черномъ.

Мать подбѣжала, молча выхватила ребенка изъ рукъ Нины.

— Если обморокъ... Я пойду за докторомъ. Вы не безпокойтесь,—сказалъ Могарскій и сдѣлалъ шагъ къ калиткѣ.—Да, дѣйствительно... Какая ужасная случайность...

Мать взглянула въ лицо дѣвочки и сказала:

— Убили.

Сказала тихо, безъ упрека, безъ вопля. Сказала—и пошла къ дому съ ребенкомъ на рукахъ.

Нина побѣжала впередъ, безсмысленно крича:

— За докторомъ! Господи! Господи!

Могарскій и Нина разошлись. Не ссорились, не объяснялись, - такъ, просто разошлись, само собою вышло.

З. Гиппіусъ

ПОДЪ ОСЕННЕЙ ЗВѢЗДОЙ *).

(Разсказъ странника.)

Кнута Гамсуна.

XIII.

Мы пробродили три дня и не нашли работы. Къ довершенію всего намъ пришлось платить за харчи и мы становились все бѣднѣе и бѣднѣе.

— Много ли осталось у тебя и что осталось у меня? Такъ дольше продолжаться не можетъ,—сказалъ Фалькенбергъ и предложилъ начать воровать понемногу.

Мы обдумали наше положеніе и рѣшили принять мѣры. О пропитаніи намъ особенно заботиться было нечего, мы всегда могли стянуть гдѣ-нибудь одну, другую курицу; но существенную помощь намъ могли оказать только шиллинги, и ихъ-то мы и должны были добыть. Такъ или иначе, но мы должны были достать денегъ, вѣдь мы были не ангелы.

— Я не ангелъ небесный,—сказалъ Фалькенбергъ.— Вотъ я сижу здѣсь въ своемъ лучшемъ платьѣ, которое для другого служило бы будничнымъ. Я мою его въ ручьѣ и жду, пока оно высохнетъ; если оно разорвется, я его платаю, а когда я заработаю лишній шиллингъ, я покупаю себѣ другое платье. Иначе и быть не можетъ.

— Но молодой Эрикъ говорилъ, что ты страшно пьешь?

— Ишъ, молокососъ! Ну, конечно, я пью. Было бы слишкомъ скучно всегда только ѣсть... Давай-ка поищемъ лучше дворъ съ фортепіано.

Я подумалъ: фортепіано въ усадьбѣ указываетъ на нѣкоторое благосостояніе,—тамъ мы, вѣрно, и начнемъ воровать.

---

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1907 г.

Подъ вечеръ мы нашли, наконецъ, такой дворъ. Фалькенбергъ заранѣе надѣлъ на себя мое городское платье, а свой мѣшокъ далъ нести мнѣ, такъ что самъ онъ шелъ налегкѣ. Нимало не смущаясь онъ вошелъ въ главное крыльцо дома и нѣкоторое время оставался тамъ. Когда онъ вышелъ, то объявилъ мнѣ, что будетъ настраивать фортепіано.

— Что такое?

— Молчи,—сказалъ Фалькенбергъ.—Я это и раньше дѣлалъ, но я не имѣю обыкновенія хвастать.

И когда онъ вытащилъ изъ своего мѣшка ключъ для настраиванія, я понялъ, что онъ говорилъ серьезно.

Мнѣ онъ велѣлъ находиться гдѣ-нибудь поблизости, пока онъ настраиваетъ.

Я бродилъ кругомъ и старался коротать время. Иногда, когда я подходилъ къ южной сторонѣ дома, я слышалъ, какъ Фалькенбергъ обработывалъ фортепіано и какъ онъ колотилъ по немъ. Онъ не могъ взять ни одной ноты, но у него былъ хорошій слухъ; если онъ натягивалъ какую-нибудь струну, то онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы потомъ привести ее въ прежнее состояніе. Такимъ образомъ инструментъ не дѣлался хуже, чѣмъ былъ раньше.

Между тѣмъ я разговорился съ однимъ работникомъ на дворѣ, съ молодымъ парнемъ. Онъ получалъ двѣсти кронъ въ годъ,—да, а кромѣ того харчи,—говорилъ онъ.—Вставать надо въ половинѣ седьмого, чтобы кормить лошадей, а въ рабочую пору въ половинѣ шестого, работать весь день до восьми часовъ вечера. Но онъ былъ здоровъ и казался довольнымъ этой спокойной жизнью въ своемъ маленькомъ свѣтѣ. Я помню его великолѣпные зубы и помню его красивую улыбку, когда онъ заговорилъ о своей дѣвушкѣ. Онъ подарилъ ей серебряное кольцо съ золотымъ сердечкомъ.

— Что она сказала, когда получила его?

— Она, конечно, удивилась, ты самъ знаешь.

— А ты что сказалъ?

— Что я сказалъ? Не знаю. Я сказалъ: на здоровье. Я хотѣлъ также подарить ей матеріи на платье, но...

— Она молодая?

— Ну конечно. Она болтаетъ, точно на губной гармоникѣ раетъ, такая она молоденькая.

— Гдѣ она живетъ?

— Этого я не скажу. А то это разболтаютъ по деревнѣ.

Я стоялъ передъ нимъ наподобіе Александра Македонскаг былъ такъ мудръ и презиралъ немножко его бѣдную жизнь. Когд

разставались, я отдалъ ему одно изъ своихъ одѣялъ, такъ какъ мнѣ было тяжело таскать оба; онъ сейчасъ же объявилъ, что подаритъ это одѣяло своей дѣвушкѣ, чтобы ей было теплѣе спать.

А Александръ сказалъ: Если бы я не былъ мною, то я хотѣлъ бы быть тобою...

Когда Фалькенбергъ окончилъ свою работу и вышелъ на дворъ, то онъ такъ важничалъ и говорилъ такія удивительныя слова, что я съ трудомъ его понималъ. Его провожала дочь помѣщика. Теперь мы направимъ наши стопы на сосѣдній дворъ,—сказалъ онъ,—тамъ тоже есть фортепіано, которое требуетъ моей помощи. До свиданья, до свиданья, фрёкенъ!

— Шесть кронъ, парень!—шепнулъ онъ мнѣ.—На сосѣднемъ дворѣ тоже шесть, итого двѣнадцать.

И вотъ мы пошли дальше, я потащилъ оба мѣшка.

XIV.

Фалькенбергъ разсчиталъ вѣрно: въ сосѣдней усадьбѣ не хотѣли отставать отъ другихъ, фортепіано необходимо было настроить. Барышни не было дома, но фортепіано можно было настроить во время ея отсутствія—это будетъ для нея пріятнымъ сюрпризомъ. Она такъ давно жаловалась на разстроенное фортепіано, на которомъ стало невозможно играть.

Я опять былъ предоставленъ самому себѣ, а Фалькенбергъ вошелъ въ домъ. Когда стемнѣло, ему дали свѣчи, и онъ продолжалъ настраивать. Онъ ужиналъ въ комнатахъ, а послѣ ужина онъ вышелъ ко мнѣ и потребовалъ трубку.

—. Какую трубку?

— Дуракъ. Кулакъ!

Я не совсѣмъ охотно передалъ ему мою необыкновенную трубку, которую я недавно окончилъ: ноготь былъ вдѣланъ, кольцо надѣто и длинный стержень прикрѣпленъ.

— Не давай слишкомъ нагрѣваться ногтю,—шепнулъ я ему,—а то онъ, пожалуй, отвалится.

Фалькенбергъ закурилъ трубку, затянулся и вошелъ въ домъ. I онъ позаботился и обо мнѣ и потребовалъ, чтобы меня въ кухнѣ накормили и дали мнѣ кофе.

Я улегся спать на сѣновалѣ.

Ночью меня разбудилъ Фалькенбергъ, который звалъ меня, стоя среди сѣновала. Была полная луна и небо было ясно, и я хорошо видѣлъ лицо своего товарища.

— Что случилось?

— Бери свою трубку!

— Трубку?

— Я ее больше ни за какія деньги не возьму. Посмотри-ка, вѣдь ноготь-то отваливается!

Я взялъ трубку и увидалъ, что ноготь покоробился.

Фалькенбергъ сказалъ:

— Онъ точно грозилъ мнѣ въ лунномъ свѣтѣ. А тутъ я еще вспомнилъ, откуда этотъ ноготь.

Счастливый Фалькенбергъ...

На слѣдующее утро, когда мы собирались уходить, возвратилась домой барышня. Вскорѣ мы услыхали, какъ она брянчала какой-то вальсъ на фортепіано. Немного спустя она вышла къ намъ и сказала:

— Да, теперь совсѣмъ другое дѣло! Большое вамъ спасибо!

— Вы довольны, фрёкенъ?—спросилъ настройщикъ.

— Еще бы! Теперь у фортепіано совсѣмъ другой тонъ.

— Не укажете ли вы, фрёкенъ, куда мнѣ теперь идти?

— Идите въ Эвербё къ Фалькенбергамъ.

— Къ кому?

— Къ Фалькенбергамъ. Туда ведетъ прямая дорога. Когда вы дойдете до столба, то сверните направо. Васъ тамъ примутъ.

Тутъ Фалькенбергъ усѣлся преспокойно на ступенькѣ крыльца и сталъ выспрашивать у барышни всю подноготную о Фалькенбергахъ изъ Эвербё. Вотъ такъ штука! Онъ никакъ не ожидалъ, что встрѣтитъ здѣсь своихъ родственниковъ и какъ бы попадетъ домой! Безконечно вамъ благодаренъ, фрёкенъ. Вы оказали мнѣ великую услугу!

И вотъ мы опять отправились въ путь, я потащилъ мѣшки.

Когда мы вошли въ лѣсъ, то мы сѣли, чтобы обдумать положеніе дѣлъ. Благоразумно ли Фалькенбергу, состоящему въ чинѣ настройщика, идти къ капитану въ Эвербё и рекомендоваться родственникомъ? Я сильно сомнѣвался въ этомъ и заразилъ своимъ сомнѣніемъ и Фалькенберга.

— Нѣтъ ли у тебя съ собой какихъ-нибудь бумагъ съ твоимъ именемъ? Какого-нибудь свидѣтельства?

— Да, но какого чорта мнѣ въ этихъ бумагахъ! Вѣдь тамъ только стоитъ, что я порядочный рабочій.

Мы стали обсуждать, нельзя ли немного поддѣлать свидѣтельство; или, быть можетъ, лучше написать новое? Можно было бы написать что-нибудь вродѣ того, что такой-то настройщикъ, Божьей милості...

а имя могло бы быть Леопольдъ намѣсто Ларса. Кто могъ намъ помѣшать написать это?

— Ты можешь взять на себя написать это свидѣтельство?— спросилъ Фалькенбергъ.

— Да, это я могу.

Но тутъ мое несчастное куцое воображеніе сыграло со мной скверную штуку и испортило все дѣло. Настройщикъ ничего изъ себя не представлялъ, я предпочиталъ техника, генія, который совершилъ великія дѣла... у него была фабрика.

— Фабриканту не надо никакихъ свидѣтельствъ,—прервалъ меня Фалькенбергъ и не хотѣлъ меня больше слушать.—Нѣтъ, изъ этого ничего не выйдетъ.

Печальные и удрученные, мы пошли дальше и дошли до столба.

— Такъ ты не пойдешь туда?—спросилъ я.

— Иди самъ,—отвѣтилъ Фалькенбергъ съ раздраженіемъ.— Вотъ, бери свое тряпье!

Но едва мы прошли мимо столба, какъ Фалькенбергъ замедлилъ шаги и пробормоталъ:

— Досадно всетаки, что изъ этого ничего не выйдетъ. Такой хорошій случай.

— Мнѣ кажется, что ты просто могъ бы зайти къ нимъ въ гости. Ничего нѣтъ невозможнаго, что ты дѣйствительно приходишься имъ родственникомъ.

— Жалко, что я не узналъ, нѣтъ ли у него племянника въ Америкѣ.

— А ты, въ случаѣ надобности, развѣ сумѣлъ бы поговорить по-англійски?

— Молчи!—сказалъ Фалькенбергъ.—Заткни свою глотку! Не понимаю, чего ты тутъ ходишь и хвастаешь.

Онъ былъ очень нервенъ и золъ и снова зашагалъ впередъ. Но вдругъ онъ остановился и сказалъ:

— Рѣшено. Дай мнѣ твою трубку. Я ее не буду закуривать.

И мы повернули и пошли въ гору. Фалькенбергъ опять заважничалъ, размахивалъ трубкой и разсуждалъ относительно положенія садьбы. Мнѣ стало немного досадно, что онъ шелъ такимъ бариномъ, я тащилъ мѣшки, и я сказалъ:

— Такъ ты опять настройщикъ, что ли?

— Мнѣ кажется, что я доказалъ, что могу настраивать фортеіано,—отвѣтилъ онъ коротко.—Чего же тутъ спрашивать?

— Но представь себѣ, что барыня понимаетъ въ этомъ кое-что? что она потомъ попробуетъ фортепіано?

Фалькенбергъ молчалъ, я видѣлъ, что онъ задумался. Мало-помалу его спина согнулась и голова опустилась.

— Пожалуй, что это опасно. На, бери свою трубку,—сказалъ онъ.—Мы пойдемъ и спросимъ просто-напросто работы.

XV.

Случилось такъ, что мы могли быть полезны сейчасъ же, какъ только вошли во дворъ: ставили новый флагштокъ, людей было мало, мы взялись за дѣло и исполнили его съ блескомъ. Въ окошкахъ видно было много женскихъ лицъ.

— Капитанъ дома?

— Нѣтъ.

— А барыня?

Барыня вышла къ намъ. Она была бѣлокурая, высокая и ласковая, какъ молодой жеребенокъ. Она такъ мило отвѣтила намъ на нашъ поклонъ.

Есть ли какая-нибудь работа для насъ?

— Не знаю. Нѣтъ, кажется, что нѣтъ. Дѣло въ томъ, что моего мужа нѣтъ дома.

Мнѣ показалось, что ей было тяжело отказывать намъ, и я уже взялся за фуражку, чтобы не безпокоить ея. Но, повидимому, Фалькенбергъ показался ей нѣсколько страннымъ, такъ какъ онъ былъ хорошо одѣтъ и у него былъ носильщикъ. Она посмотрѣла на него съ любопытствомъ и спросила:

— Какой работы вы ищете?

— Всякой работы, — отвѣтилъ Фалькенбергъ. — Мы можемъ строить заборы, рыть канавы, штукатурить.

— Теперь немного поздновато для такихъ работъ,—сказалъ одинъ изъ работниковъ, стоявшихъ у флагштока.

— Да, это правда,—подтвердила барыня.—Право, не знаю—но теперь обѣденное время, не хотите ли вы войти и пообѣдать? Чѣмъ Богъ послалъ?

— Спасибо за предложенье!—отвѣтилъ Фалькенбергъ.

Меня глубоко огорчило, что онъ отвѣтилъ такимъ неизящнымъ образомъ, и что онъ осрамилъ насъ. Тутъ я могъ бы отличиться.

— Mille grâces, madame, vous êtes trop aimable!—сказалъ я на благородномъ языкѣ и снялъ фуражку.

Она обернулась и посмотрѣла на меня во всѣ глаза. Ея удивленіе было комично.

Насъ посадили въ кухнѣ и дали намъ отличный обѣдъ. Барыня ушла въ комнаты. Когда мы поѣли и собирались уже уходить, а

снова вышла въ кухню. Фалькенбергъ опять подбодрился и рѣшилъ злоупотребить ея любезностью: онъ предложилъ ей настроить фортепіано.

— Вы и это умѣете?—спросила она и посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Да, я умѣю. Я настраивалъ въ сосѣдней усадьбѣ.

— У меня рояль. Мнѣ очень хотѣлось бы—

— Вы можете быть спокойны.

— Есть у васъ...?

— У меня нѣтъ свидѣтельства. Я никогда не просилъ свидѣтельства. Но вы сами услышите.

— Ну да, ну да, пожалуйста.

Она пошла впередъ, а онъ послѣдовалъ за ней. Когда растворилась дверь, то я увидалъ комнату, увѣшанную картинами.

Служанки бѣгали взадъ и впередъ по кухнѣ и поглядывали на меня, чужого человѣка; одна изъ нихъ была очень хорошенькая. Я сидѣлъ и радовался, что выбрился какъ разъ въ этотъ день.

Прошло минутъ десять, и Фалькенбергъ началъ настраивать. Барыня опять вышла въ кухню и сказала:

— А вы умѣете говорить по-французски. Это болѣе, нежели я умѣю.

Слава Богу, на этомъ дѣло и кончилось. А то и мнѣ пришлось бы главнымъ образомъ вертѣться вокругъ «яичницы», и «ищите женщину», и «государство, это—я»...

— Вашъ товарищъ показалъ мнѣ свой аттестатъ,—сказала барыня. Вы, оказывается, хорошіе рабочіе. Я не знаю—я могла бы телеграфировать мужу и спросить, нѣтъ ли у насъ какой-нибудь работы для васъ.

Я хотѣлъ поблагодарить ее, но не могъ произнести ни слова, я глоталъ слезы.

Неврастенія.

Потомъ я бродилъ по двору и по полямъ; все было въ порядкѣ, все было убрано. Я не видѣлъ для насъ нигдѣ никакой работы. Это были, навѣрное, богатые люди.

Такъ какъ день клонился къ вечеру, а Фалькенбергъ все еще н страивалъ рояль, то я ушелъ со двора, чтобы меня опять не пригласили на ужинъ. Луна сіяла и звѣзды ярко горѣли на небѣ, но я п ѣдпочиталъ пробираться по темному лѣсу и забрался въ самую г щу, гдѣ было совсѣмъ темно. Да тамъ было и пріятнѣе всего. Какъ в духъ тихъ и какой покой царитъ на землѣ! Стало холодно, земля п рылась инеемъ, то тутъ, то тамъ раздается легкій трескъ, пискну-

ла полевая мышь, ворона пролетѣла надъ верхушками деревьевъ,— и опять наступила мертвая тишина. Видѣлъ ли ты когда-нибудь во всю свою жизнь такіе свѣтлые волосы? Конечно, нѣтъ. Она великолѣпна съ головы до ногъ! Ротъ у нея прелестный, а волосы отливаютъ золотомъ. Счастливъ, кто могъ бы вытащить изъ своего мѣшка діадему и подарить ее ей! Я отыщу блѣднорозовую раковину, и вырѣжу изъ нея ноготь, и тогда я подарю ей трубку, чтобы она дала ее мужу, это я сдѣлаю...

На дворѣ я встрѣтилъ Фалькенберга, который прошепталъ мнѣ однимъ духомъ:

— Она получила отвѣтъ отъ мужа, мы можемъ рубить деревья въ лѣсу. Привыкъ ли ты къ этой работѣ?

— Да.

— Такъ иди въ кухню. Она тебя спрашивала.

Я пошелъ въ кухню, и барыня сказала мнѣ:

— Куда вы пропали? Пожалуйста, идите ужинать. Вы уже поужинали? Гдѣ?

— У насъ есть съ собой провизія.

— Это совсѣмъ лишнее. Можетъ быть, вы выпьете чаю? И чаю не хотите?... Я получила отвѣтъ отъ моего мужа. Вы умѣете рубить деревья? Вотъ это хорошо. Вотъ посмотрите: Нужны два дровосѣка, Петръ покажетъ отмѣченный лѣсъ...

Боже—она стояла совсѣмъ рядомъ со мной и показывала на телеграмму. Ея дыханье благоухало, какъ у молодой дѣвушки.

XVI.

Мы въ лѣсу. Петръ, одинъ изъ работниковъ, показалъ намъ сюда дорогу.

Когда мы поговорили съ Фалькенбергомъ, то оказалось, что онъ вовсе не считалъ себя особенно обязаннымъ барынѣ за то, что она достала намъ работу. Есть чего благодарить, говорилъ онъ, теперь дорогое рабочее время. Оказалось также, что Фалькенбергъ былъ довольно посредственнымъ дровосѣкомъ. Въ этомъ отношеніи у меня было больше опыта, и я, въ случаѣ необходимости, могъ руководить работой. Фалькенбергъ на это согласился.

Но тутъ я сталъ возиться съ однимъ изобрѣтеніемъ.

Тотъ способъ, который примѣняли къ рубкѣ деревьевъ, былъ очень несовершененъ; и я рѣшилъ придумать такой аппаратъ, который облегчилъ бы работу дровосѣкамъ и далъ бы возможность перепиливать стволъ ближе къ корню. Я началъ набрасывать от-

ныя части такой машины. «Вотъ увидишь, тебѣ удастся изобрѣсти аппаратъ!» думалъ я. Это сдѣлаетъ мое имя извѣстнымъ.

Одинъ день шелъ за другимъ. Мы рубили деревья въ девять дюймовъ, обрубали у стволовъ вѣтви и очищали кору. Намъ жилось хорошо и спокойно. Мы брали съ собой въ лѣсъ холодной провизіи и кофе, а вечеромъ намъ давали дома горячій ужинъ. По вечерамъ мы мылись и прихорашивались, чтобы отличаться отъ дворовыхъ работниковъ, и сидѣли въ кухнѣ, гдѣ была большая зажженная лампа и три служанки. Фалькенбергъ влюбился въ Эмму.

Отъ времени до времени до насъ доносились звуки рояля изъ комнатъ, отъ времени до времени барыня выходила къ намъ, все такая же дѣвственно-юная, все такая же ласковая. Какъ сегодня было въ лѣсу? спрашивала она.—Не видали ли вы медвѣдя? А разъ вечеромъ она поблагодарила Фалькенберга за то, что онъ такъ хорошо настроилъ рояль. Что въ самомъ дѣлѣ? Загорѣлое лицо Фалькенберга стало красивымъ отъ радости, а я готовъ былъ гордиться своимъ товарищемъ, когда онъ скромно отвѣтилъ: Да, мнѣ самому показалось, что рояль сталъ немного лучше.

Одно изъ двухъ: или вслѣдствіе нѣкотораго навыка онъ сталъ настраивать лучше, или же барыня была ему благодарна за то, что онъ не испортилъ ей рояля.

Каждый вечеръ Фалькенбергъ надѣвалъ мое городское платье. Не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы я взялъ его обратно и носилъ его самъ; всякій подумалъ бы, что я взялъ платье на подержаніе у своего товарища.

— Ты можешь взять себѣ мое платье,—сказалъ я въ шутку Фалькенбергу,—если уступишь мнѣ Эмму.

— Ладно, бери Эмму,—отвѣчалъ Фалькенбергъ.

Я сдѣлалъ открытіе, что между Фалькенбергомъ и его Эммой наступило охлажденіе. Ахъ, Фалькенбергъ влюбился, какъ и я. Нѣтъ, что за дураки мы оба были!

— Какъ ты думаешь, выйдетъ она сегодня къ намъ?—спрашивалъ Фалькенбергъ въ лѣсу.

А я отвѣчалъ:

— Я только радуюсь, что капитанъ еще не возвратился домой.

— Да, —подтверждалъ Фалькенбергъ. —Послушай, если я знаю, что онъ съ ней дурно обращается, то ему придется плохо.

Однажды вечеромъ Фалькенбергъ спѣлъ въ кухнѣ пѣсню. И я ень гордился имъ. Барыня вышла къ намъ и заставила его повто-ъ пѣсню. Его прекрасный голосъ наполнилъ всю кухню, и барыня

воскликнула въ восторгѣ: Нѣтъ, я никогда не слыхала ничего подобнаго!

Тутъ я началъ завидовать.

— Вы когда-нибудь учились пѣть?—спрашивала барыня.—Вы знаете ноты?

— Да,—отвѣтилъ Фалькенбергъ,—я былъ членомъ въ одномъ обществѣ.

Я нашелъ, что онъ долженъ былъ отвѣтить: нѣтъ, къ сожалѣнію, я ничему не учился.

— Вы пѣли когда-нибудь кому-нибудь? Васъ слышалъ кто-нибудь?

— Да, я пѣлъ иногда на вечеринкахъ. И на свадьбахъ также.

— Но слышалъ ли васъ кто-нибудь, кто знаетъ толкъ въ пѣніи?

— Нѣтъ, не знаю, право. А впрочемъ, кажется, что да.

— Ахъ, спойте еще что-нибудь!

Фалькенбергъ запѣлъ.

«Дѣло дойдетъ до того, что онъ въ одинъ прекрасный вечеръ попадетъ въ комнаты и барыня будетъ ему аккомпанировать», подумалъ я. Я сказалъ:

— Извините, когда возвратится капитанъ?

— А что?—отвѣтила барыня вопросительно.—Почему вы спрашиваете?

— Мнѣ надо было бы поговорить относительно работы.

— А вы уже срубили все, что было отмѣчено?

— Нѣтъ, не потому. Нѣтъ, мы далеко не все кончили, но...

— Ну!—сказала барыня, какъ бы догадываясь.—Что же это, быть можетъ, вамъ нужны деньги, въ такомъ случаѣ...

Я увидалъ спасеніе и отвѣтилъ:

— Да, былъ бы вамъ очень благодаренъ.

Фалькенбергъ молчалъ.

— Ахъ, голубчикъ, вы сказали бы прямо. Пожалуйста!—сказала она, протягивая мнѣ бумажку, которую я попросилъ.—А вы?

— Мнѣ не надо. Благодарю васъ,—отвѣтилъ Фалькенбергъ.

Боже, какъ я опозорился, какъ я унизился! А Фалькенбер , этотъ негодяй, онъ сидѣлъ и изображалъ изъ себя богача и не п- силъ впередъ! Я готовъ былъ сорвать съ него платье въ этотъ -черъ и оставить его голымъ!

Чего, конечно, не случилось.

XVII.

И дни шли.

— Если она выйдетъ къ намъ сегодня вечеромъ, то я спою ей про макъ,—говорилъ Фалькенбергъ въ лѣсу.—Я совсѣмъ забылъ про эту пѣсню.

— Не забылъ ли ты также и Эмму?—спросилъ я.

— Эмму? Я скажу тебѣ только одно, что ты остался, какъ двѣ капли воды, такимъ же, какимъ и былъ.

— Правда?

— Какъ двѣ капли воды. Ты навѣрное съ удовольствіемъ любезничалъ бы съ Эммой на глазахъ у барыни, но я этого не могъ.

— Ты лжешь,—отвѣчалъ я съ раздраженіемъ.—Никто не посмѣетъ сказать про меня, что я любезничаю со служанками, пока я живу на этомъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, и у меня душа не лежитъ ни къ чему такому, пока я здѣсь. А какъ ты думаешь, она выйдетъ сегодня вечеромъ? Я совсѣмъ забылъ про пѣсню о макѣ. Послушай.

Фалькенбергъ спѣлъ про макъ.

— Ты такъ кичишься своимъ пѣніемъ,—сказалъ я;—а она всетаки не достанется никому изъ насъ.

— Она? Что за чепуху ты несешь!

— О, если бы я былъ молодъ и богатъ и красивъ, то она была бы моею,—сказалъ я.

— Да, такъ? Тогда и мнѣ посчастливилось бы. А капитанъ?

— Да, а капитанъ, а ты, а я, а она сама и весь свѣтъ! А потомъ мы оба могли бы заткнуть наши негодныя глотки и не говорить про нее!—сказалъ я, взбѣшенный на самого себя за свою глупую болтовню.—Виданное ли это дѣло, чтобы два старыхъ дровосѣка несли такую чепуху?

Мы оба поблѣднѣли и похудѣли, а страдальческое лицо Фалькенберга покрылось морщинами; ни онъ, ни я не ѣли, какъ прежде. Мы старались скрыть другъ отъ друга наше состояніе; я шутилъ и балагурилъ, а Фалькенбергъ увѣрялъ, что онъ ѣстъ слишкомъ много, и что онъ отъ этого тяжелѣетъ и дѣлается неповоротливымъ.

— Ды вы вѣдь ничего не ѣдите,—говорила иногда барыня, когда мы приносили изъ лѣсу слишкомъ много провизіи обратно.—Хороши дровосѣки!

— Это Фалькенбергъ,—говорилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, это онъ,—говорилъ Фалькенбергъ,—онъ совсѣмъ перестал ѣсть.

Если случалось иногда, что барыня просила насъ о какой-нибудь маленькой услугѣ, то мы оба бросались исполнять ея желаніе; въ концѣ-концовъ мы сами стали таскать въ кухню воду и наполнять ящикъ для дровъ. Разъ какъ-то Фалькенбергъ поймалъ меня на томъ, что я принесъ домой хлыстикъ изъ орѣшника; барыня просила настоятельно именно меня вырѣзать этотъ хлыстикъ для выколачиванія ковровъ, и никого другого.

И Фалькенбергъ не пѣлъ въ этотъ вечеръ.

Но вдругъ у меня явилась мысль заставить барыню ревновать меня. Ахъ ты, бѣдняга, ты или глупъ, или ты сошелъ съ ума, барыня даже и не замѣтитъ твоей попытки!

Ну такъ что же? А я всетаки заставлю ее ревновать себя.

Изъ трехъ служанокъ одна только Эмма могла идти въ разсчетъ и годиться для эксперимента, и я началъ шутить съ ней.

— Эмма, а я знаю кого-то, кто вздыхаетъ по тебѣ.

— Откуда ты это знаешь?

— Отъ звѣздъ.

— Было бы лучше, если бы ты зналъ это отъ кого-нибудь на землѣ.

— Я это и знаю. И изъ первыхъ рукъ.

— Это онъ намекаетъ на себя,—сказалъ Фалькенбергъ изъ страха, что я вмѣшаю его въ эту исторію.

— Ну, конечно, я намекаю на себя. Paratum cor meum.

Но Эмма была неприступна и не захотѣла разговаривать со мной, хотя я былъ поинтереснѣе Фалькенберга. Что же это? Неужто же мнѣ не справиться даже съ Эммой? И вотъ я сталъ гордымъ и молчаливымъ до крайности. Я держался вдали отъ всѣхъ, рисовалъ свою машину и дѣлалъ маленькія модели. А когда Фалькенбергъ пѣлъ по вечерамъ и барыня его слушала, я уходилъ въ людскую къ работникамъ и сидѣлъ тамъ. Въ такомъ поведеніи было гораздо больше достоинства. Неудобно было только то, что Петръ заболѣлъ и слегъ, и онъ не переносилъ стука топора или молотка; а потому я долженъ былъ выходить на дворъ каждый разъ, когда мнѣ нужно было что-нибудь колотить.

Иногда я утѣшалъ себя мыслью, что, быть можетъ, барыня вс таки жалѣетъ, что я исчезъ изъ кухни. Такъ мнѣ казалось. Ра вечеромъ, когда мы ужинали, она сказала мнѣ:

— Я слышала отъ работниковъ, что вы строите какую-то ı шину?

— Онъ выдумываетъ новую пилу,—сказалъ Фалькенбергъ, но она будетъ слишкомъ тяжела.

На это я ничего не сказалъ, я былъ удрученъ и предпочиталъ страдать молча. Участь всѣхъ изобрѣтеній одна и та же—терпѣть гоненія. Между тѣмъ я сгоралъ отъ желанія открыться служанкамъ; у меня вертѣлось на языкѣ признаніе, что я, собственно, сынъ благородныхъ родителей, но что любовь увлекла меня на ложный путь; а теперь я ищу утѣшенія въ бутылкѣ. Ну да, что же тутъ такого? Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ... Это еще, можетъ быть, дойдетъ до барыни.

— Пожалуй, что и я начну теперь проводить вечера въ людской,—сказалъ однажды Фалькенбергъ.

А я отлично понялъ, почему Фалькенбергъ тоже собирается перейти въ людскую: его не просили больше такъ часто пѣть—почему?

XVIII.

Капитанъ пріѣхалъ.

Однажды къ намъ въ лѣсу подошелъ высокій человѣкъ съ окладистой бородой и сказалъ:

— Я капитанъ Фалькенбергъ. Какъ идутъ дѣла, ребята?

Мы почтительно поклонились и отвѣтили, что дѣла идутъ хорошо, спасибо.

Мы поговорили немного насчетъ того, гдѣ мы рубили и что намъ еще осталось. Капитанъ похвалилъ насъ за то, что мы оставляли короткіе и ровные пни. Потомъ онъ высчиталъ, сколько мы наработали въ день и сказалъ, что это не больше обыкновеннаго.

— Вы забыли, капитанъ, высчитать воскресенья,—замѣтилъ я.

— Это правда,—сказалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ вы наработали болѣе обыкновеннаго. Ничего не сломалось? Пилы выдерживаютъ?

— Да.

— Ни съ кѣмъ не было несчастья?

— Нѣтъ.

Пауза.

— Собственно говоря, вы не должны были бы получать харчи у насъ,—сказалъ онъ;—но такъ какъ вы сами этого хотѣли, то мы в ісчитаемъ это при разсчетѣ.

— Мы будемъ довольны тѣмъ, что вы назначите, капитанъ.

— Да, конечно,—подтвердилъ и Фалькенбергъ.

Капитанъ прошелся по лѣсу и потомъ опять вернулся къ намъ.

— Вамъ повезло съ погодой,—сказалъ онъ.—Нѣтъ снѣга, кот чй пришлось бы разгребать.

— Да, снѣга нѣтъ. Но было бы лучше, если бы морозъ былъ посильнѣе.

— Почему? Вамъ жарко?

— Пожалуй, отчасти и это. Но главное, легче пилить промерзшее дерево.

— А вы привыкли къ этой работѣ?

— Да.

— Это вы поете?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Это онъ.

— Ахъ, такъ это вы поете? Вѣдь мы, кажется, однофамильцы?

— Да, въ нѣкоторомъ родѣ, — отвѣтилъ Фалькенбергъ, немного смущаясь.—Меня зовутъ Ларсъ Фалькенбергъ, какъ стоитъ въ моемъ свидѣтельствѣ.

— Вы откуда?

— Изъ Трёнделагена.

Капитанъ ушелъ домой. Онъ былъ вѣжливъ, лаконичень, опредѣлененъ, безъ улыбки, безъ шутки. У него было доброе, нѣсколько простоватое лицо.

Съ этихъ поръ Фалькенбергъ пѣлъ только въ людской или на воздухѣ; пѣніе въ кухнѣ совершенно прекратилось изъ-за капитана. Фалькенбергъ горевалъ и говорилъ жалкія слова насчетъ того, что вся жизнь отвратительна, чортъ возьми, и что лучше всего было бы повѣситься. Но его отчаяніе продолжалось недолго. Разъ въ воскресенье онъ отправился въ тѣ двѣ усадьбы, гдѣ онъ настраивалъ фортепіано и попросилъ тамъ свидѣтельства. Когда онъ возвратился, то онъ показалъ мнѣ бумаги и сказалъ:

— Въ случаѣ, если мнѣ придется плохо, это можно будетъ пустить въ ходъ для того, чтобы пробиться какъ-нибудь.

— Такъ, значитъ, ты не повѣсишься?

— Для этого у тебя есть гораздо больше основанія,—отвѣтилъ Фалькенбергъ.

Однако и я не находился больше въ такомъ удрученномъ состояніи. Когда капитанъ услыхалъ про мою машину, то онъ пожелалъ подробнѣе узнать про мою затѣю. При первомъ же взглядѣ на мои рисунки онъ увидалъ, что они неудовлетворительны, такъ какъ они были набросаны на маленькихъ клочкахъ бумаги, и у меня даже не было циркуля. Онъ далъ мнѣ цѣлую готовальню и показалъ мнѣ нѣкоторые пріемы черченія. Капитанъ также сомнѣвался въ томъ, что моя пила будетъ удобна для употребленія.—Но продолжайте работать,—сказалъ онъ, сдѣлайте планъ по извѣстному масштабу и тогда мы посмотримъ.

Между тѣмъ я понималъ, что чисто выполненная модель дастъ болѣе полное понятіе о машинѣ, и когда я кончилъ чертить, я принялся вырѣзать модель изъ дерева. У меня не было токарнаго станка и я долженъ былъ вырѣзывать руками два вала, нѣсколько колесъ и винты. Я былъ такъ увлеченъ этой работой, что прозѣвалъ обѣденный колоколъ въ воскресенье. Капитанъ вышелъ на дворъ и крикнулъ: Обѣдать! Когда онъ увидалъ, чѣмъ я былъ занятъ, то онъ сейчасъ же предложилъ съѣздить на слѣдующій день къ кузнецу и дать выточить ему все, что мнѣ было нужно.—Дайте мнѣ только всѣ эти части,—сказалъ онъ. Не надо ли вамъ еще какихъ-нибудь инструментовъ? Ладно, нѣсколько буравчиковъ. Винты. Тонкую стамеску. Больше ничего?

Онъ записалъ все. Это былъ дѣловой человѣкъ, какихъ я видывалъ мало.

Вечеромъ послѣ ужина, когда я переходилъ черезъ дворъ въ людскую, меня окрикнула барыня. Она стояла въ тѣни подъ окномъ кухни, но потомъ вышла оттуда.

— Мой мужъ замѣтилъ, что вы—что вы слишкомъ легко одѣты,—сказала она.—Не знаю, какъ вы—вотъ возьмите это!

И она свалила мнѣ на руки полный костюмъ.

Я пробормоталъ что-то и поблагодарилъ заикаясь:

— Я самъ могъ купить себѣ платье... спѣха не было... мнѣ не надо...

— Да, я знаю, что вы могли купить себѣ сами платье, но... У вашего товарища такое хорошее платье, а вы... Но берите же это.

И она убѣжала въ домъ, совсѣмъ точно молоденькая дѣвушка, которая боится, что ее найдутъ слишкомъ доброй. Я долженъ былъ крикнуть ей вслѣдъ мою благодарность.

Когда капитанъ возвратился на слѣдующій вечеръ съ валами и колесами, я воспользовался случаемъ, чтобы поблагодарить его за платье.

— Да, да,—отвѣтилъ онъ.—Это моя жена,—она думала... Оно вамъ впору?

— Да, оно впору.

— Очень радъ. Да, это моя жена... Ну, вотъ ваши колеса. А во ь инструменты. Спокойной ночи.

Повидимому и мужъ, и жена любили дѣлать добро. А потомъ они св чивали другъ на друга. Итакъ, это было то супружество, о кото ро ъ мечтаетъ мечтатель...

XIX.

Лѣсъ становится голымъ и молчаливымъ. Въ немъ не раздается больше птичьихъ голосовъ, однѣ лишь вороны хрипло каркаютъ около пяти часовъ утра и летаютъ надъ полями. Мы видимъ ихъ, когда идемъ съ Фалькенбергомъ въ лѣсъ на работу; молодые воронята, которые еще не выучились бояться людей, прыгаютъ по тропинкѣ передъ самыми нашими носами.

Намъ встрѣчается также и зябликъ, этотъ лѣсной воробей. Онъ побывалъ въ лѣсу, а теперь опять возвращается къ людямъ, среди которыхъ онъ любитъ жить и которыхъ ему хочется узнать всесторонне. Славный, маленькій зябликъ! Собственно, это перелетная птица, но его родители выучили его зимовать на сѣверѣ. А онъ внушитъ своимъ дѣтямъ, что только на сѣверѣ и можно зимовать. Но въ его жилахъ еще течетъ кровь кочевниковъ, и онъ остается странникомъ. Въ одинъ прекрасный день онъ собирается со всѣми своими сородичами и улетаетъ за много миль, къ совершенно чужимъ людямъ, которыхъ, быть можетъ, ему тоже хочется узнать,—тогда осиновая роща сиротѣетъ. Проходитъ иногда больше недѣли, пока новая стая этихъ непосѣдливыхъ жильцовъ поселится въ осиновой рощѣ. Боже, какъ часто я наблюдалъ за зябликами и какъ они забавляли меня!

Однажды Фалькенбергъ объявилъ мнѣ, что онъ совершенно пришелъ въ себя. Зимою онъ сбережетъ около ста кронъ изъ того, что онъ заработаетъ рубкой деревьевъ и настройкой фортепіано, и онъ снова помирится съ Эммой. Онъ посовѣтовалъ и мнѣ перестать вздыхать по дамскому полу высшаго разряда и опуститься къ равнымъ мнѣ.

Онъ былъ правъ.

Въ субботу мы кончили работать немного ранѣе обыкновеннаго, такъ какъ рѣшили идти въ лавку. Намъ нужны были рубашки, табакъ и вино.

Въ то время, какъ я стоялъ въ мелочной лавкѣ, мнѣ вдругъ попалась на глаза маленькая швейная шкатулочка, отдѣланная раковинами, одна изъ тѣхъ шкатулокъ, которыя, бывало, прежде моряки покупали въ приморскихъ городахъ и отвозили домой своимъ возлюбленнымъ; теперь нѣмцы изготовляютъ ихъ тысячами. Я купилъ шкатулку, чтобы сдѣлать изъ одной изъ раковинъ ноготь для моей трубки.

— На что тебѣ шкатулка?—спросилъ Фалькенбергъ,—ужъ не для Эммы ли это?

Ревность проснулась въ немъ и, чтобы не отставать отъ меня, онъ купилъ для Эммы шелковый платокъ.

На обратномъ пути мы начали пить вино и болтать; ревность Фалькенберга еще не прошла. Тогда я выбралъ себѣ подходящую раковину, выломалъ ее и отдалъ ему шкатулку. И мы съ нимъ снова стали друзьями.

Стало смеркаться и луны не было. Вдругъ мы услыхали музыку, которая доносилась изъ дома на пригоркѣ. Мы сейчасъ же сообразили, что тамъ танцуютъ, свѣтъ то скрывался, то снова появлялся, какъ въ маякѣ.

— Зайдемъ туда,—сказалъ Фалькенбергъ.

Мы были въ веселомъ настроеніи духа.

Когда мы подошли къ дому, то мы натолкнулись на нѣсколькихъ парней и дѣвушекъ, которые вышли на воздухъ, чтобы прохладиться. Эмма тоже была тамъ.

— Посмотрите-ка, и Эмма тоже здѣсь!—крикнулъ Фалькенбергъ добродушно; онъ вовсе не былъ недоволенъ тѣмъ, что Эмма пришла сюда безъ него. Эмма, иди-ка сюда, я тебѣ что-то дамъ!

Онъ думалъ, что ему достаточно сказать доброе слово; но Эмма повернула ему спину и ушла въ домъ. Когда Фалькенбергъ хотѣлъ идти за ней, то ему загородили и объявили, что ему тамъ нечего дѣлать.

— Но вѣдь тамъ Эмма. Попросите же ее выйти ко мнѣ.

— Эмма не выйдетъ. Эмма съ Маркомъ, съ сапожникомъ.

Фалькенбергъ былъ пораженъ. Онъ такъ долго былъ холоденъ къ Эммѣ, что она, наконецъ, бросила его. Такъ какъ онъ продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ и глазѣть на звѣзды, то нѣсколько дѣвушекъ стали смѣяться надъ нимъ:

— Что, остался на бобахъ, бѣдняга.

Фалькенбергъ вынулъ у всѣхъ на глазахъ бутылку и поднесъ ее къ губамъ; выпивъ нѣсколько глотковъ, онъ вытеръ горлышко ладонью и передалъ бутылку сосѣду. Отношеніе къ намъ сразу улучшилось, мы были славные ребята, у насъ были бутылки въ карманахъ и мы пустили ихъ въ круговую; а кромѣ того мы были чужіе и внесли нѣкоторое разнообразіе. Фалькенбергъ балагурилъ и несъ всякую чепуху о сапожникѣ Маркѣ, котораго онъ все время называлъ Лукой.

Танцы въ домѣ шли своимъ чередомъ, но ни одна изъ дѣвушекъ не покидала насъ. Бьюсь объ закладъ, что и Эмма хотѣла бы быть съ нами,—хвасталъ Фалькенбергъ. Здѣсь была Елена, Рённаугъ и Сара; послѣ угощенія изъ бутылки онѣ благодарили Фалькенберга

пожатіемъ руки, какъ и полагалось по обычаю. Но другія дѣвушки, которыя уже обучились хорошимъ манерамъ, говорили только: спасибо за угощеніе! Фалькенбергъ присмотрѣлъ себѣ Елену, онъ обнялъ ее за талію, и объявилъ, что она въ его вкусѣ. Когда они стали удаляться отъ насъ, то никто не окликнулъ ихъ и не остановилъ. Понемногу всѣ разошлись попарно и исчезли въ лѣсу. Мнѣ досталась Сара.

Когда мы возвратились изъ лѣсу, то оказалось, что Рённаугъ все время стояла на томъ же мѣстѣ и прохлаждалась. Что за странная дѣвушка, такъ она и простояла здѣсь все время! Я взялъ ее за руку и сталъ болтать съ ней, а она только улыбалась на все и ничего не отвѣчала. Когда мы пошли съ ней къ лѣсу, то мы услыхали въ темнотѣ голосъ Сары, которая кричала намъ вслѣдъ:

— Рённаугъ, пойдемъ-ка лучше домой!

Но Рённаугъ ничего не отвѣтила, она была такая молчаливая. У нея была кожа молочной бѣлизны и она была высокая и тихая.

XX.

Выпалъ первый снѣгъ, онъ сейчасъ же таетъ, но зима уже не за горами. И наша работа въ лѣсу у капитана тоже клонится къ концу, намъ осталось проработать еще, можетъ быть, недѣли двѣ. Куда мы потомъ дѣнемся? Въ горахъ прокладывали полотно желѣзной дороги, а кромѣ того можно было бы надѣяться на рубку деревьевъ въ томъ или другомъ имѣніи. Фалькенбергъ склонялся къ желѣзно-дорожной работѣ.

Но моя машина не могла быть окончена въ такой короткій срокъ. У каждаго изъ насъ были свои заботы. Кромѣ машины, я еще возился со своей трубкой, въ которую хотѣлъ вдѣлать ноготь изъ раковины, а вечера были коротки и мнѣ нехватало времени. А Фалькенбергъ обдумывалъ, какъ бы снова сойтись съ Эммой. Какая это была скучная и длинная исторія. Она гуляла съ сапожникомъ Маркомъ,—ну, хорошо; а Фалькенбергъ въ отместку ей преподнесъ въ минуту увлеченія дѣвушкѣ Еленѣ шелковый платокъ и шкатулку изъ раковинъ...

Фалькенбергъ былъ золъ и сказалъ мнѣ однажды:

— Повсюду, куда ни глянешь, только однѣ непріятности, неудачи и глупость!

— Развѣ?

— Да, въ этомъ я убѣдился, если хочешь знать. Она со мной не пойдетъ въ горы.

— Ее, вѣроятно, удерживаетъ сапожникъ Маркъ?

Фалькенбергъ мрачно молчитъ.

— Не пришлось мнѣ также и пѣть больше,—говоритъ онъ черезъ минуту.

Разговоръ перешелъ на капитана и его жену. У Фалькенберга были нехорошія предчувствія: между ними дурныя отношенія.

Этакій сплетникъ! Я сказалъ:

— Извини, въ этомъ ты не смыслишь ни аза.

— Вотъ какъ?—отвѣтилъ онъ съ раздраженіемъ.

И онъ раздражался все больше и больше и сказалъ:

— А ты, быть можетъ, видѣлъ, что они никогда другъ съ другомъ не разлучаются? И другъ безъ друга не могутъ жить? Я, по крайней мѣрѣ, никогда не слыхалъ, чтобы они обмѣнялись хоть единымъ словомъ.

Этакій идіотъ, этакій дуралей!

— Не понимаю, какъ ты сегодня пилишь!—говорю я недовольнымъ тономъ.—Вотъ, посмотри, куда ты заѣхалъ!

— Я? Да вѣдь мы вдвоемъ пилимъ.

— Ладно, значитъ, дерево слишкомъ оттаяло. Перейдемъ въ такомъ случаѣ опять къ топорамъ.

Мы долго рубили, каждый отдѣльно, злые и недовольные. Какъ смѣлъ онъ наклеветать на нихъ, что они никогда не говорятъ другъ другу ни слова? Но, Боже, а вдругъ онъ правъ! Фалькенбергъ не дуракъ, онъ въ людяхъ знаетъ толкъ.

— Какъ бы тамъ ни было, но когда они говорили съ нами другъ о другѣ, то они говорили очень хорошо,—сказалъ я.

Фалькенбергъ продолжалъ рубить.

Я продолжалъ мысленно обсуждать этотъ вопросъ.

— Пожалуй, ты и правъ, что это не то супружество, о которомъ мечталъ мечтатель, но...

Для Фалькенберга эти слова пропали даромъ, онъ ничего не понялъ.

Во время обѣденнаго отдыха я возобновилъ этотъ разговоръ:

— Вѣдь ты говорилъ, что если онъ съ ней нехорошъ, то ему п[illegible]ıадетъ?

— Да, я это говорилъ.

— А ему всетаки не попало?

— А развѣ я говорилъ, что онъ съ ней не хорошъ?—спросилъ Ф[illegible]ькенбергъ съ досадой.—Они просто надоѣли другъ другу, вотъ в[illegible]емъ дѣло. Если одинъ входитъ, то другой уходитъ. Если слу-

чается, что онъ заговоритъ о чемъ-нибудь въ кухнѣ, то она блѣднѣетъ и видно, что ей противно, и она не слушаетъ его.

Мы долго рубимъ молча и каждый думаетъ о своемъ.

— Пожалуй, мнѣ-таки придется задать ему встрепку.

— Кому?

— Лукѣ...

Я окончилъ трубку и послалъ ее капитану черезъ Эмму. Ноготь былъ очень натураленъ. При помощи хорошихъ инструментовъ, которые у меня были, мнѣ удалось вдѣлать ноготь въ палецъ и прикрѣпить его съ внутренней стороны мѣдными гвоздиками совершенно незамѣтно. Я былъ доволенъ своей работой.

Вечеромъ, когда мы ужинали, въ кухню вышелъ капитанъ съ трубкой въ рукахъ и поблагодарилъ меня за нее; при этомъ я могъ убѣдиться въ прозорливости Фалькенберга: не успѣлъ капитанъ выйти въ кухню, какъ барыня вошла въ комнаты.

Капитанъ очень хвалилъ меня за трубку и спросилъ, какимъ образомъ я прикрѣпилъ ноготь. Онъ назвалъ меня артистомъ и мастеромъ своего дѣла. Вся кухня слушала это; я думаю, что въ то мгновеніе Эмма согласилась бы быть моею.

Ночью случилось такъ, что я выучился, наконецъ, дрожать.

Ко мнѣ на чердакъ пришла покойница и протянула мнѣ свою лѣвую руку, какъ бы показывая ее мнѣ: ногтя на большомъ пальцѣ не было. Я закачалъ головой въ знакъ того, что у меня былъ когда-то ноготь, но что я его выбросилъ и на мѣсто него взялъ раковину. Но покойница стояла передо мной и не уходила, а я лежалъ и весь дрожалъ отъ страха. Наконецъ, мнѣ удалось произнести, что я, къ сожалѣнію, ничего не могу больше сдѣлать, и что она должна уйти во имя Божіе... Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... Покойница пошла прямо на меня, я протянулъ впередъ два кулака и испустилъ раздирающій крикъ и въ то же время я сильно прижалъ Фалькенберга къ стѣнѣ.

— Что случилось?—закричалъ Фалькенбергъ.—Господи, Іисусе Христе!

Я проснулся весь въ холодномъ поту и открылъ глаза. Но хотя я лежалъ съ открытыми глазами, я видѣлъ всетаки, какъ покойница тихо удалялась въ темный уголъ чердака.

— Это покойница,—простоналъ я.—Она требуетъ свой ноготь.

Фалькенбергъ вскочилъ съ кровати и сразу пришелъ въ себя.

— И я видѣлъ ее.—Сказалъ онъ.

— И ты тоже? А ты видѣлъ палецъ? Уфъ!

— Не хотѣлъ бы я быть въ твоей шкурѣ.

— Дай мнѣ лечь у стѣны!—просилъ я.

— А я куда лягу?

— Тебѣ неопасно, ты отлично можешь лечь здѣсь впереди.

— Чтобы она взяла меня перваго? Нѣтъ, спасибо!

И съ этими словами Фалькенбергъ улегся снова и натянулъ одѣяло на глаза.

Одно мгновеніе я хотѣлъ спуститься и лечь у Петра; ему было уже лучше, и я не могъ больше заразиться отъ него. Но я побоялся спуститься съ лѣстницы.

Я провелъ скверную ночь.

Утромъ я началъ повсюду искать ногтя, и я нашелъ его, наконецъ, среди опилокъ и стружекъ на полу. Я похоронилъ его по дорогѣ въ лѣсъ.

— Чего добраго, тебѣ придется, пожалуй, отнести ноготь туда, откуда ты его взялъ,—сказалъ Фалькенбергъ.

— Туда такъ далеко, это цѣлое путешествіе...

— Но можетъ случиться, что ты будешь принужденъ сдѣлать это. Неизвѣстно, понравится ли ей, что палецъ валяется тамъ, а ноготь здѣсь.

Но я уже оправился отъ страха, а дневной свѣтъ сдѣлалъ изъ меня храбреца. Я сталъ смѣяться надъ суевѣріемъ Фалькенберга и сказалъ ему, что его взглядъ на вещи уже давно осужденъ наукой.

XXI.

Разъ вечеромъ въ усадьбу пріѣхала гостья. Такъ какъ Петръ все еще былъ боленъ, а второй работникъ былъ молодой мальчикъ, то пришлось принять лошадей мнѣ. Изъ коляски вышла дама.

— Господа дома?—спросила она.

Когда послышался шумъ подъѣзжавшей коляски, то въ окнахъ показались лица, въ коридорѣ и комнатахъ зажглись лампы, на крыльцо вышла барыня и крикнула:

— Это ты, Елизавета? Какъ я тебя ждала. Добро пожаловать!

Это была фрёкенъ Елизавета изъ усадьбы священника.

— Такъ онъ здѣсь?—спросила она удивленно.

— Кто?

Это она спрашивала про меня. Она меня узнала.

На слѣдующій день обѣ дамы пришли къ намъ въ лѣсъ. Сперва я очень боялся, что слухъ о прогулкѣ на чужихъ лошадяхъ дошелъ до усадьбы священника, но я успокоился, такъ какъ никто объ томъ не упоминалъ.

— Водопроводъ дѣйствуетъ хорошо,—сказала фрёкенъ Елизавета.

— Очень пріятно это слышать.

— Водопроводъ?—спросила барыня.

— Онъ у насъ устроилъ водопроводъ. Провелъ воду въ кухню и во второй этажъ. Намъ стòитъ только повернуть кранъ. Вамъ тоже слѣдовало бы устроить водопроводъ.

— Правда? А развѣ у насъ можно устроить водопроводъ?

Я отвѣтилъ, что да, это возможно.

— Отчего же вы не поговорили объ этомъ съ моимъ мужемъ?

— Я говорилъ съ нимъ объ этомъ. Онъ хотѣлъ посовѣтоваться объ этомъ съ вами.

Неловкая пауза. Даже насчетъ того, что такъ близко касалось его жены, онъ не нашелъ нужнымъ поговорить съ нею.

Я прибавилъ, чтобы прервать неловкое молчаніе:

— Во всякомъ случаѣ теперь уже слишкомъ поздно начинать это. Зима наступитъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ окончить нашу работу. Но весной—другое дѣло.

Барыня какъ будто оторвалась отъ какихъ-то мыслей.

— Теперь я припоминаю, что онъ говорилъ какъ-то объ этомъ,—сказала она.—Мы совѣтовались относительно этого. И рѣшили, что въ этомъ году уже слишкомъ поздно... Послушай, Елизавета, ты не находишь, что это очень интересно смотрѣть, какъ рубятъ лѣсъ.

Мы употребляли веревку, чтобы направлять дерево при его паденіи, и Фалькенбергъ какъ разъ прикрѣпилъ веревку на самой вершинѣ одного дерева.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете?

— Чтобы дерево падало, куда слѣдуетъ... — началъ было я объяснять.

Но барыня не пожелала меня дальше слушать, она обратилась прямо къ Фалькенбергу и сказала:

— Развѣ не все равно, куда падаетъ дерево?

Тогда Фалькенбергъ началъ объяснять:

— О, нѣтъ, необходимо управлять этимъ. Надо смотрѣть, чтобы дерево при паденіи не поломало слишкомъ много молодого лѣс

— Ты слышала?—обратилась барыня къ своей подругѣ.— я слышала, что у него за голосъ? Это онъ-то и поетъ.

Какъ мнѣ было досадно, что я говорилъ слишкомъ много, и о я не понялъ ея желанія! Я рѣшилъ показать ей, что понялъ ея уро. Да къ тому же я вѣдь былъ влюбленъ въ фрёкенъ Елизавету и н въ кого другого, а фрёкенъ Елизавета не капризничала и была

же красива, какъ и та, другая,—нѣтъ, въ тысячу разъ красивѣе! Я рѣшилъ поступить въ работники къ ея отцу. А пока я принялъ за правило, когда барыня обращалась ко мнѣ, смотрѣть сперва на Фалькенберга, а потомъ на нее, и не отвѣчать, какъ если бы я боялся, что не мой чередъ говорить. Мнѣ кажется, что мое поведеніе задѣло ее немножко, и она даже сказала разъ со смущенной улыбкой:

— Да, голубчикъ, это я *васъ* спрашиваю.

О, эта улыбка и эти слова... мое сердце радостно забилось, я началъ рубить со всей силой, которая развилась у меня отъ упражненія, и мой топоръ глубоко впивался въ дерево. Работа кипѣла. До меня отъ времени до времени доносились обрывки разговора.

— Я буду имъ пѣть сегодня вечеромъ,—сказалъ Фалькенбергъ, когда мы остались одни.

Насталъ вечеръ.

Я стоялъ на дворѣ и разговаривалъ съ капитаномъ. Намъ оставалось работы въ лѣсу дня на три, на четыре.

— Куда вы потомъ отправляетесь?

— На полотно желѣзной дороги.

— Быть можетъ, вы понадобитесь мнѣ еще здѣсь,—сказалъ капитанъ.—Я хочу улучшить дорогу, которая ведетъ къ шоссе, она слишкомъ круто спускается. Пойдемте, я вамъ покажу.

Онъ повелъ меня на южную сторону отъ главнаго строенія и сталъ показывать мѣсто рукой, хотя стало уже смеркаться.

— А когда будетъ готова дорога, да еще кое-что другое, то наступитъ и весна. А тамъ надо приняться и за водопроводъ. А кромѣ того вѣдь Петръ все еще боленъ; такъ продолжаться не можетъ, мнѣ необходимо еще одного работника.

Вдругъ до насъ донеслось пѣніе Фалькенберга. Въ комнатахъ былъ огонь, Фалькенбергъ былъ тамъ и пѣлъ подъ акомпанементъ рояля. Весь воздухъ наполнился прекрасными звуками этого удивительнаго голоса, и невольно по мнѣ пробѣжала дрожь.

Капитанъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на окна.

— А впрочемъ,—сказалъ онъ вдругъ,—пожалуй, лучше и съ дорогой подождать до весны. На сколько дней осталось вамъ еще работы въ лѣсу, сказали вы?

— Три-четыре дня.

— Хорошо, на томъ мы и порѣшимъ: дня три-четыре и затѣмъ конецъ на этотъ разъ.

Какое быстрое и странное рѣшеніе,—подумалъ я.

Я сказалъ:

— Собственно, проведенію дороги зима не помѣшаетъ; напро-

тивъ, зимой во многихъ отношеніяхъ даже лучше прокладывать дорогу. Надо взрывать камни, возить щебень.

— Я это отлично знаю, но... Да, а теперь я пойду послушать пѣніе.

И капитанъ ушелъ въ домъ.

Я подумалъ: это онъ, конечно, сдѣлалъ изъ вѣжливости, онъ хотѣлъ сдѣлать видъ, что причастенъ къ приглашенію Фалькенберга въ комнаты. Но онъ, конечно, охотнѣе остался бы поболтать со мной.

Какъ я былъ глупъ, и какъ я ошибался.

XXII.

Моя пила была почти окончена, и я могъ составить ее и произвести пробу. На дворѣ у мостика еще торчалъ высокій пень поваленной вѣтромъ осины. Я прикрѣпилъ свой аппаратъ къ этому пню и сейчасъ же убѣдился, что пила пилитъ хорошо. Помалкивай, помалкивай! Скоро на твоей улицѣ будетъ праздникъ!

Къ сожалѣнію, я плохо зналъ теорію, я долженъ былъ все время провѣрять себя опытами и это значительно замедляло мою работу. Вообще я былъ принужденъ упростить систему моего аппарата, насколько это было возможно.

Это было какъ разъ воскресенье, когда я прикрѣпилъ свою машину къ осиновому пню. Новыя деревянныя части машины и свѣтлая сталь пилы такъ и сверкали на солнцѣ. Вскорѣ въ окошкахъ появились лица, а капитанъ вышелъ на дворъ. Онъ не отвѣтилъ мнѣ на мой поклонъ, а шелъ впередъ, не отводя глазъ отъ машины.

— Ну, какъ она идетъ?

Я привелъ пилу въ движеніе.

— Посмотрите-ка, и вправду дѣло идетъ на ладъ.

Барыня и фрёкенъ Елизавета вышли на дворъ, всѣ служанки вышли, Фалькенбергъ вышелъ. Я пустилъ въ ходъ пилу. Помалкивай, помалкивай!

Капитанъ сказалъ:

— Не пойдетъ ли слишкомъ много времени на прикрѣпленіе пилы къ дереву?

— Часть времени выигрывается тѣмъ, что пилить значительно легче. При этой работѣ не приходится потѣть.

— Почему же?

— Потому что давленіе въ бокъ производится пружиной. Вотъ это-то давленіе и утомляетъ главнымъ образомъ работниковъ.

— А остальное время?

— Я хочу совершенно уничтожить винтъ и на мѣсто него примѣнить тиски, которые требуютъ только одного нажатія. У тисковъ будетъ рядъ нарѣзокъ, такъ что ихъ можно будетъ накладывать на стволы различной толщины.

Я показалъ капитану рисунки этихъ тисковъ, которые я еще не успѣлъ сдѣлать.

Капитанъ самъ пустилъ въ ходъ пилу, чтобы испытать, какое напряженіе силъ она требуетъ. Онъ сказалъ:

— Еще вопросъ, не будетъ ли слишкомъ тяжело таскать по лѣсу пилу, которая вдвое больше обыкновенной лѣсной пилы.

— Конечно,—подтвердилъ Фалькенбергъ.—Это надо еще посмотрѣть.

Всѣ посмотрѣли сперва на Фалькенберга, а потомъ на меня. Тогда я заговорилъ.

— Одинъ человѣкъ можетъ сдвинуть нагруженную телѣгу на колесахъ. А тутъ будутъ передвигать двое людей пилу, которая двигается на колесикахъ, вертящихся на хорошо смазанной стальной оси. Эту пилу будетъ гораздо легче передвигать съ мѣста на мѣсто, нежели старую; въ крайности даже одинъ человѣкъ справится съ ней.

— Мнѣ кажется, что это почти невозможно.

— Увидимъ.

Фрёкенъ Елизавета спросила полушутя:

— Но скажите мнѣ, я вѣдь ничего не смыслю въ этомъ, почему не проще перепиливать дерево по старому способу, какъ это всегда дѣлалось прежде?

— Онъ хочетъ сберечь силу, которую тратятъ тѣ, кто пилятъ, на давленіе въ бокъ,—объяснилъ капитанъ.—При помощи этой пилы можно сдѣлать горизонтальный разрѣзъ при давленіи сверху внизъ для вертикальнаго разрѣза. Представьте себѣ: вы давите внизъ, а пила дѣйствуетъ въ бокъ. Скажите, пожалуйста,—обратился онъ ко мнѣ,—вы не думаете, что вслѣдствіе давленія на концы пилы разрѣзъ будетъ дугообразный?

— Съ этой пилой невозможно сдѣлать дугообразнаго разрѣза при всемъ желаніи, такъ какъ она имѣетъ форму Т, что дѣлаетъ ее несгибаемой.

Я думаю, что капитанъ дѣлалъ свои замѣчанія безъ особенной надобности. При своихъ познаніяхъ онъ могъ бы лучше меня дать отвѣты на свои вопросы. Но зато было многое другое, на что капитанъ не обратилъ вниманія, и что очень озабочивало меня. Машина,

которую предстояло таскать по всему лѣсу, должна была быть крѣпкой конструкціи, а я боялся, что двѣ пружины могли сломаться или согнуться отъ толчка. Во всякомъ случаѣ моя машина была еще далеко не окончена.

. . . .

Капитанъ подошелъ къ Фалькенбергу и сказалъ:

— Я надѣюсь, что вы ничего не имѣете противъ того, чтобы отправиться завтра съ нашими дамами въ далекое путешествіе? Петръ еще слишкомъ слабъ.

— Помилуйте, что я могу имѣть противъ этого?

— Фрёкенъ Елизавета уѣзжаетъ завтра домой,—прибавилъ капитанъ уходя.—Вамъ надо быть готовымъ къ шести часамъ утра.

Фалькенбергъ былъ на седьмомъ небѣ отъ радости, что ему оказали такое довѣріе, и онъ поддразнивалъ меня и спрашивалъ, не завидую ли я ему. На самомъ дѣлѣ я вовсе не завидовалъ ему. Одно мгновеніе, быть можетъ, мнѣ было обидно, что моему товарищу отдали предпочтеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ меня несравненно больше прельщала перспектива остаться одному съ самимъ собой среди величавой тишины лѣса, нежели сидѣть на козлахъ и дрожать отъ холода.

Фалькенбергъ, который былъ въ самомъ радужномъ настроеніи, сказалъ мнѣ:

— Ты совсѣмъ позеленѣлъ отъ зависти. Тебѣ хорошо было бы принять что-нибудь отъ этого, немного американскаго масла.

Весь день онъ возился съ приготовленіями къ путешествію. Онъ мылъ карету, смазывалъ колеса и осматривалъ сбрую. А я помогалъ ему.

— Ты, чего добраго, и не умѣешь даже править парой,—сказалъ я, чтобы позлить его.—Но я, такъ и быть, научу тебя главному завтра утромъ, прежде чѣмъ ты отправишься въ путь.

— Мнѣ, право, жалко смотрѣть на твои страданія,—отвѣтилъ Фалькенберъ.—И все это только изъ-за твоей скаредности, изъ-за того, что тебѣ жалко истратить десять эрэ на американское масло.

Весь день мы только и дѣлали, что острили и смѣялись другъ надъ другомъ.

Вечеромъ ко мнѣ подошелъ капитанъ и сказалъ:

— Я не хотѣлъ васъ безпокоить, а потому предложилъ вашему товарищу поѣхать съ дамами, но фрёкенъ Елизавета требуетъ ва .

— Меня?

— Такъ какъ вы старый знакомый.

— Ну, мой товарищъ тоже человѣкъ надежный.

— Вы имѣете что-нибудь противъ того, чтобы ѣхать?

— Нѣтъ.

— Хорошо. Такъ, значитъ, поѣдете вы.

У меня сейчасъ же промелькнула мысль: Хо-хо, повидимому дамы предпочитаютъ меня, потому что я изобрѣтатель и обладатель замѣчательной пилы. А когда я пріодѣнусь, то у меня недурная внѣшность, блестящая внѣшность!

Однако капитанъ далъ Фалькенбергу совсѣмъ иное объясненіе, которое разомъ положило конецъ моимъ тщеславнымъ мыслямъ: фрёкенъ Елизавета хочетъ, чтобы я еще разъ побывалъ въ усадьбѣ священника и чтобы отецъ сдѣлалъ новую попытку нанять меня въ работники. Объ этомъ она уже заранѣе уговорилась съ отцомъ.

Я думалъ и ломалъ себѣ голову надъ этимъ объясненіемъ.

— Но вѣдь если ты останешься въ усадьбѣ священника, то ничего не выйдетъ изъ нашей работы на желѣзной дорогѣ,—сказалъ Фалькенбергъ.

Я отвѣтилъ:

— Я не останусь тамъ.

XXIII.

Рано утромъ я повезъ обѣихъ дамъ въ закрытой каретѣ. Сперва было очень холодно, и мое шерстяное одѣяло сослужило мнѣ хорошую службу: я поочередно то обертывалъ имъ свои ноги, то надѣвалъ его на плечи въ видѣ шали.

Мы ѣхали по той дорогѣ, по которой незадолго передъ тѣмъ шли съ Фалькенбергомъ. Я узнавалъ одно мѣсто за другимъ: вонъ тамъ и тамъ Фалькенбергъ настраивалъ фортепіано, а тамъ мы услыхали крики дикихъ гусей... Взошло солнце, стало тепло, время шло: на одномъ перекресткѣ дамы постучали мнѣ въ окно кареты и сказали, что пора обѣдать.

Я посмотрѣлъ на солнце и рѣшилъ, что дамамъ обѣдать еще рано, тогда какъ для меня это было какъ разъ обѣденное время, такъ какъ мы обѣдали съ Фалькенбергомъ всегда въ двѣнадцать часовъ. А потому я продолжалъ ѣхать дальше.

— Почему вы не останавливаетесь?—крикнули мнѣ дамы.

— Но вѣдь вы обыкновенно обѣдаете въ три часа... Я думалъ...

— Но мы голодны.

Я свернулъ въ сторону и остановился. Затѣмъ я выпрягъ лошадей, напоилъ ихъ и задалъ имъ корму. Ужъ не подогнали ли эти чудаки свое обѣденное время къ моему?—думалъ я.

— Пожалуйста!—услышалъ я приглашеніе.

Я не нашелъ удобнымъ присоединяться къ этой трапезѣ и остался стоять у лошадей.

— Что же вы?—спросила барыня.

— Будьте такъ любезны, дайте мнѣ чего-нибудь,—сказалъ я.

Онѣ дали мнѣ всего очень много, но имъ все казалось, что я еще не получилъ достаточно. Я откупоривалъ бутылки съ пивомъ и меня щедро угостили и этимъ напиткомъ. Это былъ цѣлый пиръ на большой дорогѣ, а для меня это было маленькое приключеніе въ моей жизни. Но я старался какъ можно меньше смотрѣть на барыню, чтобы она не чувствовала себя униженной.

Дамы весело болтали другъ съ другомъ и изъ любезности обращались изрѣдка и ко мнѣ съ нѣсколькими словами. Фрёкенъ Елизавета сказала:

— Какъ весело обѣдать подъ открытымъ небомъ! Вы не находите этого?

Теперь она не говорила мнѣ больше ты, какъ раньше у себя дома.

— Для него-то это не ново,—сказала барыня.—Вѣдь онъ каждый день обѣдаетъ въ лѣсу.

Ахъ, этотъ голосъ, глаза, этотъ нѣжный, женственный изгибъ руки, которая протягивала мнѣ стаканъ... И я могъ бы разсказать кое-что о широкомъ свѣтѣ и развеселить ихъ, я могъ бы поправить ихъ, когда онѣ болтали о томъ, чего не знали, какъ, напримѣръ, о ѣздѣ на верблюдахъ и о сборѣ винограда...

Я поспѣшилъ окончить свой обѣдъ и отошелъ отъ нихъ. Я взялъ ведро и пошелъ за водой для лошадей, хотя это было лишнее, и сѣлъ у ручья.

Черезъ нѣсколько времени барыня крикнула меня:

— Идите къ лошадямъ. Мы пойдемъ прогуляться и поискать хмѣлевыхъ листьевъ или чего-нибудь въ этомъ родѣ.

Однако когда я подошелъ къ каретѣ, то онѣ уже рѣшили, что никуда идти не стоитъ, такъ какъ у хмѣля уже опали листья, а рябины здѣсь нигдѣ не видно, да и пестрыхъ листьевъ нигдѣ нѣтъ.

— Въ лѣсу теперь ничего нѣтъ,—сказала барышня. И о[на] обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:—Скажите, а здѣсь у васъ боль[ше] нѣтъ кладбища для прогулокъ?

— Нѣтъ.

— Какъ же вы обходитесь безъ кладбища?—И она сказала ба[ры]нѣ, что я очень странный человѣкъ, который бродитъ по ночамъ [...]

кладбищу и устраиваетъ свиданія съ мертвецами. Тамъ-то я и придумываю свои машины.

Чтобы сказать что-нибудь, я спросилъ ее про молодого Эрика. Съ нимъ случилось несчастье, онъ харкалъ кровью?...

— Да, онъ поправляется,—отвѣтила коротко барышня.—Не пора ли намъ отправляться, Лависа?

— Да, конечно. Вы готовы?

— Когда вамъ угодно,—отвѣтилъ я.

Мы поѣхали дальше.

Время шло, солнце склонялось къ западу, стало опять холодно, воздухъ сталъ рѣзкимъ; потомъ поднялся вѣтеръ и пошелъ дождь вперемѣшку со снѣгомъ. Мы проѣхали мимо приходской церкви, мимо двухъ-трехъ лавокъ, мимо нѣсколькихъ усадебъ.

Вдругъ въ окно кареты снова раздался стукъ.

— Не здѣсь ли вы однажды ночью катались на чужихъ лошадяхъ?—спросила барышня, улыбаясь.—И до насъ дошли объ этомъ слухи.

И обѣ дамы засмѣялись.

Я нашелся и отвѣтилъ:

— И всетаки вашъ отецъ хочетъ взять меня въ работники, не правда ли?

— Да.

— Разъ мы начали говорить объ этомъ, фрёкенъ, то позвольте у васъ спросить, какъ вашъ отецъ узналъ, что я работаю у капитана Фалькенберга? Вѣдь вы сами удивились, увидя меня тамъ?

Послѣ мгновеннаго размышленія она отвѣтила, бросивъ взглядъ на барыню:

— Я написала объ этомъ домой.

Барыня опустила глаза.

Мнѣ показалось, что молодая дѣвушка говоритъ неправду. Но она отвѣчала впопадъ, и я былъ обезоруженъ. Не было ничего невозможнаго въ томъ, что въ своемъ письмѣ къ родителямъ она написала нѣчто вродѣ: И знаете, кого я здѣсь встрѣтила? Того, который устраивалъ у насъ въ усадьбѣ водопроводъ,—теперь онъ рубитъ лѣсъ у капитана...

Между тѣмъ, когда мы, наконецъ, пріѣхали въ усадьбу священника, то оказалось, что работникъ былъ уже нанятъ и находился имъ въ услуженіи три недѣли. Онъ вышелъ къ намъ и принялъ лошадей.

А я опять началъ ломать себѣ голову: почему меня выбрали въ кучера? Не изъ-за желанія ли вознаградить меня за то, что Фаль-

кенбергъ пѣлъ въ комнатахъ? Но неужели же эти люди не понимаютъ, что я человѣкъ, который скоро прославится своимъ изобрѣтеніемъ, и что я не нуждаюсь въ благодѣяніяхъ!

Я бродилъ кругомъ, мрачный и недовольный самимъ собой; потомъ поужиналъ въ кухнѣ, получилъ благословеніе Олины за водопроводъ—и устроилъ на ночь лошадей. Когда стемнѣло, я отправился на чердакъ со своимъ одѣяломъ...

Я проснулся отъ того, что кто-то водилъ по мнѣ руками въ темнотѣ.

— Нельзя же тебѣ спать здѣсь, вѣдь ты замерзнешь,—сказала жена священника.—Пойдемъ, я покажу тебѣ другое мѣсто.

Съ минуту мы поговорили объ этомъ. Я не хотѣлъ никуда уходить и добился того, что и она сѣла возлѣ меня. Эта женщина была огонь, нѣтъ, она была дитя природы. Кровь еще горѣла въ ней и она увлекала и заставляла забываться.

XXIV.

Утромъ я проснулся въ лучшемъ настроеніи духа. Я успокоился и сталъ благоразумнымъ, я могъ разсуждать. Если бы я желалъ добра самому себѣ, то я никогда не долженъ былъ бы покидать этого мѣста; я могъ бы сдѣлаться работникомъ и сталъ бы первымъ среди равныхъ себѣ. Да, и я свыкся бы съ тихой деревенской жизнью.

На дворѣ стояла фру Фалькенбергъ. Ея высокая и свѣтлая фигура выдѣлялась на большомъ пустынномъ дворѣ и походила на стройную колонну. Она была безъ шляпы.

Я поклонился и пожелалъ добраго утра.

— Здравствуйте!—отвѣтила она и подошла ко мнѣ своей плавной походкой. Потомъ она спросила меня очень тихо:—Я хотѣла посмотрѣть вчера вечеромъ, куда васъ помѣстили, но мнѣ не удалось уйти. Впрочемъ, конечно, я могла уйти, но... Вѣдь вы не на чердакѣ спали?

Послѣднія слова я слушалъ, какъ во снѣ, и не былъ въ состояніи отвѣчать.

— Почему вы молчите?

— Вы спросили, спалъ ли я на чердакѣ? Да.

— Въ самомъ дѣлѣ? И вамъ не было тамъ очень дурно спа!

— Нѣтъ.

— Ну да, да, да... Мы отправимся домой попозже днемъ.

Она повернулась и ушла, и при этомъ лицо ея пылало до самъ корней волосъ...

Ко мнѣ подошелъ Харальдъ и попросилъ сдѣлать ему змѣя.

— Хорошо, я сдѣлаю тебѣ змѣя,—отвѣтилъ я, не выходя изъ своего растеряннаго состоянія,—я сдѣлаю тебѣ громаднаго змѣя, который будетъ взлетать до самыхъ облаковъ. Вотъ увидишь, что я сдѣлаю тебѣ такого змѣя.

Мы проработали съ Харальдомъ часа два надъ змѣемъ. Харальдъ былъ славный мальчикъ и искренно увлекся сооруженіемъ змѣя, а что касается до меня, то я думалъ о чемъ угодно, только не о змѣѣ. Мы устроили хвостъ въ нѣсколько метровъ длины, клеили и крутили бечевки; раза два къ намъ приходила фрёкенъ Елизавета и смотрѣла на нашу работу. Она была такая же милая и живая, какъ и всегда, но она для меня больше не существовала, и мысли мои были заняты не ею.

Черезъ нѣсколько времени за мной прислали и велѣли закладывать лошадей. Я долженъ былъ бы послушаться этого приказанія, потому что путь предстоялъ длинный, но я послалъ Харальда попросить полчаса отсрочки. И мы продолжали работать до тѣхъ поръ, пока змѣй не былъ готовъ. На слѣдующій день, когда клей высохнетъ, думалъ я, Харальдъ пуститъ его по вѣтру, и будетъ слѣдить за его полетомъ, устремивъ взоръ въ безпредѣльное пространство, и будетъ чувствовать въ своей душѣ то же смутное волненіе, какимъ теперь переполнена моя душа.

Лошади поданы.

Барыня выходитъ на крыльцо; ее провожаетъ вся семья священника.

Священникъ и его жена узнаютъ меня, отвѣчаютъ на мой поклонъ и говорятъ мнѣ нѣсколько словъ, но я не услыхалъ отъ нихъ ничего такого, изъ чего я могъ бы заключить, что они хотятъ нанять меня въ работники. Голубоглазая жена священника стояла и смотрѣла на меня своимъ косымъ взглядомъ.

Фрёкенъ Елизавета принесла корзинку съ провизіей и усадила свою подругу въ карету.

— Ты такъ и не хочешь ничего больше надѣть на себя?—спросила она на прощаніе.

— Нѣтъ, спасибо, я достаточно тепло одѣта. Прощай, прощай!

— Будьте сегодня такимъ же хорошимъ кучеромъ, какимъ вы б[illegible]ч вчера,—сказала барышня, кивая мнѣ головой.

Мы отправились въ путь.

Было холодно и сыро, и я сейчасъ же увидалъ, что барыня была н[illegible]остаточно тепло укутана, и что ей было холодно въ ея одѣялѣ.

[illegible]ы ѣдемъ часъ за часомъ. У меня нѣтъ варежекъ и мои руки

коченѣютъ и не чувствуютъ вожжей, но лошади, которыя понимаютъ, что скоро будутъ дома, бѣгутъ бодро безъ всякаго поощренія.

Когда мы поровнялись съ одной избушкой, стоявшей немного въ сторонѣ отъ дороги, барыня постучала мнѣ въ окно кареты и сказала, что пора обѣдать. Она вышла изъ кареты совсѣмъ блѣдная отъ холода.

— Мы войдемъ въ эту избу и закусимъ,—сказала она.—Идите также туда, когда вы устроите лошадей, и возьмите съ собой корзинку.

И она стала подниматься на пригорокъ, гдѣ находилась изба.

«Она, вѣроятно, хочетъ закусывать въ избѣ, потому что на дворѣ холодно,—подумалъ я.—Вѣдь не можетъ же быть, чтобы она боялась меня»...

Я привязалъ лошадей и задалъ имъ корму. Такъ какъ погода хмурилась и можно было ожидать дождя, то я покрылъ ихъ клеенкой. Потомъ я похлопалъ ихъ и пошелъ съ корзинкой въ избу.

Въ избѣ стояла старая женщина, которая сказала:

— Милости просимъ, входите, входите!

И затѣмъ спокойно продолжала варить свой кофе.

Барыня выложила изъ корзины провизію и сказала, не глядя на меня:

— Можно вамъ предложить и сегодня чего-нибудь?

— Да. Очень вамъ благодаренъ.

Мы ѣдимъ въ глубокомъ молчаніи. Я сижу на маленькой скамейкѣ возлѣ двери, а тарелка стоитъ рядомъ со мной на самомъ кончикѣ скамейки. Барыня сидитъ у стола и почти все время смотритъ на дворъ; она, повидимому, не въ состояніи проглотить ни одного куска. Отъ времени до времени она перекидывается съ женщиной нѣсколькими словами, отъ времени до времени она бросаетъ взглядъ на мою тарелку, чтобы убѣдиться, что она не пуста. Избушка такъ мала, что между окномъ и мною не болѣе двухъ шаговъ, такъ что мы съ ней сидимъ все равно какъ бы рядомъ.

Когда кофе былъ готовъ, то оказалось, что на скамейкѣ не нашлось больше мѣста для моей чашки, а потому мнѣ пришлось держать ее въ рукахъ. Тогда барыня повернулась ко мнѣ всѣмъ лицомъ и сказала съ опущенными глазами:

— Здѣсь есть мѣсто.

Мое сердце сильно забилось, и я пробормоталъ:

— Благодарю васъ, мнѣ здѣсь отлично... Я предпочитаю...

Было ясно, что она волновалась, что она боялась меня, боялась, что я скажу что-нибудь, сдѣлаю что-нибудь. Она снова отвернула

свое лицо, но я видѣлъ, какъ тяжело дышала ея грудь. Успокойся же!—говорилъ я мысленно;—изъ моихъ несчастныхъ губъ не вырвется ни единаго слова!

Я хотѣлъ было поставить пустую тарелку и чашку на столъ, но боялся испугать ее. Я пошумѣлъ сперва чашкой, чтобы обратить на себя ея вниманіе, потомъ поставилъ на столъ посуду и поблагодарилъ.

Она сдѣлала попытку принять хозяйскій тонъ:

— Не хотите ли еще? Почему же...

— Нѣтъ, очень вамъ благодаренъ... Уложить все обратно? Но я боюсь, что мнѣ не удастся это сдѣлать.

Я случайно взглянулъ на свои руки: въ теплѣ онѣ отогрѣлись и страшно распухли и были безформенны и неповоротливы. Съ такими руками трудно было что-нибудь дѣлать. Она посмотрѣла сперва на мои руки, потомъ на полъ и сказала, сдерживая улыбку:

— Развѣ у васъ нѣтъ варежекъ?

— Нѣтъ, но онѣ мнѣ и не нужны.

Я сѣлъ на свое мѣсто у двери и сталъ ждать, пока она уложитъ все въ корзину, чтобы захватить корзину съ собой. Вдругъ она повернула ко мнѣ лицо и спросила, не поднимая глазъ:

— Вы откуда?

— Изъ Нордланда.

Пауза.

— А вы бывали тамъ?

— Да, въ дѣтствѣ.

При этихъ словахъ она посмотрѣла на свои часы, какъ бы для того, чтобы прекратить разговоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить мнѣ, что пора ѣхать.

Я сейчасъ же всталъ и пошелъ къ лошадямъ.

Стало смеркаться, небо потемнѣло, пошелъ мокрый снѣгъ. Я стащилъ незамѣтно съ козелъ свое одѣяло и сунулъ его подъ переднее сидѣнье кареты. Сдѣлавъ это, я напоилъ лошадей и запрегъ ихъ. Немного спустя изъ избы вышла барыня, я пошелъ къ ней навстрѣчу, чтобы взять корзинку.

— Куда вы?

— За корзинкой.

— Благодарю васъ, это лишнее. Тамъ нечего брать съ собой.

Мы пошли къ каретѣ. Она сѣла въ карету, и я сталъ помогать ей укутывать ноги. При этомъ я сдѣлалъ видъ, что случайно нашелъ одѣяло подъ переднимъ сидѣньемъ. Я старался скрыть кайму, чтобы она не узнала его.

— Ахъ, какъ это великолѣпно!—сказала она.—Гдѣ оно лежало?

— Здѣсь.

— Мнѣ дали бы нѣсколько одѣялъ у священника, но вѣдь несчастные люди никогда не получили бы ихъ обратно... Благодарю васъ, я сама... Нѣтъ, благодарю васъ, право же я могу сама... Приготовляйтесь сами.

Я затворилъ дверцу кареты и вскочилъ на козлы.

Если она теперь постучитъ въ окошко, то это изъ-за одѣяла, и я не остановлюсь,—рѣшилъ я мысленно.

Время шло часъ за часомъ. Стало темно, какъ въ мѣшкѣ, снѣгъ пополамъ съ дождемъ шелъ съ усиливающимся ожесточеніемъ, дорога становилась все грязнѣе и грязнѣе. Отъ времени до времени я спрыгивалъ съ козелъ и бѣжалъ рядомъ съ каретой, чтобы согрѣться; съ моего платья вода лила ручьями.

До дома уже оставалось недалеко.

Если бы только у крыльца не было слишкомъ много свѣта, чтобы она не узнала одѣяла,—думалъ я.

Къ несчастію, все было освѣщено, барыню ждали.

Не зная, что дѣлать, я остановилъ лошадей за нѣсколько шаговъ до крыльца и открылъ дверцу кареты.

— Зачѣмъ? Что это такое?

— Я думалъ, что вы будете такъ добры и выйдете здѣсь. Дорогу такъ размыло... Колеса...

Она, вѣроятно, подумала, что я замышляю что-нибудь недоброе; Богъ знаетъ, что ей показалось, но она сказала:

— Господи, да поѣзжайте же!

Лошади тронули и остановились въ самомъ яркомъ свѣтѣ.

На крыльцо вышла Эмма и приняла барыню. Барыня отдала ей одѣяла, которыя она уже заранѣе сложила.

— Благодарю васъ!—сказала она мнѣ.—Боже, какъ съ васъ течетъ!

XXV.

Меня ожидало удивительное извѣстіе: Фалькенбергъ нанялся къ капитану въ работники. Это рѣшеніе моего товарища разрушало всѣ наши планы, и я оставался одинъ. Я ничего не понималъ во всемъ этомъ. Но вѣдь я могъ обдумать положеніе вещей на слѣдующій день.

Было уже два часа ночи, а я все еще лежалъ съ открытыми гла-

зами, дрожалъ и думалъ,—и во всѣ эти долгіе часы я никакъ не могъ согрѣться. Но вотъ, наконецъ, я почувствовалъ, что по моимъ жиламъ разливается тепло, и черезъ нѣсколько времени я лежалъ въ сильнѣйшемъ жару... Какъ она боялась вчера, она не рѣшилась даже остановиться на дорогѣ, чтобы поѣсть, а зашла въ избу... и во весь долгій путь она ни разу не подняла на меня глазъ...

Вдругъ я прихожу на мгновеніе въ полное сознаніе и соображаю, что могу сказать что-нибудь въ бреду и разбудить Фалькенберга. Я судорожно сжимаю зубы и вскакиваю съ постели. Снова натянувъ на себя свое мокрое платье, я ощупью спускаюсь съ лѣстницы и бросаюсь опрометью бѣжать черезъ поля. Черезъ нѣсколько времени мое платье начинаетъ согрѣвать меня. Я бѣгу по направленію къ лѣсу, гдѣ мы работали. Съ моего лица катятся капли пота и дождя. Лишь бы мнѣ достать пилу, тогда я изгоню изъ своего тѣла лихорадку работой, — это старое, хорошо испытанное мною средство. Пилы нѣтъ, но зато я нахожу мой топоръ, который я самъ спряталъ въ субботу вечеромъ,—и я начинаю рубить. Тьма такая, что я почти ничего не вижу; но я изрѣдка ощупываю рукой зарубленное мѣсто на стволѣ, и мнѣ удается срубить нѣсколько деревьевъ. Потъ льется съ меня градомъ.

Когда я почувствовалъ себя достаточно утомленнымъ, я спряталъ топоръ на старое мѣсто. Начало свѣтать, и я побѣжалъ домой.

— Гдѣ ты былъ?—спросилъ Фалькенбергъ.

Я не хотѣлъ, чтобы онъ узналъ о моей простудѣ, такъ какъ онъ могъ бы проговориться объ этомъ въ кухнѣ, а потому я пробормоталъ, что и самъ не знаю, куда ходилъ.

— Ты, вѣрно, былъ у Рённаугъ,—сказалъ Фалькенбергъ.

Я отвѣтилъ, что дѣйствительно былъ у Рённаугъ, разъ онъ отгадалъ.

— Отгадать это вовсе не трудно,—замѣтилъ онъ.—Но что касается до меня, то я уже ни къ кому больше никогда не пойду.

— Такъ ты, значитъ, женишься на Эммѣ!

— Да, это дѣло налаживается. Досадно, что и тебѣ нельзя здѣсь остаться. Тогда и ты, пожалуй, могъ бы жениться на одной изъ остальныхъ.

И онъ продолжалъ дальше говорить на эту тему и сказалъ, что я, можетъ быть, и могъ бы жениться на одной изъ другихъ дѣвушекъ, но что у капитана не было больше никакой работы для меня. Мнѣ не надо даже на слѣдующій день идти въ лѣсъ... Я слушалъ Фалькенберга, но слова его доносились до меня откуда-то издалека, изъ-за цѣлаго моря сна, которое надвигалось на меня.

Когда я проснулся на слѣдующее утро, то лихорадки у меня уже больше не было, я чувствовалъ только нѣкоторую истому; тѣмъ не менѣе я приготовился идти въ лѣсъ.

— Тебѣ незачѣмъ больше надѣвать на себя платье, въ которомъ ты ходишь на работу въ лѣсъ. Вѣдь я уже сказалъ тебѣ это.

— И то правда! Но я всетаки надѣну рабочее платье, такъ какъ другое совсѣмъ мокрое.

Фалькенбергъ чувствуетъ себя немного смущеннымъ вслѣдствіе своей измѣны; но онъ извиняется тѣмъ, что будто бы думалъ, что я наймусь къ священнику.

— Такъ ты, значитъ, не пойдешь на работу въ горы?—спросилъ я.

— Гм... Нѣтъ, изъ этого ничего не выйдетъ. О, нѣтъ! Ты и самъ понимаешь, что я усталъ, наконецъ, таскаться съ одного мѣста на другое. А лучше, чѣмъ здѣсь, мнѣ нигдѣ не будетъ.

Я дѣлаю видъ, что это меня совсѣмъ не трогаетъ, и высказываю вдругъ большой интересъ къ Петру: самое ужасное это то, что бѣднягу выбрасываютъ на улицу.

— Выбрасываютъ, нечего сказать! — воскликнулъ Фалькенбергъ.—Когда онъ пролежитъ здѣсь больнымъ ровно столько недѣль, сколько полагается по закону, то онъ отправится домой. Вѣдь у его отца есть свой дворъ съ землей.

Потомъ Фалькенбергъ объявилъ мнѣ совсѣмъ чистосердечно, что чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ съ тѣхъ поръ, какъ рѣшилъ покинуть меня. Если бы не Эмма, то онъ наплевалъ бы на капитана.

— Вотъ посмотри-ка, это я отдаю тебѣ.

— Что это такое?

— Это свидѣтельства. Они мнѣ больше не нужны, но тебѣ они могутъ пригодиться въ трудную минуту. Можетъ быть, ты когда-нибудь вздумаешь настраивать фортепіано.

При этихъ словахъ онъ протянулъ мнѣ бумаги и ключъ для настраиванія.

Но такъ какъ я не обладаю хорошимъ слухомъ Фалькенберга, то эти вещи для меня безполезны, и я объявляю, что чувствую себя болѣе способнымъ настроить точильный камень, нежели фортепіано.

Фалькенбергъ расхохотался и, повидимому, почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, видя меня такимъ веселымъ до самаго конца.

Фалькенбергъ ушелъ. Мнѣ нечего было дѣлать, а потому я легъ одѣтый на кровать и сталъ думать. Какъ бы то ни было, но работа наша была окончена, и мы ушли бы отсюда во всякомъ случаѣ. Не могъ же я разсчитывать остаться здѣсь на вѣчныя времена. Однако не

входило въ наши разсчеты,—это то, что Фалькенбергъ остался. Если бы на мою долю выпало получить его мѣсто, то я работалъ бы за двоихъ! Нельзя ли подкупить Фалькенберга, чтобы онъ отказался отъ мѣста? Ужъ если говорить всю правду, то мнѣ казалось, что я подмѣчалъ у капитана нѣкоторое недовольство по поводу того, что у него на дворѣ есть работникъ, который носитъ одну съ нимъ фамилію. Очевидно, я ошибался.

Я думалъ и ломалъ себѣ голову. А вѣдь я былъ хорошимъ работникомъ, насколько я знаю. И я никогда не воровалъ у капитана ни одной минуты для работы надъ моимъ изобрѣтеніемъ.

Я снова погрузился въ дремоту. Меня разбудили шаги на лѣстницѣ. Прежде чѣмъ я какъ слѣдуетъ успѣлъ встать съ кровати, въ дверяхъ очутился капитанъ.

— Лежите, лежите,—сказалъ онъ ласково и хотѣлъ уже уходить.—А впрочемъ, разъ уже я васъ разбудилъ, то мы можемъ, пожалуй, свести наши счеты?

— Благодарю васъ. Какъ вамъ угодно.

— Вотъ видите ли, мы оба, какъ вашъ товарищъ, такъ и я, думали, что вы найметесь къ священнику, а потому... А теперь и хорошей погодѣ насталъ конецъ, такъ что въ лѣсу работать невозможно, да тамъ и немного осталось несрубленныхъ деревьевъ. Да, что я хотѣлъ сказать? Вотъ видите ли, я разсчитался съ вашимъ товарищемъ, а что касается до васъ, то я не знаю?...

— Я удовлетворюсь той же платой, конечно.

— Мы рѣшили съ вашимъ товарищемъ, что ваша поденная плата должна быть немного больше.

Объ этомъ Фалькенбергъ не упомянулъ мнѣ ни единымъ словомъ; по всей вѣроятности, самъ капитанъ придумалъ это.

— У насъ съ товарищемъ было уговорено, что мы будемъ получать поровну,—замѣтилъ я.

— Но вѣдь вы руководили работой. Конечно, вы должны получить по пятидесяти эре лишнихъ въ день.

Такъ какъ я убѣдился, что мои возраженія не послужатъ ни къ чему, то я предоставилъ капитану произвести разсчетъ, какъ онъ хотѣлъ, и принялъ деньги. При этомъ я замѣтилъ, что получилъ больше, чѣмъ ожидалъ.

Капитанъ отвѣтилъ:

— Очень радъ. Я просилъ бы васъ принять также и вотъ это свидѣтельство о вашей работѣ.

И онъ протянулъ мнѣ бумагу.

Онъ былъ справедливый и честный человѣкъ. Если онъ не упо-

миналъ о водопроводной работѣ весною, то онъ, конечно, имѣлъ на то свои причины, и я не хотѣлъ надоѣдать ему вопросами.

Онъ спросилъ:

— Такъ вы отправляетесь на желѣзнодорожныя работы?

— Нѣтъ, я еще не рѣшилъ.

— Ну, да, конечно. Благодарю васъ за пріятную компанію.

И онъ направился къ двери.

А я, оселъ этакій, не могъ дольше сдерживать себя и спросилъ:

— Не найдется ли у васъ работа для меня попозже, весною?

— Право, не знаю, мы посмотримъ. Я... это будетъ зависѣть... Но если вы будете въ этихъ краяхъ... А что вы собираетесь дѣлать съ вашей машиной?

— Если бы вы разрѣшили оставить ее пока здѣсь...

— Само собою разумѣется.

Когда капитанъ ушелъ, я опустился на кровать. Итакъ, все кончено! И слава Богу! Теперь девять часовъ, она встала, она ходитъ въ томъ домѣ, который я вижу изъ этого окна. Надо будетъ поскорѣе убраться отсюда.

Я вытащилъ свой мѣшокъ и началъ укладывать въ него свои вещи. Потомъ я натянулъ поверхъ блузы свою мокрую куртку и былъ готовъ. Однако я снова опустился на кровать.

Вошла Эмма и сказала:

— Милости просимъ завтракать!

Къ моему ужасу она держала на рукѣ мое одѣяло.

— Барыня просила узнать, не твое ли это одѣяло?

— Мое? Нѣтъ. Я уложилъ свое одѣяло въ мѣшокъ.

Эмма ушла съ одѣяломъ.

Конечно, я не могъ признать одѣяла. Чтобы ему провалиться, этому одѣялу!... Не пойти ли мнѣ завтракать? Я могъ бы заодно поблагодарить и проститься. Въ этомъ не было бы ничего страннаго.

Снова вошла Эмма съ аккуратно сложеннымъ одѣяломъ въ рукахъ. Она положила его на перекладину и сказала:

— Если ты не придешь сейчасъ, то кофе остынетъ.

— Зачѣмъ принесла ты сюда это одѣяло?

— Барыня велѣла мнѣ оставить его здѣсь.

— Можетъ быть, это одѣяло Фалькенберга,—пробормоталъ

Эмма спросила:

— Такъ ты уходишь теперь?

— Да. Разъ ты не хочешь меня знать, то...

— Ишь ты?—сказала Эмма, сверкнувъ глазами.

Я пошелъ за Эммой въ кухню. Въ то время, какъ я сидѣлъ за

столомъ, я увидалъ въ окно капитана, который шелъ въ лѣсъ. Я обрадовался, что онъ ушелъ; быть можетъ, барыня выйдетъ теперь въ кухню.

Я поѣлъ и всталъ изъ-за стола. Уйти мнѣ, не попрощавшись съ ней? Конечно! Я прощаюсь со служанками и говорю нѣсколько словъ каждой изъ нихъ.

— Я хотѣлъ бы также попрощаться и съ барыней, но...

— Барыня у себя, я пойду...

Эмма пошла въ комнаты и черезъ мгновеніе возвратилась.

— У барыни болитъ голова и она легла на диванъ. Но она просила кланяться.

— Добро пожаловать опять!—сказали всѣ дѣвушки, когда я уходилъ.

Я взялъ подъ мышку мѣшокъ и ушелъ со двора. Но вдругъ я вспомнилъ, что Фалькенбергъ, быть можетъ, будетъ искать топоръ, который я спряталъ въ лѣсу, и не найдетъ его. Я возвратился на дворъ, постучалъ въ окно кухни и сказалъ про топоръ.

Шагая по дорогѣ, я обернулся раза два и посмотрѣлъ на окна дома. Вскорѣ дома скрылись изъ вида.

XXVI.

Я пробродилъ вокругъ Эвербё весь день, заходилъ въ нѣсколько дворовъ и спрашивалъ работы. Я бродилъ, какъ неспокойный духъ, безъ цѣли, безъ смысла. Погода была холодная и сырая, и только безостановочная ходьба согрѣвала меня нѣсколько.

Подъ вечеръ я пробрался въ лѣсъ капитана, гдѣ я работалъ. Я не слышалъ ударовъ топора, значитъ, Фалькенбергъ уже ушелъ домой. Я нашелъ деревья, которыя я срубилъ ночью, и расхохотался надъ безобразными пнями, которыми я украсилъ лѣсъ. Фалькенбергъ, конечно, замѣтилъ эту варварскую работу и поломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, кто произвелъ это опустошеніе въ лѣсу. Чего добраго Фалькенбергъ подумалъ, что это дѣло лѣшаго, а потому онъ и удралъ домой, пока еще было свѣтло. Ха-ха-ха!

Моя веселость была не особенно хорошаго свойства; она была слѣдствіемъ лихорадки и слабости, которая осталась послѣ лихорадки. Да и веселость моя вскорѣ перешла въ грусть. Здѣсь на этомъ мѣстѣ она стояла однажды со своей подругой; онѣ пришли къ намъ въ лѣсъ и разговаривали съ нами.

Когда стало довольно темно, я направился къ усадьбѣ. Не переночевать ли мнѣ еще сегодня на чердакѣ? Завтра, когда у нея прой-

деть головная боль, она, быть можетъ, выйдетъ ко мнѣ. Я шелъ до тѣхъ поръ, пока не увидалъ свѣтъ въ окнахъ; потомъ я повернулъ назадъ. Пожалуй, еще слишкомъ рано.

Проходитъ нѣкоторое время, мнѣ кажется, что прошло два часа, я поочередно хожу и сижу, потомъ я снова направляюсь къ усадьбѣ. Собственно говоря, я отлично могъ бы пойти на чердакъ и переночевать тамъ, посмѣлъ бы только этотъ несчастный Фалькенбергъ хоть пикнуть! Нѣтъ, теперь я знаю, что я сдѣлаю: я спрячу свой мѣшокъ въ лѣсу, а потомъ пойду на чердакъ и притворюсь, какъ если бы я тамъ забылъ что-нибудь.

Я снова возвращаюсь въ лѣсъ.

Но едва я успѣваю спрятать мѣшокъ, какъ для меня становится яснымъ, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла ни до Фалькенберга, ни до чердака, ни до постели. Я оселъ и дуракъ, и меня ничуть не занимаетъ вопросъ о ночлегѣ, я хочу видѣть только одного человѣка и затѣмъ покинуть дворъ и всѣ эти мѣста и деревню. Милостивый государь, обращаюсь я къ самому себѣ, не вы ли искали тихой жизни и здравыхъ людей, чтобы обрѣсти душевный миръ?

Я снова вытаскиваю свой мѣшокъ, взваливаю его себѣ на спину и въ третій разъ направляюсь къ усадьбѣ. Я дѣлаю крюкъ, чтобы обойти людскую, и подхожу къ главному зданію съ южной стороны. Въ комнатахъ свѣтъ.

Хотя и темно, но я снимаю со спины мѣшокъ, чтобы не походить на нищаго, и беру его подъ мышку, и затѣмъ осторожно подхожу къ дому. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него я останавливаюсь, снимаю фуражку и стою передъ окномъ на вытяжку. Внутри никого не видно, не промелькнетъ ни одной тѣни; въ столовой темно, время ужина уже прошло. Должно быть, уже поздно, думаю я.

Вдругъ въ комнатахъ гаснетъ огонь и весь домъ кажется покинутымъ и вымороченнымъ. Я все еще жду чего-то. Но вотъ появляется свѣтъ во второмъ этажѣ. Это ея комната, думаю я. Свѣтъ горитъ съ полчаса и затѣмъ гаснетъ. Теперь она легла. Спокойной ночи!

Спокойной ночи навсегда!

Конечно, я не возвращусь сюда весною. Этого еще недоставало!

Выйдя на шоссе, я снова взваливаю себѣ мѣшокъ на спину отправляюсь въ путь.

Утромъ я иду дальше. Ночь я провелъ на одномъ сѣновалѣ, и м было очень холодно, такъ какъ у меня не было одѣяла. Къ тому я долженъ былъ отправиться въ путь на разсвѣтѣ, въ самое хол ное время, чтобы не быть застигнутымъ на чужомъ сѣновалѣ.

Я иду и иду. Хвойный лѣсъ чередуется съ березовымъ. По до

мнѣ попадается можжевеловый кустъ съ прямымъ стволомъ; я срѣзаю его себѣ на палку. Потомъ я сажусь на опушкѣ лѣса и начинаю стругать и отдѣлывать свою палку. Кое-гдѣ еще на деревьяхъ остались желтые листья, а березы усыпаны сережками, на которыхъ дрожатъ дождевыя капли. Отъ времени до времени на такую березу опускается съ полдюжины маленькихъ птичекъ, и онѣ клюютъ сережки, а потомъ онѣ летятъ или къ камню, или къ какому-нибудь твердому стволу и очищаютъ свои клювики отъ клейкаго вещества. Онѣ ничего другъ другу не уступаютъ, онѣ преслѣдуютъ другъ друга, гоняются другъ за другомъ, несмотря на то, что въ ихъ распоряженіи цѣлые милліоны такихъ сережекъ. Та птица, которую преслѣдуютъ, и не думаетъ защищаться, а старается только спастись. Если маленькая птичка съ азартомъ нападаетъ на большую, то эта послѣдняя сейчасъ же уступаетъ ей; даже большой дроздъ и не думаетъ сопротивляться воробью, а бросается скорѣе въ сторону. Это, вѣроятно, происходитъ оттого, что энергія нападающаго наводитъ страхъ, думаю я.

Непріятное чувство холода и тоскливое состояніе, которые овладѣли мною съ утра, мало-по-малу проходятъ; меня занимаетъ все, что встрѣчается мнѣ по дорогѣ, и мысли мои перебѣгаютъ съ одного предмета на другой. Больше всего забавляютъ меня птицы. Кромѣ того немало радовало меня также и то, что карманъ у меня полонъ денегъ.

Фалькенбергъ случайно упомянулъ мнѣ наканунѣ, гдѣ находится домъ Петра, и я направился туда. Получить какую-нибудь работу на этомъ маленькомъ дворѣ я не разсчитывалъ; но такъ какъ я былъ богатъ, то работа не очень-то занимала мои мысли. Петръ долженъ былъ на этихъ же дняхъ возвратиться домой, и онъ, быть можетъ, могъ поразсказать что-нибудь.

Я подогналъ такъ, что пришелъ къ дому Петра вечеромъ. Я передалъ хозяевамъ поклоны отъ сына и сообщилъ, что ему гораздо лучше, и что онъ скоро возвратится домой. А потомъ я попросилъ разрѣшенія переночевать.

XXVII.

Я прожилъ здѣсь дня два; Петръ возвратился домой, но новостей ь собой не принесъ никакихъ.

— Хорошо ли всѣ поживаютъ въ Эвербё?

— Да. По крайней мѣрѣ я ничего не слыхалъ.

— Ты видѣлъ всѣхъ передъ тѣмъ, какъ уйти? Капитана, ба-.ню?

— Да.

— Никто не былъ боленъ?

— Нѣтъ. А кому же болѣть-то?

— Я думалъ, не боленъ ли Фалькенбергъ,—сказалъ я.—Онъ жаловался, что у него руки ломитъ; но вѣроятно это прошло...

Въ этомъ домѣ не было уюта, хотя видно было, что въ немъ царило полное довольство. Хозяинъ былъ членомъ стортинга и съ нѣкоторыхъ поръ началъ читать по вечерамъ газету. Ахъ, это ужасное чтеніе! Весь домъ томился во время него, а дочери помирали со скуки. Когда Петръ возвратился домой, то вся семья усѣлась считать, все ли ему выплатили, и пролежалъ ли онъ больнымъ у капитана все дозволенное время—все, установленное закономъ, время сполна, сказалъ членъ стортинга. Наканунѣ я нечаянно сломалъ одно стекло въ чердачномъ окнѣ; и всѣ въ домѣ начали перешептываться насчетъ этого и косо смотрѣли на меня, хотя стекло ничего не стоило. Тогда я отправился въ лавку, купилъ стекло и самъ вставилъ его въ окно. Увидя это, членъ стортинга сказалъ мнѣ: напрасно ты безпокоился изъ-за такихъ пустяковъ.

Однако я ходилъ въ лавку не изъ-за одного стекла. Я купилъ еще нѣсколько бутылокъ вина, чтобы показать, что я не довольствуюсь покупкой однихъ только стеколъ для маленькаго окна. Кромѣ того, я купилъ еще швейную машину, которую я собирался преподнести дочерямъ хозяина при прощаньи. Была суббота, и я хотѣлъ вечеромъ угостить всѣхъ виномъ. На другой день въ воскресенье можно было выспаться, а въ понедѣльникъ утромъ я собирался идти дальше.

Однако все вышло совсѣмъ не такъ, какъ я предполагалъ. Обѣ дѣвушки побывали на чердакѣ и обнюхали мой мѣшокъ. Швейная машина и бутылки заставили работать ихъ воображеніе, онѣ строили разныя предположенія относительно этихъ вещей и гадали. Успокойтесь, думалъ я, ждите, пока я захочу удовлетворить ваше любопытство!

Вечеромъ я сидѣлъ со всей семьей въ избѣ, и мы разговаривали. Мы только что поужинали и хозяинъ надѣлъ на носъ очки и взялъ газету. Снаружи кто-то постучалъ въ дверь. На дворѣ стучатъ, сказалъ я. Дѣвушки переглянулись и вышли. Немного спустя дверь растворилась, и онѣ вошли, ведя за собой двухъ парней. Садитесь, пожалуйста! сказала хозяйка.

У меня сейчасъ же промелькнула мысль, что этихъ деревенскихъ парней заранѣе увѣдомили о винѣ, и что это были женихи дѣвушекъ. Эти дѣвушки восемнадцати, девятнадцати лѣтъ подавали большія

дежды,—такія онѣ были ловкія и догадливыя! Но дѣло въ томъ, что вина вовсе не будетъ, ни капельки...

Говорили о погодѣ, о томъ, что въ такое позднее время года хорошей погоды ждать больше нечего, что осеннюю пахоту придется остановить изъ-за дождя. Разговоръ шелъ вяло, и одна изъ дѣвушекъ, обратясь ко мнѣ, спросила, почему я такъ тихъ и молчаливъ.

— Это, вѣроятно, потому, что мнѣ надо отправляться въ путь,— отвѣтилъ я.—Въ понедѣльникъ утромъ я уже буду за двѣ мили отсюда.

— Въ такомъ случаѣ мы, можетъ быть, выпьемъ за ваше здоровье сегодня вечеромъ?

Этотъ вопросъ сопровождался фырканьемъ. Смѣялись надъ тѣмъ, что я сидѣлъ и скаредничалъ и заставлялъ ждать вина. Но я не зналъ этихъ дѣвушекъ, и мнѣ не было никакого дѣла до нихъ, а то было бы совсѣмъ другое дѣло.

— Что такое?—спросилъ я.—Я купилъ три бутылки вина, чтобы взять ихъ съ собой.

— Такъ ты хочешь тащить съ собой вино двѣ мили?—спросила дѣвушка съ хохотомъ.—Да вѣдь по дорогѣ сколько угодно лавокъ.

— Вы забываете, барышня, что завтра воскресенье, и что всѣ лавки заперты,—отвѣтилъ я.

Смѣхъ затихъ, но я чувствовалъ недоброжелательное отношеніе къ себѣ за мой рѣзкій отвѣтъ. Я обратился къ хозяйкѣ и спросилъ ее коротко, сколько я ей долженъ.

— Зачѣмъ торопиться? До завтра еще времени достаточно.

— Нѣтъ, я тороплюсь. Я пробылъ у васъ двое сутокъ, скажите, сколько я вамъ долженъ.

Хозяйка долго думала и, наконецъ, вышла изъ комнаты и позвала съ собой мужа, чтобы вмѣстѣ рѣшить этотъ вопросъ.

Они такъ долго не возвращались, что я пошелъ на чердакъ, привелъ въ порядокъ свой мѣшокъ и спустился съ нимъ внизъ. Я притворился обиженнымъ и рѣшилъ уйти въ тотъ же вечеръ. Это былъ хорошій способъ уйти отъ этихъ людей.

Когда я вошелъ въ избу, Петръ спросилъ:

— Вѣдь не собираешься же ты уходить, глядя на ночь?

— Да, я собираюсь уходить.

— Мнѣ кажется, что не стоитъ быть дуракомъ и обращать вниніе на то, что сказали эти дѣвчонки.

— Господи, дай этому старику уйти!—сказала одна сестра.

Наконецъ, хозяинъ съ хозяйкой возвратились въ избу. Но они чи осторожны и упорно молчали.

— Ну, сколько же я вамъ долженъ?

— Гм... Рѣшайте это сами.

Всѣ эти люди были мнѣ противны до глубины души, мнѣ становилось невыносимо въ этомъ домѣ, и я бросилъ хозяйкѣ первую попавшуюся мнѣ подъ руки ассигнацію.

— Довольно?

— Гм. Конечно, и это деньги, но... И этого могло бы быть достаточно, но...

— Сколько я вамъ далъ?

— Пятерку.

— Ну, можетъ быть, это и маловато. И я хотѣлъ достать еще денегъ.

— Нѣтъ, мать, это была десятка,—сказалъ Петръ.

Старуха разжала ладонь, посмотрѣла на бумажку и стала удивляться:

— Посмотрите-ка! Да вѣдь и вправду это десятка! Я не посмотрѣла какъ слѣдуетъ. Большое тебѣ спасибо.

Хозяинъ, чтобы скрыть свое смущеніе, заговорилъ съ парнями о томъ, что онъ прочелъ въ газетѣ: ужасное несчастье, руку совсѣмъ раздробило въ молотильной машинѣ! Дочери дѣлали видъ, что не обращаютъ на меня вниманія, но онѣ сидѣли несолоно хлебавши и злились. Въ этомъ домѣ мнѣ нечего было больше дѣлать—Прощайте!

Хозяйка вышла за мной въ сѣни и старалась умилостивить меня:

— Будь же добрымъ и дай намъ въ долгъ одну бутылку. Надо же угостить этихъ парней.

— Прощайте!—сказалъ я ей только на это съ такимъ видомъ, что лучше было ко мнѣ не подходить.

Мѣшокъ я взвалилъ себѣ на спину, а швейную машину взялъ въ руки. Было очень тяжело тащить все это, и дорогу къ тому же размыло, но я всетаки шелъ съ легкимъ сердцемъ. Я побывалъ въ скверной исторіи, и мнѣ даже казалось немного, что поведеніе мое было неблагородно. Неблагородно? Ничуть не бывало! Я разыгралъ изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ судью и вывелъ на чистую воду этихъ дрянныхъ дѣвчонокъ, которыя хотѣли устроить пиръ для своихъ возлюбленныхъ на мой счетъ. Положимъ такъ. Но развѣ мое негод[...] ваніе не было простой выходкой обиженнаго мужчины? Если бы н[...] мѣсто двухъ парней въ избу были приглашены двѣ дѣвушки, то ра[...] вѣ не полилось бы вино? А она еще сказала—старикъ. Но развѣ о[...] не была права? Я, вѣроятно, очень состарѣлся, разъ я не могъ пер[...] нести, что меня оттолкнули ради простого мужика...

Однако обида моя понемногу теряла свою остроту отъ утомительной ходьбы; я тащился часъ за часомъ со своей дурацкой ношей, съ тремя бутылками вина и швейной машиной. Погода была теплая и туманная; я различалъ свѣтъ въ домахъ только на очень близкомъ разстояніи. Тогда на меня набрасывались собаки и не давали мнѣ прокрасться на чердакъ. Наступила глубокая ночь; я чувствовалъ себя утомленнымъ и грустнымъ, будущее также заботило меня. И къ чему я выбросилъ столько денегъ совсѣмъ зря! Я рѣшилъ продать машину и снова превратить ее въ деньги.

Въ концѣ-концовъ я подошелъ, наконецъ, къ одной избушкѣ безъ собаки. Въ окнѣ былъ еще виденъ свѣтъ, и я, недолго думая, вошелъ въ избу и попросилъ ночлега.

XXVIII.

Въ избѣ за столомъ сидѣла и шила молоденькая дѣвушка конфирмаціоннаго возраста. Больше въ избѣ никого не было. На мою просьбу провести здѣсь ночь она отвѣтила съ величайшимъ довѣріемъ, что конечно я могу остаться у нихъ, но что она спроситъ; и она ушла за перегородку въ маленькую каморку. Я крикнулъ ей вслѣдъ, что удовольствуюсь разрѣшеніемъ только посидѣть у печки въ ожиданіи разсвѣта.

Черезъ минуту дѣвушка возвратилась въ сопровожденіи своей матери, которая на ходу застегивала пуговицы и крючки на своемъ платьѣ. Добрый вечеръ. Онѣ не могутъ, сказала она, предложить мнѣ хорошаго помѣщенія для ночлега; но она охотно уступаетъ мнѣ каморку.

— А гдѣ же вы сами будете спать?

— О, скоро и утро наступитъ. А дѣвочка должна еще сидѣть и шить.

— Что она шьетъ? Платье?

— Нѣтъ, только лифъ къ юбкѣ. Она хочетъ надѣть его завтра въ церковь, но она ни за что не хотѣла, чтобы я помогала ей.

Я вытащилъ свою машину и сказалъ, смѣясь, что для такой шту-к сшить однимъ лифомъ меньше или больше ровно ничего не стоитъ. В тъ я вамъ покажу!

— Ужъ не портной ли вы?

— Нѣтъ. Я просто продаю швейныя машины.

Я вынимаю руководство и читаю, какъ надо обращаться съ ма-ш ной. Дѣвочка внимательно слушаетъ. Она еще совсѣмъ дитя; ея т 'кіе пальчики совсѣмъ посинѣли отъ матеріи, которая краситъ.

Эти синіе пальчики кажутся такими жалкими, что я вынимаю вино и мы всѣ пьемъ его. Потомъ мы беремся за шитье: я читаю руководство, а дѣвочка вертитъ колесо машины. Она находитъ, что дѣло идетъ великолѣпно, и глаза ея сверкаютъ отъ радости.

— Сколько ей лѣтъ?

— Шестнадцать. Она недавно конфирмовалась.

— Какъ ее зовутъ?

— Ольга.

Мать стоитъ и смотритъ на работу, и у нея тоже является желаніе повертѣть колесо, но каждый разъ, когда она дотрогивается до колеса, Ольга говоритъ: Осторожнѣе, мама, а то испортишь! Когда мы стали наматывать нитки, мать взяла на мгновеніе въ руки челнокъ, и Ольга опять испугалась, что она его испортитъ.

Мать беретъ кофейникъ и завариваетъ кофе, въ избѣ становится тепло и уютно; эти одинокія женщины спокойны и довѣрчивы. Ольга смѣется, когда я говорю что-нибудь забавное по поводу машины. Я обратилъ вниманіе на то, что ни мать, ни дочь не спрашиваютъ, сколько стоитъ машина, хотя она и продавалась,—она такъ недоступна для нихъ. Но онѣ обѣ наслаждаются, глядя на работу машины!

— Ольгѣ стоило бы завести машину,—говорю я;—она умѣетъ обращаться съ нею.

Мать отвѣчаетъ, что этого еще придется подождать, сперва Ольга должна послужить нѣкоторое время.

— Такъ она пойдетъ въ услуженіе?

Мать говоритъ, что она надѣется на это. Ея другія двѣ дочери уже служатъ и имъ живется хорошо, слава Богу. Завтра Ольга увидитъ ихъ въ церкви.

На одной стѣнѣ виситъ маленькое зеркальце съ надтреснутымъ стекломъ, на другой стѣнѣ прибиты гвоздиками грошевыя картинки, изображающія солдатъ верхомъ на лошадяхъ и принцевъ въ парадномъ платьѣ. Я замѣчаю, что одна картинка старая и измятая, и изображаетъ императрицу Евгенію; я догадываюсь, что она пріобрѣтена уже давно, и спрашиваю, откуда она?

— Не помню. Да, мужъ ее принесъ когда-то.

— Откуда, изъ деревни?

— Право, не знаю. Не изъ помѣстья ли, гдѣ мужъ служилъ въ молодости. Это было лѣтъ тридцать тому назадъ.

Я составилъ въ головѣ маленькій планъ, а потому я говорю:

— Эта картинка стоитъ большихъ денегъ.

Такъ какъ женщина думаетъ, что я смѣюсь надъ ней, то я

чинаю подробно осматривать картинку и объявляю ей еще разъ очень увѣренно, что эта картинка не изъ дешевыхъ.

Женщина вовсе ужъ не такъ глупа, она только говоритъ: Вотъ какъ, вы это находите? Эта картинка виситъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ выстроили избу. Она собственно принадлежитъ Ольгѣ,—Ольга съ малыхъ лѣтъ называла картинку своею.

Я принимаю таинственный видъ и разспрашиваю еще подробнѣе:

— А гдѣ же это помѣстье?

— Помѣстье въ сосѣдней деревнѣ. Въ двухъ миляхъ отсюда. Тамъ живетъ ленсманъ...

Кофе готово, и мы съ Ольгой дѣлаемъ маленькій перерывъ въ работѣ,—намъ осталось только пришить крючки. Я прошу показать мнѣ блузу, съ которой она надѣнетъ лифъ, но оказывается, что настоящей блузы нѣтъ, а ее долженъ замѣнить простой вязаный платокъ. Однако меня успокаиваютъ тѣмъ, что поверхъ всего Ольга надѣнетъ старую кофту, которую ей дала сестра, и эта кофта скроетъ всѣ недочеты.

— Ольга такъ растетъ за послѣднее время,—замѣчаетъ мать,—что нѣтъ никакого смысла дѣлать для нея настоящее платье раньше, какъ черезъ годъ.

Ольга сидитъ и пришиваетъ крючки, и вскорѣ это дѣло сдѣлано. Но теперь я замѣчаю, что она совсѣмъ засыпаетъ и не въ состояніи больше бороться со сномъ, и я принимаю начальническій тонъ и приказываю ей немедленно ложиться спать. Мать считаетъ своей обязанностью сидѣть со мной для компаніи, хотя я усердно прошу ее также пойти отдохнуть.

— Ты должна хорошенько поблагодарить этого незнакомаго человѣка за помощь,—говоритъ мать.

И Ольга подходитъ ко мнѣ, благодаритъ и протягиваетъ руку. Я пользуюсь этимъ и толкаю ее въ каморку.

— А теперь и вы также уходите,—говорю я матери.—Я все равно съ вами разговаривать больше не буду, я очень усталъ.

Увидя, что я устраиваюсь возлѣ печки и подкладываю себѣ подъ голову мѣшокъ, она съ улыбкой качаетъ головой и уходитъ.

XXIX.

Мнѣ здѣсь хорошо и весело. Утро. Солнце ярко сіяетъ сквозь окна. Ольга съ матерью такъ усердно намочили свои волосы и такъ тщательно причесали ихъ, что отъ ихъ головъ тоже распространяется сіяніе.

Послѣ общаго завтрака, за которымъ я получаю громадную порцію кофе, Ольга надѣваетъ на себя новый лифъ, вязаный платокъ, замѣняющій блузу, и сестрину кофту. Ахъ, эта ужасная кофта! Она была вся обшита аграмантомъ, два ряда пуговицъ были также изъ аграманта, вокругъ ворота и на рукавахъ была отдѣлка изъ шнурка. Но маленькая Ольга совсѣмъ терялась въ этой кофтѣ—такъ она ей была велика. А Ольга была худа и костлява, какъ новорожденный теленокъ.

— А знаете что?—предлагаю я.—Не передѣлать ли намъ сейчасъ эту кофту и не ушить ли ее въ бокахъ? Время у насъ еще есть.

Но мать съ дочерью переглядываются, что сегодня, молъ, воскресенье, когда нельзя употреблять ни иголки, ни ножа. Я хорошо понимаю ихъ, потому что я самъ такъ думалъ въ дѣтствѣ. Но я всетаки дѣлаю попытку выйти изъ затрудненія, прибѣгнувъ къ маленькому вольнодумству:

— Это совсѣмъ другое дѣло, когда шьетъ машина. Вѣдь не считается же за грѣхъ, когда по дорогѣ въ воскресенье проѣдетъ телѣга.

Но онѣ этого не понимаютъ. Кромѣ того оказывается, что кофта разсчитана на ростъ: черезъ два-три года она будетъ впору.

Когда Ольга собралась уходить, я сталъ придумывать, чтò бы ей дать на прощанье, но я ничего не нашелъ и сунулъ ей въ руку только одну крону. Она пожала мнѣ руку въ благодарность, показала матери монету и спросила шопотомъ, вся сіяя, нельзя ли ей отдать деньги сестрѣ въ церкви. И мать отвѣтила ей почти съ такимъ же сіяющимъ лицомъ, что, конечно, пусть она это сдѣлаетъ.

Ольга отправилась въ церковь въ своей кофтѣ. Она спускается съ пригорка и при этомъ ноги ея ступаютъ то носками внутрь, то врозь, какъ придется. Господи, какая она была милая и смѣшная...

— А какъ зовутъ помѣстье, въ которомъ живетъ ленсманъ?—спрашиваю я у матери.

— Херсетъ.

— Это большое помѣстье?

— Да, большое.

Я сижу нѣкоторое время молча, моргаю сонными глазами и за нимаюсь этимологіей: Херсетъ—могло означать господское имѣнь Или, быть можетъ, какой-нибудь Херсе владѣлъ имъ когда-то. дочь Херсе была прекраснѣйшей дѣвушкой въ странѣ, и самъ Яр попросилъ ея руки. Черезъ года она родитъ ему сына, который дѣлается королемъ...

Однимъ словомъ, я рѣшилъ отправиться въ Херсетъ. Не все ли равно, куда идти? Можетъ быть, у ленсмана найдется работа, и во всякомъ случаѣ тамъ чужіе люди, которые меня не знали. Принявъ рѣшеніе идти въ Херсетъ, я создавалъ себѣ ближайшую цѣль.

Я хочу спать, голова моя тяжела и мысли путаются, и я получаю разрѣшеніе отъ хозяйки лечь на ея постель. Великолѣпный голубой паукъ медленно ползетъ по стѣнѣ, и я лежу и слѣжу за нимъ глазами, пока сонъ наконецъ не овладѣваетъ мною.

Я проспалъ часа два и просыпаюсь бодрый и здоровый. Хозяйка готовитъ обѣдъ. Я укладываю свой мѣшокъ, плачу хозяйкѣ за свое содержаніе и говорю подъ конецъ, что хочу вымѣнять у Ольги ея картинку на швейную машину.

Хозяйка и на этотъ разъ не вѣритъ мнѣ.

Но я сказалъ, что это все равно. Разъ она довольна, то и я доволенъ. Картина имѣетъ свою цѣну, и я знаю, чтò дѣлаю.

Я снялъ со стѣны картину, сдунулъ съ нея пыль и осторожно свернулъ ее. На бревенчатой стѣнѣ осталось свѣтлое четырехугольное пятно. Потомъ я попрощался съ хозяйкой.

Она проводила меня на дворъ и спросила, не могу ли я подождать, пока Ольга возвратится домой, тогда она сама поблагодарила бы меня. Ахъ, голубчикъ, пожалуйста!

Но у меня не было времени. Я попросилъ кланяться Ольгѣ и сказать, что если у нея встрѣтится какое-нибудь затрудненіе въ обращеніи съ машиной, то пусть она прочтетъ руководство.

Хозяйка долго стояла и смотрѣла мнѣ вслѣдъ. Я весело шелъ по дорогѣ и былъ очень доволенъ собой и своимъ поступкомъ. Теперь мнѣ надо было тащить только одинъ мѣшокъ, утомленіе мое прошло, солнце сіяло и дорога немного просохла. Я запѣлъ, такъ я былъ доволенъ своимъ поступкомъ.

Неврастенія...

До Херсета я добрался только на слѣдующій день. Такъ какъ усадьба была очень большая и богатая, то я хотѣлъ было уже пройти мимо; но потомъ, поговоривъ съ однимъ изъ работниковъ, я рѣшилъ пойти къ ленсману. Я вѣдь и раньше работалъ у богатыхъ людей, напримѣръ, у капитана изъ Эвребё...

Ленсманъ былъ широкоплечій, приземистый человѣкъ съ длинно сѣдой бородой и темными бровями. Онъ говорилъ сердито, но глаза у него были добродушные; позже оказалось, что онъ былъ веселый человѣкъ, который умѣлъ шутить и смѣялся отъ души. Но отъ времени до времени на него нападала важность и онъ кичился своимъ положеніемъ и своимъ богатствомъ и былъ тщеславенъ.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ работы,—встрѣтилъ онъ меня.—Откуда вы пришли?

Я назвалъ нѣсколько мѣстъ, мимо которыхъ я проходилъ.

— У васъ, конечно, нѣтъ денегъ и вы ходите и просите?

— Нѣтъ, я ничего не прошу. У меня есть деньги.

— Такъ идите дальше. У меня нѣтъ для васъ работы, осенняя пахота окончилась. Вы умѣете рубить жерди для изгороди?

— Да.

— Вотъ какъ. Но я не дѣлаю больше деревянныхъ изгородей, у меня проволочныя изгороди. А штукатурить вы умѣете?

— Да.

— Жаль. У меня какъ разъ всю осень работали штукатуры, такъ что и вамъ была бы работа.

Онъ стоялъ передо мной и тыкалъ своей палкой въ землю.

— Какъ вамъ пришло въ голову придти ко мнѣ?

— Люди говорили, что стóитъ мнѣ только пойти къ ленсману, и я достану работу.

— Да? У меня дѣйствительно всегда много всякаго народу въ домѣ. Вотъ недавно были штукатуры. Умѣете ли вы дѣлать изгороди для куръ? Ужъ это всякій сумѣетъ, ха-ха-ха. Вы сказали, что были у капитана Фалькенберга въ Эвребё?

— Да.

— Что вы тамъ дѣлали?

— Рубилъ лѣсъ.

— Я не знаю этого человѣка, онъ живетъ такъ далеко отсюда, но я слышалъ о немъ. Есть у васъ отъ него какія-нибудь бумаги?

Я передалъ ему свидѣтельство.

— Ладно, оставайтесь у меня,—сказалъ вдругъ ленсманъ.

Онъ повелъ меня вокругъ дома и привелъ въ кухню.

— Дайте этому человѣку хорошенько поѣсть, онъ пришелъ издалека,—сказалъ онъ.

Я сижу въ большой свѣтлой кухнѣ и ѣмъ такъ хорошо, какъ уже давно не ѣлъ. Едва я успѣлъ окончить ѣсть, какъ въ кухню снова вошелъ ленсманъ.

— Эй, вы, послушайте,—сказалъ онъ.

Я сейчасъ же всталъ и стоялъ передъ нимъ, какъ свѣчка. По-видимому это маленькое проявленіе почтительности пришлось ему по душѣ.

— Нѣтъ, ѣшьте, кончайте. Вы уже поѣли? Я вотъ что придумалъ... Пойдемте со мной.

Онъ повелъ меня на дворъ.

— Вы пойдете въ лѣсъ за дровами, что вы на это скажете? У меня два работника, но одинъ у меня служитъ понятымъ, такъ что вамъ придется идти въ лѣсъ съ другимъ. Вы видите, что у меня дровъ запасено достаточно, но можно привезти еще, это никогда не лишнее. Вы говорили, что у васъ есть деньги? Покажите мнѣ.

Я показалъ ему свои деньги.

— Хорошо. Вотъ видите ли, я должностное лицо и долженъ знать своихъ людей. Но само собою разумѣется, что у васъ ничего нѣтъ на совѣсти, разъ вы пришли къ ленсману, ха-ха-ха! Итакъ, сегодня вы отдохнете, а завтра отправляйтесь въ лѣсъ.

Я началъ приготовляться къ слѣдующему дню, осмотрѣлъ свое платье и отточилъ пилу и топоръ. У меня не было варежекъ, но погода была такая, что можно было еще обойтись безъ варежекъ, въ остальномъ я ни въ чемъ не нуждался.

Ленсманъ нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ и болталъ со мной весело и свободно,—его, вѣроятно, занималъ разговоръ съ чужимъ человѣкомъ, пришедшимъ издалека.—Иди сюда, Маргарита!—крикнулъ онъ своей женѣ, когда та шла по двору.—Вотъ здѣсь этотъ новый человѣкъ, я его посылаю въ лѣсъ за дровами.

XXX.

Мы не получили никакихъ опредѣленныхъ указаній, но мы начали по собственному разумѣнію рубить исключительно сухой лѣсъ. Вечеромъ ленсманъ сказалъ, что мы поступили правильно. На слѣдующій день онъ всетаки рѣшилъ самъ придти въ лѣсъ и дать намъ необходимыя указанія.

Скоро я увидалъ, что работы въ лѣсу не хватитъ и до Рождества. Дорога была хорошая, такъ какъ морозило, но снѣгу не было. А потому мы нарубили массу дровъ и ничто не задерживало нашей работы. Самъ ленсманъ нашелъ, что мы рубимъ лѣсъ, какъ сумасшедшіе, ха-ха-ха. У старика было пріятно работать, онъ часто приходилъ къ намъ въ лѣсъ и всегда былъ въ хорошемъ настроеніи духа. Такъ какъ я никогда не поддерживалъ его остротъ, то онъ, вѣроятно, рѣшилъ, что я скучный, но надежный человѣкъ. Онъ поручилъ мнѣ ходить за почтой.

Въ усадьбѣ не было ни дѣтей, ни молодежи, за исключеніемъ служанокъ и одного работника, а потому по вечерамъ время шло медленно. Чтобы разсѣяться немного, я досталъ кислоты и олова и вылудилъ въ кухнѣ нѣсколько старыхъ кастрюль. Но и это дѣло вскорѣ было окончено. Но вотъ однажды вечеромъ я написалъ слѣдующее письмо:

«Если бы я былъ тамъ, гдѣ вы, то я работалъ бы за двоихъ!»

На слѣдующій день я долженъ былъ идти за почтой для ленсмана; я захватилъ съ собой мое письмо и отослалъ его. Я очень волновался, письмо вышло такое неизящное. Я получилъ бумагу отъ ленсмана, а конвертъ я долженъ былъ обклеить цѣлой лентой почтовыхъ марокъ, чтобы скрыть штемпель ленсмана. Что-то она скажетъ, когда получитъ это письмо! На немъ не было ни подписи, ни числа, ни мѣста, откуда оно послано.

Мы работаемъ въ лѣсу съ парнемъ, болтаемъ о разныхъ пустякахъ, и хорошо ладимъ другъ съ другомъ. Дни шли; къ своему огорченію я видѣлъ, что работа будетъ скоро окончена, но я питалъ маленькую надежду на то, что ленсманъ, быть можетъ, найдетъ для меня какую-нибудь другую работу, когда мы покончимъ съ дровами въ лѣсу. Мнѣ очень не хотѣлось отправляться странствовать передъ Рождествомъ.

Но вотъ я опять однажды стою на почтѣ и вдругъ получаю письмо. Я никакъ не могу взять въ толкъ, что это письмо адресовано мнѣ, и я верчу его нерѣшительно въ рукахъ. Но почтовый чиновникъ знаетъ меня, онъ читаетъ адресъ и говоритъ, что на конвертѣ стоитъ мое имя, а кромѣ того адресъ ленсмана. Вдругъ меня пронзаетъ одна мысль, и я хватаю письмо. Да, это ко мнѣ, я забылъ... конечно...

Въ ушахъ моихъ раздается звонъ, я быстро выхожу на дорогу, разрываю конвертъ и читаю:

«*Не пишите мнѣ*—».

Безъ подписи, безъ обозначенія мѣста, но такъ ясно и такъ прелестно! Первыя два слова были подчеркнуты.

Не помню, какъ я дошелъ домой. Я помню только, что я сидѣлъ на кучѣ камней и читалъ письмо, потомъ я засунулъ его въ карманъ; потомъ я дошелъ до слѣдующей кучи камней и продѣлалъ то же самое. *Не пишите*. Но быть можетъ, я могу пойти къ ней и поговорить. Какая прелестная маленькая бумажка, какой изящный почеркъ! Ея руки дотрогивались до этого письма, ея глаза были устремлены на эту бумагу, она дышала на нее! А въ концѣ была чер[...] — она могла означать безконечно много.

Возвратясь домой, я отдалъ почту и пошелъ въ лѣсъ. Я былъ [...]о-груженъ въ глубокія думы и, вѣроятно, казался очень страннымъ [...]о-ему товарищу, который съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ я то и [...]ло перечитывалъ какое-то письмо, пряталъ его вмѣстѣ съ деньг[...]и, потомъ опять вынималъ и читалъ...

Какая она догадливая, что нашла меня! Навѣрное она де[...]а

конвертъ на свѣтъ и прочла подъ марками имя ленсмана. Потомъ она на мгновеніе склонила свою прелестную головку, прищурила глаза и подумала: онъ теперь работаетъ у ленсмана въ Херсетѣ...

Вечеромъ, когда я возвратился домой, ко мнѣ пришелъ ленсманъ и началъ со мной разговаривать о томъ и о другомъ, а потомъ онъ спросилъ:

— Вѣдь вы кажется говорили, что работали у капитана Фалькенберга въ Эвребё.

— Да.

— Оказывается, что онъ изобрѣлъ машину.

— Машину?

— Лѣсную пилу. Такъ стоитъ въ газетѣ.

Я вздрогнулъ. Ужъ не изобрѣлъ ли капитанъ мою пилу?

— Это ошибка,—говорю я;—пилу изобрѣлъ вовсе не капитанъ.

— Не онъ?

— Нѣтъ, не онъ. Но пила стоитъ у него.

И я разсказываю ленсману все. Онъ идетъ за газетой, и мы читаемъ съ нимъ вмѣстѣ: Новое изобрѣтеніе... Нашъ сотрудникъ отправился на мѣсто... Пила особенной конструкціи, она можетъ имѣть громадное значеніе для лѣсопромышленниковъ... Эта машина заключается въ слѣдующемъ...

— Вѣдь не хотите же вы сказать, что это вы изобрѣли пилу?

— Да, я изобрѣлъ ее.

— И капитанъ хочетъ украсть ее? Нѣтъ, это великолѣпно, это восхитительно! Но положитесь на меня. Видѣлъ ли кто-нибудь, что вы работали надъ вашимъ изобрѣтеніемъ?

— Да, всѣ люди капитана.

— Клянусь, я никогда ничего подобнаго не видалъ! Украсть ваше изобрѣтеніе! А деньги-то, вѣдь это пахнетъ милліономъ!

Я долженъ былъ признаться, что не понимаю капитана.

— Но я-то его хорошо понимаю! Не даромъ я ленсманъ. Признаться, я уже давно подозрѣвалъ этого человѣка. Онъ вовсе ужъ не такъ богатъ, какимъ онъ представляется. А теперь я ему пошлю письмо, маленькое, коротенькое письмецо отъ *меня;* что вы на это скажете? Ха-ха-ха! Положитесь на меня!

Но я сталъ обдумывать это дѣло. Ленсманъ слишкомъ горячился, могло случиться, что капитанъ невиноватъ, что перепуталъ корреспондентъ. Я попросилъ ленсмана позволить написать мнѣ самому.

— И вступать въ переговоры съ этимъ обманщикомъ? Никогда!

Предоставьте мнѣ все это дѣло. А кромѣ того, если вы сами напишете, то слогъ у васъ будетъ не такъ хорошъ, какъ у меня.

Однако я добился того, что онъ уступилъ мнѣ, и было рѣшено, что первое письмо напишу я, а ужъ потомъ онъ вмѣшается въ это дѣло. Я опять получилъ почтовую бумагу отъ ленсмана.

Изъ моего писанья въ этотъ вечеръ ничего не вышло. Этотъ день былъ такъ полонъ впечатлѣній и я былъ все еще очень взволнованъ. Я думалъ, думалъ и рѣшилъ: ради жены я не хочу писать самому капитану, но я напишу моему товарищу Фалькенбергу нѣсколько словъ и попрошу его присматривать за машиной.

Ночью ко мнѣ опять приходила покойница,—эта ужасная женщина, которая не давала мнѣ покоя изъ-за своего ногтя съ большого пальца. Весь день я провелъ въ волненіи, и она, какъ нарочно, явилась ко мнѣ ночью. Поледенѣвъ отъ ужаса, я вижу, какъ она входитъ ко мнѣ, останавливается посреди комнаты и протягиваетъ мнѣ руку. У противоположной стѣны спалъ мой товарищъ по рубкѣ дровъ, и для меня было большимъ утѣшеніемъ, когда я услыхалъ, что и онъ стонетъ и безпокоится во снѣ, что и онъ въ опасности. Я качаю головой, желая дать понять покойницѣ, что я уже похоронилъ ноготь на покойномъ мѣстѣ, и что больше я ничего не могу сдѣлать. Но покойница продолжаетъ стоять. Я попросилъ прощенья; но вдругъ меня охватываетъ злоба, я выхожу изъ себя и объявляю, что я не хочу больше съ ней возиться. Я взялъ ея ноготь ненадолго, но уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я сдѣлалъ самъ другой ноготь, а ея похоронилъ... Тогда она бокомъ пробирается къ моему изголовью и хочетъ подойти ко мнѣ сзади. Я вскакиваю съ постели и испускаю крикъ.

— Что случилось?—спрашиваетъ мой товарищъ со своей постели.

Я тру себѣ глаза и отвѣчаю, что видѣлъ сонъ.

— А кто сюда приходилъ?—спрашиваетъ парень.

— Не знаю. Развѣ здѣсь кто-нибудь былъ?

— Я видѣлъ, какъ кто-то прошелъ...

XXXI.

Прошло дня два, и я сѣлъ наконецъ писать Фалькенбергу: я былъ снова спокоенъ и разсудителенъ. «Я оставилъ въ Эвребё свою пилу,—писалъ я;—быть можетъ, впослѣдствіи она будетъ имѣть нѣкоторое значеніе для лѣсопромышленниковъ, и я при первой возможности приду за ней. Пожалуйста, посмотри, чтобы она не испортилась».

Вотъ какъ я былъ деликатенъ. Въ этомъ письмѣ было много достоинства. Конечно, Фалькенбергъ разскажетъ о немъ въ кухнѣ и, быть можетъ, покажетъ его, и всѣ найдутъ, что письмо очень благородно. Но въ письмѣ моемъ была не одна только кратость; я назначилъ опредѣленный срокъ, чтобы придать больше дѣловитости своему посланію: въ понедѣльникъ 11 декабря я приду за машиной.

Я подумалъ: этотъ срокъ вѣрный и опредѣленный: если машины въ понедѣльникъ тамъ не будетъ, то что-нибудь да придется предпринять.

Я самъ отнесъ письмо на почту и снова наклеилъ на конвертѣ цѣлую полосу марокъ...

Мое сладкое опьянѣніе все еще продолжалось: я получилъ самое очаровательное письмо въ свѣтѣ, я носилъ его на груди, оно было написано ко мнѣ. *Не пишите*. Отлично, но я могъ придти. А подъ конецъ стояла черта.

Вѣдь не могъ же я ошибаться относительно значенія подчеркнутыхъ словъ? Быть можетъ, они означали запрещеніе вообще? Дамы такъ любятъ подчеркивать всевозможныя слова и ставить тире и тутъ, и тамъ. Но не она, нѣтъ, не она!

Черезъ нѣсколько дней работа у ленсмана должна была быть окончена, это было хорошо, все было разсчитано,—одиннадцатаго я буду въ Эвребё! Это будетъ какъ разъ вò-время. Если капитанъ дѣйствительно имѣлъ какіе-нибудь виды на мою машину, то надо было дѣйствовать скорѣе. Неужто же позволить совершенно чужому человѣку украсть у меня изъ-подъ носа милліонъ, пріобрѣтенный мною собственнымъ трудомъ? Развѣ я не трудился надъ машиной? Я началъ сожалѣть, что написалъ Фалькенбергу такое деликатное письмо; оно могло бы быть написано гораздо рѣзче. А теперь, чего добраго, онъ не повѣритъ, что я человѣкъ съ характеромъ. Можно ожидать, что онъ, пожалуй, будетъ еще свидѣтельствовать противъ меня, скажетъ, что не я изобрѣлъ машину. Ха-ха, дружище Фалькенбергъ, этого еще недоставало! Во-первыхъ, ты лишишься царствія небеснаго; но если это для тебя ничего не значитъ, то я донесу о твоемъ лжесвидѣтельствѣ моему другу и покровителю ленсману. А ты знаешь, къ чему это поведетъ?

— Конечно, вамъ надо идти туда,—сказалъ ленсманъ, когда я разсказалъ ему о своихъ планахъ.—И, пожалуйста, возвращайтесь ко мнѣ съ машиной. Вы должны заботиться о своихъ интересахъ; тутъ, можетъ быть, дѣло идетъ о цѣломъ состояніи.

На другой день почта принесла извѣстіе, которое сразу измѣняло положеніе дѣла: капитанъ Фалькенбергъ писалъ самъ въ газетѣ, что

вслѣдствіе недоразумѣнія ему приписали изобрѣтеніе новой пилы, тогда какъ изобрѣлъ эту машину одинъ работникъ, который одно время служилъ у него въ имѣніи. Что касается до самой машины, то онъ воздерживается отъ какого-либо сужденія о ней. Капитанъ Фалькенбергъ.

Мы съ ленсманомъ стоимъ и смотримъ другъ на друга.

— Что вы теперь скажете?—спросилъ онъ.

— Капитанъ во всякомъ случаѣ невиновенъ.

— Вотъ какъ. А знаете ли, что я думаю?

Пауза. Ленсманъ остается ленсманомъ съ головы до ногъ и вездѣ видитъ интриги.

— Онъ виновенъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Къ такимъ штукамъ мнѣ не привыкать стать. Теперь онъ заметаетъ слѣды; ваше письмо его испугало. Ха-ха-ха!

Я долженъ былъ сознаться ленсману, что я вовсе не писалъ капитану, а послалъ только маленькую записочку работнику въ Эвребё, и что даже и эта записочка еще не успѣла дойти по назначенію, такъ какъ я отослалъ ее только вчера вечеромъ.

Тогда ленсманъ замолкъ и не старался больше найти интриги. Напротивъ, съ этой минуты онъ какъ будто усомнился въ значеніи всего изобрѣтенія.

— Весьма возможно, что вся эта машина просто дрянь какая-нибудь,—сказалъ онъ. Но потомъ онъ прибавилъ добродушно:—я хотѣлъ сказать, что, быть можетъ, она требуетъ передѣлки и усовершенствованія. Вы сами знаете, какъ приходится постоянно передѣлывать военныя суда и летательныя машины... Вы всетаки рѣшили идти туда?

— Да.

На этотъ разъ я ничего не слыхалъ относительно того, чтобы я возвращался обратно съ машиной; но ленсманъ далъ мнѣ хорошее свидѣтельство. Онъ охотно оставилъ бы меня у себя дольше,—написалъ онъ,—но я долженъ былъ прервать у него работу вслѣдствіе того, что у меня были свои дѣла въ другомъ мѣстѣ...

На другое утро, когда я вышелъ на дворъ, чтобы отправляться въ путь, я увидалъ маленькую дѣвушку, которая стояла на дворѣ. Это была Ольга. Что за глупое дитя! Она навѣрное съ самой полночи была на ногахъ, чтобы поспѣть сюда къ утру. Она стояла передо мной въ своей синей юбкѣ и сестриной кофтѣ.

— Это ты, Ольга? Куда ты идешь?

Оказалось, что она пришла ко мнѣ.

— Откуда ты узнала, что я здѣсь?

Она отвѣтила, что разспрашивала людей. Потомъ она спросила, правда ли, что машина принадлежитъ ей.

— Конечно, машина твоя, я промѣнялъ ее на картину. Хорошо ли она шьетъ?

— Да, она шьетъ хорошо.

Намъ не о чемъ было съ ней разговаривать, и я хотѣлъ, чтобы она ушла, прежде чѣмъ ее увидитъ ленсманъ, а то онъ началъ бы разспрашивать.

— Ну, а теперь иди домой, мое дитя. Тебѣ далеко идти.

Ольга протянула мнѣ свою ручку, которая утонула въ моей, и оставалась въ ней, пока я самъ ее не выпустилъ. Она поблагодарила меня и весело отправилась въ обратный путь. Ноги ея при ходьбѣ опять становятся то пятками врозь, то пятками внутрь, какъ придется.

XXXII.

Я почти у цѣли.

Въ воскресенье вечеромъ я остановился на ночь въ одной избѣ невдалекѣ отъ Эвребё, чтобы утромъ быть въ усадьбѣ. Въ девять часовъ всѣ уже будутъ на ногахъ, и я разсчитывалъ увидать того, кого мнѣ было надо.

Нервы мои были возбуждены до крайности, и я представлялъ себѣ всякія неудачи; правда, я написалъ Фалькенбергу совсѣмъ невинное письмо, но капитанъ могъ всетаки обидѣться, что я назначилъ такой опредѣленный срокъ, это проклятое число. Ахъ, если бы я никогда не отсылалъ письма!

По мѣрѣ того, какъ я приближался къ усадьбѣ, я опускалъ голову все ниже и ниже и съеживался все больше и больше, хотя я и не совершилъ никакого преступленія. Я свернулъ съ дороги и сдѣлалъ крюкъ, чтобы подойти сперва къ службамъ: тамъ я встрѣтилъ Фалькенберга. Онъ стоялъ возлѣ сарая и мылъ карету. Мы поздоровались другъ съ другомъ и разговорились, какъ старые, добрые товарищи.

— Ты ѣдешь куда-нибудь?

— Нѣтъ, я возвратился только вчера вечеромъ. Я ѣздилъ на желѣзную дорогу.

— Кто уѣхалъ?

— Барыня.

— Барыня?

— Да, барыня.

Пауза.

— Вотъ какъ. А куда она уѣхала?

— Въ городъ, ненадолго.

Пауза.

— Сюда пріѣзжалъ какой-то человѣкъ и написалъ въ газетахъ о твоей машинѣ,—сказалъ Фалькенбергъ.

— Капитанъ также уѣхалъ?

— Нѣтъ, капитанъ дома. Онъ немножко поморщился, когда пришло твое письмо.

Мнѣ удалось залучить Фалькенберга на нашъ старый чердакъ. У меня въ мѣшкѣ лежали еще двѣ бутылки вина, которыя я и подарилъ ему. Ахъ, эти бутылки, которыя я столько времени таскалъ взадъ и впередъ милю за милей, да еще со всякими предосторожностями, наконецъ-то онѣ мнѣ пригодились. Если бы не онѣ, то Фалькенбергъ никогда не разсказалъ бы мнѣ такъ много.

— Почему капитанъ поморщился, когда пришло мое письмо? Развѣ онъ видѣлъ его?

— Дѣло было такъ,—сказалъ Фалькенбергъ,—барыня была въ кухнѣ, когда пришла почта. «Что это за письмо съ такимъ множествомъ марокъ?» спросила она. Я распечаталъ его и сказалъ, что это письмо отъ тебя и что ты будешь здѣсь одиннадцатаго.

— Что же она тогда сказала?

— Она больше ничего не сказала. «Такъ онъ будетъ здѣсь одиннадцатаго?» спросила она только еще разъ. Да, отвѣтилъ я, такъ онъ пишетъ.

— И дня два спустя тебѣ велѣли везти ее на желѣзную дорогу?

— Да, дня два спустя. Тогда я подумалъ: разъ барыня знаетъ про письмо, то и капитану надо сказать объ этомъ. Знаешь, что онъ сказалъ, когда я пришелъ къ нему съ письмомъ?

Я ничего не отвѣтилъ, я углубился въ мысли. Тутъ что-то есть. Неужели она бѣжала отъ меня? Нѣтъ, я сошелъ съ ума? Не будетъ жена капитана изъ Эвребё бѣжать отъ одного изъ своихъ работниковъ. Все представлялось мнѣ такимъ страннымъ, непонятнымъ. Я надѣялся, что мнѣ можно будетъ говорить съ ней, разъ мнѣ запретили писать.

Фалькенбергъ былъ немного смущенъ.

— Я показалъ письмо капитану, хотя ты и не упоминалъ о этомъ. Мнѣ не надо было этого дѣлать?

— Нѣтъ, все равно. Что же онъ сказалъ?

— «Да, присмотри за машиной—сказалъ онъ и поморщился Чтобы кто-нибудь не стащилъ ее»,—сказалъ онъ еще.

— Такъ капитанъ золъ на меня теперь?

— Нѣтъ! Нѣтъ, этого я не думаю. Съ тѣхъ поръ онъ мнѣ больше ничего не говорилъ про это.

Но мнѣ дѣла нѣтъ до капитана. Когда Фалькенбергъ выпилъ достаточно вина, то я спросилъ его, не знаетъ ли онъ городского адреса барыни. Нѣтъ, но Эмма, вѣроятно, знаетъ. Я позвалъ Эмму, угостилъ ее виномъ, сталъ болтать съ ней о томъ и о семъ и, наконецъ, незамѣтно подойдя къ интересующему меня предмету, спросилъ адресъ барыни. Оказалось, что и она не знаетъ адреса. Но барыня поѣхала дѣлать рождественскія закупки вмѣстѣ съ фрёкенъ Елизаветой, такъ что у священника навѣрное знаютъ адресъ. А для чего мнѣ нуженъ адресъ?

— Я случайно пріобрѣлъ одну старинную брошь, и я хотѣлъ предложить барынѣ купить ее.

— Покажи.

Я былъ такъ радъ, что могъ показать Эммѣ красивую старинную брошь, которую я купилъ у одной изъ служанокъ въ Херсетѣ.

— Барыня ее не купитъ,—сказала Эмма.—Да и я не взяла бы ее.

— Если бы я тебѣ ее подарилъ, то ты конечно взяла бы ее, Эмма,—говорю я и стараюсь шутить.

Эмма ушла. Я пытаюсь еще кое-что вывѣдать у Фалькенберга. У него было хорошее чутье, и онъ иногда понималъ людей.

— Поешь ли ты еще барынѣ?

— Нѣтъ.—И Фалькенбергъ пожалѣлъ, что остался въ усадьбѣ: здѣсь теперь все больше и больше слезъ и горя.

— Слезъ и горя? Развѣ капитанъ съ женой не въ хорошихъ отношеніяхъ?

— Нечего сказать, хорошія отношенія! Какъ раньше было, такъ и теперь. Прошлую субботу она проплакала весь день.

— Какъ это все странно. Но, вѣроятно, они деликатны другъ съ другомъ,—сказалъ я и насторожилъ уши въ ожиданіи отвѣта.

— Но они опротивѣли другъ другу,—отвѣтилъ Фалькенбергъ.—Да и она такъ измѣнилась только за то время, что тебя здѣсь не было; она исхудала и поблѣднѣла.

Я сидѣлъ часа два на чердакѣ и смотрѣлъ въ окно, не спуская глазъ съ главнаго зданія, но капитанъ не появлялся. Почему онъ не выходилъ? Я потерялъ терпѣніе и рѣшилъ уйти, не извинившись передъ капитаномъ. А у меня было хорошее извиненіе; я хотѣлъ свалить все на статью въ газетѣ и сказать, что на меня нашла манія величія, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Теперь мнѣ не оставалось

ничего другого, какъ разобрать и сложить машину такъ, чтобы ее можно было нести, покрыть ее, насколько возможно, мѣшкомъ, и отправиться въ путь.

Эмма была въ кухнѣ, когда я уходилъ, и она украла для меня кое-что изъ съѣдобнаго.

Мнѣ опять предстоялъ длинный путь. Сперва я направлялся въ усадьбу священника, что, впрочемъ, было мнѣ по дорогѣ, а оттуда я хотѣлъ идти на желѣзную дорогу. Выпалъ снѣгъ и ходьба стала затруднительнѣе, а кромѣ того я долженъ былъ спѣшить: вѣдь она поѣхала въ городъ только за рождественскими покупками и была уже впереди.

На слѣдующій день подъ вечеръ я былъ въ усадьбѣ священника. Я заранѣе рѣшилъ, что лучше всего будетъ поговорить съ самой барыней.

— Я зашелъ сюда по дорогѣ въ городъ,—сказалъ я ей.—Я тащу тяжелую машину, не позволите ли вы мнѣ оставить здѣсь пока самыя тяжелыя деревянныя части?

— Ты идешь въ городъ?—спросила барыня.—Но ты, вѣроятно, переночуешь здѣсь?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я долженъ быть въ городѣ уже утромъ.

Барыня задумалась и сказала:

— Елизавета въ городѣ. Ты могъ бы захватить съ собой одинъ пакетъ, она кое-что забыла.

«Вотъ и адресъ!» подумалъ я.

— Но я должна сперва приготовить посылку.

— Но фрёкенъ Елизавета, пожалуй, успѣетъ уѣхать изъ города, прежде чѣмъ я пріѣду?

— Нѣтъ, она тамъ вмѣстѣ съ фру Фалькенбергъ, онѣ останутся въ городѣ цѣлую недѣлю.

Это было пріятное извѣстіе. Теперь у меня были и адресъ, и время.

Барыня стояла и смотрѣла на меня бокомъ.

— Такъ ты остаешься?—спросила она.—Я, дѣйствительно, должна кое-что приготовить...

Мнѣ отвели комнату въ главномъ зданіи, такъ какъ на черда стало слишкомъ холодно. Вечеромъ, когда всѣ улеглись и въ до стало тихо, ко мнѣ въ комнату вошла барыня съ пакетомъ и сказал

— Извини, что я пришла такъ поздно. Но ты, вѣроятно, уйдеп завтра утромъ такъ рано, что я еще буду спать.

XXXIII.

И вотъ я снова среди городского шума, толкотни, газетъ, людей; такъ какъ я былъ вдали отъ всего этого нѣсколько мѣсяцевъ, то я не испытываю непріятнаго чувства. Въ одинъ день я надѣваю на себя городское платье и отправляюсь къ фрёкенъ Елизаветѣ. Она остановилась у своихъ родственниковъ.

Не посчастливится ли мнѣ увидать и другую? Я волнуюсь, какъ мальчишка. Я чувствую себя такъ неловко въ перчаткахъ, что я снимаю ихъ; но поднявшись на лѣстницу, я вижу, что мои руки не подходятъ къ моему платью, и я снова натягиваю перчатки. Я звоню.

— Фрёкенъ Елизавета? Да, подождите немного, пожалуйста.

Выходитъ фрёкенъ Елизавета.

— Здравствуйте. Вамъ меня надо? Ахъ, да вѣдь это вы!

— У меня посылка отъ вашей матери. Пожалуйста.

Она разрываетъ немного пакетъ и смотритъ.

— Нѣтъ, какова мама! Бинокль! А мы уже побывали въ театрѣ... А я не узнала васъ сперва.

— Вотъ какъ. Но вѣдь мы видѣлись въ послѣдній разъ не такъ давно.

— Правда, но... Послушайте, вамъ навѣрное хочется спросить про другую особу? Ха-ха-ха!

— Да,—сказалъ я.

— Ея здѣсь нѣтъ. Я одна остановилась здѣсь у своихъ родственниковъ. А она остановилась въ Викторіи.

— Да? Но собственно, порученіе у меня было къ вамъ,—сказалъ я, стараясь овладѣть собой.

— Подождите немного. Мнѣ какъ разъ надо въ городъ, и мы пойдемъ вмѣстѣ.

Фрёкенъ Елизавета надѣваетъ пальто и шляпу, кричитъ въ одну дверь: «прощайте пока!» и уходитъ со мной. Мы беремъ коляску и ѣдемъ въ одно скромное кафе. Фрёкенъ Елизавета находитъ, что въ кафе вообще очень весело, но это кафе невеселое.

— Быть можетъ, вы хотите куда-нибудь въ другое мѣсто?

— Да, въ Грандъ.

Я немножко боюсь, что тамъ мнѣ будетъ не совсѣмъ-то спокойно. Меня долго не было въ городѣ, и мнѣ придется здороваться со знакомыми. Но барышня требуетъ Грандъ. Она имѣла практику въ продолженіе только нѣсколькихъ дней и стала очень увѣренной. Однако раньше она мнѣ больше нравилась.

ы ѣдемъ въ Грандъ. Дѣло идетъ къ вечеру. Фрёкенъ Елизавета

садится въ самомъ яркомъ свѣтѣ и сама сіяетъ отъ удовольствія. Подаютъ вино.

— Однако, какимъ вы стали нарядным**ъ**, — говоритъ она и смѣется.

— Не могъ же я здѣсь ходить въ блузѣ.

— Конечно. Но по правдѣ сказать, та блуза... Сказать то, что я думаю?

— Пожалуйста.

— Блуза вамъ шла больше.

Чтобы провалиться этому городскому платью! Я сидѣлъ, какъ на угольяхъ, и всѣ мои мысли были заняты совсѣмъ другимъ, а не этой болтовней.

— Вы долго останетесь въ городѣ?—спрашиваю я.

— Пока Лависа останется, мы должны справиться съ нашими покупками. Къ сожалѣнію, это будетъ недолго...

Потомъ она опять смѣется и спрашиваетъ:

— Понравилось ли вамъ у насъ въ деревнѣ?

— Да. Это было хорошее время.

— Вы скоро опять пріѣдете? Ха-ха-ха!

Она сидѣла и смѣялась надо мной. Она хотѣла показать, что видѣла меня насквозь, что сейчасъ же угадала, что я только игралъ роль у нихъ въ деревнѣ.

— Не попросить ли папу, чтобы онъ вывѣсилъ весною объявленіе на столбѣ, что вы исполняете всевозможныя водопроводныя работы?

Она зажмурила глаза и звонко захохотала.

Я внѣ себя отъ волненія и страдаю отъ этихъ шутокъ, хотя онѣ такъ добродушны. Я осматриваюсь по сторонамъ, чтобы немного овладѣть собой. То тутъ, то тамъ приподнимается шляпа, и я отвѣчаю; все кажется мнѣ такимъ далекимъ и страннымъ. Моя хорошенькая дама привлекаетъ вниманіе публики на насъ.

— Такъ, значитъ, вы знаете всѣхъ этихъ людей, разъ вы съ ними раскланиваетесь?

— Да, нѣкоторыхъ... Вы весело проводите время въ городѣ?

— Великолѣпно! У меня есть здѣсь два двоюродныхъ брат., а у нихъ есть товарищи.

— Бѣдный молодой Эрикъ тамъ въ деревнѣ! — говорю я въ шутку.

— Ахъ, бросьте вы вашего молодого Эрика! Нѣтъ, тутъ е.ть одинъ—его зовутъ Беверъ. Но теперь мы съ нимъ въ ссорѣ.

— Ну, это обойдется.

— Вы думаете? Это однако довольно серьезно. Вы знаете, я немножко разсчитываю, что онъ придетъ сюда.

— Тогда покажите его мнѣ.

— Мнѣ пришло въ голову, когда мы съ вами ѣхали сюда, что мы могли бы заставить его ревновать.

— Что же, попробуемъ.

— Да, но... Вы должны были бы быть немного помоложе. Я хотѣла сказать...

Я стараюсь улыбнуться:

— О, мы это отлично устроимъ. Не презирайте насъ, стариковъ, мы можемъ быть прямо великолѣпны! Дайте мнѣ только сѣсть къ вамъ на диванъ, чтобы онъ не увидалъ моей лысины.

Ахъ, какъ трудно перешагнуть черту, раздѣляющую молодость отъ старости, съ достоинствомъ и красиво. Появляется неувѣренность, суетливость, вражда къ молодежи, зависть...

— Послушайте, фрёкенъ,—умоляю я ее исцѣлить мое сердце,— не пойдете ли вы къ телефону и не вызовите ли вы сюда фру Фалькенбергъ?

Она на минуту задумывается.

— Хорошо, сдѣлаемъ это,—говоритъ она, сжалясь надо мной.

Мы идемъ къ телефону, звонимъ въ гостиницу «Викторія» и вызываемъ фру Фалькенбергъ.

— Это ты, Ловиса? Если бы ты знала, съ кѣмъ я здѣсь... ты можешь придти сюда? Вотъ хорошо! Мы въ Грандѣ... Этого я не могу сказать... Конечно, это мужчина, но теперь онъ господинъ, больше я ничего не скажу... Такъ ты придешь?... Ну, вотъ ужъ ты и раздумала? Къ роднымъ? Конечно, дѣлай, какъ хочешь, но... Да, да, онъ стоитъ возлѣ меня... Что это ты вдругъ такъ заторопилась... Ну, ну, прощай въ такомъ случаѣ.

Фрёкенъ Елизавета дала отбой и сказала коротко:

— Она идетъ къ роднымъ.

Мы возвращаемся въ залъ и садимся. Намъ подаютъ еще вина, я стараюсь быть веселымъ и предлагаю шампанскаго. Да, благодарю. Вдругъ фрёкенъ Елизавета говоритъ мнѣ:

— Вотъ Беверъ. Какъ это кстати, что у насъ шампанское.

Всѣ мои мысли заняты другимъ. Я долженъ ухаживать за барышней ради другого, но я говорю одно, а думаю совсѣмъ о другомъ. Я не въ состояніи выбросить изъ головы разговоръ по телефону: она, конечно, догадалась, что я ждалъ ее. Но въ чемъ я провинился? Почему мнѣ такъ внезапно отказали въ Эвребё и взяли на м..то меня Фалькенберга? Капитанъ, конечно, не всегда былъ со

своей женой въ идеально-прекрасныхъ отношеніяхъ, но, быть можетъ, онъ увидалъ во мнѣ опаснаго человѣка и хотѣлъ спасти свою жену отъ такого смѣшного паденія. А она стыдилась меня, стыдилась, что я служилъ у нихъ въ усадьбѣ, что я былъ ея кучеромъ и два раза ѣлъ вмѣстѣ съ ней. И она стыдилась моего почтеннаго возраста...

— Нѣтъ, изъ этого ничего не выходитъ,—говоритъ фрёкенъ Елизавета.

Я прилагаю всѣ старанія къ тому, чтобы заставить себя говорить всякія глупости, и она начинаетъ улыбаться. Я пью много и становлюсь остроумнѣе. Наконецъ, барышня, повидимому, проникается увѣренностью, что я стараюсь ухаживать за ней ради самого себя. Она начинаетъ поглядывать на меня.

— Послушайте, будьте такъ добры, я хочу поговорить о фру Фалькенбергъ.

— Тише,—говоритъ фрёкенъ Елизавета.—Конечно, васъ интересуетъ фру Фалькенбергъ, я это хорошо знала все время, но вы не должны были этого говорить... Мнѣ кажется, что на него начинаетъ дѣйствовать... Будемъ продолжать и будемъ казаться такими же заинтересованными другъ другомъ.

Значитъ, она не думала, что я ухаживаю за ней ради самого себя. Въ концѣ-концовъ я слишкомъ старъ, слишкомъ неинтересенъ.

— Но вѣдь фру Фалькенбергъ для васъ недоступна,— возобновляетъ она разговоръ.—Это безнадежно.

— Да, она для меня недоступна. И вы также для меня недоступны.

— Это вы говорите также ради фру Фалькенбергъ?

— Нѣтъ, ради васъ самихъ.

Пауза.

— Знаете, вѣдь я была влюблена въ васъ? Да, да, тамъ дома.

— Это становится интересно,—говорю я и передвигаюсь на диванѣ.—Теперь мы доканаемъ Бевера.

— Да, вы подумайте только: я ходила по вечерамъ на кладбище, чтобы встрѣчаться тамъ съ вами. Но вы, глупый человѣкъ, ничего не понимали.

— Теперь вы говорите, навѣрное, ради Бевера,—говорю я.

— Нѣтъ, увѣряю васъ, что это истинная правда. А разъ я пришла къ вамъ въ поле. А вовсе не къ вашему молодому Эрику, какъ вы думали.

— Такъ это было ко мнѣ!—говорю я и дѣлаюсь грустнымъ

— Вамъ это кажется страннымъ? Но вы должны же понимать, что и въ деревнѣ надо въ кого-нибудь влюбляться.

— Фру Фалькенбергъ говоритъ то же самое?

— Фру Фалькенбергъ—нѣтъ, она говоритъ, что ни въ кого не хочетъ влюбляться, она хочетъ только играть на фортепіано или что-то въ этомъ родѣ. Я говорила только про себя. Нѣтъ, но знаете ли вы, что я разъ сдѣлала? Ужъ не знаю, право, говорить ли? Сказать?...

— Пожалуйста.

— Вѣдь я собственно въ сравненіи съ вами маленькая дѣвочка, такъ что это ничего... Это было у насъ, вы спали на чердакѣ,—и вотъ однажды я пробралась туда и привела въ порядокъ вашу постель.

— Такъ это вы сдѣлали!—удивляюсь я искренно и выхожу изъ своей роли.

— Если бы вы только видѣли, какъ я туда пробиралась... Ха-ха-ха!...

Но молодая дѣвушка была еще очень неопытна, она покраснѣла, дѣлая свое маленькое признаніе, и старалась смѣяться, чтобы скрыть свое смущеніе.

Я хочу вывести ее изъ затрудненія и говорю:

— Вы всетаки удивительный человѣкъ. Фру Фалькенбергъ никогда не сдѣлала бы ничего подобнаго.

— Нѣтъ. Но вѣдь она и старше меня. Ужъ не думаете ли вы, что мы ровесницы?

— Фру Фалькенбергъ говорила вамъ, что она не хочетъ ни въ кого влюбляться?

— Да. А впрочемъ, я не знаю. Вѣдь фру Фалькенбергъ замужемъ, она ничего не говорила. Поговорите лучше со мной... А помните вы, какъ мы разъ пошли вмѣстѣ въ лавку? Я шла все тише и тише, чтобы вы догнали меня...

— Какъ это было мило съ вашей стороны. А теперь я доставлю вамъ удовольствіе въ знакъ благодарности.

Я встаю, подхожу къ молодому Беверу и предлагаю ему выпить стаканъ вина за нашимъ столомъ. Онъ идетъ за мной; фрёкенъ Елизавета густо краснѣетъ. Затѣмъ я завязываю разговоръ, и когда я вижу, что молодые люди разговорились, я вдругъ вспоминаю, что у меня есть неотложное дѣло и что я къ своему искреннему сожалѣнію долженъ ихъ покинуть. Вы, фрёкенъ Елизавета, совсѣмъ очаровали меня, но я знаю, что вы для меня недоступны...

XXXIV.

Я иду на улицу Ратуши и стою нѣкоторое время возлѣ извозчиковъ и смотрю на дверь гостиницы Викторія. Потомъ я вспоминаю, что она ушла къ роднымъ. Я иду въ гостиницу и вступаю со швейцаромъ въ разговоръ.

— Да, барыня дома. Комната номеръ 12 во второмъ этажѣ.

— Такъ, значитъ, барыня не уходила никуда?

— Нѣтъ.

— Она скоро уѣзжаетъ?

— Она ничего не говорила.

Я снова выхожу на улицу и извозчики откидываютъ фартуки у своихъ экипажей и приглашаютъ меня садиться. Я выбираю коляску и сажусь.

— Куда ѣхать?

— Мы будемъ стоять здѣсь. Я беру васъ на часы.

Извозчики подходятъ другъ къ другу и шепчутся: одинъ думаетъ одно, другой—другое. Онъ навѣрное подстерегаетъ свою жену, говорятъ они; она назначила свиданье съ кѣмъ-нибудь въ гостиницѣ.

Да, я стерегу у гостиницы. Въ нѣкоторыхъ окнахъ виденъ свѣтъ, и мнѣ вдругъ приходитъ въ голову мысль, что она видитъ меня въ окно. Подождите немного, говорю я извозчику и опять иду въ гостиницу.

— Гдѣ номеръ 12?

— Во второмъ этажѣ.

— А окна выходятъ на улицу?

— Да.

— Такъ это, значитъ, моя сестра махала мнѣ,—лгу я швейцару, проходя мимо него.

Я поднимаюсь по лѣстницѣ и, чтобы не повернуть обратно, я сейчасъ же стучу въ дверь, какъ только нахожу номеръ 12. Отвѣта нѣтъ. Я стучу еще разъ.

— Это горничная?—спрашиваютъ изнутри.

Я не могъ отвѣтить «да»,—мой голосъ выдалъ бы меня. Я взялся за ручку двери, но дверь была заперта. Она, вѣроятно, боялась что я приду,—быть можетъ, она видѣла меня въ окно.

— Нѣтъ, это не горничная,—отвѣчаю я, и самъ удивляюсь чужому звуку своего дрожащаго голоса.

Послѣ этого я долго стою и слушаю; я слышу, что кто-то возится внутри, но мнѣ не отпираютъ. Но вотъ внизу раздается два короткихъ звонка изъ какой-то комнаты. Это она, думаю я, она зо-

веть горничную, она волнуется. Я отхожу отъ ея двери, чтобы не компрометировать ея, и встрѣчаю горничную на лѣстницѣ. Въ ту минуту, когда дѣлаю видъ, что собираюсь спускаться, я слышу, какъ горничная говоритъ: Да это горничная,—послѣ чего дверь отворяется.

— Нѣтъ,—говоритъ горничная, войдя въ комнату, — тамъ только господинъ, который сейчасъ спустился съ лѣстницы.

Я почти уже рѣшаюсь взять комнату въ гостиницѣ, но потомъ я отказываюсь отъ этой мысли: она не принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, которыя назначаютъ свиданія въ гостиницѣ. Проходя мимо швейцара, я замѣчаю мимоходомъ, что барыня, вѣроятно, уже легла спать.

Я опять выхожу на улицу и сажусь въ коляску. Время идетъ, часы бѣгутъ, извозчикъ спрашиваетъ, не холодно ли мнѣ? Да, немного. Я кого-нибудь жду? Да... Онъ даетъ мнѣ свое одѣяло съ козелъ. Я плачу ему за его любезность папиросковой.

Время идетъ, часы бѣгутъ. Извозчики не стѣсняются больше и говорятъ другъ другу, что изъ-за меня замерзнетъ лошадь.

Нѣтъ, это ни къ чему не поведетъ! Я плачу извозчику, иду домой и пишу слѣдующее письмо:

«Вы запретили мнѣ *писать* вамъ, но позвольте мнѣ только увидать васъ. Я приду завтра въ гостиницу въ пять часовъ послѣ обѣда».

Не назначить ли болѣе ранній часъ? Но раньше мнѣ пришлось бы появиться при дневномъ свѣтѣ. А когда я волнуюсь, то у меня подергиваются губы и я буду страшенъ при дневномъ свѣтѣ.

Я самъ снесъ письмо въ гостиницу Викторія и потомъ вернулся домой.

Мучительная ночь съ безконечными, долгими часами! Я хотѣлъ выспаться и подкрѣпиться, но объ этомъ не могло быть и рѣчи. Стало свѣтать, и я всталъ. Пробродивъ довольно долго по улицамъ, я возвращаюсь домой, ложусь и засыпаю.

Проходитъ нѣсколько часовъ. Когда я просыпаюсь и прихожу въ себя, я сейчасъ же въ тревогѣ бросаюсь къ телефону и спрашиваю, уѣхала ли барыня.

Нѣтъ, она не уѣхала.

Слава Богу! Она, значитъ, не собирается бѣжать отъ меня; она, конечно, уже давно получила мое письмо. Вчера былъ просто неудачный день, вотъ и все.

Я завтракаю и снова ложусь. Я просыпаюсь черезъ нѣсколько часовъ и снова бросаюсь къ телефону.

Нѣтъ, барыня не уѣхала. Но она уже уложила вещи. Теперь она въ городѣ.

Я одѣваюсь и сейчасъ же бѣгу на улицу Ратуши. Въ продолженіе получаса въ гостиницу входитъ много людей и выходитъ также, но ея не видно. Но вотъ бьетъ пять часовъ, и я иду къ швейцару.

— Барыня уѣхала.

— Уѣхала?

— Это вы спрашивали по телефону? Она въ ту же минуту пришла изъ города и взяла свои вещи. Но у меня есть къ вамъ письмо.

Я беру письмо, и не распечатывая его, я спрашиваю про поѣздъ.

— Поѣздъ отошелъ въ четыре часа сорокъ пять минутъ,— говоритъ швейцаръ, глядя на свои часы.—Теперь пять.

Я потерялъ полчаса, карауля на улицѣ.

Я опускаюсь на одну изъ ступенекъ и смотрю въ землю. Швейцаръ продолжаетъ болтать. Онъ, конечно, понялъ, что въ гостиницѣ останавливалась не моя сестра.

— Я сказалъ барынѣ, что одинъ господинъ только что говорилъ по телефону. Но она сказала, что ей некогда, и она велѣла передать вамъ это письмо.

— Съ ней была еще какая-нибудь дама, когда она уѣзжала?

— Нѣтъ.

Я встаю и ухожу. На улицѣ я разрываю конвертъ и читаю письмо:

«Вы *не должны* меня больше преслѣдовать—».

Я вялымъ движеніемъ сую бумажку въ карманъ. Я не удивился, письмо не произвело на меня никакого впечатлѣнія. Это было такъ по-женски: нѣсколько торопливыхъ, первыхъ попавшихся на умъ словъ, одно подчеркнутое слово и тире...

Мнѣ приходитъ въ голову идти къ фрёкенъ Елизаветѣ, и черезъ нѣсколько минутъ я звоню у ея дверей; у меня оставалась еще эта послѣдняя надежда. Я слышу, какъ звонитъ колокольчикъ послѣ того, какъ я нажалъ пуговку, мнѣ кажется, что я стою и прислушиваюсь къ завыванью вѣтра въ пустынѣ.

Фрёкенъ Елизавета уѣхала часъ тому назадъ.

И вотъ полилось вино, а потомъ насталъ чередъ виски. Потомъ полилось множество виски... Кутежъ продолжался двадцать одинъ день, и въ продолженіе этого времени сознаніе мое было погружено въ непроницаемую мглу.

Въ такомъ состояніи мнѣ однажды пришла въ голову мыс[illegible]ю-

слать въ одну избушку въ деревнѣ зеркало въ хорошенькой золоченой рамкѣ. Зеркало предназначалось маленькой дѣвушкѣ по имени Ольга, которая была, какъ двѣ капли воды, такая же милая и смѣшная, какъ теленокъ.

Дѣло въ томъ, что неврастенія моя еще не прошла.

Въ моей комнатѣ лежитъ машина. Я не могу ее составить, такъ какъ большая часть деревянныхъ частей осталась въ усадьбѣ священника въ деревнѣ. Но я къ этому равнодушенъ, моя любовь къ этому изобрѣтенію прошла.

Господа неврастеники, мы скверные люди, а въ животныя мы также не годимся.

Вѣроятно, въ одинъ прекрасный день мнѣ надоѣстъ находиться въ безсознательномъ состояніи, и я снова отправлюсь на какой-нибудь островъ

Перев. М. Благовѣщенская.

Стихотворенія К. Д. Бальмонта.

1.

Духъ древа.

Своей мечтой многовѣтвистой,
Переплетенной и цвѣтистой,
Я много храмовъ покрывалъ,
И радъ я знать, что духъ стволистый
Въ тѣлесномъ такъ воздушно-алъ.

Но, если я для вѣрныхъ, нѣжныхъ,
Для изнемогшихъ, безнадежныхъ,
Свои цвѣты свѣвалъ свѣтло,
Я знаю, въ лепетахъ безбрежныхъ,
Какъ старо темное дупло.

И, если вѣчно расцвѣтая,
Листва трепещетъ молодая,
Я, тайно, слушаю, одинъ,
Какъ каждый листъ, съ вѣтвей спадая,
Впадаетъ въ Лѣтопись судьбинъ.

И тѣ, что вѣдаютъ моленья,
И тѣ, что знаютъ изступленье,
И тѣ, въ которыхъ разумъ юнъ,
Какъ буквы, входятъ въ Пѣснопѣнье,
Но буквы не читаютъ рунъ.

2.

Хвоя.

Это не дерево, нѣтъ, это храмъ,
Это молельня лѣсная.

Струйно смолистый дрожитъ өиміамъ,
Душу къ молитвамъ склоняя.

Молча безсмѣнный горитъ изумрудъ
Въ этой вознесшейся хвоѣ.
Сердце, утихни, быть радостно тутъ
Въ благоговѣйномъ покоѣ.

«А тѣ просвѣты межъ вѣтвей?»
Она, вздохнувъ, сказала.
И на мерцанія очей
Какъ будто указала.

«О, тѣ мерцанія очей,
Замыслившихъ иное!»
Такъ чей же сонъ, о, чей, о, чей
Въ той непостижной хвоѣ!

3.

На грани.

Блаженно, ставъ на грань предѣла,
Не жаждать больше ничего.
Ты такъ красиво опьянѣла
Отъ приближенья моего.

Сейчасъ послѣдняя завѣса
Совсѣмъ растаетъ между насъ.
О, какъ красиво въ храмѣ лѣса,
Неповторяемости часъ!

4.

Первовѣсть.

Ты помнишь, въ нѣжной ясности,
Равнины, въ ихъ безгласности,
И весь сквозистый лѣсъ,
Тоскующій и чующій,
Что вотъ, тепломъ чарующій,
Ужъ близокъ часъ чудесъ.

Все было въ ожиданіи,
И въ утреннемъ мечтаніи,

И пахло такъ землей,
Еще вчера оснѣженной,
Сегодня же разнѣженной
Фіалковой мечтой.

5.

Долины сна.

Пойду въ долины сна,
Тамъ вкось растутъ цвѣты.
Тамъ падаетъ Луна
Съ бездонной высоты.

Вкось падаетъ она,
И все не упадетъ.
Въ глухихъ долинахъ сна
Густой дурманъ цвѣтетъ.

И странная струна
Играетъ безъ смычковъ.
Мой умъ—въ долинахъ сна,
Средь волнъ безъ береговъ.

ВЪ СТЕПИ.

(Изъ путевыхъ встрѣчъ.)

I.

Дѣвственныя степи войсковыхъ земель вѣка не знали плуга. На десятки верстъ вокругъ не было на нихъ никакого жилья. Изрѣдка лишь въ глуши ихъ дикаго приволья появлялись остроконечныя кибитки кочующихъ калмыковъ, но, помаячивъ два-три дня въ голубомъ маревѣ, исчезали и онѣ безслѣдно, точно таяли въ его жаркихъ струяхъ.

Степь грустила и, казалось, все ждала къ себѣ кого-то.

Почти не тревожа покоя безбрежной задумчивой равнины, ласковый вѣтеръ чуть шепталъ травою и гналъ тихія волны ея къ далекому горизонту. Убѣгая за нею въ невѣдомую даль, онѣ, какъ пѣнистыми гребнями зеленаго моря, сверкали тамъ бѣлыми полосами сѣдого ковыля.

Тишь, безлюдье вокругъ.

Но закурилось вдругъ на горизонтѣ сѣрое облако пыли и, медленно двигаясь въ глубь степи, стало постепенно вытягиваться въ длинную прозрачную полосу. Въ почти неподвижныхъ клубахъ ея, извиваясь гигантскимъ удавомъ и скрипя сотнями высохшихъ въ долгомъ пути колесъ, устало тянулся рядъ крестьянскихъ телѣгъ, запряженныхъ тощими клячами. На телѣгахъ нагроможденъ былъ алкій домашній «скарбъ» путниковъ и цѣлые десятки полуголыхъ ѣтей съ непокрытыми кудлатыми головами, съ запыленными и облу- вшимися отъ зноя лицами.

Рядомъ съ телѣгами, пристально смотря въ глубь степи, босые въ разбившихся лаптяхъ, угрюмо шагали отрепанные мужики, рни, бабы и дѣвки. Прячась отъ нестерпимаго зноя въ тѣни те- гъ, высунувъ красные языки и роняя слюну, еле плелись исто- нныя голодомъ и жаждою собаки.

Вмѣстѣ съ сѣрой пылью, повисшей въ знойномъ воздухѣ, надъ караваномъ держался нестройный гамъ. Скрипѣли колеса, громыхалъ домашній «скарбъ», дребезжали желѣзныя цыбарки у грядушекъ и дрожинъ телѣгъ, кричали, задыхаясь въ пыли, грудныя дѣти, да выла порою умиравшая отъ жажды собака.

Срывалась вдругъ заунывная пѣсня. Звенитъ, уплываетъ въ просторъ. Чья-то измученная тоскою по родинѣ грудь разсказывала чужому приволью про убожество родныхъ покинутыхъ полей, о пропавшихъ на нихъ молодости и силѣ.

Парни и дѣвки перебрасывались отрывистыми фразами, бабы унимали грудныхъ дѣтей, ребятишки бѣгали съ дороги въ траву, гоняясь тамъ за жуками и стрекозами.

Устало шагая рядомъ съ телѣгами, мужики были угрюмы и молчаливы. Вмѣстѣ съ слоями пыли на ихъ изможденныхъ суровыхъ лицахъ лежала какая-то огромная дума.

Весь караванъ казался измученной ратью крестоваго похода какого-то древняго племени, искавшаго обѣтованной земли.

Радуясь долгожданнымъ гостямъ, степь легла вдоль и ширь безбрежнымъ тучнымъ просторомъ и шептала травою что-то ласковое, полное обѣщаній отдыха и довольства.

Мужики слушали этотъ шепотъ, вѣря и не вѣря ему, и задумчиво смотрѣли впередъ, вдоль по дорогѣ.

— Дядя Авдѣй! Не видно еще?—крикнулъ кто-то.

— Не видно!

— Кубыть пора бы?

— По разсказамъ... примѣты есть, скоро.

— Не высоки, чай, они, не проглядѣть бы въ травѣ.

— Гляжу зорко.

Впереди всѣхъ у своей телѣги, рядомъ съ кормилицей-клячей шелъ, задумавшись, огромный сутулый Авдѣй Голыхъ. На скрипучей телѣгѣ его громоздилось кое-что изъ домашняго крестьянскаго имущества да сидѣла, согнувшись, старуха жена Аверкіевна. Вмѣстѣ съ своимъ жалкимъ «добромъ» она вздрагивала на ухабахъ и все что-то шептала пересохшими губами. У ногъ ея, качаясь изъ стороны въ сторону, спали подъ палящимъ зноемъ трое бѣлоголовых испачканныхъ и загорѣлыхъ дѣтей. По другую сторону телѣги ш дѣвушка и молодая женщина—дочь и невѣстка Авдѣя.

Дочь Василиса высокой дѣвичьей грудью дышала широко и с бодно, весело смотрѣла въ степь, то и дѣло оглядываясь къ задни телѣгамъ. Тамъ, въ группѣ другихъ парней, шелъ широкопл Власъ, сынъ сосѣда по брошенной родной деревнѣ.

Свѣтлыя и широкія, какъ степь, думы на красивомъ лицѣ Василисы играли яркой улыбкою. Съ нею она изрѣдка сходила съ дороги въ траву, рвала цвѣты, снова возвращалась на дорогу и, плетя изъ нихъ вѣнокъ, тихо напѣвала. Оголенныя подобранной юбкою молодыя, въ загарѣ красивыя, ноги Василисы ступали по пыльной дорогѣ твердо и увѣренно, высокая упругая грудь, какъ что-то живое, безпокойно трепетала подъ бѣлою холщевой рубахой.

— Знай, что отецъ не осерчаетъ, такъ и разлилась бы пѣсней во всю грудь! Таково ужъ просторно вокругъ!

Дарья молчала и неподвижно смотрѣла вдаль.

— Что молчишь все, Дарьюшка?

— Слушаю пѣсню твою. Знаю о чемъ она. Такъ-то вотъ и я кадысь. А теперь...

— Не кручинься, живъ будетъ, воротится.

— То-то что, будетъ ли живъ?

— Для ради дѣтишекъ хранитъ Богъ.

— Здравствуйте, ягодки!

— А, Марья! Здравствуй, родная.

— Скучно у нашей телѣги, не съ кѣмъ погуторить. Къ вамъ пришла.

Догнавшая Дарью и Василису дѣвушка была гибка, какъ степная былина. Въ ея большихъ голубыхъ глазахъ и въ тонкихъ чертахъ загорѣвшаго лица залегла глубокая печаль. Рядомъ съ жизнерадостной и полной силъ Василисою Марья казалась слабой и безпомощной. Какъ мощная сосна и тоскующая береза вставали онѣ среди дороги.

Марья долго шла молча и, когда Василиса перестала пѣть, а Дарья отошла отъ нихъ къ телѣгѣ отогнать мухъ отъ спавшихъ дѣтей, она тихо спросила подругу:

— Такъ ты сказываешь, отецъ-отъ прописалъ имъ изъ города?

— Сказываютъ, прописалъ, а кто-жъ е знатъ.

— А ежели не прописалъ? А ежели они писемъ не получатъ? Какъ же они тогда?

— Вернутся туда, въ родную деревню. Сербы, что остались, разскажутъ имъ, они и пойдутъ сюда, въ степи искать насъ.

— Пойдутъ ли?

Искоса взглянувъ на Марью, Василиса лукаво улыбнулась чему-то. Стараясь казаться серьезной, она вдумчиво заговорила:

— Кто же ихъ знатъ. Дементій-то придетъ сюда, Дарью съ дѣтишками не покинетъ. Куда ни заѣдемъ, сыщетъ. Ну, а Андрюша... извѣстно,—холостъ. Отъ родныхъ мѣстовъ не легко уходить. Гляди, молъ, на деревнѣ и останется.

— Какъ же это?

— А что имъ, холостымъ? Пристанетъ къ кому-либо изъ сербовъ во дворъ въ зятья и... Солдаты, они такіе...

— Какъ же? Нешто можно покинуть... родителевъ?... А... я-то какъ же?

Голосъ Марьи дрогнулъ. Отвернувъ отъ Василисы поблѣднѣвшее лицо, она шла молча. Босыя ноги ея вдругъ ослабѣли и, подламываясь, еле плелись по горячей пыльной дорогѣ.

Василиса наклонилась къ подругѣ и заглянула ей въ лицо.

— Ты что это, дуреха? Шутя вѣдь это! Не таковъ Андрей, чтобы... Да и не сыскать ему краше тебя.

Глаза Марьи весело сверкнули. Она выпрямилась и, высоко поднявъ голову, бодро пошла впередъ, не отставая отъ Василисы.

Дарья не слушала дѣвушекъ. Она шла молча и думала свою думу. Неподвижный взглядъ ея уже выцвѣтшихъ глазъ ушелъ далеко куда-то.

Поглядывая на Дарью, дѣвушки тихо разговаривали.

— Намъ съ тобою ничто. Мой Власъ сзади слѣдъ за мной идетъ. Тутъ въ степи съ нимъ и спаруемся. Андрей хучь и въ солдатахъ, а вернется къ тебѣ, потому не на войнѣ онъ. А Дементія-то въ самое страженіе угнали. Гляди-ка, да сгинетъ тамъ. Что станетъ дѣлать съ малыми дѣтьми Дарья? Отецъ добрѐ устарился, матушка тоже все немощна.

— Вы съ Власомъ... Мы съ Андрюшей подмогнемъ... Чай, свои-то будемъ.

— Дыть это такъ, а все не то что... Вѣдь вотъ ѣдемъ сюда, сказываютъ, земли тутъ вольныя, а рукъ-то въ нашей семьѣ и нѣтути. Андрея забрали, сказывали, Дементія возворотятъ, анъ что-то и нѣтъ его. Къ землѣ дорвемся, придется Дарьѣ дѣтей, какъ зря, бросать, за мужа работать.

Передняя телѣга вдругъ стала. Наѣзжая другъ на друга, стали и другія, и весь караванъ, скрипя и пыля, сжался въ непрерывную цѣпь.

Авдѣй Голыхъ медленно вышелъ впередъ своей лошади, немного въ сторону съ дороги.

Тамъ изъ высокой травы еле выглядывалъ деревянный, врытый въ землю столбикъ.

Идя вдоль остановившагося обоза, всѣ мужики постепенно ст... нулись къ Авдѣю и молчаливой группою столпились вокругъ него... столбика. Авдѣй вынулъ изъ пазухи нѣсколько деревянныхъ «... ребковъ» съ вырѣзанными на нихъ значками и сталъ сравнивать и

съ «зарубками» на столбикѣ. На одномъ изъ «жеребковъ» оказались такіе же знаки, какъ и на столбикѣ. Авдѣй выпрямился и осмотрѣлъ спутниковъ.

— Чепруновская, Анкендинычъ! Отдѣляйтесь съ Богомъ,—сказалъ Авдѣй какъ-то торжественно и, подавая одинъ изъ «жеребковъ» бородатому Анкендиновичу, прибавилъ:

— Держи... Въ добрый часъ!... Богъ приведетъ—свидимся. Устроимся поселками, пробьемъ дороги дружка къ дружки по степи. Трогайтесь, братцы!

Часть мужиковъ отдѣлилась отъ общей толпы и пошла назадъ вдоль каравана. Непрерывная цѣпь телѣгъ его дрогнула и порвалась. Нѣсколько десятковъ ихъ, какъ отдѣльныя звенья, выпали въ сторону и, ставши одна за другой, образовали новый небольшой караванъ.

Помолившись на всѣ четыре стороны и попрощавшись съ товарищами, новый обозъ тронулся съ дороги по чуть замѣтному слѣду колесъ, ушедшему куда-то въ глубь степи. А оставшіеся на дорогѣ потянулись по ней дальше.

Столбики стали попадаться чаще; у каждаго изъ нихъ общій караванъ уменьшался, и скоро Авдѣй Голыхъ остался съ партіей семей въ тридцать.

Но вотъ и они остановились у одного изъ придорожныхъ столбиковъ.

Осмотрѣвъ его, Авдѣй широко перекрестился и сказалъ:

— Ну, вотъ и нашъ... Гиренскій участокъ. Трогай, братцы, за мною!...

Караванъ дрогнулъ, заскрипѣлъ и свернулъ съ дороги. Невдалекѣ отъ нея возвышался задумчивый степной курганъ.

— За курганомъ буеракъ виднѣется!... Пробу сдѣлаемъ насчетъ колодца... Ежели вода близко, тутъ и станемъ,—крикнулъ Авдѣй товарищамъ, направляясь къ кургану.

Извиваясь змѣею, караванъ всползъ на его вершину и столпился на ней широкимъ пестрымъ таборомъ.

Авдѣй взобрался на свою телѣгу, снялъ шапку и, окинувъ жаднымъ взглядомъ безбрежный просторъ степи, стоялъ неподвижный, какъ мощный вождь древняго кочевого племени, поглощенный ширью и богатствомъ чужого царства...

Снявъ шапки, стояли вокругъ Авдѣя и всѣ остальные мужики и задумчиво смотрѣли въ степь. Весь караванъ, охваченный какой-то общей огромной думой, на мгновеніе притихъ. Смолкъ говоръ молодежи, притихли дѣти, даже лошади, переставъ фыркать, насторожив-

шись, смотрѣли въ степь и чутко къ чему-то прислушивались... Степь, казалось, ждала чего-то отъ пришельцевъ,—какого-то широкаго, мощнаго привѣта...

И вдругъ изъ костлявой, впалой груди Авдѣя вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ ея вырвалось единое, но неизмѣримо значительное слово:

— Земля!...

— Земля!...—какъ стонъ милліоннаго племени пронеслось по табору, свалилось съ кургана, разлилось мощными волнами по степи, не помѣстилось въ ея просторѣ и вылилось во всѣ края за горизонтъ...

Мужики долго стояли молча и неподвижно смотрѣли вдаль.

Авдѣй еще разъ перекрестился и слѣзъ съ телѣги на землю.

— Ну!... что-жъ?... Распрягай, ребята,—тута, значитъ, и оснуёмся... Разбивай, покелива что, шатры, разводи костры, а тамъ—далѣ видно будетъ. Лѣто въ шатрахъ да подъ телѣгами проживемъ, къ зимѣ землянки, курени да избы наладимъ...

— Изъ чего? Вокругъ одна трава.

— «Скопщики» пріѣдутъ,—надоумятъ. Въ станицахъ добудемъ, что надо.

— Далече, чай, онѣ, станицы-то...

— Нужда за море гонитъ. Не по волѣ, вѣдь, и сюда изъ родныхъ мѣстовъ прибыли...

— Д-да!...—вздохнулъ кто-то во всю грудь.—Это приволье да къ нашимъ бы селамъ,—ина-бъ статья!...

— Э-къ тебѣ!... Родительскія могилки бы сюда и то бы ладно, а то... Половина души тутъ, а половина тамъ...

— Ничего, православные,—не тоскуй... Ежели будетъ все такъ, какъ сказывали «скопщики», то ладно... Пообрастемъ маленько, казну зашибемъ,—можно будетъ съѣздить провѣдать и родныя могилы. Не робей, ребята, распрягай въ добрый часъ!...

— Дыть ужъ что жа... Не ворочаться стать... Господи, благослови... Въ добрый часъ!...

И задымился голубымъ дымкомъ долго томившійся одиночество угрюмый степной курганъ, и пронесся по степи, мѣшаясь съ аро тами ея травъ и цвѣтовъ, чудесный запахъ жилья русскаго крест нина... Степь жадно вдыхала его и тихо шептала травою прише цамъ безконечную повѣсть про свое былое...

II.

Прошли года...

Солнце спускалось къ горизонту, а истомленная за долгій день палящимъ зноемъ безбрежная степь все еще была молчалива, неподвижна и, казалось, мертва. Широкая, сѣрая дорога по ней тянулась все впередъ и впередъ—куда-то въ золотистую даль вслѣдъ за уходившимъ къ закату солнцемъ. Лошади бѣжали лѣниво, колеса тарантаса стучали утомительно однообразно, и стукъ ихъ вмѣстѣ съ безконечно унылой пѣсней колокольчиковъ клонилъ меня въ легкую дрему.

Спускаясь все ниже и ниже къ зеленой линіи горизонта, раскаленное за день добѣла солнце стало краснѣть, а бездонный небесный куполъ синѣлъ все гуще и гуще.

Вырвавшись вдругъ изъ-за высокаго кургана, легонькій порывъ свѣжаго вѣтерка, крадучись, пробрался впереди лошадей черезъ дорогу, всколыхнулъ за нею высокую траву и погналъ мягкія волны ея далеко въ сторону багрянаго заката солнца...

И чудилось мнѣ, что казавшаяся мертвой широкая степь, радостно улыбнувшись повѣявшей вдругъ прохладѣ, глубоко вздохнула необъятной зеленой грудью и зашептала что-то безконечное, полное тихой, затаенной въ ея просторѣ грусти...

Сверкая на закатѣ солнца крыльями, леталъ, рыдая, надъ степною впадиною кроншнепъ, урчали гдѣ-то журавли, стрекотали кузнечики да принялось вдругъ настойчиво тянуть нескончаемый унылый звукъ какое-то невѣдомое степное насѣкомое, быть можетъ, птица... не то звѣрекъ.

Чудилось, что этимъ звукомъ измученная зноемъ степь, жалуясь, просила у далекаго неба прохлады, отдыха и ласки.

Закатъ, догорая, постепенно гасъ и, синѣя, тихо задумчивый, обѣщалъ спаленной землѣ что-то таинственное, полное невѣдомаго величія.

Тихо напѣвая, ямщикъ задумчиво смотрѣлъ въ сторону придорожнаго кургана, а я усиливался разсмотрѣть вдали какія-то двигавшіяся черныя точки. Онѣ то расползались тамъ по травѣ, то сливались въ общую темную массу.

— Что это—вонъ тамъ вдали—движется?

— Эвонъ-то?

— Да.

— Быковъ «съ травы» на ночлегъ въ «зимовникъ» гонятъ.

— Что это—«зимовникъ?»

— Зимовникъ-то?—хуторокъ степной махонькій. Скотопромыс-

лый, тоись, хуторокъ... Изба, значитъ, а вокругъ нея лѣтнія базы для скота, зимніе навѣсы, сарайчика два-три. Только и всего.

— А живетъ въ немъ кто?

— Ежели которые мелкіе, такъ сами «скотопромыслые»... А больше наемные гуртовщики.

— Заночевать у нихъ можно?

— По что нельзя? Можно.

— Далеко еще до него?

— Вонъ онъ впереди чуть виденъ. Собаки уже почуяли насъ,— лаютъ... Слышь?...

Пристально смотря впередъ, я прислушался.

Гладкая степь... Стрекотъ кузнечиковъ... Свѣтлая полоска догоравшаго заката... Ничего больше.

— Не вижу... не слышу, братъ, ничего.

— Степные глаза и ухи имѣть надо.

— А это что тамъ, на курганѣ? Развалины какія-то, что ли?...

— Она и есть... развалина. «Скопщина» жила тутъ. Много ихъ по степи было, нонѣшней весной всѣхъ разорили...

— Это что же такое «скопщина?»

— Скопщина-то?... Это, видишь ли... тае... какъ сказать... Земли здѣсь войсковыя казенныя. Казна сдаетъ ихъ арендаторамъ по чемъ зря... за грошъ. За это арендаторы должны коннозаводствомъ заниматься... Чтобы было, дескать, откуда лошадей для войска достать. Ну, коней-то выводятъ здѣся и мало, и плохихъ, а занимаются больше «скопщиной» и агромадную деньгу зашибаютъ... Арендаторы-то... Ну, а народъ, извѣстно... Ему вездѣ одна доля: горбъ на спину да грыжа въ брюхо...

Ямщикъ задумался.

— Какъ же ихъ разоряли?... За что?

— Не охота вспоминать... Страшное дѣло произошло.

— Разскажи, пожалуйста.

Указывая кнутомъ въ сумракъ степи къ кургану, ямщикъ спросилъ:

— Видишь, вонъ крестъ маячитъ на холмикѣ?

— Что это?... Откуда онъ здѣсь?...

— Много ихъ теперь—холмиковъ-то этихъ выросло здѣся степи... Кои съ крестами, кои и безъ крестовъ. Казаки да солд насадили ихъ,—оставили по себѣ память. Разорять «скопщину» ихъ нагнали сюда и конныхъ, и пѣшихъ видимо-невидимо... Б работа. Недѣли двѣ пылала степь то здѣсь, то тамъ... Сколько

роду сгинуло!...—не перечесть... Которыхъ убили, которые сгорѣли... Были такіе, что и сами опосля всего порѣшили съ собою...

Бѣжавшіе труспою лошади пошли вдругъ шагомъ, чуть позвякивая утомленными колокольчиками. Ямщикъ, склонившись на сторону, пристально смотрѣлъ впередъ.

Дорога потянулась на взлобокъ. На самой вершинѣ его, въ сторонѣ отъ дороги, на свѣтлой полосѣ потухавшаго заката чернѣлъ силуэтъ сидѣвшаго человѣка. Когда лошади поравнялись съ нимъ, мы увидѣли, что это былъ солдатъ.

Очевидно, сильно уставшій въ долгомъ пути, онъ сидѣлъ на травѣ съ боку своей сумки, протянувъ лѣвую ногу и толстую, неуклюжую «колодяшку» вмѣсто отсутствовавшей правой ноги.

— Вишь!... Приморился, сердечный... Подвезти бы его... Не побрезгуешь,—кликну?—сказалъ ямщикъ и, покосившись на меня, прибавилъ:—А то, пожалуй, я его къ себѣ на козлы...

— Отчего же?—кликни, пожалуйста... Мѣста и въ тарантасѣ много.

— Эй! служба!... Хромай сюда,—подвеземъ!...

Солдатъ медленно сталъ на четвереньки, поджавъ лѣвую ногу и протянувъ «колодяшку» правой. Оттолкнувшись обѣими руками отъ земли и захвативъ сумку, онъ захромалъ къ намъ.

— Здравія желаемъ...

— Садись, братъ,—подвеземъ.

Положивъ сумку въ тарантасъ, солдатъ взобрался на его грядушку и усѣлся на ней, спустивъ ногу и «колодяшку».

Лошади тронулись и шли шагомъ. Всѣ мы трое молчали. Мы съ ямщикомъ осматривали солдата, а онъ задумчиво смотрѣлъ въ надвигавшійся сумракъ степи.

Лицо солдата было очень худо, глубоко запавшіе глаза свѣтились холоднымъ блескомъ. Чуялось, что въ душу къ нему заползла какая-то смертельная тоска, овладѣла его думами и застыла въ холодномъ неподвижномъ взглядѣ сѣрыхъ глазъ.

— Куда бредешь, служивый?

Солдатъ медленно посмотрѣлъ на меня, какъ будто подумалъ о ч[illegible]мъ-то и, нехотя, отвѣтилъ:

— Самъ не знаю.

— Какъ такъ?

Солдатъ молчалъ.

Ямщикъ полуобернулся, посмотрѣлъ на него и съ затаеннымъ с[illegible]увствіемъ спросилъ:

— Своихъ... «Скупщиковъ», видно, ищешь?

Солдатъ какъ-то безучастно посмотрѣлъ на ямщика и перевелъ неподвижный взглядъ снова куда-то въ потемнѣвшую степь.

Гдѣ-то за невидимымъ уже горизонтомъ, какъ тщетныя усилія памяти, вспыхивали отдаленныя зарницы. Будто кто-то тамъ большой, угрюмый и одинокій хотѣлъ припомнить что-то прекрасное изъ давно прожитаго и не могъ.

— Д-да... Ищи теперь... То-ли по землѣ, то-ли подъ землею,— сказалъ со вздохомъ ямщикъ и тихо, не замѣчая самъ того, прошелся кнутомъ надъ задумавшимися лошадьми. Тоскуя, колокольчики отвѣтили ему.

Налегавшій мракъ ночи хранилъ какую-то тайну. А за курганомъ, чудилось, стоналъ и плакалъ кто-то невѣдомый и непонятный.

— Ямщикъ!...

— Ась?!

— Что же ты про «скопщину?...» Досказывай.

— Чего досказывать-то?... Нечего... Все тутъ.

— Ну... что-нибудь говори... пѣсни пой... На чай прибавлю.

— И то ладно... Но, вы!... Потрогивай,—не рано.

Лошади пошли трусцой.

— Д-да. Такъ вотъ, видишь... Первые года арендаторы сходились съ казаками ближайшихъ степныхъ станицъ и поселковъ,—съ ними, то-ись, «скопщину» заключали. Присоглашали ихъ партіями на арендные участки, распахивали ихъ, засѣвали, и прочь казаки ко дворамъ до уборки посѣва, благо, недалече. Настанетъ пора уборки,—снова пожалуйте.

Уберутъ, подѣлятъ по уговору и—въ стороны до новаго посѣва. Всякъ себѣ, значитъ, господинъ. Только этакимъ-то манеромъ невыгодно показалось арендаторамъ. Нельзя его, казака-отъ, обойти какъ слѣдуетъ. Потому у него жилье... станица своя подъ бокомъ. Сбыть ли добытое «скопомъ» зерно, поискать ли защиты за обдѣлежку,—все не то, что... какъ сказать?... Одно слово—не разсчетъ имъ съ казаками. Да и побаивались ихъ арендаторы,—потому на ихъ они—на войсковой землѣ. Вотъ они и придумали. Захватили въ аренду, почитай, всѣ войсковыя степи и исхлопочи у начальства разогрѣ[illegible] ніе поселить на новыхъ участкахъ на срокъ аренды чужестороннихъ людей. Тутъ-то вотъ ихъ и наползло изъ дальнихъ губерній,— твои тараканы... Арендаторы-то наобѣщали имъ невѣсть чего. [illegible] селились, обзавелись двориками, скотинкой и всѣмъ прочимъ [illegible] имуществомъ... Пошла работа. Обдирали ихъ арендаторы поч[illegible] зря... Ну, да у себя-то они дома и того не имѣли, что тутъ пер[illegible] дало... Мирились. А который заартачится,—припугивали: ломай.

скать, жилье и уходи, куда знаешь. Пойдутъ въ станицу жаловаться,—такъ казаки ихъ же обопьютъ, ихъ же ни съ чѣмъ плетьми и прогонятъ въ степи... Терпѣли. Какъ-никакъ обжились. Земля вокругъ вольная,—распахивай подъ «скопъ» сколько жила выдержитъ... У арендаторовъ помимо «скопа» стали еще и «на самоту» въ аренду брать... Мужикъ—онъ жаденъ до земли,—что муха къ меду.

Сталъ подходить срокъ аренды арендаторамъ, они возьми и схитрись ту землю, что подъ жильемъ да въ арендѣ у мужиковъ была, продать имъ... Пріѣзжали въ степь писарь, атаманъ и казаковъ съ десятокъ, ахты писали и печать къ нимъ прикладывали... Прочиталъ писарь мужикамъ,—будто и ладно выходило... Бѣд-да! мужики рады были, дешево купили землю. «У насъ, паре,—куд-ды тебѣ! Абажжесси!... Онъ-те за десятинку три сотельныхъ!... А тутъ!... Слава-жъ Те, Господи!...» Одно слово,—конца краю ихъ радости не было... Да не надолго.

Нонѣшней весной шасть вдругъ какое-то начальство въ степи. «Что?... какъ?... почему?... откуда?...» Атаманъ и писарь: «Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ... И не бывали тутъ,—близко-ль свѣтъ?... Мужики начальству ахты суютъ. Начальство посмотрѣло ихъ, показываетъ атаману и писарю... Всѣ трое смѣются... Ахты подложные, вмѣсто печати—орелъ отъ мѣднаго пятака. «Ловко».

Уѣхало начальство. Черезъ которое тамъ время—предписаніе. «Согнать, разорить, выжечь». Становой, урядникъ... исправникъ пріѣзжалъ... «Уходите, молъ, по добру, по здорову, а не то...» Мужики, которые въ городъ, въ судъ: «Какъ, дескать, такъ?... Земля куплена. Ахты... Печать... Все, дескать, отдали за нее до послѣднихъ животовъ...» Отовсюду прогнали... Вернулись въ степь, а тамъ уже казаки, солдаты—видимо-невидимо,—уходи, дескать... Мужики за колья... Тутъ-то вотъ и пошла работа.

— Ну?

— Ну, вотъ-те и ну!... Видалъ на курганѣ обгорѣлые столбы да стѣны?... а подъ курганомъ кресты да могилы. Сначала разговоры да уговоры, далѣ плеть да копыта... Ну, а потомъ пули, штыки, огонь... Какъ вѣтромъ сдуло. Что только народу сгинуло, Господи!... Дѣтей топтали и били... Всѣхъ дѣвокъ и бабъ опоганили... Не было спуску ни старымъ, ни малымъ... Со сраму полоумныя и теперь въ степи попадаются. Кои и руки на себя наложили... Не перечесть.

Ямщикъ умолкъ. Я оглянулся на солдата. Онъ напряженно смотрѣлъ на ямщика, и глаза его горѣли, какъ два раскаленныхъ угля.

— Н-но! вы... ид-долы!—злобно стегнулъ ямщикъ лошадей. Колокольчики испуганно заплакали.

Степь притаилась. Было безмолвно вокругъ и какъ-то таинственно тихо. И только чуть уловимо шепталась о чемъ-то, одной ей вѣдомомъ, степная трава.

— Быть ночью грозѣ,—сказалъ ямщикъ, къ чему-то прислушиваясь.

— Почему ты знаешь?

— Слышно... Надвигается... Земля вздрагиваетъ и стонетъ, кубыть... Слышь?

— Ничего не слышу!

— Безъ привычки... Кони чуютъ,—вспотѣли... фыркаютъ... Быть грозѣ.

Колокольчики допѣвали послѣднюю пѣсню.

Гдѣ-то впереди во мракѣ послышался сначала еле внятный лай собакъ и съ каждымъ мгновеніемъ становился явственнѣй и ближе. Черезъ нѣсколько минутъ на потемнѣвшемъ фонѣ потухшаго заката обозначились вдругъ, точно выросли изъ земли, черные силуэты высокаго журавца-колодца, низкой продолговатой избы и приплюснутыхъ къ землѣ навѣсовъ. Все это не было чѣмъ-либо огорожено отъ степи, и лошади, свернувъ съ дороги, подъѣхали прямо къ избѣ. За нею чуть виднѣлись во тьмѣ обширныя бревенчатыя базы. Быковъ за темнотою не было въ базахъ видно, но слышно было, какъ они пережевывали жвачку и тяжело вздыхали.

Кто-то, невидный во тьмѣ, отозвалъ лаявшихъ собакъ, и тѣ смолкли.

Я вылѣзъ изъ тарантаса. Ямщикъ у навѣсовъ распрягалъ лошадей.

Темная ночь окутала степь непрогляднымъ мракомъ. Изъ глубины его надвигалась гроза. Часто вспыхивая, молніи освѣщали на горизонтѣ громады тучъ.

Ямщикъ и солдатъ съ кѣмъ-то разговаривали у навѣсовъ, лошади жевали сѣно.

Я пошелъ въ избу.

Въ «переднемъ» углу на тесовомъ столѣ тускло горѣла жестяная лампочка, у темныхъ образовъ теплилась лампадка. Двѣ небольшихъ дѣвочки и постарше ихъ мальчикъ, сидя на скамьяхъ за столомъ, ужинали. Спаленныя зноемъ лица ихъ были черны, какъ земля, глаза сверкали.

У края стола сидѣла молодая, но измученная какимъ-то тяжкимъ недугомъ женщина, очевидно, мать ужинавшихъ дѣтей.

не ѣла съ ними. Опершись о скамью руками, она тупо смотрѣла къ печкѣ. Тамъ съ рогачомъ въ рукахъ стояла согбенная старуха.

На скамьѣ у порога избы сидѣлъ старикъ, вѣроятно, мужъ старухи, а на земляномъ полу—какой-то «прохожій» человѣкъ въ разбитыхъ лаптяхъ, запыленный и загорѣвшій въ долгомъ пути.

Старикъ неподвижнымъ взглядомъ уставился въ темный уголъ избы и, видимо, думалъ какую-то тяжелую думу. «Прохожій» человѣкъ рылся въ своей котомкѣ. Всѣ какъ-то угрюмо отвѣтили на мое привѣтствіе и, казалось, тотчасъ же забыли обо мнѣ. Лишь дѣти съ любопытствомъ смотрѣли въ мою сторону.

Прохожій человѣкъ, покосившись на меня, возобновилъ, очевидно, прерванный мною разговоръ.

— Трудно въ чужой жисти все усмотрѣть, а для догадокъ она темна бываетъ. Темна... Вотъ что.

— Ину пору душа дюже просится наружу,—отозвалась старуха.—Кому изольешь ее?... Степь вокругъ... Быки, птица степная, прочая тварь Божья... Случается, заѣдетъ живой человѣкъ,—да что...

Старуха мелькомъ взглянула на меня и продолжала:

— Какіе тутъ люди?... Все больше скотопромыслые... Изопьетъ самоваръ, постучитъ счетами, крякнетъ и уѣдетъ. Сунешься къ нему погуторить,—обругаетъ,—не мѣшай, дескать... Ну, и опять одна съ своимъ горемъ.

— Къ кому зря не суйся съ ней... не бросай подъ ноги,—растопчутъ... Знаемъ.

Прохожій со злобой плюнулъ. Лицо его и самъ онъ весь нервно подергивался и сверкалъ лихорадочнымъ взглядомъ глубоко запавшихъ глазъ.

— Куда же съ нимъ дѣваться-то... Давитъ оно.

— Храни до времени... Потерпи малость еще... Пожди,—придетъ пора.

— Съ Богомъ только и дѣлишься, да и то все больше шепотомъ. А душа болитъ... кричать хочетъ,—такъ вотъ и возопилъ бы.

— И шепчешь, и кричать будешь Богу... все въ пустую стать... я...—медленно выговорилъ вдругъ мужъ старухи, не отрывая гляда отъ темнаго угла избы.—Мы ли Ему не вопили?... Пора бы къ и...

— Что ты, старикъ?! Оставь!... Нешто...—взволновалась стака.

Въ темное окно избы ударилъ потокъ яркаго свѣта молніи, зем-

ля задрожала отъ мощныхъ раскатовъ грома, съ потолка на полъ избы посыпалась глина.

Старуха, больная женщина и дѣти вздрогнули и, шепча молитву, стали креститься. Старикъ не шелохнулся, а прохожій быстро повернулъ голову къ темному углу избы. Тамъ въ ужасѣ громко шепталъ кто-то.

— *Они!*... *Они!*... Опять *они!*... Стрѣляютъ!... Опять будутъ меня душить!...

Старуха бросилась на шепотъ.

Тамъ въ полумракѣ на кучѣ брошенныхъ на полъ травы и степныхъ цвѣтовъ, прижавшись въ уголъ, сидѣла дѣвушка. Сразу видно было, что она безумна. Длинные волосы ея были распущены, неподвижный взглядъ прекрасныхъ голубыхъ глазъ, полный ужаса, устремленъ былъ въ сверкавшее грозою окно избы.

Дѣвушка прижимала къ своей груди вѣнокъ изъ степныхъ цвѣтовъ и что-то шептала.

Старуха обняла ее и стала успокаивать:

— Уймись, ягодка,—Богъ съ тобою... Не бойся,—никого тамъ нѣту... *ихъ* нѣту... Это громъ... Это Господь гнѣвается на грѣхи наши... Уймись,—я съ тобою...

Она напоила дѣвушку водою,—та постепенно успокоилась. По блѣдному измученному лицу ея проползла тихая улыбка—послѣдній отблескъ померкшаго разсудка. Безумная снова принялась за вѣнокъ, не переставая радостно чему-то улыбаться.

Дѣти поужинали и усѣлись вокругъ дѣвушки на травѣ и цвѣтахъ, старуха убирала со стола.

— Ты кто будешь?... Скотопромыслый али нѣтъ?...—обратилась она ко мнѣ.

— Нѣтъ—не скотопромыслый.

Прохожій пристально и подозрительно всматривался въ меня.

— Что это у васъ съ дѣвушкой?—обратился я къ старухѣ.

— Ума рѣшилась... Загубили ее злодѣи...

Не переставая задавать вопросы, я вызвалъ старуху на разговоръ.

— У насъ тамъ—въ Россеи такихъ степей, такого приво[illegible] нѣтъ,—разсказывала она мнѣ.—Земля тамъ у насъ малая, ску[illegible] и убога. Народу на ней, что мухъ въ лѣтнюю пору на сладкомъ [illegible]стѣ... Жужжитъ народъ, другъ дружку давятъ,—сосутъ ее—земе[illegible]ку-то... А что съ нея взять?... Немощна она, что грудь сухая.. [illegible] мы бились надъ ней до пота и слезъ...

— А голодали, чай, какъ и мы... до опухоли,—вставилъ въ рѣчь старухи прохожій и снова злобно плюнулъ.

— Вѣрно, родимый,—приходилось.—Къ той-то вотъ порѣ заявились къ намъ «скопщики»... Слыхалъ, чай, про нихъ?...—спросила меня старуха.

— Онъ и самъ, чай, изъ нихъ... Разбойники...—прошипѣлъ прохожій, сурово покосившись на меня.

Я не успѣлъ отвѣтить.

Дверь въ избу распахнулась вдругъ, и на порогѣ ея появился солдатъ—давишній мой спутникъ.

Онъ былъ безъ сумки и фуражки, блѣдное лицо его искажено было не то испугомъ, не то какой-то болью.

Оглянувшись на стукъ двери, старикъ, старуха и больная женщина вскочили съ своихъ мѣстъ и безмолвно смотрѣли на солдата, а онъ также на нихъ.

— Это я... Дементій...—прошепталъ, заикаясь, солдатъ.

Казалось, онъ хотѣлъ крикнуть что-то, но задохнувшись, только переступилъ съ ноги на «колодяшку».

Больная женщина, не сводя глазъ съ деревянной ноги Дементія, медленно, какъ бы въ забытьѣ, подошла къ нему, безъ звука свалилась на земляной полъ и, охвативъ «колодяшку» руками, прильнула къ ней головою...

Старуха подошла къ солдату, обняла его и, уложивъ на его грудь сѣдую голову, тихо завыла, какъ воютъ по покойнику...

Скорбь ея, какъ нитка клубка, медленно разматывалась и тянулась изъ сердца безъ конца...

Старикъ тоже двинулся было къ солдату, но вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, вздрогнулъ и снова сѣлъ на скамью...

— Ага!... Вотъ это оно самое и есть!...—злобно прошепталъ прохожій, переводя сверкавшій взглядъ съ солдата на старика. Лицо прохожаго исказилось холодной улыбкою непримиримой къ кому-то ненависти.

— Не поцѣлуешься, братъ!... *Оно*... это самое... Разъединило,—шепталъ онъ, не сводя глазъ со старика и солдата.

Сѣдыя брови старика сурово сошлись у переносья, острый взглядъ, [illegible]къ и у прохожаго мужика, сверкнулъ злобой, а тянувшійся черезъ [illegible]ъ безобразный рубецъ побагровѣлъ.

Солдатъ смотрѣлъ въ уголъ избы къ безумной дѣвушкѣ и дѣтямъ, [illegible] казалось, не видѣлъ ихъ. Неподвижный холодный взглядъ его [illegible]елъ куда-то сквозь стѣну и усиливался распознать тамъ что-то [illegible]щое, крайне необходимое.

Дѣти испуганно смотрѣли на него и жались къ безумной дѣвушкѣ. А она, впившись пристальнымъ взглядомъ въ лицо солдата, казалось, искала въ немъ просвѣта въ прошедшее и не нашла. Сдвинутыя брови ея медленно разошлись, морщины на лбу тихо исчезли, и все лицо снова расплылось въ загадочную улыбку безумія...

— Вотъ она... Мѣра за мѣру...—злобно шепталъ прохожій мужикъ.—Тоже, чай, охулки на руку не клалъ...

Старуха не переставала «тужить» надъ сыномъ, называя его «соколикомъ-сизокрылымъ» и другими, полными материнской ласки именами.

Напряженно слушая старуху и какъ будто припоминая что-то, безумная дѣвушка тихо запѣла вдругъ что-то печальное, одной ей понятное... Пѣсня эта и плачъ старухи, обнявшись, слились въ какую-то невыносимую гармонію...

Осторожно обойдя застывшую у порога группу, я вышелъ на дворъ.

Гроза была въ полномъ разгарѣ, но дождь еще не шелъ. Мракъ ночи разорвался вдругъ въ свѣтлую полосу, въ ней на мгновеніе показались одинокій курганъ вблизи зимовника, а за нимъ испуганная степная даль до горизонта.

Я пошелъ къ кургану. Вспыхивая, молнія казала мнѣ путь къ нему. Взобравшись на его вершину, я сѣлъ на ней. Мракъ вокругъ. Не видно ни зги. Чудится, что нѣтъ вокругъ меня ничего... Даже земли нѣтъ, кромѣ клочка ея—кургана, а вокругъ него безконечная вдаль и вширь, вглубь и ввысь темная нѣмая бездна...

Но сверкала вдругъ молнія, и въ голубомъ ея блескѣ снова мелькали на мгновеніе безбрежный просторъ степи, далекій горизонтъ, а на немъ причудливыя громады разноцвѣтныхъ тучъ съ манящими къ себѣ ихъ перспективами. Въ нихъ чудились мнѣ моря и горы, и дали дивныя изъ дѣтскихъ сказокъ и дѣтскихъ сновъ...

Какъ свѣтлая мечта о счастьѣ, мгновенно гасло все... Какъ тихія слезы о немъ, упали на степь крупныя капли дождя...

Я пошелъ къ избѣ. Старика и солдата въ ней уже не было. Больная женщина, уронивъ голову на грудь, сидѣла на скамьѣ и тупо смотрѣла въ темный уголъ избы на спавшихъ съ безумной дѣвушкой дѣтей.

Прохожій, стоя надъ котомкой и укладывая въ нее, что-то тихо говорилъ:

— Это оно самое и есть... Дождались... Возсталъ народъ на народъ... братъ на брата... дѣти на родителей... И глады, и моры.

и все прочее... Нѣтъ, подожди, братъ!... Такъ и скажу ему... Ежели да и ты въ такихъ дѣлахъ!... такъ будь же ты прок...

Притворяя дверь, я стукнулъ ею. Прохожій вздрогнулъ, обернувшись, непріязненно и подозрительно посмотрѣлъ на меня и, забравъ свою котомку, пошелъ въ сосѣднюю чуть освѣщенную лампадкой да изрѣдка блескомъ грозы комнату. Изъ нея слышались порывистый шепотъ молитвы и глухой стукъ земныхъ поклоновъ.

То старуха жарко молилась. Она била себя костлявой рукою въ изсохшую грудь и стучала лбомъ о земляной полъ избы, подолгу не подымая отъ него сѣдой головы. Громъ все грохоталъ, земля вздрагивала...

Я взялъ фонарь, пошелъ подъ навѣсъ, нашелъ кучу наваленой тамъ травы и улегся на ней.

Свѣча въ фонарѣ догорѣла и погасла, мракъ ночи окуталъ меня и сталъ давить. Тяжелая масса его отъ вспышекъ молніи, точно въ испугѣ, взлетала вверхъ подъ кровлю навѣса, шепталась тамъ съ притаившимися воробьями и снова падала на меня. Гдѣ-то во тьмѣ ворчали куры, «хрумтѣли», пережевывая овесъ, лошади, да храпѣлъ ямщикъ.

Вдругъ мнѣ послышался человѣческій шепотъ. Затаивъ дыханіе, я прислушался...—«Не воры ли пробираются къ лошадямъ?»—подумалъ я.

За плетневой необмазанной стѣной навѣса былъ, вѣроятно, еще какой либо сарай или овинъ. Тамъ, дѣйствительно, кто-то шепталъ отрывистыя фразы, полныя то безысходнаго горя, то ненависти и угрозъ...

— Дѣтей насиловали!... Жену твою... Мою жену... старуху, твою мать опозорили!... Со смѣхомъ, съ шутками!... Отбиваясь, кусаться стали,—такъ въ груди прикладами били... кости трещали... На выручку мы кинулись съ Марьинымъ отцомъ... Не помню дальше ничего... Шрамъ вотъ на лбу остался... А Марьинъ отецъ не поднялся... И лучше,—одинъ конецъ... Старуха его сгорѣла, а Марья... видѣлъ какова?...

Шептавшій помолчалъ.

— Василиса... Слѣдили за ней и день и ночь... Не уберегли... З разоренной избой обгорѣлое деревцо стояло... Сама посадила... на н мъ и...

Шепотъ вдругъ снова прервался, точно шептавшій задохнулся о ъ невыносимой боли въ груди.

— Марью взяли къ себѣ... Придетъ Андрей, пусть... Да неужто

же и онъ въ такихъ дѣлахъ?!... Про васъ тоже слухи разные были... Тамъ... Охъ! будьте вы всѣ...

— Отецъ!... Родитель!...—вырвалось вдругъ изъ чьей-то другой груди.

— Прокляну!... Убью!...—рычалъ старикъ.—Не выжить мнѣ съ вами... Увидѣлъ тебя,—духъ захватило... Нешто на это вы присягали?... Неужто же и Андрей?!... Знать бы мнѣ... Скорѣй узнать мнѣ это надо... надо!...—выкрикнулъ старикъ и задохся. Долго было тихо, но потомъ старикъ снова зашепталъ:

— Власу оба глаза выжгло. Бродятъ съ матерью по станицамъ... побираются... А люди-то какіе были!... Отецъ Власа ушелъ въ городъ правды добиваться и сгинулъ безъ вѣсти... Либо гноится въ острогѣ, либо давно въ Сибири... Правды захотѣлъ... Гм!... Нѣтъ, это не то!... Прохожій иное надумалъ...

Старикъ помолчалъ. Послышался тяжелый вздохъ и шорохъ.

— Пойдемъ-ка въ избу,—сообща потолковать надо.

Слышны были шаги удалявшихся къ избѣ старика и солдата.

Уже далеко гдѣ-то, громъ гремѣлъ все тише и тише, гроза вспыхивала слабѣе и слабѣе, какъ съ годами воспоминанія о давно прошедшемъ, полузабытомъ... Не помню, какъ заснулъ я...

III.

Солнце было уже довольно высоко. Сверкая росою, степь улыбалась и звала къ себѣ, обѣщая повѣдать что-то новое, въ грозную ночь добытое...

Ямщикъ запрягалъ лошадей. Быковъ уже не было въ базахъ. Вмѣстѣ съ дѣтьми и двумя парнями погонщиками они чуть виднѣлись, разсыпавшись по травѣ въ степной дали, подернутой голубоватымъ паромъ.

Старика и солдата не видно было ни у навѣсовъ, ни у избы. На завалинкѣ ея, уронивъ голову на руки, сидѣла больная женщина, а старуха несла къ избѣ отъ колодца воду.

Я пошелъ вслѣдъ за нею выпить молока и взять дорожную сумку. Старика и солдата не было и въ избѣ. Безумная Марья попрежнему въ углу избы на травѣ, но уже съ яркимъ платкомъ на головѣ, у [illegible]той въ заплетенной косѣ и, счастливая, чему-то улыбалась.

— Демушка принесъ... Вас-силисѣ припасъ...—чуть выг[illegible]орила старуха и беззвучно заплакала.—Не досказала я тебѣ вч[illegible]а, какъ насъ... то ли Богъ покаралъ, то ли люди обидѣли...

— Я уже знаю, бабушка, слышалъ... Старикъ-то съ сын[illegible]ъ гдѣ же?

— Они... Въ степь они ушли, касатикъ... На старое пепелище къ дальнему кургану... Могилки тамъ... Василисы и... всѣхъ прочихъ, убіенныхъ...

Старуха сидѣла на скамьѣ, глубоко о чемъ-то задумавшись.

— Ну, прощай, бабушка!... Спасибо вамъ за пріютъ.

— Не начемъ, родимый... Путь тебѣ дорога...

Я вышелъ изъ избы и сѣлъ въ поданный тарантасъ.

Отдохнувшія за ночь лошади тронулись съ зимовника по «цѣлинѣ» бодро, колокольчики запѣли что-то удалое, полное широкаго раздолья. Но недолго пристяжныя извивались кольцомъ, коренникъ смѣнилъ иноходью, а колокольчики, захлебываясь, заливались веселою пѣснею.

«Цѣлина» скоро кончилась, и мы въѣхали на широкую почернѣвшую отъ дождя дорогу. По ней, сколько глазъ видѣлъ, сверкали лужи дождевой воды, точно куски разбитаго ночью и разбросаннаго грозою огромнаго зеркальнаго стекла.

Лошади пошли шагомъ, еле таща тарантасъ,—колеса сразу превратились въ черные тяжелые жернова.

Опоенная дождемъ трава полегла долу широкими полосами, прозрачный золотистый воздухъ звенѣлъ стрекотомъ кузнечиковъ, щебетомъ какихъ-то пичужекъ, пѣсней жаворонка. Кричали кроншнепы, летая надъ придорожнимъ курганомъ. На самой макушкѣ его неподвижно сидѣлъ кто-то, глядя вдаль по дорогѣ къ горизонту, куда и мы еле подвигались.

— Да. Скажи на милость, случай!—началъ ямщикъ, помахивая кнутомъ надъ лошадьми.—И не чаялъ онъ, а они и вотъ... Въ самую семью привезли нежданно-негаданно.

— Ты это про солдата, что ли?

— Про него.

— Не на радость привезли, братъ.

— Кака радость!... Храни Богъ всякаго, не то что... Погонщики разсказывали, волосъ вставалъ на головѣ... Вчужѣ-то, а ему-то каково, солдату? Закачаешься, братъ, безъ привычки... Сидимъ это мы подъ навѣсомъ вчерась, погонщики и разсказываютъ: «Вотъ, говорятъ, и нашъ старикъ—старшой гуртовщикъ съ семействомъ». И чу всю, тоись, му́ку ихъ претерпѣлую разсказывать. «Придутъ, говорятъ, сыновья со службы, что только будетъ?» Солдатъ это какъ вскочитъ вдругъ... Глянули мы на него, а онъ—что мертвецъ... «Что ты, служба?!»—«Какъ, говоритъ, вашего старика звать?!»—«Авдѣемъ... Авдѣй, дескать, Голыхъ». Точно бурей махнуло его въ

избу. Ну, и оказалось, значитъ, что они самые и есть... Д-да. Храни Богъ всякаго...

Ямщикъ слѣзъ съ козелъ, досталъ изъ-подъ сидѣнья палку и, остановивъ лошадей, сталъ очищать ею колеса отъ налипшей къ нимъ грязи. Когда это ему нѣсколько удалось, мы тронулись дальше.

— Почитай всю ночь они не спали,—продолжалъ ямщикъ про обитателей зимовника.—Старикъ съ солдатомъ, смотрю, пробираются въ овинъ за навѣсами. Слышу—шепчутся тамъ. Старикъ все допрашивалъ его, не участвовалъ ли, молъ, и ты въ такихъ дѣлахъ? Не знаешь ли, молъ, не посылаютъ ли въ такія дѣла другого сына, что на службѣ? Получалъ ли, дескать, письма изъ дому?... Молчитъ солдатъ, хоть бы тебѣ слово. Про письма только и обозвался. Получилъ, говоритъ, одно, а больше и не было. Не зналъ, что и въ степи жили, со службы пошелъ въ родное село и оттуда уже сюда побрелъ. Долго шептались. Не знаю, на чемъ у нихъ кончилось, заснулъ я.

Ямщикъ умолкъ и задумался.

Я оглянулся назадъ. Зимовникъ еще былъ виденъ, но сиротливой кучкой своихъ построекъ припадалъ къ землѣ все ниже и ниже, точно тонулъ въ зеленыхъ волнахъ травы. Вотъ ужъ и гладко на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ минуту назадъ маячилъ высокимъ журавцомъ колодца. Исчезъ и журавецъ, какъ мачта судна, постепенно затонувшаго въ зеленомъ морѣ.

Курганъ съ сидѣвшимъ на вершинѣ его человѣкомъ еще былъ виденъ, но и онъ уже таялъ въ маревѣ.

— Баринъ! Гляди!... Никакъ это Авдѣй впереди съ кѣмъ-то шагаетъ...

Скоро мы догнали шедшихъ впереди насъ двухъ человѣкъ съ палками въ рукахъ, съ котомками за плечами. Это, дѣйствительно, были Авдѣй и ночевавшій у него «прохожій» мужикъ.

— Путь-дорога, поштенные!—крикнулъ имъ ямщикъ.

Обернувшись и увидѣвъ меня, оба путника какъ-то потемнѣли. Прохожій даже выбранился и плюнулъ.

— Далече Богъ несетъ?—спросилъ ямщикъ.

— Тутъ... по одному дѣлу,—нехотя отвѣтилъ Авдѣй.

— Эхъ, дорога тяжела, а то бы малость подвезъ бы васъ... облучекъ... одному сзади можно бы.

— Спасибо. Не по дорогѣ намъ съ вами.

— Вы съ «развилки»—куда?

— Налѣво.

— И то не по дорогѣ, намъ прямо.

— Къ сыновьямъ идете?—спросилъ я.

Авдѣй вздрогнулъ, а прохожій, сверкая глазами, быстро подошелъ къ тарантасу.

— А ты, а ты? Матери твоей чортъ въ лапти!... Ты къ уряднику въ гости ѣдешь, а? Кака тебѣ нужда, куда мы идемъ, а? Аль, ночуя подъ навѣсомъ, сонъ такой видѣлъ, что знаешь куда мы идемъ?... Говори!...

Прохожій задыхался и лѣзъ ко мнѣ въ тарантасъ.

— Ты кто? Говори!... Скотопромыслый?! Арендаторъ, а?!

— Нѣтъ. Я учителемъ ѣду въ Глухой Кутъ. Я вѣдь такъ спросилъ... Хотѣлъ поговорить съ вами...

Прохожій мгновенно стихъ и, какъ бы еще не довѣряя, пристально посмотрѣлъ на меня.

— Учителемъ въ Глухой Кутъ, говоришь?... Знаю... Правду говоришь?... Не скотопромыслый ты?

— Да нѣтъ же, нѣтъ!... Правду говорю.

— Ну, ну, это ина статья... А то, понимаешь,—обернулся вдругъ прохожій къ Авдѣю.—Не договорилъ я тебѣ: «Дальше они, да больше, я и разскажи все. Одинъ изъ нихъ и говоритъ: «А не хочешь ли, говоритъ, къ уряднику?... Ужо, говоритъ, вотъ доѣдемъ къ селу, мы тебя представимъ». Что ты будешь дѣлать?! Ихъ двое. Я, долго не думая, прочь съ дрогъ да и лататы въ степь!

Лошади стали. Впереди нихъ дорога раздѣлялась на двѣ черныхъ полосы. Одна, извиваясь, шла влѣво, другая вправо.

— Такъ ты въ Глухой Кутъ учителемъ, значитъ?

— Да.

— Ну, часъ добрый тебѣ... Что-жъ... это ничего, это дѣло хорошее... Только чему учить-то будешь?... Все, чай, «жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ». Такъ, что ли?... Брось, братъ, пустое!

— Развѣ только это и есть—въ школахъ-то?

— Да все больше около этого вертятся.

— Богъ приведетъ, кое-чему и другому научу.

— Богъ-то приведетъ, а урядникъ, гляди, и отведетъ... И останутся, братъ, отъ тебя одни рожки да ножки... Дѣло бывалое, знаемъ.

— Богъ не дастъ, свинья не съѣстъ.

— Еще какъ съѣстъ-то!... Только кости затрещатъ. Ты, видно, впервой на это дѣло?

— Впервой.

— Ну, нашивай, братъ, лубки на... Въ нашемъ селѣ также вотъ было... А какой человѣкъ былъ! Въ вѣкъ не забыть... Меня, мужики.. да и не одного меня грамотѣ и уму разуму обучилъ... Съѣли, лопни ихъ утроба!...

Авдѣй шагнулъ на свою дорогу. Прохожій, приподнявъ шапку, мотнулъ мнѣ головой.

— Прощавай, братъ, часъ тебѣ добрый!... Старайся, коли ежели...

Лошади тронули.

Скоро наша дорога пошла извиваться ужомъ съ бугра на бугоръ. Лошади выбивались изъ силъ, ямщикъ еле шагалъ рядомъ съ ними по невылазной грязи.

Мнѣ до острой тоски въ сердцѣ хотѣлось скорѣй взобраться на вершину бугра и узнать, что за нею дальше?... Снова ли спускъ внизъ въ яму ложбины, или прямая ровная дорога въ свѣтлую даль неба и земли?

Вотъ мы и на вершинѣ бугра.

Тяжелая дорога, извиваясь, снова уходила внизъ въ темную ложбину. А тамъ опять далекій горизонтъ новаго бугра съ новой свѣтлой далью за нимъ, зовущій къ себѣ и обѣщающій легкій путь, ширь и свободу... И такъ безъ конца.

— Н-ну и дорога, язви ея душу!... Что жисть наша мужицкая! Пра. Манитъ отъ бугра къ бугру, а толку... конца—края нѣту... Н-но, но!... Дотягивай, сердешныя!

Я оглянулся назадъ.

Сколько глазъ хваталъ, тянулся за нами безобразный нашъ слѣдъ съ огромными кусками грязи по бокамъ его да свѣтлыми сверкавшими на солнцѣ бликами дождевыхъ лужъ.

Авдѣй и прохожій исчезали уже на горизонтѣ... Чуть виднѣлся курганъ съ кѣмъ-то, все еще сидѣвшимъ на его вершинѣ...

— А вѣдь то хромой солдатъ сидитъ на курганѣ,—сказалъ ямщикъ, оглядываясь назадъ.

— Почему ты знаешь?

— Небезпремѣнно онъ. Смотритъ вслѣдъ отцу и думаетъ думу.

— О чемъ?

— А кто его знаетъ... Дума его велика теперь, что степь широкая... Поди-ка—измѣрь ее!...

Безбрежная зеленая гладь катила вдаль тихія волны просохшей травы и шептала ею грустную повѣсть о прожитомъ... Надъ загадочнымъ просторомъ ея звенѣли то веселая пѣсня жаворонка, то скорбный крикъ кроншнепа.

Евгеній Волков

НАДЪ ЖИЗНЬЮ.

Новелла Якоба Вассермана.

(Съ нѣмецкаго.)

Инфанта Іоанна родилась подъ смертные крики еретиковъ, которыхъ сжигали передъ окнами той самой комнаты, гдѣ лежала въ мукахъ королева Изабелла.

Кожа на тѣльцѣ ребенка была окрашена въ янтарно-желтый цвѣтъ, а большіе глаза глядѣли глубоко и задумчиво. Сверхъ того у дѣвочки подъ сердцемъ оказалось родимое пятнышко въ формѣ креста, окруженное свѣтлыми линіями, напоминавшими огненные языки. Впослѣдствіи при дворѣ говорили, что инфанта не въ состояніи выносить зрѣлища пламени.

Не въ примѣръ прочимъ дѣтямъ она не радовалась играмъ и забавамъ, а въ случаяхъ какихъ-нибудь торжествъ скрывалась и искала одиночества. Говорить начала она поздно, и у всѣхъ, кое-что смыслившихъ въ человѣческой душѣ, она считалась слабой умомъ. Родителямъ она выказывала мало любви, и никому не приходилось видѣть, чтобы она молилась съ истиннымъ жаромъ; когда же наступала ночь, она становилась боязливѣе обыкновеннаго, а во снѣ вскрикивала, какъ демонъ, среди терзавшихъ ее сновидѣній.

Король, все чаще и чаще испытывавшій при видѣ ребенка чувства тоски и страха, старался удалить его подальше отъ себя, а когда дѣвочкѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ, онъ отослалъ ее въ монастырь Санта Марія де-ласъ-Хуэльгасъ близъ Бургоса; рѣшеніе это созрѣло въ немъ особенно послѣ приключенія съ англійской левреткою.

У Іоанны была левретка хорошей англійской породы; дѣвочка очень любила собаку, требовала, чтобы та спала у ея постели, сама кормила ее и водила гулять въ сады. Съ своей стороны и животное было предано молодой госпожѣ. Однажды ночью Іоанна проснулась;

была гроза, и, движимая неяснымъ чувствомъ страха, дѣвочка подошла къ окну. Была ли собака испугана раскатами грома и молніей, былъ ли омраченъ ея инстинктъ сномъ, но она вдругъ зарычала и укусила Іоанну за ногу. Рана была неопасная, но Іоанна, несмотря на всю нѣжность къ собакѣ, порѣшила, что она должна умереть, и ничто не могло отвратить ее отъ этого намѣренія. Она достала кинжалъ, заманила собаку въ отдаленный уголокъ сада, и въ ту минуту, когда животное лежало у ея ногъ, Іоанна спокойно и быстро перерѣзала ей горло.

Слухъ объ этомъ событіи отчасти возбудилъ изумленіе, отчасти же усилилъ слѣпой страхъ передъ инфантой. У нея была особая манера глядѣть людямъ въ глаза, и въ такихъ случаяхъ они всего охотнѣе уходили, творя про себя потихоньку крестное знаменіе.

Печальныя окрестности Бургоса, голые холмы, только на закатѣ солнца горѣвшіе рубинами въ морѣ пурпура; унылый городъ, съ кривыми улицами, высокими, наподобіе башенъ, домами; дворцами, съ полуобвалившимися сводами, рѣшетчатыми воротами и узкими окнами; уединенное положеніе самаго монастыря, — казалось, все было создано для того, чтобы окутывать плотнѣе и плотнѣе душу инфанты. Изъ сумерекъ этой души сіяли только глаза, словно отблескъ двухъ звѣздъ въ водахъ глубокаго колодца.

Когда инфанта вернулась ко двору, про нее говорили, что она знакома съ тайнами магіи. Нѣкоторые утверждали, что она водится съ чернокнижниками, умѣетъ гадать на кипящей водѣ и оживлять муміи. Она навѣрное знала законы вращенія планетъ вокругъ солнца, и сторожъ съ башни разсказывалъ, что инфанта по ночамъ часто лежала неподвижно на балконѣ и смотрѣла въ усѣянное звѣздами небо. А въ ея опочивальнѣ стояла астролябія и висѣла мраморная маска эллинскаго бога.

Въ это время дворъ выѣхалъ въ Толедо, гдѣ на страстной недѣлѣ предстоялъ судъ надъ цѣлымъ рядомъ еретиковъ. Съ помоста для зрителей Іоанна увидѣла привязанную къ столбу беременную женщину. Отъ ярости пламени ребенокъ выпалъ изъ нѣдръ матери на землю, но священники послѣ краткаго совѣщанія бросили его снова въ огонь, какъ еретичье отродье. Никогда не могла Іоанна забы[ть] крика животной боли, который испустила мать. Взглядъ инфан[ты], словно устремленный вдаль, къ свѣту, искалъ къ нему путей; о[жи]даніе одерживало верхъ надъ горестнымъ опытомъ.

Едва ей исполнилось семнадцать лѣтъ, какъ изъ разныхъ стра[нъ] явилось множество искателей ея руки, ибо эта рука располагала з[ем]лями Кастиліи и Аррагоніи, доставшимися Іоаннѣ въ наслѣдіе [отъ]

родителей. Что касается короля, то онъ обратилъ вниманіе лишь на одного изъ претендентовъ: на Филиппа австрійскаго, сына римскаго императора. Императору же не доставляла особеннаго удовольствія перспектива женить единственнаго сына на испанкѣ.

Возникла цѣлая сѣть интригъ, было исписано безконечное количество бумаги, и отъ коннетабля къ гофмаршалу безпрестанно взадъ и впередъ скакали гонцы. Раздавалось много голосовъ противъ этого брака, самъ принцъ колебался... Тогда одного изъ испанцевъ осѣнила мысль освѣтить красоту инфанты поэтической метафорой, и онъ написалъ о ней къ вѣнскому двору: кожа на лицѣ Іоанны такъ прозрачна, что видно, какъ по ея горлу течетъ красное вино, когда она его пьетъ. Надъ этой метафорой многіе смѣялись, другіе приняли ее за чистую монету, а Филиппа охватило желаніе увидѣть эту женщину.

Наконецъ, договоры были скрѣплены и припечатаны, и восемнадцатилѣтній Филиппъ въ сопровожденіи большой свиты рыцарей, среди которыхъ находился и его близкій другъ, пфальцграфъ Фридрихъ, пустился въ путь черезъ Савойю и южную Францію въ Бургосъ, куда и прибылъ къ началу осени. При въѣздѣ въ городъ на немъ была бѣлая шелковая одежда и ѣхалъ онъ на бѣломъ конѣ. Въ узенькой улицѣ близъ городскихъ воротъ конь споткнулся и упалъ на колѣни; въ этомъ событіи многіе усмотрѣли дурное предзнаменованіе.

При видѣ своего будущаго супруга Іоанна, забывъ всякій этикетъ, блѣдная и холодная, какъ статуя, остановилась среди окружавшихъ ее дамъ. Она не шевельнулась, пока къ ней не приблизилась госпожа де-ла Маршъ и настойчивымъ увѣщаніемъ, произнесеннымъ вполголоса, не положила конца этому ужасному оцѣпенѣнію. Для иноземнаго принца было придумано объясненіе, заключавшееся въ томъ, что инфанта провела весь день въ мрачной кельѣ за молитвой и была теперь ослѣплена свѣтомъ факеловъ и восковыхъ свѣчей; сверхъ того, красота дона Филиппа несомнѣнно лишила ее рѣчи и помѣшала соблюденію должной вѣжливости.

Филиппъ, не обладавшій даромъ читать въ лицахъ людей, не придалъ этому особаго значенія; его мысли были всецѣло заняты редстоявшими увеселеніями. Наканунѣ вѣнчанія его провели подъ ѣнью драгоцѣннаго балдахина сквозь семь тріумфальныхъ арокъ въ эборъ и оставили тамъ на молитвѣ. Въ третьемъ часу ночи встрѣлся онъ въ разукрашенномъ залѣ дворца съ инфантой; папскій легъ благословилъ ихъ союзъ, а архіепископъ Толедскій отслужилъ ѣдню. Исповѣдавшись въ грѣхахъ, какъ разсказываетъ безымен й лѣтописецъ, женихъ и невѣста причастились святыхъ таинъ; а

послѣ благословенія кардинала надъ ними совершенъ былъ обрядъ святого христіанскаго вѣнчанія.

Но когда прошла ночь, то герцога видѣли блѣднаго и съ дико блуждавшимъ взоромъ, бѣжавшаго изъ покоя, а инфанту придворныя дамы нашли лежащею безъ чувствъ. Распространился слухъ, хотя это передавалось только изъ устъ въ уста, что Іоанна не захотѣла отдаться супругу.

Заповѣдь церкви не проникла въ сердце Іоанны; слово священника было для нея не болѣе, какъ написанная на стѣнѣ пропись. Тѣло ея было во власти крови, а въ крови горѣлъ огонь тоски. Ея взглядъ, устремленный вдаль, еще не былъ увѣренъ въ томъ пути, который ведетъ къ свѣту.

На днѣ, подъ зеркальною поверхностью моря, недоступная бурямъ и недосягаемая для людей, растетъ волшебная трава, побѣждающая смерть. Такъ въ одинокой душѣ Іоанны выросла картина любви: цвѣтокъ, побѣждающій смерть. Его нельзя было вырвать, онъ могъ только постепенно дорасти до поверхности жизни. Лишенная всякой цѣли, вся—надежда и вѣрность, достигающая такой силы, что и тѣло и душа кажутся охваченными небеснымъ огнемъ, подвластная видѣніямъ, упоенная мечтой, наполняющая особою музыкою всѣ слова, желанія и надежды—вотъ какою представлялась ей любовь.

Добродѣтель часто становится иллюзіей, а иллюзія превращается въ болѣзнь; и благороднѣйшія черты въ людяхъ не обходятся безъ легкаго оттѣнка болѣзненности. Въ одной изъ аррагонскихъ долинъ жила женщина; годами сидѣла она на камнѣ, ожидая Христа, и скрывала въ рыданіяхъ лицо, когда мимо нея проходилъ только простой человѣкъ. Ей суждено было отдаться сердцемъ чему-то неземному и она жила, сгорая таинственнымъ огнемъ.

Іоанна сохранила чистоту души при видѣ коварствъ и страстей, обагрявшихъ кровью ея родину. Она окутала свое сердце холодомъ, какъ зимнимъ покровомъ. Ей пришлось увидѣть многое, что разбило мечты ея юности, и это давленіе извнѣ повелѣло ей связать свою судьбу съ теченіемъ звѣздъ. Время, въ самомъ дѣлѣ, было такое, передъ которымъ мыслящій человѣкъ не могъ не ощутить страха: океанъ рождалъ новыя земли, на Востокѣ и на Западѣ происходили неслыханныя чудеса, слово Христово умерло, будто оно никогда и не было произнесено, на звѣздномъ небѣ трепетала, словно лихорадка, мысль о вѣчности.

Іоаннѣ грезилось лицо, принимающее въ боли черты великой люб-

ви, подобно тому какъ пылающая сталь гнется подъ тяжелымъ молотомъ; глаза, не отуманенные, а просвѣтленные страстью; простое движеніе, болѣе достойное довѣрія, чѣмъ клятва; голосъ, идущій отъ самаго сердца; сила, подхватывающая и уносящая ее, топчущая все низкое, дѣлающая невидимымъ все отвратительное.

Часто инфанта цѣлыми ночами простаивала на колѣняхъ и молилась за Филиппа; но не такъ, какъ молится жена за мужа; Филиппъ былъ блѣдною тѣнью передъ ея внутреннимъ взоромъ, призракомъ, не имѣвшимъ еще опредѣленнаго образа, шедшимъ изъ глубокихъ далей по утлому мосту или скользившимъ по безмолвной водѣ. Она страстно желала, чтобы Филиппъ пришелъ, чтобы онъ сталъ плотью, чтобы онъ жилъ.

Въ ея душѣ было столько мрака, что ночь казалась ей свѣтящимися туманомъ. Въ эту пору предметы принимали простыя очертанія, получали образъ, камни дышали, мертвыя пространства говорили. Какъ таинственно и какъ тяжко было тогда ожиданіе этого существа, которое оживало, поднималось изъ хаоса твореній,—похожее одновременно и на растеніе, и на кристаллъ. Она сама чувствовала себя какимъ-то цвѣткомъ, ея тѣло словно отдѣлялось отъ нея, и она смотрѣла на свое лицо, казавшееся ей увядшимъ и соннымъ.

Мелкія натуры, будучи связаны съ судьбой болѣе крупныхъ, часто не вѣрятъ въ исполненіе судьбы, а обращаются въ бѣгство и устремляются къ низменнымъ склонностямъ, обезпечивающимъ имъ господство въ ихъ кругу.

Такъ было и съ Филиппомъ. Страшась насмѣшекъ со стороны своихъ приближенныхъ, онъ старался казаться прежнимъ, превозмочь самого себя и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы его горе и его позоръ не сдѣлались добычею праздныхъ толковъ. Несмотря на то, что надежда привести инфанту въ разумъ становилась все слабѣе и слабѣе, онъ старался, однако, скрыть, насколько возможно, росшее въ немъ нетерпѣніе. Онъ подумывалъ о насиліи; но это было связано съ черезчуръ большимъ шумомъ, и сверхъ того онъ не могъ не считаться съ мнѣніемъ народа, въ глазахъ котораго онъ былъ еще только чужестранцемъ.

Онъ сталъ искать развлеченій и находилъ ихъ открыто съ красавицей Анной Штерль, женою одного швабскаго дворянина. Воображеніе рисовало ему ревность инфанты, которая такимъ образомъ запутается въ собственныхъ ковахъ. По ночамъ онъ отправлялся со своимъ другомъ, пфальцграфомъ Фридрихомъ, на поиски приключе-

ній. Переодѣвшись, чтобы не быть узнанными, они творили всяческія безчинства.

Пфальцграфъ былъ герой, рыцарь, нѣмецкій вельможа, но испанскаго покроя, любезный и весь въ долгахъ. Онъ любилъ также музыку. Въ качествѣ наѣздника у него не было соперниковъ; сказать про кого-нибудь: «онъ ѣздитъ верхомъ, какъ пфальцграфъ», равнялось поговоркѣ. Этотъ храбрецъ разразился дьявольскимъ хохотомъ, когда Гюгъ де Мелюнъ, посвященный въ тайну г-жею Молембе, осторожно разсказалъ ему о томъ, какъ обстояло дѣло между Филиппомъ и Іоанной. Онъ трясся съ головы до ногъ, гремѣлъ цѣпью, мечомъ и сверкалъ глазами, говоря: «Довольно, довольно! Герцогъ, разумѣется, знаетъ, какъ поступать съ упрямой бабенкой. Еще не такъ давно веселый Филиппъ за каждымъ ужиномъ проглатывалъ по теплому женскому сердцу».

Весною пфальцграфъ долженъ былъ вернуться въ Германію. Филиппъ былъ опечаленъ, какъ человѣкъ, сидящій за виномъ, у котораго вѣтеръ внезапно вырываетъ и бутылку и чашу. Онъ потерялъ увѣренность въ себѣ и сталъ съ недовѣріемъ и гнѣвомъ прислушиваться къ шопоту слугъ при его появленіи.

Остановить людскіе пересуды было уже нельзя. Одна изъ фрейлинъ разсказала тайну дону-Гранвелла, а послѣдній передалъ ее въ Мадридъ королю. Король былъ внѣ себя отъ бѣшенства и отправилъ къ Филиппу своего канцлера, а королева послала къ Іоаннѣ свою фрейлину. Инфантѣ пригрозили разлукой съ мужемъ и тюрьмой; когда попираются священные законы, король не въ правѣ щадить свой собственный родъ. Въ августѣ Филиппъ долженъ былъ ѣхать въ Италію, а инфантѣ было приказано отправиться въ Медину дель-Кампо. Тамъ держали ее, какъ плѣнницу; фанатикъ доминиканецъ, введенный въ заблужденіе ея спокойствіемъ, считалъ своею обязанностью пробуждать въ ней совѣсть дикими проповѣдями, и какъ злой воронъ трижды въ день перечислялъ ей адскія кары за гробомъ.

По возвращеніи инфанты Филиппъ пригласилъ ее къ себѣ и самъ предложилъ ей охранять ее отъ всякихъ преслѣдованій. По мнѣнію нѣкоторыхъ, къ этому его побудилъ страхъ передъ ея искусствомъ волшебства. Другіе говорили, что ея красота вновь пробудила въ нем желанія и онъ изъ хитрости совѣтовалъ ей покориться для вида.

Между тѣмъ злые языки взволновали его, и онъ во всѣхъ взглядахъ читалъ мрачную насмѣшку. Скрытный испанскій характер былъ не по плечу его откровенной юности. Какъ пусты ихъ взгляд сколько предательства въ ихъ рукопожатіяхъ, а тонъ ихъ рѣчей та сладокъ, словно языкъ смазанъ у нихъ медомъ. Окутанный душн

атмосферою безсонныхъ ночей, терзаемый желаніемъ и бѣшенствомъ, Филиппъ позволилъ себя склонить на низкій поступокъ.

Онъ заключилъ уговоръ съ двумя придворными: Фіенномъ и Флорисомъ Иссельштейномъ. Однажды вечеромъ они проникли потайнымъ ходомъ и, выломавъ запертую дверь, очутились въ опочивальнѣ Іоанны. Герцогъ сталъ съ обнаженнымъ мечомъ у постели инфанты и потребовалъ, чтобы она стала ему законною женой; если же она воспротивится, то должна умереть.

Блѣдная краска залила прекрасныя, нѣжныя щеки инфанты. Она выпрямилась и приказала обоимъ дворянамъ удалиться изъ комнаты. Они подумали, что ихъ господину оказывается покорность, и повиновались. Затѣмъ Іоанна сбросила съ себя платье, повязала глаза чернымъ платкомъ и сказала:

— Такою, но не зрячею, вы можете меня взять, можете удовлетворить вашему желанію и одновременно выполнить вашу угрозу. Богъ да будетъ мнѣ милостивъ!

Филиппъ, не успѣвшій еще остыть и одуматься, съ минуту стоялъ въ нерѣшительности. Затѣмъ онъ задрожалъ, и съ боязливо опущенными взорами покинулъ комнату. Съ этой минуты онъ измѣнился. Надъ дворцомъ нависли забота и отчужденность. Только для Іоанны тѣло его начало понемногу выдѣляться изъ хаоса безобразности.

Вначалѣ герцогъ признавалъ еще охоту и игру въ мячъ и ежедневно показывался за столомъ. Но затѣмъ отказался отъ всего. Кожа на его лицѣ потемнѣла, взглядъ сдѣлался тусклымъ и больнымъ, походка—согбенной. Донъ Діего Готоръ, придворный врачъ, сказалъ, что въ крови его гнѣздится лихорадка. По внѣшности онъ не былъ уже въ состояніи вести разумнаго разговора, ко всѣмъ утѣшеніямъ относился безразлично.

Необходимыя приказанія отдавались имъ письменно, а бесѣдовалъ онъ съ одною лишь донною Грегоріей, довѣренной Іоанны, приходившей къ нему ежедневно.

Это—колдовство, говорили придворные. Когда Діего Готоръ выходилъ изъ комнаты герцога, его окружали любопытные. Старческое лицо дона Діего, вслѣдствіе множества мелкихъ морщинокъ имѣвшее сходство съ бурнымъ облачнымъ небомъ, было печально. За свою семидесятилѣтнюю жизнь Діего Готоръ изслѣдовалъ души людей съ тою же жадностью, съ какою невидимый червь сверлитъ внутренность земли.

Онъ говорилъ: «На Востокѣ я слышалъ, что юноши, утерявшіе

предметъ своей страсти, впадали въ болѣзнь, подобную страданіямъ нашего герцога. На человѣка находилъ словно столбнякъ; онъ виталъ между сномъ и смертью, и духъ его уже не былъ въ состояніи управлять его тѣломъ. Если его желаніе не могло быть удовлетворено, онъ постепенно таялъ и умиралъ; или же нужны были многіе годы и продолжительная разлука съ предметомъ его любви, пока онъ могъ жить снова среди людей, но, разумѣется, уже лишенный всякой радости. Такъ случается на Востокѣ. Одинъ ученый увѣрялъ меня, однако, что, какъ молнія ударяетъ въ самыя высокія деревья, такъ и этою болѣзнью могутъ быть поражены лишь избранные люди. Обычное наслажденіе не болѣе родственно ей, чѣмъ огонь на очагѣ— молніи».

Рыцари проклинали инфанту. Какъ могла она спокойно глядѣть на горе, причиненное ею же самою, говорили они; какъ позволяетъ ей ея совѣсть изводить прекраснаго человѣка, словно она нѣма, глуха и слѣпа.

Вскорѣ Филиппъ отказался отъ пищи и питья, уклонился отъ молитвы, и цѣлительныя въ обычное время лѣкарства не оказывали на него никакого дѣйствія. Его взоры потухли, его рука уже не смыкалась для рукопожатія.

Ночью его руки протягивались, пытаясь охватить воздушный образъ. Горячія губы шептали нѣжныя слова. Глядясь въ зеркало, онъ не различалъ уже своего лица и порою въ ослѣпленіи цѣловалъ собственныя уста.

Инфанта нерѣдко приходила къ ложу больного; она ловила и старалась удержать на себѣ его взглядъ. Но голубыя звѣзды въ какомъ-то безуміи медленно переходили изъ угла въ уголъ. Желтые, какъ колосья, волосы были смочены и липли къ высокому лбу. Узкое тѣло, лежавшее на боку, напоминало собою натянутый лукъ. Донна Іоанна покачивала головой; для нея Филиппъ все еще двигался въ тусклой дали по беззвучной водѣ.

Но ея желаніе росло такъ сильно, что порою, словно исполненіе уже совершилось, оно заливало ей грудь волною восторга. Она видѣла голубое небо, усѣянное смарагдовыми цвѣтами, а серебряная земля, отягощенная миртами и лаврами, вздымалась къ нему на встрѣчу. Часто въ сумерки она сходила по галлереямъ въ сады та[к] торопливо, что донна Грегорія едва успѣвала за нею слѣдовать. Ес[ли] кто-нибудь встрѣчался ей на пути, она останавливалась и смотрѣ[ла] на него сурово и дико. «Кто этотъ человѣкъ?» спрашивала она своей спутницы голосомъ, имѣвшимъ удивительное сходство [съ] флейтой или съ воркованьемъ голубя. Донна Грегорія отвѣчала [и]

близительно: «Это одинъ изъ друзей дона Филиппа». Но Іоанна не слыхала уже отвѣта; она шла дальше; желтоватыя, прозрачныя вѣки съ безчисленными голубыми жилками, казалось, скрывали совсѣмъ ея глаза, полные огня, голова склонялась впередъ, вечерній вѣтеръ свѣвалъ съ ея плечъ прозрачное покрывало, и обнаженная шея свѣтилась въ темнотѣ, какъ стволъ молодого обнаженнаго отъ коры деревца.

Случилось, что рыцари де-Каранси и де-Аймерисъ сговорились доложить обо всемъ королю и настоятельно потребовать привлеченія инфанты къ серьезной отвѣтственности; поведеніе ея они считали плодомъ дьявольскаго навожденія. Они обезпечили себѣ согласіе прочихъ грандовъ и совѣтниковъ; де-Каранси былъ избранъ парламентеромъ. Въ пятницу въ началѣ сентября они направились, сопровождаемые свитой, въ Вальядолидъ, гдѣ въ то время находился король. Прибывъ ко двору, они приказали доложить о себѣ; де-Каранси, подавляя злобу, разсказалъ о томъ, что омрачало умы всѣхъ обитателей Бургосскаго дворца.

Король поблѣднѣлъ отъ ярости. Это позорное обстоятельство уже давно заботило его. Былъ изготовленъ приказъ объ арестѣ, согласно которому Іоанну должны были отвезти въ крѣпость Портилло, какъ еретичку. Комендантъ Бургоса долженъ былъ представить въ распоряженіе де-Каранси двѣсти человѣкъ солдатъ; съ этимъ отрядомъ и въ сопровожденіи начальника алгвазиловъ де-Каранси долженъ былъ проникнуть во дворецъ и увезти инфанту.

Оба рыцаря были довольны; заключеніе подъ стражу по обвиненію въ еретичествѣ означало медленную смерть подъ пытками. Они поспѣшили вернуться въ Бургосъ и дѣйствовали безъ промедленія. Комендантъ города, удивленный королевскимъ указомъ, не осмѣлился однако ему противорѣчить, хотя собственно былъ обязанъ повиновеніемъ лишь герцогу. Однако онъ отправилъ тайкомъ посла къ гофмейстеру съ тѣмъ, чтобы подготовить и предостеречь прислугу инфанты.

Въ ту минуту, какъ съ башенъ собора раздался вечерній благовѣстъ, де-Каранси со своими вооруженными людьми потребовалъ впуска во дворецъ именемъ короля, приказалъ занять главные входы, расставилъ часть людей въ коридорахъ и на лѣстницахъ и подступилъ въ сопровожденіи верховнаго судьи къ покоямъ инфанты. Госпожа де-Бевръ, вышедшая навстрѣчу, на его грубыя и повелительныя слова отвѣтила спокойно, что донна Іоанна находится въ вѣ ·ной.

Де-Каранси, несмотря на все его недовѣріе, пришлось подождать. Прошло полчаса, въ теченіе которыхъ не показались ни сама герцо-

гиня, ни одна изъ ея придворныхъ дамъ; нетерпѣніе овладѣло имъ, онъ отперъ ближайшую дверь, которая вела въ пустую комнату, прошелъ черезъ нее и очутился передъ второю дверью, которую съ силою распахнулъ.

Инфанта сидѣла передъ столикомъ изъ порфира, на которомъ стоялъ золотой подсвѣчникъ съ пятью зажженными свѣчами. Она сидѣла на стулѣ съ высокой спинкой, но не прислонясь къ ней; верхняя часть ея туловища держалась особенно прямо, и эта неподвижность усиливалась еще благодаря недвижно повисшимъ рукамъ. На инфантѣ было платье каштановаго цвѣта, которое легко можно было принять за монашеское одѣяніе, если бы край его и рукава не были украшены свѣтло-желтымъ шитьемъ.

Позади инфанты стояла донна Грегорія и расчесывала ей волосы. Донна Грегорія была мала ростомъ, стройна, ловка, съ острымъ оваломъ лица. Въ ней было нѣчто, напоминавшее обезьяну и стрижа. Ласково поддерживала она лѣвой рукой синеватые волосы инфанты и прислушивалась къ легкому треску, вызываемому въ нихъ гребнемъ.

Тѣмъ временемъ подошли алгвазилъ и другіе господа, и не безъ страха заглядывали съ порога внутрь комнаты. Со всѣхъ сторонъ черезъ пустые, не освѣщенные покои спѣшили фрейлины и останавливались въ дверяхъ съ поднятыми или сложенными на груди руками. Донна Грегорія пріостановилась расчесывать волосы и глядѣла черезъ плечо, надменно спрашивая де-Каранси, которому языкъ не хотѣлъ повиноваться и который выхватилъ пергаментъ изъ рукъ судьи. Донна Іоанна поднялась со стула; она не была ни удивлена, ни разгнѣвана. Казалось, она прислушивалась къ смутному шуму, который раздавался со двора, и ея прозрачныя желтоватыя вѣки едва примѣтно поднялись, когда она спросила:

— Что приказываетъ мнѣ его величество король? Ибо только его именемъ я могу оправдать подобное нашествіе.

Де-Каранси вздрогнулъ, по его тѣлу пробѣжалъ трепетъ. Но онъ отвѣтилъ такъ, какъ долженъ былъ отвѣтить.

При словахъ: «взятіе подъ стражу по обвиненію въ еретичествѣ» донна Грегорія испустила пронзительный крикъ. Инфанта сдѣлала отстраняющій жестъ рукою. Казалось, чело ея исчезаетъ за окутывающимъ его облакомъ печали. Ея лицо походило на драгоцѣнный камень въ оправѣ изъ черныхъ, распущенныхъ волосъ. «Я готова», сказала она съ улыбкой: воля къ страданію наполняла ее сладострастіемъ.

Донна Грегорія схватила золотой подсвѣчникъ и безсознательно хотѣла съ нимъ идти куда-то впереди своей госпожи. Пять горѣвшихъ

свѣчей, колебавшихся въ вышинѣ отъ сквозного вѣтра, показались Іоаннѣ несомнѣннымъ обѣтованіемъ, такъ что все послѣдующее явилось уже для нея глубокимъ, полнымъ успокоеніемъ; переживая его, она относилась къ нему уже какъ къ воспоминанію, благодарная и утомленная.

Озабоченный впечатлѣніемъ, которое могло произвести на Филиппа взятіе Іоанны подъ стражу, донъ Діего Готоръ поспѣшилъ извѣстить герцога о томъ, что происходило во дворцѣ. Между его послѣднимъ словомъ и той минутой, когда герцогъ предсталъ лицомъ къ лицу съ инфантой, прошло не болѣе времени, необходимаго для того, чтобы сосчитать до пятидесяти. Шатаясь и тяжело переводя духъ, вбѣжалъ Филиппъ въ комнату Іоанны. Его взглядъ блуждалъ. Онъ сталъ передъ Іоанной на колѣни, а когда она отступила назадъ, упалъ передъ нею на землю. Припавъ лицомъ къ землѣ, онъ зарыдалъ. Всѣ подумали, что ему пришелъ конецъ, и, пораженные, смотрѣли другъ на друга.

Инфанта крѣпко сжала концы пальцевъ обѣихъ рукъ. Голова ея откинулась назадъ. Она съ восторгомъ внимала рыданіямъ, которыя поднимались къ ней, какъ тихій шелестъ крыльевъ. Теперь она видѣла воочію Филиппа, теперь онъ былъ передъ нею, онъ жилъ. Порывисто нагнулась она къ нему и мягко провела рукой по его волосамъ. Филиппъ смолкъ, поднялъ голову, ихъ взгляды встрѣтились, что-то словно приподняло его, онъ охватилъ руками ея станъ и съ хриплымъ крикомъ радости понесъ ее черезъ багряный туманъ счастія.

Іоанна тихо смѣялась; ей казалось, что онъ несетъ ее сквозь стѣны, разступающіяся передъ его шагами, сквозь лѣса, сумракъ которыхъ таетъ и разсѣивается, какъ туманъ, черезъ моря, пѣнящіяся жидкимъ золотомъ утренней зари.

Всю ночь въ замкѣ не смолкало разнузданное веселье, въ городѣ также царило праздничное настроеніе. Знатная и богатая семья Стунига устроила на улицѣ даровое угощеніе для народа.

Странствующіе пѣвцы и поэты охотно вплетали теперь въ свои строфы нѣсколько стиховъ въ честь искренней любви Филиппа и Іоанны Кастильскихъ.

Но мало-по-малу дворецъ въ Бургосѣ превратился снова въ мѣсто молчанія. У рыцарей и фрейлинъ истощился матеріалъ для толковъ. Рыцари были огорчены сильнѣе, чѣмъ послѣ проигранныхъ битвъ, и многіе изъ нихъ спѣшили взять отпускъ и уѣхать въ Римъ, Мадридъ или Фландрію.

Герцогъ рѣдко появлялся публично. Покончивъ съ дѣлами въ совѣтѣ, въ которымъ онъ обнаруживалъ серьезное вниманіе, онъ тотчасъ же удалялся въ свои покои. Когда устраивалась охота, онъ часто отпускалъ гостей однихъ или удалялся отъ общества въ минуту наибольшаго веселья. Пастухи не разъ встрѣчали его въ одинокой долинѣ, гдѣ конь, предоставленный самому себѣ, щипалъ траву на краю пропасти, между тѣмъ какъ Филиппъ лежалъ на землѣ, устремивъ взоры къ облакамъ.

Нѣкоторые говорили, что онъ находится подъ вліяніемъ особыхъ волшебныхъ чаръ. Опредѣленно знали, однако, лишь то, что Іоанна читала ему вслухъ итальянскіе стихи, разсказы мореплавателей о далекихъ странахъ и новые трактаты о звѣздномъ небѣ, выходившіе въ Германіи. Сплетня не имѣла достаточно основаній; герцогъ попрежнему ревностно посѣщалъ церковь, а въ религіозныхъ процессіяхъ проявлялъ такую набожность, что было трогательно смотрѣть въ его ясное, юношеское лицо.

Наступило, однако, время, когда порою по этому лицу пробѣгало выраженіе страха. Тогда на гладкомъ, высокомъ лбу залегала глубокая складка усталости. Но Филиппу нужно было оставаться одному, чтобы находить въ себѣ мужество уступать этой усталости души. Быть можетъ, это случалось, когда онъ въ сумеркахъ стоялъ у окна и любовался вершинами деревьевъ, на вѣтвяхъ которыхъ пробивалась уже весна. Случалось, что и ночью, когда онъ засыпалъ, изъ устъ его вырывался тяжелый вздохъ.

Передъ сномъ душа его улетала къ далекимъ берегамъ Дуная. Тамъ жизнь была легче; казалось, что тамъ можно сразу сбросить съ плечъ тяготившее ихъ бремя.

Филиппа тянуло къ игрѣ. Но не къ рыцарской игрѣ—у него являлось желаніе засѣсть съ ландскнехтами за грязный трактирный столъ и играть съ ними въ карты. Его влекло принять участіе въ ихъ грубыхъ шуткахъ; онъ искренне радовался каждому грязному выраженію и смѣялся, когда ему казалось, что онъ снискалъ одобреніе своихъ высокомѣрныхъ слушателей.

Да, въ немъ жила жажда обыденнаго, пошлаго, порочнаго, грязнаго и нечестиваго. Эта жажда росла, ибо онъ старался тщательно скрывать ее отъ свѣта и отъ самого себя.

Послѣ болѣе или менѣе долгаго времени, проведеннаго съ Іоанной, у него отъ утомленія смыкались глаза, и онъ имѣлъ видъ человѣка, спящаго на ходу. Ибо она напрягала и расширяла его душу свыше всякихъ силъ. Говорила ли она или молчала, присутство[illegible]

при этомъ постоянно было одинаково тяжело. Ея молчаніе было мраморною глыбой, которую онъ долженъ былъ нести на своихъ плечахъ. Отъ тяжести этой глыбы и руки, и тѣло начинали дрожать, и силы измѣняли. Но Іоанна ничего не подозрѣвала, идя съ нимъ рядомъ, охваченная внутреннимъ огнемъ и пьяная однимъ и тѣмъ же жидкимъ воздухомъ.

То былъ таинственный кругъ, пребываніе въ которомъ напрягало нервы до боли. Покинуть его казалось опаснымъ, ибо за нимъ была, можетъ быть, смерть. Филиппъ боялся своей жены.

Однажды онъ вспомнилъ ночныя прогулки, которыя совершалъ съ пфальцграфомъ. Онъ переодѣлся и съ наступленіемъ ночи пошелъ шататься по улицамъ, вмѣшался въ ссору между двумя французами-разбойниками, проломилъ рукояткой черепъ черной собакѣ, которая съ лаемъ бросилась ему на плечи, забрелъ въ одинъ трактиръ, полный швабскихъ наемныхъ солдатъ, которымъ приказалъ подать такъ много вина, что въ концѣ-концовъ они въ повалку полегли на полу, какъ мертвые, и на разсвѣтѣ, никѣмъ не узнанный, вернулся въ замокъ. То было для него легкимъ отдыхомъ.

За недѣлю до того, какъ Іоаннѣ предстояло родить, прибылъ коннетабль съ конфиденціальнымъ порученіемъ отъ короля. Онъ старался внушить герцогу, какъ неосмотрительно и опасно оставлять дитя въ рукахъ женщины, которая, по мнѣнію свѣдущихъ людей, была лишена здраваго разсудка. Хотя за послѣднее время безчинства ея и стихли, все же нѣтъ увѣренности въ томъ, что разсудокъ ея не омрачится въ ближайшій же день. Пусть герцогъ послушаетъ добраго совѣта и удалитъ ребенка изъ дьявольской среды; мадритскій дворъ готовъ взять на себя его воспитаніе.

Филиппъ сначала было воспротивился этому, но вскорѣ уступилъ. На свѣтъ явилась дѣвочка, которая на седьмой день была лишена уже призора матери. Когда инфанта встала съ постели, отъ нея нельзя уже было скрывать положенія вещей. Но дѣло было представлено такъ, словно то было доказательство милостиваго расположенія короля.

Іоанна выслушала все спокойно. Затѣмъ пожелала говорить съ герцогомъ. Ей отвѣтили, что донъ Филиппъ только что уѣхалъ по неотложному дѣлу.

Въ дѣйствительности Филиппъ рѣшилъ укрыться въ одинъ изъ арагонскихъ замковъ до той поры, пока не узнаетъ, что Іоанна покорилась неизбѣжному. Онъ прихватилъ съ собою пару веселыхъ товарищей, между которыми былъ Францъ де-Кастилальтъ, искатель приключеній и забавникъ. Послѣдній сдѣлался неразлучнымъ спут-

никомъ Филиппа; опираясь на милость герцога, онъ совершалъ множество злодѣяній и сдѣлался грозою для мирныхъ жителей. Онъ былъ такой обжора, что графъ Аранда просилъ его Христомъ Богомъ покинуть ихъ край, такъ какъ онъ и его люди могли вызвать въ округѣ голодъ.

Городъ сталъ казаться герцогу тѣснымъ, Кастилію онъ называлъ не иначе, какъ страною дьявола. Ненавистенъ былъ ему его домъ, ненавистно небо, надъ нимъ разстилавшееся. Когда свѣтило солнце, онъ жаловался на его горячіе лучи, если же падалъ дождь, то онъ говорилъ съ насмѣшкою, что изъ страны, рождающей воду вмѣсто вина, слѣдуетъ бѣжать. И онъ, дѣйствительно, ее покинулъ. Когда во Фландріи разразились безпорядки, онъ моремъ перебрался въ Антверпенъ, но тамъ остался недолго, а поѣхалъ вверхъ по Рейну къ веселому Кельну и къ вѣрному своему пфальцграфу. Его тянуло все дальше и дальше; онъ вернулся на родину, и снова покинулъ ее, разочарованный, удрученный, съ безпричинною горечью въ сердцѣ. Придворные удивлялись безпокойному характеру принца и его горячности, ибо раньше Филиппъ отличался кротостью.

Въ первый мѣсяцъ новаго столѣтія, когда кометы предвѣщали бѣды, а изъ степей Азіи надвигалась черная смерть, донъ Филиппъ пустился въ путь, направляясь къ нидерландскому городу Генту. Когда отъ городскихъ стѣнъ его отдѣляло уже менѣе часу ѣзды, навстрѣчу ему выѣхали почетные граждане города и сообщили, что донна Іоанна, находящаяся въ послѣднемъ періодѣ беременности, ожидаетъ его въ замкѣ. Нѣсколько дней тому назадъ она прибыла въ Гентъ изъ Испаніи, полная тоски по мужу.

У дона Филиппа сильно забилось сердце. За семь мѣсяцевъ его скитаній Іоанна какъ бы выпала изъ его души. Онъ забылъ, какъ она выглядѣла, какъ говорила; онъ не могъ представить себѣ цвѣта ея глазъ, очертаній ея плечъ; голосъ ея уже не звучалъ у него въ ушахъ, онъ отвыкъ отъ нея. Остался лишь все возраставшій страхъ при мысли о томъ, что когда-нибудь онъ снова встрѣтится съ нею лицомъ къ лицу.

По разнымъ странамъ, которыя онъ посѣтилъ, за нимъ влеклось лишь ея имя и больше ничего. Вѣсть о томъ, что она самолично, - тѣломъ и душою,—въ Гентѣ, удивила его и испугала. Онъ нача ь всячески замедлять свой въѣздъ въ городъ, такъ что его спутни и не знали, что объ этомъ и подумать.

Но одновременно съ этимъ его охватило страшное нетерпѣн ,, подсказывавшее ему, что въ немъ возгорѣлась старая страсть.

Почувствовавъ губы Іоанны на своихъ губахъ, широко раскр ь

глаза и затаивъ дыханіе, онъ взглянулъ на ея янтарныя вѣки, полузакрытыя, словно въ какомъ-то снѣ любви. Онъ ощутилъ желаніе проколоть ножомъ оба дрожавшихъ шара изъ прозрачной кожи, чтобы пролить солнечный свѣтъ въ эти хранилища мрака.

Городъ Гентъ далъ въ честь герцога праздникъ. Въ полночь, когда танцы и веселье были въ полномъ разгарѣ, инфанта почувствовала себя дурно. Прежде нежели ее успѣли увести, она въ тѣсномъ кругу своихъ дамъ произвела на свѣтъ ребенка. То былъ мальчикъ, и ему дали имя Карлоса. Герцогиня Маргарита взяла на себя попеченіе о ребенкѣ. На этотъ разъ приказъ оставить мальчика во фландрскомъ городѣ исходилъ отъ самого Филиппа.

Когда взошли на корабль, чтобы вернуться въ Бургосъ, инфанта еще вѣрила тому, что ея мальчикъ съ нею. Только въ открытомъ морѣ она узнала, что это не такъ. Съ протяжнымъ крикомъ бросилась она на палубу, хотѣла прыгнуть въ волны и плыть назадъ, чтобы вернуть ребенка. Матросу удалось схватить ее за руку. Она лишилась сознанія и упала на помостъ.

Этого ребенка она носила съ истинною любовью матери. Долговременная разлука съ Филиппомъ сдѣлала ея чувство глубже. Точный и сдержанный слогъ ея писемъ былъ тою плотиною, за которою она старалась удержать слезы своей одинокой страсти. На этомъ невидимомъ, хотя и близкомъ ей и даже съ нею связанномъ существѣ, сосредоточила она всю земную красоту и земное богатство, подобно тому, какъ изображеніе Богоматери обвѣшиваютъ розами и драгоцѣнностями. Она уловила лучъ его взгляда изъ сумерекъ небытія, она считала его уже своимъ, и восторженнымъ движеніемъ рукъ подняла его выше себя и выше Филиппа, чтобы приблизить къ Богу. Съ помощью своей пылкой фантазіи она создала ему душу. Изъ сновъ она изваяла ему сердце, и ея любовь, до сихъ поръ носившаяся безплотно, обрѣла сосудъ, ожила, стала творческою, настоящею.

Новое похищеніе у нея ребенка заставило ее считать себя изгнанною изъ среды людей и отнятою у самой себя. Обнаженную ее отдали безстыдному любопытству толпы. Ее, какъ ей казалось, лишили всѣхъ силъ, раскололи пополамъ. Она утратила увѣренность рѣчи, поступи, но удержала, однако, свое спокойствіе. Какъ и въ былыя времена, она все сводила къ терпѣливому ожиданію, но теперь это уже не было ожиданіе разсвѣта, а ожиданіе спускающейся ночи.

Ей приснилось во снѣ, что она видитъ двѣ тарелки въ формѣ полумѣсяцевъ. На каждой изъ-нихъ лежитъ по сердцу: на одной — ея сердце, на другой—сердце Филиппа. Ея сердце было алаго цвѣта,

съ его краевъ стекала кровь и разливалась по голубоватой свѣтящейся чашѣ. Сердце Филиппа было блѣдно; оно напоминало тѣ морскія крапивы, которыя омываются моремъ у берега. Тутъ подошелъ кто-то, схватилъ сердце Іоанны и подбросилъ его кверху. Но оно едва поднялось надъ вершинами деревьевъ и тяжело упало на землю. Тогда та же рука подбросила кверху и сердце Филиппа; оно взвилось къ облакамъ легко, какъ ракета, и больше его не было видно.

Было ужасно подумать, что она, быть можетъ, сорвала незрѣлый плодъ и что сладкое внезапно превратилось въ горькое. «Открой твои руки!» приказала она однажды Филиппу послѣ бурной ночи, проведенной ими въ замкѣ Иллесказъ. Онъ раскрылъ руки, и она увидала, что то были маленькія руки пажа. На мясистомъ большомъ пальцѣ была царапина отъ когтя сокола. «Чему ты смѣешься?— спросила она, изумленная;—она почувствовала, что его улыбка была щитомъ, за которымъ онъ скрывалъ низменныя тайны.

На стѣнѣ часовни, въ которой молилась Іоанна, была нарисована слѣдующая сцена: прекрасный юноша обращается въ бѣгство при появленіи призрака святого Яго. Заглядывая въ темно-зеленые глаза Филиппа, она видѣла тамъ безконечно уменьшенный образъ того же бѣгущаго юноши. Онъ постоянно обращался въ бѣгство передъ нею. Незначительное слово, случайное движеніе, все въ немъ бѣжало отъ нея. Когда она говорила, онъ свѣшивалъ голову и весь нѣмѣлъ. Когда она въ сопровожденіи своихъ дамъ шла по галлереямъ, а онъ стоялъ со своими друзьями во дворѣ, онъ тотчасъ же переставалъ шутить и съ озабоченнымъ видомъ клалъ руку на шею лошади.

Двадцать пять дней въ мѣсяцѣ его не было во дворцѣ. Гонцы съ важными вѣстями должны были дожидаться его. Гдѣ донъ-Филиппъ?— спрашивали члены совѣта.—Имъ отвѣчали: Онъ на охотѣ съ графомъ Бальдуиномъ; или: онъ пируетъ съ дономъ Кастилальтомъ; или: онъ поѣхалъ на виноградный праздникъ въ Сарагоссу. Бывали и такіе отвѣты, которые осмѣливались произносить лишь шопотомъ; ибо нерѣдко въ развлеченіяхъ господина играли роль прекрасныя мавританки.

Когда теперь Филиппъ, что случалось съ нимъ рѣдко, входилъ въ ночное время въ комнату Іоанны, онъ бывалъ почти постоян[illegible] пьянъ. Его ласки отдавали виномъ, его страсть была шумлива [illegible] хвастлива. Душа его была опьянена ложью, подобно тому, какъ кр[illegible] была отравлена виномъ. Онъ не замѣчалъ, какъ тогда въ Іоаннѣ [illegible] беззвучно рыдало, а ея поцѣлуи были полны раскаянія. Онъ все е[illegible] не научился читать въ лицахъ людей; у него была попрежнему ду[illegible] пажа. Когда онъ сидѣлъ верхомъ на лошади, гордо повернувъ го[illegible]

въ сторону, то могъ еще сойти въ своихъ глазахъ за человѣка. Но уста его были запечатаны Богомъ, и онъ ничего не подозрѣвалъ о томъ горѣ, которое его окружало.

Іоанна едва замѣчала, какъ дни сплетались въ недѣли, а мѣсяцы въ годы; она произвела на свѣтъ третьяго, четвертаго, пятаго ребенка. Она носила ихъ подъ пустымъ сердцемъ и рождала безъ надежды. Всѣхъ ихъ у нея отбирали, какъ то дитя, которое она особенно любила; ей казалось, что она производитъ на свѣтъ призраковъ, существа, которыя таяли въ воздухѣ, какъ только ея жадная рука пыталась ихъ схватить. Въ ея глубокомъ одиночествѣ издали свѣтили ей съ береговъ сѣвернаго холоднаго моря живые глаза ея сына Карла. Она знала о немъ не болѣе, чѣмъ знаютъ о герояхъ доисторическихъ сказаній.

Ея истерзанное и напуганное сердце зарылось еще глубже въ ночь. Страннымъ огнемъ была объята ея кровь. При взглядѣ на звѣздное небо она дрожала и закрывала рукою раскрытыя уже для крика уста. Она едва нуждалась во снѣ. То, что она говорила, звучало враждебно и туманно. Однажды она взяла въ руки сонеты Петрарки и хотѣла читать; но вдругъ отбросила книгу въ припадкѣ ярости, горя и ненависти, затѣмъ подняла ее снова, разорвала на клочки и растоптала ногами. Ея тревога возбуждала страхъ во всѣхъ обитателяхъ замка; даже ея исповѣдника устрашалъ мрачный блескъ ея глазъ. Когда все спало, она тихо ходила съ восковою свѣчей по комнатѣ, но не по срединѣ ея, а вдоль стѣнъ. И блѣдная шея ея свѣтилась надъ темнымъ платьемъ, какъ стебель цвѣтка, клонимаго бурей.

Случилось такъ, что ко двору въ Бургосѣ пріѣхала красавица португалка, которую звали Бенигна Латилэ. Она жила въ домѣ дона Стунига; тамъ впервые увидѣла она герцога и почувствовала къ нему такую любовь, что всѣмъ присутствующимъ это тотчасъ же бросилось въ глаза. Филиппъ, однако, держался по отношенію къ ней холодно, хотя дама и обладала рѣдкою красотою и нѣкоторымъ умомъ. При дальнѣйшихъ встрѣчахъ онъ велъ себя еще съ большею сдержанностью, горячность донны Бенигны начинала его тяготить, и давать поводъ къ толкамъ въ обществѣ.

Несчастье хотѣло того, чтобы рыцарь Францъ Кастилальтъ, бывшій и въ эту пору неразлучнымъ другомъ дона Филиппа, влюбился въ прекрасную португалку съ такою же страстностью, съ какою она относилась къ герцогу. Онъ не встрѣтилъ въ ней, однако, сочувствія, а его неутомимыя усилія возбудили къ нему почти ненависть донны Бенигны. Когда онъ увидѣлъ, что счастье, равнодушно отталкивае-

мое Филиппомъ, должно пройти и мимо него, онъ исполнился смертельной ненавистью не только къ доннѣ Бенигнѣ, но и къ своему господину и началъ думать, какъ бы отомстить имъ обоимъ. Онъ часто являлся пособникомъ въ любовныхъ приключеніяхъ Филиппа и зналъ, что послѣдній тщательно скрывалъ отъ Іоанны свой образъ жизни. Какъ и прочіе, рыцарь Кастилальтъ былъ убѣжденъ въ томъ, что инфанта находится въ общеніи съ невидимыми силами, и онъ рѣшилъ выдать ей герцога и донну Бенигну, представивъ дѣло такъ, словно они состояли въ преступной связи. Для этой цѣли онъ досталъ письма, которыя португалка писала Филиппу почти ежедневно, и выбралъ изъ-нихъ такія, нѣжный тонъ которыхъ допускалъ возможность того, что жалоба рыцаря основана на правдѣ.

Онъ приказалъ доложить о себѣ инфантѣ и, сдѣлавъ видъ, что ему ни до чего на свѣтѣ не было дѣла, кромѣ блага герцогини, и что совѣсть не даетъ ему покоя и принуждаетъ его нарушить молчаніе. Затѣмъ онъ развернулъ передъ инфантою паутину, сотканную его черною душой, отдалъ письма донны Бенигны и удалился, отнюдь не увѣренный въ успѣхѣ, ибо инфанта слушала его съ неподвижнымъ лицомъ и за все время не вымолвила ни слова. Но не успѣлъ еще скрыться изъ его глазъ тотъ камень, который онъ изъ низкаго чувства мести бросилъ внизъ по скату, какъ онъ ощутилъ уже въ себѣ страхъ и раскаяніе.

По уходѣ рыцаря донна Іоанна прижала обѣ руки къ сердцу, подошла къ высокому зеркалу, висѣвшему между двумя полуколоннами изъ желтаго мрамора, и внимательно заглянула въ свое лицо. Въ комнатѣ никого не было, кромѣ донны Грегоріи, боязливо и молча слѣдившей за движеніями своей госпожи.

Наконецъ Іоанна промолвила звонкимъ голосомъ, не отходя отъ зеркала: «Грегорія!» — «Что прикажете, благородная донна?» отвѣтила послѣдняя вся дрожа.—«Онъ долженъ умереть, Грегорія», сказала инфанта. Донна Грегорія умолкла. «Слышишь ли ты, Грегорія, онъ долженъ умереть», повторила Іоанна.—И донна Грегорія еле слышно прошептала: «Да, благородная донна». Затѣмъ она приблизилась къ инфантѣ, упала передъ нею на колѣни и приложилась холоднымъ, какъ ледъ, лбомъ къ безжизненной рукѣ Іоанны. Іоан[illegible] нагнулась низко, съ усиліемъ, и прошептала что-то на ухо служанк[illegible]

При дворѣ жилъ родственникъ донны Грегоріи, пажъ, котор[illegible] звали Моралесъ и который душою и тѣломъ былъ преданъ дон[illegible] Грегоріи. Она въ тотъ же вечеръ сказала ему, чтобы онъ собралъ [illegible] берегу ручья близъ Мурціи извѣстныя травы и даже изготовила е[illegible] списокъ этихъ травъ. Моралесъ отправился, собралъ травы и отве[illegible]

ихъ въ Молина къ аптекарю, котораго онъ зналъ. Аптекарь перегналъ у себя на дому сокъ привезенныхъ травъ, и въ доказательство того, какъ ужасенъ былъ полученный при этомъ ядъ, далъ одну каплю пѣтуху, который тутъ же околѣлъ.

Нѣсколько дней спустя въ одномъ домѣ близъ Бургоса, принадлежавшемъ графу Пунонъ-Ростро, герцогъ давалъ нѣкоторымъ грандамъ обѣдъ. Порядокъ былъ слѣдующій: гости, вступая изъ вестибюля въ домъ, находили два стола, одинъ съ кушаньями, другой съ напитками. Налѣво помѣщалась столовая, изъ оконъ которой былъ видъ на открытое поле. Между обѣими комнатами былъ узкій коридоръ. Пока гости сидѣли за столомъ, Моралесъ сумѣлъ устроить такъ, что, когда Филиппъ требовалъ пить, никто не подавалъ ему вина, кромѣ Моралеса. Три раза пажъ подносилъ ему кубокъ; передъ третьимъ разомъ онъ быстрымъ движеніемъ, идя по темному коридору, всыпалъ въ кубокъ ядъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого герцогъ почувствовалъ себя дурно. Онъ вышелъ изъ-за стола, между тѣмъ какъ остальные гости продолжали сидѣть, ничего не подозрѣвая. Полчаса спустя они были позваны перепуганнымъ гофмейстеромъ, такъ какъ Филиппъ горѣлъ въ лихорадкѣ. Его тотчасъ же отвезли въ городъ, но была уже поздняя ночь, когда къ нему прибыли врачи. Вслѣдъ за этимъ среди ужасныхъ страданій онъ скончался.

Донъ Готоръ поспѣшилъ къ инфантѣ. Онъ думалъ, что она еще спитъ, и разбудилъ ея прислугу и придворныхъ дамъ. Появилась донна Грегорія и молча провела его въ залъ, гдѣ Іоанна сидѣла передъ жаровней. Съ нѣмымъ и неподвижнымъ лицомъ и въ сдержанныхъ словахъ сообщилъ врачъ о смерти своего господина. Взоръ инфанты тихо остановился на неподвижной фигурѣ старика, взглядъ котораго безстрашно и въ упоръ встрѣтился съ ея взглядомъ...

Тѣло похоронили. Злые толки раздавались надъ могилой и снова замолкали въ суевѣрномъ ужасѣ. Когда однажды нѣсколько дворянъ, собравшихся на площади, высказали предположеніе, что Филиппъ погибъ отъ руки убійцы, весь городъ внезапно охваченъ былъ землетрясеніемъ, окна ратуши были разбиты, а спасавшіеся въ ужасѣ люди видѣли, какъ качались башни церквей. Де-Минговаль, оберштальмейстеръ, увѣрялъ, что видѣлъ въ ту пору инфанту съ распущенными волосами на крышѣ дворца, махающею бѣлымъ волшебнымъ жезломъ.

Обратило на себя вниманіе то обстоятельство, что донна Грегорія оставила свою службу у инфанты и удалилась на покой въ одно изъ мѣстечекъ подъ Барцелоной. Рыцарь Францъ-де-Кастилальтъ

перебрался через горы и поступилъ на службу къ французскому королю. Пажъ Моралесъ былъ заколотъ пьянымъ солдатомъ. Донна Бенигна вернулась на родину и поступила въ монастырь.

Инфанта жила въ высокихъ покояхъ, полныхъ прозрачнаго воздуха. Фрейлины избѣгали, а прислуга боялась ея. Была поздняя осень, бурный вѣтеръ сотрясалъ стѣны замка. Какое безпокойство въ душѣ Іоанны! Если кто-либо подходилъ къ ней неожиданно, то она пугалась, и боязливый, вопрошающій взглядъ говорилъ о ея безсонныхъ ночахъ. Иногда лицо ея было обращено съ загадочною нѣжностью на какой-то невидимый предметъ, а рука сгибалась, подобно сухому листу, коробящемуся передъ зимою.

За столомъ сидѣла она молча, погруженная въ себя, и рѣдко дотрогивалась до какого-нибудь блюда. Однажды солнечный лучъ, пройдя сквозь хрустальную вазу, пробѣжалъ семицвѣтнымъ мостомъ по комнатѣ, коснулся ея руки и задрожалъ на крылышкѣ какого-то насѣкомаго. Іоанна вскочила, громко всхлипывая... Она чувствовала себя въ положеніи человѣка, сорвавшаго со стѣны прекрасную картину; мракъ и уныніе глядятъ съ того мѣста, гдѣ нѣкогда было такъ радостно и красиво!

Въ комнатахъ Филиппа она находила хотя нѣкоторый покой, несмотря на то, что всѣ предметы, стоявшіе тамъ, казалось, вопрошали: гдѣ Филиппъ? Она отвѣчала себѣ въ душѣ, стараясь успокоить и себя и вещи: онъ уѣхалъ, но онъ вернется. Иногда, думая о его возвращеніи, она надѣвала красивыя платья, увѣшивала себя драгоцѣнностями. Когда однажды госпожа Дутзелль спросила ее: «Зачѣмъ вы украшаете себя, какъ на балъ, герцогиня, между тѣмъ какъ вы должны были бы носить трауръ по донѣ Филиппѣ?—Всхлипывая, какъ ребенокъ, терзаемый сновидѣніями, Іоанна отвѣтила: «Я украшаю себя, потому что жду Филиппа».

Она убрала цвѣтами его комнату и разостлала на порогѣ коверъ. Изъ сундуковъ достала воинскіе доспѣхи и цѣловала золотыя цѣпи, застежки и кольца. Въ его постели она старалась своею исхудавшею рукой отыскать теплоту его тѣла, и за его столомъ она сидѣла на его обычномъ мѣстѣ. При этомъ она удивлялась тому, что все оставалось попрежнему, что солнце свѣтило, что наступалъ вечеръ, а за нимъ приходило и утро.

Въ одинъ ноябрьскій день она созвала слугъ и во главѣ ихъ ѣхала черезъ сѣверныя ворота въ направленіи Миллафлоресъ. Т... въ монастырѣ былъ погребенъ герцогъ Филиппъ. Испуганнымъ ...нахамъ было приказано отпереть ворота, затѣмъ отвалить ка... отъ склепа, вынуть и открыть гробъ. Всѣ присутствовавшіе

тронуты при видѣ того, какъ хорошо сохранились черты ихъ господина. Лицо казалось только длиннѣе и серьезнѣе.

Мрачная улыбка пробѣжала по губамъ инфанты. Патеръ Гуардіанъ разсказывалъ потомъ, что Іоанна смѣялась, такъ какъ дьяволъ—онъ ясно это видѣлъ—пощекоталъ у нея за ухомъ. Іоанна приказала всѣмъ удалиться—и непреложнѣе словъ былъ ея взглядъ, и оставшись одна, она встала на колѣни, скрестила высоко на груди руки, такъ что большіе пальцы охватывали ея шею, и начала молиться. Но въ то время, пока уста ея были обращены еще къ Богу, она вдругъ утратила всякую покорность, молитва ея превратилась въ требованіе; руки вытянулись не съ тѣмъ, чтобы просить, а съ тѣмъ, чтобы принять; чело свѣтилось готовностью, а тѣло трепетало словно въ мукахъ рожденія; и дыханье, и поза, и біеніе пульса—все кричало въ ней: верни мнѣ Филиппа!

Затѣмъ по капеллѣ пронеслось словно чье-то дыханіе, и Іоаннѣ почудилось, что сладкое «да» наполнило своды. Она вскочила. Позвала людей. Не обращая вниманія на возраженія монаховъ, она приказала поднять набальзамированное тѣло на носилки. Она вся обратилась въ порывъ, побуждала носильщиковъ двигаться впередъ и стояла, не оглядываясь, когда они боялись монаховъ, стоявшихъ у воротъ и горько плакавшихся. Наступила ночь, они потеряли дорогу; Іоанна остановила людей и послала одного изъ нихъ впередъ за факелами. Тревожно ходила она взадъ и впередъ, подъ дождемъ, подобравъ платье; походка ея то преодолѣвала, то вновь усиливала ея нетерпѣніе и, наконецъ, когда въ раздираемой бурею тьмѣ показалось первое пламя, она издала ликующій крикъ, заставившій поблѣднѣть ея спутниковъ, безмолвно столпившихся въ лѣсу.

По прибытіи во дворецъ Іоанна одѣла тѣло Филиппа въ великолѣпное платье изъ серебряной чешуи, положила его въ стеклянный гробъ, открывавшійся сверху и сбоку, и поставила этотъ гробъ въ свою опочивальню. Не отрывая взора, всматривалась она въ благородныя очертанія стана, получившаго, казалось, какую-то особую законченность. То не былъ уже юноша, то былъ мужъ и король.

Ни одна женщина не смѣла входить въ эту комнату; въ коридорахъ и въ сосѣднихъ покояхъ не смѣлъ звучать человѣческій голосъ. Іоаннѣ казалось, что прежде всего была нужна и снаружи та же великая тишина, которою такъ глубоко было проникнуто лицо Филиппа; и эта тишина была необходима для того, чтобы Іоанна могла въ нее погрузиться, бодрствуя и прислушиваясь къ ней, чтобы открыть и причины и ея сущность; затѣмъ въ благопріятную минуту разрѣшить эту великую загадку и съ торжествомъ овладѣть

тою искрой, которая способна зажечь въ его взглядѣ пламя жизни. Итакъ, она постоянно склонялась надъ тѣломъ, какъ скупецъ склоняется надъ рудникомъ, въ которомъ искрятся красные слитки золота, смѣшанные съ землей.

На второй же день появился епископъ и приказалъ инфантѣ отвезти и положить тѣло на прежнее мѣсто. Іоанна не послушалась, и въ концѣ-концовъ, обезумѣвъ отъ ужаса при мысли о томъ, что у нея могутъ отнять мертваго супруга, попросила епископа удалиться изъ дворца. Вслѣдствіе этого доминиканцы стали возбуждать народъ и распространять слухи о томъ, что непогребенное тѣло лишаетъ страну благодати, что вино въ этомъ году должно будетъ испортиться и жатва погибнетъ.

Въ то время, какъ совѣтники раздумывали надъ тѣмъ, какъ устранить опасность, грозившую странѣ, передъ инфантой появился необыкновенный монахъ—братъ Алонзо, проживщій долгое время въ одной изъ пустынь Эстремадуры среди своихъ божественныхъ видѣній и слывшій пророкомъ.

Однажды въ сѣняхъ дворца раздался сильный шумъ, и когда разгнѣванная герцогиня вышла, то всѣ замолкли, не исключая и полуодѣтаго блѣднаго чужестранца, которому слуги и часовые преграждали входъ. Это былъ братъ Алонзо, еще безбородый и молодой человѣкъ, истощенный постомъ и молитвою, худой, какъ жердь, обладавшій краснорѣчіемъ пророка и жаромъ влюбленнаго. Іоанна выслушала это несчастное существо, впервые подчиняясь, быть можетъ, такъ всецѣло рѣчи другого.

Онъ началъ съ того, что разсказалъ инфантѣ про короля, который по истеченіи семи лѣтъ снова изъ смерти возсталъ къ жизни. Съ Филиппомъ случится также нѣчто подобное, если чистая любовь Іоанны и ея непоколебимая воля сумѣютъ подавить всякое личное горе, откажутся отъ всякаго эгоистическаго наслажденія. Это продлится семь лѣтъ; ибо семь есть священное число. Черезъ семь лѣтъ обновляется свѣтъ звѣздъ и мѣсяца на небѣ; черезъ семь лѣтъ у берега разбивается вновь одна и та же волна, черезъ семь лѣтъ зеленѣетъ древо жизни и на семь частей развѣтвляется его корень.

Услышавъ это, инфанта преклонила колѣни, низко опустивъ голову передъ братомъ Алонзо, и прикоснулась губами къ краю его одежды. Она приказала угостить и одарить монаха, но не сказала съ нимъ ни слова; мало-по-малу ему стало тяжело въ ея присутствіи и подъ приличнымъ предлогомъ онъ покинулъ дворецъ. Іоанна отнеслась къ его уходу безразлично. Она уже не чувствовала жизни живыхъ; чуждая собственному тѣлу, она и въ людяхъ ви-

лишь внѣшній образъ и какую-то призрачную игру тѣней; весь свѣтъ міра сосредоточился у гроба Филиппа, и чѣмъ дальше она отъ него уходила, тѣмъ мрачнѣе дѣлалось для нея все вокругъ. Но когда теперь она стояла на колѣняхъ рядомъ съ Филиппомъ, стараясь, какъ нѣкогда, уловить его взглядъ; когда теперь онъ являлся для нея чѣмъ-то болѣе реальнымъ, чѣмъ въ то время, когда онъ скользилъ сквозь туманъ по безмолвной водѣ, теперь она страстно жаждала какого-нибудь знака его присутствія, какого-нибудь звука изъ нѣдръ окаменѣлаго тѣла. Въ концѣ-концовъ она напала на странную мысль. Въ Бургосѣ жилъ брабантскій часовщикъ по имени Симонъ Лонгинъ, человѣкъ необыкновенно талантливый въ своей области. Донъ Филиппъ, любившій возиться съ часами и скоротавшій не мало досужаго времени надъ разборомъ какого-нибудь тонкаго механизма, высоко ставилъ искусство этого мастера. Инфанта приказала позвать его къ себѣ и возложила на него порученіе, заставившее Симона сильно призадуматься. Онъ долженъ былъ изготовить механизмъ, который могъ бы подражать ударамъ живого сердца и вложить этотъ механизмъ въ грудь трупа.

Послѣ нѣкотораго раздумья Симонъ Лонгинъ обѣщалъ попытаться, а инфанта назначила ему награду въ двѣ тысячи дублоновъ.

Двѣ недѣли спустя мастеръ принесъ искусный механизмъ, который и былъ вдвинутъ въ лѣвую сторону груди. Подъ плечемъ былъ укрѣпленъ штифтикъ съ заводомъ, при помощи котораго механизмъ снова могъ быть пущенъ въ ходъ, когда по истеченіи двадцати четырехъ часовъ онъ останавливался. Когда Іоанна въ первый разъ припала ухомъ къ груди покойнаго и услыхала тупые удары, она закрыла глаза, словно слушая музыку ангеловъ. Полночи пролежала она, прислушиваясь; лѣвая рука ея была прижата къ собственной груди, и она ощущала особое блаженство, когда естественное біеніе ея сердца совпадало съ искусственнымъ.

Слухи объ этомъ еще усилили страхъ передъ инфантой. Она должна была подумать, какъ избѣжать всеобщаго натиска, и тѣмъ, кто осаждалъ ее просьбами о возвращеніи тѣла на прежнее мѣсто, она казала, что хочетъ перевезти его на родину герцога и похоронить его въ соборѣ св. Стефана.

Съ этимъ планомъ не могли не согласиться соотечественника Филиппа; они образовали небольшую партію въ пользу намѣреній королевы. Іоанна сдѣлала смотръ своимъ слугамъ, и немногіе, которые были преданы, вмѣстѣ съ тѣми весьма многими, которые были алчы, такъ какъ Іоанна не жалѣла денегъ,—предложили ѣхать съ нею,

куда угодно. Она приговорила сотню наемниковъ за весьма высокую плату и приказала привести лошадей и муловъ.

Снарядившись такимъ образомъ, она пустилась въ путь. Казалось, словно она хотѣла опередить или подогнать время. Слова монаха она вспоминала ежечасно.

Въ день св. Екатерины передъ вечеромъ инфанта покинула Бургосъ, доѣхала до Аррагонскихъ горъ, достигла къ утру при сильной непогодѣ зàмокъ Армедилла, а въ слѣдующую ночь пустилась дальше въ Ольмедо, Эскалону, Санъ-Франциско, изъ деревни въ деревню, черезъ непріютныя долины.

Четверо муловъ несли на себѣ гробъ, двадцать четыре человѣка, съ факелами въ рукахъ, ѣхали по его сторонамъ. Ужасенъ былъ видъ этихъ людей; лица ихъ были черны, какъ уголь, отъ копоти факеловъ. Во многихъ мѣстахъ при видѣ ужаснаго поѣзда жители разбѣгались. Среди людей Іоанны распространялось также мрачное настроеніе и многіе изъ нихъ разбѣгались. Другіе испрашивали разрѣшенія осмотрѣть городъ, уходили и не возвращались.

Впереди гроба ѣхалъ знаменосецъ съ лицомъ, повязаннымъ чернымъ платкомъ, въ которомъ были оставлены отверстія только для глазъ. На знамени золотыми буквами горѣло слово: *Nondum*, нѣтъ еще.

Днемъ крестьянскія хижины и господскіе дома предлагали путникамъ пріютъ и отдыхъ. Іоанна предпочитала мѣстечки въ долинахъ, гдѣ ея взоръ могъ охватить дали, прежде нежели она ложилась для кратковременнаго сна неподалеку отъ гроба. Она не любила близости цвѣтовъ, изъ боязни, что тогда бѣглое забытье ослабитъ ея чувства. Она не задавалась опредѣленною цѣлью, ибо такъ ей казалось, что направленіе и дорогу указываетъ Филиппъ. Ѣхать на востокъ, на западъ, на сѣверъ было для нея безразлично, лишь бы дни уходили въ будущее. Пока міръ тщетно стучался въ ея глухія для него уши, въ груди ея накапливалась жизнь. Съ покойнаго были сняты всѣ грѣхи, и она взяла на себя отвѣтственность за всю его жизнь. Она заранѣе украшала его взоръ тѣмъ огнемъ, которымъ онъ будетъ благодарить ее за облегченіе и освобожденіе своей души. О хотѣла видѣть въ немъ теперь только человѣка и тосковала по мому незначительному изъ его взоровъ, по самому мальчишеско его движенію, какъ онъ нѣкогда тосковалъ по ней на одрѣ своей чительной любви къ ней. Голубое небо было для нея ничто, если о не видѣла въ немъ голубого цвѣта Филипповыхъ глазъ; не прив валъ ее и ароматъ бургундскихъ садовъ, если онъ не казался ей

ханіемъ его устъ, не было и горя, кромѣ горя о рано утраченной жизни, ни одна вещь не была достойна ея вниманія, кромѣ его окаменѣлаго лица.

Среди ея спутниковъ былъ человѣкъ, глубоко преданный ей. Его звали Янъ Далонесъ; онъ былъ нѣкогда сокольничьимъ и на охотѣ выстрѣломъ ему повредили глазъ. Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя стихотворному искусству, въ которомъ его поддерживалъ меланхолическій складъ его мыслей, и писалъ статьи духовнаго содержанія. Онъ умѣлъ читать на лицѣ Іоанны усталость, которую она скрывала даже отъ самой себя, и превращался въ краснорѣчиваго оратора, когда нужно было укротить возникавшее недовольство среди наемниковъ. Ночные безмолвные переходы съ гробомъ угнетали людей. Случалось, что на грубыхъ, привычныхъ къ войнѣ парней нападали судороги, когда полуночный вѣтеръ сгибалъ деревья, или они кричали, какъ одержимые, когда болотный огонекъ плясалъ надъ топью, а мѣсяцъ ткалъ зеленоватые покровы по скаламъ. Они вздыхали съ облегченіемъ, лишь когда первый утренній лучъ окрашивалъ востокъ. Прибывъ послѣ долгихъ скитаній во Фландрію, они отказались отъ службы у инфанты.

Янъ Далонесъ убѣдилъ герцогиню остаться на нѣкоторое время въ Гентѣ. Онъ питалъ въ душѣ надежду на то, что она соскучится по своемъ сынѣ Карлѣ и при видѣ его излѣчится отъ своей безъисходной меланхоліи. Но его разсчеты не оправдались. Когда графъ де-Круа, предложившій ей остановиться въ его дворцѣ, спросилъ ее, желаетъ ли она взять молодого принца, по лицу Іоанны что-то пробѣжало, словно свѣтъ отъ факела, упавшій на темное пространство. Но затѣмъ отрицательно покачавъ головой, она холодно отвѣтила, что не желаетъ видѣть донъ-Карлоса. Слова монаха, подобно стражамъ, встали въ ея душѣ.

Она заперлась въ своихъ покояхъ, чтобы не видѣть никого, кромѣ своего покойника, не слышать ничего, кромѣ обманчиваго стука часового механизма. Да, она жила между обманомъ и видѣніемъ, между болью и радостью. Она должна была быть женщиной, чтобы любить Филиппа, мужчиной, чтобы еще разъ создать его, и м герью, чтобы еще разъ произвести его на свѣтъ. Она должна была в звать въ немъ заново дѣтство и юность, наполнить его пробуждаи щійся взоръ воспоминаніями, ничего не забывъ изъ того, что сод ржитъ въ себѣ такая королевская жизнь; поэтому ей предстояло с латься и имъ самимъ, чтобы не прервалось единство между прежн ъ и будущимъ Филиппомъ, и чтобы изъ его души исчезло вмѣст съ тѣмъ и грустное состояніе небытія. Осуществленіе этого молча,

одной, непонятой людьми и даже, повидимому, дѣйствуя вопреки Богу, требовало нечеловѣческаго напряженія.

Весна, лѣто и осень смѣнились во второй разъ. Молодой король Карлъ опасно заболѣлъ. Однажды ночью его разбудили, чтобы прочесть только что полученную эстафету незначительной важности. Его гувернеръ, обучавшій его римскому праву, настаивалъ неумолимо на томъ, чтобы, несмотря на свой ранній возрастъ, король пріучался къ государственнымъ дѣламъ. Когда мальчикъ черезъ темный коридоръ дошелъ до комнаты, въ которой горѣла матовая лампада, онъ остановился, думая, что заблудился, и, самъ того не желая, услыхалъ разговоръ двухъ слугъ, помѣщавшихся въ нишѣ.

— Знаете ли вы, что испанская королева здѣсь?—спросилъ одинъ изъ нихъ, сонливо позѣвывая.

А другой отвѣтилъ:

— Неужто? Она здѣсь? Я этого не зналъ.

На это первый сказалъ:

— Это мать нашего юнаго господина. Дурная женщина.

Другой снова спросилъ:

— Почему не живетъ она съ сыномъ?

— Виной тому угрызенія совѣсти,—прошепталъ первый,—она своего господина и супруга отравила ядомъ.

Слабый крикъ прервалъ испуганныхъ людей. Мальчикъ лежалъ на полу. Его должны были унести, и онъ долгое время не могъ встать съ постели.

Много недѣль спустя графъ де-Круа давалъ большой балъ-маскарадъ, длившійся три дня кряду. Музыка и смѣхъ гостей доносились до комнаты инфанты. Когда Янъ Далонесъ предсталъ передъ госпожей, то онъ ужаснулся, ибо до такого возбужденія, до такой муки она никогда еще не доходила. Она быстро шагала по комнатѣ изъ угла въ уголъ, зажавъ руками уши. Видимо, причиной этому была игра флейтъ и скрипокъ. Сокольничій вышелъ, посовѣтовался съ кастильцемъ Антоніо Вакка, затѣмъ оба вернулись, и Янъ Далонесъ предложилъ инфантѣ послѣдовать за нимъ въ люксембургскій дворецъ, находившійся на разстояніи лишь нѣсколькихъ улицъ.

Іоаннѣ нетрудно было согласиться. Но прежде чѣмъ уйти, она всетаки приблизилась къ гробу Филиппа, нагнулась, прошептала что-то на ухо, поцѣловала восковой лобъ, улыбнулась какъ мать, покидающая своего младенца и, наконецъ, обратилась къ обоимъ мужчинамъ и сказала веселымъ тономъ:

— Онъ уже засыпаетъ.

Глубоко погруженная во внутреннюю работу, она ушла въ люксембургскій дворецъ.

Комнаты утопали въ сумеркахъ. Вдругъ кастилецъ остановился передъ открытою дверью одной изъ залъ и улыбаясь протянулъ руку. У продолговатаго стола стоялъ плотный господинъ въ черномъ бархатномъ платьѣ съ бѣлымъ воротникомъ, а рядомъ съ нимъ, съ книгой въ рукахъ, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ десяти.

Донна Іоанна съ усиліемъ подняла тяжелыя вѣки и взглянула на нихъ.

Сквозь цвѣтныя стекла узкаго окна падалъ въ тихую комнату желтовато-жемчужный полусвѣтъ.

— Кто этотъ мальчикъ?—спросила Іоанна.

Антоніо Вакка отвѣтилъ съ услужливой улыбкой:

— Это вашъ сынъ Карлъ, благородная донна, а съ нимъ достойный Церніо,—лучшій ученый во всей округѣ. Я самъ имѣю честь обучать его высочество общественнымъ наукамъ.

Кастилецъ подошелъ къ столу и произнесъ что-то шепотомъ. Мальчикъ всталъ и степенно приблизился къ порогу. Онъ стоялъ передъ матерью неподвижный, съ узкимъ лицомъ, блѣдный, молчаливый и грустный. Слова просились на уста Іоанны. Ей казалось, что грудь и тѣло ея горятъ огнемъ. Она хотѣла уже заговорить, но тутъ вспомнила слова монаха: «Забыть всякое личное горе и всякую личную радость».

Безмолвно и холодно кивнула она мальчику, отвернулась и пошла дальше. Съ низко опущенной головой послѣдовалъ за нею вѣрный сокольничій Янъ Далонесъ.

Три дня спустя Іоанна покинула Гентъ и съ новыми наемниками поднялась вверхъ по Рейну до Кельна и Майнца; затѣмъ она посѣтила берега Дуная и путешествовала цѣлыя недѣли и мѣсяцы, лѣто и зиму, день и ночь. То здѣсь, то тамъ она останавливалась; въ Регенсбургѣ она пробыла восемь мѣсяцевъ, въ Ландсгутѣ—шесть, въ Аугсбургѣ—пять. Явиться ко двору императора она не отважилась. Дворянскіе зáмки давали ей надежное пристанище, тѣмъ болѣе, что Іоанна расплачивалась по-королевски. Въ Меммингенѣ она выстроила капеллу, а въ Ульмѣ —цѣлую церковь. Для нея было отрадой остаться подольше въ этой странѣ со множествомъ рѣкъ и горъ и красивыхъ озеръ; часто казалось ей, что душа Филиппа растворена въ нѣжномъ воздухѣ, и когда приходила весна, то она должна была замыкаться въ себѣ съ удвоенной силой, чтобы не принимать участія въ свѣтлыхъ пробужденіи природы.

Она избѣгала тѣхъ мѣстъ, гдѣ сходился въ радостномъ возбужденіи народъ, и если къ ней обращалось невинно-веселое дѣтское лицо, то она закрывала глаза. Поэтому всего болѣе любила она путешествовать по ночамъ, когда умирали и люди и предметы, а огненные языки факеловъ горѣли, какъ жертвенные огни надъ гробомъ ея господина и возлюбленнаго. Нечувствительная къ бурѣ и дождю, не боясь ни усталости, ни лишеній, она старалась такимъ путемъ ускорить ходъ времени.

Проходилъ годъ за годомъ. Іоанна считала ихъ не по календарю, а отмѣривала ихъ по своей надеждѣ. Она шла къ мечтѣ и чѣмъ ближе считала себя къ ней, тѣмъ болѣе и болѣе та удалялась; а растрачивая постоянно весь жаръ своей души, она не становилась богаче; ея сердце стало, наконецъ, походить на блѣдную морскую траву, которую волны прибивали къ берегу, а сама она стояла и мерзла, пока лохмотья ея нищеты спадали другъ за другомъ со вздрагивавшихъ плечъ. Филиппъ! Кто такое былъ Филиппъ? Имя, казалось, уходило, и если былъ еще на землѣ человѣкъ, котораго такъ звали, то онъ былъ лишь тѣнью самого себя. Несмотря на то, что она ежедневно видѣла передъ собою безжизненный образъ Филиппова тѣла, она утратила всякую память о немъ самомъ, не знала уже, какой онъ былъ съ виду и какъ говорилъ, не помнила цвѣта его глазъ, очертаній его рукъ, и ей становилось все страшнѣе, что она таскала за собою по всѣмъ странамъ его имя, только его имя и ничего, кромѣ имени. Мракъ ея души словно вышелъ изъ границъ, покрылъ собою все небо, и землю, и воду и наполнилъ весь міръ ледяною, бездонною печалью.

При одномъ переходѣ черезъ горы заболѣлъ Янъ Далонесъ и остался въ деревушкѣ. Только въ Савойскихъ горахъ преданный слуга догналъ свою госпожу и прибылъ какъ разъ во-время, чтобы ободрить и воодушевить слугъ, которые отказывались идти ночью черезъ занесенное снѣгомъ ущелье.

Была ужасная непогода, когда они достигли высотъ. Передніе потеряли дорогу и увязли въ снѣгу. Нѣкоторые упали отъ усталости на землю, заснули и замерзли. Факелы погасли, но къ счастью Яну Далонесъ, шедшему впереди, посчастливилось найти хижину пасту. Тамъ пріютились тѣ, которые могли еще спастись, гробъ оста наружи и былъ занесенъ снѣгомъ.

Была еще ночь, когда Янъ Далонесъ проснулся, нащупалъ дв душной отъ множества людей комнаты и вышелъ. Страхъ за госпо не давалъ ему спать.

Небо было чисто, и звѣзды искрились въ высокой красѣ и по-

Надъ дальнимъ снѣжнымъ полемъ перекинулся черезъ темно-синій небосводъ млечный путь, словно застывшій дымъ. Между двумя высокими скалами блестѣлъ зеленый ледъ, зіяли огромныя разсѣлины. Временами налеталъ рѣжущій холодный вѣтеръ и вздымалъ снѣгъ тонкими, свѣтящимися столбами. Царило молчаніе, отъ котораго захватывало духъ.

Въ неясномъ свѣтѣ увидѣлъ Янъ Далонесъ свою госпожу. Она сидѣла на обрубкѣ дерева, охвативъ колѣна руками, и застывшимъ взглядомъ вперилась въ окружавшую тишину. Повидимому, она не замѣчала холода. Лошадиная попона окутывала ея плечи.

— Вы захвораете, благородная донна,—сказалъ Янъ Далонесъ, приближаясь къ ней. Инфанта не отвѣчала.

Сокольничій сходилъ въ домъ, набралъ щепокъ и хворосту, и на мѣстѣ, гдѣ не было снѣгу, разложилъ костеръ. Состраданіе къ госпожѣ сжимало ему горло, и въ то время какъ онъ подбрасывалъ въ огонь дрова, его бородатое лицо было буквально искажено горемъ. На уста просились слова—стихи, нѣкогда либо слышанные, либо читанные, либо видѣнные во снѣ...

— Что вы тамъ говорите?—раздался вдругъ глухой голосъ инфанты. Ея лицо повернулось къ нему, чуждое и сухое, какъ лицо сфинкса. Онъ робко покачалъ головой и сталъ на колѣни передъ костромъ. Черезъ нѣсколько времени странныя слова, клубясь какъ во снѣ, пришли ему снова на память.

Беззвучно поднялось голубоватое облачко снѣжной пыли и унеслось...

Тутъ голова Іоанны свѣсилась впередъ. Словно чтобы ее поддержать, она закрыла лицо руками и одновременно съ этимъ разразилась ужасными рыданіями. Они звучали, какъ удары молотка по пустой стѣнѣ. Ее охватило неотразимое горе по поводу своей жизни, своей разбитой души... Словно біеніе ея сердца поддерживалось до сихъ поръ искусственнымъ механизмомъ, который теперь грозилъ отказаться служить..

Она чувствовала, какъ воспоминанія пережитого исчезаютъ изъ ея души, она ощущала лишь себя, лишь свое неизмѣримое горе, ватывавшее ее, какъ пламя костра, она кричала и билась и въ качествѣ безумной была снесена своими же людьми въ долину.

Разбитый гробъ съ обезображеннымъ трупомъ нашли много нельсь спустя въ снѣжной ямѣ, куда онъ свалился во время бури. щогъ Савойскій приказалъ перенести смертные останки князя въ ргосъ. Въ одной изъ часовенъ при церкви св. Андрея нашло на-ецъ свое земное успокоеніе тѣло Филиппа.

Между городами Паленціа и Вальядолидъ, въ безплодной долинѣ лежалъ пустынный зàмокъ Тордесиллáсъ. Въ одной изъ башенъ этого зàмка жила безумная инфанта. Башня была окружена со всѣхъ сторонъ водою; подъемный мостъ былъ всегда поднятъ. На водѣ плавали лебеди.

Уже давно Іоанна была королевой Испаніи, разумѣется, только по имени. Этимъ именемъ однако рѣшались государственныя дѣла, запечатывались декреты. Но королева въ дѣйствительности господствовала лишь надъ царствомъ кошекъ. Преданный Янъ Далонесъ былъ майордомомъ Тордесиллáсъ. Каждый день переѣзжалъ онъ туда на лодкѣ и смотрѣлъ, какъ его госпожа играла съ кошками, словно съ дѣтьми. Каждый звѣрокъ былъ повязанъ цвѣтной ленточкой у шеи и имѣлъ свое имя и свой чинъ.

Однообразно текли годы для донны Іоанны, словно вода по каменной стѣнѣ. Долгіе-долгіе годы. Всѣ они заставали благородную женщину погруженною въ одну игру, въ тупомъ невѣдѣніи самой себя, въ никогда не просвѣтленномъ покоѣ.

Внѣ ея въ мірѣ совершилось многое. Мальчикъ Карлосъ превратился въ мужчину, и князья выбрали его римскимъ императоромъ. Онъ преслѣдовалъ еретиковъ. Онъ былъ силенъ и словомъ и дѣломъ. Вся его жизнь была войною: полною крови, полною хитрости. Горячее честолюбіе приводило его отъ разочарованія къ разочарованію. Свой настоящій образъ онъ скрывалъ за многими ликами. Для людей у него было много лицъ, но его ликъ передъ Богомъ былъ всегда одинъ и тотъ же: тоскующій и больной.

Однажды онъ выѣхалъ съ блестящимъ щитомъ, на которомъ горѣло слово: *Nondum*, нѣтъ еще. Когда же прошли годы и онъ держалъ въ своихъ рукахъ всю власть, которая только можетъ выпасть въ удѣлъ одному человѣку, то его усталое отреченіе сказало: не дальше. Онъ былъ такъ могуществень, что могъ бы имѣть въ своемъ гербѣ два земныхъ полушарія и его люди называли его просто: «господиномъ». Несмотря на это, покой монастыря казался ему всего желаннѣе.

Когда ему исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, онъ отправился въ Сантандеръ, и черезъ Бургосъ проѣхалъ въ Тордесиллáсъ.

Однажды, осенью, загремѣлъ подъемный мостъ надъ рвомъ водою, и кавалькада блестящихъ рыцарей въѣхала на полуразрушенный дворъ. Король поднялся наверхъ одинъ.

Несмотря на солнечный день, въ комнатѣ царили сумерки; душномъ воздухѣ носился запахъ ладана и курительныхъ эссенц Посреди комнаты стояла кровать Іоанны, а на старомъ шелков

одѣялѣ лежали кошки: бѣлыя и черныя, старыя и молодыя; прочія сидѣли на карнизахъ, по угламъ и на стульяхъ.

Донна Іоанна поднялась. Ея узкое, почти безъ морщинъ, лицо казалось выточеннымъ изъ дерева. Съ любопытствомъ взглянула она на худощавую фигуру въ черномъ беретѣ и красномъ спадавшемъ до колѣнъ испанскомъ плащѣ; изумленно глядѣла она въ это блѣдное, какъ смерть, холодное и усталое лицо.

Степеннымъ шагомъ подошелъ къ ней король, и когда онъ преклонилъ передъ нею одно колѣно, у него задрожала нижняя губа, и онъ пробормоталъ: «Ваше благословеніе, мать».

Донна Іоанна нагнулась къ нему, и когда въ болѣзненномъ возбужденіи она приподняла свои прозрачныя вѣки, съ тонкими жилками, то казалось, что ея взглядъ припоминаетъ въ эту минуту всю серьезность и весь ужасъ давно исчезнувшей жизни.

Еще разъ прогремѣлъ подъемный мостъ, и король во главѣ своихъ рыцарей безмолвно выѣхалъ навстрѣчу заходящему солнцу.

Тогда и донна Іоанна, впервые за много лѣтъ, покинула свою комнату. Какъ во снѣ, поднималась она по лѣстницѣ внутри башни, пока не достигла круглаго окна, изъ котораго былъ видъ на всю долину. Здѣсь стояла она и слѣдила за блестящею кавалькадой рыцарей. Когда горизонтъ, утопая въ золотѣ и фіолетовыхъ оттѣнкахъ, готовъ былъ поглотить яркую картину, она взошла еще выше, на слѣдующую площадку. Она увидѣла еще пару сверкавшихъ копій, а ея печальныя губы прошептали: императоръ, императоръ.

Темнѣло, и она спустилась внизъ. Ея сердце внезапно охватилъ страхъ, и съ послѣднею искрою уходящаго сознанія она вздохнула навстрѣчу безотрадной смерти...

Перев. Александра Чеботаревская.

Изъ Петёфи *).

Что шьешь ты, женка, у огня?
Ты что-то чинишь для меня?
Оставь починку въ сторонѣ,
Ты лучше знамя вышей мнѣ!

Меня предчувствіе томитъ,
Но чтò грядущее сулитъ,
То знаетъ Богъ одинъ вполнѣ...
Голубка, вышей знамя мнѣ!

Мы ждемъ великихъ перемѣнъ,
И жизнью жертвуемъ взамѣнъ:
Права берутся на войнѣ...
Голубка, вышей знамя мнѣ!

Хотимъ свободу мы купить,
Но кровь рѣкой придется лить,
Чтобъ съ продавцомъ сойтись въ цѣнѣ...
Голубка, вышей знамя мнѣ!

Любимой вышито рукой,
Насъ увлечетъ оно съ собой
И дастъ побѣду на войнѣ...
Голубка, вышей знамя мнѣ!

Н. Н. Новичъ.

---

*) Какъ извѣстно, Петёфи принималъ участіе въ венгерскомъ возстаніи 18[illegible], въ которомъ и погибъ безслѣдно въ 1849 году въ сраженіи при Шегешварѣ [illegible]бургѣ).

Саморазрушеніе самодержавія.

(Посмертная бесѣда публициста.)

Въ настоящее время печатается и вскорѣ будетъ издано собраніе публицистическихъ статей покойнаго кн. С. Н. Трубецкого (въ первомъ томѣ «Общаго собранія» его сочиненій). Обстоятельства времени сообщаютъ особый интересъ этой посмертной политической бесѣдѣ покойнаго философа и публициста.

На рубежѣ,—такъ озаглавлено важнѣйшее изъ его публицистическихъ произведеній.

Заглавіе это характерно для всей публицистической дѣятельности покойнаго, скончавшагося за немного дней до появленія манифеста 17 октября. Онъ стоялъ *на рубежѣ* двухъ великихъ эпохъ русской жизни, на томъ рубежѣ, черезъ который Россія все еще не можетъ перешагнуть, несмотря на гигантскія усилія.

Отсюда близкое отношеніе его публицистическихъ статей къ волнующимъ насъ вопросамъ.

Казалось бы, промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ его кончины, долженъ былъ бы отдалить его отъ насъ. Въ своей послѣдней статьѣ «Передъ рѣшеніемъ» (12 іюля 1905 г.) онъ пишетъ: «съ тѣхъ поръ, какъ защитникамъ Портъ-Артура мѣсяцъ службы сталъ зачитываться за годъ, все русское общество живетъ по цѣлому году въ мѣсяцъ». Мы дѣйствительно жили по году въ мѣсяцъ; но, однако, «съ тѣхъ поръ» жизнь отбросила насъ назадъ. Теперь мы снова стоимъ передъ тѣмъ же «рѣшеніемъ», о которомъ говоритъ названная статья.

Пойдетъ или не пойдетъ народное движеніе черезъ русло народнаго ...едставительства, станетъ ли представительство истинно народнымъ или ... оно, согласно съ желаніями «истинно-русскихъ» людей, превратится въ ...осударственный Ноевъ ковчегъ для нѣсколькихъ избранныхъ дворянъ, ...пцовъ, крестьянъ, рабочихъ и фабрикантовъ»? Эти вопросы, волновавшіе ...тора въ іюлѣ 1905 г., совершенно такъ же волнуютъ насъ и теперь. ...конецъ важнѣйшая изъ нашихъ современныхъ тревогъ можетъ быть ...ажена словами той же статьи.

«Будучи принципіальными противниками народнаго представительства, которое они («истинно-русскіе люди») считаютъ изобрѣтеніемъ гнилого запада, чуждымъ русскому народу, они стремятся подмѣнить его якобы самобытнымъ «сословнымъ совѣщаніемъ», политически-безправнымъ, никому не нужнымъ и не могущимъ имѣть авторитета ни въ глазахъ правительства, ни въ глазахъ страны. Въ то самое время, когда нужна полнота авторитета, чтобы успокоить страну и облечь имъ обновленное правительство, они создаютъ учрежденіе, завѣдомо безсильное, исключающее народное представительство, но сохраняющее его вывѣску; оно должно послужить ширмами бюрократическаго абсолютизма, за которыми все останется по старому».

Мы все еще рискуемъ вернуться къ старому, потому что теперь продолжаетъ дѣйствовать рядъ общихъ причинъ, опредѣлившихъ укладъ жизни въ дореволюціонную эпоху. Причины эти были вскрыты анализомъ покойнаго публициста задолго до революціи. Ими онъ не только объяснилъ настоящее, но и освѣтилъ будущее: оттого-то въ его политическихъ статьяхъ столь многое звучитъ какъ пророчество.

Задолго до наступленія грозы, онъ чувствовалъ ея приближеніе. Въ 1899 году онъ уже предсказывалъ, куда существующій способъ управленія приведетъ Россію: «разбивая общество на его атомы, обращая его въ пыль, мы рискуемъ тѣмъ, что эта пыль при первой же грозѣ обратится въ грязь, въ которой потонетъ бюрократическая машина». Въ 1901 году въ статьѣ «Урокъ классицизма» *), кн. С. Н. ясно сказалъ, что крушеніе Толстовской гимназіи является предвѣстникомъ крушенія ряда другихъ реакціонныхъ начинаній предыдущаго царствованія. «Урокъ нашего классицизма показываетъ, что нельзя пренебрегать обществомъ, какъ бы безсильно оно ни было, что нельзя его насиловать и не считаться съ тѣмъ, чего оно сильно и упорно хочетъ. Если дезорганизовать общество, если отнять у него возможность правильнаго, нормальнаго выраженія, разумнаго обсужденія его стремленій,—мы не убьемъ этихъ стремленій, а сдѣлаемъ ихъ стихійными и неразумными; мы раздуемъ страсти, ожесточимъ ненависть. Мы можемъ помѣшать обществу выработать положительную программу, но этимъ мы добьемся только того, что такая программа будетъ непродумана.

Вотъ «урокъ классицизма», котораго нельзя не извлечь изъ настоящихъ событій. Гимназія была первымъ изъ даровъ духа Толстого; естественно, что она должна была быть смыта ранѣе другихъ даровъ того же духа...»

Въ статьѣ «31 декабря 1901 года», не напечатанной въ то время «по независящимъ обстоятельствамъ» *Петербургскими Вѣдомостями*, он предсказалъ близкое пробужденіе русскаго общества «послѣ двадцатилѣтней спячки» и изобразилъ его внутреннее состояніе четверостишіемъ «Ночной тишины» Козьмы Пруткова:

---

*) *Петерб. Вѣдомости.*

Есть бестолковица
Сонъ ужъ не тотъ,
Что-то готовится,
Кто-то идетъ.

Въ 1904 году, когда японская война была въ самомъ разгарѣ и пророчество о пробужденіи русскаго общества еще не начинало исполняться, онъ предсказалъ, что «бюрократія» проглядитъ крестьянскую смуту: «она не видитъ той грозной опасности, которая зрѣетъ въ крестьянской средѣ. Близящаяся смута будетъ для нея такой же неожиданностью, какъ японскій погромъ, и застанетъ ее столь же постыдно неподготовленной и несостоятельной» («На рубежѣ», гл. II, конецъ).

Все это показываетъ, что имѣющее появиться собраніе публицистическихъ статей покойнаго кн. С. Н. Трубецкого для насъ представляетъ нѣчто большее, чѣмъ памятникъ прошлаго. Это — незамѣнимое введеніе въ наше настоящее. Въ этихъ статьяхъ мы найдемъ правдивый и объективный діагнозъ того недуга, который донынѣ мучитъ Россію; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ даютъ яркое освѣщеніе того единаго и единственнаго пути, который ведетъ къ исцѣленію.

I.

Конституціонныя убѣжденія покойнаго кн. С. Н. Трубецкого созрѣли задолго до начала освободительнаго движенія, уже въ восьмидесятыхъ годахъ.

Они сложились въ борьбѣ со славянофильствомъ, вліянію коего покойный до нѣкоторой степени подвергался въ ранней молодости, на школьной скамьѣ. Я говорю *до нѣкоторой степени*, потому что славянофиломъ онъ никогда себя не признавалъ и въ дѣйствительности никогда таковымъ не былъ. Уже въ студенческіе годы онъ критически относился къ издаваемой въ то время *Руси* И. С. Аксакова. Первое его выступленіе на публицистическомъ поприщѣ—его статьи «Разочарованный славянофилъ» и «Противорѣчія культуры», напечатанныя въ *Вѣстникѣ Европы* въ 1893 г., свидѣтельствуютъ о полной его духовной эмансипаціи отъ славянофильства. Уже тутъ онъ развиваетъ ту точку зрѣнія, на которой онъ впослѣдствіи стоялъ до конца своихъ дней.

По поводу славянофильскихъ разсужденій генерала Кирѣева «о гласности и необходимости полнаго и обоюднаго знакомства между народомъ и правительствомъ», онъ замѣчаетъ:

«Въ какой формѣ должны мы будемъ представить себѣ тотъ интимный раутъ, на который правительство и народъ имѣютъ быть приглашены для полнаго обоюднаго знакомства»?

Правительство должно слышать голосъ народа не черезъ своихъ агентовъ, а непосредственно отъ самого народа, быть освѣдомлено самимъ народомъ о его нуждахъ и его идеалахъ. Очевидно, однако, нельзя со-

брать весь «народъ» на вѣчевую сходку,—даже если ограничиться одними православными великоруссами. Очевидно, съ другой стороны, нельзя признать за гласъ народа—мнѣнія, выражаемыя отдѣльными газетчиками, хотя бы и весьма благонамѣренными. Значить, народъ долженъ быть представленъ особыми указываемыми имъ и уполномоченными на то представителями. Это будетъ,—чтобы не произнести ненавистнаго слова,—это будетъ всенародное представительное собраніе, родъ «собора», о которомъ мечтали либеральные славянофилы. Чѣмъ, однако, такой «соборъ» будетъ отличаться отъ западной «говорильни»? Очевидно, и на «соборѣ» будутъ говорить и даже исключительно говорить: «освѣдомлять» или «освѣдомляться», предоставляя дѣйствовать кому слѣдуетъ. Отличіе между русской и западной «гласностью», повидимому, должно заключаться не въ одной «праздности разговоровъ».

И далѣе авторъ ставитъ вопросъ, должны ли рѣшенія «собирательнаго ума» собранія считаться обязательными для «единой воли» правительства? «Если нѣтъ, не стоитъ къ нему и обращаться, понапрасну подвергая «волю» суду и пересудамъ всеобщаго разума и вмѣшивая его въ вопросы, ему не подлежащіе. Если да, то, какъ я полагаю, не только западные конституціоналисты, но даже республиканцы могутъ подъ этой формулой подписаться».

Кажется, трудно выразиться яснѣе, не только въ рамкахъ цензуры девятидесятыхъ годовъ, но и въ наши дни. Можно было бы подумать, что слова эти написаны въ 1905 году, въ промежутокъ между 6 августа и 17 октября, до того они современны.

И въ этихъ же упомянутыхъ двухъ статьяхъ обнаруживается внутренняя связь конституціонныхъ воззрѣній автора съ его жизненными идеалами, со всѣмъ его міросозерцаніемъ. Тутъ онъ вступаетъ въ борьбу противъ тріединой формулы славянофильства, противъ его трисвятого—«самодержавія, православія и народности».

Несмотря на цензурныя затрудненія, ему, однако, удается *внушить* читателю ту самую оцѣнку этой формулы, которую одиннадцатью годами позже онъ такъ ярко выразилъ въ статьѣ «На рубежѣ».

Въ девятидесятыхъ годахъ онъ, разумѣется, еще лишенъ возможности высказаться до конца; но онъ уже ясно даетъ понять читателю, что тріединая формула, обособляющая Россію среди европейскихъ народовъ, есть то самое, что задерживаетъ ея культурный ростъ. Онъ видитъ путь спасенія для Россіи въ пріобщеніи къ универсальнымъ идеаламъ общеевропейской культуры, въ отрѣшеніи отъ всего того, что мѣшаетъ ея [illegible]ному единенію съ Западомъ. Объ этомъ онъ говоритъ въ статьѣ «Пр[illegible]ворѣчія культуры»:

«Преемники стараго славянофильства должны отречься отъ прин[illegible]альной вражды противъ Запада,—отречься во имя своихъ идеаловъ. [illegible] оставятъ они такую «принципіальную вражду» сознательнымъ обску[illegible]тамъ, какъ Леонтьевъ, врагамъ гласности, просвѣщенія, обществ[illegible]

развитія и свободы совѣсти. Не западники, не открытые противники и критики славянофильства компрометируютъ его въ общественномъ мнѣніи, а именно тѣ ложные патріоты, которые усваиваютъ однѣ его ошибки, наружно прикрываясь его идеалами».

Этотъ призывъ логически вытекаетъ изъ той критики славянофильства, которая была дана авторомъ въ его статьѣ «Разочарованный славянофилъ». Тутъ онъ обнаруживаетъ внутреннія противорѣчія славянофильства:

«Въ мечтаніяхъ славянофиловъ заключалась нѣкоторая двойственность: въ ихъ ученіи были прогрессивныя, высокогуманныя универсалистическія тенденціи—и консервативный ретроградный націонализмъ. Идеалъ славянофиловъ — православная культура будущаго, обновляющая міръ и въ то же время—до-Петровская Русь въ ея своеобразномъ костюмѣ, въ ея бытѣ, вѣрованіяхъ, въ ея отчужденіи отъ Европы. Культурныя начала обособляли до-Петровскую Русь отъ Европы, даже отъ западныхъ славянъ, и потому эти же самыя культурныя начала должны были послужить основаніемъ для новой всеславянской и всемірной культуры.

Отсюда естественно вытекали многія противорѣчія и несообразности, которыя не замедлили выступить наружу—противорѣчіе между универсализмомъ и націонализмомъ, между прогрессивными, гуманитарно-либеральными тенденціями новой всеславянской культуры—и консервативнымъ старовѣрствомъ московской Руси».

Первый шагъ покойнаго кн. С. Н. Трубецкого на публицистическомъ поприщѣ выражаетъ собою полное отрѣшеніе отъ этихъ внутреннихъ противорѣчій, протестъ противъ «мнимо самобытныхъ» началъ во имя универсальнаго идеала христіанской, всечеловѣческой культуры. Во имя христіанства онъ осуждаетъ византизмъ; во имя правового порядка онъ возстаетъ противъ самодержавія; во имя человѣчности онъ возмущается противъ человѣконенавистническаго націонализма. Такова та точка зрѣнія, съ которой онъ въ дальнѣйшей своей дѣятельности оцѣниваетъ разнообразныя явленія окружающей дѣйствительности.

II.

Публицистическія статьи покойнаго кн. С. Н. вызывались самыми разнообразными поводами, преимущественно же тѣми толчками, которые нарушали сонъ русскаго общества. По его словамъ этотъ «сонъ» былъ впервые нарушенъ въ 1891 году: «съ голоднаго года начался какой-то переломъ»; не случайно то, что конституціонный идеалъ былъ имъ впервые высказанъ въ печати вскорѣ послѣ этого года.

Потомъ въ видѣ предвѣстниковъ бури явились на сцену студенческіе безпорядки девятидесятыхъ годовъ. Они обратили вниманіе на коренные недостатки академическаго строя, выросшаго на почвѣ университетскаго устава 1884 г. и другихъ подобныхъ ему уставовъ. Они вызвали толки о необходимости коренного преобразованія высшихъ учебныхъ заведеній,

возвращенія имъ утраченной автономіи. Но при этомъ тотчасъ обнаружилось, что университетская неурядица представляетъ собою послѣдствіе глубокихъ, общихъ причинъ, что въ частности нормальный академическій строй несовмѣстимъ *съ общими условіями* нашей государственной и общественой жизни.

Эти общія условія съ самаго начала обратили на себя вниманіе покойнаго публициста. Уже въ 1896 году съ первыхъ же строкъ первой своей статьи, посвященной университетскому вопросу *), онъ указываетъ на ненормальность той *общей* атмосферы, которая окружаетъ университетъ. Прежде всего его поражаетъ тотъ вредъ, который приносится дѣлу вынужденнымъ молчаніемъ печати. Благодаря этому, зная о безпорядкахъ, русское общество не могло составить себѣ яснаго понятія о ихъ характерѣ и происхожденіи. Оно не имѣло возможности судить о нихъ иначе, какъ по слухамъ нелѣпымъ и не вполнѣ точнымъ, которыхъ нельзя было ни провѣрить, ни опровергнуть. Полнымъ молчаніемъ печати создавалось исключительное положеніе для литературы подпольной, распространявшей свои «сообщенія» въ цѣляхъ агитаціи; порождались цѣлыя легенды, распространялись ложныя сенсаціонныя извѣстія, которыя проникали и въ заграничную печать и волновали наше общество, разростаясь и расширяясь въ немъ, какъ круги отъ камня, брошеннаго въ стоячую воду **).

Окружающая университетъ безгласность, въ связи съ созданной этимъ монополіей для нелегальной литературы, въ высокой степени способствовала революціонизированію молодежи: «наши дѣти по Марксу читать учатся,—говоритъ авторъ семью годами позже,—какъ дѣды по часослову учились, наша молодежь годами твердаго знака не видитъ, потому что читаетъ исключительно подпольные листки» ***). Но все это—лишь частность. Молчаніе печати коренится въ томъ общемъ полицейскомъ режимѣ, который царитъ какъ въ университетѣ, такъ и внѣ университета.

Уставъ 1884 г. вноситъ полное разстройство въ академическую жизнь. Благодаря ему «факультеты дезорганизуются, а студенты, неспособные усвоить высшее образованіе и неподготовленные къ его требованіямъ, естественно, обращаются въ вольныхъ слушателей. Когда профессора перестаютъ составлять организованную корпорацію, университетъ можетъ быть внѣшнимъ соединеніемъ весьма многихъ и разнообразныхъ каѳедръ, представляемыхъ болѣе или менѣе учеными чиновниками вѣдомства народнаго просвѣщенія, но онъ перестаетъ быть университетомъ, т.-е. живымъ академическимъ союзомъ. Связь факультетовъ теряетъ всякій смыслъ, и самый планъ преподаванія опредѣляется не внутренними требованіями университетской науки, а внѣшними требованіями—иногда весьма спеціальнаго, иногда случайнаго свойства. Точно также, когда большинство

*) По поводу правительственнаго сообщенія о студенческихъ безпорядкахъ (*Петерб. Вѣд.*).

**) Тамъ же.

***) *Фрейлекъ*, 1903 г., статья, напечатанная безъ вѣдома автора въ *Освобожденіи*.

студентовъ перестаетъ проходить университетскій курсъ, обращаясь въ вольныхъ слушателей или просто въ вольницу, преслѣдующую антиакадемическія цѣли,—университетъ теряетъ смыслъ и значеніе» *).

Университетскій уставъ, превратившій профессоровъ и студентовъ въ «отдѣльныхъ посѣтителей, а университетъ—въ механическое собраніе безсвязныхъ учрежденій,—былъ въ свою очередь частнымъ проявленіемъ общегосударственнаго строя, принципіально враждебнаго всякой общественности. Изслѣдуя причины «хронической неурядицы», царившей въ нашихъ высшихъ заведеніяхъ, С. Н. не могъ не замѣтить, что это обусловливается прежде всего *вторженіемъ общегосударственной политики* въ университетъ. Волненія молодежи, превращавшія университетъ въ арену политической борьбы, были естественнымъ отвѣтомъ на правительственныя мѣропріятія, жертвовавшія университетомъ ради политическихъ цѣлей. Покойный С. Н. первый въ нашей легальной печати указалъ на это уже въ 1896 году.

«Ничего не можетъ быть пагубнѣе,—говоритъ онъ,—и фальшивѣе того постояннаго вмѣшательства политическихъ принциповъ и соображеній, которыя мы обыкновенно допускаемъ при обсужденіи вопросовъ чисто педагогическихъ.

«Мы иногда обсуждаемъ, насколько либеральна или консервативна та или другая мѣра тамъ, гдѣ просто надо судить о томъ, насколько она цѣлесообразна въ виду общепризнанной цѣли. Я могу быть большимъ либераломъ и вмѣстѣ сознавать, что школа—не клубъ, что молодежь должна въ ней учиться, а не претендовать на руководящую роль въ общественномъ движеніи. Но я могу быть и большимъ консерваторомъ и вмѣстѣ желать *сохраненія* университета въ сознаніи, что, дезорганизуя студенчество и профессорскую корпорацію, я вношу не порядокъ. а смуту и безначаліе въ университетскую жизнь» **).

Въ теченіе всей своей жизни С. Н. проводилъ чисто академическую точку зрѣнія на университетъ: онъ видѣлъ въ немъ учрежденіе, призванное служить исключительно научнымъ цѣлямъ. Эта точка зрѣнія была, разумѣется, единственно правильной; но трагизмъ положенія университета заключался именно въ томъ, что при самодержавномъ строѣ она была *неосуществимой:* съ одной стороны, университету было не подъ силу бороться противъ общей тенденціи режима. Тутъ, какъ и вездѣ, во имя полицейскихъ соображеній, живая общественная единица «разбивалась на атомы, превращалась въ пыль»: отрицалась необходимая для научныхъ цѣлей свобода слова и свобода преподаванія,—внѣшняя администрація стремилась превратить университетъ въ филіальное отдѣленіе охраннаго отдѣленія.

Съ другой стороны, университетъ тѣмъ самымъ превращался въ арену

*) По поводу правит. сообщенія о студ. безпорядкахъ 1896 г.

**) По поводу правит. сообщенія (*Петерб. Вѣд.*), 1896 г.

политической борьбы. Разъ наука была отдана подъ надзоръ,—формула «университетъ для науки» звучала фальшью въ устахъ представителей учебной администраціи. Учащаяся молодежь проникласъ глубокимъ недовѣріемъ къ «поднадзорной наукѣ» и въ свою очередь пріучалась смотрѣть на университетъ, какъ на средство для политическихъ цѣлей. Реакціонная политика правительства вызвала въ университетѣ, какъ естественный отвѣтъ—революціонную политику организованнаго студенчества. Воспрещая законныя студенческія организаціи, правительство тѣмъ самымъ отдало университетъ въ руки организацій подпольныхъ, революціонныхъ. Первый изо всѣхъ русскихъ публицистовъ кн. С. Н. указалъ на это уже въ 1896 г.

«Обращая студенчество въ хаотическую массу «отдѣльныхъ посѣтителей» университета,—говоритъ онъ,—и не допуская никакой правильной и законной ихъ организаціи, соотвѣтствующей академическимъ цѣлямъ и условіямъ нашего быта, мы прямо создаемъ почву для нелегальной и антиакадемической организаціи, сосредоточивающейся въ рукахъ агитаторовъ, безконтрольно распоряжающихся массой студенчества; мы создаемъ положеніе, при которомъ всякое нормальное и естественное проявленіе товарищескаго общенія между студентами можетъ принять нелегальный характеръ, хотя бы оно первоначально вызывалось самыми законными и естественными интересами ихъ, интересами умственнаго и нравственнаго общенія на почвѣ общихъ университетскихъ занятій и интересами матеріальной взаимопомощи» *).

Девятью годами позже С. Н. резюмировалъ результаты этой политики въ краткой, но сильной формулѣ: «жандармократія», полицейское управленіе школой замѣнилось анархической *педократіей*, вольницей студентовъ и гимназистовъ» **).

Въ теченіе всей своей академической дѣятельности покойный профессоръ боролся противъ обѣихъ этихъ отрицательныхъ тенденцій, защищая идею *автономнаго* университета противъ посягательствъ сверху и снизу:

«Цѣль университета,—говоритъ онъ,—довлѣетъ себѣ, она въ полномъ смыслѣ самостоятельна, автономна, и вотъ почему автономія составляетъ какъ бы *естественное право* университета, при нарушеніи котораго онъ процвѣтать не можетъ и по необходимости колеблется между противоположными и одинаково чуждыми ему внѣшними стремленіями».

Университетъ «нуждается прежде всего въ нравственномъ уваженіи со стороны общества и признаніи его самостоятельности. Мы въ правѣ ждать его отъ студенчества, но не отъ одного студенчества. Намъ могутъ указать за послѣдніе годы на отдѣльныя прискорбныя проявленія неуваженія къ университету со стороны его питомцевъ. Эти проявленія намъ всего больнѣе, и оправдывать ихъ мы не будемъ и не хотимъ. Но, предъявляя тре-

*) Тамъ же.

**) „Быть или не быть университету" (*Русск. Вѣд.*, 1905 г., № 54).

бованія «дѣтямъ», мы ждемъ, чтобы и «отцы» показали имъ дѣятельный примѣръ уваженія къ университету, уваженія къ его самостоятельности и къ его самодовлѣющимъ цѣлямъ.

Этотъ примѣръ такъ нуженъ и былъ бы такъ своевременен! Пусть *старшіе* уничтожать послѣдствія погрома, который въ корнѣ расшаталъ уваженіе къ университету, и пусть они возстановятъ и признаютъ его поколебленный авторитетъ *).

Защищая «самодовлѣющую цѣль университета», покойный С. Н. былъ одинаково безпощадно откровененъ съ «отцами» и «дѣтьми». Въ написанной въ 1905 г. статьѣ «Быть или не быть университету», онъ мечетъ громы противъ министерства народнаго просвѣщенія за его систематическое «издѣвательство» надъ университетомъ. Ни въ какомъ другомъ вѣдомствѣ, по его словамъ, «нѣтъ той узкой, исключительно полицейской точки зрѣнія, которая со времени смерти гр. Д. А. Толстого вошла въ традицію министерства народнаго просвѣщенія, которая стала въ немъ независимой отъ лицъ, сдѣлалась какъ бы его «второй натурой» и обратила его въ учрежденіе чисто полицейское, какъ бы особый департаментъ государственной полиціи, завѣдующій просвѣтительными учрежденіями страны» **).

Это по адресу отцовъ. А нѣсколькими мѣсяцами позже, уже въ качествѣ ректора автономнаго московскаго университета, онъ на студенческой сходкѣ обращается съ рѣчью къ «дѣтямъ».

«Вы знаете, что за безусловную свободу общественныхъ политическихъ собраній я стоялъ всегда и вездѣ: въ печати, въ постановленіяхъ той партіи, къ которой я имѣю честь принадлежать, и передъ лицомъ самого Государя и, тѣмъ не менѣе, я скажу вамъ здѣсь, не только какъ ректоръ и профессоръ, но какъ общественный дѣятель, что университетъ не есть мѣсто для политическихъ собраній, что университетъ не можетъ и не долженъ быть народной площадью, какъ народная площадь не можетъ быть университетомъ, и всякая попытка превратить университетъ въ такую площадь или превратить его въ мѣсто народныхъ митинговъ неизбѣжно уничтожитъ университетъ какъ таковой. Я взываю ко всему вашему здравому смыслу. Подумайте, какъ много даетъ вамъ университетъ и не требуйте отъ насъ невозможнаго. Еще разъ, господа, поддержите университетъ и помните, что онъ принадлежитъ русскому обществу, что вы дадите отвѣтъ за него».

Казалось бы, этотъ возвышенный академизмъ былъ близокъ къ побѣдѣ въ послѣдніе дни жизни С. Н. Трубецкого. Съ одной стороны «особый департаментъ государственной полиціи» отказался отъ опеки надъ университетомъ и предоставилъ ему широкую автономію, чему покойный С. Н. не мало содѣйствовалъ своимъ вліяніемъ. Съ другой стороны студенты покрыли громомъ аплодисментовъ его послѣднее, предсмертное слово, къ

*) Татьянинъ день (*Русск. Вѣд.*, 12 января 1904 г.).

**) „Быть или не быть университету“, *Русск. Вѣд.*, февраль 1905 г., № 54.

нимъ обращенное. Призывъ «поддержать университетъ» какъ бы пріобрѣлъ святость завѣщанія.

И однако, уже въ послѣдніе дни жизни С. Н. стало яснымъ, что автономный университетъ не устоитъ передъ напоромъ площади. Свободный университетъ среди несвободнаго государства еще разъ оказался утопіей. Политическія собранія, запрещенныя повсемѣстно, волей-неволей стали искать себѣ пріюта въ университетѣ. Покойный ректоръ понималъ, что единственное средство спасти академію отъ захвата улицею заключается въ предоставленіи свободы собраній всѣмъ русскимъ гражданамъ: онъ зналъ, что только этимъ способомъ можно вывести незаконныя собранія изъ университетскихъ зданій. И онъ поѣхалъ въ Петербургъ—воевать за свободу собраній. Оттуда, какъ извѣстно, его привезли въ Москву уже мертвымъ.

Съ тѣхъ поръ мы все еще стоимъ передъ той задачей, которую онъ намъ завѣщалъ, продолжаемъ ту самую борьбу, которую онъ велъ. Свобода собраній до сихъ поръ не завоевана. На университетъ попрежнему напираютъ съ двухъ сторонъ: полиція и улица. Онъ все еще ведетъ на два фронта тяжелую борьбу за существованіе. И торжество его «самодовлѣющей» просвѣтительной цѣли рисуется въ видѣ отдаленной перспективы.

III.

Въ лицѣ покойнаго С. Н. московскій университетъ принесъ въ жертву за свою свободу и за освобожденіе родины своего перваго выборнаго ректора, перворожденнаго сына возродившейся университетской автономіи.

Въ этой жертвѣ раскрылась вся трагедія существованія почившаго, то роковое противорѣчіе русской жизни, которое свело его въ могилу.

По всему своему умственному и нравственному складу онъ былъ прежде всего философъ, ученый и профессоръ. Онъ всей душою былъ преданъ университету и наукѣ; задачу культурную, просвѣтительную онъ ставилъ выше политическихъ задачъ. Въ самыхъ политическихъ преобразованіяхъ онъ видѣлъ не цѣль, а *средство* для осуществленія культуры. Отсюда—его высокая оцѣнка разсадника культуры—университета. Не разъ мнѣ приходилось слышать изъ его устъ, что, если Россія утратитъ университетъ, никакая политическая свобода не окупитъ этой жертвы. Отсюда—огромное значеніе для него девиза—«университетъ для науки»: эти слова выражали его жизненную программу.

Но злая иронія судьбы хотѣла, чтобы именно этотъ девизъ вовлекъ его въ политическую борьбу: мало того, онъ—политикъ противъ воли,— очутился въ самомъ центрѣ схватки и въ освободительномъ движеніи сыгралъ одну изъ первыхъ ролей. *Бороться за «самодовлѣющую цѣль университета»* въ послѣдніе годы его жизни значило *вести политическую борьбу!* Политическая борьба требовалась хотя бы для того, чтобы изгнать политику изъ университета. Въ этомъ заключалось едва ли не самое парадоксальное явленіе богатой парадоксами переходной эпохи русской жизни.

Университетъ, этотъ уголокъ Европы среди полуазіатскаго царства былъ самъ воплощеннымъ парадоксомъ. Неудивительно, что въ эти мучительные дни онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и олицетвореннымъ вопросительнымъ знакомъ. Вопросъ, выдвинутый жизнью, именно въ томъ и заключался, быть ли Россіи Европой или Азіей! А въ примѣненіи къ собственно академической жизни это значило: *быть или не быть университету.*

Волею судебъ университетскій вопросъ былъ и доселѣ остается *универсальнымъ* вопросомъ русской жизни. Съ одной стороны, всѣ отрицательныя черты *стараго порядка* нашли въ университетѣ свое средоточіе. Съ другой стороны, именно онъ служилъ по преимуществу предвѣстникомъ новой жизни. На немъ сосредоточивалось все вниманіе полиціи. Казалось, что въ университетскихъ городахъ полиція существуетъ исключительно *для безпорядка въ университетѣ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же университетъ, по причинамъ весьма понятнымъ, оказался точкою наименьшаго сопротивленія для «движенія», наиболѣе чувствительнымъ барометромъ общественнаго настроенія, очагомъ и центромъ революціи. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія высшая школа была не только преимущественною, но даже *единственной* ареной политической борьбы. Говоря словами совѣта московскаго университета, она была той *«злосчастной отдушиной»* черезъ которую прорывалось общественное недовольство! Другой у насъ не было.

Неудивительно, что наше университетское нестроеніе на каждомъ шагу наталкивало на общеполитическій вопросъ.

Всякій безпорядокъ заставлялъ насъ прежде всего болѣзненно ощущать ужасы усиленной охраны. Изгоняемые изъ университетовъ, студенты попадали въ руки жандармовъ, высылались сотнями и наполняли тюрьмы. Я помню ужасное состояніе моего покойнаго брата, когда въ дни «сердечнаго попеченія» московскіе студенты поплатились за сходку ссылкою въ Сибирь. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, пока оно было еще только *намѣреніемъ* московскихъ властей, онъ отправился въ Петербургъ—хлопотать за своихъ учениковъ. Оказалось, что о «рѣшеніи» не былъ освѣдомленъ самъ покойный П. С. Ванновскій: онъ впервые узналъ о немъ изъ устъ кн. С. Н. и былъ безсиленъ остановить его исполненіе: онъ даже не могъ вó-время добиться необходимой для этого аудіенціи. Кажется, трудно вообразить себѣ болѣе яркую иллюстрацію режима. Министръ народнаго просвѣщенія *не зналъ,* что усиленная охрана поджигаетъ его домъ со всѣхъ четырехъ концóвъ: онъ самъ вмѣстѣ съ университетомъ оказался ея жертвою!

Но не одна охрана давала себя чувствовать въ университетѣ: всѣмъ своимъ существомъ онъ свидѣтельствовалъ объ отсутствіи у насъ элементарныхъ условій нормальной общественной жизни: суррогаты свободной печати въ видѣ подпольныхъ литографированныхъ листковъ, суррогаты политическихъ митинговъ въ видѣ студенческихъ сходокъ, наконецъ, самая попытка превратить университетъ въ суррогатъ отсутствующаго парламента и рядомъ съ этимъ—полное безправіе профессоровъ, обреченныхъ

быть нѣмыми свидѣтелями творившейся въ университетѣ неправды, шпіонство педелей, приставленныхъ слѣдить за каждымъ шагомъ студентовъ, многочисленная армія инспекціи, шатающаяся по коридорамъ съ единственною цѣлью уловленія виновныхъ,—все это вмѣстѣ наводило на выводъ: такъ дальше жить нельзя! Университетъ не можетъ существовать при усиленной охранѣ, при отсутствіи свободы слова, собраній и печати, при отсутствіи парламента.

Именно отсутствіе всѣхъ этихъ началъ превращало университетъ въ вулканъ и дѣлало невозможнымъ выполненіе его академической задачи. Борьба за свободу поглотила всѣ его силы, и для ученья въ немъ почти не оставалось мѣста. Неудивительно, что университетская неурядица выковала формулу: «университетъ или самодержавіе!»

При этихъ условіяхъ самый академизмъ вынуждалъ покойнаго С. Н. вмѣшаться въ политическую борьбу. Но не одно это сдѣлало его борцомъ за свободу. Мы уже видѣли, что къ этому влекло его все его міросозерцаніе: да и по самой его природѣ для него было органически невозможнымъ оставаться безучастнымъ зрителемъ загоравшагося всеобщаго пожара: «университетъ,—говорилъ онъ,—не былъ и не будетъ никогда школой общественнаго индиферентизма... Если бы я это думалъ, я первый ушелъ бы» *). Онъ вѣрилъ, что университетъ «принадлежитъ русскому обществу» и дѣйствительно отдалъ всѣ свои силы общественному служенію.

IV.

Въ университетѣ въ предреволюціонную эпоху столкнулись двѣ и одинаково враждебныя культурѣ силы: съ одной стороны, тупой и безсмысленный консерватизмъ, по самому существу своему разрушительный, революціонный; съ другой стороны—«революціонный анархизмъ», побочный сынъ политическаго рабства и полицейскаго деспотизма» **).

Покойный публицистъ угадалъ тождество этихъ двухъ противоположностей и необыкновенно ярко его иллюстрировалъ. Со свойственной ему способностью широкаго обобщенія онъ понялъ, что это—двѣ основныя тенденціи не одной только университетской, но всей вообще русской жизни.

Проявленія офиціальнаго консерватизма всюду одни и тѣ же: во всѣхъ сферахъ жизни онъ осуществляетъ одно и то же начало *антиправового порядка*. «Этимъ,—по словамъ С. Н.,—опредѣляется программа ложнаго консерватизма, разрушительная, *революціонная* по существу своему, программа, которая вотъ уже четверть вѣка проповѣдуется на всѣ ла газетчиками лагеря кн. Мещерскаго: сплошная экзекуція центра и окраг отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, уничтоженіе всѣ

*) Рѣчь, сказанная на закрытомъ засѣданіи студенческаго историко-филоло ческаго общества.

**) Выраженіе кн. С. Н. см. „На рубежѣ“, (*Моск. Еженедѣльникъ*, 1906 г.)

реформъ Александра II, разгромъ земства, разгромъ гласнаго суда, разгромъ печати, университетовъ, всякихъ начатковъ или рудиментовъ общественности» *).

Въ статьѣ «Урокъ классицизма» (1901 г.) авторъ выясняетъ внутреннее тожество этого реакціоннаго консерватизма съ его *необходимымъ и неизбѣжнымъ спутникомъ—нигилизмомъ*.

«Сократъ говоритъ, что Зевсъ, не будучи въ состояніи примиритъ удовольствіе и страданіе, навсегда связалъ ихъ такъ, что одно не можетъ быть безъ другого. Точно также, повидимому, Зевсъ поступилъ съ реакціей и нигилизмомъ: гдѣ она, тамъ и онъ, и гдѣ онъ, тамъ и она. Поэтому-то, въ наши дни, при оцѣнкѣ иныхъ явленій нашей жизни, нерѣдко путаешься и не знаешь, чѣмъ ихъ объяснить: крайнимъ радикализмомъ или его противоположностью, точно такъ же, какъ иной разъ не знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло: съ убѣжденнымъ реакціонеромъ, съ провокаторомъ или «нигилистомъ» **).

Нигилизмъ дѣятелей реакціи выражается въ томъ, что они всячески стараются сдѣлать ненавистнымъ то самое, что они охраняютъ, «доказать воочію, что охраняемое ими несовмѣстимо съ элементарными условіями общественной жизни, съ гражданскимъ правопорядкомъ, съ гласностью, съ обезпеченностью личности».

«Невольно вспоминается мнѣ одинъ пьяный сотскій, котораго я видѣлъ на какомъ-то сельскомъ праздникѣ. Онъ едва стоялъ на ногахъ, приставалъ ко всѣмъ, лѣзъ въ хороводъ, ругался, безобразничалъ и не хотѣлъ идти домой. На представленія своего не менѣе пьянаго, но болѣе благоразумнаго коллеги онъ отвѣчалъ: «*оставь*, нешто не знаешь... мы здѣсь для безпорядка!» Эти слова пьянаго сотскаго могли бы заставить крѣпко задуматься многихъ трезвыхъ консерваторовъ относительно характера и результатовъ ихъ собственной дѣятельности. Если они—охранители, то каковы же должны быть разрушители? И не естественно ли предположить, что наиболѣе догадливые изъ этихъ послѣднихъ, вмѣсто того чтобы съ явно негодными средствами покушаться на существующій порядокъ и уподобляться мухамъ, жужжащимъ надъ соннымъ пустынникомъ, идутъ въ ряды охранителей—бить этихъ самыхъ мухъ здоровеннымъ булыжникомъ у него на головѣ. Вмѣсто того чтобы фабриковать бумажки, на которыхъ попадаются лишь отдѣльные, наивныя мухи, не дѣйствительнѣе ли, съ точки зрѣнія помянутыхъ разрушителей, подготовлять всеобщую смуту законнымъ путемъ, сотрудничая въ органахъ реакціонной печати, или составляя записки, направленныя противъ судебныхъ уставовъ, народной школы, высшаго образованія? Если такъ дѣйствуютъ люди неблагонамѣренные и злокозненные, то они въ своемъ родѣ много мудрѣе сыновъ благонамѣренности» ***).

*) „И ты тоже, Брутъ", 1904 г. (посмертная статья).

**) Урокъ классицизма (*Петербургскія Вѣдомости*, 1901 г.).

***) Тамъ же.

Въ посмертныхъ статьяхъ покойнаго С. Н. нерѣдко обрисовывается типъ «сознательнаго анархиста», вступившаго на службу реакціи съ цѣлью подготовленія смуты. Въ «Правдивой исторіи здраваго слова» онъ обрисовываетъ такіе типы въ видѣ сотрудниковъ консервативной газеты. Этой темѣ посвящена между прочимъ статья «Феркель», написанная уже въ 1893 г. Тутъ изображается русскій чиновникъ-реакціонеръ въ Финляндіи—Вайнштейнъ. Онъ—бывшій слушатель либеральнаго профессора «евреемъ былъ, по дѣлу шестисотъ шестидесяти шести судился», а затѣмъ поступилъ на службу и сталъ писать «патріотическія» статьи, которыми онъ «самого Грингмута и Мессароша за поясъ заткнулъ».

Въ бесѣдѣ со своимъ бывшимъ профессоромъ Вайнштейнъ и его спутникъ Феркель развиваютъ «патріотическую программу», подлежащую осуществленію въ Финляндіи. Это—«безумный пьяный бредъ: Финляндія въ осадномъ положеніи, висѣлицы, церковно-приходскія школы, земскіе начальники, бомбардированіе Гельсингфорса изъ Свеаборга», «переименованіе Гельсингфорса въ Новую Колывань», «раздача финскихъ земель русскимъ разоренным помѣщикамъ» и т. п.

Изумленный профессоръ ставитъ вопросъ: чего же хочетъ Вайнштейнъ «усобицы въ цѣлой странѣ въ непосредственной близости со столицей? Вы хотите вызвать опасное революціонное броженіе и, можетъ быть, серьезныя международныя осложненія»?

Въ отвѣтъ на это Вайнштейнъ заявляетъ себя сознательнымъ анархистомъ. Онъ признаетъ, что есть средства, ведущія къ анархіи, «болѣе сложныя, но и болѣе вѣрныя и дѣйствительныя, нежели бомбы. Это— Феркели, Грингмуты, Мессароши и пр., имя же имъ легіонъ».

Въ этомъ художественномъ разсказѣ врядъ ли можно видѣть одну фантазію. Стòитъ вспомнить исторію многихъ сотрудниковъ консервативныхъ газетъ въ девятидесятыхъ годахъ, «зубатовщину», и типы агентовъ-провокаторовъ, которые служатъ «охранѣ» въ революціи и революціи въ «охранѣ», чтобы оцѣнить глубокій реализмъ разсказа. Тутъ автору дѣйствительно удалось освѣтить тождество двухъ противоположныхъ крайностей и подмѣтить точку ихъ соприкосновенія.

Это внутреннее сродство бросается въ глаза въ томъ изображеніи русскаго радикализма, которое авторъ даетъ въ посмертной своей статьѣ «На рубежѣ» (1904 г.) *). «Онъ (радикализмъ) представляетъ собою лишь обратную сторону, отрицательный полюсъ реакціи. Достойный сынъ вѣка, невѣжественный, грубый и столь же, если не болѣе, антикультурный, чѣмъ породившій его деспотизмъ, безшабашный и распущенный, равно чуждый внутренней дисциплинѣ и зрѣлой политической мысли, онъ есте

*) Статья „На рубежѣ", напечатанная въ *Московскомъ Еженедѣльникѣ* въ 1906 г. №№ 7, 8, 9, 10 въ то время выборовъ и первыхъ засѣданій Думы прошла почти незамѣченною; между тѣмъ это—самое выдающееся изъ публицистическихъ произведеній покойнаго.

ственно вырождается въ революціонный анархизмъ и, продолжая дѣло отцовъ, способенъ служить лишь дѣлу смуты и разрушенія».

Иногда эти два противоположныхъ теченія совпадаютъ не только въ общемъ результатѣ, но и въ ближайшей цѣли. Это случилось, напримѣръ, въ дни «сердечнаго попеченія» покойнаго П. С. Ванновскаго по отношенію къ реформѣ средней школы. Справа и слѣва былъ предпринятъ противъ классицизма походъ, въ которомъ покойный С. Н. основательно усматриваетъ «проявленіе некультурности и варварства» *). Мотивы были разные: министерство народнаго просвѣщенія принялось за разрушеніе толстовской гимназіи не во имя педагогическихъ соображеній, а потому что она оказалась не на высотѣ своей узко-полицейской задачи—воспитывать патріотическихъ и благонамѣренныхъ юношей. Съ другой стороны, радикальные педагоги ополчились противъ той же школы главнымъ образомъ потому, что она была въ ихъ глазахъ олицетвореніемъ ненавистной «полицейско-бюрократической» системы, толстовско-катковскаго духа.

Обѣ стороны сошлись на томъ, что среднюю школу нужно «растащить крючьями какъ на пожарѣ»: обѣ повторяли тотъ «гуманный кличъ, въ которомъ объединялись самые разнообразные и противоположные элементы: поменьше науки, поменьше ученья!» Будучи воодушевлены только отрицательными разрушительными стремленіями, обѣ стороны проявили одинаковую безпринципность, отсутствіе *положительной* програмы. Въ нашумѣвшей въ свое время статьѣ «Сумлеваюсь штопъ» кн. С. Н. сопоставляетъ радикальныхъ педагоговъ съ безграмотнымъ *бывшимъ военнымъ министромъ*—Сухозанетомъ. Въ дни «сердечнаго попеченія» эта тонкость была вполнѣ понятна читателю, привыкшему читать между строкъ. С. Н. ярко изображаетъ ту эклектическую новую школу, которая обрисовывается какъ конечный результатъ стремленій «Сухозанетовъ» справа и слѣва:

«Соединяя и древніе и новые языки, и естествовѣдѣніе и математику, и даже «отчизновѣдѣніе» и «законовѣдѣніе», такая школа, стремясь удовлетворить заразъ всѣмъ потребностямъ, не могла бы удовлетворить ни одной. Не будучи ни классической, ни реальной, ни германо-романской, ни канцелярской, ни военной, ни гражданской, она была бы просто безпринципной и привела бы къ дальнѣйшему упадку и безъ того невысокаго уровня нашего средняго образованія».

Тремя годами позже въ статьѣ «На рубежѣ» авторъ уже прямо называетъ вещи ихъ именами: «послѣ разгрома Ванновскаго русская школа, средняя и высшая, представляетъ собою пожарище, занятое временными балаганами, на которомъ надо что-нибудь построить. Строить безъ знающихъ зодчихъ, безъ плана, безъ вниманія къ требованіямъ школьнаго и университетскаго дѣла, очевидно, нельзя».

Оба противоположныя теченія сходятся въ стихійномъ влеченіи «къ безграмотству и невѣжеству, которое растетъ въ нашемъ обществѣ не по

*) „Въ высшей степени сомнѣваюсь“ (*Петерб. Вѣд.*, 1901 г.).

днямъ, а по часамъ, и является грознымъ предвѣстникомъ надвигающагося варварства. Это стихійное влеченіе проявляется въ формахъ весьма разнообразныхъ—то въ видѣ неприкрытаго, злобнаго обскурантизма, то въ видѣ плача неутѣшной Рахили о переутомленіи виѳлеемскихъ младенцевъ, то въ видѣ похода противъ классицизма или нѣкоторыхъ буквъ русскаго алфавита; оно сказывается въ травлѣ противъ университетовъ и женскихъ курсовъ, въ стремленіи ихъ упразднить или всячески испортить, сдѣлать ихъ недоступными, дабы, по возможности, локализировать недугъ образованія, и оно же сказывается въ агитаціи, стремящейся обратить высшія учебныя заведенія въ студенческіе клубы съ офиціантами въ синихъ фракахъ, или бюро для устройства различныхъ процессій» *)...

Это было написано въ 1901 году; четырьмя годами позже «педократія» воцарилась уже и въ средней школѣ: автору пришлось высказываться противъ предоставленія учащимся въ ней «права голоса по вопросамъ школьнымъ и общественнымъ».

V.

Люди, которыхъ всѣ считаютъ охранителями, почему-то повторяютъ, подобно Атиллѣ: «трава не должна расти тамъ, гдѣ ступило копыто моего коня» **). И въ самомъ дѣлѣ, вездѣ, гдѣ только пройдетъ этотъ конь, мы видимъ картину всеобщаго опустошенія.

Въ 1899 году покойный С. Н. изображаетъ положеніе русской печати словами пророка Исаіи о «запустѣніи столицы Едомской». Разрушенная столица стала жилищемъ звѣрей пустыни.

«Эта страшная картина мерзости запустѣнія какъ нельзя болѣе подходитъ къ современному положенію нашей печати: среди животныхъ, перечисленныхъ пророкомъ, недостаетъ только «тетерева», съ которымъ кн. Мещерскій столь удачно сравнилъ на-дняхъ редактора *Свѣта*. Остальныя—всѣ налицо... Завываніе шакаловъ и цырканье коршуновъ, крики филиновъ и дикихъ кошекъ, карканье воронъ, перекликанье лѣшихъ и змѣиное шипѣніе—вотъ что теперь въ нашей печати сплошь да рядомъ замѣняетъ разумное человѣческое слово и что считается многими не только болѣе дозволительнымъ, но и болѣе полезнымъ, чѣмъ человѣческое слово. Изъ «знатныхъ» нашей печати не осталось почти никого,—а если и остались немногіе, такъ и тѣ стали «ничто», обреченные на молчаніе... Одни змѣи безпрепятственно кладутъ яйца и выводятъ многочисленныхъ поганыхъ дѣтенышей» ***).

Общее направленіе этихъ «звѣрей пустыни», которымъ однимъ до[зв]оляется высказываться въ печати, авторъ характеризуетъ сжатой, но [мѣт]ь-

*) „Сумлеваюсь штопъ“ (*Петерб. Вѣд.*, 1901 г.).
**) „Урокъ классицизма“ (*Петерб. Вѣд.*, 1901 г.).
***) „Открытое письмо кн. Э. Э. Ухтомскому (*Петерб. Вѣд.*, 1899 г.).

ной формулой: «проповѣдуя всеобщее опустошеніе, они высоко развѣваютъ бѣлое знамя и, ругаясь надъ правдой, кричатъ: не имамы царя токмо кесаря» *)!

Цензура создаетъ для этихъ публицистовъ монополію свободнаго слова. И они «отстаиваютъ, не щадя и не разбирая средствъ, то исключительное положеніе печати, при которомъ возможно самое безстыдное, самое наглое, разнузданное злоупотребленіе печатнымъ словомъ.

И они говорятъ о тишинѣ и порядкѣ, какъ будто та распущенная звѣриная вольница, въ которой шакалы и дикія кошки перестаютъ бояться человѣка и бросаются на случайныхъ прохожихъ, есть порядокъ и какъ будто тишина пустыни, населенной звѣрями, есть спокойствіе благоустроеннаго общества» **).

Среди этой зловѣщей тишины покойному С. Н. приходилось выступать сравнительно рѣдко. Статьи его часто не попадали въ печать и возвращались ему «по независящимъ обстоятельствамъ» даже *Петербургскими Вѣдомостями*, которыя въ то время среди нашихъ органовъ печати отличались большою смѣлостью. Иногда это вынужденное молчаніе продолжалось цѣлыми годами: въ теченіе 1902 и 1903 года кн. С. Н. не напечаталъ ни единой публицистической статьи. Но и сидя въ кабинетѣ, за ученой работой онъ, въ качествѣ читателя, мучительно испытывалъ на себѣ гнетъ цензурной опеки. Этой темѣ посвящена его юмористическая статья «Фрейленъ», написанная по поводу запрещенія книги Мечникова.

VI.

Для будущаго историка предреволюціонной эпохи публицистическія статьи покойнаго С. Н. будутъ памятникомъ первостепенной важности. Быть можетъ, нигдѣ онъ не найдетъ болѣе яркой и полной картины саморазрушенія самодержавія. Собственно говоря это—центральный мотивъ всѣхъ этихъ статей: вотъ почему тема о *революціонномъ* консерватизмѣ занимаетъ въ нихъ столь видное мѣсто.

Въ посмертной статьѣ «На рубежѣ» мы находимъ слѣдующее резюме этой характеристики идущаго сверху революціоннаго процесса.

«Прикрываясь знаменами самодержавія, православія и народности,—мнимый консерватизмъ не только не охраняетъ, но всего болѣе подкапываетъ и разрушаетъ тѣ «положительныя основы» церкви и государства, которыя онъ беретъ подъ свою защиту. Онъ топчетъ въ грязи и свои з [illegible]амена, онъ треплетъ ихъ, отдаетъ на поруганіе, дѣлая ихъ предметомъ, д[illegible]стойнымъ ненависти и презрѣнія. Онъ умаляетъ и унижаетъ власть I[illegible]естола, противополагая ее правовому порядку, гласности, общественной с[illegible]ободѣ, современной государственности и общественности. Онъ унижаетъ

*) „Отвѣтъ кн. Д. И. Цертелеву" (*Петерб. Вѣд.*, 1899 г.).

**) „Открытое письмо кн. Э. Э. Ухтомскому".

православіе, противополагая его вѣротерпимости, свободѣ совѣсти и свободѣ научнаго изслѣдованія. Онъ позоритъ русскую народность, дѣлая ее знаменемъ узкаго и безсмысленнаго націонализма. Престолъ, церковь и народность изъ созидающихъ и положительныхъ основъ государственности и общественности превращаются этимъ ложнымъ революціоннымъ консерватизмомъ въ начала разрушительныя и отрицательныя: въ утвержденіи Престола разрушается гласность, земское и городское самоуправленіе, автономія университета, независимый судъ, земская школа; во имя православія разрушаются храмы инославныхъ, во имя народности разоряется культура окраинъ, подавляется національность поляковъ, нѣмцевъ, финляндцевъ, армянъ. «Положительныя» основы служатъ лишь предлогомъ абсолютизма петербургской бюрократіи».

Революціонный характеръ такого самодержавія сказывается прежде всего въ томъ, что ему приносится въ жертву самое монархическое начало: самодержавіе есть фикція: «оно существуетъ лишь номинально. Оно становится предметомъ ложной вѣры, настоящаго культа, какъ въ древнемъ Египтѣ, гдѣ фараоны приносили жертвы собственному изображенію» *).

Въ дѣйствительности «существуетъ самодержавіе полицейскихъ чиновниковъ, самодержавіе земскихъ начальниковъ, губернаторовъ, столоначальниковъ и министровъ. Единаго царскаго самодержавія въ собственномъ смыслѣ этого слова не только не существуетъ, но и не можетъ существовать. И если бы русскій царь захотѣлъ возстановить свое *единодержавіе*, ему пришлось бы начать съ того, чтобы низложить безчисленныхъ самодержцевъ, узурпирующихъ его власть» **).

Фиктивный характеръ самодержавія выражается въ томъ, что у насъ не монархъ держитъ власть, а наоборотъ, *его* держитъ всевластная бюрократія, опутавшая его своими безчисленными щупальцами. Онъ не можетъ быть признанъ державнымъ хозяиномъ страны, которой онъ не можетъ знать и въ которой каждый изъ его слугъ хозяйничаетъ безнаказанно по своему, прикрываясь *его* самодержавіемъ».

Вмѣстѣ съ самодержавіемъ готово обратиться въ фикцію самое государственное единство. Это государство, фактически распадающееся на множество мелкихъ сатрапій, строится «на пескѣ пустыни» ***).

Страшно подумать, на чемъ утверждается этотъ государственный порядокъ: онъ держится *полиціей*: «Не охраненіе, а усиленная охрана, не церковь, а департаментъ полиціи—вотъ положительныя основы государственности и общественности современной Россіи». Эта «безконтрольная, тайная полицейская организація, располагающая неограниченными средствами и дискреціонною властью, опутавшая всю Россію сѣтью шпіонства представляетъ собою не только общественную, но и государственную опасность, поскольку такая организація, стоящая внѣ закона и нахо

*) „На рубежѣ“, гл. II.

**) Тамъ же.

***) Второй отвѣтъ кн. Церетелеву (*Петерб. Вѣд.*, 1899 г.).

щаяся въ рукахъ наиболѣе презираемыхъ и презрѣнныхъ полицейскихъ агентовъ, естественно и легко дѣлается преступной и необходимо обращается въ жандармократію худшаго сорта, въ тираннію низшихъ агентовъ, въ режимъ слова и дѣла» *).

Въ самомъ началѣ японской войны, стало-быть задолго до начала революціи, авторъ дѣлаетъ страшное предсказаніе, начавшее уже сбываться въ наши дни. «Передъ Царемъ стоитъ дилемма—либо перейти къ правовому государству, либо прогрессивно усиливать полицейскій деспотизмъ, усиливать полномочія полиціи, уничтожая послѣдніе рудименты гласности, самоуправленія и дѣйствительнаго правосудія; *отъ режима нагайки придется перейти къ режиму висѣлицы*». «Отецъ мой билъ васъ бичами, а я буду бить васъ скорпіонами»—вотъ рецептъ усиливающейся реакціи, рецептъ Ровоама, который привелъ его къ раздѣленію его царства» **).

Я не стану воспроизводить всего того, что сказано авторомъ относительно полной дезорганизаціи суда, администраціи, всѣхъ вообще государственныхъ учрежденій: все это является лишь развитіемъ слишкомъ знакомой теперь читателю темы о несовмѣстимости самодержавія съ правовымъ порядкомъ. Но я не могу не подчеркнуть мысли, впервые *имъ* выраженной,—о несовмѣстимости самодержавія съ *хорошей полиціей*. «Хорошая полиція столь же несовмѣстима съ самодержавіемъ, какъ самоуправленіе, гласность, просвѣщеніе: развращенная собственнымъ неограниченнымъ самовластіемъ, полиція лишается всякаго авторитета; чуждая законности и отвѣтственности, она сама ускользаетъ изъ рукъ правительственной власти и теряетъ внутреннюю дисциплину—реальная власть переходитъ въ руки подчиненныхъ низшихъ агентовъ, фактически безконтрольныхъ»... «Немудрено, что при такихъ условіяхъ полиція можетъ нести лишь застѣночную службу, а прямыя и главныя задачи ея, состоящія въ поддержаніи общественной безопасности, постоянно уходятъ на второй планъ и становятся ей непосильными» ***).

Полицейская охрана по самой природѣ своей является «какимъ-то заговоромъ противъ русскаго общества». Существующая система управленія исходитъ изъ того предположенія, что «государство можетъ обойтись безъ общества и безъ службы обществу, что, наоборотъ, общество служитъ для него помѣхой. Съ такой точки зрѣнія задача патріота должна состоять въ упорной и постоянной борьбѣ противъ общества въ стремленіи къ возможно большей дезорганизаціи и въ подавленіи всякой его самостоятельности. Общество мерещится такому патріоту какимъ-то противогосударственнымъ союзомъ, и всѣ проявленія общественности кажутся ему преступными посягательствами, которыя должны быть растоптаны въ самомъ зачаткѣ, разбиты о камень, подобно младенцамъ вавилонскимъ» ****).

---

*) „На рубежѣ", гл. III.

**) Тамъ же.

***) Тамъ же.

****) Второй отвѣтъ кн. Цертелеву (*Петерб. Вѣд.* 1899 г.)

Бюрократы забывают, что государство может прочно стоять только на широком общественном фундаментѣ. Им «кажется, что пирамида государства россійскаго будет стоять прочно только тогда, когда она перевернется окончательно и, вмѣсто того, чтобы покоиться на своем естественном основаніи, утвердится на своей вершинѣ при помощи безчисленных бюрократических подпорок» *). Дѣйствительно, в началѣ японской войны мы видѣли попытку поставить пирамиду вверх основаніем, и как раз вслѣд за тѣм она рухнула.

Всѣ учрежденія, долженствующія просвѣщать и воспитывать общество, одинаково развращены полицейским режимом. Церковь парализована так же, как и школа.

«Утратив вѣру в свои внутренніе силы, немощная духом и словом, она не знает других средств борьбы, кромѣ цензуры и полиціи. При помощи духовной цензуры она борется со всяким проявленіем самостоятельной религіозной мысли или богословской науки; при помощи полиціи она борется с инославными исповѣданіями, расколом и сектантством. На-ряду со свѣтской полиціей тайной и явной выросла тѣсно связанная с нею жандармерія духовнаго вѣдомства, особенные шпіоны и провокаторы, агенты в рясах и без ряс, кощунственно именующіе себя «миссіонерами», которые, к злорадству врагов церкви и соблазну вѣрующих, на глазах у всѣх собирают свои безстыдные синедріоны под названіем «миссіонерских съѣздов» **).

Задачѣ дезорганизаціи церкви служит и духовная школа, как бы нарочно созданная для того, «чтобы уродовать своих питомцев, сдѣлать их одинаково далекими и чуждыми как простому народу, так и образованному обществу, неспособными ни понимать свою среду, ни воздѣйствовать на нее. Она стремится оградить будущих пастырей от всѣх современных вѣяній общественных, литературных и научных, мало того, внушить им завѣдомо превратное, ложное представленіе о них» ***).

VII.

Разлагая общество, жандармократія, возведенная в систему управленія, разлагает націю. Все это дѣлается под предлогом «патріотизма»; но именно во имя правильно понятаго патріотизма революціонный консерватизм заслуживает полнаго и всесторонняго осужденія. «Патріотично ли,—спрашивает кн. С. Н.,—реакціонное стремленіе задушить, подавить, парализовать всякое самостоятельное проявленіе общественности? Очевидно, нѣт».

Будущим охранителям придется с величайшим трудом вос[illegible]новлять тѣ самыя основы общественности, которыя подрываются [illegible]нѣшними псевдо-охранителями. Эти послѣдніе «не сознают, что для [illegible]

*) Там же.

**) „На рубежѣ“, гл. III.

***) Там же.

вильнаго разрѣшенія общественныхъ задачъ, а также и культурныхъ и политическихъ задачъ современнаго государства необходима здоровая организація общества и живое развитіе общественной мысли». «Это—первое, что требуется» *).

Тутъ, какъ и во всѣхъ сферахъ русской жизни, С. Н. отмѣчаетъ встрѣчу и взаимодѣйствіе двухъ разрушительныхъ силъ—революціоннаго консерватизма и анархическаго радикализма. Та и другая участвуютъ въ общемъ дѣлѣ разрушенія патріотизма и разрушенія націи.

«Разрушительная борьба противъ всякой общественности принесла свой плодъ въ глубокой нравственной дезорганизаціи общества, которая представляетъ собою одну изъ самыхъ серьезныхъ угрозъ для настоящаго и будущаго Россіи. Стихійный, безотчетный патріотизмъ таится въ ней и онъ-то всего болѣе подаетъ надеждъ и на грядущее возрожденіе. Но этотъ патріотизмъ лишенъ возможности какого-бы то ни было достойнаго проявленія внѣ исключительныхъ моментовъ народныхъ бѣдствій или катастрофъ въ родѣ настоящей войны» **).

Сознательный патріотизмъ лишенъ всякой возможности высказывать свое отношеніе къ той системѣ управленія, которая возбуждаетъ во всѣхъ просвѣщенныхъ и честныхъ русскихъ людяхъ чувства негодованія и стыда.

«Тотъ недостоинъ быть русскимъ гражданиномъ, кто не чувствуетъ жгучаго стыда при мысли о своемъ безправіи, о безправіи всего русскаго народа. И это постоянное уязвленіе и попраніе патріотизма, этотъ стыдъ и обида за Россію создаетъ крайне угнетенную, нездоровую атмосферу, въ которой притупляется чувство гражданскаго долга и въ которой легко извращаются элементарныя понятія общественной нравственности. Вотъ почему молодое поколѣніе, выростающее въ этой атмосферѣ, воспитывается въ смутѣ и выходитъ въ жизнь съ революціоннымъ настроеніемъ и самыми превратными антипатріотическими взглядами на общество, государство и гражданскія обязанности ***).

Неудивительно, что анархическій радикализмъ, «нераздѣльно и несліянно» связанный съ реакціей, «вступаетъ въ столкновеніе съ самымъ патріотизмомъ русскимъ, который не можетъ отречься отъ завѣтовъ всего прошлаго Россіи, не отказавшись отъ себя самого. При началѣ войны этотъ коренной порокъ нашего радикализма выступилъ съ особенною яркостью въ антипатріотическихъ, японофильскихъ манифестаціяхъ, одинаково омерзительныхъ для всякаго здраваго нравственнаго чувства,—манифестаціяхъ, достойныхъ не гражданъ, а взбунтовавшихся холоповъ. Здѣсь явно обнаружилась внутренняя несостоятельность этого движенія, его полнѣйшая политическая неспособность» ****).

---

*) 31 декабря 1901 г. (посмертная статья).

**) „На рубежѣ“, гл. III.

***) „На рубежѣ“, гл. III.

****) Тамъ же, гл. IV.

Холопъ бунтующій, какъ и холопъ послушный—не тѣ силы, которыя могутъ возродить націю. А между тѣмъ нація начинаетъ разлагаться и признаки этого разложенія отмѣчаются художественною литературою.

«Отсутствіе школы, общественнаго воспитанія и общественной дисциплины, отсутствіе «положительныхъ зиждущихъ началъ» въ русской жизни является источникомъ глубокой деморализаціи и растлевающаго общественнаго анархизма, гибельнаго какъ для общества, такъ и для личности. Отсюда—подавленное, угнетенное нравственное настроеніе, апатія, ноющій, ипохондрическій пессимизмъ, неуравновѣшенность, издерганность, ужасающая безпринципность, тревожные симптомы нравственнаго вырожденія, составляющіе характерныя особенности современныхъ общественныхъ и литературныхъ типовъ».

Все сказанное авторомъ о состояніи общества сливается въ крикъ отчаянія. Гдѣ тѣ силы, гдѣ тѣ учрежденія, которыя должны его воспитать и просвѣтить? «Парализованная церковь, разлагающаяся школа или печать униженная, оскорбленная, проживающая по желтому билету, подъ надзоромъ или на содержаніи полиціи?»

Эта мучительная тревога за Россію усиливается сознаніемъ той внѣшней опасности, которая создается внутреннею неурядицей.

Въ 1900 г. кн. С. Н. предсказываетъ неизбѣжность жестокой борьбы Россіи съ пробуждающимся монгольскимъ міромъ. «Теперь, когда Европа проводитъ свои желѣзныя щупальцы въ самое сердце Китая, чтобы высасывать его соки, онъ не можетъ болѣе спать. Онъ встанетъ на ноги и соберетъ свои несмѣтныя силы. Мы будемъ изнемогать подъ бременемъ милитаризма, чтобы защищать необъятныя границы сибирскихъ пустынь отъ полчищъ самой населенной страны на свѣтѣ; всѣ силы наши будутъ поглощены этой страшной, безплодной борьбой. И все это только до тѣхъ поръ, пока четыре китайца не будутъ въ силахъ одолѣть одного изъ насъ» *).

Въ Японіи авторъ видитъ только «передовой постъ монгольскаго азіатскаго міра» **). Онъ предсказываетъ, что борьба съ этимъ міромъ послѣ войны съ Японіей не окончится, а только начнется ***). И первымъ условіемъ нашей побѣды въ этой борьбѣ онъ считаетъ «внутреннее обновленіе и политическое освобожденіе Россіи, упраздненіе бюрократическо-полицейскаго абсолютизма, медленно растлевающаго Россію и ведущаго ее къ конечной гибели» ****).

VIII.

Этимъ я заканчиваю воспроизведеніе той картины саморазрушенія самодержавія, которая обрисовывается въ публицистическихъ статьяхъ кн. [illegible]

*) *Петерб. Вѣд.* 1900 г. Письмо въ редакцію.

**) „Россія на рубежѣ", *Петерб. Вѣд.* 24 января 1904 г.

***) „На рубежѣ", предисловіе.

****) Тамъ же.

наго философа. Въ этихъ статьяхъ С. Н. невольно поражаетъ рѣдкая широта кругозора, которая сочетается съ единствомъ общаго взгляда, съ единствомъ того настроенія и чувства, которыя окрыляютъ его слово. Ему дано было освѣтить дѣйствительность такъ широко именно потому, что онъ поднялся надъ нею такъ высоко. Читатель чувствуетъ въ этихъ статьяхъ тотъ мощный идеалистическій порывъ, который обусловливаетъ силу негодованія автора, сочетаясь съ той ясностью ума, которая сказывается въ необычайной остротѣ его критики.

Вмѣстѣ съ покойнымъ В. С. Соловьевымъ кн. С. Н. видитъ въ русской дѣйствительности «систему замороженныхъ нечистотъ». Это совпаденіе въ оцѣнкѣ обусловливается не сходствомъ политическихъ воззрѣній, и тожествомъ общаго миропониманія, служившаго критеріемъ для обоихъ философовъ. Оба они оцѣнивали существующее съ точки зрѣнія христіанскаго идеала. Но покойному С. Н. дано было яснѣе сознать сущность тѣхъ конкретныхъ политическихъ требованій, которыя вытекаютъ изъ этого идеала по отношенію къ Россіи. Въ отличіе отъ покойнаго В. С. Соловьева онъ не былъ романтикомъ: у него было меньше поэтическаго вдохновенія, но зато несравненно больше здраваго историческаго чутья и трезвости взгляда.

Я сказалъ, что его отношеніе къ политикѣ было прежде всего христіанскимъ. Этимъ опредѣляется его отношеніе къ противоположнымъ и и вмѣстѣ сроднымъ другъ другу, разрушительнымъ теченіямъ нашего времени; этимъ обусловливается его одинаково отрицательное отношеніе къ революціонному консерватизму, кощунственно прикрывающемуся знаменемъ мнимаго «православія», и къ атеистическому, въ существѣ своемъ разрушительному радикализму.

Христіанство для него—та самая «положительная основа», на которой должно построиться государственное и общественное зданіе. Это не есть разсудочная религія: тутъ возвышенное, философское міропониманіе сочетается съ силою вѣры и съ горячностью чувства.

Прежде всего родина была предметомъ его горячей любви. Онъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ не только всею своею жизнью, но и самою своею смертью. Но эта любовь была просвѣщена и насквозь пропитана возвышеннымъ христіанскимъ идеализмомъ. Вотъ почему въ ней не было языческаго преклоненія передъ кумиромъ «народности». Вмѣстѣ съ покойнымъ В. С. Соловьевымъ, С. Н. «былъ другомъ всякой національности и врагомъ всякаго узкаго націонализма». То же горячее отношеніе къ родинѣ проводило рѣзкую грань между нимъ и ходячимъ въ наши дни разсудочнымъ, бездушнымъ космополитизмомъ.

«Полгода тому назадъ,—пишетъ онъ послѣ Цусимы,—еще раздавались голоса, говорившіе, что пораженія на Дальнемъ Востокѣ—не наши пораженія, а пораженія нашей «бюрократіи». Но можемъ ли мы, имѣемъ ли мы право успокаиваться на этомъ, особенно теперь, когда наша армія разбита, когда русскій флотъ уничтоженъ, когда сотни тысячъ людей погибли и гибнутъ? Мы-то русскіе или нѣтъ? Армія наша—русская или

нѣтъ? И, наконецъ, милліарды, которые тратятся, принадлежатъ ли Россіи или «бюрократіи?» И, наконецъ, самая бюрократія, самый строй нашъ, который во всемъ обвиняютъ, есть ли онъ нѣчто случайное и внѣшнее намъ, независящее отъ насъ приключеніе? Если причина—въ немъ, то снимаетъ ли это съ насъ нашъ стыдъ, нашу вину, наше горе, нашъ долгъ и отвѣтственность» *).

Такая любовь несовмѣстима съ боготвореніемъ: она неотдѣлима отъ сознанія «долга и отвѣтственности того, кого любишь. *Любить родину* для покойнаго значило предъявлять къ ней высокія нравственныя требованія. «Когда палъ Портъ-Артуръ,—пишетъ онъ въ той же статьѣ,—русскимъ людямъ стало ясно, что этихъ пораженій мы себѣ не простимъ, что мы *должны* искупить ихъ, что Россія должна стать иною или она прекратитъ свое историческое существованіе, *будетъ недостойною существованія»*. «Умеръ ли русскій патріотизмъ, умерла ли Россія? Гдѣ ея живыя силы, ея исполинскія силы, ея гнѣвъ и негодованіе? Или она—разлагающійся трупъ, падаль, раздираемая хищниками и червями? Часъ пробилъ. И если Россія не воспрянетъ теперь, она никогда не поднимется, потому что *нельзя жить народу равнодушному къ ужасу и позору»* **).

Что же должна сдѣлать Россія, чтобы быть «достойною существованія?» Доселѣ она была обезсилена своимъ внутреннимъ раздоромъ. Ее рвала на части племенная ненависть, сословная исключительность и узость, антихристіанское отношеніе къ обездоленнымъ классамъ, языческій національзмъ и языческое боготвореніе самодержавія. Въ хаосѣ всеобщей взаимной ненависти поблекло сознаніе ея національнаго единства.

Гдѣ путь къ исцѣленію? Покойный С. Н. указалъ на него въ рѣчи, обращенной къ Государю:

«Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные—равно и безъ различія—чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя; нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое отечество, — въ Васъ своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому такъ же нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ: какъ Русскій Царь—не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій, а Царь всея Руси, такъ и выборные люди с всего населенія, призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ва Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственны интересамъ: сословное представительство неизбѣжно должно породить словную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ».

*) Москва, 23 мая (изъ *Московской Недѣли,* № 3).

**) Тамъ же.

Всѣмъ памятны эти слова, впервые за всю русскую исторію сказанныя подданнымъ монарху. Всѣ помнятъ, что этотъ великій историческій день былъ привѣтствованъ русскимъ обществомъ какъ національное торжество.

Въ чемъ же историческое значеніе этого дня? Вѣдь заявленія о необходимости созыва народныхъ представителей поступали на Высочайшее имя и раньше. Равнымъ образомъ слова Государя о его непреклонной волѣ—созвать выборныхъ отъ народа, были лишь торжественнымъ повтореніемъ обѣщанія, даннаго раньше, въ рескриптѣ на имя Булыгина. Извѣстно, что этотъ рескриптъ не удовлетворилъ и не успокоилъ общества. Я не стану умалять значенія того факта, что этотъ день былъ днемъ первой встрѣчи между Русью монархическою и Русью земскою, ставшею «лицомъ къ лицу» съ Престоломъ. Но значеніе дня 6 іюня этимъ не исчерпывается; не исчерпывается оно и тѣмъ, что съ обѣихъ сторонъ была торжественно признана необходимость народнаго представительства.

Суть не въ этомъ, а въ томъ, что въ сказанныхъ словахъ Россія нашла достойное выраженіе своего національнаго единства, обрѣла тотъ высшій смыслъ, который дѣлаетъ русскій народъ «достойнымъ существованія». Смыслъ этотъ заключается не въ служеніи узкоплеменнымъ или классовымъ цѣлямъ, а въ осуществленіи сверхнародной, общечеловѣческой правды, въ исполненіи христіанскаго долга по отношенію къ обездоленнымъ классамъ и обездоленнымъ національностямъ. Русское общество почувствовало, что только этимъ оно можетъ «снять съ себя свой стыдъ, свою вину и свое горе». Въ универсальномъ идеалѣ христіанской культуры оно нашло формулу своего національнаго самосознанія, ту формулу, которая, воплощаясь въ жизни, превращаетъ рабовъ въ гражданъ и возвращаетъ Россіи значеніе отечества.

Тотъ гражданинъ и мыслитель, которому выпало на долю великое счастье оформить и выразить въ незабвенныхъ словахъ глубочайшія стремленія души народной, былъ подготовленъ къ этому всей своей предшествующею дѣятельностью; онъ этимъ завершалъ многолѣтнюю работу своей мысли и одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ своей жизни.

Въ своемъ отвѣтѣ кн. Церетелеву покойный С. Н. сказалъ между прочимъ:

«Я вѣрю въ силу разумнаго человѣческаго слова. Оно никогда не заглохнетъ и не умретъ; оно судитъ и свѣтитъ, и судъ его въ концѣ-концовъ оправдается и приговоры его сбудутся. Пагубно и опасно презирать это слово. Его сила не въ томъ, что его говорятъ многіе, а въ томъ, наоборотъ, что его могутъ сказать и очень немногіе: въ концѣ-концовъ его услышатъ всѣ. И сколько бы ни кричали звѣри, крикъ ихъ обратится въ ничто, а слово оправдаетъ себя поздно или рано и покроетъ звѣриные голоса».

Пророчество сбылось. Покойному философу и гражданину было дано сказать то слово, которое судитъ и свѣтитъ. И всѣ его услышали. Сказанное незадолго до смерти, это вѣщее слово было его завѣщаніемъ.

Кн. Евгеній Трубецкой.

Съѣздъ крестьянъ-старообрядцевъ.

(«Матеріалы по вопросамъ земельному и крестьянскому. Всероссійскій съѣздъ старообрядцевъ въ Москвѣ, 22—25 февраля 1906 года». Изд. П. П. Рябушинскаго. М., 1906 г.).

Что думаетъ народъ? Проникнутъ ли онъ, дѣйствительно, насквозь революціонными идеями, хочетъ ли онъ, дѣйствительно, немедленной и полной національзаціи земли—«*всей* земли, *всему* народу и *безъ всякаго* выкупа»... или, напротивъ, народъ и до сихъ поръ является традиціоннымъ носителемъ «исконныхъ русскихъ началъ», тѣхъ самыхъ началъ, присяжнымъ выразителемъ которыхъ въ послѣднее время сдѣлался «союзъ русскаго народа»? Это—вопросъ, на который, въ сущности, никто не можетъ дать сколько-нибудь обоснованнаго отвѣта, ибо «народъ», въ особенности крестьянство, это—«великій молчальникъ», который самъ пока еще не высказалъ того, о чемъ онъ думаетъ и чего онъ хочетъ, и отъ имени котораго всякій говоритъ, что ему, говорящему, хотѣлось бы вложить въ уста этого народа. А между тѣмъ вѣдь уже близится моментъ, когда русскій народъ *самъ* возьметъ въ руки свою судьбу, когда онъ самъ будетъ управлять собою, а потому теперь важнѣе нежели когда-либо знать, что думаетъ и чего хочетъ народъ, что думаетъ и чего хочетъ, въ частности, русское крестьянство.

Огромный интересъ представляютъ съ этой точки зрѣнія недавно появившіеся «труды» собиравшагося въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго года «всероссійскаго съѣзда крестьянъ-старообрядцевъ». Крестьяне, говоритъ совѣтъ всероссійскихъ старообрядческихъ съѣздовъ, «горячо отозвались на призывъ совѣта» (1), и на съѣздъ собралось до 350 представителей, съѣхавшихся изъ 43 губерній; эти представители или, по крайней мѣрѣ, оч... многіе изъ нихъ, кромѣ довѣренностей отъ избравшихъ ихъ обществъ, час... привезли съ собою, частью составили уже въ Москвѣ, подъ впечатлѣні... происходившихъ на съѣздѣ преній, болѣе или менѣе обстоятельные ... клады и наказы, которые цѣликомъ напечатаны, вмѣстѣ съ протоко... съѣзда (къ сожалѣнію, слишкомъ краткими), въ изданіи, давшемъ м... ріалъ для настоящей статьи.

Крестьяне-старообрядцы, дѣйствительно, «горячо отозвались» на призывъ совѣта. «Вотъ счастье, вотъ радость,—пишетъ одинъ изъ крестьянъ-представителей въ своей запискѣ.—Недуманно и неожиданно мы, братцы старообрядцы, какъ пернатые орлы, слетѣлись со всѣхъ губерній не только изъ Европейской Россіи, но и изъ Азіи, т.-е. изъ сибирскихъ областей. И какъ радостно, и какъ пріятно смотрѣть, какъ кровные и единовѣрные братья при встрѣчѣ другъ съ другомъ обмѣниваются радостнымъ и сердечнымъ привѣтствіемъ и съ улыбкою на лицѣ другъ у друга спрашиваютъ: «Милый и дорогой братецъ, изъ какой губерніи», въ отвѣтъ же слышится: одинъ изъ прибалтійскаго края, другой изъ сибирскихъ губерній, тотъ изъ Польши, тотъ съ Урала, тотъ съ Кавказа, тотъ изъ Малороссіи, а тотъ изъ другихъ отдаленныхъ губерній. И при такой встрѣчѣ получается радостная и интересная картина» (стр. 16).

Какъ показываетъ самое названіе съѣзда, участники его если не поголовно, то въ громадномъ большинствѣ—крестьяне: изъ 263 уполномоченныхъ, указавшихъ свое сословіе, оказалось 228 крестьянъ и только 35 принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ; почти половина общаго числа крестьянъ, 108,—человѣкъ бывшіе помѣщичьи, 102 бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ и 17 человѣкъ крестьянъ остальныхъ разрядовъ. «Эти краснорѣчивыя цифры,—говоритъ редакторъ сборника въ предпосланномъ протоколамъ и докладамъ интересномъ введеніи,—вполнѣ объясняютъ ту жажду земли, которую проявило большинство участниковъ съѣзда, а также проливаютъ свѣтъ и на доклады уполномоченныхъ, ихъ рѣчи и на самыя постановленія съѣзда» (стр. 19). Но крестьяне—крестьянамъ рознь; не собрались ли на съѣздъ, какъ бываетъ при разныхъ офиціальныхъ «случаяхъ», одни волостные старшины и всякія «сливки» нашей деревни или, какъ бываетъ при случаяхъ другого рода, одни болѣе или менѣе «сознательные», въ кавычкахъ и безъ кавычекъ, элементы? Бѣглаго просмотра протоколовъ и докладовъ достаточно, чтобы видѣть, что о подборѣ въ этомъ послѣднемъ направленіи не можетъ быть и рѣчи: участники съѣзда—почти сплошь самые сѣрые мужики, и отъ громаднаго большинства рѣчей и докладовъ, независимо отъ ихъ содержанія, такъ и вѣетъ деревенскою простотою, непосредственностью и... темнотою. Не можетъ быть рѣчи и о какомъ-либо отборѣ «сливокъ»; если и былъ отборъ, то скорѣе въ обратномъ направленіи: изъ общаго числа 258 уполномоченныхъ, сообщившихъ о себѣ свѣдѣнія совѣту съѣзда, оказалось 123 безлошадныхъ и однолошадныхъ, 63—съ двумя, 52—съ 3—4 лошадьми, и только 20 съ бо́льшимъ числомъ лошадей; среди 225 уполномоченныхъ-крестьянъ безлошадные и однолошадные составляли 47%, двухлошадные 26,2%, представители дворовъ съ 3—4 лошадьми 18,2%, и всего 8,6% пришлось на долю крестьянъ болѣе высокаго уровня состоятельности. Такимъ образомъ около трехъ четвертей участниковъ съѣзда принадлежали къ бѣднѣйшимъ, въ лучшемъ случаѣ къ средне-состоятельнымъ группамъ крестьянства; это позволяетъ имъ, справедливо замѣчаетъ редакторъ «трудовъ», съ полнымъ правомъ

сказать, «что минувшій съѣздъ былъ по преимуществу съѣздомъ представителей отъ бѣднаго и средняго крестьянства, и что всѣ постановленія съѣзда по необходимости являются выраженіемъ взглядовъ и нуждъ именно этихъ двухъ разрядовъ деревенскаго населенія», значитъ выраженіемъ взглядовъ «не только крестьянъ-старообрядцевъ, но и всего вообще русскаго крестьянства» (стр. 21—22). «Важною и отрадною особенностью настоящаго съѣзда,—говорилъ одинъ изъ его участниковъ въ первомъ общемъ засѣданіи,—служитъ то, что участниками его являются сами крестьяне; среди васъ почти нѣтъ никого, кто бы былъ оторванъ отъ сохи, кто бы самъ не обрабатывалъ землю, съ дѣтства не былъ привязанъ къ ней, не поливалъ ея своимъ потомъ» (стр. 31).

Если затѣмъ попытаться охарактеризовать двумя словами общее настроеніе, господствовавшее на съѣздѣ, то придется сказать, что оно было скорѣе консервативнымъ, нежели радикально-оппозиціоннымъ; достаточно именъ гг. Пестржецкаго или Кулешова, приглашенныхъ въ качествѣ докладчиковъ, чтобы видѣть, что устроители съѣзда отнюдь не задавались пропагандою субверсивныхъ идей. Если же попытаться подвести общую равнодѣйствующую тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя получились у меня при просмотрѣ протоколовъ и особенно докладовъ и записокъ уполномоченныхъ, то придется признать, что общее настроеніе собравшихся на съѣздъ крестьянъ было равно далеко и отъ «союза русскаго народа», и отъ «всероссійскаго крестьянскаго союза». Объемистый томъ «трудовъ» съѣзда испещренъ упоминаніями о «милостивѣйшемъ нашемъ Государѣ-Батюшкѣ», иногда въ просительномъ, иногда въ благодарственномъ но всегда въ самомъ вѣрноподданическомъ тонѣ; представители старообрядцевъ съ чувствомъ полной удовлетворенности констатируютъ, что «во время всѣхъ аграрныхъ движеній они спокойно прислушивались ко всѣмъ манифестамъ нашего Государя Императора» (стр. 365); «надѣясь на манифестъ 17 октября, на Царя-Батюшку и на васъ сотрудниковъ» (имѣются въ виду, очевидно, организаторы съѣзда), они «сидятъ тихо, смирно и безмолвно» (стр. 304); «республики они не желаютъ допустить, это тоже богопротивно» (стр. 279). Въ распространеніи противуправительственныхъ и даже, очевидно, умѣренно-оппозиціонныхъ идей они обвиняютъ «жидовъ»,—«въ настоящее смутное время они смущаютъ молодыхъ людей подкупомъ записываться въ ихнюю демократическую партію» (стр. 113. Въ Западномъ краѣ демократами называютъ соціалъ-демократовъ), и поляковъ: «теперь у насъ въ волости,—пишетъ делегатъ изъ Ковенской губерніи,—католики выбрали выборщиковъ въ Государственную Думу самыхъ главныхъ ораторовъ, которые своихъ собраніяхъ надругались надъ государевыми портретами, драл били портреты, а въ Думу выбранъ самый главный ораторъ» (стр. 26 Ни въ докладахъ, ни въ протоколахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека н какое-либо соціалистическое настроеніе: если Морозовъ «на своихъ фаб кахъ содержитъ громадныя тысячи людей», то «это великая его до вольная милость, и онъ дѣлаетъ громадную поддержку Россіи своимъ

изводствомъ»; крупныя торговыя лица, вообще говоря, «мало приносятъ пользы государству»,—но тѣмъ больше заслуга тѣхъ изъ нихъ, кто «не допускалъ обирать рабочаго, и если только узнавалъ, что приказчикъ поступаетъ несправедливо, то моментально увольнялъ его со службы», за такого торговаго человѣка «слѣдуетъ молиться Богу» (стр. 377). И не даромъ у автора одного изъ очень немногихъ докладовъ, если не единственнаго, проникнутаго тѣмъ, что принято называть «сознательностью», обывателя Міасскаго завода, возникаетъ даже сомнѣніе, «не является ли этотъ съѣздъ, дозволенный правительствомъ, какъ противовѣсъ прикрытому всероссійскому крестьянскому съѣзду», т.-е., очевидно, крестьянскому союзу (стр. 393); авторъ этого доклада, замѣчу мимоходомъ, единственный среди участниковъ съѣзда представитель «классовой» точки зрѣнія на деревню и деревенскія отношенія: «по моему мнѣнію,—говоритъ онъ,—съѣздъ, на которомъ приглашаются участвовать земледѣльцы, едва ли приведетъ къ желаемому», и это прежде всего потому, что «земледѣльцы, какъ ни какъ, все же обезпечены и не могутъ знать того, что нужно неимущимъ; во-вторыхъ, они во многихъ случаяхъ косвенно причастны къ угнетенію неимущихъ, такъ какъ именно они обездоливаютъ неимущихъ, забирая у послѣднихъ ихъ землю» (тамъ же).

Итакъ, общее настроеніе съѣзда въ лицѣ какъ его организаторовъ и руководителей, такъ и съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи представителей старообрядческихъ обществъ безконечно далеко отъ какого-нибудь «предвзятаго» радикализма, а тѣмъ болѣе революціонизма. Тѣмъ интереснѣе мнѣнія старообрядцевъ о нашемъ административно-сословномъ строѣ, какъ онъ сложился подъ вліяніемъ преобразованій наизнанку, имѣвшихъ мѣсто въ царствованіе Александра III,—тѣмъ интереснѣе потому, что *эти* мнѣнія ужъ, очевидно, не внушены старообрядцамъ ни «жидами», ни «католиками», ни тѣми «демократами», о которыхъ весьма неодобрительно упоминается при другихъ случаяхъ, что они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы какъ простая дедукція изъ кое-гдѣ вычитанныхъ и кое-какъ усвоенныхъ демократическихъ шаблоновъ. Вотъ прежде всего земство. «До Александра III,—заявляетъ въ общемъ собраніи съѣзда делегатъ-крестьянинъ Калужской губерніи,—было равенство въ земствѣ, часть господская, часть крестьянская, а не двѣ господскихъ. Тоже вѣдь—безхитростно, но не безъ остроумія разъясняетъ калужскій представитель,—господа не всѣ ровно живутъ, разругались и перешли на нашу сторону. Тогда правдивое обсужденіе въ земствѣ бывало, а теперь ни одного правдиваго вопроса не рѣшается. Теперь, можно сказать, земская управа самое низкое, самое несправедливое учрежденіе, всѣ вопросы тамъ неправильно рѣшаются» (стр. 59—60); современныя земскія управы «необходимо нужно преобразовать, потому что ни крестьянину, ни торгово-промышленнику неизвѣстно, что тамъ дѣлается и куда дѣваются капиталы, а все разорено» (стр. 333). Управа,—картинно описываетъ порядки современнаго земства делегатъ отъ макарьевскихъ лѣсопромышленниковъ,—это есть громаднѣйшая лѣсная

бѣляна, нагружаемая ежегодно цѣнными крестьянскими товарами, которыми торгуютъ управскіе служащіе по своему усмотрѣнію и ходу товара»; на подлинной бѣлянѣ служащіе «если много дивиденду, найдутъ куда таковой опредѣлить. Управа — это та же безконтрольная грузовая бѣляна; она не мало способствовала увеличенію числа богатыхъ людей; вѣдь приходъ въ ней не такой, какъ въ обществѣ, тамъ расходуется не рублями, а покрупнѣе; поэтому если въ селеніи староста выходитъ зажиточнымъ и денежнымъ человѣкомъ, то изъ управскихъ служащихъ долженъ получиться съ перваго пріема купецъ» (стр. 379). И выходъ изъ существующаго положенія земскаго дѣла одинъ: надо дать крестьянамъ такую долю участія въ земствѣ, какая соотвѣтствовала бы ихъ численности и ихъ участію въ земскихъ платежахъ. «Чтобы было равенство голосовъ!—отвѣчаетъ одинъ крестьянинъ на вопросъ предсѣдателя съѣзда,—«какія предлагаются улучшенія». «Въ земствѣ крестьяне должны участвовать,—возражаетъ ему другой,—какъ земскіе плательщики, въ большинствѣ». «Почти въ каждомъ уѣздѣ,—подтверждаетъ третій,—больше крестьянъ, и большинство голосовъ должно быть крестьянскихъ, а никакъ не господскихъ; крестьянской земли больше, а голосовъ меньше; если бы на одного господина было три крестьянина, тогда было бы ровно». А четвертый просто восклицаетъ: «такъ нельзя», нельзя оставить земство въ существующемъ его положеніи (стр. 59—60). Такія же предложенія попадаются и въ письменныхъ докладахъ, но встрѣчаются въ нихъ указанія и на оборотную сторону медали,—на то, что превращеніе земства въ чисто крестьянское грозитъ, пожалуй, серьезными опасностями тому, что *мы* привыкли разумѣть подъ земскимъ дѣломъ: чего, въ самомъ дѣлѣ, ожидать, если въ будущемъ крестьянскомъ земствѣ возобладаютъ взгляды того рязанскаго уполномоченнаго, который, настаивая на предоставленіи крестьянамъ преобладанія въ земствѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ упраздненія нѣкоторыхъ должностей, «приносящихъ лишь одинъ ущербъ», въ томъ числѣ земскаго начальника и... агронома (стр. 436). Тѣмъ отраднѣе встрѣтить въ трудахъ съѣзда такія пожеланія, какъ высказываетъ Богородско-глуховская фабричная община: «земская управа,—читаемъ мы въ этомъ докладѣ,—должна состоять изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе и могущихъ своими свѣдѣніями по различнымъ отраслямъ знанія способствовать подъему культуры, а черезъ то и подъему благосостоянія населенія» (стр. 354).

О земскихъ начальникахъ, этомъ другомъ наслѣдіи эпохи реформъ Александра III, старообрядцы говорятъ не иначе, какъ съ глубокимъ и нескрываемымъ озлобленіемъ. «Земскій начальникъ совсѣмъ не нуженъ—од
нареканіе и произволъ»; земскіе начальники—«налогъ на крестьянъ, оче
несправедливый и обременительный»; «земскихъ начальниковъ, этихъ в
зывателей всякихъ безпорядковъ, долой,—они принесли вреда больше, чѣ
японцы»; судъ земскаго начальника—это «сумасбродное усмотрѣніе»,
шетъ тотъ самый рязанскій уполномоченный, который ставитъ земск
начальниковъ на одну доску съ агрономами (стр. 133). Институтъ з

скихъ начальниковъ, пишутъ съѣзду изъ Сарапульскаго уѣзда, «не пользуется симпатіями интеллигентнаго общества, не имѣющаго съ земскими начальниками никакого дѣла, что же сказать про безмолвнаго мужика, имѣющаго съ «земскимъ» прямыя дѣла? надо сказать кратко, это возвратъ къ помѣщикамъ». Земскихъ начальниковъ, какъ органъ управленія и суда, «многополезными совсѣмъ считать нельзя, потому что они совсѣмъ мало входятъ въ положеніе ввѣренныхъ имъ крестьянъ и болѣе того отсутствуютъ изъ своихъ участковъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ никогда не получишь своевременную защиту и правоту; за частымъ отсутствіемъ накапливаютъ массу дѣлъ и рѣшаютъ ихъ быстро, не такъ тщательно и подробно, обжалованіе же ихъ рѣшеній бѣдняку приноситъ много труда и расхода» (стр. 132—133). Не болѣе привлекательными чертами обрисовывается роль земскихъ начальниковъ, какъ органовъ надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ: «общество,—заявляетъ на съѣздѣ калужскій делегатъ,—выбираетъ всегда хорошихъ людей, но всѣ они проходятъ черезъ контроль земскаго начальника, и бываетъ, что самый хорошій человѣкъ, намѣченный отъ всего общества, не проходитъ по случаю того, что земскій начальникъ утверждаетъ на должность того, кто ему понравится, а не того, кто дѣйствительно хорошъ». «Правильно, правильно», раздаются «голоса» въ отвѣтъ на это заявленіе. «Позвольте мнѣ,—говоритъ другой делегатъ-крестьянинъ,—коснуться вопроса о земскихъ начальникахъ, всѣ эти дни мы говорили объ этомъ; когда не было земскихъ начальниковъ для утвержденія разныхъ крестьянскихъ приговоровъ, то у насъ управленіе было правдивое, а сейчасъ крестьяне безспорно желаютъ, чтобы постъ этотъ всецѣло не существовалъ больше». «Вѣрно, вѣрно», опять раздаются «голоса» изъ собранія, и *ни одного* голоса, ни словесно, ни письменно, не поднялось въ защиту этой «сильной» и «близкой къ народу» власти (стр. 64—65).

Не менѣе дружные вопли вызываетъ противъ себя сельская полиція всѣхъ видовъ и наименованій. «Самое величайшее зло,—пишутъ старообрядцы изъ Оханскаго и Сарапульскаго уѣздовъ,—висящее надъ мужикомъ, это мелкіе агенты полиціи—стражники, урядники и становые. Что дѣлаютъ эти господа сейчасъ, со времени чрезвычайной охраны и усиленной охраны—писать страшно! Да и безъ охраны они были не лучше. Молимъ Господа—спасти насъ отъ полиціи» (стр. 416). Полицейскіе агенты, «урядники и стражники,—пишутъ изъ Московской губерніи,—это бичъ мирному трудящемуся ремесленнику и земледѣльческому крестьянину»; полиція,—пишутъ изъ Ковенской губерніи,—«обязанность которой заключается въ охранѣ гражданъ», вмѣсто этого—«обращается жестоко и даже по-звѣрски» и т. д. (стр. 133).

Далеко меньшее единодушіе наблюдается по вопросу о крестьянскомъ судѣ и въ частности о волостныхъ судахъ. Полное единодушіе только въ жалобахъ на *современный* волостной судъ,—волостной судъ, опекаемый земскими начальниками. Волостнымъ судомъ «правитъ волостной писарь,

преимущественно пьяница, взяточникъ и сутяга», контролируетъ его земскій начальникъ, назначающій и утверждающій волостныхъ судей,—отсюда происходитъ то, что волостные суды не представляютъ собой *настоящаго крестьянскаго* суда, а дѣйствуютъ «подъ указкой писаря» и «подъ давленіемъ земскаго начальника». Самый отборъ судей происходитъ, подъ этимъ давленіемъ, не соотвѣтствующій интересамъ крестьянской массы,—«суды и всякія выборныя лица по какимъ-то примѣрамъ выбираются изъ торговцевъ и промышленниковъ»,—поэтому волостной судъ оказывается «доступенъ богачу, бѣдняку же въ этомъ судѣ нѣтъ никакого оправданія,—въ немъ никогда не видишь виноватаго богача, а всегда и во всемъ виноватъ бѣднякъ». Мѣстами волостные суды «очень обольщены владѣльцами, такъ и права ихъ, а для бѣднаго крестьянина и закону нѣтъ,—земскіе начальники складаются съ волостными писарями, а мужикамъ бѣднякамъ не даютъ и слова сказать»,—вообще «въ волостныхъ судахъ правды нѣтъ: бѣдный крестьянинъ куда хочешь иди судись, а гибнуть надо» (стр. 131—132). Но въ пожеланіяхъ крестьянъ мы не видимъ того же единодушія. Въ матеріалахъ съѣзда имѣется, правда, не мало заявленій, вродѣ того, что «волостной судъ долженъ упраздниться, потому что не зная закона закономъ управлять плохо»; что волостной судъ долженъ быть замѣненъ судомъ «равнымъ для всѣхъ сословій, низшаго и высшаго»; есть голоса, высказывающіеся за введеніе «всесословной волости и всесословнаго общаго суда» (стр. 131—132). Но другіе не идутъ дальше того или другого частичнаго преобразованія современнаго волостного суда: высказывается, напримѣръ, пожеланіе, чтобы во главѣ суда стоялъ «судья, получившій высшее юридическое образованіе», но, чтобы кромѣ того въ разбирательствѣ участвовало «трое простыхъ людей—присяжныхъ засѣдателей» (131—132). Предлагается и просто «возстановить исключительно общественный мѣстный, краткосрочный, выборный волостной судъ, при которомъ для каждаго дѣла выбиралось бы путемъ баллотировки нѣсколько судей»; организованному такъ суду уполномоченный изъ Оханскаго уѣзда предлагаетъ предоставить «право назначать тѣлесныя наказанія розгами и денежные штрафы въ зависимости отъ преступленій» (стр. 417). И такое разнообразіе взглядовъ въ данномъ случаѣ меня не удивляетъ: вопросъ объ организаціи крестьянской юстиціи и мнѣ лично представляется по меньшей мѣрѣ спорнымъ, и простая передача крестьянскихъ спорныхъ дѣлъ, и дѣлъ по мелкимъ бытовымъ правонарушеніямъ въ вѣдѣніе общей юстиціи едва ли будетъ самымъ правильнымъ его рѣшеніемъ.

Какъ бы то ни было, картина современнаго состоянія сельскаго и земскаго управленія и самоуправленія, вообще картина существующ[illegible] въ деревнѣ распорядковъ, получается весьма краснорѣчивая и внимате[illegible] ное ознакомленіе съ трудами старообрядческаго съѣзда охладило бы, п[illegible] думать, не одного поклонника или защитника «попечительной»... о двор[illegible] ствѣ политики эпохи Александра III.

Но центромъ, вокругъ котораго вращаются всѣ рѣчи и къ кото[illegible]

тяготѣютъ всѣ помыслы крестьянъ-старообрядцевъ, несомнѣнно остается земельный вопросъ,—самый составъ съѣзда «вполнѣ объясняетъ ту жажду земли, которую проявило большинство участниковъ съѣзда» во время его занятій, и которая съ неменьшей силою проявилась въ доставленныхъ съѣзду письменныхъ докладахъ, запискахъ и приговорахъ. Эти приговоры и записки, замѣчу мимоходомъ, представляютъ собою чрезвычайно богатый и необыкновенно жизненный матеріалъ для характеристики земельныхъ отношеній, какъ они сложились въ разныхъ мѣстностяхъ: они полны разнаго рода жалобами и ходатайствами, обращенными къ съѣзду, какъ учрежденію, имѣющему если не прямую власть, то во всякомъ случаѣ доступъ къ лицамъ и мѣстамъ, власть имущимъ,—и каждая жалоба, каждое ходатайство вскрываетъ передъ нами тотъ или другой уголокъ пестрой картины всероссійскихъ аграрныхъ отношеній.

Чрезвычайно характерно, прежде всего, что жалобы на малоземелье не повсемѣстны,—имѣются, напротивъ, опредѣленныя заявленія, и не только съ окраинъ, но даже и изъ центральныхъ губерній, отрицающія наличность малоземелья. «Мы въ настоящее время надѣловъ земли или прирѣзковъ не желаемъ,—заявляетъ въ общемъ собраніи съѣзда владимірскій делегатъ,—потому что земли у насъ, по крайней мѣрѣ, довольно»; делегатъ и его довѣрители «только одного желаютъ, чтобы, какъ людямъ, всѣмъ братьямъ нашимъ требуется земля, прирѣзки или другія вспомоществованія, то они душевно рады раздѣлить и помочь брату нашему, находящемуся въ тяжеломъ положеніи, кромѣ нашей мѣстности; для себя владимірскому делегату хотѣлось бы только одного: если бы было возможно скостить земскіе уѣздные и губернскіе сборы»; но и это пожеланіе заявляется безъ особой настоятельности,—«если будетъ невозможно, то согласны пребывать какъ раньше» (стр. 33). И делегатъ въ данномъ случаѣ не пошелъ наперекоръ мнѣнію своихъ довѣрителей: «переселеніе для нашей собственно волости,—заявляютъ послѣдніе въ привезенномъ делегатомъ письменномъ докладѣ,—не нужно, потому что землею мы исправны» (стр. 196). И такого рода заявленіе отнюдь не остается единичнымъ. «Земли не требуется,—пишетъ уполномоченный изъ другой мѣстности той же губерніи,—но непремѣнно нужно удобреніе, такъ какъ безъ него земля не родитъ никакихъ хлѣбовъ»; «земли намъ достаточно,—пишутъ старообрядцы изъ Нолинскаго уѣзда,—только просимъ уменьшить земельные налоги» (стр. 105); изъ Златоустовскаго уѣзда, Уфимской губерніи заявляется ходатайство объ организаціи мелкаго кредита, о болѣе широкомъ освѣщеніи, а также объ отпускѣ лѣса изъ горнозаводскихъ дачъ, «который намъ почти не отпускается ни за какія деньги»,—при этихъ условіяхъ «мы можемъ существовать безбѣдно, такъ какъ земля у насъ черноземная», и земли этой имѣется около 5 десятинъ на наличную душу» (стр. 106 и 284).

Но конечно такого рода заявленія тонутъ въ огромной массѣ заявленій противоположнаго характера, и «жажда земли», несомнѣнно, соста-

вляетъ основной тонъ всего, что говорили и писали старообрядцы по земельному вопросу. Жалуется на малоземелье и требуетъ земли даже представитель кубанскихъ старообрядцевъ-казаковъ,—этого наиболѣе изобильно обезпеченнаго землею разряда земледѣльческаго населенія: «мы дѣлимъ землю,—заявляетъ онъ на общемъ собраніи съѣзда,—и теперь уже приходится имѣть по 13 десятинъ. Если дальше такъ продолжится, то у насъ, какъ и васъ, ничего не будетъ, мы дойдемъ до нищеты, такъ же какъ и вы, съ каждымъ годомъ уменьшается скотоводство, бѣднѣетъ казачество», а между тѣмъ казакамъ приходится вѣдь на собственныя средства снаряжаться на строевую службу (стр. 36). И казачество на съѣздѣ старообрядцевъ, какъ всегда и вездѣ, очень рѣзко противопоставляетъ себя другимъ категоріямъ сельскаго населенія и самымъ рѣшительнымъ образомъ отстаиваетъ свои исключительныя права на войсковыя владѣнія. «Виноватъ, г. предсѣдатель,—перебиваетъ донской казачій делегатъ чтеніе доклада одного изъ «профессоровъ», взявшихъ на себя трудъ свести суть крестьянскихъ ходатайствъ: тутъ прочитано г. профессоромъ, что просятъ въ области войска донского дать имъ земли. «Я просилъ бы не вмѣшиваться въ областъ войска донского, потому что мы не желаемъ и не допустимъ» (стр. 76).

Откуда же взять, спрашивается, землю, чтобы утолить эту болѣе или менѣе всеобщую «жажду земли». Резолюція, предложенная коммиссіею съѣзда и принятая громаднымъ большинствомъ, не отличается особою ясностью: «необходимо слѣдуетъ отчуждать,—гласитъ эта резолюція,—казенныя, мѣщанскія, удѣльныя, купеческія, монастырскія и крупновладѣльческія земли» (стр. 75). Что такое крупновладѣльческія земли,—только то, что мы разумѣемъ подъ «крупнымъ» владѣніемъ, или все, превышающее размѣры трудового землевладѣнія,—это не видно ни изъ текста резолюціи, ни изъ предшествовавшихъ принятію ея преній, и вопросъ лишь до нѣкоторой степени уясняется дальнѣйшими пунктами резолюціи, которыхъ намъ придется касаться ниже. Теченія же, выразившіяся въ письменныхъ матеріалахъ, очень разнообразны. Одни, болѣе послѣдовательные изъ крестьянъ указываютъ на необходимость «общаго передѣла земли», при которомъ можно было бы «всѣхъ уравнять землею» (стр. 121). «Мы всѣ,—читаемъ, напримѣръ, въ докладѣ одного изъ калужскихъ делегатовъ,—крестьяне, и помѣщики, и владѣльцы, и монастыри, должны отдать землю въ распоряженіе государственной думы, которая должна всѣхъ насъ поравнять нашимъ россійскимъ наслѣдствомъ» (стр. 250); другой, курскій делегатъ, обращается къ съѣзду «въ такомъ смыслѣ, чтобы уравнять землю по равному числу на каждаго». и т. д. (стр. 278). Чрезвычайно характерна мотивировка такого рода радикальныхъ предложеній, которая приводится въ одномъ изъ докладовъ и которая лишній разъ подтверждаетъ, что мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, съ подлинными мнѣніями крестьянъ, а не съ извнѣ навѣянными взглядами. «Согласно манифеста октября,—пишетъ сердобскій делегатъ,—мы называемся гражданами;

значитъ слово гражданинъ? это значитъ, что всѣ на семъ титулѣ равны», а потому «желательно, чтобы и землицей насъ надѣлили равно. Тогда бы между нами была любовь... Господь сказалъ Адаму: «роститеся и множитеся, наполняйте землю и обладайте ею», земля значитъ создана для народа, и слѣдуетъ всѣхъ уравнять землей» (стр. 202). Мотивировка, значитъ, уже не по эсэровской или эсдековской програмѣ, а по манифесту 17 октября и по ветхому завѣту... Однако, въ видѣ правила крестьяне, какъ констатируетъ редакторъ «трудовъ», «признавая землю наслѣдствомъ всѣхъ сыновъ Россіи, не требуютъ полнаго отобранія земли у помѣщиковъ» (стр. 119). Какими именно предѣлами должно ограничиться отчужденіе,—это вопросъ, котораго ораторы на съѣздѣ и авторы докладовъ въ большинствѣ вовсе не касались: «крестьяне,—говоритъ редакторъ «трудовъ»,—очень рѣдко останавливаются на выясненіи вопроса, въ какихъ же именно предѣлахъ должны подлежать упомянутыя земли отчужденію, а также не касаются въ большинствѣ случаевъ и вопроса о томъ, съ какихъ именно земель должно начинаться отчужденіе» (стр. 121). Выводъ редактора, очевидно, основанный какъ на изученіи письменнаго матеріала, такъ и на непосредственныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ со съѣзда, сводится однако къ тому, что «крестьяне вовсе не являются сторонниками уничтоженія всего частновладѣльческаго хозяйства, но настаиваютъ главнымъ образомъ на уничтоженіи крупныхъ земельныхъ владѣній, не обрабатывающихся ихъ владѣльцами, а сдающихся въ аренду или представляющихъ изъ себя громадныя, никому не приносящія пользы пустоши» (стр. 122). Съ полною опредѣленностью именно этотъ взглядъ формулированъ въ докладѣ уполномоченныхъ міасской горнозаводской общины: «у частныхъ владѣльцевъ, у которыхъ находятся какіелибо заводы или предпріятія, имѣющіе характеръ государственный, должны быть отчуждаемы только тѣ земли, которыя сдаются въ аренду,—словомъ, эксплоатируются; у тѣхъ владѣльцевъ, которые не имѣютъ предпріятій и сами не обрабатываютъ землю, а отдаютъ ее въ аренду цѣликомъ, земля должна быть отчуждена вся,—владѣльцамъ же, ведущимъ собственное хозяйство, «должна быть оставлена и не эксплоатируемая ими земля въ такомъ количествѣ, чтобы на каждыя 100 дес. разработанной земли оставлялась $^3/_4$ или $^1/_2$ часть этого количества неразработанной земли» (стр.121). На ту же, приблизительно, точку зрѣнія стала и коммиссія съѣзда въ своихъ резолюціяхъ: въ случаѣ принудительнаго отсужденія коммиссія признаетъ справедливымъ «отчуждать землю всю, которая не обрабатывается самими владѣльцами» (стр. 75).

Этотъ пунктъ, вмѣстѣ со всѣми другими пунктами проектированной коммиссіею резолюція, былъ принятъ и общимъ собраніемъ съѣзда, несмотря на несомнѣнную его неясность и недостаточную опредѣленность: «трудно будетъ опредѣлить,—основательно замѣчаетъ авторъ одного особаго мнѣнія,—кто землю обрабатывалъ, и поэтому выйдутъ недоразумѣнія», благодаря которымъ «дѣло надѣленія затормозится на долгіе годы»,

и во избѣжаніе этихъ недоразумѣній авторъ «особаго мнѣнія» со своей стороны предлагаетъ «отчуждать на первыхъ порахъ, при первой работѣ, ту землю, которая самими землевладѣльцами послѣднее трехлѣтіе сдавалась въ аренду» (стр. 93).

Такъ или иначе, но, повидимому, господствовавшее на съѣздѣ теченіе проводило рѣзкое различіе между землями, эксплоатируемыми путемъ сдачи въ аренду, и тѣми, гдѣ владѣльцы ведутъ хозяйство за собственный счетъ. По мнѣнію редактора «трудовъ», крестьяне при этомъ исходятъ изъ той точки зрѣнія, «что земля является общенароднымъ достояніемъ и потому каждый гражданинъ имѣетъ право на землю,—а не на точкѣ зрѣнія тѣхъ, кто защищаетъ особыя преимущества помѣщичьяго хозяйства въ смыслѣ образцово-показательномъ, въ отношеніи большей урожайности» и т. п. (стр. 122). Мнѣ кажется, что такое утвержденіе, и по существу возбуждающее сомнѣнія (какъ вывести сохраненіе земель экономической запашки изъ «права каждаго гражданина»?!), не находитъ себѣ обоснованія, по крайней мѣрѣ, въ печатныхъ «трудахъ» съѣзда,—участники послѣдняго, насколько мнѣ удалось ознакомиться съ «трудами», просто не касаются *даннаго* вопроса. Правда, въ одномъ докладѣ крестьяне заявляютъ, что они «обрабатывать землю самою практикою приспособлены» (стр. 122),—но это заявленіе остается, повидимому, совершенно одинокимъ и встрѣчаются, наоборотъ, какъ мы далѣе увидимъ, заявленія обратнаго характера. Поскольку же есть прямыя указанія по вопросу о значеніи владѣльческихъ хозяйствъ, они говорятъ скорѣе противъ, нежели въ пользу мнѣнія редактора «трудовъ». По крайней мѣрѣ, одинъ изъ екатеринославскихъ уполномоченныхъ, въ письменномъ докладѣ, всецѣло присоединяется къ мнѣнію докладчика-профессора (вѣроятно, г. Кулешова), «что надо намъ, крестьянамъ, такія экономіи, которыя служили бы примѣромъ и школою для насъ,—кто только видѣлъ примѣры, всѣ скажутъ: правъ господинъ профессоръ. И въ противность мнѣнію того же профессора, доказывавшаго безполезность для страны коннозаводческихъ хозяйствъ, екатеринославскій делегатъ, котораго мнѣніе я въ данномъ случаѣ оставляю на его отвѣтственности,—констатируетъ, что «въ коннозаводствѣ работаетъ нѣсколько десятковъ тысячъ крестьянъ. Развѣ это не польза? Это польза великая для крестьянъ и для примѣра, это училище, это академія для крестьянъ; мы много научились отъ нихъ,—у нихъ работы очень усовершенствованы» (стр. 227—228).

Я не буду останавливаться, затѣмъ, на рядѣ такихъ вопросовъ, какъ о томъ, *кого* надѣлять землею—однихъ ли земледѣльцевъ, или же и ли ъ, хотя и бросившихъ земледѣліе, но такъ или иначе сохранившихъ с зь съ деревней; или о томъ, что̀ считать за малоземелье и до какихъ но ръ доводить надѣленіе крестьянъ: и по этимъ вопросамъ въ матеріалахъ съ a имѣется немало любопытныхъ указаній, но эти указанія имѣютъ скорѣе к- ническое значеніе и не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ о е- ственно-политической характеристикѣ тѣхъ элементовъ крестьянст в-

торые черезъ своихъ представителей участвовали въ старообрядческомъ съѣздѣ.

Тѣмъ существеннѣе, съ этой точки зрѣнія, вопросъ: *какъ*, какими способами и путями имѣется въ виду достигнуть утоленія крестьянской «жажды земли». Въ этомъ отношеніи настроеніе, господствовавшее на съѣздѣ и, очевидно, господствующее на мѣстахъ, въ тѣхъ старообрядческихъ общинахъ, которыя посылали своихъ представителей на съѣздъ, совершенно ясно. «Крестьяне»,—говоритъ редакторъ «трудовъ»—хотѣли бы получить земли «легальнымъ путемъ, т.-е. купить ихъ съ согласія владѣльцевъ», а не взять ихъ «насильно или даромъ». Повидимому, большая часть крестьянства противъ разрѣшенія земельнаго вопроса путемъ насильственнаго захвата частновладѣльческихъ и казенныхъ земель». И когда одинъ изъ участниковъ съѣзда выступилъ съ рѣчью, заканчивавшеюся словами: «какъ земля была наша, то и должна быть наша,—не покупать мы ее будемъ, а возьмемъ ее цѣликомъ, всю даромъ»,—то съ «этою супротивною демократическою рѣчью всѣ не согласились»... «Если отобрать землю насильно,—разсуждалъ по этому поводу одинъ изъ делегатовъ въ докладѣ, написанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого засѣданія,—то и хлѣбъ будетъ тогда горекъ; а если мы достанемъ себѣ землю справедливыми трудами, то и хлѣбъ тотъ будетъ пріятенъ и сладокъ» (стр. 118).

«Легальнымъ путемъ»—это для многихъ изъ участниковъ съѣзда значитъ не только на законномъ основаніи, но и «съ согласія владѣльцевъ»,—въ нѣкоторыхъ докладахъ имѣются даже прямыя указанія на самый способъ пріобрѣтенія земли: «недостающее количество земли,—пишутъ старообрядцы изъ Дисненскаго уѣзда,—можно пріобрѣсти покупкою, при помощи крестьянскаго земельнаго банка, отъ помѣщиковъ» (стр. 182). Почти такъ же высказывается делегатъ изъ Шуйскаго уѣзда: «всѣ почти крестьяне,—говоритъ онъ,—желали бы пріобрѣсти землю легальнымъ путемъ, т.-е. купить ее съ согласія владѣльцевъ при посредствѣ крестьянскаго банка, съ разсрочкой ссуды на 20—30 лѣтъ». Но этотъ делегатъ предусматриваетъ и случай, что «казна (очень характерно, что *казна* ставится здѣсь на одну доску съ частными владѣльцами, могущими «заупрямиться» и пойти противъ намѣреній *государства!!*), а также частные землевладѣльцы заупрямятся, не соглашаясь на добровольную продажу, или если и согласны будутъ, но запросятъ чрезвычайно высокую цѣну, то крестьяне будутъ просить настойчивымъ образомъ черезъ Государственную Думу о проведеніи понудительнаго закона объ отчужденіи противъ воли владѣльцевъ принадлежащихъ имъ земель» (стр. 206). Таково, по свидѣтельству редактора «трудовъ», и господствовавшее на съѣздѣ настроеніе: «высказываясь противъ насильственнаго захвата земли», крестьяне охотнѣе всего пошли бы на соглашенія съ владѣльцами, но «не отрицаютъ возможности для государства прибѣгать къ принудительному отчужденію» (стр. 118),—и такое именно настроеніе съ полною отчетливостью выра-

зилось и въ резолюціи съѣзда, признающей справедливымъ «отчуждать землю всю, какая не обрабатывается самими владѣльцами», именно въ виду того принимаемаго за несомнѣнное предположеніе, что «землевладѣльцы не пойдутъ на соглашеніе» (стр. 75).

Разъ «легальное» отчужденіе, въ понятіи участниковъ съѣзда, въ принципѣ равносильно отчужденію *по соглашенію* съ владѣльцами, а принудительное отчужденіе допускается лишь при недостиженіи соглашенія, то само собою ясно, что на съѣздѣ должна была преобладать идея не простой конфискаціи, а *выкупа* земель у ихъ владѣльцевъ. И дѣйствительно: на самомъ съѣздѣ раздалась, повидимому, только одна «супротивная демократическая рѣчь», съ которою, какъ мы видѣли, «всѣ не согласились». Если о «супротивныхъ демократическихъ рѣчахъ» упоминается въ докладахъ делегатовъ,—то лишь въ единичныхъ случаяхъ, и притомъ въ самомъ неодобрительномъ тонѣ: «порядочное количество, — говоритъ делегатъ изъ Шуйскаго уѣзда въ уже цитированномъ докладѣ,—есть такихъ, которые подъ вліяніемъ проникающихъ въ деревню вѣяній соціалъ-демократовъ—революціоннаго характера, не прочь воспользоваться всѣмъ этимъ и особенно лѣскомъ сейчасъ, безъ всякой платы. Но благодаря Бога,—замѣчаетъ делегатъ,—такихъ людей пока немного» (стр. 206). Затѣмъ, «огромное большинство,—гласитъ протоколъ I засѣданія съѣзда, высказалось за необходимость дополнительнаго надѣленія..., при чемъ по отношенію къ частновладѣльческимъ землямъ всѣ высказались за покупку по справедливой оцѣнкѣ» (стр. 29): «если отобрать землю насильно»—или—что то же самое—даромъ, «то и хлѣбъ тогда будетъ горекъ, а если мы достанемъ себѣ землю справедливыми трудами, то и хлѣбъ тотъ будетъ пріятенъ и сладокъ» (стр. 291),—таковъ, повидимому, основной доводъ въ пользу возмезднаго отчужденія владѣльческихъ земель. Другой доводъ—простая ссылка на установленные авторитеты: «даромъ получить землю,—пишутъ старообрядцы изъ Бобруйскаго уѣзда,—какъ предлагаютъ демократическія партіи, мы не хотимъ и не желаемъ. Это вѣрно—таковъ мотивъ нежеланія,—что помѣщикамъ, по милости Божьей, земля дарована Богомъ и царемъ», и «наши братья старообрядцы мысли противъ Бога и царя не допускаютъ» (стр. 304). Но при единодушномъ принципіальномъ признаніи необходимости уплаты за отчуждаемыя земли, нѣкоторые изъ делегатовъ предлагали провести тѣ или иныя различія между разными видами землевладѣнія. Такъ, въ первомъ общемъ собраніи съѣзда нѣкоторые выдѣляли изъ разряда земель, подлежащихъ выкупу, «родовыя, княжескія и графскія земли и признавали, что эти земли должны от[illegible]и путемъ принудительнаго отчужденія и даромъ» (стр. 29). А одно [illegible]ъ старообрядческихъ обществъ Курской губерніи, въ присланномъ на съ[illegible]ъ докладѣ, высказываетъ мнѣніе, что возвратить деньги слѣдуетъ то[illegible]е лицамъ, купившимъ землю менѣе 10 лѣтъ,—«лицамъ же, пользовавш[illegible]ся землею свыше 10 лѣтъ, а равно и потомственнымъ дворянамъ, въ уп[illegible]ѣ денегъ отказать, ибо первые могли получить свои деньги пользовані[illegible]ъ

а послѣдніе рѣшительно не имѣютъ права называть землю своею собственностью, ибо это противорѣчитъ Божьей заповѣди», и это—мнѣніе, очевидно *не* навѣянное со стороны, ибо сейчасъ же вслѣдъ за цитированнымъ пунктомъ слѣдуетъ другой, свидѣтельствующій о совсѣмъ не радикальномъ настроеніи даннаго общества—«республики допустить не желаемъ,—и это тоже богопротивно» (стр. 279).

Во всякомъ случаѣ, однако, и такого рода мнѣнія представляли собой лишь рѣдкое исключеніе, и безусловно господствовала тенденція, нашедшая себѣ выраженіе въ словахъ принятой съѣздомъ резолюціи: «за отчужденіе земель должна быть назначена плата за десятину болѣе справедливая, умѣренная и не обременительная для крестьянъ» (обращаю вниманіе присяжныхъ критиковъ программы партіи к.-д.: «справедливая» оцѣнка, значитъ, *можетъ* быть и не обременительною для крестьянъ!). Какимъ образомъ и на какихъ принципахъ должна установляться эта оцѣнка,—этотъ вопросъ чрезвычайно интересовалъ участниковъ съѣзда и уполномочившія ихъ старообрядческія общины, и отвѣты на него отличаются особенной пестротой: одни оцѣнку земли просто «предоставляютъ Государственной Думѣ, какъ она опредѣлитъ цѣну,—только чтобы коммиссія была назначена и со стороны правительства, и со стороны мѣстныхъ крестьянъ» (стр. 38),—«просятъ не даровой земли, а обязуются платить, какъ Царская Дума и Государь батюшка постановятъ» (стр. 175),—«обязуются платить подать, какую назначитъ Государственная Дума, въ зависимости отъ доброкачественности земли» (стр. 254). Другіе хлопочутъ только объ одномъ, чтобы землю можно было пріобрѣсти, хотя бы чрезъ крестьянскій банкъ, но «безъ отягощенія крестьянъ большими процентами на дальній срокъ» (стр. 173), и съ тѣмъ, «чтобы проценты крестьянскаго банка были опредѣлены Государственной Думой» (стр. 178). Третьи не задаются даже вопросомъ о процентѣ—они желаютъ только купить землю «за ту цѣну, по какой приметъ банкъ, безъ всякой доплатки» (стр. 224). Четвертые требуютъ, «чтобы земля была пріобрѣтена по расцѣнкѣ прежнихъ агентовъ, вполнѣ опредѣлившихъ стоимость земли въ данной мѣстности» (стр. 256). Въ нѣскольких случаяхъ прямо указывается предѣльная цѣна,—напримѣръ, одна изъ старообрядческихъ общинъ Виленской губерніи желаетъ установить выкупную плату не свыше 50 рублей за десятину, мотивируя это «бѣдностью нашего населенія» (стр. 182). Тѣхъ же 50 рублей не должна превышать цѣна десятины отчуждаемой земли и по мнѣнію, «письменно изложенному 56 уполномоченныхъ губерній» (стр. 123),—здѣсь 50 рублей становятся уже чѣмъ-то вродѣ всероссійской предѣльной нормы, уполномоченные же одной изъ общинъ Пензенской губерніи считаютъ возможнымъ цѣну за землю опредѣлить «не свыше 80—100 рублей за десятину» (стр. 406). Иногда, наконецъ, въ докладахъ и приговорахъ выставляется принципъ «справедливой оцѣнки, какую должна установить наряженная отъ правительства коммиссія» (стр. 200); въ частности, въ общихъ собраніяхъ съѣзда «нѣ-

которые изъ крестьянъ высказались, что нужно никого не обидѣть—нужно покупать по справедливой оцѣнкѣ» (стр. 39), въ докладѣ же делегата одной изъ общинъ Московской губерніи тотъ же принципъ формулируется въ терминахъ, вѣроятно непосредственно заимствованныхъ изъ программы партіи к.-д.: «съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой, но не рыночной оцѣнкѣ» (стр. 342). Какъ видитъ читатель, предложенія весьма пестрыя и, въ видѣ правила, исходящія не изъ какой-нибудь общей принципіальной постановки вопроса, а изъ конкретныхъ условій извѣстныхъ мѣстностей и изъ условій покупки земли, имѣющихся въ виду отдѣльныхъ заинтересованныхъ въ пріобрѣтеніи земли старообрядческихъ обществъ. Не отличается опредѣленностью и принятая съѣздомъ по данному вопросу резолюція: «оцѣнка должна производиться по мѣстности и качеству земли, лѣса же и заливные луга должны оцѣниваться не, по рыночной цѣнѣ (значитъ, пахотныя земли какъ будто бы по рыночной?), а по болѣе умѣренной и справедливой». Резолюція не останавливается опредѣленно и на какомъ-либо оцѣночномъ пріемѣ: «цѣны чтобы были взяты среднія за 20-лѣтіе, но справедливо было бы, если бы цѣны назначены и опредѣлены были какъ это было по закону 1861 года (?), или же—самое вѣрное и справедливое—взять среднюю оцѣнку земли за 10 лѣтъ по оцѣнкѣ самихъ же землевладѣльцевъ для взиманія подоходнаго земскаго сбора». Совершенно ясно для съѣзда только одно: что въ оцѣночную коммиссію должно войти не менѣе половины членовъ изъ крестьянъ той мѣстности, гдѣ предполагается отчужденіе земли (стр. 75).

Вотъ существеннѣйшее изъ того, что даютъ матеріалы старообрядческаго съѣзда собственно по вопросу о земельной реформѣ, или вообще—о путяхъ и способахъ утоленія «земельной жажды» нашего крестьянства. Какъ и слѣдовало ожидать, качественная, такъ сказать, сторона крестьянскаго хозяйства привлекала къ себѣ несравненно менѣе вниманія,—что и совершенно понятно, потому что вѣдь и въ средѣ всего вообще крестьянства, къ несчастью, еще слишкомъ мало распространено сознаніе того, увы! теперь уже слишкомъ несомнѣннаго факта, что на одной «дополнительной нарѣзкѣ» далеко не уѣдешь, что на-ряду съ этимъ теперь же, не медля ни минуты, надо принять всѣ мѣры къ повышенію производительности крестьянскихъ земель и къ увеличенію доходности крестьянскаго хозяйства. И по существу даннаго вопроса «труды» старообрядческаго съѣзда не даютъ новыхъ и оригинальныхъ указаній. Нахожу всетаки необходимымъ отмѣтить, что въ рѣчахъ и письменныхъ сообщеніяхъ участниковъ съѣзда — если не считать единственнаго, цитированнаго выше случая, мы не встрѣчаемъ того слишкомъ мало, къ несчастью, оправдываемаго дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ наивно-самодовольнаго отношенія крестьянина-пахаря къ самому себѣ и къ своему хозяйству, которое такъ часто звучало въ рѣчахъ депутатовъ-крестьянъ въ первой Государственной Думѣ,—не раздавалось хвастливыхъ заявленій, смыслъ которыхъ сводился бы къ тому, что мужикъ дескать самъ знаетъ, какъ ве

свое хозяйство и какъ обрабатывать свою землю, и не нуждается въ помощи непрошенныхъ наставниковъ. «Несомнѣнно,—читаемъ мы по этому поводу въ интересной запискѣ Богородско-Глуховской общины,—что успѣшность обработки земли зависитъ не только отъ однообразнаго повторенія опыта прежнихъ поколѣній, но и отъ примѣненія данныхъ, указываемыхъ наукой, а также отъ пользованія усовершенствованными земледѣльческими орудіями» (стр. 352). Сознаніе этой первостепенно-важной истины было, повидимому, и вообще не чуждо участникамъ съѣзда,—изъ протоколовъ послѣдняго видно, что «многіе изъ участниковъ съѣзда признавали необходимость улучшенія сельскаго хозяйства путемъ устройства земледѣльческихъ школъ, пользованія практическими указаніями свѣдущихъ лицъ и прочее» (стр. 30),—хотя съ такого рода рѣчами, конечно, довольно странно контрастируютъ заявленія вродѣ того уже выше цитированнаго, гдѣ должность агронома, какъ безполезная, предназначается къ упраздненію на-ряду съ должностью земскаго начальника. Въ матеріалахъ съѣзда имѣются указанія и на необходимость поднятія общаго уровня народнаго образованія, какъ необходимой предпосылки улучшенія крестьянскаго хозяйства, высказываются пожеланія о развитіи кредита и т. п.

Но не встрѣчаетъ ли улучшеніе крестьянскаго хозяйства непреодолимаго препятствія въ существующихъ формахъ крестьянскаго землепользованія, и въ частности—въ общинномъ землевладѣніи? Этотъ вопросъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу особо интересовавшихъ участниковъ съѣзда. И это былъ далеко не академическій или теоретическій интересъ—достаточно просмотрѣть протоколы съѣзда, чтобы видѣть, что вопросъ объ общинѣ волновалъ крестьянъ и задѣвалъ ихъ за живое болѣе, нежели какой-либо другой вопросъ, обсуждавшійся на съѣздѣ. Достаточно того, что разъясненія предсѣдателя коммиссіи по проекту резолюціи по данному вопросу были прерваны голосами «довольно, довольно, конченъ вопросъ»; за этими словами въ протоколѣ съѣзда отмѣчено въ скобкахъ: «Шумъ»; и шумъ этотъ, очевидно, былъ серьезный,—онъ вызвалъ раздраженный возгласъ предсѣдателя: «братья, такъ нельзя, я не могу вести порядокъ собранія,—если вы будете такъ шумѣть, выберите себѣ другого предсѣдателя». Въ концѣ-концовъ, предсѣдатель не нашелъ возможнымъ допустить баллотировки поставленной коммиссіею резолюціи: «братья,—заявилъ онъ,—вопросъ объ общинѣ до того сложенъ, что предписывать имѣть то или другое мнѣніе мы не можемъ—это добрая воля каждаго, высказанное мнѣніе не обязательно; желательно было бы этотъ вопросъ выяснить, познакомить общинниковъ съ подворнымъ и хуторскимъ владѣніемъ, но ставить этотъ вопросъ на голосованіе я считаю совершенно безполезнымъ» (стр. 80). Но страсти разгорѣлись до того, что отдѣльные ораторы продолжали вскакивать и послѣ такого формальнаго закрытія преній, и старанія одного изъ устроителей съѣзда успокоить собравшихся прерывались «голосами»: «община полезнѣе для крестьянъ—нѣтъ», «полезнѣе община»—«чѣмъ она полезнѣе, чѣмъ хуторное владѣніе хуже!»—и пренія

съѣзда по вопросу объ общинѣ закончилась новымъ меланхолическимъ заявленіемъ предсѣдателя: «братья, вижу, что возстановить порядокъ по этому вопросу нельзя—оставайтесь каждый при своемъ мнѣніи» (стр. 81). Какъ видитъ читатель, вопросъ объ общинѣ оказался для этого несомнѣнно крестьянскаго и несомнѣнно не инспирированнаго агитаторами съѣзда несравненно гораздо болѣе сложнымъ и гораздо болѣе спорнымъ, нежели для нашихъ, до поры до времени безотвѣтственныхъ, законодателей по 87-й статьѣ...

Въ вопросѣ объ общинѣ, какъ мы видимъ, не только не получилось единодушія,—трудно даже опредѣленно сказать, какое отношеніе къ общинѣ преобладало среди участниковъ съѣзда. По свидѣтельству составителя протоколовъ съѣзда, не могущему, къ сожалѣнію, быть провѣреннымъ за чрезмѣрною сжатостью изложенія протоколовъ, «по вопросу о способахъ пользованія землей большая часть говорившихъ высказалась за сохраненіе общиннаго владѣнія» (стр. 29). И въ коммиссіи съѣзда, какъ надо полагать, отражавшей господствовавшее на немъ настроеніе, за благопріятный для общины проектъ резолюціи высказалось 70 голосовъ, тогда какъ подъ тремя благопріятными для подворнаго владѣнія «особыми мнѣніями» имѣется, повидимому, всего 24 подписи. Но въ виду несомнѣнно случайнаго подбора состава коммиссіи, едва ли можно съ положительностью утверждать, чтобы голоса въ собраніи съѣзда раздѣлялись именно въ такомъ, или даже приблизительно въ такомъ соотношеніи. Несомнѣнно только одно,—что на съѣздѣ не выяснилось опредѣленнаго настроенія противъ общины, не выяснилось, несмотря на участіе въ съѣздѣ г. Пестржецкаго, разъясненія котораго, конечно, не были благопріятны для общиннаго владѣнія (стр. 82).

Иное, мнѣ кажется, приходится сказать о доставленныхъ съѣзду письменныхъ матеріалахъ—докладахъ и т. п.; насколько я могу вѣрить впечатлѣнію, вынесенному при внимательномъ просмотрѣ этого матеріала, здѣсь преобладали отзывы, неблагопріятные для общины,—можетъ быть, потому, что въ редакціи докладовъ и записокъ должны были принимать участіе преимущественно сельскіе верхи, среди которыхъ тяготѣніе къ выходу изъ общины, конечно, значительно сильнѣе, нежели въ средѣ рядового крестьянства. Въ концѣ-концовъ, можетъ быть, всего правильнѣе будетъ охарактеризовать взгляды съѣзда, какъ цѣлаго, по данному вопросу тѣми самыми словами, какими охарактеризовалъ настроеніе общинъ Самарской губерніи объѣхавшій всю эту губернію начетчикъ: «раздѣляются напополамъ, но замѣчается перевѣсъ на общинномъ владѣніи» (стр. 12‾). И конечно, единственный законный выводъ отсюда—это выводъ редакт а «трудовъ», что «вопросъ долженъ быть разрѣшенъ самими крестьян и на мѣстахъ»,—выводъ, который не мѣшало бы потверже усвоить со а-вителямъ указа 9 ноября 1906 года.

Конечно, аргументы, высказывавшіеся на съѣздѣ въ пользу и прот въ общиннаго землевладѣнія и уравнительнаго землепользованія, не ‾ ш

прибавить ничего новаго къ тому, что уже высказывалось въ богатой литературѣ вопроса,—но многіе изъ доводовъ pro и contra нашли себѣ въ трудахъ съѣзда очень удачную и нерѣдко рѣзкую формулировку. Защитники общины, само собою разумѣется, аргументировали главнымъ образомъ отъ ея соціальныхъ преимуществъ: «общинное владѣніе,—гласитъ предложенная большинствомъ коммиссіи резолюція,—удобно потому: 1) переходитъ по передѣлу земля изъ однѣхъ рукъ или хозяйства въ другое черезъ опредѣленное по усмотрѣнію общины число лѣтъ; 2) удобенъ выгонъ скота; 3) предпочитается потому, что владѣлецъ-общинникъ не имѣетъ права продать землю въ вѣчное владѣніе» (стр. 78). Вообще,—говоритъ редакторъ «трудовъ»—крестьяне признаютъ общину цѣнной потому, что при этой формѣ владѣнія, худо ли, хорошо ли, можетъ быть осуществляемо поравненіе землей, и обезпеченіе ею каждаго члена общины» (стр. 125).

Подъ этимъ угломъ зрѣнія сторонники общины смотрятъ и на подворное владѣніе: «есть вблизи насъ,—пишетъ обыватель Міасскаго завода,—и подворное владѣніе, но оно оказывается еще гибельнѣе, чѣмъ общинное: при немъ какъ у помѣщиковъ, кто сначала ухватилъ больше земли, больше и владѣетъ,—даже если и было оно вначалѣ равное, то въ концѣ-концовъ равенство исчезаетъ» (стр. 392): «если подѣлить подворно,—развиваетъ ту же мысль одинъ изъ курскихъ делегатовъ,—то земля въ скоромъ времени перейдетъ въ руки тѣхъ же помѣщиковъ и богатыхъ людей, такъ какъ бѣдные люди по своимъ недостаткамъ продадутъ землю и станутъ безземельными, а богатѣи будутъ такими же помѣщиками какъ теперь» (стр. 125). Однако, въ той же плоскости выдвигаются аргументы со стороны противниковъ общины: «изъ своихъ общинъ,—читаемъ мы въ особомъ мнѣніи, подписанномъ 4-мя лицами,—мы знаемъ лицъ, которыя стоятъ за общину только потому, что они преслѣдуютъ свою цѣль: скупаютъ по дешевой цѣнѣ душевые надѣлы у крестьянъ безлошадныхъ и не имѣющихъ средствъ обработать надѣльную землю» (стр. 80)—аргументъ, конечно, не слишкомъ убѣдительный, ибо этимъ лицамъ, очевидно, гораздо легче, и ужъ никакъ не труднѣе, будетъ скупать надѣлы и при подворномъ владѣніи.

Но, конечно, главные аргументы противъ общины совсѣмъ иные: для противниковъ общины изъ среды крестьянъ-старообрядцевъ, какъ и для ихъ интеллигентныхъ единомышленниковъ, «община есть рабство»,—«власть общества надъ отдѣльными лицами тяжела и несправедлива», община служитъ серьезнѣйшимъ препятствіемъ для «обработки полей надлежащимъ порядкомъ» (стр. 125),—вообще «общинное владѣніе землей и чрезполосье одна изъ важнѣйшихъ причинъ, доведшихъ до крайняго упадка сельское хозяйство среди крестьянъ» (стр. 186). Сторонники общины въ отвѣтъ на антиобщинную аргументацію «господина профессора» (очевидно рѣчь идетъ о Д. И. Пестржецкомъ) и своихъ товарищей по съѣзду, полагающихъ, что «сообща владѣть землей неудобно, потому что плохо обрабатываютъ землю и урожаи бываютъ плохи», возражаютъ: «это не по-

тому, что владѣютъ сообща и плохо обхаживаютъ, а потому, что мало удобренія», иначе сказать—отъ малоземелья (стр. 380). Но противники общины на это отвѣчаютъ, что дѣло не въ малоземельи,—что «крестьянинъ-собственникъ на отрубномъ участкѣ, удабривающій и обрабатывающій землю своевременно и надлежащимъ порядкомъ, получаетъ урожай всегда въ удвоенномъ количествѣ сравнительно съ крестьянами-общинниками» (стр. 126),—въ концѣ-концовъ «община почти главное, кромѣ малоземелья, препятствіе для улучшенія крестьянскаго хозяйства и тормозъ для отдѣльныхъ болѣе энергичныхъ хозяевъ перейти отъ непроизводительнаго къ болѣе производительному, т.-е. разумному хозяйству». И въ этомъ смыслѣ высказываются не только старообрядческія общины изъ подворныхъ районовъ западнаго края,—голоса въ томъ же смыслѣ раздаются со всѣхъ концовъ Россіи: «что касается формы владѣнія,—пишутъ, напримѣръ, старообрядцы изъ Оханскаго и Нолинскаго уѣздовъ,—то лучшей намъ кажется хуторское хозяйство, котораго, впрочемъ, здѣсь нѣтъ»,—развитію хуторскаго хозяйства препятствуетъ «тяжелая и несправедливая» власть общины, а потому «слѣдуетъ эту власть отмѣнить закономъ немедленно» (стр. 415); какъ видитъ читатель, рѣшительность, почти не уступающая рѣшительности гг. Столыпина и К°. Но на-ряду съ такими героическими рѣшеніями вопроса предлагаются и другія, болѣе осторожныя—«разрѣшить желающимъ имѣть подворное владѣніе и хуторное хозяйство, гдѣ это будетъ возможно» (стр. 417); сохранить «владѣніе общиной, но безъ круговой поруки» (стр. 243), или «не уничтожая стараго русскаго уклада жизни, т.-е. общины, гдѣ она желательна для самихъ крестьянъ, уничтожить такъ чрезполосицу, чтобы каждое селеніе имѣло всѣ свои владѣнія возлѣ себя и на одномъ мѣстѣ, т.-е. въ кучкѣ» (стр. 239)—предложеніе, очевидно, направленное уже не противъ общины вообще, а противъ дѣйствительно вредной, въ видѣ правила, ея разновидности—составной или многоселенной общины. Есть отзывы и за «надѣленіе на правахъ собственности» (личной), но съ тѣмъ, «чтобы ограничить возможное неразумное пользованіе надѣлами, воспретивъ продажу ихъ» (стр. 124). Есть, наконецъ, немало указаній на то, что подворное и въ частности хуторское владѣніе, при всѣхъ своихъ признаваемыхъ ораторами или авторами записокъ преимуществахъ, не можетъ однако разсчитывать на быстрое проведеніе въ жизнь, либо «въ виду разнообразности почвы земли», либо потому, что для этого потребуется «не мало матеріальныхъ средствъ, что конечно не у многихъ найдется» (стр. 127), либо просто потому, что «согласить крестьянъ на это весьма трудно, такъ какъ они желаютъ, чтобы земля принадлежала не отдѣльнымъ лицамъ, а находилась въ распоряженіи всего общества, кото[рое] могло бы уравнивать землю своихъ однообщественниковъ» (стр. 202). [Въ] концѣ-концовъ, участники съѣзда лучше, нежели наши власть имущіе, [по]нимали, что такіе вопросы, какъ вопросъ объ общинѣ, не разрѣшают[ся] сплеча,—что вопросъ объ общинномъ или подворномъ владѣніи придет[ся], по мѣткому выраженію крестьянъ, еще «почавкать» (стр. 127), и [...]

много почавкать, пока найдется для него цѣлесообразное и правильное разрѣшеніе.

Я заканчиваю на этомъ, хотя конечно не исчерпываю, обзоръ богатаго содержанія «трудовъ» старообрядческаго съѣзда. Какой же выводъ можно сдѣлать изъ этого обзора? Выводъ этотъ, я думаю, можетъ быть только одинъ: что крестьянство—поскольку оно было представлено на съѣздѣ—это не «революціонный народъ», какъ представляютъ его себѣ одни; это, тѣмъ паче, не «союзъ русскаго народа», какъ желали бы представлять его себѣ другіе. Отъ имени народа и отъ имени крестьянства не можетъ говорить никто, не уполномоченный народомъ, ибо никто пока не знаетъ, что думаетъ народъ, каковы господствующія теченія народной мысли и народной воли. И эти теченія выяснятся *только* тогда, когда именемъ народа будетъ говорить организованная народная воля.

А. Кауфманъ.

Военная бюрократія въ цифрахъ *).

I.

Статистика русскихъ генераловъ.

Безспорно, родовитость или, точнѣе говоря, *породистость* происхожденія не остается безъ вліянія на размноженіе генераловъ. «Аристократія,— замѣчаетъ г. Режепо,—движется въ военной службѣ быстрѣе массы прочихъ офицеровъ». Среди нашей военной знати въ 1902 году насчитывалось 25 князей, 23 графа и 23 барона, не считая родовитыхъ, старинныхъ, дворянскихъ фамилій. Къ 1905 г. это число измѣнилось такъ: князей оказалось 30, графовъ 22, бароновъ 39. Кромѣ того, у насъ налицо 36 «фоновъ».

Количество сіятельныхъ и иныхъ аристократовъ за послѣдніе три года *увеличилось,* что и понятно при господствующихъ вѣяніяхъ. Оставляя въ сторонѣ великихъ князей и иностранныхъ высокихъ особъ (которыхъ всего 23), г. Режепо констатируетъ, что наибольшее вліяніе на движеніе по службѣ имѣлъ титулъ графа, а наименьшее—титулъ барона. Такъ, напримѣръ, чтобы дойти до званія полнаго генерала, нетитулованному приходилось затрачивать среднимъ числомъ по 20,9 года, а титулованному—всего лишь по 17 лѣтъ, графамъ еще меньше того (15,4 года). Нетитулованному на полученіе генералъ-лейтенантскаго чина приходилось затрачивать 27,7 года, а титулованному всего лишь 24,9 (графамъ даже 23). То же наблюдается и относительно генералъ-маіоровъ: 30 лѣтъ для полученія генералъ-маіорскаго званія нетитулованнымъ и 27,4 года титулованнымъ. И здѣсь графы добираются до звѣздъ раньше, чѣмъ другіе, именно въ 24,8 года. Въ среднемъ же титулованные достигали чина генералъ-маіора: генералы черезъ 17, генералъ-лейтенанты черезъ 24,9 и генералъ-маіор черезъ 27,4 года. А у лицъ съ высшимъ военнымъ образованіемъ этот же чинъ достигается черезъ 20,4, черезъ 26,8 и 27,9 лѣтъ. Интересн что среди титулованныхъ замѣчается *уменьшеніе* числа лицъ съ высшим военнымъ образованіемъ.

---

*) *Русская Мысль,* книга I, 1907 г.

Чтобы привести маленькую иллюстрацію теперешняго режима, позволимъ себѣ поставить такой вопросъ: какіе собственно генералы и съ какимъ образованіемъ состоятъ при особѣ Его Величества? Оказывается, что въ числѣ ихъ мы находимъ трехъ генераловъ отъ инфантеріи (изъ нихъ одинъ князь) и одного отъ кавалеріи. Двое изъ нихъ получили образованіе въ пажескомъ корпусѣ, двое въ академіяхъ. Изъ генералъ-лейтенантовъ состоятъ въ придворныхъ должностяхъ—5. Образовательный цензъ ихъ таковъ: одинъ лиценстъ (графъ), одинъ пажъ, одинъ съ университетскимъ образованіемъ («фонъ») и двое получили «общее образованіе дома и военное на службѣ» (изъ нихъ одинъ князь). Въ свитѣ Его Величества есть одинъ даже съ образованіемъ военнаго училища.

Наконецъ, изъ генералъ-маіоровъ въ свитѣ Его Величества состоятъ 16 человѣкъ, главнымъ образомъ, изъ гвардейской кавалеріи, въ томъ числѣ 4 великихъ князя, четыре просто князя и восемь нетитулованныхъ. Ихъ образовательный цензъ таковъ: пятеро получили «общее образованіе дома и военное на службѣ», четыре окончило пажескій корпусъ, четыре военныя училища и только двое съ академическимъ образованіемъ. Образовательный цензъ у одного не указанъ. Кромѣ того, одинъ генералъ-маіоръ съ домашнимъ образованіемъ, графъ, занимаетъ придворную должность гофмаршала.

Изъ этихъ цифръ видно, что процентъ лицъ съ высшимъ образованіемъ въ свитѣ Его Величества неизмѣримо ниже, чѣмъ вообще наверху военной іерархической лѣстницы.

То же самое мы находимъ и среди тѣхъ генераловъ, которые состоятъ при другихъ высочайшихъ особахъ. Таковыхъ напр. среди генералъ-лейтенантовъ насчитывается шесть. Образованіе ихъ слѣдующее: одинъ правовѣдъ, одинъ съ гимназическимъ образованіемъ (князь), два академика, одинъ изъ юнкерскаго училища и одинъ князь, тоже получилъ образованіе «общее дома и военное на службѣ» (князь). Генералъ-маіоровъ, состоящихъ при высокихъ особахъ тоже семь, изъ нихъ три окончили Николаевское кавалерійское училище, одинъ Константиновское, одинъ инженерное, одинъ ограничился военной гимназіей и одинъ получилъ «военную подготовку» въ пажескомъ корпусѣ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: въ своихъ верхахъ россійская армія далеко не такъ демократична, какъ это, можетъ быть, инымъ кажется. Оставляя въ сторонѣ всякія «протекціи» и всякое умѣніе «дѣлать» свою карьеру, нельзя не видѣть, что лишь очень немногимъ, особо счастливымъ личностямъ удается достигнуть высшихъ военныхъ чиновъ. Вовсе не въ одныхъ достоинствахъ самихъ личностей тутъ дѣло. Если бы дѣло было въ достоинствахъ, такъ и достигали бы генеральскаго званія люди во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе выдающіеся. Факты, приведенные нами выше, показываютъ, что это вовсе не такъ. Значитъ, при нынѣшней организаціи русской арміи, существуетъ въ ней какъ бы особый фильтръ, особымъ образомъ дѣйствующій. Все, что до-

стигло до высшихъ ступеней военной іерархіи, неминуемо прошло черезъ этотъ фильтръ, который и положилъ на все свой отпечатокъ. Статистическія данныя объ образованіи генераловъ лишь болѣе ярко вскрываютъ эту сторону Россійской военной организаціи при самодержавномъ режимѣ. Но то же самое видно и изъ обзора другихъ ея сторонъ. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о религіи. Господинъ Режепо глубокомысленно говоритъ: «вопросъ о религіи чрезвычайно важенъ для государства. Я въ этомъ случаѣ безусловно согласенъ съ Макіавелли, что распространеніе основъ вѣры должно быть поставлено выше всѣхъ прочихъ государственныхъ заслугъ». Фраза построена не совсѣмъ грамотно, но зато выражена, что называется, «здорово». Господинъ Режепо защищаетъ религію не съ точки зрѣнія ея истинности и не съ точки зрѣнія ея разумности, правильности и тому подобное, а съ точки зрѣнія ея государственной важности, и въ этомъ смыслѣ напираетъ на глубокое, по его мнѣнію, значеніе, которое должно имѣть усиленіе православнаго элемента въ русскихъ войскахъ. «Будь я начальникъ дивизіи турецкой арміи,—говоритъ господинъ полковникъ съ высшимъ образованіемъ,—то я воспиталъ бы ихъ въ религіи Магомета, дабы никогда не было у дѣтей моихъ разлада въ сердцѣ». Господинъ Режепо самъ не понимаетъ, до какой степени онъ унижаетъ самое понятіе о религіи, низводя ее на степень особой главы воинскаго устава.

Къ сожалѣнію, взглядъ г. Режепо—взглядъ довольно распространенный въ высшихъ военныхъ кругахъ, хоть оспаривать его, въ сущности, было бы безполезно. То же самое слѣдуетъ сказать и о другомъ его взглядѣ. «Справедливо будетъ,—говоритъ Режепо, — встрѣтить въ нашей арміи явленіе болѣе быстраго движенія по службѣ людей православныхъ, а затѣмъ лишь иновѣрцевъ, *въ зависимости отъ ихъ политическихъ убѣжденій*». Другими словами, генераламъ православнаго вѣроисповѣданія должна быть открыта болѣе широкая и болѣе легкая дорога вверхъ, чѣмъ генераламъ всякихъ другихъ вѣроисповѣданій, и это независимо отъ степени ихъ ума, таланта и такъ далѣе. Несомнѣнно, это и наблюдается въ русской арміи. Въ 1902 г. насчитывалось православныхъ среди полныхъ генераловъ 81%, среди генералъ-лейтенантовъ 83%, среди генералъ-маіоровъ 87%. Такимъ образомъ, по мѣрѣ повышенія по іерархической лѣстницѣ, процентъ православныхъ генераловъ *убываетъ*, а, значитъ, процентъ генераловъ неправославныхъ *увеличивается*. Таковъ фактъ. Очевидно, исходя изъ этого факта, г. Режепо и выставляетъ свое требованіе. Три съ половиной года спустя, процентъ православны[illegible] генераловъ измѣнился слѣдующимъ образомъ: среди полныхъ генерал[illegible] онъ упалъ до 73,3, среди генералъ-маіоровъ онъ упалъ до 84,4. Ср[illegible] генералъ-лейтенантовъ онъ повысился до 85,2. Разумѣется, паденіе п[illegible] цента православныхъ обусловлено относительно большимъ количеств[illegible] производствъ въ данный чинъ лицъ неправославныхъ. Значитъ, въ [illegible] ріодъ 1902—1905 гг. было произведено въ званіе генералъ-маіора [illegible]

наго генерала больше неправославныхъ, чѣмъ православныхъ. Значитъ, движеніе по службѣ открыло дорогу неправославнымъ въ болѣе легкой степени, чѣмъ православнымъ. Что касается чина генералъ-лейтенанта, то произошло какъ разъ обратное. На основаніи вышеуказанныхъ данныхъ, поскольку можно дѣлать изъ нихъ выводы за столь небольшой промежутокъ времени, приходится умозаключить, что принадлежность къ православной религіи еще не есть условіе, облегчающее дорогу къ верхнимъ чинамъ. Даже напротивъ, судя по процентному измѣненію числа православныхъ, можно придти къ тому выводу, что, по крайней мѣрѣ, за послѣднее время, иновѣрцы проникаютъ на верхнія ступени военной лѣстницы въ большемъ числѣ, чѣмъ православные. Нельзя не отмѣтить, напримѣръ, что число лютеранъ среди генераловъ весьма значительно и имѣетъ даже тенденцію повышаться. Напримѣръ, въ 1902 г. насчитывалось 20 полныхъ генераловъ (16%) лютеранскаго вѣроисповѣданія, а въ 1905 г. ихъ уже было 24 (16,7%). За тотъ же промежутокъ времени число лютеранъ генералъ-лейтенантовъ выросло съ 47 до 51 (11%), а генералъ-маіоровъ съ 77 (8,9%) до 105 (9,8%). За то же время значительно выросло число католиковъ генераловъ, а именно въ такомъ порядкѣ: полныхъ генераловъ съ 3 до 5, а генералъ-маіоровъ съ 28 до 48. Число католиковъ генералъ-лейтенантовъ понизилось съ 17 до 14. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ врядъ ли можно усмотрѣть, что православнымъ открыта къ высшимъ чинамъ арміи болѣе просторная дорога, чѣмъ для лицъ другихъ исповѣданій. Во всякомъ случаѣ, число лютеранъ и католиковъ за послѣдніе 3 съ половиной года нѣсколько выросло. Г. Режепо отмѣчаетъ даже такой не безынтересный фактъ: въ началѣ наибольшей скоростью движенія по службѣ, въ зависимости отъ религіи, пользовались лютеране, затѣмъ ужъ шли православные, и, наконецъ, католики. Потомъ на первое мѣсто въ этомъ отношеніи выдвинулись католики, за ними стали лютеране, и, наконецъ, православные, и только въ послѣднее время православные стали обгонять «инославныхъ». Выходитъ такъ, что чѣмъ выше генералы по чину, тѣмъ меньше среди нихъ православныхъ,—фактъ, на который нашимъ черносотенцамъ не мѣшаетъ обратить ихъ патріотическое вниманіе.

Всѣмъ извѣстно, что среди нашихъ генераловъ есть очень много «истинно-русскихъ людей». Принимая въ расчетъ вышеуказанное повышеніе процента «инославныхъ» среди генераловъ, приходится придти къ выводу, что исповѣданіе православной вѣры вовсе не является необходимой принадлежностью какъ «истинно-русскихъ» людей вообще, такъ и «истинно-русскихъ» генераловъ въ частности.

Отмѣтимъ кстати, что среди генераловъ есть и армяно-григоріане, а также магометане. Впрочемъ, процентъ тѣхъ и другихъ весьма незначителенъ. Не безынтересно остановиться ненадолго на фамиліяхъ господъ генераловъ и немножко присмотрѣться къ именамъ и отчеству каждаго. При такомъ разсмотрѣніи прежде всего бросается въ глаза, что процентъ генераловъ изъ германской расы гораздо выше, чѣмъ можно было бы ожидать,

судя по статистикѣ генеральскихъ вѣроисповѣданій. Изъ 143 полныхъ генераловъ, кромѣ 24 офиціально исповѣдующихъ господствующую религію, имѣется еще 20 «православныхъ нѣмцевъ». Среди генералъ-лейтенантовъ такихъ православныхъ нѣмцевъ 47 человѣкъ, среди генералъ-маіоровъ 90, а всего на генеральскій синклитъ приходится «157 православныхъ нѣмцевъ». Нѣкоторые изъ нихъ настолько еще не окрѣпли въ православіи, что сохранили даже лютеранское отчество. Есть среди этихъ господъ и православные «фоны». И что особенно курьезно, такъ это то, что именно среди этихъ самыхъ «фоновъ» какъ разъ и оказываются самые ретивые столпы православія, самодержавія и «истинно-русской» народности, и самые ярые черносотенцы.

Спрашивается теперь, какое вліяніе оказываетъ на движеніе по службѣ боевой опытъ? Самое неожиданное. «Среди полныхъ генераловъ достигали чина генералъ-маіора быстрѣе всего генералы нестроевые, т.-е. лица безъ боевого опыта. То же явленіе можно подмѣтить и среди генералъ-лейтенантовъ. Только среди генералъ-маіоровъ мы встрѣчаемъ обратное явленіе. Интересно, что георгіевскіе кавалеры среди полныхъ генераловъ двигались по службѣ *медленнѣе* нестроевыхъ. Среди генералъ-лейтенантовъ тѣ и другіе двигались почти равномѣрно и только среди генералъ-маіоровъ быстрѣе двигались георгіевскіе кавалеры, чѣмъ нестроевые.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну генеральскую черту, именно пристрастіе къ высшимъ гражданскимъ учрежденіямъ. Значительный процентъ генераловъ состоитъ въ Государственномъ Совѣтѣ, сенатѣ, учрежденіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ военнымъ дѣломъ. Особенно много сосредоточилось генераловъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Спрашивается, каково-же ихъ образованіе? Среди членовъ этого совѣта мы встрѣчаемъ 16 генераловъ полныхъ отъ инфантеріи, 4 отъ кавалеріи, 2 отъ артилеріи, 2 отъ инженернаго корпуса и 2 генералъ-фельдмаршаловъ, всего 26 человѣкъ. Изъ нихъ оказывается всего лишь 13 человѣкъ, окончившихъ курсъ какой-либо академіи или бывшихъ въ академіи. Изъ остальныхъ четыре человѣка прошли курсъ пажескаго корпуса, одинъ—курсъ военно-инженернаго училища. Два члена Государственнаго Совѣта изъ полныхъ генераловъ, рѣшающихъ высшія государственныя дѣла, не шагнули дальше юнкерскаго училища, одинъ получилъ свое образованіе въ частномъ учебномъ заведеніи, а четверо получили общее образованіе «дома, а военное на службѣ». Изъ генералъ-лейтенантовъ засѣдаютъ въ Государственномъ Совѣтѣ только трое, изъ нихъ одинъ—лицеистъ. Наконецъ, изъ числа генералъ-майоровъ среди членовъ Государственнаго Совѣта не оказывает ни одного. Для характеристика той государственной пользы, которую могу принести господа военные генералы высшему государственному учреж нію, интересно отмѣтить, что большинство ихъ представляетъ изъ се ходячія древности. Средній возрастъ генераловъ, засѣдающихъ въ Го царственномъ Совѣтѣ,—71 съ половиной года. Самые «молодые» изъ ни не моложе 62 лѣтъ, но есть среди нихъ и 90-лѣтніе старцы, очевид

находящіеся на покоѣ въ злачномъ мѣстѣ послѣ трудовъ праведныхъ на военной службѣ. Что касается до сената, то тамъ засѣдаютъ три полныхъ генерала и два генералъ-лейтенанта. Интересно, что оба генералъ-лейтенанта, входящіе въ составъ высшаго судебнаго учрежденія имперіи, не имѣютъ никакой юридической подготовки и оба ограничили свое образованіе однимъ пажескимъ корпусомъ.

Такова общая картина россійскаго генералитета, которую раскрываетъ намъ безпристрастная статистика. Нельзя сказать, чтобы эта картина была особенно привлекательна. Но для истиннаго и безпристрастнаго освѣщенія ея слѣдуетъ вскрыть, при помощи той же статистики, и ея главную и основную пружину, тотъ primum movens, который и пускаетъ въ ходъ генеральскую машину. Мы говоримъ объ экономической подкладкѣ, которую почтенный полковникъ Режепо, имѣвшій въ своемъ распоряженіи тѣ же самыя данныя, какія и въ нашихъ рукахъ, даже вовсе не позаботился вскрыть какъ слѣдуетъ, проявивъ такимъ образомъ весьма почтительную любезность къ господамъ генераламъ, которую врядъ ли они и заслужили.

Экономическую сторону россійскаго генералитета можно разсматривать съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, со стороны офиціальной, показной, характеристика которой имѣется въ «Спискѣ», а во-вторыхъ, со стороны неофиціальной, дѣйствительной, реальной, которая, по весьма понятнымъ причинамъ, тщательно прячется, въ особенности же отъ постороннихъ взоровъ, и о которой можно судить только по нѣкоторымъ догадкамъ. Намъ поневолѣ приходится ограничиваться первой изъ этихъ двухъ сторонъ. Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы сдѣлать нѣкоторые выводы и о другой сторонѣ, такъ какъ офиціальныя данныя, имѣющіяся въ «Спискѣ», характеризуютъ не что иное, какъ *минимумъ* тѣхъ благъ, какія, при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ, выпадаютъ изъ государственной казны на долю господъ генераловъ. Что же касается до максимума, то самое лучшее искать его не въ «Спискахъ», а въ судебныхъ процессахъ, прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ. Надѣюсь, это самое и удастся намъ сдѣлать, посвятивъ имъ особую работу.

Вотъ во сколько обходится содержаніе господъ генераловъ по даннымъ «Списка». 133 полныхъ генерала, у которыхъ въ «Спискѣ» указано ихъ жалованье, ежегодно обходятся казнѣ въ 1.349,359 р. 76 к., 357 генералъ-лейтенантовъ обходятся ежегодно въ 2.123,973 р. 50 к. Наконецъ, 806 генералъ-майоровъ, стоятъ ежегодно государственному казначейству 3 580,633 р. 37 к. Въ общемъ итогѣ изъ 1673 генераловъ, всѣхъ трехъ р[illegible]нговъ, 1,296 генераловъ о которыхъ есть свѣдѣнія, берутъ на свое содержаніе изъ казны ежегодно 7.053,966 р. 63 к. Если сравнить эту цифру съ нѣкоторыми деталями государственной росписи расходовъ по военному министерству, то окажется, что одни только господа генералы обходятся русскому народу почти *вдвое больше*, чѣмъ сколько ему обходится госпитальная и врачебная части всей русской арміи, и немногимъ *меньше*, чѣмъ учебная и техническая ея часть. Провіантъ и приварокъ

всей россійской арміи, т.-е. не меньше 950,000 человѣкъ солдатъ, беретъ изъ казны только въ шесть разъ больше того, что поглощаютъ ежегодно 1,296 генераловъ. Содержаніе артиллерійской части въ войскахъ и крѣпостяхъ и практическія ихъ занятія берутъ изъ казны слишкомъ въ два раза меньше, чѣмъ господа генералы. Даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ достаточной ли степени вознаграждаются генеральскіе труды во славу престолъ-отечества въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, изъ вышеприведенныхъ цифръ, во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть, что процентное отношеніе стоимости всѣхъ генераловъ къ общему военному бюджету Россійской имперіи непомѣрно велико. Это даже по неполнымъ офиціальнымъ цифрамъ. Дѣйствительность же несомнѣнно превышаетъ ихъ въ нѣсколько разъ. Но при томъ обиліе генераловъ въ русской арміи, которое уже было нами констатировано, разумѣется, нельзя и ожидать, что они обходятся во всей своей совокупности дешевле. «Вся бѣда Франціи,—писалъ когда-то Жюль Симонъ,—заключается въ томъ, что она управляется слишкомъ большимъ числомъ слишкомъ маленькихъ чиновниковъ». Это изреченіе Наполеоновскаго времени, съ небольшой передѣлкой, можетъ быть приложено и къ Россіи, по отношенію къ господамъ генераламъ, да и вообще бюрократамъ. Генералы, въ своей массѣ, обходятся государству *непомѣрно дорого*,—таковъ выводъ, какой необходимо сдѣлать, принимая во вниманіе не только весьма почтенную цифру ихъ, но и стоимость каждаго генерала. Не забудемъ, что въ эти 7 милліоновъ рублей, которые идутъ на генераловъ, еще не входитъ содержаніе 377 генераловъ, о которыхъ «Списокъ» не даетъ необходимыхъ экономическихъ свѣдѣній. Если же взять и этихъ 377 человѣкъ, по среднему разсчету ихъ содержанія, то окажется, что генералы обходятся народу по меньшей мѣрѣ въ 10,750,079 р. 24 к. Но и въ эту сумму входитъ только то, что генералы получаютъ отъ военнаго вѣдомства, не считая никакихъ другихъ получекъ ихъ. Далѣе, не забудемъ, что въ ту же сумму не входятъ наградныя и пособія, которыя, какъ извѣстно, выдаются, тоже вообще говоря, въ довольно почтенныхъ размѣрахъ. Далѣе, не входятъ «разъѣздныя», которыя до сихъ поръ высчитываются не по тарифу желѣзной дороги, а по лошадямъ: бюрократическій архаизмъ, который несомнѣнно удержится во всѣхъ вѣдомствахъ вплоть до радикальной чистки Авгіевыхъ конюшенъ русской бюрократіи. Не забудемъ также, что очень многимъ господамъ генераламъ, засѣдающимъ въ разныхъ коммиссіяхъ, идутъ не малыя суммы за «труды» въ этихъ коммиссіяхъ. У именъ нѣкоторыхъ изъ генераловъ, это даже и показано, въ «Спискѣ»—по 4 р. «за засѣданіе». Мы не станемъ говорить и о томъ, что у каждаго генерала, особенно у командующихъ стями, имѣются, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и др источники дохода. Еще такъ недавно сообщалось въ газетахъ (см. напр. *Русское Слово*, за 1906 г., № 261) о солидныхъ «экономическихъ к талахъ», которые достигли ни больше, ни меньше, какъ до 23 милл. и которые оказались въ экономіи благодаря «бережливымъ» (конеч-

счетъ солдата) начальникамъ частей въ послѣднюю войну, и «сохранены», какъ это всегда бываетъ, не иначе какъ вслѣдствіе непомѣрно повышенной расцѣнки предметовъ довольствія. Въ настоящее время капиталы эти употребляются тоже довольно интереснымъ способомъ. Они сохраняются «на случай начетовъ со стороны контроля», «на погашеніе суммъ, отчеты въ расходованіи коихъ не могутъ быть представлены»,—великолѣпное канцелярское выраженіе, покрывающее собою, Аллахъ вѣдаетъ, какія дѣла,—Но есть у генераловъ и иные доходы. Наприм., дѣло г. Стесселя показываетъ, что доходы эти бываютъ какъ безгрѣшные, такъ и грѣшные. Изъ газетъ извѣстно, что господинъ Стессель извлекъ изъ Портъ-Артура для себя гораздо больше выгодъ, чѣмъ для любезнаго отечества, такъ что госпожа Стессель имѣла возможность пріобрѣсти въ Петербургѣ участокъ земли для постройки дома за 350 тысячъ рублей, а «свое собственное» имущество прославленный Портъ-Артурскій герой, какъ извѣстно, вывозилъ изъ Портъ-Артура, ни больше, ни меньше, какъ на 40 подводахъ. Для характеристики генеральскихъ доходовъ, припомнимъ еще разныя генеральскія авантюры, раскрытыя процессомъ Греггера, Горвица и Кагана въ эпоху русско-турецкой войны. Припомнимъ дѣло свеаборгскихъ генераловъ и ихъ инженерные подвиги по сооруженію Свеаборгской крѣпости, тоже раскрывшіеся на судѣ. Припомнимъ злоупотребленія при доставкѣ провіанта и обмундированія для русской арміи въ русско-японскую войну, всѣ эти сапоги съ бумажными подметками, гнилые полушубки, зараженные сибирской язвой и прочее. Припомнимъ «дѣло о пропажѣ» (точнѣе, о кражѣ) 3,700 паръ сапогъ и 2,000 шароваръ изъ магазина «тылового интендантства» (*Русь,* 1905 г., № 26), о растратѣ милліона аршинъ холста въ «вещевомъ складѣ с.-петербургскаго военнаго округа» (*Товарищъ,* 1906 г., № 80). Припомнимъ дѣло подрядчика Фейгина, которому интендантство соблаговолило дать «противъ существующихъ цѣнъ» 2 милліона 835 тыс. 359 руб. и противъ первоначальныхъ «контрактныхъ условій» 1 милліонъ 480 тыс. 137 руб., а всего 4 милл. 315 тыс. 496 руб. (см. «Всеподданнѣйшіе отчеты государственнаго контролера» за 1873 г.). Припомнимъ дальше искъ Гинсбурга въ 5 милл., почти удовлетворенный до суда, дѣло о постройкѣ военнаго госпиталя въ Ташкентѣ, *ремонтъ котораго обошелся дороже самой постройки* (см. «Всеподданнѣйшіе отчеты государственнаго контролера» за 1873 г.). Припомнимъ дѣла о постоянныхъ «начетахъ» со стороны контроля, то-есть о расходахъ, не доказанныхъ документально, каковыхъ только по Всеподданнѣйшему отчету государственнаго контролера (къ 1891 г.) оказалось ни больше, ни меньше, какъ 1 милл. 4[illegible]0 тыс. руб. Припомнимъ далѣе такъ называемыя «непріятности» съ «полученіемъ» квартирныхъ денегъ разными лицами, занимавшими казенныя квартиры. Припомнимъ таинственный пожаръ продовольственнаго магазина варшавскаго военнаго округа въ 1893 г. (см. «Всеподданѣйшій отчетъ государственнаго контролера» за 1893 г.). Припомнимъ грабительскіе подвиги ультра-знаменитаго генерала Анненкова, который, прослави-

вшись на постройкѣ Закаспійской желѣзной дороги, еще болѣе прославился своими милліонными «растратами» при безконтрольной организаціи общественныхъ работъ для голодающихъ крестьянъ въ эпоху голодовки 1891—92 гг., что удостовѣрено отмѣткой императора Александра III на «Всеподданѣйшемъ отчетѣ государственнаго контролера» за 1893 г.

Какъ извѣстно, одинъ этотъ доблестный генералъ обошелся голодающимъ крестьянамъ около 10 милл. руб. Кромѣ того, послѣ него остались еще какіе-то долги, но не личные долги его казнѣ, а долги *казны ему*, которые и погашаются казною *до сихъ поръ*, что можно видѣть въ «Смѣтѣ государственнаго казначейства» за 1903 г., гдѣ, между прочимъ, находимъ такую рубрику: «на уплату дворянскому банку ежегодныхъ платежей по имѣнію генерала Анненкова ассигновывается впредь на 10 лѣтъ по 5,495 руб. *ежегодно*».

Словомъ сказать, много генеральскихъ именъ могли бы войти въ исторію русской общественности за послѣднія 30—40 лѣтъ, хотя и не увѣнчали себя никакимъ ореоломъ даже казенной славы. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти имена и всѣ факты, съ ними связанные, какъ нельзя болѣе доказываютъ, что содержаніе господъ генераловъ обходится ежегодно русской государственной казнѣ, а значитъ и русскому народу, ужъ никакъ не въ 10 милл. руб., а по меньшей мѣрѣ милліоновъ въ 20—30, если не больше,— обстоятельство, какъ извѣстно, упорно непринимаемое въ разсчетъ господами представителями россійской государственной росписи, даже тѣми, кто «старательно» заботится о «сокращеніи расходовъ». Даже г. Коковцевъ, даже г. Витте заботились о сокращеніи государственныхъ расходовъ. Но, насколько намъ извѣстно, ни одинъ россійскій дѣятель исторіи не заботился о сокращеніи *генеральскихъ расходовъ*. Во всякомъ случаѣ, содержаніе господъ генераловъ, какъ и расходы на полицію, съ каждымъ годомъ не только не уменьшаются, но возрастаютъ и возрастаютъ. Возрастаетъ ихъ численный составъ, если не считать небольшихъ сокращеній, произведенныхъ въ 1906 г., возрастаетъ стоимость ихъ содержанія, примѣрно въ обратной пропорціи народной бѣдности и нищеты и въ прямой пропорціи къ росту полицейскаго произвола.

Но, быть можетъ, общая сумма расходовъ государственной казны на содержаніе генераловъ еще ничего не говоритъ о ихъ личномъ матеріальномъ благополучіи? Переходимъ къ выясненію этого послѣдняго, и, оставляя въ сторонѣ разныя побочныя получки подъ видомъ «наградныхъ», «разъѣздныхъ» и т. д., посмотримъ, каковы размѣры генеральскихъ окладовъ по даннымъ офиціальнаго списка, и изъ какихъ статей эти окл[illegible] составляются. Прежде всего возьмемъ господъ полныхъ генераловъ. [illegible] средній годовой окладъ составляетъ 12,906 руб. 97 коп. Средній годо[illegible] окладъ генералъ-лейтенанта 5,677 р. 38 к. *). Наконецъ, средній ок[illegible] генералъ-майора—4,123 р. 60 к. Какъ извѣстно, японскій главноко[illegible]-

*) Не считая аренды.

дующій получалъ всего лишь 6,000 р., и это въ военное время. Такимъ образомъ, господа полные генералы россійской арміи даже въ мирное время получаютъ въ два слишкомъ раза больше, чѣмъ японскіе главнокомандующіе въ военное. Содержаніе же нашихъ генераловъ и генералиссимусовъ во время войны таково, что японскимъ генераламъ оно не можетъ и присниться. Какъ извѣстно, изъ газетъ россійскій кунктаторъ ген. Куропаткинъ получалъ, будучи главнокомандующимъ, изъ народной казны не по 6, а по 144 тысячи рублей въ годъ, и даже попавъ въ отставку, хлопоталъ у кого слѣдуетъ, по возможности, не уменьшать его жалованья. Что касается до содержанія господъ генералъ-лейтенантовъ въ мирное время, то оно пріурочивается въ россійскомъ казенномъ отечествѣ къ содержанію японскаго главнокомандующаго въ военное время. Изъ этого можно видѣть, во всякомъ случаѣ, что содержаніе россійскихъ генераловъ ужъ никакъ нельзя назвать скуднымъ. Россійская казна не скупится вознаграждать своихъ «вѣрныхъ и безкорыстныхъ слугъ». Очень интересно вникнуть въ вышеприведенныя цифры болѣе детально, и прежде всего посмотрѣть, изъ какихъ собственно «статей» слагаются средніе генеральскіе оклады.

У господъ полныхъ генераловъ ихъ средній окладъ слагается изъ трехъ главныхъ статей: изъ жалованья, столовыхъ и изъ «аренды». Каковы же размѣры этихъ трехъ статей окладовъ? Средній размѣръ жалованья вычисляется по «Списку» въ 6,332 руб. 36 к. Средній размѣръ столовыхъ— 4,491 р. 55 к. Средній размѣръ арендъ—2,083 руб. 6 коп. Всѣ эти три цифры колеблются въ довольно большихъ предѣлахъ, какъ бы дополняя одна другую, лишь бы довести генеральское содержаніе до опредѣленной средней нормы. Такъ, напримѣръ, есть генералы, жалованье которыхъ исчисляется всего лишь въ 1,800 руб. Съ другой стороны, какъ сказано выше, главнокомандующій, генералъ Куропаткинъ получалъ въ годъ по 144 тысячи рублей, а командующій 3-й манчжурской арміей Батьяновъ— 108 тыс. руб. Впрочемъ, эти двѣ послѣднія цифры,—цифры военнаго времени. Максимумъ жалованья полнаго генерала, по тарифу мирнаго времени—20,000 р. Но и при этой цифрѣ амплитуда (разница) получается довольно значительная. Столовыя, отпускаемыя господамъ полнымъ генераламъ, колеблются въ предѣлахъ отъ 1,401 р. до 7,900 руб.! Аренды же—отъ 1,500 руб. до 4,000 р. Генералъ-лейтенанты получаютъ жалованья, среднимъ числомъ, по 2,096 руб. 90 к. столовыхъ по 3,580 р. 48 к. Интересно, что столовыя здѣсь почти въ два раза *превышаютъ* самое жалованье, тогда какъ у господъ полныхъ генераловъ жалованье почти въ полтора раза превышаетъ размѣры столовыхъ. Любятъ хорошо покушать господа генералъ-лейтенанты, и если у нихъ не выгорѣло дѣло насчетъ жалованья, зато они взяли-таки свое изъ казны подъ видомъ столовыхъ. Размѣры арендъ, получаемыхъ господами генералъ-лейтенантами, колеблются отъ 1,200 руб. до 2,000 руб.; размѣры жалованья отъ 900 р. 14,000 р., размѣры столовыхъ отъ—900 р. до 6,000 рублей. Такимъ

образомъ, даже эти цифры показываютъ, что и обычныя получки генеральскія, такъ сказать, находятся въ руцѣ Божіей, которая и награждаетъ каждаго генерала по особымъ заслугамъ его. То же самое мы наблюдаемъ и среди генералъ-майоровъ. Эти господа вовсе не получаютъ арендъ. Средній окладъ ихъ жалованья равняется 1,670 руб. 41 к. Средній окладъ ихъ «столовыхъ»—2,453 руб. 19 к., т.-е. въ полтора раза больше, чѣмъ жалованья. Генералъ-майорское жалованье колеблется отъ 600 рублей до до 3,000 р., «столовыя»—отъ 600 р. до 5,700 р. Другими словами, есть среди генералъ-майоровъ такіе, которые получаютъ жалованье въ пять разъ больше «столовыхъ», и почти въ 10 разъ больше, чѣмъ ихъ товарищи, такіе же генералъ-майоры, только не столь счастливые, какъ они.

Но размѣры жалованья, столовыхъ и арендъ еще не въ достаточной степени характеризуютъ вознагражденіе, получаемое господами генералами всѣхъ трехъ ранговъ. Кромѣ этого, въ генеральскіе карманы идетъ множество довольно крупныхъ суммъ подъ всевозможными другими наименованіями. Господа генералы отлично понимаютъ, что не въ названіяхъ дѣло. Эти хитроумно-придуманныя канцелярскія прозвища всевозможныхъ очень даже нехитроумныхъ получекъ,—нечто иное, какъ «маленькая формальность», или, точнѣе говоря, декорація, если кому-нибудь и нужная, то лишь по традиціи,—той самой традиціи, о которой всѣ отлично знаютъ, что ей грошъ цѣна. Вотъ, напримѣръ, подъ какими кличками сыплются въ генеральскіе карманы разныя прибавки къ ихъ содержанію. Сначала будемъ говорить о полныхъ генералахъ. Изъ нихъ 26 человѣкъ получаютъ «добавочныя» (на 65,877 р. 75 к.), далѣе, шесть человѣкъ получаютъ кромѣ того «особо добавочныя» въ общей суммѣ 10,000 рублей, двумъ генераламъ идутъ еще «лично прибавочныя» 4,220 руб. Далѣе: 4 полныхъ генерала получаютъ «квартирныя» (8,960 р.). Къ этому надо прибавить «пенсіи на службѣ», которыя получались 8-ю полными генералами и на которыя идетъ ежегодно 18,315 р. 56 к. Далѣе, 6 человѣкъ получаютъ пенсію «за ученую службу» (11,232 р. 27 к.). Кстати сказать, сравненіе этихъ двухъ цифръ показываетъ, что средніе размѣры пенсіи за «ученую службу» (1,872 р. 4 к.) значительно меньше среднихъ размѣровъ пенсіи за службу не ученую .Кромѣ этихъ двухъ категорій пенсій, существуютъ еще другія категоріи, напримѣръ, за «Георгія» (ежегодно 10-ти полнымъ генераламъ уплачивается 3,200 р.). Далѣе, «за раны» два полныхъ генерала получаютъ въ общей совокупности 796 руб. 80 к., а одинъ—238 р. 80 к. «за защиту Севастополя». Такимъ образомъ, храбрость и раны оплачиваются *хуже всего* въ россійской арміи. Далѣе, одному полному генер[illegible] идетъ изъ инвалиднаго капитала 480 рублей.

Такова пестрая картина добавочныхъ генеральскихъ получекъ. Но и [illegible] далеко не полна, такъ какъ нѣкоторые генералы совмѣщаютъ въ сво[illegible] лицѣ нѣсколько должностей. Генеральскія имена встрѣчаются въ частн[illegible] учрежденіяхъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ банкахъ. Они же встрѣчаю[illegible] какъ мы видѣли, въ Государственномъ Совѣтѣ и сенатѣ, а также въ [illegible]

ныхъ вѣдомствахъ (напримѣръ, въ отдѣльномъ корпусѣ жандармовъ), служба въ которыхъ сопряжена съ полученіемъ весьма солидныхъ окладовъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ засѣдаетъ 26 человѣкъ генераловъ, на которыхъ идетъ, среднимъ числомъ, по 16,400 руб. въ годъ,—максимумъ 23,000 р., минимумъ 10,000 рублей. Не безъ вознагражденія остаются и господа полные генералы, засѣдающіе въ сенатѣ. Къ сожалѣнію, размѣры этого содержанія въ «Спискѣ» не указаны, ни у кого изъ нихъ, за исключеніемъ И. М. Гедеонова, который получаетъ ежегоднаго содержанія 5,396 р. 38 к., да кромѣ того 3,000 р. аренды. Нѣкоторые генералы засѣдаютъ еще въ разныхъ комитетахъ, напримѣръ, въ Александровскомъ комитетѣ о раненыхъ, получая тамъ тоже хорошія денежки. (Судя по отчету содержаніе одной только канцеляріи этого комитета обходится ежегодно, по даннымъ 1903 года, въ 134,158 рублей!) Другіе генералы устроились тоже недурно въ качествѣ такъ называемыхъ «почетныхъ опекуновъ» при вѣдомствѣ Императрицы Маріи, получая оттуда, кромѣ своей «аренды» и прочихъ земныхъ благъ, еще и солидное жалованье—отъ 5,809 р. до 9,800 руб. въ годъ. Объ этихъ генеральскихъ получкахъ изъ другихъ вѣдомствъ «Списокъ генераламъ» молчитъ. Но чего нельзя найти въ самомъ «Спискѣ», то мы находимъ въ другомъ мѣстѣ. Такъ, напримѣръ, въ «Смѣтѣ расходовъ по министерству юстиціи на 1903 годъ» значится, что гг. генералы, засѣдающіе въ сенатѣ получаютъ за свои засѣданія очень солидные куши, а именно,—отъ 6,816 р. до 8,820 р. ежегодно. Это не считая аренды и проч. Что цифры «Списка» вообще ниже дѣйствительности, то видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: «Сенаторъ Гедеоновъ,—какъ это значится въ «Спискѣ» 1905 года,—получаетъ жалованья, кромѣ аренды, 5,396 руб. 38 коп. «А по смѣтѣ, министерства юстиціи на 1903 годъ его жалованье (тоже кромѣ аренды) показано въ 6,816 руб., т.-е. на полторы тысячи больше. Если бы мы могли вѣрить «Списку» въ томъ, что онъ не уменьшаетъ генеральскаго жалованья, то изъ такого сопоставленія можно было бы усмотрѣть, что г. Гедеонову, словно за какія-то его провинности, жалованье уменьшено, хотя онъ всетаки остается въ своей прежней должности.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что господа генералы несомнѣнно получаютъ гораздо больше того, чѣмъ сколько указано въ «Спискѣ». У всѣхъ этихъ господъ одна добавочная получка такъ и громоздится на другую. Среднимъ числомъ, разнаго рода прибавочныхъ получекъ приходится, судя даже по «Списку», на 66 полныхъ генераловъ, у которыхъ эти получки указаны, по 1,967 руб. 91 к.,—прибавка довольно почтенная, особенно если принять въ разсчетъ, что и она далека отъ дѣйствительности и въ нѣсколько разъ ниже ея.

Но и на этомъ не оканчиваются генеральскія получки. Нѣкоторымъ генераламъ идетъ изъ казны фуражъ на лошадей, разумѣется, не считая того, что иные генералы, командующіе частями, пользуются и лошадьми, и фуражемъ для нихъ, и даже экипажами, и квартирой, и ото-

пленіемъ, и освѣщеніемъ, и даровой прислугой, въ видѣ цѣлаго штата денщиковъ, т.-е. тѣмъ же крѣпостнымъ и даровымъ трудомъ «ввѣренныхъ ихъ попеченію «солдатъ, которые безплатно воздѣлываютъ генеральскіе сады, огороды, столярничаютъ, малярничаютъ и т. д., и т. д. на ихъ превосходительства.

Но и это еще не все. Отъ времени до времени гг. генералы получаютъ еще получки, такъ сказать, «особыя изъ особыхъ», напримѣръ, особыя награды или особыя «пособія на лѣченіе».

Среди 143 полныхъ генераловъ есть такіе, которые вовсе не получаютъ жалованья,—таковыхъ оказывается по «Списку» всего лишь семь человѣкъ, а именно: три иностранныхъ шефа—ханъ Хивинскій, эмиръ Бухарскій, да два генерала (Фредериксъ и Олсуфьевъ), которымъ идетъ несомнѣнно очень «приличное» содержаніе отъ вѣдомства императорскаго двора и Императрицы Маріи. Размѣры содержанія двухъ послѣднихъ генераловъ не указаны въ «Спискѣ».

Интересно посмотрѣть, въ какихъ предѣлахъ колеблются разныя второстепенныя генеральскія получки. Такъ, напримѣръ, «добавочныя» колеблются отъ 282 руб. 75 к. у однихъ полныхъ генераловъ, до 5,700 руб. у другихъ, «особо-добавочныя» отъ 1,000 до 3,000 рублей, «лично-прибавочныя» отъ 1,500 до 2,720 руб., пенсія на службѣ—отъ 865 р. 56 к. до 4,000 р. Пенсія за ученую службу отъ 1,500 р. до 2,520 р. «Пенсія за раны»—отъ 225 р. до 571 руб. 80 к. Наконецъ, «квартирныя» отъ 2,000 р. до 2,330 р. за «Георгія» отъ 150 до 630 р. и «изъ георгіевскаго капитала»—480 р.

Посмотримъ теперь, каковы добавочныя получки господъ генералъ-лейтенантовъ. Вообще говоря, онѣ слагаются изъ тѣхъ же статей, какъ и получки полныхъ генераловъ, съ тою только небольшой разницей, что аренду получаютъ далеко не всѣ генералъ-лейтенанты, а лишь 42 человѣка изъ 460, да къ этому присоединяется еще одна категорія получекъ, вошедшая въ «Списокъ», именно: разъѣздныя, которыя получаютъ четыре человѣка, въ общей суммѣ 3,550 р. въ размѣрахъ отъ 550—1,000 руб. Къ сожалѣнію, содержаніе господъ генералъ-лейтенантовъ показано въ «Спискѣ» еще съ меньшей полнотой, чѣмъ содержаніе полныхъ генераловъ,—значитъ, о его дѣйствительныхъ размѣрахъ можно составить тоже только лишь приблизительное понятіе. Дѣйствительные оклады показаны только кое-гдѣ, и то случайно. Такъ, напримѣръ, у одного командира армейскаго корпуса обозначено содержаніе 15,250 р. Надо полагать, около этой же цифры колеблется и содержаніе командировъ другихъ армейскихъ корпусовъ, но объ этомъ «Списокъ» умалчиваетъ, равно как и о большинствѣ получекъ по должности. Обращаетъ на себя вниманіе, что очень многіе генералъ-лейтенанты прикомандированы къ различнымъ другимъ вѣдомствамъ, и, очевидно, имѣютъ получки и оттуда, а именно: по министерству внутреннихъ дѣлъ состоитъ 7 генералъ-лейтенантовъ, да кромѣ того два по корпусу жандармовъ, 6 состояли въ 1905 г. въ [illegible]

гражданскихъ губернаторовъ, да 6—въ званіи губернаторовъ военныхъ; одинъ состоялъ цензоромъ, 6—по министерству императорскаго двора, 4—по вѣдомству императрицы Маріи, 3—по министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ, два по министерству народнаго просвѣщенія, два—занимаютъ мѣста директоровъ казенныхъ заводовъ, Обуховскаго и Охтенскаго, по одному состоятъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ министерствѣ юстиціи, финансовъ, государственномъ коннозаводствѣ, и такъ далѣе. Врядъ ли нужно доказывать, что, принимая въ разсчетъ всѣ генеральскія получки изъ разныхъ вѣдомствъ, средній окладъ генералъ-лейтенантскаго содержанія (5,677 р. 38 к., не считая арендъ, добавочныхъ и т. под.) придется вообще повысить значительно. Что касается до этихъ добавочныхъ получекъ, то круглымъ числомъ на каждаго генералъ-лейтенанта, изъ 197 человѣкъ, о которыхъ имѣются такого рода свѣдѣнія, приходится среднимъ числомъ по 1,238 р. 29 к. Эти получки распредѣляются такъ: аренды получаютъ 42 генералъ-лейтенанта, въ общей суммѣ на 63,800 р. въ размѣрѣ отъ 1,200—2,000 р. Квартирныя получаютъ 21 человѣкъ (33,036 р.), на каждаго отъ 906 до 2,100 руб. Особенно много идетъ «добавочныхъ», которыя получаются 48 генералъ-лейтенантами на сумму 57,347 р. 90 к., въ предѣлахъ отъ 400 до 2,511 руб., «Особо добавочныя» 19,950 р. расходятся по рукамъ 15 человѣкъ, на каждаго отъ 1,150—1,500 р., «лично добавочн. [illegible] 137 р. 87 к. поступаютъ къ 15 генералъ-лейтенантамъ, на каждаго отъ 206 р. 40 к. до 1,500 р., пенсіи по службѣ (8,524 р. 65 к.) получаютъ 6 человѣкъ отъ 151 р. 25 к. до 1,800 р. Пенсію за «ученую службу» 32,822 руб. 8 к. получаютъ 23 человѣка (отъ 514 р. 60 к. до 2,400 р.), за Георгія уплачивается 17 генералъ-лейтенантамъ 4,430 р. ежегодно. Кромѣ того двое получаютъ 665 р. изъ георгіевскаго капитала (305 р. и 360 р.). Четыремъ генералъ-лейтенантамъ идетъ 1,680 р. за раны (отъ 360 до 480 руб.). Въ общемъ, эти всѣ получки съ прибавкой 3,550 р. разъѣздныхъ, о которыхъ уже шла рѣчь, даютъ итогъ въ 243,943 р. 50 к. ежегодно.

Переходимъ теперь къ обзору финансоваго положенія господъ генералъ-майоровъ. Получки ихъ составляются изъ тѣхъ же статей, какъ и получки генералъ-лейтенантовъ, съ тою только разницей, что размѣры этихъ получекъ относительно ниже, но число лицъ получающихъ ихъ—относительно больше. Въ общемъ, на каждаго генералъ-майора изъ 360 человѣкъ, у которыхъ разныя добавочныя получки указаны въ «Спискѣ», приходится среднимъ числомъ по 962 р. 60 к. на человѣка. Всего подъ разными кличками расходится ежегодно по генералъ-майорскимъ рукамъ 350,228 руб. 97 к. Это не считая жалованья и столовыхъ, о которыхъ уже было сказано выше. Изъ этой общей суммы приходится больше всего на получки, носящія кличку «добавочныхъ». Подъ этимъ названіемъ 105 генералъ-майоровъ ежегодно получаютъ 110,922 р. 80 к. На второмъ мѣстѣ стоятъ «квартирныя» 91,769 р. 49 к. (на 109 человѣкъ), далѣе идутъ «лично добавочныя» 36,086 р. 73 к. на 25 человѣкъ, разъѣздныя

27,807 р. (на 27 человѣкъ). Солидный размѣръ «разъѣздныхъ», кстати сказать, напримѣръ извѣстный по скандальному дѣлу графа Кутаисова, не можетъ не обратить на себя вниманія. Среди генералъ-майоровъ 20 человѣкъ получаютъ пенсію за «ученую службу» (23,304 р. 980 коп.). Столько же человѣкъ получаютъ «пенсія на службѣ» (18,913 р. 64 к.); «особо добавочныхъ» расходится 8,851 р. по рукамъ 11 человѣкъ, пенсіи за орденъ Георгія 20 человѣкъ получаютъ 4,560 р., «за раны» 11 человѣкъ 3,455 р. Такимъ образомъ, и здѣсь оказывается, что храбрость и раны—товаръ довольно дешевый. Далѣе многіе генералъ-майоры получаютъ мелкія и случайныя надбавки къ своему содержанію. Такъ, напримѣръ, четыремъ генералъ-майорамъ идетъ «порціонъ» (отъ 1,095 р. до 1,460 р.). Пяти генералъ-майорамъ дается, несмотря на обиліе денщиковъ, еще на «прислугу» (отъ 130 р. до 300 р.). Одинъ генералъ-майоръ ухитряется даже получать по 200 р. «обмундировочныхъ». Одному дается «экипажныхъ» 1,714 руб. Одинъ генералъ-майоръ пограничной стражи получаетъ 6,000 р. ежегодно «на пред.». Что означаетъ сіе таинственное «пред.» неизвѣстно. Къ «Списку» приложена таблица условныхъ сокращеній, употребляемыхъ въ этой книжкѣ, но это самое «пред.» въ этой таблицѣ вовсе не обозначено. Означаетъ ли оно на «представительство?» Или, быть можетъ, на какія-нибудь «предпріятія», или на что-нибудь другое? «Списокъ» объ этомъ скромно умалчиваетъ. Далѣе изъ отчетовъ государственнаго контроля мы узнаемъ, что нѣкоторые генералы (наприм., С. П. Зыковъ) получаютъ субсидіи на изданія разнаго рода патріотически-макулатурныхъ журнальчиковъ, лѣпящихся безъ числа при военномъ вѣдомствѣ («Досугъ и Дѣло», «Вѣстникъ Краснаго Креста» и т. п.).

Всѣ эти маленькія получки интересны вотъ въ какомъ отношеніи: очевидно, онѣ становятся извѣстными совершенно случайно, быть можетъ, даже по оплошности тѣхъ генераловъ, которые давали составителямъ «Списка» свѣдѣнія о себѣ самихъ. Но какимъ бы способомъ ни были даны эти свѣдѣнія, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что они вскрываютъ кой-какія «военныя» и даже «государственныя тайны». Есть основаніе думать, что эти «порціоны», да эти «на прислугу», да «обмундировочныя», да «экипажныя» ежегодно растекаются по генеральскимъ рукамъ въ размѣрахъ очень почтенныхъ. Если среди господъ генералъ-майоровъ есть и такіе мудрецы, на которыхъ довольно простоты, зато, разумѣется, еще больше такихъ, которые превосходно знаютъ, гдѣ раки зимуютъ, и о своихъ доходахъ и получкахъ, какъ водится, лишнихъ словъ не говорятъ.

Но есть и маленькое отличіе генералъ-майорскаго содержанія отъ ге- нералъ-лейтенантскаго: оно заключается въ томъ, что генералъ-май[...] вовсе не получаютъ арендъ, за исключеніемъ одного единственнаго—[...] ринкина (генералъ-майора отдѣльнаго корпуса жандармовъ), состоявшаг[...] 1905 г. начальникомъ дворцовой полиціи, которому ежегодно идетъ по 1,50[...] аренды. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ генералъ-майоровъ удостоенъ ар[...] генералъ нестроевой, и удостоенъ онъ этого не за раны и не за во[...]

заслуги,—нѣтъ, паче всѣхъ почтенъ такимъ необычнымъ для генералъ-майоровъ способомъ генералъ-майоръ отъ сыскной полиціи. Тоже очень характерный для нашего времени фактъ. Но этотъ фактъ оказывается еще пикантнѣе, если мы примемъ во вниманіе, что генералъ Ширинкинъ получаетъ жалованья *сразу отъ трехъ* вѣдомствъ, а именно: отъ военнаго (какъ генералъ-майоръ), отъ министерства внутреннихъ дѣлъ (какъ жандармъ) и отъ министерства императорскаго двора (какъ генералъ дворцовой полиціи). И этотъ примѣръ тройныхъ получекъ—примѣръ не единственный.

Подобно генералъ-лейтенантамъ многіе генералъ-майоры также состоятъ по разнымъ вѣдомствамъ. Кромѣ коменданта дворцовой полиціи, который въ 1905 г. получалъ по этой должности 7,456 р., одинъ генералъ-майоръ занималъ губернаторское мѣсто, одинъ состоялъ опекуномъ по вѣдомству императрицы Маріи, другой по коннозаводству. Три генералъ-майора, два съ академическимъ образованіемъ и одинъ съ дипломомъ пажескаго корпуса, занимали мѣста въ Финляндіи; изъ нихъ двое были губернаторами, а одинъ состоялъ сенаторомъ. Сенаторъ получалъ 6,473 марки, а губернаторы по 20—22 тыс. мар. Изъ этого видно, что трудъ сенатора цѣнится ниже заслугъ губернатора, и это не только въ Финляндіи, но и въ Россіи. Далѣе два генералъ-майора служили въ корпусѣ жандармовъ, одинъ состоялъ начальникомъ николаевской желѣзной дороги съ окладомъ въ 16,000 руб. въ годъ, а другой начальникомъ восточно-китайской жел. дороги съ окладомъ 35,000 р. въ годъ! Изъ этой послѣдней цифры видно, что иные генералъ-майоры умѣютъ устраивать свои дѣла совершенно по министерски, не считая того, что они чувствуютъ себя на такихъ мѣстахъ, какъ и военные губернаторы, губернаторы и т. п., настоящими царьками. Но развѣ эта цифра въ 35,000 р. говоритъ хотя бы о десятой части того благополучія, которое выпадаетъ на этого послѣдняго генералъ-майора? Чтобы составить себѣ полное представленіе о генеральскомъ благополучіи, необходимо въ нѣсколько разъ увеличить эти цифры, помножить ихъ на коэффиціентъ политическихъ вѣяній, которыя, въ свою очередь, измѣняются въ соотвѣтствіи... съ ходомъ «смуты».

Таково экономическое положеніе россійскаго генералитета. Намъ приходилось неоднократно встрѣчать мнѣніе, идущее со стороны господъ генераловъ и другихъ военныхъ, что содержаніе, нынѣ получаемое русскими генералами, въ сущности незначительно, что оно не соотвѣтствуетъ ихъ «высокому положенію» въ военной іерархіи и должно бы быть повышено. Стоитъ ли останавливаться на такомъ мнѣніи? Всѣмъ извѣстно, что кто имѣетъ много, тотъ желаетъ получить еще больше. Говорятъ французы, что «аппетитъ растетъ во время ѣды». Всякій знаетъ, что гг. генераламъ живется очень недурно,—настолько недурно, что многіе изъ нихъ имѣютъ возможность изъ избытковъ своего содержанія обзаводиться даже недвижимой собственностью, покупать дома, дачи и даже помѣстья, и даже очень обширныя.

Въ «Спискѣ», къ сожалѣнію, не указано размѣровъ генеральскаго землевладѣнія. Тѣмъ не менѣе, всѣмъ извѣстно, что среди господъ военныхъ генераловъ имѣется весьма значительный процентъ *крупныхъ землевладѣльцевъ*, домовладѣльцевъ и заводовладѣльцевъ, отчасти получившихъ свои владѣнія по наслѣдству, а отчасти пріобрѣвшихъ ихъ за время своей службы.

Такъ, въ смѣтахъ «Главнаго управленія» неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей на 1903 г. мы находимъ, въ числѣ прочихъ винокуровъ, рядомъ съ винокурами штатскими, и нѣсколькихъ *винокуровъ военныхъ*, генеральскаго званія. Эти военные винокуры, не довольствуясь казеннымъ жалованьемъ, берутъ у казны еще и «ссуды на свое винное дѣло», конечно, подъ непомѣрно маленькіе проценты. Такъ, напримѣръ, генералъ-лейтенанту Сперанскому выдано изъ казны на этотъ предметъ ни больше, ни меньше какъ 75,000 р. изъ 4 проц. годовыхъ на 6 лѣтъ,—и затѣмъ ему же было выдано еще 46,000 р. и на этотъ разъ уже на 10 лѣтъ. Генералъ-лейтенанту Арапову, на тотъ же предметъ и оттуда же, выдано 36,000 руб. казенныхъ денегъ на 7 лѣтъ, тоже изъ 4 проц. годовыхъ, и т. д. и т. д.

Если среди отставныхъ генераловъ и встрѣчаются иногда относительные бѣдняки, живущіе на одну пенсію, то во всякомъ случаѣ и это частное явленіе не исключаетъ правильности нашего общаго вывода, который мы позволяемъ себѣ сдѣлать на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ. Генералы—это хорошо обезпеченная общественная группа, опирающаяся въ своей обезпеченности не только на казенный сундукъ, но и на земельный фондъ, группа, которой нынѣ существующій государственный строй оказываетъ въ высшей степени важную поддержку въ данномъ отношеніи и даетъ опору. Очень многіе изъ нихъ дѣлаются и сдѣлались капиталистами при помощи казеннаго сундука, высшаго правительства и верховной власти, вообще говоря, при помощи нынѣшняго режима. Насколько господа генералы заинтересованы въ сохраненіи этого современнаго государственнаго и общественнаго строя и насколько они необходимы ему, настолько же необходимъ и онъ имъ. Они—очень важная составная часть его. Поэтому во всей организаціи данной общественной группы сказываются и всѣ особенности самаго строя. Подобно тому, какъ этотъ строй относится къ трудящемуся народу, соотвѣтственно этому и генералы относятся къ солдатамъ, мундирнымъ представителямъ того же самаго трудящагося народа. Сравните экономическое положеніе верхнихъ слоевъ, благодушествующихъ при нынѣшнихъ соціальныхъ и политическихъ порядкахъ, съ экономи скимъ положеніемъ низшихъ слоевъ. Сравните правовое положеніе п выхъ съ правовымъ положеніемъ послѣднихъ,—и вы увидите, что въ т и въ другомъ положеніи, между верхними и нижними слоями, существу *цѣлая пропасть*,—пропасть непроходимая до тѣхъ поръ, пока будетъ ществовать этотъ самый строй,—непроходимая въ силу самой *противо ложности интересовъ* высшихъ и низшихъ классовъ. Подобное же

ніе наблюдается и въ русской арміи. Между экономическимъ и правовымъ положеніемъ русскаго генерала и русскаго солдата существуетъ тоже непроходимая пропасть. Съ одной стороны, мы видимъ 1,673 генераловъ, ежегодное содержаніе которыхъ обходится русскому народу, въ общей сложности, никакъ не меньше 20 мил. руб. Съ другой стороны, мы видимъ слишкомъ 950-тысячную армію, которая, по офиціальнымъ даннымъ последнихъ лѣтъ (до декабря 1905 г.), поглощала въ среднемъ не больше 30 мил. на обмундированіе и снаряженіе, 50 мил. съ небольшимъ на провіантъ и приварокъ и около 75 мил. на денежное довольствіе. Сложимъ всѣ эти цифры и посмотримъ, во сколько обходится русскому народу русскій солдатъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ обходится *гроши*. Изъ сотенъ милліоновъ, которые ежегодно идутъ на армію, на содержаніе каждаго солдата расходуются лишь десятки рублей. Правда, расходъ на содержаніе солдатъ, какъ и на содержаніе генераловъ, ежегодно возрастаетъ, но послѣдній возрасталъ до 1905 г. гораздо быстрѣе, чѣмъ первый. Другими словами, пропасть между тѣмъ и другимъ не только не исчезаетъ, но даже увеличивается. Оно и понятно. Это и будетъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать самодержавный бюрократическій строй, давно отжившій свой вѣкъ.

Н. А. Рубакинъ.

Революція и религія *).

Имѣетъ ли русская революція религіозный смыслъ?

Для Европы и для самихъ русскихъ пока заслоняется въ ней все остальное великимъ смысломъ общественнымъ. Что это переворотъ—не только политическій, какъ всѣ, донынѣ бывшія, европейскія революціи, но и соціально-экономическій, слѣдовательно, небывалый въ исторіи, уже и теперь, кажется, явно для всѣхъ. Именно въ этомъ соціальномъ значеніи своемъ русская революція есть продолженіе и, можетъ быть, конецъ того, что̀ начали и не кончили революціи европейскія. Во всякомъ случаѣ, этимъ грознымъ девятымъ валомъ уносится Россія отъ всѣхъ береговъ историческихъ. Этимъ небывалымъ пожаромъ охвачено государственное строеніе, величайшее не только въ пространствѣ, но и во времени. Русское самодержавіе уходитъ корнями своими черезъ Византію, Второй Римъ христіанскій, въ Первый Римъ языческій и еще далѣе, въ глубину вѣковъ, въ монархіи Востока. Рушится зданіе тысячелѣтней древности, тысячелѣтней крѣпости, твердыня, которая служила оплотомъ всѣхъ реакцій, и о которую разбивались всѣ революціи. Послѣдняя, глубочайшая основа этой твердыни—не только соціально-политическая, но и религіозная.

Монархія, единовластіе, отражаетъ во внѣшнихъ государственныхъ формахъ внутреннюю религіозную потребность человѣческаго духа, потребность Божескаго Единства—Единобожія: одинъ царь на землѣ, какъ одинъ Богъ на небѣ; единовластіе человѣческое—символъ Единовластія Божескаго; монархія—символъ теократіи. Можно, конечно, сомнѣваться въ мистической предѣльности и вѣчности этого символа, ибо откровеніе Божескаго Единства не есть послѣднее религіозное откровеніе Богочеловѣчества; откровеніе Троичности выше, чѣмъ откровеніе Единства. Но, --

---

*) Редакція считаетъ своимъ долгомъ, не замыкаясь въ какіе-либо шаб[...] знакомить читателей журнала съ тѣми глубокими религіозно-философскими теч[...]ми, которыя въ настоящее время все болѣе и болѣе назрѣваютъ и оформливаю[...] насъ въ Россіи. Сама редакція къ богословскому содержанію и мистическому ха[...]теру этихъ теченій относится совершенно отрицательно. Въ плеядѣ новѣйшихъ [...]скихъ религіозныхъ мыслителей Д. С. Мережковскій занимаетъ одно изъ пер[...] мѣстъ. Редакція *Русской Мысл*[...]

всякомъ случаѣ, ежели не съ мистической, то съ исторической точки зрѣнія, если не для будущаго, то для прошлаго русская революція, низверженіе русскаго единовластія, имѣетъ великій смыслъ религіозный.

Для того чтобы понять этотъ смыслъ, слѣдуетъ разсматривать русскую революцію, какъ одно изъ дѣйствій и, можетъ быть, именно послѣднее дѣйствіе трагедіи всемірнаго освобожденія; тогда первое дѣйствіе той же трагедіи—великая французская революція.

То, что началось въ области личной, внутренней, со времени Ренессанса, а именно выхожденіе изъ церкви или, говоря старымъ русскимъ словомъ, «обмірщеніе» феодальной и католической Европы,—то самое французская революція продолжила въ области внѣшней, политической.

Римское католичество пыталось осуществить религіозный синтезъ западно-европейской культуры. Попытка не удалась: культура оказалась шире, чѣмъ христіанство. Summa Theologiae, старое небо католичества не покрыло новой земли. Ростомъ круга земного разорванъ былъ кругъ небесный, недвижный горизонтъ, очерченный христіанской догматикой. Небо для человѣчества сдѣлалось тѣмъ же, что крышка гроба для мертвеца воскресшаго. Обмірщеніе, раскрѣпощеніе подлиннаго царства человѣческаго отъ сомнительнаго «царства Божьяго», отъ сомнительной «теократіи» папскаго Рима и есть усиліе великой земли сбросить гробовую крышку малаго неба. Или задохнуться подъ ней, или разбить ее—человѣчеству не оставалось иного выбора.

Послѣдній, діалектически неизбѣжный выводъ изъ французской революціи есть происходящее нынѣ во Франціи отдѣленіе церкви отъ государства, или, вѣрнѣе, государства отъ церкви. Это одно изъ тѣхъ событій, размѣры которыхъ становятся понятны только издали: надо отойти отъ горы, чтобы увидѣть, какъ она высока.

Отдѣленіемъ церкви отъ государства во Франціи проведенъ всемірно-историческій водораздѣлъ, равный по глубинѣ, хотя по смыслу, конечно, противоположный тому, который, пятнадцать вѣковъ назадъ проведенъ императоромъ Константиномъ Равноапостольнымъ, объявившимъ христіанство государственной религіей. Тогда Европа крестилась; нынѣ, если позволительно употребить новое слово для новаго понятія, она *раскрещивается*. Тогда языческіе народы обращались въ христіанство; нынѣ христіанскіе народы обращаются—во что именно, этого пока мы не знаемъ, но, по всей вѣроятности, во что-то не менѣе отличное отъ стараго христіанства, чѣмъ старое язычество. И едва ли простая случайность то, что именно «христіаннѣйшая» Франція, первая изъ европейскихъ странъ, объявила себя нехристіанской и, слѣдовательно, антихристіанской, потому что *кто не со Мною, тотъ противъ Меня.*

Разумѣется, глубокое недоразумѣніе или безстыдная ложь заключается въ томъ, что какое бы то ни было современное государство считаетъ нужнымъ называть себя «христіанскимъ», связывать себя съ именемъ и ученіемъ «распятаго Жида», какъ Юліанъ Отступникъ ругалъ Воскресшаго Господа.

И тѣ, для кого Христосъ—истина, должны бы радоваться обличенію или и обнаруженію истины о нехристіанствѣ современной Европы; должны бы радоваться, что отнынѣ Креста не будетъ тамъ, гдѣ Крестъ—кощунство. И если католическая церковь не радуется отдѣленію своему отъ государства, это свидѣтельствуетъ о томъ, что она сама чувствуетъ себя больше государствомъ, чѣмъ церковью, и менѣе чтитъ истину, заключенную въ ней, чѣмъ враги этой истины. Во всякомъ случаѣ, Франція—и здѣсь, какъ вездѣ на путяхъ человѣчества къ будущему, первая, но не послѣдняя—оказалась вѣрною непреклонной логикѣ исторіи: куда пришла Франція, придутъ и всѣ остальные народы, всѣ «христіанскія» государства, потому что нѣтъ иныхъ путей впередъ, а исторія назадъ не возвращается. Тогда-то произойдетъ великое отступленіе, апостазисъ, о которомъ предсказано самимъ Основателемъ христіанства: *Сынъ Человѣческій, пришедъ, найдетъ ли вѣру на земли?*

Между постепеннымъ геологическимъ переворотомъ, тѣмъ осѣданіемъ религіозной почвы подъ всей европейскою культурою, которое привело къ отдѣленію церкви отъ государства во Франціи, съ одной стороны, и тѣмъ внезапнымъ, вулканическимъ взрывомъ, который происходитъ въ русской революціи, съ другой—существуетъ глубоко-скрытая, подземная, но неразрывная связь.

I.

Римское папство и русское царство суть двѣ попытки «теократіи», т.-е. религіозной политики, осуществленія «Града Божьяго» въ градѣ человѣческомъ. Слово «теократія» употребляется здѣсь, конечно, въ совершенно внѣшнемъ, условномъ, историческомъ смыслѣ, который не предрѣшаетъ вопроса о томъ, насколько внутреннее содержаніе этой внѣшней формы, истинно или ложно. Старая Московская Россія, получивъ свою «теократію», православное самодержавіе, въ наслѣдство отъ Византіи, «Второго Рима», мечтала сдѣлаться «Третьимъ Римомъ», послѣднимъ Градомъ Вселенскимъ.

Но теократія западная, римское папство, и теократія восточная, русское царство, исходя изъ одной точки соединенія или только смѣшенія церкви съ государствомъ, слѣдуютъ далѣе по двумъ противоположнымъ путямъ. Во Второмъ Римѣ, въ папскомъ владычествѣ, происходитъ уклонъ отъ меча духовнаго къ мечу желѣзному, отъ царства небеснаго къ царству земному; римскій первосвященникъ, ежели не сталъ, то всегда хотѣлъ стать римскимъ кесаремъ, глава церкви—главой государства. Третьемъ Римѣ, въ византійскомъ и русскомъ самодержавіи—уклонъ ратный: отъ меча желѣзнаго къ мечу духовному, отъ царства земного небесному, при чемъ въ идеалѣ земное поглощается небеснымъ, госуд ственное—церковнымъ, а въ реальности наоборотъ: небесное погло лось земнымъ, церковное—государственнымъ; глава государства сталъ главою церкви, кесарь несомнѣнно-языческаго перваго Рима—перв щенникомъ сомнительно-христіанскаго Третьяго Рима.

Этотъ византійскій уклонъ привелъ старую Россію къ тому же, хотя съ другого конца, къ чему пришла и средневѣковая, католическая Европа,— къ борьбѣ государства съ церковью, московскихъ царей—съ патріархами, очень блѣдному, опрокинутому, какъ въ зеркалѣ, но все же точному отраженію борьбы императоровъ съ папами. На Западѣ римская имперія побѣждена римскимъ папствомъ—правда, на одно мгновеніе и притомъ такъ, что эта мгновенная реальная побѣда оказалась вѣчнымъ идеальнымъ пораженіемъ. На Востокѣ патріаршество, русское папство, побѣждено русской имперіей. Петръ Великій вовсе не нарушилъ, какъ обвиняли его староверы и славянофилы, а исполнилъ завѣтъ Москвы и Византіи, когда, уничтоживъ патріаршество, если не назвалъ, то сдѣлалъ себя самодержцемъ и первосвященникомъ вмѣстѣ, главою государства и церкви вмѣстѣ, обладателемъ царства земного и царства небеснаго вмѣстѣ. *Мнѣ принадлежитъ всякая власть на землѣ и на небѣ*, эти слова Христа, основаніе истинной Теократіи, въ которой самъ Христосъ—единый Самодержецъ и Первосвященникъ, могли бы повторить съ своей точки зрѣнія русскій самодержецъ и римскій первосвященникъ. Обѣ эти ложныя теократіи двумя различными путями пришли къ одному и тому же: западная— къ превращенію церкви въ государство; восточная—къ поглощенію церкви государствомъ; въ обоихъ случаяхъ—одинаковое упраздненіе Церкви, царства любви и свободы, царства Божьяго—Государствомъ, царствомъ вражды и насилія, царствомъ безбожья.

Петръ Великій исполнилъ древній завѣтъ о соединеніи церкви съ государствомъ; но другой завѣтъ московскаго и византійскаго государственно-церковнаго строительства—окаменѣлую недвижность, вѣрность преданію, уставу, преобладаніе начала статическаго надъ динамическимъ,—Петръ долженъ былъ нарушить, подчиняясь необходимости вдвинуть Россію въ Европу, для того чтобы сдѣлать русскій Третій Римъ всемірнымъ, ибо требованіе всемірности заключено въ идеѣ безграничной власти Римскаго Кесаря, Императора, каковымъ и желалъ быть Петръ, да и не могъ не желать, доводя до конца въ русскомъ самодержавіи византійское преданіе восточной Римской имперіи. Онъ поневолѣ долженъ былъ нарушить восточную статику западной динамикой. Сдѣлалъ, впрочемъ, все, что отъ него зависѣло, чтобы подчинить и эту новую динамику древней статикѣ, въ ея главномъ средоточіи, въ абсолютномъ единствѣ православія и самодержавія, чтобы поработить свободный духъ Запада, взять у него формы безъ содержанія, свѣтъ безъ огня, плоть безъ души. Получилось нѣчто подобное тѣмъ яркимъ чужеземнымъ цвѣткамъ или бабочкамъ, которые сохраняются внутри стекляннаго шара, или царству спящей царевны: все живое, войдя въ это царство, замираетъ, засыпаетъ очарованнымъ сномъ; движеніе становится недвижностью. Спящая царевна—европейская культура; хрустальный гробъ ея—православное самодержавіе.

Но Петръ всетаки не сдѣлалъ того, что хотѣлъ, потому что это вообще невозможно; міръ устроенъ такъ, что движеніе сильнѣе недвижности,

динамика сильнѣе статики,—всѣ спящія царевны просыпаются. Малыхъ европейскихъ дрожжей оказалось достаточно, чтобы поднять все византійское тѣсто Москвы. Равновѣсіе было нарушено; надстройка не соотвѣтствовала фундаменту,—и все огромное зданіе дало трещину—*расколъ*, сперва церковный, потомъ и бытовой, культурный, общественный,—распадъ Россіи на старую и новую, нижнюю и верхнюю, простонародную и такъ называемую интеллигентную.

Церковные раскольники, «люди древляго благочестія»—первые русскіе мятежники, революціонеры, хотя эта революція—во имя реакціи. Въ сознаніи раскольниковъ—тьма, рабство, недвижность, безконечная статика; но въ безсознательной стихіи—неугасимый свѣтъ и свобода религіознаго творчества, безконечная динамика, притомъ уже идущая не извнѣ, изъ Европы, а изъ глубины духа народнаго. Раскольники, хотя и невѣрно мистически поняли, но вѣрно исторически почувствовали религіозную невозможность «православнаго самодержавія». Первые, хотя и безъ достаточнаго права, объявили русское самодержавіе «царствомъ антихриста». Расколъ, соединившійся съ казацкою вольницей, пугачевщиной, есть революція снизу, черный терроръ; а революція сверху, бѣлый терроръ—сама реформа, если не по общей идеѣ, то по личнымъ свойствамъ Петрова генія, безудержно-стремительнаго, всесокрушающаго въ самомъ творчествѣ, анархическаго, безвластнаго въ самовластіи,—генія, который сдѣлался геніемъ всей новой Россіи. Эти-то два противоположныя, но одинаково бурныя теченія слились въ одинъ водоворотъ, въ которомъ и крутится государственный корабль Россіи вотъ уже два столѣтія. Православное самодержавіе оказалось невозможнымъ равновѣсіемъ, реакціей въ революціи, страшнымъ висѣніемъ надъ бездною, которое должно кончиться еще болѣе страшнымъ паденіемъ въ бездну.

И по мѣрѣ того, какъ высилось зданіе,—расширялась и трещина, углублялся расколъ. Съ поверхности исторической перешелъ онъ въ глубину мистическую, гдѣ возникло сектантство, которое въ крайнихъ сектахъ: штундѣ, молоканствѣ, духоборчествѣ, шло до почти сознательнаго религіознаго отрицанія не только русскаго самодержавія, но и всякаго вообще государства, всякой власти, «какъ царства антихристова», до почти сознательнаго религіознаго анархизма. Русское сектантство постоянно растетъ, развивается, и пока еще нельзя предвидѣть, во что оно выростетъ. Но и теперь уже въ нѣкоторыхъ мистическихъ углубленіяхъ его—въ проблемѣ пола, какъ она поставлена въ хлыстовствѣ и скопчествѣ, въ пробле[...] общественности, какъ она поставлена въ штундѣ и духоборчествѣ,—пр[...] является такая сила, если не религіознаго творчества, то религіозна[...] алканія, «взысканія», какой міръ не видалъ съ первыхъ вѣковъ христі[...]ства. Всѣ русскіе сектанты могли бы сказать о себѣ тоже, что говоря[...] раскольники: *мы люди, настоящаго града не имѣющіе, Грядущаго Гра[...] взыскующіе*. Отрицаніе «града настоящаго», т.-е. государственности, [...] начала антирелигіознаго, утвержденіе Града Грядущаго, т.-е. безгос[...]

ственной религіозной общественности, Анархической Теократіи, и есть движущая, хотя пока еще безсознательно движущая, сила всего великаго русскаго раскола-сектантства, этой религіозной революціи, которая рано или поздно должна соединиться съ нынѣ совершающейся въ Россіи революціей соціально-политической.

II.

Религіозно-революціонное движеніе, начавшееся внизу, въ народѣ, вмѣстѣ съ реформою Петра, почти одновременно началось и вверху, въ такъ называемой интеллигенціи. Но первоначально эти двѣ волны одного теченія шли розно. Русло революціи оставалось узко-политическимъ, и притомъ не всенароднымъ, а сословнымъ. Вся исторія самодержавія въ XVIII вѣкѣ—рядъ военныхъ, дворцовыхъ переворотовъ, революцій въ четырехъ стѣнахъ.

Среди этихъ дворцовыхъ революцій возникла мысль объ ограниченіи монархіи, какъ единственномъ спасеніи Россіи. Племянница Петра I, императрица Анна Іоанновна, уже подписала конституцію, но опираясь на старыя московскія и новыя петербургскія преданія, торжественно разорвала подписанную грамоту и на мечты о конституціи отвѣтила бироновщиной. Точно такъ же впослѣдствіи, съ каждой вынужденной подачкой—вродѣ грамоты о дворянской вольности, либеральныхъ поблажекъ Александра I—самодержавный гнетъ усиливался. Но мысль о конституціи тоже усиливалась, становилась преобладающею политическою мыслью всѣхъ лучшихъ русскихъ людей XVIII вѣка, просачивалась изъ придворнаго круга въ широкіе слои общества, то разгоралась, то глухо тлѣла подъ пепломъ, пока, наконецъ, не вспыхнула яркимъ пламенемъ Декабрьскаго бунта.

Рядомъ и отдѣльно возникало движеніе религіозное. Существуетъ исторически ни на чемъ не основанное, но символически вѣщее преданіе, будто бы Петръ I, возвратившись въ 1717 году изъ-за границы, привезъ съ собою статутъ масонскій и на его основаніяхъ велѣлъ открыть или даже самъ учредилъ первую ложу въ Кронштадтѣ. Въ дѣйствительности, масонскія ложи въ Россіи появились послѣ смерти Петра. Въ царствованіе Екатерины Великой произошло первое столкновеніе самодержавія съ масонствомъ, какъ съ обширнымъ и опаснымъ политическимъ заговоромъ.

Николай Новиковъ, начинатель русскаго книжнаго дѣла и повременной печати, основалъ въ Москвѣ общество, по внѣшности издательское и благотворительное, на самомъ дѣлѣ религіозное, имѣвшее тайную связь съ масонами и розенкрейцерами, такъ называемыми тогда «мартинистами». Общество пріобрѣло вліяніе не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи. Въ Новиковѣ, въ первомъ, высказалась сила общественная, независимая отъ самодержавія. Созданіе этой силы и было въ глазахъ Екатерины «государственнымъ преступленіемъ». Впослѣдствіи разсказывали, будто бы ей донесли, что 30 человѣкъ мартинистовъ бросали жребій, кому зарѣзать

императрицу, и что жребій палъ на одного изъ ближайшихъ друзей Новикова. Доносъ, если онъ существовалъ, былъ, конечно ложный: Новиковъ доказалъ на слѣдствіи свою невинность такъ убѣдительно, что едва ли государынѣ можно было сомнѣваться въ искренности вѣрноподданическихъ чувствъ его. Московскій архіепископъ Платонъ, которому отдали Новикова на «испытаніе въ законѣ Божіемъ», писалъ императрицѣ: «Молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ». Но Екатерина, напуганная французской революціей и слухами объ участіи наслѣдника, Павла Петровича, сына и злѣйшаго врага своего, въ мнимомъ заговорѣ, рѣшила истребить гнѣздо «мартышекъ», какъ она называла мартинистовъ. Майоръ гусарскихъ эскадроновъ, съ отрядомъ солдатъ, арестовалъ Новикова, ворвавшись къ нему ночью и напугавъ такъ, что у маленькихъ дѣтей его сдѣлался припадокъ эпилепсіи, отъ которой они уже никогда не могли вылѣчиться. «Вотъ расхвастались, какъ будто городъ взяли! Старичонку, скорченнаго гемороидами, взяли подъ караулъ; да одного бы десятскаго или будочника за нимъ послать, такъ и притащилъ бы его»,—шутили тогда въ Москвѣ объ этомъ арестѣ. «Великая жена», другъ Вольтера, «Екатерина матушка» не постыдилась приговорить безъ суда «скорченнаго старичонку», какъ опаснѣйшаго злодѣя, къ «тягчайшей и нещадной казни»: «слѣдуя, однако, сродному ей человѣколюбію и желая оставить ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія», сказано въ приговорѣ, повелѣвала «запереть его на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость».

Одинъ крестьянинъ изъ имѣнія масона, сосланнаго по дѣлу Новикова, отвѣчалъ на вопросъ: «За что сослали твоего барина?»—«Сказываютъ, что другого Бога искалъ».—«И по дѣломъ ему,—возразилъ собесѣдникъ, тоже крестьянинъ,—на что-де лучше русскаго Бога?» Екатеринѣ понравилось это «простодушіе», и она нѣсколько разъ повторяла анекдотъ.

Впрочемъ, царь ли отъ Бога, или Богъ отъ царя, этого не разобралъ бы не только простодушный крестьянинъ, но и сама императрица-философъ. Во всякомъ случаѣ, для нея было уже ясно, что исканіе «другого Бога» всегда предполагаетъ въ Россіи исканіе другого царства. И Новиковъ, сидя въ Шлиссельбургской крѣпости, имѣлъ досугъ размыслить о томъ же.

Онъ былъ кругомъ правъ, Екатерина кругомъ виновата; но виноватая была все же правѣе праваго: геніальнымъ чутьемъ самовластія учуяла она слишкомъ опасную связь русской религіозной революціи съ политическо[й]. Нѣсколько лѣтъ до Новиковскаго дѣла, прочитавъ книгу Радищева, обл[и]ченіе самодержавія, какъ нелѣпости политической, Екатерина воскликнул[а]: «Онъ—мартинистъ!» Она ошиблась на этотъ разъ ошибкою обратною т[ой], которую сдѣлала въ приговорѣ надъ Новиковымъ. Радищевъ—революці[о]неръ-атеистъ; Новиковъ—вѣрноподданный мистикъ. Но, въ глазахъ са[мо]державія, мистицизмъ, отрицающій русскаго Бога, и революція, отриц[а-]

щая русское царство—одинаковая религія, противоположная религіи православнаго самодержавія.

Это внутреннее единство религіознаго и революціоннаго движенія въ Россіи всего нагляднѣе обнаружилъ внукъ Екатерины II, императоръ Александръ I на примѣрѣ своей собственной личности.

«Дней Александровыхъ прекрасное начало»—золотой вѣкъ русскаго мистицизма и либерализма. Какъ бы въ мгновенномъ молніеносномъ прозрѣніи открылась тогда передъ Россіей религіозная святыня политическаго освобожденія. Человѣкъ искренне, хотя и безотчетно вѣрующій, къ тому же мучимый раскаяніемъ въ невольномъ и отчасти невинномъ отцеубійствѣ, Александръ искалъ утоленія этой муки въ религіи, и не найдя его въ православіи, предался мистикѣ.

«Мой планъ состоитъ въ томъ,—писалъ наслѣдникъ,—чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща, поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастіе въ обществѣ друзей и въ изученіи природы». И много лѣтъ спустя, уже царствуя, однажды въ бесѣдѣ съ г-жею Сталь онъ замѣтилъ, что «судьба народа въ продолженіе вѣковъ отнюдь не должна зависѣть отъ воли одного человѣка, существа ограниченнаго и преходящаго».—«Но я,—прибавилъ онъ,—еще не успѣлъ даровать Россіи конституціи».—«Ваше величество самая наилучшая конституція».—«Если бы и такъ, то это только счастливая случайность».

До какой степени это въ самомъ дѣлѣ была только счастливая случайность, показала вторая половина царствованія. Вступая на престолъ, онъ вступалъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Слѣдуя внутренней метафизической необходимости, заключенной въ существѣ самодержавія, онъ совершилъ полный оборотъ отъ зенита къ надиру, отъ религіознаго утвержденія къ религіозному отрицанію политической свободы. Это кроткое самовластіе, этотъ «кнутъ на ватѣ» оказался не менѣе страшнымъ, но достойнымъ еще большаго осужденія чѣмъ прежній кнутъ голый. Вторая половина царствованія соединила пастырскій жезлъ архимандрита Фотія съ аракчеевскими шпицрутенами для искорененія мистическихъ и либеральныхъ плевелъ, насѣянныхъ первою. Александръ началъ Маркомъ Авреліемъ, кончилъ Тиберіемъ. Солнце, взошедшее такъ ясно, закатилось въ кровавый туманъ. Онъ умеръ среди наступающаго террора, среди ужаса, который внушалъ другимъ, и который равенъ былъ только ужасу, который самъ онъ испытывалъ.

Существуетъ легенда, будто бы въ Таганрогѣ скончался не Александръ, но одинъ изъ его приближенныхъ, а императоръ выздоровѣлъ, тайно покинулъ дворецъ, долго странствовалъ по Россіи, въ крестьянскомъ платьѣ, никѣмъ не узнанный и кончилъ жизнь святымъ отшельникомъ, во глубинѣ сибирскихъ тундръ. Въ этой народной легендѣ отразилось тоже религіозное прозрѣніе, которое заставило Александра мечтать объ отреченіи отъ престола.

Но легенда такъ и осталась легендою, опровергаемою всею историческою дѣйствительностью русскаго самодержавія: царь отъ Бога.

Самодержавіе для православія такъ же непобѣдимо, какъ папство для католичества; папа не можетъ отречься отъ папства, царь—отъ царства. Въ обоихъ случаяхъ преступленіе—не личное и даже не народное, а всемірное, и его преодолѣніе должно быть всемірнымъ.

III.

Посѣянное при Александрѣ I въ безкровномъ либерализмѣ взошло при Николаѣ I кровавою жатвою.

Религіозное и революціонное движеніе русскаго общества, дотолѣ разъединенныя, впервые соединились въ Декабрьскомъ бунтѣ. Наиболѣе сознательные и творческіе вожди декабристовъ—Раевскій, Рылѣевъ, кн. Одоевскій, фонъ-Визинъ, баронъ Штейнгель, братья Муравьевы и многіе другіе вышли изъ мистическаго движенія предшествующей эпохи. Подобно народнымъ сектантамъ и раскольникамъ, все это люди «настоящаго града не имѣющіе, грядущаго града взыскующіе»,—другого града, другого царства, потому что и «другого Бога».

Есть въ этомъ движеніи и противоположное начало, нерелигіозное. Человѣкъ такого ума и такой душевной силы, какъ Пестель,—атеистъ. Но онъ и не русскій; по крови и по духу—онъ чистый нѣмецъ. Религіозное отрицаніе Пестеля—умозрительное, отвлеченное; когда же онъ переходитъ къ революціонному дѣйствію, то считаетъ нужнымъ прибѣгнуть къ помощи той религіозной стихіи, съ которою слишкомъ неразрывно связано и само движеніе революціонное. Невѣрующій Пестель соглашался съ Рылѣевымъ, который однажды замѣтилъ, по поводу такъ называемаго «Православнаго Катехизиса» братьевъ Муравьевыхъ: «Такими сочиненіями удобнѣе всего дѣйствовать на умы народа». И ужъ конечно, не безъ вѣдома и одобренія Пестеля, этотъ «Катехизисъ» во всякомъ случаѣ не менѣе подлинный, чѣмъ Катехизисъ Филарета, послужилъ орудіемъ пропаганды при возмущеніи черниговскаго полка.

Слѣдовало совершиться всему, о чемъ декабристы не смѣли мечтать, и что теперь на нашихъ глазахъ совершается,—слѣдовало разразиться русской революціи, для того, чтобы мы, наконецъ, поняли религіозное значеніе того, что высказано въ этихъ забытыхъ и никакого реальнаго дѣйствія не имѣвшихъ листкахъ «Православнаго Катехизиса»; чтобы мы, догадались, что здѣсь поставленъ религіозный вопросъ о власти такъ, какъ онъ никогда въ исторіи христіанства не ставился. Здѣсь впервые Благовѣстіе, Евангеліе *Царствія Божія* понято и принято, не какъ мертв идеальная и безплотная отвлеченность, а какъ живая, дѣйственная реаль ность, какъ основаніе новаго религіозно-общественнаго порядка, абсолю противоположнаго всякому порядку государственному. На обѣтованіе Х ста Пришедшаго: *Мнѣ принадлежитъ всякая власть на землѣ и*

небѣ, и Христа Грядущаго: *будете царствовать на землѣ,*—первый и единственный отвѣтъ на всемъ протяженіи историческаго христіанства — этотъ младенческій, но уже пророческій лепетъ русской религіозной революціи: *Да будетъ всѣмъ единъ Царь на небеси и на земли--Іисусъ Христосъ.*—«Утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ».

Историческимъ христіанствомъ принято Царство Божье только на небѣ, а царство на землѣ отдано «Князю міра сего», въ лицѣ папы-кесаря на Западѣ, или кесаря-папы на Востокѣ. Но ежели Христосъ не идеально и безплотно, а реально и воплощенно есть *Царь на землѣ, какъ на небѣ*; ежели истинно слово Его: *Се, Я съ вами, до скончанія вѣка. Аминь,*— то не можетъ быть иного царя, иного первосвященника, кромѣ Христа, сущаго до скончанія вѣка съ нами и въ насъ, въ нашей плоти и крови, черезъ Таинство Плоти и Крови. Вотъ почему всякая подмѣна сущей Плоти Христовой, сущаго Лика Христова человѣческой плотью и ликомъ или только личиною, маскою—папою или кесаремъ, есть абсолютная ложь, абсолютное антихристіанство. Кто можетъ стать «на мѣсто»—*вмѣсто* Христа, какъ не Антихристъ? Въ этомъ смыслѣ всякій «намѣстникъ Христа»— самозванецъ Христа, Антихристъ.

Такъ религіознымъ сознаніемъ русской революціи объясняется безсознательный, вѣщій ужасъ русскаго раскола: царь—Антихристъ.

Въ «Православномъ Катехизисѣ» декабристовъ критикуется глубочайшее мистическое основаніе не только самодержавія, но и какой бы то ни было государственной власти. *Да всѣмъ будетъ одинъ Царь на землѣ и на небѣ—Христосъ,*—это чаяніе русскихъ искателей Града Грядущаго неосуществимо ни конституціонною монархіей, ни буржуазною республикою, о которой мечтали тогдашніе,—ни даже республикою соціалъ-демократическою, о которой мечтаютъ нынѣшніе революціонеры; оно осуществимо только абсолютною безгосударственностью, безвластіемъ, какъ утвержденіемъ Боговластія, Анархіей, какъ утвержденіемъ Теократіи.

Такъ, въ первой точкѣ русской политической революціи, данъ послѣдній предѣлъ революціи религіозной, можетъ быть, не только русской, но и всемірной.

IV.

Если кто-нибудь изъ современниковъ могъ понять и перевести на языкъ взрослыхъ, «премудрыхъ и разумныхъ», младенческій лепетъ декабристовъ, то это, конечно, Петръ Чаадаевъ, одинъ изъ глубочайшихъ русскихъ мыслителей, основатель нашей философіи исторіи.

Будучи въ самой тѣсной умственной и личной связи съ декабристами, онъ, вѣроятно, принялъ бы участіе въ ихъ революціонномъ дѣйствіи, если бы не одна и можетъ-быть главная особенность всей его духовной природы—перевѣсъ внутренняго созерцанія надъ внѣшнимъ дѣйствіемъ, ума надъ волею. Какъ это почти всегда бываетъ съ людьми чистаго мышле-

нія, у Чаадаева абсолютная недвижность извнѣ, при величайшемъ движеніи внутри. Это—прирожденный монахъ, великій молчальникъ и затворникъ мысли. Не сочувствуя, или, по крайней мѣрѣ, никогда не выражая сочувствія тому, что декабристы сдѣлали, Чаадаевъ не могъ не сочувствовать тому, что они хотѣли сдѣлать. Онъ самъ хотѣлъ даже большаго. Съ той суровою непреклонностью діалектики, которой всегда былъ вѣренъ, онъ, дойдя до конца своего религіознаго сознанія, вышелъ изъ православія, изъ восточнаго византійскаго христіанства и вошелъ во вселенское. Если бы онъ прочелъ «Православный Катехизисъ» братьевъ Муравьевыхъ, то, конечно, понялъ бы, что «Катехизисъ» этотъ столь же не православенъ, какъ не самодержавенъ.

Да пріидетъ Царствіе Твое, *Adveniat regnum tuum*,—въ этихъ четырехъ словахъ молитвы Господней,—вся философія и вся религія Чаадаева. Онъ повторялъ ихъ неустанно, кончалъ ими всѣ свои литературныя произведенія и частныя письма, всѣ свои дѣла и мысли, такъ что, наконецъ, слова эти сдѣлались какъ бы самимъ дыханіемъ жизни его, біеніемъ сердца. Въ сущности, онъ и не сказалъ ничего, кромѣ этихъ четырехъ словъ,—но сказалъ ихъ такъ, какъ никто никогда не говорилъ.

Осуществленіе Царства Божьяго не только на небѣ, но и на землѣ, въ земной жизни человѣчества, въ религіозной общественности, въ Церкви, какъ Царствѣ,—таково, по мнѣнію Чаадаева, «послѣднее предназначеніе христіанства». Но для того, чтобы исполнить его, церковь должна быть свободна отъ власти мірской. Эту свободу сохранила, будто бы, церковь западная, римско-католическая, тогда какъ восточная, византійская, утратила ее, подчинившись мірскимъ властямъ и объявивъ главу государства, языческаго самодержца, главою церкви, первосвященникомъ. Вотъ почему свободная церковь западная могла раскрыть заключенную въ христіанствѣ идею не только личнаго, но и *общественнаго спасенія*, начало объединяющее, синтетическое; изъ этого начала, которое выразилось въ идеѣ папства, какъ всемірнаго единства, возникло и всемірное единство всего западнаго просвѣщенія, объединившаго европейскіе народы. Порабощенная государству, церковь восточная могла раскрыть идею спасенія *только личнаго*, безобщественнаго, начало уединяющее, монашеское. Вотъ почему дѣйственная сила христіанства осталась здѣсь втунѣ. Россія, принявъ христіанство отъ Византіи, пошла по тому же пути христіанства монашескаго, исключительно личнаго и внутренняго, безобщественнаго, вышла изъ семьи западно-европейскихъ народовъ, изъ всемірнаго единства христіанскаго просвѣщенія и обособилась, замкнулась во тьмѣ первобытнаго, младенческаго и въ то же время старческаго варварства. «Недостатокъ нашего религіознаго ученія (т.-е. православія),—говоритъ Чаадаевъ,—отстранилъ насъ отъ всемірнаго движенія, въ которомъ развилась и выразилась общественная идея христіанства, и отбросилъ въ число тѣхъ народностей, которымъ лишь посредственно и очень поздно суждено испытать на себѣ совершенное дѣйствіе христіанства».—«Мы будемъ истинно

бодны,—заключаетъ онъ,—съ того дня, когда изъ нашихъ устъ, помимо нашей воли, вырвется признаніе во всѣхъ ошибкахъ нашего прошлаго, когда изъ нашихъ нѣдръ исторгнется крикъ раскаянія и скорби, отзвукъ котораго наполнитъ міръ». Главная изъ этихъ ошибокъ для Чаадаева—православіе.

Издатель посмертныхъ сочиненій Чаадаева на французскомъ языкѣ,—по-русски онъ почти не писалъ, — іезуитъ, кн. Гагаринъ, считаетъ нужнымъ заявить, что Чаадаевъ такъ и не отрекся отъ греческой схизмы и въ католичество не перешелъ. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, единственная точка, гдѣ онъ измѣняетъ своей непреклонной діалектикѣ. Если бы онъ былъ вѣренъ ей до конца, то долженъ бы сдѣлать неизбѣжный выводъ: нѣтъ иного спасенія, какъ для него самого, такъ и для всей Россіи, кромѣ отреченія отъ православія и перехода въ католичество. Но трезвость и точность не логической, а исторической мысли предохраняли его отъ этого вывода. Ежели онъ и не сознаіъ съ окончательною ясностью, то все же смутно чувствовалъ, что дѣйственная сила христіанства такъ же изсякла на Западѣ, въ римскомъ папствѣ, какъ и на Востокѣ, въ русскомъ царствѣ, что обѣ эти попытки теократіи *одинаково* не удались, что идея папства, какъ всемірнаго единства, обращена къ прошлому, а не къ будущему, и что Римъ христіанскій, такъ же какъ и языческій, — великій мертвецъ, который никогда не воскреснетъ. Самое завѣтное желаніе Чаадаева—освободить Россію отъ двойного чужеземнаго ига, отъ двойного рабства Западу и Востоку. Онъ вѣритъ въ особое, отличное отъ Европы и Византіи, всемірное предназначеніе Россіи. Онъ видитъ или почти уже видитъ ея спасеніе не въ православіи и не въ католичествѣ, а въ новомъ, еще міру невѣдомомъ раскрытіи тѣхъ началъ религіозной общественности, Церкви, какъ Царства Божьяго на землѣ, которыя заключены въ Благовѣстіи Христовомъ. Онъ почти сознаетъ, что Россія должна не бѣжать отъ Европы и не подражать Европѣ, а принять ее въ себя и преодолѣть до конца. Въ этомъ смыслѣ Чаадаевъ, такъ же какъ впослѣдствіи Герценъ, будучи крайнимъ западникомъ, въ то же время крайній и обратный, революціонный славянофилъ.

Во всякомъ случаѣ, выйдя изъ православія, Чаадаевъ не вошелъ въ католичество, по крайней мѣрѣ, не вошелъ въ него сознательно, а развѣ только попалъ нечаянно: изъ русскаго царства — въ римское папство, — это, по русской пословицѣ, изъ кулька въ рогожку, изъ огня да въ полымя.

А послѣдняя истина о Чаадаевѣ та, что онъ такъ же не могъ перейти въ католичество, какъ и остаться въ православіи, что онъ вышелъ изъ обѣихъ церквей, изъ всѣхъ вообще предѣловъ историческаго христіанства. Но самъ себѣ не смѣлъ еще признаться въ этомъ, потому что не видѣлъ, что есть нѣчто за этими предѣлами. Для того чтобы не остаться въ послѣднемъ сиротствѣ, совсѣмъ безъ церкви, безъ матери, онъ протягиваетъ руки къ чужой матери или мачехѣ, которая, онъ знаетъ, не приметъ его, которой онъ и самъ не приметъ.

Безпредѣльный историческій нигилизмъ, безпредѣльное освобожденіе, страшно-пустынный просторъ воли и мысли — такова основа религіозной революціи у Чаадаева, такъ же какъ впослѣдствіи — революціи политической у Герцена. Искать послѣдней отваги въ послѣднемъ отчаяніи, все старое кончить, чтобы начать все сызнова, какъ будто никого на свѣтѣ нѣтъ и не было, кромѣ насъ, да и насъ, пожалуй, нѣтъ, но мы будемъ, будемъ, — таковъ нашъ вѣчный русскій соблазнъ, происходящій отъ избытка или отъ недостатка силы, это намъ самимъ трудно рѣшить, это пусть Европа рѣшитъ за насъ. Во всякомъ случаѣ, Чаадаевъ, писавшій и кажется думавшій по-французски, молившійся по-латински, въ этомъ смыслѣ очень и, можетъ быть, даже слишкомъ русскій человѣкъ.

Первое «письмо о философіи исторіи» было переведено съ французскаго и напечатано въ Московскомъ журналѣ *Телескопъ,* въ 1836 году, десять лѣтъ спустя послѣ казни декабристовъ. Среди тогдашняго рабо-лѣпнаго молчанія оно произвело дѣйствіе камня, брошеннаго въ стоячую воду: все всколыхнулось. Императоръ Николай пришелъ отъ этого письма почти въ такое же негодованіе, какъ отъ «Православнаго Катехизиса» декабристовъ. Журналъ былъ закрытъ, редакторъ сосланъ, цензоръ смѣщенъ, Чаадаевъ, по высочайшему повелѣнію, объявленъ сумасшедшимъ, и ему приказано не выходить изъ комнаты, въ опредѣленные дни посѣщалъ его врачъ, чтобы доносить по начальству о состояніи его умственныхъ способностей. Философъ Шеллингъ находилъ Чаадаева самымъ умнымъ человѣкомъ въ Россіи, а императоръ Николай нашелъ его сумасшедшимъ. За революціонное дѣйствіе казнитъ лишеніемъ жизни, а за мысли—лишеніемъ разума.

Чаадаевъ написалъ «Апологію сумасшедшаго», въ которой, со свойственной ему оскорбительною вѣжливостью, извиняясь передъ русскимъ самодержавіемъ и стараясь оградить себя отъ подозрѣнія въ революціонныхъ замыслахъ, осуждалъ друзей своихъ, декабристовъ. Но такъ же, какъ нѣкогда Екатерина — Новикову, Николай не повѣрилъ Чаадаеву. И если не эмпирически, то метафизически былъ, конечно, правъ; явная покорность Чаадаева слишкомъ похожа на тайное презрѣніе: съ волками жить, по волчьи выть. Весьма, впрочемъ, возможно, что онъ искренне осуждалъ революціонную попытку декабристовъ, потому что она казалась ему преждевременною,—а невременную, вѣчную правоту ихъ онъ понять не могъ по свойствамъ своей слишкомъ, повторяю, созерцательной природы. Они умерли дѣтьми; онъ родился старикомъ.

Чаадаевъ больше ничего не печаталъ въ Россіи,—едва заговоривъ, онѣмѣлъ навсегда. Грибоѣдовъ въ «Горе отъ ума» списалъ съ Чаада[illegible]а Чацкаго.

Такъ погибъ одинъ изъ величайшихъ умовъ Россіи, не сдѣлавъ по[illegible] ничего, ибо то, что онъ сдѣлалъ, ничтожно по сравненію съ тѣмъ, [illegible]о онъ могъ бы сдѣлать. Но всетаки Россія не забудетъ его: доселѣ гляд[illegible]ъ на насъ, какъ живое, какъ лицо самаго близкаго друга и брата, это ме[illegible]

венно-блѣдное, спокойное лицо съ кроткою, горькою усмѣшкою на тонкихъ, въ вѣчномъ безмолвіи сжатыхъ губахъ. Свѣтлою тѣнью прошелъ онъ въ самой черной тьмѣ нашей ночи, этотъ безумный мудрецъ, этотъ нѣмой пророкъ, «бѣдный рыцарь» русской революціи.

Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

И, умирая, конечно, повторялъ свою непрестанную молитву: *Adveniat regnum tuum.*

V.

Подъ первымъ и послѣднимъ сочиненіемъ своимъ, напечатаннымъ въ Россіи, Чаадаевъ подписалъ *Necropolis, Городъ Мертвыхъ.* Не только Москва, Третій Римъ, гдѣ онъ писалъ, но и вся православно-самодержавная Россія, все русское государство было для него *Городъ Мертвыхъ.*

Мертвыя Души—назвалъ Гоголь свое величайшее произведеніе. «Мертвыя Души» обитаютъ въ «Мертвомъ Городѣ». Ужасъ крѣпостнаго права, ужасъ мертвыхъ душъ есть, по выраженію Чаадаева, «неизбѣжное логическое слѣдствіе всей нашей исторіи»—исторіи русскаго царства и русской церкви. Отрицаніе слѣдствія не можетъ не быть и отрицаніемъ причины. Начало великой русской литературы, пророчества о великой русской революціи, смѣхъ Гоголя и есть предсказанный Чаадаевымъ—«крикъ раскаянія, исторгшійся изъ нашихъ нѣдръ и отзвукомъ своимъ наполнившій» если еще не весь «міръ», то уже всю Россію.

Во всемірной литературѣ нѣтъ ничего подобнаго этому смѣху: онъ похожъ на предсмертную судорогу—страшный смѣхъ смерти. Какъ въ исполинскомъ зеркалѣ, отразилась въ немъ вся Россія, но, вмѣсто человѣческихъ лицъ, уставились на насъ изъ этого зеркала какія-то «дряхлыя страшилища», и ужаснула мертвая душа Россіи — душа народа младенца въ разлагающемся трупѣ Византіи.

Смѣхъ Гоголя—разрушающій, революціонный и, въ то же время, творящій, религіозный: отрицаніе мертваго града человѣческаго есть утвержденіе живого града Божьяго. Но въ отрицаніи и въ утвержденіи новая религіозная стихія Гоголя слишкомъ безсознательна, а религіозное сознаніе слишкомъ старо. Онъ видѣлъ то, что надо проклясть; но того, что надо благословить, не видѣлъ, или недостаточно видѣлъ.

Когда сила проклятія не соотвѣтствуетъ силѣ благословенія, то тяжесть проклятія падаетъ на самого проклинающаго. Это и случилось съ Гоголемъ. Такія черныя тѣни легли передъ нимъ, потому что за нимъ былъ такой ослѣпительный свѣтъ; но свѣтъ былъ *за нимъ,* и онъ его не видѣлъ. И самую черную, страшную тѣнь — свою собственную, принялъ за своего двойника, за «чорта». И ему стало казаться, что вся эта тьма, весь этотъ ужасъ идетъ отъ него, изъ него самого, и что онъ,

смѣющійся—самъ смѣшонъ, онъ, проклинающій,—самъ проклятъ, что въ немъ самомъ—«чортъ». И Гоголь испугался.

Мудрый Чаадаевъ могъ ждать, повторяя съ безнадежною покорностью: Adveniat regnum tuum. А Гоголь ждать не могъ: ему нужно было бѣжать отъ своего чорта. Новаго религіознаго сознанія, новой церкви не было, и чтобы не остаться, подобно Чаадаеву, въ страшной пустотѣ, въ послѣднемъ сиротствѣ, онъ захотѣлъ вернуться въ церковь старую. Но живая душа его не могла войти въ мертвую церковь, часть мертваго царства. Тогда Гоголь, чтобы войти въ нее, умертвилъ, уморилъ себя, какъ раскольники—«запощеванцы» XVII вѣка, отрекся отъ литературы, сжегъ свои сочиненія, проклялъ все, что благословлялъ, благословилъ все, что проклиналъ,—вплоть до крѣпостнаго права,—принялъ съ православіемъ и самодержавіе, съ мертвою церковью—и мертвое царство.

Самодержавіе погубило въ Чаадаевѣ великаго русскаго мыслителя; православіе въ Гоголѣ—великаго русскаго художника. Судьба Гоголя—доказательство отъ противнаго, что въ Россіи новая религіозная стихія, не соединенная со стихіей революціонною, неизбѣжно приводитъ къ старой церкви, которая не только мертвѣетъ сама, но и все живое умерщвляетъ.

Чаадаева, вышедшаго изъ православія и самодержавія, императоръ Николай объявилъ сумасшедшимъ, а Гоголя, вернувшагося въ православіе и самодержавіе, объявили сумасшедшимъ революціонеры.

VI.

Безсознательныя религіозныя прозрѣнія Гоголя завершаются въ религіозномъ сознаніи Достоевскаго. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ же революціонная стихія приходитъ въ окончательное антиномическое столкновеніе съ религіознымъ сознаніемъ.

Недаромъ началъ онъ свою жизнь съ революціоннаго дѣйствія: за участіе въ дѣлѣ Петрашевцевъ Николай I приговорилъ его къ смертной казни; онъ уже стоялъ на эшафотѣ, когда пришло помилованіе—смертная казнь замѣнена каторгою. Достоевскій началъ съ того, чѣмъ декабристы кончили: они шли на плаху, онъ шелъ отъ плахи. И потомъ всю свою жизнь только и дѣлалъ, что старался стереть съ лица это клеймо политическаго отверженія. Но не стеръ, не истребилъ до конца, а только вогналъ внутрь. Стоитъ лишь пристальнѣе вглядѣться въ это лицо, чтобы выступила вновь неизгладимая печать. Всю свою жизнь каялся онъ, отрекался и открещивался отъ революціи, но такъ, какъ святые—отъ [illegible] мыхъ неодолимыхъ соблазновъ. И если революціонный красный цв[illegible] становится у Достоевскаго реакціоннымъ бѣлымъ, то иногда кажется, [illegible] это—бѣлизна бѣлаго каленія. Въ самой реакціи чувствуется обратная, [illegible] вернутая наизнанку революція. Ex ungue leonem. Хищный левъ—[illegible] шкурою смиренной овечки. Онъ страшится и ненавидитъ революцію; [illegible] не можетъ представить себѣ ничего внѣ этой и страшной и ненавис[illegible]

революціи. Она для него абсолютная, хотя и отрицательная, мѣра всѣхъ вещей, всеобъемлющая категорія мышленія. Онъ только и думаетъ, только и говоритъ о ней, только и бредитъ ею. Ежели кто-нибудь накликалъ революцію на Россію, какъ волшебники накликали бурю, то это, конечно, Достоевскій. Отъ Раскольникова до Ивана Карамазова, всѣ его любимые герои—политическіе и религіозные мятежники, преступники законовъ человѣческихъ и Божескихъ, и въ то же время атеисты, но особаго русскаго типа, атеисты-мистики, не простые безбожники, а богоборцы. Бунтъ противъ порядка человѣческаго ведетъ ихъ къ бунту противъ порядка Божескаго. Отрицаніе религіи вообще и христіанства, Богочеловѣчества, въ частности, не остается у нихъ только отрицаніемъ, а становится пламеннымъ утвержденіемъ антирелигіи, антихристіанства. «Если нѣтъ Бога, то я — Богъ», утверждаетъ герой «Бѣсовъ», нигилистъ Кирилловъ, провозвѣстникъ «Антихриста»—Ницше. «Надо разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ,—говоритъ Иванъ Карамазовъ,—вотъ съ чего надо приняться за дѣло. Человѣкъ возвеличится духомъ божеской титанической гордости, и явится Человѣкобогъ. Для Бога не существуетъ закона. Гдѣ станетъ Богъ, — тамъ уже мѣсто Божье. Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто... и все дозволено...»

Но хотя всѣ пожелаютъ, — одинъ только сможетъ «стать на мѣсто Божье;» хотя всѣ скажутъ, — одинъ только сдѣлаетъ для себя «все дозволеннымъ». «Нѣтъ ничего обольстительнѣе для человѣка, какъ свобода, но нѣтъ ничего и мучительнѣе». Человѣкъ любитъ своеволіе, а свободы страшится, какъ смерти. Лишь тотъ, кто освободитъ людей отъ этого страха, кто приметъ на себя одного все бремя свободы человѣческой, — сдѣлается истиннымъ Человѣкобогомъ, единымъ вождемъ «стомилліоннаго стада счастливыхъ младенцевъ», устроителемъ «Новой Вавилонской башни», соціальнаго царства человѣческаго вмѣсто Царства Божія, единымъ самодержцемъ и первосвященникомъ, «противоположнымъ Христомъ» — Антихристомъ.

Революція для Достоевскаго есть явленіе «умнаго и страшнаго духа небытія», духа возставшей на Бога гордыни бѣсовской. «Бѣсы»—озаглавилъ онъ одно изъ своихъ самыхъ вѣщихъ произведеній и поставилъ къ нему два эпиграфа: стихи Пушкина о бѣсахъ, которые чудятся поэту въ русской вьюгѣ, и евангельскій разсказъ о бѣсахъ, которые, выйдя изъ бѣсноватаго, вошли въ стадо свиней. По толкованію Достоевскаго, Россія—бѣсноватый, исцѣляемый Христомъ; русскіе революціонеры—бѣшеныя свиньи, летящія съ крутизны въ пропасть.

Дѣйствительно, нѣкоторыя страшныя явленія русской революціи похожи на судороги бѣсноватаго. Но какъ имя бѣса? Имя ему «Легіонъ»—древне-римское и византійское; Легіонъ—воинство бывшаго и будущаго Кесаря Божественнаго, человѣка, который хочетъ стать на мѣсто Божье,—царства человѣческаго, которое хочетъ стать на мѣсто царства Божьяго. Бѣсъ, выходящій нынѣ изъ Россіи, и есть нечистый духъ римско-

византійской «Священной Имперіи», духъ прелюбодѣйнаго смѣшенія государства съ церковью. И, ужъ конечно, не вожди русской революціи, эти мученики безъ Бога, крестоносцы безъ креста, а тѣ, кто мучаетъ ихъ во имя Бога, убиваетъ крестомъ, какъ мечомъ,—вожди русской реакціи, и русскихъ черныхъ сотенъ, похожи на стадо бѣшеныхъ свиней, летящихъ съ крутизны въ пропасть.

Но хотя и ложно толкованіе, которое Достоевскій даетъ своему собственному пророчеству, само оно истинно: бѣснующейся Россіи не исцѣлитъ никто, кромѣ Господа Грядущаго, и народы, подобно жителямъ страны Гадаринской, которые «вышли видѣть происшедшее», найдутъ освобожденную Россію, «сидящую у ногъ Іисусовыхъ».

Кажется, самъ Достоевскій предчувствовалъ, что революціи можно дать религіозное толкованіе совсѣмъ иное, чѣмъ то, которое онъ далъ.

Въ послѣднихъ страницахъ послѣдняго и величайшаго произведенія его, «Братьевъ Карамазовыхъ», старецъ Зосима, высказывая мысли, близкія самому Достоевскому, называетъ себя «соціалистомъ», разумѣется въ смыслѣ соціалиста-революціонера. «Государственный преступникъ» Достоевскій вдругъ выступаетъ въ святомъ старцѣ, хищный левъ — въ смиренной овечкѣ. «Общество христіанское,— говоритъ старецъ,— пребываетъ незыблемо въ ожиданіи своего полнаго преобразованія изъ общества, какъ союза почти еще языческаго (т.-е. государственнаго) во единую вселенскую и владычествующую Церковь» (т.-е. упраздняющую всякое государство).

Это постепенное внутреннее «преобразованіе», «преображеніе» не можетъ не окончиться внѣшнимъ внезапнымъ переворотомъ, революціей, ибо послѣднее торжество Церкви, какъ Царства Божьяго на землѣ, есть послѣднее низверженіе государства, какъ царства сперва человѣческаго, только человѣческаго, а затѣмъ и Человѣкобожескаго. «Церковь съ государствомъ,—заключаетъ старецъ Зосима,—сочетаться даже и въ компромиссъ временный не можетъ. Тутъ уже нельзя въ сдѣлки вступать». Это вѣдь и значитъ, что послѣдняя борьба церкви съ государствомъ должна быть непримиримою, убійственною для государства, революціонною, что торжество Церкви есть абсолютное отрицаніе государства—Анархія.

Такъ Достоевскій совершилъ полный кругъ своего развитія: началъ съ революціи политической, кончилъ революціей религіозной.

За что посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость Новиковъ, только помыслившій о Царствіи Божьемъ; за что повѣшены декабристы, впервые сказавшіе: «да будетъ всѣмъ одинъ Царь на землѣ и на небѣ—Христосъ»; за что объявленъ сумасшедшимъ Чаадаевъ, который только и дѣлалъ, что говорилъ: «да пріидетъ Царствіе Твое»; за что погибъ Гоголь, бѣжавшій изъ мертваго царства мертвыхъ душъ—то самое сказано и въ этомъ предсмертномъ завѣтѣ Достоевскаго:

«*Церковь есть во истину царство и опредѣлена царствовать, и конецъ своемъ должна явиться, какъ царство на всей землѣ*».

VII.

«Царствіе Божіе»—озаглавилъ Л. Толстой произведеніе свое, посвященное проповѣди религіозной анархіи.

Онъ первый показалъ, какую неимовѣрную силу пріобрѣтаетъ отрицаніе государства и церкви, дѣлаясь изъ политическаго религіознымъ. Показалъ мѣсто, гдѣ находится рычагъ, которымъ можетъ быть разрушено всякое государственно-церковное строеніе. Но самъ не сумѣлъ взять въ руки этотъ рычагъ.

Для него «Царство Божіе»—только внутри насъ, внутри каждой человѣческой личности, уединенной и обособленной; для него дѣло спасенія—дѣло исключительно внутреннее, личное, безобщественное. Тутъ слѣдуетъ онъ тому же безсознательному уклону, какъ и все историческое христіанство. Евангельскую мистику, послѣднее соединеніе духа и плоти, подмѣняетъ отчасти поверхностнымъ философскимъ раціонализмомъ, упраздняющимъ всякую мистику, какъ суевѣріе,—отчасти глубокою, но не христіанскою, а буддійскою метафизикою, абсолютнымъ поглощеніемъ одного начала другимъ, плотскаго—духовнымъ. Въ этомъ смыслѣ, Толстой, какъ ни странно сказать, церковнѣе, чѣмъ сама церковь, православнѣе, чѣмъ само православіе, разумѣется, съ великимъ ущербомъ для своей религіозной правды. Какъ это опять ни странно сказать Толстой—анархистъ, но не революціонеръ. Онъ отрицаетъ политическую революцію, какъ всякое внѣшнее общественное дѣйствіе. Отвергнувъ государство, ложную общественность, отвергаетъ и общественность истинную, религіозную; отвергнувъ ложную церковь государственную, отвергаетъ, или вѣрнѣе, совсѣмъ не видитъ Церкви истинной.

Выйдя изъ православія, Толстой попалъ въ ту страшную пустоту, отъ которой Чаадаевъ бѣжалъ въ католичество, Гоголь—назадъ въ православіе. А Толстой эту пустоту принялъ за полноту—за истинное христіанство.

Въ религіозномъ своемъ отрицаніи онъ сильнѣе, чѣмъ въ утвержденіи: то, что надо разрушить, разрушаетъ; но того, что надо создать, не создаетъ. Онъ слѣпой титанъ, который роется въ подземной тьмѣ и самъ не видитъ, какія глыбы своračиваетъ, какія землетрясенія могъ бы родить, если бы зналъ, куда нужно рыться.

Истинное религіозное и революціонное значеніе Толстого обнаруживается только по сравненію съ Достоевскимъ. Это—какъ бы двѣ противоположныя половины единаго цѣлаго, большаго, чѣмъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности; какъ бы тезисъ и антитезисъ единаго, еще не сдѣланнаго синтеза.

Толстой провозглашаетъ анархію, Достоевскій—теократію; Толстой отрицаетъ государство, какъ царство безбожно-человѣческое, Достоевскій утверждаетъ церковь, какъ царство Богочеловѣческое. Но анархія безъ теократіи, отрицаніе безъ утвержденія, или остается бездѣйственною отвлеченностью, какъ это случилось съ Толстымъ; или приводитъ къ окон-

чательной гибели всякаго общественнаго порядка, безсмысленному разрушенію и хаосу, какъ это легко можетъ случиться съ нѣкоторыми крайними вождями русской революціи. А теократія безъ анархіи, утвержденіе безъ отрицанія или остается тоже бездѣйственною отвлеченностью, или приводитъ къ безнадежнѣйшей изъ всѣхъ реакцій, къ возвращенію въ православное самодержавіе, какъ это случилось съ Достоевскимъ. Надо соединить отрицаніе Толстого съ утвержденіемъ Достоевскаго, анархію съ теократіей, для того, чтобы между этими двумя столкнувшимися тучами вспыхнула первая молнія послѣдняго религіознаго сознанія, послѣдняго революціоннаго дѣйствія.

Достоевскій умеръ наканунѣ 1 марта съ вѣщимъ ужасомъ въ душѣ. «Конецъ міра идетъ... Антихристъ идетъ»...—пишетъ онъ въ своемъ предсмертномъ дневникѣ, какъ будто шепчетъ въ предсмертномъ бреду. Кажется, онъ чувствовалъ, умирая, что твердыня православнаго самодержавія колеблется не только извнѣ, въ русской исторической дѣйствительности, но и внутри, въ его же, Достоевскаго, собственномъ религіозномъ сознаніи. «Русская церковь въ параличѣ съ Петра Великаго»,—шепчетъ онъ въ томъ же предсмертномъ бреду, и говоря о необходимомъ довѣріи царя къ народу, какъ о единственномъ спасеніи Россіи, вдругъ прибавляетъ, какъ будто не выдержавъ: «Что-то ужъ очень долго не вѣритъ».

Русская дѣйствительность на эти мечты Достоевскаго о взаимномъ довѣріи царя и народа отвѣтила едва ли не самымъ грознымъ изъ всѣхъ цареубійствъ. И почти тотчасъ же начали исполняться пророчества Достоевскаго о русской революціи, хотя и въ иномъ смыслѣ, чѣмъ онъ предполагалъ. Но именно то самое, что онъ могъ бы и долженъ былъ сдѣлать въ это роковое мгновеніе, которымъ опредѣлялся весь дальнѣйшій ходъ революціи, дѣлаетъ за него вѣчный противоположный двойникъ его, Л. Толстой. Толстой пишетъ императору Александру III письмо, въ которомъ умоляетъ царя простить цареубійцъ, умоляетъ сына помиловать отцеубійцъ; напоминаетъ помазаннику Божію о Богѣ, говоритъ о неизмѣримомъ дѣйствіи, которое произведетъ этотъ подвигъ не только на Россію, но и на всю Европу, на весь міръ. «Я самъ чувствую, что буду, какъ собака, преданъ Вамъ, если Вы это сдѣлаете»,—заключаетъ онъ.

То былъ послѣдній призывъ будущаго проповѣдника анархіи къ ложной теократіи. Вѣрилъ же, значитъ, и Л. Толстой, гдѣ-то въ самой тайной глубинѣ сердца своего, вѣрилъ, можетъ быть, не меньше Достоевскаго, въ святыню православнаго самодержавія.

Толстой отправилъ письмо свое будущему оберъ-прокурору св. Сино К. П. Побѣдоносцеву, одному изъ ближайшихъ друзей покойнаго Досто скаго, для передачи государю. Но Побѣдоносцевъ отказался отъ перед и объяснилъ отказъ тѣмъ, что смотритъ на христіанство не такъ, к Толстой: Христосъ не простилъ бы убійцъ русскаго царя.

VIII.

Въ это же время другой ближайшій другъ Достоевскаго, хотя и не съ правой, какъ Побѣдоносцевъ, а съ лѣвой стороны — Вл. Соловьевъ, произнесъ рѣчь въ защиту цареубійцъ. Не зная о письмѣ Толстого къ царю, онъ повторялъ главную мысль этого письма.

«Сегодня судятся и, вѣроятно, будутъ осуждены на смерть убійцы царя. Но царь можетъ и, если дѣйствительно чувствуетъ свою связь съ народомъ, долженъ простить цареубійцъ. Народъ русскій не признаетъ двухъ правдъ. А правда Божія говоритъ: не убій. Вотъ великая минута самоосужденія и самооправданія... Пусть царь и самодержецъ Россіи заявитъ на дѣлѣ, что онъ, прежде всего, христіанинъ; какъ вождь христіанскаго народа, онъ долженъ быть христіаниномъ... Но, если русскій царь, поправъ заповѣди Божіи, предастъ цареубійцъ казни, если онъ вступитъ на этотъ кровавый путь, то русскій народъ, народъ христіанскій не можетъ за нимъ идти. Русскій народъ отречется отъ царя и пойдетъ по своему отдѣльному пути... Скажемъ же рѣшительно и громко заявимъ, что мы стоимъ подъ знаменемъ Христовымъ и служимъ единому Богу— Богу любви. Пусть народъ узнаетъ въ нашей мысли свою душу и въ нашемъ совѣтѣ свой голосъ: тогда онъ услышитъ насъ и пойметъ насъ и пойдетъ за нами».

«Вдругъ передъ эстрадою,—разсказываетъ очевидецъ,—выростаетъ какая-то плотная фигура; рука съ поднятымъ указательнымъ пальцемъ протягивается къ оратору:

— «Тебя перваго, казнить, измѣнникъ! Тебя перваго, вѣшать, злодѣй!»

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, крикъ восторга вырвался изъ толпы и наполнилъ залъ:

— «Ты нашъ вождь! Ты насъ веди!»

Вождемъ русскаго народа Вл. Соловьевъ не сдѣлался. Вести другихъ на революціонное дѣйствіе не могъ бы онъ уже потому, что самъ не довелъ свое революціонное сознаніе до дѣйствія. Если бы онъ былъ послѣдователенъ, то, послѣ казни цареубійцъ, примкнулъ бы къ революціи. И не только примкнулъ бы самъ, но и призвалъ бы къ ней весь русскій народъ. Онъ этого не сдѣлалъ. Усомнился въ русскомъ царствѣ, но продолжалъ утверждать царство вселенское въ одномъ изъ трехъ членовъ своей теократіи: царь, священникъ, пророкъ. Какъ будто послѣдняя реальность теократіи не заключается именно въ томъ, что она упраздняетъ *символы* и даетъ *воплощеніе*, и что въ теократической общинѣ всѣ члены одинаково—цари, священники, пророки, а надо всѣми—одинъ Царь, одинъ Священникъ, одинъ Пророкъ—Христосъ. Не соединяя царство со священствомъ въ единомъ воплощеніи, въ единомъ ликѣ Христа, а отдѣляя одно отъ другого въ двухъ символахъ, въ двухъ человѣческихъ образахъ, личностяхъ — въ самодержцѣ и первосвященникѣ, Вл. Соловьевъ возвращается къ ложной теократіи сред-

нихъ вѣковъ, къ неразрѣшимому спору меча духовнаго съ мечомъ желѣзнымъ, римскаго папы или византійскаго патріарха съ римскимъ или византійскимъ кесаремъ, т.-е. утверждаетъ въ концѣ то, что отрицалъ въ началѣ—кощунственное смѣшеніе государства съ церковью. И въ самомъ дѣлѣ, когда мечтаетъ онъ о возсоединеніи церквей, православной и католической, то соблазняется соединеніемъ православнаго самодержавія, символа царства вселенскаго, съ римскимъ папствомъ, символомъ священства вселенскаго, какъ будто можно двѣ мертвыя личины, папу и кесаря, соединить въ одинъ живой ликъ Христа, единаго Царя и Священника.

Вл. Соловьевъ не понялъ или недостаточно понялъ всю неразрѣшимость антимоніи между государствомъ и церковью.

Вл. Соловьевъ слишкомъ любилъ вступать въ сдѣлки, въ компромиссы, не только временныя, но и вѣчныя. Осуждалъ насиліе и оправдывалъ войну, изъ всѣхъ насилій худшее, потому что не случайное, а необходимое, положенное въ метафизическую основу государственной власти: *«Легіонъ—имя ему»*, легіонъ, т.-е. война, военное насиліе. Не понятнымъ остается, на какомъ основаніи, если вообще допускать убійство,—убивать турецкихъ башибузуковъ праведнѣе, чѣмъ русскихъ, и почему крестоносная война съ внѣшнимъ врагомъ священнѣе, нежели съ внутреннимъ.

Начавъ защитою цареубійцъ и торжественнымъ требованіемъ царства Божія въ русскомъ царствѣ, онъ кончаетъ почти столь же торжественнымъ панегирикомъ императору Николаю I.

И на Вл. Соловьевѣ, какъ на Толстомъ и Достоевскомъ, обнаружилась страшная сила религіознаго соблазна, заключеннаго для русскихъ людей въ самодержавіи.

Почти всѣ отвѣты, которые даетъ Вл. Соловьевъ, ложны или недостаточны; но самые вопросы ставитъ онъ съ такою пророческою силою, съ какою еще никогда и никѣмъ не ставились они въ христіанской метафизикѣ.

Прежде всего,—вопросъ о религіи, какъ дѣлѣ спасенія не только личнаго, но и общественнаго, о воплощеніи Второй Ѵпостаси не только въ единой человѣческой Личности, въ Богочеловѣкѣ, но и въ соборной вселенской общественности, въ Богочеловѣчествѣ, которое осуществляется на всемъ протяженіи всемірной исторіи. Затѣмъ—вопросъ о религіозномъ преображеніи пола, о половой любви, вопросъ который вовсе не разрѣшается ни въ бракѣ христіанскомъ только по имени, а въ сущности, ветхозавѣтномъ или языческомъ, ни еще менѣе, въ христіанскомъ тоже только по имени, а въ сущности, буддійскомъ безбрачіи, умерщвленіи по... И, наконецъ,—вопросъ о личности, о воскресеніи, какъ послѣдней поб... трансцендентнаго личнаго единства духа и плоти надъ ихъ эмпиричес... безличною двойственностью.

Вл. Соловьевъ показалъ, что эти три вопроса — о личности, тай... одного, о полѣ, тайнѣ двухъ, и обществѣ, тайнѣ трехъ, человѣчес... множественности—могутъ быть разрѣшены только въ новомъ откров... Божественнаго Тріединства.

Пограничную черту, отдѣляющую христіанство отъ Апокалипсиса, не увидѣлъ онъ съ достаточною ясностью, страшился переступить за эту черту; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ уже стоялъ на ней и только ею отдѣленъ былъ отъ насъ.

Вл. Соловьевъ предчувствовалъ, что все историческое христіанство— только путь, только преддверіе къ новой религіи Троицы. Ученіе о Троицѣ, онъ пытался сдѣлать живымъ откровеніемъ, синтезомъ человѣческаго и Божескаго Логоса, Слова, ставшаго Плотью, какъ бы исполинскимъ сводомъ новаго храма Св. Софіи Премудрости Божіей.

Достоевскій умеръ наканунѣ 1 марта, Вл. Соловьевъ—наканунѣ великой русской революціи,—оба съ тѣмъ же вѣщимъ ужасомъ. «Конецъ міра идетъ, Антихристъ идетъ», эти предсмертныя слова своего учителя ученикъ повторилъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи, въ «Повѣсти объ Антихристѣ»; но оба не поняли, что Антихристъ ближе къ нимъ, чѣмъ они думали, что ложная теократія, съ которою они оба боролись всей своей безсознательною стихіей, но которую не имѣли силы преодолѣть своимъ религіознымъ сознаніемъ, и есть одинъ изъ великихъ всемірно-историческихъ путей къ Царству Звѣря. А между тѣмъ одинъ волосокъ отдѣляетъ этотъ послѣдній предѣлъ религіознаго движенія въ русской интеллигенціи отъ исходной точки религіознаго движенія въ русскомъ народѣ, отъ вѣщаго ужаса раскольниковъ.

Вл. Соловьевъ завершитель прошлаго и предтеча грядущаго, религіознаго освободительнаго, можетъ быть, не только русскаго, но и всемірнаго движенія. Какъ и всякій предтеча, онъ—гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

IX.

Безмолвное недоумѣніе Шлиссельбургскаго узника, Новикова, младенческій лепетъ декабристовъ-мистиковъ, тихая молитва сумасшедшаго Чаадаева, громкій смѣхъ Гоголя, неистовый вопль бѣсноватаго или пророка, Достоевскаго, подземный ропотъ слѣпого титана, Л. Толстого, гласъ вопіющаго въ пустынѣ, Вл. Соловьева—всѣ они твердятъ одно и то же: *да пріидетъ Царствіе Твое*. У всѣхъ безсознательная стихія религіозная соединяется со стихіей революціонною. Но религіозное сознаніе и революціонное дѣйствіе соединились только на одинъ мигъ, въ одной точкѣ обоихъ движеній, въ декабристахъ, и тотчасъ опять разошлись. Русская революція совершается помимо или противъ русскаго религіознаго сознанія; и это сознаніе развивается помимо или противъ русской революціи. Революція безъ религіи или религія безъ революціи; свобода безъ Бога или Богъ безъ свободы.

Намъ предстоитъ соединить нашего Бога съ нашей свободой, намъ предстоитъ раскрыть единую мысль въ обоихъ движеніяхъ; это—мысль о Церкви, какъ Царствѣ Божіемъ на землѣ: *Да пріидетъ Царствіе Твое.*

Д. Мережковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письма къ брату.

Письмо первое.

Дрезденъ, 8 апрѣля.

Дорогой братъ!

Это письмо удивитъ тебя своими размѣрами и еще болѣе содержаніемъ. Признаюсь, мнѣ и самому трудно начать. Послѣ того, какъ мы столько лѣтъ пишемъ другъ другу только реляціи о здоровьѣ и дѣлахъ, мудрено заговорить иначе. Не дико ли, подумай: любить другъ друга крѣпко и нѣжно, безпрестанно думать другъ о другѣ,—и писать одинъ другому безжизненныя письма, и при встрѣчахъ говорить обо всемъ, кромѣ самаго главнаго! Не странно ли, что за всѣ эти годы ни у одного изъ насъ не явилось потребности глубоко заглянуть другому въ глаза и спросить: «Братъ, счастливъ ли ты? въ чемъ твоя вѣра? и сносна ли тебѣ еще жизнь, или уже манитъ тебя отдыхъ смерти?» И не потому ли мы избѣгали этого, что каждый и о себѣ-то самомъ не задавалъ себѣ такого вопроса?

Слушай же: со мною случилось происшествіе, которое развязало мнѣ языкъ. Случилось это въ первый же день пріѣзда и внѣшне выразилось въ томъ, что я снова началъ курить.

Ты знаешь, что, несмотря на двухмѣсячное воздержаніе, я не отвыкъ отъ куренія. Все время очень тянуло къ папиросѣ и каждый разъ казалось, что стòитъ закурить, и станетъ такъ хорошо и уютно. Здѣсь, въ первый же день, когда я послѣ обѣда вышелъ изъ гостиницы, мнѣ стало совсѣмъ не въ мочь—и я рѣшился.

Войдя въ кафе и занявъ столикъ въ углу, я велѣлъ подать себѣ кофе и пару русскихъ папиросъ. Съ первой же затяжки на меня хлынула ... кая могучая волна чувствъ, что невозможно разсказать. Тутъ было б... женство безъ края, и увѣренность, что теперь я начну новую, ин... жизнь; но больше всего, съ ужасной силой, охватила меня безмѣрн... скорбь о томъ, что я есть, и о всѣхъ протекшихъ годахъ. Господи, ка... это жгло и захватывало духъ! Какъ эти чудесно голубыя, уютныя кол... дыма передо мною, такъ клубилось все во мнѣ. И тутъ то, среди вдо...

венія, окрылившаго меня, вдругъ съ полной ясностью предстала мнѣ нѣкая мысль; и когда, выпивъ кофе и выкуривъ вторую папиросу, я всталъ, чтобы уйти,—я чувствовалъ себя перерожденнымъ.

Это было въ понедѣльникъ, а сегодня четвергъ. Эти три дня я больше ничего не дѣлалъ, только ходилъ и думалъ,—шагалъ по комнатѣ, ходилъ по улицамъ, и съ увлеченіемъ все думалъ-думалъ, точно слушалъ внутри себя чудную и неотразимую пѣснь. Это *онъ*, наконецъ, обрѣлъ языкъ, *онъ*, моя истинная сущность. Я понялъ это сразу, потому что минутами мнѣ уже и раньше казалось, что внутри у меня кто-то есть большой и настоящій. Помню, гостя прошлымъ лѣтомъ въ деревнѣ у М. и не будучи тогда ничѣмъ разстроенъ, я былъ пораженъ, когда однажды за утреннимъ чаемъ его сестра къ слову сказала, что я во снѣ стенаю и какъ будто жалуюсь. Изъ чтенія я уже и тогда зналъ понятіе «онъ»,—и я ужаснулся: это «онъ» жалуется,—онъ, значитъ, несчастенъ, онъ страдаетъ во мнѣ. Но прошло полдня, и я забылъ объ этомъ. Теперь, наконецъ, прорвалось, что всю жизнь было заглушено и забито, и я услышалъ ясно голосъ моего истиннаго «я».

Что я передумалъ въ эти дни, едва ли я сумѣю тебѣ передать. Главное, какъ разсказать тебѣ это общее чувство моей прежней жизни, этотъ ликъ ея, представшій теперь передо мной? Это можно сравнить развѣ вотъ съ чѣмъ. Мнѣ 32 года, значитъ, я лѣтъ 12 живу сознательно. Всѣ эти годы непрерывно я чувствовалъ что-то странное въ моей жизни: ущербъ и неполноту во всемъ, призрачность, временность всего, точно я все время только готовился къ настоящей жизни. Помнишь въ Альпахъ, какъ попадешь въ облако? Ничего цѣльнаго, только вокругъ туманъ, да на платьѣ роса: *такъ я жилъ;* теперь же я увидѣлъ облако сверху, оно сгустилось для моего взора. Вотъ мое общее чувство. И съ тѣмъ вмѣстѣ я сказалъ себѣ: значитъ я прошелъ черезъ него! О, милый братъ, какой радостью наполняетъ меня эта надежда! Знать, что это призрачное существованіе кончилось и что, можетъ быть, начнется настоящая, полная, плавная жизнь,—отъ этой мысли расширяется сердце.

Ахъ, эти долгіе, трудные годы, какъ горько вспомнить ихъ,—и какъ жаль мнѣ и тебя, мой милый братъ! Потому что развѣ и ты былъ счастливъ? Теперь я вижу: сколько насъ ни есть въ нашемъ кругу, мы всѣ несчастны, мы всѣ больше или меньше больны тѣмъ же—во всѣхъ въ насъ душа томится, между тѣмъ какъ наружное «я» живетъ кое-какъ изо дня въ день. Хочешь? испытай себя: вспомни хорошенько что-нибудь изъ нашихъ дѣтскихъ лѣтъ, какую-нибудь вещь или случай, и, припомнивъ, отдайся своему чувству: развѣ тебѣ не больно, не страшно? Между той минутой и сегодня все—какъ смутный и болѣзненный сонъ, и кажется, это такъ близко, а между тѣмъ такъ ужасно безвозвратно: слышишь, какъ твоя душа рыдаетъ въ тебѣ?

А почему? Развѣ это нормально? Эта ужасная болѣзненность прошлаго возможна ли въ здоровомъ человѣкѣ? и не оттого ли мы больны, что ме-

жду нашимъ внѣшнимъ «я» и нашимъ истиннымъ существомъ пропасть, и *онъ* въ заточеніи? Перебери мысленно пріятелей, вспомни физіономію нашего общества, наконецъ, вспомни фигуры Чехова: всѣхъ гложетъ этотъ тайный недугъ. Полвѣка и больше люди были заняты внѣшнимъ—жизнью природы и обществъ, забывъ о собственной личности; а пока они спорили и размышляли, какъ бы передѣлать жизнь, внутри ихъ непримѣтно выросъ новый человѣкъ. Цѣлыя поколѣнія сошли въ могилу, не догадываясь о томъ, что̀ уже жило въ ихъ душѣ и тайно ихъ мучило; никому не приходило въ голову остановиться и прислушаться къ своимъ внутреннимъ голосамъ. Но, видно, насталъ срокъ; вѣрно я не единственный. Ибо кто еще мучился такъ, какъ мы? Вотъ послушай, что я буду разсказывать.

Въ моемъ прошломъ нѣтъ ни одного дня, когда бы я просто жилъ, нѣтъ часа, когда бы я весь былъ тутъ, въ благодушномъ и мирномъ уютѣ настоящаго: нѣтъ, всегда на бивуакѣ, на бѣгу, на перепутьи, съ неугомонной тревогой въ крови. Это чудесное умѣніе жить осѣдло и дѣлать каждое дѣло не спѣша, съ довѣріемъ,—сѣвъ въ кресло съ книгой въ рукахъ, забыть весь міръ и всей душой отдаться спокойному вниманію, какъ будто само время задремало подъ мирное тиканье часовъ,—я его не зналъ никогда. А какъ я желалъ его! Въ сущности я только его и желалъ; больше я ни о чемъ не мечталъ для моего личнаго счастія. Какъ я завидовалъ людямъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, съ какимъ ненасытнымъ упоеніемъ разсматривалъ картины, въ которыхъ изображался ихъ уютный и неторопливый бытъ! Читая ихъ воспоминанія, ихъ книги, я какъ бы пріобщался къ миру ихъ существованія,—и, право, не знаю, не отсюда ли и это магическое обаяніе Пушкина для меня, какъ вѣчно живого отзвука того потеряннаго рая!

Легко можетъ быть, что все это было лишь обманомъ дали, но что мнѣ до этого! Это былъ во всякомъ случаѣ чарующій и, увы, недостижимый идеалъ. Бывало, оглянешься объективно вокругъ: кажется, всѣ условія уютности и довольства на лицо; помню, однажды оказалось, что я живу ни дать, ни взять, какъ молодой Погодинъ въ какомъ-то году; но нѣтъ, внутри не затихаетъ, точно телеграфный аппаратъ безъ умолку выстукиваетъ неровно-торопливую вѣсть. Смутно и тревожно въ душѣ и чего-то не хватаетъ. Это главное: чего-то не хватаетъ для полноты, а чего—не знаешь; и оттого нѣтъ плавности, нѣтъ округленности, и всѣ дни угрюмые и сухіе.

Помню: Римъ, начало іюня, я иду одинъ по дорогѣ изъ города въ знакомую остерію, гдѣ хозяйская дочка такъ хороша и простодушна и гдѣ послѣ завтрака подаютъ въ чашкѣ крупныя черешни, горящія темно-красныхъ огнемъ подъ кристальной водой. Иду, и такъ роскошно кругомъ, отчего же во мнѣ ущербно и я только знаю, что кругомъ хорошо?—Помню Женевское озеро и Савойю. Тамъ есть, высоко надъ Тонономъ, монастырь des Allinges. Я долго шелъ отъ озера въ жаркій день, все вверхъ и вверхъ убитой дорогой, черезъ каменныя деревни и мимо придорожныхъ распятій

и вотъ я достигъ своей цѣли и сѣлъ отдохнуть на каменной плитѣ въ тѣни монастырскаго погреба. Какъ хорошъ и картиненъ былъ этотъ каменный дворъ и небольшой старинный монастырь слѣва! Я люблю романское средневѣковье съ его монахами, самое имя францисканца или капуцина звучитъ для меня поэзіей; и вотъ она, эта поэзія, воочію передо мною, и двое монаховъ вышли изъ-подъ арки и стоятъ, разговаривая среди двора: отчего же не охватитъ меня настроеніе средневѣковья и вмѣсто полноты обстановки я ощущаю разорванность? «Да, это *было бы* хорошо». Какое-то главное условіе не соблюдено, а пока его нѣтъ—въ сущности все мертво. Понимаешь? каждое переживаніе—мертворожденно.

И такъ все было у меня сухо и отрывочно,—больно вспомнить! Каждая радость была вся въ дребезгахъ, и что я имѣлъ, чѣмъ былъ, что дѣлалъ—на всемъ лежала эта печать. Ничего самодовлѣющаго, все какъ на ярмаркѣ и не въ себѣ имѣло свою цѣль, точно вихрь какой-то. И съ людьми я сходился на ходу, и какъ ни сближался, не было въ этомъ общеніи той прекрасной значительности, какую я зналъ за стариками. И вообще въ моей жизни совсѣмъ, совсѣмъ не было благочестія,—я разумѣю то инстинктивное благочестіе въ вещамъ, которое придаетъ вѣсъ минутному и возвышаетъ жизнь. Все будни и будни, и трезвость лавочника.

Я часто думалъ о своей жизни, особенно ночью, лежа. Жалкая жизнь, гдѣ все—случайность! Не я ее созидалъ, въ ней нѣтъ разумной, послѣдовательной воли. Оглянусь ли назадъ—невѣдомая тоска жжетъ сердце: такъ недавно все это было, а теперь такъ далеко и безвозвратно! Вспомню, сколько мнѣ лѣтъ,—душа изнемогаетъ отъ муки. Жизнь ушла, уходитъ—Боже мой, на что? Лежу недвижимо, а внутри пламенемъ пылаетъ горе. А надо всѣмъ сознаніемъ, все разъѣдая, виситъ неистребимое чувство призрачности и тщеты: тщетна жизнь въ ея существѣ, тщетно всякое дѣло, и слова, и усилія, ясно видишь, какъ все проходитъ и поглощается забвеніемъ, и такъ утомительна эта безцѣльная смѣна мимолетныхъ вставаній, умываній, ночного сна, и всего, всего, что дѣлаетъ человѣкъ. И тутъ станетъ такъ ужасно сиротливо въ душѣ, что иной разъ—вѣришь?—простонешь вслухъ... потому что почти невозможно вынести.

Все это я чувствовалъ и днемъ, всегда, но слабѣе. Зато днемъ у меня былъ еще другой неразлучный спутникъ—страхъ. Онъ сидитъ въ мозгу, какъ второе сознаніе, и, такъ сказать, механически вызываетъ въ воображеніи призраки всевозможныхъ бѣдъ, большею частью смутные, но оттого еще болѣе гнетущіе. Мѣсяцы и годы уходили на то, что я боялся будущаго, хотя самое страшное, что̀ могло бы случиться въ немъ, было легче этого изнурительнаго страха.

Видишь, братъ: такъ я жилъ. Das war mein Leben,—war's ein Leben? Отъ этой жизни надо бы кричать, биться головой о стѣну, а я съ виду былъ такой же, какъ всѣ, и даже подчасъ умѣлъ чувствовать себя недурно.

Но довольно; я опять разстроился. Отошлю тебѣ эти листки и завтра буду продолжать.

Письмо второе.

Чѣмъ болѣе я вспоминаю, тѣмъ больше растетъ мое удивленіе: какъ могло случиться, что я столько лѣтъ влачилъ эту жизнь? Вѣдь кромѣ постояннаго ощущенія неполноты, сухости, временности, призрачности, кромѣ тоски о прошломъ и страха за будущее, я безпрестанно слышалъ внутри себя голосъ, который опредѣленно и настойчиво твердилъ мнѣ: «не то! это ненужно, это пустяки». Я отмахивался отъ этого упрека, потому что онъ казался мнѣ голословнымъ; я принималъ его за желчную раздражительность, и только. Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ тогда, что этотъ печальный голосъ, все отрицающій,—и тѣ обрывки мыслей о цѣли жизни, о началѣ и концѣ міра и проч., которые, хотя и довольно часто, но безъ всякихъ послѣдствій проходили черезъ мой умъ,—*одно и то же*, это показалось бы мнѣ дикимъ. У меня, какъ и у всѣхъ, было такое отношеніе къ этимъ вопросамъ, что они не принадлежатъ къ категоріи реальностей: о нихъ можно на досугѣ думать, читать, бесѣдовать, но въ жизни съ ними нечего дѣлать, все равно, какъ съ мечтами о томъ, что будетъ черезъ 300 лѣтъ.

Я догадался объ этомъ только теперь. Я ахнулъ, когда понялъ, что все это: и мое вѣчное душевное недомоганіе, и настойчивый голосъ, твердящій: «не то», и эти запросы о смыслѣ бытія,—одно и то же, что это—*онъ* весь цѣлый, мое настоящее «я». Я понялъ, прежде всего, что червь, глодавшій меня всѣ эти годы,—страшно острое чувство пустоты, небытія всего реальнаго. Я жилъ въ какомъ-то царствѣ неуловимыхъ тѣней, всякая вещь при первомъ прикосновеніи растаевала у меня подъ руками, испарялась въ туманъ или призракъ. И я думаю, что это—общая болѣзнь нашихъ дней. Бываютъ поколѣнія, когда человѣку органически присуще чувство естественности всего бытія. Намъ присуще противоположное чувство: намъ все странно и само по себѣ, и своей ненужностью. Можно и не сознавая ощущать всѣмъ существомъ цѣльность и реальность міра; тогда и каждый данный моментъ получаетъ вѣсъ и существенность. Мы же таковы, что предъ нашимъ взоромъ все распадается и улетучивается, и это до такой степени мучительно, что невозможно выразить словами.

Но это еще не все. Перебирая мысленно мои прошедшіе годы, я вижу ясно, что и въ простой ежедневности такъ жить нельзя: надо жить а-*мому*, т.-е. послѣдовательно, а не изо дня въ день какъ придется. Я нашелъ шесть вопросовъ, которые рѣшить—такая же насущная пот б-ность, какъ мы говоримъ о голодномъ: насущный хлѣбъ. Вотъ эти о-просы.

I. Я имѣю кое-какія убѣжденія; больше того: нѣкоторыя изъ н ъ вошли въ мою плоть и кровь. Вмѣстѣ съ тѣмъ я вижу, что для т о,

чтобы прожить хоть сколько-нибудь сносно, по-людски, надо жить не по этимъ правдамъ, а какъ всѣ,—въ откровенной и прикрытой лжи и въ условностяхъ. А комфорта такъ хочется, да я же и усталъ. Какъ же найти въ себѣ мужество жить не какъ всѣ, а честно и, значитъ, плохо, нищенски? Это очень трудно.

II. Тутъ самъ собою встаетъ другой вопросъ. Думаешь себѣ: жизнь пройдетъ тяжело,—а гдѣ ручательство, что мои бѣдныя крошечныя правды подлинно нужны передъ лицомъ вѣчности? Можетъ быть и онѣ—такая же пыль въ вѣкахъ, какъ ложь и условности людей? Толстой просто говоритъ: эта истина—истина потому, что она Божья, несчастье улучшаетъ душу и пр.; но вѣдь это слова, мы этого не знаемъ. Гдѣ же критерій нужнаго въ вѣкахъ? И отсюда другое.

III. Есть ли какой-нибудь планъ и, значитъ, смыслъ въ мірозданіи? потому что только изъ этого плана и можно было бы вывести критерій.

Далѣе, IV. Какъ найти правильную дорогу между сознаніемъ, что ни одинъ человѣкъ ни въ чемъ не виноватъ (а я въ этомъ увѣренъ, такъ какъ считаю все причинно-безусловнымъ), между этимъ, говорю я, детерминизмомъ, и инстинктивнымъ влеченіемъ судить всякаго и соотвѣтственно карать или награждать?

V. Какъ сдѣлать, чтобы перестать бояться судьбы, т.-е. избавиться отъ страха, и какъ сдѣлать, чтобы мужественно переносить ея удары?

Наконецъ, VI. Какъ сдѣлать, чтобы спокойно переносить несправедливость неба, щедраго къ одному, скупого и злобнаго къ другому, явно не по заслугамъ?

Видишь, къ чему я пришелъ? Вмѣсто всякихъ научныхъ проблемъ и теорій—совершенно первобытные вопросы, одинаковые для меня и для безграмотнаго мужика, неизмѣнные во всѣ вѣка.

Но я сознаю это самое и прямо. Непосредственное чувство говоритъ мнѣ, что въ дѣлѣ вѣчныхъ судебъ и назначеній человѣкъ стоитъ одинъ, нагой, все равно—Шекспиръ или какой-нибудь сартъ, который ѣдетъ сейчасъ пыльной дорогой, низко свѣсивъ босыя ноги по бокамъ лошака и сонно мурлыча пѣсню. Мало того: я твердо знаю, что смыслъ моей жизни не можетъ быть инымъ, нежели всего существующаго. Когда муха утонула въ стаканѣ съ пивомъ, ея смерть въ своей незамѣтности еще чудовищнѣе, чѣмъ обставленная такой внѣшней значительностью смерть человѣка, а по существу обѣ тождественны. Я понялъ, и это было для меня открытіемъ: чтобы правильно, во всемъ объемѣ, почувствовать вопросъ моей жизни, я долженъ обнажить себя и вообразить себя затеряннымъ въ вѣкахъ и пространствѣ, такъ сказать—человѣческой былинкой. И теперь я понимаю, почему я еще съ ранней молодости такъ жадно смотрѣлъ на изображенія такихъ человѣческихъ былинокъ, какого-нибудь дѣйствительно жившаго безвѣстнаго дикаря въ книгѣ путешественника, и испытывалъ при этомъ какое глубокое, сладкое волненіе, самъ не зная почему: я касался здѣсь самаго существа жизни, я чувствовалъ дыханіе вѣчности, такъ, какъ если

приближаешься къ морю и уже видишь издали его просторъ и слышишь его свободное дыханіе. Это чувство можно было бы назвать космическимъ волненіемъ. Теперь я испытываю его минутами и глядя на птичку на телеграфной проволокѣ, или вспоминая горный ручеекъ, когда-то видѣнный и навѣрное журчащій днемъ и ночью донынѣ. Это—инстинктивное чувство общности нашихъ судебъ. Не могу выразить, какимъ счастіемъ оно наполняетъ меня.

Долженъ сказать тебѣ, что я и вообще почувствовалъ необыкновенную легкость, какъ только увидѣлъ простоту и первобытность вопроса. Тяжелая ноша свалилась съ меня, точно въ самомъ дѣлѣ всѣ системы, гипотезы, задачи культуры и пр. связывали меня и мѣшали идти. И я спрашиваю себя: не такъ ли со всѣми? Я вижу, что человѣчество томятъ два вопроса: вопросъ о смыслѣ бытія, и вопросъ о соціальной справедливости. Они должны рѣшаться отдѣльно одинъ отъ другого, ибо они и принадлежатъ къ разнымъ сферамъ: первый къ метафизической, второй—къ матеріальной. Первый рѣшается муками индивидуальной души, второй—ростомъ техники и производства, распространеніемъ знанія и гуманныхъ идей, законодательнымъ починомъ и пр. Но между ними есть несомнѣнная связь; она въ той общей почвѣ, на которой произрастаетъ все человѣческое—въ психикѣ человѣка. Какъ успѣшно работать можетъ только тотъ рабочій, который вышелъ на работу здоровымъ и бодрымъ, такъ общество только тогда установитъ разумный строй, когда большинство его членовъ не будутъ, какъ теперь, вялы или больны отъ безмыслія о вѣчныхъ вопросахъ. Люди похожи теперь въ своей совокупности на грудного ребенка, еще не научившагося координировать свои движенія: онъ тянетъ руку мимо цѣли и не умѣетъ схватить. Какъ же имъ развязать такъ страшно запутанный узелъ? Для этого нужны твердая рука и цѣлесообразность движеній.

Письмо третье.

Я зналъ, что ты поймешь меня, но большой радостью было для меня убѣдиться, что ты и почувствовалъ—и съ такой силой!—мои волненія. Значитъ, я не ошибся въ своей мысли о нынѣшнихъ людяхъ; значитъ, вѣрно, что птенецъ уже созрѣлъ въ скорлупѣ, и томится и просится наружу живая душа человѣка. Кажется, общество въ своемъ подавляющемъ большинствѣ занято сейчасъ совсѣмъ другимъ,—политикой и соціализмомъ; но это невѣрно: оно заглушаетъ свою непонятную тоску, продолжая старое, оно перемогается со дня на день и все время явно чувствуетъ, [illegible] въ его жизни недостаетъ главнаго, а чего именно—не знаетъ, какъ [illegible] было со мной. Опять настало время, когда слова о вѣчности и Богѣ [illegible] ставляютъ сильнѣе биться сердца. Всякій вѣдь заранѣе знаетъ, что [illegible] мудрѣйшій изъ говорящихъ не откроетъ ему смысла бытія,—и все-та[illegible] гдѣ только раздается подобная рѣчь, ей внемлютъ съ жадностью и у[illegible] ваніемъ. Объясни-жъ ты мнѣ, ради Бога, что это за тайна одновремен[illegible]

тождественной настроенности душъ! Почему люди разныхъ натуръ, разныхъ интересовъ и занятій, оказываются идущими по одной дорогѣ даже въ томъ случаѣ, когда они увѣрены, что стоятъ совсѣмъ на другихъ путяхъ и про ту дорогу даже не смѣютъ сознаться? Или въ самомъ дѣлѣ всемірная исторія есть исторія коллективнаго воспитанія человѣчества? Но тогда—кто же воспитатель?

Но достовѣрно то, что эта общая жажда независимо мучаетъ каждаго въ отдѣльности; эта коллективная болѣзнь—въ полномъ смыслѣ слова личная болѣзнь, и такою я ее ощущаю. Это мое домашнее дѣло, вопросъ или раздумье о моей личной одинокой судьбѣ.

Прекрасный день жизни перешелъ для меня за половину, а я и не замѣтилъ, какъ минули утро и полдень. Припоминаю, и не вспомню ни безмятежныхъ радостей, ни часовъ уютнаго покоя. Все неразумно и случайно въ моемъ прошломъ; я былъ какъ щепка на волнахъ и жилъ смутно, не озирая своего жизненнаго пути на далекое пространство впередъ и назадъ.

Но прошлаго мнѣ жаль только сердцемъ, не умомъ. Въ прошломъ мнѣ жаль только самого себя, а не человѣка. Мнѣ больно вспомнить часы страданій и безрадостные мѣсяцы и годы, которые я прожилъ, мнѣ горько, что благодаря этому прошлому я сталъ такимъ, каковъ есмь. Но для прошлаго мнѣ не надо цѣли, для прошлаго мнѣ довольно причинности. Во мнѣ живетъ неискоренимое сознаніе необходимости всего совершившагося: ретроспективно я въ полномъ смыслѣ слова фаталистъ.

Другое дѣло будущее *и все*; тутъ мнѣ мучительно даже подумать о фатализмѣ, тутъ все во мнѣ вопіетъ о смыслѣ и цѣли.

И вотъ я стою одинъ передъ тайной мірозданія, и знаю: мнѣ некуда податься ни впередъ, ни назадъ. Мнѣ не избыть возникшаго во мнѣ вопроса о смыслѣ бытія, и не рѣшить его объективно, потому что тайна эта скрыта отъ насъ навѣки.

Я знаю одинъ отвѣтъ, выдающій себя за рѣшеніе. Говорятъ, что міръ изнутри реально преображается Богомъ до полнаго претворенія его въ Бога. Я удивляюсь величію этой идеи, удивляюсь тому, что она независимо возникала подъ разными широтами и въ отдаленные другъ отъ друга вѣка, удивляюсь, наконецъ, ея могучему обаянію надо мною самимъ,—но принять ея въ душу не могу. Сердце ширится отрадой, когда вспомню о ней; она зоветъ меня, какъ простертыя руки родной матери: приди, отдохни на моемъ лонѣ! Но разумъ не хочетъ ея, потому что она—гипотеза, недоказуемая объективно: разъ она знаніе, она подлежитъ и законамъ знанія. Чары этой идеи надъ человѣчествомъ я объясняю себѣ тѣмъ, что въ ней нашло себѣ наиболѣе полное выраженіе то чувство космическаго единства, о которомъ я писалъ тебѣ прошлый разъ. Но въ томъ чувствѣ вопросъ бытія только ставится во всей чистотѣ, а вовсе не рѣшается. *Знать* о планѣ бытія мы ничего не можемъ. Его проявленія такъ разнообразны и противорѣчивы, что въ нихъ находятъ себѣ под-

твержденіе не одна, а многія, и противоположныя гипотезы; если даже между этими гипотезами и есть дѣйствительный отвѣтъ, кто скажетъ намъ, что это—истина? Сфинксъ молчитъ; каждый народъ, каждый вѣкъ по своему отвѣчаетъ на его многообразную загадку, но его уста никогда не откроются, чтобы промолвить отгадавшему: ты отгадалъ. Я даже и не знаю, есть ли вообще одинъ отвѣтъ, и одна ли загадка. Это все—первобытный антропоморфизмъ.

Для меня ясно, что весь вопросъ долженъ быть перенесенъ на другую почву. Объективный отвѣтъ невозможенъ, но субъективный возможенъ, *а намъ только его и надобно*.

Намъ нужно не знать цѣль бытія—намъ нужно совсѣмъ другое. Это самообманъ, что причиною моей душевной муки мнѣ кажется мое незнаніе цѣли: этой иллюзіей, какъ рефлекторной болью, отражается въ моемъ сознаніи истинная моя болѣзнь, *болѣзнь же эта—органическій распадъ съ міромъ*. Мнѣ нужно не узнать научно цѣль бытія, а воспринять ее органически, т.-е. вернуться къ состоянію дикаря или животнаго, которыхъ потокъ всемірной жизни нечувствительно несетъ по своему невѣдомому руслу. Мнѣ нужно это высшее, органическое усвоеніе міровой цѣли, потому что только оно можетъ стать во мнѣ регулятивнымъ началомъ, въ силу котораго всѣ шесть моихъ вопросовъ будутъ не рѣшены сознаніемъ (это было бы для меня безполезно), а ежеминутно безъ колебаній рѣшаться моей волей, направленной неподвижно, какъ стрѣлка компаса. Мнѣ нужно, повторяю, не знать цѣль, а начать жить къ цѣли,—и когда волна унесетъ меня, тогда и мысль мою перестанетъ давить кошмаръ незнанія.

Черезъ распадъ я иду къ высшему единству со вселенной, руководимый моимъ стихійнымъ космическимъ чувствомъ. Я выпалъ изъ жизни, теперь мнѣ надо самому найти и занять свое мѣсто въ ней, и я долженъ это сдѣлать всѣмъ моимъ существомъ. Другими словами, я долженъ найти реакцію моей души на вѣчность, на безконечное. А къ этому нѣтъ другого пути, какъ поставить мою душу въ непрерывное соприкосновеніе съ безконечнымъ.

Въ этомъ была вся наша ошибка. Какъ человѣкъ, который, желая сберечь тепло, плотно заперъ двери и окна своего жилища и замазалъ всѣ щели, такъ мы наглухо замкнулись въ земномъ. Это оказалось вначалѣ необыкновенно удобнымъ. Не смущаемый безграничностью и грозной тайной бытія, человѣкъ быстро и искусно приспособлялъ свое жилище для своихъ потребностей; но кислорода становилось все меньше и меньше, и вотъ все падаетъ у него изъ рукъ, ему тяжко—онъ задыхается. П[illegible]смотрись къ жизни людей нашего круга. Имъ даже не приходится сами[illegible] замазывать щели: это все приспособлено еще дѣдами и отцами, на[illegible] есть особыя учрежденія, навыки, насмѣшки. Какъ непристойно заговор[illegible] вслухъ о тѣлесныхъ отправленіяхъ человѣка, такъ смѣшно заговорит[illegible] о космической тайнѣ; первое разрѣшается только врачамъ, второе—т[illegible]

поэтамъ, на правахъ произвольной условности. И даже больше того: оградившись логикой спереди и эстетикой сзади, мы постарались всячески замазать и эти двѣ прозрачныя стѣны, чтобы перестала быть видна чрезъ нихъ вѣчность.

Намъ нѣтъ другого исхода, какъ выйти въ безпредѣльность, если мы не хотимъ задохнуться въ нашихъ стѣнахъ; намъ надо дать міровой тайнѣ свободно циркулировать въ нашемъ сознаніи, какъ свѣжему воздуху—въ нашихъ легкихъ. Рядомъ со старымъ лозунгомъ: жить въ общеніи съ природой, становится новый: жить въ общеніи съ міровой тайной, или, вѣрнѣе, второй лозунгъ—лишь духовная сторона перваго, потому что, общаясь съ природой, я открываю Богу мои чувства, общаться же съ безконечностью, значитъ, открывать ему свое сознаніе. Я хотѣлъ бы сказать современному человѣку: «Распахни свою душу! Дай себѣ волю мечтать, думать и говорить о вѣчномъ, о непостижимомъ въ тебѣ и внѣ тебя, смотри на небо, не стыдись удивляться творческому чуду, не бойся думать о смерти. Я не знаю, къ чему это тебя приведетъ, каждаго отдѣльно, но я знаю, что другой дороги нѣтъ, и что у тебя сейчасъ нѣтъ и дѣла важнѣе, потому что отъ этого зависитъ успѣшность всѣхъ твоихъ дѣлъ. Если ты воспитатель, — съ первыхъ дней пониманія окуни душу ребенка въ тайну, сдѣлай такъ, чтобы онъ росъ въ полномъ сознаніи безконечнаго, или нѣтъ, чтобы онъ росъ *въ немъ самомъ*, какъ цвѣтокъ въ воздухѣ,—иначе онъ захирѣетъ...» Но скажу я это, или нѣтъ, все равно—*такъ будетъ*. Уже тѣ изъ насъ, чья организація тоньше, не снеся духоты, выглянули наружу: я говорю о художникахъ. А за ними и по ихъ слѣдамъ пойдутъ всѣ.

Надо же, наконецъ, имѣть мужество сознаться,—почва уходитъ у насъ изъ-подъ ногъ. Наши оцѣнки еще тверды съ виду, но насъ уже мутитъ отъ ихъ условности, отъ зіяющей пустоты; за нашимъ истончившимся сознаніемъ сквозитъ безуміе. Какъ спастись отъ этого кошмара на яву, за что ухватиться? Назадъ въ позитивное намъ нельзя отступить: тамъ нѣтъ ни одной неподвижной точки. Намъ путь одинъ—въ безконечность. Я, нераздѣльный атомъ единой непостижимой психо-физической міровой субстанціи, я долженъ жить въ ясномъ сознаніи моей міровой стихіи, какъ капля въ морѣ, такъ, чтобы каждое мое чувство, каждая мысль и оцѣнка получали въ ней свой правильный удѣльный вѣсъ,—иначе они неправильны и вся моя жизнь въ точномъ смыслѣ слова космически искажена, т.-е. неестественна.

Это чувствовалъ человѣкъ съ незапамятныхъ временъ, и потому массы никогда не жили безъ религіи. Религія—это непрерывное ощущеніе или сознаніе міровой тайны. Всѣ историческія религіи имѣли только одну эту цѣль—организовать общеніе съ нею, сдѣлать такъ, чтобы человѣкъ ежедневно ощущалъ и помнилъ непостижимость бытія, чтобы онъ никогда не терялъ изъ виду всемірное цѣлое, въ которомъ онъ—какъ капля въ морѣ, словомъ, чтобы ощущеніе безконечнаго входило въ его душу безпрестанно,

систематически, какъ воздухъ въ легкія. И эта правильная циркуляція достигалась посредствомъ символовъ и обрядовъ. Каждый основатель религіи открывалъ людямъ новое, болѣе яркое и болѣе сильное, нежели они знали раньше, ощущеніе безконечнаго. Переживать вслѣдъ за нимъ это воспріятіе въ чистомъ видѣ были способны только немногіе,—и снисходя къ нуждѣ нищихъ духомъ, они изъ символовъ и обрядовъ создавали такой законъ, исполняя который простецъ можетъ переживать то же ощущеніе почти механически. Поэтому каждый религіозный обрядъ—дверь въ безконечность, каждое религіозное таинство — предчувствіе вѣчной тайны; и, значитъ, *естественнѣе* живетъ тотъ, кто искренно исполняетъ обряды какой-нибудь религіи, нежели человѣкъ, который собственной волей замкнулъ свое сознаніе въ четырехъ стѣнахъ земного. Но чей разумъ открыть, тотъ не нуждается въ этихъ опорахъ, да если бы и хотѣлъ, онѣ ему уже не годятся. Другой правды въ религіяхъ нѣтъ; онѣ вводятъ въ душу ощущеніе или сознаніе тайны, но не объясняютъ тайны; объективнаго, положительнаго знанія о планѣ міросозданія онѣ не даютъ и не могутъ дать.

Я не затѣмъ цѣною тяжелыхъ страданій пробился наружу, чтобы и тамъ огородить себя частоколомъ какихъ-либо догматовъ. Я хочу свободно сознавать непостижимое, хочу созерцать его яснымъ взоромъ при свѣтѣ дня, а не слѣпо нащупывать въ утреннихъ сумеркахъ символовъ и таинствъ или угадывать въ произвольныхъ гипотезахъ о смыслѣ бытія. Я хочу такъ часто, ясно и глубоко сознавать космическую тайну, чтобы она сдѣлалась, наконецъ, опредѣляющимъ началомъ во мнѣ, матерью моихъ мыслей и желаній. Я не знаю, каковъ я стану тогда и каковы будутъ мои желанія, но я твердо знаю, что это будутъ нормальныя желанія, космически правильныя, потому что рожденныя душой, неотдѣленной отъ космоса.

Junior.

Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ.

(27 января 1834—20 января 1907).

---

20 января въ 6 часу утра скончался великій русскій ученый, заслуженный профессоръ Петербургскаго университета Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ.

Дѣятельность Д. И. Менделѣева была столь разнообразна, касалась стольких различныхъ сторонъ науки и техники, что дать хоть сколько нибудь полный обзоръ его трудовъ одному человѣку невозможно. Въ настоящей статьѣ, посвященной его памяти, мы остановимся главнымъ образомъ на его работахъ по химіи, доставившихъ ему всемірную извѣстность.

27 января 1834 у директора Тобольской гимназіи Ивана Павловича Менделѣева родился семнадцатый ребенокъ—сынъ Дмитрій—будущая слава и гордость Россіи.

Мать Д. Менделѣева, Марья Дмитріевна, была женщиной выдающагося ума и энергіи.

Когда Д. Менделѣеву минуло 9 лѣтъ, его отецъ умеръ, и воспитаніе дѣтей и попеченіе о матеріальномъ благосостояніи семьи всецѣло легло на Марью Дмитріевну. Оставшись съ ограниченной пенсіей и желая увеличить достатки семьи своимъ трудомъ, она взялась за полезное практическое дѣло, устроила и вела сама стеклянный заводъ, называвшійся «Аремзянка», направляя и устраивая въ то же время своихъ дѣтей согласно ихъ природнымъ склонностямъ и призванію, а въ своемъ послѣднемъ сынѣ провидѣла особенныя способности къ наукѣ. Дѣтство и гимназическіе годы Дмитрія Ивановича проходятъ среди обстановки, благопріятной для образованія самобытнаго независимаго характера: мать была сторонницей свободнаго пробужденія природнаго призванія.

Самъ Д. И. Менделѣевъ такъ рисуетъ обстановку, въ которой онъ росъ; «Тутъ жили почтенные и всѣми уважаемые декабристы Фонвизинъ, здѣсь Анненковъ, тутъ Муравьевъ, близкіе къ нашей семьѣ, особенно послѣ того, какъ одинъ изъ декабристовъ, Н. В. Басаргинъ, женился на моей сестрѣ, вдовѣ Ольгѣ Ивановнѣ. Ужъ нѣтъ никого изъ тѣхъ въ живыхъ,

и теперь можно говорить, что семьи декабристовъ въ тѣ времена придавали тобольской жизни особый отпечатокъ, надѣляли ее свѣтлыми воспоминаніями. Преданіе о нихъ до сихъ поръ живетъ въ Тобольскѣ, у котораго не мало и другихъ свѣтлыхъ воспоминаній еще болѣе давней поры».

Характеристику же его матери и его отношенія къ ней мы находимъ въ слѣдующемъ посвященіи, предпосланномъ Д. И. Менделѣевымъ къ его труду: «Изслѣдованіе водныхъ растворовъ по удѣльному вѣсу» (1887 г.).

«Это изслѣдованіе посвящается памяти матери ея послѣдышемъ. Она могла его возрастить только своимъ трудомъ, ведя заводское дѣло, воспитывала примѣромъ, исправляла любовью и, чтобы отдать наукѣ, вывезла изъ Сибири, тратя послѣднія средства и силы. Умирая завѣщала: избѣгать латынскаго самообольщенія, настаивать въ трудѣ, а не въ словахъ, и терпѣливо искать божескую или научную правду, ибо понимала сколь часто діалектика обманываетъ, сколь многое еще должно узнать и какъ при помощи науки безъ насилія, любовно, но твердо устраняются предразсудки, неправда и ошибки, а достигаются: охрана добытой истины, свобода дальнѣйшаго развитія, общее благо и внутреннее благополучіе. Завѣты матери считаетъ священными Д. Менделѣевъ».

«Рѣдкой матери» выпадаетъ на долю такая крупная роль въ исторіи жизни своихъ дѣтей, какая принадлежала Марьѣ Дмитріевнѣ, похороненной на Волковомъ кладбищѣ, гдѣ горячо любимый и любящій сынъ впослѣдствіи купилъ мѣсто и для себя. Можно думать, что завѣты матери, всосанные въ плоть и кровь съ самаго ранняго дѣтства, опредѣлили въ сильной мѣрѣ весь характеръ дальнѣйшей дѣятельности Дмитрія Ивановича, включая и отношенія къ различнымъ техническимъ, экономическимъ и общественнымъ явленіямъ» *).

Усмотрѣвъ въ своемъ сынѣ склонность къ наукѣ, Марья Дмитріевна, по окончаніи имъ гимназическаго курса, вывезла его 15-лѣтнимъ мальчикомъ изъ Сибири и жила съ нимъ въ Москвѣ въ домѣ своего брата Корнильева, а затѣмъ черезъ годъ перевезла въ Петербургъ и помѣстила въ педагогическій институтъ.

Попавъ въ институтъ Д. И. Менделѣевъ всецѣло предался изученію наукъ: здѣсь онъ слушалъ химію у Воскресенскаго, физику у Ленца, минералогію у Куторги, математику у Остроградскаго, астрономію у Савича, ботанику у Рупрехта, зоологію у Брандта.

О томъ, какъ усердно занимался Д. И. Менделѣевъ, можно судить уже по тому, что, будучи студентомъ, онъ напечаталъ (въ 1854) въ Трудахъ Петербургскаго минералогическаго Общества изслѣдованія химическаго состава нѣсколькихъ минераловъ, а при окончаніи курса представилъ диссертацію «Изоморфизмъ въ связи съ другими отношеніями кристаллической формы къ составу». Диссертація эта была напечатана въ «Горномъ

*) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей С.-Петербургскаго университета.

журналѣ» за 1856 г. и обнаруживаетъ въ авторѣ большую начитанность и знаніе литературы предмета.

По окончаніи курса въ институтѣ, во время Крымской войны, Дмитрій Ивановичъ вслѣдствіе пошатнувшагося здоровья уѣхалъ въ Крымъ и былъ опредѣленъ учителемъ гимназіи, сначала въ Симферополѣ, затѣмъ въ Одессѣ. Но уже въ 1856 году онъ возвращается въ Петербургъ, сдаетъ экзаменъ на степень магистра химіи и физики и представляетъ диссертацію «Удѣльные объемы».

Диссертація эта, имѣющая въ настоящее время главнымъ образомъ историческій интересъ, показываетъ, что молодой двадцати-двухлѣтній магистръ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ значеніе закона Авогадро-Жерара, въ то время не пользовавшагося всеобщимъ признаніемъ. Поступивъ въ томъ же году въ число приватъ-доцентовъ С.-Петербургскаго университета Д. И. Менделѣевъ читаетъ лекціи органической и теоретической химіи.

Въ 1859 году Дмитрій Ивановичъ командируется заграницу. Сначала онъ предполагалъ заниматься въ Парижѣ въ лабораторіи Реньо, но потомъ выбралъ Гейдельбергъ, гдѣ, устроивъ свою небольшую лабораторію, произвелъ свои изслѣдованія надъ капилярностью жидкостей.

Въ этомъ изслѣдованіи онъ устанавливаетъ истинный смыслъ температуры абсолютнаго кипѣнія, впослѣдствіи названный Эндрюсомъ «Критической температурой».

По возвращеніи изъ-за границы, въ 1861 году, Дмитрій Ивановичъ снова вступилъ приватъ-доцентомъ въ С.-Петербургскій университетъ. Вскорѣ затѣмъ публиковалъ курсъ «Органической химіи» (1861 г.) учебникъ, вышедшій уже черезъ 2 года вторымъ изданіемъ.

Въ 1863 г. Дмитрій Ивановичъ назначается профессоромъ С.-Петербургскаго технологическаго института и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимается вопросами техники: онъ ѣдетъ на Кавказъ для изученія нефти около Баку, производитъ сельскохозяйственные опыты Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, издаетъ техническія руководства и т. п.

Въ 1866 году онъ защищаетъ докторскую диссертацію «о соединеніи спирта съ водой», избирается профессоромъ по каѳедрѣ химіи въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ и продолжаетъ свою дѣятельность до 1890 г.

Въ 1869 г. въ первомъ томѣ «Журнала Русскаго Химическаго Общества» появляется статья Д. И. Менделѣева «соотношеніе свойствъ съ атомнымъ вѣсомъ элементовъ», въ которой впервые излагается «періодическая система элементовъ» прославившая имя Менделѣева по всему свѣту. Въ томъ же году онъ издаетъ свои «Основы химіи», выдержавшіе съ тѣхъ поръ 8 изданій (послѣднее 8-ое изданіе появилось въ 1906) и переведенные на нѣмецкій, англійскій, французскій языки. Замѣчательно что на англійскомъ языкѣ The Principles of Chemistry by D. Mendeleeff вышли 3-имъ изданіемъ (1-ое въ 1891 г., 2-ое 1897, а 3-ье въ 1905), несмотря на высокую цѣну—32 шиллинга или около $15^1/_2$ рублей.

Д. И. Менделѣевъ такъ опредѣляетъ цѣль появленія «Основъ химіи».

«Въ предлагаемомъ сочиненіи двѣ цѣли. Первая—познакомить публику и учащихся съ основными данными и выводами химіи въ общедоступномъ научномъ изложеніи, указать на значеніе этихъ выводовъ для пониманія какъ природы вещества и явленій вокругъ насъ совершающихся, такъ и тѣхъ примѣненій, какія получила химія въ сельскомъ хозяйствѣ, техникѣ и другихъ прикладныхъ знаніяхъ.

«Въ наукѣ о природѣ нѣтъ аксіомъ, съ помощью которыхъ облегчается изложеніе такихъ наукъ, какъ геометрія. Въ ней всѣ истины добыты путемъ упорнаго труда и всестороннихъ попытокъ наведенія. Вотъ эта то сторона предмета и заставляла меня къ вышеназванной цѣли присовокупить другую, болѣе спеціальную: изложить вмѣстѣ съ выводами описаніе способовъ ихъ добычи, ввести въ одно систематическое цѣлое возможно большее число данныхъ, не вдаваясь однако въ крайность полныхъ сборниковъ науки.

«Въ виду этого и тѣ обощенія и гипотезы, которыя отчасти или вполнѣ принадлежатъ лично мнѣ, я старался поставить на соотвѣтственныхъ мѣстахъ, не стремясь придать имъ видъ законченности, а выставляя ихъ только какъ попытки, стоящія въ связи съ общимъ направленіемъ, какое, по моему мнѣнію, имѣетъ въ настоящее время наша наука».

Кромѣ того Д. И. Менделѣевъ желалъ «показать въ элементарномъ изложеніи осязательную пользу періодическаго закона», появившагося передъ нимъ, въ своей цѣлости, именно въ 1869 г.

Приведемъ здѣсь главнѣйшіе выводы, къ которымъ пришелъ тогда Д. И. Менделѣевъ:

1. Элементы, расположенные по величинѣ ихъ атомнаго вѣса, представляютъ явственную періодичность свойствъ.

2. Сходные по химическимъ отправленіямъ элементы представляютъ или близкіе атомные вѣса (подобно Pt, Ir, Os. или платинѣ, иридію, осмію) или послѣдовательно и однообразно увеличивающіеся (подобно калію, K, рубидію Rb, цезію Cs). Однообразіе такого увеличенія въ разныхъ группахъ укрывалось отъ предшествовавшихъ наблюдателей, потому что они при своихъ сличеніяхъ не пользовались выводами Жерара, Реньо, Канниццаро и др., установившими истинную величину атомнаго вѣса элементовъ.

3. Сопоставленіе элементовъ или ихъ группъ по величинѣ атомнаго вѣса соотвѣтствуетъ, такъ называемой, атомности ихъ и, до нѣкоторой степени, различію химическаго характера.

4. Распространеннѣйшія въ природѣ простыя тѣла имѣютъ малый атомный вѣсъ, а всѣ элементы съ малымъ атомнымъ вѣсомъ характеризуют резкостью свойствъ. Они по этому суть типическіе элементы. Водоро какъ легчайшій элементъ, по справедливости избирается какъ самый т пическій.

5. Величина атомнаго вѣса опредѣляетъ характеръ элемента, к величина частицы опредѣляетъ свойства сложнаго тѣла, а потому і изученіи соединеній должно обращать вниманіе не только на свойс

и количество элементовъ, не только на ихъ взаимодѣйствіе, но и на вѣсъ ихъ атома.

6. Должно ожидать открытія еще многихъ неизвѣстныхъ простыхъ тѣлъ, напр. сходныхъ съ алюминіемъ (Al) и кремніемъ, Si элементовъ съ паемъ 65—75.

7. Величина атомнаго вѣса элемента иногда можетъ быть исправлена, зная его аналогіи.

Достойна удивленія та прозорливость и смѣлость мысли, которая проявилась у Д. И. Менделѣева, какъ у великаго изслѣдователя природы: какъ строгій послѣдователь индуктивнаго метода, онъ вывелъ свой законъ на основаніи того громаднаго фактическаго матеріала, который ему пришлось обозрѣть, когда передъ нимъ явилась задача расположить элементы въ какой либо системѣ для своего курса химіи, но въ этомъ матеріалѣ, несмотря на его обширность, были крупные недостатки, которые представили бы другимъ изслѣдователямъ, менѣе смѣлымъ, непреодолимыя препятствія, и именно атомные вѣса однихъ элементовъ были невѣрны, а нѣкоторыхъ элементовъ и совсѣмъ не было извѣстно, но Д. И. Менделѣевъ не остановился передъ этимъ, для однихъ элементовъ (напр. для индія) онъ предложилъ измѣнить атомный вѣсъ, а для неизвѣстныхъ элементовъ онъ предсказалъ не только атомный вѣсъ, но и иныя ихъ свойства.

Этой смѣлостью мысли Д. И. Менделѣевъ рѣзко отличается отъ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Лотара Мейера, который независимо отъ Д. И. Менделѣева въ 1871 г. въ своей статьѣ: Die Natur der chemischen Elemente als Funktion ihrer Atomgewichte, изложилъ взгляды, близкіе къ развиваемымъ Д. И. Менделѣевымъ.

Не будемъ излагать тѣхъ возраженій, которыми былъ встрѣченъ періодическій законъ, а также исторію тѣхъ открытій, которыя послужили къ его подтвержденію, но приведемъ здѣсь слѣдующія слова Д. И. Менделѣева, относящіяся къ 1898 г.

«Для пониманія періодическаго закона очень важно обратить вниманіе на то, что онъ не былъ признанъ сразу всѣми, имѣлъ много противниковъ и лишь постепенно выступалъ, какъ истинный, по мѣрѣ накопленія фактовъ и по мѣрѣ оправданія слѣдствій, изъ него вытекающихъ. Здѣсь виденъ примѣръ того, съ какими трудами добываются новыя истины и какъ въ наукѣ обезпечивается ихъ утвержденіе».

Не имѣя возможности подробно излагать все значеніе періодическаго кона и тотъ переворотъ, который былъ произведенъ имъ въ химіи, мы кажемъ только наиболѣе крупные факты:

1. «До періодическаго закона», говоритъ Д. И. Менделѣевъ,—простыя ла представляли лишь отрывочныя, случайныя явленія природы, не ло поводовъ ждать какихъ-либо новыхъ, а вновь находимые въ своихъ йствахъ были полной неожиданной новинкой. Періодическая законность рая дала возможность видѣть неоткрытые еще элементы въ такой дали,

до которой невооруженное этою законностію химическое зрѣніе до тѣхъ поръ не достигало и при этомъ новые элементы ранѣе ихъ открытія рисовались съ цѣлою массою свойствъ».

Въ 1871 году Д. И. Менделѣевъ предсказалъ свойства трехъ элементовъ, которымъ онъ далъ названіе: экаборъ, экаалюминій, и экакремній, а въ 1875 Лекокъ-де-Буабодранъ открываетъ новый элементъ, названный имъ галліемъ и по свойствамъ своимъ подходящій къ экаалюминію, въ 1879 г. Нильсонъ открываетъ скандій (оказавшійся равнымъ экабору) и въ 1886 К. Винклеръ германій (или экакремній).

Такимъ образомъ благодаря періодическому закону химія вступила въ рядъ такихъ наукъ, въ которыхъ возможно предвидѣніе: подобно тому какъ въ астрономіи планета Нептунъ была найдена благодаря Леверрье, указавшему путемъ вычисленія мѣсто нахожденія ея на небѣ, такъ въ химіи скандій, галлій и германій, можно сказать, были предугаданы Д. И. Менделѣевымъ, и затѣмъ найдены другими.

Послѣ этого нельзя не согласиться съ Д. И. Менделѣевымъ, «что періодическій законъ—расширилъ горизонтъ зрѣнія».

2. «Вѣса атомовъ элементовъ, до періодическаго закона, представляли числа чисто эмпирическаго свойства до того, что величина эквивалента и атомность или число эквивалентовъ, образующихъ атомъ, могли подлежать критикѣ лишь по методамъ ихъ опредѣленія, а не по ихъ величинѣ, то-есть въ этой области приходилось идти ощупью, покоряться факту, а не обладать имъ, хотя весь строй химическихъ знаній, со времени Дальтона, былъ подчиненъ выводамъ отсюда выносимымъ».

Періодическій законъ указалъ на неточность атомныхъ вѣсовъ и показалъ, какъ нужно ихъ исправить; такъ было для индія, церія, иттрія и др.

Указанные факты увеличивали все болѣе и болѣе значеніе періодическаго закона, но въ послѣднее десятилѣтіе ему пришлось подвергнуться одному испытанію, изъ котораго онъ вышелъ еще болѣе укрѣпившимся. Когда въ 1894 году лордомъ Рэлеемъ и Рамзаемъ былъ открытъ аргонъ, а затѣмъ гелій, то, казалось, что этимъ элементамъ нѣтъ мѣста въ періодической системѣ элементовъ, и Д. И. Менделѣевъ высказалъ предположеніе, что аргонъ есть какъ бы полимеръ азота, отличающійся отъ азота такъ же, какъ озонъ отличается отъ кислорода, т.-е. частица аргона состоитъ изъ трехъ атомовъ азота. Это предположеніе оказалось невѣрнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ были открыты въ воздухѣ новые газы: неонъ, криптонъ и ксенонъ, которые вмѣстѣ съ аргономъ и геліемъ составили новую группу элементовъ, которая нашла себѣ мѣсто въ періодической системѣ элементовъ, дополнивъ ее новой «нулевой» группой.

Въ эту же «нулевую» группу, по мнѣнію Менделѣева, долженъ быть помѣщенъ и тотъ элементъ, изъ котораго состоитъ міровой эѳиръ. Элементъ этотъ долженъ обладать чрезвычайно малымъ атомнымъ вѣсомъ и способенъ къ сгущенію въ тѣлахъ высокаго атомнаго вѣса. Такое сли-

сгущеніе эѳира въ радіи и радіоктивныхъ тѣлахъ обусловливаетъ, по мнѣнію Менделѣева, особенныя явленія радіоактивности.

«Указавъ новую тайну природы, періодическій законъ, вмѣстѣ съ данными спектроскопіи, послужилъ къ возбужденію вновь очень старой и замѣчательно живучей надежды, если не въ опытѣ, то хотя бы умозрѣніемъ, достичь до единой первичной матеріи».

Если свойства элементовъ періодически повторяются по мѣрѣ увеличенія атомнаго вѣса, иными словами, по мѣрѣ накопленія массы матеріи, то, естественно предположить, что атомы различныхъ элементовъ состоятъ изъ единой—первичной—матеріи, различнымъ образомъ уплотненной.

Но нужно отмѣтить, что Д. И. Менделѣевъ до конца жизни возставалъ противъ подобнаго взгляда и вытекающаго изъ него понятія о разложимости элементовъ. «Мысль эта, по мнѣнію Д. И. Менделѣева, «должна быть отнесена къ числу утопическихъ».

Что же касается до изслѣдованій Рамзая надъ радіоактивными веществами, показывающихъ переходъ эманаціи радія въ гелій, то Д. И. Менделѣевъ совѣтуетъ относиться къ нимъ съ крайней осторожностью и говоритъ, что «вопросъ этотъ крайне важенъ, но его точное опытное разслѣдованіе невозможно, пока радій не будетъ доступенъ для изслѣдованія въ количествахъ, допускающихъ точныя измѣренія».

На вопросъ же, какъ объяснить сущность періодическаго закона, Д. И. Менделѣевъ даетъ слѣдующій отвѣтъ:

«Что же касается до отсутствія какого-либо объясненія сущности разсматриваемаго закона, то причину тому должно искать прежде всего въ отсутствіи точнаго для него выраженія. Онъ рисуется нынѣ въ видѣ новой, отчасти только раскрытой, глубокой тайны природы, въ которой намъ дана возможность постигать законы, но очень мало возможности постигать истинную причину этихъ законовъ. Такъ, законъ тяготѣнія извѣстенъ уже два столѣтія, но всѣ попытки его объясненія—донынѣ мало удачны. Эти тайны природы составляютъ высшій интересъ точныхъ наукъ, кладутъ на нихъ особый отпечатокъ и дѣлаютъ изученіе естествознанія—въ отличіе отъ классическаго пріема знаній—залогомъ умѣнія сочетать и подчинять реально-понятное съ идеально-вѣчнымъ и общимъ, а потому и кажущимся непонятнымъ. Словомъ, широкая приложимость пер. закона, при отсутствіи пониманія его причины—есть одинъ изъ указателей того, что онъ очень новъ и глубоко проникаетъ въ природу химическихъ явленій, и я, какъ русскій, горжусь тѣмъ, что участвовалъ въ его установленіи».

Остановившись довольно долго на главномъ трудѣ Д. И. Менделѣева, мы только вкратцѣ упомянемъ о другихъ его трудахъ. Съ 1871—1875 г. онъ занимается изслѣдованіемъ упругости газовъ. На это изслѣдованіе были отпущены средства Военнымъ и Морскимъ министерствами. Первая часть отчета объ этихъ опытахъ представляетъ большой томъ in quarto.

Въ 1876 году, по порученію правительства, Дмитрій Ивановичъ ѣдетъ

въ Пенсильванію для осмотра нефтяныхъ американскихъ мѣсторожденій и затѣмъ—нѣсколько разъ на Кавказъ для изученія экономическихъ условій этого производства и условій ея добычи, и тѣмъ способствуетъ широкому развитію нефтяной промышленности въ Россіи.

На-ряду съ этимъ онъ изслѣдуетъ нефтяные углеводороды, высказываетъ гипотезу о происхожденіи нефти, издаетъ сочиненія, касающіяся сопротивленія жидкостей и воздухоплаванія,» какъ-то: 1) «О сопротивленіи жидкостей и воздухоплаваніи. 1880 г., О барометрическомъ нивеллированіи и примѣненіи для него высотомѣра». 1876 г.

Онъ занимается также метеорологическими вопросами и подъ его редакціей выходитъ въ 1876 г. Метеорологія Мона.

Вопросы о растворахъ особенно занимали Д. И. Менделѣева, и имъ онъ удѣлялъ не мало мѣста въ своихъ «Основахъ химіи», но кромѣ того въ 1887 г. онъ издалъ обширный трудъ «Изслѣдованіе водныхъ растворовъ по удѣльному вѣсу». Не останавливаясь на этомъ изслѣдованіи, *) укажемъ только, что высказанные имъ взгляды на строеніе растворовъ нашли много сторонниковъ, несмотря на то, что въ то же время начала развиваться новая теорія растворовъ фант-Гоффа и Аррениуса. Послѣдняя обыкновенно противопоставляется «гидратной теоріи» Д. И. Менделѣева, но, по нашему мнѣнію, высказанному еще въ 1891 г. **) и нашедшему опытное подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ, обѣ эти теоріи не противорѣчатъ, а дополняютъ другъ друга.

Не останавливаясь на многочисленныхъ трудахъ по различнымъ вопросамъ химіи и физики, укажемъ, что труды эти снискали ему всемірную извѣстность: многія академіи (за исключеніемъ русской) избрали его своимъ членомъ. Эдинбургскій университетъ въ 1884 г. присуждаетъ ему степень почетнаго доктора правъ (Doctor of Laws), причемъ мотивами возведенія въ эту степень было то, что Д. И. Менделѣевъ—авторъ руководства по химіи, многихъ статей въ научныхъ журналахъ о «температурѣ абсолютнаго кипѣнія», о періодическомъ законѣ химическихъ элементовъ и о другихъ химическихъ и физическихъ вопросахъ» (autor of a Text-Book of Chemistry, and of manypapers in scientific journals on the Absolute Boiling-Point, on the Periodic Law of Chemical Elements, and on other chemical and physical subjects»).

Въ ноябрѣ 1888 г. Д. И. Менделѣевъ первый изъ русскихъ ученыхъ получаетъ приглашеніе отъ Королевскаго института прочесть лекцію, а затѣмъ Лондонское химическоо общество предложило ему прочесть »Фарадеевское чтеніе» (Faraday Lecture) о періодическомъ законѣ. Нужно указать, что до Д. И. Менделѣева прочесть «Faraday Lecture» приглашали Дюма и Вюрцъ между французами, Канниццаро изъ Рима и Гельмгольт

*) Желающіе могутъ найти рецензію объ этомъ сочиненіи въ февральской кн. „Русской Мысли“ за 1888.

**) См. Ив. Каблуковъ. Современныя теоріи растворовъ (фант-Гоффа и Аррениу въ связи съ ученіями о химическомъ равновѣсіи.

(1881) изъ Берлина. Чтенія эти происходятъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Первое чтеніе (въ Королевскомъ институтѣ) «Попытка приложенія къ химіи одного изъ началъ естественной философіи Ньютона», было прочитано 19 мая 1889, а второе «Періодическая законность химическихъ элементовъ»—23 мая 1889 г.

Послѣднее чтеніе было прочитано проф. Армстронгомъ въ отсутствіи Д. И. Менделѣева, такъ какъ въ самый день чтенія онъ долженъ былъ уѣхать изъ Лондона, получивъ тревожныя извѣстія о болѣзни сына. Послѣ чтенія Д. И. Менделѣеву была прислана особая фарадеевская медаль.

Покинувъ въ 1890 Петербургскій университетъ, Д. И. Менделѣевъ продолжаетъ разрабатывать различные вопросы по физикѣ, химіи и техникѣ, но кромѣ того его начинаютъ занимать другія обширныя экономическія и государственныя задачи.

Переставъ быть профессоромъ, онъ старается расширить кругъ своихъ учениковъ и принимаетъ участіе въ рядѣ изданій, служащихъ распространенію научныхъ и техническихъ знаній: такъ, онъ редактируетъ, а также составляетъ статьи по вопросамъ химіи и техники въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза, подъ его редакціей выходитъ «Библіотека промышленныхъ знаній», издаетъ «Основы фабричной промышленности» и т. д.

На-ряду съ этимъ онъ руководитъ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій въ главной палатѣ мѣръ и вѣсовъ, съ открытіемъ которой въ 1893 г. онъ назначается ученымъ хранителемъ мѣръ и вѣсовъ. Здѣсь по его иниціативѣ устраиваются электрическое, манометрическое, газомѣрительное и водомѣрное отдѣленія, обсерваторія для опредѣленія мѣстнаго времени, и предпринято изслѣдованіе силы тяжести и т. д. Въ издаваемомъ главной палатой мѣръ и вѣсовъ «Временникѣ» (7 выпусковъ) находится много статей самого Д. И. Менделѣева.

Кромѣ того Д. И. Менделѣевъ работаетъ по вопросу о выработкѣ типа бездымнаго пороха и, назначенный въ 1891 г. консультантомъ по пороховымъ вопросамъ при управляющемъ Морскимъ Министерствомъ, послѣ изслѣдованій, произведенныхъ въ лабораторіи морскаго вѣдомства, указалъ требующійся типъ бездымнаго пороха, (пироколлодійнаго), легко приспособляемаго ко всякимъ огнестрѣльнымъ орудіямъ.

Не считая себя компетентнымъ въ обсужденіи экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, которыми занимался Д. И. Менделѣевъ, укажемъ только, что назначенный членомъ совѣта торговли и мануфактуръ, онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ выработкѣ и систематическомъ проведеніи покровительственнаго для русской обработывающей промышленности тарифа и публикуетъ сочиненіе: «Толковый тарифъ 1890 года», трактующее по всѣмъ статьямъ, почему для Россіи наступила необходимость такого покровительства.

Экономическіе же вопросы на-ряду съ другими разбираются имъ въ напечатанныхъ за послѣднее время «Завѣтныхъ мысляхъ».

Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы могли указать только на одну сторону дѣятельности Д. И. Менделѣева—на главнѣйшіе труды его по химіи—дать же полную оцѣнку его дѣятельности возможно только при совмѣстной работѣ многихъ спеціалистовъ: химія, физика, метеорологія, сельское хозяйство, техника, политическая экономія и т. д.—вотъ предметы, которые занимали этотъ выдающійся умъ. При одномъ только перечисленіи его статей (число коихъ превышаетъ 200) и его обширныхъ сочиненій невольно поражаешься не только многосторонностью его таланта, но и его громадной работоспособностью: поступивъ въ высшее учебное заведеніе 16—17-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже 20-ти лѣтъ печатаетъ самостоятельное изслѣдованіе, 22-хъ лѣтъ—магистерскую диссертацію, а затѣмъ начали появляться каждый годъ многочисленные труды, большинство которыхъ требовало кропотливой и усидчивой работы для вычисленій и т. под., и такъ продолжалось до самой смерти.

Въ самый послѣдній годъ лѣтомъ 1906 г. вышла его книжка «Къ познанію Россіи», которая въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ потребовала 3-го изданія, и онъ думалъ выпустить рядъ другихъ книжекъ, хотѣлъ объяснить, въ чемъ наша сила, чѣмъ мы слабы и чѣмъ надо помочь этимъ слабымъ сторонамъ... «Ахъ какъ хотѣлось бы все высказать,—говорилъ онъ,—что такъ ясно въ мысляхъ и что надо передать другимъ! Только бы успѣть побольше поработать, пока есть силы».

Хотя онъ дожилъ до возраста, до котораго рѣдко доживаютъ русскіе ученые, но онъ былъ молодъ духомъ и энергіей, и мы могли ожидать еще многихъ и многихъ ученыхъ трудовъ...

Какова бы ни была полная оцѣнка его дѣятельности, но неоспорима заслуга передъ Россіей этого богатыря мысли, горячо любившаго свою родину: съ именемъ Дмитрія Ивановича Менделѣева далеко по всему свѣту разносится слава русскаго имени.

Ив. Каблуковъ.

В. А. Гольцевъ какъ ученый.

Немногіе знаютъ, что у покойнаго В. А. Гольцева былъ курсъ лекцій, посвященный ученію объ управленіи. Этотъ курсъ былъ изданъ двумя студентами въ 1882 г. Какъ извѣстно, В. А. Гольцевъ предназначалъ себя къ профессорской дѣятельности. Сдавши магистерскіе экзамены и защитивши диссертацію: «Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка» (Москва, 1878 г.), В. А. Гольцевъ предполагалъ читать лекціи въ университетѣ; но свирѣпая реакція, господствовавшая тогда въ высшихъ сферахъ, помѣшала осуществиться его мечтѣ. Когда онъ былъ избранъ доцентомъ Новороссійскаго университета, — ему не позволили даже приступить къ чтенію своихъ лекцій за то, что онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ конституціонализма. Со всѣмъ пыломъ молодости В. А. Гольцевъ защищалъ тѣ идеи, отъ осуществленія которыхъ онъ ожидалъ счастія для Россіи. Изъ изученія своей науки, офиціально носившей названіе полицейскаго права, В. А. Гольцевъ пришелъ къ глубокому убѣжденію, что только планомѣрное завершеніе реформы, начатой въ 1861 и 1864 гг., можетъ вывести Россію изъ того бѣдственнаго положенія, до котораго она была доведена безконтрольнымъ хозяйничаніемъ бюрократіи. Для В. А. Гольцева было ясно, что необходимо завершить раскрѣпощеніе личности. Если 19 февраля 1861 г. крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости, то необходимы были дальнѣйшія политическія реформы, именно, раскрѣпощеніе личности «обывателей» и превращеніе ихъ въ полноправныхъ гражданъ.

Если въ 1864 г. были созданы земскія учрежденія и общество впервые было призвано къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи, то необходимо было завершить начатую реформу и призвать весь народъ къ государственному управленію. По глубокому убѣжденію В. А. Гольцева, только участіе народа въ управленіи при помощи своихъ представителей могло оказаться благодѣтельнымъ для Россіи. В. А. Гольцевъ открыто признавалъ необходимость парламентарной формы правленія.

Соотвѣтственно съ такими своими политическими взглядами, онъ перерботалъ преподававшееся въ русскихъ университетахъ полицейское право на иныхъ началахъ. Онъ былъ горячимъ поклонникомъ знаменитаго ав-

стрійскаго ученаго Лоренца фонъ-Штейна. Подчиняясь его взгляду, онъ читалъ въ университетѣ ученіе объ управленіи. Въ 1881 г. онъ былъ избранъ доцентомъ Московскаго университета на каѳедру полицейскаго права. На этотъ разъ ему удалось приступить къ чтенію своихъ лекцій. Къ сожалѣнію, его научная дѣятельность въ Московскомъ университетѣ была очень непродолжительна: въ февралѣ 1881 г. онъ былъ утвержденъ, а въ августѣ 1882 г. былъ вынужденъ подать въ отставку.

Взгляды В. А. Гольцева, высказанные имъ въ своемъ курсѣ ученія объ управленіи, нельзя считать вполнѣ сложившимися и окончательно установленными. Однако эти взгляды служатъ матеріаломъ для характеристики В. А. Гольцева въ 1881—82 году. На курсъ его лекцій можно смотрѣть, какъ на простую схему лекцій, которыя должны были быть разработаны впослѣдствіи. Въ виду прекращенія университетской дѣятельности В. А. Гольцева въ 1882 г. ему не удалось обработать своего курса. Обратимся къ тѣмъ фрагментамъ его лекцій, которые уцѣлѣли въ видѣ литографированнаго изданія, и дополнимъ взгляды Гольцева на управленіе тѣми статьями, которыя опубликовалъ В. А. Гольцевъ въ «Русской Мысли» и въ «Юридическомъ Вѣстникѣ».

Мы обращаемъ вниманіе на литографированный курсъ лекцій Гольцева потому, что Гольцевъ сдѣлалъ очень оригинальную попытку перестроить преподаваемое В. Н. Лешковымъ общественное право на совершенно иныхъ основаніяхъ. Къ сожалѣнію, взгляды Гольцева не оставили ни малѣйшаго слѣда въ наукѣ, такъ какъ его литографированный курсъ былъ напечатанъ въ очень незначительномъ количествѣ экземпляровъ, разошелся только среди его слушателей, не былъ разосланъ въ другія университетскія и публичныя библіотеки, а потому остался совершенно неизвѣстнымъ русскимъ полицеистамъ другихъ университетовъ. Ни въ одномъ изъ учебниковъ полицейскаго права, административнаго права и права внутренняго управленія не содержится указаній на литографированный курсъ В. А. Гольцева. Нѣкоторые ученые вскользь упоминаютъ въ своихъ курсахъ о вступительной лекціи В. А. Гольцева, напечатанной въ «Юридическомъ Вѣстникѣ»; но ни слова не говорятъ объ оригинальной попыткѣ Гольцева перестроить все зданіе науки полицейскаго права. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ изложить здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ взгляды Гольцева. Для этой цѣли мы воспользуемся какъ литографированнымъ курсомъ его лекцій объ «Ученіи объ управленіи», а также и его статьями, помѣщенными въ «Юридическомъ Вѣстн.» и «Русской Мысли».

В. А. Гольцевъ явился въ Московскомъ университетѣ преемникомъ В. Н. Лешкова. Въ своей вступительной лекціи В. А. Гольцевъ высказывается, что, несмотря на глубокое уваженіе къ своему покойному наставнику, онъ находитъ необходимымъ измѣнить содержаніе курса своихъ лекцій. В. А. Гольцевъ возражаетъ противъ взглядовъ Лешкова на общественное право. По мнѣнію Гольцева, невозможно опредѣлить съ достаточною точностью содержаніе общественнаго права (стр. 5 курса, вс в.

лек.); нельзя противополагать обществу государство, въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Поэтому, къ данной наукѣ нельзя примѣнить названіе *общественнаго* права. Съ другой стороны, данную науку нельзя называть *правомъ*, такъ какъ совокупность юридическихъ понятій составляетъ совокупность общественныхъ явленій. Наука о правѣ должна установить причинную зависимость этихъ явленій отъ создавшихъ ихъ экономическихъ и нравственныхъ факторовъ. Вслѣдствіе этого съ права нельзя начинать, а имъ слѣдуетъ кончать изученіе общественной жизни (стр. 6 курса).

Въ своей пробной лекціи о задачѣ и методѣ ученія объ управленіи В. А. Гольцевъ не признавалъ правильною замѣну полицейскаго права правомъ общественнымъ въ академическомъ преподаваніи, какъ это сдѣлалъ предшественникъ Гольцева, В. Н. Лешковъ. Права общества въ различные періоды исторіи то увеличивались, то сокращались («Юрид. Вѣст.» 1880 № 6, стр. 275).

Общество представляетъ изъ себя понятіе гораздо болѣе неопредѣленное, чѣмъ понятіе государства. Организація общества чрезвычайно разнообразна; общество не является, подобно государству, юридическимъ лицомъ (275). Поэтому, нецѣлесообразно отдѣлять государство отъ общества, старое полицейское право отъ общественнаго права. Гольцевъ признаетъ нецѣлесообразнымъ удерживать для своего предмета названіе «право». Юридическія отношенія представляютъ результатъ сложенія и разложенія общественныхъ силъ. Законодательство въ свою очередь является факторомъ исторической жизни. Поэтому, В. А. Гольцевъ заявляетъ, что научное изученіе «права» возможно *только въ связи* съ изученіемъ всей *общественной жизни*. Это положеніе, справедливое вообще, имѣетъ особенно важное значеніе по отношенію къ вопросамъ управленія. Здѣсь право слѣдитъ шагъ за шагомъ за ростомъ общественныхъ потребностей (стр. 275).

Равнымъ образомъ В. А. Гольцевъ возражаетъ противъ термина: «наука полицейскаго права». По его мнѣнію, такъ какъ невозможно разсмотрѣть научно всесторонне вызываемыя полицейскою дѣятельностью правоотношенія, независимо отъ причинъ, вызывающихъ эти правоотношенія, то невозможна наука полицейскаго права (стр. 270). Высказавшись подъ вліяніемъ новыхъ западно-европейскихъ теченій противъ терминовъ, установившихся въ западно-европейской и русской наукѣ, В. А. Гольцевъ считаетъ наиболѣе подходящимъ терминъ, предложенный Лоренцомъ фонъ-Штейномъ, а именно «ученіе объ управленіи» (стр. 7 курса, вступ. лекц.). Управленіемъ В. А. Гольцевъ называетъ разнообразную дѣятельность государства и организованнаго общества, направленную на водвореніе безопасности внутри общества, на обезпеченіе странѣ правосудія, на защиту отъ нападенія внѣшнихъ враговъ, на достиженіе народнаго благосостоянія (стр. 7—8 курса, вступ. лекц.). Въ область ученія объ управленіи должно входить все, что является дѣломъ не отдѣльной личности, а правительства, церкви, самоуправленія (стр. 8).

Задачею ученія объ управленіи В. А. Гольцевъ считаетъ наблюденіе надъ историческимъ развитіемъ культурной дѣятельности государства и общества (стр. 9 курса) *).

Для достиженія этой задачи В. А. Гольцевъ считаетъ нужнымъ пользоваться соотвѣтственнымъ методомъ (или, какъ онъ называетъ, «методою»). Онъ объявляетъ себя сторонникомъ такъ называемаго *положительнаго* направленія. По его мнѣнію, ученые должны *наблюдать, анализировать явленія и находить законы ихъ сосуществованія и послѣдовательности* (стр. 11). Поэтому Гольцевъ высказывается за необходимость примѣненія историко-сравнительнаго метода. По его мнѣнію, необходимо стремиться къ тому, чтобы въ историческомъ движеніи установить не простую хронологическую преемственность, а причинную связь, необходимо анализировать дѣйствовавшія въ данное время силы и оцѣнить ихъ относительное значеніе (стр. 9 курса, вступ. лек.). Для того чтобы установить принципы управленія, безусловно необходимо пользоваться историко-сравнительнымъ методомъ. «Наблюденіе за прошлою и современною жизнію человѣчества, — насколько современность поддается безпристрастной и правильной оцѣнкѣ, — освѣщаетъ дорогу для будущаго, вооружаетъ насъ знаніями и идеями, при помощи которыхъ мы можемъ направлять историческое теченіе, а не быть безсильными свидѣтелями, невольными жертвами этого теченія» (стр. 12 курса, вступ. лек.).

Гольцевъ категорически высказывается за необходимость примѣненія историко-сравнительнаго метода къ разработкѣ ученія объ управленіи. Въ своемъ курсѣ лекцій онъ говоритъ слѣдующее по поводу необходимости изучать развитіе закономѣрности во внутреннемъ управленіи: чтобы сдѣлать болѣе правильную оцѣнку ходу управленія въ Россіи, необходимо обратиться къ историческому изученію развитія самоуправленія, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ, идеи и порядки котораго безспорно оказали вліяніе на русское управленіе. Необходимо дать очеркъ развитія самоуправленія въ западно-европейскихъ странахъ; необходимо вникнуть въ тѣ задачи, которыя выпали на его долю на Западѣ (стр. 143 курса). Таковы основные взгляды В. А. Гольцева на *методъ* науки.

В. А. Гольцевъ предлагаетъ новую систему науки, нѣсколько отличающуюся отъ системы его предшественниковъ.

При изложеніи своей системы В. А. Гольцевъ подчеркиваетъ, что огромный матеріалъ ученія объ управленіи можно распредѣлить или 1) по *органамъ* управленія или 2) по *содержанію* правительственной дѣятель-

---

*) Такой же взглядъ на задачу ученія объ управленіи В. А. Гольцевъ высказывалъ въ своей вступительной лекціи: „Задачею ученія объ управленіи служитъ изслѣдованіе культурной дѣятельности государства и разнообразныхъ общественныхъ союзовъ, изученіе историческихъ измѣненій въ относящихся сюда юридическихъ опредѣленіяхъ. *Конечная цѣль* всякаго изслѣдованія подобнаго рода состоитъ въ открытіи законовъ сосуществованія и послѣдовательности явленій" („Юрид. Вѣст." 1890, № 6, іюнь, стр. 276).

ности. Противъ перваго способа изложенія В. А. Гольцевъ возражаетъ потому, что опредѣленнаго круга вѣдомства нельзя пріурочить (исторически) къ государству, самоуправленію или строю общественныхъ союзовъ. В. А. Гольцевъ не соглашается точно также и со вторымъ способомъ изложенія. Распредѣленіе ученія о внутр. управленіи по *содержанію* различныхъ его вѣтвей затруднительно, такъ какъ въ этомъ отношеніи не существуетъ общепринятой классификаціи (стр. 9 курса).

Изложивши воззрѣнія Роберта Моля и Лоренца Штейна (въ самыхъ общихъ чертахъ), Гольцевъ приходитъ къ выводу, что распредѣленіе матеріала, который должно обрабатывать ученіе объ управленіи, отличается у названныхъ ученыхъ значительною *сложностью* и нѣкоторою *искусственностью;* въ рамки схемъ, выработанныхъ Молемъ и Штейномъ, чрезвычайно трудно втиснуть историческіе факты. Въ крайнемъ случаѣ, если бы это и удалось, пострадала бы историческая истина, такъ какъ многія данныя пришлось бы представлять въ неправильномъ освѣщеніи. В. А. Гольцевъ подчеркиваетъ, что Моль и Штейнъ не дѣлаютъ строгаго различія между закономъ (въ строго научномъ смыслѣ этого слова) и принципами, которые вырабатываются человѣческою мыслью и служатъ для руководства общественною жизнью, когда правительство начинаетъ стремиться къ осуществленію опредѣленныхъ цѣлей. У названныхъ авторовъ то, что *должно* быть, перемѣшивается съ тѣмъ, что *было*, и преобладаетъ надъ послѣднимъ. Наконецъ, многія отрасли правительственной и общественной жизни почти не подвергались подробному изученію.

Возражая противъ воззрѣній Моля и Штейна на задачу научнаго изслѣдованія и подчеркивая, что онъ расходится съ ними во взглядахъ, В. А. Гольцевъ заявляетъ, что всего цѣлесообразнѣе будетъ распредѣленіе первоначальнаго матеріала на 2 большихъ отдѣла, въ соотвѣтствіи съ двумя основными задачами, къ разрѣшенію которыхъ стремится государство и общество. Эти задачи—безопасность и благосостояніе народа. При этомъ В. А. Гольцевъ примыкаетъ къ тому воззрѣнію, которое высказалъ Андреевскій.

Въ дальнѣйшемъ онъ отступаетъ отъ системы, предложенной Андреевскимъ, такъ какъ третій отдѣлъ своего курса посвящаетъ самоуправленію (въ Россіи и въ западно-европейскихъ странахъ).

Взгляды В. А. Гольцева на систему внутренняго управленія нѣсколько затруднительно установить по литографированному курсу, такъ какъ курсъ, очевидно, страдаетъ многими пропусками. На стр. 12-ой курса В. А. Гольцевъ говоритъ, что вслѣдъ за самоуправленіемъ онъ дастъ (въ четвертомъ отдѣлѣ) очеркъ административнаго права, и наконецъ (въ пятомъ отдѣлѣ)—обзоръ литературы своего предмета. Однако въ курсѣ четвертаго отдѣла (посвященнаго административному праву) совсѣмъ не существуетъ: послѣ очерковъ самоуправленія непосредственно слѣдуетъ обзоръ литературы. Быть можетъ, студенты, издавшіе литографированный курсъ лекцій, неточно записали его лекціи. Поэтому, они могли нѣсколько исказить ту систему, которой желалъ придерживаться В. А. Гольцевъ.

Въ виду того, что въ литографированномъ курсѣ совсѣмъ нѣтъ того четвертаго отдѣла (посвященнаго очерку административнаго права), о которомъ сказано на стр. 12-ой, то систему В. А. Гольцева можно свести къ тремъ основнымъ рубрикамъ: дѣятельность государства, направленная на достиженіе условій 1) безопасности, 2) благосостоянія населенія, и 3) дѣятельность органовъ самоуправленія (къ нимъ В. А. Гольцевъ относитъ точно такъ же союзный строй), такъ какъ на стр. 8-ой своего курса онъ говоритъ, что задачи управленія (въ томъ смыслѣ, какъ онъ его понимаетъ) должны быть подѣлены между государствомъ и самоуправленіемъ. Послѣ очерковъ англійскаго, французскаго, прусскаго и русскаго самоуправленія, непосредственно излагается строй союзовъ (стр. 212—224).

Подобная система можетъ вызвать очень много возраженій противъ себя.

Самъ В. А. Гольцевъ соглашается, что строгое теоретическое разграниченіе области безопасности отъ области благосостоянія — невозможно. Поэтому раздѣлить эти области въ исторіи было бы безполезною попыткою. Какъ въ средніе вѣка, такъ и въ новое время законодатель не руководствовался въ своей дѣятельности принципами; онъ заботился въ огромномъ большинствѣ случаевъ только объ удовлетвореніи ясно обозначившихся потребностей, не держась строго обдуманной системы, не тревожась логическими недостатками законодательныхъ актовъ и правительственныхъ распоряженій (стр. 26—27 курса).

В. А. Гольцевъ придерживается слѣдующаго способа изложенія: онъ разсматриваетъ внутреннее управленіе различныхъ государствъ (Англіи, Франціи, Германіи, Россіи), при этомъ сообщаетъ различныя историческія данныя. При изложеніи различныхъ вопросовъ В. А. Гольцевъ довольно часто приводитъ мнѣніе тѣхъ или иныхъ ученыхъ. Такой пріемъ онъ оправдываетъ на стр. 9-й своей вступительной лекціи. Вполнѣ понятно, что начинающій молодой ученый не могъ дать своимъ слушателямъ вполнѣ разработаннаго курса ученія объ управленіи. Поэтому онъ старался безпристрастно передавать воззрѣнія наиболѣе знаменитыхъ ученыхъ, а также сообщать достаточное количество историческихъ фактовъ. Въ обширной области управленія онъ постоянно стремился подмѣтить сосуществованіе и послѣдовательность явленій.

Въ первомъ отдѣлѣ В. А. Гольцевъ даетъ очеркъ англійскаго управленія (стр. 14—52). Онъ подраздѣляетъ этотъ отдѣлъ на три части: въ первой (стр. 14—26) излагаетъ полицію безопасности въ Англіи; во вт рой—знакомитъ своихъ слушателей съ законодательствомъ о бѣдныхъ рабочихъ (стр. 26—40); въ третьей—разсматриваетъ мѣры по народно здравію (стр. 41 — 43) и образованію (стр. 43—52). Въ первой час Гольцевъ, главнымъ образомъ, останавливается на разногласіяхъ, суп ствующихъ среди различныхъ ученыхъ (стр. 19).

Такова система ученія объ управленіи, предложенная Гольцевымъ.

назвали эту систему оригинальною, какъ новую попытку перестроить все зданіе науки полицейскаго права и общественнаго права. Дѣйствительно, Гольцевъ сдѣлалъ оригинальную попытку распредѣлить все содержаніе права внутренняго управленія по тремъ главнымъ отдѣламъ (управленіе, самоуправленіе и строй союзовъ). Такія же рубрики встрѣчаются у Л. Штейна въ его первомъ изданіи: «Handbuch der Verwaltungslehre und des Verwaltungsrechts».

Но Л. Штейнъ вводитъ понятія правительства, самоуправленія и союзнаго строя въ особенную часть понятія и сущности исполнительной власти; систему же внутренняго управленія подраздѣляетъ на слѣдующія рубрики: личная жизнь (физическая жизнь, дѣло образованія), хозяйственная жизнь и общественная жизнь. Подобныхъ рубрикъ у В. А. Гольцева не существуетъ. Гольцевъ пытается изложить все право внутренняго управленія только подъ выше указанными тремя рубриками. По необходимости онъ долженъ былъ удѣлять гораздо большее мѣсто очерку управленія въ различныхъ странахъ, значительно меньшее мѣсто—очерку самоуправленія и уже совсѣмъ незначительное мѣсто—союзному строю. Однако, въ Россіи до В. А. Гольцева никто не попытался дать столь оригинальную систему. Въ томъ видѣ, какъ эта система разработана Гольцевымъ, ее нельзя признать вполнѣ удовлетворительной, такъ какъ въ ней встрѣчается очень много пропусковъ и изложеніе чрезвычайно сжато. Опущены, напримѣръ; мѣропріятія, относящіяся къ хозяйственной жизни различныхъ странъ: мѣропріятія, относящіяся къ области благосостоянія, указаны только въ самыхъ общихъ чертахъ. Можно было бы указать очень много недостатковъ, которые встрѣчаются въ системѣ курса Гольцева. Нѣкоторые пропуски слишкомъ рѣзко бросаются въ глаза. Тѣмъ не менѣе, необходимо принять во вниманіе, что В. А. Гольцевъ читалъ свой курсъ только въ теченіе одного года и не успѣлъ его обработать. Конечно, при послѣдующихъ изданіяхъ различные недостатки были бы постепенно исправляемы.

Быть можетъ, способъ изложенія В. А. Гольцева можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Прекрасно сознавая полную невозможность изложить въ своихъ лекціяхъ въ теченіе одного года всю систему ученія объ управленіи, В. А. Гольцевъ устранилъ существовавшія до него рубрики и объединилъ ихъ подъ общимъ заглавіемъ очерковъ управленія. Такой пріемъ въ значительной степени сберегалъ время и далъ возможность охарактеризовать управленіе хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ.

Нѣкоторые отдѣлы курса Гольцева были обработаны имъ раньше, напримѣръ: «Ученіе объ управленіи. (Задача и методъ»). (Напечатано въ «Юридич. Вѣстникѣ» 1880 г., т. VI, стр. 263—278). Нѣкоторые другіе отдѣлы были разработаны впослѣдствіи, напримѣръ: «Къ вопросу объ опредѣленіи ученія объ управленіи» («Юрид. Вѣст.»., 1883 г., т. II, стр. 254—256), «Государство и самоуправленіе. (Историко-юридическіе очерки)» въ «Русской Мысли», 1882 г., кн. II, IV, VII. «Новыя изслѣдованія о пауперизмѣ. (Хроника иностранной жизни и литературы)» въ «Русской

Мысли» 1883 г., кн. I. «Полиція нравовъ по русскому законодательству XVIII вѣка» въ «Юрид. Вѣст.» 1884 г., т. X, стр. 218 — 257. «Самоуправленіе и децентрализація» въ «Юрид. Вѣстникѣ», 1885 г., т. II, стр. 269—274. «Законодательство и нравы Россіи XVIII вѣка», въ «Юрид. Вѣст.». 1886 г. т. III, стр. 421—459 и т. д.

Совершенно не соглашаясь съ постановкою преподаванія науки въ русскихъ университетахъ, В. А. Гольцевъ желалъ влить новую струю въ это преподаваніе. Онъ отрицаетъ простое догматическое изученіе права; наоборотъ, онъ требуетъ, чтобы представители его каѳедры раскрывали развитіе закономѣрности во внутреннемъ управленіи. Подчиняясь вліянію Штейна, онъ читаетъ въ Московскомъ университетѣ совершенно новый курсъ лекцій, который до него еще никто не читалъ. Онъ не задавался неосуществимою мечтою дать полный курсъ ученія объ управленіи, такъ какъ подобную мечту не могъ осуществить даже Лоренцъ Штейнъ. Въ то время наука о внутреннемъ управленіи находилась только въ зародышѣ; для нея подготовлялся только матеріалъ, производились первыя попытки разработать различные отдѣлы этой науки. Въ виду чрезвычайнаго обилія матеріала, наука о внутреннемъ управленіи не могла быть прочно создана даже и въ настоящее время, несмотря на то, что теперь очень много матеріаловъ уже переработано. Созданіе вполнѣ опредѣленной системы науки о внутреннемъ управленіи является задачею будущаго. Попытки западно-европейскихъ послѣдователей Штейна, напримѣръ, попытку Людвига Гумпловича (см. его Verwaltungslehre mit besonderer Berücksichtigung des österreichischen Verwaltungsrecht. 1882) или попытку Инама Штернега, нельзя назвать вполнѣ удачными. За послѣднее время западно-европейскіе ученые отказались отъ надежды выработать ученіе объ управленіи и стали преподавать только право управленія (Verwaltungsrecht).

Въ данномъ случаѣ важна не столько неудача В. А. Гольцева создать ученіе объ управленіи, сколько самая попытка молодого ученаго подчеркнуть необходимость для Россіи иныхъ формъ жизни, которымъ бы соотвѣтствовала наука объ управленіи. (Какъ извѣстно, эта наука существовала только въ конституціонныхъ государствахъ въ виду того, что полицейское государство не давало достаточнаго матеріала для этой науки.) В. А. Гольцевъ хотѣлъ перенести принципы правового государства на русскую почву и наглядно доказать полное несоотвѣтствіе печальной русской дѣйствительности начала 80-хъ годовъ XIX вѣка основнымъ принципамъ всякаго культурнаго государства. Въ этомъ состоитъ большая заслуга В. А. Гольцева.

Если бы В. А. Гольцеву удалось лично обработать свой курсъ, то безъ всякаго сомнѣнія, его курсъ былъ бы однимъ изъ лучшихъ русскихъ учебниковъ. Въ этомъ курсѣ, путемъ сравненія западно-европейскаго законодательства съ русскимъ по всѣмъ вопросамъ, входящимъ въ обширную область внутренняго управленія, были бы ярко подчеркнуты всѣ несовершенства русской жизни.

В. А. Гольцевъ высказалъ свои взгляды вполнѣ опредѣленно еще въ своей вступительной лекціи: «Ученіе объ управленіи. (Задача и методъ)». Свою лекцію онъ началъ описаніемъ «великаго движенія» (по цензурнымъ условіямъ того времени онъ не могъ даже употребить вполнѣ установившагося термина: «великая французская революція») въ концѣ XVIII вѣка.

Вмѣшательство полицейскаго государства въ народную жизнь должно было смѣниться правовымъ государствомъ, освободившимъ личность гражданъ отъ унизительной и стѣснительной опеки со стороны правительства. Конституціонная форма правленія обезпечила свободное развитіе каждаго отдѣльнаго гражданина. («Юридическій Вѣстникъ» 1880 г., № 6, іюнь, стр. 264). Съ теченіемъ времени правовое государство уступило свое мѣсто такъ называемому культурному государству. Первою задачею государства является осуществленіе справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ гражданъ и въ отношеніяхъ между ними и правительствомъ. Второю задачею являются вопросы общественнаго благосостоянія. Сложныя задачи культурнаго государства опредѣляются законодательствомъ страны. Законодательная власть устанавливаетъ предѣлы и способы дѣйствія для исполнительной власти. Закономѣрность дѣятельности властей обезпечивается предоставленіемъ гражданамъ права жалобы въ судъ на незаконныя дѣйствія исполнительной власти, право иска въ случаѣ убытковъ. (Здѣсь В. А. Гольцевъ проводитъ воззрѣнія Резлера на общественное право.)

Въ этой лекціи В. А. Гольцевъ ясно высказалъ свое сочувствіе конституціонализму и указалъ на необходимость введенія его въ Россіи.

Въ другой статьѣ: «Нравственность и право», Гольцевъ высказываетъ эту мысль еще яснѣе. Онъ возражаетъ противъ воззрѣнія Кавелина, что нравственность одинаково уживается съ самыми противоположными гражданскими и политическими организаціями. По справедливому замѣчанію В. А. Гольцева, гражданская и политическая организація не могла быть безразличною для измученныхъ испанскою инквизиціею еретиковъ, для терзаемыхъ пыткою мыслителей и вообще для каждаго, глубоко честнаго человѣка, признающаго извѣстные догматы. В. А. Гольцевъ настаиваетъ на Existenz-minimum'ѣ гражданскихъ правъ: въ душѣ каждаго человѣка должна находиться *святая святыхъ*, куда не смѣетъ проникать ничья святотатственная рука. Опредѣленное количество *естественныхъ правъ* должно быть обезпечено за каждымъ человѣкомъ въ каждомъ обществѣ, которое изъявляетъ притязаніе считаться честнымъ, разумнымъ, цивилизованнымъ. («Воспитаніе, нравственность, право. Сборникъ статей». Второе изданіе. Москва, 1897, стр. 151.)

В. А. Гольцевъ считалъ необходимымъ распространять правильныя воззрѣнія на лучшее государственное устройство путемъ перевода съ иностранныхъ языковъ различныхъ книгъ и статей. Подъ его редакціей и съ его предисловіемъ была выпущена въ 1882 г. книжка подъ заглавіемъ: «Мѣстное управленіе, судъ и государственное устройство Бельгіи» (Москва, 2+33+1 стр.).

В. А. Гольцевъ продолжалъ то дѣло, которое было начато еще въ 1859 г. Лохвицкимъ и Ватсономъ («Обзоръ современныхъ конституцій»; 2 части—1862 г., 3-ья часть—1863 г.). В. А. Гольцевъ присоединяется къ словамъ Франца Лидера, что на обязанности каждаго человѣка лежитъ вполнѣ добросовѣстный отвѣтъ на вопросы: «Въ чемъ состоитъ гражданская свобода? Какъ получить ее? Какъ сохранить ее? Какія средства служатъ къ ея распространенію?» В. А. Гольцевъ убѣжденъ, что для всякаго мыслящаго русскаго человѣка обязанность имѣть необходимое понятіе о гражданской свободѣ только увеличивается послѣ великихъ преобразованій Александра II.

Такъ какъ въ началѣ 80-хъ годовъ былъ выдвинутъ на очередь вопросъ о мѣстномъ управленіи и самоуправленіи, В. А. Гольцевъ считалъ необходимымъ перевести на русскій языкъ нѣкоторыя статьи и книги, въ которыхъ было бы достаточно полно обрисовано самоуправленіе и провинціальное устройство конституціонныхъ странъ. Для начала онъ избралъ Бельгію.

Изъ книги Демомбина: «Европейскія конституціи» (Constitutions européennes, 1881), два студента Московскаго университета, Г. Б. Шлезингеръ и А. А. Данцигеръ, перевели на русскій языкъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, главу о Бельгіи. В. А. Гольцевъ редактировалъ переводъ и снабдилъ его своимъ предисловіемъ. Первая глава этой книги посвящена бельгійскому парламенту, вторая—провинціальнымъ и общиннымъ совѣтамъ, третья—судоустройству.

Переводъ главы изъ Демомбина былъ первоначально помѣщенъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1881 г., № 2, стр. 277—309, подъ заглавіемъ: «Государственное устройство Бельгіи».

Продолженіемъ этихъ работъ по ознакомленію русской публики съ государственнымъ устройствомъ конституціонныхъ странъ была вторая переводная статья подъ заглавіемъ: «Государственное устройство Голландіи» (помѣщена въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1882 г., № 6, стр. 253—283).

Подъ редакціей В. А. Гольцева была переведена статья Э. Лабуле: «Политическія идеи Бенжамена Констана». Эта статья, съ предисловіемъ В. А. Гольцева, была помѣщена въ «Юридическомъ Вѣстн.» 1882 г. № 10, стр. 159—209., а въ недавнее время вышла отдѣльной брошюрой.

Впослѣдствіи В. А. Гольцевъ лично перевелъ главу: «Объ отвѣтственности министровъ» (De la responsabilité des ministres) изъ «Основныхъ началъ политики» (Principes de politique) Бенжамена Констана. В. А. Гольцевъ снабдилъ свой переводъ нѣкоторыми примѣчаніями. Статья объ отвѣтственности министровъ была помѣщена первоначально въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1883 г. № 1, стр. 56—88. Впослѣдствіи она была перепечатана (безъ измѣненій) въ «Русской Мысли» 1906 г., кн. VI, ..., стр. 122—146.

В. А. Гольцевъ, будучи убѣжденнымъ конституціоналистомъ, посто... высказывался за парламентаризмъ, какъ наилучшую форму прав...

Только министерство, отвѣтственное передъ народными представителями, могло, по его мнѣнію, принести существенную пользу народу.

Во второй своей лекціи, посвященной самоуправленію и децентрализаціи, В. А. Гольцевъ даетъ опредѣленіе понятій: централизація, децентрализація и самоуправленіе.

Централизацію В. А. Гольцевъ опредѣляетъ словами одного изъ лучшихъ защитниковъ централизаціи, а именно Дюпонъ Уайта: централизація обозначаетъ одновременно и единство правительства и преобладаніе столицы (стр. 2 курса).

Децентрализованнымъ государствомъ В. А. Гольцевъ называетъ такое, въ которомъ полномочія мѣстной администраціи достаточно обширны (стр. 4).

Страною съ развитымъ самоуправленіемъ В. А. Гольцевъ называетъ такое государство, въ которомъ предоставлена большая самостоятельность различнымъ окрѣпшимъ соединеніямъ людей (напримѣръ, общинамъ, англійскимъ приходамъ, земскимъ учрежденіямъ, областямъ). Самоуправленіе устанавливаетъ живую связь мѣстныхъ и общихъ интересовъ, связь провинцій со столицей. Невыгоды бюрократическаго управленія государствомъ настолько очевидны, что даже самые крайніе централисты должны дѣлать уступку, имѣющую огромную важность: они допускаютъ участіе общественнаго представительства въ управленіи государствомъ (стр. 6—7).

Въ своемъ курсѣ В. А. Гольцевъ выказалъ себя энергичнымъ защитникомъ самоуправленія. Наиболѣе выдающимися недостатками въ организаціи земскаго самоуправленія въ Россіи В. А. Гольцевъ считалъ установленіе обязательныхъ расходовъ, незначительность размѣровъ представительства отъ крестьянъ и слишкомъ крупные размѣры низшей земской единицы, а именно уѣзда (стр. 197).

Теоретическіе взгляды В. А. Гольцева на самоуправленіе высказаны имъ довольно подробно въ его статьяхъ: «Государство и самоуправленіе» (въ «Русской Мысли» 1882 г.).

Въ своей вступительной лекціи В. А. Гольцевъ высказалъ пожеланіе, чтобы русскіе ученые занялись разработкою вопроса о самоуправленіи. В. А. Гольцевъ считаетъ *задачею* прикладной части ученія объ управленіи *выработку принциповъ въ безгранично обширной области* отношеній между управляющими и управляемыми (стр. 277 «Юрид. Вѣст.», 1880 г., № 6). Однако Гольцевъ не берется за разрѣшеніе этой сложной задачи, оказавшейся не по силамъ даже Штейну. Гольцевъ указываетъ для русскаго ученаго другую обязанность, а именно потрудиться для достиженія болѣе скромной, но весьма полезной цѣли. Онъ высказываетъ слѣдующее пожеланіе: «Изученію условій, въ которыхъ дѣйствуютъ наше земство и наши города, опредѣленію того направленія, въ которомъ ихъ работа будетъ всего плодотворнѣе, и долженъ посвятить себя ближайшимъ образомъ русскій ученый, занимающійся ученіемъ объ управленіи. Сравнительно историческое изслѣдованіе западно-европейскаго законодательства,

западно-европейской культуры составляетъ необходимую подготовку для успѣшной разработки подобнаго же рода вопросовъ на русской почвѣ» (стр. 277).

Впослѣдствіи В. А. Гольцевъ сдѣлалъ попытку осуществить указанную имъ обязанность русскаго ученаго. Въ «Русской Мысли» были напечатаны его историко-юридическіе очерки подъ общимъ заглавіемъ: «Государство и самоуправленіе» («Рус. Мыс.» 1882 г. кн. III, стр. 302—316; кн. IV, стр. 166—180; кн. VII, стр. 41—56).

Свои очерки В. А. Гольцевъ начинаетъ указаніемъ на то, что въ тяжелое переживаемое Россіей время въ началѣ 80-хъ годовъ XIX в. съ особенной ясностью выступаютъ экономическіе вопросы, требуя неотложнаго рѣшенія. Очевидность народной нужды подсказываетъ требованіе коренныхъ преобразованій въ строѣ народнаго хозяйства (III, стр. 302). Черезъ всѣ очерки Гольцева о самоуправленіи красною нитью проходитъ основная мысль о необходимости коренного преобразованія для Россіи на началахъ дѣйствительнаго конституціонализма.

Самъ В. А. Гольцевъ нѣсколько ограничиваетъ свою задачу. Онъ заявляетъ, что задачею его очерковъ является собраніе нѣсколькихъ доказательствъ о необходимости пересмотра стараго вопроса. Онъ желаетъ вызвать изъ несправедливаго забвенія тѣ идеи, недостатокъ которыхъ чувствовался въ обществѣ.

Въ своей первой статьѣ Гольцевъ разсматриваетъ взгляды на государство и самоуправленіе Бональда, Галлера, Клермонъ-Тоннера, Бенжамена Констана и Роттека. Гольцевъ доказываетъ, что теоретическая мысль оказала очень большое вліяніе на развитіе государственнаго строя. Въ виду того, что взгляды величайшихъ представителей политической мысли достаточно извѣстны русскому образованному обществу, Гольцевъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій нѣкоторыхъ *второстепенныхъ* ученыхъ (Мауренбрехера, Фридриха Шмиттенера, Пасси). Онъ останавливается на немногихъ писателяхъ, подвергнувшихъ изученію *формы государственнаго устройства*. При этомъ въ доказательство своихъ положеній онъ приводитъ цитаты изъ различныхъ разсматриваемыхъ авторовъ; напр.: «Гдѣ личность гражданина не имѣетъ никакихъ правъ, тамъ нѣтъ и государства» (311).

Съ другой стороны, В. А. Гольцевъ дѣлаетъ цитату изъ труда историка Гизо: «Государства новаго времени не могутъ держаться исключительно на силѣ физической. Съ каждымъ годомъ для нихъ становится все болѣе и болѣе настоятельною необходимостью *опираться* на *силу общественнаго мнѣнія*. Съ другой стороны, *ростъ потребностей общежитія*, хозяйственныхъ и духовныхъ, не менѣе повелительно *требуетъ* широкаго развитія самоуправленія (III, стр. 316).

Во второмъ своемъ очеркѣ В. А. Гольцевъ приводитъ мнѣнія Ф. Штала, Цахаріэ, Штейна, Гнейста и Трейчке. Разсмотрѣніе трудовъ этихъ авторовъ по вопросу объ обществѣ и самоуправленіи заслуживаетъ полнаго вниманія.

Шталь возставая противъ Цахаріэ, указывалъ послѣднему, что, отвергая теорію легитимизма и теорію народнаго верховенства, онъ занимаетъ мѣсто между небомъ и землей, на нейтральной почвѣ воздуха (стр. 166).

Цахаріэ разсматриваетъ государство съ физіологической и патологической точки зрѣнія, по аналогіи съ человѣческимъ тѣломъ. Какъ живой организмъ, государство можетъ страдать различными болѣзнями.

По воззрѣніямъ *Штейна*, общество и государство—не одно и то же. До признанія самостоятельности общества дошли только благодаря потрясеніямъ экономическаго и политическаго строя. По мнѣнію Штейна, конституціонализмъ—необходимая государственная форма, потому что съ измѣненіемъ формъ производства создаются новые классы, заявляющіе о своихъ правахъ и настойчиво требующіе ихъ защиты.

Гнейстъ возстаетъ противъ стремленія чрезвычайно расширять понятіе общества, противъ стремленія подчинить государство обществу, и видѣть въ государствѣ только средство для достиженія цѣлей общества.

Сначала Робертъ Моль, а за нимъ Гнейстъ, Штейнъ и др. выдвинули вопросы объ обществѣ и самоуправленіи. Нѣкоторые другіе авторы возражаютъ противъ подобнаго направленія въ наукѣ, и заявляютъ, что не можетъ быть особой науки объ обществѣ. Изъ представителей этого отрицательнаго направленія Гольцевъ останавливается на Генрихѣ Трейчке. По мнѣнію *Трейчке*, соціальныя преобразованія отражаются сильнѣе всего на всемъ государствѣ; Штейнъ-Гарденберговскія реформы значительно глубже видоизмѣнили прусскую монархію, чѣмъ іюльская революція—французскую. Ученіе объ обществѣ нельзя выдѣлять въ особую науку, такъ какъ задачи, которыя преслѣдуютъ общество и государство, переплетаются между собою (стр. 174, IV).

Французскіе ученые, писавшіе по вопросамъ о самоуправленіи, были склонны смѣшивать общество съ государствомъ и народъ съ обществомъ. Далѣе Гольцевъ останавливается на воззрѣніяхъ Дюпонъ-Уайта, Токвиля, Лабулэ.

По словамъ Лабулэ, Токвиль лучше всѣхъ сознавалъ, что слабость современныхъ обществъ заключается въ централизаціи, а истинная сила въ личной свободѣ и ассоціаціи (стр. 180).

Свой второй историко-юридическій очеркъ, посвященный разсмотрѣнію вопроса о самоуправленіи, В. А. Гольцевъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Самоуправленіе и свобода совѣсти, слова, печати—составляетъ основное условіе для правильнаго развитія и личности, и государства» (стр. 180).

Въ своей послѣдней статьѣ В. А. Гольцевъ разсматриваетъ исторію возникновенія формулы: «laissez faire, laissez passer». Старый порядокъ политическихъ и экономическихъ отношеній былъ основанъ на разнообразныхъ льготахъ и монополіяхъ. Правительственная власть вмѣшивалась повсюду, защищая или предписывая каждый шагъ, каждое движеніе че-

ловѣка (кн. VII, стр. 42). Въ половинѣ XVIII в. французское образованное общество убѣдилось въ негодности стараго строя. Началась борьба противъ привилегій и противъ регламентаціи. Физіократы съ Кенэ во главѣ противопоставили отжившимъ идеямъ новую теорію.

Въ своемъ «Мемуарѣ о муниципалитетахъ» Тюрго пишетъ королю: «Причина зла, Ваше Величество, происходитъ отъ того, что ваша нація не имѣетъ конституціи» (La cause du mal, «Sire, vient de ce que votre nation n'a point de constitution) (44).

Примѣрами изъ французской исторіи В. А. Гольцевъ доказываетъ, что между мѣстнымъ самоуправленіемъ и государственнымъ управленіемъ существуетъ неразрывная связь. Очеркъ борьбы королевской власти съ мѣстнымъ самоуправленіемъ Гольцевъ заканчиваетъ словами проф. И. В. Лучицкаго: «Торжество королевской власти во Франціи привело постепенно къ полнѣйшему почти уничтоженію мѣстной независимости, мѣстнаго самоуправленія, къ полнѣйшему подавленію мѣстной жизни и правъ отдѣльныхъ провинцій» (стр. 50).

Въ исторіи англійскаго самоуправленія можно встрѣтиться съ обратными явленіями. Королевская власть въ Великобританіи сравнительно рано подверглась ограниченію (Magna Charta libertatum, 1215 г.); поэтому самоуправленіе въ Англіи достигло высокаго развитія и естественно замыкается парламентомъ (стр. 51).

Въ VII заключительной главѣ В. А. Гольцевъ подводитъ итоги высказанному имъ въ предшествовавшихъ главахъ. Здѣсь онъ подчеркиваетъ, что и теоретическая мысль, и историческій опытъ (Франція и Англія) указываетъ на благодѣтельное вліяніе представительныхъ учрежденій и на невозможность правильнаго одновременнаго существованія двухъ противоположныхъ началъ, изъ которыхъ одно положено въ основу общегосударственнаго управленія, а другое въ основу мѣстнаго самоуправленія. Указанные два начала не могутъ существовать одновременно: они неизбѣжно вступаютъ въ борьбу между собою. Сильная центральная власть низведетъ самоуправленіе на степень только своего *служебнаго органа*, превратитъ его въ замаскированную бюрократію. Если въ общественной жизни будутъ параллельно проведены двѣ идеи, не объединенныя одною высшею, то разладъ между ними будетъ неизбѣженъ и обязательно поведетъ или къ разложенію общества, или къ побѣдѣ одной изъ борющихся идей. Гольцевъ указываетъ возможный исходъ изъ затруднительнаго положенія; этотъ исходъ онъ видитъ въ осуществленіи *праового порядка*.

Соглашаясь съ тѣмъ, что мнѣнія по извѣстнымъ вопросамъ могутъ быть различными, Гольцевъ относится съ уваженіемъ ко всякому возможному возраженію. Въ такихъ сложныхъ и важныхъ вопросахъ легко впасть въ ошибку. Но возраженій по вопросу о необходимости самоуправленія не высказывается въ научной литературѣ. Поэтому, В. А. Гольцевъ признаетъ правильнымъ свой взглядъ. При этомъ онъ высказываетъ, что не б-

ходимо слѣдовать извѣстному французскому изреченію: «Pouvoir agir, c'est devoir agir».

Поэтому, онъ заявляетъ: «Покуда мы убѣждены въ истинности своего взгляда, до тѣхъ поръ не говорить въ его защиту было бы *преступленіемъ*».

Свои историко-юридическіе очерки о государствѣ и самоуправленіи В. А. Гольцевъ заканчиваетъ извѣстными словами поэта:

„Надъ вольной мыслью Богу неугодно
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!"

Въ этихъ очеркахъ В. А. Гольцевъ исполнилъ часть задачи, которую, по его мнѣнію, должны были исполнить русскіе ученые. Въ этихъ очеркахъ онъ привелъ наиболѣе существенные взгляды, какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ самоуправленія, доказалъ необходимость развитія мѣстнаго самоуправленія, въ интересахъ всего государственнаго управленія, и въ самыхъ общихъ чертахъ подчеркнулъ неизбѣжность побѣды идеи самоуправленія надъ идеей бюрократической централизаціи.

Впослѣдствіи В. А. Гольцевъ посвятилъ еще одну статью вопросу о самоуправленіи, а именно: «Самоуправленіе и децентрализація» въ «Юридическомъ Вѣстн.» (1885 г. № 2, стр. 269—274).

Авторъ приводитъ много ссылокъ на новое изслѣдованіе Подлигайлова: «Мѣстное управленіе въ Россіи», а также на книгу Головина: «Наше мѣстное управленіе и мѣстное представительство».

Гольцевъ характеризуетъ русскую бюрократическую централизацію слѣдующими словами Подлигайлова: «Окончательно подавивъ всякую общественную самодѣятельность и развивъ до крайнихъ предѣловъ административную опеку, административная централизація, съ одной стороны, породила самые чудовищные хищническіе инстинкты и полную общественную деморализацію, выражающуюся въ грандіозныхъ мошенничествахъ, во всевозможныхъ хищеніяхъ и пр.; съ другой—вызвала глухое броженіе въ различныхъ общественныхъ группахъ и подготовила почву для дѣйствія субверсивныхъ элементовъ (№ 2, 270).

Высказавши общее положеніе, что въ области мѣстныхъ нуждъ и интересовъ единственно компетентнымъ является самоуправленіе, Гольцевъ разсматриваетъ дальше взгляды Лешкова («О правѣ самостоятельности, и ихъ основѣ для самоуправленія» 1871 г.), Градовскаго («Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи», 1868 г.), Лохвицкаго («Губернія» 1865 г.), Безобразова: «Государство и общество».

Соглашаясь съ Подлигайловымъ, что «нѣтъ системы, которая имѣла бы болѣе тяжелое и растлевающее вліяніе на нравы, умственное развитіе и экономическое положеніе населенія, какъ система административной централизаціи», В. А. Гольцевъ добавляетъ отъ себя, что не къ

лучшимъ послѣдствіямъ привела бы и система административной децентрализаціи.

Въ заключеніе В. А. Гольцевъ указываетъ на настоятельную необходимость произвести въ Россіи коренныя реформы и завершить то, что было начато въ 1864 г. По его мнѣнію, не слѣдуетъ закрывать глазъ передъ истиною; слѣдуетъ произвести необходимыя коренныя государственныя реформы, а не подсѣкать только вѣтви бюрократическаго дерева, глушащаго и правильное развитіе личности, и поступательный ростъ мѣстнаго самоуправленія (стр. 273—274).

Къ сожалѣнію, на предостереженіе русскихъ ученыхъ въ свое время не обращали ни малѣйшаго вниманія. Послѣдующая жизнь доказала, на чьей сторонѣ была правда.

В. А. Гольцевъ былъ глубоко убѣжденъ, что *наука не должна быть глуха къ запросамъ жизни*. Самою настоятельною потребностью того времени В. А. Гольцевъ считалъ развитіе мѣстнаго самоуправленія и введеніе въ Россіи народнаго представительства. На эти не отложныя нужды Россіи В. А. Гольцевъ отозвался въ своихъ историко-юридическихъ очеркахъ: «Государство и самоуправленіе». Онъ не могъ открыто писать о необходимости введенія въ Россіи конституціонализма, такъ какъ цензура не пропустила бы его статей. Поэтому, онъ выражалъ свои мысли эзоповскимъ языкомъ.

Въ другихъ своихъ статьяхъ В. А. Гольцевъ отозвался на очень многіе вопросы, входящіе въ область внутренняго управленія. Въ особенности В. А. Гольцева привлекали вопросы воспитанія и образованія. Цѣлую книгу подъ заглавіемъ: «Воспитаніе, нравственность, право» В. А. Гольцевъ посвятилъ разсмотрѣнію связи педагогическихъ вопросовъ съ вопросами нравственности и права.

Заслуживаютъ вниманія тѣ мысли, которыя высказалъ В. А. Гольцевъ по поводу посмертныхъ записокъ знаменитаго русскаго ученаго Н. И. Пирогова. Въ своей статьѣ: «Н. И. Пироговъ какъ педагогъ» Гольцевъ касается тѣхъ вопросовъ, которые являются животрепещущими даже въ наши дни. Онъ подчеркиваетъ взгляды Пирогова на необходимость учредить тѣмъ или инымъ способомъ правильно организованное *студенческое представительство*.

По вопросу о неправильной постановкѣ воспитанія и образованія въ Россіи, В. А. Гольцевъ съ грустью замѣчаетъ, что въ святое дѣло воспитанія вмѣшались своекорыстныя опасенія и самодовольное доктринерство; что въ срединѣ 80-хъ годовъ мы не приблизились, а удалились отъ тѣхъ высокихъ цѣлей, которыя были поставлены Пироговымъ (стр. 97). Подобно Пирогову, Гольцевъ считаетъ прямымъ назначеніемъ школы—[illegible] руководителемъ жизни на пути къ будущему.

Относясь совершенно отрицательно къ той системѣ, которую в[illegible]лъ въ русскихъ гимназіяхъ графъ Д. А. Толстой, В. А. Гольцевъ еще въ 1886 г. предвидѣлъ крушеніе этой системы и съ надеждою смотрѣ[illegible] на

будущее. Онъ былъ убѣжденъ, что рано или поздно печальныя явленія русской жизни принудятъ педагоговъ отказаться отъ системы дрессировки, выдаваемой за систему разумнаго воспитанія. На фактахъ повседневной жизни В. А. Гольцевъ видѣлъ, какъ тяжело отражается классическая школа на русскомъ юношествѣ. Поэтому онъ съ горечью добавляетъ: «Но сколько молодыхъ жизней будетъ испорчено или погублено въ теченіе этого *рано или поздно*» (стр. 98-ая сборника).

Въ своемъ курсѣ В. А. Гольцевъ, между прочимъ, касается вопроса о дѣятельности земствъ по народному образованію. Онъ прямо подчеркиваетъ,что такой министръ народнаго просвѣщенія, какъ гр. Д. Толстой, совершенно парализовалъ дѣятельность земства по развитію народнаго образованія. Онъ ограничилъ участіе земства въ дѣлѣ правильной постановки народнаго образованія только взносомъ денегъ. Этотъ министръ совершенно устранилъ земство отъ заботъ о правильной постановкѣ преподаванія. В. А. Гольцевъ подчеркиваетъ тѣ результаты, къ которымъ привела подобная политика министерства. Нѣкоторыя земства, послѣ безплодной борьбы съ министерствомъ, рѣшили лучше совсѣмъ не давать денегъ на народное образованіе, чѣмъ оставаться пассивными зрителями хода дѣлъ въ народныхъ школахъ (стр. 194 курса).

Мы коснулись взглядовъ Гольцева на управленіе въ самыхъ общихъ чертахъ. Нашею задачею было напомнить о той попыткѣ, которую сдѣлалъ В. А. Гольцевъ, будучи еще молодымъ ученымъ, перестроить преподававшееся въ то время въ университетахъ полицейское право на совершенно новыхъ основаніяхъ и подчеркнуть необходимость и неизбѣжность превращенія Россіи въ правовое государство.

И. Сухоплюевъ.

Тактика партій въ первой Государственной Думѣ

Первое впечатлѣніе отъ Государственной Думы—впечатлѣніе внутренняго единства, организованной и сплоченной силы.

Дума хочетъ созидательной работы; она ненавидитъ старый режимъ, но съ министерствомъ Горемыкина она готова для успѣха своей работы заключить перемиріе, если и не миръ. «Народъ насъ послалъ, какъ парламентеровъ, указать, что на Руси не должно быть больше войны, на Руси долженъ быть миръ» (*Заболотный*) [1]. «Если борцы за свободу будутъ выпущены на свободу, мы, Государственная Дума, скажемъ, что желаемъ серьезнаго перемирія, и я думаю, что первымъ словомъ, которое должно быть произнесено Думой, это желаніе перейти на борьбу правомѣрную, на борьбу словомъ, на парламентскую борьбу» (*Шапошниковъ*) [2]. «Если бы оказалось, что наша работа встрѣтитъ неожиданную поддержку, мы ее примемъ и будетъ работать вмѣстѣ» (*Родичевъ*) [3]. «Народъ открываетъ царю объятья (*аплодисменты*), но открываетъ на борьбу съ неправдой, со зломъ, слишкомъ долго царившимъ, и намъ нужно много труда и усилій для того, чтобы стереть съ нашей души ту горечь, которая въ ней годами накопилась и отвердѣла» (*Родичевъ*) [4].

Впослѣдствіи, уже разувѣрившись въ успѣхахъ борьбы, *Аладьинъ* слѣдующими словами характеризуетъ настроеніе Думы въ моментъ ея созыва: «Если вы вспомните начало нашей дѣятельности, тѣ чувства, съ которыми мы пришли сюда и въ первомъ же нашемъ засѣданіи выразили, вы должны согласиться, что сколько ни накопилось горя, страданья, обидъ, все это мы сумѣли задушить въ себѣ на минуту, подавить во имя того лучшаго, свѣтлаго будущаго, въ которое мы вѣрили. И когда въ первый разъ здѣсь, съ этой трибуны, прозвучало слово: «амнистія», мы не внесли ни единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ страстности,

---

1) II, 27. Римскою цифрой мы означаемъ засѣданіе, арабской—страницы стенографическихъ отчетовъ.

2) II, 28.

3) IV, 78.

4) IV, 230.

ненависти, желанія мстить... Безъ словъ, одними аплодисментами, мы выразили, что насъ одушевляетъ только одна надежда, что мы думаемъ, что къ намъ пойдутъ навстрѣчу... Но кто-то, гдѣ-то сталъ между нами, и эхо нашихъ аплодисментовъ не дошло туда, куда мы его направляли [1]).

Совмѣстная съ правительствомъ мирная работа оказалась невозможной. Отказъ въ пріемѣ депутаціи, избранной Думою для сообщенія Верховной власти отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, ворвался рѣзкимъ диссонансомъ въ гармоническое настроеніе Думы. Самъ по себѣ незначительный, этотъ фактъ былъ воспринятъ Думою, какъ угрожающій симптомъ, какъ опасное предзнаменованіе.

Далѣе, отвѣтная рѣчь премьера Горемыкина на адресъ Государственной Думы является прямымъ и категорическимъ объявленіемъ войны народному представительству. Съ этого момента для всѣхъ, и для самыхъ правыхъ, становится очевиднымъ, что о совмѣстной работѣ правительства съ Государственной Думой не можетъ быть и рѣчи.

Гр. Гейденъ, подъ громъ аплодисментовъ, говоритъ: «Когда я шелъ въ Государственную Думу, я полагалъ, что намъ дана будетъ возможность мирно и благотворно вести работу и что мы встрѣтимъ въ правительствѣ полное сочувствіе на этомъ мирномъ пути. Но, къ сожалѣнію, сегодняшняя декларація убѣдила меня въ совершенно противномъ» [2]).

«Или мы, или они,—такъ резюмируетъ Аникинъ положеніе, созданное деклараціей министерства» [3]).

Дальнѣйшіе шаги правительства какъ будто разсчитаны на то, чтобы углубить и расширить оппозиціонное настроеніе Думы. Слово «провокація» опошлено неразборчивымъ его употребленіемъ на революціонномъ жаргонѣ; но мы не знаемъ, какъ иначе назвать печатаніе въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* «истинно-русскихъ» телеграммъ, приглашающихъ Верховную власть къ уничтоженію Думы; мы не знаемъ, какъ иначе назвать непрекращающіеся разстрѣлы политическихъ преступниковъ, несмотря на протесты Государственной Думы [4]); воззванія губернаторовъ казанскаго, саратовскаго и др., порочащія дѣятельность Думы [5]); наконецъ, обращеніе министерства къ народу съ антиконституціоннымъ воззваніемъ по аграрному вопросу.

Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе глубокой становится пропасть, отдѣляющая правительство отъ Думы. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе рѣзкимъ становится оппозиціонное настроеніе Думы.

Само собою понятно, что настроеніе это, будучи всеобщимъ, у разныхъ группъ выражается въ различной формѣ.

Оппозиція правыхъ—умѣренна и осторожна. По образному выраженію

1) XI, 427.
2) VIII, 349. См. рѣчь *Лосева*, ib., 350.
3) VIII, 329.
4) Наприм., разстрѣлъ 8 ч. въ Ригѣ; *Ледницкій*, XI, 425.
5) XVII, 802.

Стаховича, правые живутъ въ глухой и благоразумной мѣстности, въ которой, несмотря на все говоримое въ Думѣ, люди не бросаютъ обычной жизни и занятій, не перестаютъ метать пары, сѣять гречиху и просо, и не ждутъ, затаивъ дыханіе... останется ли государственный совѣтъ или нѣтъ [1]).

Ужасы русской дѣйствительности не смущаютъ, не выводятъ изъ равновѣсія непоколебимаго спокойствія правыхъ. Самый размѣръ этихъ ужасовъ кажется имъ преувеличеннымъ и искаженнымъ. Каждый запросъ правительству долженъ, по ихъ мнѣнію, начинаться словами: «правда ли», ибо ни одинъ фактъ не можетъ почитаться установленнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ подтвержденъ правительствомъ [2]). Въ своей рѣчи по поводу бѣлостокскаго погрома М. Стаховичъ сомнѣвается во всемъ: и въ томъ, что погромъ былъ организованъ, и въ томъ, что въ его организаціи принимали участіе мѣстныя власти. По его мнѣнію, русскій народъ забудетъ,—онъ уже готовъ забыть и разоренія, и потери, и даже звѣрства; одного не забудетъ русскій народъ,—униженія русской государственной власти, того, что имя ея сдѣлалось постыло, что, когда о ней говорятъ, то русскимъ не только больно, но и стыдно. И въ этомъ «униженіи власти», по его мнѣнію, повинна не власть, а повинны тѣ, кто безъ достаточныхъ основаній, бросаютъ въ лицо министрамъ, полиціи и войску обвиненіе въ попустительствѣ и даже въ организаціи бѣлостокскаго погрома [3]).

Бурная оппозиція лѣвыхъ шокируетъ правыхъ, она кажется имъ неумѣстной и ненужной. «Лѣвыя» рѣчи—вешняя вода, это вода не рабочая; ее не надо пускать на колеса мельницы. Умный мельникъ открылъ бы затворы и терпѣливо ждалъ: пусть себѣ сольетъ (*Стаховичъ*) [4]).

«Трезвый русскій народъ» относится съ осужденіемъ къ проповѣди народнаго самоуправства, раздающейся съ высоты думской каѳедры на всю Россію. Никогда, ни во хмѣлю, ни въ ярости, нельзя замахиваться топоромъ на родину. Она—мать. (Стаховичъ) [5]).

Гр. Гейденъ—Стародумъ Государственной Думы. Упорно защищая, никѣмъ, впрочемъ, не нарушаемыя, права думскаго меньшинства [6]), гр. Гейденъ неустанно предостерегаетъ Думу отъ излишней поспѣшности [7]), отъ опрометчивыхъ рѣшеній [8]), отъ блестящаго, но безсодержательнаго краснорѣчія публичныхъ собраній [9]).

Законодателямъ необходимо спокойствіе; они должны напоминать тѣхъ

---

[1]) IV, 226.

[2]) *Гр. Гейденъ*, XVI, 736.

[3]) XXXV, 1815 и сл.

[4]) IV, 154.

[5]) XXI, 996.

[6]) XIII, 548; XVII, 755; XXI, 1010; ср. *Котляревскій*, XXI, 1019; *Родичевъ* XXI, 1020.

[7]) XXI, 1010.

[8]) Тамъ же.

[9]) XXIII, 1101; XXVIII, 1414.

римскихъ сенаторовъ, которыхъ галлы приняли за статуи—такъ сумѣли они спокойно и неподвижно сидѣть въ сенатѣ среди взятаго варварами Рима (*Стаховичъ*) [1].

Правые,—противъ министерства, но каждую минуту они готовы протянуть ему руку примиренія.

Иной характеръ имѣетъ оппозиція лѣвая.

Если правые явились въ Думу изъ «глухой и благоразумной мѣстности», то лѣвые, наоборотъ, явились въ нее изъ нѣдръ того кромѣшнаго ада, который зовется Россіей.

Депутатъ *Бондаревъ* говоритъ Думѣ: «Господа, вѣдь мы, пріѣхавшіе изъ тѣхъ мѣстъ Россіи, гдѣ совершались администраціей погромы,—мы были свидѣтелями, были очевидцами ихъ, а нѣкоторые изъ насъ были ихъ жертвами. И если одни, на основаніи бумажныхъ, канцелярскихъ свѣдѣній, могутъ спокойно описывать фактическіе матеріалы, для насъ погромъ—это страданія близкихъ намъ людей, это смерть нашихъ братьевъ и родственниковъ, это страданіе нашего тѣла и нашей души [2]).

Много горя своего и чужого видѣли эти люди на своемъ вѣку. Они пережили разгромъ крестьянскаго союза: массовые аресты и высылки, истязанія въ полицейскихъ застѣнкахъ, военныя экзекуціи, издѣвательство казаковъ надъ беззащитной деревней [3]). Вчера еще маленькіе и незамѣтные люди, они испытали на себѣ всю тяжесть административнаго произвола, не щадящаго ни свободы, ни жизни людей.

Депутаты, пріѣхавшіе въ Думу съ Кавказа, были свидѣтелями и очевидцами безпримѣрнаго по своей жестокости разгрома,—«потока и разграбленія» ихъ родной земли. Они видѣли сожженные города и села, горы труповъ и море слезъ [4]). И можно ли удивляться тому чувству сконцентрированной изступленной ненависти, которое они приносятъ съ собою подъ тихіе своды Таврическаго дворца?

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ оппозиція лѣвыхъ не можетъ не быть неумѣренной и рѣзкой. Она опредѣляется не разумомъ, а чувствомъ,—чувствомъ отчаянія, негодованія и гнѣва. «Положеніе Думы таково, что она не можетъ работать. Насъ ежеминутно отрываютъ отъ обычной думской работы, съ одной стороны, заявленіями и телеграммами о правительственныхъ жестокостяхъ, разстрѣлахъ и гоненіяхъ, а съ другой, намъ мѣшаютъ отсюда (съ министерской скамьи) наглыми разговорами, упорнымъ сопротивленіемъ, издѣвательствомъ надъ народнымъ представительствомъ (*Аникинъ*) [5]).

«Можно ли говорить безъ того, чтобы кровь отъ гнѣва не бросалась въ голову, о томъ, что совершается въ Россіи?... Мы дрожимъ отъ не-

---

[1]) XXXV, 1819; *Гейденъ*, IV, 83.

[2]) XXIV, 1170; *Аникинъ*, XXVII, 1347.

[3]) См. рѣчи о крестьянскомъ союзѣ, XXIV, 1344 и слѣд.

[4]) *Гомартели*, XXVII, 1352.

[5]) XIV, 593.

годованія, наше сердце готово разорваться отъ жалости, мы не находимъ словъ, чтобы выразить наши чувства» (*Жилкинъ*) [1].

У большинства членовъ Думы «живой протестъ кипитъ въ груди»; правда, одни умѣютъ «голосу холоднаго разсудка подчинять горячія чувства, клокочущія въ нихъ», но другіе, «съ трудомъ сдерживая это чувство, въ ужасѣ хватаются за голову, готовы покинуть залъ Таврическаго дворца» (*Бондаревъ*) [2].

Отчаяніе и гнѣвъ толкаютъ депутатовъ на рѣзкія нарушенія «этикета парламентской борьбы» [3]. Говоря о правительствѣ, они не стѣсняются въ выраженіяхъ, мало соотвѣтствующихъ хорошему тону парламентаризма. Депутатъ *Аладьинъ* предлагаетъ министрамъ «убраться изъ этого зала» [4]. Депутату *Михайличенко* недовѣрія къ министерству мало: онъ выражаетъ «презрѣніе» министрамъ [5]. «Мы двѣ недѣли упорно гонимъ министровъ,—говоритъ *Аникинъ*,—но они не имѣютъ ни стыда, ни совѣсти» [6].

Министры—хулиганы; Столыпинъ производитъ тѣ дѣйствія, которыя называютъ у насъ хулиганскими [7]. Министры—грабители, три четверти денегъ остаются въ карманахъ, начиная съ министерства и кончая послѣдними [8]... Министры—черносотенцы; если министерство не уйдетъ, его выбросятъ изъ этой залы [9]. Министры—убійцы и палачи [10]. Наше разбойническое правительство не имѣетъ права называться правительствомъ [11]. Служба современному правительству—грязная и подлая служба [12].

Въ борьбѣ съ «краснорѣчіемъ» лѣвыхъ предсѣдатель Думы безсиленъ. Напрасно, по поводу рѣзкостей Аладьина, въ отчаяніи онъ восклицаетъ: «Есть же предѣлы!..» [13]. Предѣловъ нѣтъ,—и каждый день вноситъ новую лепту «въ словесную сокровищницу сего храма»... [14].

Было бы, разумѣется, большою ошибкой объяснять исключительно повышеннымъ настроеніемъ лѣвыхъ революціонную ихъ тактику въ Государственой Думѣ. Въ основѣ этой тактики несомнѣнно лежатъ теоретическія предпосылки, характеризующія не только думскую, но и внѣ-думскую дѣятельность лѣваго крыла освободительнаго движенія вообще. Но, съ другой стороны, точно также несомнѣнно огромное вліяніе *настроенія*

---

1) X, 394; *Локоть*, XI, 426.
2) XXIV, 1168.
3) *Аладьинъ*, XIV, 598.
4) Ibid., 597.
5) XV, 651.
6) XXVI, 692.
7) *Аникинъ*, XXVII, 1347, 1345.
8) *Аладьинъ*, XXIV, 1164.
9) *Аладьинъ*, XXV, 1249.
10) *Гомартели*, XXVII, 1352; *Недоносковъ*, XIX, 912.
11) *Михайличенко*, XXVII, 1358.
12) *Аладьинъ*, XXVI, 1336.
13) XVII, 799.
14) Выраженіе свящ. Гумы, IV, 134.

на тактику лѣвыхъ въ Государственной Думѣ. Ниже мы познакомимся съ этой тактикой поближе; и тогда мы увидимъ, что она отнюдь не проникнута одной и неизмѣнной, руководящей идеей. Въ тактическихъ своихъ пріемахъ лѣвое думское крыло непрестанно колеблется между представленіемъ о Думѣ, какъ о полномочномъ и полноправномъ учредительномъ собраніи, и представленіемъ о той же Думѣ, какъ о безправной и безсильной «революціонной трибунѣ». Началомъ, объединяющимъ тактику лѣвыхъ въ Государственной Думѣ, является, именно, революціонное *настроеніе*; внѣ этого настроенія нельзя понять ни многихъ выступленій «трудовиковъ» въ Государственной Думѣ, ни той широкой популярности, какую эта группа пріобрѣла въ странѣ.

Мы думаемъ, что одно изъ наиболѣе рѣзкихъ различій, отчетливо проявившееся въ думской дѣятельности, между конституціонно-демократической партіей, съ одной стороны, и, такъ называемой, трудовою группою, съ другой, заключается, именно, въ «разсудочности» первой и «крайнемъ импрессіонизмѣ» второй. Тактика трудовой группы опредѣляется, въ значительной мѣрѣ, настроеніемъ и чувствомъ; наоборотъ, тактика конституціонно-демократической партіи въ значительной мѣрѣ эмансипируется отъ настроеній, господствующихъ въ ея средѣ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *по своимъ настроеніямъ* конституціонно-демократическая партія стоитъ несравненно ближе къ лѣвому думскому крылу, нежели къ правому.

Когда въ достопамятный день 19 іюля изъ залы Таврическаго дворца былъ изгнанъ военный прокуроръ, вдохновитель военной юстиціи Павловъ, гр. Гейденъ отъ имени правыхъ возсталъ противъ «насилія надъ свободой», противъ лишенія слова представителя военнаго министерства. Во имя «новаго порядка», онъ требовалъ отъ Думы «глубокаго уваженія къ закону и даже къ личности своего врага» [1]).

Отъ имени конституціонно-демократической фракціи гр. Гейдену отвѣтилъ *Винаверъ*:

— «И мы хранимъ тоже завѣтъ уваженія къ свободѣ слова, но есть предѣлы, въ которыхъ нужно считаться съ человѣческимъ терпѣніемъ... Тѣ люди, которые явно попираютъ пожеланія, высказанныя Думой, не должны являться сюда по порученію министерства. Поэтому я понимаю и *всецѣло раздѣляю* возмущеніе всѣхъ тѣхъ, которые отвѣтили громкимъ протестомъ противъ появленія того человѣка, который является передъ нами въ глазахъ Государственной Думы выразителемъ того направленія, противъ котораго направленъ нашъ законопроектъ» [2]).

И *Петражицкій*, спокойный и холодный, уравновѣшенный Петражицкій поднимается затѣмъ, чтобы присоединиться къ словамъ Винавера:

---

[1]) XXIX, 1483.
[2]) Ib.

— «Я имѣлъ въ виду сказать то, что сказалъ товарищъ Винаверъ. Поэтому отказываюсь отъ слова» [1]).

Надо быть глухимъ, чтобы не слышать въ рѣчахъ «кадетовъ»—и не только, по выраженію С. Я. Елпатьевскаго, «переферическихъ», но и «центральныхъ», въ рѣчахъ Родичева, Петрункевича, Герценштейна, Щепкина и др., того же настроенія—настроенія непримиримой вражды къ существующему режиму, которое такъ отчетливо слышится въ рѣчахъ лѣвыхъ ораторовъ Думы.

Правда, *по формѣ своего выраженія* настроеніе это нѣсколько отличается отъ настроенія лѣвыхъ. Такъ, напримѣръ, словесные эксцессы, столь часто допускаемые лѣвыми, постоянно встрѣчаютъ со стороны «кадетовъ» рѣшительный отпоръ. Не одинъ гр. *Гейденъ* протестуетъ противъ «пряностей рѣчи»,—«избитыхъ митинговыхъ выраженій», неумѣстныхъ въ Государственной Думѣ [2]). Противъ «звѣрскихъ эпитетовъ» протестуетъ кн. П. Д. Долгоруковъ; и онъ думаетъ, что будетъ гораздо сильнѣе, если «мы будемъ употреблять корректныя парламентскія выраженія, вмѣсто бранныхъ, и всю силу перенесемъ на содержаніе нашихъ рѣчей, на логику и убѣжденіе» [3]). Проф. Петражицкій считалъ бы себя «дикаремъ», если бы дѣйствовалъ въ парламентѣ не парламентскими средствами, а грубостями и бранными выраженіями» [4]).

Депутатъ *Галецкій* упрекаетъ «кадетовъ» въ близости къ правымъ. «Между гр. Гейденомъ и вами,—говоритъ онъ,—уже болѣе или менѣе установились опредѣленныя взаимоотношенія. Когда первый обучаетъ неуклюжихъ соціалъ-демократовъ салонности и галантнымъ выраженіямъ, тогда вы очень охотно ему аплодируете. Въ свою очередь, когда вы даете намъ уроки парламентской лойяльности, то очень охотно раздаются возгласы одобренія оттуда» [5]).

Надо ли доказывать наивность подобныхъ обвиненій?

Непарламентскую рѣзкость своихъ выраженій депутатъ *Михайличенко* откровенно оправдываетъ ссылкой на некультурность опредѣленной категоріи народныхъ представителей. «У насъ есть представители,—говоритъ онъ,—которые не могутъ понять въ другомъ смыслѣ, въ литературномъ изложеніи они не могутъ понять» [6]).

Конституціоналисты-демократы, въ огромномъ своемъ большинствѣ, къ числу такихъ представителей не принадлежатъ; и, кромѣ того, они вообще не допускаютъ присутствія въ Думѣ депутатовъ, которые «въ другомъ смыслѣ» не могутъ понять...

Будущій историкъ переживаемой нами революціонной эпохи, несомнѣ-

---

1) Ib.
2) XXVIII, 1415.
3) XXVII, 1366.
4) XVII, 795.
5) XXIX, 1457.
6) XV, 651.

но, признаетъ, что наиболѣе тяжелые, неизгладимые удары нанесены существующему режиму не горячими филиппиками лѣвыхъ ораторовъ, а «корректною» рѣчью ораторовъ «лѣваго центра».

Никто не заподозритъ С. Я. Елпатьевскаго въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ кадетамъ. И, однако, онъ пишетъ: «Было жалко смотрѣть на сидѣвшихъ въ министерскихъ креслахъ людей, когда взошелъ на трибуну одинъ изъ лучшихъ представителей того типа ораторовъ, которые владѣютъ словомъ,—И. И. Петрункевичъ, и во всеоружіи мысли стегалъ ихъ жестокими бичами; когда входилъ на трибуну Герценштейнъ и во всеоружіи знапія, со всею силой своего анализа, снималъ одно за другимъ тѣ убогія лохмотья, которыми эти люди прикрывали свою умственную наготу»[1]).

Если, такимъ образомъ, *настроеніе* конституціонно-демократической фракціи *только* по формѣ своего выраженія отличается отъ настроенія лѣвыхъ, то, наоборотъ, между тактикой тѣхъ и другихъ существуетъ глубокое и принципіальное различіе. На игнорированіи этого факта цѣликомъ построенъ недобросовѣстный и жалкій памфлетъ проф. В. Герье[2]); доказательству этого факта мы посвящаемъ настоящую статью.

Можно быть разнаго мнѣнія о томъ, какой тактики, въ реальныхъ условіяхъ дѣйствительности, слѣдовало держаться нашей первой Государственной Думѣ; но достаточно элементарной добросовѣстности для того, чтобы признать, что тактика конституціонно-демократической партіи, въ отличіе отъ тактики лѣвыхъ партій, являлась въ Государственной Думѣ *конституціонной* отъ начала и до конца.

II.

Очень не легко охарактеризовать отношенія къ Государственной Думѣ ея лѣвыхъ элементовъ. И потому не легко, что отношеніе это, по существу, представляется спутаннымъ и неяснымъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что крестьяне, впослѣдствіи вошедшіе, въ значительной своей части, въ такъ называемую трудовую груп-

---

[1]) *Русск. Богатство*, 1906 г., іюль, стр. 100. Весьма характорно „недоумѣніе“ проф. Локотя, посвященное имъ памяти М. Я. Герценштейна. Почему,—спрашиваетъ профессоръ-трудовикъ,—первый жребій контръ-революціонныхъ организацій палъ на М. Я. Герценштейна? Почему М. Я. Герценштейна можно было признать однимъ изъ наиболѣе выдающихся и сильныхъ представителей революціи? Вдохновлялъ ли онъ и даже поддерживалъ ли онъ „думскихъ революціонеровъ“, такъ сильно и рѣзко выражавшихъ то стихійно-революціонное настроеніе народа, противъ котораго стихійно же поднялась... контръ-революціонная волна? И проф. Локоть не замѣчаетъ, какъ нѣсколькими страницами ниже онъ самъ отвѣчаетъ на поставленный имъ же вопросъ: „Если контръ-революціи была страшна и опасна не политически революціонная сила намѣченныхъ ею (?!) депутатовъ, а сила чисто дѣловой, но тѣмъ болѣе безпощадной критики, то выборъ контръ-революціи дѣйствительно вѣренъ (профессоръ *Т. В. Локоть*: „Первая Дума“, стр. 314 и сл.).

[2]) *В. Герье*: „Первая русская Государственная Дума“.

пу, явились въ Государственную Думу съ твердымъ намѣреніемъ «законодательствовать» въ ней. Идея «бойкота внутри Думы» имъ органически чужда. Они обязались передъ избирателями добыть имъ и землю, и волю; поэтому Дума должна написать и издать законы о землѣ и волѣ.

Никакого представленія о юридическомъ положеніи Думы, какъ законодательнаго учрежденія, о ея обязанностяхъ и правахъ, о пріемахъ и методахъ законодательной работы рядовой крестьянинъ—да и не одинъ крестьянинъ—разумѣется, не имѣетъ. *Михайличенко* былъ увѣренъ, что Дума амнистируетъ политическихъ сразу; и съ изумленіемъ онъ видитъ, что Дума «обратилась къ формальностямъ», между тѣмъ какъ «наши мученики» продолжаютъ мучиться попрежнему [1]). Священникъ Поярковъ предлагаетъ отмѣнить смертную казнь «безъ всякихъ законовъ, безъ всякихъ законопроектовъ» [2]). Московскій депутатъ Савельевъ «не разбирается въ законахъ, не знаетъ законовъ», но онъ знаетъ, что необходимо къ 1 мая такъ или иначе успокоить рабочихъ,—не то «завтра уже» прольется много крови» [3]). Депутатъ Поповъ проситъ Государственную Думу устранить земскихъ начальниковъ, а въ какомъ порядкѣ ихъ устранить, онъ не знаетъ: «я крестьянинъ» [4]). Крестьянинъ Бабичъ подаетъ предсѣдателю Думы прошеніе отъ крестьянъ: помѣщикъ насильственнымъ образомъ оттягалъ у нихъ 87 десятинъ земли; поэтому Бабичъ ходатайствуетъ передъ Думой о томъ, чтобы она возвратила безъ всякаго вознагражденія эту землю крестьянамъ [5]).

Изъ глухихъ деревень, изъ медвѣжьихъ угловъ рядовые «трудовики» привозятъ съ собою наивную вѣру въ «естественное всемогущество» Государственной Думы: Дума все можетъ; она все разсудитъ, она все добудетъ. На-ряду съ писаннымъ, чиновничьимъ правомъ, существуетъ другое *народное* (естественное) право,—и органомъ этого права является Дума,—и только она.

На эту наивную вѣру опирается сознательная тактика руководителей, лидеровъ трудовой группы.

Цѣль этой тактики заключается, прежде всего, въ томъ, чтобы Государственную Думу превратить въ *полномочную* Думу.

Для того чтобы добыть народу землю и волю, «революціонная Дума» должна быть *полномочною думой;* она должна быть, если не по названію, то по существу, полномочнымъ учредительнымъ собраніемъ.

— «Мы должны взять дѣло въ свои собственныя руки,—говоритъ *Аладьинъ*;—*мы—всемощные законодатели*, которымъ стоитъ только захотѣть, и будетъ и свѣтъ, и свобода, и жить будетъ народу легче» [6]).

---

1) II, 29.
2) XI, 430.
3) III, 36.
4) XIII, 537.
5) XVIII, 843.
6) XI, 428.

Для передовыхъ трудовиковъ не существуетъ вопроса объ измѣненіи основныхъ законовъ: они основныхъ законовъ не признаютъ:

— «Что такое русская конституція?—бумажный мѣшокъ. Пока Дума не прорветъ этотъ бумажный мѣшокъ и не вырвется на свободу, русскій свободный народъ, желающій освобожденія, а не канцелярскаго, бумажнаго законодательства, не будетъ ей вѣрить, не будетъ ее слушать (*Сѣдѣльниковъ*) [1]).

Согласно основнымъ законамъ, законодательная власть осуществляется Монархомъ *въ единеніи* съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой [2]). Таковъ основной принципъ коституціонно-монархическаго строя [3]).

По мнѣнію «трудовиковъ» для того, чтобы издать законъ, не требуется ни согласія Государственнаго Совѣта, ни санкціи Монарха. Законы должны издаваться Государственной Думой; пусть Государственная Дума издаетъ законъ, народъ этотъ законъ исполнитъ.

«Мы не должны бояться за судьбу нашихъ законопроектовъ. Они будутъ приняты, они будутъ утверждены *его величествомъ русскимъ народомъ,* и онъ не только утвердитъ ихъ, но и приведетъ въ исполненіе. Такъ поторопитесь же дать ему законы» (*Сѣдѣльниковъ*) [4]). «Судьбу нашихъ законопроектовъ рѣшать будетъ страна, которая прочтетъ ихъ и приметъ (*Аникинъ*) [5]). Въ революціонное время и законы должны быть принимаемы революціоннымъ путемъ; принимаемые революціоннымъ путемъ, они всетаки будутъ имѣть значеніе и силу законовъ (*Якубсонъ*) [6]).

Отрицая основные законы, передовые трудовики тѣмъ самымъ отрицаютъ учрежденіе Государственной Думы. Они не признаютъ тѣхъ рамокъ, въ которыя поставлена Положеніемъ законодательная работа. Вопросъ о законодательномъ измѣненіи статей Положенія, стѣсняющихъ законодательную иниціативу Государственной Думы, представляется имъ мелочнымъ и ничтожнымъ вопросомъ (*Аникинъ*) [7]).

Министры, опираясь на законъ, предлагаютъ Думѣ отсрочить на мѣсяцъ обсужденіе законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни. Депутатъ *Локотъ,* отъ имени трудовой группы, предлагаетъ Государственной Думѣ *немедленно* приступить къ обсужденію законопроекта [8]).

Какъ *полномочное* представительное собраніе, Государственная Дума

---

1) XV, 657.

2) Св. зак., т. I, ч. I (изд. 1906 г.), ст. 7.

3) Срв. *бельгійская* конст., ст. 26: „Законодательная власть осуществляется коллективно королемъ, палатой представителей и сенатомъ“; *прусская* конст., ст. 62: „Законодательная власть осуществляется совмѣстно королемъ и обѣими палатами“; и друг.

4) XI, 433; ср. *Меркуловъ,* XVIII, 822: „Воля его величества народа всероссійскаго непреклонна.

5) XIV, 596.

6) XV, 644; срв. *Михайличенко,* XIX, 913.

7) XIV, 593.

8) XV, 646; срв. *Аникинъ,* XV, 644; *Аладьинъ,* ib., 645.

должна сосредоточить въ своихъ рукахъ, на-ряду съ законодательной, *правительственную власть*.

Вмѣстѣ съ конституціонно-демократической партіей трудовая группа рѣзко и настойчиво, неутомимо требуетъ назначенія думскаго министерства [1]). Но она идетъ дальше: она не только «не довѣряетъ» министерству Горемыкина; она «не признаетъ» его министерствомъ. Она объявляетъ бойкотъ министерству [2]). Министры и ихъ товарищи даютъ свои объясненія—знаменитыя объясненія—по аграрному вопросу. Депутатъ *Онипко* недоумѣваетъ: времени у насъ мало, а между тѣмъ это время отнимается *посторонними* лицами, *посторонними* разговорами [3]). Разъ Государственная Дума выразила недовѣріе министерству, министерство для Думы является постороннимъ лицомъ; и всѣ его рѣчи—одни только «праздные разговоры» *(Онипко)* [4]). Не слѣдуетъ Думѣ терять время въ разговорахъ и спорахъ съ посторонними людьми *(Онипко)* [5]).

Полиція министра Столыпина избиваетъ депутата Сѣдельникова. Депутатъ *Аладьинъ*, при бурныхъ аплодисментахъ лѣвой, заявляетъ Государственной Думѣ: «Если еще разъ дотронутся хотя бы до одного депутата, ни одинъ министръ съ этой трибуны не произнесетъ ни одного слова. Пусть (тогда) ни одинъ изъ министровъ не является въ Думу: мы слагаемъ съ себя отвѣтственность за ихъ неприкосновенность» [6]).

Необходимо ассигновать въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ значительную сумму для борьбы съ продовольственной нуждой. Депутатъ *Галецкій* предлагаетъ Думѣ категорически заявить, что «ни копейки она не ассигнуетъ въ распоряженіе министерства, лишеннаго довѣрія страны» [7]).

Но—какъ быть съ продовольственной нуждой? Вѣдь исполнительная власть необходима?!... Да, но Государственная Дума должна взять исполнительную власть въ свои руки. Отвѣтственное предъ Думой министерство понимается трудовиками, какъ осуществленіе непосредственно Думой, или ея коммиссіями, исполнительной власти. Наше разбойническое правительство,—говоритъ *Михайличенко*,—не имѣетъ права называть себя правительствомъ; и затѣмъ, указывая на Думу, прибавляетъ:—«здѣсь наше правительство!» [8]). Исполнительная власть *должна быть организована*

---

[1]) Соціалъ-демократическая фракція о думскомъ министерствѣ не говоритъ: и того ей надо.

[2]) У деп. *Локотя*, („Первая Дума" стр. 218) мы находимъ любопытный разсказъ о засѣданіи Трудовой группы, на которомъ рѣшался вопросъ о бойкотѣ. Сначала предложеніе бойкота было принято за шутку. Оказалось, однако, что авторы предложенія не шутили, и тогда, въ концѣ-концовъ, настроеніе большинства собранія склонилось въ пользу бойкота.

[3]) XII, 530.

[4]) XIII, 534.

[5]) XIV, 622.

[6]) XXXI, 1568.

[7]) XXV, 1253.

[8]) XXVII, 1357.

Думой (*Аладьинъ*) [1]; въ частности, продовольственное дѣло должно быть передано въ исключительное завѣдываніе продовольственной коммиссіи, избранной Думой. Отъ имени соціалъ-демократической фракціи деп. *Рамишвили* предлагаетъ законченный планъ организаціи продовольственнаго дѣла. Сосредоточеніе правительственныхъ капиталовъ въ рукахъ безотвѣтственнаго правительства недопустимо. При Государственной Думѣ долженъ быть организованъ продовольственный комитетъ. Комитетомъ должны быть командированы члены на мѣста для организаціи мѣстныхъ комитетовъ изъ среды голодающихъ, съ привлеченіемъ къ этому дѣлу какъ органовъ самоуправленія, такъ и свободныхъ общественныхъ организацій. Продовольственныя средства должны быть добыты путемъ сокращенія расходовъ на полицію, жандармерію, сельскихъ стражниковъ, на пожалованія и пенсіи высшимъ чинамъ и т. д. [2]).

Превосходный планъ! Какъ жаль, что депутатъ Рамишвили не сообщилъ Государственной Думѣ, *какимъ образомъ*, по мысли соціалъ-демократической фракціи, она могла бы этотъ планъ привести въ исполненіе.

При обсужденіи продовольственнаго дѣла г. Столыпинъ отказывается отвѣчать «трудовикамъ»: на угрозу захвата исполнительной власти министръ внутреннихъ дѣлъ, носитель законной власти, имъ отвѣчать не будетъ [3]).

Какъ полномочное учрежденіе, какъ *конвентъ*, Государственная Дума должна, по мнѣнію лѣвыхъ, захватить въ свои руки не только правительственную, но и *судебную власть*.

Депутатъ Аникинъ категорически заявляетъ: этихъ чиновничьихъ судовъ русскіе народные представители не признаютъ [4]). Министры и другіе чины, преступившіе законы, должны быть привлечены къ суду... Но къ какому суду?—*Народному суду*,—отвѣчаетъ деп. *Михайличенко* [5]).—Народный судъ—это судъ Государственной Думы. Именемъ народа,—восклицаетъ деп. *Рамишвили*,—я призываю на судъ, *предаю суду* всѣхъ грабителей, весь составъ администраціи сверху до низу, и новаго, и бывшаго министровъ, и премьера [6]).

Такимъ образомъ, въ представленіи лѣвыхъ,—и въ частности, въ представленіи трудовиковъ,—Государственная Дума, дѣйствительно, является полномочнымъ народнымъ собраніемъ, революціоннымъ конвентомъ. Сообразно съ такимъ представленіемъ, парламентарная тактика лѣвыхъ имѣетъ несомнѣнно революціонный характеръ. Задача Думы заключается въ томъ, чтобы, опрокинувъ преграды, воздвигнутыя основными законами, завладѣть по «захватному праву»—«явочнымъ порядкомъ»—совокупностью полномо-

---

[1]) XXVI, 1332.
[2]) XXXII, 1674.
[3]) XXV, 1252.
[4]) XIX, 896.
[5]) VIII, 349; X, 400.
[6]) XXIV, 1160.

чій государственной власти. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно характерно въ устахъ Аладьина сравненіе Государственной Думы... съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ.

Въ интервью съ корреспондентомъ *Times* одинъ изъ министровъ заявилъ: «не колеблясь, могу сказать, что Дума—просто революціонное собраніе, вродѣ совѣта рабочихъ депутатовъ или союза союзовъ»... Деп. *Аладьинъ* по этому поводу замѣчаетъ: «Пока Думѣ комплиментъ—вѣдь и совѣтъ рабочихъ депутатовъ и союзъ союзовъ имѣютъ такое блестящее прошлое, что обижаться на заявленіе министра не приходится» [1]).

Само собою разумѣется, что гордое представленіе о Думѣ, какъ о полномочномъ учрежденіи, разбивается скоро о горькую правду дѣйствительной жизни. Пусть Дума—«полномочная» власть; но какъ это свое «полномочіе» Думѣ осуществить? Что ей дѣлать? Она можетъ говорить—и только.

И вотъ постепенно—чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче—представленіе о Думѣ, какъ о полномочномъ законодательномъ собраніи, вытѣсняется въ сознаніи лѣвыхъ другимъ представленіемъ—представленіемъ о Думѣ, какъ о безвластной «революціонной трибунѣ».

Государственная Дума безсильна; никакого реальнаго дѣла она сдѣлать не можетъ.

Задача Думы—революціонизировать народъ для того, чтобы народъ—самъ народъ—добылъ себѣ своими усиліями, помимо и поверхъ думы, и землю и волю. По мнѣнію *Аладьина*—того самаго Аладьина, который еще такъ недавно называлъ депутатовъ всемощными законодателями,—Государственная Дума не является учрежденіемъ въ достаточной степени уполномоченнымъ для того, чтобы сказать свое собственное слово. Государственная Дума является фокусомъ, который сумѣетъ собрать народъ во-едино, сгруппировать за собою достаточныя силы для того, чтобы въ надлежащій моментъ эти силы, какъ ударъ парового молота, разнесли все, что мѣшаетъ народу достигнуть благополучія и счастья, какъ онъ его понимаетъ [2]). За полтора мѣсяца усиленной работы,—говоритъ *Жилкинъ*,—Государственная Дума, какъ высшее законодательное учрежденіе, не сдѣлала по законодательному пути ни одного опредѣленнаго шага. Ошибочно было бы упрекать ее въ этомъ. Съ необычайнымъ успѣхомъ Государственная Дума занимается разрушеніемъ стараго гипноза, стараго авторитета, стараго жестокаго закона [3]).

Съ пріѣздомъ кавказскихъ депутатовъ представленіе о Думѣ, какъ о революціонной трибунѣ, становится въ лѣвыхъ рядахъ Думы рѣшительно преобладающимъ. Кавказцы соціалъ-демократы живутъ по канонамъ соціалъ-демократическаго писанія. Для нихъ ясно, что настоящее нужное д о будетъ сдѣлано не «безправною Думой», а учредительнымъ собраніе ,

[1]) XXIV, 1162.
[2]) XIV, 597.
[3]) XXVII, 1360.

опирающимся на революціонныя народныя массы (Джапаридзе) [1]). Безъ возстанія, безъ народнаго возмущенія не получить того, чего требуетъ Государственная Дума (Рамишвили) [2]).

Задача Думы—единственная ея задача—содѣйствовать дѣлу политическаго пробужденія широкихъ народныхъ массъ и сплоченія ихъ въ грозную революціонную силу (*Джапаридзе*) [3]).

Само собою понятно, что, разсматривая Думу, какъ революціонную трибуну, лѣвые относятся отрицательно къ какой бы то ни было созидательной, законодательной ея работѣ. «Мы—только боевой авангардъ, высланный народомъ, чтобы очистить русское поле отъ азіатскихъ плевелъ. Когда это будетъ достигнуто, тогда другой парламентъ, истинный, выбранный на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія,—только этотъ парламентъ займется спокойно созидательной и законодательной работой (*Николаевскій*) [4]).

Государственная Дума законодательствовать не можетъ; писаніе законовъ не что иное, какъ тактическій пріемъ революціонизированія народныхъ массъ.

Соціалъ-демократы готовы поддерживать законопроекты, направленные къ возстановленію попираемыхъ правъ народа, но поддерживать ихъ *не* въ надеждѣ на то, что они скоро получатъ значеніе и силу закона, а лишь въ томъ убѣжденіи, что всѣ эти законопроекты разобьются о преграду, поставленную Думѣ въ лицѣ Государственнаго Совѣта и правительства. И чѣмъ скорѣе это произойдетъ, тѣмъ будетъ лучше, съ точки зрѣнія политическаго пробужденія тѣхъ слоевъ народа, которые еще вѣрятъ въ возможность преобразованія Россіи путемъ мирныхъ законодательныхъ реформъ (*Джапаридзе*) [5]).

Какая глубокая, какая непроходимая пропасть между первоначальными надеждами и окончательными выводами лѣваго думскаго крыла!

Само собою понятно, что, съ революціонной точки зрѣнія, составленіе подробныхъ законопроектовъ съ примѣчаніями, оговорками и объяснительными записками», обсужденіе законопроектовъ въ коммиссіяхъ и т. п. представляется лѣвымъ совершенно излишнимъ и ненужнымъ дѣломъ.

Законодатели въ Думѣ—школьники, подошедшіе къ доскѣ рѣшать задачу, не зная, какъ ее рѣшить (*Галецкій*) [6]).

Всякій практически-осуществимый законопроектъ направленъ къ тому, чтобы затормозить народное движеніе «обманомъ бумажныхъ уступокъ и ложью примиренія между хищниками реакціи и демократіей» [7]). Полезна

---

1) XXVIII, 1403.
2) XXVIII, 1404.
3) XXVIII, 1404.
4) XXXIV, 1791.
5) XXVIII, 1405.
6) XXIX, 1457.
7) *Джапаридзе*, XXVIII, 1404.

обработка «основныхъ началъ» для того, чтобы народъ зналъ, чего ихъ представители требуютъ и въ чемъ имъ правительство отказываетъ [1]).

Только уяснивъ себѣ точку зрѣнія соціалъ-демократовъ, къ которой, въ значительной мѣрѣ, примыкаютъ руководители трудовиковъ (конечно, не ихъ масса), можно понять тѣ ожесточенныя нападки, объектомъ которыхъ оказался кадетскій законопроектъ о свободѣ собраній. Только съ этой точки зрѣнія можно понять внесеніе трудовиками въ Государственную Думу законопроекта объ учрежденіи мѣстныхъ «демократическихъ думъ», или матеріаловъ по аграрному вопросу, теоретически излагающихъ соціалъ-революціонную программу. Не разсчитывая ни на какіе практическіе результаты, трудовики преслѣдуютъ одну и единственную цѣль: устройство въ Государственной Думѣ революціонно-воспитательнаго скандала. [2]).

Наконецъ, только съ разсматриваемой точки зрѣнія можно уяснить себѣ отношеніе лѣвыхъ къ *запросамъ*.

Въ глазахъ лѣвыхъ никакого практическаго значенія запросы не имѣютъ. Они сводятся къ щедринской фразѣ: «мы будемъ пописывать, а чиновники будутъ почитывать» (*Сѣдельниковъ*) [3]). И тѣмъ не менѣе, лѣвые забрасываютъ Думу запросами,—забрасываютъ настолько, что у Думы не остается времени для законодательной работы [4]). На-ряду съ запросами, необходимыми по содержанію и серьезными по формѣ, министрамъ предъявляются ироническіе запросы. Такъ, министру Столыпину предъявляется запросъ: «признаетъ ли министръ для себя обязательнымъ предать бывшаго саратовскаго губернатора Столыпина суду за нарушеніе Высочайшаго указа отъ 8 марта 1905 г.?» [5]). Если, вообще, у кого-нибудь еще можетъ быть сомнѣніе въ отрицательномъ—или, въ лучшемъ случаѣ, безразличномъ—отношеніи лѣвыхъ къ законодательной дѣятельности Думы, это сомнѣніе не можетъ не разсѣяться при видѣ той «бомбардировки» [6]) министерства безплодными запросами, которою съ такимъ упорнымъ постоянствомъ занимаются лѣвые въ Государственной Думѣ. Тѣ самые трудовики, которые такъ страстно спѣшатъ, съ законодательной работою спѣшить не находятъ нужнымъ.

Таково отношеніе къ Думѣ ея лѣваго крыла. Прежде чѣмъ закончить характеристику этого отношенія, еще одно замѣчаніе.

Представленіе о Думѣ, какъ о полномочномъ законодательномъ собраніи переплетается и скрещивается въ сознаніи лѣвыхъ депутатовъ съ представле-

1) *Джапаридзе*, ib., 1405. Болѣе чѣмъ страннымъ, въ виду вышеизложеннаго, представляется утвержденіе *Рамишвили*: „Никто изъ насъ не говорилъ того, что не нужно заниматься выработкой законопроектовъ, не нужно имѣть сужденія объ этихъ законопроектахъ въ коммиссіяхъ и Думѣ“, XXX, 1523.

2) О „скандальной тактикѣ“ трудовиковъ см. у проф. *Локотя*: „Первая [illegible]“ стр. 219 и сл.

3) X, 398. Срв. замѣчанія *Аладьина* объ „игрѣ въ запросы“, XI, 428.

4) *Набоковъ*, XVII, 1369.

5) XIV, 632.

6) Выраженіе *Гейдена*, XXVIII, 1399.

ніемъ о Думѣ, какъ о безправной революціонной трибунѣ. Отсюда—безчисленныя противорѣчія ихъ тактики, раскрываемыя съ неумолимой логичностью ораторами конституціонно-демократической фракціи,—Набоковымъ, Кокошкинымъ, Петражицкимъ, Гредескуломъ, Котляревскимъ и другими [1]). Настаивая на «революціонномъ» принятіи законовъ, трудовики убѣждены въ томъ, что эти законы, дѣйствительно, будутъ имѣть значеніе и силу законовъ. «Революціонные законы» они противополагаютъ резолюціямъ,—мотивированнымъ переходамъ къ очередному порядку дня [2]). Но когда имъ доказываютъ, что «революціонные законы»—не что иное, какъ тѣ же резолюціи, и не больше,—они отвѣчаютъ: Пусть такъ; вы обращаете свои резолюціи къ министрамъ, мы обращаемъ свои къ народу [3]). Мы говоримъ на разныхъ языкахъ и намъ не понять другъ друга.

Несмотря на различіе принциповъ, положенныхъ въ основу парламентской тактики лѣваго думскаго крыла, эта тактика, несомнѣнно, объединяется однимъ,—если не положительнымъ, то отрицательнымъ,—моментомъ. И этотъ моментъ—отрицательное отношеніе лѣвыхъ къ конституціонному (парламентарному) методу дѣйствій Государственной Думы. Одни,—руководимые,—этого метода не понимаютъ; другіе,—руководители,—этого метода не хотятъ. И несмотря на значительную общность парламентской *платформы* конституціонно-демократической фракціи, съ одной стороны, и болѣе лѣвыхъ группъ, съ другой, различное ихъ отношеніе къ тактическому вопросу—признаніе парламентарной тактики одними, ея отрицаніе другими,—вырываетъ между ними непроходимую пропасть. И чѣмъ дальше, тѣмъ пропасть эта становится шире и глубже. Та борьба, которая велась въ Государственной Думѣ между «кадетами» и «трудовиками», велась преимущественно на почвѣ тактическихъ разногласій.

Какова же парламентская тактика конституціонно-демократической фракціи?

III.

Конституціоналисты-демократы считаютъ задачей Государственной Думы преобразованіе *законодательнымъ путемъ* политическаго и соціальнаго строя Россіи, осуществленіе политическихъ и соціальныхъ законодательныхъ реформъ,—въ частности аграрной реформы,—безъ которыхъ Россія не можетъ существовать.

«Страна послала насъ сюда для того, чтобы мы занялись созидательной работой, чтобы мы внесли въ страну спокойствіе и миръ, водворили свободу и законность, правду и справедливость» *(Остафьевъ)* [4]). Сознательные выборщики не ждали отъ насъ, да смѣшно было бы имъ ждать,

---

1) Объ этомъ см. *ниже*.

2) *Аникинъ*, XIV, 596; XI, 433; XV, 643 и мн. др.

3) *Рамишвили*, XXV 1239.

4) XIV 600.

что мы силой пересоздадимъ Россію. Нашъ языкъ—языкъ законопроектовъ и законовъ *(Левинъ)* [1]. Основная задача Думы есть осуществленіе законодательной власти, еще законодательная работа *(Котляревскій)* [2].

Задача эта *не можетъ быть* Думою осуществлена иначе, какъ въ тѣхъ рамкахъ, въ которыя дѣятельность ея поставлена дѣйствующимъ правомъ,—основными законами и учрежденіемъ Государственной Думы.

Не смотря на крайнюю свою неудовлетворительность, основные законы, пока они не отмѣнены, или не измѣнены въ законодательномъ порядкѣ, обязательны для Думы. Нарушая основные законы, говоритъ *Петражицкій*, обращаясь къ лѣвымъ, вы хотите «разрушить основаніе, на которомъ зиждется ваша сила, вы отпиливаете тотъ сукъ, на которомъ вы сидите, вы занимаетесь ослабленіемъ и даже уничтоженіемъ вашей силы и даете силу вашему врагу. Вы хотите превратить насъ въ самозванныхъ узурпаторовъ, а это собраніе въ незаконный митингъ [3].

Признавая Россію конституціонной монархіей, конституціонно-демократическая фракція соотвѣтственнымъ образомъ опредѣляетъ отношеніе Государственной Думы къ Монарху. Уже въ первомъ засѣданіи Думы деп. Муромцевъ, въ благодарственной рѣчи по поводу избранія его предсѣдателемъ, обращается къ Думѣ съ пожеланіемъ: «Пусть совершится работа наша на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, вытекающихъ изъ самой природы народнаго представительства». Громомъ аплодисментовъ Государственная Дума выражаетъ свою солидарность съ пожеланіемъ предсѣдателя [4].

Нѣсколько разъ въ теченіе сессіи, въ самыя трудныя минуты думской жизни, у многихъ изъ членовъ Думы возникала мысль о непосредственномъ обращеніи къ Государю съ ходатайствомъ объ исполненіи заявленныхъ Думой пожеланій [5].

Конституціонно-демократическая фракція всегда и категорически высказывалась противъ подобнаго обращенія,—и не только потому, что она считала его практически безцѣльнымъ, но и потому, что она отрицала конституціонный его характеръ.

Съ одной стороны, непосредственное обращеніе къ Монарху превращаетъ Государственную Думу изъ законодательнаго учрежденія въ учрежденіе для подачи ходатайствъ за народъ (*Петрункевичъ*) [6]; оно стремится замѣнить ясное юридически-конституціонное отношеніе Государственной Думы къ Монарху какимъ-то туманнымъ, мистическимъ, таинствен-

1) Id., 599.
2) XXVIII, 1425.
3) XV, 653.
4) I, 3.
5) Срв. *Чуриковъ, Корнильевъ*, III, 34; *Пустошкинъ*, XI, 442; *Ситяминъ*, XV, 6
6) III, 42.

нымъ общеніемъ душъ между народомъ и Верховною властью (*Щепкинъ*) [1]. Мы не желаемъ быть ходатаями, говоритъ деп. И. И. *Петрункевичъ*, мы хотимъ быть законодателями [2]). Государственная Дума не должна вступать на путь молитвъ; она должна остаться на пути законодательства (*Родичевъ*) [3]).

Съ другой стороны, обращаясь непосредственно къ Монарху, Государственная Дума перенесла бы отвѣтственность за то, что совершается и за то, что совершится, съ лицъ, въ дѣйствительности отвѣтственныхъ, отвѣтственности которыхъ она требуетъ, на неотвѣтственное лицо Монарха (*Родичевъ*) [4]).

Неотвѣтственность Монарха, вытекающая изъ существа монархической формы правленія, съ особенной энергіей и настойчивостью подчеркивается въ Государственной Думѣ представителями конституціонно-демократической фракціи [5]); именно, отсюда она выводитъ необходимость политической отвѣтственности министровъ предъ Государственной Думой.

По силѣ основныхъ законовъ, Государственная Дума является однимъ изъ необходимыхъ элементовъ законодательной власти; ея другіе элементы—Государственный Совѣтъ и Монархъ. До тѣхъ поръ, пока существуетъ Государственный Совѣтъ, хотя бы даже въ его нынѣшнемъ, никуда негодномъ составѣ, законы не могутъ быть издаваемы иначе, какъ Монархомъ «въ единеніи» съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой. Только законопроектъ, принятый Думой и Совѣтомъ и санкціонированный Монархомъ, становится закономъ [6]).

Согласно ст. 8-й осн. зак., инниціатива пересмотра основныхъ законовъ принадлежитъ *исключительно* Монарху. Конституціонно-демократическая фракція отказывается отъ внесенія въ Государственную Думу какихъ бы то ни было законопроектовъ, касающихся пересмотра основныхъ законовъ. Отвѣтный адресъ на тронную рѣчь Государя ограничивается указаніемъ на необходимость такого пересмотра; Государственная Дума ожидаетъ его отъ инниціативы Монарха [7]).

---

[1]) III, 45.
[2]) III, 42.
[3]) XV, 648.
[4]) Ib.
[5]) Иногда даже это дѣлается съ нѣсколько излишней эмфатичностью. См., наприм., рѣчь деп. *Родичева* о „дерзости и презрѣнія къ царскому имени, которыя позорять уста, ихъ произнесшія“ XXVI, 1329.
[6]) *Набоковъ*, XV, 660; *Кокошкинъ*, XV, 675; *Ледницкій*, XV, 649.
[7]) Цитируя слова адреса: „Не можетъ быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единенія съ Монархомъ“,—проф. *Герье* (первая Государственная Дума, стр. 14) замѣчаетъ: „Подъ этимъ „эвфемизмомъ“ скрывалось притязаніе *на учредительную власть*, т.-е. затаенное желаніе превратить Думу въ учредительное собраніе“. Не знаемъ, чему, собственно, мы должны удивляться,—невѣжеству или недобросовѣстности ученаго автора приведенной цитаты. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, онъ не знаетъ, что *во всѣхъ* современныхъ конституціонныхъ монархіяхъ „нѣтъ такой области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единенія съ Монархомъ“?!..

Опредѣляя порядокъ обсужденія законовъ, стт. 55—57 учр. Госуд. Думы устанавливаютъ, независимо отъ обсужденія законопроекта по существу, еще особое предварительное его обсужденіе по вопросу о «желательности» закона вообще. При этомъ такое предварительное обсужденіе («нолевое» чтеніе, по выраженію гр. Гейдена) допустимо не ранѣе истеченія мѣсячнаго срока со дня сообщенія подлежащему министру копіи заявленія объ изданіи новаго, или отмѣнѣ или измѣненіи стараго закона.

Само собою понятно, что подобный порядокъ, обрекая Думу на ненужныя словопренія, вмѣстѣ съ тѣмъ отодвигаетъ на продолжительное время обсужденіе неотложныхъ законопроектовъ.

Несмотря на крайнюю свою неудовлетворительность, порядокъ этотъ, впредь до законодательнаго измѣненія соотвѣтственныхъ статей учрежденія, долженъ быть, по мнѣнію конституціонно-демократической фракціи, соблюдаемъ Государственной Думой.

23 мая фракція вноситъ законопроектъ объ измѣненіи упомянутыхъ статей учрежденія, обезпечивающій дѣйствительное осуществленіе законодательной инпціативы Государственной Думой [1]).

Одинъ изъ лидеровъ трудовой группы, *Аникинъ*, высказывается противъ предложенія конституціонно-демократической фракціи, считая измѣненіе стт. 55—57 учрежденія «мелочнымъ измѣненіемъ». «Я думаю, что не мелочами нужно заниматься, а нужно крупное дѣло дѣлать (*шумные аплодисменты*), нужно въ первую голову удалить министерство Горемыкина и замѣнить его министерствомъ изъ народа» [2]). «Мы должны вырабатывать законопроекты, но законопроекты существенные и вырабатывать ихъ мы должны не для министровъ, но для страны» (*Аникинъ*) [3]).

Возражая Аникину, конституціоналисты-демократы настаиваютъ на необходимости нормальной, законодательной работы. «Если вы (трудовики) призываете насъ къ составленію законопроектовъ, если вы участвуете въ ихъ разработкѣ, то когда мы предлагаемъ способы облегчить нашу же работу, не говорите, что это не дѣло» (*Винаверъ*) [4]). Мы осуществляемъ здѣсь нашу законодательную власть, делегированную намъ народомъ. Никакія отступленія отъ этого принципа не могутъ быть допустимы. Неужели мы опять сами хотимъ замѣнить послѣдовательную, правильную законодательную работу постановкою какихъ-то общихъ, ни для кого не обязательныхъ, никакого авторитета не имѣющихъ резолюцій? Если намъ говорятъ, что остальная работа непроизводительна, то, позвольте, неужели вы думаете, что можно резолюціями кого-нибудь испугать? (*Кокошкинъ*... *ляревскій*) [5]). Дума должна законодательствовать; она не можетъ устр...

---

1) XIII, 553.
2) XIV, 593.
3) XIV, 596.
4) XIV, 594.
5) XIV, 594.

вать забастовокъ по тому случаю, что министерство остается у власти (*Родичевъ*) [1]).

Какимъ образомъ можетъ и должна законодательствовать Государственная Дума? Конституціонно-демократическая фракція отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: въ рамкахъ того закона, которымъ опредѣляется порядокъ обсужденія законопроектовъ въ Государственной Думѣ.

Фракціей вносится законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Деп. *Набоковъ* отъ имени фракціи предлагаетъ обсудить законопроектъ на предметъ его передачи въ коммиссію.

Трудовики возражаютъ; они требуютъ немедленно принятія законопроекта, принятія его внѣзаконнымъ путемъ, безъ соблюденія условій, установленныхъ учрежденіемъ Думы [2]). Это требованіе отвергается конституціонно-демократической фракціей. «Поскольку мы желаемъ дѣйствовать, какъ законодательное учрежденіе, а не какъ собраніе, принимающее то или другое ни для кого не обязательное рѣшеніе, которое оно само провести практически не можетъ, мы должны держаться того пути, который установленъ. Мы можемъ сегодня постановить или рѣшить все, что угодно, но если мы это сдѣлаемъ, наше постановленіе не будетъ закономъ, выработаннымъ Государственной Думой; оно будетъ резолюціей Государственной Думы, которая исполненію ни съ чьей стороны не подлежитъ (*Набоковъ*) [3]).

Законопроектъ передается въ коммиссію, при этомъ Государственная Дума поручаетъ предсѣдателю назначить его слушаніе, по возможности, въ ближайшіе дни. Министры, военный, морской и юстиціи, увѣдомленные о рѣшеніи Думы предсѣдателемъ, настаиваютъ, въ виду «сложности» законопроекта, на соблюденіи установленнаго закономъ (ст. 56 учр. Госуд. Думы) мѣсячнаго срока.

«Трудовики»—на этотъ разъ страстно и настойчиво—требуютъ немедленнаго, *вопреки закону*, слушанія законопроекта. «Сила Думы—не въ согласованности съ тѣми или другими законными путами, которыя указаны для ея дѣятельности,—сила Думы заключается въ сочувствіи страны. Пора уйти съ пути митинговъ, пора законы издавать, а не только провозглашать резолюціи... Законъ объ отмѣнѣ смертной казни долженъ быть принятъ революціоннымъ путемъ (*Якубсонъ*) [4]).

Положеніе, дѣйствительно, невыносимое. Министры пользуются закономъ для обструкціи. Что дѣлать Думѣ? «Люди умираютъ, а мы будемъ парламентскія формы вырабатывать?!.. Неужели предъ человѣческой жизнью можно говорить о парламентской формѣ?!.. (*Сипягинъ*) [5]).

---

1) XIV, 601.

2) *Заболотный*, XI, 431; *Сѣдельниковъ*, ib., 432; изъ конституціоналистовъ-демократовъ въ томъ же смыслѣ *Ломшаковъ*, XI, 429.

3) XI, 430.

4) XV, 643 и сл. Срв. рѣчи *Аникина, Аладьина, Локотя, Недоноскова, Галецка* и др. (тамъ же).

5) XV, 643.

И тѣмъ не менѣе, конституціонно-демократическая фракція, въ лицѣ своихъ руководителей, твердо и непоколебимо стоитъ на необходимости соблюденія «конституціонныхъ формъ». Эти формы необходимы потому, что внѣ этихъ формъ *законодательная* дѣятельность невозможна. «Пока на насъ лежатъ тѣ легальные, законные путы, отъ которыхъ мы хотимъ отдѣлаться, пока наша законодательная дѣятельность поставлена въ извѣстныя рамки и требуется соблюденіе извѣстныхъ условій для того, чтобы наши постановленія могли пріобрѣсти силу законовъ, до тѣхъ поръ мы должны эти легальныя ограниченія соблюдать» (*Набоковъ*) [1]). Мы не должны утратить ту почву, на которой только мы имѣемъ силу. Если мы признаемъ—внѣзаконнымъ путемъ—предполагаемыя статьи за законъ, въ чемъ измѣнится дѣйствительное положеніе вещей? Вы убѣждены, что послѣ того, какъ мы примемъ законопроектъ единогласно—за исключеніемъ двухъ-трехъ голосовъ—вы убѣждены, что этотъ параграфъ станетъ закономъ, и смертныя казни прекратятся? Если вы убѣдите меня въ этомъ, я сейчасъ же голосую за это безъ преній (*Родичевъ*) [2]).

Предлагая принять законопроектъ внѣзаконнымъ путемъ, намъ предлагаютъ бумажную резолюцію, которая останется пустымъ звукомъ въ странѣ, которая ничѣмъ отъ митинговой резолюціи не отличается, какъ не отличается и отъ тѣхъ резолюцій, которыя нами раньше принимались (*Ледницкій*) [3]).

Резолюція не есть революція [4])—это часто забываютъ трудовики и объ этомъ упорно напоминаетъ имъ конституціонно-демократическая фракція.

На-ряду съ законодательною дѣятельностью и въ тѣсной съ нею связи, ближайшей задачею Думы конституціонно-демократическая фракція считаетъ «борьбу за власть»,—борьбу за парламентское министерство, за министерство, пользующееся довѣріемъ Думы.

Конституціонно-демократическая фракція не можетъ не понимать, что до тѣхъ поръ, пока власть остается въ рукахъ безотвѣтственной бюрократіи, воспитанной въ традиціяхъ стараго режима,—бюрократіи, относящейся съ нескрываемой враждою къ народному представительству, до тѣхъ поръ невозможна нормальная и плодотворная законодательная дѣятельность Думы. «Мы собрались сюда не только для того, чтобы писать законы объ устройствѣ земли русской, но и для того, чтобы доказать Монарху, что порядокъ будетъ только тогда, когда его министры будутъ дѣйствовать согласно съ волей страны и народа. Если мы не добьемся власти этимъ путемъ, то, безспорно, не только всѣ наши благія пожеланія, но и самое право запроса падетъ въ бездну» (*Винаверъ*) [5]); мы можемъ написать какіе угодно законы, но если мы не подчинимъ министровъ

---

1) XV, 642.
2) XV, 648.
3) XV, 649; срв. *Набоковъ*, ib., 660.
4) *Набоковъ*, ib.
5) IV, 156.

Думѣ, то мы ничего не сдѣлаемъ, и страна намъ этого не проститъ. Подчинить министровъ Думѣ—только въ этомъ наша задача, въ этомъ главная потребность страны (*кн. Шаховской*) [1]).

Въ историческіе моменты коренной и всеобщей ломки отжившихъ порядковъ отвѣтственное предъ Думой министерство, въ особенности, необходимо. Мы переживаемъ такой моментъ, когда только совокупная дѣятельность верховной власти и народныхъ представителей можетъ обновить Россію и повести по новымъ путямъ безъ новыхъ многочисленныхъ жертвъ. Если у насъ будетъ отвѣтственное предъ Думой министерство, то Россія будетъ поставлена на настоящія рельсы; если у насъ этого министерства не будетъ, то Россія должна будетъ двигаться по дорогѣ, покрытой канавами, кочками и рытвинами, по краю пропасти, въ которую такъ легко свалиться (*Карѣевъ*) [2]).

Само собою понятно, что требованіе министерства, отвѣтственнаго передъ Думой,—министерства, пользующагося довѣріемъ Думы, является вполнѣ и безусловно конституціоннымъ. Больше того: оно вытекаетъ съ логической необходимостью изъ самой сущности представительной формы правленія. Конституціонный механизмъ не можетъ функціонировать правильно, если между правительственной и законодательной властью существуетъ хроническій и непримиримый антагонизмъ. Министерство, не подчиненное народному представительству, возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда народное представительство подчиняется министерству. Такъ называемый, въ противоположность парламентаризму, конституціонализмъ (дуализмъ) является, по существу, не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же—разумѣется, своеобразнымъ—парламентаризмомъ; ибо и здѣсь министерство, свободно назначаемое монархомъ, располагаетъ «довѣріемъ» несамостоятельнаго и уступчиваго парламентскаго большинства. Если въ Германіи или въ Пруссіи возможенъ «дуализмъ», то только потому, что ни въ Германіи, ни въ Пруссіи парламентъ не бываетъ вполнѣ и безусловно оппозиціоннымъ правительству. Если народное представительство, при всякомъ своемъ составѣ, и до и послѣ роспуска систематически отказываетъ правительству въ «довѣріи»,—неизбѣжно одно изъ двухъ: либо правительственное coup d'état (упраздненіе народнаго представительства, измѣненіе «революціоннымъ путемъ» избирательнаго закона etc.), либо назначеніе новаго министерства, пользующагося довѣріемъ народнаго представительства. Tertium non datur.

Съ другой стороны, только при наличности отвѣтственнаго предъ Думой министерства безотвѣтственность монарха, основное начало конституціонно-монархическаго строя, является не искусственной фикціей, а безспорнымъ въ своей реальности фактомъ. Только при этомъ условіи особа монарха остается на той высотѣ, на которой ей надлежитъ находиться (*Федоровскій*) [3]). Только при этомъ условіи «монархъ не можетъ дѣлать

[1]) IV, 157.
[2]) IV, 156.
[3]) IV, 155.

зла», и парламентская оппозиція является «оппозиціей Его Величества, а не Его Величеству» (*Ковалевскій*) [1].

Изъ сказаннаго явствуетъ, что самое существованіе конституціонно-монархическаго строя обусловлено парламентарнымъ характеромъ министерства—довѣріемъ къ нему народнаго представительства. «Единеніе Монарха съ народнымъ представительствомъ», требуемое основными законами (ст. 7 осн. зак.), не можетъ быть достигнуто иначе, какъ путемъ парламентарнаго министерства. Отсутствіе такого единенія разрушаетъ въ конституціонномъ государствѣ законодательную власть.

Если, такимъ образомъ, парламентаризмъ является слѣдствіемъ, логически и практически необходимымъ, конституціонализма, то, очевидно, «борьба за власть» въ конституціонномъ государствѣ—другими словами, борьба за парламентарное министерство не можетъ и не должна вестись иначе, какъ конституціоннымъ путемъ. Послѣдовательнымъ и полнымъ использованіемъ своихъ конституціонныхъ прерогативъ—права запросовъ, права отклоненія законовъ, предлагаемыхъ правительствомъ, бюджетнаго права—оппозиціонная Государственная Дума не можетъ не добиться парламентарнаго министерства. Нарушеніе конституціи необходимо не Думѣ для того, чтобы получить парламентарное министерство; оно необходимо Верховной власти для того, чтобы, вопреки категорическимъ требованіямъ Думы, такого министерства не назначить.

Такъ именно смотритъ на вопросъ о парламентарномъ министерствѣ конституціонно-демократическая фракція въ Государственной Думѣ; въ борьбѣ за парламентарное министерство она не сходитъ съ конституціоннаго пути.

Такъ, прежде всего, самымъ рѣшительнымъ образомъ она отвергаетъ безусловно анти-конституціонную тактику «активнаго бойкота министерства», систематически примѣняемую трудовою группой.

При обсужденіи запроса по поводу избіенія полиціей деп. Сѣдельникова деп. Аладьинъ обращается къ министрамъ съ угрожающей рѣчью: «Если еще разъ дотронутся хотя бы до одного депутата въ условіяхъ, въ которыхъ былъ избитъ Сѣдельниковъ, то мы заявляемъ, что ни одинъ министръ съ этой трибуны никогда не произнесетъ ни одного слова... Пусть (тогда) ни одинъ изъ министровъ не является сюда! Мы слагаемъ съ себя отвѣтственность за ихъ неприкосновенность! [2]).

Противъ угрозъ деп. Аладьина, вслѣдъ за *гр. Гейденомъ*, самымъ рѣшительнымъ образомъ возражаютъ депутаты *Черносвитовъ* и *Набоковъ*.— «Я считаю,—говоритъ деп. *Набоковъ*, что разъ мы вступимъ на путь личныхъ репрессалій, мы сходимъ тѣмъ самымъ съ пути законодательнаго представительнаго дѣйствованія... Если мы встрѣчаемся съ какими-либо незаконными или насильственными поступками со стороны другихъ, то э

[1]) IV, 159.

[2]) XXXI, 1588.

не должно быть причиной, чтобы мы тоже стали дѣйствовать насильственно и незаконно. Поэтому, если бы я былъ избитъ или даже убитъ, то я покорнѣйше прошу депутата Аладьина и его товарищей допускать на эту каѳедру и г. министра внутреннихъ дѣлъ, и его товарищей по кабинету» [1]).

Не довѣряя министерству, конституціонно-демократическая фракція *признаетъ* его, пока оно у власти, министерствомъ; въ борьбѣ съ нимъ оно пользуется конституціонными средствами,—тѣми средствами, какими парламенты всѣхъ странъ добивались парламентарнаго министерства. Конечно, Государственная Дума, уже вслѣдствіе кратковременности своего существованія, не имѣла возможности воспользоваться этими средствами въ ихъ полномъ объемѣ; осуществленіемъ своего законодательнаго и бюджетнаго права она не могла еще обнаружить не только теоретической, но и практической несовмѣстимости бюрократическаго министерства съ оппозиціоннымъ ему народнымъ представительствомъ. И если первая Государственная Дума не сумѣла добиться отвѣтственнаго предъ ней министерства, то это объясняется именно тѣмъ, что для правильной конституціонной осады у нея нехватило времени, а на стремительный революціонный штурмъ у нея нехватало силъ. «Борьба за парламентаризмъ» отчетливо и рѣзко отграничиваетъ конституціонно-демократическую фракцію отъ праваго крыла Государственной Думы. *М. А. Стаховичъ*—противъ политической отвѣтственности министровъ предъ Думой [2]). Требующій такой отвѣтственности переходъ къ очереднымъ дѣламъ, принятый Думою по обсужденіи деклараціи Горемыкина, отвергается г. Стаховичемъ и его немногочисленными единомышленниками. Они предпочитаютъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ, не сочувствующій объясненію совѣта, но не касающійся «служебной карьеры» кабинета [3]). Они считаютъ себя реальными политиками, и тѣмъ не менѣе находятъ возможной законодательную дѣятельность Думы при наличности бюрократическаго министерства, безусловно и непримиримо враждебнаго Думѣ.

Между ними и конституціонно-демократической фракціей—непроходимая пропасть [4]).

---

[1]) XXXI, 1576.—Трудовикъ Локоть—противникъ обструкціи, какъ тактической системы; это, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ ему поведеніе ка-детовъ находить „нелѣпымъ" (Первая Дума., стр. 266 и сл.).

[2]) IV, 155.

[3]) VIII, 354.

[4]) Въ вопросѣ о политической отвѣтственности министровъ гр. *Гейденъ* расходится съ г. *Стаховичемъ*. Гр. Гейденъ „глубоко убѣжденъ въ томъ, что министерство Горемыкина должно уступить мѣсто другому, пользующемуся довѣріемъ Думы" (XVIII, 350). Намъ совершенно понятенъ переходъ гр. Гейдена отъ „октябристовъ" въ партію мирнаго обновленія; но мы отказываемся понять, какимъ образомъ въ этой партіи очутился М. А. Стаховичъ?!

IV.

Борьба между конституціонно-демократической фракціей, съ одной стороны, и лѣвыми партіями—съ другой, въ Государственной Думѣ велась преимущественно на почвѣ коренного расхожденія ихъ парламентской тактики. Обращаясь къ деп. *Гредескулу*, деп. *Рамишвили* восклицаетъ: «У насъ общая цѣль, революціонная цѣль—уничтоженіе ненавистнаго режима, но средства къ одной цѣли могутъ быть разныя, и тѣ мирныя средства, которыя рекомендуетъ г. Гредескулъ, по моему мнѣнію, совсѣмъ не годятся» [1].

По мнѣнію деп. Рамишвили, въ Государственной Думѣ «годятся» одни только революціонныя средства...

Такъ ли это? Возможно ли въ настоящее время, въ свѣтѣ пережитыхъ событій, отвѣтить—по возможности спокойно и объективно—на вопросъ: чья тактика въ Государственной Думѣ—конституціонно-демократической фракціи или лѣвыхъ партій—наиболѣе соотвѣтствовала реальнымъ условіямъ даннаго историческаго момента; другими словами, чья тактика въ данныхъ условіяхъ являлась наиболѣе цѣлесообразной?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, констатируемъ слѣдующій—совершенно безспорный и несомнѣнный—фактъ: вся тактика лѣваго думскаго крыла покоилась на одномъ предположеніи—на твердой и непоколебимой увѣренности думской оппозиціи въ невозможности насильственнаго роспуска Думы въ виду организованной поддержки ея народомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, прочитывая стенографическіе отчеты думскихъ засѣданій, невольно удивляешься безграничной,—я сказалъ бы, религіозной—вѣрѣ депутатовъ въ неприкосновенность Думы, въ организованную ея поддержку народомъ. Этой вѣрѣ не чужды ка-деты; она безраздѣльно царитъ въ рядахъ лѣвой революціонной оппозиціи Думы.

Трудовики безусловно увѣрены въ томъ, что страна—вся страна—какъ одинъ человѣкъ, станетъ на защиту постановленій Государственной Думы (*Михайличенко*) [2]. Революція сдерживается Думой; въ тотъ моментъ, когда кто бы то ни было осмѣлится въ той или иной формѣ—въ формѣ ли разгона, или закрытія дверей—уничтожить Думу, силы революціи вырвутся изъ-подъ ея контроля (*Аладьинъ*) [3]. Пусть уйдутъ министры, иначе ихъ постигнетъ участь офицеровъ на «Князѣ Потемкинѣ Таврическомъ» (*Бабенко*) [4]. Если министерство не уйдетъ, народъ выброситъ его изъ этой залы (Аладьинъ) [5]. Къ голосу Думы присоединится грозная и мощная сила народа, и тогда сметены будутъ исполнители писанаго и р пи-

---

[1] XXV, 1239.
[2] XIX, 913.
[3] VIII, 331 и сл.
[4] XIX, 912.
[5] XXIV, 1164.

-саннаго закона (*Бондаревъ*) [1]. Если не мы, то народъ справится съ министрами (*Недоносковъ*) [2]. Мѣра народнаго терпѣнія исполнилась; народный гнѣвъ уже виситъ надъ головами министровъ (*Аникинъ*) [3]. Мы сдерживаемъ революцію; намъ достаточно заявить, что мы ничего не можемъ сдѣлать,—и отъ васъ не останется ничего (*Аладьинъ*) [4]. Народъ возстанетъ, если распустятъ Думу (*Родичевъ*) [5]. Почти наканунѣ роспуска Думы, 30 іюня, *Аладьинъ* говоритъ: «Министры великолѣпно знаютъ, что они не удержатся на мѣстахъ. Они не менѣе великолѣпно знаютъ, что сидѣть на этихъ мѣстахъ имъ придется не мѣсяцы, не недѣли, а только дни... Ихъ судьба рѣшена; они отсюда уйдутъ и уйдутъ черезъ нѣсколько дней [6].

Надо ли доказывать, что и соціалъ-демократы всю свою думскую тактику строили на томъ же предположеніи о неприкосновенности Государственной Думы? Только неприкосновенная Дума можетъ быть революціонной трибуной; только революціонный народъ, тѣснымъ кольцомъ окружающій Думу, можетъ оградить и защитить эту трибуну отъ стремительнаго напора враждебныхъ силъ. «За нами,—восклицаетъ *Рамишвили*,—стоитъ народъ... Дума не должна колебаться; народъ болѣе настойчивъ, чѣмъ мы здѣсь. Слѣдуетъ прислушаться къ его настроенію и дѣйствовать въ его интересахъ [7].

Дума распущена. Мы знаемъ, мы испытали на себѣ и видѣли на окружающихъ то потрясающее, ошеломляющее впечатлѣніе, какое произведено было на страну извѣстіемъ о роспускѣ Государственной Думы. И тѣмъ не менѣе фактъ налицо: той поддержки, организованной и активной поддержки, которой ожидала и требовала Дума отъ народа, народъ оказать ей не могъ, — хотѣлъ оказать, но не могъ. И не могъ потому, что той организованности общественныхъ силъ, какая предполагалась Думой, въ дѣйствительности не существуетъ.

До тѣхъ поръ, пока народъ остается «людскою пылью», — возможны стихійныя народныя движенія, но организованное народное движеніе невозможно. Сорвется вѣтеръ и погонитъ предъ собою крутящійся и раскаленный песчаный столбъ; улегся вѣтеръ, — умираетъ пустыня, и опять, куда ни взглянешь—пески, пески и пески...

Но въ такомъ случаѣ не является ли тактика «революціонеровъ» въ Государственной Думѣ фантастической тактикой отъ начала и до конца? Превращеніе Государственной Думы въ полновластное законодательное со-

---

[1] XXIV, 1170.
[2] XXVI, 1280.
[3] XXVII, 1348.
[4] XXXI, 1568.
[5] XXXIII, 1723.
[6] XXXVI, 1889.
[7] XXIV, 1160.

браніе и точно также въ революціонную трибуну не могло не оказаться невозможнымъ.

Реальныя условія дѣйствительности категорически ставили Государственной Думѣ иную задачу; они толкали ее — повелительно и властно — на путь иной тактики.

Основною задачей Государственной Думы мы считали и считаемъ организацію общественныхъ силъ, созданіе изъ того механическаго аггрегата, который мы называемъ народомъ, того органическаго цѣлаго, которое одно только и можетъ, и должно называться народомъ.

Объ организаціи «народныхъ массъ» — разумѣется, не о той организаціи, о которой говоримъ мы,— не мало говорилось и лѣвыми ораторами Думы; къ несчастью, единственнымъ средствомъ, ведущимъ къ такой организаціи, они признавали наименѣе дѣйствительное средство — *революціонную фразу*.

Для того чтобы понять «революціонную тактику» лѣвыхъ въ Государственной Думѣ, необходимо имѣть прежде всего въ виду глубокую и несокрушимую ихъ вѣру въ организующую силу революціонной фразы. Эта вѣра красною нитью проходитъ чрезъ всѣ ихъ рѣчи въ Государственной Думѣ.

Трудовики и соціалъ-демократы призываютъ Думу *къ дѣлу*. «Когда же мы перестанемъ только возмущаться тѣмъ, что происходитъ?.. Когда мы отъ дерзкихъ словъ перейдемъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ?.. Когда же мы будемъ считаться съ возбужденными стихіями народнаго гнѣва, народныхъ требованій?» (*Недоносковъ*) [1]). «Не мелочами нужно заниматься,— восклицаетъ *Аникинъ*,— а нужно крупное дѣло дѣлать»; и Дума отвѣчаетъ ему шумными аплодисментами [2]).

Въ чемъ заключается, однако, это «крупное дѣло?» Что именно, взамѣнъ законодательной работы, предлагаютъ лѣвые Государственной Думѣ?

Они предлагаютъ *резолюціи*, революціонныя резолюціи, и больше ничего; резолюцію объ аграрныхъ «думахъ», резолюцію по продовольственному дѣлу, резолюцію объ отмѣнѣ смертной казни, резолюцію-манифестъ, обращенный къ народу.

Возставая противъ тактики лѣвыхъ въ Государственной Думѣ, конституціонно-демократическая фракція возстаетъ противъ тактики словъ, а не противъ тактики дѣла. Она не вѣритъ въ магическую силу революціонныхъ фразъ. Если вы стоите предъ гранитной скалой, сколько бы вы ни повторяли «Сезамъ, отворись», скала не раскроетъ вамъ своей наполненной сокровищами пещеры. Нуженъ трудъ, долгій и упорный трудъ для того, чтобы въ гранитной толщѣ пробить къ этой пещерѣ узкій подземный путь.

Бываютъ моменты, когда слово, брошенное съ высоты, подобно искрѣ,

1) XIX, 397.
2) XIV, 593.

зажигающей пожаръ. Когда войска выстроены въ боевой порядокъ, нужна команда—короткое «впередъ» для того, чтобы двинуть ихъ на врага. Но когда войска на зимнихъ квартирахъ, надо, прежде всего, ихъ собрать. *Собираніе силъ* — такова задача историческаго момента, переживаемаго Россіей.

И когда конституціонно-демократическая фракція настаиваетъ въ Думѣ на необходимости конституціонной, а не революціонной тактики, она отнюдь не выбираетъ изъ двухъ возможныхъ и цѣлесообразныхъ тактикъ одну, ей угодную: она указываетъ Думѣ *единственно*-возможную, *единственно*-цѣлесообразную тактику.

Настаивая на необходимости парламентской борьбы съ бюрократическимъ правительствомъ, она знаетъ, что эта борьба, быть можетъ, не сразу, но неизбѣжно, приведетъ къ торжеству парламентаризма. Настаивая на необходимости законодательной дѣятельности Думы, она знаетъ, что самые скромные законы о неприкосновенности личности, о свободѣ союзовъ и собраній, о демократизаціи земства сослужатъ великому дѣлу организаціи общественныхъ силъ гораздо лучшую службу, чѣмъ самыя грозныя революціонныя тирады гг. Джапаридзе и Рамишвили.

И когда, возставая противъ тактики конституціонно-демократической партіи, представители лѣвыхъ группъ ссылаются на безсиліе Думы, мы отказываемся ихъ понять: неужели, безсильная законодательствовать, Государственная Дума достаточно сильна для того, чтобы поднять революціонное движеніе въ странѣ? Неужели Государственная Дума, безсильная какъ законодательное учрежденіе, возможна какъ революціонная трибуна?

Опираясь на историческій опытъ государствъ, опередившихъ насъ на пути политическаго развитія, мы утверждаемъ, что конституціонныя учрежденія, при всемъ своемъ несовершенствѣ, въ самихъ себѣ носятъ зародышъ дальнѣйшаго совершенствованія; что самое существованіе ихъ является залогомъ политическаго прогресса. Именно потому мы стараемся оберечь эти учрежденія отъ тяжелыхъ ударовъ политической реакціи, являющейся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неизбѣжной — въ настоящихъ условіяхъ—неудачи революціонныхъ движеній.

Пусть наша конституція — пока еще «бумажная конституція». Это не есть возраженіе противъ конституціоннаго характера тактики Государственной Думы. Еще не такъ давно Н. Е. Кудринъ, одинъ изъ видныхъ представителей лѣваго теченія русской соціалистической мысли, писалъ:

«Допустимъ, что часто и въ сильной степени конституціонныя формулы—лишь «слова, слова, слова», выражающія въ самомъ лучшемъ случаѣ мимолетное отношеніе фактическихъ силъ и интересовъ, борющихся за господство въ обществѣ. Но человѣческія слова—именно потому, что они слова—обладаютъ способностью дальнѣйшаго развитія уже въ силу своей внутренной логики, независимо отъ фактической почвы, на которой они первоначально возникли. Какъ идейныя элементы реальныхъ отношеній, они живутъ своеобразною, отчасти самостоятельною жизнью и стре-

мятся тѣсно срастись и вылиться въ новую, болѣе послѣдовательную и цѣльную формулу... Можно ли отрицать историческую важность этой наполовину самостоятельной эволюціи «словъ» и формулъ государственнаго права, которыя, такъ сказать, возвратнымъ ударомъ дѣйствуютъ уже на взаимныя отношенія реальныхъ силъ, борющихся въ обществѣ?» [1])

Въ Государственной Думѣ, въ борьбѣ «словъ» со «словами», конституціонно-демократическая фракція была и будетъ на сторонѣ тѣхъ «словъ», которыя могутъ стать «дѣломъ», и противъ тѣхъ «словъ», которымъ—увы!—суждено остаться словами.

За истекшій годъ русскому обществу пришлось пережить рядъ мучительныхъ испытаній. Неужели уроки суровой дѣйствительности прошли для него даромъ? Неужели оно не сумѣло ничему научиться и ничего забыть?

Наканунѣ созыва второй Государственной Думы необходимо оглянуться на пройденный путь, учесть всѣ сдѣланныя ошибки и направить всѣ усилія къ тому, чтобы избѣжать ихъ въ будущемъ.

Что касается насъ, мы убѣждены въ одномъ: если революціонная тактика лѣвыхъ въ первой Государственной Думѣ была роковою ошибкой, то такая же тактика во второй Думѣ будетъ тяжелымъ преступленіемъ.

В. Гессенъ.

---

[1]) Сборникъ „Политическій строй совр. государствъ", т. I, ст. *Н. Е. Ку*[illegible] „Государственный строй Франціи", стр. 404.

Общественное движеніе въ Россіи.

(Замѣтки публициста.)

Марксизмъ и политическій реализмъ.—Образованіе реакціонно-дворянской партіи и ея первые шаги.—Роль совѣта объединеннаго дворянства.—Характеръ городскихъ выборовъ въ Государственную Думу.—Кадеты, большевики, меньшевики и лѣвый блокъ.—Уничтоженіе законодательнаго значенія общей сходки въ Московскомъ университетѣ.

Теоретическій марксизмъ 90-хъ годовъ, породившій русскую соціалъ-демократію, большая часть которой теперь растеряла всѣ свои марксистскія основы, училъ русское образованное общество политическому реализму, давалъ ему въ руки нить, помогающую выбраться изъ лабиринта соціальныхъ столкновеній. Въ морѣ изъ десятковъ милліоновъ человѣческихъ головъ немудрено заблудиться. Издали онѣ всѣ похожи другъ на друга, и, чтобы хоть сколько-нибудь оріентироваться среди этого подавляющаго однообразія, человѣкъ неизбѣжно прибѣгаетъ или къ произвольнымъ метафизическимъ сущностямъ, «народному духу», «расовому характеру» и проч., или къ противопоставленію единицъ массамъ, идущимъ за ними, т.-е. къ той или иной перефразировкѣ «героевъ» и «толпы». Въ эту смутную область, составляющую однако фундаментъ всякаго соціальнаго знанія, марксизмъ бросилъ яркій лучъ свѣта. Онъ указалъ реальныя основы раздѣленія на группы человѣческихъ массъ, объясняющаго въ значительной мѣрѣ ходъ человѣческой исторіи. Процессъ производства тѣхъ благъ, которыя потребляются людьми, расчленяетъ этихъ людей на соціальныя группы, взаимоотношенія между которыми и составляютъ матеріалъ исторіи. Съ этой точки зрѣнія первые марксисты и оцѣнивали ходъ событій какъ за границей, такъ и у себя на родинѣ. Въ ихъ глазахъ «производственныя отношенія» дѣйствительно являлись «базисомъ», и шумныя столкновенія разномыслящихъ интеллигентскихъ кружковъ никогда не могли измѣнить глубокихъ процессовъ, происходящихъ отъ соприкосновенія громадныхъ реальныхъ общественныхъ силъ. Въ наше время «большевики», называющіе себя и соціалъ-демократами и марксистами, измѣнили все это. Б[illegible]шія традиціи интеллигентовъ-революціонеровъ и склонность къ дема

гогіи, ослѣпляющей своей яркой, хотя и скоропреходящей популярностью среди шумныхъ массъ молодежи и городского рабочаго люда, очень скоро вытравили у большевиковъ все, что въ нихъ было «марксистскаго». Остались знакомыя намъ издавна, смѣлыя, безшабашныя, забубенныя головушки русскихъ якобинцевъ и бланкистовъ, широкія натуры, беззавѣтно жертвующія собой, но... «плохіе музыканты». Жизнь стапятидесятимилліоннаго народа съ необыкновеннымъ легкомысліемъ низведена на уровень грошовой революціонной брошюрки. Иногда и взрослые люди безъ улыбки и какъ будто серьезно склонны, напримѣръ, интеллигентскій кружокъ соціалистовъ-революціонеровъ выдавать за «революціонное крестьянство», а Хрусталева, Бронштейна, Парвуса и др. именовать объединившимся «россійскимъ пролетаріатомъ».

Марксисты 90-хъ годовъ знали, что грядущая русская революція будетъ революціей буржуазной. Они прекрасно доказывали, что ея задачей будетъ установленіе буржуазной конституціи со всѣми свободами, которая дала бы возможность классовымъ противорѣчіямъ развиваться нормально въ рамкахъ закономѣрнаго строя. Марксисты знали, что русская революція призвана покончить съ чиновничьимъ самодержавіемъ и съ тѣми остатками дворянскаго феодализма, которые уцѣлѣли какъ отъ реформы 1861 г., такъ и отъ всепоглощающихъ чиновничьихъ объятій. Теперь большевики въ разгаръ борьбы за достиженіе той самой «буржуазной конституціи», изъ-за которой такъ много было переломано копій съ народниками, совершенно забыли обо всемъ, что тогда говорилось. Теперь ими объявлена борьба единственной партіи, которая въ Россіи, и по своему вліянію и по своимъ умственнымъ силамъ, способна установить конституціонный строй, и, чтобы хоть сколько-нибудь теоретически обосновать свою «тактику», большевики заставляютъ Маркса доказывать, будто «буржуазная конституція» можетъ быть завоевана только «мелкой буржуазіей», подъ которой они разумѣютъ крестьянство. Это, конечно, нелѣпость; если уже говорить о взглядахъ Маркса по данному вопросу, то общеизвѣстно, что въ «крестьянствѣ» онъ видѣлъ опору не конституціи, а цезаризма.

Въ настоящей избирательной кампаніи большевики открыли, какъ извѣстно, «кадетскую опасность» и сумѣли увлечь на борьбу съ ней почти всѣ такъ называемые «лѣвые элементы», стоящіе «лѣвѣе кадетъ». Только меньшевики—соціалъ-демократы, не вполнѣ отрѣшившіеся отъ политическаго реализма, устояли передъ соблазнами большевистской демагогіи, хотя и не нашли въ себѣ силы активно выступить противъ нея. Воюя съ «кадетской опасностью», большевики и увлеченные ими лѣвые совершенно упустили другую, уже настоящую опасность, феодально-дворянскую. А между тѣмъ она уже и теперь приняла довольно значительные размѣры; въ скоромъ же времени несомнѣнно составитъ лейтъ-мотивъ нашей политической жизни... Разоблаченія молодой московской газеты «Нови» о роли «совѣта объединеннаго дворянства» въ событіяхъ, предшествовавшихъ роспуску первой Думы, слегка приподняли завѣсу.

Черносотенныхъ и реакціонныхъ организацій въ послѣднее время возникаетъ у насъ очень много, но и лопается ихъ тоже много. Пока есть деньги и присланные руководители, организація дѣйствуетъ. Деньги израсходованы, руководители переѣхали въ другое мѣсто или перессорились, организація лопается, образуется вмѣсто нея другая или происходитъ слiянiе съ какой-либо сосѣдней и т. д. Очевидно, происходитъ подборъ, переживанiе наиболѣе приспособленныхъ. Среди этихъ многочисленныхъ реакціонныхъ организацій можно подмѣтить три типа: чисто черносотенный—демагогическій, наиболѣе яркимъ представителемъ котораго является «Союзъ русскаго народа», чисто сословный — дворянскій и, наконецъ, землевладѣльческій. Послѣдній типъ организацій разсчитанъ, очевидно, на привлеченіе къ реакціонной партіи землевладѣльцевъ не дворянъ, запуганныхъ предстоящею земельною реформой. На самомъ же дѣлѣ этотъ замыселъ не удался, и когда въ прошломъ году одновременно засѣдали «Союзъ землевладѣльцевъ» и «Съѣздъ уполномоченныхъ объединенныхъ дворянскихъ обществъ», то репортеры съ удивленіемъ отмѣтили, что члены съѣзда дворянскихъ уполномоченныхъ, перейдя въ другую залу, объявили себя «Союзомъ землевладѣльцевъ». Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Попытка организаціи реакціонной партіи подъ флагомъ безсословности дворянамъ не удалась. Испуганные землевладѣльцы не-дворяне, по большей части купцы или нѣмцы, нашли себѣ пріютъ въ «Союзѣ 17 октября» и надѣются провезти свой грузъ подъ этимъ флагомъ. У дворянъ осталась только ихъ сословная организація и черносотенные союзы. Послѣдніе употребляются, такъ сказать, для черной работы. Устройство погромовъ, избіеній интеллигенціи, устраненіе М. Я. Герценштейна, въ которомъ видѣли силу, способную осуществить земельную реформу, манифестаціи и агитація среди «простого народа» — вотъ та сфера, которая отведена черносотеннымъ союзамъ. Нельзя сказать, чтобы ихъ дѣятельность была совершенно безплодной. Черносотенныя организаціи не совсѣмъ даромъ получаютъ деньги. Онѣ устраиваютъ погромы, залили всю Россію погромной литературой, производятъ не малую смуту въ умахъ темнаго люда. Но въ общемъ онѣ не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ и на крестьянскихъ выборахъ провалились, хотя и обѣщали завоевать деревню. Конечно, пропойцы въ родѣ Тополева, Постныхъ и другихъ рыцарей «Союза русскаго народа» не Богъ вѣсть какіе агитаторы, и смѣшно думать, что русскій крестьянинъ будетъ вѣрить словамъ перваго встрѣчнаго пьянаго бродяги. Но, думается намъ, въ провалѣ «Союза русскаго народа» виноватъ не только дурной составъ агитаторовъ. Сочиняемая изувѣрами-монахами лживая литература безспорно можетъ отравить сознаніе полуграмотныхъ крестьянъ. Кое-гдѣ эта литература и производитъ такой эффектъ. Но и литература черносотенниковъ и ихъ агитація страдаютъ однимъ кореннымъ, неустранимымъ порокомъ, который обезсиливаетъ ихъ. Имъ поставлена задача, выходящая вообще за предѣлы человѣческаго разумѣнія: обращаясь къ крестьянамъ, защищать дворянское землевладѣніе. Черносотенцы все обѣщаютъ народу: и

уничтоженіе жидовъ, и военную славу, и покореніе подъ нози всѣхъ государствъ. Одного только они не могутъ обѣщать: земли. Это и обезсиливаетъ ихъ агитацію. Если бы въ черносотенныхъ прокламаціяхъ появилось обѣщаніе о передачѣ народу всей земли, онѣ бы въ глазахъ малосознательныхъ элементовъ крестьянской массы ничѣмъ не отличались отъ соціалъ-революціонныхъ. Объ это препятствіе разбились пока черносотенныя усилія. Передъ этимъ порогомъ черносотенцы остановились. Недавно въ «Товарищѣ» бывшій депутатъ Жилкинъ опубликовалъ письмо своего товарища по трудовой группѣ Зубченка, сообщавшаго очень любопытные факты изъ дѣятельности черносотенцевъ. Зубченко писалъ, что черносотенная литература не такъ вредна, какъ устная пропаганда. Въ своихъ воззваніяхъ черносотенцы о землѣ молчатъ, а устно разсказываютъ крестьянамъ, что земля отъ помѣщиковъ была бы теперь отобрана и отдана имъ даромъ, но Государственная Дума и, главное, трудовики взяли взятку и продали интересы крестьянъ. Это сообщеніе вполнѣ правдоподобно, но только надо думать, что такой типъ новой агитаціи не получилъ еще очень широкаго распространенія. Когда дворяне узнаютъ о такихъ услугахъ, оказываемыхъ имъ ихъ наймитами, они, конечно, придутъ въ ужасъ и постараются запрятать въ мѣшокъ злыхъ духовъ, которыхъ сами выпустили. Только не будетъ ли поздно? Уже не впервые провокація приводила къ аналогичнымъ результатамъ. Зубатовъ, Шаевичъ и Гапонъ по тому же способу обрабатывали рабочихъ, и результаты, насколько извѣстно, получились не особенно благопріятные. Едва ли есть основаніе думать, что крестьянская зубатовщина дастъ что либо лучшее.

Въ общей системѣ реакціонной организаціи чисто черносотенные демагогическіе союзы занимаютъ только второстепенное мѣсто. Вожаки понимаютъ, что это средство рискованное и обоюдоострое, и знаютъ, что въ настоящее время можно добиться большаго, направляя свои удары на верхи, а не на низы. Черносотенныя организаціи представляютъ только подсобное орудіе для воздѣйствія на верхніе правящіе слои, въ рукахъ которыхъ все еще сосредоточена сила власти. Непосредственно это воздѣйствіе осуществляется при помощи болѣе тонкихъ орудій, чѣмъ грубоватый «Союзъ русскаго народа». Какъ выяснила «Новь», главная пружина—это «Совѣтъ всероссійскаго съѣзда уполномоченныхъ дворянскихъ обществъ». Главные дѣятели и въ «Союзѣ русскаго народа», и во всероссійскомъ дворянскомъ съѣздѣ, и въ союзѣ землевладѣльцевъ—одни и тѣ же. Гр. Бобринскій, Булацель, Пуришкевичъ, Павловъ, графъ Апраксинъ, Зыбинъ и др.—вы встрѣтите ихъ всѣхъ и въ первомъ, и во второмъ, и въ третьемъ. Но ихъ манеры, ихъ способъ рѣчи и способъ дѣйствій различны, смотря по тому, въ какой одеждѣ они выступаютъ. Въ «Союзѣ русскаго народа» они ругаются, какъ извозчики, зовутъ къ погромамъ, угрожаютъ убійствами. Въ совѣтѣ объединеннаго дворянства—это благовоспитанные джентльмены, объясняющіеся по-французски, умѣющіе не-

обыкновенно деликатно, при помощи тончайшихъ намековъ, говорить о самыхъ щекотливыхъ вещахъ.

Хвостикъ этого «совѣта» удалось вытянуть благодаря нескромности одного изъ его видныхъ дѣятелей г. Зыбина, не удержавшагося отъ того, чтобы на нижегородскомъ дворянскомъ собранiи не похвастать своими подвигами. Теперь дворянскiя собранiя по всей Россiи обсуждаютъ вопросъ о присоединенiи къ этимъ съѣздамъ и объ ассигнованiи ихъ «совѣту» многотысячныхъ субсидiй. Закладываются основы дѣйствительно всероссiйской дворянской организацiи, которая, опираясь на армiю и на обманутую чернь, желѣзнымъ кольцомъ сожметъ всю Россiю и отобьетъ у мужика охоту даже мечтать о землѣ. Обсуждался этотъ вопросъ и въ нижегородскомъ собранiи, и тамъ г. Зыбинъ, «завѣдующiй дѣлами совѣта объединенныхъ дворянскихъ обществъ», доказывая пользу совѣта, заявилъ, что «всѣ важнѣйшiе акты правительственной политики за послѣднее время—роспускъ Думы, отказъ отъ приглашенiя въ кабинетъ общественныхъ дѣятелей, введенiе военно-полевыхъ судовъ—состоялись по инициативѣ дворянскаго совѣта и что всѣ указанiя этого совѣта принимались г. Столыпинымъ къ точному исполненiю». Заявленiя г. Зыбина, воспроизведенныя «Новью», произвели сенсацiю. Съ политики г. Столыпина сдернуто было то покрывало, которое заслоняло ея сущность, правда, только отъ людей совсѣмъ непроницательныхъ. Большинство и до разоблаченiй г. Зыбина знало, что г. Столыпинъ—простой исполнитель приказанiй дворянства. «Новь» доставила только документальныя доказательства.

Правительственный муравейникъ переполошился. Столыпинская газета «Россiя» со свойственною ей развязной наглостью заявила, что «ни въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ни при министерствѣ, ни за министерствомъ, ни надъ министерствомъ нѣтъ и не было совѣта объединеннаго дворянства». Восемнадцать губернскихъ предводителей дворянства подвергли инцидентъ обсужденiю во время своей «бесѣды» въ Москвѣ и нашли необходимымъ, чтобы «совѣтъ» напечаталъ опроверженiе. О господахъ предводителяхъ и ихъ любопытномъ отношенiи къ «совѣту» мы говоримъ дальше. Натискъ предводителей имѣлъ успѣхъ, и несчастный г. Зыбинъ выступилъ въ Петербургѣ съ потребованнымъ у него опроверженiемъ въ тотъ самый день, когда въ Москвѣ «Новь» опубликовала отчетъ о совѣщанiи предводителей, на которомъ рѣшено было настоять на помѣщенiи опроверженiя. Всякiй эффектъ отъ опроверженiя, который и такъ не былъ великъ, окончательно пропалъ. Вдобавокъ «Новь» опубликовала и извлеченiя изъ доклада «совѣта объединенныхъ обществъ». Опубликованный документъ подтвердилъ заявленiя г. Зыбина, и отнынѣ роль совѣта объединеннаго дворянства можетъ считаться твердо установленной. Ему обязана Россiя незаконнымъ роспускомъ первой Государственной Думы и всѣми послѣдовавшими затѣмъ ужасами семимѣсячнаго междумскаго режима.

16 iюня 1906 г., т.-е. за три недѣли до разгона, совѣтъ объединен-

наго дворянства представлялся П. А. Столыпину (замѣтьте, не г. Горемыкину, который тогда былъ премьеромъ, но фактически устранился отъ дѣлъ и готовился къ отставкѣ) и сдѣлалъ ему слѣдующее заявленіе: «Совѣтъ единодушно высказалъ,—говоритъ докладъ,—что выходъ кабинета въ отставку въ такой моментъ означалъ бы полное ослабленіе власти въ странѣ и могъ бы гибельно отразиться на ея будущемъ; никакихъ уступокъ Думѣ, дѣйствующей незакономѣрно, не можетъ быть сдѣлано, и скорѣе слѣдуетъ предпочесть смѣлый шагъ роспуска Думы, не откладывая его до той минуты, когда съ каждымъ днемъ все болѣе революціонизированная страна можетъ этого и не допустить». Эти слова совѣта, замѣчаетъ докладъ, были переданы «министромъ Государю Императору». Въ немногихъ словахъ докладъ совѣта разоблачаетъ всю интригу, поведшую къ роспуску Думы. Столь важное предложеніе было доложено не предсѣдателемъ совѣта министровъ И. Л. Горемыкинымъ, а простымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Совѣтъ объединеннаго дворянства работалъ при содѣйствіи П. А. Столыпина черезъ голову И. Л. Горемыкина.

Роспускъ Думы состоялся. Немедленно послѣ него г. Столыпинъ, назначенный премьеромъ, завелъ переговоры съ общественными дѣятелями, Н. Н. Львовымъ, Д. Н. Шиповымъ, графомъ Гейденомъ, княземъ Львовымъ. Насколько серьезны были эти переговоры? Не было ли это однимъ изъ проявленій того «азіятскаго лукавства», которымъ были переполнены эти семь мѣсяцевъ господства «джентльменовъ»? Не предназначалась ли декорація этихъ переговоровъ для отвлеченія глазъ мирно настроенной, но конституціонной части общества отъ того, что дѣлалось за кулисами? Мы склонны признать правильнымъ это второе предположеніе и думаемъ, что въ переговорахъ «азіятскаго лукавства» было болѣе чѣмъ достаточно. Совѣтъ объединеннаго дворянства склоненъ былъ, очевидно, считать одно время эти переговоры серьезными и обратился къ П. А. Столыпину съ письмомъ, въ которомъ вѣжливо, но недвусмысленно предложилъ ему «разсѣять сомнѣнія тѣхъ дворянскихъ круговъ, которые усматриваютъ въ именахъ нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей въ составѣ будущаго кабинета перемѣну общаго направленія правительственной политики». П. А. Столыпинъ, какъ извѣстно, поспѣшилъ «разсѣять сомнѣнія», при чемъ отвѣтственность за несостоявшуюся комбинацію возложилъ на общественныхъ дѣятелей, Д. Н. Шипова и гр. Гейдена. Хитроумный политикъ! Почти что русскій Бисмаркъ!

Передъ однимъ требованіемъ «совѣта» отступилъ однако и П. А. Столыпинъ. Дворянскій совѣтъ смотрѣлъ въ глубь вещей. Всецѣло занятый мыслью объ охранѣ дворянскихъ земельныхъ владѣній, совѣтъ предвидѣлъ, что при вторыхъ выборахъ въ Думу «малоподвижная и слѣпая масса вновь можетъ легко дать себя увлечь обѣщаніями и посулами». Поэтому Совѣтъ предложилъ правительству «выйти изъ заколдованнаго круга прямымъ и смѣлымъ шагомъ: во имя высшихъ интересовъ родины поступиться соображеніями формальнаго свойства» и, «признавъ ошибку въ законѣ» о [illegible]-

борахъ, произвести въ немъ «необходимыя измѣненія». Объединенное дворянство предлагало П. А. Столыпину совершить открытый государственный переворотъ. Но отъ этого П. А. Столыпинъ уклонился. Откровенныя дѣйствія вообще не въ характерѣ этого «джентльмена». Его характеру болѣе соотвѣтствовалъ планъ, предложенный г. Крыжановскимъ: стараніями этого хитраго приказнаго дьяка и сената избирательный законъ былъ не «измѣненъ», а «разъясненъ». Сотни тысячъ избирателей были лишены избирательныхъ правъ... но старанія г. Крыжановскаго пропали даромъ.

Если предложеніе совѣта объединеннаго дворянства и не получило полнаго осуществленія, то оно во всякомъ случаѣ указываетъ на ту дорогу, по которой направится дальнѣйшая политическая дѣятельность совѣта. Если совѣтъ добьется вторичнаго разгона Государственной Думы, его требованіе государственнаго переворота не встрѣтитъ, очевидно, никакого серьезнаго сопротивленія. Какъ извѣстно, все юридическое содержаніе русской конституціи сводится къ тому, что безъ согласія Думы нельзя измѣнить ни выборнаго закона, ни положенія о Думѣ. Измѣненіе избирательнаго закона помимо Думы составляетъ поэтому преступленіе. Но одно преступленіе неизбѣжно тянетъ за собой другое, и кто рѣшается предложить преступное измѣненіе избирательнаго права, тотъ не остановится, конечно, и передъ отмѣной законодательныхъ правъ Думы и низведенія ея къ роли законосовѣщательнаго учрежденія. Къ этому несомнѣнно и сводятся планы совѣта объединеннаго дворянства. Такая же агитація предпринимается и черносотенными организаціями, собирающимися въ серединѣ года подъ руководствомъ о. Восторгова дать генеральное сраженіе манифесту 17 октября.

Какъ мы уже упоминали, дѣйствія «совѣта» встрѣтили неодобреніе со стороны нѣкоторыхъ губернскихъ предводителей дворянства. Изъ 18 предводителей только шестеро (Н. А. Ребиндеръ, В. Н. Поливановъ, М. И. Миклашевскій, А. А. Салтыковъ, В. Н. Ознобишинъ и С. С. Толстой) выразили «сочувствіе» дѣятельности совѣта. Двѣнадцать остальныхъ (П. А. Базилевскій, В. В. Гудовичъ, В. А. Драшусовъ, С. Е. Бразоль, М. А. Стаховичъ, бар. Э. Н. Деллингзгаузенъ, Н. И. Булычевъ, А. А. Нестроевъ, кн. В. М. Урусовъ, Д. К. Гевличъ, С. М. Прутченко и кн. И. А. Куракинъ) отказали совѣту въ своемъ «сочувствіи». Но было бы ошибочно видѣть въ этомъ несочувствіи признакъ какого-либо государственнаго разума. Большинство предводителей открыто заявили, что раздѣляютъ взгляды «совѣта». Но они ставятъ въ вину совѣту его безтактный образъ дѣйствій, поведшій къ распубликованію всѣхъ этихъ щекотливыхъ переговоровъ. Не малую роль въ этомъ «несочувствіи» играетъ, вѣроятно, и боязнь за утрату своего вліянія, недоброжелательство къ организаціи, которая пересиливаетъ «легальное дворянское представительство». Но, очевидно, старая сословная организація не можетъ выдержать борьбу съ организаціей сословно политической, представляющей удобства единства

дѣйствія. Дворянство становится главной реакціонной силой и, какъ таковая, оно должно вступить въ безпощадный бой со всѣмъ народомъ. Бобринскіе, Булацели и Зыбины организуютъ его и они сотрутъ предводителей, если тѣ станутъ имъ поперекъ дороги. Но этого не случится, и во главѣ дворянской арміи, совершающей государственный переворотъ, будутъ маршировать гг. предводители. Они—вожди дворянъ и потому должны слѣдовать за ними. Правда, на совѣщаніи предводителей орловскій М. А. Стаховичъ указывалъ, что вмѣшательство совѣта «можетъ отозваться только неблагопріятно на авторитетѣ правительства Его Величества», ...что, «присваивая себѣ такое право, совѣтъ съѣздовъ возлагаетъ одновременно слишкомъ большую отвѣтственность передъ судомъ страны на дворянское сословіе» и т. д. Все это очень осторожныя и, быть можетъ, очень умныя слова, но надо смотрѣть прямо въ глаза тому, что дѣлается. Русская революція есть борьба народа противъ дворянства, какъ землевладѣльческаго и господствующаго сословія. Политическіе младенцы, быть можетъ, руководимые провокаторами (Россія — страна грандіознѣйшихъ провокацій), могутъ открывать «кадетскія опасности» и тѣшить свое личное и партійное самолюбіе въ борьбѣ съ кадетами. Взрослые же люди понимаютъ, что въ политической сферѣ революція низвергаетъ бюрократическое самодержавіе, а въ соціальной—борется противъ дворянско-землевладѣльческой олигархіи. Вотъ въ какихъ областяхъ происходитъ дѣйствительно грандіозное столкновеніе реальныхъ общественныхъ силъ, и М. А. Стаховичъ, питающій иллюзіи о сохраненіи дворянскаго сословія и объ усвоеніи дворянствомъ разумной тактики, предается, очевидно, Маниловскимъ мечтамъ. Разумная тактика дворянства можетъ состоять только въ самоликвидаціи. Если же оно на ликвидацію не идетъ, оно неизбѣжно должно объявить борьбу всему русскому народу, пойти и въ совѣтъ объединеннаго дворянства, и въ Дубровинскій союзъ русскаго народа и проч. Оно должно не только предлагать проекты преступныхъ измѣненій конституціи и государственныхъ переворотовъ, но спуститься еще ниже и, быть можетъ, лично принять участіе въ «петербургскихъ дѣйствахъ». Благовоспитанныхъ предводителей дворянства нѣсколько шокируетъ безцеремонное командованіе Зыбиныхъ и Пуришкевичей, они въ отчаяніи отъ близкаго сосѣдства съ «союзниками», изъ среды которыхъ выходятъ Юскевичи, Тополевы, Ларичкины, Сашки Кривые и проч. Что дѣлать! Жизнь сурова, и реальная политическая борьба—не изящная пріятельская бесѣда предводителей за чашкой чая о дѣлахъ текущихъ...

Надо выбирать, выбирать между отжившимъ, хотя все еще цѣпко держащимся за власть старымъ, и новой молодой демократической Россіей, Россіей безъ дворянъ и крестьянъ, но только съ одними гражданами. И многіе уже сдѣлали свой выборъ. Въ то время какъ М. А. Стаховичъ лепечетъ какія-то смутныя слова о поддержаніи достоинства дворянскаго сословія, маститый дѣятель нашего освободительнаго движенія, Иванъ Ильичъ Петрункевичъ, отозвался на происки дворянской камарильи [illegible]

и страстной статьей въ «Рѣчи», обратившей на себя въ Петербургѣ всеобщее вниманіе. «Намъ говорятъ,—писалъ онъ,—что первая Дума была распущена за свою непримиримость и за свой революціонный духъ. Да, первая Дума отреклась отъ всѣхъ привилегій, отъ всѣхъ классовыхъ и личныхъ интересовъ и ставила превыше всего интересы народа и государства. Въ этомъ ея революціонность, и развѣ она могла существовать, когда ея существованіе нарушало интересы объединенныхъ дворянъ, стоявшихъ за спиною гг. Горемыкина и Столыпина?» Но какъ же быть со второю Думой? Въ статьѣ своей, написанной 4 января, т.-е. до начала выборовъ, И. И. Петрункевичъ предсказалъ, что всѣ ухищренія г. Крыжановскаго, «вывернувшаго избирательный законъ наизнанку», не приведутъ ни къ чему, «ибо духъ свободы и правды въ народѣ еще не погасъ». «Значитъ и вторую Думу господа Зыбины распустятъ? Что же дальше? Крестьянскій банкъ скупитъ по дорогой цѣнѣ латифундіи, а затѣмъ пусть хоть потокъ крови зальетъ русскую землю: богатство—современный ноевъ ковчегъ—найдетъ свой Араратъ, гдѣ никакія волны не страшны... а тамъ у подножія останется дѣйствующій одинъ законъ, законъ смерти... Правительство многомилліоннаго народа—не болѣе какъ слуга класса, бѣднѣющаго матеріально и нищаго любовью къ родинѣ. ...Россія, выстрадавшая въ теченіе своей тысячелѣтней исторіи много горя, вынесшая ярмо абсолютизма и крѣпостного права, готовая послѣ манифеста 17 октября полной грудью свободно вздохнуть, снова попала въ капканъ Бобринскихъ, Нейдгартовъ и Зыбиныхъ, чтобы погибнуть опозоренной, униженной и голодной. Миѳическая «звѣздная палата» обнаружила свой составъ, свои цѣли и средства, которыми располагаетъ. Карты раскрыты, и мы знаемъ теперь, кто ведетъ Россію къ гибели».

Въ глубинѣ Россіи, въ селахъ и деревняхъ и въ небольшихъ городахъ, гдѣ жизнь проще и отношенія ясны, тѣ отношенія, въ которыхъ вертятся десятки милліоновъ, т.-е. огромное большинство русскаго народа, тамъ жгучія слова И. И. Петрункевича всѣмъ понятны. Правда этихъ словъ тамъ такъ реальна, такъ ощутима каждымъ человѣкомъ, что никому и на умъ не взбредетъ туманить ее софистическимъ теоретизированьемъ. Въ силу этого и выборы тамъ, въ этой подлинной Россіи, происходятъ по очень простой и въ высшей степени жизненной схемѣ. Если внѣшнія условія даютъ хоть какую-либо возможность чувствамъ и мыслямъ народа вылиться наружу, выборы рѣзко дѣлятъ людей на двѣ партіи. На одной сторонѣ стоятъ тѣ, которые за помѣщиковъ и полицію, на другой сторонѣ тѣ, которые противъ помѣщиковъ и полиціи. А принадлежатъ ли послѣдніе къ кадетамъ, трудовикамъ, эсъ-декамъ или эсъ-эрамъ—это подробность второстепенная, совершенно случайная: не народъ надѣваетъ на кандидата партійную кличку, а онъ самъ это дѣлаетъ, и народъ совершенно равнодушенъ къ тому, какъ выборный себя назоветъ. Деревенскіе эсъ-эры, напримѣръ, совсѣмъ особые эсъ-эры и нерѣдко убѣжденные монархисты.

Въ городахъ, и въ особенности крупныхъ, отношенія, конечно, гораздо сложнѣе. Въ городахъ главнымъ образомъ сосредоточены зародыши нашихъ политическихъ партій, здѣсь же можно наблюдать и то, въ какой узелъ завязываются ихъ взаимныя отношенія. Съ этой точки зрѣнія нынѣшніе выборы представляютъ огромный интересъ, котораго лишены были выборы въ первую Думу. Наиболѣе характернымъ явленіемъ нынѣшнихъ выборовъ было ясное принципіальное раздѣленіе элементовъ конституціонныхъ отъ элементовъ революціонныхъ. Практически въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ это раздѣленіе могло происходить неправильно, безтолково и вредно для непосредственнаго исхода выборовъ. Но принципіальное значеніе его очень велико. Конституція безъ конституціоналистовъ немыслима. Партія «Народной Свободы» въ наиболѣе крупныхъ нашихъ центрахъ, тамъ, гдѣ политическое разумѣніе естественно должно быть выше, ставила избирателямъ вопросъ: есть ли среди нихъ кромѣ правыхъ, явныхъ и тайныхъ самодержавщиковъ, кромѣ революціонеровъ, и конституціоналисты? Постановка этого вопроса въ столицахъ составляетъ столь крупный шагъ въ исторіи культурнаго развитія нашей родины, что онъ оправдываетъ и рискъ потерять нѣсколько мандатовъ, навстрѣчу которому шла партія, хотя и не съ легкимъ сердцемъ.

Во время первыхъ выборовъ большинство крайнихъ лѣвыхъ бойкотировало выборы. Чѣмъ объяснялся этотъ бойкотъ? Въ то время революціонеры отвѣчали на этотъ вопросъ просто и понятно, не то, что теперь, когда они пускаютъ въ ходъ жалкую софистику, чтобы прикрыть свой отказъ отъ старыхъ заблужденій, сознаться въ которыхъ нехватаетъ нравственнаго мужества. Бойкотисты въ январѣ 1906 г. утверждали, что Дума и выборы—это «орудіе контръ-революціи», что «политическаго въ нашихъ выборахъ ничего нѣтъ», «если выборы что-либо организуютъ, то только контръ-революцію» (см. «Современныя Записки»—выходившія вмѣсто «Русскаго Богатства»—№ 1, январь 1906 г., статью Бикермана: Слѣдуетъ ли идти въ Государственную Думу?). «Какъ будетъ въ настоящій моментъ воспринятъ обывателемъ лозунгъ идти въ Думу?—спрашивалъ себя бойкотистъ и отвѣчалъ весьма рѣшительно: «онъ будетъ для него синонимомъ ликвидаціи революціи, онъ будетъ для него свидѣтельствомъ, что революція кончается, можетъ въ настоящій моментъ окончиться», «дѣло нисколько не измѣняется отъ того, что призывъ въ Думу сопровождается различными оговорками, примѣчаніями и тонкостями» (стр. 117 и 118). «Призывая теперь въ Думу, признавая совмѣстимымъ избраніе народнаго представительства съ военнымъ положеніемъ, со всѣми творящимися вокругъ насъ ужасами, мы собственными руками укрѣпляемъ контръ-революціонное настроеніе не только на счетъ будущаго, но и на счетъ прошедшаго и настоящаго» (119). «Насъ приглашаютъ,—съ негодованіемъ восклицали бойкотисты годъ тому назадъ,—избирать по новому закону 6 августа—11 декабря, намъ предлагаютъ безмолвные, нѣмые выборы среди всеобщаго террора, массовыхъ убійствъ и поджоговъ. Н-

боры подъ командой унтеръ-офицера съ генералъ-губернаторскими полномочіями!..» Въ отвѣтъ на это приглашеніе бойкотисты въ январѣ 1906 г. гордо отвѣчали: «Дума, та Дума, о которой теперь идетъ рѣчь, *во всякомъ случаѣ не соберется*... выборы будутъ начинаться, прерываться и снова начинаться и въ концѣ-концовъ утонутъ въ общемъ водоворотѣ» (114)... «безпокойствія близки, они будутъ и будутъ страшны».

Прошелъ ровно годъ. Для всѣхъ стало ясно, что всѣ эти революціонныя пророчества, какъ и утверждали наиболѣе трезвые изъ кадетовъ, вздоръ и хлестаковщина. Выборы состоялись, Дума собралась и, если утонула, то совсѣмъ не въ томъ водоворотѣ, о которомъ мечтали бойкотисты. Подошли новые выборы и при условіяхъ гораздо болѣе худшихъ, чѣмъ первые, на основаніи выборнаго закона, до корня извращеннаго сенатскими разъясненіями и административнымъ произволомъ. И однако на эти выборы гг. бойкотисты пошли. Конечно, они постарались подыскать кое-какіе приличные мотивы для объясненія перемѣны своей тактики. Но для всякаго очевидно, что всѣ эти объясненія не болѣе какъ адвокатскій развратъ ума, доказывающаго, что названное имъ полчаса тому назадъ чернымъ есть въ сущности бѣлое. Такое коренное измѣненіе принциповъ тактики на протяженіи года равносильно самоубійству для политическихъ дѣятелей и объясняется только младенчествомъ нашей политической жизни, въ которой видную роль еще продолжаютъ играть люди, не сознающіе того, что дѣлаютъ, и не отвѣтственные, объективно и субъективно, за свои поступки. Если раскрыть скобки, то отказъ отъ бойкота значитъ не что иное, какъ полное крушеніе вѣры въ возможность достичь чего-либо непосредственнымъ примѣненіемъ силы, какъ отказъ отъ революціоннаго способа дѣйствій. Послѣ того, какъ бойкотисты отказались отъ бойкота и пошли въ Думу, отъ революціонной тактики у нихъ остались только революціонныя фразы и возможность совершать насильственные акты противъ отдѣльныхъ лицъ. Но послѣднее не есть революція, и соціалъ-демократами, напримѣръ, какъ методъ борьбы не признается. И годъ тому назадъ бойкотисты это понимали. Тотъ же самый г. Бикерманъ, который теперь усиленно пропагандировалъ выборы и «лѣвый блокъ», въ прошломъ году соглашался признать указанія на германскія дѣла доводомъ противъ бойкотистской тактики только въ томъ случаѣ, «если бы революція въ Россіи была закончена, если бы Дума была осуществившимся фактомъ» (стр. 106).

Послѣ того, какъ бойкотъ былъ отвергнутъ, и крайніе лѣвые начали звать въ Думу, они остались безъ тактики и имъ предстояло создать таковую, чтобы хоть чѣмъ-нибудь отличаться отъ «кадетовъ». На самомъ дѣлѣ, чѣмъ они отличаются отъ кадетовъ, чего ради они идутъ въ Думу? Вѣдь соціализма они тамъ осуществлять не думаютъ, а если когда и говорили что-либо въ этомъ духѣ, то для всѣхъ ясно было, что черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ соціалистическихъ проектовъ не проведешь. Чѣмъ же «революціонная» тактика въ Думѣ должна

отличаться отъ «кадетской?» Кадеты,—говорили «революціонеры»,—замкнутся въ думскомъ законодательствѣ, они не будутъ заботиться о связи Думы съ народомъ, тогда какъ мы первой и, можно сказать, единственной задачей Думы считаемъ созданіе такой связи, организацію черезъ Думу народныхъ силъ. Эти разсужденія, во-первыхъ, невѣрны по существу, во-вторыхъ, свидѣтельствуютъ о политическомъ недомысліи ихъ авторовъ. Что кадеты не добиваются установленія связи народа съ Думой,—это неправда. Установленіе такой связи кадеты считаютъ своей первой и основной задачей, но думаютъ, что установить ее можно только при помощи законно учрежденныхъ демократическихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Если «революціонеры» раздѣляютъ этотъ взглядъ, значитъ они сошли съ революціоннаго пути и стали на парламентарный. Если же они думаютъ, что такая связь можетъ быть создана при помощи нелегальныхъ и тайныхъ мѣстныхъ комитетовъ, то причемъ же тутъ Дума, какъ учрежденіе? Учрежденіе изъ 500 разномыслящихъ людей не можетъ, конечно, заниматься конспиративной работой. Понятно, что отдѣльные члены Думы могутъ заниматься на свой страхъ организаціей такихъ комитетовъ, естественно, что званіе члена Думы значительно облегчитъ имъ ихъ работу, но причемъ же тутъ Дума, какъ учрежденіе? Развѣ только, что дѣйствія отдѣльныхъ депутатовъ, породивъ вопросъ объ ихъ судебномъ преслѣдованіи, вызвали бы тягостные конфликты, изъ-за которыхъ Дума могла бы погибнуть раньше, чѣмъ агитаторы создали бы полсотни комитетовъ. Трудно допустить, чтобы лица, толкующія о какой-то революціонной тактикѣ въ Думѣ, полагали, что Дума можетъ издать декретъ объ образованіи на мѣстахъ явочнымъ порядкомъ вооруженныхъ комитетовъ. Конечно, членамъ безотвѣтственнаго меньшинства, заранѣе увѣреннымъ въ провалѣ своего плана, никакого труда не стоитъ внести въ Думу такое предложеніе и затѣмъ изобличить кадетовъ въ трусости и въ измѣнѣ за отказъ присоединиться къ явно нелѣпому политическому фарсу. На некультурныхъ, политически необразованныхъ людей такой фарсъ можетъ и произвести надлежащее впечатлѣніе. Но большинство русскихъ гражданъ, надо думать, поймутъ, что такой декретъ есть не болѣе, какъ безсильная бумажная резолюція, для осуществленія которой предварительно необходимо низложить губернаторовъ и овладѣть полиціей и войсками, т.-е. совершить такія дѣйствія, при которыхъ ни о Думѣ, ни о думскихъ декретахъ уже и рѣчи не будетъ. Добиться учредительнаго собранія легче, чѣмъ устроить явочнымъ порядкомъ такіе мѣстные комитеты. Реальнымъ результатомъ, и притомъ единственнымъ результатомъ, такого явочнаго законодател[ь]ства будетъ только разгонъ Думы съ послѣдствіями намъ уже хоро[шо] извѣстными.

Итакъ, мы видимъ, что никакой особенной «революціонной тактик[и]» нѣтъ и быть не можетъ. Революціонная тактика въ Думѣ сама по се[бѣ] безсмыслица. Революціонная тактика можетъ быть только внѣ Думы, Дума только тогда можетъ перешагнуть черезъ отведенныя ей рамки, е[сли]

въ странѣ произошла перестановка реальныхъ общественныхъ силъ, обезпечивающая ей активную поддержку. Если же этого нѣтъ или еще нѣтъ, то Дума обязана скрупулезно держаться существующихъ законныхъ формъ, дабы моральная отвѣтственность за беззаконіе ложилась всегда не на представительство, а на воюющую съ нимъ власть. Русскіе революціонеры, зачарованные преданіями Великой Французской революціи, совершенно упускаютъ изъ виду тотъ фактъ, что раньше, чѣмъ генеральные штаты принялись за учредительскую работу, Франція пережила лихорадку муниципальныхъ революцій, передавшихъ вооруженную власть въ руки самоуправляющихся мѣстныхъ органовъ.

Отмежеваться отъ кадетовъ на «тактической платформѣ», какъ думали «революціонеры», имъ не удалось. Идти въ Думу для того, чтобы черезъ два дня взорвать ее, было до того нецѣлесообразно, что даже люди, это въ сущности и проповѣдовавшіе, спѣшили отречься отъ такого вздора, какъ только ихъ туманныя фразы переводились на общедоступный языкъ. Съ той же минуты, какъ революціонеры обѣщали въ Думѣ «законодательствовать», они переставали быть революціонерами, ибо законодательствомъ называется только то волеизъявленіе Думы, которое совершено въ опредѣленныхъ формахъ, т.-е. въ рамкахъ основныхъ законовъ.

Была другая возможность рѣзко отдѣлиться отъ кадетовъ, именно поставить вопросъ на почву соціальнаго состава партій. Тутъ представлялись двѣ дороги: одна классовая, основанная на противоположеніи одного какого-либо класса, какъ преимущественно и даже исключительно революціоннаго, всѣмъ остальнымъ; другая—демагогическая, сводившаяся къ игрѣ на инстинктахъ толпы, къ возбужденію среди нея подозрѣній и ненависти пріемами, свойственными всѣмъ демагогамъ. Соціалъ-демократы, которые и по сію пору являются руководящимъ отрядомъ революціонной арміи, и по этому вопросу, какъ и по всѣмъ остальнымъ, раскололись на-двое. Меньшевики хотѣли строго стоять на классовой позиціи, отлично понимая, что при относительной малочисленности и слабой степени сознательности пролетаріата такая тактика не можетъ обѣщать быстрыхъ и рѣшительныхъ успѣховъ. Большевики, наоборотъ, очень быстро склонились къ демагогической тактикѣ, справедливо разсудивъ, что на этотъ путь имъ легче будетъ увлечь всѣхъ эсъ-эровъ, эн-эсовъ, трудовиковъ и ту массовую публику, которой желательно быть и «лѣвѣе кадетовъ», но и ничѣмъ особеннымъ не рисковать при этомъ. Подача бюллетеней за «соціалистическій списокъ», при тайномъ голосованіи не требующая никакого самопожертвованія, вполнѣ отвѣчала стремленіямъ этихъ «лѣвѣе кадетовъ» стоящихъ рядовыхъ обывателей. Большевики получали возможность создать при помощи чисто-буржуазныхъ голосовъ, признаваемыхъ и ими за таковые, феерическій успѣхъ соціализма. Конечно, этотъ успѣхъ былъ бы дутымъ; онъ лопнулъ бы немедленно, какъ мыльный пузырь. Но что до этого большевикамъ: эффектъ былъ бы всетаки произведенъ,

а они и сами отлично понимають, что вся ихъ тактика состоить въ пусканіи мыльныхъ пузырей.

Какъ люди культурные, меньшевики не могли принять ни демагогической, ни дутой тактики. Они построили свою тактику на опредѣленныхъ и ясныхъ принципахъ и развивали ее вполнѣ логически. Соціально-демократическая рабочая партія,—говорили они,—выступаетъ самостоятельно, какъ передовой борецъ пролетаріата. Если бы у насъ была система выборовъ съ перебаллотировками, то партія обязана была бы вездѣ выступать самостоятельно, заключая соглашенія только на перебаллотировкахъ. Но нашъ законъ ихъ не знаетъ, онъ допускаетъ побѣду списковъ относительнымъ большинствомъ голосовъ. Поэтому тамъ, гдѣ есть опасность, что пройдутъ октябристы или черносотенцы, выставленіе параллельныхъ оппозиціонныхъ списковъ способно только провести черносотенца. При наличности черносотенной опасности меньшевики рекомендуютъ или соединеніе съ болѣе сильной оппозиціонной партіей, или въ крайнемъ случаѣ уклоненіе отъ голосованія. Но ни въ коемъ случаѣ меньшевики не могутъ ставить своей цѣлью раскалываніе оппозиціи, потому что это не только не подчеркнетъ особности пролетаріата, но наоборотъ, затушуетъ ее и, кромѣ того, увеличитъ шансы проведенія въ Думу черносотенцевъ. Такъ какъ оппозиція наша начинается съ партіи народной свободы, то меньшевики вполнѣ логически пришли къ необходимости при наличности черносотенной опасности поддерживать кадетовъ.

Иначе разсуждали и дѣйствовали большевики. Какъ всякіе демагоги, они бросились по линіи наименьшаго сопротивленія, въ ту сторону, гдѣ можно было ожидать наиболѣе быстраго и наиболѣе крупнаго успѣха. Платформа борьбы съ бюрократическимъ правительствомъ была прочно занята партіей «народной свободы». Правительство отчетливо объявило странѣ, что главнымъ своимъ врагомъ оно считаетъ кадетовъ, да и страна не могла сомнѣваться въ томъ, кто страшнѣе правительству, образованные, знающіе, культурные кадеты или горячая зеленая большевистская молодежь. Большевикамъ, значитъ, ничего не оставалось, какъ отложивъ въ сторону борьбу съ правительствомъ, всѣ свои удары обратить на кадетовъ. Такъ они и сдѣлали, причемъ съ похвальной откровенностью объ этомъ и заявляли. Газета *Новь* сообщала, что видный большевикъ А. Луначарскій прямо заявилъ, что борьба съ правительствомъ теперь уже дѣло «устарѣлое», а надо бороться съ кадетами. Въ № 181 *Товарища*, органа петербургскаго «лѣваго блока», въ корреспонденціи изъ Самары описывается, какъ мѣстные соціалъ-демократы на собраніи провозгласили, что «они пока борьбу съ правительствомъ оставили, и хотятъ во что бы то ни стало сломить вліяніе кадетовъ». Очевидно, это—правильная система. Легкомысленное политиканство большевиковъ несомнѣнно исходитъ изъ ихъ демагогической природы. Чисто-демагогическими были и ихъ пріемы агитаціи. Интеллигенты (нерѣдко студенты) переодѣвались въ рабочія блузы и, надѣвъ эту маску, получали возможность говорить на собраніи-

яхъ: мы, рабочіе, не нуждаемся въ «ходатаяхъ», какими являетесь вы, кадеты, господа и баре и проч. и проч. Прохожденіе интеллигентовъ, подчасъ съ университетскимъ образованіемъ, въ выборщики отъ рабочихъ по фиктивному цензу тоже преслѣдовало чисто-демагогическія цѣли. Кадетамъ ставили въ упрекъ, что они «господа», что среди нихъ много дворянъ, что они недостаточно революціонны, что они не могутъ какъ слѣдуетъ «требовать» у правительства, что они стремятся къ министерскимъ портфелямъ и проч. и проч. Словомъ, вся серія аргументовъ, при помощи которыхъ можно натравить темную и взвинченную массу на европейски-образованныхъ и, слѣдовательно, относительно состоятельныхъ людей (хотя и далеко не всегда; среди кадетовъ не мало интеллигентовъ-пролетаріевъ, живущихъ только продажей своего труда), пущена была въ ходъ на митингахъ, какъ тяжелая артиллерія противъ партіи «народной свободы». Разсчетъ большевиковъ оказался правильнымъ. При помощи демагогической агитаціи и терроризованія революціонной фразой всѣ тѣ дѣятели, которые особенно дорожатъ митинговой популярностью, вынуждены были все рѣзче и рѣзче выступать противъ кадетовъ, договариваясь въ концѣ-концовъ до самыхъ безсовѣстныхъ абсурдовъ, вродѣ того, что кадеты виноваты во введеніи военно-полевыхъ судовъ и гурко-лидвалевской эпопеѣ. Создавъ густую митинговую противо-кадетскую атмосферу, большевики получили возможность согнать подъ свою команду за одну загородь всю разношерстную компанію, объединенную только жгучей ненавистью къ кадетамъ. Большевики, конечно, утверждали, что вся эта рать объединена единствомъ революціоннаго настроенія. Но это настроеніе ни въ чемъ иномъ, кромѣ ругани кадетовъ съ благосклоннаго дозволенія начальства, не выражалось. За недѣлю до выборовъ вождь большевиковъ Н. Ленинъ выпустилъ двѣ брошюры, въ которыхъ смѣшалъ съ грязью всѣхъ своихъ будущихъ союзниковъ. Меньшевиковъ онъ назвалъ предателями и обманщиками, Водовозова обвинилъ въ томъ, что онъ сдѣлался трудовикомъ съ задней мыслью предать трудовиковъ кадетамъ, о народныхъ соціалистахъ отозвался, какъ о плохихъ трудовикахъ и полукадетской партіи, съ величавымъ презрѣніемъ дискредитировалъ въ глазахъ рабочихъ «такихъ господъ», какъ г-жа Кускова и Прокоповичъ. А черезъ недѣлю всѣ эти «предатели», «обманщики», ненадежные, Водовозовы, Кусковы, Прокоповичи и прочіе «такіе господа» уже лѣзли подъ командой Ленина на кадетскія твердыни. Читая полемическія брошюры г. Ленина, никакъ не можешь отдѣлаться отъ воспоминанія о тѣхъ россійскихъ администраторахъ, которые «умѣютъ говорить съ народомъ», «разговаривать на понятномъ для народа языкѣ». Надо придти къ заключенію, что г. Ленинъ «умѣетъ говорить» съ нашей интеллигенціей, желающей стоять «лѣвѣе кадетъ».

Взглянемъ же теперь на тактику партіи «народной свободы». Посмотримъ, что именно породило невозможность соглашенія кадетовъ съ революціонными партіями въ Петербургѣ. Петербургскій разрывъ, какъ из-

вѣстно, наложилъ свою печать на общій характеръ выборовъ въ Россіи. Еще въ самомъ началѣ года, когда вопросъ о числѣ мѣстъ не ставился такъ остро, В. Д. Набоковъ въ № 1 *Вѣстника Партіи Народной Свободы* писалъ, что «соглашенія опредѣляются чисто практической задачей оттѣсненія отъ Думы явно или тайно реакціонныхъ элементовъ»... но вмѣстѣ съ тѣмъ «едва ли допустимо соглашеніе хотя бы временное, хотя бы чисто-техническое, съ тѣми, чьи взгляды на Думу и на свои въ ней задачи—прямо и непримиримо противоположны нашимъ». Приблизительно около того же времени большевики, т.-е. офиціальная петербургская соціалъ-демократическая организація, рѣшительно и въ рѣзкой формѣ высказались противъ какихъ бы то ни было соглашеній въ Петербургѣ съ кадетами. Вотъ что наложило свою печать на вопросъ о соглашеніяхъ. И поэтому, когда впослѣдствіи публицисты *Товарища* утверждали, что отсутствіе соглашенія, неуступчивость кадетъ вызвали «моральный разрывъ» въ рядахъ оппозиціи, они ошибались. Разрывъ еще до вопроса о третьемъ мѣстѣ обнаружился изъ резолюціи большевиковъ и изъ моральной невозможности для выборщиковъ партіи народной свободы подавать голоса за большевиковъ, тактика которыхъ несомнѣнно сводилась къ «взрыву Думы изнутри», къ отрицанію ея законодательной роли. Всякая возможность соглашенія между кадетами и большевиками была исключена задолго до поднятія вопроса о числѣ мѣстъ. На митингахъ огромное большинство выступавшихъ ораторовъ—соціалъ-демократовъ говорило отъ имени большевиковъ, которые главную свою задачу видѣли во всевозможномъ дискредитированіи партіи «народной свободы», не останавливаясь передъ повтореніемъ октябристской клеветы на ея отдѣльныхъ представителей. Если бы кадеты уступили «блоку» даже три мѣста, то большевистская антикадетская агитація не стихла бы ни на одну минуту, потому что въ данный моментъ къ ней и только къ ней сводился raison d'être большевиковъ. Ни меньшевики, ни народные соціалисты, ни безпартійные лѣвые никогда бы не рѣшились выступить на защиту кадетовъ отъ большевиковъ, даже если бы кадеты и уступили три мѣста. Нравственной трещины въ оппозиціи все равно избѣжать не было возможности. Случилось то, что фатально должно было случиться, что составляетъ какъ бы законъ революціонныхъ движеній. Наиболѣе крайніе отряды революціонной арміи, не добивъ еще главнаго врага и не укрѣпившись на отданныхъ позиціяхъ, спѣшатъ обратить свое оружіе противъ своихъ болѣе умѣренныхъ сосѣдей, не находя въ себѣ силъ простить имъ возможное преобладаніе въ будущемъ. Этимъ междоусобіемъ и пользуется реакція, чтобы подтянуть свои силы и перейти въ наступленіе.

Считая соглашеніе съ большевиками невозможнымъ, кадеты, составляя свой списокъ, пришли къ заключенію, что мѣсто въ рабочей куріи они могутъ уступить только рабочему меньшевику, а другое мѣсто отдается народническому блоку (соціалистамъ-революціонерамъ, народнымъ соціалистамъ и трудовикамъ). Такимъ образомъ каждое изъ двухъ крупныхъ те-

ченій соціалистической мысли получало по одному представителю, а кадеты, подвергая народному голосованію четырехъ своихъ кандидатовъ, имѣли бы основаніе утверждать, что столичное населеніе сочувствуетъ ихъ тактикѣ. Лѣвые на это не соглашались. Они предлагали раздѣлить мѣста пополамъ. Но тогда политическое значеніе петербургскихъ выборовъ пропадало. Вѣдь надо же признать, что главное политическое значеніе имѣютъ въ Россіи выборы въ Петербургѣ и въ Москвѣ. За кого же стоитъ Петербургъ? За кадетовъ или революціонеровъ? Требуетъ ли онъ революціи или закономѣрной эволюціи? Если Петербургъ требуетъ революціи, пусть онъ пошлетъ и соотвѣтствующихъ депутатовъ, возложивъ на нихъ и на себя самого отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Если же столичные избиратели одобряютъ осторожную тактику кадетовъ, пусть они получатъ возможность недвусмысленно высказать это. Если депутаты подѣлятся пополамъ, каждое изъ двухъ противоположныхъ теченій станетъ съ равнымъ правомъ утверждать, что столица одобрила ихъ тактику. Теперь, напримѣръ, о московскихъ избирателяхъ никто не скажетъ, что они требуютъ штурма. Кадеты ничего не имѣли противъ побѣды лѣвыхъ, но они требовали, чтобы въ положеніе была внесена полная ясность. Что они не боролись изъ-за мѣстъ, не руководились «жадностью», «корыстнымъ эгоизмомъ» и проч. и проч.—ясно изъ предоставленія ими двухъ мѣстъ не-партійнымъ дѣятелямъ М. М. Ковалевскому и о. Григорію Петрову, тактика которыхъ ни въ чемъ не противорѣчитъ кадетской. Они мирились съ тѣмъ, чтобы въ Думу прошло только три члена ихъ партіи, но они хотѣли, чтобы передъ избирателями тактическій вопросъ былъ поставленъ открыто, во всей его наготѣ...

«Лѣвые» на такую рѣзкую постановку вопроса не согласились. Они разорвали съ кадетами и неизбѣжно, фатально попали въ объятія большевиковъ. Иначе и не могло быть. Былъ выборъ только между кадетами и большевиками. Пойдя на поводу у большевиковъ, члены лѣваго блока вынуждены были отказаться отъ всего того, что говорили наканунѣ. Вчера они говорили о черносотенной опасности, сегодня—стали ее отрицать, вчера протестовали противъ междоусобной распри, сегодня съ чисто большевистской яростью набросились на кадетовъ.

Изъ-за чего же члены лѣваго блока—не большевики разорвали съ кадетами?

Мы уже упоминали о предвыборныхъ брошюркахъ большевистскаго вождя Н. Ленина, командующаго теперь лѣвымъ блокомъ. За эти брошюры Н. Ленинъ привлеченъ къ партійному суду. И, дѣйствительно, этотъ необузданный честолюбецъ, принесшій такъ много зла россійской соціальдемократіи сведеніемъ своихъ личныхъ счетовъ съ Плехановымъ, Мартовымъ и др. «изъ-за дирижерской палочки», допустилъ такія инсинуаціи противъ меньшевиковъ и одного изъ ихъ вождей, Дана, что даже среди людей, не именующихъ себя «товарищами», подобная полемика вызвала бы суровую оцѣнку. Н. Ленинъ обвинилъ меньшевиковъ въ томъ, что они

«обманывали читающую публику и рабочихъ», лицемѣрили, «торговались съ кадетами, чтобы протащить своего человѣка въ Думу вопреки рабочимъ, при помощи кадетовъ», «опозорили себя», «скрыли отъ публики, по какому полномочію дѣйствовалъ тов. Данъ» и т. д. Словомъ, тактика демагогическаго заподазриванія и запугиванія, теперь примѣняемая главнымъ образомъ противъ кадетовъ, была «слегка», «въ видѣ перваго опыта» испробована и надъ меньшевиками. Это открываетъ завѣсу съ того, что будетъ въ дальнѣйшемъ... Правда, собраніе рабочихъ соціалъ-демократовъ Василеостровскаго района большинствомъ 115 голосовъ противъ 1 при 14 воздержавшихся выразило тов. Ленину «глубокое негодованіе» и рѣшило обратить вниманіе «партійныхъ центровъ на то, что пролетаріату для развитія его классоваго самосознанія нужна дѣйствительно соціалъ-демократическая литература, выясняющая вопросы политической жизни, а не вносящая рознь въ ряды единой партіи анти-партійными способами полемики». Но практическое дѣйствіе брошюры Ленина всетаки произвели. Онѣ терроризировали меньшевиковъ, и тѣ, несмотря на свои заявленія о черносотенной опасности, бросили кадетовъ и мѣстами даже вынуждены были поддерживать «лѣвый блокъ», этотъ нелѣпый монстръ съ точки зрѣнія ихъ партійной тактики. Пришлось объяснять перемѣну тактики «неуступчивостью кадетовъ», между тѣмъ какъ самыя злыя и убійственныя для меньшевиковъ слова въ Ленинской брошюрѣ гласили: «когда соціалистъ дѣйствительно вѣритъ въ черносотенную опасность и искренно борется съ нею—онъ отдаетъ свои голоса либералу безъ торгашества, а не порываетъ переговоровъ изъ-за того, что вмѣсто трехъ мѣстъ уступали ему два». Это—мастерской ударъ, прямо въ сердце, парировать который меньшевики могутъ, только откровенно сознавшись, что большевики терроризировали ихъ...

Но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ черносотенная опасность или это—только злостная выдумка кадетовъ и меньшевиковъ? На это пусть отвѣтятъ факты. Большевистскій по тенденціямъ, анти-кадетскій лѣвый блокъ образовался во многихъ городахъ. Въ значительной части, развитое политическое самосознаніе гражданъ парализовало его вредъ, и блокъ *всѣхъ* лѣвыхъ партій получилъ относительно небольшое число голосовъ. Но въ Твери, Вологдѣ, Самарѣ, Казани, Тулѣ, Кіевѣ и т. д. «лѣвый блокъ» обезпечилъ побѣду октябристовъ и черносотенцевъ. Такъ были исполнены партійныя директивы о борьбѣ съ черносотенной опасностью. Въ Кіевѣ «лѣвый блокъ» выставилъ своихъ кандидатовъ только по одному участку. Къ чему ему нужны были эти десять выборщиковъ въ одномъ участкѣ? Вѣдь провести своего кандидата при ихъ помощи онъ не могъ или, быть можетъ, разсчитывалъ при равенствѣ голосовъ у черносотенцевъ и кадетовъ получить рѣшающее вліяніе на выборы? Какъ бы тамъ ни было, этотъ Плосскій участокъ рѣшилъ судьбу выборовъ. Лѣвый блокъ провалился, кадеты тоже, черносотенцы прошли относительнымъ большинствомъ голосовъ и провели въ Гос. Думу епископа Платона.

Выборы въ Государственную Думу совершенно заслонили отъ глазъ общества другой фактъ, который въ иное время вызвалъ бы много толковъ. Студенческая фракція партіи «народной свободы» въ Московскомъ университетѣ, поднявъ борьбу противъ законодательной роли обще-студенческой сходки, добилась своей цѣли, несмотря на противодѣйствіе всѣхъ объединенныхъ революціонныхъ партій отъ максималистовъ до народныхъ соціалистовъ. На устроенномъ по этому поводу референдумѣ, въ которомъ приняло участіе свыше 5,000 студентовъ, большинствомъ 200 голосовъ значеніе общей сходки какъ рѣшающаго и законодательнаго университетскаго органа было отвергнуто.

Это—фактъ первостепенной важности въ жизни русскихъ университетовъ. Въ московскомъ референдумѣ мы видимъ первую серьезную попытку оздоровленія университетской жизни. Полицейскій университетъ или университетъ-пансіонъ при ярко-демократическомъ составѣ русскаго студенчества существовать у насъ не можетъ. Всѣ попытки возстановленія старыхъ полицейскихъ порядковъ приведутъ только къ безпорядкамъ и закрытію университетовъ. Построить университетскую жизнь можно только на началахъ самоуправленія. Но правильному самоуправленію кромѣ внѣшнихъ препятствій мѣшалъ еще и установившійся въ университетахъ вѣчевой бытъ, предоставлявшій рѣшеніе всѣхъ вопросовъ студенческой жизни общей сходкѣ. Въ минуты борьбы съ начальствомъ и съ полицейскимъ строемъ, общая сходка, страстная, подвижная, составленная изъ меньшинства наиболѣе энергичныхъ и крайнихъ студентовъ, являлась сильнымъ революціоннымъ орудіемъ, которымъ довольно умѣло пользовались крайнія партіи. Возражать на общихъ сходкахъ противъ крайнихъ мѣръ, взывать къ разуму было безполезно, потому что тамъ господствовала страсть и подчиняла себѣ толпу. Въ исторіи русской революціонной борьбы роль обще-студенческой сходки огромна. Но эта же сходка и погубила университетъ, какъ ученое и учебное заведеніе. Меньшинство, открыто объявившее, что оно не признаетъ «буржуазной науки» и отрицаетъ научное значеніе нашихъ университетовъ, при помощи сходки, обнимавшей иногда не болѣе восьмой или шестой части всѣхъ студентовъ, получило возможность господствовать надъ студенчествомъ.

Для возрожденія университетовъ необходимо было уничтожить общую сходку. Эту очень трудную работу исполнила энергичная студенческая фракція партіи народной свободы. Студенты-кадеты оказали большую услугу русской культурѣ. Но возникаетъ опасеніе, какъ бы наша правительственная власть не вмѣшалась въ это дѣло и не разрушила тѣ слабые ростки творческой организаціи, которые закладываются самими студентами въ нашихъ многострадальныхъ университетахъ. До сихъ поръ призваніе нашей власти въ томъ и заключалось, чтобы сапогомъ вахмистра топтать всѣ зародыши общественнаго творчества, плодить и поддерживать анархію. Не сдѣлаетъ ли она того же и теперь? Въ тотъ самый моментъ, когда наиболѣе революціонная часть русскаго общества, студенческая молодежь,

преодолѣла хаотическія стремленія и готовится замѣнить вѣчевую безтолочь культурнымъ парламентаризмомъ, не вмѣшаются ли снова въ университетскую жизнь бюрократическіе самодержцы? Имъ не трудно будетъ загубить всѣ организаціонныя попытки творческихъ элементовъ студенчества и вернуть университетскую жизнь на прежнюю дорогу хаоса и разрушенія. Въ высшихъ интересахъ русской культуры общество должно потребовать, чтобы бюрократическое правительство не вмѣшивалось въ студенческія дѣла. Московскій референдумъ даетъ намъ увѣренность, что студенты сами найдутъ выходъ изъ тяжкаго кризиса и заложатъ основы свободной высшей русской школы...

А. С. Изгоевъ.

Журнальное обозрѣніе.

Когда читателю попадутся на глаза эти строки, все вниманіе его, очевидно, будетъ приковано къ Думѣ, и предшествовавшая выборная кампанія отойдетъ въ область, хотя и недалекаго, но все же безвозвратнаго прошлаго. И тѣмъ не менѣе, быть можетъ, не лишнее будетъ бросить на эту кампанію ретроспективный взглядъ, взвѣсить группировку общественныхъ силъ въ странѣ, установить тѣ выводы, которые напрашиваются сами собою, и которые имѣютъ важное значеніе для дѣятельности самой Думы.

Въ январской книгѣ «Русскаго Богатства» г. Пѣшехоновъ съ гордостью отмѣчаетъ тотъ общій характеръ выборной кампаніи, который заключался въ объединеніи и въ противопоставленіи общесоціалистической оппозиціи к.-д. партіи. Г. Іорданскій въ январской книгѣ «Современнаго Міра» указываетъ на то, что конституціонно-демократическая партія вела избирательную борьбу уже не въ томъ настроеніи и не съ тѣмъ размахомъ, съ которымъ она вела первую избирательную кампанію.

«Въ то время, пишетъ онъ, ея тактика приспособлялась къ движеніямъ народной стихіи; теперь она покоится на недовѣріи къ народнымъ силамъ, на отрицаніи непосредственной дѣятельности народныхъ массъ въ созданіи новаго права... Теперь конституціонно-демократическая партія, при всей своей значительности, можетъ взять на себя только роль отряда, прикрывающаго наступательныя дѣйствія болѣе демократическихъ и рѣшительныхъ по своей программѣ и тактикѣ представителей оппозиціи. Для избирателей это означаетъ, что конституціонно-демократическая партія имѣетъ право быть представленною во второй Думѣ только по соглашенію съ крайнею лѣвою, какъ чисто оппозиціонной арміи».

Въ настоящее время уже выяснился составъ Думы. Увеличеніе лѣвыхъ и правыхъ и уменьшеніе конст.-дем. партіи — вотъ тѣ результаты выборовъ, которые можно было предвидѣть заранѣе. И тѣмъ не менѣе смѣлыя утвержденія г. Іорданскаго и гордость г. Пѣшехонова оказались во многихъ отношеніяхъ не только преждевременными, но и ошибочными.

Несомнѣнно, что реакція со стороны правительства вызываетъ повсюду горячій протестъ общества. На тѣхъ немногочисленныхъ собраніяхъ, ко-

торыя имѣли мѣсто во время предвыборной кампаніи, наблюдалось въ общемъ рѣзко оппозиціонное настроеніе избирателей, и тамъ, гдѣ это было возможно, негодованіе прорывалось съ особенной силой и страстью. Ораторы крайнихъ лѣвыхъ пользовались на собраніяхъ успѣхомъ и, казалось, самые фантастическіе проекты, самыя крайнія предложенія, направленныя противъ правительства, найдутъ себѣ откликъ въ сердцахъ избирателей.

Выборы во многихъ мѣстахъ провинціи прошли именно подъ вліяніемъ этой глухой и затаенной ненависти населенія къ своимъ врагамъ. Посылались въ Думу люди наиболѣе враждебные правительству, часто независимо отъ яснаго пониманія ихъ способа дѣйствія и ближайшихъ намѣреній. Въ темнотѣ страна дѣлаетъ судорожныя усилія, чтобы освободиться, наконецъ, отъ душащаго ее гнета...

Съ другой стороны, правы тѣ, кто указываетъ, что ослабленіе стараго думскаго центра отчасти объясняется тѣмъ стихійнымъ психологическимъ закономъ, по которому организаціи, уже сдѣлавшіяся предметомъ общественной критики, какъ бы ни были велики ихъ заслуги, занимаютъ всегда менѣе выгодное положеніе, чѣмъ организаціи, впервые выступающія на политическую арену. Главнымъ же образомъ здѣсь играло роль то страшное давленіе правительства, для котораго к.-д. являлись несомнѣнно самымъ грознымъ и опаснымъ противникомъ.

И тѣмъ не менѣе тамъ, гдѣ политическое самосознаніе избирателей стояло на болѣе высокомъ уровнѣ, въ обѣихъ столицахъ подавляющимъ большинствомъ прошли въ Думу члены к.-д. партіи. Избиратели проявили здѣсь ту политическую зрѣлость, которая эмоціи и настроеніе подчиняетъ голосу разсудка и требованіямъ политической необходимости. Могъ ли вполнѣ сознательный избиратель подать свой голосъ за лѣвый блокъ, соединявшій въ себѣ столь различныя, по многимъ пунктамъ діаметрально противоположныя тактики и программы? Могъ ли онъ вступить на путь, полный неизвѣстности, преувеличенныхъ ожиданій и опасныхъ экспериментовъ?

Постоянное напряженное ожиданіе, вѣра въ близость очистительной бури составляетъ, несомнѣнно, частью сознательное, частью безсознательное основаніе всѣхъ разсужденій и тактики лѣвыхъ. Въ послѣднее время, когда эта вѣра вслѣдствіе подавленности и безотвѣтности массъ населенія нѣсколько поколебалась, всякій предлогъ, способствующій ея возрожденію, кажется достаточнымъ. Лѣвыя партіи, пишетъ Пѣшехоновъ, своей выборной кампаніей успѣли возбудить въ бездѣятельной средѣ движенія. «И кто знаетъ, это слабое и еле замѣтное движеніе не является ли началомъ новаго большого подъема?».

Мы не пустимся вслѣдъ за Пѣшехоновымъ въ область рискованныхъ предположеній и догадокъ. Скажемъ только, что вопреки утвержденію Іорданскаго к.-д. партія прошла въ Думу въ общемъ вполнѣ самостоятельно и не собирается играть въ ней роль отряда, прикрывающаго наступленіе лѣвыхъ.

Остается разсмотрѣть послѣднее утвержденіе Іорданскаго относительно того, что тактика к.-д. партіи покоится на недовѣріи къ массамъ населенія, на отрицаніи непосредственной дѣятельности этихъ масъ въ созданіи новаго права. Здѣсь слѣдуетъ остановиться на статьѣ А. Петрищева «О запечныхъ людяхъ», помѣщенной въ той же январской книгѣ «Русскаго Богатства».

«Запечные» люди, индиферентные обыватели силою вещей втягиваются въ политику, принуждаются такъ или иначе выступать на политическую арену. Лозунгъ: «земля и новая власть» въ его конкретной формулировкѣ имѣетъ всѣ данныя, чтобы объединить волю массы. Но допустимъ, замѣчаетъ г. Петрищевъ, что ближайшія причины недовольства запечнаго человѣка устранены; что же будетъ дальше? «Учредительное собраніе, народовластіе или «первый консулъ», «генералъ на бѣломъ конѣ?» Насколько я знаю запечнаго человѣка, онъ, браня нынѣшнее начальство, весьма твердо стоитъ на томъ, чтобы новому начальству жалеванье назначить поменьше. Однако боюсь, что вопросы политическаго устройства, гораздо болѣе существенные, но менѣе конкретные, чѣмъ вопросъ о жалованьи, для запечнаго человѣка имѣютъ чисто академическій интересъ. И не знаю я, куда онъ, отрѣшившись отъ личнаго раздраженія, направитъ свой бѣгъ: къ тому ли, что прочнѣе и правильнѣе, что вѣрнѣе обезпечиваетъ общенародныя нужды и права, или туда, гдѣ ближе къ печкѣ?».

Запечный человѣкъ однимъ своимъ появленіемъ на общественной аренѣ успѣлъ уже наложить на движеніе свой отпечатокъ. Центръ тяжести перемѣщается на тактику и притомъ даже не въ смыслѣ намѣчанія ближайшихъ цѣлей, а въ смыслѣ рѣшимости дѣйствовать тѣмъ или инымъ оружіемъ. И г. Петрищевъ задается вопросомъ: «Кто первый съ крикомъ: земля и новая власть, разломаетъ ледъ? Гвардейскій солдатъ? Армейскій офицеръ? Рязанскій мужикъ? По какой дорогѣ пойдетъ тогда масса, перешагнувъ черезъ таинственный и страшный порогъ и будетъ идти по инерціи, доколѣ не разсыплется?».

Статья г. Петрищева является прямымъ отвѣтомъ г. Іорданскому. Если констатировать низкую степень политическаго развитія массъ, главнымъ образомъ, конечно, нашей деревни—значитъ не довѣрять этимъ массамъ—то г. Іорданскій будетъ по-своему правъ. Выучиться хорошо плавать можно только въ водѣ и сдѣлаться вполнѣ гражданиномъ русскій обыватель можетъ только при созданіи элементарныхъ гарантій политической свободы. Сознаніе ея необходимости существуетъ въ массахъ, и въ этомъ смыслѣ к.-д. партія опирается на массы и является глубоко демократической партіей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для партіи является несомнѣннымъ и открытымъ вопросомъ, что можетъ принести странѣ «непосредственная дѣятельность массъ въ созданіи новаго права», какъ выражается г. Іорданскій. Для того, чтобы отвѣтить на него, нужно прежде всего условиться, что именно слѣдуетъ понимать подъ такого рода «непосредственной дѣятельностью».

Косвеннымъ отвѣтомъ г. Іорданскому служатъ также статьи гг. Семенова и Чулкова, основанныя на личныхъ наблюденіяхъ, помѣщенныя въ январской книгѣ «Современной Жизни», и задающіяся вопросомъ, что представляетъ собой черносотенная армія, и гдѣ она черпаетъ свои силы.

Оба автора считаютъ ошибочнымъ тотъ взглядъ, согласно которому черная сотня состоитъ исключительно изъ глупцовъ, негодяевъ и продажныхъ душъ и вербуется изъ отбросовъ общества, организуемыхъ агентами полиціи. Они указываютъ на то, что черносотенная масса комплектуется главнымъ образомъ изъ среднихъ и мелкихъ торговцевъ, мастеровъ-хозяевъ мелкихъ ремесленныхъ заведеній, безработныхъ, босяковъ и рабочихъ, которые еще недавно считались порядочными людьми и по своему горячо преданы рабочему дѣлу. Главная сила и опасность черносотеннаго движенія заключается именно въ томъ, что зачастую на его сторону какъ-то вдругъ переходитъ значительная часть той уличной толпы, которая за день или за два передъ тѣмъ съ увлеченіемъ шла за краснымъ знаменемъ. Основная причина этому странному на первый взглядъ явленію кроется въ той путаницѣ, которая создалась въ головѣ темнаго человѣка, благодаря цѣлому ряду новыхъ быстро надвинувшихся событій. «Вѣковая тьма и рабство не подготовили массы къ воспріятію новаго. Нынѣшнее запутанное положеніе съ противоположными интересами и идеологіями не разрѣшило тьмы»... Но на-ряду съ этимъ немалую роль играла и рѣзкость поведенія крайнихъ лѣвыхъ, ошибочность ихъ тактики, преувеличенность требованій и надеждъ, которыя они возлагали на темныя массы. Послѣ двухмѣсячной тяжелой стачки ивановскихъ рабочихъ, вслѣдствіе которой они впали въ крайне бѣдственное положеніе, идеологи пролетаріата звали ихъ на новую стачку и тѣмъ толкали инертныхъ и уставшихъ въ ряды черной сотни. Этимъ обстоятельствомъ умѣло пользовались реакціонеры, сваливая все на «красныхъ» и по своему толкуя событія. Но самое интересное—это, конечно, то, что эта же самая черная сотня является зачастую оппозиціоннымъ элементомъ. Умѣлыя рѣчи о тяжеломъ положеніи рабочаго люда, о правительственномъ гнетѣ и необходимости свободы вызываютъ въ простой черносотенной аудиторіи бурное выраженіе сочувствія. Такъ колеблется безсознательная масса между двумя смутными идеалами, и правъ г. Семеновъ, когда онъ пишетъ объ обязанности всѣхъ прогрессивныхъ партій обратить самое серьезное вниманіе на развитіе сознанія и политическое воспитаніе народныхъ массъ.

Выборная кампанія, которая такъ окрылила гг. Пѣшехонова и Іорданскаго, заставила напротивъ г. Плеханова задуматься. Въ январской книгѣ *Современной Жизни* помѣщены чрезвычайно интересныя его «Замѣтки публициста», посвященныя разбору тактики нашихъ с.-д.

«Поскоблите нашего эсъ-дека,—пишетъ Плехановъ,—вы очень часто найдете утописта; теперь я прибавлю, что большевика даже и скоблить нѣтъ никакой надобности: его утопизмъ и безъ того бросается въ глаза всякому, хоть немного понимающему дѣло, это утопизмъ, возведенный въ квадратъ».

Плехановъ разсказываетъ о томъ, какъ одинъ «видный большевикъ» получилъ въ отвѣтъ на свое письмо телеграмму отъ Гэда слѣдующаго содержанія: «Обязанность соціалиста—бороться противъ абсолютизма. Если нельзя выставить кандидата своего класса—надо входить въ коалиціи». Видный большевикъ чрезвычайно огорчился и съ грустью рѣшилъ, что самъ основатель французской рабочей партіи заболѣлъ оппортюнизмомъ. «Бѣдный «видный большевикъ»!—съ юморомъ замѣчаетъ Плехановъ.—Онъ, право же, трогателенъ въ своей святой простотѣ!»

Однако, несомнѣнно, эта святая простота ведетъ къ тѣмъ ошибкамъ, многочисленнымъ, какъ звѣзды на небѣ, какъ песчинки на берегу моря, которыя заставляютъ противъ ихъ воли наши лѣвыя партіи играть иногда чисто реакціонную роль. Желаніе побить рекордъ въ радикализмѣ, формула: да—да, нѣтъ—нѣтъ, исчерпывающая всѣ логическія возможности—таковы основанія ихъ тактики.

«Въ головѣ утописта,—пишетъ далѣе Плехановъ,—мирно уживаются самыя непримиримыя противорѣчія. Сегодня онъ скажетъ вмѣстѣ съ вами, что въ политикѣ самымъ радикальнымъ нужно признать то средство, которое скорѣе всѣхъ другихъ ведетъ къ цѣли. А завтра онъ будетъ разсматривать средства совершенно независимо отъ ихъ цѣлесообразности; завтра онъ совсѣмъ позабудетъ — ровно никогда и не слыхивалъ! — что значеніе всякаго средства относительно, и что нѣтъ такого средства, которое было бы хорошо само по себѣ, хорошо безусловно, а не потому, что оно быстро и вѣрно ведетъ къ конечной цѣли. И только потому, что мышленіе утописта исполнено противорѣчій, только потому, что оно не прошло черезъ закаляющую школу діалектики, возможны такіе факты,—повторяющіеся у насъ чуть не ежедневно, — что какое-нибудь отдѣльное средство борьбы, скажемъ хоть демонстрація, берется внѣ всякой связи съ общимъ ходомъ движенія и признается болѣе или менѣе радикальнымъ по сравненію съ другимъ, тоже отдѣльно взятымъ средствомъ, напр. хоть съ насильственными дѣйствіями. И тотъ, кто отклоняетъ средство, признанное наиболѣе радикальнымъ при такомъ нелѣпомъ методѣ оцѣнки, считается радикаломъ, а тотъ, кто отвергаетъ его, объявляется умѣреннымъ и иногда...—это ужъ верхъ комизма!»

Статья Плеханова имѣетъ несомнѣнный интересъ, но, кажется, она нѣсколько суживаетъ вопросъ. Всѣ мы были свидѣтелями того, что тѣ методы борьбы и та тактика нашихъ с.-д., на которую нападаетъ Плехановъ, не только не вызвала отлученія ихъ отъ церкви единоспасающей ортодоксіи, или по крайней мѣрѣ неодобренія со стороны международнаго соціализма, но, напротивъ, если откинуть нѣсколько отдѣльныхъ мнѣній по тому или иному частному вопросу вродѣ приведенной выше телеграммы Гэда, слѣдуетъ признать, что im Grossen und Ganzen международный соціализмъ всячески морально поддерживалъ и одобрялъ нашихъ с.-д. Изъ этого характернаго факта вытекаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся вообще соотношенія теоріи и тактики современнаго ортодоксальнаго марксизма,—

вопросовъ, которые затрогиваетъ и освѣщаетъ А. Щепетовъ въ своей чрезвычайно интересной статьѣ «Современный анархизмъ и классовая точка зрѣнія», помѣщенной въ *Русскомъ Богатствѣ*.

Согласно циркулирующимъ въ широкой публикѣ воззрѣніямъ, коренная разница между коммунистическимъ анархизмомъ и соціализмомъ, стремящимися къ уничтоженію частной собственности и передачѣ орудій производства въ руки самого народа, заключается въ томъ, что анархистской проповѣди свободнаго соглашенія, свободной федераціи группъ противопоставляется государственная точка зрѣнія соціализма. Эти воззрѣнія, как неопровержимо доказываетъ Щепетовъ, должны быть признаны безусловно ошибочными. Если откинуть взглядъ Менгера, который никоимъ образомъ не можетъ считаться выразителемъ ортодоксальнаго марксизма, и который придаетъ организаціи будущаго государственный характеръ, слѣдуетъ признать, что вожди ортодоксальнаго марксизма вполнѣ опредѣленно говорятъ объ исчезновеніи государственной организаціи и несовмѣстимости ея съ будущимъ общественнымъ строемъ.

«Какъ только будетъ положенъ конецъ угнетенію одного общественнаго класса другимъ,—говоритъ Энгельсъ,—какъ только вмѣстѣ съ классовымъ господствомъ и борьбою за существованіе будутъ устранены и всѣ возникающія благодаря имъ коллизіи и аномаліи, не будутъ имѣть мѣста и всѣ явленія, вызываемыя нынѣ необходимостью репрессій, и потому существованіе особой сдерживающей власти государства потеряетъ всякій смыслъ. Первый шагъ выступленія государства въ качествѣ дѣйствительнаго представителя всего общества, захватъ средствъ производства во имя общества будетъ въ то же время и послѣднимъ самостоятельнымъ актомъ государства... Государство не уничтожается, оно умираетъ».

Приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ говорятъ объ этомъ и Бебель.

Точно такъ же цѣлымъ рядомъ цитатъ изъ сочиненій вождей анархизма г. Щепетовъ доказываетъ, что современный коммунистическій анархизмъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія абсолютныхъ индивидуалистическихъ тенденцій. «Общественные интересы требуютъ разсмотрѣнія вопросовъ съ общественной точки зрѣнія, и въ случаѣ конфликта между личностью и обществомъ современный анархизмъ не останавливается даже передъ перспективами удаленія и устраненія неудобныхъ и нежелательныхъ элементовъ изъ хозяйственной группы и тѣмъ возлагаетъ на нее нѣкоторыя обязанности полицейскаго, такъ сказать, характера».

Столь же мало основаній выставлять, какъ отличительную черту современнаго анархизма, коммунистическій характеръ его идеаловъ, противополагая ихъ соціалистическимъ построеніямъ.

Въ общемъ «и то и другое міросозерцаніе исходитъ изъ убѣжденія въ неизбѣжности крушенія современнаго капиталистическаго строя уже въ силу тѣхъ противорѣчій, какія этотъ строй развиваетъ все въ большей и большей степени, и согласно положеніямъ марксистской догмы классовой борьбы оба устанавливаютъ для пролетаріевъ непримиримую гражд

ціонную позицію въ современномъ обществѣ; и то и другое міросозерцаніе предполагаетъ отсутствіе правонарушеній въ будущемъ обществѣ и потому отрицаетъ государственный характеръ его организаціи, проектируя существованіе нѣкоторыхъ хозяйственныхъ коллективовъ, объединенныхъ тѣмъ или инымъ образомъ въ своей хозяйственной дѣятельности; и то и другое теченіе не задается въ то же время положительными задачами соціальнаго творчества въ настоящемъ, не желая, съ одной стороны (марксисты), вдаваться въ утопію и заниматься безпочвеннымъ прожектерствомъ, съ другой (анархисты),—будучи увѣрено, что духъ разрушенія есть созидающій духъ; и наконецъ и для того и для другого теченія главнѣйшей и единственной задачей является соціальная революція, долженствующая разрушить въ корнѣ основы современнаго строя и на смѣну ему выдвинуть совершенно иные принципы общественнаго устройства».

Слѣдуетъ отмѣтить также, что анархистская пропаганда дѣйствіемъ между прочимъ не представляетъ изъ себя характернаго и обязательнаго для всего коммунистическаго анархизма способа борьбы.

Расхожденіе между соціализмомъ и анархизмомъ касается другихъ болѣе важныхъ вопросовъ тактики. Анархизмъ отрицательно относится ко всѣмъ формамъ легальной политической борьбы, къ необходимости которой послѣ долгихъ колебаній пришли западно-европейскіе соціалисты. И г. Щепетовъ задается основнымъ вопросомъ своей статьи, вытекаютъ ли въ смыслѣ логической послѣдовательности изъ современнаго марксистскаго міровоззрѣнія практикуемые теперь огромнымъ большинствомъ соціалистовъ методы тактики — участіе въ парламентской борьбѣ или, напротивъ, въ смыслѣ вѣрности все той же ортодоксіи болѣе правъ въ этомъ отношеніи анархизмъ.

Понятно, что при изслѣдованіи этого вопроса г. Щепетовъ оставляетъ въ сторонѣ правое крыло современнаго марксизма, которое въ этомъ отношеніи является вполнѣ послѣдовательнымъ. Вѣдь «ревизіонизмъ» не закрываетъ глазъ на несоотвѣтствіе формъ развитія производительныхъ силъ, какія наблюдаются въ дѣйствительности, съ тѣми, которыя проектировались Марксомъ и Энгельсомъ. «Признавая несомнѣнно эволюціонный характеръ этого развитія, «ревизіонисты» признаютъ негодными не только самые способы борьбы, диктуемые старой революціонной теоріей, но оставляютъ и самую революціонную фразеологію и въ своей практической дѣятельности ставятъ себѣ задачей мирную парламентскую работу, главный смыслъ которой они видятъ въ осуществленіи извѣстныхъ соціальныхъ реформъ, диктуемыхъ интересами хозяйственнаго развитія. Ревизіонисты не признаютъ безусловной противоположности и непримиримости интересовъ буржуазіи и пролетаріата; наоборотъ, устанавливая извѣстныя, имѣющіяся въ дѣйствительности точки соприкосновенія въ извѣстные промежутки времени, они выводятъ отсюда принципъ сотрудничества классовъ и тѣмъ оправдываютъ и объясняютъ свою законодательную дѣятельность въ парламентѣ».

Другое дѣло ортодоксальные марксисты. Стоя на чисто классовой точкѣ зрѣнія, разсматривая государство исключительно какъ орудіе классоваго государства, они должны признать, что орудіе это находится въ значительной мѣрѣ въ рукахъ представителей народа, въ рукахъ современныхъ парламентовъ. «Участвуя въ парламентахъ и въ парламентской работѣ, соціалисты, слѣдовательно, принимаютъ участіе и въ осуществленіи государственной власти, въ частномъ случаѣ въ примѣненіи орудія классоваго угнетенія по отношенію къ пролетаріямъ». Если непримиримые соціалисты говорятъ, что Мильеранъ, находясь въ средѣ буржуазнаго министерства, морально содѣйствовалъ его престижу, то, быть можетъ, по своему послѣдовательны анархисты, которые говорятъ, что соціалистическіе депутаты, засѣдающіе въ буржуазныхъ парламентахъ и принимающіе участіе въ ихъ законодательной дѣятельности, оправдываютъ своимъ участіемъ ихъ антипролетарскую политику, покрываютъ ихъ преступленія противъ рабочаго класса, а главное затушевываютъ ту непримиримую классовую позицію пролетаріата, которая устанавливается марксистской теоріей.

Таковы выводы г. Щепетова въ примѣненіи къ разбиравшимся нами ранѣе вопросамъ; они имѣютъ слѣдующее значеніе: западно-европейскіе соціалисты, придерживаясь на словахъ ортодоксіи и революціонной фразеологіи, давно уже по причудливой и извилистой линіи практики обошли свои теоретическія посылки; ошибки русскихъ соціалистовъ вытекали изъ того, что они, быть можетъ, слишкомъ строго и послѣдовательно примѣняли всѣ тѣ основы своего вѣроученія, которыя для западныхъ с.-д. потеряли уже свою практическую цѣнность.

Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться съ авторомъ цитируемой нами статьи въ слѣдующемъ: «Чтобы сохранить свою идейную цѣлостность и логическую послѣдовательность, современный марксизмъ долженъ взвѣсить научную цѣнность обоихъ противорѣчивыхъ своихъ положеній—эволюціонной теоріи развитія производительныхъ силъ и революціонно-непримиримой классовой точки зрѣнія—и обосновать свои тактическіе методы въ зависимости отъ исключенія того или другого принципа изъ теоретическихъ своихъ построеній».

«Ликвидація ортодоксіи идетъ усиленнымъ темпомъ, ибо ортодоксія сама себя разрушаетъ».

Ѳ. Арнольдъ.

Законодательство и жизнь.

Предвыборный періодъ и его условія въ Россіи.—Циркуляры премьеръ-министра о свободѣ выборовъ.—Вмѣшательство полиціи въ предвыборныя собранія.—Исключеніе изъ списковъ и другія мѣры къ созданію послушной Думы.—Выяснившіеся до сихъ поръ результаты выборовъ.—Политика правительства карательная и законодательная.—Голодъ и продовольственныя мѣропріятія.

Доминирующими фактами въ общественной жизни за прошлый мѣсяцъ были выборы въ Государственную Думу и подготовка къ нимъ. Происходили они въ той же ужасной политической атмосферѣ, въ которой Россія находилась все послѣднее время и которая была бы совершенно невозможна во время парламентскихъ выборовъ ни въ какой культурной странѣ. Повсюду въ выборный періодъ свобода слова, печати, собраній, особенно строго охраняется и предѣлы ея даже расширяются, сравнительно съ обыкновенными условіями. Причина этого вполнѣ понятна: для того чтобы представительное собраніе дѣйствительно выражало мнѣнія и желанія страны, необходимо, чтобы выборы представителей были произведены вполнѣ сознательно, т.-е. чтобы каждый избиратель, прежде чѣмъ подать свой голосъ, уяснилъ бы, во-первыхъ, свое собственное отношеніе къ стоящимъ на очереди политическимъ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію будущаго состава парламента и, сообразно со своими симпатіями присоединился бы, если возможно, къ одной изъ существующихъ въ странѣ политическихъ партій; во-вторыхъ, чтобы онъ опредѣлилъ возможно точно политическую физіономію всѣхъ предлагаемыхъ къ избранію лицъ; наконецъ, партіи и отдѣльные избиратели должны сговориться между собою относительно техническихъ условій и способовъ проведенія намѣченныхъ ими лицъ, составленія и распространенія партійныхъ избирательныхъ списковъ, заключенія союзовъ и блоковъ и т. п. Все это возможно только при самой широкой свободѣ слова и всякаго рода сношеній и обмѣна мыслей между избирателями и при добросовѣстной и строгой охранѣ какъ этой свободы, такъ и вообще личности и правъ каждаго избирателя со стороны существующихъ властей. Ничего подобнаго у насъ не было ни въ предвыборномъ періодѣ, ни во время самыхъ выборовъ. Выборы происходили

при наличности почти во всей России усиленной и чрезвычайной охраны или военнаго положенія, т.-е. при дѣйствіи легализованнаго произвола, общая атмосфера котораго распространялась и на мѣстности, не находившіяся формально въ исключительномъ положеніи. Даже самое ужасное изъ проявленій этого легализованнаго произвола—военно-полевые суды неукоснительно продолжали и продолжаютъ свое кровавое дѣло, превратившись изъ крайняго средства борьбы съ революціей въ обыденное, почти нормальное принесеніе въ жертву человѣческихъ жизней, большею частью мало замѣтныхъ и не имѣющихъ часто никакого отношенія къ революціи. Каждое утро, прочитывая газеты, русскій обыватель получаетъ извѣстіе о казни нѣсколькихъ своихъ соотечественниковъ ad majorem gloriam бюрократическаго самовластія. Какъ Одиссей въ пещерѣ у циклопа, каждое утро онъ видитъ, что ненасытный великанъ-людоѣдъ, «окончивъ съ заботливымъ спѣхомъ работу, снова похитилъ двоихъ на ужасную пищу». Только рѣдко ежедневное число погибшихъ ограничивается двумя; обыкновенно ихъ бываетъ около пяти. Такъ, наприм., за пять дней съ 9 по 14 января ихъ было (считая только исполненные за это время приговоры) ровно двадцать пять—въ томъ числѣ, по крайней мѣрѣ, семь—за простые грабежи. Въ концѣ-концовъ обыватель свыкается съ такимъ положеніемъ вещей и перестаетъ реагировать на эти ужасы, развѣ только произойдетъ что-нибудь такое, что и въ этой сферѣ окажется выдающимся, вродѣ повѣшенія въ Одессѣ по ошибкѣ двухъ братьевъ Тругеръ, несчастная мать которыхъ сошла съ ума. Очевидно, что жизнь при подобныхъ условіяхъ уже сама по себѣ не можетъ не вліять или озлобляющимъ, или угнетающимъ образомъ на душевное состояніе избирателей, лишая ихъ въ томъ и другомъ случаѣ или спокойствія, или энергіи, равно необходимыхъ для правильнаго и сознательнаго выполненія выборной задачи. Но и помимо этихъ общихъ условій, нынѣшніе выборы проходили подъ вліяніемъ всякаго рода спеціальныхъ стѣсненій со стороны правительства и его агентовъ какъ предвыборной работы неугодныхъ ему партій, такъ и самыхъ выборовъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ надо различать слова правительства, особенно центральнаго, отъ его дѣлъ, а въ особенности отъ дѣйствій мѣстной администраціи. Слова были вотъ какія. Министръ внутреннихъ дѣлъ сначала послалъ циркулярную телеграмму губернаторамъ и градоначальникамъ, въ которой говорилось, что въ министерство поступаютъ жалобы на то, что губернскія начальства обусловливаютъ созывъ предвыборныхъ собраній требованіями, не имѣющими основанія въ законѣ и не вызываемыя необходимостью и, такимъ образомъ, затрудняютъ избирателямъ осуществленіе ихъ правъ. Поэтому министръ разъяснялъ, «что законъ, постановляя облегченныя правила о предвыборныхъ собраніяхъ, имѣлъ въ виду особо важное ихъ значеніе для сознательнаго производства выборовъ, а, слѣдовательно, мѣстныя власти должны избѣгать въ этомъ дѣлѣ всякаго рода стѣсненій, не оправдываемыхъ строгой необходимостью, а тѣмъ болѣе не имѣющихъ совершенно опред

леннаго и точнаго основанія въ законѣ, и вообще должны относиться къ дѣлу выборовъ съ особымъ вниманіемъ и осторожностью, внушая ихъ и подвѣдомственнымъ должностнымъ лицамъ; наблюденіе же полиціи за тѣмъ, чтобы въ собраніяхъ не участвовали лица, не имѣющія избирательныхъ правъ, должно быть ограничено повѣркою именъ посѣтителей у входа въ помѣщеніе, гдѣ происходитъ собраніе». Черезъ нѣсколько дней вышелъ другой циркуляръ, въ которомъ предсѣдатель совѣта министровъ, обращаясь къ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ, высказывалъ уже свои взгляды не только на характеръ и направленіе правительственной выборной тактики, но и на значеніе выборовъ въ Думу вообще. Указавъ на то, что нѣкоторыя политическія партіи, не ограничиваясь распространеніемъ среди населенія своихъ взглядовъ и убѣжденій путемъ печати и собраній, «силятся представить въ искаженномъ свѣтѣ дѣйствія и намѣренія правительства», премьеръ-министръ продолжаетъ: «Вамъ, какъ представителю власти, не надлежитъ вмѣшиваться въ борьбу партій и производить давленіе на выборы. Подтверждаю неоднократныя указанія мои на обязанность вашу ограждать полную свободу выборовъ, пресѣкая лишь самымъ рѣшительнымъ образомъ попытки использовать публичныя собранія для агитаціи революціонной». Далѣе слѣдуетъ указаніе на необходимость опроверженія всѣхъ ложныхъ слуховъ о намѣреніяхъ правительства, заявленіе о неизмѣнности правительственной политики, «не могущей поддаваться какимъ-либо колебаніямъ вслѣдствіе обстоятельствъ случайныхъ и преходящихъ», изложеніе взглядовъ правительства на значеніе Государственной Думы и категорическое отрицаніе приписываемаго правительству намѣренія «создать Думу лишь съ цѣлью ея непремѣннаго роспуска и возвращенія къ прежнимъ осужденнымъ Государемъ порядкамъ, краткое перечисленіе подготовляемыхъ правительствомъ для внесенія въ Думу законопроектовъ, обычное подтвержденіе того, что правительство и по отношенію къ Думѣ «будетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ неуклонно держаться существующихъ законовъ» и въ заключеніе не менѣе обычный refrain всѣхъ министерскихъ заявленій и циркуляровъ о томъ, что «правительство твердо и послѣдовательно будетъ преслѣдовать нарушителей права, прекращать со всей строгостью возникающіе безпорядки и стоять на стражѣ спокойствія страны, примѣняя до полнаго успокоенія всѣ находящіяся въ его распоряженіи законныя средства». Какъ и всегда бываетъ, изъ этой декларація не видно лишь того, кто считается нарушителемъ права и кто производитъ безпорядки, легализованные ли бѣлогвардейцы, открыто и безнаказанно разбойничающіе на улицахъ, какъ это было, наприм., въ Одессѣ 23 января, или члены какой-нибудь нелегализованной партіи, совершенно мирно передающіе списокъ рекомендуемыхъ ими выборщиковъ и за это арестуемые, какъ это было, наприм., въ Москвѣ 25 и 28 января. Не особенно ясно также, что именно разумѣется въ циркулярѣ подъ названіемъ законныхъ средствъ, такъ какъ при дѣйствіи исключительныхъ положеній какія же средства могутъ быть незаконны? Но

какъ бы формально-законны они ни были, всетаки утѣшеніе не больно, если они сведутся къ тѣмъ же испытаннымъ средствамъ: административнымъ арестамъ, высылкамъ и ссылкамъ десятковъ тысячъ людей и ежедневнымъ разстрѣламъ и повѣшеніямъ. Конечно, и теперь могутъ быть и бываютъ факты, какъ будто ужъ совсѣмъ незаконные, вродѣ того, который произошелъ, наприм., 16 января въ Варшавѣ: идутъ двое обывателей: Краевскій и Кардашевичъ, встрѣчаются съ неизвѣстными людьми, которые кричатъ имъ «руки вверхъ», и когда тѣ не послушались и побѣжали, то стрѣляютъ въ нихъ и опасно ранятъ обоихъ. Вы думаете это были разбойники? Нѣтъ, это были агенты охраны, дѣйствовавшіе на законномъ основаніи, такъ какъ они хотѣли обыскать заподозрѣнныхъ ими прохожихъ. Кромѣ такихъ отдѣльныхъ проявленій кровавыхъ беззаконій, есть другія систематически организованныя и потому еще болѣе ужасныя. Изъ англійскихъ и французскихъ газетъ мы съ ужасомъ и стыдомъ узнаемъ, что въ Россіи существуютъ пытки и не какъ случайное явленіе, а какъ постоянный институтъ. Въ рижской тюрьмѣ существуетъ спеціальный застѣнокъ для производства пытокъ со всѣми приспособленіями: скамьей съ ремнями, желѣзными розгами, желѣзными иглами, тисками, резиновыми кишками со свинцомъ; каждое изъ орудій носитъ особое названіе: «Божья милость», «благословеніе» и т. д. Есть и спеціальные палачи, но имъ иногда помогаютъ и добровольцы-бароны. Подробности пытокъ описаны съ такой обстоятельностью, что не остается мѣста сомнѣніямъ. Названы и имена нѣкоторыхъ подвергнутыхъ пыткѣ (16 именъ) и нѣкоторыхъ палачей. Никакого опроверженія не послѣдовало. Есть слухи, что пытки производятся и въ Варшавѣ.

Какъ бы то ни было, правительство устами премьеръ-министра совершенно опредѣленно заявило, что оно будетъ ограждать полную свободу выборовъ и само совершенно устраняется отъ всякаго въ нихъ вмѣшательства. Это заявленіе было повторено петербургскимъ градоначальникомъ, который послѣ перваго циркуляра издалъ приказъ по полиціи, знакомящій приставовъ съ задачами и значеніемъ предвыборныхъ собраній и особенно подчеркивающій, что пристава должны избѣгать всякаго рода стѣсненій и относиться къ выборамъ съ особой осторожностью и вниманіемъ. Московскій градоначальникъ распорядился расклеить на улицахъ Москвы извлеченіе изъ второго принципіальнаго циркуляра премьеръ-министра. Оба эти циркуляра были, конечно, сообщены заграничнымъ газетамъ и явились для заграницы подтвержденіемъ разговоровъ г. Столыпина съ иностранными корреспондентами о томъ, что выборы у насъ происходятъ въ такой свободной обстановкѣ, какъ въ любомъ самомъ свободномъ государствѣ. Такова теорія, выражаемая словами, а вотъ какова практика, выражающаяся въ дѣйствіяхъ; по отношенію къ предвыборнымъ собраніямъ имѣются слѣдующія извѣстія. Въ Тулѣ на предвыборномъ собраніи городскихъ избирателей приставъ много разъ прерывалъ ораторовъ безъ всякаго повода, такъ что предсѣдатель собранія принужденъ былъ г на-

комить его съ правилами о собраніяхъ. Но послѣ словъ одного оратора, призывавшаго избирать въ Думу депутатовъ, которые бы стояли за землю и волю, собраніе всетаки было закрыто полиціей. Въ Дмитровскѣ (Орловской губ.) предвыборное собраніе, несмотря на то, что оно происходило подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства и въ домѣ уѣзднаго съѣзда, было наполнено чинами полиціи, находившимися и внутри зданія, и на улицѣ кругомъ него. Кромѣ полиціи вокругъ дома стояли солдаты и конные казаки; исправникъ записывалъ фамиліи говорившихъ и ихъ рѣчи. Такая необычная обстановка заставила большинство избирателей сидѣть дома: изъ 800 избирателей на собраніе прибыли не болѣе 100, и то преимущественно чиновники и духовенство. Рѣчи были тоже очень кратки и сдержанны: говорилъ почти одинъ предсѣдатель, а ему возражать никто не рѣшался. Но здѣсь собраніе, по крайней мѣрѣ, благополучно дошло до конца. А вотъ въ Ельцѣ дѣло не обошлось безъ инцидентовъ. Изъ собранія союза 17 октября (на который приглашались не одни члены союза) насильственно удаленъ былъ А. А. Стаховичъ, причемъ приставъ схватилъ его за грудь и крикнулъ городовому: «выведи». Если такое обращеніе допускается по отношенію къ бывшему предводителю дворянства и человѣку, имѣющему большія связи, то ясно, чего можетъ ожидать въ подобныхъ случаяхъ обыкновенный, мелкій обыватель. Это происходило 3 января, а 10 января на предвыборномъ собраніи приставъ всячески старался дѣлать всевозможныя затрудненія, требовалъ въ серединѣ засѣданія провѣрки правъ присутствовавшихъ (вопреки первому циркуляру), прерывалъ ораторовъ, не позволялъ говорить о японской войнѣ, о земскихъ начальникахъ, о военно-полевыхъ судахъ и, наконецъ, закрылъ собраніе. Таковъ образъ дѣйствій полиціи не только въ провинціальныхъ предвыборныхъ собраніяхъ, но и въ столичныхъ. Въ Петербургѣ на предвыборномъ собраніи, созванномъ союзомъ 17 октября въ помѣщеніи Калашниковской биржи, во время рѣчи П. Н. Милюкова, когда, возражая Бобрищеву-Пушкину, онъ началъ излагать ученіе государственнаго права о значеніи монархіи и республики и выяснять основанія, по которымъ партія народной свободы стоитъ за монархію и парламентаризмъ, приставъ потребовалъ закрытія собранія.

Несмотря на шумный протестъ, собраніе принуждено было разойтись. 25 января въ Петербургѣ же на предвыборномъ собраніи, бывшемъ въ залѣ гражданскихъ инженеровъ, произошелъ такой инцидентъ. Когда послѣ нѣсколькихъ кадетовъ сталъ говорить г. Войтинскій, съ точки зрѣнія соціалъ-демократовъ, то присутствовавшій на собраніи приставъ заявилъ, что если ораторъ не прекратитъ рѣчи, то будетъ арестованъ. Войтинскій перестадъ говорить и сошелъ съ каѳедры; но во время рѣчи смѣнившаго его Милюкова, въ залѣ раздался крикъ, что Войтинскаго арестовали. Собраніе стало требовать его освобожденія и не успокоилось, пока Войтинскій не появился въ залѣ; тогда всѣ присутствующіе, окруживъ его, вмѣстѣ съ нимъ, толпой вышли на улицу; собраніе такимъ образомъ закрылось. Въ

Москвѣ послѣ предвыборнаго собранія, бывшаго 25 января въ домѣ Полякова двое изъ участниковъ собранія были арестованы, не за рѣчи, впрочемъ, а за передачу другимъ участникамъ списка лицъ, рекомендуемыхъ въ выборщики соціалистическими партіями, хотя въ этомъ спискѣ не было никакого воззванія, вообще ничего, кромѣ именъ. Самое собраніе было закрытó приставомъ на томъ основаніи, что онъ въ первомъ говорившемъ усмотрѣлъ соціалъ-демократа, хотя въ рѣчи оратора не было сказано ничего отъ имени партіи. Рѣчь была дослушана до конца и приставъ объявилъ, что онъ закрываетъ собраніе въ тотъ моментъ, когда никто изъ записавшихся послѣ перваго оратора ничего еще не сказалъ. Почти всѣ бывшія за это время въ Москвѣ предвыборныя собранія не могли быть доведены до конца вслѣдствіе вмѣшательства представителей полиціи, которые вообще распоряжались на собраніяхъ какъ хозяева. На собраніи избирателей отъ Московскаго уѣзда предсѣдатель М. В. Челноковъ не могъ даже огласить обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 10 января, такъ какъ приставъ призналъ это оглашеніе неудобнымъ. Извѣстно, что это обязательное постановленіе угрожало штрафомъ въ 500 р. или арестомъ до трехъ мѣсяцевъ и устроителямъ и предсѣдателямъ собраній, на которыхъ будетъ допущено нарушеніе 83 ст. Положенія о выборахъ, а также сообщеніе ложныхъ свѣдѣній и произнесеніе оскорбительныхъ выраженій о дѣятельности правительственныхъ учрежденій и лицъ. Тому же наказанію предполагалось подвергать предсѣдателей собраній за невыясненіе личности ораторовъ или несообщеніе свѣдѣній о ней полицейскому представителю и за допущеніе раздачи участвующимъ въ собраніи воззваній или программъ. Сами виновные въ сказанныхъ нарушеніяхъ должны были подвергаться такому же наказанію. Это распоряженіе имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что нѣсколько районныхъ собраній признали, что при такихъ условіяхъ никакія предвыборныя собранія становятся невозможными и не зачѣмъ ихъ созывать. Черезъ четыре дня однако самъ генералъ-губернаторъ отмѣнилъ свое постановленіе «вслѣдствіе разъясненія предсѣдателя совѣта министровъ о неполномъ соотвѣтствіи» его съ закономъ 4 марта 1906 г. Вотъ это-то постановленіе приставъ счелъ «неудобнымъ» оглашать 12 января, хотя оно тогда и не было еще отмѣнено. Вообще присутствовавшіе на собраніяхъ чины полиціи проявляли гораздо больше усердія, чѣмъ пониманія своихъ законныхъ правъ и обязанностей, и закрывали собранія по самымъ ничтожнымъ поводамъ, не всегда даже соблюдая общія правила вѣжливости. Наприм., закрывая собраніе басманнаго района, приставъ мотивировалъ свое распоряженіе тѣмъ, что въ собраніи происходили «разныя безобразія». Рѣзкія выраженія негодованія со стороны присутствовавшихъ заставили его извиниться, но уже послѣ закрытія собранія. Иногда приставъ прерывалъ ораторовъ потому, что они «осуждали правительство», говоря о дѣлѣ Гурко, иногда потому, что по мнѣнію пристава нельзя на собраніи называть по именамъ существующія въ Россіи партіи, иногда потому [illegible]ю

мнѣнія оратора казались приставу сходными съ програмой какой-нибудь нелегализованной партіи; иногда, наконецъ, оратору не дозволялось говорить противъ союза 17 октября. Когда на собраніи пятницкаго района В. А. Маклаковъ высказалъ, что союзъ 17 октября ни однимъ словомъ не возражаетъ противъ нарушенія правительствомъ манифеста 17 октября, за что и пользуется въ свою очередь поддержкой правительства, онъ былъ остановленъ приставомъ. «Вы видите наглядное подтвержденіе моихъ словъ»,—сказалъ В. А. Маклаковъ, обращаясь къ собранію: «союзъ поддерживаетъ правительство, а правительство защищаетъ союзъ». Въ виду произвола полиціи собраніе рѣшило разойтись. Такимъ же образомъ закрыты были собранія и въ другихъ районахъ. Въ срѣтенскомъ районѣ докладчикъ Н. В. Тесленко видя настроеніе представителя полиціи, прямо заявилъ, что не надѣясь на продолжительность собранія, онъ начнетъ докладъ съ конца, предложивъ выбирать прошлогоднихъ выборщиковъ; немедленно же приставъ потребовалъ закрыть собраніе, а такъ какъ председатель С. К. Говоровъ отказался это сдѣлать, то закрылъ его самъ. Мѣщанское собраніе было закрыто даже не начинаясь, потому что приставъ нашелъ его слишкомъ шумнымъ. Мы нарочно перечислили довольно много случаевъ вмѣшательства полиціи въ предвыборныя собранія, чтобы показать, что они обусловлены были не безтактностью того или иного пристава, а нѣкоторой общей системой, сопоставленіе которой съ министерскими циркулярами, говорящими о свободѣ собраній и невмѣшательствѣ администраціи, хорошо характеризуетъ нашу теперешнюю внутреннюю политику. Эта система распространялась, конечно, не на одни предвыборныя собранія, но и на всякіе способы сношенія и соглашенія избирателей. Мы уже видѣли примѣры того, что, несмотря даже на формальную отмѣну постановленія московскаго генералъ-губернатора, простая передача избирательнаго списка нелегализованной партіи приравнивалась къ преступному дѣянію и вела къ аресту «виновныхъ». Вполнѣ естественнымъ было при такихъ условіяхъ запрещеніе какъ разъ передъ выборами нѣсколькихъ газетъ оппозиціоннаго направленія. Почти одновременно закрыты были *Страна*, *Новь*, *Вѣкъ*, *Народный Путь*. Кромѣ того въ теченіе предвыборнаго періода административнымъ порядкомъ были изъяты изъ продажи отдѣльные нумера *Биржевыхъ Вѣдомостей*, *Новаго Слова*, журнала *Народная Вѣсть* и друг. и разныя брошюры политическаго содержанія. Московскій генералъ-губернаторъ почти одновременно съ постановленіемъ о предвыборныхъ собраніяхъ издалъ также обязательное постановленіе, которымъ введены были разныя новыя стѣснительныя правила о торговлѣ произведеніями печати, съ назначеніемъ за нарушеніе ихъ пятисотрублеваго штрафа или трехмѣсячнаго ареста. Закрытъ былъ книжный магазинъ «Разсвѣтъ» и произведены обыски и изъятія въ нѣкоторыхъ другихъ книжныхъ магазинахъ. Въ Петербургѣ въ теченіе цѣлаго дня 12 января производились обыски въ книжныхъ складахъ и типографіяхъ: въ складахъ «Школьнаго Дѣла» и Распопова, въ книжномъ магазинѣ «Трудъ», въ типографіи «Работникъ». Кромѣ

этихъ проявленій «свободы слова и печати» предвыборный періодъ былъ ознаменованъ также цѣлымъ рядомъ другого рода мѣръ, имѣвшихъ значеніе подготовки къ выборамъ. Продолжались исключенія изъ списковъ уже и послѣ всякихъ сроковъ; такъ, по требованію администраціи петербургская думская канцелярія по выборамъ уже по истеченіи срока исправленія списковъ исключила изъ нихъ болѣе 2,000 рабочихъ, внесенныхъ въ качествѣ квартиронанимателей. Само собою разумѣется, особое усердіе прилагалось къ исключенію болѣе видныхъ представителей оппозиціонныхъ партій. Такъ исключенъ былъ изъ списка В. В. Водовозовъ, какъ объяснила канцелярія, потому что онъ привлеченъ къ отвѣтственности по 129 ст.; на самомъ же дѣлѣ онъ не только былъ привлеченъ, но о немъ состоялся уже приговоръ, по которому онъ не лишенъ избирательныхъ правъ. Особое вниманіе, конечно, было обращено на лидера кадетской партіи П. Н. Милюкова. Внесеніе его въ избирательный списокъ было опротестовано градоначальникомъ; коммиссія пояснила, что Милюковъ былъ занесенъ въ списокъ на такихъ же точно основаніяхъ, какъ сотни другихъ избирателей. Тогда градоначальникъ подалъ жалобу въ сенатъ опять только по поводу одного Милюкова, и сенатъ призналъ жалобу основательной и исключилъ Милюкова изъ списка какъ разъ тогда, когда вышелъ циркуляръ о невмѣшательствѣ въ выборы администраціи, указаніямъ котораго такъ отвѣчала на дѣлѣ энергія, выказанная по этому случаю градоначальникомъ. Очень много извѣстныхъ лицъ исключены были изъ списковъ вслѣдствіе привлеченія ихъ къ отвѣтственности по 126 или 129 ст. Улож., въ этомъ числѣ нѣкоторые редакторы журналовъ и газетъ, наприм., въ Москвѣ—г. Кожевниковъ, редакторъ *Правды*, г. Холчевъ—*Вечерней Почты*, съ другой стороны и г. Грингмутъ редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ Петербургѣ почти наканунѣ выборовъ привлечены были къ отвѣтственности по 56 и 126 ст. Улож. и приглашены явиться къ слѣдователю всѣ лица, входящія въ составъ организаціоннаго комитета народно-соціалистической партіи Н. Ф. Анненскій, В. Г. Богоразъ (Танъ), С. Я. Елпатьевскій, Д. К. Заболотный, Ф. Д. Крюковъ, Н. Т. Лутугинъ, В. А. Мякотинъ, А. Б. Петрищевъ, А. В. Пѣшехоновъ, В. И. Семевскій, Л. Л. Бенуа, М. В. Беренштамъ, А. А. Роде, Н. И. Розановъ, А. А. Титовъ, В. И. Чарнолусскій и Н. Н. Шнитниковъ. Всѣ они, конечно, тоже исключены изъ списковъ. Иногда исключенія дѣлались уже во второй стадіи выборовъ, то въ формѣ простого вычеркиванія, какъ были исключены 26 января передъ дополнительными выборами семь человѣкъ уполномоченныхъ отъ рабочихъ, на томъ основаніи, что въ канцеляріи губернатора нѣтъ точныхъ свѣдѣній объ ихъ именахъ и возрастѣ, то въ болѣе сложной формѣ выдачи фабричнымъ уполномоченнымъ особыхъ удостовѣреній, безъ предъявленія которыхъ они не могли принимать участія въ выборахъ. По увѣдомленію московскаго градоначальника такія удостовѣренія должны выдаваться администраціей фабрикъ, но получаютъ силу лишь по засвидѣтельствованіи ихъ полиціей. Такое же ис-

юряженіе было сдѣлано петербургскимъ губернаторомъ для рабочихъ Петербургской губерніи. По ихъ словамъ и фабричная администрація и полиція прежде выдачи удостовѣреній допрашивали ихъ, къ какой они партіи принадлежать и за кого будутъ подавать свои голоса, заставляя ихъ лгать изъ боязни преслѣдованій. Мы не будемъ говорить о разныхъ другихъ стѣсненіяхъ, большею частью не имѣющихъ основанія въ законѣ или прямо ему противорѣчащихъ, вродѣ, наприм., назначенія избирательныхъ съѣздовъ въ немногихъ и не всегда удобно расположенныхъ мѣстахъ, какъ это было сдѣлано въ большинствѣ уѣздовъ Псковской губерніи для съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Бывали случаи недоставки или совершенно несвоевременной доставки извѣщеній о днѣ выборовъ, причемъ повѣстки не доставлялись, повидимому, съ извѣстнымъ разсчетомъ. Такъ, изъ Гомеля предсѣдателемъ совѣта министровъ 19 января была получена телеграмма отъ мѣстнаго раввина съ жалобой на то, что выборы назначены на 25 января, а 19 января полиціей было возвращено въ городскую управу свыше 1,500 избирательныхъ повѣстокъ; не получили повѣстокъ все евреи, въ томъ числѣ многіе избиратели домовладѣльцы, крупные торговцы и т. п. лица, хорошо извѣстныя полиціи. Нѣчто подобное было и въ Бѣлостокѣ, гдѣ наканунѣ выборовъ въ рукахъ полиціи осталось свыше двухъ тысячъ невыданныхъ повѣстокъ. Иногда совершенно несвоевременно присылались сообщенія объ отмѣнѣ выборовъ. На этой почвѣ въ Ржевскомъ уѣздѣ (Тверской губерніи) былъ интересный случай, рисующій какъ безцеремонность администраціи, такъ и дисциплину крестьянства. Въ уѣздѣ 14 волостей, отъ которыхъ выбраны были крестьянскіе уполномоченные. Въ ночь на тотъ день, когда были назначены выборы выборщиковъ, пришла телеграмма отъ губернатора о томъ, что выборы по 10 волостямъ отмѣнены. Конечно, всѣ уполномоченные съѣхались и сначала было запротестовали; но потомъ попросили только отложить выборы на два часа. Въ это время неофиціально были произведены выборы всѣми четырнадцатью волостями, послѣ чего явившіеся на офиціальные выборы представители четырехъ волостей, въ отсутствіи остальныхъ, выбрали весь намѣченный списокъ безъ малѣйшаго измѣненія. Зато въ нѣкоторыхъ случаяхъ права избирателей очень тщательно охранялись; наприм., въ Звенигородскомъ уѣздѣ, гдѣ были выбраны двое лѣвыхъ, выборы были отмѣнены между прочимъ на томъ основаніи, что священники были поздно увѣдомлены о днѣ выборовъ, такъ что многіе изъ нихъ хотя и знали о немъ, но не могли осуществить своего права. Однимъ изъ мотивовъ для отмѣны была сверхъ того происходившая, но не занесенная въ протоколъ агитація въ день выборовъ въ пользу какого-то Старической. На новыхъ выборахъ прошли два октябриста. Въ томъ же Звенигородскомъ уѣздѣ, въ г. Воскресенскѣ, гдѣ прошелъ правый выборщикъ, выборы утверждены, хотя фактъ агитаціи констатированъ самой коммиссіей и занесенъ въ протоколъ.

Странныя вещи иногда дѣлались по отношенію къ выборамъ, очень

можетъ быть просто вслѣдствіе непониманія законныхъ требованій тѣми учрежденіями, на которыя были возложены подготовительныя дѣйствія; напримѣръ, по дмитровскому городскому съѣзду на избирательной запискѣ проставленъ былъ №, который долженъ былъ указывать номеръ препроводительной бумаги съ запиской; дмитровское городское управленіе, повидимому, не сообразило, что такимъ способомъ подача голосовъ изъ тайной сдѣлалось бы открытою. Самые выборы, особенно крестьянскіе, происходили во многихъ мѣстахъ при усиленномъ давленіи и прямомъ участіи полиціи, обусловленномъ приказаніями свыше. Въ Сергіевскомъ посадѣ полицеймейстеръ прямо говорилъ, что онъ получилъ нѣсколько предписаній, требующихъ непремѣнно провести на выборахъ благонадежныхъ людей. Въ Краснослободскомъ уѣздѣ (Пензенской губ.) въ с. Уреѣ на выборахъ присутствовалъ становой приставъ и на заявленіе избирателей о незаконности его присутствія сослался на распоряженіе начальства; въ с. Скрябинѣ, Саранскаго уѣзда (той же губерніи) урядникъ не только присутствовалъ, но и не позволилъ выбирать въ уполномоченные крестьянина Ливанова, подвергавшагося ранѣе административному аресту. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло доходило до прямого столкновенія съ избирателями: въ Туровѣ, Нижнедѣвицкаго уѣзда (Воронеж. губ.) власти отказались поставить на баллотировку прогрессиста; тогда крестьяне потушили огни, а ящики унесли. Въ с. Старый Буянъ, Самарскаго уѣзда, для переизбранія уполномоченнаго вмѣсто сосланнаго Шибаева на волостной сходъ былъ даже посланъ отрядъ стражниковъ. Дальше этого «свобода выборовъ» едва ли могла идти. Вообще администрація очень старалась о томъ, чтобы выборы по возможности проходили подъ наблюденіемъ полиціи. Тамъ, гдѣ прямое вмѣшательство было неудобно, полиція употребляла всѣ усилія къ предупрежденію и пресѣченію всякой агитаціи, представлявшей собою bête noire администраціи, не замѣчавшей того, что этимъ путемъ она создаетъ самую сильную агитацію въ помощь оппозиціонному направленію. Мы уже упоминали о случаяхъ ареста за простую передачу партійныхъ списковъ съ именами предлагаемыхъ кандидатовъ. Оказывается, что такіе факты особенно поражали иностранцевъ, никогда не видавшихъ у себя дома ничего подобнаго. «Звучитъ чѣмъ-то прямо невѣроятнымъ,—говоритъ, напримѣръ, *Berliner Tageblatt*,—когда читаешь, что въ Симферополѣ кто-то былъ арестованъ за то, что разносилъ приглашенія лѣвыхъ». Очевидно сотрудникъ берлинской газеты былъ еще недостаточно освѣдомленъ, если счелъ нужнымъ указать на арестъ въ Симферополѣ какъ на исключительный фактъ. Подобныхъ фактовъ было много, даже и въ столицахъ. Въ одной Москвѣ во время самыхъ выборовъ полиціей было арестовано въ разныхъ участкахъ около ста человѣкъ «агитаторовъ», т.-е. лицъ, раздававшихъ избирательные листки; арестовывались они, впрочемъ, безразлично къ какой бы партіи ни принадлежали. Большая часть ихъ къ вечеру были выпущены. Полицейскіе даже получали награды за усердіе въ ловлѣ такихъ «агитаторовъ». Такіе случаи были и въ другихъ мѣстахъ.

Въ Сергіевомъ-посадѣ одинъ мѣщанинъ былъ арестованъ даже не за распространеніе, а за храненіе у себя приглашеній подавать голоса за лицъ прогрессивнаго направленія; мало того,—полицеймейстеръ допытывался у него, отъ кого онъ получилъ эти плакаты, и допрашивалъ указанныхъ имъ лицъ. Тотъ же *Berliner Tageblatt,* приведя такіе, не лишенные по его мнѣнію «комизма» факты, какъ запрещеніе ораторамъ предвыборныхъ собраній говорить о всеобщемъ избирательномъ правѣ или «касаться чего-либо политическаго», дѣлаетъ такой совершенно правильный выводъ: «Циркуляръ перваго министра Столыпина о соблюденіи полной свободы выборовъ возымѣлъ желаемое дѣйствіе и, вмѣстѣ съ ростомъ избирательныхъ успѣховъ лѣвыхъ партій повелъ къ дальнѣйшимъ репрессіямъ со стороны губернаторовъ». Такимъ образомъ министерству не удалось отвести глаза насчетъ своихъ намѣреній и ихъ результатовъ даже сравнительно менѣе освѣдомленнымъ иностранцамъ; тѣмъ менѣе русское населеніе могло питать на этотъ счетъ какія-либо сомнѣнія; оно давно уже извѣрилось во всякихъ благожелательныхъ обѣщаніяхъ правительства, и послѣднее потеряло у него всякій авторитетъ. Поэтому, какъ и заранѣе можно было предполагать, моральное вліяніе правительства и его агентовъ на выборы было не только ничтожно, но приводило какъ разъ къ результатамъ прямо противоположнымъ тому, куда оно было направлено. Другое дѣло—мѣры, такъ сказать, механическія. Путемъ такихъ мѣръ достигалось иногда, конечно, не измѣненіе дѣйствительнаго политическаго настроенія избирателей, но внѣшняя фальсификація выборовъ, которая только, повидимому, и требовалась. Такъ получались землевладѣльческіе съѣзды, на которыхъ были только помѣщики и священники и не было крестьянъ. О дѣятельномъ участіи въ выборахъ духовенства былъ даже спеціальный указъ синода отъ 12 декабря 1906 г., въ которомъ прямо рекомендовалось архіереямъ «пригласить всѣхъ священниковъ, имѣющихъ избирательное право по церковно-имущественному цензу, непремѣнно явиться на предстоящіе выборы», а на предвыборныхъ собраніяхъ прилагать «старанія къ тому, чтобы въ выборщики, а затѣмъ и въ члены Думы вошло возможно большее число духовныхъ лицъ, пользующихся довѣріемъ своихъ собраній, а не довѣріемъ враговъ религіи». Далѣе указывались и различные способы вліять на избирателей посредствомъ проповѣдей и увѣщаній, внушалось благословлять выборщиковъ крестиками и евангеліями, служить передъ выборами молебны съ особой торжественностью, для чего приносить въ храмъ, гдѣ они будутъ совершаться, особо чтимыя въ городѣ иконы; словомъ, духовенство, со всѣмъ своимъ религіознымъ аппаратомъ, всецѣло вводилось въ политическую агитацію, и зная іерархическія и дисциплинарныя отношенія въ духовной средѣ, можно было заранѣе быть увѣреннымъ, что приказанія архіереевъ будутъ неукоснительно исполнены за страхъ или за совѣсть. Такой откровенной агитаціи не было ни въ какомъ другомъ административномъ вѣдомствѣ, такъ что она, по словамъ князя Мещерскаго, заставила говорить о себѣ даже въ «высшемъ свѣтѣ». Конечно, со сто-

роны князя Мещерскаго было довольно наивно ставить вопросъ, отчего произошла эта, по его выраженію, «замѣна идеи служенія Богу и народу идеей служенія той или другой политической партіи»; онъ и самъ очень скоро отвѣтилъ на этотъ вопросъ, что «это произошло по лозунгу, исшедшему въ каждой губерніи отъ епархіальнаго начальства», которое въ свою очередь «получило этотъ лозунгъ изъ Петербурга».

Помимо духовенства, правительство въ своей предвыборной подготовкѣ какъ будто имѣло своими союзниками разныя правыя группы, болѣе или менѣе объединившіяся въ союзѣ «русскаго народа». Но это были союзники, отъ которыхъ не только приходилось открещиваться офиціально, но иной разъ и въ самомъ дѣлѣ умѣрять ихъ воинствующіе порывы, нерѣдко становившіеся неудобными и для самого правительства. Одно время «союзу» было предоставлена свобода устраивать уличныя манифестаціи, что, какъ извѣстно, у насъ относительно всѣхъ другихъ партій и лицъ строго преслѣдуется. Офиціозное петербургское телеграфное агенство всегда сообщало о нихъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ; и манифестаціи съ молебнами, освященіемъ знаменъ, шествіемъ по улицамъ и т. п. совершались въ Симферополѣ, Кіевѣ, Херсонѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Одессѣ, однако, «союзники» не удовольствовались этимъ; послѣ манифестацій на улицахъ, шайка вооруженныхъ молодыхъ людей, принадлежащихъ тоже къ союзу, такъ называемые «бѣлогвардейцы», въ теченіе нѣсколькихъ дней занималась преслѣдованіемъ и избіеніемъ всѣхъ, кто казался имъ несогласно мыслящимъ, евреевъ, студентовъ и др. Изранено и избито было до 150 человѣкъ. Наконецъ, бѣлогвардейцы напали на бюро партіи мирнаго обновленія, уничтожили бумаги и бюллетени, много сожгли, вообще произвели полный разгромъ. Дошло дѣло до того, что разбои бѣлогвардейцевъ вызвали депутацію къ градоначальнику отъ биржевого комитета съ просьбой принять мѣры къ ихъ прекращенію. Градоначальникъ до тѣхъ поръ смотрѣлъ на всѣ избіенія и безчинства совершенно спокойно, а полиція даже арестовывала студентовъ, убѣгавшихъ отъ напавшей на нихъ толпы и, мало того, угрожала предать ихъ военному суду «за сопротивленіе». Все это было констатировано въ жалобѣ, отправленной совѣтомъ Новороссійскаго университета къ премьеръ-министру. Послѣ всего этого генералъ-губернаторъ и градоначальникъ опубликовали воззваніе съ указаніемъ, что администраціей приняты мѣры къ недопущенію насилій и что въ день выборовъ всякая попытка къ нарушенію порядка будетъ подавляема немедленно. И дѣйствительно, день выборовъ прошелъ благополучно, безъ избіеній. Но затѣмъ они снова возобновились и продолжались цѣлыхъ четыре дня, въ теченіе которыхъ было избито и переранено б[олѣе] 250 человѣкъ, преимущественно опять евреевъ и студентовъ. [Въ] числѣ пострадавшихъ оказалось и нѣсколько иностранныхъ подданны[хъ]. Иностранные консулы телеграфировали о происходящемъ своимъ пра[ви]тельствамъ. Послы великихъ державъ посѣтили въ Петербургѣ министр[а] иностранныхъ дѣлъ. Премьеръ-министръ послалъ генералу Каульбарс[у]

леграмму съ требованіемъ немедленнаго прекращенія въ Одессѣ черносотенныхъ безчинствъ. По слухамъ посылкѣ телеграммы предшествовалъ усиленный обмѣнъ депешъ съ заграницей. Такимъ образомъ правительство довело Россію до такого положенія, что наши внутренніе безпорядки, какъ въ какомъ-нибудь Марокко, вызываютъ прямое вмѣшательство иностранныхъ державъ.

Такіе недисциплинированные башибузуки очевидно не всегда были удобны въ качествѣ союзниковъ. Гораздо искуснѣе и систематичнѣе вели избирательную кампанію другіе союзники правительства: прибалтійскіе бароны. Извѣстно, что нигдѣ, кромѣ, можетъ быть, нѣкоторыхъ частей закавказья, подавленіе революціоннаго движенія не производилось съ такой жестокостью, при чемъ правительство и его карательные отряды дѣйствовали заодно съ нѣмецкими баронами противъ латышей и эстовъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что вмѣстѣ съ усиленіемъ до крайнихъ предѣловъ непримиримой злобы противъ нѣмцевъ, эсто-латышское населеніе, составляющее громадное большинство въ прибалтійскихъ губерніяхъ, прониклось ненавистью и къ русскому правительству, къ которому раньше оно относилось сочувственно, видя въ немъ своего покровителя и защитника противъ нѣмцевъ. При такихъ условіяхъ, естественно, что выборы въ Думу въ прибалтійскихъ губерніяхъ не могли дать ничего, кромѣ самаго оппозиціоннаго представительства. Но балтійскіе бароны не желали примириться съ такимъ результатомъ и при попустительствѣ и содѣйствіи администраціи постарались подготовить выборы въ желательномъ имъ направленіи. Прежде всего они захватили въ свои руки составленіе избирательныхъ списковъ, затѣмъ принялись за перераспредѣленіе избирательныхъ участковъ, такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ большинство могло составиться въ ихъ пользу; сотни рабочихъ не фабричныхъ приписывались къ фабрикамъ, чтобы, по смыслу сенатскаго разъясненія, лишить ихъ права участвовать въ выборахъ по другому цензу, вмѣстѣ съ нѣмцами; наиболѣе популярные оппозиціонные избиратели вродѣ доктора Шенфельда въ Ригѣ переводились изъ своихъ участковъ въ другіе, гдѣ въ виду надежнаго большинства балтовъ они становились безвредны. Всѣ эти перетасовки не вызывали никакого возраженія со стороны администраціи.

Мы перечислили несомнѣнно лишь очень немногое изъ того, что было сдѣлано правительствомъ и администраціей для сформированія «послушной» Думы. Послѣ стольких усилій правительство имѣло, конечно, нѣкоторыя основанія льстить себя надеждой, что ему удастся достичь своей цѣли. И въ началѣ, по приходившимъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣніямъ офиціознаго «Петербургскаго Агентства» получалось дѣйствительно такое впечатлѣніе, какъ будто побѣда на выборахъ большею частью оставалась за сторонниками правительственныхъ партій. По номенклатурѣ агентства избранники оказывались обыкновенно «монархисты и умѣренные» и эти эпитеты съ подробными цифровыми данными прилагались даже къ выборамъ кре-

стьянскихъ уполномоченныхъ, которые, конечно, ужъ не исповѣдывали своихъ политическихъ убѣжденій корреспондентамъ агентства. Какъ и слѣдовало ожидать, по мѣрѣ полученія газетами болѣе точныхъ свѣдѣній отъ своихъ частныхъ корреспондентовъ, все болѣе и болѣе выяснялась тенденціозная сочиненность «агентскихъ телеграммъ». Оказалось, что общее оппозиціонное настроеніе всего народа настолько сильно, что его не могли подавить или направить въ благопріятномъ для правительства смыслѣ никакія законныя и незаконныя усилія администраціи. Когда это стало выясняться, то правительство прибѣгло къ новому способу повернуть выборы въ желательномъ ему направленіи; началась массовая кассація неріятныхъ правительству выборовъ. Поводы были самые разнообразные и иногда совершенно ничтожные. Но замѣчательно, что отмѣнялись почти исключительно выборы, давшіе побѣду лѣвымъ, тогда какъ казалось бы имъ-то труднѣе всего и было нарушить какія-либо правила, такъ какъ избирательныя коммиссіи состоятъ по большей части изъ правыхъ. Были случаи отмѣны на томъ основаніи, что въ избирательную комнату входилъ полицейскій чинъ. Чѣмъ тутъ были виноваты избиратели и какимъ образомъ присутствіе полицейскаго могло способствовать выбору лѣвыхъ? Но бѣда отъ отмѣны выборовъ была бы еще не такъ велика, если бы взамѣнъ отмѣненныхъ всегда назначались новые; во многихъ случаяхъ, однако, выбранные на отмѣненныхъ выборахъ просто исключались. Такихъ исключенныхъ выборщиковъ насчитывается около сотни, и всѣ они лѣвые. Были, наконецъ, какъ, напримѣръ, въ Медыни (Калужской губ.), случаи не только исключенія оппозиціонныхъ выборщиковъ, но прямо замѣны ихъ правыми кандидатами, получившими меньшее, даже значительно меньшее число голосовъ. Дальше идти въ безцеремонной фальсификаціи выборовъ было почти что ужъ некуда. Но и эти мѣры не могли измѣнить общаго результата. Дума въ общемъ своемъ составѣ вышла оппозиціонной по отношенію къ правительству, но съ довольно значительною примѣсью правыхъ и даже рѣзко реакціонныхъ элементовъ. Въ то же время лѣвая, оппозиціонная часть Думы является менѣе однородной, чѣмъ въ прошлогодней Думѣ, распадаясь на представителей партіи народной свободы и представителей болѣе крайнихъ лѣвыхъ соціалистическихъ партій. По этимъ причинамъ тактическія условія Думы будутъ очень трудны и потребуютъ отъ нея огромной осторожности и искусства, чтобы миновать Сциллу и Харибду слишкомъ вызывающаго или слишкомъ примирительнаго образа дѣйствій. Вызывающій образъ дѣйствій нехорошъ не столько тѣмъ, что онъ грозитъ роспускомъ Думы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, какъ бы корректна Дума ни была по отношенію къ правительству, какъ бы строго она ни держалась въ предѣлахъ своихъ формальныхъ правъ, ограниченныхъ основными законами, но если работа ея пойдетъ въ какомъ-нибудь серьезномъ вопросѣ, въ особенности въ аграрномъ, вразрѣзъ со взглядами бюрократіи и поддерживающаго ее реакціоннаго дворянства, то министерство всегда найдетъ поводъ къ роспуску и этой Думы, какъ оно не стѣснялось находить поводы къ устраненію

желательныхъ ему избирателей или къ отмѣнѣ непріятныхъ для него выборовъ. Въ крайнемъ случаѣ возможна вѣдь и провокація съ разсчетомъ на несдержанность крайнихъ элементовъ, изъ представителей которыхъ найдутся, конечно, и такіе, которые могутъ сыграть въ этомъ случаѣ въ руку правительства, считая, по своему убѣжденію, какъ это они и высказывали, что роспускъ Думы даже желателенъ въ качествѣ средства для революціонизированія страны. Насъ бы не особенно удивилъ даже какой-нибудь фактъ, вродѣ появленія Гурко на министерской трибунѣ,—къ тому времени онъ можетъ быть и реабилитированъ. А какой бы эффектъ это произвело? Да и вообще какую желѣзную выдержку нужно имѣть для того, чтобы спокойно и хладнокровно, дѣловымъ тономъ разговаривать съ представителями министерства казней и пытокъ и возведенной въ систему лжи. Поэтому мы не думаемъ, чтобы Дума должна была ужъ очень заботиться о томъ, чтобы не давать правительству повода къ ея роспуску. Но она должна себя вести такъ, чтобы никто искренно и безпристрастно разсуждающій, въ случаѣ новаго разгона, не могъ бы сказать, что она сама была въ немъ виновата. Не снисходительность правительства, а сочувствіе народа должна она заслужить. Но при этомъ надо имѣть въ виду, что огромное большинство этого народа посылало въ Думу своихъ избранниковъ не за тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ нея средство для достиженія цѣлей той или другой партіи, но въ надеждѣ имѣть въ ней защиту своихъ реальныхъ интересовъ. Этому большинству прежде всего нужна Дума, работающая и работа которой такъ или иначе непосредственно отражалась бы на конкретныхъ фактахъ народной жизни. Только тогда, когда въ представленіи народныхъ массъ Дума, конституція, парламентаризмъ и всякія свободы будутъ тѣсно связаны съ реальными условіями благосостоянія этихъ массъ,—только тогда они и могутъ вызывать въ нихъ не одно платоническое сочувствіе, но и дѣйствительную поддержку. Но чтобы такая связь упрочилась въ народномъ сознаніи, какъ это имѣетъ мѣсто, наприм., въ Англіи, требуется долгое политическое воспитаніе. И важнѣйшимъ факторомъ этого воспитанія, несомнѣнно, будетъ та же Дума, или, лучше сказать, взаимодѣйствіе между Думой и народомъ, такъ что даже съ этой точки зрѣнія—воспитанія и организаціи народнаго сознанія,—сохраненіе Думы является необходимымъ. Теперь, когда это воспитаніе находится еще въ первой стадіи своего развитія и организаціи, а подготовки къ активному политическому выступленію народныхъ массъ — и вовсе нѣтъ, воображать, что теперь новый разгонъ Думы можетъ вызвать такое активное выступленіе въ видѣ не случайныхъ, единичныхъ и потому болѣе, чѣмъ безплодныхъ вспышекъ, а общенароднаго, организованнаго движенія, направленнаго къ ясно сознаваемой, опредѣленной цѣли—это очевидная для всякаго человѣка, знакомаго съ реальной жизнью и не замкнувшагося въ теоретическія формулы,—иллюзія. Не надо забывать, какую громадную силу имѣютъ еще въ сознаніи народныхъ массъ традиціонные идолы и призраки, на которые опирается

существующій политическій и общественный строй. Борьба съ ними потребуетъ, несомнѣнно, долгаго времени, и крайне важно, чтобы въ теченіе этого долгаго времени развитіе народнаго сознанія не шло вразбродъ и не прерывалось, а имѣло бы въ Думѣ какъ бы свое средоточіе или свой маякъ. Поэтому Дума должна всячески заботиться о своемъ самосохраненіи, но безъ сомнѣнія лишь постольку, поскольку это окажется возможнымъ безъ потери своего достоинства и безъ измѣны своимъ задачамъ и тѣмъ надеждамъ, которыя были возложены на нее народомъ при ея избраніи. Крайне важно, конечно, чтобы и болѣе сознательныя и организованныя части народа, сложившіяся въ опредѣленныя партіи, не ограничили свою дѣятельность только выборнымъ періодомъ, а неустанно продолжали бы ее и послѣ созыва Думы, поддерживая постоянныя сношенія съ парламентскими фракціями своихъ партій и служа проводниками идей какъ отъ Думы въ народъ, такъ и обратно. Въ этомъ взаимодѣйствіи съ живыми народными силами и Дума почерпнетъ источникъ силы и бодрости, необходимыхъ для предстоящей ей работы и борьбы, и народъ получитъ тѣ опредѣленно формулированныя директивы, которыя помогутъ ему разобраться въ безконечной массѣ вносимыхъ въ него и самостоятельно зарождающихся въ немъ идей, сужденій и направленій. Мы говоримъ партіи, а не какая-нибудь одна партія, такъ какъ мы думаемъ, что и въ народной жизни должны имѣть свободу развитія всякія искренно исповѣдуемыя убѣжденія и ученія, и въ представительномъ собраніи должны, въ мѣрѣ соотвѣтствія дѣйствительности, отражаться какъ эти разнообразныя идейныя теченія, такъ и разныя практическія направленія, поскольку ихъ различіе основано на дѣйствительномъ различіи жизненныхъ условій и потребностей.

Остановившись на выборахъ, какъ на важнѣйшемъ явленіи русской общественной жизни за прошлый мѣсяцъ, мы лишь въ общихъ чертахъ можемъ набросать картину остальныхъ ея сторонъ, которыя притомъ же мало измѣнились. Правительство,—и это не лишено своего значенія,—несмотря на близость созыва Думы, неуклонно, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ свою политику террора, съ одной стороны, и бюрократическаго законодательства, съ другой. Ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи незамѣтно никакого сомнѣнія или колебанія, какое почти всегда проявляется у людей, не разсчитывающихъ на долгую дѣятельность. Военные суды продолжаютъ свою человѣкоубійственную работу. Аресты, высылки, ссылки процвѣтаютъ попрежнему. Ликвидируются старые счеты съ дѣятелями освободительнаго движенія: отправлены въ ссылку члены совѣта рабочихъ депутатовъ, причемъ отправка эта совершилась съ особой таинственностью и вмѣстѣ съ тѣмъ съ усиленіемъ той тяжелой обстановки, въ которой и безъ того находились осужденные: еще за нѣсколько дней были прекращены всякія свиданія ихъ съ родственниками, отказывали въ пріемѣ отъ нихъ писемъ. День и часъ отправленія ар-

жался въ секретѣ не только отъ самихъ осужденныхъ, но и отъ тюремной администраціи. Въ настоящее время путешествіе ихъ на мѣсто ссылки уже окончено. Часть ихъ поселена между Сургутомъ и Обдоромъ въ мѣстности, природныя условія которой отличаются чрезвычайной суровостью. Въ послѣднее время много и другихъ политическихъ ссыльныхъ, поселенныхъ на югѣ Сибири, отправлены были тоже на сѣверъ.

Къ этимъ жертвамъ уже прошлаго фазиса освободительной борьбы каждый день прибавляются новыя. На-дняхъ окончилось въ Ригѣ дѣло о Туккумскомъ возстаніи. Военный судъ приговорилъ 17 человѣкъ къ смертной казни, 45 къ каторгѣ отъ 3 до 15 лѣтъ и одного къ восьмилѣтнему тюремному заключенію. Интересную статистику наказаній, которымъ подвергались одни рабочіе Путиловскаго завода съ 17 октября 1905 года, даетъ *Рѣчь*. Казненъ одинъ, приговорены къ смертной казни двое, но бѣжали и не разысканы, сосланы на каторгу на 20 лѣтъ—4, на 14 лѣтъ—3, приговорены къ заключенію въ крѣпости на 2 года—1, на 6 мѣсяцевъ—2, находятся въ предварительномъ заключеніи 52 соціалъ-демократа и 28 соціалистовъ-революціонеровъ, выслано изъ столицъ административнымъ порядкомъ 83 человѣка, убито во время демонстрацій и волненій 8 человѣкъ и ранено 23. Уволено съ завода за пропаганду и агитацію 387 чел., а по другимъ поводамъ около 3,500 чел. Таковы проявленія дѣятельности одной стороны правительственнаго Януса—que les méchants tremblent, а вотъ какая за это время была дѣятельность другой его стороны, направленная къ осчастливленію населенія канцелярскимъ законодательствомъ: que les bons se rassurent. Въ послѣднемъ отношеніи, какъ и въ первомъ, производительность бюрократіи не оскудѣваетъ. Нѣкоторые изъ вырабатываемыхъ проектовъ предполагается внести въ Думу. Таковы проекты по рабочему вопросу. Предварительное обсужденіе ихъ началось еще въ декабрѣ и на происходившее тогда по этому предмету особое совѣщаніе приглашались представители промышленности, но, конечно, не рабочіе, да при существующихъ обостренныхъ отношеніяхъ между правительствомъ и рабочими едва ли и было возможно какое-нибудь совмѣстное съ ними обсужденіе. Поговоривши съ промышленниками-капиталистами, представители «вѣдомствъ», бывшіе на совѣщаніи, продолжали работу уже одни и, сколько извѣстно, въ теченіе мѣсяца составили проекты законовъ, обнимающіе собою всѣ стороны рабочаго вопроса, т.-е. положеніе о наймѣ рабочихъ, законъ о фабричной инспекціи, объ ограниченіи величины рабочаго дня и, наконецъ, о различныхъ видахъ страхованія и о врачебной помощи. Вопросъ о жилищахъ рабочихъ будетъ подвергнутъ разсматриванію особаго совѣщанія, организуемаго министерствомъ торговли. Затѣмъ всѣ проекты предполагается уже въ готовомъ видѣ еще разъ до представленія въ Думу разсмотрѣть вмѣстѣ съ представителями промышленности. Для внесенія въ Думу изготовляется также законопроектъ о городскомъ самоуправленіи, который долженъ быть сначала разсмотрѣнъ въ совѣтѣ министровъ и, по слухамъ, предоставляетъ участіе въ выборахъ въ го-

родскую думу болѣе широкимъ слоямъ городского населенія и устанавливаетъ большую независимость городского самоуправленія отъ администраціи. Существуютъ также проекты реформированія уѣзднаго и губернскаго управленія вообще. Въ первомъ—характерной чертою его является слiяніе крестьянскаго управленія съ общимъ. Сельскія и волостныя единицы должны быть безсословныя. Все уѣздное управленіе объединяется въ лицѣ уѣзднаго начальника, которымъ можетъ быть предводитель дворянства или особое лицо. При немъ состоитъ уѣздный совѣтъ, въ который входятъ представители разныхъ вѣдомствъ и учрежденій и который замѣняетъ собой различныя теперешнія присутствія. Спеціальное крестьянское управленіе отмѣняется, но вмѣсто земскаго начальника вводится участковый начальникъ; функціи ихъ довольно сходны, но власть участковаго начальника распространяется не на однихъ крестьянъ. Губернская реформа сводится лишь къ еще большему объединенію власти въ лицѣ губернатора. Министерство народнаго просвѣщенія готовитъ проектъ закона о всеобщемъ начальномъ обученіи и о средней школѣ. Есть, наконецъ, цѣлый рядъ законопроектовъ, касающихся порядка введенія и дѣйствія исключительныхъ положеній, которыхъ предполагается оставить только два: чрезвычайную охрану и военное положеніе. Наиболѣе замѣчательная особенность ихъ, это—отмѣна административной высылки въ опредѣленное мѣсто. Главноначальствующій будетъ имѣть право высылать только за предѣлы своего района. Противъ подготовки законопроектовъ для внесенія въ Государственную Думу, конечно, ничего нельзя было бы возразить; въ сущности, это было бы даже обязанностью министерства, если бы это министерство имѣло какія-нибудь основанія разсчитывать на возможность для него совмѣстной работы съ Думой, состоящей изъ дѣйствительныхъ представителей населенія; при теперешнихъ же условіяхъ вся эта законодательная работа, совершаемая притомъ въ ненарушимой никакой внѣшней критикой тиши министерскихъ канцелярій и междувѣдомственныхъ коммиссій, указываетъ лишь на то, что бюрократія вѣритъ въ незыблемость своего положенія при всякой Думѣ. Неудобной окажется Дума,—можно будетъ опять ее распустить и снова начать законодательствовать на основаніи 87 ст. основныхъ законовъ уже не составленіемъ законопроектовъ, а прямо изданіемъ дѣйствующихъ законовъ. Впрочемъ, на этомъ пути правительство не останавливается и въ настоящее время, несмотря на близость созыва новой Думы. Оно, какъ извѣстно, издало законъ о нормальномъ отдыхѣ въ ремесленныхъ заведеніяхъ и одновременно съ нимъ параллельный ему законъ о нормальномъ отдыхѣ служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ и конторахъ. Подробности практическаго выполненія того и другого закона подлежатъ разработкѣ земскихъ и городскихъ учрежденій, которыя могутъ издавать въ предѣлахъ закона свои обязательныя постановленія. Законъ, регулирующій работы въ ремесленныхъ заведеніяхъ, хотя и важный самъ по себѣ, не такъ близко касается обычной жизни всего населенія; разработка его подробностей началась въ нѣ-

которыхъ городахъ, но едва ли она приведетъ къ соглашенію или хотя бы нѣкоторому сглаженію рѣзкихъ противорѣчій между интересами хозяевъ и рабочихъ, что и высказалось, между прочимъ, на засѣданіи коммиссіи по этому предмету, бывшемъ при московской городской думѣ. Гораздо больше вниманія со стороны обывателя, какъ потребителя, обратило на себя введеніе закона объ отдыхѣ служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, такъ какъ оно выразилось въ болѣе строгомъ закрытіи торговли въ праздничные дни, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ открытіи торговыхъ заведеній въ непривычные и неудобные для публики часы. Трудно сказать, для чего понадобилось такое спѣшное за три мѣсяца до созыва Думы изданіе этого закона. Всего вѣроятнѣе, что онъ имѣлъ въ виду пріобрѣсти передъ выборами сочувствіе правительству торговыхъ приказчиковъ, голоса которыхъ имѣли очень большое, а иногда и прямо рѣшающее значеніе на городскихъ выборахъ. Эта цѣль въ дѣйствительности не была достигнута: въ огромномъ большинствѣ городовъ въ выборщики прошли представители оппозиціи. Въ Москвѣ ка-деты своею блестящею побѣдою были обязаны въ очень значительной мѣрѣ приказчикамъ. Но законъ объ отдыхѣ торговыхъ служащихъ и не давалъ повода къ особой «благодарности» за него, такъ какъ онъ не выступалъ прямо въ защиту служащихъ, а старался угодить «и нашимъ и вашимъ». Устанавливая, какъ общее правило, 12-часовой рабочій день для торговыхъ служащихъ, онъ не только не сокращаетъ его тамъ, гдѣ это было бы возможно, но, напротивъ, дѣлаетъ многочисленныя исключенія въ смыслѣ его удлиненія: до 15 часовъ для торговли пищевыми продуктами, винами, табакомъ и др. и до 14 часовъ въ теченіе 40 дней въ году для всякаго рода торговыхъ заведеній, по указанію мѣстныхъ городскихъ и земскихъ учрежденій. Точно такъ же очень много исключеній дѣлается и по отношенію къ праздничнымъ днямъ. Но хуже всего то, что всѣ ограждающія служащихъ ограниченія въ сущности уничтожаются добавленіемъ къ ст. 3, говорящимъ о томъ, что работы допускаются сверхъ установленнаго времени съ согласія служащихъ за особую плату. Само собой разумѣется, что при зависимости служащихъ отъ хозяевъ, при постоянной угрозѣ потерять мѣсто въ случаѣ малѣйшаго столкновенія съ хозяиномъ, согласіе на продолженіе работъ будетъ всегда дано, а плата за него будетъ назначаться по усмотрѣнію хозяевъ. Но если такого рода законы могутъ считаться только недостаточными и подлежать исправленію и улучшенію, то есть другіе законы, вродѣ пресловутаго закона 15 ноября объ уничтоженіи общины, которые могутъ принести значительный вредъ, если будущая Дума не обратитъ на нихъ немедленно же серьезнаго вниманія, какъ и вообще на дѣятельность землеустроительныхъ коммиссій, которыхъ правительство торопитъ, вѣроятно, именно въ тѣхъ видахъ, чтобы представить Думѣ результатъ этой дѣятельности, какъ совершившійся фактъ, съ которымъ придется считаться и который уже трудно будетъ передѣлывать. Въ половинѣ января было оффиціально объявлено, что главнымъ управленіемъ земле-

устройства предполагается въ 1907 году весной открыть новыхъ 190 уѣздныхъ землеустроительныхъ коммиссій, такъ что общее число ихъ будетъ доведено до 374. Новыя коммиссіи будутъ открываться преимущественно въ южныхъ губерніяхъ, хотя отчасти и въ сѣверныхъ. Объ этомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ разосланъ былъ циркуляръ губернаторамъ 22 губерній съ предложеніемъ немедленно распорядиться выборомъ представителей отъ крестьянъ и отъ земства. Во многихъ мѣстахъ тѣ и другіе въ настоящее время уже выбраны. Весной же ожидается и открытіе губернскихъ коммиссій. Ранѣе открытыя коммиссіи, судя по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ главнымъ управленіемъ землеустройства, проявляютъ усиленную дѣятельность. За время по 1 декабря, т.-е. за полтора мѣсяца своей дѣятельности, коммиссіи успѣли разрѣшить 3,093 дѣла о покупкѣ земли черезъ посредство крестьянскаго банка, 1,276 дѣлъ о продажѣ и арендѣ казенной земли, 104 дѣла о переселеніи въ Азіатскую Россію, 162 объ улучшеніи условій землевладѣнія и способовъ землепользованія, 156 о разверстаніи черезполосности крестьянъ съ частными владѣльцами, 25 о выдачѣ ссудъ подъ надѣльныя земли, 119 объ арендѣ частновладѣльческой земли и захватахъ и 575 дѣлъ «безъ указанія категорій». Ясное дѣло, что за это время нельзя было сдѣлать того, что поручается коммиссіямъ даннымъ имъ наказомъ, т.-е. выяснить на мѣстахъ общую земельную нужду крестьянства, сообразуясь какъ съ размѣрами имѣющейся уже у крестьянъ земли, такъ и съ расположеніемъ земельныхъ владѣній, порядкомъ землепользованія, производительностью угодій, значеніемъ въ экономической жизни населенія отхожихъ и мѣстныхъ промысловъ и т. п. О томъ, чтобы какая-нибудь коммиссія произвела общее изслѣдованіе въ этомъ направленіи и получила какіе-нибудь выводы, могущіе лечь въ основаніе практической ея дѣятельности, ни откуда не было слышно и въ свѣдѣніяхъ главнаго управленія объ этой задачѣ, которая, въ сущности была бы важнѣйшей задачей коммиссій, если бы она была для нихъ исполнима—не говорится ни слова, какъ будто все это писалось въ наказѣ только для красоты слога. Да и указанія, дававшіяся коммиссіямъ, посылавшимися изъ Петербурга для ихъ «объединенія» чиновниками были именно такого рода, что не слѣдуетъ много заниматься «теоретическими» изслѣдованіями. Значитъ, всѣ эти тысячи столь спѣшно разсмотрѣнныхъ дѣлъ, рѣшались не на основаніи какихъ-либо общихъ соображеній и выводовъ о дѣйствительной земельной нуждѣ населенія въ той или другой мѣстности, а просто, какъ Богъ на душу положитъ, или соображаясь развѣ съ Петербургскими наставленіями о томъ, что казенныя земли должны продаваться лишь тѣмъ крестьянамъ, которые откажутся отъ общиннаго владѣнія и пообѣщаютъ завести хуторскія хозяйства. Нельзя не отмѣтить и того, что хотя еще въ слабой степени, но уже начался процессъ залога надѣльныхъ земель. Нѣтъ сомнѣнія, что Дума обратитъ свое вниманіе на необходимость положить предѣлъ такому хозяйничанью неограниченнаго произвола и бюрократическихъ фантазій въ сферѣ важнѣйшихъ интересовъ народной жизни.

Но въ то время какъ правительство, избѣгая народнаго представительства, берется на свой страхъ реформировать жизнь земледѣльческаго населенія, оно оказывается неспособнымъ достичь хотя бы того, чтобы это земледѣльческое населеніе не умирало съ голоду. Легкомысліе министерства, обнаруженное въ продовольственномъ дѣлѣ Гурко-Лидвалевской исторіей, въ связи со злоупотребленіями Нижегородской администраціи, ясно доказываетъ, въ какихъ ненадежныхъ рукахъ находится и понынѣ благосостояніе и даже самая жизнь населенія. Неурядица, внесенная этими безпорядками во все продовольственное дѣло, повидимому, была настолько велика, что не можетъ быть исправлена и до сего времени, и это конечно ведетъ къ чрезвычайному усиленію и безъ того невыносимыхъ страданій голодающаго населенія. Впрочемъ, министерство повидимому и не особенно спѣшило съ приведеніемъ въ порядокъ продовольственнаго дѣла, такъ какъ только въ концѣ января Высочайше утверждено было положеніе совѣта министровъ, которымъ поручено предсѣдателю особаго продовольственнаго совѣщанія созывать его ежедневно для полученія отъ него необходимыхъ распоряженій и указаній, въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства принимать экстренныя мѣры, представляя о нихъ на усмотрѣніе ближайшаго засѣданія совѣщанія, и войти въ непосредственныя и постоянныя сношенія съ начальникомъ управленія желѣзныхъ дорогъ по всѣмъ связаннымъ съ передвиженіемъ по нимъ хлѣбныхъ грузовъ вопросамъ и по возможности (?!) заблаговременно сообщать ему о всѣхъ предстоящихъ перевозкахъ грузовъ. Характерно для бюрократическихъ порядковъ, что послѣдній пунктъ, безъ котораго, очевидно, нельзя было сдѣлать никакого распоряженія о сколько-нибудь правильной доставкѣ хлѣба въ голодныя губерніи, потребовалъ особаго Высочайше утвержденнаго постановленія, которое могло состояться только черезъ три мѣсяца послѣ открытія продовольственной кампаніи. Зачѣмъ вообще понадобился этотъ новый законъ? Едва ли не для успокоенія общественнаго мнѣнія относительно того, что отнынѣ продовольственное дѣло не будетъ находиться въ единоличномъ завѣдываніи какого-нибудь Гурко, а будетъ контролироваться всѣмъ совѣщаніемъ. Однако общество и до сихъ поръ не знаетъ, какъ идетъ продовольственное дѣло на мѣстахъ, не знаетъ по крайней мѣрѣ изъ офиціальныхъ свѣдѣній, такъ какъ продовольственнаго отчета, изъ котораго можно бы сдѣлать какіе-нибудь опредѣленные выводы на этотъ счетъ, и по сю пору не имѣется. Мы все только слышимъ общія цифры закупленнаго и доставленнаго «на мѣста» хлѣба. Но куда на мѣста? Въ губернскій городъ, или въ тѣ деревни, гдѣ находятся голодающіе? Во всѣ ли мѣста, гдѣ есть крайняя нужда? Въ достаточномъ ли количествѣ и какого качества? На все это нѣтъ прямого отвѣта. Между тѣмъ изъ самыхъ распоряженій министерства видно, что дѣло доставки встрѣчаетъ затрудненія. Такъ, въ виду замедленія выгрузки прибывающаго хлѣба предложено завѣдующимъ продовольственнымъ дѣломъ губернаторамъ организовать выгрузку, о чемъ одновременно со стороны министерства путей сообщенія предписано и подле-

жащимъ дорогамъ. Между тѣмъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ отъ нѣкоторыхъ губернаторовъ, напр., Ставропольскаго, получаются просьбы о скорѣйшей высылкѣ хлѣба, запрошеннаго еще въ декабрѣ и не прибывшаго по сю пору. А изъ Казани приходятъ вѣсти вродѣ того, что в числѣ прибывшихъ вагоновъ съ продовольственнымъ хлѣбомъ въ сем вагонахъ хлѣбъ оказался никуда не годнымъ, наполовину смѣшанный съ куколемъ; объ этомъ составленъ протоколъ, но населенію отъ этого не легче. На почвѣ закупки и доставки хлѣба на мѣстахъ разыгрывают спекуляціи—маленькія Лидваліады. Въ Самарской губерніи аферы на голодномъ хлѣбѣ устраивали земскіе начальники и ихъ родственники—Слободчиковы, въ другихъ губерніяхъ другіе мѣстные дѣльцы. Поставщики обезпечили себя такими задатками, что могли не бояться никакой браковки, и когда Самарской пріемной коммиссіей было забраковано 900 вагоновъ сѣменной пшеницы, привезенной изъ Сибири, съ большимъ количествомъ вредныхъ примѣсей, а въ значительной части совершенно испорченной, проросшей или затхлой, то за невозможностью возвращенія задатковъ, пришлось этотъ негодный хлѣбъ всетаки принять; но такъ какъ его уже совершенно нельзя было употребить на посѣвъ, то его повернули на продовольствіе, такъ что въ результатѣ получилась такая роскошь, что самарскіе крестьяне ѣли пшеничный (правда, никуда негодный) хлѣбъ вмѣсто ржаного. Въ той же Самарской губерніи послѣ всевозможныхъ общихъ сокращеній якобы преувеличенныхъ требованій, которыя съ 30.000,000 пудовъ, опредѣленныхъ губернской земской управой, разными мѣстными и петербургскими инстанціями сведены были на 11.000,000 пудовъ, земскій начальникъ фонъ-Левисъ по собственному усмотрѣнію сократилъ еще на третью часть количество какъ посѣвного, такъ и продовольственнаго хлѣба, приходившагося въ выдачу крестьянамъ его участка. Результатомъ продовольственной кампаніи въ Самарской губерніи было то, что еще въ началѣ января на почвѣ голоданія появился повальный тифъ. Едва ли не еще хуже положеніе дѣлъ въ Казанской и Уфимской губерніяхъ. Въ первой, въ Тетюшскомъ и Спасскомъ уѣздахъ, къ январю весь почти скотъ былъ уже распроданъ. При продажѣ скота значительная часть вырученныхъ денегъ пропивалась съ отчаянія. Распространилась повсюду цынга. Хлѣбъ ѣдятъ съ примѣсью желудей и лебеды, но бѣда та, что и эти суррогаты не вездѣ уродились. Такъ какъ выдаваемая ссуда всюду совершенно недостаточна, то ея нехватаетъ на мѣсяцъ, и потому въ концѣ мѣсяца, до полученія новой ссуды, періодически происходитъ самое острое голоданіе. Особенно тяжелое впечатлѣніе производятъ напечатанныя въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* письма изъ Уфимской губерніи Т. И. Полнера, изъ которыхъ ясно вырисовывается картина не только тяжелаго народнаго бѣдствія, но и бездушнаго отношенія къ нему правительственнаго чиновничества, въ рукахъ котораго находится продовольственное дѣло. Начнемъ съ того, что списки, составляющіе основаніе для оказанія помощи составляются чисто формальнымъ образомъ, безъ всякаго участія людей, дѣйствительно

знающихъ и надежныхъ и ни земскіе начальники, ни тѣмъ менѣе губернаторъ, не могутъ ихъ провѣрить и не имѣютъ понятія ни о размѣрахъ нужды, ни о составѣ нуждающихся. Изъ имѣющихъ право на продовольственное пособіе исключаются по продовольственнымъ правиламъ всѣ мужчины въ работоспособномъ возрастѣ. Не говоря уже о томъ, что эта работоспособность, при отсутствіи зимнихъ работъ въ краю исключительно земледѣльческомъ, не даетъ даже и мужскому населенію возможности кормиться, но уфимская администрація—радѣя о пользѣ государственной,—исключила и всѣхъ женщинъ въ рабочемъ возрастѣ, затѣмъ помощь выдается лишь послѣ продажи «излишняго» скота. Лишены помощи также всѣ тѣ, кто по правиламъ долженъ бы былъ ее получить не въ ссуду (припомнимъ, что вѣдь вообще продовольственная помощь выдается лишь въ ссуду и подлежитъ современемъ взысканію), а безвозвратно, т.-е. круглые сироты, престарѣлые, увѣчные. Предоставленная имъ льгота превратилась въ рукахъ мѣстной администраціи въ полное лишеніе помощи. Это все то, что дѣлается, такъ сказать, въ силу системы; но помимо этого запаздываніе выдачи составляетъ обычное явленіе. Вопросъ о способахъ, какими могутъ получать за 50—60 верстъ безлошадные,—а таковыхъ теперь большинство,—никого не интересуетъ. Когда населеніе въ теченіе извѣстнаго времени переголодаетъ безъ казеннаго хлѣба, то это нисколько не смущаетъ земскихъ начальниковъ. «Обошлись и безъ хлѣба» говорятъ они и ожидаютъ за это скорѣе благодарности свыше, чѣмъ опасаются отвѣтственности. Въ концѣ декабря земскіе начальники Белебеевскаго уѣзда, гдѣ царитъ самая страшная нужда, послали уфимскому губернатору привѣтственную телеграмму, въ которой выражали увѣренность, что просвѣщенное руководство его обезпечитъ блестящую постановку продовольственнаго дѣла въ уѣздѣ.

«Я хотѣлъ бы передать,—такъ заканчиваетъ г. Полнеръ свою корреспонденцію,—чувство, которое въ теченіе двухъ недѣль съ каждымъ шагомъ росло въ насъ. Это чувство—ненависть. Не къ людямъ—нѣтъ! Вездѣ есть хорошіе и худые люди. И не тѣ несчастные, которые пытаются сдѣлать карьеру на голодѣ, составляли предметъ нашей ненависти. Но когда приходишь въ соприкосновеніе съ большими народными бѣдствіями, когда видишь подлинныя страданія и слезы, не скрытыя никакими канцелярскими отписками, начинаешь со всей силой чувствовать *гнетъ системы*, которая мертвитъ и калѣчитъ все, къ чему прикасается. Я встрѣтился на войнѣ съ однимъ предводителемъ дворянства. «Я пріѣхалъ сюда консерваторомъ,—сказалъ онъ мнѣ,—а уѣзжаю революціонеромъ». Несомнѣнно это самое чувство, ненависть къ системѣ, гнетущей всю народную жизнь, сказалось всего больше и въ выборѣ оппозиціонно-революціонной Думы.

В. Линдъ.

Иностранная политика.

Германія.

Если бы въ настоящую минуту какой нибудь мыслитель-соціологъ искалъ примѣровъ, доказывающихъ всю безнадежную трудность прогнозовъ въ области общественныхъ явленій, то навѣрное онъ не забылъ бы сослаться на послѣдніе германскіе выборы. Намъ извѣстно много примѣровъ, когда выборные результаты значительно обманывали общественныя ожиданія. Чаще однако эта невѣрность оцѣнки касалась скорѣе количественныхъ, такъ сказать, чѣмъ качественныхъ результатовъ.

Осенью 1905 г., напримѣръ, было ясно, что торжество англійскаго консерватизма близится къ концу: дополнительные выборы все болѣе и болѣе оказывались благопріятны оппозиціи, и даже министерство Бальфура вышло въ отставку, не дожидаясь выраженія вотума недовѣрія. Въ общемъ однако не ожидали, что пораженіе консервативной партіи будетъ настолько полнымъ.

На нынѣшнихъ германскихъ выборахъ ожидалась, напротивъ, крупная побѣда соціалъ-демократіи и пораженіе конкурирующихъ съ нею партій; въ сущности этого ожидали обѣ стороны: насколько оптимистически глядѣли на свое будущее соціалъ-демократы, настолько господствовали смущеніе и мрачныя предчувствія среди націоналъ-либераловъ и свободомыслящихъ. И вдругъ все это такъ радикально мѣняется, и побѣдоносный ростъ соціалъ-демократіи въ рейхстагѣ терпитъ небывало жестокое пораженіе.

Намъ нечего указывать, насколько это событіе имѣетъ всемірный интересъ и насколько важно уяснить его причинныя зависимости. Напомнимъ обстоятельства роспуска: послѣдняя сессія германскаго рейхстага открылась 14-го ноября. Въ отвѣтъ на интерпеляцію Бассермана, касающуюся внѣшней политики, графъ Бюловъ далъ подробный отвѣтъ, который могъ быть резюмированъ заключительными словами: ни одинъ народъ не имѣетъ столько основаній смотрѣть на будущее съ оптимизмомъ, какъ нѣмецкій. Этотъ отзывъ не вызвалъ ни въ какой части рейхстага особеннаго энтузіазма: ясно было, что между правительствомъ и рей[illegible]

гомъ создалась особая почва, на которой возможны всякіе конфликты, и такой конфликтъ возникъ гораздо раньше, чѣмъ можно было ожидать. Прелюдіей къ нему послужило чрезвычайно бурное объясненіе между директоромъ колоніальнаго департамента Дернбургомъ и депутатомъ партіи центра Ререномъ. Послѣдній подвергъ безпощадной критикѣ всю колоніальную политику правительства и особенно дѣйствующую систему управленія; первый не остался въ долгу, указывая, что мотивы этой критики депутата центра совершенно личнаго характера. Столкновеніе было подчеркнуто еще болѣе дальнѣйшимъ заявленіемъ гр. Бюлова, что онъ всецѣло одобряетъ дѣйствія директора департамента. Было замѣтно, что отношенія правительства и партіи центра входятъ въ какой-то новый фазисъ, и это еще болѣе сказалось въ бюджетной комиссіи: правительство просило дополнительнаго кредита въ 27 мил. марокъ на военные расходы въ германской Африкѣ; представители центра отвергли эту цифру, хотѣли уменьшить ее до 20 мил. марокъ. Извѣстные признаки колебанія были у депутатовъ партіи, возможность столковаться съ ними повидимому не была абсолютно исключена, но правительство держалось позиціи полной неуступчивости и перенесло свое разногласіе въ рейхстагъ. Здѣсь Бюловъ въ засѣданіи 13-го декабря произнесъ свою знаменитую эффектную фразу: «вы хотите конфликта? Хорошо, пусть онъ наступитъ». И въ отвѣтъ на отклоненіе кредита большинствомъ рейхстага, состоящимъ главнымъ образомъ изъ депутатовъ центра и соціалъ-демократіи, канцлеръ прочелъ императорскій указъ о роспускѣ рейхстага.

Событіе было безусловно неожиданно. Впослѣдствіи «Vorwärts» утверждала, что правительство такъ поспѣшило съ роспускомъ, такъ какъ гр. Бюловъ узналъ, что готтентоты сдались въ Виндхонкѣ; офиціозныя газеты это отвергаютъ; во всякомъ случаѣ ни рейхстагъ, ни общественное мнѣніе Германіи этого не знали. И первое впечатлѣніе, которое произвелъ этотъ шагъ—было впечатлѣніе крупной политической ошибки. Колоніальная имперіалистическая политика приносила Германіи до сихъ поръ однѣ затраты; особенно отрицательное отношеніе къ ней господствуетъ въ южной Германіи, гдѣ не безъ основанія всегда усматривали, что эта политика будетъ содѣйствовать дальнѣйшему углубленію и укрѣпленію прусской гегемоніи. Эта политика, требующая новыхъ тяжкихъ жертвъ, являлась постояннымъ предметомъ ожесточенной борьбы со стороны соціалъ-демократіи, которая успѣшно распространяла враждебность къ ней среди широкихъ классовъ населенія. И наконецъ, она тѣсно была связана съ той ролью, несовсѣмъ соотвѣтствующей идеѣ конституціоннаго монарха, которую въ государственной жизни Германіи вообще, во внѣшней политикѣ въ частности стремился играть императоръ Вильгельмъ. Какъ бы то ни было, извѣстіе о роспускѣ было встрѣчено съ извѣстнаго рода энтузіазмомъ среди соціалъ-демократіи. Самые видные вожди ея, включая и Бебеля, высказывались, что соціалъ-демократія менѣе всего можетъ опасаться принять избирательную кампанію на почвѣ колоніальной политики и что за ней обезпечена

блестящая побѣда. Центръ не безъ злорадства высказывалъ увѣренность, что правительство собрать большинство и вести консервативную политику безъ его поддержки не сможетъ.

Либеральныя партіи глядѣли на будущее съ крайнимъ скептицизмомъ: имъ также рисовалась побѣда рабочей партіи, одержанная главнымъ образомъ на счетъ нихъ, бо́льшая, чѣмъ побѣда 1903 г. Всѣ находили нѣчто авантюристичное и безразсудное въ попыткѣ правительства бороться противъ соединенія силъ центра и соціалъ-демократіи.

Собственно говоря въ теченіе періода отъ 13 декабря до 25-го января (дня выборовъ) положеніе существенно не измѣнилось и никакихъ симптомовъ, которые указывали бы на сомнительность первоначальнаго прогноза, видно не было. Новымъ было активное выступленіе правительства въ выборной борьбѣ, но на первыхъ шагахъ оно даже сторонниками правительства было встрѣчено весьма сдержанно. Въ своемъ письмѣ отъ 1-го января къ Либерту, президенту лиги борьбы противъ соціалъ-демократіи, Бюловъ указываетъ, что онъ всегда опасался чрезмѣрнаго вліянія центра на рѣшенія рейхстага: ставить жизненные національные интересы въ зависимость отъ одной партіи слишкомъ рисковано; но до послѣдняго времени въ главныхъ вопросахъ объ увеличеніи морскихъ силъ имперіи, въ финансовыхъ реформахъ, въ заключеніи торговаго договора центръ шелъ съ правительствомъ: но теперь, когда завершенье начатаго въ нѣмецкой Африкѣ есть настоятельная необходимость, онъ не могъ допустить, чтобы центръ въ союзѣ съ соціалъ-демократіей заставилъ здѣсь правительство капитулировать. По его словамъ, самый моментъ для выборовъ не можетъ считаться неблагопріятнымъ: соціалъ-демократическая агитація вызываетъ реакцію, и возможно, что на этихъ выборахъ образуется матеріалъ для новой сплоченной либеральной, истинной центральной партіи. Многія непримиримыя противорѣчія смягчаются: борьба, которая велась между правыми и лѣвыми несоціалистическими партіями изъ-за вопроса о протекціонизмѣ потеряла остроту въ настоящее время, когда торговый договоръ сталъ совершившимся фактомъ и когда оказалось, что ожидаемаго вреднаго вліянія на благосостояніе городскихъ массъ отсюда не вышло. Болѣе всего кн. Бюловъ призываетъ къ объединенію вокругъ національной идеи, которой угрожаетъ могущество центра и еще болѣе завоеванія соціалъ-демократіи.

Всѣ эти мысли, не встрѣтившія повидимому особеннаго сочувствія ни среди консерваторовъ, ни среди либераловъ, были повторены въ болѣе рѣзкой и категорической формѣ на банкетѣ комитета колоніальной политики.

Канцлеръ особенно остановился на опасеніяхъ, которыя возбуждались въ нѣкоторыхъ кругахъ, будто въ Германіи подготовляется государственный переворотъ. «Противники наши говорятъ, что Германіи грозитъ возвратъ къ абсолютизму. Я утверждаю, что такой опасности не существуетъ и не можетъ существовать въ виду союзнаго характера конституціи. Императоръ не думаетъ ни о какихъ правахъ, кромѣ тѣхъ, которыми онъ обладаетъ

въ силу дѣйствующей конституціи. Цѣлью выборовъ должно быть торжество политики, которая выше партійныхъ разсчетовъ поставитъ интересы Германіи какъ великой державы». «Рейхстагъ, не отклоняющій національныхъ вопросовъ—вотъ что намъ надо въ настоящее время. Всѣ національные элементы отъ консервативной правой до прогрессивной лѣвой безъ религіозныхъ различій должны при выборахъ поступиться своими частными интересами передъ національнымъ долгомъ и національными обязанностями».

Что эти слова приняты во вниманіе общественнымъ мнѣніемъ Германіи больше, чѣмъ это казалось на другой день послѣ ихъ произнесенія—показало послѣдующее. Несомнѣнно однако, что играть на струнахъ національнаго чувства было особенно удобно, когда политическими противниками являлись двѣ партіи, которыя, отличаясь другъ отъ друга во всемъ политическомъ и соціальномъ міросозерцаніи, до извѣстной степени сходились въ своемъ интернаціональномъ характерѣ: центръ и соціалъ-демократія. Несомнѣнно, что эта коалиція вызывала группировку противоположныхъ силъ. У либеральныхъ партій нерасположеніе къ соціалъ-демократіи усугублялось страхомъ клерикальной опасности, и старые счеты съ правительствомъ, которое къ тому же высказывало готовность дѣйствовать болѣе чѣмъ прежде въ духѣ либеральныхъ принциповъ, невольно отступали на задній планъ. Съ другой стороны, и коалиція центра и соціалъ-демократіи представляла изъ себя нѣчто политически противоположное. Центръ не могъ слишкомъ активно поддерживать соціалъ-демократовъ, такъ какъ среди самихъ католиковъ, особенно въ Рейнской Пруссіи, поднимались рѣзкія возраженія противъ ихъ тактики въ рейхстагѣ, и при дальнѣйшемъ движеніи въ сторону соціалъ-демократіи можно было опасаться прямого раскола.

Но все это не колебало общей увѣренности, широко распространенной въ Германіи и за ея предѣлами, что изъ выборовъ 1907 г. центръ выйдетъ приблизительно съ прежними силами, соціалъ-демократія значительно увеличится, а либеральныя партіи потерпятъ новое пораженіе. Въ общемъ полагали, что 25-го января правительственная политика потерпитъ грандіозное фіаско, и нація, въ отвѣтъ на апелляцію къ ней, выскажется совершенно отрицательно по вопросу о колоніальномъ имперіализмѣ. Такое пораженіе правительству предсказывалъ почти наканунѣ выборовъ столь тонкій и компетентный наблюдатель, какъ берлинскій проф. Листъ въ своей замѣчательной статьѣ, появившейся въ «Neue Freie Presse» 24-го января.

И вдругъ уже первыя извѣстія, принесенныя телеграфомъ относительно хода выборовъ 25-го января, констатировали значительное увеличеніе голосовъ, подаваемыхъ за либеральныя партіи. Вслѣдъ за тѣмъ приходятъ неожиданныя извѣстія, что соціалъ-демократія потерпѣла крупное пораженіе. Сразу было избрано 237 членовъ рейхстага; оставалось 160 перебаллотировокъ, но уже до нихъ соціалъ-демократическая партія потеряла 20 мѣстъ, и пріобрѣла лишь одно. Наибольшій выигрышъ оказался не у либеральныхъ партій, а у консерваторовъ, которые потеряли 2 мѣста, а

пріобрѣли 7. При перебаллотировкахъ наибольшій выигрышъ пришелся на долю лѣвыхъ либеральныхъ партій—обѣихъ фракцій свободомыслящихъ и германской народной партіи, вмѣсто прежнихъ 36 мѣстъ онѣ получили 45. Консерваторы выиграли 8 мѣстъ, націоналъ-либералы—5, центръ—4, поляки—4. Все это прежде всего на счетъ соціалъ-демократіи, которая въ новомъ рейхстагѣ, оказалось, представляетъ уже не 79 депутатовъ, а 43, т.-е. стала по численности не второй, а четвертой партіей послѣ центра, консерваторовъ и націоналъ-либераловъ. Соціалъ-демократія потеряла Кенигсбергъ, Бреславль, Лейпцигъ, Дрезденъ, почти всю Саксонію, которая за свои выборы въ 1903 г. названа была Краснымъ Королевствомъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ и многіе другіе важные центры.

Нѣтъ надобности указывать на то ликованье, которымъ были встрѣчены эти извѣстія въ кругахъ, близкихъ къ правительству и императору. Рѣчь Вильгельма 6-го февраля, произнесенная въ совершенно необычной обстановкѣ съ балкона дворца, къ народу была проникнута сознаніемъ побѣды надъ самымъ страшнымъ и ненавистнымъ врагомъ. Чувствомъ глубокаго удовлетворенія была проникнута и рѣчь Бюлова къ пришедшимъ поздравить его берлинцамъ: «Когда я 13-го декабря,—говорилъ канцлеръ,—въ послѣдній разъ обратился къ рейхстагу, я кончилъ словами, что правительство исполнитъ свой долгъ, надѣясь на нѣмецкій народъ. Это довѣріе не обмануло. То, что побѣдило на этихъ выборахъ, то, что достигло блестящихъ результатовъ на послѣднихъ перебаллотировкахъ—это было не что иное, какъ германскій духъ».

Далеко не такъ безпредѣльна была радость въ рядахъ какъ центра, такъ и лѣвыхъ либеральныхъ партій. И здѣсь, и тамъ такое чрезмѣрно-полное торжество правительства внушало извѣстныя опасенія. Не могли, конечно, скрыть отъ себя значеніе совершившагося и соціалъ-демократія. «Во всей сорокалѣтней исторіи нѣмецкой соціалъ-демократіи»—писалъ Каутскій, «не существуетъ событія столь поразительнаго, какъ послѣдніе выборы въ рейхстагъ. Правда, въ 1887 году мы, говоря относительно, потеряли еще больше мандатовъ, чѣмъ потеряемъ теперь, если только перебаллотировка 5-го февраля не окажется для насъ совершенно исключительно неблагопріятной. Но относительное приращеніе голосовъ было тогда больше, и прежде всего ожиданія, которыя у насъ были 20 лѣтъ тому назадъ, были значительно скромнѣе, чѣмъ теперь». Въ своемъ разговорѣ съ корреспондентомъ вѣнской «Die Zeit» Бебель признался, что такого пораженія онъ никакъ не ожидалъ, хотя къ мысли о потеряхъ былъ до извѣстной степени приготовленъ. И въ этомъ пораженіи, лишающемъ соціалъ-демократію ея прежняго вліятельнаго мѣста въ рейхстагѣ, великимъ утѣшеніемъ не было то обстоятельство, что абсолютное число голосовъ, поданное за соціалъ-демократовъ, увеличилось на 250.000 голосовъ по сравненію съ 1903 г. Надо замѣтить, что процентъ абсентеистовъ былъ вообще значительно меньше, чѣмъ во время послѣднихъ выборовъ; тогда участвовало въ выборахъ 74% избирателей, въ 1907 г.—86%—наибольшая цифра с са-

наго начала рейхстага. Конечно, это пораженіе касалось не одной Германіи. «Результатъ выборовъ,—писалъ Жоресъ въ l'Humanité—«обозначаетъ разочарованіе для нѣмецкаго соціализма, который надѣялся на новую побѣду, но въ не меньшей мѣрѣ онъ означаетъ разочарованіе для всей международной соціалъ-демократіи». Daily Express съ чувствомъ особаго удовлетворенія отмѣчаетъ, что наступили плохіе дни для соціализма: онъ одновременно потерпѣлъ пораженіе въ Лондонѣ на муниципальныхъ выборахъ, въ Нью-Іоркѣ на выборахъ въ легистратуру штата и въ Германіи на выборахъ въ рейхстагъ. Не стоимъ ли мы передъ началомъ отлива того соціальнаго движенія, которое казалось такъ гигантски развившимся въ концѣ 19-го и въ началѣ 20-го вѣка?

Несомнѣнно эти выборы имѣютъ всемірно-историческій интересъ, и невольно спрашиваешь себя, что опредѣлило столь неожиданный поворотъ въ настроеніи нѣмецкаго народа и какой политическій прогнозъ можетъ быть поставленъ для ближайшаго будущаго Германіи?

Наиболѣе распространенный отвѣтъ среди соціалъ-демократической прессы ссылается на небывало сплоченную коалицію всѣхъ буржуазныхъ силъ, которыя сорганизовались подъ лозунгомъ борьбы противъ соціалъ-демократіи. Но очевидно, это вовсе не есть отвѣтъ вообще. Насъ должны интересовать именно причины возможности такой коалиціи, которая раньше не осуществлялась. Почему буржуазный страхъ побѣдилъ антагонизмъ консервативныхъ и прогрессивныхъ партій? Вѣдь очевидно, что самый размѣръ выборнаго пораженія соціалъ-демократовъ исключаетъ возможность довольствоваться ссылкой на случайность, вообще на какія-либо внѣшнія причины.

Было бы, конечно, съ этой стороны особенно интересно изслѣдовать общій характеръ тѣхъ психологическихъ воздѣйствій, которыя оказали на населеніе Германіи народнохозяйственныя коньюнктуры, образовавшіяся послѣ 1903 г. Съ точки зрѣнія самой соціалъ-демократической теоріи мы ожидали бы на первый взглядъ въ нихъ чего-нибудь способнаго ослабить и притупить классовыя противорѣчія. Между тѣмъ экономическая жизнь Германіи за эти годы не была отмѣчена ничѣмъ особенно своеобразнымъ. Въ этомъ отношеніи можно сказать лишь, что соціалъ-демократическая партія не имѣла такой благопріятной почвы, какъ передъ выборами 1903 г., когда ей приходилось бороться противъ хлѣбныхъ пошлинъ, означавшихъ высокія цѣны на хлѣбъ. Каутскій не признаетъ даже вовсе такого смягченія противорѣчій. Онъ объясняетъ, что потеря голосовъ приходится главнымъ образомъ не на пролетарскіе слои, а на тѣ подвижные элементы, которые занимаютъ промежуточное положеніе между имущими и неимущими классами. Въ этой мелкобуржуазной средѣ то растущее вздорожаніе предметовъ первой необходимости, которое объясняется весьма сложной комбинаціей причинъ, прежде всего воздѣйствіемъ новаго таможеннаго тарифа, было поставлено на счетъ неумѣренныхъ требованій рабочаго класса, требованія

болѣе высокой заработной платы. Потребитель, не умѣющій отдать себѣ отчета въ экономическихъ тягостяхъ, отъ которыхъ онъ страдалъ, столкнулся съ производителемъ рабочимъ, котораго самого вздорожаніе заставило бороться за болѣе высокую заработную плату. Очевидно и всѣ слои этой мелкой буржуазіи, которые имѣютъ дѣло съ желаніями рабочихъ, были недовольны необходимостью платить имъ больше, чѣмъ прежде. Къ этому присоединилась растущая враждебность противъ потребительныхъ товариществъ, дѣлающихъ такую разорительную конкуренцію мелкой торговлѣ. Мелкая буржуазія порываетъ съ соціалъ-демократіей. Все это необходимыя послѣдствія обостренія классовыхъ противорѣчій, какъ его принесли съ собой пошлины, вызвавшія дороговизну. «Эти пошлины не только расширили пропасть между капиталистами и рабочими и усилили ихъ взаимное ожесточеніе, онѣ сдѣлали то, что промежуточные слои, которые до сихъ поръ видѣли въ соціалъ-демократахъ своихъ лучшихъ представителей и которые до сихъ поръ объединялись съ рабочимъ классомъ въ борьбѣ противъ милитаризма и обременяющей низшіе слои населенія системы налоговъ, теперь самымъ рѣзкимъ образомъ почувствовали противоположность своихъ интересовъ и отвергли нашу партію.»

Это изображеніе упрощенно схематическое, какъ оно всегда бываетъ у Каутскаго, конечнö въ достаточной мѣрѣ догматично. Потери соціалъ-демократовъ не ограничиваются лишь потерями среди мелкой буржуазіи; они коснулись и рабочаго класса. Самъ Бернштейнъ, который тамъ является энергичнымъ сторонникомъ профессіональныхъ союзовъ, признаетъ однако, что ростъ ихъ далъ соціалъ-демократіи не только новыхъ друзей, но и враговъ.

Конечно, и соціалъ-демократы не скрываютъ, что блестящій успѣхъ 1903 г. былъ вызванъ причинами прежде всего политическими, а не классовыми, такъ сказать,—множество избирателей вотировало за соціалъ-демократію не какъ за соціалистическую, а какъ за наиболѣе ярко оппозиціонную партію. Особенно это сказалось въ Саксоніи, гдѣ избирательный успѣхъ партіи стоялъ въ неоспоримой связи съ извѣстными скандальными событіями въ семьѣ короля, не говоря уже о реакціонной политикѣ правительства вообще. Теперь этотъ политическій моментъ, какъ оказалось, повернулъ противъ соціалъ-демократіи.

Несомнѣнно, во-первыхъ, что мотивъ національнаго интереса сыгралъ здѣсь большую роль, и правительство сумѣло его использовать. Въ этомъ отношеніи можно думать, что невольная связь между центромъ и соціалъ-демократіей, создавшаяся въ результатѣ политической коньюнктуры, болѣе повредила, чѣмъ помогла соціалъ-демократамъ. Не наводитъ ли это на мысль, что эти партіи, во всемъ столь противоположныя, могутъ объединяться лишь въ пренебреженіи государственно-національнымъ интересомъ Германіи? И можно думать, что и неосторожные лозунги, выставленные нѣмецкой соціалъ-демократіей, ея враждебное отношеніе ко всякому н[illegible]

ципу національности, которое обращалось гораздо дальше, чѣмъ противъ простого шовинизма,—все это теперь создало представленіе, насколько въ дѣлѣ охраны національныхъ интересовъ невозможно на нее положиться. Мы думаемъ, что этотъ патріотическій инстинктъ, какъ бы его ни оцѣнивать, никакъ нельзя однако сводить исключительно на замаскированное своекорыстіе буржуазнаго класса. Бернштейнъ, который наблюдалъ обстановку выборовъ въ Бреславлѣ, гдѣ соединились всѣ несоціалистическія партіи, отмѣчаетъ искреннее увлеченіе буржуазной молодежи, которая серьезно думала, что исполняетъ національный долгъ. И здѣсь приходится признать, что нѣкоторыя предостереженія изъ лагеря ревизіонистовъ, говорившія о болѣе бережномъ отношеніи къ національному вопросу, которое должна проявить соціалъ-демократія, были слишкомъ основательны. Опасно было создавать психологическую презумпцію противъ себя.

Что касается въ частности колоніальной политики, то и здѣсь ревизіонисты, относясь къ ней въ общемъ отрицательно, указывали на необходимость не отвергать всего, касающагося внѣшнихъ интересовъ Германіи en bloc безъ разсмотрѣнія. Критика колоніальной политики правительства лишь выиграла бы въ силѣ, если бы она была менѣе предвзятой. Представители ревизіонизма, Кальваръ и Бернштейнъ, указывали, что такое отношеніе къ колоніальнымъ вопросамъ было неправильно по существу, ибо, выражаясь словами Кальвара, «нѣмецкій соціализмъ не можетъ отрицать необходимости для нѣмецкаго капитализма и нѣмецкаго духа предпріимчивости вести колоніальную политику, если только хозяйственное будущее Германіи должно быть обезпечено отъ иностранной конкуренціи. Но помимо реальной ошибки здѣсь, по ихъ мнѣнію, лежитъ ошибка психологическая для партіи: она должна была отнестись къ этому вопросу менѣе доктринерски, болѣе реально политически, не отвергать заранѣе всякаго расхода на колонію. Каутскій, конечно, не видитъ здѣсь никакой ошибки, но онъ согласенъ, что соціалъ-демократы слишкомъ низко оцѣниваютъ притягательную силу колоніальной идеи въ буржуазныхъ кругахъ.

Если нельзя признать справедливымъ отнесеніе всего за счетъ буржуазнаго страха, то, конечно, нельзя и отрицать его значенія. И повидимому въ смыслѣ усиленья этого страха видную роль сыграли наши русскія событія. Извѣстныя часто въ неточной передачѣ и дурно понятыя, они открывали картину какого-то непрекращающагося безнадежнаго хаоса и анархіи. За границей вообще, въ Германіи особенно весьма мало отдаютъ себѣ отчета въ различныхъ оттѣнкахъ среди русскихъ крайнихъ оппозиціонныхъ группъ. Дѣйствія максималистовъ были отнесены на счетъ русскихъ революціонныхъ партій и не освобождена была отъ отвѣтственности за нихъ и русская соціалъ-демократія, которая представляетъ собою часть соціалъ-демократіи международной. Конечно, и полуанархическій, полубланкистскій характеръ, которымъ такъ отличаются русскіе большевики, не могъ пріобрѣсти имъ особыхъ симпатій.

Въ частности, конечно, нѣмецкіе буржуазные круги особенно были встревожены сначала движеніемъ въ прибалтійскомъ краѣ, а впослѣдствіи и событіями въ Польшѣ.

Мы не должны забывать, какую огромную роль въ польской индустріи играютъ нѣмецкіе капиталы и съ какимъ ожесточеніемъ велась здѣсь внутренняя война. Пожаръ, казалось, достигалъ германскихъ границъ, и испуганному воображенію рисовалась надвигающаяся съ востока кровавая анархія. Это, конечно, не могло не вызвать ассоціацій, крайне неблагопріятныхъ для нѣмецкой соціалъ-демократіи, не могло не обострять недовѣрія къ ней: не кроются ли въ ней потенціально зародыши подобнаго революціоннаго анархизма? Буржуазный страхъ питается болѣе впечатлѣніями, чѣмъ логическимъ анализомъ: а мы знаемъ, какая огромная организующая сила, конечно направленная въ концѣ-концовъ болѣе на разрушенье, чѣмъ на созиданье, заключается въ этомъ страхѣ. Но и эти всѣ черты еще не объясняютъ такого рѣзкаго поворота въ общественномъ настроеніи страны. Нельзя отрицать, что въ немъ сказались не одинъ буржуазный страхъ и не одинъ подъемъ національнаго или националистическаго чувства.

Несомнѣнно, въ немъ чувствуется извѣстное разочарованіе, которое и раньше можно было прослѣдить въ прессѣ. Уже раньше указывалось, насколько парламентская тактика соціалъ-демократіи при всей ея численности, осуждала ее на бездѣйствіе: что пользы въ этой принципіальной ригористической прямолинейности, если на жизнь государственную и законодательную ею не оказывалось вліянія? Отъ этого доктринерства всегда предостерегали ревизіонисты, въ немъ видѣли одну изъ главныхъ причинъ пораженій многіе иностранные друзья нѣмецкой соціалъ-демократіи. «Партія должна извлечь изъ своего пораженія серьезный урокъ» писалъ Ферри въ Avanti.

«До сихъ поръ она держалась вдали отъ необходимости требованій политической хозяйственной и соціальной жизни, пребывая въ своего рода доктринерскомъ эллизіумѣ, въ отдаленномъ снѣ дѣйствительности. Она проходила мимо политическихъ и хозяйственныхъ вопросовъ, которые ставились правительствомъ или профессіональнымъ движеніемъ, и сохраняла нейтралитетъ. Пусть урокъ послѣднихъ выборовъ произведетъ въ нѣмецкой соціалъ-демократіи благодѣтельную перемѣну и побудитъ ее войти въ соприкосновеніе съ дѣйствительною жизнью». «Нѣмецкіе соціалисты потеряли голоса избирателей», писала Aurore, «такъ какъ въ ихъ программѣ не было ничего положительнаго, вся партійная политика сводилась къ отрицанію». Жоресъ, хотя съ этимъ и не совсѣмъ соглашался, также видѣлъ одну изъ главныхъ причинъ пораженія въ ея внѣшней пассивной роли въ рейхстагѣ.

Эти отвлеченія, доктринерскія постановки несомнѣнно отражались и на отношеніяхъ партіи къ либерализму и буржуазной демократіи. Несмотря на уроки Франціи и Англіи, нѣмецкая соціалъ-демократія энергично вер-

гаетъ мысль о всякомъ блокѣ съ либерально-демократическими группами и это въ странѣ, гдѣ традиціи абсолютизма такъ мощны, и гдѣ правительство политически такъ безотвѣтственно! О классовыя противорѣчія разбивается интересъ, объединяющій всѣ прогрессивныя группы, расширить гражданскую свободу и обезпечить властное вліяніе народнаго представительства, которому постоянно угрожаетъ военно-монархическое могущество Гогенцоллерновъ. Эта либеральная демократія, которой соціалисты не хотѣли протянуть руку помощи, не смотря на настойчивые совѣты ревизіонистовъ, была одинока и безсильна, ибо такъ называемые національ-либералы давно превратились въ чистокровныхъ буржуазныхъ оппортюнистовъ, думающихъ лишь о германской крупной индустріи и заморскихъ рынкахъ и менѣе всего безпокоющихся о разныхъ отвлеченностяхъ, вродѣ принциповъ свободы, равенства, политическаго самоопредѣленія націи. Конечно, этой либеральной демократіи былъ всегда присущъ паническій страхъ краснаго призрака,—достаточно вспомнить о томъ фанатическомъ ожесточеніи къ соціалистамъ, которое проявлялось въ послѣдніе годы жизни Рихтера. Но если предразсудки съ обѣихъ сторонъ могли считаться равносильными, если съ одной стороны дѣйствовала боязнь сдѣлать шагъ въ сторону соціализма, а съ другой—страхъ оскверниться общеніемъ съ буржуазными элементами, то результаты оказались весьма печальными для обѣихъ сторонъ, а еще болѣе для всей массы германскаго народа, развитіе политической свободы у котораго остановилось какъ бы на одной точкѣ.

И наконецъ этотъ духъ изолированности и нетерпимости шелъ дальше; онъ проникалъ и въ сферу духовной культуры, и здѣсь надо видѣть источникъ того отлива цѣнныхъ интеллектуальныхъ силъ, той реакціи среди учащейся молодежи и вообще образованныхъ слоевъ, которые можно было наблюдать во время послѣднихъ выборовъ. «Не программа конечнаго соціальнаго переворота», писалъ Berliner Tageblatt, «и во всякомъ случаѣ не столько эта программа привлекала людей, политически болѣе или менѣе безпартійныхъ, но съ выраженными духовными интересами; но соціалъ-демократія была партіей свободы, партіей идейнаго и моральнаго одушевленія». Достаточно вспомнить знаменитый отзывъ Моммсена, въ которомъ по его прошлому трудно было предполагать особыхъ симпатій къ соціалистамъ и который, высказывая передъ смертью итоги своего политическаго опыта, призналъ соціалъ-демократію величайшей моральной силой Германіи. Усиленіе соціалъ-демократіи въ значительной степени объяснялось тѣмъ, что партія невольно становилась носительницей духа либерализма въ истинномъ смыслѣ слова.

Такъ было еще въ 1903 г. Но между нимъ и январемъ 1907 г. лежитъ дрезденскій партейтагъ, лежатъ проявленія глубокой партійной нетерпимости, которая въ концѣ-концовъ создала какую-то неприкосновенную ортодоксію, въ предѣлахъ коей кончается свобода изслѣдованія. Единство сохранено, ревизіонизмъ осужденъ какъ соціальная ересь, эрфуртская

программа остается политическимъ катехизисомъ. Но все это какой цѣной! До 1903 г.—пишетъ въ ревизіонистскомъ органѣ Socialistiche Monatshefte Кальверъ,—«симпатіи къ соціалъ-демократіи были очень сильны въ мірѣ науки, искусства, литературы. Эти круги въ ней видѣли носительницу опредѣленныхъ культурныхъ идеаловъ. Послѣ дрезденскаго партейтага, когда свобода мнѣній въ партіи была въ значительной степени урѣзана, симпатіи этихъ людей не могли не улетучиться. Мы боремся съ католической церковью за то, что она провозглашаетъ догматы вродѣ непогрѣшимости римскаго папы, но въ нашей собственной партіи развилась ортодоксія, которая прямо должна вызывать изумленіе въ демократической организаціи XX вѣка». Оказалось, что въ борьбѣ за политическое существованіе преувеличенія въ духѣ дисциплины и единообразія столь же опасны, какъ и недостатокъ солидарности.

Для самой соціалъ-демократіи очевидно послѣднее пораженіе ставитъ рядъ основныхъ вопросовъ. Теперь уже едва ли возможно такъ отнестись къ ревизіонизму, какъ къ нему отнеслись на дрезденскомъ партейтагѣ. Сила вещей толкаетъ партію къ внутреннему перерожденію, къ сближенію съ либерально-демократическими группами и обрисовываетъ для нея въ будущемъ не положеніе «блистательной изолированности», а положеніе авангарда среди тѣхъ силъ Германіи, которыя двигаютъ ее по пути развитія свободныхъ учрежденій и соціальной справедливости.

Время революціонной фразеологіи пережито, и остается, освободившись отъ сектантской нетерпимости, всѣ силы направить къ положительной работѣ въ духѣ эволюціоннаго демократизма. Этого могутъ лишь пожелать всѣ, кто признавали и признаютъ за соціалъ-демократіей Германіи, несмотря на всѣ ея ошибки, великое культурное и политическое значеніе,всѣ друзья нѣмецкаго народа.

Какой прогнозъ можно поставить въ настоящую минуту относительно характера будущаго рейхстага? Очевидно, что правительство выходитъ изъ борьбы сильнѣе, чѣмъ оно было. Центръ тяжести въ рейхстагѣ несомнѣнно перемѣстился направо. Правительство пріобрѣтаетъ въ новомъ рейхстагѣ двойное большинство: либерально-консервативное (противъ центра и соціалъ-демократіи въ вопросахъ такъ называемой національной политики), въ вопросахъ же экономическихъ оно можетъ разсчитывать на правыя партіи и центръ. Такимъ образомъ зависимость его отъ какой-нибудь отдѣльной партіи уменьшается, и у него развязываются руки. Сохраненіе существующихъ конституціонныхъ началъ и сохраненіе всеобщаго избирательнаго права, впрочемъ, обезпечивается даже въ томъ невѣроятномъ случаѣ, если бы правительство вступило на путь ихъ разрушенія третьимъ большинствомъ изъ центра, поляковъ и лѣвыхъ партій.

Католики подчеркиваютъ, что побѣда правительства всетаки односторонняя. Оно боролось и противъ соціалъ-демократовъ и противъ центра, а побѣдило лишь первую. Центръ выходитъ изъ борьбы съ пріобрѣ-

емъ новыхъ четырехъ мандатовъ. «Князь Бюловъ,—пишетъ клерикальная Germania,—похожъ на человѣка, который, сломавъ себѣ ногу, радостно кричитъ: какое счастье, что я не сломалъ себѣ шеи. Повидимому въ партіи центра думали, что правительство уже теперь вступитъ съ ней въ переговоры. До сихъ поръ однако Бюловъ отвергаетъ офиціально эту мысль и не затушевываетъ, а скорѣе подчеркиваетъ, борьбу правительства съ центромъ. Зная однако въ прошломъ, какъ разрѣшались самые острые конфликты между имперскимъ канцлеромъ и партіей, трудно ожидать, чтобы и теперь не нашлось примирительнаго выхода. При существующихъ отношеніяхъ католической церкви съ французскимъ правительствомъ, при извѣстныхъ симпатіяхъ Пія X въ сторону Германіи можно также думать, что вліяніе изъ Рима будетъ болѣе содѣйствовать примиренію, чѣмъ тормозить его.

Какую роль въ правительственномъ консервативно-либеральномъ большинствѣ будутъ играть либеральные элементы? Насколько вообще оправдаются надежды тѣхъ либеральныхъ группъ, которыя разсчитывали въ этомъ отношеніи на поворотъ въ правительственной политикѣ? Мнѣнія объ этомъ весьма и весьма колеблются—отъ скептической оцѣнки Berliner Tageblatt, которая не поздравляетъ нѣмецкій либерализмъ съ этой побѣдой, до Frankfurter Zeitung, по словамъ котораго, либерализмъ въ общемъ долженъ быть удовлетворенъ исходомъ выборовъ. Въ иностранной прессѣ мы чаще встрѣчаемся съ полнымъ скептицизмомъ. Такъ, «Temps» весьма обстоятельно доказываетъ, почему нельзя питать никакого довѣрія къ либеральнымъ тенденціямъ предстоящаго рейхстага и почему гораздо вѣроятнѣе преобладаніе въ немъ тенденцій націоналистическихъ.

Ближайшее будущее покажетъ. Несомнѣнно, что для нѣмецкаго либерализма предстоитъ критическая минута. Партіи, офиціально являющіяся его носителями, могутъ или послѣ полученнаго успѣха вновь и, можетъ быть, окончательно потерять довѣріе страны, или подготовить концентрацію либерально-демократическихъ силъ, которыя заставятъ правительство съ собой считаться. Борьба неизбѣжна и она тѣмъ неизбѣжнѣе, что меньше чѣмъ прежде можно теперь, послѣ пораженія соціалъ-демократовъ, пугать краснымъ призракомъ. Едва ли его смѣнитъ черный призракъ—призракъ гегемоніи католическаго центра. Слишкомъ много въ Германіи реальныхъ опасностей для политической и гражданской свободы. Слишкомъ много въ Германіи пережитковъ абсолютизма, слишкомъ далекъ наконецъ самъ Вильгельмъ II, въ глазахъ коего до сихъ поръ «quod principi placuit, legis habet vigorem»,—несмотря на всѣ опроверженія Бюлова, отъ сознанія своей роли какъ конституціоннаго монарха.

Въ своей бесѣдѣ съ корреспондентомъ Zeit Бебель выразилъ предположеніе, что Германіи предстоитъ въ близкомъ будущемъ возрожденіе либеральной демократіи: свободомыслящихъ онъ считаетъ для этой исторической миссіи не пригодными, но признаетъ возможнымъ, что руководящая

роль здѣсь выпадетъ на долю Наумана. Такое признаніе изъ устъ Бебеля достаточно характерно. Очевидно, что въ политической жизни Германіи вообще, германскаго рейхстага въ частности открывается новая глава. Положеніе германскаго правительства исключительно благодарное, но и исключительно отвѣтственное: если народное довѣріе будетъ обмануто, то на выборахъ 1912 г. объединяющимъ лозунгомъ сдѣлается уже не борьба противъ соціалъ-демократіи и центра, краснаго и чернаго призрака, а борьба противъ правительственнаго абсолютизма и правительственной безотвѣтственности.

С. Котляревскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Февраль 1907 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Купринъ. Томъ III. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. Постоялый дворъ въ заброшенной деревушкѣ, бѣдная еврейская мастерская, грязныя меблированныя комнаты на окраинѣ города—сѣрый фонъ, на которомъ развертываются и смѣняютъ другъ друга, какъ въ калейдоскопѣ, бытовыя картинки простой, повседневной жизни. Обыкновенные сѣрые люди устраиваютъ свою жизнь, сходятся и расходятся, много страдаютъ и рѣдко радуются. Но за всѣмъ этимъ простымъ и обыденнымъ таятся какія-то темныя, загадочныя и роковыя силы, отрицать которыя было бы такъ же безполезно, какъ отрицать тѣ силы, которыя скрываются за неподвижной поверхностью земли и проявляются въ каждомъ землетрясеніи, въ каждомъ изверженіи вулкана. Всѣ дѣла, слова и мысли кажутся автору разсказовъ тонкими подземными ручейками; они встрѣчаются, сливаются въ родники, просачиваются наверхъ, стекаются въ рѣчки—и вотъ уже мчатся бѣшено и широко въ полноводной рѣкѣ жизни. Берега этой рѣки теряются въ поэтическомъ туманѣ печали, которая безсильно и горько шевелится въ душѣ художника, шумъ ея волнъ звучитъ непонятной угрозой, приноситъ опьянѣніе минуты и долгую меланхолію. „Каждый разъ, когда я думаю объ огромности, сложности, непонятности и стихійной случайности этого общаго сплетенія жизней,—пишетъ Купринъ,—моя собственная жизнь представляется мнѣ ничтожной пылинкой, затерявшейся въ вихрѣ урагана“. Въ своихъ мелкихъ разсказахъ второй части книги авторъ возвышается до удивительной проникновенности; какъ будто бы тѣ бѣлыя ночи, которыя онъ описываетъ, открываютъ ему на мгновеніе загадочную душу спящаго города, какъ будто бы падаютъ всѣ тѣ людскія условности, которыя кажутся ему самымъ страннымъ, смѣшнымъ и необыкновеннымъ въ мірѣ. И читатель, закрывая книгу, испытываетъ то же настроеніе, какое испыталъ въ дорогѣ герой одного изъ этихъ разсказовъ: мимоходомъ властная красота освѣтила и взволновала душу, но уже пробѣжала, исчезла позади эта полоса жизни, и о ней

осталось только одно воспоминаніе, какъ о скрывшемся вдали огонькѣ случайной станціи; а впереди не видно другого огня, лошади бѣгутъ мѣрной рысью, и равнодушный ямщикъ—Время, безучастно дремлетъ на козлахъ.

Ѳ. Арнольдъ.

А. Серафимовичъ. Разсказы. Т. II. Изд. т-ва „Знаніе". Спб., 1907 г. Ц. 1 р. Талантъ г. Серафимовича развертывается съ особенной силой и яркостью на безграничномъ просторѣ родныхъ полей. Описаніе русской природы: сухая степь, нескончаемо поднимающаяся по изволокамъ, отлого спускающаяся въ широкія сухія балки, по которымъ краснѣетъ глина размытыхъ овраговъ, могучая рѣка, лѣниво катящая свои воды подъ побѣлѣвшимъ отъ зноя небомъ, дремлющія лѣсныя озера съ деревьями, задумчиво наклонившимися надъ самой водой—все это со страницъ разсказовъ дышитъ своей особенной, равнодушной къ человѣку, но красивой и полной жизнью. И проходящіе передъ вами на фонѣ этого пейзажа люди какъ будто бы сливаются съ природой, растворяются въ ней, составляютъ въ ней едва замѣтную точку, какъ ласточки, тонущія въ лучахъ и тихой красотѣ вечерняго заката. Психологія человѣка кажется несложной, простой и мало интересной и не останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя. Дѣти и простой народъ лучше всего удаются г. Серафимовичу.

Но тревога города, потрясающія событія послѣднихъ лѣтъ втягиваютъ въ себя художника. Погромы и демонстраціи съ красными знаменами, разстрѣлъ Прѣсни и пробуждающееся сознаніе рабочихъ массъ, близкое вѣяніе свободы захватываютъ г. Серафимовича. Онъ спѣшитъ отозваться на нихъ, рисуетъ картины смятенной и волнующейся жизни города. Читатель заинтересовывается животрепещущей темой, прекраснымъ литературнымъ изложеніемъ, вѣрными снимками съ дѣйствительности, но и только... Дымъ фабричныхъ трубъ застилаетъ ясное и безсознательно-объективное творчество художника, черный митингъ безумья и гордости, раздирающій душу крикъ нищеты заглушаютъ голосъ талантливаго беллетриста. Высоты и пропасти человѣческаго духа чужды г. Серафимовичу, и людское страданіе въ его разсказахъ говоритъ съ читателемъ живымъ языкомъ только тогда, когда оно вырывается изъ кипящаго котла огромнаго города и растекается по безконечнымъ равнинамъ полей родины.

Ѳ. Арнольдъ.

Т. Г. Шевченко. Кобзарь. Въ переводѣ русскихъ писателей. Редакція И. А. Бѣлоусова. Изд. 2-е, значительно дополненное и исправленное. Съ портретомъ и біографіей, сост. И. Бѣлоусовымъ. Изд. товарищ. „Знаніе". Спб., 1906 г. Ц. 1 р. Отъ души привѣтствуемъ новое изданіе русскаго „Кобзаря", которое должно содѣйствовать широкой популярности народнаго поэта Украйны на пространствѣ всей Руси. Не требуетъ доказательствъ, что Шевченко по силѣ и яркости таланта, по интимной связи своей съ душой украинскаго народа и по глубокой демократичности своей музы имѣетъ всѣ основанія сдѣлаться однимъ изъ любимцевъ широкихъ слоевъ русскаго народа за предѣлами Малороссіи; но несомнѣнно, что сейчасъ онъ еще не занимаетъ этого по праву ему принадлежащаго мѣста. Многія причины задерживали знакомство съ нимъ русской публики. Во-первыхъ, давнее подозрительное, чтобы не сказать ненавистническое отношеніе Петербурга ко всему украинскому и въ частности къ Шевченкѣ, стихотворенія котораго до нашихъ дней печатались въ сильно урѣзанномъ видѣ (и въ

нѣсколько недѣль назадъ появилось первое въ Россіи полное изданіе Кобзаря); во-вторыхъ, русскіе поэты мало занимались Кобзаремъ (отчасти, конечно, по вышеуказанной причинѣ). По крайней мѣрѣ, редакторъ разбираемаго изданія, г. Бѣлоусовъ, очень внимательно отнесшійся къ полнотѣ его, оказался въ силахъ дать переводы лишь 129 отдѣльныхъ вещей изъ 200 приблизительно стихотвореній, входившихъ до сихъ поръ въ русскія изданія Кобзаря, причемъ, во-первыхъ, почти половина (до 60 №№) переводовъ принадлежитъ самому редактору и часть ихъ сдѣлана для даннаго изданія, а во-вторыхъ, въ послѣднемъ отсутствуетъ не менѣе 10 крупныхъ вещей, изъ которыхъ назовемъ, наприм., слѣдующія: „Назаръ Стодоля", „Невольникъ", „Москалева криница", „Титаривны",—не говоримъ о поэмѣ „Еретикъ", которая до послѣдняго года была извѣстна лишь въ отрывкахъ.

Редакторъ собралъ переводы болѣе 20 поэтовъ старыхъ и новыхъ, разной силы и опытности; мы не можемъ, конечно, говорить о всѣхъ переводчикахъ и дадимъ рядъ замѣчаній общаго свойства. Совсѣмъ плохихъ переводовъ мы здѣсь не найдемъ; редакторъ, очевидно, обладаетъ необходимымъ для выбора вкусомъ (его собственные переводы обыкновенно исполнены хорошо), но очень многія мѣста требуютъ исправленія и переработки. Дѣло въ томъ, что переводъ Кобзаря—дѣло очень нелегкое и коварное. При переложеніи съ близкаго родственнаго, но своеобразнаго малорусскаго языка, притомъ поэта, кровно связаннаго съ народнымъ бытомъ, переводчику грозитъ нѣсколько опасностей: слишкомъ уйдя въ область литературнаго языка, онъ рискуетъ обезличить оригиналъ; если же онъ захочетъ сохранить живыя краски національно-бытовыя, ему надобно столько же остерегаться невразумительности отъ излишней близости къ подлиннику, сколько *омоскаливанія* текста, если онъ неразборчиво будетъ прибѣгать къ народной великорусской фразеологіи. Отъ послѣдней ошибки въ особенности слѣдуетъ беречься, такъ какъ она даетъ рѣзкій диссонансъ въ общемъ тонѣ поэзіи Шевченки.

Непріятно дѣйствуютъ встрѣчаемыя въ переводахъ такія выраженія, какъ „ребята" (хлопцы), „славная дѣтина" (тутъ и родъ не тотъ взятъ), „баринъ" вмѣсто *панъ:* „гуляй, пане, безъ жупана!"—восклицаніе запорожцевъ—очень дурно передано словами: „гуляй, баринъ, безъ кафтана" (стр. 60); или въ тѣхъ же „Гайдамакахъ": „Ребята, гуляй!—кричитъ Желѣзнякъ,—не стѣсняйся и жарь!" (стр. 127). Послѣднихъ словъ нѣтъ въ подлинникѣ, да они и вообще придаютъ рѣчамъ запорожца несвойственный колоритъ, такъ же какъ страницею раньше переводчикъ совершенно неумѣстно заставляетъ Гонту передъ убійствомъ дѣтей говорить: „не пришлося бы мнѣ дѣлать *рокового шага*".

Неудачно переведенныхъ мѣстъ, гдѣ неумѣнье переводчика приводитъ къ неясности или къ ослабленію оригинала, мы отмѣтили не менѣе 15 въ важнѣйшей вещи Шевченки—въ „Гайдамакахъ"; столь же, если не больше, находится въ поэмѣ „Неофиты". Въ послѣдней свободное обращеніе г. Пушкарева (часто недурно передающаго текстъ) съ оригиналомъ доходитъ до значительныхъ вставокъ отъ себя, обыкновенно мало удачныхъ, а иногда прямо курьезныхъ; наприм., описывая римскую оргію, Шевченко говоритъ, что всѣ участники, перепившись, „поклонялись Пріапу"; переводчикъ, очевидно, понявъ послѣднее выраженіе буквально, пишетъ: „Всѣ сплошь кругомъ (!) перепились. Всѣ, павъ, Пріапу поклонились" и неожиданно прибавляетъ отъ себя: „И вдругъ всѣ разомъ отрезвились" (стр. 322). Или въ описаніи торжества обожанія Кесаря г. Пушкаревъ пишетъ: „Всѣ міра древняго столпы—весь цвѣтъ патри-

цiевъ, плебеи (!), сатрапы Өивъ и Iудеи". Хороши эти *плебеи*, *попавшiе въ столпы!* У Шевченки, конечно, нѣтъ этого слова. Неугодно ли, далѣе, понять слѣдующее мѣсто (стр. 320): „Кто въ тѣ годы былъ императоръ—врагъ свободы и Бога Децiй иль Неронъ—забылъ, не помню. Пусть хоть онъ... Да онъ и точно!" Чтобы покончить съ „Неофитами", прибавимъ, что въ переводѣ и стихъ иногда небреженъ до чрезвычайности; наприм.: „Нѣтъ въ Римѣ дома... гдѣ-бъ здѣсь не плакались о женахъ, тамъ не скорбѣли о мужьяхъ". А вотъ примѣры благозвучiя: „въ мракъ катакомбъ пошла", „стражъ, ужъ не неофитъ былъ", „вкругъ кровь".

Наконецъ, въ цѣломъ рядѣ мѣстъ переводъ даетъ ошибки отъ незнанiя языка или непониманiя текста. Такъ слово *луна* (эхо) дважды понято какъ мѣсяцъ (стр. 31 и 87). Особенно много невѣрныхъ пониманiй въ „Гайдамакахъ". На стр. 72 нельзя понять смысла рѣчи Лейбы, который посылаетъ поляковъ въ Вильшаны; на 82 стр. возы съ ножами, которые Шевченко назвалъ „желѣзной таранью", обратились въ „запасы пушечныхъ снарядовъ"; на 92—„лихо" превратилось въ „ляха"; на 105—гайдамаки встрѣчаютъ подростка (*пивпаробка*), котораго принимаютъ за нищаго (*старця*): переводчикъ вездѣ говоритъ о „старикѣ"; тутъ же деньги и драгоцѣнности, скрытыя поляками въ землѣ, названы сперва *обозомъ*, а потомъ рѣчь идетъ о *ямахъ*; на стр. 130 Гонта говоритъ, обращаясь къ убитымъ дѣтямъ: „Да у Бога попросите, чтобъ на этомъ свѣтѣ покаралъ за грѣхъ мой страшный",—въ подлинникѣ онъ говоритъ не о грѣхѣ убiйства, а о невольномъ грѣхѣ дѣтей (католичество) и проситъ, чтобы Богъ наказалъ за это не дѣтей, а его. На стр. 198 заглавiе: „Моимъ соузникамъ", передано: „Моимъ союзникамъ".

Опуская еще цѣлый рядъ невѣрно переданныхъ мѣстъ, замѣтимъ, что переводы должны бы строго соблюдать характерныя у Шевченко переходы отъ одного размѣра къ другому. У него они не случайны, а совпадаютъ съ перемѣной настроенiя или (въ разсказѣ) съ поворотомъ сцены или тона. Въ „Гайдамакахъ" мы не разъ отмѣтили такiя отступленiя отъ подлинника, которыя затушевываютъ, стираютъ то, что чуткiй авторъ желалъ отграничить.

Наконецъ, укажемъ, что напрасно въ переводѣ вездѣ опущены посвященiя отдѣльныхъ вещей. „Катерина" посвящена Жуковскому, а „Гайдамаки" В. И. Григоровичу и на обоихъ посвященiяхъ Шевченко написалъ: „на память 22 апрѣля 1838 года". Это — день освобожденiя поэта отъ крѣпостной зависимости. Точно также слѣдовало обозначить, что стихотворенiе „За думою дума роемъ вылетаетъ" обращено къ Гоголю; оно до сихъ поръ печаталось въ Россiи съ пропускомъ; если почему-либо оказалось невозможнымъ дать его цѣликомъ, то все же можно было перевести безъ смягченiя тѣ строки, гдѣ упоминается о цѣпяхъ. Оно вообще смято въ переводѣ.

Въ заключенiе еще разъ привѣтствуемъ изданiе и желаемъ, чтобы поскорѣе явилась нужда въ его улучшенномъ повторенiи, при которомъ редактору надо будетъ еще поработать для того, чтобы поэзiя Шевченки явилась передъ всѣмъ русскимъ народомъ въ болѣе законченномъ и отдѣланномъ переложенiи. Теперь она можетъ явиться и въ болѣе полномъ видѣ, не искалѣченная усердными руками.

А. Е. Грузинскiй.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Книгоиздательство „Скорпiонъ". Изданiе второе. М., 1907 г. Эта пьеса, сама по себѣ неотчетлива и, вѣроятно, полная неразгаданныхъ символовъ, недавно была поставлена

на сценѣ московскаго Художественнаго театра. Тамъ она совершенно расплылась въ тоскливый туманъ, сквозь который едва проступали ея основныя линіи. Обиліе вычурнаго и выдуманнаго дѣйствовало непріятно; вмѣсто комментарія, котораго можно было ожидать отъ сцены съ ея наглядностью, получилось только пущее недоумѣніе. Особенно это надо сказать о третьемъ дѣйствіи, гдѣ изображеніе ярмарки было выдержано въ мутныхъ тонахъ—какъ въ смыслѣ декорацій, такъ и по отношенію къ человѣческимъ краскамъ и голосамъ. Мрачной яркостью отличалась, какъ и во всей пьесѣ, только фигура юродиваго Тю, воплощающаго собою справедливость. Можетъ быть, и правильно задумалъ театръ представить ярмарку, охваченную болѣзнью, въ видѣ кошмара, соединить въ одно дикое цѣлое смѣхъ и смерть, торговлю и трупы, и прорѣзать все это черное и сѣрое нагло-красной вуалью блудницы,—но соотвѣтственное впечатлѣніе не было достигнуто, и Пиръ во время чумы, озаренный кровью сѣвернаго сіянія, не показалъ своего зловѣщаго облика. Къ тому же и у самого Гамсуна ярмарка присоединена къ основному тексту произведенія безъ внутренней необходимости. Житейская суета, людское торжище вовсе не является у автора фономъ, на которомъ выступала бы написанная имъ драматическая картина; напротивъ, все главное, что происходитъ въ пьесѣ, имѣетъ характеръ чего-то уединеннаго, и она точно переноситъ васъ на далекій островъ, до котораго едва достигаютъ реально-жизненныя волны и волненія.

Господствующая идея драмы, осязательно выраженная въ странной поступи Тю, это—неотразимость Немезиды, которая придетъ къ вамъ съ сѣвера, если вы идете на югъ, и придетъ къ вамъ съ юга, если вы идете на сѣверъ. Она обманетъ васъ своими слѣдами, потому что ноги ея обуты въ фантастическіе башмаки — пятой впередъ. Она всегда имѣетъ что-то сказать вамъ, но ея никто не слушаетъ,—всѣ заняты, всѣ спѣшатъ, всѣ куда-то идутъ. И тѣмъ не менѣе, на любомъ перекресткѣ жизненной дороги, тамъ и здѣсь, изъ-за угла, изъ-за куста, на ярмаркѣ или въ уединеніи, встрѣтится вамъ черная, молчаливая фигура—какой-нибудь нищій. Вы протянете ему монету, онъ приметъ, но не поблагодаритъ: Справедливость никогда не благодаритъ; только въ мірѣ несправедливомъ и могла зародиться благодарность. И монетой вы не откупитесь отъ нищаго,—когда-то и самъ онъ имѣлъ ихъ много, да и теперь онъ ими не дорожитъ; и если крону получаетъ онъ изъ рукъ грѣшныхъ, то это всегда сопровождается какой-нибудь катастрофой. Когда Терезита, страстная, демоническая, преступная, бросаетъ Тю монету, Тю устремляется за нею и падаетъ; всѣ потрясены: Справедливость, сама потрясенная, упала! раньше этого съ Тю никогда не случалось. Когда та же Терезита подаетъ монету Тю въ другой разъ, тогда пистолетъ въ рукѣ Тю самъ собою разряжается и Терезиту убиваетъ. Роковая случайность! Но вѣдь мы уже давно знаемъ, что подъ личиной случайности свое лицо скрываетъ Немезида и въ нелѣпомъ случаѣ таится мудрая справедливость. И важно то, что пистолетомъ, который убилъ Терезиту, она хотѣла убить другого: смерть за мысль о чужой смерти! Еще слышнѣе роковые шаги Немезиды въ судьбѣ старика Отермана, который, самъ того не зная, предалъ пламени своихъ дѣтей, въ то время какъ поджигалъ башню, гдѣ хранилось чужое духовное дитя—написанная книга, плодъ цѣлой жизни.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что идея возмездія нашла себѣ у Гамсуна гораздо менѣе значительное и загадочное воплощеніе, чѣмъ у его сѣвернаго собрата—Ибсена. Къ тому же для усиленія этой идеи авторъ

долженъ былъ въ своей пьесѣ удѣлить непропорціонально много мѣста фигурѣ Отермана, который этого не заслуживаетъ, потому что олицетворяемая имъ психологія старческаго стяжанія и скупости слишкомъ элементарна и знакома. Обезумѣвшій старикъ, душу котораго задавилъ бѣлый мраморъ его помѣстій, еще и потому оказывается внѣшнимъ для пьесы, что совсѣмъ не проведены внутреннія нити между нимъ и его дочерью, не видно ихъ родства. А эта дочь, Терезита, несомнѣнно является центромъ драмы. Въ ней воплотилъ Гамсунъ борьбу страсти и духовности. Часто въ Терезитѣ „поетъ красный пѣтухъ“ грѣха, вспыхиваютъ „темно-красныя розы“, но въ то же время влечетъ ее къ „зеленому острову“ идеала, и она ищетъ въ мірѣ и не находитъ своего возлюбленнаго. „Я повинуюсь нѣкоему. Я хожу и ищу его по широкому свѣту“. Эта грѣшная невѣста многихъ жениховъ, сотканная изъ своевольныхъ капризовъ и противорѣчій, эта преступница, которая готова была потопить цѣлый корабль живыхъ людей, для того чтобы среди нихъ погибла ея возможная соперница, эта любовница горнорабочаго, который былъ на каторгѣ за изнасилованіе и этимъ ее плѣнилъ,—она любитъ мечтателя Карено и заслушивается его восторженныхъ рѣчей о преодолѣніи земныхъ пространствъ и временъ, о побѣдѣ надъ человѣческой ограниченностью,—она любитъ его за безгрѣшность. „Тотъ, кого я люблю, не ходитъ за мной и не хватаетъ меня“, тотъ не похожъ на гадовъ земныхъ, а похожъ онъ на благоуханный цвѣтокъ, и Терезита на высоту его духа, въ его свѣтлую башню хотѣла бы подняться. Когда Карено произноситъ ея имя, оно „развѣвается словно шелковое знамя“. Но какъ только и въ него проникъ обыкновенный, „простой и глупый“, грѣхъ любви, какъ только Карено покинулъ свою башню, забросилъ свою книгу и сдѣлался похожъ на Терезиту, она почувствовала къ нему глубокое презрѣніе. Она хотѣла уйти отъ себя, между тѣмъ себя же находила она во всѣхъ этихъ мужчинахъ, которыхъ волновала ея мощная красота. Трагедія Терезиты —въ ея безплодномъ исканіи *другого*. Тяжко во всемъ находить себя, свое опостылѣвшее *я;* мучительно въ каждомъ зеркалѣ видѣть только свое изображеніе.

Она, мужественная, отъ женственности взявшая только злыя чары,—она еще и потому враждебна къ самой себѣ и къ другимъ, что вражда вообще кажется ей стихіей міра,—„весь огромный, необъятный земной шаръ лежитъ и упорно смотритъ на тебя, съ безконечной ненавистью“. Она чуетъ зло. Часто упоминается въ пьесѣ о ея мужскихъ рукахъ и ногахъ; жило въ ней мужское зло. Ея любовь къ мужчинамъ, это—ненависть къ нимъ, къ самой себѣ, зажигающей въ мужской груди тотъ самый пламень, который она хотѣла бы потушить въ собственномъ сердцѣ.

Въ общемъ, пьеса Гамсуна богата красивыми частностями, но ея основныя идеи, по крайней мѣрѣ, тѣ, которыя намъ удалось замѣтить и отмѣтить въ ея причудливыхъ арабескахъ, не представляютъ самаго глубокаго и оригинальнаго момента даже въ собственномъ творчествѣ Гамсуна. Онъ умѣетъ быть проще и сильнѣе.

Ю. Айхенвальдъ.

Л. Н. Толстой. Новыя произведенія. Выпускъ третій. О Шекспирѣ и о драмѣ. Изданіе книгоиздательства „Посредникъ“. М., 1907 годъ. Какъ извѣстно, въ этой книжкѣ великій о великомъ сказалъ нѣчто странное и обидное. Толстой не признаетъ въ Шекспирѣ сколько-нибудь значительнаго таланта, и міровую славу англійскаго драматурга онъ считаетъ проявленіемъ какой-то психической эпидеміи поклоненіе Шекспиру, въ его глазахъ,—частичное умопомѣшател...

Чтобы доказать, какъ малъ творецъ знаменитыхъ трагедій, Толстой останавливается главнымъ образомъ на „Королѣ Лирѣ". Съ преднамѣренной, такъ сказать, бездарностью, грубо и аляповато передалъ онъ внѣшній остовъ пьесы и, дѣйствительно, вынулъ изъ нея ея глубокую душу. Говоря словами Сальери, „музыку онъ разъялъ какъ трупъ". Вся мудрая поучительность Лира исчезла при пересказѣ Толстого, и потускнѣлъ трагическій образъ царственнаго старика. Нѣтъ и дѣтей, идущихъ противъ отца; нѣтъ и примиряющаго искупительнаго момента, въ силу котораго Шекспиръ заставилъ гордаго короля упасть съ высоты почета и власти въ самую глубь униженія и познать на собственномъ страдальческомъ опытѣ все людское горе,—горе не властелиновъ, а подданныхъ міра; нѣтъ и той необыкновенной ночи, когда отъ зрѣлища человѣческой неблагодарности дико обезумѣла сама природа. Толстой разрушилъ то, что Шекспиръ создалъ.

Шекспиръ не нуждается въ защитѣ; какъ только вы начинаете его читать, упреки Толстого разсыпаются въ прахъ. Но они интересны въ томъ отношеніи, что въ нихъ невольно отражается собственная эстетическая манера Толстого, виденъ онъ самъ какъ художникъ. Напримѣръ, онъ не любитъ Шекспира за его языкъ, полный красокъ и грандіозной фигуральности,—языкъ, которымъ въ жизни, дѣйствительно, не говорятъ. Толстой не довольствуется тѣмъ, что у Шекспира есть внутреннее правдоподобіе, что у него данъ человѣкъ, какимъ онъ долженъ и можетъ быть и какъ онъ можетъ говорить: Толстому нужна буквальность. Самъ онъ, такъ мало сочинявшій, вѣрный жизни до того, что не старался даже вымышлять фамилій для своихъ героевъ, а просто замѣнялъ, да и то нехотя, Трубецкого—Друбецкимъ, Волконскаго—Болконскимъ,—самъ онъ думаетъ, что художественное воплощеніе жизни возможно и въ томъ случаѣ, если брать ее въ будничности и обыкновенности ея выраженій. Какъ можно вѣрнѣе списать дѣйствительность—это исповѣдуетъ Толстой, великій писатель буденъ; точный снимокъ съ реальнаго самъ дастъ типичность. Въ хорошо подслушанномъ и буквально переданномъ частномъ есть уже общее. Шекспиръ внѣ времени и пространства, оттого и языкъ его героевъ чуждъ индивидуализаціи: это—языкъ человѣческой души вообще; Толстой же историченъ. Шекспиръ оскорбилъ въ немъ реалиста, и можетъ быть въ этомъ и ключъ къ объясненію жестокой критики, которой онъ подвергъ Шекспира. И тогда уже въ этой критикѣ оказывается не только жестокое, но и нѣчто трогательное. Авторъ „Анны Карениной" вѣдь не только читатель Шекспира, какъ мы,—онъ имѣетъ право говорить о немъ и какъ писатель. И надо правду сказать: Толстой показалъ своими произведеніями, что не одна только шекспировская торжественная типизація раскрываетъ жизнь въ ея истинѣ, что и будни, что и отдѣльное тоже глубоки и правдивы. Толстой не понялъ только, что обѣ дороги, и его, и шекспировская, одинаково ведутъ въ единый Римъ красоты и что, напримѣръ, его Позднышевъ и Отелло Шекспира на разныхъ языкахъ, съ разной силой и разными способами рѣчи разсказываютъ одно и то же: о великомъ страданіи и паѳосѣ человѣческой души.

Ю. А.

Мультатули. Повѣсти, сказки, легенды. Перев. и вступительная статья Александры Чеботаревской. Спб., 1907 г. Книгоиздательство „Дѣло". Ровно тридцать лѣтъ назадъ умеръ этотъ писатель, по праву назвавшій себя Многострадальнымъ,—псевдонимъ оказался вѣрнѣе и выразительнѣе настоящаго имени. Причудливый по формѣ и простой по содержанію, онъ долго оставался неизвѣстнымъ для публики,

и только въ послѣднее время его книги обратили на себя общее вниманіе и нашли себѣ восторженныхъ поклонниковъ. Одинъ изъ нихъ—эту цитату приводитъ г-жа Чеботаревская въ своей вступительной статьѣ—говоритъ про своего любимаго поэта: „Мультатули олицетворялъ собою вѣчное стремленіе человѣка къ свободѣ и протестъ противъ стѣсненій съ такою силой, которая грозитъ сорвать крышки съ переплетовъ его книгъ". Въ самомъ дѣлѣ, его своеобразныя страницы производятъ впечатлѣніе живыхъ существъ; въ нихъ мало сочиненнаго, нѣтъ литературы, и предъ вами трепещетъ, обнаженная, сама душа поэта. Онъ беретъ простыя линіи: анекдотъ, притчу, сказку и все это углубляетъ и въ полетѣ мысли возноситъ на небывалую высоту. И характерно для него, что какую бы форму онъ ни избралъ для своего разсказа, онъ всегда разговариваетъ—не только со своей возлюбленной Фэнси (Фантазіей), но и съ вами, читателемъ. Въ немъ есть какая-то симпатичная развязность, и онъ сейчасъ же дѣлается вашимъ другомъ. Всѣ его произведенія — діалогъ. Авторъ сразу проводитъ естественную нить между собою и своей публикой, участія которой онъ ищетъ для своей творческой работы. Это писатель-собесѣдникъ. Не довольствуясь безмолвной аудиторіей, онъ васъ тревожитъ, волнуетъ, и вы идете за нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ возмущаетесь всѣми этими торговцами кофе и сахаромъ, которые невыносимы для его свободной, чуткой и нервной души. Люди-торговцы, люди-плантаторы,—онъ ихъ ненавидитъ, потому что онъ органически не переноситъ власти, порабощенія. Это—анархистъ, самый чистый и свѣтлый въ своемъ тяготѣніи къ безвластію. Единственная сила, которой онъ радостно подчиняется, это—любовь, неутомимая любовь, и она горячимъ ключомъ бьетъ изъ его сердца. Прочтите, напримѣръ, чудный разсказъ „Морская болѣзнь", и вы увидите, какъ солнце любви отражается для Мультатули въ малой каплѣ. Пассажиръ уступилъ бѣдной дамѣ, въ холодную майскую ночь стывшей на палубѣ,—уступилъ свою койку въ каютѣ: повидимому, это не такъ необычно, это простая учтивость, но Мультатули увидѣлъ въ этой добротѣ вѣчное добро, въ услугѣ замѣтилъ общеніе сердца съ сердцемъ и этимъ вызвалъ въ читателѣ умиленное, отрадное настроеніе. И оно же сопутствуетъ вамъ, когда вмѣстѣ съ писателемъ вы, замирая отъ волненія, слѣдите за другой молодой женщиной, которая въ игорномъ домѣ мечтаетъ безумносчастливымъ выигрышемъ спасти разорившагося мужа; казалось бы, игорный домъ и играющая женщина—моменты, для умиленія не подходящіе, но у Мультатули это не такъ, и вы счастливы, что героиня выиграла. Надо сказать, что Мультатули вообще ласково и любовно слѣдитъ за женщиной, зоветъ къ ея освобожденію; она словно его протеже, и въ немъ женщина имѣетъ пламеннаго защитника.

Эта любовь, которой дышитъ его книга, не исключаетъ у Мультатули язвительной ироніи, такъ что никогда вы не получаете впечатлѣнія прѣсноты. Въ книгѣ что-то пѣнится, сверкаетъ, звенитъ (все это очень хорошо передано въ русскомъ переводѣ г-жи Чеботаревской). Иронія и паѳосъ, насмѣшливость и нѣжность сплетаются въ одно живое цѣлое, и вы дочитываете Мультатули съ ощущеніемъ возросшей, обогатившейся, усиленной души. Новымъ блескомъ вспыхиваютъ потускнѣвшія было краски человѣчности; новая, истинная книга появилась въ міровой библіотекѣ.

Ю.

Алексѣй Ремизовъ. Посолонь. М., 1907 г. Изд. журнала „Золотое Руно". Г. Ремизовъ—начинающій писатель. Думается, что его

главное значеніе и цѣнность заключается въ его духовномъ сродствѣ съ міромъ славянской миѳологіи. Онъ самъ—миѳотворецъ, и всей свѣжестью и хмелемъ природы, всѣмъ неразуміемъ и мудростью народной души вѣетъ отъ его прекрасныхъ сказокъ. Обрядности, повѣрья, привороты, заклинанія,—все это для него еще живо и несомнѣнно.

Да и сказки ли это? За исключеніемъ трехъ-четырехъ, являющихся пересказомъ знакомыхъ намъ съ дѣтства мотивовъ, это еще не связанные старухой-няней въ зимній вечеръ раскиданные въ природѣ голоса, это „нашепты, пущенные по вѣтру Шандыремъ-Шептуномъ“, это отзвуки изъ того времени, когда еще не размежевалась, не раздѣлилась природа, а все жило вперемежку и дружно, и каждое слово было образомъ, и каждый образъ былъ сказкой. Это было, когда „куликъ приносилъ изъ-за моря золотые ключи, замыкалъ холодную зиму, отмыкалъ землю и выпускалъ изъ неволья воду, траву, теплое время, и „солнце выходило изъ хрустальнаго терема нарядное—въ красной шубкѣ и парчевой шапочкѣ“ и „царь-лѣсъ гудѣлъ по ночамъ весь въ звѣздахъ“, а „ильинскій олень, примчавшись съ горки на горку, съ ветлы до ветлы, окуналъ рога въ рѣчкѣ,—и становилась вода холоднѣе“.

Все это разсказано языкомъ, въ которомъ каждое слово *подлинно* въ своей старинности, но именно потому нерѣдко чуждо современному слуху,—языкомъ, въ которомъ каждое слово непереместимо и неизбѣжно. Можетъ быть, многое здѣсь носитъ явный отпечатокъ фольклора; но привлекаетъ въ авторѣ самое восполненіе и восхваленіе русской рѣчи, какое-то святое блюденіе ея и послушаніе ей. Ибо она сама, вѣщая, творитъ, сама слагается въ миѳъ, а онъ только вѣрный слушатель ея и посредникъ. Правда, обиліе и диковинность древне-русскихъ, старообрядческихъ, народныхъ, мѣстныхъ (преимущественно приволжскихъ) выраженій вначалѣ затрудняютъ чтеніе, но усвоивъ себѣ забытое или вновь узнанное, чувствуешь свою причастность къ стихіи славянскаго духа. И во всякомъ случаѣ словарь русской литературы Ремизовъ уже щедро обогатилъ.

„Посолонь“ это—хожденіе по солнцу, „посолонное“—четыре времени года, и каждое рождаетъ свои страхи и радости. Ранней весной „бѣленькій монашекъ ходитъ по домамъ“ и разноситъ первыя зеленыя вѣточки, и цвѣты весной „играются въ красочки“. А въ „лѣто красное“, „алатырное жито и серебряные овсы раскинулись вдаль и вширь, неоглядные, обошли лѣса и овраги, заняли округъ небесную синь и потонули въ жужжаньи и сыти дожатвенной жажды“. „Дикая кошка—желтая иволга унесла на клювѣ вечеръ за шумучій боръ, и теплыми звѣздами опрокинулась надъ землей чарая купальская ночь“. И чего только тутъ нѣтъ! И „зарытые клады выходятъ изъ-подъ земли на свѣтъ посмотрѣть“, и „лѣшій крадетъ дороги въ лѣсу“, а на рѣкѣ „тихой поплыней плывутъ двѣнадцать грѣшныхъ дѣвъ“. А вотъ и „Осень темная“. Бабье лѣто. „Унесъ жаворонокъ время. Занываетъ полное сердце—пойти постоять за ворота“. „Скрипятъ ворота, грёкаютъ дверьми—запираетъ Егорій вплоть до весны небесныя ворота. Тамъ катается по сѣнямъ послѣднее времячко, послѣдній часокъ“. „Мать по темному не поступитъ, вернетъ теплое время. Сотлѣло сердце чернѣй земли... Вернитесь! И звѣзды вбиваются въ небо, какъ гвозди—падаютъ звѣзды“.

Такова эта роскошь миѳотворчества, такъ свѣжо и стихійно звучитъ эта пышная „Посолонь“!

А. Герцыкъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Вопросы колонизаціи. Сборникъ статей, съ картою и діаграммой. № 1. Редакція С. А. Шкапскаго.

Вопросы колонизаціи. Сборникъ статей, съ картою и діаграммой. № I. Ред. С. А. Шкапскаго. Изд. А. В. Успенскаго. Спб., 1907 г. Инціатива изданія сборника, который его издатель и редакторъ надѣются преобразовать въ журналъ, посвященный вопросамъ переселенія и колонизаціи, принадлежитъ состоявшемуся въ февралѣ прошлаго года совѣщанію или съѣзду мѣстныхъ работниковъ переселенческаго дѣла. „Сознаніе необходимости,—читаемъ мы въ предисловіи къ сборнику,—вести колонизаціонное дѣло подъ контролемъ общественнаго мнѣнія и при постоянномъ освѣщеніи намѣчаемыхъ жизнью путей", привело участниковъ съѣзда къ мысли „имѣть посвященный вопросамъ колонизаціи журналъ, въ которомъ каждый изъ разбросанныхъ въ Азіи работниковъ могъ бы почерпать для себя знакомство какъ съ общимъ ходомъ переселенческаго дѣла, такъ и съ частными сторонами его, находя въ журналѣ, какъ въ духовномъ, объединяющемъ всѣхъ центрѣ, нравственную поддержку, столь необходимую при работѣ вдали отъ культурныхъ центровъ" (стр. 1—2). И идею такого журнала или сборника нельзя не привѣтствовать отъ души. Пишущему эти строки, когда онъ стоялъ близко къ переселенческому дѣлу, часто приходила мысль о необходимости изданія, гдѣ могли бы печататься работы мѣстныхъ дѣятелей переселенія и колонизаціи,—и онъ тѣмъ болѣе привѣтствуетъ тѣхъ, у кого хватило энергіи и инціативы, чтобы дать этой мысли реальное осуществленіе. Существованіе такого рода изданія, и притомъ именно въ видѣ журнала или, по крайней мѣрѣ, сборника, выходящаго по мѣрѣ накопленія матеріала, особенно желательно съ двухъ точекъ зрѣнія, которыя, мнѣ кажется, недостаточно подчеркнуты редакціею „вопросовъ колонизаціи" въ ихъ обращеніи къ читающей публикѣ, хотя, конечно, не могли ими не сознаваться: съ одной стороны, лишь при систематическомъ обнародованіи трудовъ мѣстныхъ дѣятелей переселенческаго дѣла и можетъ установиться извѣстная преемственность въ ихъ работѣ на мѣстахъ, и каждый отдѣльный работникъ можетъ быть избавленъ отъ необходимости лично для себя, можетъ быть, въ десятый или двадцатый разъ, продѣлывать тотъ опытъ, который уже многократно продѣлывался его предшественниками. Съ другой стороны, обнародованіе этихъ работъ, можетъ быть, дастъ обществу болѣе соотвѣтствующее дѣйствительности представленіе о томъ, какъ поставлено дѣло на мѣстахъ и что представляютъ собою люди, отдавшіе свои силы на служеніе этому дѣлу: мы слишкомъ привыкли отдѣлываться ходкими словечками—бюрократы, бюрократія, бюрократизмъ, а между тѣмъ дефекты переселенческаго дѣла имѣютъ свой источникъ далеко не въ одномъ только бюрократизмѣ, и среди мѣстныхъ работниковъ, на-ряду съ бюрократами, всегда было и сейчасъ есть много самоотверженныхъ тружениковъ, отдавшихъ всѣ свои силы и всю свою энергію трудному дѣлу организаціи переселенія и колонизаціи.

Нельзя иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ отнестись и къ общей тенденціи редакціи сборника, поскольку она нашла себѣ выраженіе въ вышедшей въ свѣтъ первой его книжкѣ. „На бѣломъ свѣтѣ,—заканчиваетъ редакторъ сборника, С. А. Шкапскій, свою интересную статью— „Переселенцы и аграрный вопросъ",—есть только одна человѣческая личность, благо которой должно быть для всѣхъ дорого, и ученые ...

(очевидно также и практическіе политики! А. К.), созидая формы общественнаго строя, должны имѣть въ виду только интересы этой личности, а не какихъ-либо классовъ или отдѣльныхъ человѣческихъ группъ" (стр. 52). Это—великій принципъ, и послѣдовательное проведеніе этого принципа особенно важно, но въ то же время и особенно трудно въ такомъ дѣлѣ, какъ колонизація. Тѣ, кто возлагаютъ слишкомъ широкія надежды на переселеніе, какъ на одно изъ серьезныхъ средствъ разрѣшенія аграрнаго вопроса, „не принимаютъ во вниманіе, во-первыхъ, того, что переселенческій вопросъ составляетъ лишь часть общаго аграрнаго вопроса, во-вторыхъ, того, что переселеніе, вслѣдствіе столкновенія съ интересами аборигеновъ колонизаціонныхъ районовъ, ведетъ къ возникновенію аграрнаго вопроса и въ Азіи, правда, не въ такой острой формѣ, какъ въ Европейской Россіи, но тѣмъ не менѣе болѣзненно переживаемаго мѣстнымъ населеніемъ" (стр. 19). Одни изъ фанатиковъ переселенческаго дѣла,—фанатиковъ по убѣжденію или „по обязанности службы", объ этомъ просто не думаютъ, другіе—сознательно игнорируютъ существованіе какихъ-то „халатниковъ", разъ рѣчь идетъ объ устройствѣ „нашего русскаго мужика"; но разъ стоять на точкѣ зрѣнія „единой человѣческой личности", то нельзя не согласиться съ г. Шкапскимъ, что главною задачею колонизаціонной политики должно быть использованіе въ цѣляхъ земледѣльческой культуры всѣхъ земель, пригодныхъ для того въ настоящее время или въ ближайшемъ предвидѣніи, „причемъ въ интересахъ народнаго хозяйства совершенно безразлично, кто будетъ хозяйничать на землѣ: переселившійся ли изъ Воронежской губерніи крестьянинъ, мѣстный ли киргизъ, или же представитель какой другой національной группы изъ числа множества ихъ, населяющихъ государство россійское" (стр. 49). Для г. Шкапскаго въ этомъ отношеніи нѣтъ компромиссовъ: въ своей практической дѣятельности ему пришлось встрѣтиться съ крайне острымъ вопросомъ объ устройствѣ набившихся въ Семирѣченскую область многихъ тысячъ (къ концу 1903 г. ихъ насчитывалось до 16 тыс.) переселенцевъ,—но и для нихъ г. Шкапскій признаетъ „единственно возможнымъ отводъ земель изъ числа нынѣ не орошенныхъ"; онъ никоимъ образомъ не допускаетъ устройства ихъ „на той территоріи, которая уже занята мѣстнымъ населеніемъ" (стр. 46), и рѣшительно возстаетъ противъ идеи „въ цѣляхъ широкаго развитія русской колонизаціи эксплоатировать черты неопредѣленности и неустойчивости быта нынѣшняго земледѣльца киргиза" и проектовъ скупки государственной земли у киргизъ. „Вмѣсто развитія культурной площади,—говоритъ онъ,—такое стремленіе приведетъ къ обезземеленью киргизъ и къ созданію остраго аграрнаго вопроса въ Туркестанѣ, пожалуй, можетъ быть, горшаго, чѣмъ въ Европейской Россіи" (стр. 311—312), заявленіе тѣмъ болѣе цѣнное въ устахъ такого знатока Туркестанскаго края, что вѣдь офиціальная пресса не такъ давно сообщала намъ о намѣреніяхъ переселенческаго управленія: заняться скупкой у киргизъ не только пустующихъ или малоцѣнныхъ пастбищныхъ земель, а и *орошаемыхъ площадей*,—иначе сказать, заняться систематическимъ обезземеливаньемъ киргизъ,—и это сообщеніе до сихъ поръ осталось неопровергнутымъ. Но не разорять, не обезземеливать киргизъ и вообще аборигеновъ тѣхъ или другихъ колонизаціонныхъ районовъ—это только одна сторона дѣла: та государственная власть, для которой „есть только одна человѣческая личность", должна „рѣшеніе переселенческаго или, вѣрнѣе, колонизаціоннаго вопроса связать съ рѣшеніемъ земельныхъ запросовъ, предъявляемыхъ мѣстнымъ населеніемъ", въ частности—запро-

совъ, вытекающихъ изъ сложившихся у послѣдняго ненормальныхъ соціальныхъ отношеній". Въ крайне рѣзкой формѣ такія отношенія существуютъ, напримѣръ, въ Семирѣченской области, гдѣ безправная, фактически „букара" стонетъ подъ полуфеодальною, полукрѣпостною властью такъ называемыхъ „манаповъ",—и г. Шкапскій требуетъ, на-ряду съ заботами о переселенцахъ, и „созданія такого строя, при которомъ осѣдающій или осѣвшій киргизъ былъ бы обезпеченъ въ своихъ правахъ на землю и могъ бы вести хозяйство, не будучи зависимъ ни отъ манапства, этого сильнаго еще пережитка кара-киргизскаго феодализма, ни отъ султановъ, ни отъ какихъ-либо другихъ общественныхъ классовъ, созданныхъ диференціацией киргизской жизни" (стр. 47). Но держа подъ своею тяжелою пятой фактически-безправныя массы, именно она, эта киргизская и всякая другая туземная аристократія, является главнымъ врагомъ русской колонизаціи,—ибо именно она, и только она, со своими тысячными стадами, нуждается въ сохраненіи существующаго безграничнаго простора для кочеванія, и она болѣе, нежели кто бы то ни было, заинтересована въ сохраненіи крайне выгоднаго для нея и очень мало выгоднаго для ея бѣдныхъ сородичей кочевого быта. Борьбѣ съ этою тенденціей посвящена другая очень интересная статья сборника—именно статья г. Хворостанскаго „Киргизскій вопросъ въ связи съ колонизаціей степи". Основная мысль ея, доказываемая анализомъ какъ вообще данныхъ о землевладѣніи и хозяйствѣ киргизъ, такъ и въ частности любопытнѣйшаго цифрового матеріала, добытаго повторною подворною описью въ одномъ изъ наиболѣе интенсивно-заселяемыхъ переселенцами районовъ Тургайской области,—мысль, по моему глубокому убѣжденію, безусловно вѣрная, сводится къ тому, что „колонизація края должна быть признана необходимой и благодѣтельной для интересовъ какъ всего государства, такъ и мѣстнаго населенія, понимая интересы послѣдняго въ широкомъ смыслѣ общаго благосостоянія, а не благополучія только кучки промышленниковъ" (стр. 103).

Кромѣ двухъ названныхъ статей, весьма интересныхъ и по обработанному въ нихъ фактическому матеріалу, принципіальный характеръ имѣетъ еще статья г. Н. Шумана „Къ вопросу о землеустройствѣ и колонизаціи Сибири". Исходною точкой соображеній автора ея является видимое противорѣчіе того, нынѣ уже болѣе или менѣе общепринятаго, хотя и съ извѣстными оговорками, положенія, что „колонизаціонный фондъ земледѣльческой населенной части Сибири исчерпанъ", съ тѣмъ фактомъ, что „земледѣльческая полоса Сибири представляетъ изъ себя и до сихъ поръ малонаселенную, экономически-слабую и некультурную страну съ неупорядоченнымъ, крайне экстенсивнымъ сельскимъ хозяйствомъ и наличностью во многихъ мѣстахъ дѣвственныхъ почвъ" (стр. 1), конечнымъ результатомъ этихъ соображеній—идея постепеннаго увеличенія емкости колонизаціонной земледѣльческой полосы Сибири путемъ постепеннаго сокращенія землепользованія ея старожилаго населенія. Этой послѣдней цѣли г. Шуманъ думаетъ достигнуть путемъ усиленнаго поземельнаго обложенія сибирскихъ старожиловъ, которое заставило бы ихъ постепенно отказываться отъ привычнаго имъ земельнаго простора. „Величина трудовой нормы,—такъ мотивируетъ г. Шуманъ свою мысль (которую, въ менѣе разработанномъ видѣ, можно найти и въ уже цитированной статьѣ редактора сборника, г. Шкапскаго, см. стр. 51),— стоитъ въ тѣсной связи съ интенсивностью хозяйства, и притомъ въ обратномъ отношеніи: чѣмъ интенсивнѣе хозяйство, тѣмъ меньше величина трудовой нормы. Слѣдовательно, интенсификація хозяйства съ не-

даетъ съ уменьшеніемъ земельной нормы и съ увеличеніемъ ренты, а отсюда увеличеніе ренты должно имѣть слѣдствіемъ интенсификацію хозяйства и уменьшеніе трудовой нормы. Такимъ образомъ, государство, являясь собственникомъ земли, имѣетъ въ своихъ рукахъ могучее средство: вынувъ подъ видомъ арендной платы земельную ренту, побудить населеніе держать въ своихъ рукахъ только то количество земли, которое необходимо для производительнаго приложенія наличныхъ рабочихъ рукъ семьи, и отказаться отъ излишка земли, который, за лишеніемъ его земельной ренты, не представляетъ изъ себя средства для земельной спекуляціи". А „такъ какъ съ ростомъ интенсификаціи хозяйства будетъ идти и уменьшеніе трудовой нормы, то возможность вселенія новыхъ хозяйствъ будетъ явленіемъ постояннымъ до тѣхъ поръ, конечно, пока трудовая норма не понизится до предѣльнаго минимума, который въ настоящее время не можетъ быть опредѣленъ" (стр. 13—14). Плохи, должно быть, шансы колонизаціи Сибири, если для ея усиленія приходится прибѣгать къ такого рода измышленіямъ!... Я еще готовъ понять „единый налогъ", поглощающій ренту, какъ *слѣдствіе* повышенія ренты, хотя и въ такомъ качествѣ онъ можетъ быть оправданъ лишь по отношенію къ крупному, а не къ мелкому трудовому хозяйству: если у крестьянина, путемъ налога, отнимать каждую копейку ренты, оставлять ему, значитъ, одну только голую заработную плату, то это едва ли будетъ особенно полезно съ точки зрѣнія возможности упроченія крестьянскаго хозяйства! Но повышеніе земельныхъ платежей, *какъ двигатель* интенсификаціи,—это, мнѣ кажется, нѣчто совершенно фантастическое: интенсификація можетъ явиться слѣдствіемъ лишь измѣненія всей совокупности условій землепользованія и хозяйства данной мѣстности, а не повышенія налоговъ,—и преждевременное повышеніе платежей въ разсчетѣ на будущую интенсификацію будетъ имѣть только одно послѣдствіе: крестьяне бросятъ чрезмѣрно облагаемую землю и разбѣгутся, куда глаза глядятъ. Къ этому ли должна стремиться разумная колонизаціонная политика? Если же повышеніе платежей не будетъ чрезмѣрнымъ, а будетъ слѣдовать за повышеніемъ ренты, то вѣдь параллельно съ этимъ будетъ идти ростъ старожилаго населенія, и откуда въ такомъ случаѣ возьмется просторъ для новаго вселенія?

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста лишаетъ меня возможности коснуться ряда другихъ, болѣе или менѣе интересныхъ, но во всякомъ случаѣ имѣющихъ менѣе принципіальное значеніе, статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ,—назову изъ нихъ статью г. Скалова, о „Необходимости организаціи опытныхъ полей въ колонизуемыхъ районахъ", небольшую замѣтку г. Чиркина „Къ вопросу о происхожденіи земельной общины въ Сибири", огромную, слишкомъ спеціальную для изданія даннаго типа, работу г. Людевига о почвенныхъ изслѣдованіяхъ въ Амурской области и т. д. Отмѣчу также тщательно составленный библіографическій отдѣлъ, а затѣмъ упомяну о крайне важномъ отдѣлѣ, озаглавленномъ „хроника переселенческаго дѣла", гдѣ редакція даетъ въ болѣе или менѣе обработанномъ видѣ новѣйшій фактическій матеріалъ, касающійся переселенія и колонизаціи. Въ этой хроникѣ напечатанъ, между прочимъ, въ высшей степени интересный документъ—извлеченіе изъ объяснительной записки къ переселенческой смѣтѣ на 1907 годъ (стр. 282 и сл.), документъ, который навсегда останется „нерукотворнымъ памятникомъ" переселенческой политики нашей бюрократіи и въ частности того періода этой политики, который ведетъ свое начало отъ В. К. Плеве и отъ аграрныхъ безпорядковъ 1902 года. Это тотъ самый документъ, гдѣ пе-

реселенческое управленіе, въ припадкѣ трудно понятной откровенности, прямо признается въ томъ, что правительство теперь распространяетъ изданія, „рекламирующія переселеніе“, что оно занимается „пропагандою переселенія“, занимается такою рекламою и пропагандою, отлично зная, что переселеніе „при нынѣшнихъ условіяхъ является часто для желающихъ переселиться не средствомъ къ выходу изъ тяжелаго положенія на родинѣ, а лишь неудачною попыткою устроиться на новыхъ мѣстахъ, оканчивающеюся либо убыточнымъ возвращеніемъ на родину ходоковъ, либо обратнымъ переселеніемъ всей водворившейся семьи, совершенно для нея разорительнымъ“; рекламируетъ и пропагандируетъ переселеніе, такъ мало подготовившись къ послѣдствіямъ такой рекламы и пропаганды, что „чуть не одновременно съ широкимъ распространеніемъ изданій, рекламирующихъ переселеніе“ (sic), переселенческому управленію пришлось циркулярною телеграммой пріостановить выдачу ходаческихъ свидѣтельствъ въ степные районы“.

Нельзя, въ заключеніе, не пожелать изданію гг. Успенскаго и Шкапскаго широкаго, насколько это мыслимо при современномъ увлеченіи злободневною брошюрой, распространенія, и не выразить надежды, что имъ удастся продолжать это полезное предпріятіе.

А. Кауфманъ.

ИСТОРІЯ.

И. Черновъ. Луи Бланъ. Перев. съ франц.—*Эдуардъ Доллеансъ.* Робертъ Оуэнъ. Перев. съ франц. Ильина, подъ ред. Л. П. Никифорова.—*Р. Гаммеджъ.* Исторія чартизма. Перев. съ английск. А. В. Погожевой.

И. Черновъ. Луи Бланъ. Переводъ съ французскаго. Съ портретомъ Луи Блана. Книгоиздательство „Молодая Россія“. Ц. 15 к. М., 1906 г. Луи Бланъ—одинъ изъ немногихъ соціалистовъ, которымъ была возможность оставить послѣ себя слѣды не только въ области научной мысли, но и въ области политической практики. Онъ сыгралъ видную роль не только какъ писатель, но и какъ государственный дѣятель въ качествѣ члена временнаго правительства 1848 г. и позднѣе депутата 3-й республики, и потому характеристика его личности и его ученія, сложившихся подъ двойнымъ воздѣйствіемъ его мысли и его политической дѣятельности, представляетъ изъ себя довольно сложную задачу. Съ этой задачей г. И. Черновъ справился довольно удачно. Въ его брошюрѣ связь идей и дѣятельности Луи Блана представлена понятно и просто. Если основные принципы теоріи Луи Блана въ изложеніи автора не выступаютъ достаточно ярко, то это нельзя ему ставить въ упрекъ, потому что онъ болѣе слѣдилъ за эволюціей идей Луи Блана, чѣмъ за ихъ кристаллизаціей въ окончательномъ видѣ. Къ тому же и самая теорія Луи Блана не представляетъ изъ себя стройной системы, она не чужда противорѣчій, и самъ ея авторъ признавалъ это. Онъ былъ практическимъ дѣятелемъ, понимавшимъ невозможность выведенія всѣхъ послѣдствій изъ принятыхъ принциповъ, дѣятелемъ, для котораго на первомъ планѣ стояли ближайшія задачи, нерѣдко плохо связанныя съ основами его ученія. Онъ не былъ доктринеромъ соціализма и, жестоко критикуя оппортюнизмъ, возведенный въ систему, часто отступалъ отъ крайнихъ выводовъ своей теоріи (наприм., въ вопросѣ о законности капитала). Вѣря въ революціонизирующую силу мысли, основанной на научномъ знаніи, Л. Бланъ въ то же время не вѣрилъ во „всемогущество

революціоннаго дѣйствія, покоющагося на насиліи", и былъ противникомъ парижской Коммуны и диктатуры пролетаріата.

Все это создаетъ трудности для схематизаціи идей Л. Блана, и потому отсутствіе систематическаго ихъ изложенія въ брошюрѣ г. Чернова является вполнѣ объяснимой необходимостью.

Содержательность и научность брошюры, умѣнье въ популярной формѣ излагать серьезныя мысли ставятъ брошюру г. Чернова на довольно высокое мѣсто среди другихъ популярныхъ брошюръ и поэтому можно пожелать ей широкаго распространенія.

В. Перцевъ.

Эдуардъ Доллеансъ. Робертъ Оуэнъ. Переводъ съ французск. М. Ильина, подъ редакц. Л. П. Никифорова. Изд. Е. Д. Мягкова. „Народная мысль". Ц. 30 к. М., 1906 г. Небольшая книга Эд. Доллеанса проникнута теплой симпатіей къ личности родоначальника англійскаго соціализма и даетъ ясное и, насколько возможно при краткости (118 стр.) книги, полное представленіе о разнообразной и широкой дѣятельности Оуэна. Рѣдкій образецъ человѣка, у котораго слово никогда не расходилось съ дѣломъ и который стремился каждый свой теоретическій выводъ испытать въ практическихъ мѣропріятіяхъ, Робертъ Оуэнъ интересенъ вдвойнѣ—и какъ мыслитель, и какъ человѣкъ, и книга Доллеанса вполнѣ удовлетворяетъ этому двойному интересу къ нему. Крупный капиталистъ, становящійся реформаторомъ-соціалистомъ и иниціаторомъ законодательства объ охранѣ труда, совладѣлецъ громаднаго американскаго помѣстья, убѣждающій своихъ компаньоновъ обратить его подъ опытъ аграрнаго коммунизма, вдохновитель кооперативныхъ учрежденій, мечтающій съ помощью ихъ уничтожить эксплоатацію рабочихъ капиталистами и устранить промышленные кризисы, Оуэнъ былъ въ истинномъ смыслѣ слова апостоломъ соціализма, и въ исторіи соціальнаго движенія ему всегда будетъ принадлежать одно изъ центральныхъ мѣстъ. Поэтому знакомство съ нимъ по книгѣ Доллеанса, являющейся на русскомъ языкѣ лучшей біографіей перваго теоретика и практика англійскаго соціализма, нельзя не рекомендовать читателю.

В. Перцевъ.

Р. Гаммеджъ. Исторія чартизма. Переводъ съ англійскаго А. В. Погожевой. Изданіе книгоиздательства „Дѣло". Спб., 1907 г. Ц. 2 р. Книга Гаммеджа прежде всего не „исторія". Для историка у него не было никакихъ данныхъ. Онъ не обладалъ ни стройнымъ, цѣльнымъ соціально-историческимъ міровоззрѣніемъ, ни даромъ психологическаго проникновенія въ человѣческіе характеры, ни художественнымъ, или даже, проще, литературнымъ талантомъ. Гаммеджъ—хроникеръ и при томъ хроникеръ скучный. Собранныя имъ многочисленныя газетныя вырѣзки и уцѣлѣвшія воспоминанія онъ сбилъ безъ всякаго порядка и системы въ одну кучу и назвалъ „Исторіей чартизма". Въ безтолковой грудѣ именъ, названій и скучныхъ и однообразныхъ описаній митинговъ совершенно исчезъ всякій соціальный смыслъ серьезной, хотя и неудачной борьбы за партію, за всеобщее избирательное право, которую вела въ сороковыхъ годахъ англійская демократія. Къ собранному имъ сырому матеріалу Гаммеджъ относится безъ критики и, очевидно, онъ не въ силахъ подняться до какого-либо обобщенія. Критика и обобщенія замѣняются или неопредѣленными филантропически-христіанскими соціалистическими вздохами, или размышленіями вродѣ нижеслѣдующихъ: „Увы! какъ измѣнчиво настроеніе массы, когда масса необразована. Одинъ день

сами небеса, кажется, потрясаются отъ народныхъ рукоплесканій, а на другой—рукоплесканія смѣняются враждебными криками или апатіей, если ихъ кумиръ не даетъ всего того, что отъ него ожидали (стр. 445). Въ книгѣ Гаммеджа есть и нѣкоторыя не столь невинныя странности. Чуть ли не съ первой строки читателя поражаетъ враждебное отношеніе Гаммеджа къ самому блестящему вождю чартистовъ О'Коннору, и, только дойдя до 442 страницы, вы начинаете понимать, въ чемъ тутъ дѣло. Оказывается, что когда чартизмъ находился уже въ агоніи, Гаммеджу выпало на долю играть чуть ли не первую роль среди ничтожныхъ остатковъ когда-то великой чартистской арміи, и онъ вспомнилъ тогда всѣ обиды, которыя причиняли ему О'Конноръ, Джонсъ и другіе въ дни ихъ могущества. Интереснѣйшіе моменты въ исторіи чартизма, связь его съ экономической эволюціей Англіи, соціальный составъ чартистской арміи, взаимоотношенія интеллигенціи и массы, осложненіе чартизма соціально-утопическими мотивами и въ частности земельной утопіей, отношеніе чартизма къ борьбѣ за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ, наконецъ, причины неудачи борьбы за хартію и гибель чартизма—всѣ эти основные и захватывающіе по интересу темы вопросы или вовсе не затронуты авторомъ, или совершенно имъ не разработаны. Для такой разработки у него, очевидно, не было ни необходимыхъ знаній, ни достаточной умственной силы.

Какъ „исторія", книга Гаммеджа совершенно не удовлетворяетъ цѣли, и, очевидно, издатели выпускали ее въ свѣтъ не ради ея историческихъ достоинствъ. Въ наше революціонное время русское общество жадно набрасывается на всѣ революціонныя и народныя движенія въ жизни другихъ странъ, желая такимъ путемъ уяснить себѣ событія, разыгрывающіяся на родинѣ и предусмотрѣть возможный ихъ исходъ. Этимъ объясняется то страстное вниманіе, съ которымъ наша читающая публика хватается за каждую книгу по исторіи французской революціи. Вѣроятно, исходя изъ такихъ соображеній, книгоиздательство „Дѣло" выпустило и „Исторію чартизма" Гаммеджа.

Съ этой точки зрѣнія появленіе этой книги можно оправдать и, пожалуй, даже привѣтствовать. Разныя наши интеллигентскія группы найдутъ въ этой книгѣ немало для себя поучительнаго. Прежде всего ихъ поразитъ глубоко-національный характеръ движенія. Начиная агитацію *въ странѣ* за введеніе всеобщаго избирательнаго права, вожди чартистовъ прежде всего выработали огромный, съ мелочными подробностями проектъ закона. А у насъ соціалъ-демократическая партія *даже въ Думѣ* сдѣлала заявленіе, что „составленіе подробныхъ законопроектовъ съ примѣчаніями, оговорками и объяснительными записками мы считаемъ излишней тратой времени, мы признаемъ лишь полезность обработки основныхъ началъ законовъ" и т. д. Типы англичанина, сознающаго, что безъ знанія подробностей и нѣтъ дѣла, и русскаго интеллигента съ его презрѣніемъ къ подробностямъ и любовью къ „основнымъ началамъ", выступаютъ тутъ очень рельефно.

Характерно для англичанъ и такое, едва ли мыслимое у насъ постановленіе революціоннаго митинга: „правительство и мѣстныя власти совершили государственную измѣну противъ *королевы* и конституціи, пытаясь разсѣять бирмингамскій народъ... если правительство будетъ продолжать мѣшать конституціоннымъ собраніямъ народа посредствомъ физическаго насилія, мы, жители Нью-Кастля, *уповая на Бога* и опираясь на наши права и на конституцію, рѣшили отвѣтить на беззаконное насиліе законнымъ сопротивленіемъ" (стр. 161). На чартистскихъ м- [illegible]

гахъ ораторы (въ томъ числѣ и священники) прямо призывали къ убійствамъ, поджогамъ и грабежамъ. Когда отъ министра Джона Росселя потребовали, чтобы онъ положилъ конецъ митингамъ, онъ отвѣтилъ такими, чудовищными для русскихъ министровъ словами: „Правительство должно опасаться не свободнаго обсужденія вопросовъ, не открытаго выраженія общественнаго мнѣнія, правительство должно бояться, когда народъ принужденъ соединяться въ тайныя сообщества. Вотъ гдѣ таится опасность; вотъ чего надо бояться, а не свободнаго обмѣна мнѣній" (стр. 110).

Помимо этихъ различій въ чартистскомъ движеніи можно найти много чертъ, поразительно аналогичныхъ съ тѣмъ, что мы видѣли во время русской революціи. Такъ, всеобщая политическая забастовка несомнѣнно выдвинута была впервые чартистами, почти семьдесятъ лѣтъ тому назадъ (Атвудъ провозгласилъ ее въ своей рѣчи въ Глазго, 28 мая 1838 г.) и была извѣстна у нихъ подъ именемъ священнаго мѣсяца, „торжественной и священной стачки во всѣхъ областяхъ труда". Надо сознаться, что тогда многіе чартисты смотрѣли на стачку болѣе здраво, чѣмъ иные изъ нынѣшнихъ синдикалистовъ, и говорили: „забастовка должна или имѣть успѣхъ, или закончиться примѣненіемъ физическаго насилія, иначе она можетъ привести къ самому плачевному результату и отодвинуть на неопредѣленное время поставленныя ею задачи". Попытка чартистовъ въ 1842 г. устроить всеобщую забастовку очень напоминаетъ наши неудачныя вторую и третью забастовки, а съѣздъ рабочихъ делегатовъ въ Манчестерѣ (см. стр. 253 и сл.) несомнѣнно былъ прообразомъ нашихъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, хотя, вѣроятно, и не извѣстнымъ нашимъ руководителямъ. Наконецъ, наши большевики и меньшевики не безъ пользы для себя прочтутъ въ книгѣ Гаммеджа обильный, хотя и безтолково-изложенный матеріалъ о распряхъ различныхъ чартистскихъ фракцій и ихъ вождей. Все, какъ у насъ... Нѣтъ, очевидно, ничего новаго подъ луною. Нельзя не привести небольшой, но сочной цитаты изъ приложеннаго къ книгѣ Гаммеджа письма одного очень виднаго чартистскаго демагога, Томаса Купера. „Если я обладалъ,—пишетъ онъ,— „властью короля" въ Лейстерѣ, то только потому... что я былъ скорѣе орудіемъ въ рукахъ народа, чѣмъ его руководителемъ даже во время бурныхъ преній. И во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ народный вождь сохраняетъ за собой главенство только при этомъ условіи" (стр. 467).

Русскій переводъ читается очень легко. Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго.

А. С. Изюевъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

***И. И. Янжулъ.* Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва.—*И. И. Поповъ.* Дума народныхъ надеждъ.**

И. И. Янжулъ. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Янжулъ подчеркиваетъ, что она не имѣетъ партійнаго характера. Это не совсѣмъ точно. Партійныя симпатіи автора выступаютъ вполнѣ опредѣленно. Онъ относится съ рѣшительнымъ осужденіемъ къ притязаніямъ крайнихъ лѣвыхъ партій и иронически-шутливо къ своимъ пріятелямъ „изъ кадетовъ" за ихъ готовность „все зло и всѣ ошибки и заблужденія нашего фабрично-заводскаго законодательства сва-

лить цѣликомъ на нашу старую государственную форму управленія страной". Какъ эта фраза, такъ и цѣлый рядъ другихъ замѣчаній не оставляютъ въ читателѣ, даже незнакомомъ съ общественно-политической физіономіей автора, никакого сомнѣнія, что его политическія симпатіи на сторонѣ правыхъ или одной изъ правыхъ партій (если не ошибаемся, И. И. Янжулъ—одинъ изъ иниціаторовъ образованія партіи правового порядка). Именно поэтому его книга пріобрѣтаетъ особую цѣнность: его нельзя заподозрить въ сгущеніи красокъ при изображеніи темныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, въ преувеличеніи ихъ недостатковъ. И тѣмъ не менѣе, вотъ что пишетъ почтенный академикъ о политикѣ министерства финансовъ: „Вмѣсто того чтобы идти навстрѣчу справедливымъ желаніямъ рабочихъ получить нѣкоторый голосъ и свободу въ своихъ отношеніяхъ къ хозяевамъ и вообще дать имъ мирнымъ путемъ нѣкоторыя человѣческія права (соглашенія, коалиціи и пр.), политика нашего министерства финансовъ всегда рѣшительно становились на сторону интересовъ хозяевъ, чѣмъ насаждали въ рабочихъ глухое недовольство и приводили къ безпорядкамъ, а въ концѣ-концовъ привели и къ революціи. Между этимъ министерствомъ, которому у насъ были подвѣдомствены до послѣдняго времени одинаково промышленность, торговля и финансы, и промышленниками, въ широкомъ смыслѣ, купечествомъ, всегда существовало какъ бы молчаливое соглашеніе: „мы вамъ даемъ деньги, а вы насъ за то не очень тѣсните относительно рабочихъ".

Вся книга—это безыскусственный разсказъ о томъ, какимъ образомъ авторъ пришелъ къ заключенію, что ничего полезнаго въ качествѣ фабричнаго инспектора онъ сдѣлать не можетъ (стр. 18). Въ этомъ его убѣдило „практическое ознакомленіе съ нашей государственной машиной и всѣми дефектами чиновничьяго распорядка и управленія". Страннымъ поэтому кажется пессимистическое заключеніе И. И. Янжула, что большую часть вины за неустройство нашей общественной жизни слѣдуетъ возложить не на „старый режимъ", а „на свойства, нравы и качества людей, населяющихъ нашу обширную страну".

Книга содержитъ въ себѣ массу любопытнаго матеріала для исторіи института фабричныхъ инспекторовъ за пятилѣтній періодъ со времени учрежденія должности фабричныхъ инспекторовъ (сначала подъ именемъ инспекторовъ по надзору за занятіями малолѣтнихъ рабочихъ) до 1887 г., когда въ министерствѣ финансовъ вполнѣ опредѣлилась тенденція превращенія фабричныхъ инспекторовъ въ „становыхъ приставовъ" (по замыслу Вышнеградскаго, стр. 201).

Какъ на недостатокъ книги, можно указать на загроможденіе ея такими подробностями, которыя, какъ воспоминанія, можетъ быть, очень цѣнны для автора и его близкихъ, но не представляютъ никакого общественнаго интереса. Въ самомъ дѣлѣ, интересно ли широкой читающей публикѣ узнать, что авторъ, получивъ предложеніе занять должность фабричнаго инспектора, „посовѣтовавшись съ женой, рѣшилъ, несмотря на усиленное содержаніе, не мѣнять квартиры, довольно тѣсной", или, что жена автора, заваленная канцелярской работой, жаловалась въ письмѣ къ своимъ родителямъ: „всякое хозяйство заброшено, кухарка дѣлаетъ, что хочетъ"? Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что эти подробности, нѣсколько затрудняя для читателя отысканіе въ книгѣ того, что наиболѣе существенно и важно, въ то же время придаютъ живость изложенію.

Н. Полянскій.

И. И. Поповъ. Дума народныхъ надеждъ. Изд. Саблина. М., 1907 г. Ц. 85 к. Дѣятельность первой Думы вызвала ожесточенныя нападки на нее справа и слѣва. Выяснить всю глубокую несправедливость этихъ нападокъ путемъ послѣдовательнаго изложенія дѣятельности этой Думы, обрисовать тѣ условія, въ которыхъ протекала эта дѣятельность, и тѣ надежды, которыя были съ нею связаны—такова основная цѣль автора книги. „Дума поставила своей задачей предотвратить великую смуту, разлившуюся по лицу земли русской. Она видѣла въ этой смутѣ великое несчастье для родины и страстно желала путемъ изданія законовъ, требованіемъ отвѣтственнаго министерства, разрѣшеніемъ земельнаго вопроса внести успокоеніе въ страну и водворить въ ней порядокъ и свободу".

Авторъ умѣло справился съ своей задачей, и по прочтеніи книги читатель испытываетъ то чувство, которое прекрасно выражено въ словахъ Родичева въ первой Думѣ, служащихъ эпиграфомъ разбираемой нами книги: „Дума и теперешній составъ ея оставитъ въ русскомъ строѣ законодательный памятникъ, на который внуки и правнуки будутъ ссылаться какъ на завѣтъ свободы, какъ на священный ковчегъ ея".

Ѳ. А.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Анри Пуанкаре. Цѣнность науки. Перев. съ франц. подъ редакц. А. Бачинскаго и Н. Соловьева.

Анри Пуанкаре. Цѣнность науки. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей А. Бачинскаго и Н. Соловьева. К-во „Творческая Мысль". Москва, 1906 г. Анри Пуанкаре занимаетъ особенное мѣсто среди современныхъ ученыхъ-математиковъ; на-ряду съ математическимъ геніемъ онъ совмѣщаетъ въ себѣ глубочайшаго философа, тонкаго изслѣдователя и выдающагося писателя. Его творенія написаны особымъ, образнымъ языкомъ, удивительно красивымъ и въ то же время вполнѣ научнымъ; смѣлыя сравненія, аналогіи, блестящія мысли пестрѣютъ то тамъ, то сямъ на страницахъ его книги. Два года тому назадъ появился переводъ его книги „Наука и гипотеза"; мы дали въ свое время отзывъ объ этомъ трудѣ французскаго математика. Въ настоящую минуту предъ нами лежитъ переводъ новой книги Пуанкаре „Цѣнность науки". Мы постараемся въ краткихъ чертахъ познакомиться съ этимъ новымъ трудомъ великаго математика-философа.

Наука, какъ таковая, является цѣпью истинъ, расположенныхъ въ логическомъ порядкѣ; значитъ, прежде всего слѣдуетъ опредѣлить значеніе истины, узнать, что̀ она представляетъ для человѣчества? Мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ первыми словами—„Цѣнности науки": „Изысканіе истины должно быть цѣлью нашей дѣятельности; это единственная цѣль, которая достойна ея" (стр. 3). Всѣ наши усовершенствованія, весь нашъ прогрессъ—это лишь необходимыя условія для того, чтобы человѣкъ могъ отдать свою жизнь „на изслѣдованіе и созерцаніе истины". Пусть читатель не думаетъ, что подъ словомъ „истина" подразумѣвается лишь научная истина; авторъ не желаетъ раздѣлять понятіе объ истинѣ, моральная и научная—обѣ онѣ идутъ рука объ руку, возвышая и облагораживая человѣка. Отсюда уже будетъ простымъ выводомъ утвержденіе, что наука является необходимой для человѣка: „Человѣкъ не можетъ быть счастливъ наукой, но теперь онъ

еще менѣе можетъ быть счастливъ безъ нея" (стр. 6). Наука намъ даетъ представленіе о мірѣ, какъ величайшей гармоніи; „наилучшее выраженіе этой гармоніи—это законъ". Законъ является величайшей цѣнностью, замѣчательнымъ пріобрѣтеніемъ, всецѣло обязаннымъ своимъ существованіемъ человѣческому уму. Полученіемъ этого пріобрѣтенія—закона, мы обязаны великой наукѣ астрономіи, дающей намъ возможность убѣдиться въ полной гармоніи окружающей насъ вселенной.

Приступая къ изложенію самой книги, авторъ прежде всего указываетъ на математическія науки, разбираетъ значеніе методовъ ея, главнѣйшихъ понятій; вторую часть книги занимаетъ физика, третью—астрономія и, наконецъ, послѣднюю—объективная цѣнность науки.

Насъ заинтересовала именно вторая часть, посвященная физикѣ, такъ какъ Пуанкаре является представителемъ физики, и главнымъ образомъ, очень важной части ея—математической физики. На страницахъ этой части находятся мысли Пуанкаре о значеніи математики вообще и анализа въ частности, въ примѣненіи къ физикѣ. Авторъ думаетъ, что вообще говоря „математика преслѣдуетъ троякую цѣль". Она даетъ орудіе для изученія природы, преслѣдуетъ цѣли философскія и, наконецъ, эстетическія. Первыя два положенія не внушаютъ никакого сомнѣнія; для доказательства же третьяго положенія французскій математикъ указываетъ на то наслажденіе, которое получаютъ люди, посвященные въ тайны математики. Дѣйствительно, открытіе новаго соотношенія, созерцаніе гармоніи окружающей насъ вселенной—все это можетъ дать не меньшее удовлетвореніе адептамъ математики, чѣмъ людямъ, изучающимъ искусство. „Правда, только немногіе избранные призваны къ тому, чтобы вполнѣ вкусить эти наслажденія. Но развѣ это не имѣетъ мѣсто именно въ случаѣ наиболѣе благородныхъ искусствъ?" (стр. 93).

Мы говорили выше, что величайшимъ пріобрѣтеніемъ человѣческаго ума является Законъ; но полученіе закона невозможно безъ опыта. „Всѣ законы выводятся изъ опыта" (стр. 100). Законы эти настолько бываютъ сложны, что обычный языкъ не въ состояніи ихъ выразить; тогда приходитъ на помощь спеціальный языкъ—языкъ формулъ, языкъ математики.

Итакъ, вотъ первое основаніе, почему физика и математика должны быть неразрывно связаны другъ съ другомъ. Но кромѣ законовъ чрезвычайно важны обобщенія; здѣсь опять мы встрѣчаемся съ математикой, въ особенности когда дѣло касается аналогіи. Главнымъ связующимъ звеномъ между математикой и физикой является математическая физика. „Цѣль математической физики заключается не только въ томъ, чтобы облегчить физику вычисленіе нѣкоторыхъ постоянныхъ или интеграцію нѣкоторыхъ диференціальныхъ уравненій. Ея главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы знакомить физика съ скрытой гармоніей вещей, показывая ему ихъ подъ новымъ угломъ зрѣнія" (стр. 105). Въ свою очередь и математика, въ частности анализъ, многимъ обязанъ физикѣ. Физика не только сама побуждала математиковъ къ открытію новыхъ проблемъ, но, даже сама ставила такія, „о которыхъ мы безъ нея никогда и не подумали бы". Мало того, она даже даетъ средства къ рѣшенію таких проблемъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что анализъ и математическая физика тѣсно идутъ рука объ руку въ общемъ развитіи естественныхъ наукъ.

Но, кромѣ физики, одной изъ важнѣйшихъ наукъ является астрономія. Она возвышаетъ насъ, она величественна, она полезна; при помощи этой науки мы приходимъ къ познанію человѣческой мощи. Астрономія

учила насъ тому важному положенію, что законы природы непреложны, „что идти противъ нихъ невозможно". Пуанкаре даже думаетъ, что именно астрономія дастъ намъ ключи къ двери полнаго познанія силъ природы; „возможно даже, что нѣкогда небесныя тѣла откроютъ намъ что-нибудь о происхожденіи жизни" (стр. 119).

На послѣдующихъ страницахъ мы находимъ исторію развитія математической физики. Послѣдняя часть, объ объективной цѣнности науки, нѣсколько спеціальна, такъ какъ вся она посвящена разбору положеній, высказанныхъ Ле-Руа.

Таково, въ краткихъ чертахъ, содержаніе это новаго замѣчательнаго труда великаго математика. Если „Наука и Гипотеза" въ свое время была настолько оцѣнена русской публикой, то что же сказать о „Цѣнности науки", служащей какъ бы продолженіемъ первой книги и безконечно важной по затрагиваемымъ въ ней вопросамъ. Мы думаемъ, что этотъ новый трудъ Пункаре вызоветъ не меньшее къ себѣ вниманіе, что книга эта получитъ самое широкое распространеніе въ кругахъ русской читающей публики.

Изданіе выполнено хорошо, намъ хотѣлось бы только указать на нѣкоторыя шероховатости въ переводѣ, наприм.: употребленіе слова „рачительный" (стр. 102) и т. п., можетъ быть это выраженіе и близкое къ подлиннику, но нѣсколько неудобное для литературнаго чтенія.

А. Дятникъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 января по 1 февраля 1907 г.

Абозинъ, И. И. Доходное птицеводство въ мелкихъ хозяйствахъ. Съ 34 рис. Изд. 2-е, дополн. Девріена. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Алексѣевъ, В. П. Первый русскій парламентъ. Библ. „Свободная Россія“. М., 1906 г. Ц. 15 к.

Анцыферовъ, А. Н. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. Воронежъ, 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бельше, В. Происхожденіе человѣка. Пер. съ нѣм. подъ редакціей С. Г. Займовскаго. Изд. т-ва „Міръ“. М., 1907 г. Ц. 50 к.

Беккеръ, К. Самоучитель нѣмецкаго языка. Нѣмецко-русскіе разговоры. Перновъ, 1906 г. Ц. 50 к.

Берлинъ, П. А. Первый нѣмецкій парламентъ. Изд. Поповой. Ц. 10 к.

— Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ его. Изд. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 10 к.

Бухъ-Полтевъ, Николай. Закономѣрность развитія и будущность человѣчества. Изд. Бухъ. Харьковъ, 1907 г. Ц. 30 к.

В. Д. К. Арабески изъ кавказскихъ событій. Спб., 1906 г.

Видання товариства „Просвіта“. № *1*. Про українських козаків, татар та турків. Зложив М. Драгоманов. З додатком про життя Драгоманова. У Київі, 1906 г. Ціна 8 коп. № *2*. Земельна справа в Новій Зеландії. Переказала М. З. Ціна 2 к. № *3*. Левицький, М. Як ратуватися при наглих випадках та калицтвах. Ціна 3 к. № *4*. Календарь „Просвіти“ на рік 1907. Ціна 15 к.

Вилькина, Л. (Минская). Мой садъ. Съ пред. В. В. Розанова. К-во „Грифъ“. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Випперъ, Р., проф. „Съ Востока свѣтъ“. Публ. лекція. М., 1907 г. Ц. 20 коп.

Гамсунъ, Кнутъ. Драма жизни. Перев. съ норвеж. С. А. Полякова. 2 изданіе „Скорпіонъ“. М., 1906 года. Ц. 50 коп.

Гедъ, Жюль. Государственныя предпріятія и соціализмъ. Перев. съ франц. подъ ред. Гольденберга. Изд. „Знаніе“. Спб., 1907 г. Ц. 5 к.

Гончаренко, Юрій. Вечерніе огни. Стихи. Книга первая. 1907 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Горькій, М. Пьесы. Томъ седьмой. Изд. „Знаніе“. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Горяиновъ, С. Босфоръ и Дарданеллы. Съ 10 портр. Спб., 1907 года. Ц. 2 руб.

Ежегодникъ русскаго горнаго общества. V. 1905. М., 1906 г. Ц. 2 р.

Жураковскій, Евгеній. Трагикомедія современной жизни. Приложеніе *Элленъ-Кей*: Картины мысли. М., 1906 г. Ц. 1 р.

Заболѣваемость населенія Воронежской губ. 1898—1902 гг. Т. I. Часть I. Общій очеркъ заболѣваемости. Состав. А. И. Шингаревымъ. Т. II. Матеріалы по заболѣваемости за 1900—1901 1902 гг. по карточной регистраціи врачебныхъ амбулаторій. Изд. Воронежскаго губернскаго земства. 1906 г.

Законы и инструкціи по рыболовству, дополняющіе уставъ сельскаго хозяйства. Изд. Департамента земледѣлія. Спб., 1906 г. Ц. 40 к.

Записки Василія Петровича Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 года. Съ пред. и прим. Б. Л. Модзалевскаго. Съ портретами и рис. Спб., 190[illegible] г.

Звягинцевъ, Е. А. О земствѣ и какъ его нужно устроить для пользы всего народа. Библ. „Свободная Россія". М., 1906 г. Ц. 10 к.
Знаменскій, П. В., проф. Православіе и современная жизнь. Полемика 60 годовъ объ отношеніи православія къ современной жизни. (А. М. Бухаревъ). Изд. „Свободная совѣсть". М., 1906 г. Ц. 30 к.
Кальверъ, Р. Соціализмъ и массовая забастовка. Изд. и пер. Б. Ревзина и І. Постмана въ Берлинѣ. 1907 года. Ц. 15 к.
Кампанелла, Томасъ. Государство солнца. (Civitas solis). Перев. съ латинскаго, съ біограф. очеркомъ, примѣч. и дополн. А. Г. Генкеля. Съ портретомъ Кампанеллы. Изд. Пирожкова. Спб., 1907 г. Ц. 60 к.
Каутскій, К. и Шенланкъ, Б. Основные принципы и требованія соціалъ-демократіи. Комментаріи къ эрфуртской программѣ. Перев. съ 4 изд. Р. Лемберкъ подъ ред. П. Орловскаго. Изд. „Знаніе". Спб., 1907 г. Ц. 15 к.
Клейнъ, І. Практическое молочное хозяйство. Краткое наставленіе для хозяевъ и хозяекъ. Пер. съ нѣмец. С. П. Фридолина. Съ 48 рис. Изд. Девріена. Спб., 1907 г. Ц. 45 к.
Кондратьевъ, Александръ. Сатиресса. Миѳологическій романъ. Изд. „Грифъ". М., 1907 г. Ц. 1 р.
Крюковъ, Ѳ. Казацкіе мотивы. Очерки и разсказы. Изд. журнала „Русское Богатство". Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
Ламартинъ, А. Исторія жирондистовъ. Въ четырехъ томахъ. Пер. съ франц. Съ 38 портр. Изд. Тихонова. Спб., т. I — 1902 г., т. II — 1903 г., т. III — 1904 г., т. IV — 1906 г. Цѣна за 4 тома 6 руб.
Лемке, Мих. Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. Съ портретами и иллюстр. Изд. Поповой. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.
Люксенбургъ, Р. Всеобщая забастовка и нѣмецкая соціалъ-демократія. Съ предисл. автора къ русскому изданію. Пер. В. С. Майера. Изд. Горской. Ц. 40 к.
Лѣсникъ, Н. Казнили! Эскизъ. М., 1906 г. Ц. 25 к.
Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XIV. Купля-продажа земель въ Европ. Россіи въ 1899 г. Изд. департамента окладныхъ сборовъ. Спб., 1907 г.
Марксъ, Карлъ. Теоріи прибавочной цѣнности. I. Отъ возникновенія теоріи прибавочной цѣнности до Адама Смита. Перев. подъ ред. В. Я. Желѣзнова съ предисл. Р. Люксенбургъ. Изд. Горской. Кіевъ, 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.
Менгеръ, Антонъ. Народная политика. Пер. В. Ходоровой и Б. Эмануила. Изд. книжн. склада „Право". Спб., 1907 г. Ц. 25 к.
Мерингъ, Ф. Легенда о Лессингѣ. Съ прилож. статьи объ историческомъ матеріализмѣ. Пер. съ нѣмец. I. Т. подъ ред. А. Луначарскаго. Изд. „Знаніе". Спб., 1907 г. Ц. 80 к.
Мечъ, В. Силы реакціи. Изд. „Движеніе". М., 1907 г. Ц. 45 к.
Мокъ, Гастонъ. Армія въ демократическомъ государствѣ. Изд. Горской. Кіевъ, 1906 г. Ц. 70 к.
Моррисонъ-Давидсонъ, В. Предшественники Генри Джорджа. Перев. А. Александровой. Изд. „Посредникъ". М., 1907 г. Ц. 15 к.
Научно-промысловыя изслѣдованія въ сѣверной части Кавказскаго побережья Чернаго моря и въ Керченскомъ проливѣ 1902 г. Вып. I. Изд. департамента земледѣлія. Спб., 1906 г.
Никольскій, П. А. Единство экономическихъ знаній. Казань, 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.
Пиленко, Ал. Государственная Дума. Указатель къ стенографическимъ отчетамъ (поименный и предметный) 1906 годъ. Сессія первая. Изд. книжн. склада „Право". Спб., 1907 г. Ц. 40 к.
Пясецкій, Л. Я. Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Дѣйствія надъ цѣлыми одночленами и многочленами. Изд. бр. Вашмаковыхъ. Спб., 1907 г. Ц. 25 к.
Родіоновъ, Л. Правовое государство. Просмотрѣно прив.-доц. С. Ф. Фортунатовымъ. Библ. „Свободная Россія". М., 1906 г. Ц. 35 к.
Самсоновъ, В. Методическое руководство для веденія школьныхъ сочиненій. Изд. Фену и К°. Спб., 1907 г. Ц. 60 к.
Сахаровъ, Ив. П. Ненормальное состояніе современной церковно-народной школы и попытка учащихъ раскрѣпоститься. М., 1906 г. Ц. 30 к.
— Невѣжество и голодъ. М., 1906 года. Ц. 5 к.
Сергѣевъ-Ценскій, С. I. Изд. „Міръ Божій". Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Т. II. Изд. „Знаніе". Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
Станюковичъ, Владиміръ. Викторъ Эльпидифоровичъ Борисовъ-Мусатовъ. Монографія. Спб., 1906 г.
Статистическій ежегодникъ 1906 г. Изд. Харьковской губернск. земской управы.
Талалай, А. А. Таблицы дѣйствительной доходности всѣхъ процентныхъ бумагъ. 100 таблицъ и 36 стат. текста. М., 1907 г. Ц. 5 р.
Тахтаревъ, К. Отъ представительства къ народовластію. Изд. „Библ. обществознанія". Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Н. Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой. Т. VI. Изд. „Русскаго Свободнаго Слова". Спб., 1906 г. Ц. 65 к.

— Краткое изложеніе Евангелія. Изд. „Обновленіе" и „Посредникъ". 1906 г. Ц. 15 к.

— Что же дѣлать? (Съ рукописи автора). 1907 г. Ц. 3 к.

— О просвѣщеніи—воспитаніи и объ образованіи — обученіи. Избранныя мысли. М., 1907 г. Ц. 35 к.

Титовъ, А. А. Крѣпостное право, его отмѣна и судьба крестьянства до нашихъ дней. Библ. „Свободная Россія". М., 1907 г. Ц. 15 к.

Трофимовъ, А. И. Теорія прибавочной стоимости К. Маркса съ технической точки зрѣнія. Изд. 2-е, автора. Спб., 1906 г.

Трубецкой, Е., кн. Свобода и безсмертіе. Къ годовщинѣ смерти кн. С. Н. Трубецкого. М., 1907 г. Ц. 5 к.

Де-Турже-Туржанская, Е. Наша бюрократія и пролетаріатъ. Смоленскъ, 1906 г. Ц. 10 к.

Уайльдъ, Оскаръ. Душа человѣка при соціализмѣ. Перев. съ англ. М. А. Головкиной. Изд. „Дилетантъ". М., 1907 г. Ц. 40 к.

Урусовъ, Александръ Иван., князь. Статьи его. Письма его. Воспоминанія о немъ. Томы I, II и III. М., 1907 г. Ц. 5 р.

Ферри, Энрико. Эволюція экономическая и эволюція соціальная. Перев. съ франц. Гольденберга. Изд. „Знаніе". Спб., 1906 г. Ц. 6 к.

Чернышевъ, В. Забытые труды Б. Ушинскаго. Спб., 1907 г. Ц. 20 к.

Чернышевскій, Н. Г. Полное собраніе сочиненій въ 10 том. съ 4 портретами. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Томы I, II, V, IX, X части 1 и 2. Спб., 1906 г.

Чикотти, Гекторъ. Психологія соціалистическаго движенія. Съ предисл. автора къ русскому изданію. Пер. Корчцова подъ ред. А. Ульяновой. Изд. „Знаніе". Спб., 1906 г. Ц. 30 к.

Чириковъ, Евгеній. Пьесы. Томъ седьмой. Изд. „Знаніе". Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Чупровъ, А. И., проф. Къ вопросу объ аграрной реформѣ. Библ. „Свободная Россія". М., 1906 г. Ц. 15 к.

Шагановъ, В. Н. Николай Гавриловичъ Чернышевскій на каторгѣ и въ ссылкѣ. Изд. Пекарскаго. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Шурцъ, Карлъ. Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера. Пер. съ нѣмец. А. Н. Анненской. Изд. журнала „Русское Богатство". Спб., 1907 года. Ц. 30 к.

Яковлевъ, Н. Учебникъ химіи. (Начальный курсъ.) Съ 35 рис. Второе пересмотрѣнное изд. Спб., 1907 года. Ц. 40 к.

Ященко, А. Соціализмъ и интернаціонализмъ. Изд. Скирмунта. М., 1907 г. Ц. 65 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ
БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.
I. Книги.

ЗОЛОТОЕ РУНО.

Журналъ художественный, литературный и критическій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ.

(II годъ изданія.)

„Золотое Руно“ въ 1907 г. будетъ выходить попрежнему ежемѣсячно, въ форматѣ большихъ художественныхъ изданій тетрадями (до 100 страницъ in 4°). Какъ въ художественномъ, такъ и въ литературномъ отдѣлѣ будетъ принимать участіе составъ сотрудниковъ предыдущаго года, усиленный новыми именами. Въ каждомъ номерѣ журнала будетъ помѣщенъ рядъ снимковъ съ картинъ и оригинальныхъ рисунковъ русскихъ художниковъ, воспроизведенныхъ усовершенствованными техническими пріемами, а также цвѣтныхъ приложеній, иллюстрацій, заставокъ, виньетокъ, художественныхъ надписей и пр. Литературный отдѣлъ будетъ вестись и развиваться въ направленіи, ясно выразившемся въ послѣднихъ номерахъ „Золотого Руна“ за истекшій годъ. Будетъ значительно расширенъ музыкальный отдѣлъ. Независимо отъ задачъ чистаго искусства, редакція намѣревается удѣлить особое вниманіе художественной индустріи и декоративному искусству. Галлерея портретовъ современныхъ русскихъ писателей и художниковъ, начатая въ 1906 г., будетъ продолжаться изданіемъ и въ слѣдующемъ въ видѣ приложенія къ журналу.

Въ „Золотомъ Рунѣ“ участвуютъ:

Художественный отдѣлъ. А. Анисфельдъ, Александръ Бенуа, Л. Бакстъ, И. Билибинъ, П. Бромирскій, М. Врубель, С. Виноградовъ, А. Гаушъ, А. Головинъ, А. Голубкина, Игорь Грабарь, В. Дриттенпрейсъ, М. Добужинскій, Модестъ Дурновъ, Павелъ Кузнецовъ, К. Коровинъ, Е. Кругликова, Н. Крымовъ, Е. Лансере, А. Линдеманъ, Ф. Малявинъ, В. Миліоти, Н. Некрасовъ, М. Нестеровъ, А. Остроумова-Лебедева, Н. Рерихъ, М. Сабашникова, Н. Сапуновъ, А. Срединъ, К. Сомовъ, С. Судейкинъ, С. Судьбининъ, В. Сѣровъ, кн. П. Трубецкой, Н. Өеофилактовъ, Вл. Фишеръ, С. Яремичъ и др.

Литературный отдѣлъ. Л. Андреевъ, К. Д. Бальмонтъ, А. Блокъ, В. Брюсовъ, А. Бѣлый, Ю. Балтрушайтисъ, И. Бунинъ, М. Волошинъ, Л. Вилькина, А. П. Воротниковъ, З. Н. Гиппіусъ, О. Дымовъ, Б. Зайцевъ, В. Ивановъ, А. Н. Корещенко, М. Криницкій, М. Кузьминъ, А. И. Купринъ, А. Курсинскій, М. Ө. Ликіардопуло, С. Маковскій, Н. Минскій, Д. С. Мережковскій, И. Новиковъ, С. Пшебышевскій, С. Рафаловичъ, В. Ребиковъ, А. Ремизовъ, В. В. Розановъ, А. Ростиславовъ, Б. Садовскій, И. Сацъ, С. Соловьевъ, Ө. Сологубъ, К. Сюннербергъ, А. Ф. Струве, А. И. Успенскій, К. Чуковскій, Г. Чулковъ, Д. В. Философовъ, А. Шервашидзе, Н. Шинскій, К. Эйгесъ, Н. Ярковъ и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ въ Россіи	15 р. — к.	За границу	55 фр.
Отдѣльные номера въ Россіи	2 „ 10 „	„ „	6 „

Требованія наложеннымъ платежомъ не удовлетворяются. Полугодовая подписка не принимается.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

1 января—5 руб., 1 марта—5 руб. и 1 мая—5 руб.

Объявленія принимаются съ платой на 1 стр.—100 р., 1/2 стр.—50 р., 1/4 стр.—25 р.

Подписка принимается:

Въ конторѣ редакціи—Москва, Новинскій бульваръ, д. Рогожина,—ежедневно, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней отъ 11—4 час. дня, въ Харьковѣ, Плетневскій, д. 2, и во всѣхъ крупнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ и коммиссіонныхъ агентствахъ Россіи.

Телефонъ № 122—39. № 68.

Редакторъ-Издатель **Николай Рябушинскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ САРАТОВѢ ГАЗЕТУ

Годъ изд. 2-й. **ВОЛГА** Годъ изд. 2-й.

на 1907 годъ.

Девизъ газеты:

Единство Россіи.—Царь и Дума.—Свобода, порядокъ и мирный трудъ.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для город. подписчиковъ и слоб. Покровской.

На годъ	5 р.	— к.	
„ 11 м.	4 „	75 „	
„ 10 „	4 „	50 „	
„ 9 „	4 „	25 „	
„ 8 „	4 „	— „	
„ 7 „	3 „	50 „	
„ 6 „	3 „	— „	
„ 5 „	2 „	50 „	
„ 4 „	2 „	— „	
„ 3 „	1 „	60 „	
„ 2 „	1 „	20 „	
„ 1 „	— „	60 „	

Для иногороднихъ.

На годъ	6 р.	— к.
„ 11 м.	5 „	75 „
„ 10 „	5 „	50 „
„ 9 „	5 „	— „
„ 8 „	4 „	50 „
„ 7 „	4 „	— „
„ 6 „	3 „	50 „
„ 5 „	3 „	— „
„ 4 „	2 „	50 „
„ 3 „	2 „	— „
„ 2 „	1 „	50 „
„ 1 „	— „	75 „

Для **годовыхъ** подписчиковъ какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ допускается **разсрочка** подписной платы; при подпискѣ 2 руб. и затѣмъ, начиная съ 1 марта по 1 р. ежемѣсячно; для чиновниковъ, выписывающихъ газету черезъ учрежденіе, въ которомъ служатъ—по 50 к. ежемѣсячно. Сельскимъ священникамъ, учителямъ и учительницамъ сельскихъ школъ и крестьянамъ газета высылается по таксѣ для городскихъ подписчиковъ.

Новые подписчики, подписавшіеся на весь 1907 годъ, получаютъ газету до конца 1906 года безплатно.

Съ 1 января 1907 года газета будетъ печататься въ собственной типографіи новымъ, спеціально для газеты выписаннымъ, шрифтомъ въ увеличенномъ размѣрѣ

Адресъ { конторы: Нѣмецкая, д. Красулина, б. Сорокина.
редакціи: Московская, д. Лобанова.

Телефонъ конторы 403. Телефонъ редакціи 791.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 г.

на большую ежедневную политическую, общественную, литературную и коммерческую газету юго-востока Россіи

ЮЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФЪ

съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями.

Годъ изданія 6-й.

Направленіе „Южнаго Телеграфа" прогрессивное.

Подписная цѣна съ 1 января 1907 года.

На годъ—7 р., на $1/2$ года—4 г., на 3 м.—2 р., на 1 м.—75 к.—съ перес. по почтѣ.

Объявленія принимаются по таксѣ: впереди текста—20 к. за строку петита или мѣсто, занимаемое ею, послѣ текста—10 к. Подписка и объявленія адресуются: въ Ростовъ-на-Дону, въ главную контору редакціи газеты „Южный Телеграфъ".

Объявленія изъ Москвы, Петербурга, Варшавы и за границы принимаются центральной конторой объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°., Москва, Мясницкая, д. Сытова, Петербургъ, Морская, 11, Варшава—Краковское подворье, 53.

Редакторъ-издатель **И. Я. Алексановъ.**

VIII-й г. Открыта подписка на 1907 г. VIII-й г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОРОДѢ ХАРБИНѢ ГАЗЕТУ

НОВЫЙ КРАЙ

газета будетъ выходить ежедневно,

ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ.

Новый Край", посвящая себя попрежнему служенію русскимъ интересамъ на Дальнемъ Востокѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ силъ и возможности, будетъ стремиться къ всестороннему освѣщенію всѣхъ вопросовъ внутренней жизни дорогого отечества, отводя на своихъ страницахъ широкое мѣсто статьямъ по нуждамъ крестьянства, фабричнаго и трудящагося класса, по народному образованію, по подъему общей культуры и народнаго экономическаго благосостоянія.

Постоянное участіе въ газетѣ примутъ:

Авбелевъ, Н. П., Артурецъ, Богомоловъ, Бѣловъ, В. В., Гессенъ, А. И., Гирсъ, Г. Д., Грищенко, В. П., Дмитріевъ, К. И., Ившенецкая, Т. Н., Козловъ, В. Д., Красноивановскій, М., Ларенко, П., Лаукнеръ, А. Э., Легкомысленный, Левитовъ, И. С., Де-Л. (Львовичъ), Макъ-Кулла, Ф. Я., Назаровъ, Г. Т., Ножинъ, Е. К., Оноре, Н. Л., Пеневскій, Ф. В., Розановъ, П. А., Россовъ, П. Я., Серединъ-Сабатинъ, А. И. (Россіянинъ), Силинъ, В. В., Синорусъ, Талыпинъ, Тыртовъ, М. А., Ханъ-Сенъ Куонъ, Ховенъ, Н. Н. бар., Шаховскій, И. К., Шишко, Я. У., Шкуркинъ, П. В., Шостакъ, П. Е., Штейнфельдъ, Н. К., Янчевецкій, Д. Г., Яшо, И. Я. (Король-Трефъ), Ѣ-Цзунъ-Ганъ и др.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и во всѣхъ значительныхъ населенныхъ пунктахъ Дальняго Востока, а также въ Китаѣ, Японіи и Кореѣ. Спеціальнымъ корреспондентомъ редакціи на Дальнемъ Востокѣ состоитъ А. И. Серединъ-Сабатинъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

	На годъ	полгода	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Городскіе	12 руб.	7 руб.	4 руб.	3 руб.	2 руб.
Иногородніе . . .	14 "	8 "	5 "	3 " 50 к.	2 " 50 к.
За границу . . .	20 "	11 "	6 " 50 к.	4 " 25 "	3 " 25 "

Въ розничной продажѣ цѣна отдѣльнаго номера 10 коп. Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новый Край" — Харбинъ-Пристань, уголъ Участковой и Сквозной. Плата за объявленія на первой страницѣ, передъ текстомъ — 25 к., а на послѣдней страницѣ, послѣ текста — 15 к. за строку петита.

Подписка для иногороднихъ подписчиковъ принимается, кромѣ того, въ С.-Петербургѣ въ агентурной конторѣ „Новаго Края", Невскій, 110, въ торг. домѣ Л. и Э. Метцль и К° (Москва, С.-Петербургъ, Варшава), въ книжномъ магазинѣ „Правовѣдѣніе" И. К. Голубева (Москва, Никольская, д. Славянскаго Базара) и въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина (Москва, Моховая ул., д. Бенкендорфъ). Въ Владивостокѣ, въ кн. маг. Курманаевскаго и Янковскаго; въ Хабаровскѣ въ кн. маг. Пьянкова.

Пріемъ объявленій отъ иногороднихъ публикаторовъ: въ агентурной конторѣ „Новаго Края" (Спб., Невскій, 110), въ конторахъ по пріему объявленій торг. дома Л. и Э. Метцль и К° (Спб., Москва, Варшава), контора Кое (Спб. и Москва) и въ книжномъ магазинѣ „Правовѣдѣніе" И. К. Голубева (Москва, Никольская ул., д. Славянскаго Базара).

Плата за объявленія для иногороднихъ публикаторовъ впереди текста — 40 коп. послѣ текста — 20 коп. за строку петита.

Редакторъ-издатель П. А. Артемьевъ.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. Москва, Пименовск. ул., соб. д.

Открыта подписка на 1907 г.

(двадцать восьмой годъ изданія)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

подъ общимъ редакторствомъ

А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве.

При ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ѳ. К. Арнольда, В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, А. С. Изгоева, Г. Б. Іоллоса, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать «Русскую Мысль» безъ перерыва благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Гостиный дворъ со стороны Невскаго, д. 19.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Редакторъ Ѳ. К. АРНОЛЬДЪ.

Издатель Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.